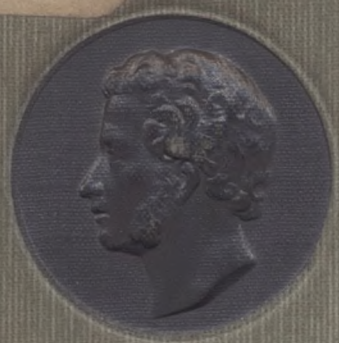

89.512-2p1
791

83.3(2=Рк)
П91

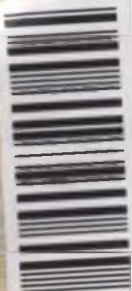
БИБЛИОТЕКА
великихъ
ПИСАТЕЛЕЙ

ПУШКИНЪ

Томъ V

Брокгаузъ-Ефронъ

0000163362

8342-Д/1 699164

П91

Струнник т.5

300-00

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

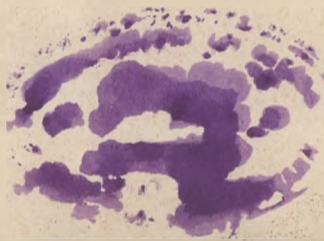
1192	18/5			
3054	29/7			
3091	11/11			

Гос. гиз. «Лен. Правда». Зак. № 6481. Тир. 1000000

X

8
18.

Принято
в дар

БИБЛИОТЕКА

провер. **ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

891

281

Т.

У.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Типография Акд. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

906. [НОВЫЯ ВЫХОДКИ ПРОТИВУ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ].

Новыя выходки противу такъ называемой Литературной нашей Аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ Писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Стверная Пчелл* помнитъ, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ Писателей Дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше <не въ примѣръ прочимъ> грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе Дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ Гг. Полеваго Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне <особливо не Рускіе> позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ Рускаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы Демократическихъ Писателей XVIII столѣтія <которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно> приуготовили крики: *Аристократовъ къ фонарю* и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ. Avis au lecteur.*

907. [ОТДАВАЯ ПОЛНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ].

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во-первыхъ, что значать вѣчные толки о *възлливости*? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой только грубостію, то бѣда была бы еще небольшая...

(Вы поминутно говорите о приличіи журнала), но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ея разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія (какъ и прочіе наши журналы). Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника,—вы не скажете ему: *mille pardon*. Вы зовете извозчика и говорите ему—пошолъ въ Коломну, а не—сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну. Разница—критиковать Исторію Государства Россійскаго и напр.

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ насъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc.

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло... Вы совѣтуете...

908. [НѢКОТОРЫЕ ПИСАТЕЛИ ВВЕЛИ ОБЫКНОВЕНІЕ].

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благо-

воспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разниа-де между споромъ и дракой, что наконецъ никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на *сходку*, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

909. [БУДУЧИ РУССКИМЪ ПИСАТЕЛЕМЪ].

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся и совершенно отъ права самозащиты.

Southey.

(Будучи Русскимъ писателемъ я всегда почиталъ долгомъ (читать) слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь что похвалы трогали меня какъ явные и вѣроятно (искренніе) знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы (болѣе строгіе) самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался (отстранивъ самолюбіе) войти въ образъ мыслей критика и слѣдовать за его сужденіями, не опровергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ Авторскимъ самоотверженіемъ; (къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали). Что касается до (браней и ругательствъ) критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, (могу) скажу только, что они очень сердили меня по крайнѣй мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно (труды) сочинител(ей) и оныхъ могутъ быть довольны удостоверяясь что труды ихъ не потеряны.

Если въ теченіе 16-лѣтней Авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику <не говорю ужъ о ругательствахъ>, то сіе (вѣрно) происходило, конечно, не изъ презрѣнія (къ онымъ).

(Критика мнѣ всегда) Состояніе критики само по себѣ показываетъ степень образованности (какъ) всей литературы вообще (Разборъ В. Евр.). Если приговоры (Сѣв. Пч.) журналовъ на[шихъ] достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику (потому только что она еще находится въ младенствѣ), значить презирать (юную литературу) ребенка за что онъ еще не мужъ, (не возмужала) значило бы презирать публику <чего Боже сохрани>, (но пока) Какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ (Державина), нѣсколько басенъ (Крылова), поэмъ, переводъ Иліады (Гнѣдича), нѣсколько цвѣтовъ (античной Батюшкова) элегической поэзіи, такъ и наша Критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ (мошныхъ) свѣтлыхъ мыслей (глубокихъ воззрѣній) и важнаго остроумія. Но они (даныи) являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще и вѣса и постоянного вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ (не изъ презрѣнія), не потому также, чтобъ недоставало (умѣнья охоты) во мнѣ веселости и падастства, (но признаюсь) не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее <къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности>; но признаюсь мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, и что всего затруднительнѣе — важно говорить:

Et moi je vous soutiens que les vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что такыя стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣньность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность,

чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики <на это никакъ не могу рѣшиться>, но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большей модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя <если Господь пошлетъ мнѣ читателя>, что глупѣе сего занятія отроду ничего не могъ я выдумать.

910. [БУДЕМЪ СПРАВЕДЛИВЫ.]

Будемъ справедливы: г-на Пол[еваго] нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастїи предъ знатыми; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

911. [О КИТАЙСКИХЪ АНЕКДОТАХЪ.]

О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократїи.—О примѣчанїи Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напримѣръ:

Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса Грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрилъ свою рукопись нѣкоторымъ Мандаринамъ. Другой грамотей <слѣдуютъ китайскія ругательства> или подслушалъ трагедію изъ прихожей <что, говорятъ, за нимъ важивалось>, или тихонько взялъ рукопись изъ шкапулки Мандарина <что въ старину также съ нимъ случалось> и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедїи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смиренный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. проч.

912. [У ОДНОГО ИЗЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.]

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ къ суду судьи
глухова.
Глухой кричалъ моя имъ сведена
корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ
отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный
дѣдъ!
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ
на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка вино-
вата!

913. [МОЖНО НЕ УДОСТОИВАТЬ ОТВѢТОМЪ СВОИХЪ КРИТИКОВЪ.]

Можно не удостоивать *отвѣтомъ своихъ критиковъ* (ибо таковыя критики имѣютъ вліяніе только) <какъ аристократически говоритъ самъ о себѣ изд[атель] Исторїи Рус[скаго] Н[арода]>, когда нападенія (критики) суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ (обруганной) разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личные и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. (Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія (нѣкоторыхъ) оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ не литературныхъ обвиненій.

§ 1. О личной сатиры.—Кит[айскій] анекд[отъ].—Самъ стѣбшъ.

§ 2. О нравственности, о гр. Н[улинѣ].—Что есть безнравственное сочиненіе? — О Видокѣ.

§ 3. Объ лит[ературной] Аристокр[атїи], о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣчанїи.—Заключеніе.

(§ ... О Г. Кирѣевскомъ хи-хи!

§ О дѣлѣ Евг[енія] Онѣг[ина].

§ О знаменитости.)

914. [ПЕРЕЧИТЫВАЯ САМАЯ БРАНЧИВЫЯ КРИТИКИ.]

Перечитывая (нѣкоторыя) самая бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсь отъ волшебнаго вліянія (печати) типографіи. Все еще *печатный листъ кажется святымъ*. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

915. [КЪ СТАТИ. НАЧАЛЪ Я ПИСАТЬСЯ 13 ЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.]

Къ стати. Началъ я писать съ 13-ти-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего (слабого) дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ не долженъ я (въ зрѣлыхъ лѣтахъ) отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ аль[манахѣ], изданномъ г-мъ Федоровымъ, между (набранными) найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идилия, писанная слогомъ (камердианера) переписчика стиховъ г-на П—на [Панаева]. Г-нъ Бестужевъ (благодарить) въ предисловіи какого-то своего альманаха, благодарить какого-то Ап. за доставленіе (ему всѣхъ) стихотвореній, объявляя, (ему) что не всѣ удостоились напечатанія.

Сей г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ Г. Б[естужева] вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные (мною) не для печати <напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами,*> или которые простительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно (неприлично) признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ [напримѣръ, *Посланіе къ Ю.*]

916. [ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.]

[Другая обработка предыдущей тѣмы.]

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что Б[естужевъ], пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б[естужева] нимало не казался мнѣ страннымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идилическую нехѣсть, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъясненіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему [г. Бестужеву] [13 піесъ], изъ коихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піесъ, доставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать за... чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ такомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.»

917. САМЪ СЪШЬ.

Самъ съшь. ¹⁾ Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчій нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ немъ сказано, что Тебѣ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хоромѣмъ обществѣ, — и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пере-

¹⁾ Происхожденіе сего слова: остроумный человекъ показываетъ шншъ и говоритъ язвительно: *съшь*, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: *самъ съшь*. [Замѣчаніе для *будущихъ*, или даже для *паркетныхъ* дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ].

сказано не много похоже, съ надписью: *самъ съшь*.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе *букашекъ*.—Самъ ты букашка, закричали бойкіе журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. *Самъ съшь*.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостію дворянъ-журналистовъ. Осмѣлились спросить: кто сіи феодальные Бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе Гербовъ и Грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братіею <особенно мѣщанамъ во дворянствѣ> уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное *самъ съшь*! Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскивали, кто были Аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, показавъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что *самъ съшь* вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надвѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

918. [ОТЧЕГО ИЗДАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗ. И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ НАЗЫВАЮТЪ АРИСТОКРАТАМИ?]

Отчего издателя Лит[ературной] Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>? пишутъ остроумно журналисты. Въ чемъ же состоитъ ихъ Аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне?—Нѣтъ; всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть—въ дворянской спѣси? Нѣтъ; въ Лит[ературной] Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной оди и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собраті-

евъ-мѣщанъ. Можетъ быть, въ притязаніяхъ на тонъ *высшаго общества*? Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ *хорошаго общества*, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе *бурлацкимъ*, другое—*мужицкимъ*, третье—*неприличнымъ для дамскихъ ушей* и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ <niaiserie, NB, не одно просторѣчіе>; не они провозгласили себя опекунами *высшаго общества*, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ Господъ; не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о *будуарныхъ читательницахъ*, о *паркетныхъ* <?> дамахъ. Отчего же они аристократы <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>?

919—920. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО ПРАДѢДЪ МОЙ.]

Въ одной Газетѣ <почти официальной> сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ <см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц[арскомъ] С[елѣ] гр. Ѳ. Г. Орлову> и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому.—Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе.—Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ позволять всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страниды нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему деньгишики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій.

921. ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ПОДЪ АРЗРУМА.

Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю ** [(Н. Б. Юсупову)]. Въ свѣтѣ оно тотчасъ же было замѣчено... и были мною недовольны: свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутьё. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лестъ итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у Мерсіо, заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы—

922. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО Я — МѢЩАНИНЪ ВО ДВОРЯНСТВѢ.]

Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ (нашихъ родовъ). Мы производимъ отъ прускаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго <мужа честна, говоритъ лѣтописецъ>, прѣбывающаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго <см. Русскія Лѣтописи> и Ист[орію] Гос[ударства] Рос[сійскаго]>. Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобринцевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ <(вѣроятно) изъ учтивости къ пок[ойному] Гр. Алексѣю Ивановичу>. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣщничества. Г. Г. Пушкинъ, готъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. (Я описалъ всю его жизнь). Другой Пушкинъ,

во время междоусобія, (будучи воеводою въ Нижнемъ) начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. 6 Пушкиныхъ подписались подъ избирательной грамотою о избраніи Романовыхъ а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣщничества <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, Стольникъ Оедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казнень вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковиничемъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала Гр[афа] Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ <странны судьба и союзъ сихъ именъ!> см. Рюльера и Кастера. Черезъ 2 года выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ, (хотя) онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. <Вообще> имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей Исторіи.

(Нынѣ огромное имѣніе Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднія ихъ родовыя имѣнія скоро исчезнуть; (но) имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона).

Если бытъ стариннымъ дворяниномъ значить подражать Англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію Лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ предкамъ, коихъ миновавшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу болѣею частію составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при Императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ

всякаго образованнаго народа. (Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи). Смотри около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и какъ имя дворянина, часть-отъ-часу болѣе униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и (празднымъ) досужимъ (журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря павшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ (Святослава) Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою (какого нибудь) двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отчества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, м[ожетъ] б[ыть], всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

923. [ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛИКИХЪ НАШИХЪ СОГРАЖДАНЪ].

Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ <онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія>, что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ (личности) чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тишенія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенной путь для личной сатиры, именно *обиньяки*. Первымъ примѣромъ обязаны мы ** [Воейкову], который въ своемъ журналѣ напе-

чаталъ уморительный Анекдотъ о двухъ Китайскихъ Журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшил публику и понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ (журналистъ) прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листахъ его является извѣстіе изъ-за границы <и большею частію изъ-за Китайской>, въ коемъ противникъ разписанъ (разбраненъ) самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, Китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изображательности и (воображенію) остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, (казалось мнѣ) было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатано, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ—все таки долженъ отозваться и вступить за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Чтѣ за Аристократическая гордость позволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? (Когда какой-то затѣйникъ) Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ Джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобриана, comme un homme de noble race outrage et ne se bate pas.

Однажды <официально> (безчестный историкъ) напечаталъ кто-то, что такой-то Фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Лит[ературной] Газ[етѣ]—человѣкъ подлый и безриващенный, а что такой-то журналистъ, человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому и пр. Фр[анцузскій] стихотворецъ отпѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris encore moi même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ лъстивы. — На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула (мое кокетство).

Иной говоритъ какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собою или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, подзаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой Биографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ Биографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія къ коимъ подають они поводъ—суть важный шагъ къ гласности прѣвій о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ (публичныхъ людей) общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условий высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей казалось-бы (стоитъ) всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать на то, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

924. [МЕЖДУ ПРОЧИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБВИНЕНИЯМИ].

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, поло-

жимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. — Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстія Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе—напечатать 20,000 экз[емпляровъ] книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народного нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами сказанному, басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и кушечъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

925. ШУТКИ НАШИХЪ КРИТИКОВЪ.

(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный Анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянуть, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!

Де[львигъ] пишетъ стихи.

Каково же было намъ Дельвигу и мнѣ въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Ев[ропы] найти слѣдующую шутку: Альманахъ Сѣв[ерные] Пч[елы] раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ Эпиграммы! Сего не довольно. Это *хи, хи!* показалось, видно, столь (замѣчательнымъ для нашихъ журналистовъ) затѣйливымъ что его перепечатали съ большой похвалою въ Сѣв[ерной] Пчелѣ:

(Проза и стихи) «Хи, хи! какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Евр[опы], etc.»

926. МОЛОДОЙ КИРЕЕВСКІЙ.

Молодой *Киреевскій*, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя Муза его покрывается иногда душегрѣйкою повѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Д[ельвига] отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Киреевскій отозвался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка (столь смѣшная будучи повторена въ сотый разъ) каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы а малое число любителей вѣрять наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніемъ здоровой (истинной) критики и безпристрастія.

927. [МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ ГРАММАТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА].

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ <и справедливо>; я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. ¹ Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г**.

У насъ многіе <между прочимъ и Г. Каченовскій котораго кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка> спрягаютъ: *рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ* — *рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ*, вмѣсто *рѣшу, рѣшишь* и проч. *рѣшу* спрягается какъ *гнѣшу*.

¹ Сбоку выписаны эти 5 ошибокъ: 1) останавлилъ я взоръ на отдаленныя громады; 2) на темѣ горъ <темени>; 3) воишь вм. выль; 4) былъ отказъ вм. ему отказали; 5) игумену вм. игумну.

Иностранныя собств[енныя] им[ена], кончающіяся на *е, и, о, у* не склоняются. Кончающ[іеся] на *а, э и ѣ* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга сочищенная *Гетемъ*, и проч.

Какъ надобно писать: *Турковъ* или *Турокъ*? То и другое правильно. *Турокъ* и *Турка* равно употребительны.

Многіе пишутъ: *юпка, сватѣба* вмѣсто *юбка, свадьба*. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не переимѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *двънадцать*. *Две* сокращено изъ *двое*, какъ *три* изъ *трое*.

Пишутъ *тылега, телѣга*. Не правильнѣе ли *телега* <отъ слова *телецъ*: телега, запряженная волами>?

Разговорный языкъ простаго народа <не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ> достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфieri изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ Базарѣ. Нехудо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирамъ. Онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московской выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. (Мы говорили) Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ (часто) измѣнены. Мы даже говоримъ: *женщины*, (ношлегъ) *нослегъ* (см. Богдановича).

<Шпіоны подобны буквѣ *ѣ*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они приыкли всюду соваться>.

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

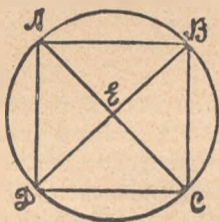
МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

928. [ЕЗУИТЪ ПОССЕВИНЪ].

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій II Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

929. [ФОРМА ЦИФРЪ АРАБСКИХЪ].

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECd [3], ABD + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

930. [ОТЕЛЛО ОТЪ ПРИРОДЫ НЕ РЕВНИВЪ].

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понималъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ.

Je ne suis point jaloux...

Si je l'étais jamais!...

931. [ЧЕЛОВѢКЪ ПО ПРИРОДѢ СВОЕЙ СКЛОНЕНЪ БОЛѢЕ КЪ ОСУЖДЕНІЮ].

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... <говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой>.

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, стран-

ности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для чловѣка мыслящаго.

932. [DIVIDE ET IMPERA].

Divide et impera — есть правило государственное, не только макиавелическое <принимаю это слово въ его общенародномъ значеніи>.

932-а. [КАКОЙ-ТО ЛОРДЪ].

Какой-то лордъ, извѣстный лѣндивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

933. [О ДАМАХЪ].

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы принаравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ быстротою понятія, тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими съ славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

934. [МНОГІЕ НЕГОДУЮТЪ НА ЖУРНАЛЬНУЮ КРИТИКУ].

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, не знаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной

образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогомъ добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

435. [ГЕТЕ ИМѢЛЪ БОЛЬШОЕ ВЛІЯНІЕ НА БАЙРОНА].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

936. [БУКВЫ СОСТАВЛЯЮЩІЯ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ. ENO ET IKAËL].

Буквы, составляющія Славянскую азбуку не представляютъ никакого смысла. *Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро* etc. суть отдѣльные слова, выбранныя для начального ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, *вѣроятно*, было слѣдующее: *Азъ Букъ* <или *Бугъ!*> *вѣдую*, т. е. я Бога *вѣдаю* <!*>*; глаголю добро есть; живеть на землѣ, кто и какъ люди мыслить; нашъ онъ покой рцу. Слово (*Δεῦρος*) твержу... <и прочая, говорить Грамотинъ>; *вѣроятно*, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Миѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки Французской. Вотъ она:

ENO et IKAËL.

Tragédie.

Personnages:

Le prince Eno.

La princesse Ikaël, amante du prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du prince Eno.

Ixe

Igrec

Zède

} gardes du prince Eno.

Scène unique.

Le prince *Eno*, la princesse *Ikaël*, l'abbé *Pécu*, Gardes.

E no.

Abbé! Cédez...

L'A b b é.

Eh! f...

E no [mettant la main sur sa hâche d'arme].
J'ai hâche!...

I ka ë l (se jetant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).

E no (se retournant vivement).

Pécu est reste? Ixe, Igrec, Zede! Prenez m-r l'Abbé et jetez-le par les fenaitres!

937. [МНОЖЕСТВО СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, НАСИЛЬСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОМЪ ВВЕДЕННЫХЪ].

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательный* отъ слова *touchant* <см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова>. *Хладнокровіе*—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid*—хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. «*Dans son assiette ordinaire*». *Assiette* значить—положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (*Gore отъ ума*).

938. [ПОСЛОВИЦЫ].

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т. е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ»—пословица латинская.

«Нужда научить калачи вѣсть», т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

«Не суйся середѣ прежде четверга». Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явные, законныя преимущества; *вѣроятно*, выдуманна во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». «Разительное изображеніе нищеты; см. Древнія стихотворенія».

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острелись.

939. О ПРИЛИЧИИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

По поводу Альфреда де Мюссе.

Между тѣмъ, какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ, какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и пагубныя Восточныя Стихотворенія *les Orientales*; между тѣмъ, какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлю объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станеть раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons de feu* общаесть Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти *Mardoche Musset*, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горация: *difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англіійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. *Communia* значить не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. <Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ>.

940. [О ДРАМѢ].

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки <вольность мистерій> Расинъ переносить ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

<Корнель, поэтъ Испанскій>.

Сумароковъ, Озеровъ <Катенинъ>.

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній Французскій театръ,—На насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали Романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная.—Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, Государственные мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. *Свобода*.

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что Прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть *поэза*. Почему же статуи разкрашенные (и слѣдственно ближайшія къ природѣ) нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Ап[оллонѣ] Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ Драм[атическаго] Искусства. Что, если докажутъ намъ что и самая сущность Др[аматическаго] искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыть и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но (можетъ ли сей обманъ существовать) въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ

части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира Рим[скіе] ликт[оры] сохраняютъ обычаи Лондонскихъ Альдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѣ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ Швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть, если не Испанскіе рыцари, то Гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосыгаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ...

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса рассмотримъ сначала, что такое драма и какаѣ ея дѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія—драма представляетъ ему необыкновенное, истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній—для него и казни—зрѣлище—трагедія преимущественно выводитъ передъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія <напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ>. Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ [драмы?] но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ, родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что она перѣдко близко подходитъ къ Трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества, перенеслось ко двору. Между тѣмъ, [драма] остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ,—(что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ Государственныхъ происшествій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; и народы, и Цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила уже маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія.—Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало-по-малу сдѣлалась благопристойна и важна). (Цѣль означить разницу между трагедіей народной, Шексп. и драмой придворной Расинова).

<Отселѣ важная разица.> Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей (superiorité) возвышенности и публика безпрекословно (это) чувствовала. При Дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя (не на своемъ мѣстѣ) ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался волю и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унижить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу <un héros, un roi de comédie>, и привычка влагать въ уста людей, высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, и придавать имъ странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, <напр.> Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux, je vous verrai, Madame. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностію: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется,

что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у (Шекспира этого незамѣтно). И если (иногда) герои выражаются въ его трагедіяхъ, какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди.

Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлю и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Слѣшу обозрѣть исторію драм[атическаго] искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистеріи (Дмитрія) Ростовскаго, трагедіи Царевны Софьи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ—и были необыкновеннымъ празднествомъ, а не постояннымъ увеселеніемъ. Первые трупы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимавшаго драм[атизма] и не привыкшаго къ его условіямъ. (Попытки Волкова не имѣли успѣха). Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя (безс)противомыслия, писанныя варварскимъ, изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе Парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. (Театръ оставался чуждымъ нашимъ обычаемъ). Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался (сдѣлать) дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ Римской, Греческой и Европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ Италіанскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донскаго, послѣ Пожарскаго <произведенія незрѣлаго таланта>, мы все не имѣли трагедій, Андромаха Катенина <можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ по духу истинно трагическому>, не разбудила, однако жъ, ото сна нашу сцену, опустѣвшую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный—лирическое произведеніе, произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе

драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ правамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была щастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Нехудо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ Аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную Сумароковскую Трагедію низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру Трагедій Расина, можетъ ли отвыкнуть отъ Аристократическихъ своихъ привычекъ, (свой разговоръ, размыренный, важный и напыщенно благопристойный)? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ поддобенствъ? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучіе, словомъ, гдѣ зрители, гдѣ публика

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый ограниченный кругъ—и оскорбитъ надменные его привычки <dédaigneux>; вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мѣлочную, привязчивую критику (журналовъ). Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды—для того, чтобы она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій...

Передъ нами, однако жъ, опытъ народной трагедіи:

[Разборъ драмы: Марѣ Посадница].

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго Автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по расчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Не говоримъ ужъ о журналахъ, коихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе не только на публику, но даже на тѣхъ читателей, которые, хотя ими и пренебре-

гаютъ, но опасаются печатныхъ (критиковъ), насмѣшекъ и ругательства. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполне предавшись независимому вдохновенію, уединяясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ Марѣя Пос[адница] имѣлъ дѣлю развите важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода рѣшившее вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица представлены ему были исторіею. Первое, Іоаннъ, уже начертанный Карамзинымъ былъ во всемъ его (грозномъ) и хладномъ величіи; второе, Новгородъ, коего черты надлежало угадать.

Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба — долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей Вольности, какъ глубоко обдуманнѣйшій ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. — Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣніи, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, — но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предрасудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло — воскресить минувшій вѣкъ во всей его полнотѣ силой истинн[ы]хъ. Исполнилъ ли сіи первоначальныя необходимыя условія Авт[оръ] М[арѣя] Пос[адница]? Отвѣчаемъ, исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человека, всегда несовершенная, — сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ, его вліяніе и его политика.

Шекспиръ, народъ, женщины.

Посадница <какъ понялъ ее Карамзинъ>.

К . . . . .

Дѣйствіе (Слогъ).

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю машину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ Новгородъ узнаетъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. — Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ — даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ; какъ Марѣя, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ Московскій станъ,

среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. — Здѣсь видимъ могущество его владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. — Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и изыясняютъ высокіе замыслы. Послы Новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный Государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена! какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго Города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ — онъ предписываетъ свои послѣднія условія. — Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Въ сценѣ между Іоанномъ и вымышленнымъ Борецкимъ <кажется намъ> невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унижить Новгородскаго предателя — отсѣлъ заносчивость его рѣчей — и не драматическая <т.е. неправдоподобная> снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій — правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже вольнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотою, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ Государственныя свои мысли! и замѣтимъ — откровенность вотъ лучшая лѣсть Властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна Россійскіе бояре,

Вожди, князья и пр.

Кажется намъ не въ духѣ властолюбиваго Іоанна. Ему не пужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изыяснять причины своихъ дѣйствій. — Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы. —

Мы разстанемся въ Іоанномъ, узнавъ его намѣренія, его мысли, его могучую волю — и ужъ видимъ его опять, когда молча вѣзжающій онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. — Его распоряженія, переданныя намъ Исторіей, сохранены въ Трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ

ПАВЕЛЪ ІВАНОВИЧЪ СВИНИНЪ.

[Маленькій лжецъ].

объясненій.—Марфа предрекаетъ ему семейственныя нещастія и погибель его рода—онъ отвѣчаетъ, что Господу...

Спокойно я исполнилъ подвигъ свой.

Только изображеніе Іоанна, изображеніе, согласное съ Исторіей, почти вездѣ

выдержанное. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. — Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныя преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противомыслия, безъ шарлатанства.

941. ДѢТСКІЯ КНИЖКИ.

Маленькій лжецъ.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ—онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать.—Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку.—Павлуша увѣрялъ что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія.—Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится човаренокъ—Астрономъ, форрей-

торъ—историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова.—Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

Исправленный забіяка.

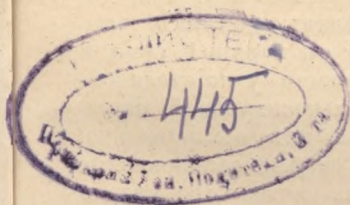
Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное

Н. А. ПОЛЕВОЙ,

НИКОЛАЙ ПОЛЕВОЙ.

[ВѢТРЕННЫЙ МАЛЬЧИКЪ].

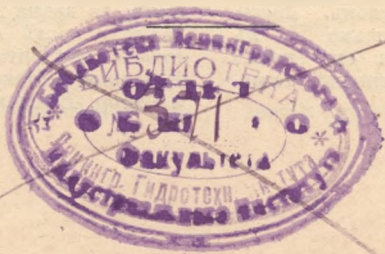
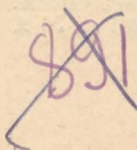

платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: Пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскаль, писака, безбожникъ, нигилистъ!—и кидалъ въ него грязью.—Однажды степенный человѣкъ имъ замаранный разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣждалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: Подблѣмъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не брезгалъ поучить тебя. Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

[ВѢТРЕННЫЙ МАЛЬЧИКЪ].

Алеша былъ очень неглупой мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда

бранили его за то, что онъ пренебрегалъ фр. и нѣмцк. яз., то онъ отвѣчалъ что онъ русской и что довольно для него если онъ будетъ понимать иностранные языки. Латинскій, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, и однимъ педантамъ простительно было имъ заниматься. Русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться ибо недоволенъ былъ изданною для нар. уч. и ожидалъ новой, философ. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша зналъ первыя 4 пр. ариѳметики, и читалъ довольно бѣгло по русски. Онъ прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись. Иногда учитель бранилъ его за Вокабулы. Алеша отвѣчалъ имъ имена Шеллинга, Фихте, Кузена, Геерена, Нибура, Шлегеля и пр.

ПУШКИНЪ И НАЩОКИНЪ.

I.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ Пушкина и пріятель Гоголя, заслуживаетъ вниманія не только по своей близости къ двумъ нашимъ великимъ писателямъ, но и по своеобразію и богатству его натуры, которыми и была обусловлена эта близость. Онъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что обоимъ названнымъ поэтамъ его личность послужила первообразомъ для поэтическихъ созданий.

Свѣдѣній о Нащокинѣ сохранилось немного: письма Пушкина къ нему, его письма къ Пушкину, большое письмо къ нему Гоголя, нѣсколько словъ, посвященныхъ ему П. И. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ», наконецъ, воспоминанія Куликова въ «Русской Старинѣ», да случайныя свѣдѣнія, разбѣяныя въ обширной пушкинской литературѣ,—вотъ и всѣ извѣстныя до сихъ поръ матеріалы для его характеристики ¹⁾ Біографія его такъ же проста, какъ была сложна и разнообразна его жизнь. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился годомъ позднѣе Пушкина, и первоначальное воспитаніе получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ; выступивъ до окончанія курса, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и прожилъ въ совершенной праздности лѣтъ 30, до смерти своей въ 1854 г.

Унаслѣдовавъ отъ матери изрядное бо-

гатство, онъ быстро спустилъ его въ кутежахъ, стяжавшихъ ему почетную извѣстность среди бонвивановъ обѣихъ столицъ, потомъ снова нѣсколько разъ попадали ему въ руки большія суммы въ видѣ неожиданныхъ наслѣдствъ или крупныхъ выигрышей, и все это опять проматывалось, проигрывалось и проѣдалось, такъ что подъ конецъ жизни отъ всѣхъ этихъ богатствъ не осталось и слѣда, и Нащокинъ умеръ почти въ нищетѣ. Изъ писемъ къ нему Пушкина извѣстно, что въ Москвѣ Нащокинъ обзавелся красавицей-цыганкой, Ольгой Андреевной, отъ которой у него былъ и сынъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она ему надѣла, да къ тому же онъ влюбился въ хорошенькую вѣру Александровну Нарскую; въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ изъ дому, оставивъ цыганкѣ весь свой домъ въ Москвѣ съ хорошей суммой денегъ, и въ подмосковной у пріятеля обвѣнчался съ вѣрой Александровной, послѣ чего нѣкоторое время изъ осторожности прожилъ въ Тулѣ. Вѣра Александровна много лѣтъ пережила мужа: она умерла только недавно (19 ноября 1900 г.), и еще въ 1898 году кѣмъ-то были напечатаны съ ея словъ довольно безсодержательныя воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ ¹⁾.

Воспоминанія Куликова, не лишенные живости, недурно характеризуютъ Нащокина въ его московскій періодъ, но, кажется, еще болѣе яркій портретъ его даютъ воспоминанія нѣкогого В. Т.—на, помѣщенные въ *Искрѣ* Курочкина за 1866 годъ, № 47, подъ заглавіемъ: «Московскіе оригиналы былыхъ временъ» (замѣтки старожила). Изъ трехъ очерковъ В. Т.—на одинъ посвященъ Нащокину, фамилія котораго не названа. Вотъ этотъ очеркъ, оставшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ большинству авторовъ, писавшихъ о Нащокинѣ.

¹⁾ См. также «Рус. Стар.» 1880 г., июль стр. 615—616, рассказъ Нащокина о его увлеченіи спиритизмомъ въ 1854 г.; ему, между прочимъ, нерѣдко являлся и духъ Пушкина и даже диктовалъ стихи.—Также «Рус. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 352—353—письмо Н. къ Полторацкому, гдѣ онъ рассказываетъ о томъ, какъ у себя въ домѣ свелъ Пушкина съ полковникомъ Спичинскимъ, который и рассказалъ поэту о кражѣ Бугариннымъ (въ Ревелѣ, по разжалованіи въ солдаты) шинели у его камердинера; этимъ рассказомъ воспользовался Пушкинъ въ программѣ «Настоящаго Выжигина». — Барсуковъ, *Жизнь М. П. Погодина*, т. 7. стр. 310, письмо Н. къ Погодину о вещахъ, доставшихся ему послѣ смерти Пушкина (здѣсь и о пушкинской ассигнаціи).

¹⁾ «Новое Время» 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129 (и здѣсь о пушкинскихъ вещахъ, присланныхъ Нащокину. Между прочимъ, она рассказываетъ, что серебряные часы, бывшіе на Пушкинѣ во время дуэли, Нащокинъ подарилъ Гоголю, а послѣ смерти послѣдняго передалъ, по просьбѣ студентовъ, въ московскій университетъ. Гдѣ они?) Некрологъ В. А. Нащокиной — въ «Истор. Вѣст.» 1901 г., № 2.

Павелъ Воиновичъ.

Человѣку этому Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ своихъ «Мертвыхъ Душъ». Но не одинъ Гоголь былъ близокъ съ Павломъ Воиновичемъ. Съ нимъ было близко все, что считалось въ двадцатыхъ годахъ лучшаго и замѣчательнаго въ литературномъ, художественномъ, артистическомъ и музыкальномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, часто выручалъ его изъ хлопотъ холостой жизни и словомъ, и дѣломъ, и только одна смерть поэта прекратила ихъ долготѣющую дружбу.

Живя въ Москвѣ, уже въ недостаточномъ положеніи, Павелъ Воиновичъ часто любилъ вспоминать, какъ втроемъ—онъ, П[летневъ] и кн. В[яземскій] раздѣлили между собою послѣдніе деньги, пашедшіеся у Пушкина въ бумажникѣ, послѣ кончины, съ клятвою хранить ихъ навсегда, въ знакъ памяти о постигшей ихъ утратѣ. То были три двадцати-пяти рублевыхъ ассигнаціи, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Оригинальный синодикъ этотъ сохранился у прочихъ,—не сохранился онъ только у Павла Воиновича.

— Какъ же это? По какому случаю?—спрашивали его, бывало, знакомые съ изумленіемъ.

«Обстоятельства—наши деспоты!—отвѣчалъ онъ на этотъ щекотливый для него вопросъ со вздохомъ.—Такія тяжелыя дѣла подошли, что не только эту дружескую ассигнацію, собственную бы свою душу заложилъ. Совершенное безденежье, холодъ, голодъ, жена и дѣти чуть хлѣбомъ однимъ не питаются. Что было дѣлать? Не мебель же продавать? Думалъ, думалъ, и, какъ на зло, подвернулся мнѣ на глаза конвертъ, въ которомъ была у меня запечатана завѣтная ассигнація. Приказалъ подавать карету и велѣлъ ѣхать къ Павлу Петровичу, закладами и ростовщичествомъ онъ занимается. Заложу я этому скрягѣ, думалъ я, эту рѣдкость, авось рублей сто, по крайней мѣрѣ, дастъ. Не тутъ-то было! Объявляю ему всю для меня цѣнность бумажки, всю мою любовь къ ней, все уваженіе,—плечами только невѣжда пожимаетъ. «Да я, говоритъ, не только что-нибудь ей цѣнности дамъ, но и въ промѣнъ даже не возьму: можетъ быть, ее и сбыть нельзя. Эка вы на ней какую эпитафію написали! Поѣзжайте къ В., онъ до рѣдкостей охот-

никъ, недавно обезьяну себѣ купилъ; можетъ быть, онъ что-нибудь вамъ подѣ эту ассигнацію и дастъ». Что было дѣлать съ этимъ канальей! однако же послушался его, поѣхалъ я къ В. Объявляю ему въ чемъ дѣло. «Позвольте посмотрѣть!» спрашиваетъ. Подалъ я конвертъ. В. осмотрѣлъ ассигнацію внимательно на свѣтъ, языкомъ даже ее лизнулъ. «Нѣтъ, говоритъ, не фальшивая! Извольте, пожалуй, ухо на ухо помѣняемся; я вамъ за нее новенькую, съ молоточка дамъ». «Мнѣ только оставалось поблагодарить этого подлеца и вернуться домой. Тутъ меня самая печальная картина ждала: поваръ въ прихожей торчитъ за приказаніемъ, что въ тотъ день готовить. Готовъ что хочешь! «Денегъ на провизію пожалуйста». Въ долгъ возьми. «Не даютъ, слишкомъ много задолжали, говорятъ». Пришлось разстаться окончательно съ моею драгоценностью; поплакалъ предъ мраморнымъ бюстомъ Александра Сергѣевича, поцѣловалъ его и отдалъ ассигнацію на закупки къ обѣду, приказывая повару просить пообождать и сохранить нѣсколько дней. Со дня на день я ждалъ полученія денегъ, по векселю,—такъ маленькую суммишку, тысячу въ тринадцать, но дождался, къ несчастью, только черезъ недѣлю. Послалъ выкупать... моей бумажки и слѣдъ простылъ. Глупый купчина отдалъ ее, вмѣстѣ съ прочими деньгами, за свинныя туши и черкасскую говядину... Какъ на обѣду, это мое горе какъ-разъ предъ Рождествомъ случилось. Поневолѣ вспомнишь про прежнюю петербургскую жизнь, когда у меня золотое только куры не клевали!...

Петербургская, молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наслѣдникъ громаднаго родового имѣнія, гвардейскій кавалерійскій офицеръ, принятый въ лучшее общество, онъ удивлялъ многихъ и обстановкою своей холостой квартиры, и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались литераторы, художники, артисты и французскія актрисы, до которыхъ Павелъ Воиновичъ былъ очень падокъ. Деньги были ему ни почемъ. Умный, образованный, человѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ ихъ, желая покровительствовать художникамъ и артистамъ. Онъ любилъ жить и давалъ жить другимъ. Залы его были наполнены произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ и масляными красками, и акварелью было до тридца-

ти; молодыми живописцами перерисованы были всѣ его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцію, совершенно ему ненужную, которую Павелъ Воиновичъ раздаривалъ первому встрѣчному, называлъ онъ «выставкою молодыхъ талантовъ». Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза и останавливало чѣмъ-нибудь его вниманіе: мраморныя вазы, китайскія бездѣлушки, фарфоръ, бронзу,—что ни попало и сколько бы ни стоило; въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной пальную цѣну и обдѣлалъ въ серебряный футляръ, который вскорѣ подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Между замѣчательнѣйшими рѣдкостями, находившимися въ квартирѣ Павла Воиновича, былъ одинъ двухэтажный стеклянный домикъ, аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были заказаны имъ за границей, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоявшій ему до сорока тысячъ, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество ¹⁾.

Подобныя дорогія причуды, да, въ прибавокъ, картонная игра, въ которой Павелъ Воиновичъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущений, сильно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкою. Наконецъ, когда цыганка ли сама его оставила, или онъ поставилъ ее, на честное слово, на карту, — вскорѣ по смерти А. С. Пушкина, онъ переселился въ Москву ²⁾. Тутъ только начала видѣться ему оборотная, не радужная сторона жизни. Но Павелъ Воиновичъ, ставшій втрое бѣднѣе прежняго, не унывалъ, и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, проигрывая и выигрывая, ни о чемъ не заботясь, памятуя утѣшительную

русскую поговорку: «курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ».

А насытиться Павлу Воиновичу, «какъ курочкѣ», было трудно, потому что онъ не отвыкъ еще отъ прежнихъ своихъ привычекъ, и при первыхъ появившихся у него деньгахъ моталъ по старому, задавалъ обѣды, покупалъ дорогіе уборы женѣ и раздавалъ взаймы деньги всякому, кто ни подвергнется въ такую счастливую пору. Старая его экономка, жившая еще у него въ Петербургѣ, и также никогда не оставаемая въ такое время щедротами барина, бывало, частенько ворчала при видѣ такой добродушной расточительности. «Нашелъ кого сужать! Развѣ на томъ свѣтѣ угольками ему отдадутъ. Ужъ подлинно у нашего старика-дурака развѣ только кобель на привязи ничего не вымаклячитъ».

Но горбатого исправитъ только могила, говоритъ пословица. И Павелъ Воиновичъ продолжалъ играть, то привозя женѣ въ подарокъ шкатулку съ червонцами, то занимая у экономки подаренныя имъ же ей деньги; нѣсколько разъ, въ самыя критическія минуты падали ему на долю то какое-нибудь незначительное наслѣдство въ сотню душъ, отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старинный долгъ по заемному письму, о которомъ самъ онъ давно пересталъ уже думать. Но всѣ эти неожиданныя пособія судьбы скоро исчезали. Павелъ Воиновичъ начиналъ вести снова непродолжительную роскошную жизнь и потомъ все болѣе и болѣе впадалъ въ недостатокъ и распродалъ понемногу все, что было у него болѣе драгоцѣннаго: богатую коллекцію золотыхъ и серебрянныхъ старинныхъ монетъ и медалей, дорогое собраніе разнаго оружія, свои вѣнскіе экипажи, послѣдніе женины экипажи и пр., и пр. На эти продажи онъ и продолжалъ существовать нѣсколько времени роскошно.

Во время своихъ житейскихъ невзгодъ онъ познакомился гдѣ-то случайно съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя докторомъ, посланнымъ за городъ за разныя обманы и мошенничества. Этотъ докторъ В. жилъ въ отдаленномъ захолустьи Сокольниковъ и привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей увѣреніемъ, что онъ, занимаясь алхиміей, нашелъ средство дѣлать золото и при лунномъ свѣтѣ, помощію розы, сгущать ее на лѣвой ладони руки въ настоящіе изумруды. Павелъ Воиновичъ былъ одинъ изъ самыхъ легковѣрныхъ добряковъ,

¹⁾ Опускаемъ слѣдующее здѣсь подробное описаніе домика. Объ этомъ домикѣ не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ женѣ изъ Москвы (8 дек. 1831 г., 30 сент. 1832 г., 4 мая 1836 г.); ср. также его стих. «Новоселье».

²⁾ Это ошибка. Нащокинъ переселился въ Москву въ 20-хъ годахъ.

еще вѣрующихъ въ людскую честность, и скоро очень коротко сошелся съ В., который, для начальныхъ необходимыхъ приготовленій къ разоблаченію тайнствъ природы, обиралъ у него послѣднія крохи, но составленіе золота нисколько не подвигалось впередъ.

— Плохо! — признался наконецъ В. — Недостаетъ намъ одного только растенія, котораго не найдешь въ цѣлой Россіи.

— А какого же это? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Мандрагоры.

— Что это за мандрагора?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь ея корень.

— А гдѣ бы можно было ее достать? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Только въ Германіи, въ горахъ Гарца, на вершинѣ скалы, на которой вѣдьмы совершаютъ свой шабашъ.

— Что-жъ! — произноситъ рѣшительно Павелъ Воиновичъ; — мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я долженъ получить тысячу десять отъ князя Г. Онъ проигралъ ихъ мнѣ давно, на честное слово. Будемъ надѣяться.

Павелъ Воиновичъ точно получилъ, наконецъ, эти деньги и вѣроятно повезъ бы В. на Гарцъ; но В. уже въ то время не было въ Сокольникахъ. За разные новыя мошенничества онъ сосланъ былъ на жительство въ Уфу ¹⁾. Павелъ Воиновичъ

пріунылъ. Полученныя деньги были истрачены, кредиту уже нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человекъ болѣе чѣмъ богатый, извѣстный франтъ и волокита до побѣдки за границу, и ставшій отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву. Про него ходили по городу слухи, что будто онъ, какъ Ч[аадаевъ], принялъ католицизмъ. К. по первому требованію вручалъ пять рублей ассигнаціями

бѣднымъ оберъ-офицерамъ и десять рублей — штабъ-офицерамъ. Павелъ Воиновичъ не преминулъ воспользоваться такимъ благимъ настроеніемъ духа въ критическія свои минуты.

«Подай вспоможеніе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степановичъ», говорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

И Павелъ Воиновичъ постоянно получалъ отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда, а эта нужда приходила очень часто. К. тоже былъ большою оригиналь. Въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Воиновичъ опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ переходящихъ калікъ, странни-

ковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него крали.

II.

По словамъ П. И. Бартенева ¹⁾, Пушкинъ познакомился и подружился съ Нащокинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, навѣщая своего брата, который учился въ томъ

¹⁾ Объ этомъ мнимомъ докторѣ, очевидно, писалъ Пушкинъ Нащокину въ октябрѣ 1835 г.: «Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри распутайся съ нимъ. Это необходимо».

¹⁾ «Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартевымъ. М., 1872 г., кн. I, стр. 383.

ПАВЕЛЪ ВОИНОВИЧЪ НАЩОКИНЪ.

же пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ ихъ знакомство прервалось, но по возвращеніи Пушкина въ Москву въ 1826 году дружба между ними возобновилась и не ослабѣвала уже до смерти поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 7—8 лѣтъ своей жизни Пушкинъ не имѣлъ друга болѣе близкаго, болѣе любимаго и преданнаго, чѣмъ Нащокинъ. Дружба эта носила совершенно братскій характеръ. Дошедшія до насъ 25 писемъ Пушкина къ Нащокину, равно какъ и письма послѣдняго къ поэту, дышатъ такой сердечной, почти нѣжной привязанностью и обнаруживаютъ такую простоту равноправныхъ отношеній, какія можно найти развѣ еще только въ дружбѣ Пушкина съ Дельвигомъ. Нащокинъ не только исполняетъ всевозможныя порученія поэта, часто весьма щекотливыя, не только выручаетъ его во всякую трудную минуту: Пушкинъ подробно извѣщаетъ его о своихъ семейныхъ, литературныхъ и денежныхъ дѣлахъ, о своихъ замыслахъ и заботахъ. Они братски дѣлятъ другъ съ другомъ тревогу и радость. «Когда бы намъ съ тобой увидаться! — пишетъ Пушкинъ въ концѣ 1834 г. — Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ буръ и Рахмановскихъ наѣздовъ!» И по пріѣздѣ въ Москву въ маѣ 1836 г. поэтъ сообщаетъ женѣ: «Я остановился у Нащокина.... Мы разумеется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ». Пушкинъ принимаетъ горячее участіе въ дѣлѣ Нащокина съ Ольгой Андреевной, безпрестанно осведомляется о ходѣ этого дѣла, торопитъ его съ развязкой. «Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топить, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки». «Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться, — пишетъ Пушкинъ о томъ же дѣлѣ въ другой разъ. — Vous êtes éminemment un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный пе-

реплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже, — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳеодоръ (Гагаринъ) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону». Когда, наконецъ, бѣжавъ отъ своей цыганки, Нащокинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Пушкинъ съ сердечною радостью привѣтствуетъ перемѣну въ его судьбѣ и еще чрезъ полтора года, осенью 1835 года, пишетъ ему: «Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни». А Нащокинъ еще до этой развязки, въ январѣ 1833 года, кончалъ свое письмо къ Пушкину такими словами: «Прощай, воскресенье правдивнаго бытія моего!» Въ письмахъ своихъ къ женѣ изъ Москвы Пушкинъ постоянно отзывается о Нащокинѣ съ искренней любовью: «Онъ все тотъ же, очень милъ и уменъ»; «Нащокинъ милъ до чрезвычайности.... Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью»; «Нащокинъ здѣсь одна моя отрада». «Любить меня одинъ Нащокинъ», и т. п. Какъ искренно принималъ Пушкинъ къ сердцу дѣла друга, показываетъ записъ, сдѣланная имъ въ записной книжкѣ подъ іюнемъ 1834 года: «19 числа послалъ 1000 Нащокину. — Слава Богу! Слухи о смерти его сына ложны». У Нащокина была, кромѣ этого сына, еще дочь отъ цыганки — крестница Пушкина, а старшаго сына Пушкина крестилъ Нащокинъ, нарочно пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ. Извѣстно, что съ начала 30 годовъ Пушкинъ, пріѣзжая въ Москву, почти неизмѣнно останавливался у Нащокина.

Нащокинъ платилъ своему великому другу такую же сердечной привязанностью. «Ты не можешь вообразить, какъ много я вамъ преданъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, — и въ другой разъ: «Какъ я охотно къ тебѣ пишу, ты себѣ не можешь представить». Онъ называетъ Пушкина: «удивительный Александръ Сергѣевичъ», «мой славный Пушкинъ», и кончаетъ свои письма, напримѣръ, такъ: «Прощай еще разъ, утѣшитель мой, радость моя!» О Чаадаевѣ онъ пишетъ: «Тебя очень любить, но менѣе, чѣмъ я», о другомъ общемъ знакомомъ — «онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица».

Въ такомъ родѣ всѣ его письма; онъ живо радуется семейному счастью поэта, тревожится по поводу отсутствія писемъ, и т. п.

Пушкинъ любилъ въ Нащокинѣ не только веселаго товарища по карточной игрѣ и холостымъ похождениямъ и не только преданнаго друга: онъ рано полюбилъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, «образный умъ Нащокина, его талантливую, широкую натуру и превосходное сердце». Письма поэта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ благородство его характера. Когда въ 1831 г. Нащокинъ улаживалъ въ Москвѣ денежные дѣла Пушкина съ Догановскимъ и Жемчужниковымъ, Пушкинъ писалъ ему по этому поводу: «Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, звавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности». Позднѣе, вскорѣ послѣ женитьбы Нащокина, Пушкинъ писалъ ему: «Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнилась ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою». Не менѣе высоко цѣнилъ Пушкинъ, повидимому, умъ и тонкій вкусъ Нащокина. По словамъ Куликова ¹⁾, Павелъ Воиновичъ много читалъ, хорошо зналъ французскую и русскую литературу, и при широкомъ врожденномъ умѣ, при своемъ знаніи жизни и страстной любви къ искусству, обладалъ замѣчательнымъ для его времени критическимъ чутьемъ. Куликовъ рассказываетъ, что въ то время, когда вся Россія увлекалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическими персонажами и вычурнымъ изложеніемъ этого автора, а самъ зачитывался Бальзакомъ; точно также онъ высмѣивалъ позднѣе знаменитыя три повѣсти Н. Ф. Павлова. Такимъ рисуютъ его и его письма къ Пушкину. Прочитавъ вышедшій въ 1831 году разборъ «Бориса Годунова» въ видѣ діалога между учителемъ и помѣщикомъ, онъ пишетъ поэту: «Очень хорошо, а кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоръ, сужденія нашихъ безмозглыхъ грамотеевъ-семинаристовъ никакъ нельзя: это

совершенный слѣпокъ съ натуры. Думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и если бы осталось мѣсто, я бы рассказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать, прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный» ¹⁾. О повѣстяхъ Мухина онъ пишетъ: «Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ».

Естественно, что Пушкинъ дорожилъ отзывами Нащокина, о своихъ произведеніяхъ, какъ сообщаетъ Куликовъ. Изъ писемъ мы знаемъ, что ему былъ посланъ первый экземпляръ повѣстей Бѣлкина. Не смотря на то, что Нащокинъ лично не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ литературѣ, Пушкинъ постоянно извѣщаетъ его о своихъ литературныхъ занятіяхъ и планахъ и говорить съ нимъ о литературныхъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ. По поводу упомянутаго выше критическаго разговора о «Борисѣ Годуновѣ» онъ пишетъ ему: «Еслибы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынѣче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ». По выходѣ перваго номера Современника Нащокинъ, одобливъ его въ общемъ, совѣтуетъ Пушкину ввести въ немъ отдѣлъ объ искусствѣ, а въ маѣ того же 1836 года Пушкинъ пишетъ ему: «Второй номеръ Современника очень хорошъ и ты скажешь мнѣ за него спасибо». Повидимому, именно Нащокинъ первый обратилъ вниманіе Пушкина на молодого Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, чрезъ него Пушкинъ «тихонько отъ Наблюдателей» переслалъ Бѣлинскому экземпляръ перваго № своего журнала, и Нащокинъ же, какъ видно изъ одного его письма, велъ переговоры о приглашеніи московскаго критика въ *Современникъ*.

Была въ Нащокинѣ черта, дѣлавшая его особенно привлекательнымъ для Пушкина: онъ мастерски рассказывалъ, а богатый жизненный опытъ и тонкое знаніе людей

¹⁾ «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ», очерки и воспоминанія Н. И. Куликова «Рус. Ст.» 1880 г., дек. 1881 г., авг.

¹⁾ «Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину», «Рус. Арх.» 1904 г., ноябрь.

доставляли ему, конечно, обильный материалъ для разсказовъ. Пушкинъ заслушивался этихъ Нащокинскихъ разсказовъ; описывая жеиъ свое времяпровождение въ Москвѣ, онъ неоднократно отмѣчаетъ: «забалтываюсь съ Нащокинымъ», или: «хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю „Memoires de Diderot“. Собственная жизнь Нащокина, полная самыхъ неожиданныхъ превратностей и тревоженій, представляла, безъ сомнѣнія, большой драматическій интересъ; у этой широкой и даровитой натуры все должно было выходить такъ колоритно, такъ полно стихійной удали и легкости, эта беззаботность среди тревогъ при ясномъ умѣ и тепломъ сердцѣ была до такой степени полна поэзіи, что Пушкинъ не могъ не быть очарованъ. Неудивительно, что онъ настойчиво убаждалъ Нащокина описать свою жизнь. Склонить къ этому Нащокина, при его неспособности и неохотѣ къ писанію, было не легко; и вотъ, живя въ Москвѣ лѣто и осень 1830 г., Пушкинъ заставилъ его диктовать себѣ начало этихъ записокъ. Писаны онѣ, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ подъ диктовку: мы видѣли, какъ плохъ слогъ Нащокина въ письмахъ, да и самъ по себѣ слогъ Записокъ отличается всѣми признаками Пушкинской прозы, и притомъ вполне обработанъ. Повидимому, убажая, Пушкинъ взялъ слово съ Нащокина, что онъ будетъ продолжать записки, и осенью 1832 г. напоминалъ ему объ этомъ: «Что твои *мемори*?—пишетъ онъ.—Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ вырастетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой». Разумѣется, *мемори* остались ненаписанными. Даже по письмамъ Нащокина можно видѣть, что его повѣствованіе отличалось такой живой изобразительностью, какая встрѣчается не часто. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ передаетъ Пушкину свѣдѣнія о своемъ старшемъ братѣ, полученныя имъ изъ вторыхъ рукъ: «Вообрази его засаженного, въ табакѣ, съ впалыми щеками, съ синимъ лицомъ въ прыщахъ, съ ужаснѣйшей бородой, въ ежеминутномъ раздраженіи, трясеніи въ рукахъ, всѣхъ и всего боится, окруженъ дьяконами, дьячками, кабачными, отставными оберъ-офицерами; еще какой-то обрюзглый демидовскій студентъ съ нимъ пьетъ и имѣетъ на него большое вліяніе»; къ тому же онъ попалъ подъ слѣдствіе и долженъ изъ-за этого жить въ городѣ, а

его жена «въ деревнѣ и утѣшается свободою—ходить гулять съ камердинеромъ бывшимъ князя Грузинскаго: щеголь, въ курткѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, весь въ бронзовыхъ цѣпяхъ и говорить басомъ. Дома же она придетъ вмѣстѣ съ дѣвками, подъ пѣсню посидѣлки-дѣвки и проч., самъ-другъ съ кучеромъ Кирианомъ: молодой парень, грубіанъ, вершковъ 10. Вся дворня ахаютъ, говорятъ мнѣ Павелъ камердинеръ: Петрушка все еще ничего, а отъ Кириана житья нѣтъ никому. Вотъ главные лица, владѣльцы той усадьбы, откуда мой отецъ чванно выѣзжалъ, гдѣ онъ и похороненъ... Андрей Христофоровичъ былъ у него, видѣлъ его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь; у челоѣка 80 т. чистаго дохода; не завидую, а жалѣю». Пушкинъ, еще только узнавъ о посылкѣ челоѣка къ брату Нащокина, писалъ послѣднему: «Напиши мнѣ обстоятельно о посылкѣ своего нѣмца. *Дѣло любопытное*». Послѣднія слова показываютъ, что исторія эта интересовала Пушкина не только изъ участія къ дѣламъ Нащокина, но и сама по себѣ, своей яркой характеристичностью, совершенно такъ же, какъ по поводу дѣла съ дыганкой, онъ нѣсколько позднѣе писалъ Нащокину: «Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ». И получивъ цитированное сейчасъ письмо Нащокина, Пушкинъ отвѣчалъ ему: «Письмо твое о твоёмъ братѣ ужасно хорошо».

Существуетъ преданіе, что сюжетомъ для «Домика въ Коломнѣ» послужилъ Пушкину разсказъ Нащокина о томъ, какъ, будучи влюбленъ въ актрису Асенкову, онъ облекся въ женскій зарядъ и прожилъ у нея въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Достоѣрно извѣстно, что Нащокинымъ сообщена была поэту исторія бѣлорускаго дворянина Островскаго, послужившая фавбулой для «Дубровскаго». Но всего любопытнѣе предположеніе Анненкова о томъ, что именно съ Нащокина Пушкинъ намѣревался списать портретъ своего Пельмова 1).

Догадка Анненкова представляется вполне основательной. Какъ извѣстно, мысль и общую схему «Русскаго Пелама» Пушкинъ заимствовалъ изъ романа Бульвера «Пельгамъ или приключенія одного джентльмена», вышедшаго въ 1835 г.; въ этомъ же

1) «П. В. Анненковъ и его друзья». Спб. 1892 г., стр. 462 и сл.

НАЩОКИНЪ ВЪ КРУГУ СВОЕЙ СЕМЬИ.

году были составлены Пушкинымъ четыре наброска программы и написано начало первой главы романа. Сколько можно судить по этимъ остаткамъ, Пушкинъ задумалъ изобразить въ своемъ романѣ русскаго богатаго и даровитаго юношу 20-хъ годовъ, надѣленнаго пылкими страстями и благородной душой, который сквозь безшабашный разгулъ, сквозь ошибки, граничащія съ преступленіемъ, сквозь всѣ превратности бурной судьбы выносить незапятнаннымъ свое чистое сердце, неизвращеннымъ ясный умъ, свѣжимъ и чуткимъ свое чувство. Кипучая натура бросаетъ Пельмова изъ одного увлеченія въ

другое, запутываетъ его въ чужія преступленія, низводитъ его на время въ міръ шулеровъ, аферистовъ и танцовщицъ, потомъ сближаетъ съ кружкомъ будущихъ декабристовъ,—и всюду онъ быстро осваивается, всюду сохраняетъ ясность мысли и благородство души; онъ точно замороженъ противъ грязи и лжи, и при всей мягкости и неустойчивости своего характера, обнаруживаетъ удивительную нравственную стойкость. Мы видѣли, что таковъ былъ и Нащокинъ и что именно такимъ считалъ его Пушкинъ. Высказавъ упомянутое выше предположеніе о близкомъ сходствѣ Пельмова съ Нащокинымъ, Анненковъ, который

долженъ былъ знать о Нащокинѣ больше нашего по многочисленнымъ устнымъ рассказамъ, говорить: «Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ походовъ, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновений съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходитъ къ типу «бывалаго человека» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и полнотѣ внутренняго содержанія. Зато онъ еще лучше отвѣчалъ на мѣрению Пушкина олицетворить идею о челоѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь челоѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частью имъ самимъ и накликаемыми на себя ¹⁾».

Искать въ программахъ и отрывкѣ «Русскаго Пелама» прямые намеки на конкретныя черты изъ біографіи Нащокина, конечно, дѣло рискованное. Изъ записокъ Нащокина мы знаемъ, что онъ, какъ и Пельмовъ, былъ «сынъ русскаго барина, воспитанъ французами», и что отецъ его, какъ и отецъ Пельмова, былъ «frivole въ русскомъ родѣ»; но то же самое можно было сказать о любомъ дворянскомъ сынкѣ 1810—20 годовъ. Однако, въ этихъ отрывкахъ есть черта, невольно наводящая мысль на сопоставленіе Пушкинскаго романа съ жизнью Нащокина. Сохранившееся начало первой главы «Пелама» обнаруживаетъ разительное сходство съ началомъ записокъ Нащокина, писанныхъ въ 1830 г. Пушкинымъ: въ обоихъ случаяхъ герой начинаетъ свою автобіографію по совершенно одинаковому плану, приблизительно такъ: «Я начинаю помнить себя (этими словами начинаются оба отрывка) съ ранняго возраста», затѣмъ слѣдуетъ одна (или двѣ) выхваченная живьемъ бытовая картинка, у каждаго другая, и затѣмъ опять почти буквально одинаково: «съ тѣхъ поръ мои воспоминанія становятся сбивчивы, и

снова проявляются лишь около восьми или десятилѣтняго моего возраста». Близкое сходство этихъ двухъ отрывковъ невозможно отрицать.

III.

Авторъ очерка, помѣщеннаго въ «Искрѣ», говоритъ, что Гоголь посвятилъ Нащокину нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ»; проф. Алексѣй Н. Веселовскій высказалъ догадку, что П. В. Нащокинъ послужилъ прототипомъ Хлобуева во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» ¹⁾. Внимательное изслѣдованіе вполне подтверждаетъ эту мысль. Разумѣется, о портретномъ сходствѣ здѣсь, какъ и въ отношеніи Пушкинскаго романа, говорить не приходится: для обоихъ поэтовъ Нащокинъ служилъ лишь яркимъ представителемъ цѣлаго типа, соотвѣтственно чему и обликъ его подвергся у каждаго изъ нихъ требуемой обработкѣ.

Если Пельмовъ—Нащокинъ въ молодости, виверъ и картежникъ, то Хлобуевъ—Нащокинъ въ возрастѣ лѣтъ за сорокъ (кстати, и Хлобуеву 45 лѣтъ), Нащокинъ семейный, обдѣланный и опустившійся. Гоголь, конечно, не разъ слышалъ о Нащокинѣ отъ Пушкина, да и самъ хорошо зналъ его. Въ 1842 г. ему пришла въ голову странная мысль выручить Нащокина изъ нужды путемъ опредѣленія его въ воспитатели къ сыну извѣстнаго откупщика Бенардаки; дѣло это, конечно, не состоялось,—по всей вѣроятности Нащокинъ отклонилъ предложеніе,—но по этому поводу Гоголь написалъ Нащокину обширное (6 печатныхъ страницъ) письмо, содержащее чрезвычайно подробную характеристику Павла Войновича. Письмо это не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о нравственной личности Нащокина, почерпнутымъ изъ воспоминаній Т-на и Куликова, изъ писемъ Пушкина и пр., но оно важно для насъ, какъ портретъ Нащокина, нарисованный будущимъ творцомъ Хлобуева.

По самому характеру письма ²⁾ въ немъ собраны преимущественно положительныя черты Нащокина. Гоголь начинаетъ съ изложенія причинъ, побуждающихъ его хлопотать о Нащокинѣ. «Это не вслѣдствіе

¹⁾ А. Н. Веселовскій, «Этюды и характеристики», 2-е изд., Москва, 1903 г., стр. 384.

²⁾ Письма П. В. Гоголя, под. ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 188—194.

¹⁾ Тамъ же, стр. 470.

дружескихъ отношеній нашихъ,—пишетъ онъ,—не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло». Онъ уже давно размышляетъ объ участи Нащокина и о крайности его теперешняго положенія и, изыскивая средства ему помочь, пришелъ къ заключенію, что служба, казенное мѣсто, ему (какъ позднѣе Хлобуеву) не годится; теперь онъ остановился на мысли сблизить его съ Бенардаки, и уже говорилъ о немъ послѣднему. «Я ему рассказалъ все, ничего не скрывая, что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсечно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсь и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсти невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ преимущественно передъ другими до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастье, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдалились ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способны впасть русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокими христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастья и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ». Далѣе Гоголь приступаетъ къ обстоятельному исчисленію тѣхъ свойствъ Нащокина, которыя будто бы дѣлаютъ его идеальнымъ воспитателемъ. Онъ богатъ опытомъ и какъ немногіе изучилъ людей и свѣтъ, онъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ обладаетъ свѣтлой ровностью характера, свѣтлыми идеями и вѣрными понятіями, онъ вращался среди лучшихъ художниковъ и артистовъ и пріобрѣлъ познанія въ области искусства, наконецъ, ему свойственна «настоящая простота свѣтскаго обращенія, чуждая высокомерія и гордости или измѣнчивой неровности». Единственный большой недостатокъ Нащокина Гоголь видитъ въ неподвижности, лѣни и трудности подняться на дѣло.

Таковы черты, которыя Гоголь считалъ присущими Нащокину. Если мы теперь обратимся къ Хлобуеву, то съ перваго взгляда увидимъ, что его нравственный обликъ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ этой характеристикой. Общія черты его жизни и настоящаго положенія совершенно таковы же, какъ у Нащокина: кутежъ, игра и мотовство въ молодости, теперь почти нищета, молодая сравнительно семья, и старыя привычки роскоши и праздности среди крайней нужды; у Хлобуева нѣтъ обѣда, а для гостей найдется шампанское, ему нечѣмъ засѣять поле, а завтра онъ даетъ обѣдъ «всѣмъ сословіямъ въ городѣ»—совершенно такъ, какъ рассказываетъ Куликовъ о Нащокинѣ. Онъ глубоко религіозенъ, уменъ и наблюдателенъ, всегда готовъ помочь другому, чистъ и честенъ: ему больно за его крестьянъ, онъ не хочетъ искать службы между прочимъ потому, что и безъ него довольно чиновниковъ, чье жалованье ложится бременемъ на податную массу, и потому что не умѣетъ брать взятокъ; какъ и Нащокинъ, онъ имѣетъ вкусъ къ меценатству, въ собранію художественныхъ коллекцій и т. д. Но въ Хлобуйѣ Гоголь, ради своей художественной или идейной цѣли, выдвинулъ на первый планъ какъ разъ тѣ черты, которыя въ Нащокинѣ казались ему отрицательными: неподвижность, лѣнь и трудность подняться на дѣло.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ тѣхъ, которыя посвящены Хлобуеву, вамъ невольно покажется, что рѣчь идетъ попросту о Нащокинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нащокину Гоголь говоритъ между прочимъ: «Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторіи разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, *которые рассказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью*, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный русскій баринъ и человѣкъ, со всею своею оплошностію и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ,—одни эти живые рассказы уже могутъ подѣйствовать глубоко на душу» и т. д. А вотъ каковъ Хлобуевъ въ хорошую минуту: «Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развѣззался: сталъ уменъ и милъ (слова Пушкина о Нащокинѣ!); остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта!

Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей - помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки—что они оба (т.-е. Чичиковъ и Платоновъ) были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка»¹⁾.—Развѣ это не Нащокинъ, котораго заслушивался Пушкинъ и какимъ зналъ его и Гоголь?

Или вотъ другая страница, съ поразительною точностью воспроизводящая картину жизни Нащокина, какъ ее рисуетъ приведенный выше очеркъ изъ *Искры*: «Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь неизвѣстный никому почти въ домѣ поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не беспокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло²⁾. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ изыткѣхъ и довольствѣхъ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсилъ или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ со- вмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною

его жизнью»; и дальше Гоголь рассказываетъ, что въ такія минуты почти всегда приходила Хлобуеву откуда-нибудь неожиданная помощь: «или кто-нибудь изъ старыхъ друзей вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или какая-нибудь великодушная барыня, тронутая слухами о его нуждѣ, выручала его изъ бѣды, или выигрывалось гдѣ-нибудь въ его пользу дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. И тогда Хлобуевъ служилъ благодарственный молебенъ и снова начиналъ свою безпутную жизнь». Все это, какъ мы видѣли,—подлинныя черты жизни и личности Нащокина.

Въ 1842 г. Гоголь полагалъ, что изъ Нащокина долженъ выйти образцовый воспитатель; позднѣе, когда писались для второго тома «Мертвыхъ душъ» главы о Хлобуевѣ, онъ держался уже другого взгляда: устами Муразова онъ говоритъ Хлобуеву: «Какъ воспитать дѣтей тому, кто самъ себя не воспиталъ?» Приблизительно такъ долженъ былъ отвѣтить Нащокинъ на письмо Гоголя. Но дѣло, которое предлагаетъ Муразовъ Хлобуеву (собираніе денегъ на постройку храма), по существу своему въ мысли Гоголя тождественно съ тѣмъ, которое онъ самъ предлагалъ Нащокину, и въ томъ письмѣ онъ писалъ Нащокину почти то же, что Муразовъ говоритъ Хлобуеву: нельзя человѣку жить въ праздности; ты накопилъ много опыта, и долженъ употребить его въ дѣло; ты еще ни разу не наложилъ на себя подвига, который свидѣтельствовалъ бы о твоёмъ самопожертвованіи и христіанской любви къ брату, не предпринимай дѣла во имя Бога, внутренне угоднаго Богу,—теперь предстоитъ тебѣ такой подвигъ. И въ обоихъ случаяхъ, рядомъ съ религіозно-нравственной стороной, Гоголь выдвигаетъ и практическую: тамъ—воспитать богатаго юношу, отъ котораго, можетъ быть, будетъ зависѣть счастье многихъ; здѣсь—разузнать народную жизнь, чтобы потомъ это знаніе отдать на службу государству.

В. И. Шенрокъ въ третьемъ томѣ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», въ гл. 8. собралъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о живыхъ лицахъ, послужившихъ Гоголю какъ бы остовами для типическихъ обобщеній. Въ ряду этихъ сопоставленій Нащокинъ-Хлобуевъ долженъ занять первое мѣсто: здѣсь сходство и наиболѣе велико, и можетъ быть прослѣжено съ наибольшей подробностью. По своеобразному

¹⁾ Соч. Ред. Н. С. Тихонравова, изд. X, т. III стр. 365.

²⁾ Въ декабрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: «Нащокинъ занялъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, курить трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго».

сочетанію своихъ характерныхъ чертъ П. В. Нащокинъ несомнѣнно представлялъ собою и вообще, и особенно въ кругу лицъ, доступныхъ наблюденію Гоголя,—своего рода *unicum*, и та почти фотографическая точность, съ какою воспроизведены въ Хлобувѣ его личность и матеріальная обстановка, кажется не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ вѣрности проведенной нами параллели.

Невольно напрашивается на мысль сравненіе Пушкинскаго Пелымова съ Гоголевскимъ Хлобучевымъ. Предъ нами рѣдкій въ исторіи литературы случай, когда два поэта воспроизводили *одинъ и тотъ же* живой образъ. Каждый изъ нихъ преслѣдовалъ при этомъ другую художественную цѣль, и каждый воспроизводилъ другія стороны живого первообраза.

Пушкина Нащокинъ интересуется явно своими чисто-художественными особенностями: живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой сравнительно крупныхъ душевныхъ силъ и своей бытовой типичностью. Пушкинъ прежде всего безкорыстно любитъ Нащокина, какъ роскошнымъ явленіемъ, а затѣмъ изучаетъ его, вдумывается въ механику этого явленія, ища въ ней дѣйствія нѣкоторыхъ об-

щихъ психологическихъ и историческихъ законовъ. Невозможно отрицать, что и Гоголя привлекала живописность Нащокина; но сознательно онъ пренебрегаетъ этой стороной дѣла и спѣшитъ обратить яркій образъ, представлявшій для Пушкина драгоценность поэтическую,—въ орудіе практической пользы, въ орудіе устроенія общества. Пушкина могъ очаровывать въ Нащокина самый процессъ его бурныхъ переживаній, полный драматизма или типичности,—Гоголя эти переживанія отталкиваютъ своей грѣховностью или общественной зловредностью; онъ и не станетъ ихъ изображать ради нихъ самихъ. Но они интересуютъ его своимъ пророческимъ смысломъ и своими утилитарными результатами, и онъ обращаетъ Хлобучева частью въ пугало, поскольку Хлобучевъ дурно жилъ, частью въ образецъ, поскольку онъ, благодаря этой дурной жизни, сталъ опытенъ и нравственно закаленъ. Художественная безкорыстность Пушкина и идейный утилитаризмъ Гоголя—таковъ, на нашъ взглядъ, главный пунктъ различія въ отношеніи того и другого къ личности Нащокина; и этотъ выводъ, какъ легко понять, не лишенъ болѣе общаго значенія.

М. Гершензонъ.

942. [ЗАПИСКИ П. В. НАЩОКИНА,

имъ диктованныя въ Москвѣ, 1830].

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, сидящимъ на пескѣ <что почитается средствомъ противу такъ называемой англійской болѣзни>. Около меня толпа нянекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ — крыльцо усѣяно пародомъ—гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, оставшими маѳорами въ старинныхъ мундирахъ, и проч. Отецъ мой между ими въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ отцу, съ нимъ проститься—онъ хочетъ взять меня съ собою—я плачу: жаль разстаться съ нянею... Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Тутъ сцена перемѣняется; но сперва скажу нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, генераль-поручикъ Воинъ Васильевичъ Нащокинъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ екатерининскаго вѣка. Онъ былъ малаго роста, сильнаго сложенія, гордъ и вспыльчивъ до крайности. Нѣсколько анекдотовъ, сохранившихся по преданію, дадутъ о немъ понятіе. Послѣ похода, въ которомъ онъ отличился, онъ, вмѣсто всякой награды, выпросилъ себѣ и многимъ своимъ офицерамъ отпускъ и уѣхалъ съ ними въ деревню, гдѣ и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь охотою. Между тѣмъ, начались вновь военныя дѣйствія. Суворовъ успѣлъ отличиться, и отецъ мой, возвратясь въ армію, засталъ уже его въ Александровской лентѣ. «Такъ-то, батюшка В. В., сказалъ ему Суворовъ, указывая на свою ленту: «покаместъ вы травили зайцевъ, и я затравилъ краснаго звѣря.» Шутка показалась обидною моему отцу, который и такъ досадовалъ; въ замѣну эпиграммы онъ далъ

Суворову пощечину. Суворовъ повернулся, вышелъ, сѣлъ на перекладную, прискакалъ въ Петербургъ, бросился въ ноги государынѣ, жалуюсь на отца моего. Вѣроятно, государыня уговорила Суворова оставить это дѣло, для избѣжанія напраснаго шума. Нѣсколько времени спустя, присылаютъ отцу моему Георгія, при рескриптѣ, въ коемъ было сказано, что за обиду учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей онъ достоинъ, но что отецъ мой получаетъ орденъ по личному ходатайству А. В. Суворова. Отецъ мой не принялъ ордена, говоря, что никому не хочетъ быть онъ обязанъ, кромѣ какъ самому себѣ. Вообще, онъ никого не почиталъ не только высшимъ, но и равнымъ себѣ. Кн. Потемкинъ замѣтилъ, что онъ и о Богѣ отзывался хотя и съ уваженіемъ, но все какъ о низшемъ по чину <такъ что, когда онъ былъ генераль-маѳоромъ, то на Бога смотрѣлъ, какъ на бригадира> и сказалъ, когда отецъ мой былъ пожалованъ въ генераль-поручики: «Ну, теперь и Богъ попалъ у Нащокина въ 4-й классъ,—въ порядочные люди!» Будучи назначенъ командиромъ корпуса, находящагося въ Кіевской губерніи, вскорѣ по своемъ прибытіи въ оный, далъ онъ за городомъ обѣдъ офицерамъ и городскимъ чиновникамъ. Кіевскій комендантъ, замѣтя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уѣхалъ. Отецъ, замѣтя его отсутствіе, взбѣлся, всталъ изъ-за стола, приказалъ корпусу собраться и повелъ его къ городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось въ Кіевѣ цѣлаго, — городъ былъ взятъ приступомъ, и отецъ мой возвратился со славою въ лагерь, ведя предателя-коменданта военно-плѣннымъ. По восшествіи на престолъ государя Павла I, отецъ мой вышелъ въ отставку, объяснивъ дарю на то причину: «Вы горячи и я горячъ, намъ вмѣстѣ не ужиться.» Государь съ нимъ согласился и подарилъ ему воронежскую деревню.

Отецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разѣздовъ даетъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди на рослой испанской лошади ѣхалъ полякъ

Куликовскій съ волторною; прозванъ онъ былъ Куликовскимъ по причинѣ длиннаго своего носа; должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ *lanterne-magique*. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою — двумѣстная карета, про случай дождя; подъ козлами находилось мѣсто любимаго его шута, Ивана Степаныча. Вслѣдъ тянулись кареты, наполненные нами, нашими дамами, учителями, няньками и проч. За ними ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карликами, всего тринадцать человекъ. Вслѣдъ за нею — точно такая же фура съ большими борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадей, наконецъ повозки съ калмыцкими кибитками и разной мебелью <ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ>. Посудите же, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, псарей и разной челяди.

Въ числѣ приближенныхъ къ отцу моему два лица достойны особеннаго вниманія: дуракъ Иванъ Степанычъ и арапка Марія. Арапка отправляла при немъ должность камердинера; она была высокаго роста и зла до крайности. Частенько диралась она съ моимъ отцомъ, который никогда не сердился на нее. Иванъ Степанычъ — лицо историческое. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Дурака нашей фамиліи. Потемкинъ, не любившій шутовъ, слыша многое о затѣяхъ Ивана Степаныча, побился объ закладъ съ моимъ отцомъ, что Дуракъ его не разсмѣшитъ. Иванъ Степанычъ явился, Потемкинъ велѣлъ его привести подъ окошко и приказалъ себя смѣшить. Положеніе довольно затруднительное. Иванъ Степанычъ сталъ передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвалъ его въ свою комнату и съ нимъ не разстался. Государь Павелъ Петровичъ очень его любилъ, и Иванъ Степанычъ имѣлъ право при немъ сидѣть въ его кабинетѣ. Шутки его отменно нравились государю. Однажды даръ спросилъ его, что родится отъ булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и проч., отвѣчалъ дуракъ. — А что родится отъ гр. Кутайсова? — Бритвы, мыло, ремни и проч. — А что родится отъ меня? — Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. Государкѣ

это очень полюбилось. Онъ вышелъ изъ кабинета и сказалъ окружающимъ его придворнымъ: «Воздухъ двора заразителенъ; вообразите: ужъ и дуракъ мнѣ льститъ. Скажи, дуракъ, что отъ меня родится?» — Отъ тебя, государь, отвѣчалъ, разсердившись, дуракъ, — родятся безтолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь вспыхнулъ, — и полагая, что дуракъ былъ подученъ на такую дерзость, хотѣлъ узнать непременно, кѣмъ. Иванъ Степанычъ наименовалъ всѣхъ умершихъ вельможъ, ему знакомыхъ. Его схватили, посадили въ кибитку и повезли въ Сибирь. Воротили его уже въ Рыбинскѣ. При государѣ Александрѣ былъ онъ также высланъ изъ Петербурга за какую-то дерзость. Онъ умеръ лѣтъ шесть тому назадъ.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду Нелидовыхъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ Нелидову, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочимъ греческій; англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбацью лодку и каталъ ее по Волгѣ. Иногда, чтобъ приучить ее къ военной жизни, сажалъ на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

Сестра моя была старше меня нѣсколькими годами. Она была красавица и считалась таковою въ Москвѣ. Я съ братомъ воспитывался дома. У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ, изъ коихъ двое особенно для меня памяты. Одинъ — пудренный, чопорный французъ, очень образованный, бывший пріятель Фридриха II, съ которымъ игрывалъ онъ дуэты на флейтѣ, а другой — которому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни моей. Вотъ какъ это случилось. Однажды, скучая продолжительностью вечерняго урока, въ то время, какъ учитель занялся съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ.

Учитель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня, и въ наказаніе заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и набѣлся вдоволь; между тѣмъ, ощупалъ я штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть; мнѣ это понравилось; нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ, матушка пріѣхала. Учитель рассказалъ ей мою проказу, и съ нею отправились въ чуланъ. Будятъ меня—что же? Встаю, шатаюсь, блѣдный; на полу разбитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой, какъ отъ Панкратьевны *Опаснаго Соседа*. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головою болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно—и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его, затѣмъ-де, что онъ вечеръ заперъ меня въ чуланъ.

943. ПОРА БАРАТЫНСКОМУ ЗАНЯТЬ НА РУССКОМЪ ПАРНАСѢ МѢСТО.

[Баратынскій].

[1].

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человечества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума,

чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуетъ на толпу, нежели преувеличеніе <exaggeration> модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эниграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуточкахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, — появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отозвался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго эгегического поэта? <Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей>. Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» <напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ> подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красокъ и прелестей необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію <два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ>. Характеръ героини совершенно новый, развитый сопъ атоме, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю эгегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія, укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностію говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставлятъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда

БАРАТЫНСКІЙ.

вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое *влѣяніе* (ascendant).

Перечтите его *Эду* <которую критики наши называли *ничтожной*, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій>,—перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предприимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

Она любить, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безопасно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ:

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей серебристый,
И лѣсъ прохладною душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ, за горою, доль тaitся;
Уже дѣвѣ пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ оиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится..
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай и въ доль прекрасный
Не приходи...

Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналецъ—ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми изустъ и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первые, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т.-е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагоклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не

было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки—тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина—эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить никогда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жалъ, если бъ онѣ не существовали ¹⁾.

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами благодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

[II].

Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверженіи] *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности (цѣлаго) и сообразности частей.

Никто болѣе [Баратынскаго] не вложилъ (*n'a mis*) чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

Провинціальная чопорность.

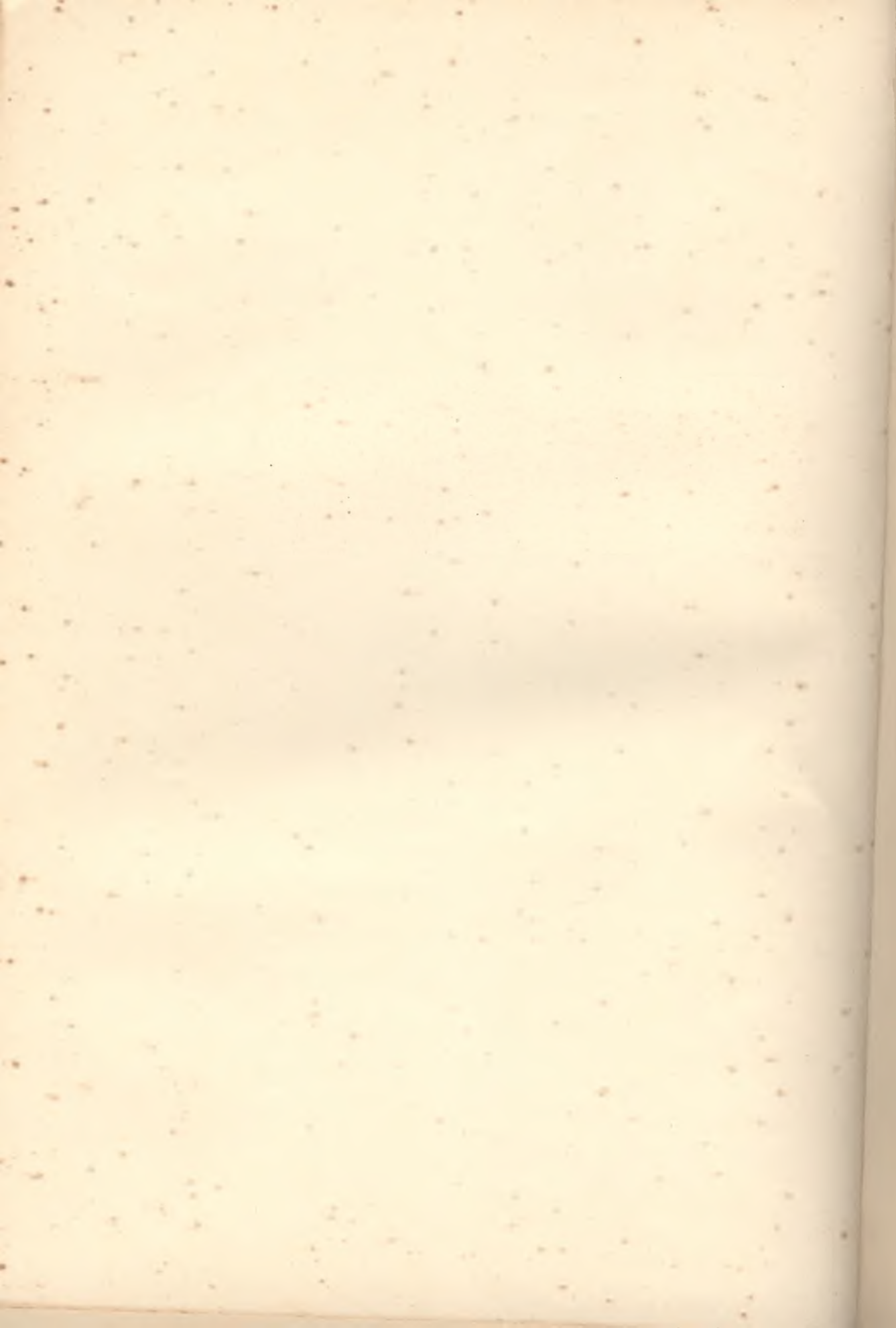
¹⁾ Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской пѣники: «Un bon mot de deux rimés opposés», скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведение искусства.

БАРОНЪ А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

*Портретъ, приложенный къ альманаху «Царское Село»
(1831).*

Наконецъ, появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше [мнѣніе?] объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ) еще не довольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтому столь блистательнымъ образомъ.

Соперники Баратынскаго — Батюшковъ и Жуковскій; сравн[ить].

Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ въ старину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносова и Баратынскаго равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирический должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

Да къ тому жъ, у насъ почти не существуетъ чистая элегія. Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идиллію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирический <чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гете>. Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи, — что это значить? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?

944. [О ДЕЛЬВИГѢ].

[1].

Дельви́гъ родился въ Москвѣ <1798>. Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвѣ Ракмановой.

Дельви́гъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятія

лѣнныя. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ Слукъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельви́гъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотѣ. Дельви́гъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которыми, будто-бы, подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не глалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ. Горація изучилъ въ классѣ подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельви́гъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственные склонности сходились съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, ко-

торой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на раннѣе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ, какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

[II].

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) по утру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.

Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.

Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гексаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ Лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

[III].

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положитель-

ную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

[IV].

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ холоднѣе».

[V].

Дельвигъ говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что къмъ написано.

945. [СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕЛОРМА И СЕНТЬ-БЕВА].

Иностранная литература.

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. (*Жизнь, стихотворенія и мысли Юсифа Делорма*).—Парижъ, 1829. (1 т. въ 16-ю д. л.).

Les consolations, poésies, par Sainte-Beuve. (*Утѣшенія. Стихотворенія Сентъ-Бѣва*).—Парижъ, 1830. (1 томъ въ 18-ю д. л.).

Года два тому назадъ, книжка, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ, Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя въ Парижѣ вниманіе Критиковъ и публики. Въмѣсто предисловія, романическимъ слогомъ описана была жизнь бѣднаго молодого Поэта, умершаго, какъ увѣряли, въ нищетѣ и неизвѣстности. Друзья покойника предлагали публикѣ стихи и мысли, найденныя въ его бумагахъ, извиняя недостатки ихъ и заблужденія самого Делорма его молодости, болѣзненнымъ состояніемъ души и физическими страданіями. Въ стихахъ оказывался необыкновенный талантъ, ярко освѣщенный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностію. Смотри на ручей, освѣненный темными вѣтвями деревъ, Делормъ думаетъ о самоубійствѣ, и вотъ какимъ образомъ:

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,

Et, comme pour un bain à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux vœu, quand je pense à mourir.

J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un cœur près du mien j'ai passé sur la terre;

Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.

L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,

Peut-être un an après, un jour... une soirée,
Quelque père inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant.
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,

Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront long-temps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière,

Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сынъ; Делормъ его привѣтствуетъ:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois... A doux bruit, le sommeil

Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,

Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douleur!

Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,

Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.

A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre cœur se fond,

Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norwège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable amour!

— Moi, pendant ce temps là, je veille aussi, je veille,

Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,

Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.

C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;

Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir,
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles

Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps

Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.

Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Été long-temps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;

Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las

De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),

Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrace l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.

Между сими болѣзненными признаніями, сими мечтами печальныхъ слабостей и безвкусными подражаніями давно осмѣянной поэзіи стараго Ронсара, мы съ изумленіемъ находимъ стихотворенія, исполненныя свѣжести и чистоты. Съ какой мелан-

холической прелестію описываетъ онъ, на
примѣръ, свою Музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la vox semillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de
houri;

Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et
bleue,

Ces deux rivales soeurs, dès qu'il a dit *oui*,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre épanche avec des
pleurs

L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non.—Mais quand seule au bois votre douleur
chemine,

Avez-vous vu là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peût-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est
honnête.

Elle eût pu, comme une autre, en de plus
heureux jours

S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfum et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сію прелестную картину
оканчиваетъ онъ медицинскимъ описаніемъ
чахотки; Муза его харкаетъ кровью:

..... une toux déchirante

La prend dans sa chanson, pousse en sifflant
un cri,

Et lance les graviers de son poumon meurtri.

Совершеннѣйшимъ стихотвореніемъ изъ
всего собранія, по нашему мнѣнію, можно
почестъ слѣдующую элегію, достойную стать
на ряду съ лучшими произведеніями Андрея
Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;

Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le
gazon,

Elle était la première à leur rappeler l'heure,
À dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il était défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut
quinze ans,

Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Ses voilés, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne
tremble,

Et deux longs sourcils noirs qui se fondent
ensemble.

Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son
mouchoir.

Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce cœur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émue l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles char-
mants,

Et les désirs obscurs, et ces vagues délices
De l'amour dans les cœurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.

Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle.
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un cœur éprouvé lui contât un chagrin,
À l'instant se voilait son visage serein:

Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère,
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie.... Il est beau de la voir

Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'assoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa bello
enfant.

Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans
orage,

D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car il savent qu'il vout au rivage éternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux.
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse.
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и Критики горевали о преждевременной кончинѣ таланта, столь много общавшаго, какъ вдругъ узнали, что покойникъ живъ и, слава Богу, здоровъ. Сентъ-Бёвъ, извѣстный уже *Исторіей Французской Словесности въ XVI столѣтіи* и ученымъ изданіемъ Ронсара, вздумалъ подъ вымышленнымъ именемъ I. Делорма напечатать первые свои поэтическіе опыты, вѣроятно, опасаясь нареканій и строгости нравственной цензуры. Мистификація, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успѣху его стихотвореній, однако (жъ новая школа съ восторгомъ признала и присвоила себѣ новаго собрата.

Въ *Мысляхъ* I. Делорма изложены его мнѣнія касательно Французскаго стихосложенія. Критики хвалили вѣрность, ученость и новизну сихъ замѣчаній. Намъ показалось, что Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой *романтической* школы Французскихъ Писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества. Нѣтъ сомнѣнія, что стихосложеніе Французское самое своеправное, и смѣю сказать, неосновательное. Чѣмъ, на примѣръ, оправдаете вы изключенія *hiatusa* <hiatus>, который Французскимъ ушамъ такъ нестерпимъ въ соединеніи двухъ словъ <какъ: *a été, où aller*> и котораго они же ищутъ для гармоніи собственныхъ именъ: *Zaïre, Aglaë, Eléonore*. Замѣтимъ мимоходомъ, что зако-

номъ о *hiatus* одолжены Французы Латинскому *элизиму*. По свойству Латинскаго стихосложенія, слово, кончащееся на гласную, теряетъ ее передъ другою гласною.

Буало замѣнилъ сіе правило закономъ объ *hiatus*:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée.

Во вторыхъ: какъ можно вѣчно рифмовать для глазъ, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться въ числѣ <единственномъ или множественномъ>, когда произношеніе въ томъ и въ другомъ одинаково? Однако жъ нововводители всего этого еще не коснулись; покусенія же ихъ едва ли счастливы.

Въ прошломъ году Сентъ-Бёвъ выдалъ еще томъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Les Consolations*. Въ нихъ Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ. Уже онъ не отвергаетъ отчаянно утѣшеній религіи, но только тихо сомнѣвается; уже онъ не ходитъ къ Розѣ, но признается иногда въ порочныхъ вожделѣніяхъ. Слогъ его также перебѣсился. Словомъ сказать, и вкусъ и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Къ несчастію должны мы признаться, что, радуясь переимѣнѣ человѣка, мы сожалѣемъ о Поэтѣ. Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ Французскимъ Поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. *искренностію вдохновенія*. Нынѣ Французскій Поэтъ систематически сказалъ себѣ: *soyons religieux, soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants*, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго, вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія. Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи <разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты>! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, колыми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастье

и величіе человеческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человеческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя.... Р.

946. ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,

или оправданный Александръ Аноимовичъ Орловъ.

In arena cum aequalibus descendi.

Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Буларинъ болѣе десяти лѣтъ подають утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сродствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича *ловкимъ своимъ товарищемъ*; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Димитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣзду въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе, 1) Николай Ивановичъ въ Сѣверной Пчелѣ <издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ> напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательно!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 *Телескопа*, заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямотѣмъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* <№ 27> статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ

1) См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча.

возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнь 1812 г. <с. 64>.

2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго <с. 65>.

3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою <с. 65>.

4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ <с. 65>.

5) Что пословица: vox populi—vox Dei есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революціи <с. 65>.

6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведеніе образцовое, но, *относительно*, явленіе пріятное и полезное <с. 65>.

7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его <Николая Ивановича> не посылать къ нему вздоровъ <с. 68>.

И что, слѣдственно Ѳ. В. Булгаринъ, *своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ*:

что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить.—Мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба—<сіе священное чувство>—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ <въ № 9 *Телескопа*> взяли *дѣтъ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ <да, въ Москвѣ> книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ*», и проч.

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ; начинающей сими строгими словами: «*у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ*». Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей небудумности!

«*Дѣтъ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!..*» Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ

АЛЕКСАНДРЪ АНОНИМОВИЧЪ
ОРЛОВЪ.

рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ—*Александръ Аноимовичъ Орловъ*—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«*Дѣтъ глупѣйшія книжонки!..*» Произведенія *Александра Аноимовича*, раздѣляющаго съ *Гаддеемъ Венедиктовичемъ* любовь Россійской публики, названы: *глупѣйшими книжонками!* Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга <ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору>; но оскорбительная для всей читающей публики *).

«*Глупѣйшія книжонки!..*» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе 5000 экземпляровъ сихъ *глупѣйшихъ книжонокъ* разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что *Выжигины Г. Орлова* пользуются благосклонностію публики наравнѣ съ *Выжигиными Г. Буларина*; а что

образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ!

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ. «*Дѣтъ глупѣйшія <глупѣйшія>, вышедшія въ Москвѣ <да, въ Москвѣ> книжонки!..*»

«*Въ Москвѣ, да, въ Москвѣ!..*» Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града? Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ Сына Отечества и Сѣверной Пчелы. Больно для Русскаго сердца слушать таковыя отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ Поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные Русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ *ubi bene—ibi patria*, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ Французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все Русское—были бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась Петербургская литература?... *Г. Булгаринымъ?*... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтен-

*) См. разборъ Деницы въ Сынѣ Отечества.—*Дет.*

ный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія Г. Орлова ставятъ Московскаго романиста, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Оаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Аноимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками Сына Отечества, постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Оаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Аноимовича плѣнительною щеголеватостію выраженій; Александръ Аноимовичъ беретъ преимущество надъ Оаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и острою разсказа.

Романы Оаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе *) въ авторѣ <и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ>; повѣсти Александра Аноимовича болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Оаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Аноимовичъ болѣе поэтъ.

Оаддей Венедиктовичъ гений, ибо изобрѣлъ имя Выжигина, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія *Совѣстралу и Англійскому Милорду*; Александръ Аноимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ Г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразныя эффекты!

Оаддей Венедиктовичъ кажется намъ, немного однообразенъ; ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ; *Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственные записки и нравственныя статейки*—все сбивается на тотъ же самый предметъ. Александръ Аноимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности: *Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ, да Курица его съела, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца*, и проч. и проч.

Однако же, безпристрастіе требуетъ, чтобы мы указали сторону, съ коей Оаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимуще-

ство надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумію нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій Г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь непохвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—*Ножевымъ*, взяточникъ—*Взяткинымъ*, дуракъ—*Глаздуринымъ*, и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопухинымъ*, Дмитрія Самозванца—*Каторжниковымъ*, а Марину Мнишекъ—*Княжною Шлюхиной*; за то и лица сіи представлены нѣскольکو блѣдно.

Въ семъ отношеніи, Г. Орловъ рѣшительно уступаетъ Г-ну Булгарину. Впрочемъ, самые пламенные почитатели Оаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, испуленную назидательностію; а самые ревностные поклонники Александра Аноимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую, однако жъ, пороками генія.

Совсѣмъ тѣмъ, Александръ Аноимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Оаддей Венедиктовичъ.—Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Оаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ Сѣверномъ Архивѣ, Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отечества отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г. Ансело въ своемъ путешествіи, возбуждившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ Русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился, и Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ Сѣв. Архива, Сына Отечества и Сѣв. Пчелы. Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местию недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія вспомогательныя средства употреблялъ Александръ Аноимовичъ Орловъ?

*) Гений есть терпѣніе въ высочайшей степени—сказалъ извѣстный Бюффонъ.—Авт.

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ Русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унижительными ласкательствами и пышными общаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Нимало.—Вотъ какъ отзывались о немъ его собратія:

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній «сильно штурмуетъ нашу бѣдную Русскую «литературу и хочетъ разрушить Русскій «Парнасъ не бомбами, но каркасами, при «помощи услужливыхъ издателей, которые «щедро платятъ за каждый манускриптъ «знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣрили насъ «знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть «мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по Латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его «творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что «онъ, какъ сказано въ Недорослѣ, «убоясь «бездны премудрости, вспять обратился». «—Знаменитое лубочное произведение: мыши «кота хоронять или небылицы въ лицахъ, «есть Иліада въ сравненіи съ твореніями «Г. Орлова, а Бова Королевичъ—герой, до «котораго не возвысился еще почтенный «авторъ... Державинъ есть у насъ *Альфа*, а «Г. Орловъ—*Омега* въ литературѣ, то есть, «послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ «существъ, и потому заслуживаетъ вниманіе, «какъ все необыкновенное *). Языкъ его, изложеніе и завязка, могутъ сравняться только «съ отвратительными картинами, которыми «наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣлостью автора.

«Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ «изъ Петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ <не говоримъ о книгопродавцахъ> «не взялся бы ихъ издавать.

«По какому праву Г. Орловъ вздумалъ

«назвать своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана «Выжигина, и еще въ то самое время, когда «авторъ Выжигина издаетъ другой романъ «подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такіа «омерзительныя картины не появлялись «на Русскомъ языкѣ. — Да здравствуетъ «Московское книгопечатаніе!» <Сѣв. Пчела 1831 г., № 64>.

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анеимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по 20-ти рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ 20 рублей, доставилъ онъ другому 2000 выгоды *), между тѣмъ какъ нѣкоторый Петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись 30,000, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ <издавшій Горація съ чужими примѣчаніями> не знаетъ по-Латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что Г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно доказано, что Г. Булгаринъ вовсе не ученъ; но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное самимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ? — Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа Г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи <писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи>?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей Сѣверной Пчелы: справедливы ли сіи критики? виновать ли Александръ Анеимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его не знающаго и не писавшаго о немъ ничего дурного? **)

Феофилактъ Косичкинъ.

*) Важное сознаніе! Прошу прислушать.—

Дет.

*) Историческая истина!—Дет.

**) Сынъ Отечества, № 27, стр. 60.—Дет.

947. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ не-
злопамятныхъ литераторовъ, которые, пу-
блично другъ друга обругавъ, обнимаются
потомъ всенародно, какъ *Пролазъ* съ *Вы-
соносомъ*, говоря въ похвалѣу себѣ и въ
утѣшеніе:

«Вѣдь, кажется, у насъ по полной
оплеухѣ.»

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я
долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ
весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній,
обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и
тому подобнаго. Для поддержанія же себя
въ семъ суровомъ расположеніи духа, пере-
читываю я, тщательно мною переписанныя
въ особую тетрадь, статьи, подавшія мнѣ
поводъ къ такому ожесточенію. Такимъ
образомъ, пересматривая на дняхъ анти-
критику, подавшую мнѣ случай заступиться
за почтеннаго друга моего А. А. Орлова,
напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«Я *мшлся* на сіе <на оправданіе
Г. Булгарина> не для того, чтобъ оправ-
дать и защищать Булгарина, который въ
этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него
въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта,
нежели во многихъ головахъ рецензентовъ»
<см. № 27 Сына Отечества, издаваемого
Гг. Гречемъ и Булгаринымъ>.

Изумился я, какимъ образомъ могъ я
пропустить безъ вниманія сіи краснорѣ-
чивыя, но необдуманнныя строки! Я сталъ
по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ
рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ,
нежели у Г. Булгарина въ мизинцѣ, и теперь
догадываюсь, кому Николай Ивановичъ
думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Вене-
диктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ от-
нестись это затѣйливое выраженіе? Кто
наши записные рецензенты?

Вы, Г. Издатель Телескопа? Вѣроятно,
мстительный мизинчикъ указываетъ и на васъ:
предоставляю вамъ самимъ вступиться за
свою голову. *)

Но кто же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе
раздоры, на письма Бригадирши, на на-
смѣшки славнаго Грипусе, на недавнее
прозвище Верхогляда и проч., всей Европѣ
извѣстно, что Телеграфъ состоитъ въ доб-

ромъ согласія съ Сѣверной Пчелой и Сы-
номъ Отечества: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный ли-
тераторъ рецензіями мало занимается, а
извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики,
остроумнаго сбора статей, въ коихъ выво-
дятся, такъ сказать, на чистую воду нѣко-
торыя, такъ сказать, литературныя плутни.
Ловкіе издатели Сѣверной Пчелы ужъ
вѣрно не стануть, какъ говорится, класть
ему пальца въ ротъ, хотя бы сей палецъ
былъ и знаменитый вышеупомянутый ми-
зинчикъ.

Г. Сомовъ? Но, кажется, Литературная
Газета, совершивъ свой единственный по-
движъ—совершенное уничтоженіе <литера-
турной> славы г. Булгарина—почтеть на
своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не
станетъ тревожить сего счастливаго усы-
пленія, щекотя Газету проказливымъ мизи-
нчикомъ.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто
сіи рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе?
Просвѣщенный читатель ужъ догадался,
что дѣло идетъ обо мнѣ, о *Ѳеофилактѣ
Косичкинѣ*.

Всему свѣту извѣстно, что никто посто-
янно не слѣдовалъ за исполинскимъ
ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ
и блистательныхъ твореній по части по-
литики, точныхъ наукъ и чистой литера-
туры вышли у насъ изъ печати въ тече-
ніе послѣдняго десятилѣтія <шагнувшаго
такъ далеко впередъ> и обратили на себя
справедливое вниманіе завидующей намъ
Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій
не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ,
какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ,
отличающейся ученостію, глубокомысліемъ
и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія
требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на
недостатки разбираемаго мною сочиненія, то
можетъ ли кто-нибудь изъ Гг. Русскихъ
авторовъ жаловаться на заносчивость или
невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ
быть, по примѣру Г-на Полеваго, я слиш-
комъ лестно отзывался о самомъ себѣ; я
могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и по-
просить моего друга подписать имя свое
подъ сими справедливыми похвалами; но
я гнушаюсь таковыми уловками, и Гг. Рус-
скіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ
меня въ шарлатанствѣ.

И что жъ! Г. Гречъ въ журналѣ, съ
жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной
Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ ми-
зинцѣ его товарища болѣе ума и таланта,

*) До мизинцевъ ли мнѣ? — *Изв. Телескопа*
[т. е. Надеждина].

чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во *услышаніе всей Европы*, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои <каждый особо и всѣ пять въ совокупности> готовы воздаты сторицею кому бы то ни было.—Dixi.

Взявшись за перо, я не имѣлъ однако жъ дѣлю объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ <разумѣю слово сіе въ его пролическомъ смыслѣ>, я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова <стаѣи, принятая Московскою и Петербургскою публикою съ отличною благосклонностію>—не ожидалъ я, чтобъ Сѣверная Пчела возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго Сына Отечества, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сѣверная Пчела <№ 101>, объявляя о выходѣ новаго *Выжигина*, говоритъ: «Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего *блаженнаго* г. А. Орлова, знаменитаго автора. При томъ же всякое произведеніе Московской «литературы, носящее на себѣ печать изданія «книгопродавцевъ «пятнадцатаго класса» «приводитъ насъ въ невольный трепетъ». «Блаженный г. Орловъ...» Что значитъ *блаженный Орловъ*? О! конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми допосами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога: то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять непри-

личія мысли остроуміемъ или веселостію оборота».

Насмѣшка надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаетъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственные размышленія Г-на Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному марака». Фильдингъ и Лабрюеръ не были ни Статскими Совѣтниками, ни даже Коллежскими Ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы».

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели Сѣверной Пчелы, Сына Отечества и Сѣвернаго Архива не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человекъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того Китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человекъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

Историко-нравственно-сатирическій романъ
XIX вѣка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной канурѣ. Воспитаніе ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ.—Глава III. Драка въ кабацѣ. Ваше Благородіе! Дайте опохмелиться!—Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство.—Глава V. Ubi bene, ibi patria.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву.—Глава VII. Вы-

жигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный.—Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Танта. Выжигинъ попадаетъ въ дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностью объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы.—Глава XVI. Видокъ или маску долой!—Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Ө. Косичкинъ.

948. ВСѢМЪ ИЗВѢСТНО, ЧТО ФРАНЦУЗЫ НАРОДЪ САМЫЙ АНТИ-ПОЭТИЧЕСКІЙ.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: *Монтанъ*, *Монтескье*, *Вольтеръ*, доказали это. Монтанъ, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаѣлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народъ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скупиѣе [Юма? Юнга? Юго т. е. Гюга!] и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ десять—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

949. [О КНИГѢ А. Н. МУРАВЬЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВ. МѢСТАМЪ].

Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича.—За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на

Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя 8 лѣтъ занимавшей помысленія просвѣщеннаго міра.—Греція ожидала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Пареемона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. М. [Муравьевъ] черезъ Г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу Г-на М[уравьева]. Здѣсь нѣтъ, говоритъ другой русскій путешественникъ... Но молодаго нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрести краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, (не надежда) найти насильственные впечатлѣнія для сердца усталого и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію,... gréocsuré одною великою мыслію; онъ не старается, какъ III[атобріанъ], воспользоваться противоположною міеологіей Библии и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ..... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обфтованную землю, наконецъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

950. МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА.

Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король Шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марины, Зарудскій, злодѣйствовала въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди отъ всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣд-

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ.

ствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многіе бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Федоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Федора Никитича, иѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедмитрія <1605> изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества. Отецъ Федора Никитича, Никита Романовичъ, (былъ женатъ) на сестрѣ царя Іоанна Васильевича и, (слѣдовательно), юный Михаилъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Іоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталь онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерію своею, Кеенією Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѣи постриженной въ пустынномъ Онежскомъ монастырѣ.

Лжедмитрій <опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе>, перевелъ ихъ въ костромской Ипатскій монастырь.

951. [О ПРИКАЗАХЪ].

Приказы: *Надворный* вѣдалъ дѣла переносныя <cour de la cassation>; *Расправная палата* <сенатъ>; *Золотая палата* <вѣдала службу дворянъ>; *Приказъ Посольскій*, кромѣ дѣлъ иностранныхъ, вѣдалъ таможи, аптеки, врачей. *Приказъ Большой Казны*—Департаментъ удѣловъ. *Земскій*—Управа Благочинія Московская. *Житный, Бронный, Монастырский, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Ямской, Холопій*; *Казанскій дворецъ* вѣдалъ царства Астраханское, Казанское и Сибирское; *Каменный приказъ*, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій. Сверхъ того временные приказы, напр. *Приказъ о прекращеніи разбоевъ*.

При удѣльныхъ князьяхъ *тиуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкіе.

Городничій—*Дворской*.

Губернскій предводитель—*воевода*, вполнѣдствіи Главный уѣздный судья, губной

староста, судія, цѣловальникъ—засѣдатель уѣзднаго суда, объѣздной—исправникъ. «Прикащикъ»—посадскій—предсѣдатель городской думы. Помѣстный прикащикъ—дворянскій предводитель, <сбивчиво, дурно>.

952. [ТЕРМИНЫ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ].

[Изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича].

Семеновскій потѣшный дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомыть—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречеть больше и сѣрѣ сокола. Соколъ посизѣ.

Должникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабило—гусиные крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Шалачъ—мѣшокъ для живой птицы.

Пушенная птица—для обученія сокола.

Дербинички напускаютъ попарну—одинъ снизу, другой сверху <дермички>.

Колокольчикъ привязанъ къ ногъ, коли соколъ отбудеть, то начинаетъ чесаться, etc.

Дермички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертугъ желѣзный—на немъ вертится вабло.

Помѣчки—ловчіе крестьяне.

Стуль—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Толунбасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы
Тайникъ } сѣти.

Съ Благовѣщенія ихъ поднимаютъ, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня (учать). Учать сокола, заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ, глотку... добудеть (грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ—конвульція, корчъ—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ,

Сокольникъ—унтеръ-офицеръ,

Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный.

Подъ-статейничій.

Секрет[арь]: Расходчикъ.

**И С Т О Р І Я
П У Г А Ч Е В С К А Г О
Б У Н Т А.**

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

1834.

Съ дозволенія Правительства.

Въ Типографіи И Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составляетъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано Правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами Государственными, нынѣ превращенными въ Историческіе матеріалы. Государь Императоръ по своемъ восшествіи на престолъ приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій Историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ— конечно, несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкинъ.

2-го ноября 1833.
Село Болдино.

Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похощеній не только посредственному, но ниже самому превосходѣйшему Историкъ порядочно описать едва ли бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ <думаю> подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удачества въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій.

ПУГАЧЕВЪ.

Гравюра, приложенная Пушкинымъ къ изд. 1834 г. Подлинникъ, съ котораго сдѣлана гравюра Пушкинскаго изданія, см. дальше (отдѣльный листъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Яицкихъ Казаковъ. — Поэтическое преданіе. — Царская Грамота. — Грабежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенька Разинъ. — Нечай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго. — Внутреннія безпокойства. — Побѣгъ кочующаго народа. — Бунтъ Яицкихъ Казаковъ. — Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменный хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ и, протекши болѣе двухъ тысячъ

пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заводскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя волны напол-

нены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обростъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-го рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились Донскіе Казаки, разбѣзжавшіе по Хвалынскому морю ¹⁾. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ мѣстопробываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторые Татарскія семейства, отбѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружжелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ Татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ Атамановъ, по имени *Гугня*, первый преступилъ жестокий законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ просвѣщенные и гостепріимные жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ за здоровье бабушки Гугнихи ²⁾.

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Феодоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобы Онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамоту ³⁾ на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и позволя имъ *набираться на житье вольными людьми*.

Число ихъ часъ-отъ-часу умножалось. Они продолжали разбѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговые Персидскія суда, и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ Москвы

посланы были на Донъ и Яикъ увѣщевательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттолѣ отправились въ Москву, и явились ко Двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были Стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ Яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а Стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены ⁴⁾.

Преданіе, согласное съ Татарскимъ Лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ Яицкихъ Атамановъ, Нечая и Шамая ⁵⁾. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажилъ въ немъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся Ханомъ, и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о гибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой Атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ лѣвнѣ степнымъ Калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали, наконецъ, отъ себя къ Хивинскому Хану просить, чтобы онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ Калмыками въ Яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службу по наряду Московскаго Приказа, но дома сохраняли первоначальный образъ упра-

вленія своего. Совершенное равенство правъ; Атаманы и Старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановлений; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ писменныхъ постановлений; *въ куль да въ воду*—за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управления ⁶⁾. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, Яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленные съ величайшею утонченностію ⁷⁾.

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія Яицкихъ казаковъ въ общую систему Государственнаго Управления. Въ 1720 году Яицкое войско отдано было въ вѣдомство Военной Коллегіи. Казаки возмущались, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ—бѣжать въ Киргизскія степи, но были жестоко усмирены Полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ Войскаго Атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Правительствомъ хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между Войсковымъ Атаманомъ Меркулевымъ и Войсковымъ Старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе Яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ Губернаторомъ, представилъ въ Военную Коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на Престолъ Государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года, стороны Логиновской Яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемые отъ Членовъ Канцеляріи, учрежденной въ войскѣ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ

жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и Генераль-Маіоры Потаповъ и Череповъ <первый въ 1766 году, а второй въ 1767> принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была Слѣдственная Комиссія. Въ ней присутствовали Генераль-Маіоры Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Войсковой Атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто избранъ Петръ Тамбовцевъ; Члены Канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія Самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію Президента Военной Коллегіи, Графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Между тѣмъ, велѣно было нарядить въскольکو сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленія. Узнали, что Правительствомъ имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генераль-маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкой городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествіе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ, кочевали мирные Калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе Приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ сосредоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію, и тайно снесли съ Китайскимъ Правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону и

потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества ⁸⁾. Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки <кромя весьма малаго числа> не послушались, и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ, для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 Января 1774 года они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова, въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ Слѣдственной Комиссіи. Они требовали отрѣшенія Членовъ Канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генералъ-Маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ на-встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія Войсковаго Атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, Члены Канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ Генералъ-Маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для ихъ усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ и, взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку ⁹⁾. Мятежники,

въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступивши въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась Слѣдственная Комиссія подъ предсѣдательствомъ Полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ Гостиного и Мѣноваго дворовъ. Прежнее Казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено Яицкому Коменданту, Подполковнику Симонову. Въ его Канцеляріи повелѣно присутствовать Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину и старшинѣ <простоному> Мостовицкому. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты <и всѣ бѣжали>; остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно: «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы тряхнемъ Москвою». — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную <или, какъ весьма точно переводили слова сіи Военная Коллегія, на послушную и непослушную>. Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ ¹⁰⁾ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Не доставало предводителя. Предводитель сыскался.

КАЛМЫКЪ.

Изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc, «Histoire de la Russie moderne». Paris, MDCCLXXV.

КИРГИЗЫ ВРЕМЕНЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Изъ Путешествія Палласа «*Reise durch Verschiedene Provinzen des Russ. Reichs*» (т. I, Сно., 388).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Кожевникова. — Первые успѣхи Самозванца. — Измѣна Илецкихъ казаковъ. — Взятіе крѣпости Разсыпной. — Нурали-Ханъ. — Распоряженіе Рейнсдорпа. — Взятіе Нижне-Озерной. — Взятіе Татищевой. — Совѣтъ въ Оренбургѣ. — Взятіе Чернорѣченской. — Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла ¹⁾. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Отъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ Начальство, и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области Турецкаго Султана; онъ увѣрялъ, что и Донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что

какой-то Паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покаместъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества или Крещенія непременно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ Комендантскую Канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ, и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ <что нынѣ Волгскъ> по указанію крестьянина, вѣхавшаго съ нимъ одною дорогою ²⁾. Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, пришедшій

съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за Польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло казаться важнымъ, то Оренбургской Губернаторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ Государственную Военную Коллегію, донесеніемъ отъ 18 Января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдкіи, и Казанское Начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ, подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки <такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ> стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ усакалъ изъ города. Это случилось 19 Юня 1773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе Суда, по коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетью и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную работу ³⁾.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна обща всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствование А н н ы І о а н н о в н ы, Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество Донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ Турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней Турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Императору Н и к о л а ю, уже переплывшему Дунай на Запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцевъ и возвратились подъ владычество законнаго своего Государя.

Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, роднымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, по-

ложили быть повому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только прошлецъ дерзкій и рѣшительный, еще не извѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно стали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ Казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часть-отъ-часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи... Многие казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели въ Комендантскую Канцелярію, и пыткой вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ Сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимофеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худошавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой Калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повѣстки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ императоръ Петръ III ^{а)}; что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года ^{б)}; что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ Русскомъ войскѣ во время послѣдней Турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону, и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, по скорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отведенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о

строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взять Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Выказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* <осеннее рыболовство>, въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать Атамана, итти прямо въ Яицкой городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всемъ дорогамъ, дабы нигде преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ *броситься въ Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ Судей <ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда>, и возвести на престолъ Государя Великаго Князя. *Самъ же я*, говорилъ онъ, *уже царствовать не желаю*. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ, и увезли его на Усихину Розсашъ, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 Сентября Пугачевъ съ Будоринскаго ⁴⁾ форпоста пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ-сотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на стороцу новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пять-сотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при Капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное писмо отъ самозванца ⁵⁾. Казаки потребовали, чтобы писмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Наумовъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ

Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сія первыя его жертвы были, Сотники: Витошновъ, Чертогоровъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзаневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу; но при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генералъ-Поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симонова дошло до Губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку ⁶⁾ и послалъ начальствовавшему въ немъ Атаману Портнову повеленіе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бороною <Илецкіе какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы>, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местию въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, Атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ Атамана, три дни праздновалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную ⁶⁾.

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 Сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Командантъ, Маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ Священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтора казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распро-

странялся. Еще съ Будоринскаго форпоста, Пугачевъ писалъ къ Киргизъ-Кайсацкому Хану, именую себя Государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и ста человекъ вспомогательнаго войска. Нурали-Ханъ подѣлжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ Оренбургскому Губернатору Татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе на степяхъ,—писалъ Нурали къ Губернатору,—не знаемъ, кто сей, развѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человека русая». Присемъ, пользуясь обстоятельствами, Ханъ требовалъ отъ Губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III извѣстна всему Свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ Хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его Правительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прошенія Хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не переставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а Киргизы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ Хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе Яицкаго Коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло и донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ написалъ Бригадиру Барону Билому выступить изъ Оренбурга съ четырьмястами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи 7), Бригадиру Барону Корфу велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; Подполковнику Симону отрядить Маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками для соединенія съ Биловымъ; Ставропольской Канцеляріи 8) велѣно было выслать къ Симону пятьсотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближай-

шимъ Башкирцамъ и Татарамъ собраться какъ можно скорѣе и, въ числѣ тысячи человекъ, идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную, но, въ пятнадцать верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Въмѣсто пяти сотъ вооруженныхъ Калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и Татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ и Войсковой Старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3 октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не выдавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную 9). На дорогѣ встрѣтилъ онъ Капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго Коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26 Сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ вѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, Государь,» сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ.» — «Старый ты человекъ,» отвѣчалъ самозванецъ: «развѣ пушки лютуютъ на Царей?»—Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ сгрѣлать. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться, и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гар-

низона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ Прапорщикова Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю¹⁰⁾. На другой день Пугачевъ выступилъ¹¹⁾ и пошелъ на Татищеву.

Въ сей крѣпости начальствовалъ Полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 Сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпости. Мятежники подѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ—не слушаться бояръ и сдать добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненный Елагинъ и самъ Билловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, челоука тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, нахавунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителямъ, распорядившему казню ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова Маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой; ее убили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и Башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣлены картечью. Прочіе острижены показавши и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителямъ.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ.

Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Билловъ, изъ Татищевой, извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; Маіоръ Крузе, изъ Чернорѣченской, о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ <28-го Сентября>, триста челоуковъ Татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участіи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиновниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать, и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У Польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе, и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе Оберъ-Коменданту, Генераль-Маіору Валленштерпу; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ Таможеннаго Директора Обухова.

4) Сеитовскихъ Татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними Коллежскому Совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать въ распоряженіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ Артиллеріи.

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ Оберъ - Коменданту исправить городскія укрѣпленія, и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще невзятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой, 29 Сентября, Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую¹²⁾. Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при Капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто Коменданта, Маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ Капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку¹³⁾, коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.— 1-го Октября, изъ Татарской деревни Карчале, поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описы-

ВЫРЫВАНІЕ НОЗРЕЙ.

*Съ акварели XVIII вѣка, принадлежавшей П. Я. Дашкову.
(Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пугачевскій Бунтъ»).*

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Мѣры правительства. — Состояніе Оренбурга. — Объявленіе Рейнсдорна о Пугачевѣ. — Разбойникъ Хлопуша. — Пугачевъ подъ Оренбургомъ. — Бердская слобода. — Сообщники Пугачева. — Генералъ-Маіоръ Каръ. — Его неудача. — Гибель Полковника Чернышева. — Каръ оставляетъ армію. — Бибииковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своими Старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ) начали нападать на Русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваши, Черемисы перестали повиноваться Русскому Начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы, Казанскій — фонъ-Брантъ, Сибирскій — Чичеринъ и Астраханскій — Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ

извѣстили Государственную Военную Коллегію о Яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятія по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено Генералъ-Маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предпи-

саній Начальства. Онъ находился въ Петербургѣ, при приѣмѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду Генералъ-Маіору Нащокину ⁴⁾ и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію. Къ нему присоединили Генералъ-Маіора Фреймана, уже усмирявшаго разъ Яицкое войско, и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 Октября Правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщавая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія ¹⁾.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семь городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохраниено самимъ Рейнсдорпомъ ²⁾.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова ³⁾ подтвердило справедливые слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; уstraшенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смутенія, отставной сержантъ ⁴⁾, подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколотъ Губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія ⁵⁾. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны носителѣ слухъ, яко бы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо ⁶⁾. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ ⁷⁾.

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ.

Въ Оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ ⁸⁾ употребить смышленнаго каторжника, и черезъ него переслать въ шайку Пугачевскую увѣщательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ Губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что тутъ написано,» сказалъ безграмотный Пугачавъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго Киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его Полковникомъ, и поручилъ ему грабежи и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножая свою шайку приписными крестьянами и Башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 Октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстія, а другую въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію Губернатора, предмѣстіе было выжжено. Удѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запалили скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противъ зажигателей <уже на другой день утромъ> выступилъ Маіоръ Наумовъ <только что прибывшій изъ Яицкаго городка>. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безо всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чинов-

никовъ и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семь совѣтѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Старовъ-Милуковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго чловека: *идти противу бунтовщиковъ*. Прочіе боялись новую неудачу привести жителей въ опасное уныніе, и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 Октября мятежники выѣхали грабить Мѣнковой Дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города ⁹⁾. Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти чловековъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно; а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать ¹⁰⁾. Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 Октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непринычки, робѣли ядеръ и жалісь къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ каре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать чловековъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разбѣжжали около городскаго вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. *«Не стану тратить людей,»* говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ, *«а выморю городъ морозъ.»* Не разъ находилъ онъ способъ доставлять жителямъ возмутительные свои листы. Схватили въ го-

родѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургъ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Илецкой крѣпости, частію въ Уфимской уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и Татарами, а казаки, главніе табуны, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го Октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ. 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою ¹¹⁾ слободою, близъ лѣтней Сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолкъ разбѣды его не преставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдѣшнемъ опасеніи.

2-го Ноября Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу, и поставилъ около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ чловековъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предместья, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ Соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и мять. Мятежники въ церкви разложили огонь, изтопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ вѣшати на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученій. Мятежники устроили тамъ свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлой день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ ¹²⁾. Утромъ изъ города посланы были невольники, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу раз-

ломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, на престольное одѣяніе въ локутьяхъ.....

Стужа усилилась. 6-го Ноября Пугачевъ съ Яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, Калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ, въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были Яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скопилось немоевѣрное множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человѣкъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабеджемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія <особенно артиллерійскія> происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. Наектенія поминали государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольниковъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ, передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами раз-

стрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копьѣ, кричали: *Господа казаки! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳеодоровичу*. Другіе требовали, чтобы имъ выдали *Мартюшку Бородину* <Войскового Старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова>, и звали казаконъ къ себѣ въ гости, говоря: *У нашего батюшки вина много!* Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣзтники, и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нѣрѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ,—и едва не попалъ въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ уздцы¹³).

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошеца, не имѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но на-единѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однихъ рубахахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. *Улица моя тѣсна*, говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына¹⁴). Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удушили его и бросили съ камнемъ на шею въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. Онъ пошелъ, отвѣчали ему, *къ своей матушкѣ внизъ по Яику*. Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ.

Портретъ, принадлежащій А. С. Тихъеву.

право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣщенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣлены. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ <онъ же и Чика>, съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣстунъ Пугачева. Онъ именовался Фельд-

маршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика—Графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ—Графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ—Графомъ Панинымъ, Чумаковъ—Графомъ Орловымъ¹⁵⁾. Отставной Артиллерійскій капраль Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся

въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался Правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія: но пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ жесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза ¹⁶⁾. Вотъ какіе люди колебали Государствомъ!

Каръ между тѣмъ прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій Губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, оставшихъ и поселенныхъ солдатъ, и расположить ихъ частію около Кичуевскаго фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человекъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ, для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву, къ Генералъ-Аншефу Князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но Московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а Томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ, и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ Симбирскому Коменданту, Полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи Генералъ-Маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для приѣма рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаясь только», писалъ онъ Графу З. Г. Чернышеву, «чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допусая до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь онѣ появились.» Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева, по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ Ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни

высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ Башкирцевъ и Мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, въ ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ ¹⁷⁾ заводѣ и возмущивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 7-го Ноября послалъ Секундъ-Маіора Шипкина съ четырьмястами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву ¹⁸⁾, а самъ съ Генераломъ Фрейманомъ и Преміеръ-Маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только что подоспѣвшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ и прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные развѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщательный Манифестъ; они его приняли, но отбѣхали съ бранью, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ насквали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были виѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты отдалялись, проворно перевоза свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ дѣлалъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ <если вѣрить его донесенію> не болѣе ста двадцати человекъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалѣ-

немъ разстояніи, подѣ начальствомъ Князя Уракова, бѣжали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при Поручикѣ Карташовѣ, бѣжали съ такой оплошностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ урогѣ, онъ представилъ Военной Коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе Полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой, и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го Ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой, и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ Илецкихъ казаковъ, приведенныхъ Самарскимъ Атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти grenaderъ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: grenaderы были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Переволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣрили, бѣжали изъ Пугачевского стана. Между ними находился казакій Сотникъ и Депутатъ ¹⁹⁾ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою Депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ, и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его увидятъ, то опасность уже минуетъ и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Орен-

бурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ Калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собой трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ Губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. — Въ самое сіе время въ Оренбургѣ слышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и Калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужей, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева ²⁰⁾, тридцать шесть офицеровъ, одну Прапорщицу и Калмыцкаго Полковника ²⁰⁾, оставшагося вѣрнымъ своему несчастному Начальнику.

Въ то же самое время Бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человекъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него: но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское Начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го Ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ <включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ>, было выведено въ поле, подѣ предводительствомъ Оберъ-Коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить каре и отступить, потерявъ тридцать два человека ²¹⁾. Въ тотъ же день Маіоръ Варистедъ, отряженный Каромъ на Ново-Московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева, и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ-сотъ человекъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ Военной Кол-

леги, самовольно отказался отъ начальства, подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ насчетъ образа дѣйствій противу Пугачева, и оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица, строгимъ указомъ, повелѣла его исключить изъ службы ²²⁾. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Императора Александра ¹⁾.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала Генералъ-Аншефа Бибикова.—Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежить къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честью въ семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась Комиссія Новаго Уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ; самъ былъ избранъ Депутатомъ и потомъ назначенъ въ Предводителя всего Собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ, на мѣсто Генералъ-Поручика Веймарна, Главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденных ³⁾.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Поль-

шею Генералъ-Поручику Романусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при Графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, доголѣ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, Она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный Государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежнею ласковой улыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ же привелъ слова престонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

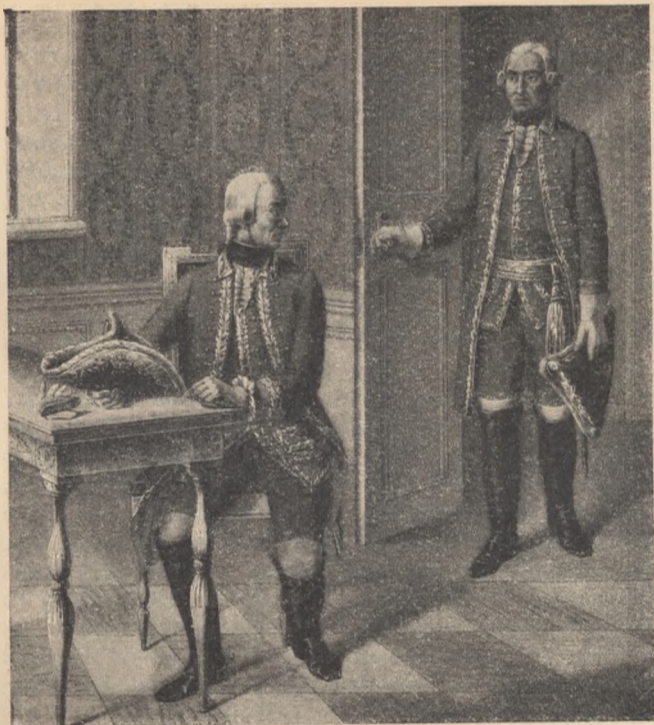
Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9-го Декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная Московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ПОДПИСЬ БИБИКОВА.

(Изъ приложенийъ къ изданію 1834 года).

ГАРНИЗОННЫЕ ОФИЦЕРЫ 1770-хъ ГОДОВЪ.

(Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствіе мятежниковъ.—Маіоръ Заевъ.—Взятіе Ильинской крѣпости.—Смерть Камешкова и Воропова.—Состояніе Оренбурга.—Осада Яидкаго городка.—Сраженіе подъ Бердою.—Бибиковъ въ Казани.—Екатерина II, домѣщица казанская.—Миѣніе Европы.—Вольтеръ.—Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, гибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестьюстами человѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ Ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ Оренбургскимъ; однакожъ Комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію Баш-

кирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфой и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятьюстами человѣкъ и шестью пушками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряженъ былъ Сибирскимъ Губернаторомъ Чичеринымъ, Генераль-Поручикъ Декалонгъ и Генераль-Маіоръ Станиславскій ¹⁾. Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской ²⁾ крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ Коменданта, Поручика Ло-

патина: но пощади́лъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ, Подполковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопушѣ, и соединясь съ нимъ 25-го Ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники, спѣшась, ударили въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ Башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженные Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую <27-го Ноября>. Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторые избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторые распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ <на четвертый не достало>; также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приближались и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «не стрѣляйте и выходите вонъ: здѣсь Государь». По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные Поляки <особливо послѣдніе> съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Оставайтесь здѣсь и защищайтесь»—сказалъ онъ имъ—«а я отъ Генерала выхожу на вылазку повелѣнія не имѣю».

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саниахъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить,

мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю Татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены на колѣна. Онъ сказалъ имъ: *Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте!* Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили Капитана Камешкова и Прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена.—*Зачѣмъ вы шли на меня, на вашего Государя?* спросилъ побѣдитель.—«Ты намъ не Государь», отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ». Они тутъ же были повѣшены.—Потомъ привели Капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. *Когда онъ былъ до васъ добръ,* сказалъ самозванецъ, *то я его прощаю.* И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь показки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ его отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ. Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непременно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена Бригадира Корфа. Онъ грозилъ ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами³⁾.

30-го Ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ и хотѣлъ идти противу Станиславскаго, но, перехвативъ Оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го, ночью,

войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя безкормицею, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отовсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разбѣжающихся ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сей военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ Губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу ⁴⁾.

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, утраченный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ, или для поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29-го на 30-е Декабря Старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31-го Декабря отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ востор-

гомъ, и тутъ же вооружась чѣмъ ни попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изъ всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы, и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говорить одинъ свидѣтель, сыпались подобно дробі битой десятию барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ.—Мятежники, безопасныя въ десяти саженьяхъ отъ крѣпости и большею частію *Гулебичики* <охотники> попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и Послушныхъ; довольно количество пороху, но мало сѣбствныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутки землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь, и нападая на укрѣпленныя избы. Сін опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенѣны, а Послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался <и то самымъ тайнымъ образомъ> за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова <Академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ>, стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбъ. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастья оружія, и 13-го Января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргалѣ, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервѣ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страхась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи, Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25 Декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцевъ бѣжали въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го Января 1774 года, послѣ молебствія и Слова, говореннаго Казанскимъ Архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Правительства о пресѣченіи оного, обратилъ къ сословію, которое вмѣстѣ съ Правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ Отечеству и вѣрности къ Престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одnogорекрута. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ

Начальники легіона. Дворянство Симбирское, Свияжское и Пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству Маіоровъ Гладкова и Чемесова, и Капитана Матюнина. Казанскій Магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила Казанскому дворянству Монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя Себя Казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій Предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью, сочиненною Гвардіи Подпоручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при Главнокомандующемъ⁵⁾.

Бибиковъ, стараясь ободрить окружающихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ Графу Чернышеву, фонъ-Визину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30 Декабря писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдвшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде бѣ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда позднеенько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ grenadierъ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію разазы, сего очень мало, а зло таково, что похоже <помнишь> на Петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ Губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и гибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о

родительскихъ молитвахъ, а праведную ⁶⁾ Евпраксию нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно».

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной ⁷⁾. Зима усугубляла затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ ⁸⁾. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами ⁹⁾. Селенія были пусты, главные города въ осаду, другіе заняты шайками бунтовщиковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изъ всѣхъ концовъ Государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева Яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская, и Астраханская ¹⁰⁾ были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей ¹¹⁾. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турцією; даже нѣкоторые изъ Европейскихъ Державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія. ¹²⁾

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. ^{h)} Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе Туредкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: „C'est apparemment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui». Императрица, досадуя на сплетни Европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous

les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie». ¹³⁾

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику Императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные Манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулинъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякаго оскорбленія*, отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Начальство отъ имени всѣхъ Зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго Ей и Отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери <всѣ трое малолѣтныя> были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй армии. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ Государство ¹⁴⁾.

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ-роду, росту средняго, смугль и худошавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ вискѣ имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью ¹⁵⁾. Онъ не зналъ грамотѣ, и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился онъ на казачкѣ Софьѣ

Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейскій Атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тамъ письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки Правительству. Возвратясь въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хutorѣ, гдѣ и былъ пойманъ; но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ казакамъ.

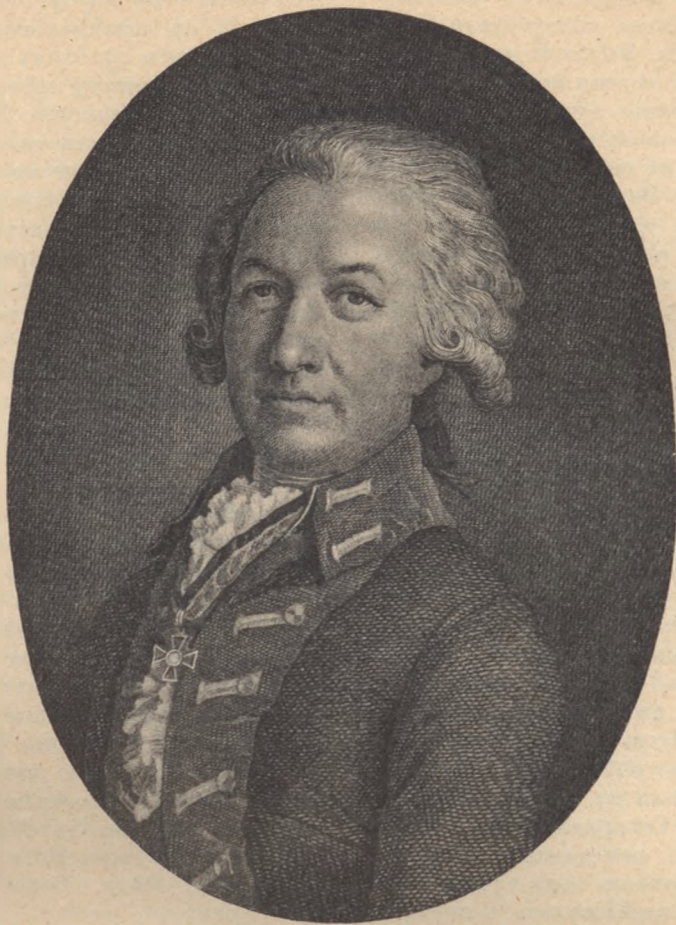
Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, Старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за Польской границей, въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней.— Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ Правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная Полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на Престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ ¹⁶⁾. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ ¹⁾.

ПЕЧАТЬ ПУГАЧЕВА.

*Большая Государственная Печать Петра Третьяго, Императора и Самодержца
Всероссійскаго 1774.*

(Приложеніе къ изданію 1834 г.).

ДЕРЖАВИНЪ.

(Гравюра Гейзера, съ портрета Боровиковскаго; приложена къ книжкѣ «Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin, aus d. rus. übersetzt von A. v. Kotzebue». Leipzig. 1793).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова.—Первые успѣхи.—Взятіе Самары и Зайнска.—Державинъ.—Михельсонъ.—Продолженіе осады Яидкаго городка.—Свадьба Пугачева.—Разореніе Илецкой Защиты.—Смерть Лысова.—Сраженіе подъ Татищевой.—Бѣгство Пугачева.—Казнь Хлопуши.—Освобожденіе Оренбурга.—Пугачевъ разбитъ вторично.—Сраженіе при Чесноковѣ.—Освобожденіе Уфы и Яидкаго городка.—Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланные противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генераль-Маіоръ Князь Голицынъ, съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генераль-Маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовали маіоръ Муфель и Подполковникъ Гриневъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ

къ Уфѣ и къ Екатеринбургъ. Декалонгъ охранялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить маіора Гагринъ съ одною полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыковку посланъ былъ Гвардіи Поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ во <Владимірскомъ> оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разо-

слать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Въ послѣдствіи Биби-ковъ былъ доволенъ своими полками. «Дѣла мои, Богу благодареніе <писалъ онъ въ Февралѣ>, идутъ часть отъ часу лучше: войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны <въ Петербургѣ>, то я изо всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у гуся: не забнутъ ли ноги?» (Ой да работка! Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ! Однако, работаю и работаю буду до положенія ризъ. Твори Богъ волю свою).

Маіоръ Муфель съ одною полевой ко-мандою 29-го Декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они, подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ, думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палашы и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое сіе время въ двухъ верстахъ отъ Самары показались Ставропольскіе Калмыки ¹⁾ идушіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару Подполковникъ Гриневъ и Генераль-Маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю для усмиренія Калмыковъ: но они разбѣжались, и отрядъ, не выдавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибиговъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе Генераль-Маіора Фреймана, стоявшаго въ Бугульмѣ безо всякаго дѣйствія, пошелъ на Зайнскъ, коего семидесятилѣтній Комендантъ, Капитанъ Мертвецовъ принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиговъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, батареи взяты, предмѣстія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибигову являлось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіеся на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. ²⁾ Узнавъ однажды,

что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось. ³⁾

Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, начальникъ Дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхи мои <писалъ Биби-ковъ> навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ detaшментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу». Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила Главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, Подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го Января перешелъ онъ черезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ Полковникъ Бибиговъ; Мансуровъ, 10-го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его навстрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. «Ты взбунтовалъ насъ», говорили они, «и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ». ¹⁾ <Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти>. ²⁾ Яидкіе же казаки въ случаѣ же неудачи думали предать Пугачева въ руки Правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиговъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело,

которымъ играютъ воры, Яицкіе казаки: не Пугачевъ важень; важно общее негодованіе». 4)

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го Января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при *Старицѣ* <прежнемъ руслѣ Яика>. Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгушихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкнуи палѣбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежегаль. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: «Помилуй, Государь! дочь наша не Княжна, не Королевна, какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ, однако, въ началѣ Февраля, женился на Устинѣ, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали послѣ Государя Петра Федоровича, супругу его, Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ палба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 Февраля, ночью, прибѣжалъ изъ го-

рода въ крѣпость *малолѣтокъ* 5), и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудовъ пороху, и что Пугачевъ назначилъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрмину, и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ нею въ подвалѣ сохранялся весь пороховой запасъ <что могли знать и мятежники>, то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груды. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ, свалились оттолѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крѣпости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни, и поставилъ тамъ батарею. Мятежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи; чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: на сломъ на сломъ, Атаманы-молодцы! Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, общавшаго имъ, что при взрывѣ колокольни, на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи Князя Голицына, и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пять-сотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою

Защитой ⁶⁾ (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ Февраля, взявъ съ собой чѣтыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженного по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволие смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ Государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десяти тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней передъ тѣмъ, они ѣхали вмѣстѣ изъ Кургала въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскочилъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Токскую и Сарочинскую ⁷⁾, и съ обыкновенною дерзостію ночью, въ сильный бурянь, напалъ на передовые отряды Голицына; но былъ отраженъ Маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ Княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской, ⁸⁾ не успѣвъ схватить крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сарочинской свои запасы подъ прикрытіемъ чѣтырехъ-сотъ человѣкъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ поворотя къ Татищевой, въ ней засѣлъ, и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку Подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую ⁹⁾ <куда возвратился и Бедряга>; оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при Подполковникѣ Гриневѣ, 22-го Марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ

исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены сибѣвыми. Распоряженія Пугачева удивили Князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ для вымотра непріятеля. ¹⁰⁾ Мятежники, притаясь, подпустили ихъ до самой крѣпости, и вдругъ сдѣлали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться, и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что одними пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ Генералу Фрейману съ лѣвою колонною итти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ, и бросился на оледѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія—и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровапролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На простѣнствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до чѣтырехъ сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ ¹¹⁾ Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестюдесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ-пять въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на санияхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, ¹²⁾ послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу

съ симъ извѣстіемъ. [Бѣдный Рейндорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастью, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены ссыльными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятию пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его, и послали увѣдомить о томъ Губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову въ Іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человѣкъ пѣхоты, высланныхъ Рейндорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осмнадцать пушекъ, осмнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ ¹³⁾ и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благодарили Голицына. Рейндорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга. ¹⁴⁾ Отсюда начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 Марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ ¹⁵⁾.

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился <писалъ онъ отъ 26 Марта женѣ своей>. Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добратъся, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика».

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разсанные разѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сеитовскую ¹⁶⁾ слободу, зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочъ. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Иицкому городку, и вдругъ по-

шелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ Полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ на встрѣчу самозванцу, и встрѣтилъ его въ Каргалѣ. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ Полковниковъ Бибикова и Аршеневского, выставилъ онъ семь пушекъ, и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею; Хорватъ въ послѣдней тѣснинѣ, бросаясь на мятежниковъ, отбилъ орудія, и обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы, и вмѣстѣ съ ними вѣхалъ въ Сакмарской городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской, и оттолѣ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достигъ. Послѣ сей рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана—для осмиренія Башкиріи, Аршеневского—для очищенія Ново-Московской дороги, а Мансурова—къ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симоннова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18 Марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него, для прегражденія пути, выслано было Чикою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятию тысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го, на разсвѣтѣ, пришелъ въ деревню Требикову <въ пяти верстахъ отъ Чесноковки>. Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ

подъ прикрытіемъ ста человекъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами, и растапунувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленные десятию пушками, пошли прямо ему навстрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ батареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на конь и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена, и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее, и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: Башкирскаго старшину, и выборнаго села Чесноковки Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда, послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены ¹⁶⁾ казаками и выданы побѣдителямъ, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкой городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкой городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца подъ Татищевой, въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!— Они на-скоро перевязывали свои раны, и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ на-

стала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. ¹⁷⁾ Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6 и 7 Апрѣля занялъ оставленные крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ черезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны; Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ въ самого начала года. ¹⁸⁾ Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то коная траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ Соборную церковь, подъ батареи, и подъ Комendantскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности, и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на дѣлѣ аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною, и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9 Марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; дѣлю вылазки было уничтоженіе новой батареи, сильно беспокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыхъ хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человекъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симо-

новъ пелѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидѣть дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насущную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпѣвать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено; нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и общаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часть-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадиного мяса, раздававшегося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, обвѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и ваяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска Правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ-жъ покорности, общали они отъ его имени не только поми-

лованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденных скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога, Всемогушаго и Всевидящаго, и ободренные страдалцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человекъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертію. Рѣшились всѣ до одного <кромѣ совершенно измощенныхъ> идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить <бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было>, хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ Соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣжали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило»—говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ,—«какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.» Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей... Вдругъ, въ пятомъ часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за роши одна за другою. Бунтовщики вѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣжали назадъ и впередъ по улицамъ, какъ

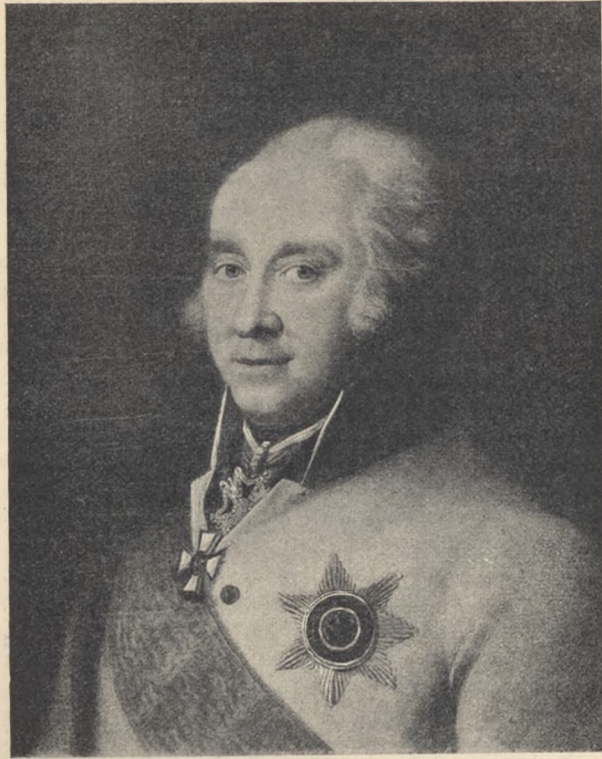
на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ Соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить; но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишеть очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17 Апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 Декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Биби-ковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и

досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ начальство генераль-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ, и скончался 9 Апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его въ своемъ Соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе Сенатора и чинъ Полковника Гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ; Государыня призритъ ихъ: жалѣю объ отечествѣ»¹⁹⁾.—Молва приписала смерть его дѣйствию яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его, и осыпала его семейство своими щедротами²⁰⁾. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю²¹⁾.

Домъ въ Уральскѣ (прежнемъ Яицкомъ городкѣ), въ которомъ жилъ Пугачевъ. Здѣсь онъ праздновалъ «свадьбу» съ Устиньей Кузнецовой. Недавно домъ сгорѣлъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИХЕЛЬСОНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. — Башкирецъ Салаватъ. — Взятіе Сибирскихъ крѣпостей. — Сраженіе подъ Троицкою. — Отступленіе Пугачева. — Первая встрѣча его съ Михельсономъ. — Преслѣдованіе Пугачева. — Бездѣйствіе войскъ. — Взятіе Осы. — Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые Маіоромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ тремя стами Яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и Оренбургскіе Калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шести-сотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставный Подполковникъ Мельковичъ, человекъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; Башкирцы, уже почти усмиранные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости, Пол-

ковникъ Ступишинъ, вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, отрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казни 1741 года ¹⁾, явился между ними съ сыномъ своимъ Салавагомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствіе разгорѣлось съ вѣщей силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева; Михельсонъ силится пресѣчь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди взли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продол-

жалъ путь, несмотря на всевозможныя препятствія, и 5 Мая у Симскаго завода настигъ толпу Башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на-встрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева; но скорѣе узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенею Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ, и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ Башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5 Мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-Поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ Верхо-Яицкаго Коменданта, Полковника Ступишина, донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской. Но прошедъ уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ поймавшаго Башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизиль-

ской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближался къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской; но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннюю дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева, хотя въ Степной крѣпости; но, узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босые, оборванные, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 Мая утромъ приблизился онъ къ Троицкой, прошедъ шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостію, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было до десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распоряжалъ Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвизанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но Комендантъ, Бригадиръ Фейервартъ, былъ убитъ наканунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены.

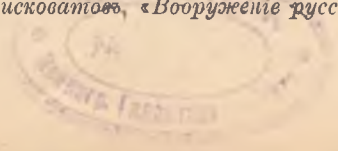
Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволятъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣяныя толпы, и стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Майоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

ОРЕНБУРГСКИЕ И ЛИЦКИЕ КАЗАКИ ВЪ ЭПОХУ ПУГАЧЕВИЩИНЫ.

(Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).

Михельсонъ, между тѣмъ, шелъ Уральскими горами, по дорогамъ мало-извѣстнымъ. Деревни Башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 мая Башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный Башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга. Михельсонъ, нашедъ сіи извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга, и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ преслѣдовать дорогу Пугачева. Въ самомъ дѣлѣ, 22 Мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его <говоритъ онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи> за корпусъ Генераль-Поручика и кавалера Декалонга; но скорѣй удостоверился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него, и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ, и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шести-сотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пяти-сотъ и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія.—На другой день

отдалъ онъ въ приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе²⁾.

23-го, Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, уведомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу; а Декалонгъ, самъ обѣщая выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ, и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрина.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько Яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27-го Мая Михельсонъ прибылъ на Саткинской заводъ³⁾. Салаватъ, съ новою шайкою злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова, и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой раздыхъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Черезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ля. Мосты были сняты. Мятежники на противоположномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавь, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетасили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля,

смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ-сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на-удачу и 2 Іюня отряженный имъ Капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди, съ частію своей конницы. Сія распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіи шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе итти на Уфу. Онъ поспѣшилъ преслѣчь ему дорогу, и 5 Іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябинѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую ⁴⁾ крѣпость съ лучшею его конницею.—Станиславскій узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Иицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибцовъ и Маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ ихъ спокойно собирались бунтующіе Башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ

почти въ ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію Князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Иицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ ⁵⁾.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура Маіоромъ Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургъ; но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу Маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понабѣля на Обернибцова и Дуве, которые должны были помочь Маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18 Іюня Пугачевъ явился передъ Осю. Скрыпицынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и итти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его: но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу, и мостили топкія мѣста. 20-го, снова приступилъ онъ къ крѣпости, и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на одинъ сутки, и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ обще съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ Казанскому Губернатору, и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицынъ

КАЗАНЬ ВЪ 1767 ГОДУ.

Лѣвая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785.

и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева Полковникомъ.

23 Юня Пугачевъ переправился черезъ Каму, и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительно умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія Губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался, и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибцову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а Маіора Меллина отправить къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены. Брантъ и Комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генераль-Маіоръ Потемкинъ, начальникъ Тайной Комиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ Казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева, и 10 Юля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ⁶⁾, а отрядъ его разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ Казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ, и возвратился въ лагерь, отложивъ приступъ до слѣдующаго утра.

КАЗАНЬ ВЪ 1767 ГОДУ.

Правая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани.—Бѣдствіе города.—Появленіе Михельсона.—Три сраженія.—Освобожденіе Казани.—Свиданіе Пугачева съ его семействомъ.—Опроверженіе клеветы.—Распоряженіе Михельсона.

12 Іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рошу и загородный домъ Кудрявцова, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь къ карре и огораживаясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстью толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частью безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ

лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженные пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги, находящіеся на краю самага предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты, съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева; влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній Губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики <люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы>, ободряемые Преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и при-

готовились къ оборонѣ ¹⁾. Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улиды. Суконщики приняли было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонера. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки, и пустилъ {картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потомкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактирѣ Гостинаго двора, за церквами, у триумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую, поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣжали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколько человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ, и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ

ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить государю Петру Феодоровичу?—Охотниковъ нашлось множество.

Пресвященный Веніаминъ ²⁾ во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣнахъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднималъ чудотворныя иконы, и не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи.—Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но, вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ, съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ Губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою Маіора Дуве, и 21-го Іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли на-встрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки Башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27-го Іюня разбивъ на дорогѣ толпу Башкирцевъ и Татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плоткахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11-го Іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ

полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Подневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четырехъ пѣхотинцевъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною, и вышелъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противъ праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую батарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ батареей простиралось болото, чрезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ, какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ батарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣляясь на двѣ кучи, пошли—одни на-встрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили батареи и открыли огонь; другіе старались захватить въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго чрезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь-сотъ человѣкъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. На-встрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ дѣлу по ночъ на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля; Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ Губернатора, встрѣтилъ

пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку, и удался за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодую на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15 Іюля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи идти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу ихъ съ осмьюстами карабинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ Казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный бо-

лѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи Дворянства и Духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ Соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ осьми-сотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостинный дворъ и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился Директоръ Гимназіи Каницъ, нѣсколько Учителей и учениковъ и Полковникъ Родіоновъ. Генераль-Маіоръ Кудрявцовъ ³⁾, старикъ сто-десяти-лѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ двичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ (бѣдный) колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, говорятъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: *я ее знаю; мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу* ⁴⁾. Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ, и по приговору Военнаго Суда, загнанъ былъ сквозь строй до смерти ⁵⁾.

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по удѣлѣвшимся домамъ. Они были приглашены въ лагерь,

для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ!

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять безъ доказательства стараго, заслуженнаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести, и умершаго главнокомандующимъ Русскими войсками ⁶⁾.

14 Іюля прибылъ въ Казань Подполковникъ Графъ Меллинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторые военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянные на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе извѣстными его сообщниками ⁷⁾.

Подпись

ПОДПИСЬ МИХЕЛЬСОНА.

(Изъ приложений къ изданію 1834 года).

ГРАФЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою.—Общее смятеніе.—Письмогенерала Ступишина.—Намѣреніе Екатерины.—Графъ П. Ив. Панинъ.—Движеніе войскъ.—Взятіе Пензы.—Смерть Всеволожскаго. Споры Державина съ Бошнякомъ.—Взятіе Саратова.—Пугачевъ подъ Царицынымъ.—Смерть Астронома Ловица.—Пораженіе Пугачева.—Суворовъ.—Пугачевъ выданъ Правительству.—Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ.—Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками.—Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремястами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата ¹⁾. Онъ находился въ Казани военнопленнымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева ²⁾. Другой былъ Пасторъ Реформатскаго исповѣданія. Во время Казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный Пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ Полковники.

Пасторъ-Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань ³⁾.

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казнень смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 Іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человѣкъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе

крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и Новокрещенные стали убивать Русскихъ Священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отовсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпушеніе повипностей и безденежную раздачу соли ³⁾. Онъ пошелъ на Цыvilскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ Воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій Губернаторъ, Генералъ-Поручикъ Ступининъ писалъ къ Князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу и 19 Іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія итти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками Правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была—пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головахъ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему: однако вошло съ нимъ въ сношеніе ⁴⁾ Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось намѣщеніемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ: и каждая имѣла у себя своего Пугачева...

Сія горестная извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили

радость, произведенную окончаніемъ Турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля, рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ Князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ Нижнемъ-Новгородѣ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе Отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ Двора и, подобно Бибикову, бывшій въ немилости, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, ¹⁵⁾ самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго Своего подданнаго, и Графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти навстрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ, повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, вѣреннаго его начальству.

20 Іюля Пугачевъ подѣ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной и унтеръ-офицеръ, коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили, и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать Чувашамъ казенное вино; повѣсилъ нѣсколько дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подѣ начальствомъ четырехъ Яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холоповъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для держанія Графа Меллина. Михельсонъ, шедшій

къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и Графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю; но, прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита Воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена Графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ спѣшилъ къ Алатырю; мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося Воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеру инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими *не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества*. «А что мы», писали они Ступишину, «передъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею нашей нарушили присягу, и тому злодѣю присягали, нѣ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ». Двадцать человѣкъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти, разбѣжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго - Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 Іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ.... 1) Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взявъ подъ караулъ прапорщика Шахматова, посаженнаго въ Воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ висѣть плетми подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска

спѣшилъ ему же на-встрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними; но, получа указъ отъ 8 іюля, сдалъ начальство Князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приближился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему на-встрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ вѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ Воеводы господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о занятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ <какъ мы уже видѣли> въ село Малыковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узеньямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ Гвардіи Поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 Августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства Колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить батареи и итти на-встрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились—и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ,

повторяя, что онъ въвѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, приѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому Коменданту. ⁶⁾

4 Августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти отсюда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ, передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ Есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардѣйскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка. ⁷⁾

5 Августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехъ-сотъ Яицкихъ казаковъ и ста-пятидесяти Донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячь до десяти Калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ, холопьевъ и всякой сволочи. Тысячь до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ Саратовскихъ казаковъ для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобыкова съ измѣнческими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводитель-

ствуемые городскимъ Головою Протопоновымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобы онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобыкова. Бошнякъ спросилъ: какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома, вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобыковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобыкова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобыкова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженьяхъ. Онъ обошелъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе: однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ Саратовскимъ баталіономъ, рѣшился прорваться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ Маіору Салманову выступить съ первюю половиною баталіона; но, замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратился ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ—пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги. Казну и канцелярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 Августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дво-

Первый Рядъ мѣстъ въ шедра

похвотъ + вана
Каттатъ мѣстъ тошнѣ

Лисствъ Брантъ

Генералъ Маиоръ
Великий Каръ

Рейнсдорпъ

КАРАКУЛИ БЕЗГРАМОТНАГО ПУГАЧЕВА.

ПОДПИСИ КН. ЩЕРБАТОВА, БОШНЯКА, БРАНТА, КАРА И РЕЙНСДОРПА.

рянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ Коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева, и 9-го Августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го—Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные Польскимъ конфедератомъ <неизвѣстно кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодую на его звѣрскую свирѣпость.> Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи Полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однакожъ прибытіемъ Полковника Обернибѣсова. Фирска наполнялъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители.⁸⁾ Мятѣжники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете? Петру Федоровичу или Екатеринѣ Александровнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная—какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13 Августа Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску <Камышенкѣ>. Его встрѣтилъ Маіоръ Дицъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею Донскихъ казаковъ и пятьюстами Калмыковъ, проводимыхъ Князьями Дундуковымъ

и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрубаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія; на другой день занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну.

Въ семь городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ Полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21 Августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи Донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ Астронома Ловица, и спросилъ, что онъ за человѣкъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить поближе къ звездамъ. Адъютантъ Иноходцевъ, бывшій тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами.⁹⁾ Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го, на разсвѣтѣ онъ достигъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его, и сталъ противу мятѣжниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою цѣлую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятѣжниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ

ПУГАЧЕВА ПРИВОДЯТЪ КЪ СУВОРОВУ.

(Изъ книги Anthing'a, «Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski», Gotha, 1795).

съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ персть. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь, и перетонули.

Сіе поражение было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную справедливость быстротѣ, искусству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лицо является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, Государ-

ственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но Графъ Румянцевъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! ^{s)} По окончаніи же войны Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ Князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ Графомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отрядъ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ Графа Панина предписаніе Начальникамъ войскъ и губернаторамъ—исполнять его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ

видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ запасомъ углубился въ странную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему на-встрѣчу изъ Астрахани; Князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими Калмыками рыскалъ по степи; разѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощенье, стали сговариваться и рѣшились выдать его Правительству.

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились: но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 Сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, несогласившіеся отдаться въ руки Правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать, итти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что ему уже пора ѣхать за ними. Что-же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну*, сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *вляжи!* Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угро-

жалъ местию Великаго Князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, схватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричалъ, чтобъ вьзали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій посланы были къ нимъ на-встрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ Гвардіи Капитанъ-Поручику Маврину, члену слѣдственной комиссіи.¹⁰⁾

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. *Богу было угодно*, сказалъ онъ, *наказать Россію черезъ мое окаянство.*—Вѣрно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать, и сказалъ: *Вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрасивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я домо отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли.* Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими Киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ними своего Адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкой городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ спрашивалъ (славнаго) мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколенной телѣгѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспорѣ, противъ Самары, ночью, въ

волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ Октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.— Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.— *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ.— Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ.— *Я не воронъ* <возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію иносказательно>: *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ*.— Надобно знать, что Яикіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясицы, на дѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отвѣжить на такіа великія злодѣянія?— Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины*. Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. ¹¹⁾ Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ; гвардіи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Поваловъ-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывший въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще рассказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы провѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмираннымъ понимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный

дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Рассказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. ¹²⁾ Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ ¹⁾ и Торновъ къ висѣлицѣ; осьмнадцать человѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу.— Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнуть былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ устѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везутъ, везутъ! Всѣмъ за отрядомъ кирасиръ вѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ <въ то время едва вышедшій изъ отрочества [Дмитріевъ], нынѣ старецъ, увѣщанный славою Поэта и Государственного мужа> описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище: «Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтедомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полициеймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продол-

женіе чтенія манифеста, онъ, глядя на Соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалого роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ Соборамъ, потомъ съ уторможеннымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою... прости, народъ православный!* При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтаны. Тогда онъ сплеснулъ руками, повалился навзничъ, и выгнѣ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ». ¹³⁾

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе, сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ... Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались

торговья казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепель. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившейся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшей Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ дѣлалъ годъ оставались въ усмирённыхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. ¹⁴⁾ Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ Уральскіе, а городокъ ихъ назывался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живъ еще помнитъ кровавую пору, которую — такъ выразительно — прозвалъ онъ Пугачевщиною ¹⁵⁾.

ПО ПРИКАЗАНІЮ СУВОРОВА ПУГАЧЕВА ВЪ КЛѢТКѢ ОТВОЗЯТЪ ВЪ МОСКВУ.

Рисунокъ Шевченки (Полевой, «Исторія Суворова»).

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ИСТОРИИ

ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

(1) Нѣкоторые изъ ученыхъ Яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. Мыбже сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи Яицкихъ казаковъ находимъ мы въ *Историческомъ и Статистическомъ Обозрѣніи Уральскихъ казаковъ*, сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія Автора, истинною ученостію и здравой критикою.

«Время и образъ казачьей жизни, <говоритъ Авторъ>, лишили насъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній о происхожденіи Уральскихъ казаковъ. Всѣ историческія объ нихъ извѣстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, не совсѣмъ опредѣлительныхъ и нѣкѣмъ критически не разобранныхъ.

«Древнѣйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи Станичнаго Атамана Яикскаго, Федора Рукавишникова, Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, 1720 года.¹⁾

«Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ: 1) Допосеніе Оренбургскаго Губернатора Неплюева Военной Коллегіи, отъ 22-го Ноября 1748 года.²⁾ 2) Оренбургская Исторія Рычкова. 3) Его же Оренбургская Топографія. 4) Довольно любопытный рукописный журналъ бывшаго Войскаго Атамана Яикскаго Ивана Акутина.³⁾ 5) Нѣкоторые новѣйшіе акты, хранящіеся въ Архивахъ Уральской Войсковой Канцеляріи и Оренбургской Пограничной Комиссіи.

«Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи Уральскихъ казаковъ.

«То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда причислено: ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на догадкахъ, ничѣмъ не доказанныхъ, часто противорѣчащихъ истинѣ и нѣбнымъ. Такъ, напримѣръ, сочинитель примѣчаній на Родословную Исторію Татаръ Абулгази-Баядуръ-Хана утверждаетъ, что казаки Уральскіе произошли отъ древнихъ Кипчаковъ; что они пришли въ подданство Россіи вслѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣ-

ютъ особый смѣшанный языкъ, на которомъ говорятъ со всѣми сосѣдними Татарами; что они могутъ выставить 30.000 вооруженныхъ воиновъ: что городъ Уральскъ стоитъ въ сорока верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспійское море, и проч..⁴⁾ Всѣ сіи нелѣпости, которыя не заслуживаютъ опроверженія для Русскихъ, приняты однакожъ въ прочихъ частяхъ Европы за справедливыя. Знаменитый Пуффендорфъ и Дегинъ внесли ихъ, къ сожалѣнію, въ свои сочиненія.⁵⁾

«Возвращаясь къ вышеупомянутымъ пяти источникамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою, во всѣхъ видимъ ту главную истину, что Яикскіе или Уральскіе⁶⁾ казаки произошли отъ Донскихъ: но о времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь мѣстахъ не находимъ положительнаго и единогласнаго извѣстія.

«Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы, въ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на Яикъ, *можетъ быть, назадъ около двухъ сотъ лѣтъ*, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія.

«Неплюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

«Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ: *начало сего иикскаго войска, по извѣстіямъ отъ Яикскихъ старшинъ, произошло около 1584 года.*⁷⁾ Въ Топографіи же, сочиненной послѣ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе казаковъ на Яикѣ случилось въ XIV столѣтіи.⁸⁾

«Сіе послѣднее извѣстіе основано имъ на преданіи, полученномъ въ 1748 году отъ Яикскаго Войскаго Атамана Ильи Меркульева, котораго отецъ, Григорій, былъ также Войсковымъ Атаманомъ, жилъ сто лѣтъ, умеръ въ 1741 г. и слышалъ въ молодости отъ столѣтней же бабки своей, что она, будучи лѣтъ двадцати отъ-роду, знала очень старую Татарку, по имени *Гумишу*, рассказывавшую ей слѣдующее: «Во время Тамерлана одинъ Донской казакъ, по имени Василій Гугна, съ 30 человѣками товарищей изъ казаковъ же и однимъ Татаринкомъ, удалился съ Дона для грабежей на Востокъ, слѣзая лодки, пустился на оныхъ въ Каспійское море, дошелъ до устья Урала, и найдя окрестности онаго необитаемыми, поселился въ нихъ. По прошествіи

¹⁾ Сіе доношеніе въ копіи мною найденное въ дѣлахъ Архива Оренбургской Пограничной Комиссіи, есть то самое, о которомъ говоритъ Рычковъ въ своей Топографіи; но онъ Рукавишникова называетъ Крашенинниковымъ. Нѣкоторые достойные вѣроятія жители Уральскіе сказывали мнѣ, что Атаманъ сей носилъ обѣ фамиліи.—*Д[евшинъ]*.

²⁾ Отпускъ сего доношенія нашелъ я также въ Архивѣ Оренбургской Пограничной Комиссіи.—*Д.*

³⁾ За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свѣдѣнія, на которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѣкоторымъ чиновникамъ Уральскаго войска.—*Д.*

⁴⁾ Родословной Исторіи о Татарахъ, ч. 2, гл. 2; также ч. 9, гл. 9.—*Д.*

⁵⁾ *Histoire des Huns et des Tat.*, liv. 19, chap. 2.—*Д.*

⁶⁾ Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала.—*Д.*

⁷⁾ Извѣстія объ Уральскомъ войскѣ, помѣщенные въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году.—*Д.*

⁸⁾ См. Сочиненія и переводы ежемѣсячные 1762 года, мѣсяцъ Августъ.—*Д.*

нѣсколькихъ лѣтъ, шайка сія напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣсахъ трехъ братьевъ Татаръ, изъ которыхъ младшій былъ женатъ на ней, Гугнихъ <повѣствовательниѣ>, и которые отбѣгли отъ Золотой Орды, также разсѣявшейся, потому что Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи, намѣревался напасть на оную. Трехъ братьевъ сихъ казаки побили, а се, Гугниху, взяли въ плѣнъ и подарили своему Атаману». Далѣе, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, та же повѣствовательница разсказывала—«что мужъ ея еще въ дѣтствѣ слышалъ о Россійскомъ городѣ Астрахани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней соединилось много Татаръ Золотой Орды и Русскихъ, что они убивали дѣтей своихъ и проч.»

«Продолженіе ея разсказовъ сходно съ тѣмъ, что мы будемъ описывать за истинное; но изложенное сейчасъ начало, не взирая на извѣстную ученость, полезныя труды и обширныя свѣдѣнія Рычкова о Средней Азій и Оренбургскомъ краѣ, хронологически невозможно и противно многимъ несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ. Поелику же сія повѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для Исторіи Уральскихъ казаковъ, и поелику она неоднократно повторена въ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ,⁹⁾ то мы обязанностью почтаемъ войти въ нѣкоторыя, даже скучныя подробности для опроверженія оной.

«1. Если Атаманъ Григорій Меркульевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году, то онъ родился въ 1641 или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, разсказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака Исторію, и слѣдовательно умершая не прежде, какъ когда ему было 15 лѣтъ, то есть около 1656 года, должна была родиться въ 1556 году или хотя въ 1550; Гугниху же узнала она на двадцатомъ году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положивъ теперь, что Гугнихъ было тогда лѣтъ 90, выйдетъ, что она родилась въ 1480 году или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такіа происшествія, которыя были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году?¹⁰⁾

«2. Мужъ Гугнихъ въ малыхъ лѣтахъ слышалъ отъ стариковъ, что отъ рыки Яика не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе.¹¹⁾ Извѣстно, что Астрахань взята въ 1554 году;¹²⁾ итакъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугниха и мужъ ея жили въ XVI столѣтіи? Таковое предположеніе ближе къ истинѣ и, какъ увидимъ сейчасъ, согласно съ прочими извѣстіями о началѣ Уральскихъ казаковъ.

«3. И Гугниха, и Рукавишниковъ, и Рычковъ въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самими слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласно говорятъ, что Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ. Но во времена Тамерлана, Донскіе казаки еще не существовали, и Исторія

нигдѣ намъ не говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даже если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ Азовскими казаками, то и о сихъ послѣднихъ, какъ пишетъ Г. Карамзинъ,¹³⁾ лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е. слышномъ чрезъ сто лѣтъ послѣ нашествія Тамерлана.

«4. Въ XIV столѣтіи Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-Татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи непріятелей, но даже поселиться между ними и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ Исторіи нашей, говоритъ:¹⁴⁾ пока Татары южными Россійскаго Государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ничего не слышно было.

«Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщенной Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, примемъ первый его объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи; дополнимъ оныя свѣдѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникова и Неплюева, и преданія, мною самими собранныя на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ Писателей, и предложимъ читателямъ слѣдующее Историческое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.»

(2) О Гугнихѣ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.

(3) Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что она сгорѣла во время бывшаго пожара. «Не только сія Грамота, говоритъ Г. Левшинъ, безъ которой нельзя опредѣлить начала подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями: Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ Яицкой Войсковой Избѣ, была Грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила».

Съ 1655, то есть съ первой службы Уральскихъ казаковъ противъ Поляковъ и Шведовъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ служили триста казаковъ подъ Чигриномъ. Въ 1683 послано было изъ нихъ 500 человекъ къ Мензелинску, для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ, за что сверхъ жалованья деньгами и сукномъ повѣдно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами*). Со временъ Петра Великаго они были употребляемы въ большей части главныхъ военныхъ дѣйствій Россіи, какъ то: въ 1696 г. подъ Азовомъ; въ 1701, 1702, 1704, и 1707 г. противъ Шведовъ; въ 1708 году 1225 казаковъ были опять посланы для усмиренія Башкирцевъ; въ 1711 году 1500 человекъ на Кубань; въ 1717 году 1500 казаковъ пошли съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, и такъ далѣе <Г. Левшинъ>

⁹⁾ Напр., въ Хозяйственномъ описаніи Астраханской губерніи 1809 года; въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр.—Л.

¹⁰⁾ Исторія Россійская Г. Карамзина, томъ 5, стр. 144.—Л.

¹¹⁾ Подлинныя слова Рычкова, въ той же 2 главѣ Топографіи.—Л.

¹²⁾ Той же Исторіи Г. Карамзина, томъ 8, стр. 222.—Л.

¹³⁾ См. Истор. Рос. Государства, томъ 4, примѣч. 495.—Л.

¹⁴⁾ Въ статьѣ О началѣ и происхожденіи казаковъ. Сочин. и перев. 1760 года.—Л.

*) Доношеніе Неплюева и Журналъ Агутана.

(4) Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что Царскіе Стрѣльцы вѣроятно помышляли Яицкіе казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, цыпѣшніе Уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова *Разина порода* почтаются у нихъ за жесточайшую брань.

(5) Въ тѣ же времена изъ казаковъ Яицкаго войска нѣкто, по прозванію Печай, собравъ себѣ въ компанію 500 человекъ, взялъ наемъ идти въ Хиву, уповая быть тамъ великому богатству и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горы, называемыхъ нынѣ *Дьяковыми*, отъ нынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился, и по казачьему обыкновенію, учинилъ совѣтъ, или кругъ для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобы избрать человека для показанія прямого и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учиненъ былъ о томъ докладъ, тогда Дьякъ его, или Писарь выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное ихъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной, незнакомою, провіанта съ ними не довольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малолудно. Помянутый Печай отъ сего Дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣсить: почему онъ тогда же и повѣшенъ, а оныя горы прозваны, и нынѣ именуется *Дьяковыми*.

Отправясь онъ Печай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способою дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда Хивинской Ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ малыхъ и престарѣлыхъ никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія, городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а Ханскихъ женъ въ погоню побралъ, изъ которыхъ одну онъ Печай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По такому счастливымъ завладѣнію, онъ Печай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та Ханская жена, знатно полюбя его Печая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ живость свою спасти, то бъ онъ со всѣми своими людьми одновременно изъ города убирался, дабы Ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ Печай той Ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а Ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего похода и видя, что городъ его Хива разграбленъ, нимало не мѣшкая, со всѣмъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Печаемъ отправился, и черезъ три дня его настигъ на рѣкѣ, именуемой *Сырѣ-Дарьѣ*, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправились, и напали на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Печай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся и многихъ хивинцевъ побилъ, но напоследокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побитъ, кромѣ трехъ или четырехъ человекъ, кои ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились и о его побѣдѣ рассказали. Въ ономъ Войсковыхъ Атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы Хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впадала, на устьѣ ея Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи дабы въ пред-

будущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но и послѣднее сіе обстоятельство, за немѣнимъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мы отъ помянутыхъ Войсковыхъ Атамановъ сказано.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того Яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки *Чаяна*, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію *Шамай*, прибравъ себѣ въ товарищество человекъ до 300, взялъ такое же наемъ, какъ и Печай, а именно, чтобы еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки *Сырѣ-Дарьѣ*, на степи усмотрѣли двухъ Калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для зѣвровства, и разрывали ямы зѣвринныя: ибо тогда около оной рѣки *Сырѣ-Дарьѣ* кочевали еще Калмыки. Захвата сихъ Калмыцкихъ ребятъ, употребили они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя Калмыки оныхъ своихъ ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе Калмыки, озлобившись, употребили противу ихъ такое лукавство, что собравшись многолюдно, скрылись въ потайное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ Калмыкъ и приказали, усмотря Яицкихъ казаковъ, рыть землю, и бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, яко бы они роютъ зѣвринныя жъ ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что то еще Калмыцкіе гулебники роютъ ямы, и сказали о томъ Шамай, своему Атаману, и потомъ всѣ изъ обозу поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытое Калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на Калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ ударили и помянутаго Атамана съ нѣсколькими казаками захвати, удержали у себя одного Атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими Калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпусти, требовали оныхъ своихъ Калмычатъ къ себѣ обратно. По Наказной Атаманъ отивствовалъ, что у нихъ Атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ Атаманомъ Печаемъ казаки чрезъ горловину *Сырѣ-Дарьѣ* переправлялись, не потрафили, но проишедши выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало. Къ тому жъ наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой гладъ пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіе же посылали къ Хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобы ихъ къ себѣ взяли и спасли бъ ихъ тѣмъ отъ смерти; почему, приѣхавъ къ нимъ, Хивинцы всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оныя Яицкіе казаки 300 человекъ тамъ пропали. Означенный же Атаманъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, Калмыками привезенъ и отданъ въ Яицкое войско.» <*Топографія Оренбургская*>.

(6) Смори статью Г-на С.: *О внутреннемъ состояніи Донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія*, напечатанную въ *Соревнователь Просвѣщенія* 1824 года. Вотъ что пишетъ Г. Лев-

ини о казацкихъ кругахъ: «когда скоро, бывало, подучится какое нибудь общее войсковое дѣло, то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ *стологъ*, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ Войсковой Избѣ, или Приказу <что нынѣ Канцелярія Войсковая>, гдѣ ожидаетъ ихъ Войсковой Атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то Атаманъ выходитъ къ оному изъ Избы на крыльцо съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ Есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки подходить къ Атаману, принимая отъ него приказанія, возвращаются къ народу, и громко приветствуютъ оный сими словами: *Помолчите, Атаманы молодцы и все великое войско Яицкое! А наконецъ, объявивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопрошаютъ: Любо ль, Атаманы молодцы? Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или поднимаются ропотъ и крики: *не-любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы оного. Если казаки были имъ довольны, то увѣщанія его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась.» <Историч. и Статист. Обзоріе Уральскихъ казаковъ>.*

(7) Уральское казачье войско, также какъ и всѣ казаки, не платитъ Государству податей; но оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованію представлять на свой счетъ определенное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ; а въ случаѣ нужды всѣ, считающіеся на службѣ, должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ Уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Сакмарской станицахъ. Сіи оба полка, какъ не участвующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ Уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ Армію; но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ Киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно не служащіе, представляютъ на свой счетъ полки въ Армію, и стражу на линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ первая, такъ и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи Правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ, дѣлается раскладка: на сколько человѣкъ, считающихся въ службѣ, приходится поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простиралась рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ Миссіи нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 даже до 3000 рублей каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ для себя.—Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейную стражу, самая малая; потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственные дома, скотоводство, мѣну и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ

ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны по-видимому несправедливое, потому что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой стороны полезно: ибо—1-е, теперь всякой казакъ, вступающій въ походъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, человѣкъ, занимающійся промысломъ какимъ-нибудь, или работою, полезно для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно идти на службу, которую бы отправлялъ очень неисправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ; а потому и на рыбныхъ ловляхъ безъ платы бѣднѣе не могутъ. <Историч. и Статист. Обзоріе Уральскихъ казаковъ>.

Выписываемъ изъ той же книги живое и любопытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ.

«Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство Уральского войска и рассмотримъ оное подробнѣе, какъ потому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ богатства здѣшнихъ жителей, такъ и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего замѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно послѣ весенняго половодья дѣлаютъ изъ толстыхъ бревенъ чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, называемую *учугъ*, который останавливаетъ и не пускаетъ далѣе вверхъ рыбу, идущую изъ моря».

«Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни одной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго Войсковою Канцеляріею, суть:

«1-я, Багренья, раздѣляющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20-го или 18-го числа Декабря, и не продолжается долѣе 25-го; второе начинаютъ около 6-го Января, и оканчиваютъ въ томъ же мѣсяцѣ. Баграютъ рыбу только отъ Уральска верстъ на 200 внизъ; далѣе не продолжаютъ, потому, что тамъ производится осенняя ловля.

«Образъ багренья таковъ: въ назначенный день и часть лягается на Уралъ Атаманъ багренья (всякой разъ назначаемый Канцелярію изъ Штабъ-Офицеровъ), и всѣ имѣющие право багрить казаки, всякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну лошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими баграми, коихъ желѣзные острія лежатъ на гужахъ хомута у оглобли, а деревянные составные шести, длиною въ 3, 4, иногда въ 12 сажень, тащатся по снѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впереди Атаманъ и около его нѣсколько конныхъ казаковъ, для соблюденія порядка, а за нимъ рядами всѣ выѣхавшіе багрить. Число сихъ послѣднихъ простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; ежели кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста одинъ, то передовые блюстители порядка рубятъ у него багры и збрую.

«Строгая и справедливая мѣра сія невольно удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ коихъ почти у каждого на лицѣ написано нетерпѣливое желаніе скорѣе пуститься впередъ. Этого мало:

*) По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много на Уралѣ рыбы, что отъ напору оной учугъ ломался, и ее прогоняли назадъ пушечными выстрѣлами въ берега.

даже у лошадей ихъ, приученныхъ къ сему промыслу, въ глазахъ видно нетерпѣніе скакать. Атаманъ, на котораго всѣ взоры устремлены, ходя около саней своихъ и приближаясь къ нимъ какъ будто для того, чтобы садиться, и опять отходя, не разъ заставляетъ ихъ ошибаться въ сигналѣ; наконецъ онъ дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знакъ, пускаетъ во всю прыть лошадей свою, и за нимъ скачутъ все собравшіеся войско. Тутъ уже нѣтъ никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другаго, и горе тому, кто по несчастію вывалится изъ саней. Если онъ не будетъ раздавленъ, чему примѣровъ мало помнятъ, то легко можетъ быть изуродованъ.

«Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту^{*)}, всѣ сани останавливаются; всякой выскакиваетъ изъ нихъ съ невозможною поспѣшностію, пробиваетъ во льду небольшою прорубь, и тотчасъ опускаетъ въ него багоръ свой. Картина, представляющаяся въ сію минуту для зрителей съ береговъ Урала, обворожительна! Скорость, съ каковою всѣ казаки другъ друга обгоняютъ; всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по приѣздѣ на мѣсто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій на льду дѣсь багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, поднимается съ мѣста, суетится и напугается на багры, опускаемые такъ, чтобы они на нѣсколько вершковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ мѣстѣ иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ начала багренія, какъ уже вездѣ на льду видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и проч. Если рыба, попавшая на багоръ, столь велика, что одинъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ проситъ помощи, и товарищи его или сосѣди *подбагриваютъ* ему. На каждый день багренія назначается рубежъ, далѣе котораго никто не долженъ вѣхать.

«Послѣ малаго багренія ежегодно отправляютъ отъ лица Войска нѣкоторое количество наилучшей икры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ вѣрнопопданства, издавна существующее, называется *презентомъ*, или первымъ кусомъ. Для ловли такого презента обыкновенно назначается лучшее мѣсто или *етовъ*; и если въ одной пабагрить мало, то недостающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи. Если же во время багренія для Двора поймать рыбы болѣе, нежели нужно, то остальную запрещается нѣсколько времени продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ прежде посланной отъ Войска. Офицеры, съ презентомъ отправляемые, получаютъ денежные награды отъ Двора на путевыя издержки, на ковшъ и саблю.

«2-я Рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, такъ называемое потому, что въ сіе время попадаютъ почти только однѣ севрюги. Начинается она въ Апрѣлѣ, тотчасъ по вскрытіи льда подъ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала до моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ промысловъ, назначается день, избирается Атаманъ, и дается ему пушка, по вы-

стрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки пускаются съ мѣста въ маленькихъ бударкахъ, непомѣщающихъ въ себѣ болѣе одного человѣка, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣтъ свою. Употребляемая въ сіе время сѣти состоятъ изъ двухъ полотень, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ къ плавающему по водѣ боченку или куску дерева, а другою держитъ казакъ за двѣ веревки. Для приваза назначается рубежъ, и противъ него на берегу ставка Атаманская, близъ которой всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возвѣщается вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетровъ и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаютъ, по положенію должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-первыхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ, слишкомъ дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказываютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

«3-я *Осенняя плавня*, начинающаяся 1 Октября, оканчивается въ Ноябрь; имѣетъ то отличие отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употребляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. сплетенныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы черпаютъ^{**)}; во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей сихъ, *ярыгами* называемыхъ, находятся два человѣка въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начинаютъ осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подъ начальствомъ особаго Атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или ярыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣти меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ Атаманъ, и вѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или говоря языкомъ казаковъ, *дѣлаютъ другой ударъ*.

«Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багреніе, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря^{**)}.

«4-я, *Неводами*, начинаютъ ловить зимою, также по назначенію Канцеляріи; но не собираемъ, а по одиночкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подъ льдомъ на шестѣ, который направляютъ куда хотятъ, посредствомъ прорубей.

«5-я, Рыболовство *Аханное* или *Аханми*, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины Декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ оного раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на опредѣленное число Ахановъ, опредѣленной же мѣры. Чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

«Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи, и придерживается на обонхъ краяхъ и на срединѣ тремя веревками или петлями, для

^{*)} Мѣста сіи называются здѣсь *етовы*, и замѣчаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись въ нихъ зимовать, при восхожденіи солнечномъ на поверхности воды показывается.

^{**) Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.}

^{**) Каждый казакъ имѣетъ при себѣ семь ловъ у себя работника. За полутора или двухмѣсячные труды долженъ онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.}

коихъ дѣлаются три проруба и въ кои вѣдвуютъ палки или шестики, на льду надъ прорубами лежащіе.

«Установленные такимъ образомъ Аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходилъ къ нимъ, за средину подымалъ каждый изъ средняго проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, *наслушивалъ*, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ; но, не допуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багреннымъ промышленникамъ.

«6-я, *Курхайской* ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморьѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сѣти, снимаютъ въ лодки, на коихъ раздѣбжаетъ промышленникъ около своихъ снастей.

«7-я, Ловъ *крючками*, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживается бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

«О ловѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

«Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію Высшаго Начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чалкажскомъ озерѣ, или по здѣшнему *морцу*, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизской степи находящемся.

«Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбаца, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, головли. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторые чѣмъ больше, чѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренѣе не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяеть сберегать рыбу иначе, какъ пославъ ее.

«Соль казаки Уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы къ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Ямбы лежащихъ. Есть также и около Узеней нѣсколько соленыхъ озеръ».

(8) Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ Калмыковъ обязаны мы Отцу Іакину, коего глубокая познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь сообщенный имъ отрывокъ изъ неизданной еще его книги о Калмыкахъ:

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Убаши* и *Сэринъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія Держава, по покореніи Чжунгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагатаѣ

оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрезъ земли Киргизъ-Казаковъ тѣмъ менѣе предполагали опасности, что сіи хищники, отважные предъ купеческими караванами, всегда трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнинъ Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсѣмъ противное: ибо встрѣтились такіе обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

«Чжунгарское Ойратство на Востокѣ, пѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже не существовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, считались бѣглецами, коихъ Россійское Правительство преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизамъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагѣ останавливать ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Тортоговъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности *) и также предписало Казакамъ и Киргизцамъ не допускать ихъ проходить пастбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Киргизецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, завѣсившимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Индикіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нурали, Ханомъ Меньшой Казачей орды: но, за недостаткомъ подножнаго корма, скорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переписокъ, требовавшихъ довольнаго времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нурали: по Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на Югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только пѣсколько времени и то издали тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были идти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ повернуть на Сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію **).

Но Киргизъ-Казаки, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханъ: Нурали въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Большой Орлѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ непрерывно сражаться, защищая свои семейства

*) Китай содержитъ въ *Чжунгаріи* охранныхъ войскъ не болѣе 35,000, которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Кашгара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Уаясуята на пространствѣ не менѣе 7000 верстъ: почему пограничное Китайское Начальство въ Чжунгаріи не могло спокойно смотрѣть на приближеніе Волжскихъ Калмыковъ.

**) См. Опис. Кирг.-Кайс. Орды и степей Г. Левшина ч. II, стран. 256.

отъ пѣвна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Калмызды (Буруты) довершили несчастье Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхаша, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

«По перенесеніи неимоверныхъ трудностей, по претерпѣннѣ безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приблизились къ вождѣннымъ предѣламъ древней ихъ отчизны; но здѣсь новое несчастье представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерей своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно. Онъ вышелъ изъ Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169,000 душъ обоего пола. При вступленіи въ Или изъ помнутаго числа оставалось не болѣе 70,000 душъ *). Калмыки въ теченіе одного года потеряли 100,000 человекъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ пѣвнъ, и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

«Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ человеколюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же размѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ	1.125.000 гол.
Кирпичнаго чаю	20.000 мѣс[тъ]**)
Пшеницы и проса	20.000 чет.
Овчинъ	51.000
Бязей ***)	51.000
Хлопчатой бумаги	1.500 пудъ.
Юртъ	400
Серебра около	400 пудъ.

Осенью того же года Убаши и Князя Цебокъ-Дорцзи, Сэрына, Гунэ, Момынту, Шара-

*) Такъ показалъ Китайскому Правительству Убаши съ прочими Князьями. Въ книжкѣ: *Син-юй-Винь-цзянь-лу* число бѣжавшихъ изъ Россіи Калмыковъ увеличено. Ошибка сія произошла отъ того, что сочинитель помнутаго книжки писалъ свои записки по сказаніямъ простыхъ Калмыковъ. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркест., стр. 186 и слѣд.

**) Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плитокъ чая, изъ коихъ каждая вѣситъ около 3 $\frac{1}{2}$ ф.

***) Бязью въ Туркистанѣ называется бѣлая бумажная ткань, которая бываетъ не одинаковой мѣры.

Кеукынъ и *Цилэ-Муниръ* препровождены были къ Китайскому Двору, находившемуся въ Жехѣ, Сіи Князя, кромѣ *Сэрына*, были ближайшіе родственники Хана Убаши, потомки *Чакдоръ-Чжаба*. старшаго сына Хана Аюки. Одинъ только *Цебокъ-Дорцзи* былъ правнукъ *Гуньчжаба*, младшаго сына Хана Аюки. Убаши получилъ титулъ Чжорикту-Хана; а прочимъ Князьямъ, въ томъ числѣ и оставшимся въ Или, даны разныя другіе Княжескіе титулы. Сіи Владѣльцы при отбѣдѣ изъ Жехъ осыпаны были наградами; по возвращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ Торговъ размѣщены въ Тарбагатаѣ, или въ Хурьхара-усу, а Убаши съ четырьмя дивизіями *Торговъ* и *Гунэ* съ *Хошотами* поселены въ Хара-шарѣ по берегамъ Большаго и Малаго Юлдуса *), гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ Китайскихъ чиновниковъ **). Калмыки, ушедшіе въ Китайскую сторону, раздѣлены на 13 дивизій.

«Россійское Правительству отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобы по силѣ заключеннаго между Россіею и Китаемъ договора обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрына*, ушедшаго изъ Чжуньгаріи на Волгу для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

«Впрочемъ Волжскіе Калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году получены съ Китайской стороны разныя извѣстія, что Калмыки намѣреваются возвратиться изъ Китайскихъ владѣній, и по прежнему отдаться въ Россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано было Сибирскому Начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первый случай въ Кольванской губерніи***).

«Но кажется, что Калмыки, бывъ окружены Китайскими караулами и лазутчиками и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, не имѣли никакой возможности къ исполненію своего намѣренія».

(9) Полевые команды состояли изъ 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были Губернскими баталіонами.

(10) Уметь, постоянный дворъ.

*) Въ Восточномъ Туркистанѣ отъ Или на Юговостокъ.

**) Возвращеніе *Торговъ* изъ Россіи въ Чжуньгарію описано въ *Синъ-цзянь-чжи-лао*, начальной тетради на лист. 51—56.

***) См. Полное Собр. Росс. Зак. Т. XXIII, №16, 937.

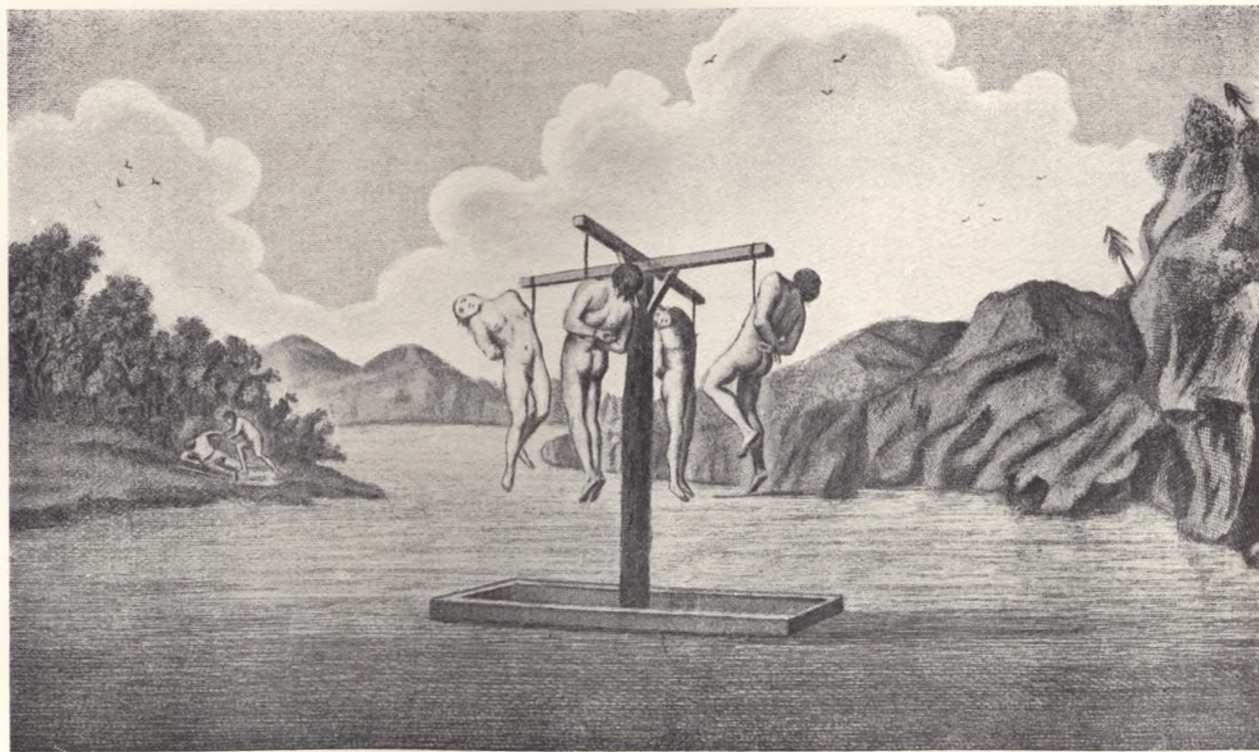
ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

(1) Пугачевъ на хуторѣ Шедудякова косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевки его работы. Однажды, найавшія накопаты гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

(2) Мазыковскихъ Управительскихъ дѣлъ Земскій Трофимъ Герасимовъ и Мечетной слободы Смотритель Федотъ Фаддеевъ, и Сотникъ Сергій Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семенъ Филипповъ былъ въ Яицкѣ

за покупкою хлѣба, а вхалъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на *рыку Лобу*, къ Турецкому Сутану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ ихъ Паша-де дастъ имъ до пяти милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ Командантскую Канцелярію, но онъ-де скрылся, и находится вѣроятно въ селѣ Махыковкѣ.

«Въ слѣдствіе сего, вышедшій изъ-за Польской

ПЛАВУЧІЯ ВИСѢЛИЦЫ СЪ ТѢЛАМИ КАЗАКОВЪ-БУНТОВЩИКОВЪ.

Гравюра 18 вѣка.

границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту пашпортомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Ирғизу, раскольникъ Емельянъ Ивановъ былъ пайдень и приведенъ ко Управительскимъ дѣламъ Выборнымъ Митрофаномъ Федоровымъ и Филаретомъ раскольникъ сита піокомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы Степаномъ Васильевымъ съ товарищи—оказался *подозрителенъ, битъ кнутомъ*; а въ допросѣ показалъ: что онъ Зимовойской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскій форпостъ, гдѣ сказанъ выпущеннымъ изъ Польши, и въ Августѣ мѣсяцѣ, выйдѣвъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришелъ въ Яицкѣ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ Султану и встрѣчѣ съ Пашею и 5 мил. не говаривалъ,—а пмѣлъ-де онъ намереніе въ *Симбирскую Провинціальную Канцелярію* явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Ирғизѣ. По резолюціи Дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками Малыковскими, а сообщено сіе въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 Декабря 1772.» *<Промеморія отъ Дворцовыхъ Малыковскихъ дѣлъ въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, Декабря 18, 1772 года, поданная Смотрителемъ Ивановъ Разторгуевымъ>*.

Крестынинъ Семень Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его Филипова, яко доносителя въ Малыковѣ о начальномъ прѣдствіи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. *<См. Сентенцію 10 Января 1775 года>*.

(3) «Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ болѣе за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетью и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ празднои и протерзкой жизни, въ городъ Пельымъ, гдѣ употребить его въ казенную работу. 6 мая 1773». *<Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова>*.

* а) Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя Императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто Государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ Великій Князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху. По восшедствіи на престолъ первый вопросъ Государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ?

* б) Пугачевъ говорилъ, что сама Императрица помогла ему скрыться.

(4) Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

* с) Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ Яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или *публикаціи* Рейнсдорна были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными обихами, съ глаголами на концѣ періодовъ.

(5) Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

(6) Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались Киргизы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка, а въ 101 отъ Оренбурга.

(7) Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ *<уѣздъ>* Оренбургскій и Яицкой городокъ со всѣми форпостами и станицами до самаго Гурьева, также и Бугульминская Земская Кантора. Исетская провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію и уѣзды Исетскій, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція—уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь *линейныхъ дистанцій* *<рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую>*; сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами Провинціальныхъ Воеводъ *<См. Бишинна и Рычкова>*.

(8) Ставропольская Канцелярія вѣдала дѣла крещеныхъ Калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской Губерніи.

(9) Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика.—Память Капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

(Изъ Гурьева городка
- Протекла кровью рѣка).
Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Выслапъ капитанъ Сурипъ
Со командою одинъ,
(Онъ нечаяно въ крѣпость вѣбхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до шести).

(10) Неизвѣстный Авторъ краткой исторической записки: Histoire de la revolte de Pougatschef, разсказываетъ смерть Харзова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit épousé depuis quelques semaines la fille du colonel Ielagino, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au désespoir le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence, répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme versa un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. Авторъ находить тутъ неумѣрности и пускается въ разсужденія.—Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain

point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовни: по вообще вся записка замѣчательна и вѣроятно составлена дипломатическимъ Агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

*d) Бѣдный Харловъ на капиѣ взятія крѣпости былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти.

(11) Крѣпость Татищева, при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи, и названа отъ него Камышъ-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: *Татищева пристань*. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

*е) Сеіи Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову <послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда притаялся и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ дерется>. Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины.

Нащокинъ, Воинъ Васильичъ, былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ и ничего забавнаго. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при возшествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ Государю: вы горячи и я горячъ; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревню въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ Императрицы Елизаветы и умеръ въ 1809 году.

(1) См. Приложение, 1.

(2) Журналъ осады, веденный въ Губернаторской Канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи Академика Рычкова, Читатель найдетъ ее въ Приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.

(3) Билевъ выступилъ изъ Оренбурга 24-го Сентября. Въ этотъ день Губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

(4) Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участъ его неизвѣстенъ. Его допрашивалъ Подполковникъ В. Могутовъ.

(5) См. Приложение, III.

(6) Въ донесеніи Малыковской Земской Конторы сказано о Пугачевѣ: *оказался подозрительнъ, битъ кнутомъ*. См. въ Примѣчаніяхъ на 2-ю главу, примѣчаніе 2.

(7) Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣшенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: «А нынѣ вы называете его <Самозванца> Донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рваны и клейменной. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется».

(8) По совѣту одного изъ чиновниковъ <говорить Рычковъ>.

(9) Мѣновой дворъ, на которомъ съ Азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водоемное. Въ немъ находится пограничная Таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построенъ особый дворъ для Азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полавочныхъ

(12) Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга

(13) Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 верстахъ отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

(14) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова, отъ 6-го октября 1773 года <Изъ Оренбургскаго архива>.

(15) Повѣшены два курьера, бывшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капрагъ, толмачъ—Татаринъ, старый садовникъ, нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій Государя Петра III, да приказчикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

денегъ взималось 4854 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями <Топографія Оренбургской губерніи>.

(10) Der klaglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 ¹⁾ Rebellen macht ganz Orenburg zittern. — — Meine auf 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Commando worauf ich mich verlasse. Durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefangen, etc. <Письмо Рейнсдорна къ Гр. Чернышеву отъ 9-го Октября 1773>.

(11) Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухъ сотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего Атамана и особыхъ Старшинъ.

(12) Въ городѣ убито 7 человекъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

(13) Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ, во время бури сбился съ дороги и вѣхалъ въ Оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворачивалъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки Правительства.

(14) Слышано мною отъ самого Дмитрія Денисовича Пянова, донныи здравствующаго въ Уральскѣ.

(15) Кажется, Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу—Москвою, деревню Каргазе—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Кіевомъ.

(16) Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ Графу Чернышеву, отъ 11-го Ноября 1773.

(17) Овзяно-Петровский заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смѣлѣйшему. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его насѣдниковъ суть донныи одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

(18) Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

(19) То есть Депутатъ въ Комиссіи Составленія Новаго Уложенія. Депутатовъ было 652 человекъ. Имъ розданы были, для ношенія въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ, золотыя овальные ме-

¹⁾ Рейнсдорпъ въ семъ числѣ не считаетъ Башкирцевъ.

дали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: *Блаженство каждаго и вѣкъ*; а внизу: *1766 года, Декабря 14 день*.

*f) Сей Чернышевъ есть тотъ самый, о которомъ государыня говоритъ въ своихъ запискахъ. Онъ былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ и удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ императрицы Елизаветы. Онъ и братъ его были любимцами Петра III, который сдѣлалъ одного полковникомъ и далъ ему полкъ, а второго подполковникомъ, Екатерина пожаловала перваго бригадиромъ и сдѣлала с. петербургскимъ комендантомъ, а брата его (повѣшеннаго) полковникомъ и комендантомъ симбирскимъ. Петербургскій комендантъ къ старости своей былъ въ связи съ Травиной: онъ цѣлый день проводилъ въ ея домѣ, сидя подъ окномъ, и на зарѣ отиравался въ крѣпость.

(20) Изъ сего Калмыцкаго Полковника сдѣлали Капитана Калмыкова.

(21) При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый набѣдникъ принялъ Оренбургскихъ казаковъ за своихъ и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за вороты; Пугачевъ, нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцомъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три человека подѣзжали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его <Пугачева>, и обѣщали за то 500 руб. награжденія. Они отъѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ и умеръ дней черезъ пять.

*g) См. Прилож. (I, № 4), указъ военной коллегіи объ увольненіи Генералъ-маіора Кара отъ службы.

*h) Карръ былъ предъ симъ употребленъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости и даже жестокости <это еще не предполагаетъ храбрости и Карръ это доказалъ>. Въ Радомѣ онъ былъ сторожемъ Радзивила. Разбитый двумя каторжниками, [Пугачевымъ и Хлопушей], онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, зомъ въ костяхъ, фистулы и горячки. Приѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ Князю Волхонскому, который

его не принялъ. Карръ приѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то уже гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало въ старину. Сей человекъ, пожертвовавшій честию для своей безопасности, нашелъ однако же смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостію.

*i) Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ Ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину <что весьма не понравилось Государынѣ>; свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ Государа Великаго Князя. Существовала ли такая партія или нѣтъ — другой вопросъ. Симъ призракомъ безпрестанно смущали Государыню и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мѣлочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между Императрицей и Великимъ Княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Великій Князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова <брата Александра Ильича> и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ Великаго Князя донесено, и что у брата его отымають полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ Императрицѣ и объяснилъ ей, что слова Великаго Князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что, въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчину.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

(1) У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войскъ. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхояцкой до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить линейныя крѣпости безъ обороны.

(2) Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Янка, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, построена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился Командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близкочующихъ ордъ.

(3) Корфъ, послѣ сраженія 14 Ноября, подсылакъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга и съ обѣщаніемъ выйти къ нему навстрѣчу. Пугачевъ осторожно подѣзжалъ къ Оренбургу, и усомнился въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

(4) Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полемику не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣ-

щанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: *Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву*. Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Надурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога. «Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщаніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесвернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ: извѣстно (да и по всему тебѣ, бестія, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всесвернаго шастія, однако шастіе ваше служить одному твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебѣ здѣсь хотя веревочныхъ не станеть петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ <возьмемъ>»,

да на тебя веревку свить можемъ; не сумѣвайся, мошеникъ, изъ б... сдѣланъ. Намъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, оставя свое неверіе, прийти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ *извиненія* всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишить; а здѣсь не безызвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объявля намъ сіе да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года»

(5) Я не имѣлъ случая читать эту Рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державнымъ по тому же поводу.

«Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Непобѣдимая Императрица!

«Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода Казанскаго Дворянства оумиамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашемъ Императорскаго Величества къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возыграло сердце о толикомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъявилъ усердіе свое Отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даишемъ пѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ Тобою; се счастье наше, се восхищеніе душъ нашихъ!»

«Но, Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обыкновену позволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоугробія Своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя: осылая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ человеколюбіемъ милуете; а потому конечно и посильное даиіе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, Ваше Императорское Величество толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

«Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ, Ваше Императорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Что жъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кроиъ особливия, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молить? Кроиъ неописанныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотая защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Пенедъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины могло возникнуть зло сіе; кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Что жъ

мы медлили? Чего давно не доставало намъ, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чего жъ не доставало? не усердія ли нашего? Пѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебечь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліаніе, души наши на положеніе; умремъ,—кто не имѣетъ мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

«Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей, сколь ни жарко рвеніе сердецъ нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, если бъ Ваше Императорское Величество не ускорило войсками своими въ защищеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превосходительства Александра Ильича Библикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ первѣнности составивъ корпусъ нашъ, ежели бъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носсагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблущіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовремяни: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проищаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыхъ Вѣры. По прозорливому Вашему Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Библиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ любому-дрой душѣ Твоей воспісумъ благодареніе.

«Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня Вашему Императорскому Величеству крайнія чувствія искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадило сердецъ нашихъ за благоволенія Твои; уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ Тебя радости новаго намъ Твоего великодушія и списхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣнія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, списхидишь и именущься нашою *Казанскою Полтицією!* о радости для насъ неизглаголанной, о щастіи для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се преславное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ! Та, которая даетъ законы ползвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! та, которая владычествуеъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты боже, тѣмъ Ты величественнѣе.

«И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего, однако Высочайшую волю Твою развер-

стымъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучемъ, начертываемъ неоцѣненные слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Принимаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя, надѣемся.

«Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовь къ намъ, за сіи Твои несказанныя намъ благодѣнія? Наполняемъ сердца наши токмо влѣвшими воспламенѣнемъ искоренитъ изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ Онъ намъ въ томъ свою помощь, а Вашему Императорскому Величеству, истинной Матери Отечества, съ любезнымъ Вашему Императорскому Величеству Сыномъ, съ сею безцѣнною надеждою нашою, и и съ дражайшею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, многія лѣта благоденствія».

(6) Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

(7) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву отъ 24 Января 1774 года.—5-го Января того же года писалъ онъ къ Философову: «Герпѣіе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полкова, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями развѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ утраченіемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ навстрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе дѣшного края, сдѣловательно суди и о моемъ по тому положеніи. Скареды и срамцы дѣшныя гарнизоны всего боится, нигуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшныя присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рнусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательства и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаешь злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашнего врага довольно охраниться, все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ, обратитъ все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу», и проч.

(8) Слѣтъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

(9) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву.

(10) Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе Государства на губерніи и провинціи.

(11) Въ 1774 году уведено въ плѣнъ Киргизцами до 1380 человекъ.

(12) См. въ Запискахъ Храповицкаго < въ 1791 году > весьма любопытный разговоръ Государыни о Густавѣ III.

*к) Густавъ III, изъявляя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ, не смотря на всѣ представленія, не воспользовался смянѣнемъ, произведеннымъ Пугачевымъ.—Есть

чѣмъ хвастать, говорила Государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглыми каторжникомъ, вѣшавшимъ жещинъ и дѣтей.

(13) См. Переписку Вольтера съ Императрицею.

(14) Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ Военную Коллегію.

Описание извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, учиненное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

(1) Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, дозвуть Емельяна Иванова сына, прозывается Пугачевымъ.

2) Отецъ его родной былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ, Михайловъ сынъ, Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отроду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухоощавъ, врту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ сазасками *), еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донныи не вырастаютъ. На лѣвомъ виску отъ болячки круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмѣнный, величиною въ двукопѣечникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казадки подстригалъ, росту средняго, борода клиномъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно-православную; въ церковь Божію ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ приобщался, на что и имѣлъ отъ духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Федора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ десять, и съ которыми и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери—вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Онѣй же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значить, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ;—а послѣ сего

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывагъ, такъ и сама не знала; а

8. 773 Года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но того жъ самаго часа объявила казакъ, а они, взявши его, повезли къ станичному Атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомянуть, а оттуда въ Черкасской; но не довеза

*) Техническій терминъ у кулачныхъ бойцовъ, значить ударъ по челюстямъ.

однакожь до онаго, въ Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаеть.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтми сознанія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ <который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи>, да родныя жъ сестры, изъ коихъ первалъ Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужествѣ той же станицы за казакѣмъ Федоромъ Григорьевымъ по прозванію Брыкалинимъ, а вторая Федосья Иванова, которая также замужемъ за казакѣмъ изъ Прусакъ Симономъ Пикитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казацкому, а иностраннаго языка никакого не зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа <что дневнаго пропитанія съ дѣтми имѣть стало не отъ чего> продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казакъ Еремѣ Евсѣеву на словъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особю командою паки въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ, состоящій также неподалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена—казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнить, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ; и послѣ жъ котораго остались и теперь живыя находятся дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитриева въ замужествѣ Есауловской станицы за казакѣмъ Омою Андреевымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ осьмой годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитриева въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакѣмъ Григоріемъ Федоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитриевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакѣмъ, и по отбѣдѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.—

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ отставнаго казака Трофима Оомина:

«Въ 1771 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкасскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрогской крѣпости коннаго казацкаго полку, у казака Василья Кусачкина. Но казаки,

не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго Командира. Пугачевъ и побѣжалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывший Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василій Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣжали за Кубань на Куму рѣчку, гдѣ онъ <Прусакъ> побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкасскъ Прусакъ съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ и содержался подъ карауломъ. Намбрень былъ я его, какъ праздношатающаго, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичною избы изъподъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкасскъ. Когда его привели, увидя по подорожной, что посланъ онъ былъ въ козодкѣ, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева росписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.

За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ».

(15) Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сѣмъ пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

(16) Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; не смотря на то, Исторія Пугачевского возмущенія мало известна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ; по сочинителю довелъ свой рассказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: *Михельсонъ въ Казани*, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо Архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ приобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ, въ своемъ Историческомъ и Статистическомъ обозрѣніи Уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія Екатерины мало еще извѣстенъ.

* k) Уральскіе казаки, большею частію раскольники <особливо старые люди>, донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ.—Раскажи мнѣ, говорилъ я [Дмитрію] Пыльову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцомъ?—Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ Великій Государь Петръ Федоровичъ.—Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мutilи.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ПЯТОЙ.

(1) Крещенные Калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на Оренбургскихъ и Ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его *Оренбургской Топографіи*) подробное о нихъ извѣстіе.

(2) Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастье освободить около полторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ отъ Киргизовъ. Державинъ написалъ свои «Записки», къ сожалѣнію, еще неизданныя.

(3) Державинъ, приближаясь къ одному селу близъ Малыковки съ двумя казаками, узналъ, что множество народу собралось и намѣрено идти къ Пугачеву. Онъ пріѣхалъ прямо къ сборной избѣ и требовалъ отъ писаря Злобина <впослѣдствіи богача> изъясненія, зачѣмъ собрался народъ и по чьему приказанію? Начальники выступили и объявили, что идутъ соединиться съ Государемъ Петромъ Федоровичемъ, и начали было наступать на Державина. Онъ велѣлъ двухъ повѣситъ, а народу велѣлъ принести плетей и всю деревню пересѣчь. Собріище разбѣжалось. Державинъ увѣрилъ, что за нимъ идутъ три полка <слышалъ отъ Сенат. Баранова>. И. И. Дмитріевъ увѣрялъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости.

(4) Бунтовавшие Башкирцы жестоко усмирены были Генералъ-Лейтенантомъ Княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо все ему удавалось.

(5) Казни, произведенныя въ Башкиріи, Генераломъ Княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человекъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. Иныхъ, пишетъ Рычковъ, растыкали по колямамъ, другихъ повѣсили ребромъ за крюки, нѣкоторыхъ четвертовали. Остальныхъ, человекъ до тысячи, *простили*, отрѣзавъ имъ носы и уши. Многіе изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

(6) См. въ приложеніи письмо Бибикова къ фонъ-Визину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами, доставлено было родственниками и наслѣдниками фонъ-Визина Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей автора *Недоросля*. Надѣлся въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ сочиненіе.

(7) Малоѣтотъ, не достигшій 14-ти лѣтъ тяго возраста.

(8) Пледкаля Защита находится отъ Оренбурга въ 62-хъ верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная Пледкаля соль.

«Добываніе оной соли,» пишетъ Рычковъ: «уже издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ Башкирцевъ, а потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилось; но о построеніи сей крѣпости опредѣленіе учинено уже въ прошломъ 1753 году Октября 26 числа, по составившемуся въ Правительствующему Сенатѣ того жъ 1753 года Мая 24 числа указу, коимъ въ Оренбургѣ въ принадлежащихъ къ оному новымъ крѣпостяхъ и селеніяхъ (опредѣлено) учредить казенные соляные магазины, и продажу Пледкой и Эбелейской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ, по 35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное правленіе въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогда подрядчикъ, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Алексѣй Углицкой,

обязался той соли заготовлять и ставить въ Оренбургской магазинъ четыре года, на каждой годъ по пятидесяти тысячъ пудъ, а буде вознадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пудъ, своимъ коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 годъ дѣлать постронть тамъ своимъ же коштомъ, по указанію отъ Инженерной команды, небольшую защиту оплотомъ съ батареями для пушекъ, тутъ же сдѣлать нѣсколько покоевъ и казармъ для гарнизону и провіантской магазинъ, и на всѣ жилые покои въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а провіантъ, сколько бѣ тамъ войсковою команды ни случилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ подводахъ, что все и учинено, и гарнизонномъ опредѣлена туда изъ Алексѣевскаго пѣхотнаго полка одна рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаямъ и болѣе военныхъ людей командировано бываеетъ, для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добываніи той соли людей <коихъ человекъ ста подва и болѣе бываеетъ> имѣется тамъ дерковъ и священникъ съ церковными служителями.» (*Топографія Оренбургская*).

(9) Тодкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сорочки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кирилловѣ, въ 1736 году.—Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Тодкой.

(10) Крѣпость Попосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при тайномъ совѣтникѣ Татищевѣ, подъ именемъ *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюевѣ въ Новосергіевскую.

(11) Переволодка, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховьѣ рѣки Самары.

(12) Les rebelles resterent si tranquilles à Tatischeva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements.— (*Histoire de la révolte de Pougatschef*).

(13) Бибиновъ въ письмѣ отъ 26 Марта: «Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ; убито 12 офицеровъ, ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Комелевъ тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ и пишетъ, не опасно.»

(14) Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.

(15) Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не билъ монету съ изображеніемъ Государя Петра III и съ надписью *Redivivus et ultor* (какъ увѣряютъ иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя латинскія над-

писи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

(14) La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retient d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poud de farine coûtait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargale et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. *(Письмо Рейнсдорна къ кн. Голицыну, 24-го Марта 1774).*

*м) Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человекъ и красавецъ. — Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775) и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ <въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина> вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Москва обвинила Потемкина...

(15) Слобода Сентовская <она же и Каргалинская> часто упоминаемая въ сей Исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени Казанскаго Татарина Сейта-Хаялина, перваго, явившагося въ Оренбургскую Канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Съ Сентовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

(16) По своему разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Боголюбскомъ мѣди-плавильномъ заводѣ. Приказчикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Табинскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

(17) Въ Озерной старая казачка [мать Ст. Разина] каждый день бродила надъ Янкомъ, кляукою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Стѣпушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лице незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

(18) Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи <Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ>, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свинина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достоверности въ официальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.

(19) Слова сіи сохранены Державинымъ въ одѣ его на смерть Бибикова. — Послѣдняя строфа должна была быть выброшена на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,

Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правды другъ;
Екатериной чтимъ за службу
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренности души его,
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣнно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

(20) Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

(21) Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

«Посвятить краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою па службу Отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его памяти.

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной его примѣрнаго государственнаго человека, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предприимчивость и расторопность, такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и довѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показавъ искусству свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованная успѣхами. Онъ былъ хорошій Генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользы; твердый правъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неколебимъ; любилъ Словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ; зналъ Нѣмецкій и Французскій языкъ и не задолго предъ смертію выучилъ и Англійскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важную свою поступь, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умалила въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и высшій чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ Престола и къ спасенію Отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи, тогда пресѣкшуюся».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ.

(1) См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

(2) Histoire de la révolte de Pougatschef.

(3) Троицко-Саткинской заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

(4) Зелаирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Орен-

бурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта <передъ Пугачевскимъ>.

(5) Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ говоритъ, что Князь Щербатовъ, Князь Голицынъ и Брантъ перессорились, другъ къ другу не пошли въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ СЕДЬМОЙ.

(1.) Въ септенціи сказано было, что Пугачевъ возвратился въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдствіе доказало, что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣдніе бросили оружіе и уступили превосходной силѣ.

(2.) Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ изъ мятежниковъ. <Аристовымъ> и нѣсколько времени находился въ немилости. Императрица, убѣдясь въ его невинности, вознаградила его саномъ Митрополитскимъ, и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Пресвященнѣйшей Митрополитъ, Веніаминъ Казанскій!—По прїѣздѣ Моемъ, первымъ попеченіемъ было для Меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Пресвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу Вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминовеніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ удвѣляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а Я съ отѣннымъ доброжелательствомъ есмь

Екатерина».

Отвѣтъ Веніамина Митрополита Казанскаго.

«Вемилостивѣйшая Государыня! — Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ дѣльнымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ мздыхъ погтей посвятилъ на службу по Божѣ въ непоколебимой вѣрности! Вашему Монаршему Престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависить; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета паглотить злора противъ совѣсти и человечества исторгнуть покушались Неодѣяннымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ загономъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрылся, и отъясилъ поношеніе мое, поношеніе мое въ человѣдѣхъ. Что жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ свѣтѣ Монархиня, только поначительному о спасеніи моемъ Господеви? Истощеніе всей дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушнѣмъ жизни въ возблагодареніе не довѣсть; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить не престану день и ночь, да сохранить дражайшую жизнь Вашу за толь сребролюбное сохраненіе моею до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспослать съ высоты святяга своея на вѣнецъ сию главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпка десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія Вашего недуги, отъ неуспынныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, Держава и Престолъ вашъ яко днѣ неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудеть, есмь

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій».

(3.) Генераль-Маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудяковъ, сынъ Никиты Алферьевича, пользовав-

шагося довѣренностію Петра Великаго, въ чинѣ Поручика гвардіи Преображенскаго полка участвовалъ въ первомъ Персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу Турокъ и Татаръ, а при Императрицѣ Елисаветѣ противу Прусаковъ; вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ <Извлечено изъ неизданнаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ>.

(4.) Такъ говоритъ Авторъ Исторической Записки: Histoire de la révolte de Pougatschef; въ официальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достоверно однакожъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 Августа 1774 года.

п) Показаніе нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, что ни одинъ изъ дворянъ не былъ замѣшанъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, совершенно несправедливо. Множество офицеровъ <по чину своему сдѣлавшихся дворянами> служили въ рядахъ Пугачева, не считая тѣхъ, которые изъ робости пристажи къ нему. Изъ хорошихъ фамилій—Шванвичъ былъ сынъ кронштадтскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашомъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова. Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Милеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч.; а Шванвичъ только ошельманъ презомленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія ¹⁾.

1) Нѣмецкіе указы Пугачева были писаны рукою Шванвича. Отецъ его, Александръ Мартыновичъ, былъ маіоромъ и кронштадтскимъ комендантомъ, послѣ переезда въ Новгородъ. Онъ былъ высокій и сильный мужчина. Имъ разрубленъ былъ Алексѣй Орловъ въ трактирной ссорѣ. Играя съ Свѣчинимъ въ домиръ, онъ гнѣвъ привичку закуривать свою пѣнковую трубочку и между тѣмъ загадывать въ карты. Женатъ былъ на нѣмкѣ. Сызнего старшій недавно умеръ. <Слышала отъ Н. (свѣчина)>.

Анекдотъ о разрубленной щекѣ любопытенъ. Четыре брата Орловы <потомки стрѣльца Адлера, пощаженаго Петромъ Великимъ за его хладнокровіе передъ плахомъ> были до 1762 г. бѣдные гвардейскіе офицеры, извѣстные буйной и безпутной жизнью. Народъ ихъ зналъ за силачей, и никто въ Петербургѣ не осмѣливался съ ними спорить, кромѣ Шванвича, такого же повѣсы и силача. Порознь онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ, но вдвоемъ Орловы (Алексѣй и Федоръ) брали надъ нимъ верхъ. Послѣ многихъ дракъ, они между собой положили, въ избѣжаніе напрасныхъ побоевъ, слѣдующее правило: одинъ Орловъ уступаетъ Шванвичу и гдѣ бы его ни встрѣтилъ—попунется ему безпрекословно; двое же Орловыхъ, встрѣтивъ Шванвича, берутъ передъ, и Шванвичъ имъ повинуется. Такое перемиріе не могло долго существовать. Шванвичъ встрѣтился однажды съ Ф. Орловымъ въ трактирѣ и, пользуясь своимъ припомъ, овладѣлъ билъярдомъ, виномъ и д... ми. Онъ торжествовалъ. Вдругъ, откуда ни съизмылся является тутъ же Алексѣй Орловъ, и оба брата, по силѣ договора, отымаютъ у Шванвича вино, билъярдъ и д... кт. Шванвичъ, уже хмельной, хотѣлъ воспротивиться; тогда, Орловы вытащили его изъ дверей. Шванвичъ, въ бѣшенствѣ, сталъ дожидаться ихъ выхода, притаясь за воротами. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Алексѣй Ор-

(5.) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Генералъ отъ кавалеріи и Главнокомандующій Молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началѣ славной службы своей, Князь Варшавскій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранялъ юношескую

ловъ. Шванвичъ обнажилъ палашъ, разрубилъ ему щеку и ушелъ; ударъ пьяной руки не былъ смертеленъ, однакожь Орловъ упалъ. Шванвичъ долго скитался, боясь встрѣтиться съ Орловыми.

Черезъ нѣсколько времени произошелъ переворотъ, возведшій Екатерину на престолъ, а Орловыхъ на первую стѣпенъ въ государствѣ. Шванвичъ почиталъ себя погиб-

живость, любилъ воинскія опасности и еще поспѣшалъ передовыя перестрѣлки.

о) Кто были сіи смысленные сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца?—Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣлъ его распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія.

шимъ. Орловъ пришелъ къ нему, обнялъ его и остался съ нимъ пріятелемъ. Сынъ Шванвича, находившійся въ командѣ Чернышева, нѣлъ малодушіе пристать къ Пугачеву и глупость служить ему со всеусердіемъ. Графъ Ал. Орловъ выпросилъ у государыни смятеніе приговора.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ОСЬМОЙ.

(1.) Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный держкимъ покушеніемъ на особу Короля Станислава Понятовскаго; меньшой съ 1772 года находился въ плѣну, и жилъ въ домѣ губернатора, которымъ былъ онъ принятъ, какъ родной.

р) Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго Казанскаго губернатора.

(2.) Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, Доктора и Профессора Медицины при Казанскомъ Университетѣ, человека столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

(3.) Предъ симъ дѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ обшлаго онъ утратить, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя пять лѣтъ.

(4.) За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношенія Перфильева съ правительствомъ <обстоятельство вовсе неизвѣстное>, обязаны мы благодарностію А. И. Галахову, внуку Капитана гвардіи, на коего Правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.

(5.) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Генералъ-Аншефъ орденовъ Св. Андрея и Св. Георгія первой степени кавалеръ, и проч., сынъ Генералъ-Поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началъ службу свою подъ начальствомъ Фельдмаршала Графа Миниха; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семилѣтней войны служилъ Генералъ-Маіоромъ и былъ главнымъ виновникомъ успѣха Франкфуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ Сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ Второй арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ уединенія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

г) Въ Саранскѣ архимандритъ Александръ принялъ Пугачева съ крестомъ и евангеліемъ и во время молебствія, на ектеніи, упомянулъ государыню Устинію Петровну. Архимандритъ преданъ былъ гражданскому суду въ Казани. 13 Октября 1774 года, въ полдень, приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели въ алтарь и возложили на него полное облаченіе. Солдаты съ прижнутыми штыками стояли у сѣверныхъ дверей. Протопопъ и прогodyконъ поставили его посреди церкви во всемъ облаченіи и въ оковахъ. Послѣ обдѣли былъ онъ выведенъ на площадь; ему прочли его вины. Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали волосы и бороду, надѣли мужиц-

кій армякъ и сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ въ ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ велѣно было вывести Александра въ одеждѣ монашеской. Но Потемкинъ <Павелъ Сергѣевичъ> отступилъ отъ сего, для большаго эффекта.

(6.) См. Приложенія, II.

(7.) Показанія казаковъ Оюмипа и Лепелина. Они не знаютъ имени гвардейскаго офицера, съ ними отряженнаго къ Петровску, но боинякъ въ своемъ донесеніи именуется Державина.

(8.) Въ то время изданъ былъ списокъ <еще не весьма полный> жертвамъ Пугачева и его товарищей; помѣщаемъ его здѣсь:

Описаніе, собранное понынѣ изъ вѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцемъ и бунтовщиками Емелькою Пугачевымъ и его злодѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ наказаніемъ, кто именно и въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городѣ Казани:

Ворвавшись они въ городъ и входя во храмы Божіи въ шапкахъ, съ оружіемъ, грабили и выгоняли укрывавшихся тамъ людей; а именно: въ Казанскомъ Богородицкомъ соборѣ, во Владимірскомъ соборѣ, въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ, въ церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольскаго, въ церкви Николая Чудотворца, именуемаго Низкаго, въ церкви Живоначальной Троицы, въ церкви Воскресенія Христова, въ церкви Варламія Хутынскаго, въ церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія, въ церкви Вознесенія Господня, въ церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы, въ церкви Четырехъ Евангелистовъ, въ церкви Алексѣя человека Божія, въ Троицкомъ Оедоровскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, въ Петропавловскомъ соборѣ, не могли отбить дверей, стрѣляли съ паперти въ окошки.

Въ городѣ Цывилъскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ приходскихъ церквахъ: Въ селѣ Срѣтенскомъ, въ селѣ Богоявленскомъ, въ селѣ Успенскомъ, въ селѣ Веденскомъ.—Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали, но и святыхъ иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То же самое дѣлали въ Пензенской провинціи: Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы; въ селѣ Чардымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губерніи, въ Арзамасскомъ уѣздѣ: Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

Алатырскаго уѣзда: Въ селѣ Сутяжномъ, въ приходской церкви, въ селѣ Семеновскомъ, въ приходской церкви, въ городѣ Курмышѣ, въ соборной церкви Николаевской и Троицкой.

Курмышскаго уѣзду, въ приходскихъ церквахъ: Въ селѣ Шуматовѣ, въ селѣ Шумшевахъ, въ селѣ Большихъ Туваныхъ, въ селѣ Аляменевѣ, въ селѣ Усѣ.

Воронежской губерніи, въ Нижнемъ Ломовѣ: Въ Богородскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Оренбургской губерніи: Въ Оренбургскомъ предмѣстіи, въ церкви Георгіевской; на Мѣновомъ дворѣ, въ церкви Захарія и Елисаветы святыхъ иконы выпнуты изъ мѣстъ своихъ и повержены на землю, и нѣкоторые расколоты. Въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ, въ церкви святаго Іоанна Предтечи тожъ учинено. Въ приходскихъ сихъ крѣпостей церквахъ, входя злодѣи оклады съ иконъ и всю утварь церковную грабили: въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Татищевой крѣпости, въ Разынной крѣпости, въ Сорочинской крѣпости, въ Тацкой крѣпости, въ Магнитной крѣпости, въ Карагайской. Бугульминскаго вѣдомства, въ селѣ Спасскомъ, въ приходскую церковь вѣзжали на лошадахъ и грабили церковную утварь. Въ селѣ Борисоглѣбскомъ и въ Канжынской слободѣ, въ приходскихъ церквахъ тожъ дѣлали.

Пермской провинціи: Въ разныхъ церквахъ дѣлали грабежи, а въ нѣкоторыхъ и въ Парскія двери входили, какъ-то: на Юговскомъ Осокина заводѣ, въ селѣ Крестовоздвиженскомъ, въ селѣ Дубенскомъ на Ижевскомъ казенномъ заводѣ, въ селѣ Березовкѣ, въ селѣ Троицкомъ, Олпина тожъ, Осинскаго уѣзду въ селѣ Крыловѣ, на Юго-Камскомъ заводѣ, въ селѣ Николаевскомъ, въ Троицкой крѣпости. Да сожжены церкви: на Саткинскомъ заводѣ, въ пригородѣ Осѣ, на Петропавловскомъ и Воткинскомъ заводахъ, въ Икосовѣ винокуренномъ заводѣ, въ Златоустовскомъ и Сатковскомъ заводахъ, въ Авзяно-Петровскомъ заводѣ. Сверхъ того, по Оренбургской линіи злодѣи, шедъ даже до Троицкой крѣпости, церкви Божіи сожигали, и образа находили послѣ разбросаны, а иные и расколоты.

Въ городѣ Казани убиты до смерти: Генералъ-Маіоръ Нефедъ Кудрявцевъ, Полковникъ Иванъ Родіоновъ, сынъ его Артиллеріи отставной Капитанъ Александръ Родіоновъ, Коллежскій Совѣтникъ Казимиръ Гурской, Коллежскіе Ассесоры: Петръ Брюховской, Ѳеодоръ Поповъ съ женою, Преміеръ-Маіоръ Данило Хвостовъ, Капитаны: Василій Онучинъ, Лука Ефимовъ, Поручикъ Александръ Масловъ. *Подпоручики:* Иванъ Богдановъ, Иванъ Носовъ, Гаврила Нармоцкой. *Прапорщики:* Павелъ Лелинъ, Андрей Гердздорфъ, Алексѣй Тарбеевъ. *Коммисары:* Лука Ефимовъ, Иванъ Попомаревъ, Лекарской ученикъ Иванъ Михайловъ. *При Гимнази Информаторы:* Нѣмедкаго класса Аропъ Тихъ, рисовальнаго: Иванъ Кавелинъ, ученикъ Иванъ Петровъ, часовой мастеръ Шицъ, отставный Секретарь Александръ Голдобинъ. *Решстраторы:* Иванъ Вороховъ, Григорій Овсяниковъ. *Канцеляристы:* Иванъ Карповъ, Александръ Акишевъ, Герасимъ

Андрониковъ, подканцеляристъ Степанъ Поповъ, *Унтеръ-офицеры:* Сержантъ Иванъ Бѣлобородовъ, Вахмистръ Анисимъ Нармоцкой, *Подпрапорщики:* Степанъ Реутовъ, Иванъ Неудашинъ, капитанмусъ Дмитрій Стрѣлковъ. *Солдаты:* Степанъ Печищевъ, Леонтей Чекалипъ. *Щетчики:* Анисимъ Колотовъ, Никита Спирилоновъ, Ѳеодоръ Калашниковъ. *Инвалидные:* Денисъ Ерофеевъ, Гаврило Юдинъ, слесарь Фризіусъ, сѣдельникъ Гросманъ, конохъ Иванъ Красногооровъ. *Купцы:* Максимъ Васильевъ, Иванъ Назарьевъ, сынъ его Гаврило Назарьевъ, Кирила Ларионовъ, Иванъ Котельниковъ, Козма Игнатьевъ, Григорій Мордвиновъ, Борисъ Ростовцовъ, Иванъ Пирожниковъ, Михайла Естифеевъ, Ѳеодоръ Тюленевъ, Яковъ Нижегородовъ, Романъ Ѳеодоровъ, Михайла Сухоруковъ, Василій Рыбниковъ, Филипъ Кашкинъ. *Цеховые:* Иванъ Кореневъ, Петръ Ильинъ, Михайла Разторгуевъ, Иванъ Фроловъ, Петръ Бѣлоусовъ, Петръ Кочановъ, Илья Петровъ, Григорій Смирновъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Сапожниковъ, Василій Киселевъ, Василій Ѳеодосеевъ, Ѳеодоръ Востряковъ. *Дворовые люди:* управителя Петра Кондратьева Прокофій Алексеевъ, Капитана Аристова Ѳеодоръ Вербовской, Архитектора Кафтырева Гаврило Васильевъ, секретаря Аристова Козма Яковлевъ, Маіора Хвостова Петръ Степановъ, Маіорши Ивановой Данило Ильинъ, Капитана Левашева: Алексѣй Никифоровъ, Никифоровъ Ѳеодоровъ, Петръ Григорьевъ, Антипъ Андреевъ, Данило Власовъ, Денисъ Григорьевъ, Петръ Афанасеевъ; купца Каменева Михайла Ивановъ, Бригадира Люткина Прокофій Шелудяковъ. *Экономическіе крестьяне:* Иванъ Даниловъ, Иванъ Прокофьевъ, Иванъ Кондратьевъ. Казанской суконной фабрики *мастеровые и работники:* Степанъ Шумихинъ, Давидъ Попомаревъ, Яковъ Герасимовъ, Кондратій Петровъ, Петръ Самойловъ. Да сгорѣли въ Казанскомъ магистратѣ: Ратманъ Аѳанасій Шапошниковъ, копистъ Ѳеодоръ Копыловъ.

Въ Свияжскомъ уѣздѣ убиты до смерти: Инвалидной команды полковой обозной Палкинъ, копистъ Ѳеодоровъ.

Въ Цивильскъ убиты до смерти въ городѣ: Воевода Коллежской Ассесоръ Петръ Копьевъ, штатной команды Прапорщикъ Алексѣй Абаринъ, Секретарь Поповъ, его жена Татьяна Степанова, дворовыхъ людей мужеска шесть, женска два, канцеляристъ одинъ, купецъ одинъ. Въ уѣздѣ: священниковъ четыре, дьячокъ одинъ, пономарь одинъ, матросовъ три, новокрещены два.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ убиты до смерти: Чебоксарской морской инвалидной команды: капитанъ съ сыномъ, прапорщиковъ два, подпрапорщикъ одинъ, штатной команды солдатъ одинъ, прапорщикъ Иванъ Тихомировъ съ женою его, экономического правленія копистъ одинъ, престарѣлыхъ матросовъ четыре, да молодой одинъ, священниковъ двѣнадцать, дьяконовъ пять, дьячковъ два, купецъ одинъ.

Въ Царевкокашскомъ уѣздѣ убиты до смерти: Свияжской провинціи отставной канцеляристъ Андрей Дмитріевъ, священникъ одинъ, полковой обозной одинъ, подьячій одинъ, малолѣтній одинъ.

Въ городѣ Пензѣ убиты до смерти: Воевода Андрей Всеволожской, Товарищъ Петръ Гуляевъ. *Подпоручики:* Михайла Суровцовъ, Ѳеодоръ Слѣпцовъ. *Секретари:* Степанъ Дудкинъ, жена его, да сынъ. *Подпоручикъ* Игнатій Дуд-

князь, Сергѣй Григорьевъ съ женою, съ сыномъ и съ двумя дочерьми. *Приказные служители:* Андрей Поповъ, Гаврила Елисеѣвской, Ѳедоръ Иконниковъ, Василій Тереховъ съ женою, Иванъ Дмитріевъ, Семенъ Тереховъ, Иванъ Аврамовъ. *Въ уѣздъ:* Генераль-Маіоръ Алексѣй Шакомовъ съ женою, Секундъ-Маіоръ Иванъ Веревкинъ съ женою, Поручикъ Флоръ Сѣвцовъ, Капитаны: Алексѣй Тутаевъ, Гаврило Юматовъ, Помѣщикъ Скуратовъ, Маіорша Дарья Селивачева, Поручикъ Петръ Ивановъ и Подпоручикъ Борисъ Яковлевъ и дѣти Романовы, Сержантъ Петръ Пеклюдовъ съ женою и съ сыномъ, Секундъ-Маіоръ Иванъ Стишкинъ, жена его Татьяна Степанова, Маіорша Ѳедосья Назарьева съ сестрою Марьею Даниловою, съ дочерьми двумя, съ племянницею Ѳедосьею Шемяковою, Поручикъ Иванъ Пизюгинъ съ женою и съ дочерью дѣвцею Ольгою, отставой драгунъ Князь Михайла Звенигородской, Квартирмистръ Ермолай Стишкинъ съ женою и съ сыномъ Иваномъ, Маіоръ Егоръ Мартыновъ съ женою Афимьею Яковлевою и съ сыномъ Сергѣемъ и съ женою его, Подковникъ Никифоръ Хомяковъ, Маіоръ Иванъ Стишкинъ, жена его Татьяна Степанова, Поручикъ Степанъ Башенъ, Прапорщикъ Евдокимъ Степановъ, Прапорщика Александра Стромилова дѣти, сыновья: Михайла, Николай, дочь Авдотья да братъ родной Сергѣй, Прапорщикъ Фадей Зеленской съ женою, Прапорщикъ Сергѣй Грязевъ съ женою, вдова Маіорша Анисья Безобразова, Капитанша Елена Романова, Капитанъ Григорій Раковъ, Маіоръ Василій Кологривовъ съ женою, Прапорщикъ Козма Бартеневъ, Маіора Михайла Мартынова дѣти: Николай, Савва; Надворная Совѣтница Грабова, помѣщица Анна Репьева, Регистраторъ Алексѣй Дертевъ, Прапорщикъ Кадышевъ, Надворная Совѣтница Прасковья Ермолаева съ сыномъ, помѣщица Дарья Хазабурдина, Поручикъ Иванъ Лукинъ, Поручика князя Павла Борятинскаго жена Прасковья Гаврилова съ малолѣтною дочерью, Прапорщикъ Андрей изъ дворянъ, да однодворецъ Михайло Сѣвцовы, Секретарь Сергѣй Сверчковъ, съ женою его Настасьей Ивановою, Вахмистръ Яковъ Жмакинъ съ дочерью его дѣвцею Мариною, Прапорщикъ Николай Агафонниковъ, съ женою и съ матерью, Секундъ-Маіоръ Левъ Дубенской съ женою, подьячій изъ дворянъ Василій Агафонниковъ съ женою, Капитанша Марья Кирѣевой дочь дѣвица Анна, Маіоръ Иванъ Веревкинъ съ женою, Сержантъ Тимоѣей Аксентьевъ, Поручикъ Максимъ Дмитріевъ, Капитанъ Михайло Кирѣевъ съ дочерью, Поручикъ Андрей Пансыревъ, Капитанъ Иванъ Дмитріевъ, Прапорщикъ Иванъ Тутаевъ, Поручикъ Егоръ Моревъ съ женою Анною Петровою, Графъ Гаврило Головинъ, Маіорша Елена Варыцаева, Подпоручикъ Александръ Глатковъ, дворянская жена Прасковья Проскуровская, Архитекторъ смоленской шляхтичъ Ѳедоръ Яковлевъ, Поручикъ Жмакинъ, Капитанъ Иванъ Именинниковъ, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахматова и дочь ея дѣвица, однодворецъ Иванъ Юрасовъ. Прапорщики: Иванъ Булаинъ, Иванъ Нетесевъ, Степанъ Романовъ; Подпоручикъ Левъ Ергоковъ съ женою, Капитанъ Алексѣй Козловъ, Секундъ-Маіоръ Ивашевъ, Подпоручикъ Николай да Гвардіи Капралъ Василій Киселевы, поручикъ Гаврило Аферьевъ, Маіоръ Никита Кастяевской съ женою, Капитанъ Тутаевъ съ женою, Подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья,

сыновья Алексѣй, да Михайла, да свояченица его дѣвица Пелагея Квашнина, Сарапскій Воевода Василій Протасевъ съ женою и сыномъ, Поручикъ Ѳедоръ Левинъ съ женою и съ сыномъ Алексѣемъ, эконоимической Казначей Секундъ-Маіоръ Ѳедоръ Григорьевъ съ женою, Маіорша Авдотья Вознидына съ дочерью, вдовы дворянки: Анна, да Прасковья Проскуровскія, помѣщикъ Семенъ Литомгинъ съ женою, Поручикъ Иванъ да Подпоручикъ Максимъ Тоузаковы, вдова Подполковница Марья Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, Маіоръ Григорій Зубаревъ съ женою и съ дѣтьми, двумя сыновьями, съ дочерью дѣвцею, Поручикъ Ѳедоръ Бекетовъ съ женою Марьею Егоровою, Маіорша Катерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, Княгиня Анна Мустафина, Подпоручика Гаврилы Левина жена съ дѣтьми сыновьями: Дмитріемъ, Николаемъ, да съ дочерью, Гвардіи Капралша Ѳедосья Ермолаева съ дочерью вдовою Прапорщицею Авдотьею Юрьевою, Подпрапорщикъ Степанъ Пересѣкинъ съ женою, сыномъ Гавриломъ, дочерьми: Катериною, Аграфенею, Анною. Авдотьею; Маіоръ Ѳедоръ Кашкаровъ, жена его съ дочерьми малолѣтними дѣтьми, и одна французская, протоколистъ Петръ Ивановъ съ женою Татьяною Дмитріевою и съ дѣтьми: Премьеръ-Маіоромъ Семеномъ Ивановымъ, съ женою Елизаветою Михайловою, съ сыномъ Петромъ, недоросль Дмитрій Ивановъ, Маіорша Лукерья Ивина съ сыномъ Алексѣемъ, съ дочерью Пелагеею, Вахмистръ Михайла Брюховъ съ женою, прокурорша Марья Агарева, Секундъ-Маіоръ Николай Степановъ съ женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, Поручикъ Алексѣй Зубецкой съ женою, помѣщица Авдотья Жедринская, Вахмистръ Никита Никифоровъ, помѣщикъ Никита Подгорновъ, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ползамасовъ съ сыномъ Сергѣемъ, Подпоручика Василья Золотарева жена, камеръ-лакей Яковъ Выдринь съ женою, Подпоручикъ Алексѣй Сѣвцовъ съ женою Аграфенею Сергѣевою, Подпоручица Катерина Платцова, Прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды Подпоручикъ Иванъ Обуховъ, Вахмистръ Яковъ Жмакинъ съ дочерью Мариною, Сержантъ Иванъ Кашкаровъ съ зятемъ Ассесоромъ Никитою Іевлевымъ, съ женою его Матреною Михайловою и съ ихъ дочерью Марьею, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Аферьевъ съ женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семенъ Ѳедорчуковъ, Петръ Митюринъ, легкой полевой команды солдатъ одинъ, штатной команды солдатъ два, Вахмистръ Иванъ Симоновъ, однодворцевъ четыре, пѣхотныхъ солдатъ три, четыре священника, и одинъ изъ нихъ съ женою, понамаръ одинъ, Прапорщика Ивана Буланина прикащикъ, капитана Ивана Осоргина прикащикъ, Графа Гаврилы Головкина прикащикъ, Вахмистра Якова Якушкина прикащикъ, лейбъ-гвардіи Капитана Князя Михайла Долгорукова прикащикъ, полковника Петра Волконскаго прикащикъ, Капитана Николая Загоскина прикащикъ, вдовы Анны Смагиной два старосты, вдовы Пелагея Гредовой прикащикъ съ женою и дочерью, Княжны Марья Долгоруковой прикащикъ съ женою, кадета Петра Загряжскаго прикащикъ, Капитана Василья Новикова прикащикъ, Подпоручика Николая Зыбина прикащикъ, Сержанта Сергѣя Мартынова дворовой человѣкъ, Бригадирши Аграфены Киселевой прикащикъ, Архитектора смоленскаго шляхтича Яковлева дворовыхъ два человѣка, Поручика Сергѣя Тухачевского прикащикъ, Прапорщика Ивана

Буланина дворовой челоѣкъ, Прапорщика Аванася Саморокова дворовой челоѣкъ, Графа Андрея Шувалова староста одинъ, выборныхъ два, Статскаго Совѣтника Аванася Зубова дворовой челоѣкъ, Маіора Нилы Акинѣева два приказчика и одинъ кучеръ, Коллежской Ассесорши Катерины Бахметовой дворовой челоѣкъ, Штыкъ-Юнкера Аблязова управитель, Полковника Степана Ермолаева приказчикъ, Капитана Николая Володимиrowa дворовой челоѣкъ, Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева приказчикъ, Секундъ-Маіора Александра Соловцова дворовой челоѣкъ, иноземецъ Иванъ Миллеръ, Архитектора Василья Баженова земской, Генеральши Екатерины Левашевой приказчикъ, Сержантовъ Андрей да Ивана Левинныхъ приказчикъ съ женою, дѣвцы Анны да Марьи Языковыхъ приказчиковъ жена, новокрещеныхъ два, Надворной Совѣтницы Прасковьи Ермолаевой крестьянинъ, Коллежскаго Ассесора Петра Хлбникова крестьянинъ, Капитана Василья Новикова крестьянинъ, Подполковника Степана Ермолаева крестьянинъ, одинъ, женки двѣ, Статскаго Совѣтника Аванася Зубова крестьянинъ, дѣвцы Ольги Назарьевой крестьянинъ.

Въ Симбирскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Полковница вдова Марья Теплова, помѣщица вдова Домна Посиблова, сестра ея Милитинскаго дворянина Якова Агненова жена Ульяна Александрова, Подпоручикъ Иванъ Манактинъ, Маіоръ Василій Аристовъ съ дочерью дѣвицею, помѣщицы вдовы Прасковьи, Анна Петровна дочери Насакины, Симбирскаго баталіона Полковникъ и Комедантъ Андрей Рычковъ, экономической Казначей Поручикъ Тишинъ съ женою и два малолѣтнихъ сына, экономической крестьянинъ Александръ Васильевъ, Подполковникъ Василій Языковъ, Маіоръ Александръ Родіоновъ, Подполковника Никиты Философова приказчикъ Василій Ерѡѣвъ, подполковника Петра Зиминскаго приказчикъ Тимѡеи Михайловъ, фабриканта Воронцова формовальщикъ Алексѣй Адриановъ.

Въ городѣ Петровскѣ *убиты до смерти*: Воеводской Товарищъ, Секундъ-Маіоръ Буткевичъ, теща его Марья Иванова, Секретарь Лука Яковлевъ съ женою Марьею Михайловою и съ сыномъ Петромъ, штатной команды барабанщикъ Иванъ Хомутиниковъ, пахатной солдатъ Игнатій Ношкинъ, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева. *Въ уѣздѣ*: Подполковница вдова Ирина Никитина дочь Дурасова, Капитана Николая Коптева сынъ младенецъ Левъ, Корнетъ Михайло Шильниковъ съ женою Прасковьею Макаровою, и малолѣтній сынъ Григорій, Сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, Маіорша вдова Анися Безобразова, помѣщики: Николай да Василій Киселевы, приказчикъ ихъ Аванасій Семеновъ, помѣщикъ Григорья да Игнатія Киселевыхъ приказчикъ Степанъ Матѣевъ, Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ, Прапорщикъ Гаврило Власевъ, Прапорщикъ Николай Чемодуровъ, Подпоручикъ Ѳедотъ Бекетовъ съ женою Марьею, Капитан-поручика Ѳедора Менса жена Софья, Поручика Бахметева крестьянинъ Иванъ Ивановъ, пахатной солдатъ Ѳадей Скапинцовъ, малороссіанинъ Иванъ Озерецкой.

Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: священниковъ два, дьяконовъ два, дьячекъ одинъ, семпнаристъ одинъ.

Въ Пермскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Екатеринбургскаго вѣдомства: Капитанъ Воиновъ,

Подпоручикъ Посоховъ, солдатъ одинъ; Юговскихъ заводовъ управитель Шихтмейстеръ Яковлевъ, Унтеръ-Шихтмейстеръ Бахманъ, Князь Михайла Михайловича Голицына приказчикъ Михайло Ключниковъ; подьячій Василій Клестовъ, питейной продажи дѣловальникъ одинъ, Графа Романа Ларіоновича Воронцова Ягошнихинскаго заводу Унтеръ-Шихтмейстеръ Манакотъ. *Священники*: Василій Козминъ, Анникій Борисовъ, Родіонъ Леонтьевъ, дьячекъ Иванъ Поповъ, дьячекъ Илья Петровъ, экономическихъ дѣлъ копистъ Петръ Курбатовъ, Атаманъ Колесниковъ, отставной Капралъ Лукьянъ Омеляновъ, Юговскихъ заводовъ плавильщикъ Козма Орловъ. *Пушкарѣ*: Демидъ Сочинъ, Никифоръ Совинъ, экономической крестьянинъ Алимпій Кармановъ, крестьянинъ Гаврило Трегубовъ, Князя Голицына крестьянъ четырнадцать челоѣкъ, Графа Строгонова крестьянъ три челоѣка. Государственныхъ: крестьянинъ Егоръ Зуевъ и еще семь челоѣкъ, сотникъ Яковъ и крестьянинъ Михайла Поповы, крестьянинъ Софроновъ, Ермолай Мѣдєнниковъ, Ѳедоръ Бурковъ. Иванъ Осетровъ, крестьянинъ Ермаковъ и еще два челоѣка, крестьянская дѣвка.

Въ городѣ Ставрополѣ *убиты до смерти*: Бригадиръ и Ставропольской Комедантъ Иванъ фонъ-Фегезакъ, Воеводской Товарищъ Надворный Совѣтникъ Сергѣй Милковичъ, Секретарь Семень Микляевъ, Ставропольскаго баталіона Секундъ-Маіоры: Павелъ Алашеевъ, Алексѣй Карачевъ, Никита Семеновъ. Капитаны: Григорій Калмыковъ, Петръ Лабухинъ. *Поручики*: Аванасій Семеновъ, Дмитрій Новокрещеновъ. *Прапорщики*: Яковъ Дворяниновъ, Василій Трофимовъ, Ѳедоръ Попковъ, Василій Плешивцовъ; Лекаръ Иванъ Финкъ. *Въ уѣздѣ*: отставные: Секундъ-Маіоръ Артемій Бережневъ. *Прапорщики*: Филатъ Струйской, Петръ Поляковъ; Подпрапорщикъ Петръ Тургеневъ съ сыномъ Иваномъ, Сержантъ Михайло Кулыгинъ. Ставропольскаго баталіона *Сержанты*: Иванъ Свѣшниковъ, Василій Гушинъ, Яковъ Петровъ, Михайло Савушкинъ, Семень Львовъ; Подпрапорщикъ Иванъ Ѳомиръ, капралъ Лука Матѣевъ. *Солдаты*: Игнатій Буторинъ, Фролъ Бердяковъ, Петръ Вагинъ, Митрофанъ Мухановскій, Никита Козловъ, Василій Григорьевъ, Григорій Колесниковъ, Аванасій Кондуковъ, Гурій Ульяновъ, деньщикъ Максимъ Андреевъ; ставропольскаго духовнаго правленія копистъ Василій Татлинъ. *Дворовые люди*: прапорщика Филата Струйскаго Елизавъ Семеновъ, помѣщицы Аграфены Стрекаловой Егоръ Горохъ, Осипъ Александровъ, помѣщицы Прасковьи Чемесовой Иванъ Михайловъ, ясацкой крестьянинъ Осипъ Звонаревъ, разночинецъ Михайла Васильевъ. Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса: Ротмистръ Никаноръ Буратовъ, солдатъ Иванъ Шонбо.

Нижегородской губерніи и въ Нижегородскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Графа Николая Головина приказчикъ Алексѣй Тетеевъ съ женою Настасьею, братъ его Иванъ Тетеевъ съ сыномъ Васильемъ. *Выборные*: Андрей Киреевъ, Иванъ Ѳадеевъ, крестьянинъ Павелъ Кордюковъ, Нѣмецъ одинъ, Французъ одинъ, Артиллеріи Капитана Князя Петра Дадіяна приказчикъ Петръ Кучинъ съ женою Дарьею.

Въ городѣ Алатырѣ *убиты до смерти*: Преміеръ-Маіоръ Романъ Грабовъ съ женою Катериною, Коллежской Ассесоръ Галактіонъ Кляпиковъ, землемѣръ Подпоручикъ Ѳедоръ Вишняковъ съ женою Анною и братомъ его двоюрод-

нымъ Ѳеодоромъ Прокофьевымъ; Секретарь Василій Поповъ съ женою Авдотьей Ивановою, съ дѣтми дочерью Варварою, Глафирою, съ сыномъ Алексѣемъ и матерью Матреною Васильевою; протоколистъ Матвій Леонтьевъ съ женою Марьею, съ дѣтми: сыномъ Николаемъ, дочерью Анною и Александрою; Капитанъ Иванъ Недоростковъ съ женою. Штатной команды солдаты: Алексѣй Зенкинъ, Тимоѣй Запылихинъ. *Въ уѣздѣ:* Прокуроръ Василій Кривской, Капитанъ Николай Лихутинъ съ женою Анною Ивановою, Сержантъ Иванъ Любонцевъ, Маіорша Ѳедосія Назарьева, Капитанъ Петръ Зубатовъ, изъ дворянъ капралъ Александръ Зиновьевъ, Маіоръ Семенъ Марковъ, изъ дворянъ каптенармусъ Аѳанасій Апаньинъ, Прапорщикъ Василій Мещериновъ, помѣщикъ Прасковья Тѣлгина, помѣщица вдова Авдотья Тимашева, Полковника Ѳедора Волкова свояченица Татьяна Ивановна, прапорщикъ Василій Мертваго съ женою Пелагеею Ивановою, Маіоръ Борисъ Мертваго, вахмистръ Андрей Назарьевъ, Капитанъ Алексѣй Матвѣевъ съ женою Мариною Алексѣевою, Коллежскаго Ассесора Ивана Мачаварианова свояченица Нина Егорова, экономическаго Казначея Князь Василія Туркистанова жена Прина Борисова.

При экономическомъ винокуренномъ заводѣ: Прапорщики: Алексѣй Гедеевъ съ женою Еленою Романовою, Василій Дуровъ съ женою Авдотьей Васильевою, помощникъ Сергѣй Бѣдауровъ съ женою Александрою Петровою; Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, Ассесора Мачаварианова дочь дѣвица Файна Иванова, племянникъ его Николай Гавриловъ, инвалиднаго Секундъ-Маіора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ея Авдотья Гедеева, племянница ея дѣвица Марья Туркманова, Ардатовской дворцовой волости управитель Секундъ-Маіоръ Михаилъ Нелидовъ, Поручикъ Иванъ Смолковъ съ женою Афімьею Ивановою, мать его Маіорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрія Жмакина жена Анисья Андреева, Маіора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михайлова; дѣти его: Прина, Ѳедосія, Ѳекла. Поручикъ Андрей Саврасовъ съ женою Афімьею Матвѣевою, теща его Анна Кириллова, дворянинъ Егоръ Пазухинъ съ женою Марьею Алексѣевою; дѣти его: сынъ Алексѣй, дочери: Анна, Елизавета; дворянина Ѳедота Захарина дочь дѣвица Татьяна, помѣщика Ивана Салманова теща Авдотья Аѳанасьева, жена Акулина Лукьянова, сынъ его Николай, дворянинъ Аѳанасій Яхонтовъ съ женою Домною Никитиною; дѣти ихъ, сынъ Степанъ, дочери Пелагея, Дарья; дворянинъ Ѳеонемитъ Яхонтовъ съ женою Екатериною Семеновою; дѣти ихъ, сыновья: Дмитрій, Павелъ, дочери: Авдотья, Акулина, теща Авдотья Антонова; капралъ Иванъ Салмановъ, Капитанша вдова Анна Брюхова, Дворянская жена Прасковья Тѣлгина, Поручикъ Иванъ Алабинъ, солдатъ Василій Шебалинъ, Прапорщикъ Григорій Куродовъ съ женою Анною Ивановою, Дворянка Прасковья Апраксина, Капитанша вдова Авдотья Брюхова, Капитанша вдова Арина Аленина, помѣщица Варвара Василісова, Капитанъ Николай Страховъ, мать его вдова поручица Домна Данилова, помѣщикъ Василій Апраксинъ съ женою Анисьею Дмитриевою, сынъ его Прапорщикъ Алексѣй, Прапорщикъ Иванъ Ашанинъ съ женою Авдотьей Меповою, вдова помѣщица Агаѣя Тахтарова, Капитанъ Иванъ Ляховъ Капитана Ивана Полумордвинова сынъ Михайла, Прапорщикъ Иванъ Андифо-

ровъ съ женою Анною Романовою, дѣвица Вѣра Данилова, вдова Марья Данилова, Подполковница вдова Прасковья Кишенская, сынъ ея Маіоръ Николай, малолѣтній Аврамъ, Дворянская жена вдова Анисья Неронова, сынъ ея Поручикъ Иванъ съ женою Прасковьею Андреевою, Гвардіи Прапорщикъ Иванъ Стечкинъ съ женою Василисою Петровою, помѣщикъ Ефимъ Нероновъ, дѣти его, сынъ Алексѣй, дочери: Наталья, Анна, Мавра; помѣщица Ѳедосія Лаптева, Прапорщикъ Григорій Певѣровъ, Прапорщикъ Григорій Пагаткинъ съ женою Феклою Васильевою; дѣти: сынъ Петръ, дочь дѣвица Акулина; Прапорщикъ Андрей Терепинъ, помѣщица Авдотья Варыпаева, Прапорщикъ Василій Терепинъ, Сержантъ Козма Терепинъ, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помѣщикъ князь Артамонъ Чегодаевъ съ женою Натальею Ивановою. Прапорщики: Ѳедоръ и Борисъ Брюховы, Поручица вдова Прасковья Брюхова, Сержантъ Сергѣй Апаньинъ съ женою Марьею Васильевою, дочь его Надежда; канцеляристъ Ѳеодоръ Крюковской, Прапорщикъ Александръ Гризновъ, дворянинъ Зурабъ Давыдовъ, служитель его Яковъ Андреевъ, Прапорщикъ изъ грузинъ Евсеѣй Семеновъ, канцеляристъ Михайло Соколовской, писарь Никита Вѣринъ, Прапорщикъ Василій Тимашевъ съ женою Катериною Антоновою, дочь его дѣвица Елисавета, помѣщица Марья Пучкова, Капитанъ Яковъ Бурцовъ, Подпоручикъ Василій Шалимовъ съ женою Акулиною Ильиною, пріемышъ дѣвка Анна, Университетскаго Учителя Грачевскаго дочь Вѣра, дворянинъ Дмитрій, Пасмуровъ съ женою Припою Ѳедоровою; Капитанъ Михайло Апаньинъ, Капитанша Прасковья Павлова, сынъ ея Капитанъ Василій, его сынъ сержантъ Ѳедоръ; Прапорщикъ Василій Шипкинъ, фурьеръ Василій Бабункинъ съ женою Марьею Ивановою и дочь его Елисавета; Поручикъ Александръ Зимнигской съ женою Авдотьей Григорьевою, Прапорщикъ Василій Копкинъ, Прапорщикъ Василій Зимнигской съ женою Мариамною Васильевою, Маіоръ Никифоръ Юрасовъ, Прапорщикъ Семѣй Юрасовъ съ женою Татьяною Моисеевою, дворянъ два человѣка: одинъ мужескаго, а другой женскаго пола; Князь Борисъ Дивевъ, Подпрапорщикъ Ефимъ Шуклинъ, протоколита Матвѣя Леонтьева мать Прина, Давиды Куткина жена Анна Ѳедорова, староста Тимоѣй Ѳедотовъ, Секундъ-Маіора Андрей Кикина староста Ѳедоръ Гавриловъ, десятиской Ѳедоръ Агафоновъ, помѣщика Алексѣя Сѣченова приказчикъ Захаръ Андреевъ, Маіора Ивана Протасьева приказчикъ Петръ Васильевъ, помѣщика Петра Пазухина староста Андрей Алексѣевъ, помѣщика Ивана Апаньина староста Ѳедоръ Ивановъ. *Крестьяне:* Макарь Ѳедоровъ, Андрей Николаевъ; помѣщицы Варвары Языковой дворовой человѣкъ Евдокимъ Фирсовъ, помѣщика Нилы Панова крестьянинъ Андрей Ѳедоровъ, Секундъ-Маіора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофій Прохоровъ, Степанъ Даниловъ; Арзамасская купецкая жена Марья Ѳедорова, Полковника Ѳедора Волкова приказчикъ Иванъ Козминъ, сынъ его Евграфъ; помѣщика Алексѣя Бахметева приказчикъ Иванъ Петровъ съ женою Ѳедосеею Романовою, Генералъ-Маіора и Кавалера Михайлы Кречетникова дворовой человѣкъ Максимъ Леонтьевъ; староста Карлъ Ивановъ; Артиллерія Подполковника Льва Пушкина дворовой человѣкъ Семѣй Ивановъ, Генералъ-Поручица Ивана Левашева приказчикъ Ѳедоръ Логинъ съ женою Татьяною Ѳедоровою и съ дочерью

Елисаветою: Ефимъ Ивановъ, Аверьянъ Борисовъ, Подполковника Григорія Бахметева выборной Алексѣй Игнатьевъ, Гвардіи капрала Егора Кроткаго человѣкъ Михайло Егоровъ, Капитана Алексѣя Матвѣева приказчикъ Дементій Дмитріевъ, Секундъ-Маіора Петра Акифѣева приказчикъ Александръ Васильевъ. *Экономическаго вѣдомства крестьяне:* Прокофій Афанасьевъ, Иванъ Володиміровъ, Михай Яковлевъ; Полковника Князь Александръ Одоевскаго приказчикъ Григорій Лебедевъ, помѣщика Александра Зиминскаго приказчикъ Никита Моисеевъ съ женою Прасковьею Андреевою, Бригадира Іевлева приказчикъ Степанъ Семеновъ, солдатская жена Оекла Семенова, *Графа Ивана Петровича Салтыкова:* штудейстеръ Иванъ Штенсигъ, приказчикъ Антонъ Дроздовъ, староста Анкудинъ Алексиновъ, приказчикъ Никита Алымовъ съ женою и съ дочерью, приказчикъ Алексѣй Головленъ, земской Иванъ Вернеевъ, крестьянинъ Иванъ Трофимовъ, приказчикъ Петръ Протопоповъ, крестьянинъ Ѳеодоръ Вайдовъ. *Графа Андрея Петровича Шувалова:* приказчикъ Тимоѣй Щепотевъ съ женою Настасьею Ивановою, земской Филиппъ Петровъ, экономической крестьянинъ Михай Яковлевъ, приказчикъ Михайло Савельевъ съ женою Авдотьею Ѳеодоровою; приказчикъ Борисъ Турчепиновъ, приказчикъ Кондратій Филипповъ. *Священники:* Яковъ Ѳеодоровъ, Василей Алексѣевъ, Аванасій Ивановъ, Иванъ Прохоровъ, Антипъ Борисовъ, Иванъ Борисовъ; діаконъ Ѳеодоръ Михайловъ.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Гвардіи коннаго полку Секундъ-Ротмистръ Иванъ Исуповъ съ женою Ирипою Петровою и съ дочерью Еленю и вдовою Настасьею, Титулярнаго Совѣтника Ивана Бахметева дочь, священникъ Василій Алексѣевъ, Поручика Николая Языкова служитель Сергій Борисовъ, Капитана Петра Ермолова дворовой человѣкъ Егоръ Васильевъ, приказчикъ Парфенъ, Секундъ-Маіора Князь Ивана Кольцова-Мосальскаго земской Семень Алексѣевъ, Прапорщика Алексѣя Дубенскаго приказчикъ Кондратій Андреевъ, служитель Иванъ Гуляевъ.

Въ городѣ Курмышѣ *убиты до смерти:* Секундъ-Маіоръ: Василій Юрловъ, Дмитрій Макаевъ, вдова Наталья Ульянина. Курмышской Канцеляріи: квартирмистръ Александръ Филипповъ, канцеляристъ Михайло Еремеевъ. *Въ уѣздѣ священники:* Аванасій Дмитріевъ, Алексѣй Семеновъ, Василій Антоновъ, Гаврило Евтроповъ, Гаврило Михайловъ, Андрей Степановъ, Михайло Дмитріевъ, Петръ Ивановъ, Андрей Алексѣевъ, Григорій Матвѣевъ, Михайло Васильевъ, Ѳеодоръ Алексѣевъ. *Діаконы:* Андрей Ѳеодоровъ, Василій Гавриловъ, Григорій Гавриловъ, Константинъ Васильевъ, Иванъ Михайловъ, Иванъ Никифоровъ, Иванъ Андреевъ, Михайло Ивановъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Андреаповъ. *Дьячки:* Петръ Ивановъ, Иванъ Григорьевъ, Корнилъ Васильевъ, Иванъ Васильевъ, Василій Никитинъ, Петръ Аванасеевъ, Василій Ивановъ, Сергій Григорьевъ. *Пономари:* Петръ Ивановъ, Матвѣй Ивановъ, Василій Тимоѣевъ, Егоръ Антоновъ, Петръ и Агаѳонъ Ѳеодоровы, Дмитрій Ѳеодоровъ, Илья Михайловъ, Семень Кузинъ, Статскаго Совѣтника Ивана Ермолова приказчикъ Яковъ Реутовъ. *Курмышской инвалидной команды:* Поручикъ Тимоѣй Муромцовъ, солдатъ Дмитрей Гусевъ, Подпоручикъ Иванъ Мантуровъ съ дѣтьми Кирикомъ и Николасемъ; помѣщика Ларіона Любтинскаго

староста Аванасій Васильевъ; Коллежской Совѣтницы Прасковьи Стражиной человѣкъ Ѳеодоръ Тимоѣевъ; Прапорщикъ Андрей Крашевъ, Цыvilской Канцеляріи Секретарь Никита Поповъ, жена его Татьяна Степанова. *Дворовыхъ людей:* мужскаго четыре, женскаго пола два, малолѣтнихъ два, матросъ Абрамъ Васильевъ, духовныхъ дѣлъ кониста Павла Попова сынъ Василій, матросъ Иванъ Львовъ, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотникъ Иванъ Идереяковъ. Крестьяне: Дмитрій Перфильевъ, Петръ Никитинъ.

Города Ядрииска съ разныхъ мѣстъ *убиты до смерти:* Священниковъ и причетниковъ съ ихъ женами тридцать восемь.

Города Оренбурга въ крепостяхъ *убиты до смерти:* Въ Чернорыченской крѣпости: Капитанъ Печаяевъ. Въ Татищевой: Комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою. Въ Разыиной: Комендантъ Секундъ-Маіоръ Веловской съ женою, Капитанъ Савиничъ, Поручикъ Киршичевъ, прапорщикъ Осиповъ, священникъ одинъ, вопіекихъ нижнихъ чиновъ регулярныхъ и нерегулярныхъ двѣнадцать. Въ Сорочинской: регулярныхъ шесть, разночинцевъ пять. Въ Бузулукской: Маіора Племянникова приказчикъ и староста, Регистратора Арапова работникъ. Въ Борской: отставной Капитанъ Петръ Роговъ, помѣщичьихъ крестьянъ два человѣка. Въ Пречистенской: отставныхъ двѣнадцать человѣкъ. Въ Зелаурской: Адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова съ прочими отставныхъ съ женами жъ въ числѣ четырехъ человѣкъ, съ пятью обоихъ половъ младенцами. Въ Магнитной: священникъ одинъ, Капитанъ Сергій Тихановской съ женою, отставныхъ солдатъ двое. Въ Нижней Озерной: Комендантъ секундъ-маіоръ Харловъ съ женою и братомъ ея. Въ состоящей на Самарской дистанціи деревнѣ Милоховой: отставной капитанъ Трофимъ Милоховъ.

Въ городѣ Троицкѣ *убиты до смерти:* Воевода Секундъ-Маіоръ Варволомей Сталповской, товарищъ Капитанъ Князь Алексѣй Чегодаевъ, съ приписью Михайла Скорняковъ, троичскихъ дворовыхъ управительскихъ дѣлъ управитель Гофъ-фуріеръ Андрей Половинкинъ. *Въ уѣздѣ онаго:* Троицкой штатной команды солдаты: Савелій Волковъ, Степанъ Ѳеодоровъ, Петръ Горбуновъ, разночинецъ Трофимъ Образцовъ, дворовой крестьянинъ Григорій Павловъ, канцеляриста Ивана Григорьева дворовой человѣкъ Антонъ Яковлевъ.

Въ городѣ Краснослободскѣ *убиты до смерти:* Воевода Секундъ-Маіоръ Иванъ Седунской, Секретарь Василій Тютрюмовъ, помѣщикъ Капитанъ Данила Сталышинъ. *Въ уѣздѣ онаго:* попъ Иванъ Яковлевъ, казеннаго дворцоваго Троицко-Острожскаго винокуреннаго завода сержантъ Никита Головъ. Дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ: въ должности страпчанаго канцеляриста Степанъ Сибжидкой, канцеляристъ Семень Дубровской, дворянинъ Никита Степановъ, дворянинъ Юдинъ.

Въ городѣ Наровчатѣ *убиты до смерти:* Воевода Аванасій Ценинъ, въ должности Секретаря Регистраторъ Семень Корольковъ, капралъ Степанъ Кашинъ, священникъ Иванъ Ивановъ, города Инсары Воеводскаго товарища Юматова дворовой человѣкъ Савелій Ивановъ, пробывавшій человѣкъ одинъ, наровчатовской канцеляріи отставной конистъ Александръ Соколовъ, помѣщика Арапова дворовой человѣкъ Ва-

силій Анпкеевъ, дворцовой крестьянинъ Иванъ Сорокинъ.

Въ городѣ Ипсарѣ *убиты до смерти*: Свидѣнники: Козма Семіоновъ, Андрей Мироновъ. Ипсарской инвалидной команды Секундъ-Маіоръ: Василій Деписевъ и жена его Наталья Петрова, Андрей Козминъ, жена его Оекла Емельянова. *Капитанъ*: Дмитрій Купринъ, жена его Татьяна Григорьева; Иванъ Щербаковъ, жена его Марѳа Иванова, Петръ Крениковъ. *Поручикъ* Михаила Юрловъ, жена его Прасковья Юдина. *Подпоручикъ*: Алексій Пьякинъ, жена его Меланія Евсеева, сестра его Меланья Тимоѣева, Алексій Корпиловъ, Нефедъ Онуфриевъ, Андрей Карпинъ, жена его Ирина Иванова, Подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. *Прапорщикъ*: Прокофій Соколовъ, жена его Настасья Тимоѣева, Николай Козловъ, Савва Агаѳоновъ, жена его Степанида Степанова, ротный Квартирмистръ Иона Стунетовъ, сержантъ Гаврила Макаковъ, каптенармуса Прокофья Страхова жена Акинья Васильева. *Капраля*: Иванъ Васильевъ, Игнатій Салыпинъ, жена его Февронья Филипова, Михайла Матвѣевъ, жена его Авдотья Оедорова, Василій Тепловъ, жена его Прасковья Игнатѣва, Павелъ Филимоновъ. *Солдаты*: Агапъ Годубчиковъ, Захаръ Крыловъ, Данило Прокофьевъ, Авдей Мелеховъ, Иванъ Юдинъ, Никита Беляшниковъ, Василій Ногинъ, Владиміръ Ивановичъ, Оедоръ Трофимовъ, Степанъ Евсигѣевъ, Алексій Пирожковъ, Иванъ Вилкинъ, Александръ Карауловъ, Козма Паршинъ, Михайла Бакаевъ, Оедоръ Назаровъ, Иванъ Букаевъ, Титъ Хомовъ, Осипъ Леонтьевской, Петръ Шадринъ, Яковъ Мадрыгинъ, Оедотъ Оедоровъ, жена его Агаѳа Григорьева, Гаврило Лосевъ, жена его Прасковья Васильева, Василій Петинъ, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чекаповъ, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Киселева жена Пепила Титова, солдата Григорья Иконникова жена Оедосья Степанова, канцеляристъ Иванъ Андреевъ. Ипсарской штатной команды *солдаты*: Борисъ Шулягинъ, Антонъ Камшилинъ, сторожъ Перфиль Герасимовъ; купецъ Филиппъ Соснинъ. *Подпоручикъ*: Алексій Голосеннъ, Оедоръ Голосеннъ, сестра его Анна Иванова, корнетъ Дмитрій Голосеннъ, жена его Матрена Никитина, московскаго купца Рюмина приказчикъ Максимъ Евстратовъ.

Пензенскаго уѣзда: Изъ дворянъ отставной драгунъ Егоръ Уляпинъ, жена его Настасья Михайлова, сестра ея Катерина Михайлова жъ.

Алатырскаго уѣзда: Поручикъ Прокофій Лукинъ, жена его Пелагея Никифорова.

Наровчатскаго уѣзда: Прапорщикъ Николай Ермоловъ.

Темкичскаго уѣзда: Татаръ шестнадцать человекъ, помѣщика Платона Орлова приказчикъ, а какъ его звали, неизвѣстно.

Въ Ипсарскомъ уѣздѣ: Поручика Василія Губарева крестьянинъ Тимоѣей Гавриловъ. Секундъ-Маіоръ Василій Ягодинской, жена его Татьяна Иванова, недоросль Князь Анисимъ Чюрмантѣевъ, жена его Авдотья Данилова, Артиллеріи Маіоръ Николай Печаевъ. *Ипсарской инвалидной команды*: Секундъ-Маіоры Гаврило Помоловъ, Кирилла Муратовъ; поручикъ Петръ Долговъ, частной Смотритель Капитанъ Князь Максимъ Чюрмантѣевъ, помѣщцы Елизаветы Шепелевой приказчикъ Андрей Карповъ, Коллежской Ассесоръ

Иванъ Кожинъ, жена его Татьяна Сергѣева, дочери ихъ дѣвщцы: Аграфена, Авдотья, Варвара, мать его Кожина Авдотья Николаева, Премьер-Маіоръ Семенъ Мерзлятевъ, жена его Анна Петрова; управитель Прапорщикъ Перфилій Унковской, Подполковника Дмитрія Чуфаровскаго приказчикъ Яковъ Никифоровъ, жена его Акимья Матѣева, Поручика Андрея Мневскаго жена Катерина Михайлова, отставной солдатъ Павелъ Епосеевъ, Поручикъ Ермолаевъ, дворянинъ Веделяпинъ, помѣщика Мешерипова.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Попъ Осипъ, диаконъ Василій, дячекъ, понамаръ Михайло, Прапорщикъ Анна Мальцова, помѣщика Александра Ханькова, приказчикъ Оома Никифоровъ, питейныхъ сборовъ служитель однодворецъ Игнатъ Бѣлозерцовъ, Поручикъ Яковъ Огалинъ съ сыномъ Львомъ, помѣщцы Княгини Дашковой приказчикъ Тимоѣей Оедоровъ, питейныхъ сборовъ служитель Кунгурской купецъ Яковъ Носковъ, однодворческія дѣти: Степанъ и Петръ Подьяпольскіе, Генераль-Маіора Никиты Смирнова приказчикъ Иванъ Петровъ, жена его Улита Иванова, Титулярной Совѣтницы Анны Поспиковой приказчикъ Андрей Родіоновъ, дѣловальникъ одинъ, помѣщика Николая Кольчева приказчикъ Михайло Андреевъ съ женою, помѣщика вдова Татьяна Пятова, помѣщика Агафья Якутина, Корнетъ Евстратъ Евсюковъ; писчики: Иванъ Кочуровъ, Степанъ Дивеевъ, помѣщика Кольцова-Масальскаго приказчикъ Восковъ, Подполковникъ Осипъ Кузмищевъ, однодворецъ Матвѣй Тверитиловъ; Поручики: Филиппъ Тенишевъ, Николай Реткинъ, вахмистръ Козма Марковъ, помѣщика Александра Васильчикова приказчикъ, Полковника Василья Измайлова приказчикъ Семенъ Мартыновъ, Полковника Князя Александра Болыго-Черкаскаго сотскаго Степанъ Оедоровъ.

Въ городѣ Темкичѣ *убиты до смерти* Питейныхъ сборовъ повѣренной Яковъ Кленовъ, поручика вдова Прасковья Ребинина, Капитанъ Дмитрій Кочеевъ, Подпоручикъ Князь Михайло Мансыревъ, Прапорщикъ Николай Ермоловъ, Гвардіи капралъ Князь Пѣля Епикеевъ, жена его Матрена Давыдова, Гвардіи капралъ Князь Василій Девлеткильдеевъ, Капитана Александра Мошкова приказчикъ Терентій Ивановъ, Татаринъ Аиса Халеевъ.

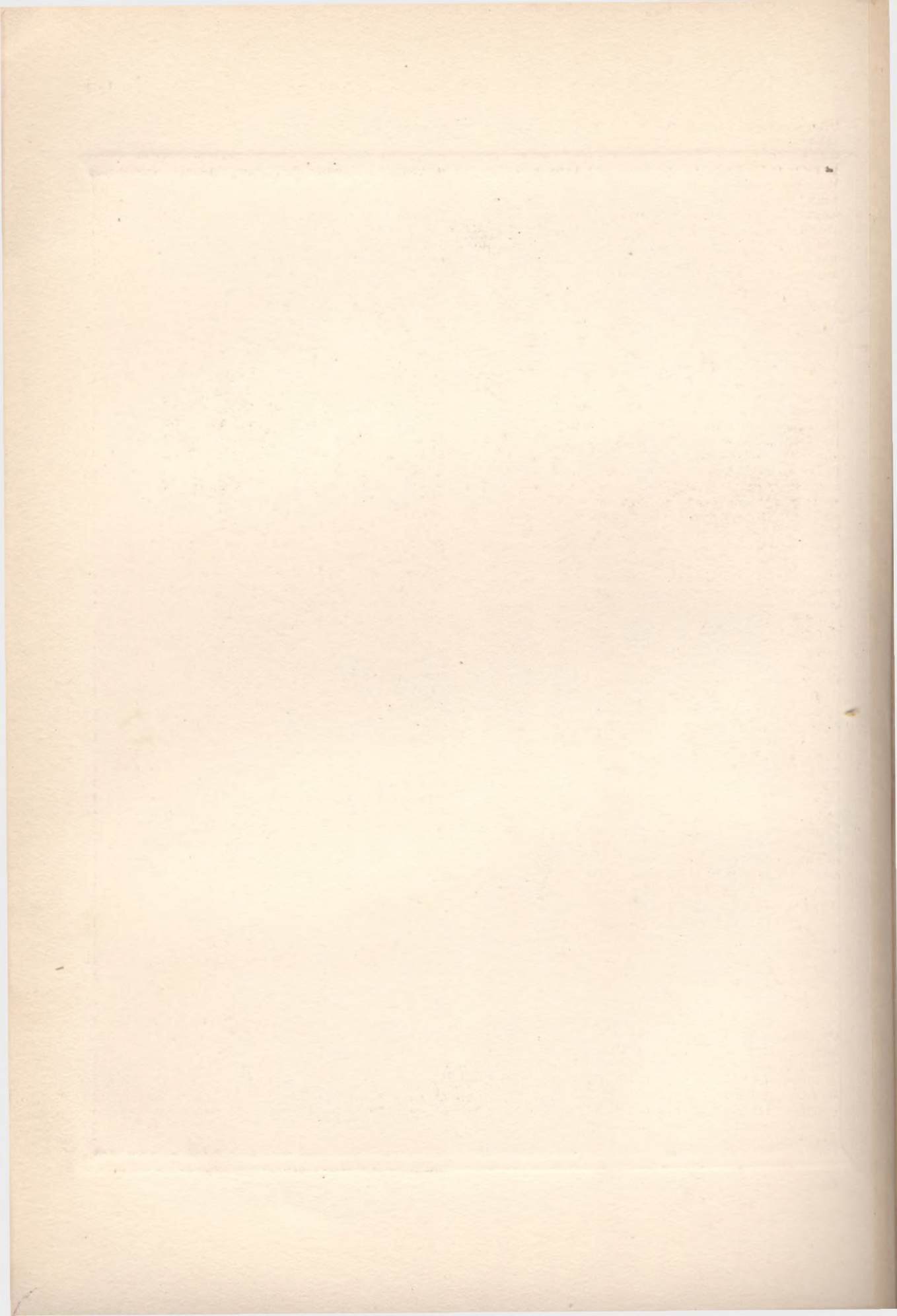
Въ Тамбовскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Поручика Аѳанасья Сатина приказчикъ; изъ дворянъ отставной ротный Квартирмистръ Максимъ Дасѣкинъ, изъ однодворцевъ отставной капралъ Василій Мишинъ, Надворнаго Совѣтника Пвана Мосолова крестьянинъ Семенъ Бирюковъ.

Въ городѣ Нижнемъ-Ломовѣ *убиты до смерти*: Свидѣнникъ Иванъ Ивановъ, Поручикъ Петръ Анучинъ, Секундъ-Маіоръ Степанъ Евсюковъ, Капитанъ Яковъ Калмыковъ, Поручикъ Иванъ Симаконъ, Прапорщикъ Тихонъ Масловъ, Прапорщикъ Василій Клишиновъ, Маіоръ Иванъ Соколовъ. *Въ уездѣ*: Секретарь Никита Григорьевъ сынъ Подгорновъ, жена его Ирина Степанова, сноха Авдотья Петрова, Прапорщикъ Иванъ Сабидовъ, жена его Акилина Алексѣева, Подпоручикъ Алексій Сабидовъ, жена его Аграфена Сергѣева, Капитанъ Лаврентій Сабидовъ, каптенармусъ Оедоръ Сабидовъ, жена его Марья Степанова, Прапорщикъ Василій Леуновъ, сержантъ Александръ Микешинъ, жена его Анна Андреева, Князь Михайло Мансыревъ, Прапорщикъ Петръ Скорятинъ, Капитанъ Князь Семенъ Мамѣевъ, Прапорщикъ

Князь Спиридонъ Маматѣвъ, Поручикъ Князь Михайло Пшеевъ, Прапорщика Василия Гедеева жена Анна Филатѣва, Поручица Авдотья Малахова, Поручица Евгенія Исаева, Подпрапорщикъ Иванъ Малаховъ, жена его Марья Михайлова, дочь дѣвица Агабѣя, Князь Василій Петровъ сынъ Кугушевъ, Майоръ Ѳеодоръ Никифоровъ, Надворной Совѣтникъ Василій Ивановичъ, жена его Авдотья Родионова, сынъ ихъ Поручикъ Акимъ Ивановичъ, жена его Прина Ѳеодорова, протоколистъ Михайло Дедекинъ.

Въ городѣ Верхнемъ-Ломовѣ *убиты до смерти*: Премьер-Майоръ Иванъ Болодкой; Капитанъ Иванъ Степановъ, Иванъ Дьяконовъ; Подпоручикъ Никита Суколеновъ, Поручикъ Нефедъ Евлаховъ, солдатъ Ѳеодоръ Лепилинъ, изъ дворянъ канцеляристъ Михайло Смирновъ, жена его Афімья Иванова, Воеводскаго Товарища Немецкаго дворовый человекъ Дмитрій Никитинъ, Воеводской Товарищъ Титулярной Совѣтницъ Петръ Петецкой, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, Надворной Совѣтникъ Никифоръ Хомяковъ, Подпоручикъ Капитанъ Вышеславцовъ, помѣщика Василия Титова приказчика жена Ульяна Козмина, Надворной Совѣтникъ Иванъ Богдановъ, жена его Наталья Иванова, Прапорщикъ Ефимъ Юматовъ, жена его Прина Леонтьева, дочь ихъ малолѣтняя Марья, Прапорщикъ Пантелей Трунинъ, жена его Прасковья Ефимова, Поручикъ Ѳеодоръ Мосоловъ, фурьеръ Иванъ Мецериновъ, канцеляристъ Никифоръ Смирновъ, Секундъ-Майора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистръ Максимъ Хомяковъ, дворянинъ Петръ Веденяпинъ, сынъ его Поручикъ Кондратій, помѣщика Матвѣя Дубасова крестьянинъ Спиридонъ Анофриевъ, Капитанша Анна Болкошина, инвалидной солдатъ Лукьянъ Курочкинъ, Корнетъ Иванъ Мецериновъ, Прапорщикъ Артамонъ Шмаковъ, Поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, Подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексѣва, Майоръ Иванъ Григоровъ, племянница его Авдотья Иванова, экономической Казначей Поручикъ Андрей Молчановъ, Подпоручика Алексѣя Вышеславцова жена Матрена Иванова, Прапорщикъ Григорій Евсиковъ, Прапорщика Пантелея Трунина крестьянинъ, а какъ зовутъ неизвѣстно, помѣщика Языкова приказчикъ Егоръ Григорьевъ, вдова Поручица Татьяна Врадка, татаринъ Бикмай Дубицъ, незаемой фидеръ, помѣщика Авдотья Волженская, Подпоручикъ Василій Вышеславцовъ, Поручика Фоки Исаева жена Евгенія Андреева, Генералъ-Поручика и Гавалера Амвѣя Шепелева служитель Иванъ Улановъ.

Самарской дистанціи, въ Борской крѣпости, *убиты до смерти*: Переводчикъ Арановъ, отставной Капитанъ Петръ Роговъ, Хилковскихъ крестьянъ два человека, отставныхъ конной гвардіи два, Тайнаго Совѣтника Обухова крестьянъ два.

Въ городѣ Саратовѣ *убиты до смерти*: Отставной Прапорщикъ Артамонъ Шахматовъ, полевой артиллеріи сержантъ Павелъ Шахматовъ, отставной Прапорщикъ Козма Рахманиновъ, Поручика Матвѣя Селезнева жена вдова Марья Иванова, отставной Прапорщикъ Алексѣй Протопоповъ, отставной Прапорщикъ Аванасій Толпыгинъ, изъ дворянъ Колежскій Регистраторъ Иванъ Аврамовъ, жена его Прина Иванова, бывшаго Саратовскаго Команданта Томаса Юнгера жена вдова Шарлотта Крестьянова, Корнетъ Гаврила Болотинъ, жена его Фекла Алексѣва, дѣти:

Ѳеодоръ Григорій, дочь Степанида, теща того Болотина Марѣя Ильина, дворянина Алексѣя Болотина жена Авдотья Степанова, дѣти: сынъ Никифоръ, дочери: Меланья, Марѣя; дворянинъ Степанъ Родионовъ, отставной Прапорщикъ Михайла Ахматовъ, дворянинъ Яковъ Болотинъ, отставной Прапорщикъ Григорій Автамоновъ сынъ Быковъ. Саратовскаго баталіона Секундъ-Майоръ: Петръ Остафьевъ, Иванъ Мосоловъ. *Капитаны*: Семенъ Агишевъ, Василей Портновъ, Андрей Маматовъ, Алексѣй Тагаевъ. *Поручики*: Иванъ Пироговъ, Михайла Меренковъ. *Прапорщики*: Иванъ Улановъ, Евдокимъ Портновъ, лекаръ Іоаннъ Рамеловъ, бывший въ городѣ Петровскѣ Смотритель надъ межевщиками Коллежской Ассесоръ Борисъ Наикулъ; команды его: Подпоручикъ Ѳеодоръ Спичарповъ, Прапорщикъ Петръ Скуратовъ, Корнетъ Петръ Калмыковъ. Въ домства конторы Опекунства Пностранцевъ: Поручики: Михайла Ермолаевъ съ женою, Иванъ Широковъ съ женою, Прапорщикъ Иванъ Ушаковъ, протоколистъ Иванъ Образцовъ, Регистраторъ Иванъ Вишнѣ; аптекаръ Иванъ Амende. Артиллерійскаго перваго фузеернаго полку: Капитанъ Князь Андрей Баратаевъ, Поручикъ Михайла Булановъ, Подпоручикъ Василій Хотяинцовъ, штыкъ-юнкеръ Андрей Ѳеодоровъ, лекаръ Семенъ Рузевичъ.

Въ городѣ Дмитріевскѣ, что на Камышинкѣ *убиты до смерти*: Полковникъ и Дмитріевской Комендантъ Касперъ Мелгинъ, Капитанъ Семенъ Агишевъ, городской лекаръ Степанъ Бѣлевъ, жена его Катерина Ѳеодорова, дочь дѣвица Матрена.

Бывшіе при Николаевской слободѣ При Соляномъ Коммисарствѣ: присутствующій Титулярной Совѣтницъ Илья Башиловъ, Поручикъ Сергѣй Богатыревъ.

Въ городѣ Царицынѣ *убиты до смерти*: Легкой полевой команды Командиръ Секундъ-Майоръ Баронъ фонъ-Дигъ. *Капитаны*: Дмитрій Шеншинъ, Иванъ Шиловъ. *Поручики*: Дмитрій Денисьевъ, Александръ Рокотовъ, Адъютантъ Семенъ Романовъ. *Прапорщики*: Александръ Палчевской, Илья Булановъ, Иванъ Буткевичъ, лекаръ Даниель Амбразусъ. Царицынскихъ баталіоновъ, перваго: Поручикъ Иванъ Климовъ, Втораго: Подпоручикъ Алексѣй Книгинъ.

Въ Волскомъ войскѣ *убиты до смерти*: Войсковой Старшина Григорій Поляковъ депутатъ Андрей Дячковъ, Московскаго легіона казачей команды отставной Прапорщикъ Иванъ Хуторсковъ. Казаки: Петръ Зайченковъ, Петръ Грековъ, Яковъ Грековъ.

Въ Новохоперскомъ уѣздѣ: Частный Смотритель Новохоперскаго баталіона Подпоручикъ Павелъ Еглевской, Подпоручикъ Филиппъ Тенишевъ, однодворецъ Матвѣй Тверитиновъ, господъ Нарышкиныхъ приказчикъ Лука Невѣровъ, малороссіанинъ Николай Ракитиновъ; означенныхъ же господъ Нарышкиныхъ приказчикъ Иванъ Евреинъ, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

(9). См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

* s. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ. Вмѣсто Суворова послалъ онъ Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкій характеръ.

(10) Мавринъ съ 1773 года находился при Биби-ковѣ; онъ отраженъ былъ отъ Секретной комисіи въ Янцкой городокъ, гдѣ и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и благо-разуміемъ.

(11) Императрица 22-го октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, j. satisfèrai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garroté par ses propres gens dans la plaine inhabitée entre le Volga et le Iaikъ où il avoit été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettaient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Iaikъ qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Emmené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfans; que dans ces troubles il avait épousé une autre femme. que ses frères et ses neveux servoient dans la première armée, que lui même avait servi les deux premières campagnes, contre la Porte, etc., etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que Mr. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfans, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit, où il a passé n'a été épargné: il pilloît et saccageoit ceux même, qui, pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avoit offensé que moi, son raisonnement pourroit être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses lois.

(12) Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. — *Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 Декабря 1774 года*.

* г. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненнымъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ

быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противу закона. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость адвокатовъ.

(13). «Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ *Болотѣ*.

«Въ дѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо ждали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

«Это происшествіе такъ врѣзало въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

«Въ десятый день Января тысяча семьсотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи, пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лѣбное мѣсто, вокругъ коего построены были лѣбхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лѣбнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота или, лучше сказать, низкой долины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотѣхъ съ обѣихъ сторонъ ея, усеяны были людьми обоаго пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось и съ шумомъ заговорило: *везутъ, везутъ!* Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, Секретарь Тайной Экспедиціи, за саними слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

«Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ смуглый и блѣдный; глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый; волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

«Сани остановились противъ крыльца лѣбнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*; и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтедомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: «ты ли Донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: «такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.» Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалого роста, сутулый, рабой и свирѣповидный,

стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю (*). По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимъ голосомъ: «прости, народъ православный; отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!» При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтаны. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничъ, и вмгъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ; палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.»—*Изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева*».

Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь другого Донскаго казака, свирѣпствовавшего за сто лѣтъ передъ Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужасными успѣхами. См. Relation des particularités de la rebellion de Stenko-Rezin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'anglais, par C. Desmares. MDCLXXXII.—Книга сія весьма рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ

*) По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафотѣ одурѣлъ отъ ужаса;—можно было принять его безчувствіе за равнодушіе.

оной въ библиотекѣ А. С. Норова, выпѣ принадлежащей Князю Н. П. Трубецкому.

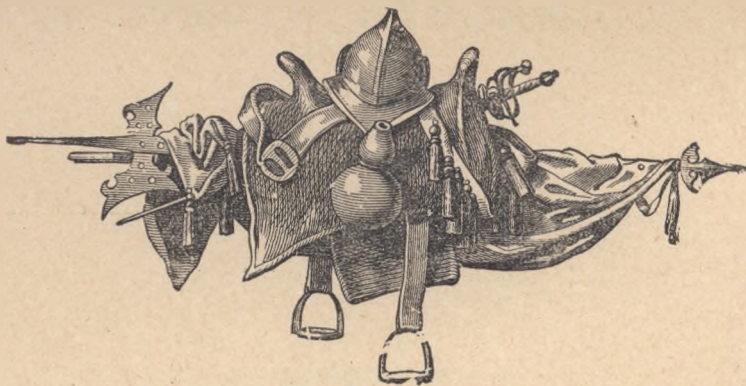
(14). См. Приложенія, I.

п. *Общая замѣчанія*. Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противоположны <NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева: Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ>.

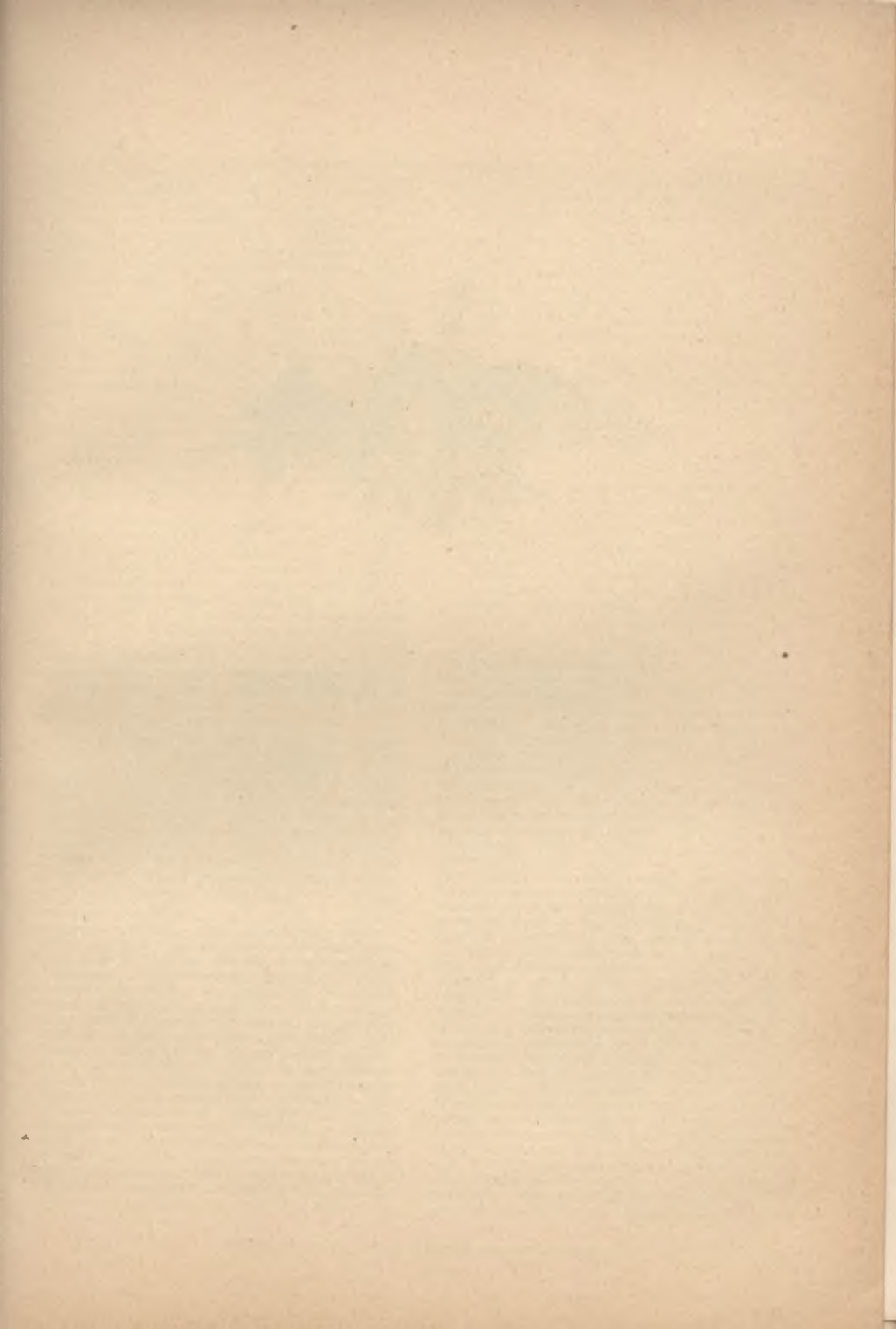
Всѣ *Нѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Демаринъ, Дуве, etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Карръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Билловъ, Декалонгъ etc., etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ переменъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей Государства сдѣлалось быстрымъ, etc.

**И С Т О Р І Я
П У Г А Ч Е В С К А Г О
Б У Н Т А.**

Ч А С Т Ъ   В Т О Р А Я

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

1834.

Съ дозволенія Правительства.

Часть II. ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПУГАЧЕВСКОМУ БУНТУ.

1) *Собственноручный указъ Императрицы Екатерины II. данный 14-го Октября 1773 года Генералъ-Маіору Кара.*

Изъ представленныхъ Намъ рапортовъ отъ Оренбургскаго и Казанскаго Губернаторовъ и письма къ Президенту Военной Коллегіи отъ Генералъ-Аншефа Князя Волконскаго усмотрѣли Мы, что бѣжавшій изъ-подъ караула, содержавшійся въ Казани бездѣльникъ, Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учиня непротистительную дерзость принятіемъ на себя имени Императора Петра III и обольстя въ жилищахъ Яицкаго войска тамошній народъ всякими лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишуть, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крѣпостей; и хотя Губернаторами, какъ Оренбургскимъ, такъ и Казанскимъ, и упомянутымъ Генералъ-Аншефомъ, приняты къ захваченію его и пресѣченію всего зла возможныя мѣры, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя Мы сообщимъ вамъ повелѣли; но дабы все оное произведено было съ лучшимъ усиліемъ и скоростію, то повелѣваемъ вамъ, какъ наискорѣе, туда отправиться, и принявъ въ свою команду, какъ тамо находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы 300 человекъ рядовыхъ, при Генералъ-Маіорѣ Фрейманѣ, да изъ Нова-города Гренадерскую роту, равномерно же если въ томъ нужду усмотрите, Башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ столько, сколько надобность потребуетъ, учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться, какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить, и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить. О способствованіи вамъ во всемъ, въ чемъ только будетъ нужно, дали Мы повелѣніе Нашей Военной Коллегіи, и при семъ приказаемъ къ Казанскому и Оренбургскому Губернаторамъ отворстыя Наши повелѣнія. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете учинить то Именемъ Нашимъ; а Башкирцамъ и поселеннымъ объявить, въ случаѣ, когда ихъ употребите, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ упомянутаго поспѣха окажутъ они Намъ новый опытъ своего усердія и приобрѣтутъ себѣ особое Монаршее Наше благоволеніе. Вслѣдъ же за вами, Мы немедленно отправимъ увѣщательный Манифестъ, который вы сами, или же обще съ Губернаторами, имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать.

[2] *Именные указы Казанскому и Оренбургскому Губернаторамъ.*

«Г. Казанскій Губернаторъ Брантъ! По случившемуся въ Оренбургской губерніи отъ бѣжавшаго у васъ изъ-подъ караула бездѣльника, казака Пугачева, мятежу, заблагодарсудили Мы отправить туда Г. Генералъ-Маіора Кара, которому вы имѣете всевозможное дѣлать вспоможеніе.»

«Г. Оренбургскій Губернаторъ Рейнсдорпъ! По случаю мятежа у васъ въ губерніи отъ бездѣльника, казака Пугачева, заблаговременно разсудили Мы послать на мѣсто Г. Генералъ-Маіора Кара, которому, въ всякое вспоможеніе не оставите показывать при всякомъ случаѣ.»

2 [3] *Манифестъ 15-го Октября 1773 года, объ отправленіи на Яикъ Генералъ-Маіора Кара для усмиренія мятежниковъ.*

Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Изъ полученныхъ отъ Губернаторовъ Казанскаго и Оренбургскаго рапортовъ съ сожалѣніемъ Мы усмотрѣли, что бѣглый казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ бѣжалъ въ Польшу въ раскопическіе скиты, и возвратясь изъ оной подлѣ именемъ выходца, былъ въ Казани, а оттуда ушелъ вторично, собравъ шайку подобныхъ себѣ воровъ и бродягъ изъ Яицкихъ селеній, дерзнулъ принять имя покойнаго Императора Петра III, произвелъ грабежи и разоренія въ нѣкоторыхъ крѣпостцахъ, по р. Яику въ сторонѣ Оренбурга и симъ извѣстіемъ малосмысленныхъ людей приводить въ развратъ и совершенную пагубу. Мы о такихъ матерински сожалѣя, чрезъ сіе ихъ милосердно увѣщаемъ, а непослушнымъ напостройжайше повелѣваемъ немедленно отъ сего безумія отстать, ибо Мы такую дерзость по сіе время не самимъ въ простотѣ и въ невѣдѣніи живущимъ нижняго состоянія людямъ приписываемъ, но единому ихъ невѣжеству и коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію. Но ежели кто за симъ Нашимъ милостивымъ увѣщаніемъ и Императорскимъ Повелѣніемъ откажется остаться въ его шайкѣ, и тотчасъ не придетъ въ настоящее раскаяніе и рабское свое повиновеніе, тотъ самъ уже отъ Насъ за бунтовщика и возмутителя противу воли Нашей Императорской признанъ будетъ, и никакимъ образомъ, яко сущій нарушитель своей присяги и общаго спокойства, законнаго Нашего гнѣва и тяжчайшаго по оному наказанія не избѣжитъ. Мы, для возстановленія порядка и тишины въ тѣхъ пре-

дѣлахъ, отправили отъ Насъ нарочно Нашего Генералъ-Маіора Кара, которому и сей Манифестъ публиковать повелѣли, повелѣвая и падѣясь, что каждый, впадшій въ сіе заблужденіе, самъ узнаетъ тѣготу своего преступленія, возвратится къ законному повиновенію, и обще со всѣми Нашими вѣрноподданными стараться и споспѣшествовать будетъ по мѣрѣ силъ своихъ и по своему званію такъ, какъ каждый присягою вѣрности обязанъ, къ прекращенію сего безбожнаго между народомъ смятенія, и къ доставленію скорѣйшаго способа тому Нашему Генералъ-Маіору къ истребленію упорствующихъ и къ доставленію въ его руки самого того главнаго вора, возмутителя и самозванца.

3) [4] Указъ Военной Коллегіи объ уваженіи Генералъ-Маіора Кара отъ службы.

Миноваго 30 Ноября Ея Императорское Величество, усмотрѣвъ изъ рапортовъ отправленнаго отсюда для нѣкоторой порученной отъ Ея Императорскаго Величества экспедиціи Генералъ Маіора Кара, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному его къ службѣ усердію и мужеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали его долгъ и присяга, но въ случаѣ неизбѣжности не щадить и живота своего, онъ о болѣзненномъ себѣ сказавши припадкѣ, оставилъ извѣстной ему важности постѣ, сдать тотчасъ порученную ему команду и самовольно отъ оной удалился; то, по таковой слабости духа въ персонѣ званія егопримѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, не находить Ея Императорское Величество прочности въ немъ къ Ея службѣ, и Высочайше указать соизволила Военной Коллегіи отъ оной его уволить и дать абшигъ, почему онъ изъ воинскаго стата и списка и выключенъ.

4) [5] Сенатскій указъ 13-го Декабря 1773 года, о предосторожностяхъ противу разбойнической шайки Пугачева.

Объявляется всенародно. Дошло до Правительства Сената отъ Оренбургскаго Губернатора увѣдомленіе, что въ оной губерніи оказалась сильная разбойническая шайка, которая не только грабить, разоряетъ и мучитъ противящихся ей поселянъ, но и устрашенныхъ кровопролитіемъ, ласкательствами къ себѣ въ сообщество привлекаетъ; между же сею разбойническою шайкой одинъ бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, наконецъ отважился даже безъ всякаго подобія и вѣроятности взять на себя имя Императора Петра III, подъ которымъ производить тамъ наихудшее тиранство. А какъ сіе зло можетъ распространиться и въ смежныхъ съ оною губерніяхъ, то хотя къ искорененію и конечному истребленію сихъ злодѣевъ и посланы воинскія команды, по въ предупрежденіе, чтобъ избѣгая они отъ заслуженной ими казни, не разсыпались по смежнымъ съ тою губерніею селеніямъ, и тѣмъ укрываясь отъ посланныхъ за ними воинскихъ командъ, не произвели бы паче чалнія новаго въ оныхъ кровопролитія и разоренія, Правительствующій Сенатъ за долгъ себѣ почелъ, объявля о семъ, напомнать и возобновить тѣ осторожности, которыя, по причинѣ бывшей моровой язвы,

къ исполненію всѣмъ селеніямъ предписаны были: ибо и сіе зло въ слабыхъ и неосторожныхъ людяхъ подобный моровой язвѣ вредъ произвести можетъ, чего ради наистрожайше повелѣваемъ сдѣлующее: 1) указами Правительствующаго Сената во время заразительной болѣзни учреждены во всѣхъ уѣздахъ изъ дворянъ частные Смотрители, сохраняющіе тишину и добрый порядокъ во ввѣренныхъ каждому смотрѣнію жителяхъ: почему и нынѣ ихъ же попеченію поручается осмотрѣть, всѣ ли въ каждомъ селеніи дороги, кромѣ одной, которою вѣзжаютъ въ селеніе и изъ оного вѣзжаютъ, перекопаны, на проѣзжей же дорогѣ сдѣланы ли рогатки или ворота, да и всѣ селенія окопаны ли рвами такъ, какъ предписано? Если же гдѣ того не сдѣлано, то хотя по неудобному къ земной работѣ времени обывателей къ копанію рововъ не принуждать, однакожъ велѣтъ и крайне того наблюдать, чтобъ кромѣ вѣзжей и вѣзжей зимней дороги изъ каждого жительства другой никакой не было, а прочія какъ на мѣстѣ удобнѣе найдется сдѣлать къ проѣзду невозможными, содержа по прежнему предписанію на оставленныхъ дорогахъ днемъ и ночью караулы изъ тѣхъ же обывателей. 2) Въ каждомъ селеніи, гдѣ на какого Начальника не состоитъ, выбрать и опредѣлить частнымъ Смотрителямъ по одному изъ людей лучшихъ, который бы во всемъ, за дѣлность отъ воровъ и разбойниковъ, тако жъ и за добрый порядокъ того селенія отвѣтствовалъ, почему и не назнача другаго на свое мѣсто Начальника, изъ того селенія ни куда не отлучаясь. 3) Караулы, въ селеніяхъ учрежденный, должны того на-крѣпко наблюдать, чтобъ всякаго званія бродяги, а иногда и самые воры, въ селеніе впущены не были; ибо ослабѣвъ и разбойническія шайки могутъ въ нищенскомъ одѣяніи и подъ разными видами входить, и зло, какъ разглашеніемъ вѣстей несбыточныхъ, такъ дѣйствіемъ коварнымъ производить; для чего при приходѣ таковыхъ къ селенію останавливать, и не впуская въ оное, немедленно сказывать Начальнику, который долженъ разспрашивать, есть ли у нихъ пашпорты, и неподозрительныхъ вѣдѣтъ впускать въ селеніе и давать ночлеги: подозрительныхъ же, кои надлежащихъ пашпортовъ имѣть не будутъ, яко же и разглашателей о какихъ либо повостяхъ, вредныхъ обществу вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества, благосостоянію и покою, бравъ подѣ караулы, представлять въ то же время къ частному Смотрителю, а онъ съ письменнымъ уже о томъ увѣдомленіемъ, въ чемъ кто подозрительнымъ оказался, представить долженъ немедленно въ Городовую Канцелярію, за карауломъ, по мѣрѣ важности подозрѣнія. 4) Если же бы таковыя воры и бродяги стали усиливаться пройти въ селеніе, таковымъ караулу дѣлать возможное сопротивленіе, созывать всѣхъ жителей къ оному, и стараться всѣми мѣрами таковыхъ злодѣевъ, перелова, представлять частному же Смотрителю, который и имѣть поступать по преждеупомянутому; ибо Правительствующему Сенату извѣстно изъ дѣлъ, что и самое малое число злодѣевъ, вошедъ въ знатныя селенія, по оплошности обывателей, дѣлали грабительства и смертныя убійства, предавая всѣ тѣ селенія огню. И для того подтверждается чрезъ сіе всѣмъ и каждому, чтобъ въ случаѣ таковыхъ разбойническихъ пашествій, всѣ безъ изыятія силы свои употребляли на истребленіе или на поимку таковыхъ злодѣевъ, тѣмъ болѣе, что дѣ-

Карта, приложенная Пушкинымъ къ „Исторіи Пугачёвскаго Бунта“ (СПБ. 1834)

лостъ ихъ имущества и спасеніе домовъ отъ сожженія съ презрѣніемъ и къ самой жизни того требуютъ. 5) Если гдѣ покажется сильная воровская шайка, о таковой немедленно объявлять частному Смотрителю, а ему, по долгу своему донося въ Городовую Канцелярію, давать знать и случающимся иногда въ близости воинскихъ командъ Начальникамъ, а сверхъ того, самому собиравъ возможные силы и употребляя удобныя средства, сихъ злодѣевъ стараться истребить или же переловить. Между же тѣмъ съ самими тѣми злодѣями никому ни подѣ какими предлогомъ никакого сообщенія не только не имѣть, но и ничего о посланныхъ для поимки ихъ воинскихъ командахъ не сказывать, и никакого пропитанія и пристанища не давать. А какъ долгъ званія дворянскаго обязываетъ оныхъ болѣе пешихъ о спасеніи невинныхъ крестьянъ своихъ отъ угрожаемаго отъ таковыхъ злодѣевъ разврата, мучительства и разоренія, и о скорбѣшемъ и совершенномъ истребленіи сихъ безчеловѣчныхъ злодѣевъ; то и не можно усумниться, чтобъ всякій изъ нихъ не употребилъ своего раченія, силъ и возможности, дабы вспомоствовать воинскимъ воеводамъ, такъ какъ и частнымъ Смотрителямъ зъ вышепредписанномъ искорененіи и поимкѣ злодѣевъ, чѣмъ они точно докажутъ прямую вѣрность къ Ея Императорскому Величеству, прямую любовь къ Отечеству, и явятся достойными того именитаго званія, которое достохвалныя предки ихъ вѣрностью, ревностю, любовію и усердіемъ къ Государямъ и Отечеству получили. Причемъ Правительствующій Сенатъ надѣется, что къ сему паче всѣхъ каждый Дворянскій Предводитель не преминетъ поощрять дворянство и по своей возможности общественной пользѣ вспомоствовать будетъ. 6) А какъ сверхъ городскихъ торговъ отправляются таковыя же и въ разныхъ селеніяхъ, по уѣздамъ лежащихъ, то чтобы не только не сдѣлать въ томъ остановки, но и не причинить ни малѣйшаго затрудненія въ безпрепятственномъ ихъ отправленіи, хотя и не воспрещается свободнаго на таковыя торги прїѣзда, тѣмъ болѣе, что туда прїѣзжаютъ болшею частію изъ околныхъ мѣстъ, изъ извѣстныхъ въ оныхъ селеній, однакъ же частнымъ Смотрителямъ повѣляется чрезъ сіе сдѣлать всякому изъ нихъ въ своей части такое распоряженіе, чтобъ въ каждомъ селеніи, гдѣ торги производятся, если въ торговое время самому быть не случится, непременно были опредѣляемы сотскіе и десятники, кои бы обще съ Начальникомъ того селенія смотрѣли, чтобъ какого безпорядка и подговорщиковъ въ разбойническія шайки не было; если же таковыя найдены будутъ, то немедленно бравъ подъ караулъ, доставлять оныхъ къ частнымъ Смотрителямъ, а имъ разсматривая, важныхъ и общее спокойство вѣрноподанныхъ Ея Императорскаго Величества поселянъ разрушающихъ, тако жъ и безъ пашпортовъ шатающихся отсылать немедленно въ Городовую Канцелярію за карауломъ, маловажныхъ же, въ ближнихъ селеніяхъ жительствовавшихъ, отдавать въ тѣ селенія, съ подтвержденіемъ, чтобъ впредь отъ подобнаго вранья были воздержаны. 7) Проѣзжающимъ чрезъ селенія дворянамъ, купцамъ, идущимъ обозамъ и крестьянамъ, вдушимъ съ запасомъ или за собственными нуждами изъ одного мѣста въ другое, при учрежденныхъ въ селеніяхъ караулахъ никакой остановки не дѣлать, но свободно пропускать, и давать почлеги всѣмъ порядочнымъ людямъ; а вышеписанный невпускъ

въ селенія и осмотръ Начальника касается единственно до скитающихся бродягъ и тунеядцевъ изъ воровскихъ разбойническихъ [шайекъ] и за симъ-то наистрожайше смотрѣть и всѣ вышеписанныя предосторожности принимать необходимо; ибо отъ таковыхъ шатающихся бродягъ и безпашпортныхъ болѣе всего умножаются означенныя воровскія шайки и происходятъ вредныя разглашенія.

6) Манифесты [29-го Ноября и] 23-го Декабря 1773 г., о бунтѣ казака Пугачева и о мѣрахъ, принятыхъ къ искорененію сего злодѣя.

А.— Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Ибѣтъ, да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества, кое не почитало бы первымъ своимъ блаженствомъ учрежденіе и сохраненіе между разными и всѣми частями и степенями гражданъ внутренняго благоустройства, покоя и тишины, равно какъ ибѣтъ же и бѣдственнѣйшаго пути къ разрушенію и пагубѣ обществъ, какъ внутренніе въ нихъ раздоры и междоусобія. Чрезъ однацатицѣтнее время ввѣреннаго Намъ отъ Промысла Божія и онымъ доннѣмъ благословеннаго царствованія Нашею не выпускали Мы никогда изъ мыслей Нашихъ сей первоначальной цѣли челоуѣческаго общежитія, но паче, считалъ себя предъ Царемъ Царей, предъ Свѣтомъ и предъ Имперіею Нашею обязанными въ томъ верховнымъ и священнѣйшимъ долгомъ, неусыпно и всѣми силами старались, наилучше поспѣшествуя оной, искоренить въ концѣ поносное наименованіе варваровъ подъ которымъ прочіе въ Европѣ Христіанскіе народы продолжали еще по дѣйствіямъ прошлаго вѣка познавать и почитать Россіянъ, подобно Туркамъ и другимъ нечестивымъ народамъ. Къ неизреченному порадованію Нашею къ вѣрнымъ Нашимъ поданнымъ истинною, премо Матернею и никогда неугасаемою любовію прилѣпленнаго сердца, имѣли уже Мы удовольствіе видѣть и ощущать, что труды Наши въ семъ великомъ подвигѣ начинали, по благодати Всевышняго, приносить дѣйствительныя плоды, превращая презрѣніе и отверженіе другихъ Христіанскихъ народовъ къ имени Россіянъ въ прямое и многихъ изъ окрестныхъ народовъ завидное уже почтеніе. Кто не утопленъ въ невѣжествѣ и у кого не окаменѣло совѣсть сердце къ Отечеству, тотъ не можетъ не познать сей для славы и величества Имперіи столь важной и полезной перемѣны.

Но чѣмъ болѣе по времени и по продолжительнымъ Нашимъ неутомленнымъ стараніямъ, въ коихъ обыкли Мы нимаю не щадить собственнаго Нашею покоя въ угодную жертву Всевышнему Подателю всѣхъ благъ, приближалось то время, когда просвѣщеніе, челоуѣколюбіе и милосердіе, насажденныя и еще насаждаемыя Намъ и во правахъ и законахъ, предвѣщали и готовили на будущее время Намъ Самимъ и потомству Нашему богатую жатву сихъ сладчайшихъ плодовъ; съ тѣмъ влѣпшимъ оскорбленіемъ и пораженіемъ Матерняго Нашею сердца принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польнѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя Гришки Разстриги отважившись, даже безъ всякаго подобія и вѣроуности, взять на себя имя покойнаго Императора Петра III, тѣмъ не меньше предуслѣвъ въ своемъ измѣнническомъ и злодѣйскомъ умыслѣ, сначала присоединить къ

себѣ толпу бродягъ и подобныхъ ему злодѣевъ, а потомъ съ помощію оныхъ обольстить и принудить въ сообщеніе себѣ и нѣкоторую часть жителей Оренбургской губерніи. Всякій благоразумный человѣкъ безъ ошибки можетъ разсудить, что ослѣпленіе и приведеніе въ развратъ людей толь грубымъ и всеобщимъ обманомъ, не могли бы имѣть толь бѣдственнаго и печальнаго дѣйствія, если бъ не воспослѣствовало оному глубокое невѣжество, въ коемъ тамошній край по удаленію своему болѣе другихъ погруженъ еще былъ. Не для чего теперь изображать здѣсь тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, кои по сю пору родились уже отъ вожженного Емельяномъ Пугачевымъ огня внутренняго междоусобія. Невинно пролитая кровь вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества сама о себѣ вопіетъ на Небо о праведномъ мщеніи надъ симъ извергомъ рода человѣческаго и скверными его сообщниками, да и правосудіе Божіе не попуститъ конечно, чтобъ измѣна и злодѣйство ихъ, на толь грубомъ и всеобщемъ обманѣ основанныя, возмogli долго устоять: ибо Мы не перестаемъ еще надѣяться, что приблiviшіеся къ Емельяну Пугачеву не отъ злости сердецъ своихъ, но изъ единого обольщенія, скоро познаютъ заблужденіе свое и не захотятъ до конца истребленія своего пребыть орудіями сквернѣйшаго и злѣйшаго врага Государственнаго.

Содрагаеть духъ Нашихъ отъ воспоминанія временъ, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія, и не истинный тотъ Россіянинъ, кто безъ ужаса и трепета можетъ мыслить о сихъ плачевныхъ, отъ одного невѣжества происшедшихъ, и почти до сего еще времени названіе варварскаго народа предъ Свѣтомъ Россіи оставившихъ временахъ, когда отъ явленія многихъ самозванцевъ, обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь Россіянъ отъ Россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, дѣлостъ Государственную составляющіе, собственными же руками Россіянъ въ конецъ разрушаемы были; когда окрестные народы, умножая внутреннюю Нашу напасть непріязненными своими нашествіями, коимъ въ междоусобномъ раздорѣ никто и противиться не помышлялъ, терзали страждущее отечество во всѣхъ его частяхъ, и раздробляли владѣнія оного по себѣ; и когда напоследокъ самый престольный градъ Москва, безъ брани и сопротивленія иноплемениками завоеванный, въ рукахъ и подъ властію ихъ чрезъ долгое время въ такомъ порабощеніи оставался, что тамъ имя Россіянъ становилось уже попоносно, что святыя Наши церкви отчасти въ Римскіе костелы, а отчасти, о горестнаго и плачевнаго воспоминанія! въ самыя коноушны превращены и осквернены были, и что еще основаніе уже положено было сдѣлать Россію Польшѣ подвластною, слѣдовательно же и и Святую Нашу Восточную Греко-Каоолическую вѣру въ конецъ попрасть и подвергнуть римскому стулу, вмѣсто того, чтобъ православная Наша Церковь, въ самой Гредіи подъ игомъ злостіи Магометова степлацая, безъ одной только Россіи, какъ нынѣ, благословенно процвѣтаетъ, и тогда уже безпечное себѣ пристанище имѣла, къ прославленію имени Христа Спасителя Нашего, кою на искупленіе рода человѣческаго изліянная кровь была и нѣ оное злостіе для Отечества Наши е го время единымъ Его невидимымъ покровомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ счастливымъ сохране-

ніемъ и превозможеніемъ надъ супостаты. О, удали отъ Насъ, Боже, возобновленіе подобныхъ плачевныхъ позорищъ и не допусти въ благости Своей къ православному Своему народу, чтобъ вожженная нынѣ дерзкимъ врагомъ Отечества и нарушителемъ его благоденствія, подобнымъ, какъ оныя прежніе были, самозванцемъ Емельяномъ Пугачевымъ, бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ они, бывшимъ казакомъ, искра гражданскаго междоусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны, и вложить въ руки оружіе брату на брата. Да и въ самое то время, когда уже Имперія Наши отъ печетиваго и непримиримаго врага святаго имени Твоего вѣроломною съ его стороны войною упражнена: не паче, щадя и милуя заблуждающихъ отъ пагубнаго обольщенія овецъ паствы Твоея, обрати праведный Твой гнѣвъ на развращающее оное, хищномъ войскѣ [волкѣ] Емельянѣ Пугачевѣ, яко единомъ виновникѣ ихъ разврата и осквернителѣ той вѣрности, которую Намъ отъ Промысла Твоего избранной Муриномазанницѣ клаялись любезныя Наши подданные предъ самымъ лицомъ Твоимъ и во святыхъ Твоихъ храмахъ.

Что до Насъ принадлежащихъ, сожалѣвъ Матерински и по долгу Монаршаго Наше го званія, и по сродному Намъ челоуколюбію, къоторое всегда способны кротости предпочитали обыкно, гдѣ только оныя дѣйствовать могутъ, и страшась наконецъ, дабы не исчерпать вгунѣ благости пекущагося о Россіи Промысла Божія, въ мѣсть за тѣ вѣрскія и лютыя беззаконія, которыя нынѣ противу воли и предѣла Вседержителя Творца толь нагло возобновляются, отъ подлыхъ и въ гнусномъ невѣжествѣ утопающихъ людей, восхотѣли Мы еще, при употребленіи нынѣ вѣрныхъ Намъ отъ Десницы Всевишняго вмѣстѣ съ скипетромъ Имперіи силъ, слѣдовательно же и праведной строгости противу возмутителей общаго покоя въ Оренбургской губерніи, испытать оныя способы кротости въ пользу тѣхъ, кои еще не вовеомъ отреклись отъ всякаго челоукаческаго поніятія и чувствія: и для того отправляя туда съ полною властію и довѣренностію Наши е ю, также и съ достаточными войсками на конечное пораженіе сущихъ государственныхъ враговъ и злодѣевъ, Наши е го Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маюра и Кавалера Александра Бибикова, поручили Мы ему обнародовать сей Нашъ указъ, общая здѣсь въ послѣдній уже разъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, всемилостивѣйше простить и упустить мимошедшее безъ всякаго взысканія всѣмъ тѣмъ, кои пристали къ самозванцу Емельяну Пугачеву, и нынѣ въ заблужденіи своемъ и въ пренебреженіи должной Намъ и Отечеству присяги вѣрности раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся отъ его злодѣйства и явятся къ помянутому Нашему, на искорененіе его Емельяна Пугачева и сообщниковъ его именпо уполномоченному Генералу-Аншефу Бибикову, или къ кому изъ другихъ Наши хъ, военныхъ или гражданскихъ, ему подчиненныхъ, начальниковъ, какъ кому гдѣ способнѣе быть можетъ, для безвреднаго спасенія себя отъ толпы злодѣевъ и измѣнниковъ, да и новою клятвою подтвердить прежнюю свою присягу вѣрности.

Если же кто изъ сихъ на истинный путь благовременнымъ раскаяніемъ и познаніемъ пагубнаго обмана возвращающихся сыновъ отечества, и въ вѣдшее заглаженіе важнаго своего про-

ступка, добровольно употребить себя въ мужественномъ ополченіи и дѣйствительной службѣ при Нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ войскахъ, такъовы будутъ уже имѣть право, сверхъ полученнаго единожды въ мимошедшемъ всемилостивѣйшаго прощенія ожидать и особливаго воззрѣнія на ихъ услуги, по мѣрѣ ихъ важности, чѣмъ Мы напередъ всѣхъ и cadaго порознь чрезъ сіе и обнадеживаемъ.

Безъ чувствительнѣйшаго оскорбленія Матеряго Наше го сердца, не можемъ Мы подумать, чтобъ настоящія въ Оренбургской губерніи злоключительныя неурядиства съ опустошеніемъ толь многихъ селеній, съ истребленіемъ полезныхъ Государству заводовъ и съ толикими убійствами, а напаче выше сего изображенное живое начертаніе прежнихъ Отечества Наше го бѣдъ, напастей и стыда отъ подобныхъ сему самозванцевъ, кои Россію ставили уже на самомъ краю пропасти и конечнаго разрушенія ея и всего благочестія Наше го, не подвигли на раскаяніе и на отверстыи путь исправленія всѣхъ тѣхъ изъ жителей ея и другихъ Нашихъ подданныхъ, кои по одной ихъ преступлѣ самозванцемъ обольщены и допустили себя уловить въ согласіе его: почему и не хотимъ сумнѣваться, что сіи послѣдніе, сколь скоро увидятъ для себя растворенныя имъ нынѣ двери Монаршаго Наше го милосердія, помилованія и совершеннаго прощенія, не укоснятся тѣмъ, какъ можно скорѣе, воспользоваться, дабы инако послѣ въ числѣ сущихъ измѣнниковъ не быть отъ войскъ нашихъ безъ всякой пощады преслѣдуемымъ, а напослѣдокъ и преданнымъ праведному, но строгому уже суду поправныхъ ими законовъ, гдѣ всякое раскаяніе поздно и тщетно было бы; ибо всѣ тѣ, кои въ неблагоугодности своей къ Намъ за всѣ Наши къ общему Отечеству благотворенія, за Наше во все время царствованія нашего оказыванное примѣрное милосердіе, за нашу кротость, за наше человеколюбіе, за Наше правосудіе, за Наше неусыпное попеченіе о пользѣ, славѣ и приращеніи имперіи, за Наше особенное призрѣніе и покровительство и самыхъ иновѣрцевъ Нашихъ вѣроподданныхъ, за Наше не меньше ревностное стараніе о истребленіи въ обществѣ мзги пагубнаго невѣжества, и за Нашу ко всѣмъ безъ различія вѣрнымъ подданнымъ прямо Матернюю любовь, пребудутъ здѣсь и упорно при измѣнникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, и оставаясь участниками въ измѣнѣ его, какъ злодѣи и враги Отечества, нынѣ ли съ оружіемъ въ рукахъ, или же послѣ гдѣ либо взяты или пойманы будутъ, отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не могутъ и не должны ожидать себѣ помилованія: по паче, какъ въ сей жизни самой строжайшей и неизбѣжной казни, такъ и въ будущемъ вѣдѣ безконечной, но праведной и достойной муки отъ страшнаго Судии всего рода человеческого, яко изверги онаго и разрушители свщеннѣйшихъ союзовъ гражданскаго обществія, слѣдовательно же и оскорбители самыхъ Божественныхъ законовъ и самой Церкви Христовой.

Б.—Объявляемъ черезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Къ крайнему оскорбленію и сожалѣнію Нашему, увидѣвшись Мы, что по рѣшѣ Иргисѣ, въ Оренбургской губерніи, предъ недавнимъ временемъ, нѣкто бѣглый съ Дону и въ Польшѣ скитавшійся казакъ Емелька Пугачевъ, набравъ толпу подобныхъ себѣ бродягъ, дѣлаетъ въ тамошнемъ краю ужасныя разбои,

безчеловѣчно отъемля съ жизнію имѣніе тамошнихъ жителей; а чтобъ злодѣйскую свою толпу умножать отъ часу болѣе, не токмо всѣми встрѣчающимися себѣ злодѣями, но и тѣми несчастными людьми, коихъ чаеи онъ найти погруженными еще во тѣмъ крайняго невѣжества, дерзнулъ сей злодѣи принять на себя имя покойнаго Императора Петра III. Пзлшше было бы обличать и доказывать здѣсь нехѣньность и безуміе такого обмана, который ни малѣйшей вѣроподобности не можетъ представить человѣку, имѣющему только общій смыслъ человѣческій. Богу благодареніе! протекло уже то для Россіи страшное невѣжества время, въ которое симъ самымъ гнуснымъ обманомъ могли влгати мечъ въ руки брата на брата такіе Отечества предатели, каковъ былъ Гринка Отрепьевъ и его послѣдователи. Уже всѣ истинные сыны Отечества познали и одновременно вкусили потомъ плоды внутренняго спокойствія въ такой степени, что нынѣ приводитъ cadaго въ содроганіе и единое тѣхъ плачевныхъ временъ воспоминаніе. Словомъ, нѣтъ и не можетъ нынѣ быть ни одного изъ носящихъ достойно имя Россіянина, который бы не возмущался толь безумнымъ обманомъ, какимъ разбойникъ Пугачевъ мечтастъ себѣ ийти и обольщать невѣждъ, унижающихъ челоѣчество своею крайнею простотою, общая вывести ихъ изъ всякой властью подчиненности. Какъ будто бы не самъ Творецъ вся твари основалъ и учредилъ челоѣческое общество таковымъ, что оно безъ посредственныхъ между Государя и народа властей, существовать не можетъ. По какъ дерзновеніе сего изверга избѣтъ вредныя для тамошняго края слѣдствія, такъ что и слухъ о производимыхъ тамо отъ него лютейшихъ варварствахъ можетъ устранитъ людей, обыхшихъ представлять себѣ несчастье другихъ, далече отстоящихъ, приближеніемъ опасности для себя самихъ; то Мы, прилагая всегда неусыпное попеченіе о внутреннемъ душевномъ спокойствіи cadaго изъ Нашихъ вѣроподданныхъ, черезъ сіе всемилостивѣйше объявляемъ, что къ конечному истребленію сего злодѣи принявъ Мы немедленно всѣ достаточныя мѣры и съ числомъ войскъ, довольнымъ на искорененіе толпы разбойниковъ, которые отважились уже нападать на бывшія въ той сторонѣ малыя военныя команды и умерщвлять варварскимъ образомъ попадавшихъ въ ихъ руки офицеровъ, отправили туда Наше го Генералъ-Аннефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера Александра Бибикова, не сомнѣваясь въ успѣхѣ сихъ предпріятыхъ Намъ мѣръ къ возстановленію спокойства и къ разгнанію свирѣпствующихъ злодѣевъ въ части Оренбургской губерніи, пребываемъ Мы въ томъ внутреннемъ удовольствіи, что всѣ Наши любезныя вѣроподданные, гнушаясь дерзновеннѣйшимъ и ниже тѣни вѣрности имѣющимъ обманомъ разбойника Пугачева, никогда не допустятъ себя уловить и никакими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабодушьящихъ людяхъ и немогущихъ насытить алчности своей иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови. Впрочемъ надѣмся Мы несумнѣнно, что внимая долгу своему каждый изъ истинныхъ сыновъ Отечества возспособствуетъ сохраненію тишины и порядка огражденіемъ себя отъ уловленія злонамѣренныхъ и должнымъ начальству повиновеніемъ. Тако да поживутъ любезные подданные Наши ради собственнаго блаженства своего, къ чему обращаемъ Мы все попеченіе Наше,

въ чемъ всю славу Нашу полагаемъ и всегда полагати будемъ.

7) *Именной указъ 1-го Мая 1774 года, данный Оренбургскому Губернатору Рейнсдорпу, военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ и всемъ вообще жителямъ оного города,—объ объявлении Высочайшаго благоволенія жителямъ города Оренбурга за оказанную вѣрность при осади оного бунтовщиками.*

Выдержаніе городомъ Оренбургомъ шестимѣсячной осады, съ голодомъ и всѣми другими въ таковыхъ случаяхъ нераздѣльно бываемыми нуждами, отъ клятвоступническихъ, воровъ и разбойниковъ, пребудетъ навсегда въ дѣяніяхъ любезнаго Нашею Отечества славнымъ и неувядаемымъ знаменіемъ вѣрности, истиннаго усердія къ общему благу, и непоколебимой твердости, предъ Нами же истинною и никогда незабвенною службою, какъ жителей оного, такъ и всѣхъ тѣхъ иначе, кои по долгу званія своего, въ службѣ Нашей тамъ находились, и возложенную на нихъ, по состоянію каждого, Монаршу довѣренность Нашу совершенно оправдали, объявляя сіе Наше Матеріе благоволеніе вѣрному нашему городу Оренбургу, справедливо разумѣемъ Мы тутъ первымъ оного членомъ васъ, Генералъ-Поручика и Губернатора, яко мужественнымъ вашимъ духомъ и неунынными трудами достохвальной примѣръ бодрствованія всему обществу подаваши; и для того обладаемъ васъ отлично Нашею Императорскою милостию, повелѣвая вамъ въ то же время возвести, отъ собственного Нашею имени и лица, и всѣмъ въ защитѣ и оборонѣ города Оренбурга подъ вашею командою соучаствовавшимъ, по мѣрѣ каждого трудовъ и подвиговъ, Всемилостивѣйшее Наше воззрѣніе; самимъ же жителямъ городскимъ дѣйствительное на два года увольненіе ихъ отъ подушнаго сбора, а притомъ и пожалованіе на ихъ общество въ нынѣшній годъ всего прибыльнаго чрезъ откупъ сбора съ питейныхъ домовъ ихъ города. Впрочемъ пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостию благосклонны.

8) *Именной указъ, данный 29-го Іюля 1774 года Военной Коллегіи,—о назначеніи Генерала Графа Панина командующимъ войсками, расположенными, въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской и Нижегородской.*

Узнавъ желаніе Нашею Генерала Графа Петра Ивановича Панина служить Намъ въ пресѣченіи бунта и возстановленіи внутренняго порядка въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, повелѣваемъ Военной Коллегіи доставить къ нему немедленно надлежащее свѣдѣніе о всѣхъ тѣхъ войскахъ, которые нынѣ въ тамошнемъ краю находятся, съ повелѣніемъ отъ себя, къ тѣмъ войскамъ, состоятъ отнынѣ подъ его главною командою.

9) *Наставленіе, данное за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, 8 Августа 1774 года, Гвардіи Преображенскаго полка Капитану Галахову.*

1. Изъ письма Яцкаго казака Перфильева съ товарищи, всего триста двадцати четырехъ чело-

вѣкъ, къ Князю Григорію Григорьевичу Орлову писаннаго, усмотрите вы, что они представляютъ свою готовность, связавъ, привесть сюда извѣстнаго вора самозванца Емельку Пугачева. Съ симъ письмомъ присланъ сюда отъ переправы ихъ чрезъ Волгу Яцкій же казакъ Астафій Трифоновъ, который Намъ отъ Князя Орлова представленъ былъ. Мы повелѣли Князю Орлову его отправить обратно съ таковымъ отвѣтомъ въ Перфильеву съ товарищи, чтобъ доставили злодѣя самозванца въ Муромъ до вашихъ рукъ. Для свободнаго вездѣ имъ пропуска, указали дать пашпортъ, съ котораго при семъ для свѣдѣнія вамъ прилагается копія.

2. Для сего вѣсть вамъ, Г-нъ Капитанъ, къ Москвѣ и явитьсякъ Намъ и мѣ Генералъ-Аншефамъ Графу Петру Ивановичу Панину и Князю Михайлу Никитичу Волконскому: первой снабдить васъ, по Нашему повелѣнію, ордеромъ къ Генералъ-Маіору Чорбѣ, дабы сей снабдилъ васъ достаточною командою для принятія въ Муромѣ злодѣя и самозванца съ прочими козодниками, коихъ казаки къ вамъ представятъ; а Князю Волконскому отъ Насъ приказано—вамъ дать подводны, денегъ и кормовыхъ, дабы какъ вы, такъ и при васъ находящіеся, на пути всѣмъ изобильно удовольствованы были. Получа же все отъ нихъ нужное, вѣсть вамъ до Генералъ-Маіора Чорбы и даже до Мурома, гдѣ вамъ и дожидаться исполненія казацкаго общаго.

3. Если заподлинно Перфильевъ съ товарищи злодѣя къ вамъ привезутъ, то во-первыхъ сдѣлавъ имъ желаемое награжденіе по сту рублевъ на человѣка, старайтесь ихъ добрымъ манеромъ распустить по домамъ; если жъ ихъ на сіе уговаривать покажется трудно, то по крайней мѣрѣ, чтобъ убавилъ число, а съ остальными привезите злодѣя къ Москвѣ, гдѣ вы его вручите Князю Михайлу Никитичу Волконскому и отъ него уже будете ожидать вашего дальняго отправленія.

4. Деньги на заплату казакамъ примите у Князя Вяземскаго, также на прогоны вамъ и съ командою отсюда до Москвы.

10) *Манифестъ 19-го Декабря 1774 года, о преступленіяхъ казака Пугачева.*

Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Всему Свѣту вѣдомо есть и многими опытами дѣлъ нашихъ повсюду доказано, что Мы, принявъ отъ Промысла Божіа Самодержавную власть Всероссійской Имперіи, главнѣйшимъ правиломъ въ царствованіе Наше положили нещисъ о благосостояніи вѣрныхъ Намъ отъ Всевышняго вѣроподданныхъ, по намбрѣніямъ и въ угодность Подателя всякаго блага Творца, не смотря ни на какой родъ препятствій. Мы жизнь Нашу посвятили къ тому, чтобъ доставить въ Имперіи Нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житье. Для того Мы безпрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію Христіанскаго благочестія, къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣсненій, лихоиманій и взятокъ, къ умаленію праздности и нерадіи къ должностямъ. Неутомимое Наше рвеніе о благодѣи общемъ наивышше ознаменовалось въ сіи послѣдніе прошедшіе годы, когда защищая Имперію бодрымъ духомъ отъ нападенія сильнаго непріятеля, разными Нашими и предпріятіями не токмо оный, Божіимъ благословеніемъ, праведнымъ Нашимъ

орудемъ и храбростію побѣдоносныхъ Нашихъ войскъ не допущенъ до предѣловъ Россійскихъ, но повсюду далеко отведенъ былъ отъ своего нападающаго намѣренія. Чѣмъ наконецъ, по многимъ трудностямъ достигли Мы до заключенія съ Оттоманскою Портою, безъ посредственниковъ, желаемого и похвальнаго мира, утврждающаго вѣчную безопасность Имперіи и доставляющаго вѣрноподаннымъ нашимъ время наслаждаться, благодарными сердцами хвала Бога покоемъ и тишиною. Во время такое; и видя единственное стремленіе ума Нашего довести Имперію дѣлами подобными до вышней степени благосостоянія, кто не будетъ имѣть праведнаго омерзѣнія къ тѣмъ внутреннимъ врагамъ отечественнаго покоя, которые, выступя изъ послушанія всякаго рода, дерзнули, во первыхъ, поднять оружіе противу законной власти, пристали къ извѣстному бунтовщику и самозванцу Донскому казаку Зимовейской станицы Емелькѣ Пугачеву, а потомъ обще съ нимъ чрезъ цѣлый годъ произвели лютейшія варварства въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнемъ церкви Божіи, грады и селенія, грабя святыхъ мѣстъ и всякаго рода имущества, и поражая мечемъ и разными ими вымышленными мученіями и убійствомъ священнослужителей и состоящихъ вышняго и нижняго обоего пола людей, даже и до невинныхъ младенцевъ.

Дѣло сіе такого существа, что безъ ужаса оно не возрѣть не можно! Оно доказываетъ, что человекъ, погруженный въ невѣжество, забывъ долгъ и присягу, данную предъ Богомъ верховной Монаршей власти, и не опасаясь за то ни вѣчны, ни временныя казни, выступя изъ послушанія законовъ, преступаетъ тѣмъ самымъ всѣ предѣлы обязательствъ предъ родомъ человѣческимъ вообще. Преступленія главнаго злодѣя и его сподвижниковъ столь многочисленны и разнообразны суть, какъ по слѣдствію оказалось и собственнымъ добровольнымъ признаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открылась таковая рѣдкость, что чина преступленія всякаго рода, сами они не упоминаютъ числа содѣяннаго зла. Несчастному же происшествію сего Пугачевского бунта описаніе прилагается на особливомъ листѣ.

Помнящее слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ, кающихся до сего бунта отъ самаго начала производили, по повелѣнію Нашему, Генералъ-Аншефъ Князь Михайло Волконскій и Генералъ-Маіоръ Павелъ Потемкинъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, которое окончивъ, нынѣ въ Нашъ Сенатъ отсылаемъ, повелѣвая ему купно съ Синодскими Членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ Президентами всѣхъ Коллегій, выслушать оное отъ помннутыхъ Присутствующихъ въ Тайной Экспедиціи, яко производителей сего слѣдствія, и учинить въ силу Государственныхъ законовъ опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣянными преступленіями противу Имперіи, къ безопасности личныя человѣческаго рода и имущества.

Касающееся же до оскорбленія Нашего Величества, Мы, презирая, предаемъ оныя вѣчному забвенію: ибо сіи вины суть единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе и человѣколюбіе Наше обыкновенное мѣсто имѣть можетъ. Мы всеусердно Бога молимъ и просимъ, да отвратитъ впредъ мечъ гнѣва Своего

отъ врученной Намъ Его же премудрымъ Промысломъ Имперіи, да возстановитъ паки повсюду мирное и безмятежное житіе и да укрѣпитъ всѣхъ въ оной живущихъ Нашихъ вѣрноподанныхъ и насъ Самыхъ во всѣхъ Ему Творцу угодныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Описаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія злодѣя бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева.

Емелька Пугачевъ родился на Дону, какъ и самъ показавъ, въ Зимовейской станицѣ. Дѣдъ и отецъ его были той же станицы казаки, и жена его—дочь казака Дмитрія Никифорова, Софья. Онъ служилъ во время Прусской войны и нынѣшней Турецкой простымъ казакомъ. Былъ во второй арміи при взятіи Бендеръ. Оттуда отлучась, просилъ отставки; но въ семь ему отказано. Въ то время зять его посланъ былъ на поселеніе подъ городъ Таганрогъ, и не желая тамо жить, подговаривалъ Емельку и другихъ бѣжать; а какъ сіе открылось въ Черкасѣ, и велѣно было ихъ туда выслать, онъ, запершись въ подговорѣ зятя своего, бѣжалъ въ Польшу въ расколыническіе скиты, укрывался у расколытниковъ, и ознакомившись съ бѣглыми гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, кормились въ Добрянскѣ отъ подалія. Потомъ и оттуда перешелъ въ Малороссійскія селенія, и бывъ у расколытниковъ, опасаясь, чтобы его не поймали, положилъ бѣжать на Янкѣ, и подговаривать тамошнихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань. Тамъ-то назвавъ онъ себя бывшимъ Императоромъ Петромъ III. [Но команда его скочила и отвезла въ Симбирскъ, а оттуда посланъ онъ былъ въ Казань, гдѣ подговорилъ караульнаго солдата бѣжать на Янкѣ и объявилъ себя паки покойнымъ Императоромъ Петромъ III].

На Янкѣ нашелъ онъ прибѣжище у нѣкоторыхъ изъ того войска преступниковъ, кои по дѣламъ внутренняго Янкскаго войска тогдашняго несогласія и неурейства, опасаясь праведнаго приговореннаго наказанія, сами тогда въ бѣгахъ находились. Сии казаки не токмо пристали къ Емелькѣ, но и старались повсюду разносить о немъ слухъ. Когда сіе дошло до свѣдѣнія Коменданта Янкскаго города, выслалъ онъ къ нимъ нѣкую команду. Но Емелька съ шайкою своей скрылся, и отбѣзжая отъ города далѣе, старался о умноженіи сволочи своей. Въ чемъ предъусибливъ, возвратились къ Янкскому городку. Но не могли оному причинить вреда, пошли далѣе по Оренбургской линіи, бравъ крѣпостцы частію отъ оплошности въ нихъ находящихся командировъ, а частію отъ слабости силъ живущихъ въ оныхъ престарѣлыхъ гарнизонныхъ командъ. Умножая дерзости по мѣрѣ успѣховъ, разбойникъ Емелька со сволочюю своею, изъ коихъ главные были вооруженные Янкскіе казаки, состоящіе отъ 200 до 300 человекъ, кои до конца безотлучно почти при немъ находились и изъ воли его, а онъ изъ ихъ, не выходили. Такимъ образомъ простирая злодѣйства и истребляя по дорогѣ селенія, а противоборющихся всячески умерщвляя, приступили они къ Оренбургу прежде, нежели могъ сюда дойти слухъ о толь дерзостномъ, сколь и неожиданнымъ злодѣйственнымъ предпріятіи. Сколь же скоро повсюду извѣстно сдѣлалось о сихъ бунтовщичьихъ неистовствахъ, наряжаемы были разные воинскіе командиры съ достаточными командами вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, и послѣдніе были умножаемы по мѣрѣ нужды. А потомъ въ Де

кабрѣ мѣсяцѣ 1773 года посланъ былъ Генералъ-Аншефъ Бибиковъ съ полною властію и наставленіемъ для пресѣченія сихъ отъ часу умножающихся безпорядковъ и своевольствъ. Усиѣхи соотвѣтствовали благоразумнымъ сего Генерала распоряженіямъ. Отраженный отъ него храбрый и реннотный Генералъ-Маіоръ Князь Петръ Голицынъ разбилъ подъ Татишевою крѣпостію злодѣйское скопище въ великомъ числѣ состоящее при помянутыхъ Яицкихъ казакахъ изъ Башкирцевъ и другихъ бѣглыхъ Русскихъ людей и заводскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію общему, рапортованная кончина покойнаго Генерала Бибикова не дозволила сему достойному мужу окончать дѣло, на него возложенное. Между тѣмъ измѣнникъ Емелька бывъ накі разбитъ сказаннымъ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Голицынымъ подъ Сакмарою, кинулся на Рудокопныя заводы Оренбургской губерніи, гдѣ умноживъ вновь толпу и выливъ пушки, наивидшій началъ дѣлать истребленія селеніямъ и заводамъ, грабительства имуществамъ и убивства людямъ. И хотя не единожды былъ достигнутъ и потомъ разбитъ храбрымъ Полковникомъ Михельсономъ; но находя всякій разъ способы уйтъ, вновь собиралъ толпы. Наконецъ, взявъ пригородокъ Осу, перешелъ Каму и пришелъ къ Казани. Тутъ нашелъ онъ отпоръ храбрымъ и мужественнымъ поведеніемъ Генералъ-Маіора Павла Потемкина, за два дни въ Казань предъ тѣмъ прѣбывавшаго по повелѣнію Ея Императорскаго Величества. Сей Генералъ, собравъ сколько тамо случилось войскъ, пошелъ злодѣю навстрѣчу; но злодѣи, видя свою въ полѣ неудачу противу вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, нашли способъ сквозь линіи суконниковъ, измѣною ихъ, прорваться въ предмѣстіе съ Арскаго поля и житьельство зажечь. Генералъ-Маіору Потемкину не оставалось въ таковыхъ обстоятельствахъ инаго предпріять, какъ единственно спасти отъ злодѣйскихъ рукъ Казанскій Кремль. Что онъ и учинилъ, и вошедъ въ оный, до тѣхъ поръ оборонялся, пока приспѣлъ въ помощь къ городу неутомимый Полковникъ Михельсонъ съ detachementомъ. Злодѣи узнавъ о приходѣ войскъ, побѣжали изъ города въ поле, гдѣ по трикратномъ сраженіи въ три разные дни разбойники на голову разбиты были. Часть ихъ съ воровскимъ Атаманомъ Емелькою бросилось къ рѣкѣ Волгѣ, которую переплывъ, устремлялась къ разоренію всего зажигая церкви, селенія и города Цивильскъ и Курмышъ, и дѣлая повсюду неслыханныя варварства и безчеловѣчія, побѣжала стремглавъ къ Алатырю.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ писалъ къ Ея Императорскому Величеству тогда побуждаемый ревностію, въ отставку находящійся, Генералъ Графъ Пётръ Панинъ, прося о порученіи ему команды для истребленія государственнаго врага и самозванца. Ея Императорское Величество, воззря на такое усердіе къ службѣ Ея и Отечеству, не мѣшкая ни мало, соизволила послать къ сему Генералу повелѣніи и наставленія къ искорененію бунта, нарядя притомъ въ прибавокъ войскъ, тамо находящихся, три полка отсѣлѣ. Сего вѣрноусерднаго Генерала предводительство Богъ благословилъ окончаніемъ бунта и поимкою главнаго измѣнника. Между тѣмъ измѣнники, умноживъ свою сволочь, побѣжали къ Саранску и Пензѣ, бывъ преслѣдуемы по пятамъ корпусомъ усерднаго Полковника Михельсона, и прошедъ оныя, стремились далѣе

черезъ Петровскъ къ Саратову и овладѣли онымъ, гдѣ однакожъ Комендантъ Полковникъ Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ пятьюдесятью человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и прини́лся въ Царицынъ.

Злодѣи, ограбля Саратовъ и убивая всѣхъ, кто по взгляду ихъ не показался, прошли къ Царицыну. Сія крѣпость учинила имъ сопротивленіе сильнѣе многихъ городовъ, принудила ихъ отступить и бѣжать впередъ, но проходя къ Черноярску, въ сорока верстахъ за Царицынымъ, по Астраханской дорогѣ достигнуты злодѣи были паки корпусомъ Полковника Михельсона, всѣ трудности и препятствія непрерывно преодолававшего. Къ сему Полковнику подошли тогда Донскіе казаки, съ помощію которыхъ въ послѣдній разъ Емелька со всею толпою безповоротно разбитъ былъ: но самъ злодѣи ушелъ, переплывъ рѣку Волгу съ малымъ числомъ Яицкихъ казаковъ на луговую сторону, и пробирался къ Узеньямъ на степи, между рѣками Волгою и Яицкомъ находящимся. Въ семъ мѣстѣ судьбы Всевышняго предади сего злодѣя рода человѣческаго и Имперіи въ руки правосудія, и сами сообщники и любимцы его, казаки: Изедкой Твороговъ, да Яицкіе Чумаковъ и Федулевъ, раскаяся въ содѣянномъ ими злодѣйствѣ, и узнавъ о обѣщанномъ манифестами Ея Императорскаго Величества прощеніи тѣмъ, кои явятся съ чистымъ покаяніемъ, условились между собою Емельку Пугачева связать и привезти въ Яицкій городъ, на что уговоря другихъ казаковъ числомъ до 25 человѣкъ, сіе они самымъ дѣломъ исполнили. Генералъ-Поручикъ Суворовъ, прѣбывавши изъ арміи, послѣдовалъ къ передовымъ корпусамъ на пораженіе злодѣевъ: и хотя разрушеніе оныхъ послѣдовало прежде, не оставилъ онъ подослѣть съ нѣкоторымъ числомъ войскъ на Яикъ, для обнадеживанія стражи надъ государственнымъ врагомъ, и принявъ Пугачева въ Яицкомъ городѣ, привезъ его въ Симбирскъ, откуда усердный Генералъ Графъ Панинъ сего злодѣя, съ главными его сообщниками прислалъ подъ крѣпкою стражею въ царствующій градъ Москву, гдѣ и примутъ должную месть.

Сентября, 1775 года Января 10. О наказаніи смертною казнію измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ. — Съ присоединеніемъ объявленія прощаемымъ преступникамъ.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Какова, во исполненіе обнародованнаго Ея Императорскаго Величества Декабря 19-го дня 1774 года манифеста въ Правительствующемъ Сенатѣ обще съ членами Святѣйшаго Синода, первыхъ трехъ классовъ персонами и Президентами Коллегій, о бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, по данной отъ Ея Императорскаго Величества полной власти, сентябрѣ заключена, и по оной сего Января 10-го дня 1775 года экзекуція послѣдовала, такова слово отъ слова во всенародное извѣстіе при семъ публикуется:

1774 года Декабря 30-го и 31-го чиселъ, въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члены, первыхъ трехъ классовъ особы и Президенты Коллегій, находящіеся въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, принявъ отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Генерала-Прокурора и Кавалера Князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, состоявшійся

19-го числа того-же мѣсяца, за подписаніемъ собственнаго Ея Императорскаго Величества руки, Манифестъ, и при ономъ присланное въ Сенатъ свѣдѣніе о извѣстномъ бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, слушали. И понеже Ея Императорскому Величеству благоугодно было означенное свѣдѣніе отослать въ Сенатъ, и Высочайше повелѣть, купно съ Синодскими Членами, въ Москвѣ находящимися, призвать первыхъ трехъ классовъ особъ и Президентовъ Коллегій, выслушать оное отъ Генерала-Аншера, Сенатора и Кавалера Князя Михаила Никитича Волконскаго и Генерала-Маіора Павла Сергѣевича Потемкина, яко производителей сего свѣдѣнія, и учинить въ силу государственныхъ законовъ опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣянными преступленіями противу Имперіи, къ безопасности личныхъ человѣческаго рода и имущества: то хотя важность вины, злобость и варварство сего бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева довольно уже всѣмъ извѣстны, и впечатлѣніе на сердцахъ каждого вѣрнаго Ея Императорскаго Величества вѣрноподданнаго и сына Отечества возбуждаетъ праведное мнѣніе и вопіетъ противу дѣлъ сего изверга рода человѣческаго, почему и положеніе сентенціи самую лютейшую казнь безъ всякаго разсмотрѣнія послѣдовать могло бы; но установленное и уполномоченное отъ Ея Императорскаго Величества къ суду надъ симъ извергомъ вѣрноподданное Собраніе, слушавъ помянутое свѣдѣніе и чинимыя производителями объясненія, нашло хотя все уже и всѣмъ извѣстное, но съ возобновленіемъ крайняго ужаса и содроганія, что сей злодѣй, бунтовщикъ и губитель, въ присутствіи Тайной Московской Экспедиціи допрашивавъ, и самъ показавъ: что онъ подлинно Донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Ивановъ сынъ Пугачевъ, что дѣлъ и отецъ его были той же станицы казаки и первая жена его, дочь Донскаго жъ казака Дмитрія Никифорова, Софья, съ которою прижилъ онъ трехъ дѣтей, а именно: одного сына и двухъ дочерей, о чемъ въ описаніи при Манифестѣ, изданномъ 19-го Декабря, означено; что производя Оренбургу осаду, иногда проѣзжалъ онъ къ Яицкому городу, окруженному тогда злодѣйскими его скопищемъ, женился вторично на дочери Яицкаго казака Петра Кузнецова, Устиныѣ. О началѣ жъ злѣйшаго предпріятія о произведенномъ имъ бунтѣ, по многимъ увѣщаніямъ, съ клятвою объявилъ, что измѣническое и бѣдственное его дерзновеніе возмутить Яицкихъ казаковъ возмечталъ онъ начать отнюдь не въ томъ странномъ замыслѣ, чтобы завладѣть Отечествомъ и похитить Монаршую власть. Сіе страшное и невозможное предпріятіе въ таковой пресвѣщенный вѣкъ и въ такой странѣ, гдѣ премудрая Екатерина царствуя, высокими предпріятіями всѣ угрожающіи намѣренія и самыя сильныя враговъ отвела, удалила и разрушила, не входило сначала въ оскверненную возмущеніемъ мысль его; но возмечталъ онъ объявить себя въ имени покойнаго Государя Петра III, воспользуясь обстоятельствами: узнавъ несогласіе между Яицкихъ казаковъ, а поупущеніемъ разныхъ случаевъ увеличивая злыя намѣренія свои, простирая мерзкое стремленіе, о коемъ будетъ означено, единственно стремясь къ побѣдѣ; поелику долженъ былъ онъ искать убѣжища, укрывшись отъ команды. Будучи въ Яицкомъ городѣ прошлаго

1772 года, начиналъ онъ дерзкое и пагубное намѣреніе свое къ возмущенію такимъ образомъ, что старался Яицкое войско, находившееся тогда въ междоусобной по дѣламъ до нихъ касающимся враждѣ, уговорить къ побѣдѣ на Кубань. Хищное сердце злодѣя Пугачева, разсмотря вражду помянутыхъ казаковъ, возбудило сего богомерзкаго предателя вожжечь и разлить въ смущенныхъ умахъ пламень бунта, поелику расположеніе сердецъ сихъ, кроющихся отъ правосуднаго наказанія казаковъ, сходственно было съ злымъ намѣреніемъ бунтовщика и злодѣя Пугачева. Положивъ первую искру пожара, начинать онъ ненавистное намѣреніе свое тѣмъ прельщеніемъ, что обѣщалъ имъ дать большія деньги, если они къ побѣдѣ согласятся, а въ самомъ дѣлѣ всемѣрно вѣрилъ, что когда отважившіеся на побѣду только согласны будутъ, то неминуемо его предводителемъ своимъ или атаманомъ выберутъ, а выбравъ, и въ повиновеніи его останутся; слѣдовательно онъ съ готовою и отборною шайкою разбойничать и отъ казни за свои преступленія по крайней мѣрѣ нѣсколько времени укрываться можетъ. Но какъ усмотрѣнная имъ въ однихъ мерзостная склонность ко всякому злодѣянію, а въ другихъ простота, далеко превзошли самое его ожиданіе и расположеніе, то и отважился онъ объявить себя подъ высокими уже названіемъ въ Божѣ почитающаго Государя Императора Петра III, дабы, пользуясь простотою, умножать свою сводочъ, нужную ему къ разбойническимъ намѣреніямъ. Но первое покушеніе сего адскаго предпріятія рушено было поимкою злодѣя Пугачева въ Дворцовой волости, въ селѣ Мамыловкѣ, не подъ названіемъ еще покойнаго Государя Петра III, ибо сіе свѣдѣніе до печальства тогда не дошло, а единственно въ возмутительныхъ словахъ; отсюда привезенъ онъ былъ въ Симбирскъ и потомъ въ Казань. Не прекратилось тѣмъ звѣрское ухищреніе сего злодѣя; душа его, расположенная къ злости и измѣнѣ, не ощущала страха Божія, должнаго благоговѣнія къ законной Монаршей власти, и доброжелательства къ возлюбленному Отечеству; и какъ самое первое свое преступленіе началъ онъ укрывать побѣгомъ съ Дона, а потомъ разными ухищреніями и злодѣяніями, такъ и здѣсь не о раскаяніи, но о томъ только помышлялъ, какъ бы изъ темницы уйти и наказанія избѣгнуть; поему, поговора караульнаго солдата, съ помощію его бѣжалъ онъ изъ тюрьмы и явился паки на Яикѣ въ половинѣ Августа прошлаго 1773 года, будучи укрываемъ на хуторахъ сказанныхъ кроющихся отъ наказанія Яицкихъ казаковъ; и чѣмъ больше опасался ссыска и казни, тѣмъ скорѣе уже спѣшилъ объявить себя Государемъ и умножить число своихъ сообщниковъ, и тѣмъ свирѣпѣе пускался въ такія предпріятія, успѣхомъ коихъ чаялъ сообщниковъ своихъ, къ злодѣянію склонныхъ, ободрити, а престоковъ самую дерзостію еще болѣе привести въ ослѣпленіе. Такимъ образомъ предуслѣвъ собрать нѣкоторое число содѣйственниковъ богоненавистному предпріятію своему, дерзнулъ обще съ ними поднять оружіе противу Отечества. Первое стремленіе его было схватить и разорить Яицкой городъ, поелику мнѣніе сообщниковъ его на гибель собратій своихъ по причинѣ вражды побуждало; а дабы высокими званіемъ Государя удобнѣе было обезоружить сердца, благоговѣніемъ къ священной власти наполненныя, сей преступникъ Богу и Монарху и врагъ Отечества, называя себя покой-

нымъ Государемъ Петромъ III, приступилъ къ городу и послалъ же-составный Манифестъ къ Коменданту, въ ономъ находящемуся; но увидя, что предпріятіе его не имѣло удачи, миновавъ Яицкой городъ, пошелъ по линіи къ Оренбургу: высланная команда изъ города въ погоню за бунтовщиками была предательствомъ нѣкоторыхъ изъ числа посланныхъ злодѣями захвачена. Варваръ Пугачевъ падъ сими несчастными явилъ первый опытъ своей лютой и тиранства и предавъ мучительной казни вдругъ двѣнадцать Старшинъ Яицкаго войска, непоколебимо пребывающихъ въ вѣрности Ея Императорскому Величеству и Отечеству даже до самой смерти. Принявъ пищу злой душѣ своей симъ убійствомъ, началъ простирать сей извергъ и губитель Пугачевъ далѣе свои злодѣянія. Не трудно было ему въ обожженныхъ мѣстахъ отъ войска, по причинѣ славно оконченной нынѣ Туредкой войны, умножить соимиде свое и простирать успѣхи злыхъ дѣлъ своихъ, которыя внушая мерзкой душѣ его отчасу дерзновеннѣйшіе замыслы, допустили наконецъ его и на всѣ покушенія. Привлекая разными ухищреніями жителей въ толпы свои, обольщая онь слабыми обещаніями людей несовѣстными обѣщаніями, а лютѣйшими варварствами приводилъ въ страхъ и ужасъ тѣхъ, коихъ благоразуміе обольщеніямъ его вѣрить не допускало: доказываетъ то, что посреди сихъ мѣстъ, въ коихъ жителей онь толь хищно обольщая развращалъ, ни о чемъ болѣе не мыслилъ онь, какъ о разореніи и бѣдствіи сихъ несчастныхъ людей. Повсюду, гдѣ только сей предатель и злодѣй коснулся, слѣды варварства его остались. Опустошеніе многихъ жилищъ каждое благое сердце приводитъ въ содроганіе, и кровь, багрявшая землю и пролитая его мучительною рукою, дымитъ и вопіетъ на небеса объ отмщеніи. Многочисленнымъ злодѣйствамъ сего измѣнника, врага и тирана, означенія вмѣстить здѣсь невозможно; но, по собраннымъ вѣдомостямъ, издано будетъ особенное описаніе. Ко изъясненію жъ вообще мерзкихъ дѣйствъ его должно объявить, что по слѣдствію дѣла, о немъ произведеннаго, и самымъ признаніемъ сего злодѣя оказалось толь неслыханная въ человѣческомъ родѣ лютость, что нѣтъ единого зла и такого ужаснаго варварства, котораго бы гнусная душа его не произвела въ дѣйство, ибо, забывъ законъ всемогущаго Господа и Творца, явился онь преступникомъ предъ самимъ Богомъ; презрѣвъ присягу Монаршей власти, сдѣлался не только измѣнникомъ, но похитивъ имя Монарха, сталъ возмутителемъ народа и учинилъ себя виновникомъ бѣдствія и губительства многихъ невинныхъ людей; наруша обязательства предъ Отечествомъ, сдѣлался врагомъ ему и злодѣемъ; а разрушивъ всѣ права естественныя предъ человѣческимъ родомъ, явилъ себя врагомъ всему человѣческому роду; словомъ, разорилъ онь храмы Божіи, разрушалъ святыя алтари и жертвенники, расхищалъ сосуды и всѣ утвари церковныя, и поругалъ святыя иконы, не ощущая въ душѣ своей ни мало не токмо священнаго благоговѣнія къ таковымъ вещамъ, гдѣ жертва приносится всевышнему Создателю, испутившему спасеніе наше кровію Спасителя Христа, но ниже содроганія; однако не столь странно, что злодѣй, сперва отъ страха казни въ большія злодѣянія пустившійся, а потомъ во оныхъ человѣчество забывшій и въ лютаго звѣря превратившійся, не содрогался о своихъ дѣяніяхъ,

кои почиталъ къ сохраненію своему пужными, какъ то непостижимо, что единожды прельщенные имъ безумцы и простаки не могли въ прилѣпившейся и къ нимъ возмутительной заразѣ видѣть, что злодѣй не ищетъ болѣе, какъ токмо время ожидающей его казни продлить, ибо гдѣ онь ни проходилъ, тамъ не оставилъ иныхъ слѣдовъ, какъ токмо безчеловѣчія, и сколько разъ ни отваживался стать на сраженіе съ вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками, всегда слѣдующую за нимъ ослабленную чернь отдавъ на пораженіе, самъ съ малымъ числомъ единоплеппенниковъ тотчасъ убѣгалъ искать себѣ спасенія и новыхъ проставовъ на таковую жъ жертву. Грады, заводы и селенія для того только и бралъ, чтобъ предавать огню и грабительству. Всѣхъ вышняго степени людей истреблялъ, не разбирая ни пола, ни возраста, не для того, чтобъ ему та жертва была милѣе, но для того, что опасался, абы просвѣщеннѣйшіе люди слѣдующихъ за нимъ въ пагубу слѣдцовъ не просвѣтили. Нынѣ, лишась всѣхъ способовъ и надежды къ побѣгу и повымъ злодѣяніямъ, признался во всемъ томъ съ истиннымъ, буде токмо можетъ въ его душѣ быть, раскаяніемъ, какъ предъ Слѣдственною Комисією, такъ и въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената, Членовъ Святѣйшаго Синода и приглашенныхъ особъ. То же самое учинилъ и всѣ сообщники его, какъ предъ Комисією, такъ и предъ отряженными для того отъ всего Собранія Членами. Сей злодѣй предъ полнымъ Собраніемъ объявилъ, что онь подлинно Донской казакъ Зимовойской станицы Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, и казался во всѣхъ сказанныхъ важныхъ винахъ своихъ и во всѣхъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ, заклинаясь, что открылъ онь все то, чѣмъ гнусное сердце его было заражено, и нынѣ очищаетъ душу свою совершеннымъ покаяніемъ предъ Богомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ и предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ во всѣхъ содѣянныхъ имъ беззаконіяхъ. Къ сообщникамъ же сего изверга и бунтовщика, о коихъ въ слѣдствіи означено, отряжена была изъ Собранія Депутатія, а именно, Святѣйшаго Синода Членъ Іоаннъ, Архимандритъ Новоспасскій, Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Масловъ, Генералъ-поручикъ Мартыновъ и Сенатскій Оберъ-Прокуроръ Князь Волконскій, дабы, увѣщевая сихъ преступниковъ и злодѣевъ, равно вопросили, не имѣютъ ли они еще чего показать, и чистое-ль покаяніе приносилъ, объявили всѣ свои злодѣянія. Исполнивъ порученное дѣло, сказанная Депутатія Собранію донесла, что всѣ преступники и сообщники злодѣйскіе признавались во всемъ, что по дѣлу въ слѣдствіи означено, и утвердились на прежнихъ показаніяхъ. Все сіе соверша, упомянутое Собраніе, приступивъ къ положенію сентенціи, слушало въ началѣ выбранные изъ священнаго писанія приличныя къ тому законы и потомъ гражданскихъ законовъ положенія, а именно: въ Книгѣ Премудрости Соломона написано, гл. 6, ст. 1 и 3: Царемъ держава дана есть отъ Господа и сила отъ Вышняго; въ Евангеліи отъ Матвея, гл. 22, ст. 21 и Марка гл. 12, ст. 17: Воздайте убо Кесареви Кесареви и Божію Богови: въ 1-мъ посланіи Первоверховнаго апостола Петра гл. 1, ст. 18 и 19: Бога бойтеса, Царя чтите, рабы повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Русская копія съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Le faux Pierre III. Londres. 1775». Приложена къ русскому переводу этой книги («Ложный Петръ III». М. 1809).

Тамъ же, къ Римляномъ, гл. 13: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, ибѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учипены суть, тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется, противляющій же себѣ грѣхъ пріемлетъ; книги 4 Моисеевы Числъ гл. 16: по соизволенію Божію возставшихъ и бунтующихъ противу возлюбленныхъ Богомъ Моисея Аарона сонмъ Израильтъягъ пожре земля;—Евангелія отъ Іоанна гл. 19, ст. 12: всякъ иже себѣ Царя творяи, противится Богу;—въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, отъ 2 закона число 5: да не умрутъ отцы за сына, ни сынове да не умрутъ за отцы, но каждый за свой грѣхъ да умретъ; 4 книги Моисеевы Числъ, гл. 17, ст. 13: Всякъ прикасаяся къ скинии свѣдѣнія Господней умираетъ.—Въ законахъ гражданскихъ: въ Уложеніѣ, гл. 2-й въ статьяхъ: въ 1-й: Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на Государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ и по тому извѣсту про то его злое умышленіе сыщется доприма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертію. Во 2-й: также будетъ кто при державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ Государствомъ завладѣтъ и Государемъ быть, и для того своего злаго умышленія начнетъ рать собирать, или кто Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотамисылаться и помощь имъ всячески чинить, чтобы тѣмъ Государевымъ недругамъ по его сыскѣ Московскимъ Государствомъ завладѣтъ, или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣститъ, и по тому извѣсту сыщется про то его измѣну доприма: и такого измѣнника по тому же казнить смертію. Въ 18-й: кто Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или слышать на Царское Величество въ какихъ людѣхъ скопъ и заговоръ, или иный какій злой умыселъ; и имъ про то извѣщать Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи, или его Государевымъ Боярамъ и ближнимъ людямъ, или въ городахъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ. Въ 21: а кто учнетъ къ Царскому Величеству или на его Государевыхъ Болръ и Окольныхъ и Думныхъ людей, и въ городахъ и въ полкахъ на Воеводъ и приказныхъ людей, или на кого нибудь придти скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити или побивати: и тѣхъ людей, кто такъ учинить, за то по тому же казнить смертію безъ всякаго пощады. Гл. 21-й, въ статьяхъ: въ 14-й: церковныхъ татей казнить смертію безъ всякаго милосердія, а животы ихъ отдавать въ церковныя тѣббы. Въ 18-й и 21-й: разбойниковъ, которые пожгли дворы или хлѣбъ, казнить смертію. Въ Воинскомъ Артикулѣ, гл. 3, артик. 19-мъ: Если кто поданный войско вооружить, или оружіе предпринять противу Его Величества, или умышлять будетъ помянутое Величество полонить, или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имѣютъ тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали, яко оскорбители Величества, четвергованы быть и ихъ пожитки забраны;—101-го артикула въ толкованіи: Коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жестокае оный и накажется; ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать и собою оказати, что оные чинить имѣютъ.—Гл. 17, арт. 137-й: Всякій бунтъ возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣтъ быть висѣ-

лицею наказано. Арт. 178: Кто городъ, село и деревню, или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжетъ, печи или нѣкоторые дворы сломаетъ, такожъ крестьянскую рухлядь или прочее что потратитъ: оный купно съ тѣми, которые помогали, яко зажигатели и преступители Уложенія смертію имѣтъ быть казнены и сожжены. Въ Морскомъ Уставѣ книга 5, гл. 1, арт. 1: Если кто противъ персоны Его Величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подавали, или вѣдая не извѣстили, яко измѣнники четвергованы будутъ, и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ. Гл. 7, арт. 124: Кто церкви или иныя святыя мѣста покрядетъ или у оныхъ что насильно отойметъ: оный имѣтъ быть лишенъ живота, и тѣло его на колесо положено. Гл. 12, арт. 85: Кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣтъ вѣдомость о шпіонахъ, или иныхъ подозрительныхъ людѣхъ, во флотѣ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ: тотъ имѣтъ быть живота лишенъ. Гл. 13, арт. 92: Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ, или письмами, самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или иное что учинить причины не даждь, изъ чего бы могъ бунтъ или измѣна произойти; ежели кто противъ сего поступитъ, тотъ живота лишится. Гл. 18, арт. 132: Кто живую присягу учинитъ, и въ томъ лютвеннымъ свидѣтельствомъ обличенъ будетъ: оный съ наказаніемъ, вырѣзавъ ноздри, посланъ будетъ на галеру вѣчно.

По выслушаніи всего вышеозначеннаго, когда воображается въ умѣ все происхожденіе и сплетеніе сего богомерзкаго дѣла, то колико представляется предметовъ и человечество оскорбляющихъ, и въ то же время самаго важнаго и зрѣлаго размышленія требующихъ: во первыхъ, поражается сердце ужасомъ, какъ человѣкъ, въ одно преступленіе впадшій и наказанія избѣгнуть ищущій, зло зломъ закрывая, могъ наконецъ до толикихъ злодѣяній и толикая дерзости дойти, что похитить священное имя Монарха и дать оное даже и гнусной его наложницѣ. Крайнее потомъ предлежитъ сѣтованіе и собогдзпованіе, видя, что едва злодѣи нѣсколькими казаками, такъ же какъ и онъ, отъ наказанія укрывающимися, признавъ подъ именемъ покойнаго Государя Императора Петра III, великое число безумцевъ и простаковъ слѣдуютъ онымъ слѣпо, яко овцы заковленія. Разрушенныя храмы Божіи требуютъ возобновленія; разоренныя или въ пепелъ обращенныя грады и селенія взыскаютъ человѣколюбивой помощи; опечаленныя старики и сирые младенцы утѣшенія и призрѣнія, а безумцы и суевѣры просвѣщенія. Наконецъ не меньше всего праведно-огорченные дворяне за многія предательства на своихъ крестьянъ взыскаютъ достаточнаго имъ усмиренія; а сіи слѣпцы и Пугачевымъ и своимъ разстроениемъ въ разореніе и нищету приведенные, и то страхомъ, то бѣдностію терзаемы, впадаютъ въ отчаяніе, почему и надлежало бы, во первыхъ, злодѣевъ предать лютейшимъ мукамъ и казнятъ; но сверхъ того, что главное преступленіе, а именно: оскорбленіе Величества оставляетъ Ея Императорское Величество, яко сущее любвколюбивая Монархиня и Матерью Отечества Своего и подданныхъ никогда быть не prestaющая, нѣтъ ни мукъ, ни казни, какъ бы ихъ ни увеличить, чтобы могли соразмѣрны быть толикимъ злодѣяніямъ. Да большая

часть изъ лютейшихъ злодѣевъ и приняли уже свое воздаяніе, то на сраженіяхъ, то правосудіемъ на самыхъ тѣхъ мѣстахъ въ дѣйство произведеннымъ. Надлежало бы тотчасъ стараться и о разognаніи той бѣдственной слѣпоты и невѣжества: но вѣрить надобно, что постигнувшее ихъ зло не токмо разжигаетъ много слѣпоты, да и самыхъ буйственныхъ въ чувство и раскаяніе приведетъ. Представляя все сіе къ общему всѣхъ вѣрополданныхъ утѣшенію, видимъ, что стараніями премудрыя Монархини о воспитаніи невѣжество уже повсемѣстной счезаетъ, а благоправіе процвѣтаетъ будетъ. Надлежало бы обратитъ благоговѣнное попеченіе къ воспостроенію разоренныхъ храмовъ Божіихъ; но Христіюбивая Монархиня гдѣне подаетъ примѣровъ Ея благочестія? Въ пепелъ обращенные грады и селенія ободрены уже примѣромъ многихъ другихъ въ слѣпоту облеченныхъ градовъ; утѣшены и призражны не старики токмо и младенцы, но питаются теперь цѣлыя провинціи на Монаршемъ Ея иждивеніи. Наконецъ увѣрено все Собраніе, что и погрѣшившіе крестьяне сами чистосердечно раскаиваются, а просвѣщенные и благоправные люди ищутъ паче помощь податъ бѣдности, нежели обременять оную. Сего ради Собраніе, находя дѣло въ такихъ обстоятельствахъ, сообразуясь безпримѣрному Ея Императорскаго Величества милосердію, зная Ея сострадательное и человѣколюбивое сердце, и наконецъ разсуждая, что законъ и долгъ требуютъ правосудія, а не мщенія, нигдѣ по Христіанскому закону несовмѣстнаго, единодушно приговорили и опредѣлили: за всѣ учиненныя злодѣянія, бунтовщику и самозванцу Емелькѣ Пугачеву, въ силу прописанныхъ Божескихъ и гражданскихъ законовъ, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на козѣ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь. Главнѣйшихъ его сообщниковъ, способствующихъ въ его злодѣяніяхъ:

1) Яицкаго казака Аѳанася Перфильева, яко главнѣйшаго любимца и содѣйственника во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ, предпріятіи и дѣлѣ изверга и самозванца Пугачева, паче всѣхъ злостью и предательствомъ своимъ достойнаго лютейшія казни, и котораго дѣла во ужасъ каждому сердцу привести могутъ, что сей злодѣй, будучи въ Петербургѣ въ то самое время, когда извергъ и самозванецъ обнаружился подъ Оренбургомъ, самъ добровольно предъявилъ себя начальству съ таковымъ предложеніемъ, яко бы онъ, будучи побуждаемъ вѣрностію къ общей пользѣ и спокойствію, желалъ уговорить главнѣйшихъ сообщниковъ злодѣйскихъ Яицкихъ казаковъ къ покоренію законной власти, и привести злодѣя обществу ними съ повинною. По сему точно удостовѣренію и клятвѣ отправленъ онъ былъ къ Оренбургу; по сожженной совѣсти сего злодѣя подъ покровомъ благонамѣренія азкала злобою. Онъ пріѣхалъ въ сонмъ злодѣевъ, представился къ главному бунтовщику и самозванцу, въ Бердѣ тогда бывшему, и не только удержался отъ исполненія той услуги, которую исполнить онъ обещалъ и заклиная, но чтобы увѣрить самозванца въ вѣрности, объявилъ ему откровенно все намѣреніе свое, и соединясь предательскою совѣстію своею съ мерзкою душою самого изверга, пребылъ съ того времени до самаго конца непоколебимъ въ усердіи ко врагу Отечества, былъ главнѣйшимъ соучастникомъ звѣрскихъ дѣлъ его,

производилъ всѣ мучительнѣйшія казни надъ тѣми несчастными людьми, которыхъ бѣдственный жребій осуждалъ попасться въ кровожадущія руки злодѣевъ, и наконецъ, когда злодѣйское скопище разрушено въ послѣдніе подѣ Чернымъ Ярмомъ и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на Яицкую степь, и искавъ спасенія, разбѣлились на разныя шайки, то казакъ Пустобаевъ увѣщевалъ товарищей своихъ явиться въ Яицкомъ городѣ съ повинною, на что другіе и согласились; но сей ненавистный предатель сказалъ, что онъ лучше желаетъ живымъ быть зарытъ въ землю, нежели отдаться въ руки Ея Императорскаго Величества опредѣленнымъ начальствамъ; однако жъ высланною командою пойманъ; въ чемъ самъ онъ предатель Перфильевъ предъ судомъ обличенъ и винулся;—четвертовать въ Москвѣ.

2) Яицкому казаку Ивану Чикѣ, онъ же и Зарубинъ, самоназванному Графомъ Чернышевымъ, присному любимцу злодѣя Пугачева, и который при самомъ началѣ бунта злодѣя паче всѣхъ въ самозванствѣ утвердилъ, многимъ другимъ соблазнительнымъ примѣромъ подаль и съ крайнимъ раченіемъ укрывъ его отъ поимки, когда за самозванцемъ выслана была изъ города сыскная команда, и потомъ, при обнаруженіи злодѣя и самозванца Пугачева, былъ изъ главнѣйшихъ его содѣйственниковъ, пачальствовалъ отдѣльною толпою, осаждалъ городъ Уфу, который храбро и достохвально едиными гражданами усердствующими прямо въ вѣрности Ея Императорскому Величеству защищался; разорилъ многіе въ той провинціи заводы и селенія, похищалъ всякаго рода имущества и чинилъ многія смертоубійства вѣрнымъ рабамъ Ея Императорскаго Величества. За нарушеніе данной предъ всемогущимъ Богомъ клятвы въ вѣрности Ея Императорскому Величеству, за прилѣпленіе къ бунтовщику и самозванцу, за исполненіе мерзкихъ дѣлъ его, за всѣ разоренія, похищенія и убійства—отсѣчь голову и взоткнуть ее на козѣ для всенароднаго зрѣнща, а трупъ его сжечь со знафотомъ купно. И сію казнь совершить въ Уфѣ, яко въ главномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всѣ его богомерзкія дѣла производимы были.

3) Яицкаго казака Максима Шигаева, оренбургскаго казачьяго Сотника Подурова и Оренбургскаго неслужащаго казака Василья Торнова, изъ которыхъ пернаго, Шигаева, за то, что онъ, по слуху о самозванцѣ, добровольно вѣдиль къ нему на уметъ или постолый дворъ къ Степану Оболяеву, отстоящій неподалеку отъ Яицкаго города, сообщивалъ въ пользу обнаруженія злодѣя и самозванца Пугачева, разглашалъ объ немъ въ городѣ, и поелику смыслъ его привлекалъ вѣрнотѣ простыхъ людей, то произвелъ тѣмъ во многіхъ къ бунтовщику и самозванцу привязанность; а потомъ, когда уже злодѣй, явно похитивъ имя покойнаго Государа Петра III, приступилъ къ Яицкому городу, то былъ онъ при немъ изъ первыхъ содѣйственниковъ его. При обложеніи жъ Оренбурга, во всякое время, когда самъ главный злодѣй оттуда отлучался къ Яицкому городу, оставлялъ его начальникомъ бунтовщицей толпы своей. А въ сіе ненавистное начальство производилъ онъ Шигаевъ многія злости: повѣсилъ посланнаго въ Оренбургъ отъ Генерала-Маіора и Кавалера Князя Голицына Лейбъ-Гвардіи коннаго полку рейтара съ извѣстіемъ о его приближеніи, единственно за сохраннымъ сказаннымъ рейгаромъ истинную вѣрность къ Ея Императорскому Величеству, за-

копной своей Государынѣ.—Второго, Подурова, яко сущаго измѣнника который не только предался самъ злодѣю и самозванцу, но и писалъ многія развратительныя въ народѣ письма; увѣщевалъ вѣрныхъ Ея Императорскому Величеству Яидкихъ казаковъ предаться къ злодѣю и бунтовщику, называя его и увѣряя другихъ, яко бы онъ истинный Государь, и наконецъ писалъ угрозыительныя письма къ Оренбургскому Губернатору Генералу-Поручику и Кавалеру Рейнсдорпу, къ Оренбургскому Атаману Могутову и къ вѣрному Старшинѣ Яидкаго войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей измѣнникъ убѣжденъ и признался.— Третьяго, Торцова, яко сущаго злодѣя и губителя душъ человѣческихъ, разорившаго Нагайбацкую крѣпость и нѣкоторыя жительства, и потомъ вторично пригнѣвившагося къ самозванцу: повѣсить въ Москвѣ всѣхъ ихъ троихъ.

4) Яидкихъ казаковъ: Василія Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, Мещерякского Сотника Казнафера Усаева и Ржевскаго купца Долгополова, за то, что оные злодѣйскіе сообщники Плотниковъ и Караваевъ, при самомъ началѣ злодѣйскаго умысла, прѣзжали къ пахатному солдату Абалаеву, гдѣ самозванецъ тогда находился и условясь съ нимъ о возмущеніи Яидкихъ казаковъ, дѣлали первыя разглашенія въ народѣ, и Караваевъ рассказывалъ, яко бы видѣлъ на злодѣѣ Царскіе знаки, такъ называя пятна, оставшіяся на тѣлѣ злодѣи послѣ болѣзни его подъ Бендерами. Приводя такимъ образомъ въ соблазнъ простыхъ людей, оный Караваевъ и Плотниковъ по слуху о самозванцѣ будучи взяты подъ караулъ, о немъ не объявили. Закладновъ былъ подобно первымъ изъ начальныхъ разглашателей о злодѣѣ, и самый первый, предъ кѣмъ злодѣи дерзнулъ называть себя Государемъ; Казнаферъ Усаевъ былъ двоекратно въ толпѣ злодѣйской, въ разныя мѣста, для возмущенія Башкирцевъ, и находился при злодѣяхъ въ лобородовѣ и Чикѣ, разныя тиранства производившихъ. Онъ въ первый разъ захваченъ вѣрными войсками подъ предводительствомъ Полковника Михельсона, при разбитіи злодѣйской шайки подъ городомъ Уфою, и отпущенъ съ билетомъ на прежнее житье; но, не чувствуя оказаннаго ему милосердія, опять обратился къ самозванцу и привезъ къ нему купца Долгополова. Ржевскій же купецъ Долгополовъ разными жгосоставленными вымыслами приводилъ простыхъ и легкомысленныхъ людей въ вѣдшее ослѣпленіе, такъ что и Казнаферъ Усаевъ, утвердись больше на его увѣреніяхъ, пригнѣвился вторично къ злодѣю. Всѣхъ пятерыхъ высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу, и изъ нихъ Долгополова, сверхъ того, содержать въ оковахъ.

5) Яидкаго казака Ивана Почиталина, Илецкаго Максима Горшкова и Яидкаго же Илью Ульянова, за то, что Почиталинъ и Горшковъ были производителями письменныхъ дѣлъ при самозванцѣ, составляли и подписывали его скверныя листы, называя Государевыми манифестами и указами, чрезъ что умножая развратъ въ простыхъ людяхъ, были виною ихъ несчастія и пагубы. Ульянова, яко бывшаго съ ними всегда въ злодѣйскихъ шайкахъ и производившаго, равно какъ и оны, убійства: всѣхъ троихъ высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу.

6-е. Яидкихъ казаковъ: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Тодачева, Ивана Харцова, Тимофея Скачкова,

Петра Горшенина, Панкрата Ягупова, пахатнаго солдата Степана Оболева и ссыльнаго крестьянина Аѳанасья Чулкова, яко бывшихъ при самозванцѣ и способствовавшихъ ему въ живыхъ разглашеніяхъ и въ составленіи злодѣйскихъ шаекъ, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на поселеніе.

7) Отставнаго Гвардіи фурьера Михайла Голева, саратовскаго купца Федора Кобякова и раскольника Пахомія, первыхъ за пригнѣпленіе къ злодѣю и происходимые соблазны отъ ихъ разглашеній, а послѣдняго за ложныя показанія, высѣчь кнутомъ, Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ; да Саратовскагожъ купца Протопопова, за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности, высѣчь плетями.

8) Подпоручика Михайла Швановича, за учиненное имъ преступленіе, что онъ, будучи въ толпѣ злодѣйской, забывъ долгъ присяги, сдѣло повиновался самозванцовымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишивъ чиновъ и дворянства, ошельмовать, переодѣвъ надъ нимъ шпагу.—Исправидной команды Прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго наказанія онъ наказаніи, но за старостію лѣтъ уменьшая оное, лишить его чиновъ.— Астраханскаго коннаго полку Сотника и Депутата Василія Горскаго, за легкомысленное пригнѣпленіе къ толпѣ злодѣйской, лишить Депутатскаго достоинства и названія.

9) Илецкаго казака Ивана Тварогова, да Яидкихъ: Федора Чумакова, Василія Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федудева, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милостиваго Манифеста, отъ всякаго наказанія освободить: первыхъ пять человекъ потому, что внявъ гласу и угроженію совѣсти и возчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, не только пришли сами съ повинною, но и виновника пагубы ихъ Пугачева, связавъ, передали себя и самого злодѣя и самозванца законной власти и правосудію; Пустобаева за то, что онъ отдѣлившуюся шайку отъ самаго злодѣя Пугачева склонилъ придти съ повиновеніемъ, равнобрно и Кочурова, еще прежде того времени явившагося съ повинною; а послѣднихъ двухъ за оказанные ими знаки вѣрности, когда они были захвачены въ толпу злодѣйскую и были подсылаемы отъ злодѣевъ въ Яидкій городъ, но они, приходя туда, хотя отстать отъ толпы опасались, однако возвѣщали всегда о злодѣйскихъ обстоятельствахъ и о приближеніи къ крѣпости вѣрныхъ войскъ, и потомъ когда разрушена была злодѣйская толпа подъ Яидкимъ городомъ, то сами они къ военачальнику явились. И о семъ Высочайшемъ милосердіи Ея Императорскаго Величества и помилованіи сдѣлать имъ особое объявленіе чрезъ отряженнаго изъ Собранія Члена сего Января 11 дня, при всенародномъ зрѣлищѣ предъ Грановитую Палату, гдѣ и снять съ нихъ оковы.

10) Отставнаго Подпоручика Гринева, Царидынского купца Василія Качалова, да Брянскаго купца Петра Кожевникова, Малороссіянина Осипа Коровку, Донскихъ казаковъ Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, Яидкаго казака Ивана Пономарева, онъ же и Самодуровъ, раскольниковъ Василія Шолокова, Ивана Седукина, крестьянина Василія Попова и Семена Филипова, которые находились подъ караулomъ, будучи сначала подозрѣваемы

въ сообщеніи съ злодѣями, но по слѣдствію оказались певинными, для чего ихъ и освободить, и сверхъ того о награжденіи крестьянина Филипова, яко доносителя въ Малыковѣ о начальномъ предѣленіи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. А поуже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцовъ, первая Софья, дочь Донскаго казака Дмитрія Никифорова, вторая Устинья, дочь Лицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтніе отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ; равнобрно же предоставляется къ тому же разсмотрѣнію назначеніе мѣста и содержаніе осужденныхъ на каторгу и на поселеніе.

11) Какъ же не безызвѣстно вышеозначенному собранію, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода не токмо бунтовщикъ и самозванецъ Емелька Пугачевъ, но и всѣ его злодѣйскіе сообщники предапы вѣчному проклятію; то дабы осужденнымъ сею сентенціею на смертную казнь, которые за клятвопреступленіе, ужасное варварство и злыя дѣла свои подверглись душевное осужденному въ тартарѣ мученію, не лишились при послѣднемъ концѣ своемъ законнаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ ими злодѣяніяхъ, предоставить Преосвященному Самуилу, Епископу Крутицкому, поступить въ томъ по данному ему на сей случай наставленію отъ Святѣйшаго Синода.

12) Опредѣленную злодѣямъ смертную казнь въ Москвѣ учинить на Болотѣ, сего Января 10-го дня. Къ чему привести и злодѣя Чуку, назначеннаго на казнь въ городѣ Уфѣ, и послѣ здѣшней экзекуціи того же часа отправить на казнь въ назначенное ему мѣсто. И для того, какъ о публикованіи сей сентенціи, такъ и о оказуемомъ милосердіи прощаемымъ и о надлежащихъ къ тому пріуготовленіяхъ и нарядахъ послать изъ Сената, куда надлежитъ, указы. Заключена Января 9 дня 1775 года.

Учрежденному Собранію Святѣйшаго Синода Члены письменно объявили, что слушавъ въ Собраніи слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ Емельки Пугачева и его сообщниковъ, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе, согласуемся, что Пугачевъ съ своими злодѣйскими сообщниками достойны жесточайшей казни; а слѣдовательно, какая заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаемся; но поелику мы Духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступити не можемъ.

Подъ тѣмъ подписано тако:

*Самуилъ, Епископъ Крутицкій.
Геннадій, Епископъ Суздальскій.
Іоаннъ, Архимандритъ Новоспасскій.
Андрей, Протопопъ Гвардии Преображенской.*

Подъ сентенціею подписано тако:

*Князь Михайло Волконской.
Михайло Измайловъ.
Иванъ Козловъ.
Лукьянъ Калмыкинъ.
Всеволодъ Всеволожской.
Петръ Вырубовъ.
Алексій Мельниковъ.
Князь Иванъ Вяземской.
Дмитрій Волковъ.
Михайло Масловъ.
Григорій Протасовъ.*

*Александръ Глѣбовъ.
Графъ Федоръ Остерманъ.
Яковъ Протасовъ.
Графъ Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ
Михайло Каменской.
Иванъ Мелиссино.
Павелъ Потемкинъ.
Александръ Самойловъ.
Матвей Мартыновъ.
Александръ Херасковъ.
Иванъ Давыдовъ.
Акимъ Апухтинъ.
Михайло Лукинъ.
Михайло Салтыковъ.
Алексій Яковлевъ.
Оберъ-Секретарь Андрей Васильевъ.
Секретарь Александръ Храповицкій.*

Объявленіе прощаемымъ преступникамъ.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената обще съ Членами Святѣйшаго Синода, первыхъ трехъ классовъ персонами и Президентами Коллегій, слушано произведенное слѣдствіе о бунтовщикѣ, самозванцѣ и Государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, и по силѣ Священнаго Писанія и Гражданскихъ законовъ заключена сентенція, которая вчерашняго числа исполнена, и осужденные злодѣи иные должную казнь, а иные наказаніе получили. Въ числѣ сихъ преступниковъ и соучастниковъ въ злодѣяніяхъ были и вы, здѣсь предстоящіе: Илецкій казакъ Иванъ Твароговъ, да илецкіе Федоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ, Иванъ Федулевъ, Петръ Пустобаевъ, Козьма Кочуровъ, Яковъ Почиталинъ и Семенъ Шелудяковъ: воображая сіе, не должны ли вы содрогаться отъ ужаса и проклинать прошедшее свое заблужденіе, влекущее васъ въ пагубу? Настрожайшая смертная казнь предписывалась вамъ божественными и гражданскими законами и вѣчная мука по Священному Писанію. Но должны вы благодарить Создателя и считать себя счастливыми, что находитесь на краю пропасти, Всевышняя Десница отвратила отъ глазъ вашихъ мракъ ослѣпленія, и вы, вынявъ гласу и угрызенію совѣсти и возчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, пришли въ раскаяніе и сами явились съ повинною; а Иванъ Твароговъ, Федоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ и Иванъ Федулевъ, не токмо себя самихъ, но и самого злодѣя Емельку Пугачева предали законной власти и правосудію. Таковое обращеніе къ предписанной законами должности не могло бы уменьшить заслуженнаго вами наказанія; ибо злодѣянія ваши не токмо были совершенны, но и превзошли мѣры донынѣ въ свѣтѣ извѣстныхъ. Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельствовали о вашихъ злодѣяніяхъ. Разоренные и злобою вашею воспаленному огню преданные селенія, города и святые храмы угрожали васъ наихудшимъ истязаніемъ; и среди сихъ ужасныхъ развалинъ и опустошенія, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обгазились, возопіяла на небо и молила отмщенія. Могло ли послѣ сихъ неистовствъ раскаяніе ваше принято быть

во уваженіе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище, купно съ вознесеннымъ вами идоломъ, вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и яко прахъ разбѣяно? Представьте сами себѣ, безпристрастно размышляя, можно ли отовсюду окруженныхъ и лишенныхъ способовъ къ защищенію почести по справедливости въ раскаяніе пришедшими и добровольно себя предавшими? Конечно нѣтъ; а посему все вышесказанное свидѣтельство въ неизобразимое неистовство ваше, и куда ни обратитесь, вездѣ вамъ казнь предписывается. Во всемъ свѣтѣ показуется не токмо злодѣи и его сообщники, но и предпріявшій злой умыселъ, хотя и въ дѣйство оного не произвелъ; а о васъ свидѣлствуютъ пространныя губерніи, что вы не мыслію единою погрѣшили, но исполненными вами беззаконіямъ нѣтъ числа. Ичислите сами все, вами содѣянное, и сообразуясь оному, почувствуйте, сколько велико, безприѣрно, пещиханно и неизреченно милосердіе Всевышней Самодержицы нашей, превосходящей всѣхъ смертныхъ и единому Богу въ изліяніи щедротъ Своихъ уподобляющейся! Всемиловитѣйшая Государыня прощаетъ васъ! и Ею уполномоченное Собраніе, чрезъ меня, своего Соучлена, повѣщаетъ вамъ объявить, что вы, по силѣ Высочайшаго Манифеста, изданнаго 29-го Ноября 1773 года, освобождаетесь не токмо отъ смертныхъ казни, но и отъ всякаго наказанія. Да снимутся съ васъ оковы! Приобщитесь къ вѣрно-подданнымъ, впечатлѣйте сіе милосердіе въ сердца ваши, вѣдрите потомкамъ своимъ, и падъ предъ Всевышнимъ Господомъ Богомъ, возсылайте моленіе за спасающую васъ Его Помощницу. Благодарите искренно, и дарованную вамъ жизнью жертвуйте Ей и Отечеству, дабы достойно воспріять имя ея вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества. Читано въ престольномъ градѣ Москвѣ, при всенародномъ зрѣніи, на Красномъ Крыльцѣ, Января 11 дня 1775 года.

11) *Сенатскій указъ, 6 ч. Февраля 1775. О присыланіи изъ Городовыхъ Канцелярій рапортовъ въ Сенатъ о людяхъ, прикосновенныхъ, къ бунту Пугачева, съ обыкновенною почтою, а не чрезъ нарочныхъ гонцевъ.*

Правительствующему Сенату, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Генералъ-Прокуроръ и Кавалеръ Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій предлагалъ, что опредѣленіемъ находившагося здѣсь 5 Сената Департамента назначено было всѣмъ Московской губерніи городамъ, въ случаѣ, ежели гдѣ отъ злодѣя Пугачева явятся какіе подозрительные люди, оныхъ тотчасъ брать къ разсмотрѣнію въ Канцелярію, и въ Сенатъ съ нарочными рапортовать. А какъ теперь злодѣйская толпа уже истреблена, и слѣдовательно въ присылкѣ съ нарочными помянутыхъ рапортовъ надобности уже нѣтъ, то въ разсужденіи напрасной для такихъ отправленій на прогоны издержки, не благоволитъ ли Правительствующій Сенатъ Городовымъ Канцеляріямъ дать знать, чтобъ онѣ сіи рапорты отправляли такъ, какъ и всѣ другія представленія сюда обыкновенно отправляются? Правительствующій Сенатъ приказалъ: всѣмъ тѣмъ Городовымъ Канцеляріямъ, отъ которыхъ находившимся здѣсь 5 Сената Департаментомъ требовалось присылки съ нарочными рапортовъ, о являющихся толпы, злодѣя Пугаче-

ва подозрительныхъ людяхъ, предписать, что уже теперь по истребленіи злодѣйскихъ скопищевъ, и по приведеніи всѣхъ въ должное повиновеніе, не надобно надобности отправлять сюда съ показанными рапортами нарочныхъ; и слѣдовательно, если иногда бывшей злодѣйской толпы подозрительные люди и явятся, то могутъ Канцеляріи присылать объ нихъ въ Правительствующій Сенатъ увѣдомленіе чрезъ почту, или при оказіяхъ такъ, какъ обыкновенно всѣ другія представленія отправляются.

12) *Высочайшій рескриптъ, данный на имя Генерала Графа Панина, отъ 9 Августа 1775 г., изъ села Царицына.*

Графъ Петръ Ивановичъ! Въ настоящее время, когда уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина восстановлена въ полной мѣрѣ; да и когда прошеніе обнародовано, я увѣрена, что вы чувствуете въ себѣ душевное удовольствіе, видя съ симъ купно окончаніе и той Комисіи, въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ вѣчно усердіе ваше къ Отечеству, и о коемъ оказанную вамъ Мою отличную признательность видѣла уже публика. Я сіе вновь вамъ подтверждаю засвидѣтельствомъ Моего благодаренія за ваши полезные труды, и увольняя васъ нынѣ отъ Комисіи Успокоенія внутреннихъ возмущеній, которыя, Богу благодареніе! болѣе не существуютъ, слѣдственно и дѣла объ оныхъ прекращены; послѣ чего остается вамъ теперь упомянутыя дѣла отдать Губернаторамъ, или которыя куда надлежать, и быть въ прочемъ благонадежнымъ, что заслуги ваши не будутъ никогда забыты, какъ и Я не престану быть вамъ благосклонна.

II. Рапортъ Графа Румянцева въ Военную Коллегію и письма Нурали-Хана, Бибикова, Графа Панина и Державина.

1) *Рапортъ Графа Румянцева о Генералъ-Поручикѣ Суворовѣ, отправленный въ Военную Коллегію, отъ 15 Апрѣля 1774 года.*

Въ Государственную Военную Коллегію рапортъ. Г. Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ Суворовъ по указу изъ Военной Коллегіи, отъ 25 Марта подъ № 187 пущенному, а мною 13 сего мѣсяца полученному, къ вновь назначенной командѣ немедленно бы вѣхать я приказалъ, ежели бы онъ въ пути, а хотя и на мѣстѣ, но не на посту въ лицѣ непріятеля противу Силистріи находился, къ которому онъ еще до получения о Генералахъ произведенія мною опредѣленъ и со вѣрными ему корпусомъ какъ на сей городъ по усмотрѣнію удобности поискъ слѣзаетъ, такъ и Гирсовъ оберегать поручено. Въ семъ случаѣ я не могъ на оное поступить изъ уваженія, что сія его отлучка подава бы непріятелю подтвержденія по дѣламъ Оренбургскимъ, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными, нежели они суть, и можетъ быть, какъ я вижу изъ публичныхъ Вѣдомостей, вовсе исчезшія: а вмѣсто его, къ корпусу Оренбургскому, другаго Генералъ-Поручика изъ находящихся въ Россіи, къ арміи мнѣ вѣрненной опредѣленныхъ, не соблаговолено ли будетъ отправить приказать?

2) Переводъ съ Татарскаго письма отъ Киргизъ-Кайсакскаго Нурали-Хана, съ человекомъ его Якишбаемъ присланнаго въ Оренбургъ; 24 Сентября 1773 года полученнаго

Высокомѣстному и Высокопочтенному Господину Генералъ-Поручику, Оренбургскому Губернатору и Кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу. Объявляю на сихъ временахъ, что пролился здѣсь Ея Императорскому Величеству измѣнникъ, и приговариваетъ заблудшія рѣчи, что онъ якобы великій Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, и чтобы ему покорились, о чемъ ко мнѣ двоекратно писалъ, изъ коихъ одно у Коменданта въ рукахъ; токмо какъ не безызвѣстно, рѣченному вору и измѣннику несвѣдующіе правъ и законовъ изъ Яикскихъ казаконъ заблудшіе повѣря, ему сообщась, съ нимъ вмѣстѣ и окружа Яикской городокъ вѣдять; а я, услыша о томъ, по повелѣнію тамошняго войска Старшины Мартемьяна Бородина и Подполковника Симонова прѣхать противъ Яикскаго городка къ мосту, переговора, сказалъ, что я искренне усердную Ея Императорскому Величеству, не прѣбываясь къ такимъ измѣнникамъ рѣчамъ, чтобы находящагося въ Яикскомъ городѣ главнымъ повелителемъ рѣченнаго Подполковника сообщась войскомъ, съ означенными заблудшими сопротивляясь и учиня драку, кто употребляетъ такіа рѣчи, того поймать общія старанія прилагать, если они сами своею командою съ ними управиться могутъ, то бѣ оныхъ разбойниковъ поймали сами, а когда силъ ихъ къ тому доставать не будетъ, то бѣ повелѣнъ мнѣ, чтобы я съ своимъ народомъ вышедъ, учиня поискъ, тѣхъ разбойниковъ поймалъ; токмо когда рѣченныя разбойники вскорѣ прижать ихъ и изнурять не могутъ, въ такомъ случаѣ безъ позволенія Оренбургскаго Губернатора за рѣку Яикъ переѣхать я не въ состояннѣ, и ежели гдѣ плуты будутъ усиливаться, то по неволѣ, не дожидаясь изъ Оренбурга извѣстія, принужденъ буду переѣхать. На что они Подполковникъ и Старшина сказали, что ихъ сила, не заимствуя нашей, достигнетъ; а что-де вы, прѣхавъ сюда, прожили на совѣтѣ два дни и тѣмъ довольны. Почему я сіе письмо при письмѣ онаго Подполковника, съ человекомъ его, къ вамъ отправилъ; и такъ я, ожидая отъ васъ извѣстія, нахожусь, а при томъ совѣтую, что мы, на степи находящіеся люди не знаемъ, сей вѣдающій воръ ли? или рѣченныи Государь самъ? А для того, что онъ называется Государемъ, посланъ былъ отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный, который возвратясь объявилъ мнѣ, что какой онъ человекъ, не знаетъ и не опозналъ, токмо-де борода у него русая: однако изъ-за сего думалъ я, какимъ ни есть случаемъ поймать, только безъ вашего извѣстія на то не поступилъ.

Между чѣмъ еще объявляю, хотя я въ нынѣшнемъ году съ вами поведаясь, переговорить и былъ намѣренъ, точно съ за вышеписанными обстоятельствами, то мое желаніе не исполнилось; однако Вашего Высокопревосходительства по дружбѣ прошу, чтобы пребывающихъ здѣсь на степи легкомысленныхъ Киргизцевъ стараться въ спокойствіи содержать, ибо при приумноженіи таковыхъ поступковъ можетъ меня въ чести и славу оставить для того, что Ягадбайлинскаго роду у Ишенбая въ прошедшей зимѣ отогнанныхъ Бакширцами тысячъ пятидесяти лошадей

возвратить соизволите, а особливо въ нашемъ народѣ именитый Джагалбайлецъ Шагиръ Батыревъ меньшей братъ, именуемый Иштекбай Батырь, находится тамъ у васъ, коего позволите для меня удовольствовать, обратно отпустить, а притомъ того жъ рода изъ Ишантскихъ лошадей отдавъ ему Ишенбаю половину, а другую реченному Иштекбаю, чтобы онъ ихъ продалъ на деньги, ему жъ Иштекбаю прикажите выбѣгшихъ изъ Орды нашей двухъ Кизылбаевъ препоручить для того, что когда оныя Ягадбайлинцы удовольствованы будутъ, весь народъ нашъ благодарными останутся. Весьма бѣ изрядно было, когда бѣ оный Шагиръ Батырь удовольствованъ былъ, за что бѣ и я довольнымъ себя препочелъ; хотя жъ оный Шагиръ по отдаленности меня кочуетъ, только его отчужденнымъ отъ меня не признавайте, коего благоволите для меня въ чести содержать.

Впрочемъ наивсегодѣшній доброжелатель вашъ Нурали-Ханъ своеручно печать мою приложилъ <которая подъ онымъ чернильная и приложена>.

3) Письма А. И. Вибикова.

А.—Къ Графу З. Г. Чернышеву, отъ 30 Декабря 1773 года.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего Ея Императорскому Величеству, В. С. свѣдѣть изволите о всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, каковыя мнѣ при первомъ случаѣ открылись: они столько дурны, что я довольно того описать не могу; умолчать многія мелочныя извѣстія, которыя до меня дошли, изъ донесенныхъ уже усмотрите, какою опасностію грозитъ всеобщее возмущеніе Башкиръ, Калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а паче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣплятся, къ чему уже въ Пермской провинціи и есть начало.—Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волосу, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его злодѣйской толпѣ. Одна надежда на войска, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего краю мѣста.

Толпу Пугачева я разбить не отчаяваюсь и съ тѣмъ, кои теперь мнѣ назначены, когда соберутся: по тушить вездѣ пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе конечно конныя войска въ прибавокъ необходимы.

Въ проѣздъ мой черезъ Москву, Генералъ Берхъ меня увѣрялъ, что отъ 2 арміи 3 или 4 полка конницы отдѣлится можно безъ всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; но откуда бѣ то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, В. С. Вы увидите, что я говорю вамъ истину.

На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не изволите: они, съ ихъ офицерами, такъ скаредны, что и Башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и Маюромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленные отъ Фреймана и отъ Губернатора по постамамъ, бѣгаютъ съ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ.

Благодарю всепокорнѣйше В. С. за почтеннѣйшее письмо отъ 21 Декабря и за преподанный

мнѣ совѣтъ къ доставленію Оренбургу и Ицкому городку провіанту отъ Симбирска и Самары посредствомъ команды Генераль-Маіора Мансурова. Первая моя теперь о томъ настоятъ и забота, чтобъ доставить симъ утѣсеннымъ и крайнему бѣдствію отъ недостатка пропитанія подверженнымъ мѣстамъ. Но какъ еще и легкія команды только двѣ, а именно 22 и 24 прибыли, а о другихъ двухъ, гдѣ находятся, и слуху нѣтъ, тожъ и о Генераль-Маіорѣ Мансуровѣ ничего не знаю, да хоть бы они и всѣ соединены были, опасася и отважить сей конвой, подъ прикрытіемъ сихъ однихъ полевыхъ командъ, дабы паки не были они жертвою злодѣйскою. Но сіе съ надежною сплюю исполнить должно, что я при первомъ случаѣ и предприму и первымъ спонимъ попеченіемъ конечно поставлю. А между тѣмъ провіантъ въ Симбирскѣ заготовлять велѣлъ; прибывшія же двѣ легкія команды послалъ я на выгнаніе злодѣевъ изъ города Самары, которую они злодѣи 24 заняли; а теперь ожидаю рапорта.

Прежде доставленныхъ сюда для вооруженія здѣшнихъ командъ и поселянъ 2000 ружей недостаточно: для того В. С. покорнѣйше прошу, какъ скоро возможно, дать повелѣніе о отправленіи сюда на всякій случай 2000 ружей, 1000 карабинъ и 1000 паръ пистолетовъ. Кажется немилуемо здѣшнихъ поселянъ вооружить, обнадежася прежде въ ихъ твердости. О семъ писалъ я къ Е. С. Князю Михайлу Никитичу съ прибавленіемъ *о сибляхъ, сѣдлахъ и уздахъ, ибо въ конницы большая нужда* <своеручно>.

Сволочъ Пугачева злодѣйской толпы конечно порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можеть, кромѣ свойственныхъ таковымъ бродягамъ буйности и колобродства; но ихъ болѣе шести тысячъ по всѣмъ извѣстіямъ считать должно, а считая нынѣ воровъ Башкирцевъ, число крайне быть должно велико.—Не считаю я трудности, М. Г., разбить сію кучу; но собрать войска, запаситися не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ, суть наизавѣйшія трудности; а между тѣмъ отражать во всѣхъ копцахъ убійства и разоренія и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей.

Со всѣмъ тѣмъ отвѣчаю вамъ за себя, что я все исполню, что только въ моей будетъ возможности, и остаюсь навсегда съ особымъ высокопочитаніемъ и проч.

Р. S. <Собственноручно>. Сейчасъ получилъ рапортъ отъ Генераль-Маіора Мансурова, что, по приключившейся ему горячкѣ, пролежалъ онъ безъ памяти семь дней. Теперь онъ здоровъ; достигъ 23 и 25 полевыхъ команды, и съ ними соединясь, слѣдуетъ къ Симбирску, но только отъ него еще въ 400 верстахъ, въ деревнѣ Миндани.

Б.— Къ нему же, изъ Казани, отъ 17 Января 1774.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Сославшись на донесенія Ея Императорскому Величеству, за излишнее почитаю повторить Вашему Сіятельству описаніе о здѣшнемъ дурнѣ, да только то промолвить осмѣливаюсь, что если Оренбургъ дѣлаетъ пропитаніе, то надѣюсь его спасти, а симъ уповаю и главную всему злу предомлю преграду; но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число под-

водъ для подвозу пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходить большое по дальному и степному положенію, — а при томъ разбѣгшуюся сволочъ сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фреймаиовскихъ проходу нѣтъ, и на насъ лѣзутъ;—конвоированіе великова подвозу требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія жъ и саму Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя. Время часть отъ часу становится драгоцѣнно; а полкъ карабинерный только сегодня сюда вступилъ, и лошади въ дурномъ состояніи. На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что уже я и испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаютъ рапорты, что окружены, и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ на выручку. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза.

Вотъ, М. Г., положеніе, въ которомъ я себя вижу. Не можно болѣе претерпѣвать прискорбія отъ досады, сожалѣнія и получаемыхъ ежедневно слуховъ. Одинъ Всевышній можетъ обратить все въ лучшее и помочь мнѣ въ сихъ крайностяхъ. Сказавъ сіе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ всегда останусь и проч.

Р. S. <Собственноручно>. При семъ отправленный курьеръ привезъ ко мнѣ Высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ отъ 10 числа Января, препровождаемый съ письмомъ В. С. Я предоставляю впредь о томъ съ первымъ отправленнымъ доносить, теперь только о полученіи его увѣдомляю.

Сейчасъ получилъ рапортъ отъ Генераль-Маіора Фреймана, что посланный для поиску надъ злодѣями Томскаго полка Капитанъ Фатѣевъ при деревнѣ Кувицкой ил... [Анптерковой] разбилъ многочисленную сволочъ, побивъ на мѣстѣ и въ преслѣдованіи великое число, способомъ посаженныхъ на обывательскихъ лошадей гренадеръ и бѣгающихъ на лыжахъ солдатъ, отбивъ 4 пушки, 20 человекъ взялъ въ полонъ.

В.— Къ нему же, изъ Казани, отъ 24 Января 1774.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего къ Ея Императорскому Величеству увидѣть изволите, что войска, прибывшія сюда, дѣйствовать начали, и Полковникъ Бибиковъ съ батальономъ своимъ, состоящимъ въ четырехъ ротахъ пѣхоты и трехъ ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочъ, не потерявъ ни одного человека, городъ Заинскъ освободилъ отъ злодѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со стороны Сибирской: Господинъ Калонъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ идти опасается, написать премножество затрудненій. Совѣтуютъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому упогребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время, какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходъ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ Февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣнъ. О Кунгурѣ слуху послѣ 10 числа нѣтъ. Зло распространяется

весьма далеко. Позвольте и теперь мнѣ, В. С., повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войски поспѣвать и дѣлаться, безъ моего объясненія представить можете. Слѣшу и всѣ силы употреблю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы къ подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагъ податься нельзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войски подаются впередъ. Жду съ петербургскимъ Чугуевского казачьяго полку, о которомъ слышу, что уже въ Москву припелъ. Вотъ, М. Г., все то, что я теперь донести вамъ могу; а заключаю истиннымъ моимъ высокопочитаемымъ, и проч. *<Собственноручно>* Р. С. Приложенную резолюцію покорнѣе прошу Ея Величеству поднести.

Г.—Къ Д. И. фонъ-Визину, изъ Казани, отъ 29 Января 1774 г.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхъ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобы истребить на толпкомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаиваюсь, да усюкоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности. Болѣе жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! Дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужели то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучело, которою воры Яицкіе казаки играютъ. Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ вышшихъ. Неужели и теперь о мирѣ не думаешь? Эй пора, право, пора! Газеты я получилъ: надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впредь получать буду. *J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage.* Да то бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и метели, и бездорожидя. Но все однако же одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ; будь увѣренъ, что я тебѣ сердцемъ и душою люблю.

Напомни, мой другъ, Графу Никитѣ Ивановичу о Баронѣ Ашѣ. Онъ общался ему по крайней мѣрѣ хотя да Сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь.

4) Письма Графа П. И. Панина.

А.—Гвардіи Капитану А. П. Галахову, изъ Пензы, отъ 14 Сентября 1774 г.

Высокоблагородный и Высокопочтенный Лейбъ-Гвардіи Капитанъ!

Государь мой! На рапортъ отъ Вашего Высокоблагородія, съ симъ вручителемъ ко удоволь-

ствію моему полученный, нахожу вамъ отвѣтствовать:

Къ принятымъ вами мѣрамъ и къ сдѣланному распоряженію я ничего присовокупить не имѣю, какъ оныя и мнѣ собственно, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, за удобнѣйшія представляются, потому особливо, что порученнаго вамъ дѣла, безъ отваги ничего произвести съ успѣхомъ никакъ нельзя, а тутъ не отважено ничего иного, кромѣ такого числа денегъ, которыя по общему дѣлу инымъ не можетъ поставлено быть, какъ бездѣлицею; впрочемъ же противу дальнѣйшаго требуется одной предосторожности, коей мы постараемся и не упустить. Въ томъ намѣреніи приказалъ я уже сегодня отсель выступить, идти подъ точное ваше начальство на Сызрань, одному эскадрону драгунъ, да и я, выступи отсель не помѣшкая, возьму свою позицію по берегу Волги, примкнувъ къ Сызрани; одно только мнѣ остается примѣтить и лежить на моемъ сердцѣ, чтобы не сдѣлалъ утечки (ежели полагаемая нами на извѣстнаго человѣка вѣрность насъ обманетъ) открывшійся вамъ житель Царицынской. Не лучше ли и не можно ли вамъ кого нибудь изъ своихъ подчиненныхъ вѣрнаго спрелепроводить туда подъ нѣкоторымъ предлогомъ, дѣлать скрытное надъ онымъ надзираніе? Что вы по сему предпримете, а и впрочемъ какія происхожденія у васъ изъясняются будутъ, стану я ожидать отъ Вашего Высокоблагородія себѣ увѣдомленія, прибывъ скоро къ берегу рѣки Волги, на предпріемлемую мною позицію; а вездѣ и всегда останусь съ почтеніемъ и усердіемъ Вашего Высокоблагородія и проч.

Б.—Къ нему же, изъ Пензы, отъ 19 Сентября 1774 года.

Государь мой, Александръ Павлычъ! Вручитель сего, господинъ Маіоръ Руничъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ словесными отъ васъ представленіями, на которыя я иго и лучшаго вамъ, государь мой, сказать и присовѣтовать не могу, какъ во-первыхъ похваляю, что по свѣдѣнію вашему о поимкѣ государственнаго злодѣя, послали вы тотчасъ отыскивать отправившагося отъ васъ, съ тѣмъ намѣреніемъ извѣстнаго Коммисіонера. Новое счастье будетъ, если возвратимъ еще и употребленные съ онымъ казенныя деньги; да чего уже ожидать невозможно отъ благословляющей такъ ошутительно десницы Вышней всѣ дѣянія во благо нашей Всемилостивѣйшей Государыни?

Мнѣ мнится, что вамъ, государь мой, въ теперешнемъ случаѣ лучше всего перенести къ свиданію со мною въ Симбирскъ, куда уже я днѣ чрезъ два отсель прямо слѣдовать буду.

Касательно до Царицынскаго жителя, вамъ извѣстнаго сообщника бунтовщику — то я, коль скоро получилъ извѣстіе о поимкѣ злодѣя, тотчасъ послалъ туда повелѣніе, оного сообщника, взявъ подъ крѣпкій караулъ, прислать ко мнѣ, да и эскадрону драгунскому, отправленному къ вамъ въ Сызрань, а оставленному на дорогѣ симъ господиномъ Маіоромъ, далъ повелѣніе съ нимъ же маршировать въ другое мѣсто, гдѣ, по теперешнему положенію земли, удобнѣе и безубыточнѣе было прокормить войски. Впрочемъ, я есмь всегда съ почтеніемъ и проч.

Рукою Гр. Панина приписано: Р. С. Рекомендую, имѣющуюся при васъ денежную наличную сумму привезти ко мнѣ въ Симбирскъ.

5) Письма Лейбъ-Гвардіи Поручика Державина Полковнику Бошняку.

А.—Изъ Саратова, отъ 30 Іюля 1774 года.

Высокоблагородному и Высокопочтенному Г. города Саратова Коменданту и правящему въ ономъ городѣ Воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вамъ Его Превосходительство Г. Астраханскій Губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь Вашему Высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ Его Высокопревосходительства покойнаго Г. Генералъ-Аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія по секретной комисіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16 числа пріѣхалъ я въ Саратовъ, и требовалъ, чтобъ въ семь городѣ была отъ оного злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24 числа, при общемъ собраніи нашемъ въ Конторѣ Опекунства Иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ, найденномъ за способное Его Высокоблагородіемъ Г. Статскимъ Совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, яко служащимъ Штабъ-офицеромъ въ Инженерномъ Корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значить, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже Главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30 числа прибывъ я паки въ Саратовъ, не только по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не приято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего Конторѣ Опекунства Иностранныхъ 29 числа вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились и ретраншаментъ, проектированный Его Высокоблагородіемъ Статскимъ Совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропуская столь долгое время, не зная совсемъ правилъ Военной Архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3.000 регулярнаго войска и великою артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы, яко Комендантъ города, и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ Гг. Штабъ и Оберъ-офицеровъ, находившихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что Комендантъ въѣрнной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ, тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленною и довольною людьми и потребностями къ защищенію оной; а ежели всего оного не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ Военной Архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретранша-

ментѣ, а съ прочими силами идти навстрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя навстрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная Инженернаго искусства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, а утвари оныхъ церквей въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можете. На сіе на все прошу Ваше Высокоблагородіе скорѣе мнѣ дать отвѣтъ, для донесенія Его Превосходительству, Г. Генералъ-Маіору и Кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику Высочайшей Ея Величества власти, присланному мнѣ по комисіи бунтовщика Пугачева Именнымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ повелѣніемъ. Мы же, находящіеся здѣсь Штабъ и Оберъ-офицеры, пріемиемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, пмѣнуемой вами крѣпостію Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать намъ вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ мнѣ же всему вами собранному народу дѣлать проектированное Г. Статскимъ Совѣтникомъ Лодыженскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились.

Б.—Изъ Саратова, отъ 3 Августа 1774 года.

Г. Полковнику и Саратовскому Коменданту, Лейбъ-Гвардіи отъ Поручика и Коммисіонера Державина *Сообщеніе*.—Сего Августа 3 Сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру Его Превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе Вашему Высокоблагородію сказать имѣю, что Его Превосходительство Г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему Его Высокопревосходительство покойный Г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что вслѣдствіе Именнаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, я посланъ въ сію область, и предписано ему было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомошествовать. Но какъ Его Превосходительству о существованіи всей моей комисіи и ея потребностяхъ знать не дано, по рѣшкѣ Иргизъ не есть единственныи мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность Его Превосходительства въ Саратовѣ отъ Конторы Опекунства Иностранныхъ команду, то апробовано отъ высшихъ моихъ Начальниковъ, мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, Его Превосходительству поднести можете.

III. Сказанія современниковъ.

1) Осада Оренбурга (Дѣтопись Рычкова).

Часть I.—Въ которой краткое извѣстіе о началѣ Яицкихъ казаковъ, о ихъ умноженіи, раздорахъ и смятеніяхъ, между коихъ вкрася и присталъ къ нимъ самозванецъ Пугачевъ, произвелъ бунтъ и весь свои злодѣяства.

1) Что войско Яицкое начало свое имѣть отъ небольшой артели бѣлыхъ Донскихъ казаковъ, устремившихся къ Каспійскому морю един-

ственно для разбоевъ и грабежей, тогда какъ еще около сихъ мѣстъ кочевали Татары такъ называемой Золотой Орды (то есть въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія), и что она разбойничья артель умножилась отсюда жъ и изъ великороссійскихъ мѣстъ бѣглыми людьми объ ономъ показано уже въ описаніи Оренбургской губерніи *).

2) Теченіе рѣки Яика, впадающей въ Каспійское море, отдѣльное отъ внутреннихъ Россійскихъ городовъ не малымъ степнымъ и пустымъ разстояніемъ; лѣсныя мѣста, по Яику тогда бывшія, и положеніе ихъ казачьихъ разныхъ станицъ и усадьбъ послѣ того, какъ они помянутую Орду изъ сихъ мѣстъ вытѣснили къ таковымъ бѣглымъ людей сборищамъ къ промысламъ, особливо жъ къ укрывательству отъ бывшихъ надъ ними поисковъ и поимки ихъ всегда и столь было имъ способно, что въ послѣдующія времена скопище сихъ бѣглецовъ до такого усильства и своевольства дошло, что наконецъ уменьшенію и пониженію ихъ причину было не что больше, какъ ихъ же собственные раздоры и междоусобія, о чемъ ниже сего значится.

3) Исторія народовъ многіе примѣры представляеть и даетъ намъ знать, что отъ слабостей и невѣжества начальниковъ происходятъ часто неустойчивость, смятенія и гибель не только такихъ малыхъ обществъ, каково было и нынѣ еще есть Яицкое, но и большихъ городовъ, а иногда и дѣльных областей; слабости, раздоры и междоусобія старшинъ, сколько извѣстно мнѣ по ихъ прежнимъ дѣламъ, издавна уже были, и я довольно еще помню прѣздъ въ городъ Самару Яицкаго Войсковаго Атамана Григорія Меркурьева и тамошняго жъ Войсковаго Старшины Ивана Логинова, бывшія при самомъ началѣ Оренбургской экспедиціи. Сіи оба, имѣя такъ какъ врожденную и непримиримую злобу, во всю свою жизнь одинъ на другаго въ доносительствахъ упражнялись; а отъ того и въ войскѣ Яицкомъ произошли двѣ изысканныя партіи, да и назывались одна Атаманскою, а другая Логиновою. Я довольно еще помню, какъ жизнь и дѣла, такъ и кончину обоихъ помянутыхъ Старшинъ; но въ подробности входить здѣсь нѣтъ потребности: довольно сего, когда сказано будетъ, что сіи партіи или раздоры, а особливо сторона Логинова, время отъ времени умножались, Оренбургскимъ главнымъ Командирамъ доносами своими, а между тѣмъ часто и ослупостями въ ихъ нарядлахъ и распорядкахъ причиняли великія затрудненія, отъ чего и принуждены они были разныя представленія посылать Государственной Военной Коллегіи; но по справедливости надлежитъ здѣсь сказать, что Атаманская сторона всегда была послушнѣе и справедливѣе.

4) По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по доносамъ съ Логиновой стороны на Войсковаго жъ Атамана Андрея Бородина, въ разныхъ съ народомъ учиненныхъ сборахъ и въ удержаніи якобы за собой многихъ войсковыхъ денегъ, а притомъ и въ причиненіи обидъ, указомъ вышереченной Коллегіи велѣно въ самомъ ихъ городѣ (называемомъ Яицкімъ городкомъ) быть Слѣдственной комисіи, въ которой опредѣлены были сначала Штабъ-офицеры, а потомъ уже и Генералъ-Маіоры: Потаповъ, Череповъ, Брахвельдъ и Давыдовъ, изъ-за чего къ лучшему успокоенію обѣихъ оныхъ

сторонъ, Атаманъ Бородинъ по просьбѣ его хся и отставленъ, на его жъ мѣсто въ бытность тутъ Гвардія Капитана Чебышева всѣмъ войскомъ выбранъ и Высочайшимъ указомъ подтвержденъ былъ изъ тамошнихъ же Старшинъ Петръ Тамбовцевъ; но и тѣмъ безпокойства и своевольства ихъ еще не прекратились.

5) 1772 года Января 12 дня, собравшись они большимъ скопомъ, въ такое пришли остервенѣніе, что находившагося тогда въ городѣ ихъ, для окончанія вышеозначенныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, Генералъ-Маіора Траубенберга и съ нимъ помянутаго и своего ихъ Атамана Тамбовцева, Войсковаго Дѣла и старшину Матвея Суетина и нѣсколькихъ Оберъ-офицеровъ и солдатъ убили до смерти, а Гвардія Капитана Дурова, у того жъ слѣдствія обще съ Генералъ-Маіоромъ Траубенбергомъ бывшего, тяжело изранили; не пристававшихъ же къ совѣщаніямъ ихъ Старшинъ, посади подъ крѣпкіе караулы, содержали; а для управленія народомъ сами собой учредили свое правленіе, выбрать къ тому, подъ именемъ повѣренныхъ, такихъ людей, которые принуждены были все то дѣлать, что начальникамъ оныхъ злодѣйствъ было надобно, причѣмъ больше другихъ предводительствовалъ Яицкіи же казакъ Кирпичниковъ.

6) По первымъ рапортамъ о семъ ихъ злодѣйствѣ, въ томъ же 1772 году въ Мартѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ изъ Москвы, для усмирения ихъ, Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, на почтѣ, Великолукскаго пѣхотнаго полка съ одною гренадерскою ротой, а за нимъ отправлена была довольноя артиллерія съ принадлежащими къ ней артиллерійскими служителями. Сей искусный и попечительный Генералъ, съ придачею ему въ Оренбургѣ двухъ легкихъ командъ и еще нѣсколькихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, по слитіи водѣ, отправленъ былъ сперва къ Илецкому городку, гдѣ онъ, остановясь на нѣсколько времени, все распорядилъ такъ, какъ бы ему лучше и безопаснѣе къ Яицкому городку подступитъ и опытъ овладѣть, ежели бѣ злодѣи отважились ему воспротивиться; но они, не допусая его туда верстъ за семьдесятъ, сами съ пушками выбѣжали ему навстрѣчу тысячахъ въ трехъ людства, а тѣмъ и открыли уже они явно намѣреніе свое къ бунту.

7) Іюля 3 и 4 дня покушались они нападеніями своими остановить корпусъ сего Генерала и не допустить къ своему городу; но онъ, не взирая на ихъ набѣги и пушечную пальбу, вскорѣ ихъ отдалилъ и своими пушками очистилъ себѣ путь такъ, что по слѣдамъ ихъ пришелъ къ городу. Они, ворвавшись въ него, напередъ умыслили было съ женами и дѣтьми выбираться изъ него вонъ: да и перебрались было уже почти всѣ черезъ рѣку Чаганъ, въ намѣреніи, чтобы пробраться ямъ къ Каспійскому морю, и овладѣвъ въ тамошней сторонѣ извѣстнымъ Персидскимъ городомъ Астрабадомъ, засѣсть и обеслѣдиться въ немъ; но Г. Фрейманъ, благоразумными своими распоряженіями и увѣщаніями остановилъ ихъ всѣхъ за рѣкою Чаганомъ, паки въ городъ обратилъ; а за удавшими злодѣями послалъ партіи, отъ которыхъ хотя и не мало ихъ переловлено и по слѣдствію, для чего въ Оренбургѣ была особая Комисія (въ коей предсѣданіе имѣлъ Г. Полковникъ Нероновъ), зачинщикамъ и главнымъ злодѣямъ учинено въ Яицкомъ ихъ городкѣ публичное наказаніе кнутомъ и постановленіе зло-

*) Въ Топографіи Оренбургской, часть 2, страница 62 и слѣдующая.

дѣйскихъ знаковъ; а другимъ, не столь тяжко выпнымъ, плетымъ, изъ коихъ первые посланы въ отдаленные Сибирскіе города, а послѣдніе для опредѣленія въ солдаты отправлены во вторую армію. Но со всѣмъ тѣмъ осталось еще тогда жъ изъ опытныхъ злодѣевъ нѣсколько непереловленныхъ и укрывавшихся въ разныхъ мѣстахъ; да изъ тѣхъ, кои посланы въ армію, какъ слышно было, нѣкоторые бѣжали съ дороги. Я не внесъ здѣсь многихъ околичностей и случаевъ, съ которыми сопряжены были своевольства и безпутства опытныхъ злодѣевъ, да и сіе краткое объ опытныхъ Яицкихъ замѣшательствахъ вмѣстилъ здѣсь для того токмо, что отсюда, какъ изъ жерла или горловины, произошли скоро такіа великія злодѣйства, которыя не только городъ Оренбургъ немало колебали, но и даже онаго произвели великія бѣдствія, какъ то ниже сего означится.

8) Извѣстно уже, что по кончинѣ Государя Императора Петра III, случившейся Іюля 6 дня 1762 года, *) въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи подъ его именемъ самозванцы находились, изъ которыхъ пойманнымъ съ ихъ сообщниками по законамъ достойное наказаніе учинено. Изъ таковыхъ возмутителей одинъ, подъ именемъ раскольника, содержавшійся въ Казани бѣглый Донской казакъ, Емельянъ Ивановичъ сынъ Пугачевъ, **) нашелъ способъ къ уходу своему изъ-подъ караула и съ имѣвшимися при немъ караульнымъ солдатомъ, да и удалось ему пробраться къ рѣкѣ Иргизу, которая выпадаетъ противъ села Малыковки въ Волгу, вершины жъ свои имѣетъ она въ предѣлахъ Яицкихъ казаковъ. Сія рѣка издавна ужъ славится уходомъ и укрывательствомъ по ней бѣглыхъ людей, а особливо раскольниковъ, да и поселено уже по ней нѣсколько слободъ вышедшихъ изъ Польши раскольниковъ, по состоявшемуся въ 1762 году указу.

9) Слышно было, что Казанскій Губернаторъ Г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ Яковъ Маріоповичъ Брантъ о побѣгѣ означеннаго немаловажнаго колодника Пугачева куда надлежало писалъ, да и поискъ съ своей стороны производилъ; но чтобъ о семъ сообщено отъ него было Г. Оренбургскому Губернатору, того здѣшней стороной въ экстрактѣ ***) изъ дѣлъ объ онемъ Пугачевѣ,

*) О сей кончинѣ Императора Петра III напечатанный и всенародно публикованный Манифестъ 7 числа Іюля 1762 года.

**) О родинѣ и о разныхъ приключеніяхъ сего бродяги, сколько возможно было собрать, сочиняется особое извѣстіе.

***) Къ сочиненію сего описанія употреблены мною три слѣдующія: 1) помянутый экстрактъ, при Канцеляріи Г. Губернатора содержанный, съ коего по дозволенію Его Превосходительства списалъ я себѣ копію; а какъ онъ вѣденъ по числамъ, то я въ послѣдствіи сего и буду называть его журналомъ Губернской Канцеляріи. 2) Записки, по время злодѣйской осады содержаннымъ, къ чему служили очевидныя примѣчанія, городскія обстоятельства и разныя частныя извѣстія. 3) Походный журналъ Г-на Генералъ-Маіора и Кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, съ котораго я у себя копію жъ; но сей по порядку его выходящій быть имѣетъ подъ чертою въ концѣ сего года и въ будущемъ 1774 году. Я, какъ самовидецъ и слышатель многого, оные три источника въ послѣдствіи сего описанія буду, по приличности случаевъ, соединять и, сколько возможно будетъ, приводить ихъ въ одно теченіе, дабы чрезъ то сдѣлать его полнѣйшимъ и обстоятельнѣйшимъ.

происходившихъ въ Оренбургѣ, не значится; а начинается онъ тѣмъ, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи, отъ 14 Августа 1772 года, повелѣно ему, Г. Губернатору, онаго Пугачева, бѣжавшаго изъ-подъ караула въ Казани, обще съ бывшимъ при немъ на часахъ солдатомъ, въ селеніяхъ Оренбургской губерніи, а особливо въ жилищахъ войска Яицкаго, чрезъ надежныхъ людей разнымъ секретнымъ образомъ сыскивать, и какъ скоро они сысканы и пойманы будутъ, то, заковавъ ихъ въ крѣпкія кандалы, за особливимъ конвоемъ отправить въ Казань къ помянутому Г. тамошнему Губернатору; по въ самое-де почти то время, какъ о сыскѣ его Пугачева, куда надлежало, публикація учинена, то есть 15 числа Сентября 1773 года, находящійся на Яикѣ въ комендантской должности Подполковникъ Симоновъ увѣдомленъ тамошнихъ казаковъ отъ отставнаго Сотника Лишнина, и рапортовалъ, что помянутый самозванецъ Пугачевъ шатается по стена на дорогѣ, лежащей отъ Яицкаго городка къ Сызрани, отъ Яицкаго городка верстахъ во стѣ, къ которому-де онъ Лишнинъ назадъ тому недѣлю съ двѣ при умѣтѣ, называемомъ Таловскія Вильни, събѣжавшихъ, разговаривалъ и по возвращеніи въ городокъ многимъ людямъ сказывалъ, а черезъ то въ жилищахъ Яицкаго городка и навелъ онъ сомнѣніе *).

10) По разнымъ частнымъ извѣстіямъ, яко бы онъ Пугачевъ еще въ то самое время, когда по Высочайшей комfirmации, за убійство Генералъ-Маіора Траубенберга и за предписанныя злодѣйства, зачипщикамъ чипено наказаніе, былъ на Яикѣ и шатался между дворовъ въ крайней бѣдности, а наконецъ жилъ онъ въ работникахъ на хуторахъ тамошняго казака Данилы Шолудякова, чрезъ котораго, пріобщая къ намѣренію своему зломысленныхъ казаковъ, началъ съ ними совѣтовать о новомъ возмущеніи; вначалѣ съ казацкой стороны, какъ сказывали представлено было первое ихъ намѣреніе о побѣгѣ къ Каспійскому морю, чтобы тамъ имъ угнѣздиться и сдѣлать себя независимыми; но Пугачевъ весьма хитро и коварно внушалъ имъ о себѣ, что онъ есть Императоръ Петръ III, спасся отъ погибели своей уходомъ, и былъ между тѣмъ въ разныхъ Государствахъ, склоняя, чтобы они, признавъ его за законнаго своего Государя, къ доступленію на престолъ ему помогали; а онъ будетъ ихъ предводителемъ и въ свое время наградитъ ихъ многими милостями, и проч., въ чемъ ихъ на томъ же Шолудякова хуторѣ въ Августѣ мѣсяцѣ и утвердилъ, да и набралъ онъ тамъ во время сѣнокосное въ сообщество свое Яицкихъ казаковъ и разнаго сброда до трехъ сотъ человѣкъ, съ которыми началъ приближаться къ Яицкому городку.

11) Въ помянутомъ городкѣ отъ самаго того времени, какъ отлучился оттолъ въ Москву выше-

*) Г. Подполковникъ и бывшій Яицкій Войсковой Атаманъ Бородинъ находился во время осады въ Оренбургѣ, словесно объявляя, что отъ посползованныхъ Яицкихъ казаковъ на первый случай посланъ былъ къ нему пѣзъ тамошнихъ же казаковъ, по прозванію (Чика) именовавшійся (о коемъ ниже значится, что называли его наконецъ Графомъ Чернышевымъ) въ сени челоѣкахъ, который-де нашедъ его Пугачева на Иргизѣ, провелъ на хуторъ казака Шолудякова, а отъ Яицкаго городка на низъ по рѣкѣ верстахъ въ 80, гдѣ и начались у нихъ злодѣйскія совѣщанія къ бунту.

означенный Генералъ-Маюръ Фрейманъ, находился Командиромъ Подполковникъ Симоновъ съ двумя легкими полевыми командами, при немъ же было нѣсколько и Оренбургскихъ казаковъ, и войско Яицкое управляемо было отъ него Симонова подъ именемъ Яицкой Комендантской Канцеляріи въ которой и изъ Войсковыхъ Старшинъ обще съ нимъ Симоновымъ присутствовали войсковой Старшина Мартемьянъ Бородинъ, да простой тамошній же Старшина Мостовщиковъ.

12) Въ экстрактѣ Г. Оренбургскаго Губернатора кратко жъ означено, что по предписанію его для сыска оного Пугачева отправлены были отъ Подполковника Симонова въ разные мѣста пристойныя команды, только ими нигдѣ оный Пугачевъ не найденъ; а чрезъ нѣкоторое-де время, то есть 18 Сентября, оказался онъ Пугачевъ съ пристаившими къ нему изъ бѣглыхъ мятежниковъ и съ набранными на хуторахъ и на ближнихъ форпостахъ людьми, болѣе нежели въ трехъ стахъ человѣкахъ, въ близости Яицкаго городка, котораго усмотря тутешніе казаки мятежнической стороны, всѣ почти пришли въ колебаніе и начали въ толпу его злодѣйскую партіями приставать, потому наипаче, что онъ отважился назвать себя ложно покойнымъ Государемъ Императоромъ Петромъ III; однако-де онъ Пугачевъ съ воровскою его партіею добрымъ распоряженіемъ Симонова не только въ городокъ не допущенъ, но и прогнанъ; а разсыпавшись-де по степи, пошелъ онъ далѣе по верхнимъ Яицкимъ форпостамъ и забиралъ въ оныхъ людей и пушки, при чемъ-де изъ непроставившихъ къ нему вѣрныхъ Старшинъ и казаковъ переловлено и повѣшено отъ него двѣнадцать человѣкъ; а между тѣмъ отправилъ онъ Пугачевъ отъ себя листъ и къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-Хану, объявляя ему себя Императоромъ Петромъ III, и требуя отъ него, чтобъ онъ прислалъ къ нему своего сына и сто Киргизовъ; но тотъ его Пугачева возмутительный листъ перехваченъ на форпостахъ, а къ Хану-де писано съ довольнымъ увѣреніемъ, что онъ Пугачевъ бѣглый Донской казакъ и злодѣй, и чтобъ ему Пугачеву ни въ чемъ не вѣрять; ко учиненію же-де за нимъ Пугачевымъ поиска состоящими тамъ воинскими командами помянутый Подполковникъ Симоновъ призналъ неудобность, потому-де, что принуждено оными командами оказавшихся въ колебаніи казаковъ удерживать, да и, сверхъ того, для защищенія Яицкаго городка требовано изъ Ставрополя крещеныхъ Калмыковъ до пяти сотъ человѣкъ, о чемъ-де, по рапорту его Симонова, и отъ Г. Губернатора туда подтверждено: которые хотя туда и командированы были, но изъ нихъ-де 316 человѣкъ съ дороги въ дома свои убѣжали. А отъ 22 числа и полученъ былъ рапортъ Нижней Яицкой дистанціи отъ Коменданта Подполковника Елагина, по рапорту Разсыпной крѣпости отъ Коменданта жъ Майора Веловскаго, что оный злодѣй, умножа свою партію до тысячи человѣкъ, приступилъ къ Яицкому городку *) и разными угрозами требовалъ сдачи, чрезъ что возмута тамошнихъ каза-

ковъ, преклонилъ ихъ къ себѣ, которые Атамана своего Портнова связавъ ему отдал, и онъ его тутъ же повѣсилъ, а самъ, усилясь съ казаками, отъ сего мѣста вознамѣрился итти къ Оренбургу.

13) Вышеописанныя въ экстрактѣ Г. Губернатора вмѣщенные обстоятельства объясняются нѣсколько записками моими, учиненными съ словеснаго объявленія шестой легкой полевой команды Г. Подполковника Наумова, въ то жъ самое время въ Яицкомъ городкѣ при командѣ бывшаго. По его сказанію, Подполковникъ Симоновъ, увѣдомясь о сборищахъ Пугачева, въ тѣ мѣста, гдѣ онъ находился, хотя и посылалъ не одинъ разъ команды, по согласники его, находившіеся въ Яицкомъ городкѣ, узнавая о томъ всегда напередъ, увѣдомляли его о тѣхъ посылкахъ, а потому онъ къ уходу съ оныхъ мѣстъ и къ укрытельству своему и находилъ время и способы; а какъ онъ съ толпою своею, въ трехъ стахъ человѣкахъ состоящую, 18 числа Сентября приближился къ Яицкому городку, то Подполковникъ Симоновъ, для разбитія и поймки его, командировалъ помянутаго Наумова, бывшего тогда Премьеръ-Маюромъ, съ тремя ротами изъ легкой полевой команды, придавъ еще нѣсколько Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ. Наумовъ какъ скоро приближился къ толпѣ самозванцевой, то выѣхало изъ оной нѣсколько человѣкъ подъ видомъ переговоровъ, изъ коихъ одинъ на головѣ своей держалъ бумагу, сказывая, яко бы то грамота отъ Государя Петра Федоровича, которую-де велѣно ему отдать Яицкаго войска Старшинѣ Акутину; но Подполковникъ Наумовъ, отнявъ ту бумагу, удержалъ у себя; а потомъ отъ Симонова отправлена она при рапортѣ и къ Губернатору.

14) Послѣ сего оные отъ злодѣя Пугачева напередъ высланные требовали для переговоровъ съ ними хорошихъ людей, и какъ нѣсколько человѣкъ было къ нимъ выслано, и вступили они въ разговоръ, то между ними бывшіе зломысленные казаки у тѣхъ, кто имъ былъ надобенъ, подхвата за узды лошадей, погнали ихъ къ самозванцу, а онъ приказалъ всѣхъ на другой день, то есть 19 числа Сентября, перевѣшать; *) а затѣмъ съ воровскимъ своимъ собраніемъ подошелъ къ городу, остановился онъ между рѣками Яикомъ и Чаганомъ. Симоновъ, подступилъ со всею своею командою (кои сборища Пугачева людствомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей весьма превосходили), хотя и учинилъ въ тотъ злодѣйскій скопъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но никакого вреда причинить не могъ, яко бы потому, что всѣ они вѣдали врознь, приближаясь къ рѣкамъ, иногда къ Яику, а иногда къ Чагану, ибо-де конныхъ людей у него Симонова не было, а Яицкихъ казаковъ, по тогдашней на нихъ безпачужности, къ разбитію оныхъ злодѣевъ употребить было сомнительно, тѣмъ наипаче, что намѣреніе злодѣйское въ томъ болѣе и состояло, дабы ворвавшись въ городъ, все войско Яицкое возмутить и, преклоня ихъ въ свое согласіе, онымъ усилиться.

*) Сія несчастливые и отъ злодѣя Пугачева прежде другихъ повѣшенные люди были изъ Сотниковъ: Яковъ Витишновъ, Петръ Чертороговъ, Федоръ Равневъ, Иванъ Коваловъ, да изъ пятидесятниковъ: Иванъ Ружениковъ, Яковъ Толстовъ. Козма Подъячевъ, Иванъ Колпаковъ; рядовые казаки: Василій Сидоровкинъ, Иванъ Ларяновъ, Петръ Чукалинъ; сверхъ сихъ. будучи уже оный злодѣй ниже Яицкаго городка, въ хуторахъ Свистинныхъ повѣсилъ казака Андрея Скворкина.

*) Плецкій казачій городокъ и станица (а не Защита Илецкая, гдѣ соль добываютъ) разстояніемъ отъ Яицкаго казачьяго городка 145, а отъ Оренбурга 124 версты; казаковъ въ тамошней станицѣ счислялось болѣе 400 человѣкъ. Она всѣ при началѣ Оренбургской экспедиціи набраны и въ казаки опредѣлены изъ разныхъ людей, а потому, въ бытность Командиромъ Г. Тайнаго Совѣтника Татищева, приобщены они къ корпусу Яицкаго Войска.

15) Пугачевъ, усмотря, что ему въ Яицкой городокъ ворваться и, при находящейся тутъ воинской командѣ многого числа изъ тамошнихъ казаковъ склонить не можно, на другой день, то есть 19 числа, повѣся вышеозначенныхъ захваченныхъ къ нему людей, пошелъ по прямой дорогѣ къ Илецкому городку, и идучи туда, забиралъ съ собою находившихся по форпостамъ Яицкихъ казаковъ, да и цушки съ снарядами, гдѣ ихъ находилъ, съ собою жъ бралъ; а какъ приближился онъ къ Илецкому городку, то тамошніе Старшины и казаки сдѣлали ему встрѣчу и отдались въ его власть безъ всякаго сопротивленія; вступя въ городокъ, спрашивалъ ихъ: довольны ли они своимъ Атаманомъ и нѣтъ ли отъ него обидъ; а какъ онъ былъ человекъ хорошій и порядочный и не дѣлалъ имъ въ худыхъ дѣлахъ потачки, то приносили они на него разные жалобы, почему онъ и приказалъ его тутъ же повѣсить, *) а черезъ то угода имъ и приведши ихъ всѣхъ въ свое согласіе, велѣлъ имъ себѣ, такъ какъ Государю, присягать, и тѣмъ онъ успилъ себя дѣлать сотъ до семи человекъ, или и болѣе, тутъ же и цушекъ съ потребными къ нимъ снарядами и порохомъ прибавилъ себѣ не мало. — Теперь внесу я дѣлать нѣсколько изъ экстракта или журнала, содержаннаго при Канцеляріи Г. Губернатора изъ происходившихъ въ той Канцеляріи письменныхъ дѣлъ; а потомъ вмѣстѣ и приватныя извѣстія, въ тѣ жъ самыя числа въ Оренбургѣ бывшія, и такъ одно другому будетъ служить дополненіемъ и изъясненіемъ.

16) Какъ скоро въ вышеозначенномъ приключеніи Г. Генераль-Поручикъ, Губернаторъ и Кавалеръ извѣстили, тотчасъ не преминулъ онъ отправить изъ Оренбурга къ Яицкому городку съ Бригадиромъ Барономъ Биловымъ корпусъ военныхъ людей, состоящій въ числѣ 410 человекъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей и 6 орудій артиллеріи, давъ ему Билому открытый отъ себя ордеръ, чтобъ онъ, идучи туда, въ подкрѣпленіе одной команды въ каждой крѣпости отъ Комендантовъ требовалъ и забиралъ съ собою людей, сколько онъ заблагоразсудитъ. Ему предписано было, чтобъ онъ старался ту злодѣйскую толпу всемѣрно догнать, разбить и злодѣевъ переловить, а особенно упомянутаго Пугачева, обѣщая въ награжденіе, что его живаго поймаетъ, отъ казны 500, а за мертвца 250 руб. Подполковнику Симонову предложено было, дабы онъ изъ находящейся въ Яицкомъ городкѣ командировалъ легкой полевой команды Маіора Наумова съ пристойнымъ числомъ изъ обѣихъ тамошнихъ легкихъ командъ и изъ Оренбургскихъ казаковъ, для преслѣдованія упомянутаго Пугачева къ Илецкому городку съ равномѣрнымъ предписаніемъ, какое Бригадиру было жъ дано; а сверхъ того, онъ же Губернаторъ къ тому жъ командировалъ и употребилъ разсудилъ изъ Ставрополя при 500 человекѣхъ Калмыковъ изъ ближайшихъ жилищъ, Башкирцевъ столько жъ, да изъ Сеитовскихъ Татаръ 300 чел.

17) 23 числа Нижне-Озерной крѣпости Комендантъ Маіоръ Харловъ къ Бригадиру Билому рапортовалъ, что Разсыпная крѣпость, въ коей была одна только гарнизонная рота и 50 человекъ казаковъ, онымъ злодѣемъ Пугачевымъ

взятъ и тамошній Комендантъ Маіоръ Веловскій съ женою его повѣшены; а притомъ и посланная къ нему Веловскому отъ Харлова пѣхота и сто человекъ казаковъ въ ту злодѣйскую толпу захвачены. А Бригадиръ Биловъ отъ 26 числа рапортовалъ, что онъ, слѣдуя съ тѣмъ вѣрнымъ ему корпусомъ изъ Татищевой въ Нижнюю Озерную крѣпость, былъ въ 18-ти верстахъ отъ Татищевой и извѣстился, яко бы упомянутый злодѣй слѣдуетъ къ Нижне-Озерной крѣпости уже въ трехъ тысячахъ; зачѣмъ и нашелъ онъ себя принужденнымъ возвратиться паки въ Татищеву крѣпость; къ нему отъ Г. Губернатора того жъ числа предложено, чтобъ онъ неотмѣнно и немедленно слѣдовалъ къ Озерной крѣпости и надъ злодѣями чинилъ поимку, а между тѣмъ вскорѣ и съ тою Озерною крѣпостью, съ Комендантомъ Харловымъ и съ тамошними офицерами злодѣи равнымъ образомъ поступили, какъ и въ упомянутой Разсыпной крѣпости; по симъ обстоятельствамъ посланъ былъ указъ Уфимскаго уѣзда Нагайской дороги въ ближайшія къ Оренбургу Башкирскія волости, чтобъ для поимки надъ показаннымъ злодѣемъ Пугачевымъ наряжено было Башкирцевъ съ ихъ Старшинами, съ исправными ружьями и на добрыхъ коняхъ, до тысячи человекъ, и отправить бы ихъ съ нарочно посланнымъ изъ Оренбурга старшиною и Почтѣ-Коммиссаромъ Мендеемъ Тулсеевымъ прямѣйшимъ трактомъ къ Илецкому городку, за что обѣщано имъ Башкирцамъ награжденіе. А между тѣмъ того жъ 26 числа отправлено было къ рѣченному Бригадиру Билому въ прибавокъ его корпуса Сеитовскихъ Татаръ съ ихъ старшиною 300 человекъ *).

18) Между тѣмъ рекомендовано было отъ Г. Губернатора Г-ну Оберъ-Коменданту Генераль-маіору Валленштерну по городу Оренбургу принять и продолжать крѣпкую предосторожность, а на непредвидимый случай сдѣлать распоряженіе, которому баталіону въ нужномъ случаѣ по учиненному сигналу собираться, а при томъ всемъ опущенную доселѣ Оренбургскую крѣпость стараться чрезъ Инженерную команду гарнизонными служителями привести въ надлежащее оборонительное состояніе; а о принятіи таковой же предосторожности и по всей здѣшней губерніи опубликовано; а къ Губернаторамъ Казанскому, Симбирскому и Астраханскому сообщено; въ Оренбургское жъ Горное Начальство о таковой же осторожности послѣ предложено, сперва отъ 19-го Октября, а потомъ 16 Ноября. Сверхъ всего того, по маломѣрности въ Оренбургѣ за разными отлучками гарнизона, посланъ ордеръ Верхней Озерной дистанціи къ Коменданту Бригадиру Корфу, чтобъ онъ командировалъ дистанцію своей съ пяти крѣпостей по 20, итого 100 человекъ; а Оберъ-Коменданту подтверждено, чтобъ изъ ближнихъ отлучекъ всѣхъ солдатъ немедленно собирать въ городъ.

19) 27 числа Сентября Чернорѣченской крѣпости комендантъ Маіоръ Краузе рапортовалъ, по полученному изъ Татищевой крѣпости извѣстію, что она крѣпость злодѣями атакована и происходитъ-де тамъ сраженіе, а дабы и та Чернорѣченская крѣпость несчастливому жребію подвержена не была, то посланнымъ отъ Г. Губернатора къ нему Краузу ордеромъ велѣно

*) Сказывали, что онъ Пугачевъ, повѣся сего Атамана, самое лучшее его платье взялъ себѣ и сталъ въ него одѣваться. А прежде никакой хорошей одежды у него не было.

*) Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ въ прибавокъ Бригады Билова команды, къ корпусу его Билова никто не дошелъ.

дабы онъ въ разсужденіи малоимѣнія воинскихъ людей и артиллеріи, если предусмотрѣть неминуемую опасность, со всѣми тамошними служащими и неслужащими людьми перешелъ по близости подъ защищеніе Оренбургской артиллеріи, что имъ Краузомъ и учинено. * А 28 числа получено извѣстіе, что и Татищева крѣпость злодѣйскою толпою взята и половина ея выжжена, а имѣвшійся въ оной Комендантъ Полковникъ Елагинъ съ женою и другіе офицеры, также и Бригадиръ Билловъ съ его офицерами, по причинѣ учиненной нѣкоторыми регулярными и нерегулярными людьми измѣны, по разбитіи караула перелѣзаны; а солдаты, по остріженіи у у нихъ волосовъ, въ ту злодѣйскую толпу захвачены и въ казацкую службу поверстаны, а также и съ казаками и съ Калмыками поступлено. Сеитовскіе жъ Татары (о коихъ выше сего въ п. 16 означено), не доходя еще до Бригадира Билова, услышавъ о разбитіи корпуса его, принуждены возвратиться и прибыть сюда въ городъ, а Башкирцы ни туда ни сюда не бывали.

20) Вышеозначенные 16, 17, 18 и 19 пункты внести я почти точно такъ, какъ они въ экстрактѣ, сочиняемомъ изъ дѣлъ, происходившихъ по Губернаторской Канцеляріи, находятся, а затѣмъ въ ономъ же экстрактѣ слѣдуетъ, какъ скоро увѣдомленность, что злодѣи Пугачевъ съ толпою его сюда приближается, то по сей причинѣ собраннымъ генералитетомъ и Штабъ-офицерами учиненъ общій совѣтъ, на коемъ положено: 1) Имѣющихъ въ Оренбургѣ Польскихъ конфедератовъ, примѣчая въ нихъ колеблемость и знаки злодѣйства, отобрать у нихъ ружья и всю аммуницію, отпавить за конвоемъ отъ мѣста до мѣста по линіи даже до Троицкой крѣпости. 2) Всѣ мосты чрезъ Сакмару рѣку, разломать, сжечь. 3) Здѣшнимъ разпочинаемъ расположиться, имѣющимъ ружье, около города по валу, а неимѣющимъ оного, для потушенія внезапнаго пожара, внутри города въ назначенныхъ мѣстахъ подъ предводительствомъ приставленныхъ къ нимъ разныхъ Присутственныхъ мѣстъ чиновъ. 4) Артиллерію, къ приведенію ея въ исправное состояніе, поручить въ полную диспозицію Губернаторскому товарищу, Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову. 5) Сеитовскихъ Татаръ всѣхъ взять сюда въ городъ подъ защищеніе.—На сіе положеніе Совѣта въ вышеозначенномъ журналѣ учинены примѣчанія, а именно: на 3-й пунктъ, въ слѣдствіе-де сего общаго Совѣта, вокругъ города по валу расположено регулярныхъ Алексѣевского полка 134, гарнизонныхъ съ чинами 848, при орудіяхъ артиллерійскихъ служителей 69, инженерныхъ 13, гарнизонныхъ служителей 466, къ нимъ по неспособности принуждено было присовокупить отставныхъ 41, неприверстныхъ рекрутъ 105, казаковъ 28; да по валу жъ прибывшихъ изъ Архангелогородской губерніи съ колодниками регулярныхъ 40, казаковъ 439, Сеитовскихъ Татаръ 350, отставныхъ солдатъ, купцовъ и другихъ разночинцевъ 455, итого всѣхъ 2988 человекъ.—На 4-й: по сему пункту вокругъ города по валу разставлено въ десяти бастіонахъ и въ двухъ полу-бастіонахъ, да во рву подъ стѣной и въ яру

*) Чернорѣченская крѣпость отъ Оренбурга разстояніемъ по прямой дорогѣ только 18 верстъ, а Татищевская по той же с той дорогѣ 64 версты.

противъ Губернаторскаго дома артиллеріи: пушекъ разныхъ казѣбровъ 68, мортира 1, гаубица 1, а всего 70 орудій.—На 5-й: изъ опыхъ-де Сеитовскихъ Татаръ со всѣми ихъ семействами прѣхало въ городъ небольшое количество; а прочіе-де, большаго частію не исполня сіе повелѣніе, остались въ своемъ жительство.

21) 30 числа, по извѣстію, что въ городѣ Оренбургѣ въ регулярныхъ и нерегулярныхъ людяхъ и между обывателями носится ложный слухъ, яко бы злодѣи Пугачевъ другаго состоянія, какъ онъ есть, то сверхъ прежняго публикованія всѣмъ воинскимъ служителямъ чрезъ Оберъ-Коменданта велѣно объявить, что онъ Пугачевъ въ самомъ дѣлѣ есть бѣглой Донской казакъ и раскольникъ, и при томъ подтвердить, дабы каждый во время наступленія его злодѣйской толпы старался присяжную свою должность доказать и съ мѣста своего до послѣдней капли крови не отступалъ, съ общапіемъ, ежели кто въ томъ храбростію себя отличитъ, высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, о чемъ и здѣшнимъ обывателямъ отъ Губернской Канцеляріи опубликовано жъ. Сего жъ 30 числа по присланному Озерной дистанціи отъ Коменданта Бригадира Корфа рапорту, о замѣшательствахъ состоявшихся въ его дистанціи на форпостахъ Калмыковъ и съ оной о самовольной ихъ отлучкѣ, посланнымъ къ нему Корфу ордеромъ предложено со всѣхъ форпостовъ людей и артиллерію взять въ крѣпость подъ такимъ претекстомъ, яко бы они потребны для защищенія оныхъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ; однакожъ обыкновенные развѣды производить; а имѣющимся тамъ конфедератамъ велѣно толковать, если они противъ непріятеля съ ревностію поступать будутъ и докажутъ свое усердіе къ вѣрности, то объ отпускѣ ихъ въ отечество отъ Генералъ-Поручика, Губернатора и Кавалера всеподданнѣйше представлено будетъ Ея Императорскому Величеству; имѣющейся же въ Пречистенской крѣпости всей оставшейся командѣ опредѣлено быть въ Оренбургѣ, съ такимъ предписаніемъ, если чего изъ казенныхъ припасовъ по тяжести съ собою взять будетъ не можно, въ такомъ случаѣ оныя скрыты въ землѣ, или гдѣ за способно признается; а Сакмарскіе казаки всѣ высланы по близости на Озерную дистанцію, вмѣсто жъ ихъ взяты сюда бывшіе на ординарной службѣ Калмыки.

22) Изъ частныхъ записокъ и извѣстій, въ пробавленіе къ послѣднимъ шести пунктамъ, не излишнее будетъ внести сіе, что о вышеписанныхъ происшествіяхъ между городскими жителями ничего почти не было извѣстно, но все оное содержано было скрытно, а пронесся слухъ 22 числа Сентября, то есть въ день Ея Императорскаго Величества рожденія, въ то самое время, когда у Г. Губернатора, по причинѣ сего высокоторжественнаго дня, былъ балъ и многочисленное обоимъ пола знатныхъ людей собраніе: ибо тотъ самый вечеръ прѣхалъ нарочный съ извѣстіемъ о завадѣніи часто упомянутымъ злодѣемъ Педкимъ городкомъ и о преклоненіи къ нему тамошнихъ казаковъ; между тѣмъ не только по сіе число, но и послѣ того нѣсколько дней, какъ прѣхалъ въ городъ съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ, такъ и выѣздъ изъ оного былъ еще свободенъ и безопасенъ, да и дѣла на все была обыкновенная, которая съ того времени начала подниматься, какъ злодѣи городъ уже осадили, прѣзды и выѣзды въ него заперли; но

извѣстїе стало о томъ становиться отъ выступления изъ города съ командою Бригадира Билова; но сіе въ городскихъ жителяхъ за неизвѣстіемъ немалое время сопряжено было съ надеждою о разбитіи оныхъ злодѣевъ, а потому въ сіе свободное время развѣ немногіе, и то очень мало, позаспались нужнѣйшимъ къ ихъ содержанію.

23) Злодѣи, прибывъ къ Татищевой крѣпости, на другой день устремились напасть на оную; имъ сдѣлавъ былъ такой отпоръ, что не возмогши оною овладѣть, отступили было назадъ; но усмотря между тѣмъ, что подлѣ самаго крѣпостнаго оплота навожено и лежало много стараго и поваго сѣна, подкрались въ ночное время, зажгли оное, а чрезъ то сдѣлавъ пожаръ, и во время народной тревоги ворвались въ крѣпость, учинили тутъ ужасное кровопролитіе, между которыми умертвили они упомянутого Бригадира Билова и Полковника Елагина съ женою его; а дочь онаго полковника, которая въ нынѣшнемъ году выдана была за вышеозначеннаго Маіора Харлова и для спасенія своего, оставя мужа своего въ Разсыпной крѣпости, прїѣхала къ отцу своему въ Татищеву крѣпость, самозванецъ Пугачевъ взялъ къ себѣ и съ братомъ ея, сыномъ Полковника Елагина, коему отъ роду считали не болѣе 10 лѣтъ... Команду жъ, бывшую тамъ вмѣсто гарнизона, и всю ту, которая находилась при бригадирѣ Биловѣ, захватя, принудилъ онъ злодѣи присягать себѣ; а казаки и жители тамошніе всѣ поддавались ему охотно. Здѣсь получилъ онъ Пугачевъ въ добычу свою немалое число полковой, кабацкихъ и солянскихъ сборовъ денежной казны, многое число военной амуниціи, провіанта, соли и вина, да и самую лучшую артиллерию, съ ея припасами и служителями; симъ столько уже усилился, что однихъ военныхъ людей регулярныхъ и нерегулярныхъ считалось у него около 3000 человекъ.

24) Послѣ того погрому продолжался онъ злодѣи съ сообщниками своими въ оной крѣпости дня съ четыре, пьянствуя и дѣля между сообщниковъ своихъ полученное имъ тутъ въ добычу, а потомъ со всею силою и съ артиллеріею поднимая они къ Оренбургу, будучи на половинѣ пути отъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпости, остановились они для обѣда на хуторѣ Статскаго Совѣтника Рычкова, гдѣ всю его крестьянскую скотину и живность перерѣзали, а лошадей и людей съ собою забрали, а потомъ и строеніе все выжгли. Въ Чернорѣчѣ ** Комендантъ находился Премьеръ-Маіоръ Краузе, человекъ престарѣлый, а регулярной команды, за взятіемъ съ собою Бригадиромъ Биловымъ, не было при немъ и 130 че-

ловѣкъ, въ томъ числѣ находились больные и къ службѣ неспособные. А крѣпость въ такомъ худомъ состояніи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и оплоту не было; сему Коменданту отъ Губернатора данъ былъ ордеръ, чтобъ онъ оттолъ со всѣми служилыми людьми изъ оной крѣпости въ Оренбургъ вышелъ, оставя въ ней однихъ престарѣлыхъ и невозможныхъ, что онъ въ самый тотъ день, какъ злодѣи сюда пришли, учинилъ; но изъ казаковъ весьма немногіе вышли съ нимъ согласились: большая часть осталась ихъ тамъ и злодѣю подчинилась. Здѣсь, будучи одинъ или два дня, приказалъ онъ злодѣи повѣсить Капитана Нечаева, захваченнаго имъ изъ оставшейся послѣ Бригадира Билова команды, за то, яко бы онъ намеревался къ побѣгу въ Оренбургъ, а другіе сказывали, что жаловался на него дворовый его дѣвка въ жестокомъ ея содержаніи. Признавали, что онъ отсюда пойдетъ прямо къ Оренбургу ближайшею дорогою; но онъ вознамѣрился пресѣчь напередъ отсюду съ симъ городомъ коммуникацію; вышедъ изъ Чернорѣчья и оставя Оренбургъ вправѣ, поворотилъ въ лѣвую сторону, разграбилъ имѣвшіеся тутъ хуторы, въ томъ числѣ и Губернаторскій *, прошелъ въ Сентопу Татарскую слободу **, которая называется и Каргаланскою и имѣющимся въ ней дворовымъ числомъ равняется съ Оренбургомъ. Татары тутошніе, опасаясь отъ него разоренія и гибели своей, всѣ ему подвергнулись. Оттолъ прошелъ онъ въ Сакимарскій городокъ *** который принадлежитъ къ корпусу Яндкаго войска; здѣшній Атаманъ Данила Дмитріевъ сынъ Донской, еще до приходу туда оныхъ злодѣевъ, съ домашними своими и съ многими изъ тамошнихъ казаковъ выѣхалъ въ Оренбургъ; оставшіеся жъ тамъ казаки всѣ приняли его злодѣйскую сторону и такимъ образомъ окружа онъ Оренбургъ, почти отсюду пресѣкъ коммуникацію, кромѣ одной Киргизъ-Кайсацкой степи, чрезъ которую и курьеровъ посылать было принуждено, да и то съ великою опасностію ****.

*) Сей хуторъ отъ Оренбурга 12 верстѣ, имѣлъ изрядно выстроенный домъ, а притомъ и церковь съ хорошими украшеніемъ. Злодѣи не только всѣ внутренніе сего дома уборы изогнали, но и церковь Божию разорили, такъ что послѣ у пойманныхъ видны были образа, писанные на холстѣ, подъ сѣдлами на потникахъ, а у Распятія Господня, которое надъ Царскими дверями стояло, усмотрѣнъ гвоздь въ уста пробитый.

**) До сей слободы отъ Оренбурга считается 18 верстѣ; изъ нея для службы при сихъ обстоятельствахъ самовольно выѣхало Татаръ до 300 человекъ; прочіе всѣ остались въ ней и принуждены были тому злодѣю покориться и исполнять все по его волѣ.

***) Сакимарскій городокъ отъ Оренбурга по Большой Московской дорогѣ въ 29 верстахъ; казаковъ въ немъ считается принадлежащихъ въ войску Яицкому до 250 человекъ.

****) Главное намереніе злодѣя, при семъ съ прямой дороги отступленіи, какъ видно, было то, чтобъ окруживши Оренбургъ, такимъ образомъ не пропускать ему въ городъ никакой ожидаемой туда помощи а притомъ пресѣчь и привозъ хлѣбный и харчовой, въ чемъ и успѣхъ они имѣли: ибо слѣдовавшихъ въ Оренбургъ изъ близкихъ жительство Башкирцевъ, болѣе 400 человекъ, перехвата у Сакимарскаго городка, къ себѣ идти принудили, и обольстя ихъ у себя, на предъ городу употребляли, а прочіихъ приготовившихся слѣдовать въ Оренбургъ такъ поколебали, что они, оставя тотъ свой походъ, разѣхались по домамъ. Равнообразно

*) Сію несчастливую молодую и, какъ слышно было, хорошаго вида женщину и съ братомъ ея захватя, держалъ онъ, злодѣи, при себѣ и ночевалъ съ нею всегда въ одной кибиткѣ; а потомъ, осердясь на нее по навѣтчанію его любимцевъ, отослалъ отъ себя въ Бердскую слободу, гдѣ наконецъ приказалъ ее убить и съ братомъ ея. Сказывали, что нѣкоторые тѣло ея видѣли въ кустарникъ брошенное въ такомъ положеніи, что малолѣтній ея братъ лежалъ у нея на рукахъ.

**) Сіа крѣпость отъ Оренбурга прямо по луговой дорогѣ только 18 верстѣ. Въ ней было наличнаго провіанта, по сказкѣ помянутого Маіора: муки болѣе 90, а овса до 500 четвертей. Сожалительно, что оный хлѣбъ и овесъ не перевезенъ въ Оренбургъ тогда, какъ злодѣи еще въ Татищевой крѣпости находились; но все оное досталось въ руки и пользу злодѣевъ.

25) При сихъ обстоятельствахъ, 28 числа Сентября, былъ консилиумъ въ домѣ Генералъ-Маіора и Оберъ-Коменданта Валленштерна; и о томъ одномъ, какимъ образомъ внутрь города при случаѣ злодѣйскаго нападенія и во время пожараго случая осторожность и отпоръ чинить. Надѣ артиллерію жъ команду имѣть Дѣйствительному (Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, потому что онъ прежде былъ Полковникомъ артиллеріи. Но объ укрѣпленіи города и о выѣзжихъ за онымъ распоряженіяхъ ничего еще разсуждено тогда не было. А какъ объ ономъ злодѣѣ между нѣкоторыхъ городскихъ жителей примѣнены были пустые толки и размышленія, то по сей причинѣ 30-го числа Сентября въ Соборной церкви псалмъ литургіи читана была отъ имени Губернской Канцеляріи публикація, а такал жъ, какъ выше означено, и въ городѣ по командамъ публикована; неразсмотрительно виѣдено было въ оную, яко бы самозванецъ Пугачевъ, по наказаніи кнотомъ, наказанъ еще и на лицѣ поставленіемъ злодѣйскихъ знаковъ; онъ, по увѣренію многихъ, видѣвшихъ его, тѣхъ знаковъ на лицѣ своемъ не имѣлъ: и такъ онъ, узнавъ онія публикаціи и получая ихъ въ свои руки, имѣлъ случай сообщникамъ своимъ, показывая лице свое, толковать, сколь злобно и напрасно на него затѣваютъ и клеветуютъ, а чрезъ то увѣряя о себѣ многихъ, и могъ онъ еще больше усиливать свою партію **.

учинили они и съ Ставропольскими крещеными Калмыками, посылавъ къ нимъ отъ себя нарочныхъ; но ежели бъ онъ злодѣѣ, не мѣшкая въ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостяхъ, прямо на Оренбургъ устремился, то бъ ему воротиться въ городъ никакой трудности не было; ибо городскіе валы и рвы въ такомъ состояніи были, что по многихъ мѣстахъ безъ всякаго затрудненія на лошадяхъ верхомъ выѣзжать было можно.

*) Отъ сего самого числа по всему городскому валу разставлены были находящіяся въ городѣ гарнизонные и другіе служилые люди, а къ нимъ въ прибавокъ употреблены еще и разночинцы, изъ купцовъ и другихъ чиновъ и слугъ, кони ружья, порохи и свинецъ розданы; а городскія ворота не только запирать, но и навозомъ заваливать стали: для чего у каждыхъ воротъ нарочно навозъ былъ заготовленъ; но сіе заваливаніе чрезъ нѣсколько времени отменено, ибо признано ненужнымъ и затруднительнымъ.

**) Для свѣдѣнія въ точномъ содержаніи оной публикаціи прилагается съ нею сія слѣдующая копія: «По указу Ея Императорскаго Величества, изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи публикація. Известно учинилось, что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслию нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, яко бы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть: но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый Донскій казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйства наказанъ кнотомъ съ постановленіемъ на лицѣ его знаковъ; но чтобы онъ въ томъ познанъ не былъ, для того предъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ, чему нѣкоторые изъ здѣшнихъ бывшихъ у него въ рукахъ самовидцы, изъ которыхъ одинъ солдатъ Демидъ Кузиковъ, вѣра выѣзжавшій, точно завидѣлствовать можетъ; а какъ онъ Пугачевъ съ измѣнническою его толпою, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложного разгласенія, всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ объявляется, что всякъ самъ изъ поступковъ его можетъ понять, что онъ Пугачевъ злодѣѣ и какъ изверженный отъ честнаго общества, старается върнопопдавшихъ

26) Злодѣѣ, перешедъ Сакмару рѣку чрезъ мостъ, имѣвшійся подъ Сакмарскимъ городкомъ, всѣмъ своимъ людомъ съ артиллеріею и со всѣмъ обозомъ Октября съ 1-го числа начали показываться на сей сторонѣ помянутой рѣки около Бердской слободы и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ 4 числа прибыла въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка часть шестой легкой полевой команды подъ предводительствомъ вышеозначеннаго Премьеръ-Маіора Наумова и съ нимъ тамошнихъ доброжелательныхъ Старшинъ и казаковъ 420 человекъ, у коихъ начальникомъ былъ войсковой ихъ Старшина Мартемьянъ Бородинъ, присутствовавшій въ тамошней Канцеляріи обще съ Подполковникомъ Симоповымъ. Сего жъ числа посланы въ злодѣйскій лагерь къ находящимся тамъ Яицкимъ и Илецкимъ казакамъ, за подписаніемъ Генералитета и знатнѣйшихъ Штабъ-офицеровъ, увѣщательныя письма съ подтвержденіемъ, чтобы они, не впадая себя болѣе въ обманъ и не ввергаясь въ вѣщную свою погибель, отъ онаго злодѣѣ отстали, и проч. **.

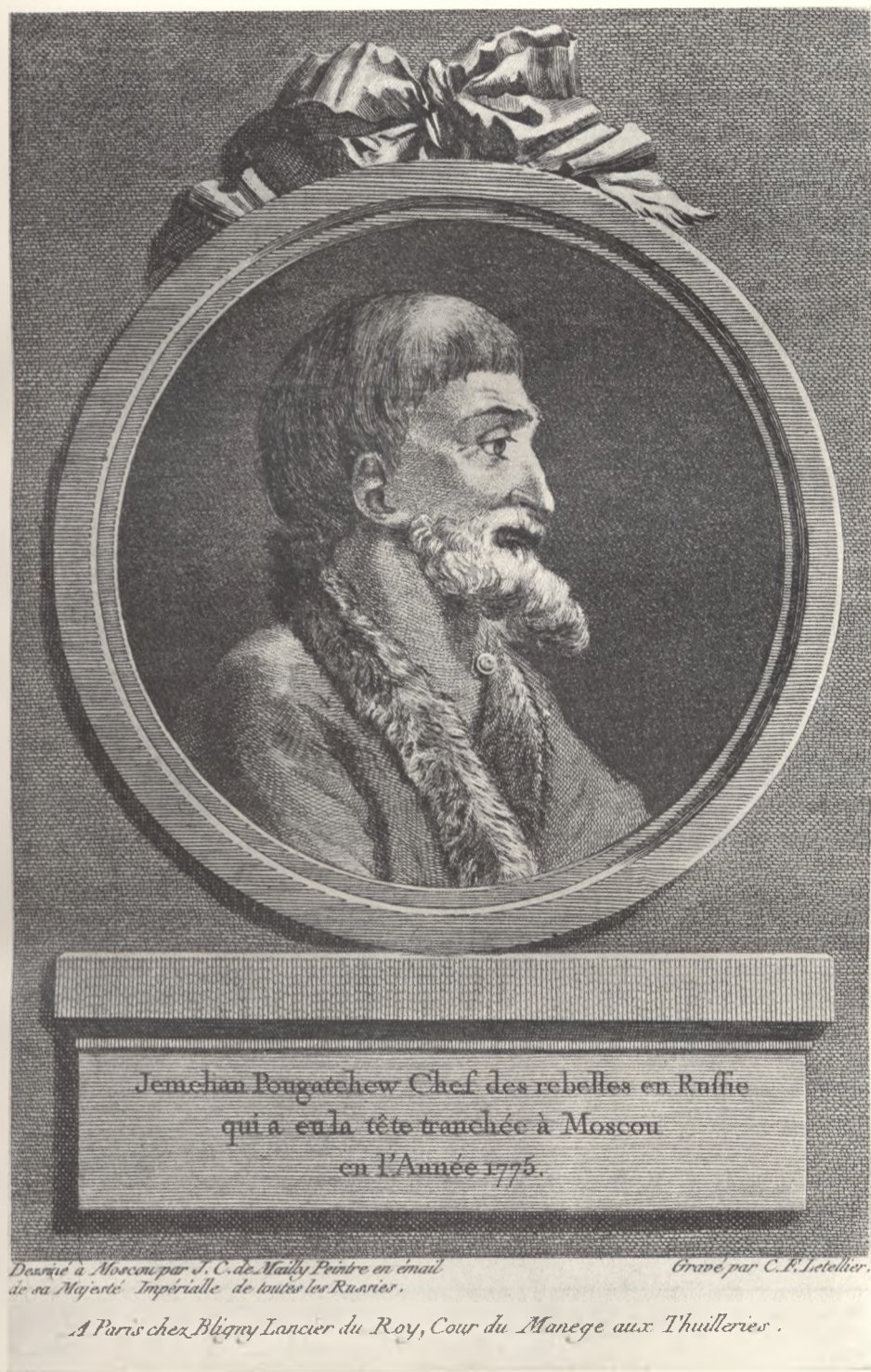
Ея Императорскаго Величества честныхъ рабовъ поколебать и свергнуть въ бездну погибели, а притомъ и вынудить ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего, всякій увѣщается, во время наступленія его съ измѣнническою толпою, стараться, для сохраненія общества, дому и жизни своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своея, такъ какъ вѣрнопопдавшимъ Ея Императорскаго Величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждого должность обязуетъ, и отнюдь никакимъ ложнымъ разгласеніемъ не вѣрять. Сентября 30 дня 1773 г.»

*) Нижю сего Сакмарскаго моста чрезъ Сакмару рѣку еще два моста были: одинъ около Бердской слободы по дорогѣ на Губернаторскій хуторъ и въ городъ Самару, и другой подъ Маячною горою, но прежде прихода злодѣйскаго разобраны.

**) Между тѣмъ великая ошибка учинена, что по совѣту нѣкоторыхъ себѣ для отвоза и раздачі оныхъ писемъ помянутымъ въ злодѣйскомъ сообществѣ находящимся казакамъ, избранъ ссыльный, прозваніемъ Хаюпуша, превлекшій злодѣѣ и воръ, который около 20 лѣтъ по Оренбургской губерніи воровалъ и разбойничалъ, и всѣ мѣста гдѣ, что есть, совершенно зналъ, да и въ Сибирь трижды былъ посыланъ; и отсюда бѣжалъ и содержался наконецъ, по рукамъ и по ногамъ скванъ, въ Оренбургскомъ острогѣ. Сей плутъ (которому наконецъ, по поимкѣ его, какъ ниже означится, отсѣчена голова), получа себѣ свободу, виѣсто того, чтобы оныя публикаціи скрито тѣмъ казакамъ роздать, пріѣхавъ въ злодѣйскій лагерь, явился прямо къ самозванцу и оныя публикаціи отдалъ ему самому, а чрезъ то и сдѣлался его любимцемъ, орудиемъ и предводителемъ къ разоренію многихъ мѣстъ и къ его усилванію, какъ то ниже означится; по поимкѣ казненъ онъ при Оренбургѣ отсѣченіемъ головы въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1774 года.

Приблизжившись къ Оренбургу, самозванецъ Пугачевъ переслалъ въ городъ письма, названныя указами, изъ коихъ одно слѣдовало къ Губернатору, а другое къ Оренбургскому Атаману Подполковнику Могутову. Содержаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы городъ Оренбургъ ему злодѣю сдать, ожидая отъ него милости, а въ противномъ случаѣ его гнѣва; но оба оныя письма сочинены были въ самыхъ глупѣйшихъ выраженіяхъ, писаны и подписаны письмомъ самымъ худымъ и ребячьимъ, а особливо въ надлежащемъ къ Могутову смѣха достойное было обнадеживаніе тѣмъ, что онъ за вѣрность и службу награждать будетъ кафтанамъ, рѣками и озерами и морями, бородами и крестами.

ПУГАЧЕВЪ ПО ПОРТРЕТУ МАЛЫИ.

Рисованъ съ натуры въ 1775 г. Одинъ изъ самыхъ достоверныхъ.

Часть II. — *Начало и продолженіе Оренбургской осады, бывшій на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы его самозванца Пугачева къ Оренбургу, усилванія ии и другія приключенія Октября съ 3 [5] Ноября по 1 число 1773 года.*

27) О начальныхъ злодѣйствахъ Яндкихъ казачковъ и самозванца Пугачева выше сего въ первой части показано. Здѣсь слѣдуетъ описаніе Оренбургской осады, начавшейся Октября 5 числа 1773 года и продолжавшейся <какъ ниже въ седьмой части показано будетъ> по 23 число Марта 1774 года *.

Предозначеннаго, то есть 5 числа Октября, по полуночи въ 11 часу <день сей былъ Субботній>, злодѣй Пугачевъ со всѣмъ своимъ бунтовичьимъ скопичемъ поднялся отъ Бердовской слободы и отъ рѣки Сакмары, и перешелъ въ виду изъ города въ рѣкѣ Сакмарѣ на казачьи луга, расположился онъ подлѣ имѣющагося тутъ озера лагеремъ <разстояніемъ отъ города въ 5 верстахъ или и меньше>. Довольно примѣтно было, что намѣреніе злодѣево стремилося завладѣть имѣвшеюся за городомъ Егорьевскою казачьею слободою, которой жило подошло съ правой стороны на выѣздъ изъ города почти къ самому городскому валу и къ главной Соборной церкви, что было бѣ къ великой опасности города; но въ разсужденіи того, жителямъ оной слободы до прихода еще злодѣйскаго, приказано со всѣми ихъ пожитками перебраться въ городъ, а въ приближеніе злодѣевъ, чтобъ они въ сяхъ пустыхъ домахъ засѣсть и укрѣпиться не могли, по совѣту лучшихъ городскихъ жителей, все оное жило выжжено, а чрезъ то и сдѣлана съ сей стороны свободная оборона пушкамъ; а дабы злодѣи въ близости города не шли, для того выпалено въ нихъ съ городского отсель валя изъ пушекъ ядрами и картечами 88 зарядовъ и брошены три бомбы тридцати-фунтовой, изъ-за чего они переходомъ своимъ чрезъ Сыръ и стали отъ города нѣсколько отдаляться, да и спустились ушелья на луга, о коихъ выше сего означено **.

28) Въ Воскресенье, то-есть 6 числа, по полуночи въ 12 часу, въ разсужденіи того, что самозванецъ Пугачевъ началъ заготовленныя около города Оренбурга къ наступающей зимѣ сѣна жечь, высланъ былъ, къ отвращенію того, для атаки его Пугачева, корпусъ, состоящій въ 1,500 человекъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей съ пристойнымъ числомъ артиллеріи, подлѣ предводительствомъ легкой полевой команды Премьеръ-Маіора Наумова, который, будучи въ виду

у непріятеля, перестрѣливался часа съ два, а на послѣдокъ, яко бы увидя онъ, Наумовъ, въ подчиненныхъ своихъ робость и страхъ, принужденъ ретироваться въ городъ безъ всякаго урона. Съ городской стѣны выпалено противъ злодѣевъ ядрами и картечами 15, да въ полѣ на сраженіи (которое происходило въ виду съ городского вала) 43, и того 58 зарядовъ; тридцати-фунтовыхъ бомбъ брошено 5. Причемъ изъ злодѣйской толпы убитъ выстрѣломъ одинъ вахмистръ. 7 числа, въ 11 и 12 часахъ по полудни, злодѣйскою Пугачева толпою городъ, а днемъ сего жъ числа, посланный изъ города за фуражемъ команды были атакованы; однако та толпа возвратилась въ лагерь свой съ неудачею. Выпалено было по ней съ городской стѣны 234 заряда. Сего жъ 7 числа, въ разсужденіи непріятельскихъ дѣйствій, находящимся въ Киргизъ-Кайсацкой степи по тракту изъ Оренбурга къ Илецкой Защитѣ на Донгузскомъ и Элшанскомъ уметахъ Командирамъ предложено, чтобъ они со всею ихъ командою и артиллеріею переѣхали въ ту Защиту, а къ Киргизъ-Кайсацкому Айчувакъ-Салтану, который находился отъ Оренбурга въ близости, писано, чтобъ онъ, по обѣщанію своему, людьми своими учинилъ помощь; но онъ не только не исполнилъ, но и отвѣту не далъ.

29) На 8 число ночью, въ 11 часу послѣ полудня, былъ отъ злодѣйской толпы къ городу приступъ, но возвратились они назадъ съ неудачею. Выпалено въ нихъ съ городскихъ валовъ ядрами и картечами 30 зарядовъ; а ночью атакованы были посланныя за фуражемъ команды, но безъ удачи жъ. Сего жъ числа поутру посланную изъ города командою, состоящею изъ полевыхъ драгунъ, здѣшнихъ и Яндкихъ казаковъ въ числѣ 300 человекъ, поймано на той сторонѣ Яика около Мѣноваго двора и въ немъ самомъ изъ показанной злодѣйской толпы разбѣжавшихъ тамъ для грабежа оставшихъ на Мѣновомъ дворѣ купеческихъ вещей, отъ Яндкихъ и Илецкихъ казаковъ сущихъ злодѣевъ 7 человекъ, взятыхъ въ Татищевой крѣпости по разбитіи оной и имѣвшагося тамъ воинскаго корпуса гарнизонныхъ солдатъ 41, здѣшнихъ и крѣпостныхъ казаковъ и послѣ захваченныхъ въ разныхъ мѣстахъ разночинцевъ 68, и того 116 человекъ. На 9 число въ ночи было спокойно, а поутру подѣзжали изъ измѣннической толпы по той сторонѣ Яика рѣки къ мосту; а послѣ половины дня съ той стороны, гдѣ форштадтъ (то есть вышеозначенная казачья слобода), было изъ оной толпы не малое людство, подѣзжало къ городу, но ни съ чѣмъ отѣхало. Выпалено въ нихъ съ городской стѣны изъ пушекъ ядрами и картечами 53 заряда; хотя сего 9 числа, по причинѣ усмотрѣннаго во время бывшей 8 числа вылазки авантажа и точно открывшагося намѣренія Пугачева, и разсуждено было сей день, предписанный корпусу для атаки злодѣевъ, выхъ; но, къ крайнему-де сожалѣнію, отъ Оберъ-Коменданта Г. Губернатору рапортовано: яко бы всѣхъ командированныхъ въ томъ корпусѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ командъ Командиры, пришелъ къ нему, представили; будто бы они въ подчиненныхъ своихъ слышатъ роптаніе и великую робость и страхъ, и къ выходу-де противъ измѣннической толпы отзывъ невозможною, зачѣмъ-де и принуждено было въ разсужденіи могущихъ произойти предныхъ слѣдствій остановиться въ городѣ въ одномъ оборони-

*) Можно оную осаду города считать и по 29 число Марта: ибо злодѣй Пугачевъ, по разбитіи его въ Татищевой крѣпости, не возмогши продрасть къ Яику, возвратился назадъ въ Каргалинскую слободу, и 28 числа бывъ еще въ Бердѣ, причинилъ нѣкоторыя злодѣйства, о чемъ въ свое время будетъ означено.

**) Коварное намѣреніе Пугачева при занятіи здѣсь лагеря видно было то, чтобъ завладѣвъ имѣющимися по Яику крѣпостями и по Сакмарѣ рѣкѣ близкими жилами, ежели не возможетъ онъ чрезъ приступы свои завладѣть городомъ, обложить или въ блокадѣ содержать оный, и пресѣкши всякой проѣздъ и провозъ въ него, чрезъ голодъ принудить его къ сдачѣ, въ чемъ ему едва не удалось; ибо всаку комуникацію такъ тѣмъ пресѣкъ, что чрезъ долгое время никакого проѣзда быть не могло. Самыхъ курьеровъ принуждено было чрезъ Киргизскую степь посылать, и то съ великою трудностію и опасностію.

тсльномъ состояніи, — и того жъ 9 числа, чрезъ нарочнаго курьера, Государственной Военной Коллеги донестъ, съ испрошеніемъ, какъ возможно скорѣе, о присылкѣ войска и хорошихъ Командировъ въ предвареніе дальнѣйшаго вреда и Государственнаго предосужденія.

30) На 10-е число въ нощи сперва въ исходѣ 8-го, а потомъ въ 12 часу по полудни, городъ со всѣхъ сторонъ злодѣйскою толпою былъ окруженъ; но какъ въ той толпѣ люди были большею частью изъ разныхъ народовъ и въ такомъ количествѣ, что здѣшній корпусъ людствомъ хотя и меньше, но качествомъ военныхъ людей превосходилъ, то, не упуская возможныхъ способовъ, Командиры предписаннаго корпуса довольно были увѣщаемы, дабы они постарались ту толпу атаковать и разбить, по которому увѣщеванію, яко-бы одумавшись, они и представили себя готовыми къ той атакѣ; а какимъ образомъ оную учинить, о томъ Предводителю сего корпуса Маюру Наумову предписаніе учинено, съ тѣмъ, чтобъ по оному поступить. 12 числа поутру между тѣмъ же Озерной дистанціи Команданту Бригадиру Корфу предложено, дабы онъ, собравъ всѣхъ на его дистанціи находящихся регулярныхъ и нерегулярныхъ людей, артиллерию съ ея припасами и денежную казну въ одну Озерную крѣпость, а прочую тягость оставя въ крѣпостяхъ подъ смотрѣніемъ нѣкотораго числа вѣрныхъ людей, самъ съ собраннымъ имъ до того корпусомъ, взявъ съ собою артиллерию съ ея припасами надлежащее число, въ самоскорѣйшемъ времени шель для поисковъ сюда.

31) Вышеозначенныя 5, 6, 7, 8, 9 и 10 число внесены къ журналу Г. Губернатора, не переимѣняя нигдѣ существа оного; но они могутъ еще нѣсколько изъяснены и пополнены быть приватными по очевидному примѣчанію и по вѣроятнымъ извѣстіямъ учиненнымъ, и былъ журналъ Его Превосходительства, какъ то и въ немъ самомъ значителен, учиненъ по однимъ происшедшимъ въ Канцеляріи его письменнымъ дѣламъ, въ которыхъ многихъ нужныхъ примѣчаній не вошло, употребляя оный журналъ основаніемъ, каждое число, или какъ къ лучшему признается, намѣренъ и впредь приличное изъ оныхъ записокъ вносить, дабы черезъ то описаніе сіе для будущихъ временъ сдѣлать полнѣе.

Вышепоказанную загородную казачью слободу еще до прихода самозванца Пугачева уразднить разсуждено и строеніе оной со всѣми тамошнихъ жителей пожитками въ городъ перевозить велѣно, и хотя нѣсколько дворовъ было уже сломано, но обыватели бывшіе тутъ пожитки свои всѣ вывели сами и въ городѣ уже жили. Но сломка дворовъ невѣдомо за какимъ обстоятельствомъ была остановлена. А какъ 5 числа злодѣи Пугачевъ съ толпою своею показался противъ города и стремился къ сему валу, откуда, ежели бъ онъ или часть его сообщничествъ тутъ засѣли, опасно было великаго вреда, ибо оная слобода, съ выѣзда изъ города къ Самарскому городу на правой сторонѣ имѣвшаяся, была почти подлѣ самаго городского вала: того ради, по многomu представленіи Г. Губернатору, она зажжена, и часа чрезъ три, кромѣ немногихъ дворовъ, вся въ пепелъ обращена, осталось малое число избъ, но и тѣ, кромѣ одного двора (противъ самой Егорьевской церкви), выжжены, чрезъ что съ сей стороны и сдѣлана свободная оборона городу; съ того жъ самаго вре-

мени и весь уже валъ съ наружной стороны рва начали обносить рогатками, коихъ прежде не было, и ровъ, вокругъ города имѣвшійся, начали вычищать, ибо оный такъ заваленъ былъ пескомъ и глиною, что кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ каменная стѣна, вездѣ на верховыхъ лошадахъ въ самый городъ въѣзжать было можно; расположась же оный злодѣи въ томъ своемъ лагерѣ, каждый день, вмѣсто утренней и вечерней такты, дѣлали по одному пушечному выстрѣлу.

32) 6 числа высланная съ Маюромъ Наумовымъ команда артиллеріи имѣла при себѣ только двѣ или три легкія и небольшія пушки. Злодѣи, усмотря на нихъ высылку, всѣ начали изъ лагера своего выѣзжать противъ оной команды, оставя въ лагерѣ плѣнныхъ и безоружныхъ людей за небольшимъ присмотромъ. Вывели они съ собою 8 пушекъ, въ томъ числѣ, по примѣчанію, были у нихъ два единорога, изъ коихъ 4 орудія поставили они на Сырту близъ одной лодины, которая служила къ защищенію бывшихъ у пушекъ людей, а остальные имѣли они въ долу подъ Сыртомъ, гдѣ былъ у нихъ фронтъ; казалось, что всѣхъ во фронтѣ стоявшихъ и развѣзжавшихъ по степи было около 2000 человекъ. Они въ исходѣ предполудня 11 часа напередъ начали пушечную свою пальбу гранатами изъ единороговъ, а изъ пушекъ ядрами и картечами которая продолжалась съ часъ. Всѣхъ ихъ выстрѣловъ сочтено (ибо то происходило въ виду съ городского вала) 185. Отъ команды, высланной изъ города въ тѣ мѣста, гдѣ злодѣйскія пушки и толпы были, происходила частая жъ пальба изъ имѣвшихся при ней пушекъ; но видя, что злодѣи имѣли при себѣ больше пушекъ, а при командѣ заряды всѣ стали быть разстрѣлены; то, не вступая вдаль къ ихъ лагерю, по приказу Губернаторскому вся оная команда возвращена въ городъ. Убить при семъ случаѣ, какъ выше значителен, легкой полевой команды сержантъ Шкапскій выстрѣленною изъ единорога гранатою, да ранено одинъ солдатъ и нѣсколько казаковъ. Выходцы отъ злодѣевъ сказывали: ежели бы-де отъ высланной команды еще нѣсколько продолжена была пушечная пальба, то бъ они, оставя пушки свои на мѣстѣ, побѣжали въ лагерь, ибо-де зарядовъ, а особливо ядеръ, у нихъ осталось уже малое число. Сего жъ числа по полудни въ исходѣ 11 часа, когда была великая ночная темнота, подтаща они въ близость города одну или двѣ пушки, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, такъ что ядра ихъ по срединѣ города ложились. А между тѣмъ отважнѣйшіе, подвѣзжая близко къ городскимъ валамъ, падали изъ ружьевъ и причинили тревогу; но какъ съ городскихъ валовъ стали пушечную и ружейную пальбу производить, то въ исходѣ 12 часа перестали они изъ пушекъ своихъ стрѣлять и отдалились отъ города, не сдѣлавъ никакого вреда, кромѣ безпокойства тревогою. Выбѣжавшіе отъ нихъ сказывали, яко бы чаяніе ихъ было во время тревоги быть въ городѣ пожару, а между тѣмъ бы врываться имъ на валъ и въ городъ; но сего по ихъ желанію не сдѣлалось.

33) Въ журналѣ Губернатора показано, что 7 числа сего созваны были къ нему въ домъ находящіеся въ Оренбургѣ Генералитетскіе чины и нѣкоторые Штабъ-офицеры для совѣта <между коихъ и я находился>. Г. Губернаторъ отъ каждаго требовалъ мнѣнія и особыя подписки: атаковать ли еще злодѣи, или только оборонительно поступать, пока воинскія команды будутъ умно-

жены? Всѣ <кромя одного Губернаторскаго товарища, Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Старова-Милюкова>, разсуждая усмотрѣнное у злодѣевъ людство, имѣющуюся у него сильную артиллерію и дабы впредь могущею быть неудачею и утратою не привестъ городскихъ жителей въ уныніе и колебаніе, дали и подписали такое мнѣніе, что до собранія командъ и пока городъ по наружности его приведенъ будетъ въ надлежащую безопасность, поступать оборонительно, чему тогда и самъ Губернаторъ согласовался. Послѣ полудня въ 5 часу была съ города пушечная пальба, по той причинѣ, что нѣкоторые злодѣйскія партіи устремились было на побѣдившихъ за сѣномъ въ числѣ 1108 подводъ: при нихъ была регулярная и нерегулярная команда съ одною пушкою, изъ-за чего всѣ безъ урона и возвратились въ городъ. Въ ночи жъ, около 11 и 12 часовъ подбѣгали злодѣи къ Яицкимъ воротамъ, отчего еще была тревога и пальба изъ пушекъ и изъ мелкихъ орудій. Между тѣмъ во весь сей день и въ ночи шелъ дождь.—8 числа въ ночи около 11 и 12 часовъ, небольшое число злодѣевъ подкрадывалось къ валу близъ теплой соборной церкви, для чего и была перестрѣлка оружейная, а подъ горой, подлѣ самой рѣки Яика, гдѣ во время злодѣйскаго уже прихода сдѣлана батарея съ четырьмя пушками, выпалено было изъ двухъ пушекъ.

34) Поутру 9 числа высланы были чрезъ мостъ за рѣку Яикъ фуражиры, изъ коихъ на побѣдившихъ впередъ закрапившея ночью на Мѣновомъ дворѣ злодѣи напавъ, отхватили три или четыре телѣги съ людьми, между которыми увезенъ былъ Солянаго Правленія писарь Полуворотовъ, который и находился въ злодѣйскомъ лагерѣ Октября по 21 число. А того числа, какъ ниже означено будетъ, спасся онъ уходомъ оттоль въ городъ. Выше сего хотя и означено, что по содержанному въ домѣ Губернаторскомъ 7 числа консиліуму положено: дабы для показанныхъ тутъ резонновъ поступать оборонительно, что и изъ журнала Губернатора подъ симъ числомъ <п. 33> усмотрѣть можно, но слышно было, что было съ нимъ Губернатора еще вчера нарядъ къ выступленію для атакующаго злодѣевъ въ числѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей 2000 человекъ; но поутру сей нарядъ невидѣмо для чего отмененъ, а учиненъ онъ слѣдующаго 12 числа, какъ о томъ подъ симъ числомъ означено быть имѣетъ. Того жъ 9 числа, послѣ полудня, по ложному разглашенію, яко бы за рѣкою Яикомъ идетъ изъ Красногорской крѣпости *) съ командою Бригадиръ Корфъ, или слѣдуютъ нарядные въ Оренбургъ Башкирцы, и будто остановивъ на дорогѣ, атакуютъ ихъ злодѣи. Наряжено и выслано было подъ видомъ встрѣчи нѣсколько Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ съ Каргалинскими Татарами; но узнавъ, что оное разглашеніе несправедливо, приказано было оной командѣ напастъ на одну толпу злодѣевъ, усмотрѣнную противъ Егорьевской церкви; но какъ при всей той изъ города высланной командѣ ни одной

пушки отправлено не было, а злодѣи, скопясь, великимъ и едва не всѣмъ своимъ людствомъ, вступили было съ нею въ сраженіе, имѣя при себѣ и пушки; а хотя по требованію изъ оной партіи и посланы были туда двѣ пушки, но такъ медлительно, что она принуждена была, не дождавшись пушекъ, отступить къ городу, да и злодѣи между тѣмъ разбѣжались къ своему лагерю. При семъ случаѣ отхвачено отъ злодѣевъ 5 человекъ, да столько жъ убито на мѣстѣ. Съ нашей стороны изъ Каргалинскихъ Татаръ отхвачено 3 человекъ и немногіе были ранены. На 10-е число послѣ полудня въ 8 часу, въ самую темноту, подбѣгали нѣкоторые изъ злодѣевъ къ валу, и подтащъ пушку къ Егорьевской церкви, сдѣлали изъ нея выстрѣлъ, отчего съ валу пушечная и ружейная пальба началась и продолжалась съ четверть часа; хотя и позатихло, но въ полночь еще, по причинѣ небольшого нобѣга къ валу, у теплой соборной церкви изъ двухъ пушекъ выпалено и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ учинено, а во всю ночь изъ пушекъ было 85 выстрѣловъ. Еще вчера отъ Губернатора данъ былъ ордеръ, чтобъ къ 5 часу сего утра приготовить легкую полевую команду, прикомандировавъ къ ней изъ гарнизонныхъ солдатъ, дабы всѣхъ регулярныхъ было до семи-сотъ, а съ нерегулярными до двухъ тысячъ человекъ и девять орудій артиллеріи, въ томъ числѣ два единорога и одна мортира, что все около 10 часа и было къ выступленію въ совершенной готовности; но вся та команда, простоявъ въ парадѣ на сборномъ мѣстѣ до 3 часа по полудни, пакъ распушена съ приказомъ: завтра, то есть 11 числа, къ выступленію быть въ готовности; но и сего числа никакой высылки не было. Въ ночи хотя и было спокойно, однако жъ сожжено злодѣями нѣсколько кирпичныхъ сараевъ казенныхъ и партикулярныхъ, между городомъ и Маячною горою, отъ города въ 2-хъ или 3 верстахъ; имѣвшихся въ лагерѣ злодѣйскомъ примѣчено противъ прежняго меньше людства, а потому и догадывались, что разосланы отъ нихъ куда нибудь для добычи разныя партіи *).

35) 12 числа, вслѣдствіе учиненнаго майору Наумову 10 числа предписанія, поутру, ввѣренный ему корпусъ съ принадлежащимъ чи-

*) Сія крѣпость отъ Оренбурга вверхъ по Яику 75 верстъ. Между ею и Оренбургомъ два рѣдута: Нѣжинскій и Вязовскій. Сіи мѣстами злодѣи и самозванецъ Пугачевъ, по приходѣ его въ Оренбургъ, скоро завладѣли. Достоинно сожалѣнія, что имѣвшіеся въ поминутую крѣпость провіантъ, такъ какъ и бывшій въ Чернорѣченской и Пречистенской крѣпостяхъ, заранѣе былъ не вывезенъ въ городъ; но весь оный достался во власть самозванцу.

*) Вышеозначенный съ публикаціями въ злодѣйскій лагерь посланный ссыльный Хлопуша, какъ великій злодѣй, плутъ и промѣлецъ, сдѣлавшійся самозванцевымъ любимцемъ, разсказалъ ему и сообщникамъ его всѣ мѣста и способы, откуда что получить изъ можно; а потому и посланъ былъ отъ него съ немалолюдными партіями сперва въ Тимошенскія села, въ Никольское и Ташлу, и въ жительства по рѣкѣ Сакмарѣ, на солянныя пристани Богучанскую и Стерлитамацкую, на Твердышевскіе и другіе заводы, гдѣ оный Хлопуша, съ приданными ему людьми бывъ, причинялъ великія грабительства и разоренія; вѣжѣе жъ всего, переслалъ онъ къ нему немалое число имѣвшихся на заводахъ пушекъ, ядеръ и пороку, да и людей, годныхъ къ употребленію съ лопатками, кирками и другими горными инструментами, къ великому того злодѣя услованію. Примѣчанія достойно и сіе, что въ селѣ Никольскомъ у Совѣтника тамошняго находился садовникъ, изъ людей Генераль-Фельдмаршала и Кавалера Графа Александра Ивановича Шувалова, который сказалъ о себѣ злодѣю, что онъ покойнаго Императора Петра III довольно зналъ и нынѣ узнать, подлинно ли называющійся его именемъ Царь или есть, онъ увѣрить ихъ можетъ. Они, будто бы для того, взяли его съ собою; но отвезши недалеко отъ села Никольскаго поѣхали.

сломъ артиллеріи высланъ былъ и продолжался въ поле при произведеніи съ обѣихъ сторонъ канонады до половины дня, то есть болѣе четырехъ часовъ, но по причинѣ той, что нерегулярные, находя себя въ робости противъ артиллеріи злодѣйской толпы, почти ни чего не дѣйствовали, а стояли больше подъ защитою здѣшнихъ пушекъ, и что та толпа, разсѣявшись по степи кучами, весь тотъ корпусъ окружила было, сдѣлавъ изъ регулярныхъ каре, возвратился въ городъ.

Въ отмѣткѣ на сіе число показано, что при сей атакѣ съ городской стѣны выпалено изъ пушекъ ядрами и картечами 134, на полевомъ сраженіи 499, и того 633 заряда, да бомбъ брошено 5; а изъ злодѣйской толпы разсѣявшихся въ разныхъ мѣстахъ пушечныхъ выстрѣловъ не только не меньше, но гораздо еще больше было, причемъ каковъ со здѣшней стороны уронъ приключился, о томъ приложенъ въ концѣ журнала реестръ <напротивъ-де того, и въ измѣнической толпѣ выходцы изъ оной здѣшніе люди и пѣвники гораздо больше, нежели здѣшній уронъ, свидѣтельствуемъ NN.> По оному реестру показано: побитыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ 22, ранено 31, злодѣями захвачено 6, безъизвѣстно пропало 64.

Къ дополненію сего числа, изъ частныхъ записокъ и извѣстій можетъ вмѣщено быть слѣдующее:

Вышеозначенная команда, выступя изъ города поутру въ 9 часу, въ 10-мъ заняла она противъ города тѣ высоты, кои къ способнѣйшему дѣйствию заступитъ ей надлежало. Но злодѣи, какъ изъ приготовленій и расположенія ихъ примѣчено, о сей изъ города высылкѣ зараженіе были увѣдомлены; ибо имѣли уже людей своихъ въ нѣкоторыхъ буеракахъ и долинахъ, такъ что городской командѣ усмотрѣть ихъ было не можно. Пушечная пальба съ нашей стороны въ томъ же 10 часу началась съ хорошимъ успѣхомъ, ибо злодѣи припуждены были занять себѣ мѣсто внизу подъ валомъ; но между тѣмъ низкими ложинами втащили они нѣсколько пушекъ и на Сыртъ, сверхъ того завезено у нихъ было нѣсколько ихъ и къ сторонѣ Бердской слободы, чего въ городѣ прежде не знали, съ намѣреніемъ, дабы пушечную пальбу спереди и съ тылу производить, но сіи остановлены и не допущены были въ близость высланной изъ города команды пушечными выстрѣлами съ городскихъ валовъ. Съ нашей стороны въ короткомъ времени около 500 пушечныхъ выстрѣловъ учинено, и готовые при той командѣ отпущенные заряды всѣ были употреблены, а затѣмъ въ пальбѣ изъ пушекъ и сдѣлалась перемяжка. По докладу о томъ губернатору хотя и отпущено было изъ города еще потребное число зарядовъ; * но какъ между тѣмъ сдѣлалась дождливая съ снѣгомъ погода, и затѣмъ пѣхотной командѣ и злодѣйскому

лагерю подвигаться было неудобно, чего ради и посланъ отъ губернатора приказъ возвращаться всѣмъ въ городъ. Въ руки злодѣйскія досталась одна телега, въ которой лежало 17 заряженныхъ бомбъ, по тому яко бы случаю, что во время отступленія къ городу подъ оную телегу замаялись лошади.

36) На 13 число въ ночи и день сей было спокойно; на 14-е ночью было спокойно жъ; а днемъ въ виду изъ города разбѣжало изъ злодѣйской толпы только 4 человека, изъ коихъ одинъ ядромъ съ валу убитъ.—15-го и 16 числа было спокойно. Но какъ злодѣйское толпою заготовленные около Оренбурга сѣна почти всѣ уже безъ остатка были пожжены, то имѣющіяся здѣсь у воинскихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ служителей и у прочихъ обывателей худыя и впредь къ работѣ ненадежныя лошади, для прокормленія ихъ, пѣхотеры въ Уфимской уѣздъ, а другія на верхнюю Ицкую дистанцію и въ Ицкую Защиту за надлежащимъ препровожденіемъ отправлены *. А о рогатомъ и мелкомъ скотѣ обывателямъ отдано на волю, держать ли его, или употреблять въ пищу.—17 числа послѣ полудня разбѣжали злодѣи около города кучами и за посыланними изъ города фуражирами гонялись. Въ нихъ выстрѣлено съ городской стѣны съ ядрами 12 зарядовъ.

Къ дополненію изъ частныхъ записокъ и извѣстій не принадлежитъ здѣсь болѣе, какъ только сіе, что 13 числа посланные фуражиры въ числѣ 2000 подвѣло всѣ возвратились съ сѣномъ. 14 числа у Сакмарскихъ воротъ, по причинѣ въ маломъ людствѣ появившихся злодѣевъ, учиненъ былъ пушечный выстрѣлъ, и видно было, что одинъ изъ нихъ убитъ, а бывшую подъ нимъ лошадь подхватить, товарищи его усаkali.—15-го посланы были команды за лѣсомъ и за лубками, чтобъ землянки, подлѣ самаго ваза для военныхъ людей на валу расположенныхъ и всегда тутъ находящихся, сдѣлать покрытие; ибо какъ сей, такъ и вчерашній день были нарочитые уже морозы и на рѣкѣ Яикѣ повлились ледяныя закраины. На 16 число съ вечера пошелъ снѣгъ, а къ утру принесло его столько, что начали па саяхъ вѣдять. Сего жъ числа выбѣжали изъ злодѣйскаго лагеря четыре человека изъ захваченныхъ казаковъ, и одна канонерская жена оставила тамъ малолѣтняго своего сына. Караки объявили, что злодѣи набрены стоять подъ городомъ до того времени, какъ будетъ въ немъ оскуднѣе въ хлѣбѣ и въ пропитаніи, и тѣмъ принудить жителей къ сдачѣ онаго **. 17-го злодѣи отважились было нападать на бывшій въ прикрытіи фуражировъ конвой; но какъ при ономъ

*) Всѣ оныя партикулярныя лошади, въ показанныя мѣста посланныя (кромя отправленныхъ въ Ицкую Защиту), злодѣями перехвачены и остались въ ихъ рукахъ; а посланныя въ Ицкую Защиту, хотя и немалое время находились тамъ на корму, но тогда, какъ и сіе мѣсто завладѣли злодѣи, достались онѣ въ ихъ же руки.

**) Сего числа отъ нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ людей пропущено было въ городъ, яко бы въ казенныхъ магазинахъ нѣтъ соли, и народъ претерпѣваетъ уже въ ней нужду. Губернатору, услышавъ о томъ, присылалъ нарочнаго къ главному правителю ихъ дѣлъ освѣдомиться, сколько ея въ наличности; но какъ ему донесено было, что наличной соли противъ прежнихъ расходовъ будетъ еще на годъ и больше, тѣмъ оное плетое разглашеніе и опровергнуто.

*) Выбѣжавшій изъ злодѣйскаго лагеря Соляная Правленія писарь, о коемъ выше сего подъ 9, а ниже 21 числомъ упомянуто, сказывалъ, что онъ, будучи въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ тамошнихъ канонировъ слышалъ, яко бы послѣ сего дѣйствія у злодѣевъ не оставалось болѣе 30 ядеръ и ежелибъ-де еще немного времени продолжалась отъ городской команды пушечная пальба, то бы они, оставя пушки и лагерь свой, всѣ разбѣжались врознь. Но потомъ скоро вышеозначенный есылный Хлопуша переслалъ съ заводовъ какъ ядеръ, такъ и всякихъ снарядовъ множество.

были двѣ пушки, то по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ оныхъ и съ городскихъ валоу, отвалили они прочь и остановились противъ города на Маячной горѣ. Захвачено ими при семъ случаѣ изъ городскихъ людей 4 человекъ, въ томъ числѣ, какъ сказывали, 1 изъ лучшихъ канонеровъ. Съ городского вала противъ злодѣевъ выстрѣлено ядрами 12 зарядовъ.

37) 18 числа вся злодѣйская толпа со всѣми тягостями отъ рѣки Яика переслѣдовала чрезъ Сыртъ къ рѣкѣ Сакмарѣ и расположилась подъ Бердскою слободою близъ лѣтней Сакмарской дороги, и при самомъ томъ переслѣдованіи лагерь свой сожгла, а притомъ же и къ городу немалыми кучами подбѣгъ чинили; но какъ подъ городомъ ничего сдѣлать имъ не удалось, то оббѣжавъ они городъ перекинулись на ту сторону рѣки Яика и тамъ напали на подхавшихъ изъ города для фуражированія разнаго званія людей, изъ которыхъ въ городъ не явилось, видно, что по причинѣ оплошности конвойнаго офицера; злодѣями убито и захвачено разночинцевъ нѣкоторое число, да бывшихъ въ конвоѣ Ставропольскихъ Калмыковъ 120 человекъ, о коей оплошности надъ конвойнымъ офицеромъ опредѣлено изслѣдовать и судъ учинить. Противъ оной злодѣйской толпы выстрѣлено съ городскихъ валоу ядрами и картечами 46 зарядовъ, да 4 бомбы кинуты.

Сіе число по частнымъ запискамъ и извѣстіямъ можетъ еще дополнено быть слѣдующимъ примѣчаніемъ:

Поутру послано было за рѣку Яикъ фуражировъ болѣе тысячи подводъ подъ прикрытіемъ регулярной и нерегулярной команды съ пушкою, которая команда расположена была противъ Мѣповаго двора, близъ рѣки Яика, въ виду съ городского вала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде форпостъ стоялъ, а въ десятомъ часу предъ полуднемъ послана была изъ города казачья команда до 300 человекъ съ пушками и съ одною гаубицею, съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ злодѣевъ потревожить, отъ которой противъ ихъ лагерь и противъ отводныхъ ихъ карауловъ учинено было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, изъ-за чего всѣ они и начали изъ лагеря своего выбираться, а между тѣмъ зажгли его въ разныхъ мѣстахъ. И какъ тутъ наложено было ими сѣна не мало, и имѣвшіеся у нихъ шалаши и балаганы для тепла покрыты были сѣномъ же, то въ самомъ скоромъ времени великій пожаръ и дымъ тутъ сдѣлался. Между тѣмъ обозы свои и артиллерию начали они переправлять чрезъ Сыртъ, отдаляясь отъ города къ Каргазинской слободѣ; по подявшись на Сыртъ въ такой дистанціи, чтобъ городскія пушки доставать ихъ не могли, потянулись они прямо къ Бердской слободѣ, да и расположились они вновь лагеремъ между тою слободою и Маячною горою подъ Сыртомъ разстояніемъ отъ города пять или шесть верстъ; но такъ, что за горкою имѣющіеся тутъ лагерь ихъ изъ города сталъ быть невидѣнъ. Видя сію въ положеніи ихъ злодѣйскомъ перемѣну, надлежало было и отпавленной для прикрытія фуражировъ командѣ занятое противъ прежняго положенія мѣсто перемѣнить и податься впередъ, такъ чтобъ фуражировъ закрыть и защищать было можно; но сего не сдѣлано. А злодѣи, перебираясь въ оный свой лагерь и усмотря посланных за сѣномъ, и что находящіеся впереди люди не имѣютъ прикрытія, отрядили многихъ для за-

хвачиванія ихъ, которые перелѣзши чрезъ Яикъ за Маячною горою бродомъ, многимъ пересѣкли дорогу. Нѣкоторые, впереди находившіеся, увидя, что нѣтъ способа возвращаться имъ въ городъ, миновать тѣхъ злодѣевъ, выпрягнувши лошадей и оставя съ сѣномъ телѣги, поскакали верхами отъ города вдаль къ Чернорѣченской крѣпости, и бывъ уже противъ оной, поворотили въ Киргизскую степь, и оною заѣхавъ вдаль, подъ утро уже возвратились въ городъ; другіе, сдѣлавъ изъ телѣгъ, навьюченныхъ сѣномъ, городокъ, хотѣли было тутъ отстрѣляться; но злодѣи, притащъ пушку, начали по нихъ стрѣлять и многихъ, кои не хотѣли имъ сдаться, на семъ мѣстѣ умертвили, а многихъ захватя, увезли въ свой злодѣйскій лагерь. А всѣхъ на все убитыхъ и увезенныхъ въ злодѣйскій лагерь и безъизвѣстно пропавшихъ считали близъ трехъ-сотъ человекъ. Изъ злодѣевъ поймано при семъ случаѣ 3 человекъ, въ томъ числѣ одинъ Яицкій казакъ, изъ самыхъ главныхъ злодѣевъ, который былъ весьма пьянъ: прозванье его Изюмнинъ. Объ немъ сказывали, что во время перебеда злодѣйскаго вновь въ лагерь, подбѣжжалъ онъ ближе другихъ къ городу тихою ѣздою, а потому и признаваемъ былъ за выбѣжавшаго изъ рукъ злодѣйскихъ. Подбѣжавъ же за полверсты и поднявъ свою шапку на копійное древко, сталъ кричать: «Господа Яицкіе казаки, пора вамъ одуматься и служить Государю Петру Федоровичу!» и сіе покрывавъ, опасаясь, чтобъ его изъ пушки не убили, сталъ скакать къ рогаткѣ, и такъ отдалился онъ тогда къ своимъ сообщникамъ.

38) На 19-е въ ночи и сего числа было спокойно; 20 числа поутру, около города между Орскихъ и Чернорѣченскихъ воротъ и по степи, разбѣявшись, разбѣжали злодѣи кучами. Съ городского вала выпалено по нихъ ядрами 7 зарядовъ. На 21-е число ночью и сей день было спокойно.

На 22-е въ ночи было спокойно; а днемъ съ начала 12 часа по полуночи вся злодѣйская толпа усиленнымъ образомъ къ городу, сперва между воротъ Чернорѣченскихъ и Сакмарскихъ сзади и подбавъ батареей, съ оныхъ непрерывно производила канонаду, и какъ съ того мѣста имѣющимися здѣсь на городской стѣнѣ пушками и бросаніемъ бомбъ сбито, то зашедъ уже съ другой стороны и расположилась между Сакмарскихъ и Орскихъ воротъ, и сдѣлавъ подъ валомъ батареей, производила непрерывно жъ канонаду, причѣмъ и съ третьей стороны, то есть между Орскихъ воротъ и соборной церкви, немалыми кучами забѣгавъ, изъ пушекъ же въ городъ стрѣляли, но и со оныхъ сторонъ имѣющіеся на городской стѣнѣ артиллеріею хоронимъ и артиллерійскихъ служителей стараніемъ съ большимъ урономъ опрокинуты. Противъ оной злодѣйской толпы съ городской стѣны изъ пушекъ съ ядрами и картечами выстрѣлено 580 зарядовъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 4, тридцатифунтовыхъ 24, и оная канонада продолжалась безъ мала 5 часовъ; а отъ того злодѣя, по примѣчанію, пушечныхъ выстрѣловъ было около тысячи, коими убитыхъ оказалось на городской стѣнѣ Татаринъ 1, да раненъ солдатъ 1; а сверхъ того, отъ многихъ выстрѣловъ у 12-фунтовой пушки казенную часть разорвало и лафетъ расшибло, отъ чего у бывшаго при оной Артиллеріи Подпоручика Сысоева и канонера Прокофья Иванова лѣвые ноги поколамъ

перешло, а канонера Плотнокова до смерти убило.

39) Къ вышеописаннымъ 18, 19, 20, 21 и 22-му числамъ изъ частныхъ записокъ болѣе не служить, какъ слѣдующее:

19 числа поутру изъ атакованныхъ злодѣями фуражировъ, коихъ считали уже пропавшими, вышло близъ 50 человекъ. Слышно было, что самозванецъ Пугачевъ, расположась около Бердской слободы, сообщникамъ своимъ для зимованья приказалъ дѣлать землянки. Слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба, выстрѣловъ до ста, а между тѣмъ была и ружейная; но для чего, о томъ извѣстія не получено: ибо посылаемые за нимъ, за разставленными около злодѣйскаго лагеря форпостами, близко и подѣлывать не могли.—20-го числа поутру прежде обдѣны начали было злодѣи изъ-подъ Маячной горы выѣзжать партіями въ немаломъ людствѣ и приближались къ городу, но какъ слѣдло съ вала выстрѣловъ до 6 изъ пушекъ, то всѣ они разбились врознь. Нѣкоторые отважнѣйшіе изъ нихъ, скача на лошадяхъ и подѣлывая ближе къ городу, кричали съ визгомъ, чтобъ выданъ имъ былъ Мартюшка, то есть Яндкій Старшина Мартемьянъ Бородинъ; другіе, но всѣ будучи мертвецки пьяны, кричали, чтобъ находящіеся въ городѣ Яндкіе казаки бѣжали къ нимъ вина пить, сказывая при томъ: «у нашего-де Царя вина много;» напротивъ того, городскіе казаки кричали имъ, приманивая ихъ ближе къ пушкамъ, чтобъ они и съ Царемъ своимъ прѣбжали въ городъ обдѣлать, а вина-де въ городѣ больше. Однако передъ полуднемъ въ 11 часу перестали они раздѣлывать и кричать, а потомъ отбѣжали къ своему лагерю. По примѣченному въ нихъ сегодняшнему пьянству, догадывались въ городѣ, что вчерашняя пушечная и ружейная пальба не для чего другаго, какъ только въ пьянствѣ и сумасбродствѣ была, что послѣ и выѣжавшіе пѣвники подтвердили.

На 21 число передъ утромъ выѣжали изъ злодѣйскаго лагеря Солянаго Правленія писарь Полуворотовъ, захваченный туда 9 числа <о коемъ выше сего упомянуто>; а Таможенный копіистъ Петръ Каданцовъ, захваченный съ прочими 19 числа; изъ коихъ писарь Полуворотовъ объявилъ слѣдующее: будучи онъ въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ находящихся въ ономъ канонеровъ завѣрно слышалъ, что въ бывшее 12 числа сраженіе у злодѣевъ осталось не болѣе 30 пушечныхъ ядеръ, и ежели бѣ де отъ высланной партіи еще хотя немного продолжена была пальба изъ пушекъ, то бѣ они принуждены были не только пальбу, но и вывезенныя пушки покинуть; съ ядрами-де стрѣляли они только сбоку отъ урочища, называемаго Красная Глина, а изъ поставленныхъ въ долу пушекъ палили уже они холостыми зарядами для одного вида. Изъ Башкирцевъ-де при немъ злодѣи находится ста три или четыре, а человекъ съ тридцать лучшихъ отпустилъ онъ въ Башкирію, яко бы для уговора и привода еще Башкирцевъ; и хотя-де онъ на крѣпко подтверждалъ, чтобъ они какъ можно скорѣе къ нему были, но они представляли ему невозможность, сказывая, что Башкирцы ихъ живутъ въ разнотѣ и скоро собрать имъ ихъ не можно. А Казимыковъ при немъ небольшое число; дѣйствуютъ и озорничаютъ у него больше Яндкіе и Илецкіе казаки. А есть-де нѣсколько и изъ Оренбургскихъ такихъ, кои почитаютъ

его за Царя и ему съ охотою служить. Всѣхъ же на все дѣльныхъ и оружейныхъ людей, признаетъ онъ, было до 2000 человекъ; а если считать безоружныхъ и невольныхъ у него пахотящихся, то наберется около 4000 или и болѣе. Способствующихъ ему во всѣхъ его совѣтахъ двое, изъ Яндкихъ казаковъ, изъ коихъ-де одному Яндкое прозванье Чика, а другому имени онъ не знаетъ. Третій былъ Яндкій же казакъ Изюминъ; но тотъ, какъ выше значить, пойманъ и находится здѣсь въ Оренбургѣ подъ карауломъ *). Недавно-де вздумалъ онъ набирать себѣ, подъ именемъ гвардіи, отборныхъ людей изъ Яндкихъ казаковъ, чтобъ ихъ было до 100 человекъ, и намѣренъ-де всѣмъ имъ сдѣлать зеленые по казачью покрою кафтаны; не весьма давно собравъ онъ самыхъ лучшихъ людей и лошадей, велѣлъ имъ скакать взапуски, и кои лошади выпередили другихъ, изъ тѣхъ самыхъ лучшихъ и рѣзвыхъ выбралъ онъ 30 лошадей, и невѣдомо-де для чего, всегда содержитъ ихъ на хорошемъ корму у себя. Нѣкоторые-де изъ его сообщниковъ разглашаютъ, яко бы Цесаревичъ Павелъ Петровичъ для его встрѣчи ѣдетъ къ нему и будто бѣ уже въ Казань съ военными людьми (считая ихъ 2000) Самъ Онъ прибылъ. А потому и проговариваетъ иногда оный самозванецъ, чтобъ ему наскоро для встрѣчи Цесаревича съѣздить; провіантъ-де на все его собраніе подвозить къ нему изъ тѣхъ мѣстъ, коими онъ завладѣлъ, да и продавать въ лагерѣ у себя не запрещаетъ; скотины же отогнанной изъ разныхъ мѣстъ весьма у него много, которая-де вся содержитсяъ въ Бердской слободѣ. Дважды представленъ былъ онъ Полуворотовъ оному самозванцу; при первомъ случаѣ спрашивалъ онъ его: какое укрѣпленіе имѣетъ городъ, много ли пороку и снарядовъ?—Онъ ему отвѣтствовалъ: что городъ весьма нынѣ укрѣпленъ, пушекъ и снарядовъ, также и военныхъ людей тутъ много. Что-де выслушавъ, сказалъ онъ ему сіи слова: поди, Богъ и Государь тебя прощаетъ. И приказалъ ему остричь волосы по казачьи, почему и обрѣзали ихъ ему тотъ же часъ ножомъ. И такъ онъ отданъ былъ въ десятку находящемуся у него уряднику Колесову, который прежде бывалъ Губернскимъ подъячимъ, а за продерзость напиканъ въ солдаты, и ему Полуворотову былъ знакомъ, почему онъ и содержалъ его противъ другихъ захваченныхъ людей повыгоднѣе; да и самъ съ нимъ къ уходу согласался. Для ночлега имѣетъ онъ злодѣй палатку и кибитку, съ хутора Совѣтника Мясоѣдова увезенную, въ которую-де никто къ нему не входитъ, кромѣ вышеозначенныхъ первенствующихъ у него двухъ человекъ да жены покойнаго Маіора Харлова, которую онъ захватилъ въ Татищевой крѣпости, при себѣ держитъ. Когда выходитъ изъ кибитки, то выносятся ему изъ оной кресла, взятые изъ Губернаторскаго, хутора на который онъ садится, выслушиваетъ и распоряжаетъ всякія дѣла. Приходящіе къ нему кланялись ему въ землю, дѣловали у него руку и на-

*) Яндкій казакъ изъ Татаръ по прозванію Мустаевъ <сынъ тамошняго богатаго Татарина Мустая-Муллы> сказывалъ, что у вышеозначеннаго злодѣи чинавыми людьми иѣются Яндкіе казаки: Овчинниковъ Атаманомъ, Лысовъ Полковникомъ; помянутъ и Чика прозванъ у него Чернышевизъ, нѣкто Чумаковъ названъ Орловымъ, Максимъ Шигаевъ отъ злодѣи прозванъ Воронцовымъ.

зываютъ его иногда Ваше Величество, а просто ба-
тюшко, заочно жъ отцомъ. Ростъ его небольшой,
лицо имѣетъ смуглое и сухощавое, носъ съ гор-
бомъ; а знаковъ онъ Полуворотовъ на лицѣ не
примѣтилъ, кромѣ сего, что лѣвый глазъ щурить
и часто имъ мигаеъ. Волосы на головѣ черныя,
борода черная жъ, но съ небольшою сѣдиною.
Платье имѣетъ: шубу плисовую малиновую, да
и шаровары такіе жъ; шапку казачью. Рѣчь его
самая простая и нарѣчія Донскихъ казаковъ; гра-
мотѣ или очень мало, или ничего не знаетъ. Пу-
шечная-де и ружейная пальба, третьяго дня про-
исходившая, была по причинѣ молебна, при ве-
ликомъ пылѣ. Поповскую жъ должность от-
правляетъ у него невѣдомо какой дяконъ, взя-
тый съ заводовъ; но самъ-де онъ въ церковь ни-
когда не ходитъ.

40) На 22 число въ ночь, послѣ полудня
во 2-мъ часу, въ Никольскомъ приходѣ сдѣлался
было пожаръ, но въ-скорости утешенъ разлوما-
ніемъ загорѣвшейся бани. Съ вечера жъ выпу-
щено изъ города окольными дорогами нѣсколько
уздныхъ жителей, кои за скоростію ни къ чему
употреблены быть не могли, и съ ними, за не-
достаткомъ сѣна, отпущено до 1000 лошадей,
кои въ сперва велѣно пробираться къ Русскимъ
жителямъ по за-Яицкой степи *). Около
полудня, въ началѣ 12 часа, во время быв-
шаго въ сей день великаго тумана, подвезено
было отъ злодѣевъ къ кирпичнымъ сараямъ нѣ-
сколько пушекъ, и начали они съ сей стороны
пальбу дѣлать, которую они непрестанно почти
производили отсѣлѣ до 3-го часа по полудни;
а между тѣмъ стрѣляли они и противъ Орскихъ
воротъ, такъ что одна граната, брошенная отъ
нихъ изъ единого, пала посреди Артиллерій-
скаго двора, но безъ дѣйства, ибо замѣтана была
землею и до разрыва не допущена. Съ городскихъ
валовъ встрѣчали ихъ также частыми выстрѣ-
лами; а какъ они у кирпичныхъ сараевъ (изъ ко-
ихъ не всѣ еще были сломаны) начали скоп-
ляться кучами и усиливаться, то въ тѣ мѣста,
гдѣ они и пушки ихъ стояли, кинули 3 или
4 бомбы, отъ которыхъ съ нѣкоторымъ уро-
номъ всѣ они разбѣжались врознь, оставя тутъ
пушки, такъ что съ полчася никого людей
при нихъ не было; потомъ подѣлхавъ нѣсколько
съ тѣлами и веревками, стащили оныя пушки
подъ валъ и увезли. А затѣмъ никого уже у тѣхъ
кирпичныхъ сараевъ ихъ не осталось: оставя жъ
оное мѣсто, со всѣми пушками начали подви-
гаться къ Сакмарскимъ воротамъ, производя не-
престанную пальбу такъ, что нѣсколько ядеръ
посреди города и далѣе по дворамъ и улицамъ
ложилось (изъ коихъ одно 3-хъ-фунтовое и у меня
посреди двора поднято), а у Петропавловской
церкви близъ оныхъ воротъ имѣющіеся въ углахъ
не въ одномъ мѣстѣ кирпичи были выбиты; не
меньше того палили и по нихъ съ крѣпости.
Причемъ убитыхъ у нихъ людей и убѣгаю-
щихъ порожнихъ лошадей немало было примѣ-
чено. Наконецъ, въ исходѣ 4-го часа по полудни,
подвинулись они къ Егорьевской церкви и тутъ
еще начали сильную пальбу изъ пушекъ своихъ
производить, куда, для разогнанія ихъ кучъ и
скоповъ, изъ города изъ пушекъ стрѣляли; а
какъ кинули туда три бомбы, то оставя они и

сіе мѣсто, всѣ разбѣжались врознь. Примѣтно
было, что тутъ подѣлхавъ двумя ихъ пушками раз-
биты были лафеты, а послѣ свѣдано было, что
и одинъ пороховой ихъ ящикъ разбитъ, отъ чего
всѣ они отвалили въ Берду. Сіе ихъ устремленіе
продолжалось къ городу близъ пяти часовъ, но
все въ отдаленіи, такъ чтобъ ядра, горизонтально
изъ города пускаемая, доставать ихъ не могли,
и они всѣ свои выстрѣлы съ низкихъ мѣстъ да-
вали вверхъ, почему они столь далеко, какъ выше
значить, и падали. При послѣднихъ своихъ вы-
стрѣлахъ оставлены злодѣями тѣла двухъ кано-
неровъ, кои потомъ посланными изъ города по-
няты и погребены. Сказывали, что были они у
нихъ подѣлхою изъ захваченныхъ ими людей;
но сіи тѣла отъ городскихъ пушечныхъ выстрѣ-
ловъ найдены безъ головъ, а признаны за кано-
неровъ потому, что они были въ артиллерійскихъ
мундирахъ. По многочисленной стрѣльбѣ пуше-
чной и по людству бывшихъ притомъ злодѣевъ,
разсуждаемо было, что сіе самозванцево на го-
родъ устремленіе было такъ велико, каково онъ
со всею силою сдѣлать могъ *).

41) 22-го, послѣ половины дня, около ве-
чера, изъ злодѣйской толпы немалое число про-
бѣло злодѣевъ близъ города противъ бывшаго
форштата на то мѣсто, гдѣ старый лагерь
былъ. Выпалено по нихъ съ городского вала
2 заряда.—24, 25 и 26-го, кромѣ происходив-
шихъ между разбѣжными стычекъ, какъ въ
ночное, такъ и въ дневное время было спокой-
но.—27-го поутру, выбѣжавъ изъ оной измѣни-
ческой толпы великое число конницы и разсы-
павшись по степи съ той стороны, гдѣ кирпич-
ные сарай и кладбища имѣются, подбѣгали къ
городу и съ посланными изъ города казаками
перестрѣливались. Съ городского вала выпалено
въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами 15 зарядовъ.—
28 числа, послѣ половины дня, усмотря тѣ зло-
дѣи на сторонѣ выбѣжавшихъ изъ города фу-
ражировъ, прошли мимо города съ той стороны,
на которой форштатъ былъ, на старый свой ла-
герь и за рѣку Яикъ, откуда скоро возвратились
съ неудачею. Съ городской стѣны выпалено въ
нихъ съ ядрами и картечами 34 заряда.—На 29-е
въ ночь и день сей было спокойно.—30-го, по-
утру около обѣда, изъ злодѣйской толпы многія
парти разбѣжали близъ города по той же сто-
ронѣ, гдѣ форштатъ былъ.—31 числа было
спокойно.

*) Выше сего сказано, что злодѣи въ ядрахъ нѣтъ
уже крайній недостатокъ и болѣе 30-ти у нихъ не оста-
валось, а сей день разстрѣляли они болѣе тысячи, да и
поднято ихъ внутри города и за городомъ болѣе 300.
Сказывали, что посланные на Твердышевскій заводъ безъ
всякаго тамъ сопротивленія получили и прислали къ нему
злодѣю болѣе 3000 зарядовъ съ ядрами, и заряды-де
были все изъ самаго лучшаго пороха, и немалое число
ружей. Тутъ же взяли они къ себѣ изъ заводскихъ много
служителей, въ томъ числѣ нѣсколько довольно обученныхъ
пушечной пальбѣ, о коихъ сказывали: яко бы они добро-
вольно склонились. Но можно ли такимъ партикулярнымъ лю-
дямъ дозволить артиллерию и снаряды, и не могутъ ли не
только государственные злодѣи, но и прочіе разбойники,
отнимая ихъ на заводахъ, усиливаться и причинять такія
великія вредности, кои съ заводами и заводчиками по
многимъ обстоятельствамъ никакого сравненія имѣть не
могутъ: сіе зависить отъ разсмотрѣнія высшихъ Прав-
тельствъ.

*) Въ оныя лошади, такъ какъ и прежде послан-
ныя, достались въ руки и въ пользу злодѣямъ.

42) Къ дополненію вышеозначенныхъ по журналу Губернаторской Канцеляріи описанныхъ девяти чиселъ, то есть отъ 23 Октября по 1-е число Ноября, изъ приватныхъ записокъ можетъ быть слѣдующее:

23 числа передъ утромъ выбѣжали изъ злодѣйскаго лагерьа захваченный туда въ послѣднемъ фуражированіи Соборный староста; передъ вечеромъ же слышна была въ лагерѣ ружейная стрѣльба. — На 24 число ночью небольшое число злодѣевъ подкрадывались къ сдѣланному чрезъ рѣку Яикъ мосту, въ намѣреніи, чтобъ оный разорвать, и два якоря, коими будары прикрѣплены, дѣйствительно отрубили, да и досокъ нѣсколько разбросали; но, совершеннаго успѣха не получа, какъ стали окликать, скрылись. Предъ полуднемъ развѣздными изъ города казаками пойманъ бывшій въ обществѣ съ злодѣями Чернорѣченскій казакъ, который между прочаго объявлялъ, что положено у нихъ завтрашній день еще покушеніе сдѣлать на городъ. Предъ вечеромъ же оказалось: было оныхъ злодѣевъ немалое число, скопляющихся около Маячной горы, а потому и признавали намѣреніе ихъ въ почную темноту приблизиться къ городу; но събѣжавшіе они въ одну кучу и постоявъ немного, невѣдомо зачѣмъ, всѣ развѣхались они опять къ своему лагерю, оставя по высокимъ мѣстамъ обыкновенные свои караулы. — На 25 число въ ночи хотя и чательно было подбѣгу ихъ на городъ, однакожь онаго не было. — 26 числа поутру начали было злодѣи еще приближаться къ городу великимъ людствомъ и съ пушками, въ томъ намѣреніи, по сказкѣ выбѣжавшихъ, чтобъ всѣми силами помогать взять городъ и идти бы прямо къ валу, имѣли впереди себя захваченныхъ ими людей пѣшими, и хотя они нарочито уже близко къ городу подошли, но не вида никакой пальбы изъ города <коей въ томъ намѣреніи не производили, чтобъ подпустить ихъ ближе къ пушкамъ> и постоявъ въ одной кучѣ съ четверть часа, поворотили всѣ назадъ. — 27 числа, поутру въ 9-мъ часу, вышли они изъ своего лагеря, пробираясь къ кирпичнымъ сараямъ въ немаломъ людствѣ, но безъ пушекъ, да и начали было дѣлать стремительство свое къ городу; но какъ выпалили по нимъ изъ пушекъ до 10-ти разъ, отъ чего нѣсколько упало ихъ съ лошадей, то въ 10-мъ часу предъ полуднемъ опять отошли они въ свой лагерь. Между тѣмъ пойманъ приставшій къ нимъ въ Нижней Озерной крѣпости изъ Поляковъ весьма пьяный солдатъ, который между прочаго сказывалъ, будто бы они въ предбудущую ночь намѣрены сдѣлать къ городу нападеніе всѣми своими силами, а для того и приготовили-де они три воза лошадей и незнаемо какіе щиты. Сего числа прѣехали изъ Озерной крѣпости отъ Бригадира Корфа 10 человекъ тамошнихъ казаковъ, да одинъ Башкирецъ, съ тѣмъ извѣстіемъ, что опъ Корфъ сегодня, а конечно завтра, съ командою своею отсюда выступить *).

*) Сего числа ввечеру впущенъ въ городъ Хивинскій караванъ, состоящій въ 30 верблюдахъ <Еще 6 верблюдовъ, по сказкѣ Хивинцевъ, близъ Илецкой Защиты отбили у нихъ Киргизы>. Тутъ же вывезенъ Хивинцами и одинъ солдатъ, съ три года назадъ захваченный Киргизцами съ Сибирской линіи, и запродавъ отъ нихъ былъ въ Хиву.

43) Хотя по объявленію вышеозначеннаго солдата въ почи на 28-е число и ожидали отъ злодѣевъ сильнаго на городъ приступа, къ чему яко бы готовили они у себя и туры на подобіе щитовъ, изъ-за коихъ бы имъ безопасно стрѣлять, и имѣли у себя до 300 желѣзныхъ лопатокъ, кои доставли они съ Твердышева завода; однакожь онаго не было; можетъ быть была тому причиною великая въ сію ночь темнота, а съ вечера небольшой былъ и дождикъ. Послѣ жъ полудня, часу во 2-мъ усмотря они, злодѣи, что пропущено было изъ города нѣсколько служивыхъ людей и слугъ для фуражированія, бросились туда чрезъ бродъ позади прежняго ихъ лагеря и начали туда скопляться, такъ что наконецъ перебѣжало ихъ туда къ Мѣновому двору до 700 человекъ, въ намѣреніи, чтобъ изъ тѣхъ фуражировъ сколько-нибудь отхватить, да и гнали за ними многолюдно; но какъ зачали въ толпу ихъ палить изъ пушекъ и убили изъ нихъ ядрами двухъ человекъ, да лошадей ранили, то стали они отдаляться; а потомъ, въ исходѣ 5-го часа, на томъ же броду перешедъ Яикъ, отошли къ своему лагерю, слѣдуя въ виду изъ города, но такъ далеко, что пушечные выстрѣлы доставать ихъ не могли. Сказывали, что изъ Каргаинскихъ Татаръ при семъ случаѣ отлучилось къ злодѣю 44 человека. Бывшие для сѣна и травы за рѣкою Яикомъ объявляли, яко бы нѣкоторые изъ злодѣевъ, подбѣгая ближе къ городскимъ людямъ, кричали: долго ли вамъ воевать и не сдаваться? Завтра-де будетъ къ намъ Павелъ Петровичъ, а батюшко-де (то есть самозванецъ ихъ) нынѣ боленъ. — 29 числа послѣ полудня человекъ съ 300, вышедъ изъ своего лагеря, перешли выше города чрезъ рѣку Яикъ вчерашнимъ же бродомъ, и за рѣкою степною стороною пошли на Сыртъ, а куда и для чего, неизвѣстно; только догадывались, что намѣреніе ихъ стремилось напасть на Киргизскія коши, потому что вчера захватили они 6 или 8 человекъ Киргизцевъ, вѣхавшихъ въ городъ для мѣны, коихъ можетъ быть принудили они указать оставшихъ позади ихъ со скотомъ Киргизцевъ. Передъ вечеромъ же человекъ до 100 выбѣжало ихъ изъ лагеря къ кирпичнымъ сараямъ, откуда нѣсколько отважнѣйшихъ, но весьма пьяныхъ, отдѣляясь, подбѣжали ближе къ городу и имѣли они съ немногими казаками, посланными изъ города, небольшую перестрѣлку, но безъ всякаго вреда. Между оными выбѣжалъ за городъ одинъ Курскій купецъ, по прозванію Полуехтовъ, который, надѣясь на свою весьма рѣзвую лошадь и желая оныхъ злодѣевъ въ большемъ числѣ приманить къ городу, въ самомъ близкомъ разстояніи подбѣжалъ къ нимъ и снова отдалялся къ городу, въ виду многихъ зрителей, на валу стоявшихъ; однакожь оные злодѣи предостереглись, а потому и оный купецъ за наступившимъ вечеромъ съ казаками возвратился въ городъ. — 30 числа въ ночи было спокойно; только съ вечера и подъ утро слышны были въ злодѣйскомъ лагерѣ два пушечные выстрѣла; а поутру, въ началѣ 9 часа, была изъ города пушечная пальба выстрѣловъ до 10-ти, по той причинѣ, что немалымъ людствомъ пошли они еще, въ виду и въ недалекомъ разстояніи отъ города, къ старому своему лагерю, на тотъ бродъ, о коемъ выше сего упомянуто, и тутъ перешли Яикъ; нѣкоторые ходили по степи. А около полудня пришли они назадъ въ виду города и гнали съ собою

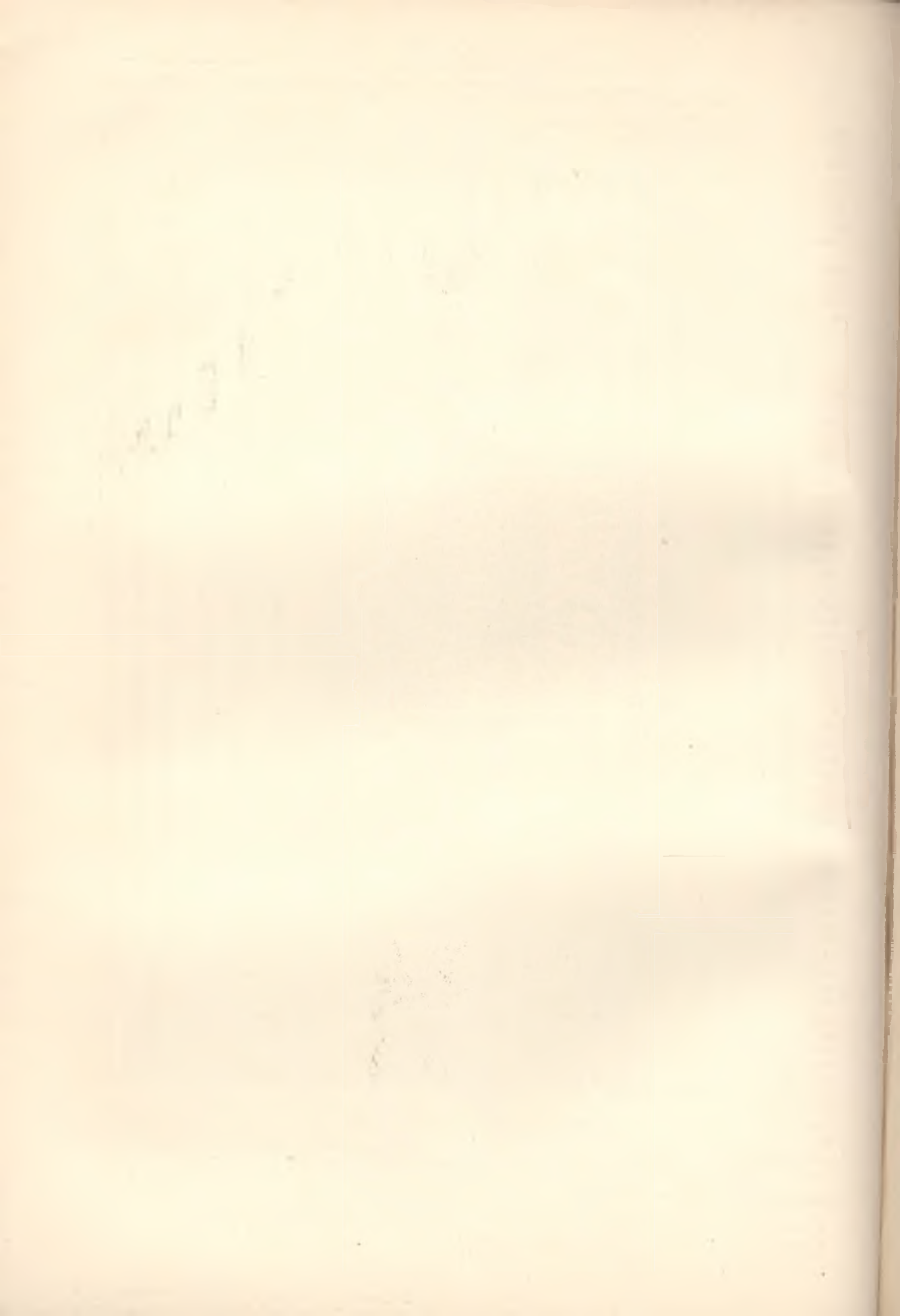
Stollers. A.

Jemelja Bugatschew

Rebelle in Rußland unter dem angenommenen Namen Czaar Peter des dritten im Orenburgischen Gouvernemen; fieng an am Ende des Jahrs 1773, ward gefangen am Ende des Jahrs 1774, und in ein fernen Käfig nach Moskow gebracht.

Nach dem Original von Petersen 7

барановъ, по видимому, отъ 4-хъ до 5000. И такъ вчерашняя догадка была справедлива, что они вѣдѣли разбивать Киргизцевъ, вѣхавшихъ въ городъ для мѣны барановъ, что они, по словамъ захваченныхъ ими Киргизцевъ, и учинили. Между тѣмъ сожгли они нѣсколько стоговъ сѣна, кои было отъ прежнихъ ихъ пожеговъ уцѣлѣли.—31 числа ничего не происходило.

Часть III.—Продолженіе Оренбургской осады, бывшій на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева къ Оренбургу, усилваніе его и другія приключенія, Ноября съ 1 Декабря по 1 число 1773 года.

44) 1 число Ноября, какъ въ денное, такъ и въ ночное время, было спокойно; на 2-е въ ночи было спокойно жъ; а днемъ съ начала 8 часа по полуночи предписанный злодѣй Пугачевъ со всею его злодѣйскою толпою вышелъ изъ лагера и построа вокругъ всего здѣшняго города батареи, производилъ непрерывно до самой ночи сильную канонаду, и около половины дня изъ толпы его 1000 человекъ пѣвшихъ подъ пушечными выстрѣлами закрывшись съ берега рѣки Яика въ имѣющіеся въ форштатѣ погреба, почти къ самому валу и рогаткамъ стрѣляли изъ ружей и изъ сайдаковъ. Но напослѣдокъ высланными изъ города за Яикъ рѣку шестой легкой полевой команды егерями не только изъ тѣхъ мѣстъ ружейными выстрѣлами выгнаны, но притомъ много изъ нихъ побито, а 4 человекъ живыхъ захвачено. Противъ оныхъ злодѣевъ съ городской стѣны вокругъ города выпазено изъ пушекъ ядрами 1643, картечами 71 зарядъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 40, 30-ти фунтовыхъ 34, причеъ 12-фунтовую пушку въ казенной части разорвало и отрывками изъ имѣющихся при ней служителей изъ баталіонныхъ солдатъ ранило 2, у мѣдной 6-фунтовой запалъ вырвало, почему и къ дѣйствию стала неспособна. Да съ непріятельской стороны пушечными ядрами ранило солдата одного, рекрута одного, да внутри города у здѣшняго купца Кочнева руку оторвало, отъ чего онъ вскорѣ и умеръ.

45) Сіе 2-е число изъ частныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще дополнено быть слѣдующимъ:

Какъ ни сильно было означенное по 22 числа Октября злодѣйское устремленіе къ городу, но сего 2 числа Ноября произведенное ими несравненно было сильнѣе и отважнѣе.

Еще прежде дневнаго разсвѣта подтащили они къ городу имѣвшіеся у нихъ артиллерію, и какъ стоящіе на валу караулы на разсвѣтѣ дня стали окликать: что тутъ за люди? они вмѣсто отвѣта въ трехъ мѣстахъ выпалили изъ своихъ пушекъ, а потому, въ исходѣ 7 часа поутру, какъ изъ города, такъ и отъ нихъ началась сильная и весьма частая пушечная пальба: сперва произведена она была злодѣями у кирпичныхъ сараевъ и противъ Бердскихъ воротъ, гдѣ они имѣли свои пушки. А какъ городскими выстрѣлами оттуда сбивать ихъ начали, то остави они сіи мѣста, начали подвигаться къ Орскимъ воротамъ и подавались къ мишени *), которая

отъ города въ верстѣ или немного больше сдѣлана была изъ дерну нарочитой вышины и толщины, для обученія артиллерійскихъ служителей и стрѣлянню въ дѣль, къ которой мишени злодѣи во вчерашнее ночное время придѣлавъ съ обѣихъ сторонъ небольшіе валы, оставя тутъ для пушекъ малые промежутки, начали частую и сильную пушечную пальбу производить по городу. Сверхъ того позады часовни, гдѣ убогій домъ, сдѣлали въ ту жъ ночь батареи и, поставя на нихъ пушки, непрестанно стрѣляли въ городъ, не взирая на то, что съ городскихъ валовъ равномерно въ тѣ мѣста стрѣляли жъ, и какъ оныя ихъ злодѣйскія мѣста къ городу гораздо уже стали быть ближе прежнихъ, то всѣ ихъ ядра внутри города падали, къ немалой опасности городскихъ служителей *); одно такое ядро, пущенное злодѣями отъ вышеозначенной мишени, трафило въ окно первенствующаго и капитальнаго Оренбургскаго купца Ильи Лукьянова сына Кочнева <который отъ Оренбургскаго купечества былъ и Депутатъ>, въ то самое время, когда во время обѣденного священникъ служилъ у него молебень, а самъ онъ Кочневъ стоялъ у окна, имѣя правую руку прижатую къ лѣвой; ядро, пробивъ стекло, трафило его напередъ въ правую руку и оторвало у сей руки средней персть, а потомъ разбило кость у лѣвой руки выше локтя такъ сильно, что рука осталась на одной только мясной части: для чего, по разсужденію Доктора и лекарей, принуждено было тогда жъ дѣлать надъ нимъ операцію и руку его прочь отнять; и такъ онъ Кочневъ сей же день къ вечеру скончался. Симъ же удовольствуясь, еще оныя злодѣи завезли нѣсколько пушекъ своихъ къ самой Егорьевской церкви <которая отъ городского вала не даже двухъ-сотъ сажень>. Изъ имѣвшихся тутъ подъ горою теснаго плитнаго камня, на обѣихъ сторонахъ сей церкви очень скоро сдѣлали они тутъ для себя зашиты, оставя въ ней узкіе промежутки, чтобы имъ пушками своими отъ городскихъ выстрѣловъ безопасно было дѣйствовать, и начали отсель безпрестанно стрѣлять въ городъ мимо лѣтней Соборной церкви; а нѣсколько сотъ, сбѣжавшіеся у той же Егорьевской церкви подъ горою, пошли по подгору и подлѣ рѣки Яика, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы имъ, приближась къ городу

неоднократно говорено было, чтобы ее какъ вредную разнимать, а около Георгіевской церкви, для недопущенія злодѣевъ въ близость къ городу, въ пристойныхъ мѣстахъ сдѣлать батареи и поставить на нихъ пушки, но сіе не учинено, ди и въ казачьей бывшей слободѣ противъ самой Соборной церкви отъ пожара одна оставшаяся изба не сжмана и не сожжена, что, какъ ниже значится, злодѣи служило къ немалому ихъ пособію и закрытію оными.

*) Оными ядрами, кромѣ купца Кочнева, побито до смерти 5 или 6 человекъ и 7 человекъ ранено; 2 ядра трафили внутрь Губернаторскихъ покоевъ, одно 6 или 8 фунтовое пало въ двери палатки, гдѣ Солянаго Правленія денежная казна хранится, и часть двери выломано; другое ударило въ стѣну сего Правленія, гдѣ Судейская камора, и отскока отъ стѣны, отлетѣло вдалѣ; а еще одно трафило передней каморы онаго жъ правленія въ окно, и ударивъ въ дверной Архивный косякъ, въ томъ косякѣ и осталось; еще одно поднято на моемъ дворѣ, отъ коего едва спасася идущій ко мнѣ того жъ Правленія Протоколистъ Ершовъ.

*) О сей мишени, которая немалое побѣдительство дѣлава пушечной пальбѣ изъ города по злодѣямъ, хотя и

и взошедъ на гору одною имѣющеюся тутъ лощиною, ворваться въ городъ, не смотря на пушечную пальбу. Тутъ поднявшись они къ верху и не входя еще на верхъ, зачали палить изъ ружей, а бывшіе съ ними въ сообществѣ Банкирцы метать стрѣлы. На валу бывшіе люди того же часа начали стрѣлять по нихъ изъ ружей; по какъ ихъ, тутъ лежащихъ за горою, ружейною пальбою вредить было не способно, то нѣсколько егерей легкой полевой команды отважились рѣку Яикъ перейти по льду, а нѣкоторые, пробивъ ледъ, переѣхали рѣку и, будучи на той сторонѣ, начали по лежавшимъ на горѣ злодѣямъ, палить изъ ружей и тѣмъ принудили ихъ спускаться въ великой робости опять подъ гору, что узнавъ бывшіе на валу солдаты кинулись чрезъ ровъ и чрезъ рогатки, и пресѣкну нѣкоторымъ способъ къ побѣгу, порубили и покололи изъ нихъ человекъ до 30; многіе хотѣли было, перешедъ Яикъ, укрыться на той сторонѣ, но за тонкостью льда, проломившись, утонули. Однако жъ четыре человека живые пойманы; изъ-за сего оныя злодѣи въ близость городского вала пѣше стремиться уже и перестали, а отдались къ Егорьевской церкви и къ своимъ пушкамъ; но большая ихъ часть была у той церкви подъ горою. Пушечная пальба и все вышеозначенное нынѣшнее дѣйствіе продолжалось, какъ выше значить, отъ самаго утра и до 6 часа пополудни, но и въ ночь до 12 часа изрѣдка съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба была жъ. Оставшіе жъ подлѣ Егорьевской церкви злодѣи въ то ночное время, какъ на Соборной церкви били часы, на каждый часъ дѣлали по выстрѣлу изъ пушки; напротивъ чего изъ города отъ Соборной батареи то жъ чинено. Съ нашей стороны при семъ случаѣ считали убитыхъ, кромѣ вышеозначеннаго купца Кочнева, 6 человекъ, въ томъ числѣ одинъ Хивинецъ и Татаринъ, да одна баба, которая, ходя по воду, смотрѣла; раненыхъ начали 7 человекъ.

46) На 3-е число въ ночи и днемъ изъ сдѣланной ими злодѣями, въ имѣющей на томъ мѣстѣ, гдѣ форштатъ былъ, около каменной Георгіевской церкви, также и днемъ того 3 числа производилась и изъ-подъ горы съ батареи сильная канонада. Однако отселѣ соотвѣтствующую пальбою отбиты въ свой лагерь возвратиться. Съ городской стѣны выпалено изъ пушекъ съ ядрами и картечами 126 зарядовъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 5, 30-ти-фунтовыхъ 3.—4-го числа помянутые злодѣи раздѣлялись партіями вокругъ города; въ нихъ съ городской стѣны выпалено изъ пушекъ съ ядрами два заряда.

Къ симъ 3 и 4 числамъ въ дополненіе изъ частныхъ записокъ вносится, что выше сего означено уже, что на 3 число до полуночи изрѣдка съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба происходила; но отъ злодѣйской никакого вреда не было: поутру началась, но въ 8 часу однакожъ не такъ была многочисленна, какъ во вчерашній день; но къ вечеру произведена была гораздо чаще. Злодѣи во 2 часу послѣ полудня хотя и покусились было еще въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они вчера пѣше къ валу приближались, ружейную пальбу производили, и сегодня до того дошли, что съ стоящими на валу перестрѣлку изъ ружей начали по нихъ стрѣлять; но какъ изъ поставленныхъ на той сторонѣ Яика двухъ уже пушекъ (другая сей день туда перевезена), выстрѣла четыре по нихъ сдѣлали, то всѣ они покидались внизъ горы къ берегу и

убрались опять къ Егорьевской церкви, въ которую втащили они двѣ пушки, гдѣ заряжая, вытаскивали ихъ въ двери и подъ колокольную на паперть, сперва изъ обѣихъ, а потомъ уже изъ одной начали отсель стрѣлять въ городъ; а нѣкоторые взошедъ на колокольную, стрѣляли въ городъ свинцовыми жеребьями и пулями, и какъ въ сей день была сильная вьюга и стужа, то оныя злодѣи въ самой церкви разклали великій огонь и тутъ грѣлись, и такимъ образомъ изъ храма Божія и святилища Его сдѣлали они теперь батарею и вертепъ свой разбойничій; другіе, натопа оставшуюся отъ пожара противъ самой той церкви избу <о коей выше упомянуто>, грѣлись и въ той избѣ; и хотя ввечеру всѣ мѣры употребляемы были къ тому, чтобъ сію избу, злодѣямъ для убѣжища и согрѣванія служащую, пушечными ядрами разбить, однако сего намѣренія сегодня одержать было невозможно. Отъ злодѣйскихъ же сегодняшнихъ выстрѣловъ, какъ слышно было, раненъ въ ногу изъ находившихся на валу одинъ только солдатъ.—На 4-е число въ ночи никакой тревоги не было, можетъ быть, по причинѣ случившагося сильнаго мороза; между тѣмъ выбѣжали изъ лагеря 5 человекъ изъ захваченныхъ ими, которые между прочаго показали, что въ послѣдніе два приступа къ городу разстрѣляли они ядеръ столько, что осталось у нихъ уже малое число, а потому и заготовили-де они три телѣги чугунаго черепя, употреба на то имѣвшиеся у нихъ и увѣренные съ Мѣноваго двора котлы; а въ третьягодняшній-де приступъ у пѣшихъ людей, кои отважились подходить къ валу, предводителемъ былъ вышеупомянутый самозванецъ самъ, и какъ-де вылазка сдѣлана изъ города, то едва спасся онъ подъ горою отъ поимки; намѣреніе жъ онъ имѣетъ, прежде нежели сбегутся команды, завладѣть городомъ и къ тому употребить всѣ свои силы, да и общалъ-де находящимся при немъ людямъ, сверхъ того, что они грабежомъ могутъ получить, по 10 руб. на человека деньгами и по хорошему кафтану, а потомъ отпустить ихъ на волю куда кто желаетъ. Поутру, не видя оныхъ злодѣевъ около Егорьевской церкви и батареи ихъ, послано было нѣсколько егерей и казаковъ осмотрѣть оную церковь: есть ли тутъ и около ея злодѣи, или нѣтъ;—рапортовали, что никого ихъ тамъ и при батареяхъ нѣтъ, да и пушки-де отвезены въ лагерь, а внутри церкви усмотрѣна въ разныхъ мѣстахъ кровь <можетъ быть отъ раненыхъ людей>, а напрестольное одѣяніе все изорвано въ лохотья, и оклады съ образовъ ободраны. Узнавъ уже по самимъ дѣйствіямъ, сколь вышеозначенная мишень пушечнымъ изъ города выстрѣламъ дѣлала много помѣшательства, а злодѣямъ прикрытіе и способность, не смотря на сильный сегодняшній морозъ, подъ прикрытіемъ казаковъ послано было нѣсколько ссыльныхъ, чтобъ оную мишень и придѣланныя къ ней и другія въ близости города устроенныя злодѣями батареи испортить, а оставшуюся на пожарищѣ избу <гдѣ вчера злодѣи убѣжище и согрѣваніе имѣли> разломать—что и учинено <кромѣ мишени, которую, за ея вышиною и толщиною, и что земля весьма уже промерзла, съ великою нужною поспѣхъ чрезъ нѣсколько дней разбросали>. Злодѣи, усмотря оную высылку, хотя и пошла было изъ лагеря своего многочисленность и съ пушками, чтобъ оной работѣ воспрепятствовать, а можетъ быть и къ

городу еще приступъ сдѣлать; но какъ съ крѣпостнаго вала сдѣлано въ нихъ выстрѣловъ до 50, и одна граната, изъ единорога брошенная, надъ толпою ихъ разорвалась, то сія толпа, сдѣлавъ немалый визгъ и крикъ, разсыпалась врознь, а потомъ, не подходя уже къ городу, оборотилась назадъ къ своему лагерю, и во весь день тѣхъ злодѣевъ было не видно.

47) 5 и 6 чиселъ было спокойно. Между тѣмъ злодѣи Пугачевъ, возвратя 4-хъ казачихъ женокъ, захваченныхъ 18 числа Октября съ фуражирами, прислалъ къ Губернатору листъ, давъ сроку на 4 дни съ тѣмъ, чтобъ выйти изъ города вопъ, вынести знамена и оружіе и приклонить бы имъ злодѣямъ, титулуя себя Великимъ Государемъ, съ прощеніемъ, ежели того исполнено не будетъ, его гибва; которые листы, также и къ Яицкому вѣрному Старшинѣ Мартемьяну Бородину присланные, отправлены при рапортѣ въ Государственную Военную Коллегію.—На 7-е число въ ночи было спокойно, а днемъ поутру въ 8 часовъ изъ означенной злодѣйской толпы человѣкъ со 150, перебѣжавъ выше Оренбурга верстахъ въ четырехъ чрезъ рѣку Яикъ <по объявленію паѣнныхъ, для осмотра сдѣловъ, не идуть ли откуда команды>, приближились къ Мѣновому двору, гдѣ высланною изъ города нерегулярною командою разбиты; изъ коихъ поймано злодѣевъ: изъ Яицкихъ казаковъ 7, въ томъ числѣ хорунжихъ 2, изъ Изедкихъ 12, Башкирцевъ 3, изъ разныхъ крѣпостей захваченныхъ ими злодѣями казаковъ, заводскихъ крестьянъ и Сеитовскихъ Татаръ 38, итого 57, да на мѣстѣ побито до 70 человѣкъ, прочіе жъ спаслись бѣгствомъ, а изъ высланныхъ отсель никому вреда не сдѣлалось.

По приватной запискѣ, 5-го числа, поутру въ 10 часу, выше города перешло злодѣевъ чрезъ рѣку Яикъ вышеозначеннымъ же бродомъ человѣкъ до 300 и стали къ Мѣновому двору прямо, гдѣ позади онаго двора постоявъ немного, пошли тихою вѣзкою внизъ по рѣкѣ Яику стѣнною стороною; а послѣ полудня еще такая жъ партія, вышедъ изъ лагеря, пошла здѣшнюю стороною, ниже Яика, а зачѣмъ, того узнать было не можно. Между тѣмъ поутру примѣченъ былъ въ злодѣйскомъ лагерѣ великій дымъ, на подобіе пожара: сказывали, яко бы онъ, оставя лагерь по причинѣ бывшего жестокаго мороза, со всѣми своими людьми перекрѣлся въ самую Бердскую слободу и приказалъ подлѣ ея и на дворахъ дѣлать землянки; а въ оставшемъ отъ пожара лагерѣ позволилъ онъ быть Башкирцамъ и Калмыкамъ.—На 6-е число въ ночи не было никакой тревоги, а въ день прежде полудня переѣхало еще нѣсколько злодѣевъ на ту сторону Яика, и подѣзжали они къ Мѣновому двору; но не вѣдя оттуда внизъ по Яику, возвратились послѣ полудня въ свой лагерь, да и число ихъ было не столь людно, какъ вчера.—7-го числа поутру, въ томъ чаяніи, что злодѣи на Мѣновой дворъ придуть по вчерашнему, еще до свѣта выслано было изъ Яицкихъ казаковъ 270 человѣкъ, съ тѣмъ приказомъ, дабы они расположились противъ города подъ закрытіемъ имѣвшася тутъ за рѣкою Яикомъ лѣса; а еще нѣсколько изъ нихъ же приготовлено было на такой случай: когда вышеозначенные казаки съ злодѣями вступятъ въ сраженіе, то бѣ ихъ сими усилить, въ чемъ и ошибки не было. Злодѣи еще ранѣе обыкновеннаго оказались на Сырту про-

тивъ Егорьевской церкви, и хотя не столь уже людно, какъ вчера, однакожъ по примѣру было ихъ около 100 человѣкъ. Шли они по Сырту и къ старому своему лагерю, оттуда на бродъ къ Яику рѣкѣ неспѣшно, перешедъ чрезъ Яикъ, прежнюю свою тропкою потянулись на Мѣновой дворъ; какъ скоро приблизились они къ нему и заѣхали позади онаго, то бывшіе въ засадѣ казаки пустились на нихъ во весь опоръ, а между тѣмъ и приготовленные въ городѣ для сикурсу туда жъ наскakали и скоро начали перестрѣлку. Злодѣи, видя, что путь имъ къ лагерю ихъ съ обѣихъ сторонъ пресвѣченъ, и надѣясь на рѣзвость своихъ лошадей, по недолгомъ сопротивленіи поскакали было всѣ прямо въ степь, удалясь въ лѣвую сторону отъ Мѣноваго двора; но сколь ни слабы были у городскихъ казаковъ отъ безкормиды лошади, однако могли они и тамъ ихъ догонять, многіе перекололи они тутъ сражающихся съ ними, а другихъ перестрѣляли изъ ружей; но не меньше, перехватывъ, переслали въ городъ, о чемъ выше сего по журналу Губернаторской Канцеляріи лѣствуется.

48) 8 и 9 числа были спокойны. — 10-го числа въ виду изъ города раздѣла злодѣйская партія и изъ нея нѣкоторое число подѣлало къ городской стѣнѣ. Въ нихъ съ вала выпалено изъ пушекъ 4 заряда.—11-го числа днемъ и ночью было спокойно.—12-го числа изъ злодѣйской толпы противъ партіи чинена была изъ города вылазка, составляющая нерегулярныхъ командъ 300, да пѣхоты 100 человѣкъ, которыми изъ той партіи переловлено разнаго званія захваченныхъ людей 13 человѣкъ, да убито и рапено до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ злодѣйскій полковникъ, а прочіе всѣ возвратились въ свой лагерь. На полевомъ сраженіи выпалено изъ пушекъ ядрами 17, да съ городской стѣны 1, итого 18 зарядовъ.

Изъ приватныхъ записокъ могутъ оныя пять чиселъ дополнены быть слѣдующимъ. На 8 число въ ночи было спокойно, а поутру, какъ третьяго-дня и вчера, такъ и сегодня посланы были за городъ сызочные подъ прикрытіемъ военныхъ людей, вышеозначенную мишень, не смотря на то, что земля крѣпко уже замерзла, срыть до основанія; но какъ сіе злодѣи усмотрѣли изъ лагеря своего немалое людство, а потому и разсуждено было оныхъ людей всѣхъ возвратитъ въ городъ; однако послѣ полудня еще была туда высылка, и оную мишень уже безъ препятствія отъ злодѣевъ разрывали; но и сегодня, за великимъ морозомъ и что къ тому употреблены были Каргаинскіе Татары, кои мало къ такой работѣ привыкли, и на одну четверть ее не разрывъ, ввечеру принуждены были сію работу покинуть.—9 числа, какъ въ ночи, такъ и днемъ, отъ злодѣевъ ничего не видно было; только около полудня слышны были въ лагерѣ ихъ три выстрѣла пушечныхъ для чего—неизвѣстно. Ввечеру приказъ данъ Полиціи, за подписаниемъ Губернаторскимъ, чтобъ, по случаю недостатка въ сѣнѣ *), каждый житель объявилъ.

*) Ежели бѣ о часто-помянутомъ злодѣѣ городскихъ жителямъ заблаговременно дано было знать и къ перевозѣ заготовленныхъ сѣновъ сдѣлана была повѣстка заранее, то бѣ сего недостатка совѣсть не было: ибо у каждаго жителя и во всякой командѣ сѣна заготовлено было весьма довольно; но злодѣи скоростежно прибли-

сколько имѣть у себя на дворѣ сѣна, и оное бѣ безъ всякой утайки отдавалъ на команду Яицкихъ казаковъ, для защищенія города находящихся.

На 10-е число въ ночи пойманъ на рѣкѣ Яикѣ крещеный Калмыкъ, у него найдено 7 или 8 фунтовъ пороха и фитиль; который въ допросѣ между прочаго показалъ, что онъ отъ злодѣевъ съ тѣмъ и посланъ въ городъ, дабы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ больше и чаще строенье, зажечь и причинить пожаръ, а въ то-де время злодѣи хотѣли приступить сдѣлать къ городу. Поутру хотѣ и учинена была за городомъ высылка, чтобъ схватить нѣкоторые злодѣйскіе разбѣды; но за великимъ морозомъ и вѣтромъ возвращена была въ городъ. А послѣ полудня еще была высылка, въ которую командировано было Яицкихъ казаковъ до 300 человекъ; злодѣи, усмотря оную команду, начали противъ нее выбѣжать изъ своего лагеря, и выбѣжало ихъ тысячи съ полторы человекъ, причемъ имѣли они у себя пушки, на дровняхъ укрѣпленные, изъ коихъ сдѣлавъ 4 выстрѣла, принудили означенной небольшой командѣ, не имѣвшей ни одной пушки, возвратиться въ городъ; а какъ по онымъ злодѣямъ выпалено изъ города изъ трехъ пушекъ, то они отдался, возвратились въ свой лагерь. Яицкіе казаки сказывали, что при первомъ на злодѣевъ нападеніи, пока они еще не умножились, закололи у нихъ одного человека, на которомъ-де былъ красный кафтанъ съ золотыми широкими галунами, и черезъ съ деньгами <сказывали, что онъ былъ изъ Яицкихъ казаковъ по прозванію Сереберцовъ, и за его наѣзничество отъ злодѣи сдѣланъ старшиною>, да одному Яицкому казаку отрубили руку, а болѣе-де за великимъ ихъ людствомъ дѣйствовать имъ было не можно. Съ нашей стороны раненъ одинъ Яицкій казакъ вскользь въ руку.

49) 11-го числа поутру хотя и наряжаема была команда къ лагерю злодѣйскому и къ Бердинской слободѣ, но, прежде нежели она выступила, оказалось тысячи съ полторы или съ двѣ злодѣевъ, ѣхавшихъ чрезъ Маячную гору за рѣку Яикъ, а для чего, того познать было не можно; кажется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то выманить изъ города высылку и окружить бы оную команду со всѣхъ сторонъ. Переѣхавши многіе за рѣку Яикъ <а другіе, какъ видно, стояли подъ горой въ засадѣ> и постоявъ тамъ немного, въ исходѣ 12 часа всѣ опять возвратились въ Бердинскую слободу, предъ которой и на степи по увалу во весь день никого уже было ихъ не видно.—12-го числа по утру были пріѣзжіе отъ Бригадира Корфа съ рапортами, въ коихъ онъ доносилъ, что онъ съ командою своею прибылъ уже въ Красногорскъ; 2-е, медленность въ выступленіи его изъ Озерной крѣпости происходила отъ того, что онъ дѣлалъ приготовленіе къ зимнему походу для бездомныхъ людей, и что бывшіе въ командѣ его Башкирцы, поколебавшись въ вѣрности своей, всѣ бѣжали, а потому-де и выступить ему не осмотрѣя (было не можно; 3-е, изъ Верхояицкой крѣпости отъ Подполковника Ступинина за

жась къ городу, не только всѣ ближнія сѣна потравили и пожгли, но и путь къ онымъ такъ пресѣкли, что съ великою опасностію и потерянѣемъ неимало числа людей и лошадей за ними ѣздили, а наконецъ и совсѣмъ уже ихъ не стало.

конвоемъ присланы къ нему Кабинетской и Военной Коллегіи курьеры, коихъ, за опасностію отъ злодѣевъ, съ имѣвшимися при нихъ указами, удержалъ у себя, а полковникъ-де Колывановъ находится при немъ. Поутру, чтобъ злодѣевъ, находящихся, какъ выше явствуетъ, въ Бердинской слободѣ, потревожить, а чрезъ то бѣ и о людствѣ ихъ узнать, выслана была за городъ команда, состоящая въ числѣ, регулярныхъ и нерегулярныхъ, 450 человекъ съ 2-мя пушками, кою предводительствовалъ самъ Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ; немногіе изъ Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ подѣзжали почти къ самой Бердинской слободѣ, выманивая оттуда злодѣевъ, но они, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ, долго не являлись: а потомъ хотя и начали показываться, но малоллюдно: человекъ по 10 и по 20, знатно они были въ разбродѣ, наконецъ же стали являться на Сырту многолюднѣе, а нѣкоторые партіи прибѣжали къ нимъ изъ Каргаинской слободы и изъ Чернорѣчья (къ чему-де, какъ сказывали, сдѣланъ имъ знакъ зажженіемъ нарочно приготовленныхъ у нихъ маяковъ). И такъ, скопившись сотъ до пяти и имѣя при себѣ 3 или 4 пушки за Сыртомъ, вступили было съ казаками въ сраженіе, причемъ и изъ пушекъ съ обѣихъ сторонъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, притомъ поймано изъ сообщниковъ ихъ 18 человекъ, по большей части заводскіе крестьяне и работники, да одинъ конторщикъ Каноникольскаго завода *), и Башкирскій Сотникъ, да выбѣжалъ отъ злодѣевъ при семъ случаѣ Яицкаго доброжелательнаго казака Копѣчкина **) сынъ. Яицкіе Старшины, бывшіе въ той партіи, увѣряли, что при семъ случаѣ едва самый тотъ главный злодѣи и самозванецъ не попался имъ въ руки; но увернулся и ускользнулъ онъ отъ нихъ, имѣя подъ собою самую рѣзвую лошадь; а изъ любимцевъ-де его раненъ двумя ранами вышеозначенный Полковникъ Лысовъ; убитыхъ же ими осталось въ мѣстѣ сраженія около 40 человекъ, послѣ которыхъ и лошадей казаки въ городъ съ собою привели. Съ нашей стороны ранено пулами 3 человека и пѣсколько лошадей, но не смертельно. По допросамъ пойманныхъ въ сей день злодѣевъ, извѣстно стало, что вышеозначенный ссыльный Хлопушка, о коемъ былъ слухъ, яко бы онъ пойманъ и

*) Конторщикъ показывалъ, что отъ самозванца присланъ былъ на заводъ ихъ указъ, дабы они признавали его за Государа и служили бѣ ему вѣрно, съ такимъ выраженіемъ, что онъ будетъ жаловать ихъ бородами и крестами, то есть позволеніемъ носить бороду и креститься какъ они обыкли, а сихъ онъ въ указахъ своихъ къ войску Яицкому выключалъ <зная ихъ склонность къ расколу>, пороховъ и свинцомъ и увольненіемъ отъ подушныхъ податей и отъ рекрутъ.

**) Оный Копѣчкинъ, какъ вѣрный и въ службѣ усердный человекъ, отправленъ былъ въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка съ рапортами и по несчастію попался въ руки злодѣямъ. Они, приведши его предъ своего начальника и самозванца, вообще всѣ жаловались на него, что онъ всегда имъ былъ злодѣемъ, и просили, дабы его, какъ нестерпимаго имъ человека, приказалъ палить, что онъ учинить съ нимъ и велѣлъ. Сказываютъ, что сей несчастный и вѣрный человекъ при отсѣченіи рукъ и ногъ кричалъ, называя воровъ самозванца, бунтовщиковъ, Государственными злодѣемъ и тираномъ, и продолжалъ сіе по самое то время, какъ ему отсѣчена была голова.

убить, дня съ три назадъ возвратился въ злодѣйскій лагерь и привелъ съ собою Башкирцевъ сотъ до пяти и столько жъ заводскихъ крестьянъ, склоня ихъ на сторону злодѣевъ; привезъ нѣсколько денегъ и другихъ вещей; чрезъ тѣхъ же захваченныхъ въ сей день пронесся слухъ, яко бы посланная отъ злодѣя на Большую Московскую дорогу въ осьми стахъ партія захватила и въ злодѣйскій лагерь привезла одного или двухъ офицеровъ и 170 человѣкъ рядовыхъ, кои будто бы впередъ отправлены были для заготовленія фуража.

50) 13-го числа отъ шедшаго въ Оренбургъ по ордеру Г. Генералъ-Аншефа и Казанскаго Губернатора фонъ-Бранта съ корпусомъ Полковника и Симбирскаго Коменданта Чернышева, по полуночи въ 3 часу получень рапортъ отъ Рычовскаго хутора, не добѣхавъ Оренбурга 35 верстъ, съ предъявленіемъ, что онъ Чернышевъ намѣренъ оттуда выступить по полудни въ 7 часу, къ коему отъ рѣченнаго Генералъ-Поручика и Кавалера Рейнсдорпа того жъ часа предложено, чтобъ онъ къ Оренбургу сдѣловалъ, какъ ему заблагоразсудится, то есть за-Яидкою ль стороною или внутреннею, и слушалъ бы пушечную пальбу; а когда оную услышитъ, тогда бы маршемъ своимъ ускорялъ, ибо-де и бригадиръ Корфъ съ собраннымъ имъ съ верхнихъ Яидкихъ крѣпостей корпусомъ *), состоящимъ изъ регулярныхъ 1418, нерегулярныхъ 1077, итого 2495 человѣкъ, и при 22 орудіяхъ артиллеріи, прибыть сюда намѣренъ былъ, только затѣмъ вскорѣ и прежде нежели то предложеніе до него Чернышева дойти могло, въ 8 часу по полуночи, услышанъ былъ здѣсь съ той стороны, съ которой онъ Чернышевъ шелъ, пушечной и ружейной стрѣльбы гулъ, который не болѣе продолжался, какъ четверть часа и тотчасъ прексѣлся. Онъ, Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ хотя и старался съ своей стороны учинить ему Чернышеву назначенными къ высылкѣ командамъ сикурсъ, только молча сожалительный о судьбинѣ его рапортъ, что онъ Чернышевъ со всѣмъ корпусомъ безъ всякаго сопротивленія ведется въ лагерь злодѣйской, принужденъ былъ тѣмъ здѣшній команды, не предавъ равномѣрному жребію, возвратитъ въ крѣпость. А какъ того жъ 13 числа по полудни въ 4 часу, рѣченный Бригадиръ Корфъ съ корпусомъ его сюда прибылъ, такъ не преминули они злодѣи во многочудствѣ и его встрѣтитъ, съ коими сей корпусъ кучно съ высланными отсель нерегулярными сдѣлали имъ отраженіе. Причемъ изъ нихъ злодѣевъ побито человѣкъ до 5, а здѣшнія команды въ городѣ введены безъ всякаго урона. Съ городской стѣны при семъ случаѣ выпалено изъ пушекъ ядрами 5 зарядовъ; между тѣмъ чрезъ пойманнаго Симбирскаго баталіона солдата получено точное извѣстіе, что онъ Чернышевъ съ корпусомъ его обмануть вожакомъ изъ казаковъ, въ командѣ его бывшимъ, который обѣщалъ провести его мимо толпы злодѣйской ночью, вмѣсто того привелъ поутру уваломъ къ самому сей злодѣйской толпы лагерю, въ коемъ они злодѣи уже противъ него приготовились, и какъ скоро его Чернышева съ корпусомъ усмотрѣли, такъ и встрѣтили, не давъ

еще чрезъ Сакмару рѣку переправиться, и начали въ него стрѣлять изъ пушекъ, и хотя онъ Чернышевъ соотвѣтствовать старался, только по великому тѣхъ разбойниковъ количеству и что бывшіе съ нимъ казаки и Калмыки при самомъ тѣхъ злодѣевъ приступѣ измѣня, передались. Регулярные жъ, будучи отъ дальняго марша и отъ великой стужи утомлены, устоять не могли — и такъ всѣ солдаты тѣми злодѣями въ толпу ихъ захвачены, гдѣ онъ Чернышевъ и всѣ Штабъ и Оберъ-офицеры и Калмыцкій Полковникъ, да вѣхавшая въ томъ корпусѣ Прапорщица, всего 35 человѣкъ, повѣшены, а солдаты, по приводѣ къ присягѣ и по обрѣзаніи волосовъ, въ казаки поперестаны, да и подѣ отправленную-де отъ вышепомянутаго Г. Генералъ-Аншефа, Губернатора и Кавалера по Новой Московской дорогѣ, подѣ предводительствомъ Майора Варистова, команду не малую партію съ артиллерією оный злодѣй послалъ и, какъ чрезъ выходцемъ слышно, человѣкъ около 200 солдатъ захватилъ, почему та команда, обороняясь, нѣсколько издавъ отступила.

Къ исполненію се о 13-го числа изъ частныхъ записокъ и извѣстій можетъ здѣсь сіе только прибавлено быть, что передъ зарею сегодня прѣхалъ въ городъ отъ помянутаго несчастливаго Полковника Чернышева команды его Капитанъ Ружевскій съ рапортомъ и съ имѣющеся при немъ командою подѣ Маячную гору, къ рѣкѣ Сакмарѣ, что отъ Оренбурга въ виду не далѣе 5 верстъ, прибылъ и требовалъ, дабы при переходѣ его чрезъ оную гору, для опасности отъ злодѣевъ, высланъ былъ къ нему изъ города сикурсъ, который, какъ слышно было, и собирать было уже стали, но въ исходѣ 8 и въ началѣ 9 часа позади той горы вдругъ произошла скорострѣльная пушечная пальба, а между тѣмъ слышна была и ружейная, что продолжалось съ полчаса, а потомъ и затихла. И объ ономъ Полковникъ Чернышева корпусѣ сей день въ городѣ разпо признавали: нѣкоторые проговаривали, яко бы весь онъ захваченъ и увезенъ злодѣями; а другіе сказывали, что онъ отъ рѣки Сакмары ретировался и расположился лагеремъ около хутора прежде бывшаго Оберъ-Коменданта, а послѣ началъ появляться отъ стороны Нѣжипскаго редута и корпусъ Г. Бригадира Корфа. Въ разсужденіи онаго выслана была команда еще за городъ, и находилась она тамъ почти до самаго вечера, то есть до тѣхъ поръ, пока оный Бригадиръ со всею своею командою собрался въ городъ; но часу въ 5 по полудни когда уже вся вышеозначенная Корфова команда вбиралась въ городъ, оказалось злодѣевъ со стороны Бердичской слободы сотъ до пяти или и болѣе человѣкъ и еще ихъ къ нимъ прибывало, можетъ быть для того, чтобъ оной командѣ на приходѣ къ городу сдѣлать помѣшательство, или отхватить нѣсколько въ луга за сѣномъ и соломою поѣхавшихъ казаковъ, а потому городскіе казаки и должны были противъ оныхъ злодѣевъ еще на степь выѣзжать, и такъ сдѣлалась между ими ружейная перестрѣлка. Сказывали, что изъ злодѣевъ 3 человѣка убито, двое Яидкихъ казаковъ, изъ коихъ одинъ, по прозванію Самодуръ, великій плутъ и наѣздникъ, а у самозванца въ немаломъ любленіи находившійся, да одинъ Башкирецъ. А какъ изъ города въ кучи злодѣевъ сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, то всѣ они обратно и разбѣжались. Изъ городскихъ казаковъ ранено при семъ случаѣ 3 че-

*) Въ ономъ корпусѣ состояло гарнизонныхъ 600, Ставропольскихъ Калмыковъ 500, да крѣпостныхъ казаковъ 100, итого 1200 человѣкъ.

ловѣка. Изъ Бугульмы, находящійся тамъ въ правленіи Воеводской должности Секундъ-Маіоръ Хирьяковъ доносилъ Г. Губернатору, отъ 5 числа сего ноября, что с.-петербургскаго легіона Г. Генераль-Маіоръ и Кавалеръ Каръ къ Оренбургу оттуда отправился, а того жъ числа ожидалъ онъ Хирьяковъ въ Бугульму и Г. Генераль-Маіора фонъ-Фреймана.

51) На 14-е число ночью было спокойно, а днемъ въ первомъ часу по полудни, какъ здѣсь собранный, такъ и съ предписаннымъ Бригадиромъ Корфомъ прибывшій корпусъ въ числѣ 2400 человекъ съ 22 орудіями, подъ предводительствомъ здѣшняго Оберъ-Коменданта Г. Генераль-Маіора Валленстерна, высланъ былъ для поиска надъ тою злодѣйскою толпою къ состоящему отъ города въ Бердской слободѣ въ семи верстахъ сборищу, гдѣ, по выходѣ злодѣевъ, и учинено съ ними сильное сраженіе; но какъ сіи злодѣи, всѣ будучи противъ здѣшнихъ доброкошными и обыкновенно разбѣгаютъ разбѣянно, отдаляясь отъ картечнаго и ружейнаго выстрѣловъ, производили единственно изъ многочисленныхъ орудій пальбу, то совершеннаго усилія и одержать надъ ними было не можно, а принуждено при наступленіи ночи, сдѣлавъ пѣхотою баталіонъ-каре, въ городъ возвратиться. На полевомъ сраженіи здѣшняго Оренбургскаго корпуса выпалено изъ пушекъ ядрами и картечами 274, да изъ прибывшихъ съ Бригадиромъ Корфомъ 198, а сверхъ того съ городской стѣны 4, итого 473 выстрѣла. Причемъ со здѣшней стороны по вѣдомости Оберъ-Коменданта, урону было: побитыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей 32, да раненыхъ 93 человекъ; а въ злодѣйской толпѣ больше нежели въ четверо.—15-го съ утра хотя вся злодѣйская толпа, разбѣгаясь поодаль города, въ виду разбѣжала, причемъ и артиллерія у нихъ была, только вскорѣ возвратилась въ свой лагерь. Съ городской стѣны изъ пушекъ выпалено въ нихъ ядрами 2 заряда.—16, 17 и 18-го въ ночное и дневное время было спокойно.

52) Изъ приватныхъ записокъ въ прибавленіе къ вышеозначеннымъ послѣднимъ числамъ слѣдуетъ сіе, что 14 числа поутру о Симбирскомъ Комендантѣ Чернышевѣ еще носился въ городѣ слухъ, яко бы онъ отъ злодѣевъ ретировался и расположился, укрьпясь около рѣки Самары; а другіе говорили, что онъ стоитъ на хуторѣ бывшаго Оберъ-Коменданта Лапода (который нынѣ за дворяниномъ Сукинымъ); между тѣмъ же и пушечная пальба изрѣдка была въ тамошней сторонѣ слышна. Пронесся уже о немъ Чернышевѣ и о командѣ его слухъ, о коемъ, выше сего показано *). Сего жъ утра хотя и былъ

приказъ чтобъ какъ можно поранѣе собрать команды къ выступленію на злодѣйскій лагерь, но сіе собраніе и расположеніе продолжалось до 3-го часа по полудни, тогда выступила команда чрезъ Орскія и Бердскія ворота за городъ подъ предводительствомъ Генераль-Маіора и Оберъ-Коменданта Валленстерна; и хотя уповательно было, что сія высылка составитъ людства по меньшей мѣрѣ до четырехъ тысячъ, но она съ небольшимъ двѣ тысячи человекъ составляла. Предъ послѣднею высылкою, означенною подъ 22 числомъ Октября, имѣла она только то преимущество, что регулярной пѣхоты было тысяча человекъ, прочее людство составляли нерегулярные же люди, выбранны изъ прибывшихъ съ Корфомъ тѣ, кои поспособиѣ и подъ собою имѣли получше лошадей. Артиллерія была отправлено съ сею командою 26 орудій, въ томъ числѣ 4 единорога; она командой пошедь отъ города въ хорошемъ порядкѣ, безъ всякаго отъ злодѣевъ препятствія заняла тѣ высокія мѣста, гдѣ прежде злодѣи имѣли всегда передовые свои караулы; а какъ стала она подвигаться на скатъ, склоняющійся къ Бердской слободѣ, оставляя оную слободу въ лѣвой сторонѣ, тогда начали они злодѣи скопляться, подвозить и располагать свои пушки. Пальба начата съ обѣихъ сторонъ (но прежде съ нашей) въ половинѣ 4-го и продолжалась до половины 6 часа непрестанно; но злодѣи имѣли у себя пушекъ гораздо больше, да и людство ихъ было превосходнѣе **), то по сей причинѣ и что уже ночная пора стала находить, городская команда, сдѣлавъ баталіонъ-каре, начала съ пушечною пальбою подаваться назадъ къ городу. Все сіе въ такомъ порядкѣ происходило, что злодѣи хотя и покушались было разорвать сей порядокъ и отхватить сколько нибудь отъ пѣхотной команды и другихъ людей, однако дошла она къ городу свободно; а какъ заступили мѣсто ея не въ дальнемъ уже разстояніи отъ города Яицкій Старшина Мартемьянъ Бородинъ съ своими казаками, то тутъ отъ стремившихся къ городу злодѣевъ и сдѣлались съ ними ружейная перестрѣлка и ручной бой копьями, чѣмъ они тѣхъ злодѣевъ отъ города и отогнали. Во время сего сраженія отхвачено и поймано изъ злодѣйскихъ сообщниковъ 7 человекъ, въ томъ числѣ одинъ Яицкій казакъ изъ первѣйшихъ сообщниковъ самозванца, прозваніемъ Шелудяковъ **). 15-го числа поутру,

*) Однакожъ по примѣчаніямъ сказывали, что ихъ не было тутъ больше 3000 человекъ.

**) Оный Яицкій казакъ есть тотъ самый, у котораго самъ Пугачевъ, какъ сказывали, напередъ сего въ работникахъ былъ и у коего потомъ на хуторахъ до бунта сборища и совѣщанія происходили, да и условенность, какъ выше значить, чтобъ его, назвавъ Царемъ, подъ симъ именемъ умножить бунтовщичью партію свою. Понимая его Шелудякова сопряжена была съ удивительнымъ случаемъ, ибо онъ, признавъ городскую партію за свою, прискакавъ, кричалъ, чтобъ какъ можно скорѣе сдѣлали они ударъ въ правую сторону, но позади городской ѣхавшій за нимъ казакъ, наскакавъ, ухватилъ его за воротъ и закричалъ, чтобъ его ловили или убивали, сказывая, что онъ есть Шелудяковъ изъ самыхъ главныхъ злодѣевъ, и такъ онъ и пойманъ. При допросѣ сперва хотя ни на что отвѣтствовать онъ не хотѣлъ и ничего не говорилъ, но по долгимъ мстзаніямъ, и самъ въ томъ признался, особливо когда Войсковой Старшина Бородинъ былъ къ тому призванъ, сталъ его уличать, слагая всю вину на дьявола, что онъ его на-

*) Между офицерами умерщвленными отъ злодѣя Пугачева находились Ставропольскаго гарнизона Капитанъ Камыковъ, человекъ твердаго духа, о коемъ сказывали, что яко бы онъ предъ кончиною своею предводителя злодѣевъ публично, предъ всѣмъ смотрѣвшимъ на сію казнь народомъ, ругалъ, называя его злодѣемъ, воромъ, тираномъ, измѣнникомъ, и увѣщивая народъ, чтобъ ему не вѣрили, но, оставъ отъ него, служили бы законной своей Государынѣ. Огорчась тѣмъ, велѣлъ его палачу; однакожъ онъ, при отсѣченіи рукъ и ногъ, то жъ все кричалъ; а какъ изъ-за сего самозванецъ еще больше озлобился и приказалъ, прежде нежели голова ему отрублена, вепоротъ ему грудь, то онъ и между тѣмъ выговаривалъ, что онъ умираетъ, какъ вѣрный Ея Императорскаго Величества рабъ.

въ началѣ 10 часа, показались злодѣи великимъ своимъ людствомъ, идущіе къ городу, а потому и сдѣлана была чрезъ барабанный бой повѣстка, чтобъ всѣ къ опредѣленнымъ по валу мѣстамъ шли и тамъ были бѣ къ отпору къ готовности. Три человѣка, отважась ближе подѣлаться къ Бердскимъ воротамъ, (кричали:) долго ли не будутъ отворить имъ ворота и не стануть впускать ихъ въ городъ, чернѣ бы никакого опасенія не имѣла, изъ нея никому вреда сдѣлано не будетъ, или бѣ выслали на нихъ высылку; напротивъ того, нѣкоторые, на валу бывшіе, кричали имъ въ отвѣтъ, дабы они сами ближе подошли къ городу и посмотрили бѣ, чѣмъ ихъ стануть подбивать; но какъ сдѣлали по онимъ злодѣямъ два выстрѣла, то они усаkali къ стоявшимъ на Сыртѣ злодѣямъ. Тамъ бывшіе люди сказывали, что вчера осмотря убитыя тѣла, и нѣкоторые привлазавъ къ лошадинымъ хвостамъ, утащили къ себѣ въ лагерь, а съ другихъ снявъ одежду, нагими оставили; вѣроятно казалось, что они между убитыми смотрѣли и искали вышеозначеннаго вчера пойманнаго казака Шелудякова, начальнику злодѣевъ столь надобнаго. Говорили еще, якобы нѣкоторые, подѣлываясь ближе къ городу, кричали, чтобъ онѣй Шелудяковъ отданъ былъ имъ; впрочемъ поставъ оныя злодѣи на Сыртахъ противъ города, и до перваго часа по полудни не сдѣлавъ ни одного выстрѣла изъ пушекъ своихъ, возвратились опять въ свой лагерь.—16-го числа, какъ въ ночи, такъ и днемъ, ничего особеннаго не произошло, только нѣсколько подводъ и верховыхъ лошадей, посланныхъ вверхъ по Яику за сѣномъ, возвратились оттуда съ сѣномъ.—17-го числа ночью ничего жъ не было, а предъ свѣтомъ, какъ слышно было, подбѣгали къ Бердскимъ воротамъ три человѣка изъ злодѣевъ и кричали, чтобъ выданъ былъ имъ вышеозначенный захваченный злодѣй Шелудяковъ. Случившійся тутъ на валу Яицкіе казаки кричали жъ, отвѣствуя, чтобъ они привели въ городъ сына его <то есть, предводителя своего>, за что дано имъ будетъ награжденія 500 руб.; что они злодѣи, выслуша, ничего болѣе не говоря, поѣхали назадъ. Поутру выбѣжало изъ злодѣйскаго лагеря трое Оренбургскихъ казаковъ, одинъ захваченный изъ команды, бывшей при Бригадирѣ Корфѣ, а двое ѣздившіе съ собою по найму отъ Солянаго Правленія, кои по отдачѣ тамъ соли, возвращаясь назадъ съ Сакмарскимъ попомъ, который отъ злодѣевъ въ Сакмарскѣ опредѣленъ былъ Комендантомъ, а посланы были въ злодѣйскій лагерь. Изъ допросовъ ихъ извѣстно было, яко бы нѣкоторые злодѣи за тѣсною въ Бердской слободѣ намѣрены перебраться въ Сеитову Каргалинскую слободу. Начальникъ-де ихъ съ единомышленниками своими говорилъ, сожалея, что онъ на приступахъ своихъ къ городу много уже потерялъ людей хорошихъ, и сколько-де онъ городовъ ни прошелъ <сказывая, яко бы онъ бывалъ въ Іерусалимѣ, въ Царѣградѣ и въ Нѣмецкихъ городахъ>, но столь крѣпкаго города, каковъ есть Оренбургъ, не видалъ и за тѣмъ-де болѣе приступовъ дѣлать къ городу не намѣренъ, а хочеть осадою до того довести, чтобъ у жителей не стало пропитанія, а тогда-де и городъ сдаться

учалъ. Сей злодѣй наконецъ уже былъ въ раскаяніи и о всемъ подробно показывалъ, но послѣ дней черезъ пять, онда въ тюрьмѣ, умеръ.

ему будетъ принужденъ.—На 18-е число въ ночное время и днемъ тревоги не было; поутру жъ хотя и выслано было за городъ Яицкихъ казаковъ до 300 человѣкъ, чтобъ злодѣевъ потревожить и не удастся ль кого нибудь изъ нихъ схватить, которая команда и стояла долго за городомъ на Сыртахъ, но ихъ, кромѣ небольшого обыкновеннаго на форпостахъ ихъ людства, близъ лагеря ихъ имѣвшагося, никакого было не видно, а послѣ полудня посылаемы были разныхъ чиновъ люди за сѣномъ вверхъ по Яику къ Нѣжинскому редуту, откуда въ ночи и возвратились они съ сѣномъ; но между тѣмъ, какъ слышно было, 5 или 6 человѣкъ изъ Каргалинскихъ Татаръ обратно не пріѣхали. Признавали, что они въ злодѣйскій лагерь или въ Каргалинскую свою слободу ушли.

[53] На 19-е число въ ночи было спокойно, а днемъ по полуночи въ 11 часу изъ злодѣйской толпы въ многочисленномъ числѣ <видно, что усмотря посланныхъ изъ города фуражировъ> пробѣжала въ ту сторону, гдѣ фуражированіе было, немалое людство; однако, по учиненному изъ города изъ вѣстовой пушки сигналу, тѣ фуражиры принуждены, бросивъ нѣкоторые возы, возвратиться въ городъ, а послѣ того вскорѣ означенные по дорогѣ фуражирами оставленные съ сѣномъ воза отъ злодѣевъ пожжены, а потомъ они въ лагерь свой пробѣжали.

Примѣчаніе. Подъ симъ числомъ въ журналѣ Губернаторской Канцеляріи вмѣщены разные его Г. Губернатора примѣчанія и разсужденія; а понеже оныя принадлежатъ и къ прошедшему и къ слѣдующему впредь времени, того ради для полноты и преимущества онаго журнала, включаются они и здѣсь точно такъ, какъ они въ немъ написаны.

И такъ злодѣйство его Пугачева, что далѣе, то болѣе умопожается, коему споспѣшествуетъ вышеизображенное коварное его себя священнѣйшимъ имянемъ въ Божѣ почивающаго Императора Петра III разглашеніе, съ позволеніемъ притомъ Башкирдамъ грабежа заводовъ и помѣщиковъ, коими многіе уже заводы и пограблены, крестьянамъ боярскимъ и заводскимъ съ общаніемъ наложенія подушнаго оклада только по три копейки съ души, прочимъ людямъ, какъ равно и всѣмъ, вольности, чему обитающій въ Оренбургской Губерніи разныхъ вѣровъ въ невѣжествѣ погрешенный подлый народъ, не смотря на учиненныя отъ Генералъ-Поручика и Кавалера неоднократно увѣщеванія, безъ сомнѣнія и вѣрить, и чрезъ разсылаемыхъ отъ него злодѣевъ съ коварно составленными ложными указами людей въ толпу его собирается, а нѣкоторые при собраніи сюда силою захвачены. И такъ теперь, какъ по сказкамъ выходцевъ изъ захваченныхъ злодѣевъ, коихъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержится 182 человѣка, извѣстно, сія его толпа состоитъ въ тысячахъ около десяти, въ томъ числѣ Яицкихъ казаковъ съ пріѣхавшими вновь съ 1000, Илецкихъ съ 400, Башкирцевъ съ 5000, Калмыковъ ставропольскихъ съ 700, солдатъ и дѣвшихъ казаковъ, Татаръ и заводскихъ крестьянъ около 3000, изъ которыхъ заводскіе крестьяне, по взбунтованіи Башкирцевъ, пришедъ въ возмущеніе и побивъ приказчиковъ своихъ, въ ту толпу пришли, да пушекъ, забранныхъ имъ злодѣемъ изъ разоренныхъ крѣпостей и заводовъ, съ 80. Но еще какъ людей умножатъ, такъ чрезъ нихъ тиран-

ства и грабительства производить, посылая ихъ во всѣ здѣшней губерніи мѣста партіями, давая имъ видшее поощреніе изъ пограбленныхъ въ крѣпостяхъ, казенныхъ и партикулярныхъ, а паче заводскихъ денегъ довольно награжденіе и провіантъ и чрезъ нихъ отправляемыхъ отсюда и изъ прочихъ мѣстъ курьерами и за разными дѣлами людей ловить и тирански губить. Не оставилъ онъ злодѣй и къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-Хану чрезъ нарочныхъ писать, общая отдачею ему Хану, если онъ требованіе его исполнитъ, Яицкихъ казацкихъ женъ и дѣтей во владѣніе; почему онъ Ханъ, какъ то Подполковникъ Симоновъ отъ 9 числа сего рапортуетъ *), дѣтей своихъ Ишима и Пилярія Салтановъ съ Киргизцами и наряжаетъ; и хотя-де онъ Ханъ къ нему Симонову сообщилъ, яко бы отправлять ихъ сюда на помощь, однако-де конъюнктуры въ понятіе приводить, что для содѣйствія помянутому злодѣю, будучи побуждаемъ общаемою корыстію, намѣреніе онъ злодѣй имѣлъ, какъ всѣ выходцы и пѣшники свидѣлствуютъ, дотошъ здѣсь подъ городомъ находится, докошъ оный возьметъ, а какъ городъ регулярный и приведенъ въ большую осторожность, то старается сдѣлать внутреннее возмущеніе соблазномъ подлыхъ людей и пожаромъ, для чего уже и подсылалъ неоднократно, изъ коихъ подсыланныхъ пѣшкаторые съ порохомъ и фитилями переловлены. Что же принадлежить до учиненія надъ нимъ Пугачевымъ поиска, то одними вышеозначенными здѣшними и собранными съ крѣпостей регулярными и нерегулярными командами, по превосходству измѣннической толпы, учинить онаго весьма не можно, потому наипаче, что большое количество изъ приведенныхъ Г. Бригадиромъ Корфомъ и здѣсь находящихся конныхъ, затѣмъ, что они въ полѣ лѣто обращались, по линіи на службѣ къ употребленію въ полѣ по разбирательству оказались неспособными; лошади жъ регулярныхъ командъ, за пожженіемъ злодѣями всего здѣшняго сѣна, приведены въ крайнее изнеможеніе, а напротивъ того, у нихъ злодѣевъ въ добромъ качествѣ, которыхъ они во всѣхъ мѣстахъ нахватали, и содержа на добромъ корму, при высылкахъ столовъ проворно обращаются, что отъ пѣшнихъ ихъ до конныхъ достигать трудно, ибо они во время наступленія отъ картечнаго и ружейнаго выстрѣловъ отдаляются, а производя единственно изъ многочисленныхъ орудій палбу, разсыпаются такъ, что пѣхотѣ ни на картечный, ни на ружейный выстрѣлы сихъ вѣтренныхъ злодѣевъ достигъ, слѣдовательно поиска надъ ними никакого учинить не можно, какъ сообразнымъ имъ коннымъ войскомъ, коего, за поколебаніемъ Башкирскаго и Ставропольскаго Казмыцкаго народовъ и другихъ людей, собрать нѣтъ средствъ. По послѣдней мѣрѣ хотя бѣ и пѣхотою атаковать ихъ разными колоннами, конѣ также по количеству силъ здѣшнихъ составить не изъ чего; а хотя по здѣшнимъ сообщеніямъ отъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга съ Сибирскихъ линій три легкія полевые команды и 400 тамошнихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, да отъ Симбирскаго Губернатора

Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Чичерина одна рота гренадерская и двѣ мушкетерскія на здѣшней линіи откомандированы, только по необходимости часто-реченный Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ разсудилъ *), помянутому Г. Генералъ-Маіору Станиславскому съ двумя легкими полевыми командами идти и расположиться въ Зелаирской крѣпости, въ центрѣ всея Башкиріи состоящей, съ такимъ ему предписаніемъ: 1-е, чтобъ онъ Станиславскій, по сношенію съ Уфимскою Провинціальною Канцелярією, прочихъ внутреннихъ Башкирцевъ отъ худыхъ ихъ предприятий удерживалъ; 2-е, прилежащія къ оной заводы предохранить; 3-е, ежели бѣ помянутый злодѣй обратился внутрь Башкиріи, чтобъ надъ нимъ учинилъ поискъ, а между тѣмъ находящихся въ толпѣ злодѣйской Башкирцевъ, женъ и дѣтей въ жилищахъ ихъ тревожилъ, дабы, услыша о томъ, мужья ихъ могли отъ злодѣйства ихъ возвратиться; а третью бѣ легкую полевую команду съ казаками и Сибирскія роты приблизилъ къ Оренбургу, и до усмотрѣнія будущихъ обстоятельствъ, расположилъ бы Сибирскія роты въ ближайшихъ отъ Орской крѣпостей, а легкую полевую команду съ казаками въ Озерной крѣпости, въ 110 верстахъ отъ Оренбурга отстоящей, для предъудержанія его злодѣя отъ впаденія на оныя. И такъ теперь реченный Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ во ожиданіи остался отправленныхъ отъ Государственной Военной Коллегіи, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, Г. Генералъ-Маіоровъ Кара и Фреймана съ войскомъ, къ коимъ, по увѣдомленіи о приближеніи ихъ отъ 13 числа, настоящія здѣшнія обстоятельства сообщены; но какъ оныя до нихъ Г. Генералъ-Маіоровъ не дошли, ибо нарочно посланные возвратясь объявили, что первый изъ нихъ, по причинѣ нападенія злодѣйскаго, назадъ отступилъ, какъ чаятельно, для соединенія съ находящимися позади его слѣдующими войсками: то по поводу подученнаго чрезъ выходцевъ изъ злодѣйской толпы извѣстія, что они Г. Генералъ-Маіоры опять сюда приближаются, отъ 17 числа сего и еще къ нимъ вторичные посланы со извѣщеніемъ вышеописаннаго надъ корпусомъ Полковника Чернышева сожалѣнія достойнаго приключенія и здѣшняго состоянія, а напротивъ того, о злодѣйской силѣ, съ требованіемъ при томъ отъ нихъ увѣдомленія, гдѣ они Г. Генералъ-Маіоры и въ какомъ количествѣ войска находятся, какое къ поиску надъ злодѣями предпріятіе приняли и расположеніе учинили, и въ которое точно время сюда придутъ, дабы можно было, для содѣйствія имъ со стороны его Генералъ-Поручика и Кавалера, принявъ пристойныя мѣры, предуготовиться, коего извѣстія ежечасно и ожидаются; а какъ скоро о прибытіи ихъ извѣстіе получится, тотчасъ и отсюда корпусъ посланъ быть можетъ, который составленъ быть можетъ изъ регулярныхъ и сколько наберется годныхъ лошадей, то и конныхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ изъ 2000 человекъ съ 22 орудіями артиллеріи.

54) 20-го числа видна была близъ города изъ злодѣйской толпы во многомъ числѣ партія, которая разсыпавшись по степи разбѣжала, съ ко-

*) Сей Подполковникъ Симоновъ рапортъ за справедливость невозможно почестъ, потому что помянутыя Ханскія дѣти у Пугачева никогда не бывали, да и самъ Ханъ наклоннымъ къ сторонѣ его никогда не оказывался.

*) Сіе Г. Губернатора опредѣленіе о слѣдованіи Генералъ-Маіору Станиславскому къ Зелаирской крѣпости нѣтъ же самымъ отиѣнено, какъ о томъ ниже сего будетъ означено.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Гравюра Набольца.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Григоря Набоумца.

торую высланные отсюда Яицкіе казаки съ двумя пушками производили перестрѣлку; и хотя на нихъ злодѣи по превосходству ихъ дѣлали сильное нападеніе, однакожъ пушечными выстрѣлами отражены. Въ нихъ на полевомъ сраженіи сверхъ ружейныхъ выстрѣловъ выпалено изъ пушекъ ядрами 4 заряда, а притомъ найдено въ прежде бывшихъ злодѣйскихъ батареяхъ пушечныхъ зарядовъ 3-фунтовыхъ съ ядрами 3, съ картечами 1, карніймусъ боченочный, обитый кожею 1, въ немъ пороху ручнаго 1 фун., ядеръ 6-фунтовыхъ 3.—21-го было фураживаніе, а 22 и 23-го, кромѣ обыкновенныхъ высылкъ и подзорныхъ патрулей, было спокойно.

Къ вышеописаннымъ послѣднимъ пяти числамъ Губернаторскаго журнала, изъ частныхъ записокъ можетъ еще служить къ прибавленію сіе:

На 19-е число съ вечера потревожили было стоящие на валу часовые, усмотря яко бы злодѣевъ, но то была ошибка; впрочемъ, почъ хотя была и спокойна, но какъ нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ и городскихъ жителей, вчера прѣхавшіе съ сѣномъ, сложи оное ввечеру и почью, вторично побѣхали, а другіе, не успѣвъ возвратиться, въ дугахъ и заночевали; вышеозначенные жъ отличившіеся Каргазинскіе Татары отъхъ побѣдкахъ злодѣямъ дали знать, то въ 10 часу утра начали они на Сыртъ выбѣжать и скопляться немалымъ людствомъ; причемъ примѣчены были у нихъ и пушки: тогда данъ былъ сигналъ изъ города выстрѣломъ изъ двухъ пушекъ, чтобъ оные фуражиры скорѣе возвращались въ городъ; а потому многіе поторопясь и прѣхали въ городъ, привезши сѣна немало; но злодѣи, спустясь въ дуга во стѣ или двухъ стахъ человекѣхъ, нашли способъ изъ бывшихъ въ отдаленіи захватить пять человекъ. Когда жъ оные злодѣи стояли на Сыртахъ, то выпалено отъ Орскихъ воротъ противъ нихъ изъ трехъ или четырехъ пушекъ, да и они съ своей стороны два выстрѣла сдѣлали на городъ, но безвредно.—20 числа, отъ самаго того времени, какъ злодѣи окружили городъ, первые полученные были рапорты изъ Илецкой Защиты отъ находящагося тамъ при добываніи соли Капитана Ядринцова, въ которыхъ онъ объявилъ, что тамъ благополучно и отъ злодѣевъ никакой подсылки туда не было; работы тамошнія внутри крѣпости и добываніе соли происходили съ надлежащимъ успѣхомъ; соли готово въ наличности тамъ около 300,000 пудъ; только-де за крѣпость для дѣла и ни за чѣмъ для опасности отъ Киргизцевъ выпуска не было, и одинъ человекъ при нихъ отъ кочеванія увезенъ ими, а напротивъ того, двое Кундровскихъ Татаръ отъ нихъ выбѣжало. Предъ полуднемъ выслана была за городъ партія Яицкихъ казаковъ съ двумя пушками, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ злодѣевъ потревожить и невозможно ль будетъ кого нибудь отъ нихъ оторвать; партія, долго стоявъ на Сыртѣ, никого не видела; по во 2 часу начали они изъ лагерь своего небольшими стаями показываться, да и скопилось было ихъ немало (причемъ-де и самъ ихъ предводитель былъ), но къ городу никакого устремленія они не сдѣлали. Между тѣмъ одинъ изъ Яицкихъ казаковъ, захваченный злодѣемъ съ нижнихъ Яицкихъ форпостовъ, Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину родственнику, нашелъ случай выбѣжать къ бѣжавшимъ изъ города казакамъ, коимъ предводителемъ былъ по-

мянутый Бородинъ; а передъ вечеромъ, когда она высылка въ городъ уже возвратилась, и другой такой же Яицкій казакъ, оному Бородину свойственникъ же выбѣжалъ. Изъ злодѣевъ одинъ или два, въ близость къ нашимъ казакамъ подѣхавъ, требовали, чтобъ данъ имъ былъ печатный манифестъ, ибо-де на письменномъ, который прежде къ нимъ посланъ, не утверждаются, могутъ-де такіе манифесты и въ городѣ сочиняемы быть; почему и посланъ былъ отъ Г. Губернатора въ ту изъ города высланную партію печатный экземпляръ, да два съ него перевода: одинъ на Татарскій, другой на Калмыцкій языки; въ близость събѣжавшіе казаки у другихъ требовали, чтобъ вплоть събѣхаться и изъ рукъ въ руки оный манифестъ принять; по какъ съ злодѣйской стороны не хотѣли прѣхать къ городскимъ, а городскіе къ тамошнему, то наконецъ согласились, чтобъ выбѣжавшему изъ города, положи на землю, отбѣхавъ прочь; и какъ онъ сѣ сдѣлалъ и отбѣхалъ на небольшое разстояніе, то одиъ изъ злодѣевъ прѣхалъ и поднявъ оные листы копьемъ, возвратился туда; что изъ-за сего происходило у нихъ, то было неизвѣстно; сіе только было примѣчено, что они по прѣѣздѣ прѣхавшаго съ тѣми листами събѣжались въ кучу, а потомъ и возвратились они въ свой лагерь. Еще сказывали, яко бы самозванецъ Пугачевъ отправилъ отъ себя 500 человекъ конныхъ и столько жъ пѣшихъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ, а куда и зачѣмъ, не знаютъ, а начальниками де при сей командѣ сдѣлалъ вышеозначеннаго Подполковника и Атамана Бородина крѣпостного человека атаманомъ, а предъупомянутаго ссылочнаго Хлопушу Есауломъ.

55) 21-го числа предъ полуднемъ слышали въ злодѣйскомъ лагерѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; говорили, что причиною тому привезенное изъ Татищевой крѣпости вино, отъ коего начальники злодѣевъ были пьяны. Послѣ полудня хотя и выслана была изъ города небольшая партія, но изъ злодѣевъ никто не оказывался; примѣтно было, что многіе изъ нихъ ѣздили за сѣномъ, которое брали за Чернорѣченской уже крѣпостью, и то на Заницкой сторонѣ, ибо-де по сію сторону оной крѣпости всѣ бывшія сѣна ими злодѣями потравлены.—22-го числа поутру высланы были за городъ Яицкіе казаки и шестой полевой команды драгуны, изъ коихъ Яицкіе казаки подѣлжали близко злодѣйскаго лагеря; по оттуда большого люда было не видно, а выбѣжали только человека два, три, и съ толикимъ же числомъ городскихъ казаковъ имѣли они перекличку. Сказывають, что они кричали: не стѣнемъ-де уже мы больше въ близость города подѣлжать и въ обманъ вдаваться: когда въ городѣ не станетъ хлѣба, то по неволѣ сдадутся; мы-де готовы пять дѣтъ стоять здѣсь, а не вѣзъ города, не уступимъ, а ежели надобенъ бой, то бѣ городскіе люди подѣлжали ближе къ ихъ лагерю. И такъ вся она высылка въ половинѣ дня въ городъ возвратилась.—23 числа поутру была небольшая высылка изъ города; но злодѣи, оказавшись въ маломъ числѣ на горѣ близъ своего лагеря, и стоявъ тутъ, далѣе не пошли.

56) 24-го, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, злодѣи, какъ видно, для развѣдыванія о семъ, не сведены ли здѣшніе военные служители, въ разсужденіи тогдашняго высочайшаго торжества, со стѣны въ обыкновенный церковный парадъ, въ самой близости

вокругъ города кучами разбѣжали. Въ нихъ съ городской стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 3 заряда, а по экончаніи молебна около вала для торжества положенное число холостыми зарядами выпалено. Сего жъ числа изъ Верхней Озерной крѣпости Полковникъ Демаринъ рапортовалъ, что 23 числа предъ свѣтомъ часа за два, посланная изъ злодѣйской толпы партія, атаковавъ ту Озерную крѣпость вокругъ, производила почти до самаго вечера пушечную пальбу, и подъѣзжавъ-де изъ оной толпы злодѣи кричали казакамъ, чтобъ они не стрѣляли и на офицеровъ не смотрѣли, объявляя, что Государь Петръ Федоровичъ идетъ; со всѣмъ-де тѣмъ, никакаго удачи ими злодѣями не получено; только со здѣшней стороны убитъ Башкирецъ 1, раненъ Калмыкъ 1, да нѣсколько лошадей застрѣлено. Храбростію и неустрашимостію его Г. Полковника та толпа съ урономъ отражена. А того жъ числа и отъ слѣдующаго съ Сибирскихъ линій съ командами Г-на Генералъ-Маіора Станиславскаго полученъ здѣсь рапортъ, коимъ онъ Станиславскій представляя безпозлостность къ расположенію въ предписанномъ ему мѣстѣ, то есть въ Зелаирской крѣпости, и трудность къ оной тракта, и что онъ находится уже съ одною полевою командою и съ казаками во ожиданіи при Маіорѣ Заебѣ Тобольскаго роты въ Орской крѣпости, намѣреніе полагалъ пустить для сикурса Полковника Демарина въ Озерную; то къ нему Станиславскому 25 числа отъ Губернатора и предложено, когда онъ по предписанію его съ легкими полевыми командами въ Зелаирскую крѣпость идти не разсудилъ, то бѣ благоволилъ съ Сибирскими ротами непродолжительно въ упомянутую Озерную крѣпость посѣлшить, и будучи въ оной, или на дорогѣ, старался, во-первыхъ, ту злодѣйскую партію, которая крѣпость атаковала, всемѣрно разбить и злодѣевъ переловить; а какъ извѣстно было, что и къ Зелаирской крѣпости отправлены отъ него злодѣи Башкирскія партіи, чтобъ для сикурсу тамошнему гарнизону доставилъ онъ туда хотя одну роту и нѣсколько казаковъ, и разсѣвая чрезъ Башкирцевъ въ народѣ ихъ состоявшихся о злодѣѣ самозванцѣ манифестами, ежели способы найдутся, и онъ Г-нъ Генералъ-Маіоръ въ состояніи будетъ, Башкирскія партіи разбивалъ и до дальнѣйшаго вреда не допускалъ, чего бѣ ради и другую назади его оставшуюся легкую полевою команду къ себѣ приближилъ.—25-го числа днемъ и ночью было спокойно.

57) Къ послѣднимъ двумъ числамъ, то есть къ 24 и 25-му можетъ приобщено быть, что на 24 число въ ночи примѣченъ былъ въ старомъ злодѣйскомъ лагерѣ противъ Егорьевской церкви разложенный огонь; догадывались, что злодѣи имѣли тутъ своихъ людей, а въ полночь слышны были въ лагерѣ ихъ подъ Бердскою слободою пушечные выстрѣлы; поутру жъ въ началѣ 9 часа усмотрѣны они великими толпами и немалымъ людствомъ выходящіе изъ лагеря своего прямо къ городу; наибольшая ихъ часть останавливалась и разбѣжала противъ города на Сыртъ къ Сакмарской сторонѣ, иные по дугамъ перебирались и разбѣжали за рѣкой Якомъ; а еще около трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ, перебравъ рѣку Никъ около Маячной горы и выбравъ на ту дорогу, по которой ѣздить въ Илецкую Защиту, пошли было вдаль по сей дорогѣ; всѣ мнили, что они пойдутъ къ той За-

щитѣ, по причинѣ вчерашняго туда отправленія и для разоренія оной Защиты; но въ 1 часу послѣ полудня, со стороны Нѣжинскаго редута оказался на тамошнихъ горахъ обозъ; сперва думали, что слѣдуетъ въ Оренбургъ какая нибудь команда,—только открылось наконецъ, что то посланные отъ злодѣи въ ту сторону за сѣномъ возвращаются; они, не спускаясь въ долъ, прошли, какъ чаятельно, опасаясь пушечныхъ выстрѣловъ, по горамъ; а какъ скоро сей ихъ обозъ <кой составлялъ около 1000 подводъ> по Сырту миновалъ городъ, то и всѣ злодѣи начали убираться въ свой лагерь, въ томъ числѣ и тѣ, кои, перебравъ, пошли-было по Илецкой дорогѣ; но послѣдніе всѣ ль возвратились и не устремились ли нѣкоторые изъ нихъ для злодѣйствъ въ упомянутую Защиту, сего познать было не можно; явно изъ того, что всѣ они выѣзжали для прикрытія своихъ фуражировъ, опасаясь городского на нихъ нападенія. При семъ случаѣ поймано высланною отъ города небольшою Яицкихъ казаковъ командою два Башкирца, да одинъ Башкирецъ же исколотъ коньями; еще одинъ злодѣй, который противъ Орскихъ воротъ ближе другихъ отважился къ городу подъѣзжать, убитъ ядромъ, выстрѣленнымъ отъ тѣхъ воротъ; съ нашей стороны удалось онымъ злодѣямъ отхватить бывшихъ на рыбной ловлѣ двухъ человѣкъ.—На 25 число предъ утромъ получено было извѣстіе изъ Верхней Озерной крѣпости <въ коей командиромъ оставленъ Полковникъ Демаринъ>, что злодѣи, пришедъ въ оную крѣпость въ числѣ около тысячи человѣкъ, имѣя при себѣ отъ 8 до 10 [пушекъ], дѣлали приступъ, и пальба-де продолжалась съ обѣихъ сторонъ 8 часовъ, и изъ злодѣевъ-де многіе побиты, и они принуждены были отдалиться въ Кундровскую слободу, отъ Озерной въ 12 верстахъ по рѣкѣ Сакмарѣ имѣющуюся. Сего жъ числа отправленъ черезъ Яицкій городъ присланный отъ Государственной Военной Коллегіи курьеръ въ С.-Петербургъ.

58) 26-го числа, по причинѣ полученнаго отъ Полковника Демарина рапорта и открывшагося чрезъ выходцевъ изъ злодѣйской толпы извѣстія, что реченный самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими самъ пошелъ для атаки и взятія Озерной крѣпости въ полутора тысячахъ человѣкахъ, а сверхъ того изъ той толпы во многомъ числѣ поѣхали и за сѣномъ, имѣющимся около Нѣжинскаго редута, состоящаго выше Оренбурга на рѣкѣ Яикѣ разстояніемъ въ 18 верстахъ; къ перехваченію того сѣна, а паче къ удержанію злодѣя отъ предпріятій его, высланъ былъ отсюда корпусъ изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ около 1000 человѣкъ, который хотя непріятеля и отражалъ, но въ разсужденіи превосходства злодѣйскихъ силъ, по учиненіи довольнаго перестрѣлки, возвратился въ городъ безъ всякаго урона. На ономъ полевомъ сраженіи выпалено изъ пушекъ съ ядрами 51, да съ картечами 3, итого 54 заряда; причемъ ранено изъ высланныхъ отсель изъ города казаковъ 8, а злодѣевъ дѣйствительно застрѣлено и заколото 10 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ находившійся въ злодѣйской толпѣ провіантмейстеромъ.—27-го и 28] чиселъ, какъ въ дневное, такъ и въ ночное время было спокойно, а 29-го было фуражированіе.—30-го, не получа ожидаемыхъ сюда ни съ которой стороны въ сикурсъ командъ, а увѣдомлено между тѣмъ отъ Каргалинскаго Татарина о разсылкѣ злодѣемъ въ разныя мѣста людей;

сверхъ того Г. Губернаторъ, примѣчая, при неоднократныхъ сраженіяхъ, что въ разсужденіи превосходной злодѣйской команды, а напротивъ того изнуренія здѣшнихъ казачьихъ лошадей, и что отъ лагеря злодѣйскаго до самаго города простирается степь, совершеннаго успѣха одержать безъ сикурса надежды не предвидѣлось, съ Гг. Оберъ-Коммандантомъ Генералъ-Маіоромъ Велленстерномъ, Штабъ и Оберъ-офицерами имѣлъ общій Совѣтъ, и сдѣлана имъ Губернаторомъ такая секретная диспозиція, чтобъ, собравъ тотъ корпусъ до разсвѣта, явля въ тотъ злодѣйскій лагерь ночью и печальнымъ образомъ сильно его атаковать, въ надеждѣ того, не получено ль будетъ притомъ такого успѣха, чтобъ привелъ его злодѣя со всѣми въ томъ лагерѣ въ страхъ и конфузій, захваченныхъ и у него злодѣй въ неволѣ содержащихся солдатъ и прочихъ выручить и всю его злодѣйскую шайку разрушить; по коей диспозиціи хотя тотъ корпусъ и собрался и за городъ вышелъ было, только къ несчастію по справкѣ оказалось, что пазначенныхъ подъ артилерію кавалерійскихъ лошадей 30 въ ту ночь отъ безкормицы пало, а у обывателей въ скорости собрать время не доставало, а между тѣмъ и разсвѣтало, и дабы на разсвѣтѣ отъ оной злодѣйской толпы по предводительству ея здѣшняя команда ко вреду подвержена не была, и что притомъ случились и дезертиры, того ради принуждено оный корпусъ возвратити, отложка то намѣреніе до удобнаго времени.

Къ вышеозначеннымъ послѣднимъ сего мѣсяца числамъ по приватнымъ запискамъ можетъ еще въ дополненіе служить сіе, что на 26 число въ ночи пойманъ за рѣкою Яикомъ около Мѣноваго двора одинъ Мулла изъ Нагайцевъ, живущихъ въ Кундровской слободѣ, чрезъ котораго узнано, что предводитель злодѣевъ самъ съ тысячею человѣками отлучился къ упомянутой Озерной крѣпости, въ помощь туда отъ него посланному сыльному Хлопушѣ, и яко бы онъ помышлялъ идти отсюда для зимованія въ Яицкій казачій городокъ. Поутру въ 9 часу усмотрѣны злодѣи, въ великомъ людствѣ поднявшіеся изъ своего лагеря и идущіе по Сыртамъ къ сторонѣ Нѣжинскаго редута. Признавали, что они шли за сѣномъ, къ тѣмъ же мѣстамъ, откуда они 24 числа привезли сѣно; а другіе мнили, что всѣ они. или нѣкоторые изъ нихъ идутъ къ вышеозначенной Озерной крѣпости для усилованія подшедшимъ туда прежде. Признавая, что за такимъ немалымъ выѣздомъ въ злодѣйскомъ лагерѣ осталось людство небольшое, и сдѣлать бы оборотъ туда поѣхавшимъ, учинена отъ городу высылка въ числѣ около тысячи человѣкъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей, коею предводительствовалъ Г-нъ Оберъ-Коммандантъ, а при регулярныхъ былъ осьмой легкой команды Секундъ-Маіоръ Зубовъ. При сей командѣ отправлено было 8 артиллерійскихъ орудій, въ томъ числѣ 3 единорога. Отошедъ она отъ города версты съ 2 или съ 3, остановилась на высокихъ мѣстахъ, подвигаясь то въ правую, то въ лѣвую стороны, а болѣе склоняясь въ лѣвую, подавая видъ, яко бы къ наступленію на злодѣйскій лагерь. Между тѣмъ изъ пушекъ выпалено было разовъ до пятидесяти, и отъ злодѣевъ столько жъ, а казаки съ показавшимися злодѣями имѣли и перестрѣлку; когда жъ дошла о томъ вѣдомость до отѣхавшихъ уже за Нѣжинскій редутъ злодѣевъ, то всѣ они, оставя предпріятное свое намѣреніе, поворотили назадъ

къ лагерю, причемъ и сѣна при нихъ было не видно. Городская жъ команда противъ злодѣйскаго людства будучи гораздо меньше, не вступая уже съ ними ни въ какое дѣло, возвратилась вся въ городъ. Сего числа выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ Алексѣевскій казакъ, захваченный въ командѣ Полковника Чернышева *), да по объявленію Яицкихъ казаковъ на перестрѣлкѣ убитъ одинъ злодѣй; съ нашей стороны ранено два казака и одинъ Татаринъ, да бѣжали къ злодѣямъ одинъ Калмыкъ и одинъ Каргопольскій [Каргазинскій] Татаринъ.

59) На 27-е число въ ночи злодѣйскихъ подбѣговъ не бывало, а въ день хотя и говорили, что будетъ высылка къ злодѣйскому лагерю, но оной не учинено, можетъ быть за тѣмъ, что поутру казалось нѣсколько туманно и сыроватая погода; однако около половины дня разведрило; изъ злодѣйскаго жъ лагеря и сегодня примѣчена была немалозначная посылка къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ, откуда многіе изъ нихъ съ сѣномъ и возвратились. Съ вечера жъ на 28 число, хотя и сказано было, что сей день быть большой высылкѣ съ сильною артилеріею прямо къ Бердской слободѣ, только, не извѣстно, зачѣмъ, оной высылки не было; а ввечеру сего жъ числа была высылка на рѣку Яикъ, по причинѣ, яко бы злодѣи напали на поѣхавшихъ туда за сѣномъ, но узнавъ, наконецъ, что то произошло по выстрѣлу изъ ружья, ненарочно однимъ драгуномъ учиненному, возвратились всѣ въ городъ. — 29 числа до разсвѣта выслано было Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 50 къ Малочной горѣ, съ тѣмъ, не удастся ли схватить изъ кого-нибудь съ обыкновеннаго тутъ злодѣйскаго караула; но они никакого караула тамъ не извѣдали, захватили только одного отставнаго солдата, для злодѣевъ на рѣкѣ Сакмарѣ ловившаго рыбу; на разсвѣтѣ жъ высланы были и всѣ Яицкіе казаки, коихъ усмотрѣли, злодѣи начали было выѣзжать изъ своего лагеря, и скопясь сотъ до пяти и болѣе, стояли о трехъ кучахъ неподвижно, а разбѣжали немногіе: но какъ у высланныхъ изъ города ни одной пушки не было, и пока по требованію ихъ оныя собирали и отправляли при драгунской командѣ, между тѣмъ всѣ они поѣхали въ свой лагерь, а городскіе возвратились назадъ; и слышно было, яко бы предводитель злодѣевъ изъ-подъ Озерной крѣпости вчера ввечеру съ немногими людьми возвратился и какъ-де сообщники его спрашивали про поѣхавшихъ съ нимъ людей, отвѣтствовалъ, что всѣ они отправлены отъ него въ другое мѣсто; впрочемъ примѣчено было, что изъ-за Нѣжинскаго редута по самой поверхности Сыртова везено было злодѣями множество сѣна, которое прикрывали до самаго вечера разставленцы отъ нихъ въ немаломъ числѣ форпосты. — На 30-е число въ ночи предъ утромъ подѣзжалъ къ городскому вазу одинъ изъ злодѣевъ, съ тѣмъ, чтобъ для переговора съ нимъ высланъ былъ кто-нибудь изъ города, а поутру выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ Каргазинскій Татаринъ, захваченный злодѣями еще при первомъ ихъ приближеніи къ городу. Поутру выслано было изъ

*) Сей казакъ выбѣжалъ еще прежде выступленія команды за городъ и объявлялъ, что самого злодѣя въ лагерь нѣтъ, и за выѣздомъ многихъ, весьма тамъ малолюдно, а потому и былъ самый способнѣйшій случай приступить къ оному лагерю, ежели бъ команда выслана была не меньше учиненной сего мѣсяца 14 числа высылки.

города Оренбургскихъ казаковъ человекъ до 50, да 20 Яицкихъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, не удастель кого отхватить изъ побѣхавшихъ за сѣномъ злодѣевъ; какъ они, въ близости къ нимъ подѣхавъ, стали требовать, чтобъ они по утреннему своему требованію для переговоровъ кого хотятъ выслали, а потому о ихъ надобности и Губернатору будетъ доложено; то вмѣсто отвѣта сдѣлали они выстрѣлъ изъ ружья: чего ради и началась между ними перестрѣлка; но какъ при городскихъ не было ни одной пушки, а злодѣи имѣли ихъ у себя три, то по требованію пушекъ и помощи, посланы были за городъ всѣ Яицкіе и Оренбургскіе казаки и находящіеся въ городѣ Калмыки, также и драгуны легкіихъ командъ и при нихъ 5 пушекъ. Пальба пушечная началась съ обѣихъ сторонъ въ исходѣ второго часа пополудни <но злодѣи, имѣя у себя только три пушки, палили изъ нихъ рѣже>, а между тѣмъ у нерегулярныхъ ручной бой происходилъ, что все продолжалось до пятого часа по полудни. Злодѣи, не видя себѣ усилованія изъ лагеря, принуждены были удалиться къ Сыртамъ, гдѣ у нихъ сѣнные возы находились, а изъ-за сего уже и городская высылка возвратилась вся назадъ. Съ нашей стороны ранено 3 казака и до 10 лошадей, а на злодѣйской сторонѣ считали убитыхъ до 20, въ томъ числѣ одинъ со значкою, которую и привезли въ городъ, да одного Изедкаго казака поймали и привезли въ городъ. Особливое примѣчаніе было сего числа то, что между всѣми злодѣями, на сраженіе выѣзжавшими, Яицкихъ казаковъ было весьма мало, а наибольшая-де часть состояла изъ Башкирцевъ, да и раненые изъ городской высылки люди и лошади ранены были стрѣлами, которыхъ, кромѣ Башкирцевъ, у злодѣевъ никто не имѣетъ.

Часть IV. — Продолженіе Оренбургской осады, бывшій на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева къ Оренбургу, усилованіе его и другія приключенія Декабря съ 1-го Января по 1-е число 1774 года.

60) Декабря 1 числа, чрезъ нарочно посланныхъ получить рапортъ отъ находящагося въ Яицкомъ городкѣ въ Комендантской должности Подполковника Симонова отъ 25 числа Октября, коимъ онъ, по объявленію посыланнаго отъ него по ордеру Губернаторскому къ командѣ Сотника Петра Копбечкина въ числѣ ста человекъ послушной и непослушной стороны казаковъ для поимки находящихся при урочищѣ Раннихъ Хуторахъ, посланныхъ изъ злодѣйской толпы съ возмутительными къ Яицкимъ казакамъ письмами казаковъ же Дмитрія Сломихина съ товарищи послушной стороны казака Бориса Чеботарева, доноситъ, что по пріѣздѣ въ тѣ хутора означенной команды отъ находящихся тутъ Вятскихъ казаковъ пяти человекъ означенной Сотникъ Копбечкинъ согласной стороны, съ казаками несогласными поиманы и въ злодѣйскую толпу увезены. И Копбечкинъ, какъ отъ него Симонова отъ 29 Ноября по объявленію вышедшихъ изъ той толпы изъ Калмыковъ казаковъ рапортовано, поторопъ; а онъ-де Чеботаревъ спасся отъ нихъ бѣгомъ. Того жъ 1 числа изъ Верхней Озерной крѣпости отъ Г. Полковника Демарина рапортовано, что злодѣйская партія, по разбитіи и разореніи Ильинской крѣпости и по взятіи расположенныхъ Г. Ге-

нераль-Маіоромъ Станиславскимъ трехъ Сибирскихъ ротъ, вторительно, то-есть 26 ч. Ноября, оную крѣпость атаковала вокругъ и произвела немолкную пушечную пальбу. По полудни съ 9-го часа, а съ обѣда, сѣлись сперва съ одной стороны въ оврагѣ намѣрены были штурмовать, но по неудачѣ, зайдя въ другой глубокой оврагъ отъ гумень человекъ до 400, съ коими были и всѣ отправленные отсель въ дома за худобою лошади и злодѣями на дорогѣ перехваченныя; и съ Яицкими казаками продолжали неугасимый оружейный при пушечныхъ выстрѣлахъ огонь, также и изъ сайдаковъ стрѣляли и неоднократно взвизгивали, намѣреваясь ударить копытами, крича казакамъ и прочимъ регулярнымъ, чтобъ они, несмотря на Бояръ, вышли изъ крѣпости въ толпу ихъ, который-де огонь съ тѣхъ полуденъ продолжался безпрерывно до десятого часа ночи; однакожъ благоразумнымъ распоряженіемъ и неустрашимостью его Демарина, они злодѣи съ урономъ отбиты. При чемъ онъ Демаринъ, для подачи примѣра подчиненнымъ своимъ, изъ коихъ было регулярныхъ гарнизонныхъ съ чинами только 369 человекъ, къ неустрашимости, принужденнымъ нашелся самъ стрѣлять изъ пушекъ, а они, ободрясь симъ, должный отпоръ чинили храбро и неустрашимо; особенно жъ похвалялъ онъ Демаринъ отмінную прилежность и мужество Прапорщиковъ Лопатина и Епанечникова, сержанта Поликова и Провіантмейстера Кокурина, прося, чтобъ они за то безъ награжденія оставлены не были, и объявляя, что при томъ сраженіи со злодѣйской стороны, по видимой крови, убито немалое число, коихъ-де они, кромѣ оставшихся трехъ мертвыхъ, видно изъ предводителей ихъ, тѣхъ съ собой увезли; а съ нашей стороны убито: солдатъ 5, денщикъ 1, неприверстаный въ службу солдатскій сынъ 1, Башкирцевъ 2; ранено: капралъ 1, солдатъ 2, отставной солдатъ 1, казакъ 1; убито жъ лошадей 8. По причинѣ чего, отъ 2-го числа къ Г. Генераль-Маіору Станиславскому, въ чаяніи томъ, что онъ на сикурсъ въ Озерную крѣпость уже прибылъ, прежде Губернаторское отъ 25 числа Ноября предписаніе подтверждено, съ тѣмъ, чтобъ какъ отъ злодѣя нерѣдко въ околныхъ жительствахъ рассылаются партіи для злодѣйства въ небольшомъ количествѣ, а именно: стахъ въ двухъ, и трехъ, благоволилъ бы стараніе прилагать обѣ оныхъ дѣлать развѣданіе и, чрезъ высылку изъ корпуса его пристойнаго количества людей, оныя разбивать, а притомъ и въ ближайшихъ Башкирскихъ жительствахъ, изъ коихъ Башкирцы въ той злодѣйской толпѣ находятся, ежели возможно будетъ, дѣлать škodu, дозволяя имущество ихъ разбирать, а женъ и дѣтей тревожить; но дабы по причинѣ сей не былъ онъ Г. Генераль-Маіоръ отъ нихъ Башкирцевъ или отъ извѣстнаго злодѣя подверженъ опасности, то бѣ и находящуюся въ Верхне-Яицкой крѣпости легкую полевую команду къ себѣ приблизилъ, а третью въ Верхне-Яицкую взялъ, и отъ него злодѣя имѣлъ бы всю крайнюю предосторожность, чтобъ онъ коварными его попустухами не могъ причинить ему печальнаго безпокойства; а дабы онъ Г. Генераль-Маіоръ сіе предписаніе съ точностію исполнилъ, то о учиненіи ему подтвержденія, того жъ числа и къ Г. Генераль-Поручику и Кавалеру Декалонгу сообщено; Исетской же провинціи къ Воеводѣ Г. Статскому Совѣтнику Веревкину, по поводу попавшихъ къ злодѣю тамошнихъ казаковъ и получен-

наго извѣстія, якобы изъ тамошней провинціи Башкирцевъ человекъ 600 въ злодѣйскую толпу пришло, и дабы по послѣдней мѣрѣ, прочіе отъ того предвараемы были, предложено неусыпно стараться, дабы находящіеся въ домахъ казаки, а особливо Башкирцы, въ вѣрности ихъ колебаться и въ вищіе себѣ предосужденіе на злодѣйство подвизаться не могли, внушая имъ о состояніи помянутого злодѣя состоявшимися о томъ манифестами, а ежели паче чаянія сіе средство усилѣно быть можетъ, то стараться чрезъ вѣрныхъ дѣлать тѣмъ колеблющимся, а особливо въ толпѣ его злодѣйской находящимся Башкирцамъ škodu, позволяя имущество ихъ въ добычу, а притомъ и женъ ихъ и дѣтей разбирать по себѣ; а какъ здѣсь, по многолюдству и за непропускомъ злодѣями изъ внутреннихъ жилищъ сѣстныхъ припасовъ и хлѣба, въ провіантѣ наступаетъ большая нужда, то ему Вережкину рекомендовано въ предвараеніе той нужды приложить стараніе изъ собираемаго съ крестьянъ въ казну хлѣба, муки и крупъ обоего рода до 10,000, да овса до 500 четвертей въ близость къ Оренбургу, а именно, ежели даѣе не можно, то хотя до Орской крѣпости по линіи доставить на крестьянскихъ подводахъ, или подридомъ, наблюдая высокой интересъ. Ежели онаго вдругъ доставить не можно, то по такому числу, по какому заблагоразсудитъ *)

61) Декабря на 1-е число былъ приказъ, чтобъ всѣмъ командамъ приготовиться къ выступленію до разсвѣта дня на злодѣйской лагерь подъ Бердскую слободу, да и выведены они были за городъ въ 4 часу по полудни, притомъ готовы жъ были 28 артиллерійскихъ орудій, чтобъ съ трехъ сторонъ тотъ злодѣйскій лагерь атаковать. Всѣ команды съ радостію того желали, а особливо военные люди къ наступленію на злодѣевъ показывали великую охотность; да присемъ и погода была самая умѣренная—свѣтлая и тихая; но такимъ порядкомъ за городъ уже выведенная команда, построясь тамъ часа три, въ началѣ 8 часа опять возвращена въ въ городъ; причина того была неизвѣстна, а послѣ сказывали, что изъ стоявшихъ на валу часовыхъ двое бѣжали къ злодѣямъ, изъ коихъ одинъ пойманъ разбѣдными казаками, а другой туда ушелъ, почему оно бы и разсуждено оной вылазкѣ и атакѣ сей депъ быть несходно, но существительная причина послѣ открылась та, что подъ приготовленную артиллерию не достало немалого числа лошадей, о чемъ прежде было извѣстно. Во время обѣденнаго благовѣста слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба разъ до 15, а потомъ и еще она была и продолжалась едва не до самаго вечера.—2, 3, 4, 5 и 6 часовъ, какъ въ дневное, такъ и въ ночное время, было спокойіе.

62) Предъозначенныя послѣднія числа могутъ дополнены быть изъ частныхъ записокъ слѣдующимъ. На 2-е число въ ночи вышелъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ захваченный туда, недавно опредѣленный изъ рекрутъ, солдатъ, да и пронесся слухъ, яко бы вчерашняя у злодѣевъ пальба была по причинѣ междоусобія ихъ съ Башкирцами, которыхъ будто бы немалое число отошло въ свои жилища, для того, что самозванецъ при-

казалъ, невѣдомо за что, повѣсить одного ихъ Старшину. Во время перваго приступа злодѣйскаго къ Озерной крѣпости смертельно раненъ былъ бывшій тутъ предводитель злодѣевъ, воспитанникъ Подполковника и Атамана Бородинна, ко-го называли Бородинымъ же. Онъ по привозѣ въ крѣпость по срединѣ его допроса и умеръ; удалось только онимъ злодѣямъ разграбить Бухарскій караванъ, находившійся въ Ильинской крѣпости. А Генералъ-де Маіоръ Станиславскій въ Озерную крѣпость при отправленіи тѣхъ рапортовъ еще не бывалъ, а стоялъ въ Орскѣ. Съ вечера хотя и былъ приказъ, чтобъ всѣмъ командамъ въ 5 часу по полудни быть готовымъ къ выступленію на злодѣевъ, но поутру все то отмѣнено; а потомъ предъ полуднемъ въ 10 часу разсуждено было опять собраться и готовить для того жъ команды съ артиллерією, что все продолжалось до половины перваго часа; а потомъ вся оная команда (изъ коей часть изъ города уже была выведена съ частію артиллерією), неизвѣстно для чего, распушена по квартирамъ *). На 3-е число съ вечера у злодѣевъ, противъ обыкновенія его, вмѣсто одного, сдѣланы были три выстрѣла пушечныхъ, а для чего, неизвѣстно; послѣ литургіи въ Соборной церкви читано было чрезъ Протопопа присланное отъ Преосвященнаго Веніамина, Архіепископа Казанскаго, генеральное для всѣхъ увѣщаніе, по причинѣ оказавшагося самозванца, въ преизрядныхъ изъясненіяхъ и доказательствахъ состоящее. Послѣ жъ того былъ благодарный молебень для бракосочетанія Его Императорскаго Высочества. Яицкихъ казаковъ небольшое число выслано было за городъ къ Маячной горѣ, а прочіе заведены были въ низкія мѣста, на такой случай, ежели появятся злодѣи и способностью окажется, сдѣлать на нихъ ударъ и кого бы нибудь отхватить изъ нихъ; но кромѣ самаго малаго числа, никто отъ нихъ не выбѣжалъ; и такъ всѣ оныя казаки около полудня возвратились въ городъ.—4 числа ничего особливаго не было; токмо послѣ полудни пронесся слухъ, яко бы изъ находящихся въ городѣ Яицкихъ казаковъ, поѣхавъ за сѣномъ, назадъ одинъ не возвратился. Вечеру отправлены письма чрезъ Киргизскую степь въ Яицкій городокъ, а оттуда велѣно ихъ отправить Подполковнику Симонову съ нарочнымъ до Казани.—На 5-е число, какъ ввечеру, такъ и поутру, обыкновенныхъ въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечныхъ выстрѣловъ было не слышно. Въ 11 часу утра хотя и собраны были военные регулярные и нерегулярные люди, а потому и надвѣлись изъ города быть вылазкѣ, однако жъ ея не было, и тѣ люди распушены были опять по квартирамъ. Между тѣмъ сказывали, что около полудни слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ ружейная пальба и два выстрѣла изъ пушекъ, а по какой причинѣ, неизвѣстно. Нѣсколько Яицкихъ казаковъ выслано было за городъ; за бывшимъ туманомъ никого они злодѣевъ не видали, а привели только двухъ лошадей съ уздами, отлучившихся изъ злодѣйскаго лагеря. Послѣ полудни многіе ѣздили къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ и привезли онаго довольно.—6-го числа ничего особливаго примѣчено и слышно не было, кромѣ того, что около полудня была въ злодѣй-

*) Провіанта съ сей стороны въ Оренбургъ не только въ текущемъ году, но и по самой отъ Оренбурга злодѣйской побѣгѣ ничего въ привозѣ не было.

*) На сихъ дняхъ была еще самая умѣренная осенняя погода, снѣгъ былъ еще весьма мелкій, а потому къ наступленію на злодѣевъ еще удобное и способное время.

скомъ лагерѣ еще ружейная пальба, а между тѣмъ изъ пушекъ пять разъ выпалено,—вѣроятно, что то было у нихъ по причинѣ пьянства, какъ то и прежде случалось.

63) 7-го числа для поймки изъ злодѣйской толпы языка выслано было изъ города Оренбургскихъ и Яицкихъ казаковъ съ прикомандированными къ нимъ двумя пушками всего съ 500 человекъ, которыми хотя съ выѣхавшими злодѣями при пушечныхъ выстрѣлахъ и производилась перестрѣлка, токмо языка, за превосходствомъ злодѣйскихъ силъ, поймать не удалось; на ономъ полеовомъ сраженіи изъ пушекъ выпалено было съ ядрами 24 зарядъ.—8-го было спокойно.—9 числа оказались и разбѣжали злодѣйской толпы во многомъ числѣ партіи, не только въ виду, но и въ самой близости города, съ той стороны, гдѣ форпакъ былъ, противъ которыхъ разсуждено легкими войсками каждо-дневно производить шермииды; но дабы оныя, будучи подкрѣплены регулярными, случившимся успѣхомъ старались вредить и ловить непріятеля, для того Г. Оберъ-Команданту данъ ордеръ, чтобъ состоящія въ резервѣ команды расчислить на три части, поруча каждую надежному Штабъ-офицеру съ потребнымъ числомъ Оберъ и унтеръ-офицеровъ, и приказать каждой части состоять въ ежечасной готовности, изъ которыхъ по одной при каждой высылкѣ и выходить по очереди за городъ при шести орудіяхъ, располагая оную по высотамъ за бывшими злодѣйскими батареями, съ такимъ при томъ учрежденіемъ, чтобъ они, какъ легкими войскамъ въ подкрѣпленіе служили, такъ злодѣямъ, усматривая способы, предіили. Съ городской стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 6 зарядовъ; того жъ числа отъ Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга и Генералъ-Маіора Станиславскаго получены, отъ перваго сообщеніе отъ 24 Ноября, а отъ втораго рапортъ отъ 4 Декабря, пущенные съ ними. Декалонгъ, по поводу полученнаго имъ отсюда отъ Уфимскаго Воеводы извѣстія о послѣдовавшемъ отъ злодѣя надъ Подполковникомъ и Симбирскимъ Командантомъ Чернышевымъ приключеніи, и о захватѣ изъ слѣдовавшей изъ Казани въ командѣ Маіора Вернипеда [Вернштеда] команды солдатъ, и что Г. Генералъ-Маіоръ Каро [Каръ] съ корпусомъ, по причинѣ злодѣйскаго нападенія, отступилъ по Новой Московской дорогѣ назадъ, да и Озерная крѣпость атакована, совѣтовалъ, чтобъ Сибирскія войска раздробленно не посылать, а соединя, пробраться бѣ имъ къ Оренбургу, и тутъ, приобща къ нимъ находящіеся въ ономъ совокупными силами ударить на толпу злодѣйскую и стараться оную истребить; а съ другой стороны почтительно наблюдать и то, чтобъ тѣ злодѣи не прорвались во внутреннія Оренбургской губерніи Башкирскія и заводскія селенія, чрезъ что и не причинили бѣ наивѣщаго интересу убытка, а обитателямъ разоренія. Станиславскій рапортовалъ, что Ильинская крѣпость 29 числа Ноября поутру злодѣямъ по сильномъ, бывшаго въ оной, слѣдовавшаго отъ него впереди къ Озерной крѣпости, Маіора Заева съ Тобольскими Губернскою, гренадерскою и другими мушкетерскими ротами и девяносто двумя человекъ казаковъ, сопротивленіи, взята, нѣкоторые солдаты и казаки порублены и поколоты, да и съ Маіоромъ Заевымъ и съ офицерами то жъ учинено, а двое офицеровъ, Капитанъ и Прапорщикъ, повѣшены, прочіе жъ солдаты и ка-

закі злодѣемъ захвачены; въ крѣпости жъ, какъ денежная казна, такъ равно и обывательское имѣніе все безъ остатку поразграблено, а церкви и дворъ сожжены; въ разсужденіи чего, и дабы ему Станиславскому послѣдней малой команды не потерять и не открыть бы тѣмъ всей линіи злодѣямъ на похищеніе, возвратился онъ въ крѣпость Орскую, для ожиданія изъ крѣпости Верхо-Яицкой 10-й легкой команды и гарнизонной роты. По полученіи сего, сожалѣнія достойнаго извѣстія, и что отпавленныхъ отъ Государственной Военной Коллегіи Гг. Генералъ-Маіоровъ Кара и Фреймана понынѣ сюда дожидаться, и по неоднократнымъ отъ Губернатора чрезъ нарочитыхъ предложеніямъ, увѣдомленія получить отъ нихъ не можно, гдѣ они и въ какомъ состояніи находятся, и какія свои предпріятія дѣлають, и что Г-нъ же Генералъ-Маіоръ Станиславскій, будучи поручень въ полную Губернатора команду, двухъ его предложеній, о слѣдованіи съ командами въ Зелаиръ, и по отзыву его, что ему туда идти невозможно, то бѣ по случаю атаки Озерной крѣпости, въ оную поспѣшать не исполнялъ, находя онъ Губернаторъ съ мѣшкѣмъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга согласнымъ, отъ 10 числа сообщилъ къ нему, чтобъ онъ для содѣйствія здѣшнимъ войскамъ корпусъ съ Его Превосходительствомъ помянутого Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, или другаго, кого разсудитъ изволить, отправилъ сюда весь совокупно; ибо отправленіе раздробленное подвергается крайнему предосудженію, какъ то съ вышеописанными Сибирскими командами и приключилось; но какъ по линіи, за немалымъ пробѣгомъ командъ и за поженіемъ злодѣемъ сѣнъ, въ фуражѣ великій недостатокъ находится, то бѣ велѣлъ онъ ему г. генералъ-маіору всѣми командами, отколѣ прямѣе, взявъ съ линіи хорошихъ и надежныхъ вожатыхъ, слѣдовать сюда, минуя Зелаирскую крѣпость, около Петровскаго завода или какъ ближе и способнѣе признается. А притомъ онъ Г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ постарался въ разсужденіи недостатка здѣсь провіанта и что его не болѣе стать можетъ, какъ на мѣсяцъ, и онаго по близости изъ Исетской провинціи отправить сюда достаточное количество подрядомъ, или на крестьянскихъ подводкахъ; о чемъ къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру отъ 18 числа сего и еще повторено.

Къ вышеозначеннымъ числамъ въ дополненіе сообщается еще, что 7 числа поутру въ 9 часу оказались злодѣи, немалыми толпами выходящіе изъ своего лагеря, изъ коихъ человекъ сто спустились въ долъ, гдѣ ихъ прежній лагерь былъ, и перебрались на степную сторону рѣки Яика, можетъ быть, въ чапін, дабы отхватить кого-нибудь изъ побѣвшихъ за сѣномъ; въ предосторожность ихъ, выпалено было у соборной церкви изъ двухъ пушекъ, почему и вобрались всѣ бывшіе тамъ для сѣна въ городъ. Прочіе злодѣи разбѣжали по Сырту около Убогаго дома и на тамошнихъ высотахъ. По сей причинѣ высланы были изъ города Яицкіе и Оренбургскіе казаки и Казмыки съ двумя пушками. Они, подѣхавъ къ злодѣямъ на пушечный выстрѣлъ, начали палить изъ пушекъ и перестрѣливаться изъ ружей; напротивъ чего злодѣи начали свою пушечную пальбу, а наконецъ, выпала однимъ разомъ изъ пяти пушекъ, стали отдаляться, и хотя городская высылка, напирала на нихъ за самые Сырты, слѣдовала къ нимъ, по злодѣи, нигдѣ не

остапавлялись, отдалялись къ своему лагерю. Вчерашнее ихъ пьянство подтверждалось и тѣмъ, что и сегодня многіе изъ нихъ безобразно скакали на своихъ лошадяхъ, искривляясь то въ ту, то въ другую сторону; наѣзники подѣвжали по малому числу врознь, кричали и звали къ себѣ въ гости; равномерно отвѣтствовали имъ городскіе; между того изъ злодѣевъ нѣкоторые сказывали, яко бы завтрашній день будетъ къ нимъ изъ Москвы Великій Князь Павелъ Петровичъ съ тридцатью тысячами войскъ и съ тремя Генералами, а въ понедѣльникъ-де сдѣлаютъ они къ городу такой приступъ, что всему уже городу жарко будетъ; а потомъ убрались они въ свой злодѣйскій лагерь; но обыкновеннаго у нихъ вечераго выстрѣла изъ пушки сей день слышно не было. На 8 число въ ночи и въ день ничего особеннаго не происходило. Заночевало было нѣсколько Каргалинскихъ Татаръ, поѣхавшихъ за сѣномъ, а потому и думали, что отлучились къ злодѣямъ; но поутру всѣ они возвратились въ городъ съ сѣномъ. — 9 числа поутру часу въ 9-мъ, злодѣи начали показываться изъ своего лагеря немалыми толпами, слѣдуя къ тѣмъ самымъ высотамъ, которыя прежде городская команда занимала. Людство ихъ казалось хотя и не весьма велико, однако необыкновенно умножено было значками; посему послано было за городъ нѣсколько Яицкихъ казаковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли съ злодѣями перестрѣлку; но кромѣ пустыхъ словъ и угрозъ ничего отъ злодѣевъ не было. Между прочимъ показывался тутъ и бѣжавшій подъ 4 числомъ Яицкій казакъ, объявляя на себѣ красный кафтанъ и выговаривая, что онъ ему отъ Царя пожалованъ, склоняя, дабы и другіе, смотря на то, къ нему въ службу прѣзжали; но какъ отъ городскихъ воротъ въ одну скопившуюся на Сырту кучу сдѣланъ былъ пушечный выстрѣлъ, то всѣ переезжали они за Сыртъ; а потомъ и въ лагерь свой отошли, изъ-за чего и городскіе возвратились назадъ, между тѣмъ злодѣи немалое число подводъ отиравали по Сыртамъ за Нѣжинскій редутъ для сѣна, да и провезли онаго въ лагерь свой весьма много.

64) 10-го числа, за бывшимъ несчастіемъ, высылки на злодѣевъ не было, и отъ нихъ было спокойно; а 11 числа, вслѣдствіе вышеписаннаго 9 числа учиненнаго предписанія, для пораженія предписанныхъ злодѣевъ и поимки изъ нихъ языка, сперва Яицкихъ и здѣшнихъ казаковъ съ первою частію регулярныхъ, подъ предводительствомъ Премьеръ-Маіора Наумова, вышло около девяти сотъ, у которыхъ съ злодѣями перестрѣлка была; но какъ злодѣйская толпа умножилась, то принуждено было противъ нихъ и вторую часть регулярныхъ съ другой стороны, подъ предводительствомъ легкой осмью полевой команды командира Маіора Зубова, со всѣмъ назначеннымъ къ выходу числомъ артиллеріи, выслать; однако злодѣи, усмотря оную, тотчасъ ретировались въ свои ямы; причемъ изъ нихъ двое захвачены. На ономъ полевомъ сраженіи изъ пушекъ выпалено съ ядрами 137 зарядовъ.—12, 13 и 14-го, за бывшимъ великимъ несчастіемъ, высылки изъ города не было, и отъ злодѣевъ было спокойно. — На 15 число въ разсужденіи того упомянутаго злодѣя примѣчалось въ артиллерійскихъ припасахъ недостатокъ. Г. Оберъ-Команданту рекомендовано, что 16 числа такъ скоро, какъ разсвѣтаетъ, Яицкимъ и Оренбургскимъ ка-

закамъ со всѣми ихъ Старшинами, а за ними резервнымъ второй и третьей частямъ, каждой при шести орудіяхъ, выступя по прежде учиненному предписанію за городъ, злодѣевъ тревожить и чрезъ то вызывать ихъ къ ближайшему падъ ними поступленію. Почему означенные Яицкіе и Оренбургскіе казаки, а за ними и резервныя двѣ части подъ предводительствомъ Г. Бригадира Корфа и выходили, и по учиненіи передовыми казаками одиѣхъ перестрѣлокъ, за появившимся вдругъ великимъ туманомъ, подъ умноженіемъ котораго злодѣи назадъ отступили, возвратились въ городъ. — 17 числа, злодѣи вдали и близъ города разѣвжали, только по причинѣ наставшаго холода высылки не было; въ нихъ съ городской стѣны выпалено изъ пушекъ ядрами два заряда.

Въ дополненіе къ послѣднимъ, то есть отъ 10 по 18 число, изъ privatныхъ записокъ можетъ прибавлено быть сіе, что 10 числа ввечеру изъ поѣхавшихъ за сѣномъ не явилось, изъ бывшихъ въ городѣ двухъ Бердскихъ Казаковъ; знатно ушли они въ свою слободу.—11 числа до разсвѣта прѣехали изъ Илецкой Защиты съ сѣномъ и съ рапортами, что тамъ обстоитъ благополучно. Подъ утро выѣзжалъ отъ злодѣевъ о дву коняхъ Оренбургскій казакъ, а въ 8 часу учинена высылка подъ командою шестой легкой команды Премьеръ-Маіора Наумова, причемъ и всѣ нерегулярные находились, и было 6 артиллерійскихъ орудій. Злодѣи, усмотря ее, всѣмъ своимъ людомъ, коннымъ и пѣшимъ, начали выбираться изъ своего лагеря, и вышло ихъ по примѣру около трехъ тысячъ человекъ; конные разѣвжали напередъ, а пѣшие поставлены были у нихъ на самыхъ дальнихъ Сыртахъ <примѣтно было, что они никакого оружія, кромѣ палокъ, не имѣли и составляли большое людство, по признанію жъ были пѣшники>. Въ 9 часу пачалась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба и продолжалась частыми выстрѣлами часа съ полтора: но какъ городскихъ людей число было невелико, то и разсуждено въ подкрѣпленіе ихъ вывести за городъ осмью легкую команду и умножить артиллерію, изъ-за чего злодѣи, не чиня никакого приближенія и устремленія къ городу, стояли на Сыртахъ, подаваясь то въ правую, то въ лѣвую сторону, а нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ и изъ злодѣевъ между тѣмъ вступали въ ручное сраженіе, причемъ городскими поймано съ злодѣйской стороны три, а убито до десяти человекъ. Одинъ Яицкій казакъ сказывалъ, что не зная въ лицо предводителя злодѣевъ, ненарочнымъ случаемъ очень близко къ нему самому подѣхалъ прежде; хотя всѣ у него находившіеся Яицкіе казаки Войскаго Старшину Мартемьяна Бородину обыкновенно Мартюшкой называли; но тотъ главный ихъ предводитель кричалъ ему: скажите, чтобъ Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ выѣхалъ одинъ съ нимъ для переговоровъ; а сіе выговора и поскакалъ онъ назадъ *). И хотя сей Старшина скоро послѣ того

*) Говорили, яко бы въ сей днь къ поимкѣ самого означеннаго злодѣя былъ весьма хорошій случай; и ежели бы Яицкій Войсковый Старшина Мартемьянъ Бородинъ съ бывшею при немъ командою напередъ не возвратился въ городъ, донести стоявшему тогда на валу Г. Губернатору, что то принужденъ онъ учинить за усталю лошадей, отъ углубившагося снѣгу, и такъ оставалась тогда на полѣ одна регулярная команда съ артиллеріею. Немного побывъ

выбѣжалъ и искалъ случая, чтобъ ему съ тѣмъ злодѣемъ говорить, и разставя людей своихъ въ отдаленіи, требовалъ его злодѣева выбѣзда, но его-де уже тутъ не было, изъ-за чего всѣ и разѣхались злодѣи. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ не было: три только лошади ранено. Съ нашей стороны было до 170, а отъ злодѣевъ до 150 выстрѣловъ; но злодѣи били больше картечными зарядами.

65) 12-го числа поутру хотя и назначено быть еще высылкѣ, но, за случившимся великимъ мокрымъ снѣгомъ, она отмѣнена; бо въ особливаго ничего не было, кромѣ сего: что примѣчено на Сыртахъ немалое число злодѣевъ, ѣдущихъ изъ-за Ивжинскаго редута съ снѣгомъ. Послѣ полудня въ 7 часу отправленъ въ Илецкую Защиту съ указами сержантъ Теленковъ и нѣсколько казаковъ и лошадей, прѣбывавшихъ съ снѣгомъ; на 13 число, съ вечера, также назначено было быть высылкѣ подъ предводительствомъ Бригадира Корфа; но за бывшимъ почью и въ день сей сильнымъ дождемъ, она высылка отмѣнена. На 14 число съ вечера повѣщено было командамъ, въ первомъ часу по полудни быть готовымъ къ выступленію на злодѣевъ, къ чему они съ охотою и готовились; но въ 4 часу послѣ полудни оно пакъ отмѣнено, по той причинѣ, будто бѣ для артиллеріи подѣмныя лошади не всѣ были подкованы, а дорога, по причинѣ вчера бывшаго дождя, сдѣлалась ледовита и скользка; сегодня жъ пропелся слухъ, яко бы начальникъ злодѣевъ послалъ отъ себя къ городу Уфѣ и въ тамошній убѣздъ воровскую свою партію, а въ какомъ числѣ, то неизвѣстно. Въ ночи и поутру 15 числа возвратились нѣсколько изъ-за Ивжинскаго редута ѣдившіе туда за снѣгомъ и привезли онаго больше ста воевъ; но пяти или шести человекъ изъ слугъ появилось, зная захвачены злодѣями: ибо предъ вечеромъ примѣчено было, что и они по Сыртамъ близъ ста воевъ провозили къ себѣ сѣна оттуда жъ.—На 16 число съ вечера былъ приказъ воинскимъ командамъ готовиться къ выступленію на злодѣевъ прежде утренней зори. Сія высылка была подъ предводительствомъ Бригадира Корфа и въ числѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ превосходила прежнія. Артиллерійскихъ орудій было при ней 24, въ томъ числѣ 6 единороговъ. Вся она команда раздѣлена была на три части: одною командовалъ Г. Корфъ, другою шестой легкой полевой команды Премьер-Маіоръ Наумовъ, а третьею баталіонный командиръ Премьер-Маіоръ Пановъ. Изъ города выступили они въ исходѣ 9 часа поутру и заняли на Сыртахъ способное положеніе, отъ города разстояніемъ версты съ полторы. Яидкіе и другіе нерегулярные люди <при коихъ особыхъ пушекъ сей день не было> были у нихъ впереди на такое жъ разстояніе. Всѣ мнили, что она три команды поведены будутъ прямо къ Бердской слободѣ, чтобъ, сбивъ злодѣевъ, овладѣть ихъ лагеремъ. Злодѣи долго не оказывались противъ сей высылки, и ужъ въ 11 часу начали они появляться на самыхъ заднихъ Сыртахъ и, выбѣжавъ ихъ немалое число, стояли тамъ

въ городѣ, хотя онъ Бородинъ со всею своею командою и еще туда выбѣжалъ, но злодѣи тогда стали уже разѣзжаться въ свой лагерь, а потому вторичный его Бородина выбѣздъ и былъ уже безплоденъ. Погода была тогда теплая и тихая.

почти неподвижно, а наконецъ, сдѣлавъ пушечныхъ выстрѣловъ до пятидесяти <сказывали, яко бы всѣ тѣ выстрѣлы были пусты безъ ядеръ>, поворотили назадъ въ свой лагерь. Городская регулярная команда, постоявъ на занятыхъ ею мѣстахъ съ полчаса, обратилась также назадъ и вошла въ городъ въ исходѣ 12 часа, не сдѣлавъ съ своей стороны ни одного выстрѣла *). Между тѣмъ передовые Яидкіе казаки имѣли съ злодѣями перекличку, но въ пустыхъ словахъ состоящую: городскіе вызывали злодѣевъ на сраженіе къ городу, а злодѣи кричали, что они того не сдѣлаютъ, а подѣзжали бѣ всѣ городскіе къ ихъ лагерю. При семъ случаѣ отхваченъ злодѣями бывшій въ числѣ Яидкихъ казаковъ Калмыкъ, именемъ Дурти, который былъ Сотникомъ и почитаемъ былъ за хорошаго наѣзника; напротивъ того, городскими Яидкими казаками убитъ одинъ злодѣй, а другой Яидкій же казакъ пойманъ и присланъ въ городъ; другіе мнили, что помянутый Калмыкъ въ злодѣйскую толпу самовольно забѣжалъ, и будто бѣ онъ прежде проговаривалъ, что ему хочется самому у злодѣевъ побывать и оттуда опять въ городъ возвратиться не съ пустыми руками **).

66) 17-го числа поутру, въ 10 часу, появилось злодѣевъ немалое число, ѣдущихъ изъ лагеря своего прямо къ городу; три толпы, выбѣжавъ отъ Бердской слободы, остановились на Сыртахъ, въ отдаленіи отъ города, а человекъ до пятидесяти подѣзжало изъ нихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ обыкновенно изъ городскихъ конюшенъ навозъ вывозятъ и бросаютъ. Предводителемъ у нихъ примѣченъ одинъ, въ красномъ кафтанѣ разѣзжавшій; изъ сихъ передовыхъ нѣкоторые гораздо ближе подѣзжали къ городу, межъ которыми бывшій Оренбургскій казакъ Каринцовъ требовалъ, чтобъ для переговоровъ съ нимъ выслали брата его, въ городѣ находящагося, и показали бѣ имъ тѣхъ Оренбургскихъ казаковъ, кои отъ нихъ въ городъ ушли; но ихъ въ скорости найти было не можно; ибо тутъ на валу, кромѣ однихъ часовыхъ, никого не было ***); другіе кричали, для чего не сдается городъ, и божились, что начальникъ ихъ есть прямой Царь; въ исходѣ жъ 11 часа пополудни, какъ сіи передовые, такъ и назади въ кучахъ стоявшіе, всѣ опять въ свой лагерь уѣхали. При на-

*) Сегодняшнее на три части раздѣленіе команды многіе признавали за способное и предъ прежними за лучшее, а потому и надѣялись, что злодѣевъ изъ Бердской слободы выгонять и имѣющуюся у нихъ артиллерію отнять. Что жъ до возвращенія оной команды назадъ принадлежить, то говорили, яко бы то учинено съ приказу Губернаторскаго, по причинѣ оказавшагося предъ полуднемъ великаго тумана; но послѣ вскорѣ воздухъ прочистился и погода была тихая и нарочито ясная.

**) Что оный Калмыцкій Сотникъ прямое намѣреніе имѣлъ къ истребленію злодѣевъ, сіе послѣ разными извѣстіями подтверждаемо было, а наипаче всѣ увѣрились тѣмъ, что онъ Дурти, по доносу Пугачевыхъ сообщниковъ, въ томъ, что онъ ищетъ случая его умертвить, и повѣшенъ отъ него въ ночное время.

***) Хотя съ самаго начала злодѣйской сады во время высылки никому не возбранено было всходить на валъ и смотрѣть на сраженіе, чрезъ что въ сихъ случаяхъ на городскихъ валахъ представлялось всегда великое людство; но 10 числа отданъ отъ Г-на Губернатора приказъ, чтобъ при такихъ случаяхъ на городской валъ зрителей никого не впускать.

чаѣ, когда оныя передовые около города появлялись стали, выпалено было съ вѣду противъ артиллерійскаго двора изъ двухъ пушекъ. Послѣ полудня выслаано было изъ города Яицкихъ казаковъ человекъ до 30, для присмотра. Со злодѣйской стороны выѣзжали человекъ до 30 жъ, въ томъ числѣ яко бы и ушедшіе вчерашняго числа Калмыкъ Дуртя, имѣя на себѣ красный кафтанъ. На переговоры злодѣи кричали, чтобъ всѣ Яицкіе казаки изъ города прѣѣзжали къ нимъ, а означенный Дуртя дважды примѣривался палить изъ своей турки, однакожъ-де выстрѣловъ не сдѣлалъ, а изъ-за того всѣ они и разѣхались.

67) 18-го числа было спокойно, только отъ находящагося въ Яицкомъ городкѣ Подполковника Симонова получены непріятные рапорты: 1-е, доносилъ онъ, что изъ Яицкихъ казаковъ, сколько за ними ни наблюдается, въ злодѣйскую толпу отъ разныхъ мѣстъ съ карауловъ бѣжало человекъ слѣшкомъ съ 30.—2-е, Киргизъ-Кайсаки-де Меньшой Орды владѣнія Нурали Хава и братьевъ его Айчуванъ и Дусали Салтановъ, разѣзжая около нижнихъ Яицкихъ крѣпостей по обѣмъ сторонамъ, чинятъ великія злодѣяства, то есть скотъ весь отгоняютъ, людей убиваютъ и, захватывая, увозятъ, форпосты жгутъ, и къ крѣпостямъ дѣлаютъ приступы, и намѣреніе-де имѣютъ, какъ чрезъ доброжелательныхъ секретно увѣдомился *), оставя здѣшнее кочевье, идти въ подданство Турецкое въ Крымскую землю, къ чему-де и Облай Салтанъ съ его Ордуо согласенъ и, какъ-де слышно, съ мѣста своего поднялся, и Ханъ-де крѣпости и форпосты чрезъ подчиненныхъ своихъ разбивать намѣренъ, какъ-де то и подъ оставшихъ Волгскихъ Калмыковъ и Нагайцевъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ Старшинъ, довольное число ихъ отправилось; однакожъ-де отъ него Симонова въ Астраханскую Губернскую Канцелярію рапортовано и, въ подкрѣпленіе сихъ крѣпостей отъ таково Киргизъ-Кайсакаго предпріятія, вѣлно съ форпостовъ казаковъ снятъ въ тѣ крѣпости, а притомъ-де для того жъ командированъ изъ города съ двухсотною командою Яицкихъ казаковъ Сотникъ Андрей Логиновъ, коимъ ѣздившихъ для злодѣяства на внутренней сторонѣ Киргизцовъ человекъ до ста уже прогнано, да еще, сверхъ той двухсотной, изъ нихъ же яицкихъ казаковъ пристойную команду отправить разсуждено, причемъ представлены полученные чрезъ подарки съ посланнаго отъ него Хана и Дусали Салтана къ самозванцу листовъ на Татарскомъ діалектѣ копіи. На сіе ему Симо-

нову отъ Г. Губернатора предложено, что учиненныя имъ, въ отвращеніе Киргизъ-Кайсацкихъ безпокойствъ и шалостей, распоряженія апробуются и впредь совершенную предосторожность продолжать рекомендовано; а дабы они Киргизъ-Кайсаки отъ того воздержаны были, о томъ бы къ властямъ ихъ почасту было напоминаемо; о чемъ однакожъ и отъ Губернатора къ Хану, Айчуванъ и Дусали Салтанамъ писано, съ тѣмъ, чтобъ они, имѣя въ предметѣ учиненную ими въ вѣрности Ея Императорскому Величеству присягу, старались продерживающихъ Киргизъ-Кайсаковъ отъ тѣхъ ихъ при Яицкихъ форпостахъ чинимыхъ шалостей всемірно воздерживать и отвращать и въ покоѣ содержать. — 19 числа было спокойно; къ чему изъ частныхъ записокъ приобщить болѣе не находится, какъ развѣ сіе, что 18 числа, за великимъ туманомъ, со стороны злодѣйской ничего примѣчено не было; а 19 числа ѣздившія къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ подводы возвратились, навьюча возы изъ оставшихъ отъ сѣнныхъ стоговъ подонковъ.

68) 20 числа злодѣйскія партіи во многіе числѣ не только въ виду, но и въ самой близости города, противъ Сакмарскихъ воротъ и Пушечнаго двора разѣзжали для шермиции, противъ коихъ сперва легкія войска, а потомъ изъ разчисленнаго войска первая часть, подъ предводительствомъ Г. Валенстерна и Бригадира Корфа выступили и дѣлали перестрѣлку; но какъ изъ злодѣйской толпы въ количествѣ людей сдѣлалось превосходство, то для подкрѣпленія здѣшнихъ силъ и вторая часть выслана, коими съ тою злодѣйскою толпою призводимо было сраженіе; причемъ съ здѣшней стороны убитъ Яицкій казакъ 1, раненъ 1; а съ ихъ злодѣйской стороны убитыхъ тѣхъ найдено съ 12; а пушечными выстрѣлами вдали убито жъ, кои повидимому злодѣями увезены, немалое число. При семъ сраженіи и при переговорахъ здѣшнихъ легкихъ войскъ передано отъ злодѣя три соблазнительные листа, ихъ коихъ первый на Россійскомъ, другой на Нѣмецкомъ діалектѣ, а третій, видно, самимъ имъ воровомъ Пугачевымъ, для увѣренія находящихся въ толпѣ его, намеранный и неизъявляющій никакихъ литеръ. — 21 числа помянутая злодѣйская толпа въ большомъ количествѣ подходила къ городу; по причинѣ чего и что предъ тѣмъ, при случаѣ высылкѣ частныхъ командъ, злодѣи, не вступая въ сраженіе, отдалялись въ свои ямы, высланы были только одни казаки, а регулярные въ городѣ предуготовлены, и какъ скоро къ нимъ злодѣямъ приближаться начали, то они, не дѣлая бою, подкинули только два соблазнительныхъ листа, первой къ Г. Коллежскому Совѣтнику Тимашеву, а другой къ Яицкому вѣрному Старшинѣ Мартемьяну Бородину, а сами тотчасъ возвратились безъ всего въ ихъ ямы. Сія послѣднія два числа, то есть 19 и 20 могутъ еще приполнены быть изъ частныхъ записокъ слѣдующимъ:

20 числа видно было злодѣйское намѣреніе всѣми его силами приступить къ городу и штурмовать. Въ началѣ 9 часа утра начали они выбирать изъ своего лагеря со всѣмъ своимъ людствомъ. На среднихъ Сыртахъ, отъ города пушечныхъ выстрѣловъ на два или и болѣе, поставилъ предводитель ихъ всѣхъ своихъ конныхъ людей <коихъ по примѣру казалось тысячи двѣ>, а пѣшихъ въ такомъ же разстояніи поставилъ онъ фронтомъ на дальномъ Сырту <по видимому

*) Сіе увѣдомленіе не только достовѣрнымъ, но и вѣроятнымъ Г-ну Подполковнику Симонову почтять было не можно. Киргизъ-кайсацкому народу нималаго сходства нѣтъ, чтобъ желать Турецкаго подданства, а особливо переселяться имъ изъ нынѣшнихъ степныхъ и весьма привольныхъ для нихъ мѣстъ въ Крымскую землю, которая и безъ нихъ наполнена жителями, да и доказывается оное тѣмъ, что Ханъ и всѣ Киргизскіе Салтаны понынѣ на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ находятся; а что Киргизцы въ разныхъ мѣстахъ причиняютъ воровства и грабительства, то сіе отъ нихъ, но ихъ къ тому склонности, ежегодно случается; а бываеетъ многіяжды, что Яицкіе казаки, задирая ихъ разными образами, и сами ихъ къ тому привлекали, какъ то и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ было небезвѣстно; а потому вышеозначенное о Киргизскомъ Ханѣ и Салтанахъ извѣстіе вѣроятнымъ образомъ можно почесть за клевету Яицкихъ казаковъ, которые по разнымъ причинамъ часто на нихъ и на весь народъ затѣвуютъ и клеветуютъ.

было ихъ столько жъ, сколько и конныхъ, но всѣ безоружные, а наѣзники человѣкъ до 50 раздѣлажи гораздо ближе къ городскимъ валамъ. Изъ города, не предполагая быть сего числа столь многочисленному приступу, поутру выслано было Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 30; но злодѣи усмотрѣвши въ столь немаломъ людствѣ, что въ 10 часу начали собирать и отправлять за городъ команды и артиллерию. Одна часть прямо шла противъ злодѣевъ, и занявъ ближніе Сырты, начала тамъ пушечную свою пальбу; но Яицкіе казаки, имѣя при себѣ двѣ пушки, и прежде съ ними перестрѣливались *). Другая часть по собраніи отправлена была въ подкрѣпленіе первой и шла отъ Орскихъ воротъ, подаваясь въ правую сторону, такъ что злодѣямъ невозможно было ее усмотрѣть, и занявъ подъ высоту способное для себя мѣсто, стали въ прикрытіи. Пальба пушечная, какъ отъ первой команды, такъ и отъ злодѣевъ, весьма усиленно производима была, а какъ злодѣи отъ Бердскихъ воротъ подались вправо, то и вторая, въ прикрытіи бывшая команда начала по нихъ пушечную пальбу производить. При сей командѣ находились четырехъ и пяти-фунтовые пушки, изъ коихъ, также и изъ единогоротовъ, частыми выстрѣлами принуждены были злодѣи стремительно свою удержать и, остановясь на нѣсколько времени, начали подаваться назадъ. Бригадиръ Корфъ, имѣвшій туя команду, присылалъ къ Г. Губернатору, стоявшему тогда на городскомъ валу, съ увѣдомленіемъ, что злодѣи начали отступать, и ежели повелить онъ за ними слѣдовать далѣе, то требовалъ къ единогоротовъ еще зарядовъ, коихъ-де осталось у него уже немного. Губернаторъ приказалъ ему, дожидаясь на занятыхъ мѣстахъ, пока злодѣи гораздо далѣе отойдутъ, возвращаясь въ городъ, а подъ лагерь ихъ къ Бердѣ не ходить; а потому и не приказалъ онъ третьей такой же еще приготовленной командѣ (коя и съ артиллеріею къ самымъ уже Бердскимъ воротамъ приведена была) выходить за городъ. Итакъ въ началѣ второго часа всѣ команды возвратились въ городъ. При семъ злодѣйскомъ наступленіи убитыхъ у него пушечными выстрѣлами считали гораздо болѣе ста человѣкъ, а до десяти намѣстѣ поколото Яицкими казаками, да одинъ Русскій работникъ отхваченъ. Съ нашей стороны убитъ двумя пулями одинъ Яицкій казакъ, а другой раненъ конемъ въ спину, да одна лошадь ранена стрѣлою. Нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ, какъ слышно было, имѣли съ самимъ злодѣемъ переговоры; онъ, запрещая бывшимъ при немъ стрѣлять и приказывая имъ отдалиться, говорилъ имъ, что

онъ для спасенія ихъ пролилъ уже много человѣческой крови, и для того пора уже имъ одуматься и перестать противъ его воевать. Но тѣ бывшіе въ переговоры съ нимъ Яицкіе казаки, выбравъ и называя его самого измѣнникомъ, прочь отъ него уѣхали, а другіе изъ сообщниковъ его, будучи весьма пьяны, кричали, чтобъ не ожидали въ городъ помощи и войскъ, немногіе-де дни оставалось вамъ жить послѣ праздника, сказывая при томъ, что къ намъ скоро будетъ съ полками Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, а вашъ-де Генералъ-Маіоръ Каръ и теперь лежитъ у насъ подъ горой. — 21 числа поутру, въ 9 часу часу, вышли злодѣи изъ лагеря своего такъ же, какъ и вчерась всѣмъ людствомъ, но расположились уже они иначе, сдѣлавъ на Сыртахъ нѣсколько небольшихъ партій и показывая ими тотъ видъ, яко бы каждая изъ оныхъ составляла батарею съ пушками; такимъ положеніемъ отъ самой почти Маячной горы въ правую сторону занимали они немалое пространство и стояли неподвижно отъ городскихъ валовъ на два или больше пушечныхъ выстрѣла. Противъ ихъ хотя и стали было въ городѣ нарывать команды и артиллерию, и нѣкоторые къ выступленію за городъ у самыхъ уже воротъ находились, да и самъ Г-нъ Губернаторъ, Оберъ-Комендантъ и другіе чиновные люди и великое множество смотрителей на городскихъ валахъ находились *); но злодѣи, въ вышеозначенномъ порядкѣ постоявъ до 11 часу, со всѣмъ своимъ людствомъ отвалили назадъ, а потому и изъ города высылки и съ городскихъ валовъ ни одного пушечнаго выстрѣла не было. Изъ вышеозначенныхъ же злодѣйскихъ партій одна подъ самую Маячную гору, въ числѣ около ста человѣкъ бывшая, еще тогда, когда прочіе въ виду изъ города на Сыртахъ стояли, спустившись подъ тою горою на низъ пошли, лугами за рѣку Яикъ, но куда, того за случившимся туманомъ разсмотрѣть было не можно; а потому послѣ полудня и выслано было туда Яицкихъ казаковъ съ Войсковымъ ихъ Старшиною Мартемьяномъ Бородинымъ 250 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ шли они злодѣйской партіи разсмотрѣли, и ежели они устремились къ Изедкой Захитѣ для овла-

*) При первомъ и еще малочисленномъ приближеніи злодѣевъ немногіе городскіе казаки имѣли съ нѣкоторыми наѣзниками ихъ переговоры, при которыхъ передали они злодѣевъ три письма, изъ коихъ, какъ слышно, одно на Русскомъ языкѣ, указомъ къ Губернатору, но самымъ глупымъ стилемъ о сдачѣ города писанное; другое на Нѣмецкомъ языкѣ, но самой худой переводъ изъ того указа; третье, ничего не значущее, но въ однихъ только черточкахъ (на подобіе того какъ незнающіе грамотѣ дѣти иногда пишутъ) состоящее, и такими жъ пустыми чертами не въ одномъ мѣстѣ подписанное письмо, видно, самимъ злодѣемъ, какъ не знающимъ грамотѣ, для обмана находящимся при немъ простакомъ писанное, въ томъ видѣ, яко бы онъ знаетъ грамотѣ и самъ отъ себя партикулярно къ Губернатору писалъ.

*) 10 числа сего мѣсяца хотя и отданъ былъ приказъ за рукою губернаторскою, чтобъ впредь во время будущихъ изъ города высылкъ командъ и сраженій оныхъ съ злодѣями, никому ни подъ какимъ видомъ празднующимся подымать людямъ, а наипаче женскому полу, не только на валу, ниже близко оного не быть, а единственно оставаться каждому, буде кто опредѣленъ въ какую либо службу, то при оной, прочимъ же при своихъ домахъ безотлучно; а ежели кто за симъ подтисрженіемъ празднующійся будетъ на валѣ приходить, а особливо женскій полъ, таковыхъ за первый разъ штрафовать, мужескій полъ употребленіемъ во время стрѣльбы изъ пушекъ въ помощь канонерамъ, а когда стрѣльбы не случится, то держать оныхъ при пушкахъ же подъ карауломъ, который штрафъ за второй и третій разъ удвоивать; и то для исполненія по воинской командѣ подтверждено Г. Оберъ-Коменданту, а обывателямъ повелѣно объявлять съ подпискою чрезъ Палацъ-Маіорскія дѣла; почему нѣсколько времени и наблюдаемо было; но вчера и сегодня во время бывшихъ посылокъ во всѣхъ мѣстахъ на валахъ всякаго званія смотрителей, въ присутствіи самого Г-на Губернатора, какъ выше вначить, было великое множество. Видно, что тотъ прежній приказъ по какимъ нибудь другимъ резонамъ нынѣ отиѣнить разсуждено.

дѣнія оною или для разбитія ожидаемаго оттуда обоза, въ томъ бы имъ воспрепятствовать. Они, отдаляясь отъ города по лежащей въ Илецкую Защиту дорогѣ верстъ на десять до самыхъ дальнихъ Сыртовъ, усмотрѣли, что оныя злодѣи, не нашедъ туда лежащихъ шляховъ, поворотили въ правую сторону къ рѣкѣ Дангузу, а по ней пазадъ къ рѣкѣ Яику, почему и тѣ городскіе Индикіе казаки возвратились; между оныхъ примѣчено было, что злодѣи, для доставленія и привоза сѣна, немалое число подводъ послали за Ибжинскій редутъ, которые всѣ ѣхали по дальнимъ Сыртамъ, для опасности пушечныхъ выстрѣловъ изъ города.

69) 22-го числа злодѣйская толпа въ большомъ количествѣ вышла изъ ямъ своихъ, при Бердской слободѣ имѣющихся, и показала противъ городскихъ Сакмарскихъ воротъ, въ близости, потянулася ниже города къ Маячной горѣ, а съ оной одна партія, перешедъ лугами за рѣку Яику, тамъ разбѣжала, а напоследокъ всѣ возвратились обратно въ поманутыя свои ямы. Въ нихъ съ городской стѣны выпалено изъ пушекъ съ ядрами 4 заряды. — 23 и 24 чиселъ хотя изъ нихъ злодѣевъ небольшія партіи въ виду города и разбѣжали, только никакого дѣйствія въ нихъ не было. — На 25 число въ ночь изъ выбѣжавшихъ изъ города вверхъ по Яику рѣкѣ къ Ибжинскому редуту фуражировъ Сеитовскихъ и прочихъ Татаръ не явилось въ городъ 69 человекъ, о коихъ отъ выбѣжавшихъ изъ нихъ же Татаръ объявлено, яко бы они захвачены злодѣями и въ толпу ихъ увезены.

Къ онымъ числамъ въ дополненіе принадлежатъ еще сіе, что на 22 число въ ночи возвратились изъ Илецкой Защиты посылаемые туда для привоза хлѣба, коего нѣсколько четвертей оттуда и привезено. До полудня со стороны злодѣевъ ничего было не видно и не слышно, а послѣ половины дня послано было отъ легкихъ полевыхъ командъ съ подводами и верхами для привоза тальника и куи <что значитъ здѣсь траву, осокой называемую>, на фуражированія по пущѣ драгунскихъ лошадей; злодѣйскій караулъ, на Маячной горѣ имѣвшійся, усмотря ихъ, давъ знать въ лагерь, а потому и начали они выбираться изъ онаго въ немаломъ людствѣ. Вся она гора скоро наполнена была злодѣями, а другіе почти до самаго ихъ лагеря взадъ и впередъ разбѣжали. Часть немалая, спустившись по ту гору, разбѣжала по имѣющемуся на сей и на той сторонѣ кустарнику, и немало выходило ихъ и на степь на зарѣчной сторонѣ, видно, что въ томъ намѣреніи, дабы кого нибудь изъ городскихъ людей отхватить; немногіе, человекъ по три и по четыре, стали было подбѣгать ближе къ городу: по какъ выпалено было въ нихъ изъ трехъ пушекъ, и выстрѣленные ядра хотя ихъ не трафили, но очень близко подлѣ ихъ пролетѣли, то они поскакали прочь, а потомъ скоро, за наступившею темнотою, и всѣ они злодѣи возвратились въ лагерь свой. Слышно было, что при семъ случаѣ удалось имъ отхватить осьмой полевой команды одного погонщика и трехъ лошадей, а прочіе всѣ въ городъ прѣѣхали. — 23 числа ѣздившіе вверхъ Яика Индикіе казаки за сѣнными подонками и за соломою возвратились оттуда, не выдавъ отъ злодѣевъ помѣшательства. Впрочемъ съ стороны злодѣевъ сей день ничего; ввечеру, сверхъ ихъ обыкновенія, вмѣсто одной, выпалено было у нихъ изъ

трехъ пушекъ. — 24 числа со стороны злодѣйской, кромѣ обыкновеннаго у нихъ форноста и небольшого на Сыртѣ выбѣжавшаго людства, ничего было не видно жъ. Передъ вечеромъ жъ выпущено за городъ Каргалинскихъ Татаръ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Коллежскаго Совѣтника Тимашева, человекъ до 80 и съ ними нѣсколько слугъ и рабочихъ людей для привоза сѣна изъ-за Визовскаго редута <что отъ Оренбурга считается до 30 верстъ>, зная, что всѣ они посланы были безъ предводителя и начальника, да неизвѣстно, было ль имъ дано какое нибудь наставленіе для предосторожности; а злодѣи, какъ чаятельно, у находящихся тамъ сѣнъ для присмотра имѣли своихъ сообщниковъ, и такъ едва не всѣ тѣ побѣжавшіе за сѣномъ, всего по сказкамъ около ста человекъ, отхвачены и отведены въ ихъ злодѣйскій лагерь; другіе признавали, что и статья могла, яко бы оныя колеблющіеся Каргалинскіе Татары, по примѣру прежнихъ тамошнихъ же татаръ, и сами передались къ тѣмъ злодѣямъ. — 25 числа, то есть въ день Рождества Христова, со стороны злодѣевъ ничего примѣчено не было; только во время заутрени слышны были у нихъ въ лагерѣ три выстрѣла пушечныхъ, а четвертый обыкновенный на утренней зарѣ; передъ обѣденою жъ на форносты, передъ Бердскою слободою имѣющіеся, хотя и начали было, выбѣгать прибавочные люди, но, постоявъ тутъ немного на Сырту, опять спустились на низъ къ своему лагерю.

70) 26 числа было спокойно, а 27-го получепъ отъ Г-на Генералъ-Маіора Станиславскаго рапортъ, съ приложеніемъ копій съ присланнаго къ нему на Ибмедкомъ языкѣ отъ Г-на Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга ордера, коимъ Г. Генералъ-Поручикъ и ему Станиславскому на рапортъ его, коимъ представлялъ онъ, что ему Станиславскому одну находящуюся при немъ легкую полевую команду, при настоящихъ обстоятельствахъ, Орскую, Танаидику, Урдазымскую, Кизильскую и Магнитную крѣпости прикрывать не можно, предписалъ, какъ-де Башкирскій народъ весь генерально взбунтовался, и бунтуя, явнымъ образомъ чинить на крѣпости нападенія, тобъ онъ Станиславскій учинилъ слѣдующее: 1-е, забравъ съ собою изъ всѣхъ тѣхъ крѣпостей гарнизонъ и тѣхъ обывателей, кои ити пожелаютъ, ретировался къ Верхо-Яицкой крѣпости, а прочіихъ бы, кои пожелаютъ, съ надлежащимъ казеннымъ снабженіемъ, оставилъ бы тамо въ крѣпостяхъ; 2-е, дежную бѣ казну и аммуницію всю, также и легкую артиллерию взялъ бы съ собою, а тяжелую, кою везти будетъ невозможно, загвоздилъ и уничтожилъ, или бѣ въ воду побросалъ, и проч. По причинѣ чего отъ Губернатора къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру отъ 29 числа сообщено: что касается до Башкиріи, то здѣсь извѣстно, что изъ оной нѣкоторая только часть, прилежащая по Яику рѣкѣ, поколебалась и къ злодѣйству уклонилась, а прочіе находятся въ непремѣнномъ состояніи; на крѣпости жъ хотя бѣ они напасть и покушались, только какъ Башкирцы ни большихъ орудій, ниже ружей, кромѣ стрѣлъ не имѣютъ, слѣдовательно крѣпостному гарнизону, исправно вооруженному и артиллеріею снабженному, ничего учинить не могутъ, какъ то они напредъ сего и при генеральномъ ихъ бунтѣ крѣпостямъ никакого вреда дѣлатъ были не въ состояніи; да и самъ извѣстный государственный злодѣй Пугачевъ, отлучаясь отсель въ нѣкоторой партіи, подъ Озер-

ною крѣпостію и съ пушками по двоекратной атакѣ ничего сдѣлать не могъ, ибо де отъ оной хорошимъ распоряженіемъ и достохвальною храбростію Г. Полковника Демарина сильно отраженъ; а хоти состоящую за нею Ильинскую крѣпость взять ему злодѣй и удалось, и то по причинѣ неисполненія Г. Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ предписанія Губернаторскаго, однако, по извѣстію о приближеніи сюда Генералъ-Маіора Фреймана съ полками, паки отлучиться онъ злодѣй уже не можетъ. И такъ онъ Губернаторъ находя себя съ предписаніемъ его Г. Генералъ-Поручика и Кавалера несогласнымъ, и дабы вмѣсто ожидаемаго здѣсь съ Сибирскихъ линій сикурса, Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ не претерпѣлъ и линія не подвержена бѣ была разоренію, требовалъ отъ него Г. Генералъ-Поручика и Кавалера, чтобъ онъ предмета сего, предъявленнаго въ содѣйствіе здѣшнимъ войскамъ, держался и павѣщалъ, а по послѣдней бы мѣрѣ реченному Станиславскому приказалъ быть въ Орской крѣпости неотлучну; ибо какъ оная крѣпость земляная и противъ прочихъ лучшая, то ему быть тамъ весьма неопасно; а буде по какимъ либо важнымъ обстоятельствамъ неотмѣнно взять его разсудить, то бѣ по крайней мѣрѣ приказалъ находящуюся при немъ гарнизонную роту въ прибавокъ тамошней оставить, да и изъ прочихъ вышеупомянутыхъ крѣпостей гарнизонныхъ служителей безъ крайней нужды не выводить, а особливо съ оставленіемъ отставныхъ, которые наняче подъ ихъ защищеніемъ тамо и опредѣлены; а буде бѣ большая опасность рассмотретьъ была, то можно изъ одной или изъ двухъ крѣпостей соединить въ одну хорошую, переведа со всѣми обывателями. Къ тому жъ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому предложено, чтобъ онъ, до полученія отъ него Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Деклонга вновь ордера, изъ Орской крѣпости съ имѣющею при немъ команду не выбѣжалъ; а при томъ бы, по прежнему предложению, къ Г. Полковнику Демарину для гарнизона его, который при атакѣ злодѣями храбро и неустрашимости куда надлежитъ отъ Губернатора засвидѣтельствована; того бѣ ради онъ Демаринъ безъ крайней нужды Озерной крѣпости не оставлять; а что принадлежитъ до потребнаго для удовольствія находящихся у него гарнизонныхъ солдатъ и прочихъ служителей провіанта, то, ссылаясь Губернаторъ на первый его отъ 19 числа сего жъ Декабря отправленный ордеръ, которымъ рекомендовалъ ему, превозмогая всѣ препятствія, стараться какъ возможно достать оного изъ ближайшихъ крѣпостей чрезъ казаковъ и тамошнихъ обывателей, которые по причинѣ мнимой отъ Башкирцевъ опасности могутъ туда за нимъ съѣхать ночью, а и оттодъ съ провіантомъ выѣхать и въ крѣпость прѣхать по стени ночью жъ, къ чему они толь охотнѣе взяться не оставить, когда имъ за то обѣщана будетъ довольная изъ казны плата, которую имъ и дать полную; ежели жъ симъ средствомъ достать его будетъ не можно, то бѣ, какъ извѣстно, что у тамошнихъ обывателей собственнаго хлѣба есть довольно, стараться для

солдатъ оного у нихъ испкупить и давать по четверику на мѣсяцъ, да мяса надлежащую порцію, отбирая лишній скотъ у обывателей и давая за оный надлежащую жъ плату, какъ то и здѣсь по нуждѣ производится; но буде ни то, ни другое средство не поможетъ, то по крайней уже необходимости, забравъ все возможное, купно со всѣми обывателями съ надлежащею осторожностію ретироваться въ Орскую крѣпость, а далѣе оной ни подъ какимъ видомъ не проходить подъ опасеніемъ отвѣта.—28 числа было спокойно.

Къ симъ двумъ послѣднимъ числамъ изъ приватныхъ записокъ въ прибавленіе ничего не находится, какъ только сіе, что 26 числа поутру слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ ружейная пальба раза два залпами, да процессъ слухъ, будто бѣ предводитель злодѣевъ, оставя лагерь, выѣхалъ къ Сакмарску. — 27 числа *) предъ утромъ прѣхалъ изъ Верхней-Озерной крѣпости три человека казаковъ съ рапортами, и слышно было послѣ, что въ той крѣпости благополучно, кромѣ сего, что сообщники злодѣямъ Башкирцы, напавъ на выѣхавшихъ изъ оной крѣпости на поле, для осмотра хлѣбныхъ и сѣнныхъ стоговъ, десять человекъ тамошнихъ казаковъ поколоди; впрочемъ со стороны злодѣйскаго лагеря почти во весь день, кромѣ одного ихъ форпоста, и то въ маломъ людствѣ состоящаго, развѣзжающихся по Сыртамъ никого было не видно, что и служило многимъ въ подтвержденіе объ отлучкѣ изъ того лагеря предводителя злодѣевъ. — 28 числа ничего не было, и злодѣевъ не выдали не только со стороны ихъ лагеря и на тамошнихъ Сыртахъ, но и на форпостахъ никого не было не видно; однако жъ былъ слухъ, яко бы ихъ предводитель изъ отлучки своей возвратился.

71) 29 числа, по причинѣ выѣзда здѣшнихъ Оренбургскихъ казаковъ за городъ для собранія къ кормленію лошадей, прежде вывоженные назавъ, увидя злодѣи, въ нѣкоторомъ числѣ изъ ямъ своихъ въ близость къ нимъ подбѣгли, однакожъ напоследокъ, по принятой казаками осторожности, не дѣлая сраженія возвратились, и какъ отъ выбѣвшихъ изъ той злодѣйской толпы Яндкихъ казаковъ неволею при Сотникѣ Конфеникѣ захваченныхъ увѣдомленосъ, что они злодѣи и на городъ съ пушками въ ночь на 28 число приступъ сдѣлать покушались, и для того въ близость кирпичныхъ сараевъ подбѣжали, только, по причинѣ бывшей въ ту ночь съ небольшимъ вѣтромъ непогоды, ничего сдѣлать не могли, то по поводу его здѣсь по всему валу приказано было продолжать осторожность; со всѣмъ тѣмъ они злодѣи на 30 числа въ ночь же, прокравшись съ пушками къ упомянутымъ кирпичнымъ сараямъ, начали изъ оныхъ стрѣлять; однако жъ вскорѣ здѣшнюю артилерію отражены, и паки въ ямы свои возвратились.—30-го, въ разсужденіи происходившихъ отъ злодѣя таковыхъ же подбѣговъ, а особливо для усмотрѣнія, нѣтъ ли у него въ военномъ припасѣ, по слабымъ его покушеніямъ, недостатка, приказано отъ Губер-

*) Сего числа прибылъ въ Казань Его Высокопревосходительство Генералъ-Аншефъ, Лейбъ-Гвардіи премьеръ-Маіоръ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Александръ Ильичъ Бибииковъ со всѣмъ для усмиренія оныхъ злодѣевъ командированнымъ войскомъ главнымъ Командиромъ, съ какою полною властію, о томъ явствуетъ Ея Императорскаго Величества Всемилоостивѣйшій и увѣщательный манифестъ, состоявшійся Ноября 29 дня 1773 года.

патора выступить для шермидіи изъ города, сперва казакамъ, а потомъ регулярнымъ первой и второй частямъ, и хотя казаки по выступленіи выѣзжали за самыя бывшія у него злодѣи батареи, да и тѣ злодѣи къ нимъ приближались, только, не вступая въ бой, возвратились въ ихъ лагерь. Почему, а особливо по бывшей тогда великой стужѣ, тотъ походъ и оставленъ. — 31 числа, какъ днемъ, такъ и ночью, было спокойно.

Въ дополненіе сихъ послѣднихъ чиселъ, изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще вмѣщено быть, что 29 числа поутру вышли изъ злодѣйскаго лагеря 4 человекъ Яицкихъ казаковъ, кои показали, яко бы они захвачены были предводителемъ злодѣевъ, обще съ ѡхавшимъ съ рапортами изъ Яицкаго городка казакомъ Кошечкинымъ <о коемъ выше упомянуто>, и были они съ того самаго времени у него, не находя по нынѣшнее время способа къ уходу, а вчера-де, поѣхавъ за сѣномъ съ прочими во многое число подводъ, нашли способъ отлучиться отъ нихъ и выйти къ городу по за-Яицкой сторонѣ. Отъ нихъ извѣдано, что на другой день праздника, то есть 26 числа, ночью, во время бывшаго тогда сильнаго бурана <сильной бури и непогоды> предводитель злодѣевъ со всѣми его силами и немалою артиллеріею подходилъ къ кузницамъ <отъ города не далѣе 300 сажень> съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ему съ сообщниками его во время ночной темноты какъ-нибудь ворваться въ городъ и овладѣть онымъ, за что всѣмъ бывшимъ съ нимъ обѣщано великое награжденіе, и хотя сіе его покушеніе толь ухищренно и тихо было имъ произведено, что стоящіе на валу часовые никто оного усмотрѣть и услышать не могъ; но самъ онъ, подошедъ въ такую близость къ городу, узнавъ, что при толь великой бывшей непогоды ничего знатнаго въ дѣиство произвестъ ему будетъ не можно, заскониѣ разсудилъ отойти прочь, и отошелъ такъ тихо, что изъ города никто оного примѣтить не могъ, а пушки-де, бывшія съ нимъ, уже предъ свѣтомъ свѣтомъ назадъ оттащивали. Впрочемъ слышно было, что сей день изъ содержавшихся при Оренбургской Губернской Канцеляріи подъ карауломъ крѣпостныхъ казаковъ три человекъ ночью бѣжали къ злодѣямъ, подговоря съ собою съ валу двухъ часовыхъ. Предъ вечеромъ, при самомъ уже захожденіи солнца, оказавшись злодѣи, идущіе великимъ людствомъ къ городу, имѣя при себѣ и пушки и пѣхоту, почему и начали городскія команды собираться всѣ къ Бердскимъ воротамъ, въ чаинѣ, что отважатся они атаковать городъ. Передовые ихъ приближились было на пушечный уже выстрѣлъ къ городскому валу; но какъ отъ деревянныхъ магазиновъ сдѣлали съ валу два пушечные выстрѣла, изъ коихъ одно ядро трафилло въ средину ихъ толпы, не безъ урона злодѣевъ, то всѣ они разбѣжались врознь, а потомъ отворотили назадъ и убрались было въ свой лагерь. Но симъ не удовольствуясь, въ 7 часовъ вечера, во время ночной темноты, отбѣгивали они злодѣи еще на городъ устремиться, и изъ имѣвшихся у нихъ пушекъ <которыя, какъ видно, покинуты у нихъ были у кирпичныхъ сараевъ> сдѣлали на городъ выстрѣловъ до десяти, изъ коихъ нѣсколько гранатъ разорвало на воздухъ надъ самымъ городомъ и внутри оного; съ валу отъ магазиновъ до толикаго жъ числа выстрѣловъ въ то мѣсто, откуда они наизли, произведено да и команды къ защищенію города были приготовлены; но

онѣ злодѣи, не дѣлая больше приближенія къ городу, отошли опять назадъ, и во всю уже ночь ничего отъ нихъ не происходило. — 30 числа поутру сказано во всѣ команды, чтобъ быть готовымъ къ высылкѣ на злодѣевъ, и всѣ собраны были къ выступленію за городъ, съ немалымъ числомъ артиллеріи, но по причинѣ бывшаго въ сей день мороза всѣ возвращены назадъ въ городъ; злодѣевъ же во весь день, кромѣ небольшого числа на ихъ форпостѣ и на Сытахъ, было невидно. Предъ вечеромъ былъ отъ Губернатора по дворамъ приказъ, дабы тѣмъ хозяева, кои дають лошадей своихъ подъ артиллерію, имѣли ихъ у себя на дворахъ готовыми на такой случай, ежели онѣ еще подъ артиллерію понадобятся; однако жъ требованы онѣ были 31 числа; хотя и назначена была высылка, но не было, да и погода къ тому сей день за вѣтромъ и снѣгомъ была неспособная. Впрочемъ при окончаніи сего мѣсяца и 1773 года, не излишне будетъ объявить здѣсь и сіе, что до прихода злодѣевъ къ Оренбургу хлѣбныя цѣны состояли: муки ржаной отъ 12 до 15 копѣекъ; пшеничной самой лучшей отъ 25 до 30 копѣекъ пудъ; мяса всякаго не свыше одной копѣйки фунтъ. Прочіе съѣстные припасы продавались въ пропорцію оного. Но какъ въ народѣ о приближеніи злодѣйскомъ долгое время было неизвѣстно, корыстолюбивые жъ люди, чрезъ свои пронырства узнавъ про оное, весь привозимой на базаръ хлѣбъ и харчъ наперерывъ скупили, а потомъ, какъ воспомядовала осада городу, по своей цѣнѣ на все оное поднимать начали, а наконецъ и довели до того, что по недостатку хлѣбному въ народѣ принуждены были городскіе жители покупать у нихъ ржаной муки четверть отъ 12 до 15, а пшеничной отъ 15 до 20 рублей, прочее жъ все вздорожало въ пропорцію оного. Напротивъ того, въ злодѣйскомъ лагерьѣ, какъ отъ выходящихъ слышно было, ржаной муки, привозимой изъ уѣзда и изъ Каргалинской слободы, свыше 25 копѣекъ пудъ продавать было не велѣно, и яко бы свыше сей цѣны никогда она не продавалась.

Часть V. — Продолженіе Оренбургской осады; бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки; приступы самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу; усилваніе его и другихъ приключенія, Января съ 1-го февраля по 1-е число 1774 года.

72) Января 1 числа было спокойно: между тѣмъ же отъ Полковника Симонова, въ Яицкомъ городкѣ находящагося, получены рапорты, коими онъ доносилъ: первымъ, отъ 23 Декабря, по объявленію пріѣхавшаго съ Мергеневскаго форпоста, отстоящаго низъ по рѣкѣ Яику отъ Яицкаго городка въ 144 верстахъ, Есаула Кочемасова, что 16-го поймалъ было онъ слѣдующихъ изъ злодѣйской толпы къ Киргизъ-Кайсацкимъ Нурали Хану и Дусали Сатану съ письмами *) Яицкаго Татарина Аптуша Тангаева и одного Киргизца, и намѣренъ былъ вести ихъ подъ карауломъ въ городокъ, но только-де команды его Кочемасова казаками 23 человекъ, поколебавшимися отъ возмущенія того Татарина, не допу-

*) Что сія посылка къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали Хану не что другое, какъ выдумка, утверждается и послѣдующимъ о взятіи Оренбурга и о прочемъ ложнымъ оного Татарина сказаніемъ и разглашеніемъ.

щены, который-де имъ сказывалъ, яко бы Оренбургъ злодѣями взятъ и слѣдуютъ они въ Яицкій городокъ, а онъ-де съ Киргизцемъ изъ толпы ихъ посланъ степною стороною въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ казака, называемаго ими атаманомъ, Толкачева, на нижніе Яицкіе форпосты, для забранія съ нихъ тутошнихъ казаковъ же и находящихся на оныхъ походныхъ казачьихъ Атамана Бородина и Подполковника Приказчикова и другихъ, а кои въ томъ будутъ препятствовать, переказывать. Почему-де они казаки его отняли и даже отправили, да и изъ посланныхъ-де отъ него Симонова, по поводу сего, для уговариванія ихъ, изъ вѣрныхъ казаковъ трехъ человекъ утопили и съ другими то жъ сдѣлать намеревались, а сверхъ того и находящихся въ Калмыковой крѣпости реченаго Подполковника Приказчикова и священника Давыда Иванова, какъ извѣстно прибрали къ вѣсту жъ, то есть потеряли, коихъ-де собралось съ форпостовъ при урочищѣ Учужнаго Яру близъ двухъ сотъ человекъ, и хотѣли быть на Сундовскій форпостъ и стоять тутъ до пріѣзда яко бы съ нижнихъ Яицкихъ форпостовъ пробѣжавшаго туда степною дорогою изъ самозванцевой толпы казака Толкачева, и при томъ учредить заставу къ непропуску въ Яицкій городокъ никого, чтобъ о томъ было неизвѣстно; а какъ-де тотъ казакъ Толкачевъ возвратится, тогда-де пошлютъ къ самозванцу для испрошенія отъ него къ подступленію подъ Яицкій городокъ помощи. Вторымъ, отъ 24-го, доноситъ онъ Симоновъ, по сказкамъ посыланныхъ отъ него на упомянутые нижніе Яицкіе форпосты войска яицкаго казаковъ Алексѣя Старцова съ товарищи, что они ѣздили до Карташевскихъ хуторовъ, близъ Будоринскаго форпоста <который отъ Яицкаго городка въ 76 верстахъ> состоящихъ, для получения отъ находящагося въ оныхъ хуторахъ знакомаго имъ казака Козьмы Меркулова достовѣрнаго о поколебавшихся казакахъ извѣстія; но вмѣсто-де того, оказались тутъ трое псевдомые имъ Сахарной крѣпости казаки, кои-де на вопросъ ихъ Старцова съ товарищи, подъ видомъ оказуемой яко бы къ самозванцу склопности, объявили имъ, что Оренбургъ тѣмъ самозванцемъ взятъ, и на тамошніе форпосты приславо отъ него степною стороною, подъ предводительствомъ казаковъ Степана Толкачева и Емельяна Судочихина, Яицкихъ казаковъ, Башкирцевъ и Калмыковъ 2000, изъ коихъ-де половинное число поѣхали на низъ за тамошними форпостными командами, за старшиною и походнымъ Атаманомъ Никитою Бородинымъ, а другіе-де 1000 стоятъ по ту сторону Кажехаровскаго форпоста, куда-де и командированный изъ Яицкаго городка съ двухсотною командою Сотникъ Логиновъ возвращенъ; а онъ-де казаки въ числѣ пятидесяти человекъ пріѣхали въ гѣ и въ прочіе хутора для забранія послушной стороны казачьяго скота; изъ нихъ же-де и у Будоринскаго городища застава въ 60 человекъ стоитъ; а какъ-де посланная на низъ тысячная команда возвратится, то-де послѣ праздника Рождества Христова, совокупясь, пойдутъ для подступленія къ Яицкому городку; на что къ нему Симонову отъ 4-го числа Января отъ Г. Губернатора предложено: что касается до происходящаго до Яицкихъ форпостамъ чрезъ отправленныхъ отъ извѣстнаго злодѣя Пугачева замѣшательства, то въ разсужденіи настоящаго его Симонова состоянія,

инаго дѣлать не остается, какъ только всемѣрно стараться то замѣшательство уничтожить и покою возстановить, такимъ образомъ: 1) безпокойствующихъ казаковъ чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ ихъ Старшинъ, сперва ласкательствомъ съ напоминаніемъ второго манифеста, а потомъ и страхомъ увѣщевать, чтобы они отъ того злаго предпріятія всемѣрно отстали и находились въ покоѣ, внушая, ежели они того не исполнятъ, то могутъ себя съ женами и дѣтьми ихъ невозвратному разоренію и гибели подвергнуть; ибо по Высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію отправленные сюда подъ предводительствомъ Гг. Генераловъ многочисленныя войски на сихъ дѣлахъ уже ожидаютъ, и что они казаки сами довольно знаютъ, да и изъ манифестовъ увѣдомлены, яко помянутый злодѣй Пугачевъ такого состоянія, что онъ, будучи изъ честнаго общества изверженъ, старается сочинить развратъ и сдѣлать многихъ себѣ подобными, и тѣмъ честное общество поколевать и привести въ безпокойство; слѣдовательно бы они прежде, нежели тѣ войски приблизятся и въ дѣйство вступятъ, признались и конечно отъ того замѣшательства отстали и попрежнему въ должной по званію своему службѣ находились, доставляя жеманъ своимъ и малолѣтнимъ дѣтямъ покой и благоденствіе, а инаково-де имѣющее послѣдовать имъ разореніе и гибель могутъ они приписать своему упрямству и неповиновенію. 2) Для лучшаго-жъ споспѣшествованія и сего зла прекращенія, старался бы онъ Симоновъ изъ вѣрныхъ собрать сколько можно большую партію, которую, какъ по обстоятельствамъ за лучшее разсудить, степною или внутреннею стороною отправа на форпосты, предписать начальнику одной всѣхъ форпостныхъ по вышеписанному увѣщевать и въ покоѣ утверждать, а развратниковъ совокупными силами ловить и искоренять. 3) Какъ въ Гурьевъ городкѣ имѣется артиллеріи съ снарядами очень немалое число, то бы предварилъ, дабы она въ злодѣйскія руки не попала, чего бы ради по способности писалъ и требовалъ скорой помощи отъ Г. Астраханскаго Губернатора къ Казанскому жъ Губернатору, Г. Генералъ-Аншефу и Кавалеру фонъ-Бранту, того жъ числа чрезъ него Симонова сообщено, что хотя съ извѣстнымъ злодѣемъ и государственнымъ вредителемъ Пугачевымъ почти каждое-дневно у здѣшнихъ командъ шермиціи и драки происходятъ, однако по благодѣи Божіей здѣшнее общество въ городѣ находится благополучно, только крайне безпокоитъ бѣдственное страданіе гражданъ о хлѣбѣ, который давно у всякаго изошелъ, и затѣмъ принуждено ихъ, кромѣ служивыхъ, тысячъ до четырехъ душъ изъ казеннаго довольствовать; но ежели бы онаго было достаточно, то бы обойтись было можно, а то и казенный весь безъ остатка въ расходъ вышелъ, слѣдовательно неминуемый наступаетъ голодъ. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ будучи Губернаторъ безпокоиваемъ, принужденъ въ слѣдствіе прежняго его отъ 28 числа Декабря, прилежно просить, дабы онъ благоволилъ, принявъ во уваженіе настоящую здѣшнюю нужду и страданіе, приложить особенное попеченіе, чтобъ сія пужда конечно предвара была доставленіемъ сюда, покупкою или подрядомъ, провіанта и на пищу скота, а паче бы къ Г. Генералъ-Маіору Фрейману, въ слѣдъ его чрезъ нарочную надежную персону предложилъ, дабы онъ съ опредѣленными

для поиска надъ тѣмъ злодѣемъ войсками, какъ возможно нанкорѣ сюда поспѣшавъ, взявъ въ разсужденіе, что гражданство принуждено отъ него злодѣи четвертый уже мѣсяць всю тягость нести, а инаково крайне опасно худыхъ сдѣлствій и внутренняго замѣшательства; а при такихъ обстоятельствахъ отъ помянутаго злодѣя могутъ, кромѣ здѣшней, Казанская, Симбирская и Астраханская губерніи большому разоренію подвержены быть. И такъ Губернаторъ съ крайнею его нетерпѣливостію въ ожиданіи остался обстоятельнаго на сіе его прошеніе для принятія пристойныхъ мѣръ увѣдомленія. Къ тому изъ частныхъ записокъ и извѣстій принадлежить, яко бы оное на Яикѣ возмущеніе хотя и пресѣчено, но въ Гурьевѣ де городѣ и на нижнихъ Яидкихъ форпостахъ бывшіе казаки, преклонясь къ помянутому злодѣю, пришли въ смятеніе, и тамошняго казачьяго Полковника и нѣсколько другихъ начальниковъ, да одного Священника, утопили въ рѣкѣ Яикѣ. Во время обѣда выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря, захваченный въ прошедшую недѣлю, съ Каргалинскими Татарами, Тульского купца Лугина лавочный толмачъ, изъ Казанскихъ Татаръ, который между прочаго Г. Губернатору объявилъ, что сего числа поутру <не смотря на великій бывшій бурянь> помянутый начальникъ злодѣевъ, по зву Каргалинскихъ Татаръ, для чего-де нарочно пять человѣкъ прѣзжали къ нему съ гостинцами, побѣхалъ къ нимъ въ гости на саяхъ <и привязалъ де къ дугѣ колокольчикъ, такъ какъ курьеры вѣдаютъ>.

73) 2 числа злодѣи, усмотря людей, выбѣжавшихъ изъ города ниже оного въ дуга для рубленія хвоста на кормленіе, за неимѣніемъ сѣна, лошадей, ради захвата оныхъ, съ великимъ стремленіемъ въ большомъ количествѣ бросились, однако жъ ничего имъ сдѣлать не удалось; ибо, по учиненіи съ ними выбѣжавшими противъ нихъ казаками довольно изъ пушекъ и ружей перестрѣлки, напослѣдокъ учиненными съ городской стѣны изъ пушекъ же выстрѣлами, всѣ разсыпаны и прогнаны въ ямы ихъ съ урономъ. Въ нихъ съ городской стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 5, да на вылазкѣ казаками съ ядрами жъ 8, и того 13 зарядовъ.

Изъ частныхъ записокъ и извѣстій къ дополненію сего числа можетъ прибавлено быть, что послѣ полудня въ 3 часу, усмотря злодѣи небольшое число городскихъ людей, выбѣжавшихъ въ ту сторону, гдѣ были кирпичные сараи, для корма лошадей за тальникомъ и за осокою, устремились было для захвата ихъ человѣкъ до трехъ сотъ, въ защищеніе которыхъ посланы были за городъ всѣ конные казаки; но какъ всѣ они вдругъ и скоро не могли выбѣжать, а при выбѣжавшихъ напередъ ни одной пушки не было, и въ скоромъ времени отправить ихъ не могли, то, сдѣлавъ съ злодѣями у кирпичныхъ сараевъ ружейную перестрѣлку, отогнали ихъ отъ тѣхъ сараевъ. Послѣ сего, хотя людство ихъ и стало было умножаться, и скопилось ихъ сотъ до семи, но какъ съ валу въ толпы ихъ выстрѣлили два раза изъ пушки, а между тѣмъ и къ казакамъ вывели изъ города двѣ пушки и выпалили въ нихъ ядрами четыре раза, то всѣ они отвалили назадъ и, поставивъ нѣсколько у своего форпоста, спустились въ свой лагерь; а ежели бъ Яидкая команда, при первой бывшей съ злодѣями перестрѣлкѣ, имѣла при себѣ хотя одну пушку,

или бъ оныя не столь продолжительно были вывезены, то бъ можно было при семъ случаѣ небольшое число ихъ отхватить, или побить, ибо при нихъ не было ни одной пушки. Сколько жъ ихъ побито, сего усмотрѣть было невозможно; только извѣстно, что двое на мѣстѣ убиты, въ томъ числѣ одинъ знатный наѣздникъ; а съ нашей стороны раненъ одинъ казакъ, тотъ самый, который вышеозначеннаго наѣздника убилъ и его лошадью съ хорошимъ приборомъ завладѣлъ, да одна лошадь ранена. Впрочемъ еще поутру въ 8 часу видно было, что злодѣи немалое число подводъ посылали сего-дня для сѣна за Нѣжинскій редутъ. Еще особливо примѣчанію подлежало и то, что уже три или четыре дня прошло безъ обыкновенныхъ у нихъ по зарямъ выстрѣловъ.

74) Съ 3 по 9 число *) хотя они злодѣи выбиравались изъ ямъ и развѣзжались, только отъ города въ дальнемъ разстояніи; чего ради противъ нихъ, особливо за худобою и недостаткомъ лошадей, высылать не было, и было спокойно; а между тѣмъ отъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга и Генералъ-Маіора Стапиславскаго, да отъ Полковника Демарина получены, отъ перваго сообщеніе, а отъ послѣднихъ рапорты, коими они между прочимъ объявили: Декалонгъ, отъ 23 Декабря, что обихъ, то есть Уфимской и Исетской провинцій, Башкирскій народъ генерально бунтуютъ, и недовольно-де, что много Русскихъ людей по линіи побили, крѣпости и форпосты жгутъ, но и въ самой Исетской провинціи нѣкоторые внутреннія жительства разорили, а потомъ не оставили напасть и на сѣдующую съ Симбирскихъ линій 11-ю легкую полевую команду, въ которой-де нѣсколько и урону причинили; почему-де всѣ тамошнія внутреннія и селенныя жительства, подвержены великой опасности, а ему-де Генералъ-Поручику и Кавалеру съ небольшимъ его войскомъ всѣхъ обилѣ и отъ опасности освободить ни коимъ образомъ, равно и требуемаго Губернаторомъ провіанта не только изъ Исетской провинціи, но и изъ Орской крѣпости доставить, по малости силъ и по пеніи въ крѣпостяхъ подводъ, невозможно: а если-де состоящимъ въ Каргалинской и Верхо-Яидкой крѣпостяхъ двумъ Симбирскимъ легкимъ полевымъ командамъ сдѣлать къ Озерной крѣпости, то-де уже весь тамошній край съ внутреннею Исетскою провинціею и Екатеринбургскими и прочими заводами останется отъ Башкирскихъ злодѣяній безъ всякаго защищенія и обороны; чего-

*) А по журналу его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына, 7 числа Января прибыли въ Казань остальные гусарскіе гарнизоны <а 3 эскадрона гусаръ и баталіонъ грендеръ вступили туда еще 29-го Декабря 1773 г.>. — 9 числа выступилъ еще грендерскій баталіонъ, прочіяжъ команды за ними во бевозможной скорости собирались, а оныя полки командированы были изъ Санктпетербурга второй грендерскій и Владимирскій пѣхотные полки, да гусарскій Изюмскій, изъ Кекегольма карабинерный Архангелогородскій, изъ Польши Санктпетербургскій карабинерный и Чугуевскій казачій полки. Весь сей корпусъ Главнокомандующій Генералъ-Аншефъ за потребно разсудилъ поручить въ командованіе его сіятельству, въ томъ числѣ и отдѣленныхъ Г. Генералъ-Маіоровъ Фреймана и Мансурова, включая тѣ только войска, кои нужны были для прикрытія города Казани.

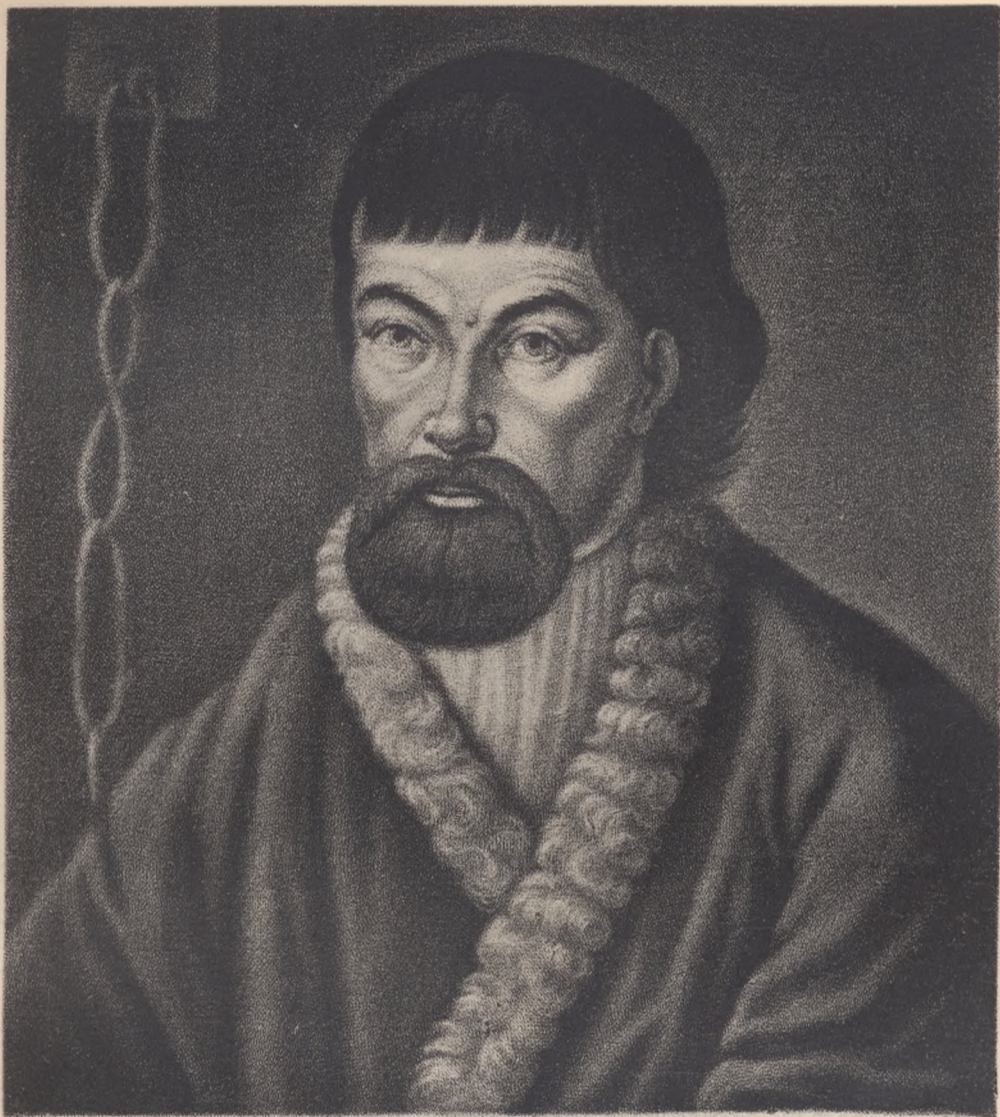

де ралп, не находя оны къ охраненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса другого и легчайшаго способа, къ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому предложилъ, чтобъ оны состоящую при немъ легкую полевую команду и съ казаками, начиная съ самой Озерной крѣпости, изъ оной и изъ прочихъ вверхъ по Яику лежащихъ крѣпостей гарнизонъ, денежную казну и сколько возможно артиллерію, а невозможную заговоздя и сдѣлавъ къ дѣйствию способною, скрыть въ водѣ или землѣ, порохъ же и свинецъ весь безъ остатку, равно и жителей, которые сами пожелаютъ, забирать съ собою и слѣдовать до крѣпости Верхо-Яицкой къ соединенію съ войсками, елико возможно, съ крайнимъ попешеніемъ во всемъ воинскомъ ополченіи, имѣя всенантрожайшую отъ злодѣйскаго нападенія предосторожность, а состоящій въ тѣхъ крѣпостяхъ казенный провіантъ и фуражъ, дабы имъ злодѣи не воспользовался, сколько за удовольствіемъ оставшихъ въ тѣхъ крѣпостяхъ обывателей останется, ежели везти будетъ не на чемъ, весь сжечь безъ остатка. Станиславскій, прописывая реченнаго Генералъ-Поручика и Кавалера предложенія, доносилъ, что къ доставленію въ крѣпость Озерную изъ Ильянской провіанта никакого способа не находить, ибо-де къ оному надѣжить какъ подводъ, такъ и въ конвой легкихъ войскъ немалое число, и въ командѣ его и въ крѣпости Орской оныхъ состоитъ недостаточно, а съ малымъ-де числомъ конвоя посылать, въ разсужденіи нечаяннаго злодѣйскаго нападенія, опасно; а Демаринъ, представляя крайній въ провіантѣ недостатокъ и что оного въ Озерную изъ Ильянской никакимъ способомъ достать ему не можно, просилъ о томъ предложеніи къ поминутому Г. Генералъ-Маіору Станиславскому. На что къ нимъ отъ Губернатора, отъ 10 Января, и писано къ Г. Генералъ-Поручику Декалонгу, ссылаясь на прежде отправленное отъ 29 Декабря, чтобъ оны для охраненія здѣшней линіи и Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, по послѣдней мѣрѣ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому приказалъ, съ имѣющеюся при немъ командою быть въ Орской крѣпости неотлучну, а буде неотмѣнно взять его къ себѣ разсудить, то по крайней мѣрѣ не согласится ли приказать находящуюся при немъ Станиславскомъ гарнизонную роту оставить, а тамошнихъ да и прочихъ крѣпостей гарнизонныхъ забирать не велѣть, которые, купно съ оставленными да и прочими крѣпостными жителями, должны остаться по прежнему: развѣ для большой опасности приказать соединиться изъ двухъ крѣпостей въ одну крѣпку, такъ какъ и отъ поминутаго Генералъ-Маіора Станиславскаго представлено, которые отъ наступающихъ Башкирцевъ и могутъ всемѣрно обороняться; а какъ они Башкирцы ни большихъ орудій, ниже ружей, кромѣ стрѣлъ не имѣютъ, слѣдовательно крѣпостному гарнизону ничего учинить не могутъ, о чемъ и къ реченному Г. Генералъ-Маіору Станиславскому въ равной силѣ съ подтвержденіемъ прежняго ордера предложено, да и Подковнику Демарину вслѣдствіе прежнихъ отъ 19 и 29 числа Декабря предписаній, о доставленіи провіанта, превозмогая всѣ препятствія изъ Ильянской и о неоставленіи Озерной крѣпости, подтверждено.

75) Къ вышеписаннымъ числамъ, съ 3 по 9 Января въ дополненіе можетъ еще приоб-

щено быть слѣдующее: 3 числа Января предъ утромъ привезено изъ Иледкой Защиты нѣсколько четвертей ржаного хлѣба и овса, заготовленнаго тамъ отъ Главнаго Правленія Оренбургскихъ Соляныхъ дѣлъ; при томъ получены рапорты, что тамъ обстоитъ благополучно и добычаніе соли происходитъ съ успѣхомъ. Сего жъ числа, по недавно полученнымъ чрезъ Яикъ отъ Казапскаго Губернатора извѣстіямъ, въ одержанной надъ Турецкими войсками чрезъ Генералъ-Поручика фонъ-Унгерна за рѣкою Дунаемъ побѣдѣ, о взятіи въ плѣнъ трехъ-бунчужнаго Паши со многими Турками, и Турецкихъ городовъ Базарчика и Варны, разсуждено въ ободреніе народа учинить, и былъ, въ Соборной церкви благодарственный молебень, а чтобъ находящихся подъ Бердинскою слободою злодѣевъ привести въ размышленіе, то выпадено съ валу отъ Бердинскихъ и Орскихъ воротъ изъ 31 пушки. — 4 числа злодѣи не выказывались; сіе только слышно было, якобы предводитель злодѣевъ Пугачевъ, подсылая трехъ человекъ къ городу, освѣдомиться: по какой причинѣ вчерашняго числа произведена была дущечная пальба изъ города. — 5 числа для просмотра злодѣевъ, выслано было за городъ казаковъ до 25 человекъ; они, усмотря ихъ, хотя и начали было выходить на Сыртъ, но вышло ихъ людствомъ не болѣе 500 человекъ, которые, постоявъ на переднемъ ихъ Сырту и увидя, что изъ города начали еще выбираться съ пушками, не приближаясь къ городу, возвратились всѣ въ свой злодѣйскій лагерь, изъ-за чего и городскіе назадъ же въ городъ прѣехали, и вышеозначенные впередъ посланные казаки всѣ сей день подвержены были немалой опасности, тѣмъ, что будучи съ злодѣями на переговоры и не надѣясь отъ нихъ нападенія печально, принуждены были оное выдержать, а между тѣмъ бывшіе въ потаенномъ мѣстѣ человекъ до 70, вышедъ изъ за-сады, на нихъ поскакали, и такъ едва они могли убраться къ городу, при чемъ одного хорошаго наездника, Яицкаго казака Солодовникова, оные злодѣи ранили пугею на пролетѣ въ руку. Впрочемъ, хотя и была между многими догадка объ отлучкѣ предводителя злодѣевъ, по той причинѣ, что всѣ ихъ послѣдніе выѣзды казались немногочисленны и безъ пушекъ, не видно было тутъ Башкирцевъ, и что нѣсколько уже дней прошло, въ коихъ по обыкновенію ихъ ни вечернихъ, ни утреннихъ пушечныхъ выстрѣловъ было слышно; однако, вышеозначенные въ сраженіи бывшіе казаки увѣряли, что оны самъ тутъ былъ, но весьма пьяный и безъ шапки, скача на своей лошади, безобразно шатался, и якобы нѣкоторые изъ его сообщниковъ, окружа его, взяли за узду лошадь его и отвели его отъ той опасности, въ которую оны самъ себя при томъ случаѣ попускалъ. — 6 числа предъ утромъ прѣехали изъ Верхней Озерной крѣпости съ рапортами отъ Подковника Демарина, которыми Г. Губернатору объявлялъ, что Генералъ-Маіору Станиславскій находится еще въ Орскѣ, а Генералъ-Поручикъ Декалонгъ въ Верхо-Яицкой крѣпости, и оба они начали уже дѣйствовать оружіемъ въ жилищахъ приставшихъ къ злодѣямъ Башкирцевъ, и что по нынѣшнимъ здѣшнимъ замѣшательствамъ, ко всѣмъ въ Оренбургскую губернію отправленнымъ и собирающимся войскамъ главнымъ командиромъ опредѣленъ Его Высокопревосходительство Г. Генералъ-Аншефъ и Лейбъ-гвардіи Подполковникъ Александръ Ильичъ Бибиковъ и еще три

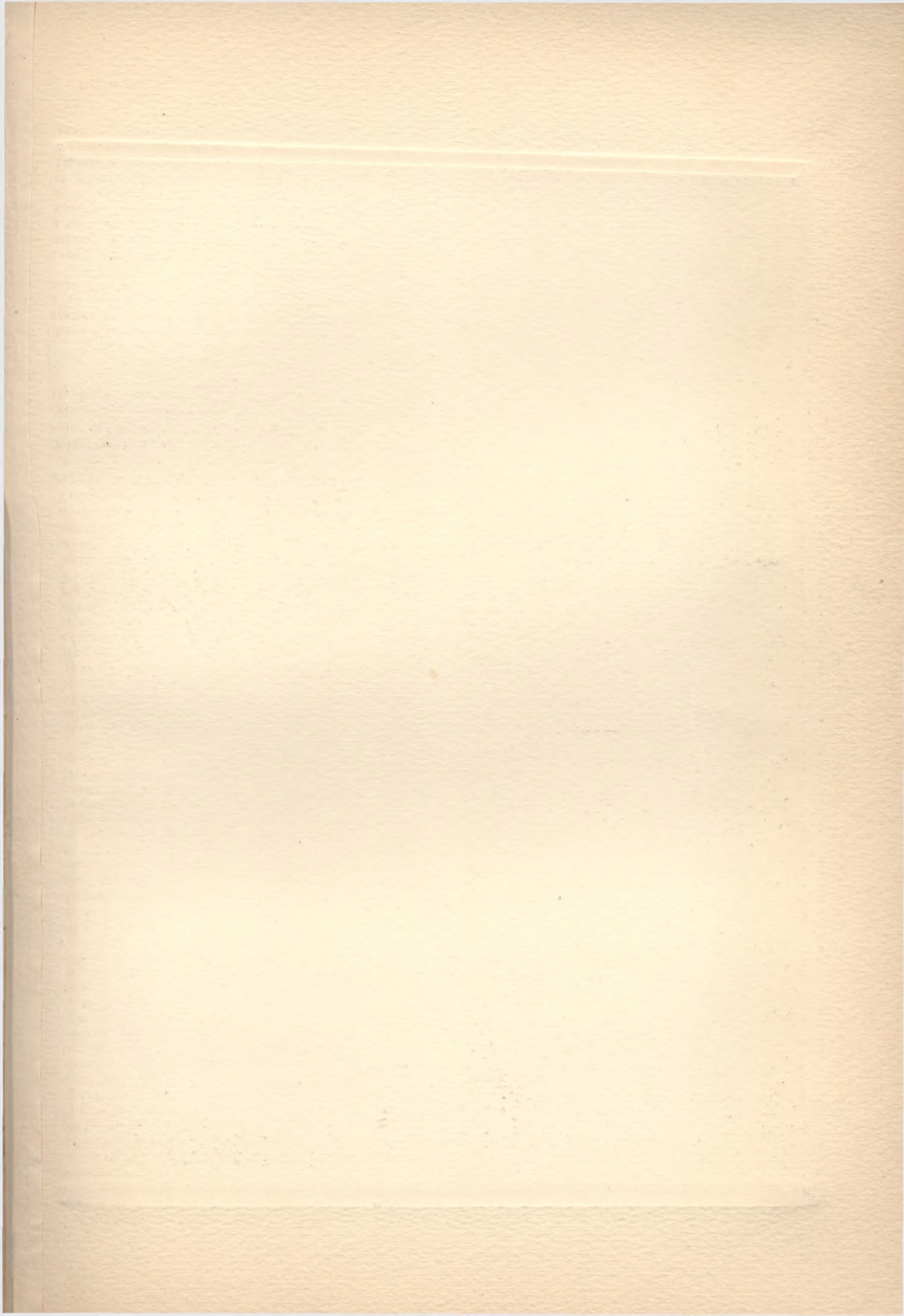
Подлинное изображеніе
буншовщика и обманщика
ЕМЕЛКИ ПУТАЧЕВА.

Betrachtet dieſes Bild, u. lernet wohl bedencken,
wie mancher Menſch auf Erd. ſich laßt vom
Teufel lencken,
daß er ſich in Irthum verſetzt, da menschliche Gg. ſchlechte
u. that was wieder Gott u. wieder deſſ. Rechte.
Schaut aber nur aufſ. End, der groſſ u. klein Rebelle
ſo ward, ich jederzeit, euch ſolches End darſtelle,
wo Schauder, Furcht u. Zorn, durch alle Adern
dringen.

Wahre Abbildung
des Rebellens und Betrügers
IEMELKA PUGATSCHEW.

Drum laßt Euch Pugatschew, jetzt zur Ent-
ſcheidung bringen.
an Gott u. ſeine Werd. zu u. werden kein Rebelle.
Den bleibt die Strafe nicht aus, bey Menſche auf d. Stelle.
o muß der Schöpfer ſelbſt, weilt bey uns, u. ſie
damit das G. ſchöpfe lern, ſich vor dem
Richter biegen
u. dieſes wohl bedenckt, daß der ſo andern, ſich
ſon mag ſich ſelbſt ſchaden, mit jeder böſe. That.

Генерала *); а Генераль-Маіоръ Фрейманъ писалъ изъ Бугульмы отъ 8 Пойбрія, что находится онъ тамъ въ ожиданіи слѣдующихъ къ нему военныхъ людей.

Для сегодняшняго праздника Богоявленія Господня выведены были на рѣку Яикъ военные регулярные и нерегулярные люди, и собрались туда множество обоего пола людей, гдѣ по отпращиваніи Божіей службы и водоосвященіи учинена была троекратная ружейная пальба, а сказывали, что и у предводителя злодѣевъ **) въ Бердинской слободѣ слышно было во время обѣда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ сей день никакою тревоги отъ нихъ не было и препровожденъ спокойно.—7 числа во весь день ничего не происходило, и на Сыртахъ изъ злодѣевъ ни одного человѣка было не видно; только предъ вечеромъ слышна была въ Бердинской слободѣ пушечная пальба выстрѣловъ до 10 и нѣсколько ружейной, зпять по причинѣ великаго ихъ пьянства, которое обыкновенно у Яицкихъ казаковъ въ Крещеніе и послѣ того дня два случается, а у злодѣевъ уже и давно оно продолжается.—8 числа до полудня, часу въ третьемъ вышелъ отъ злодѣевъ Оренбургскаго гарнизона третьяго баталіона солдатъ <у котораго жена и дѣти въ городѣ>, бывшій по увольненію отъ команды для дѣланія печей въ деревнѣ лекаря Фалка, по рѣкѣ Сакмарѣ, между Пречистенской и Воздвиженской крѣпостей имѣющейся, откуда захваченъ злодѣями и находился у нихъ въ Бердинской слободѣ съ недѣлю. Изъ-за сего примѣчалось въ городѣ извѣстіе, что предводитель злодѣевъ, взявъ съ собою до 500 человѣкъ отборныхъ людей изъ Яицкихъ казаковъ и 12 артиллерійскихъ орудій, изъ той слободы отлучился, а признаютъ-де, что онъ пошелъ въ Яицкій городокъ для завладѣнія онымъ, сказавъ оставшимся въ Бердѣ, что онъ чрезъ мѣсяцъ паки сюда возвратится, а тогда-де ему, по недостатку хлѣбному въ Оренбургѣ, овладѣть симъ городомъ труда и урону въ людяхъ не будетъ. Въ Бердѣ при лагерѣ своемъ начальникомъ оставилъ онъ часто упоминаемаго ссыльнаго Хлопуша, да имѣющагося у него Оренбургскаго казачьяго Сотника Подурова; а вчерашній-де день пушечная пальба была по сей причинѣ, что оный Хлопуша, будучи пьянъ, вздумалъ обучать канонировъ стрѣляньемъ изъ пушекъ въ цѣль.

76) 9 числа, по полученному, чрезъ выбѣжавшаго изъ злодѣйской толпы здѣшняго гарнизона третьяго баталіона солдата Носова, извѣстію, что государственный вредитель и воръ Пугачевъ съ немалою частію изъ поминутой

толпы и съ 4 орудіями артиллеріи пошелъ для взятія Яицкаго городка, и что оставленные отъ него въ той толпѣ пачальниками изъ Яицкихъ казаковъ Атаманъ Лысовъ, да изъ здѣшнихъ казаковъ Сотникъ Подуровъ, и ссыльный называемый Хлопуша, намѣреваются въ почное время напасть на городъ, то Г. Губернаторъ, по причинѣ той его злодѣйской отлучки и въ отвращеніе ихъ предпріятія, приказалъ изъ города, для примѣчанія ихъ злодѣйскаго состоянія и увѣренія объ отлучкѣ злодѣя Пугачева, выступить одной части здѣшнихъ командъ съ казаками; но какъ злодѣи, усмотря сіе, изъ имѣ ихъ отъ Бердинской слободы вышли въ большомъ количествѣ и со многими пушками, то отъ Губернатора и другимъ двумъ частямъ съ довольною артиллеріею выступить приказано, которыя, по выступленіи, съ злодѣями производили при немазыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, съ 11 часа по полупочи, даже до самаго почти вечера, сильное сраженіе, такъ что злодѣи, отъ выстрѣловъ изъ пушекъ ихъ, остались въ молчаніи и претеряли немалый уронъ, съ великою торопливостію въ ямы ихъ отошли, а здѣшняя войска за наступившимъ вечеромъ въ городъ возвратились. Съ городской стѣны выпалено сего числа изъ пушекъ съ ядрами 15, да на вылазкѣ съ ядрами жъ 461, гранатъ чиненыхъ изъ единогого 201, и того 677 зарядовъ.—10 и 11 числа было спокойно.

Къ дополненію сихъ чиселъ, изъ частныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще прибавлено быть, что 9 числа поутру возвратились посланные отъ Г. Губернатора до Яицкаго городка тамошніе казаки для отвоза писемъ къ находящемуся тамъ Полковнику Симонову и съ рапортами въ разныя мѣста <кои Симонову съ Яика чрезъ Самару отправить было велѣно>. Они, пріѣхавъ на послѣдній къ помянутому городку форпостъ (отъ городка въ 20 только верстахъ), узнавъ тутъ, яко бы помянутый Симоновъ для безопасности своей отъ злодѣевъ оный городокъ выжегъ, и проѣздъ къ нему опасенъ, принуждены были, не вѣдая туда, возвращаться въ Оренбургъ назадъ со всѣми данными имъ отъ Г. Губернатора депешами, и вѣхали они сюда чрезъ Илецкую Защиту, чтобы увѣриться, подлинно ли предводитель злодѣевъ изъ Берды на Яикъ ушелъ; еще вчера ввечеру назначено было высылкѣ,—первыя двѣ команды, одна гарнизонная, предводительствуемая Преміеръ-Маіоромъ Пановымъ, другая легкая полевая Секундъ-Маіоромъ Зубовымъ; Яицкіе и другіе нерегулярные люди выступили изъ города поутру часу въ 10, и занявъ надобныя мѣста, начали дѣлать стрѣльбу изъ пушекъ въ началѣ 12 часа, а между тѣмъ у казаковъ и у регулярныхъ было нѣсколько и ружейной пальбы; по какъ злодѣи начали было отдѣляться къ Маячной горѣ, въ намѣреніи отхватить команду Маіора Панова, то во 2 часу послѣ полудня выведена была еще легкая полевая команда подъ предводительствомъ Преміеръ-Маіора Наумова, изъ-за чего, а притомъ по нѣсколькимъ пушечнымъ выстрѣламъ съ валу отъ Бердинскихъ воротъ, и начали они злодѣи подаваться назадъ. Вывезено было артиллеріи при оныхъ трехъ командахъ до 30 разныхъ орудій, изъ всѣхъ учинено было по злодѣямъ немалое число выстрѣловъ, а между тѣмъ же, какъ выше значить, нѣсколько было и ружейной перестрѣлки.

*) Выше сего изъ журнала его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына объявлено, что его высокопревосходительство въ Казань прибылъ Декабря 27 дня 1773 году, а его сіятельство туда жъ прибылъ сего Января 8 числа.

**) Пронесся слухъ, что оный злодѣй, для облегченія своего, учредилъ недавно письменныхъ дѣлъ правленію и назвалъ его Военною Коллегіею, и тутъ-де присутствуютъ у него главными Яицкій казакъ Овчинниковъ, коего называютъ Войсковымъ Полковникомъ, да ссыльный Хлопуша, посланный туда, какъ выше значить, изъ Оренбурга съ публикаціями для народа, чтобы оному самозванцу не вѣривъ, и онъ сдѣлалъ ему великимъ любимцемъ и помощникомъ, а Бердинскую слободу, не болѣе 50 дворовъ имѣющую, велѣлъ онъ называть Москвою.

ки. Злодѣи по примѣчаніямъ имѣли при себѣ въ разныхъ мѣстахъ пушекъ около двадцати, но палѣбы изъ нихъ противъ городскихъ командъ и половины не было, а притомъ увѣряли, что нѣкоторые выстрѣлы ихъ были и безъ ядеръ. Впрочемъ людство ихъ казалось хотя и немало, однако весьма уже не столь велико, какъ прежде; а потому и вѣроятно стало, что оный предводитель ихъ ушелъ съ немногими людьми. О побитыхъ по примѣчаніямъ говорили, что на злодѣйской сторонѣ весьма было ихъ много. Яицкимъ казакамъ удалось съ убитыхъ Башкирцевъ и Каргаинскихъ Татаръ <изъ коихъ послѣдніе нынѣ, какъ сущіе уже злодѣи, весьма отважно напущали, убиты были на мѣстѣ сраженія> нѣсколько хорошей одежды снять. Съ нашей стороны раненыхъ, сказывали, человекъ до шести, а убитыхъ никого; и злодѣевъ ранено три или четыре; хотя и всѣмъ бывшимъ зрителямъ на виду очевидно было, что сначала на сторонѣ злодѣйской былъ рѣдкій, однакожъ длинный фронтъ, изъ разныхъ людей состоящій: но предъ вечеромъ, отъ городскихъ пушекъ, всѣ уже они находились въ разстройствѣ и по Сыртамъ разсѣяны, а наконецъ и принуждены они были уходить въ Бердинскую слободу, куда за ними гнаться за наступившею темнотою было уже не можно. И такъ всѣ высланныя команды возвратились въ городъ. Сія высылка была другая, отъ которой злодѣи были прогнаты, а первая потому, что у осмой легкой команды, которая занимала правое крыло для защищенія Яицкихъ казаковъ отъ устремившихся на нихъ злодѣевъ, и ружейная палѣба была съ немалымъ урономъ злодѣевъ, чрезъ что они и отбиты. — 10 числа ничего особеннаго не было: одинъ только Татаринъ Казаскаго уѣзда, бывшій въ работникахъ у Бухарцевъ, отважился было бѣжать изъ города къ злодѣямъ; но будучи усмотрѣнъ поднимающимся отъ рѣки Яика къ Егорьевской церкви, съ наѣзженіемъ туда пробраться, пойманъ казаками и по приводѣ въ городъ, отданъ подъ караулъ. На 11 число съ вечера, хотя и назначено быть высылкѣ, но яко бы, за которыми неисправностями по артиллеріи, она отмѣнена. Поутру вышло 8 человекъ изъ отставныхъ солдатъ, о коихъ сказывали, яко бы они еще сначала злодѣйскаго прибытія къ Оренбургу находились вверху Яика рѣки за Вязовскимъ редутомъ, и жили тамъ въ землянкахъ, производя рыболовство для злодѣевъ, къ которымъ условленную ими рыбу отсылали, а иногда и сами къ нимъ отвозили, а какъ-де они нынѣ спрошены были въ злодѣйскій лагерь, и тамъ узнавъ объ уходѣ предводители ихъ на Яикъ, разсудили за лучшее ѣхать и явиться въ городъ. Сего жъ числа предъ утромъ вышелъ отъ злодѣевъ Симбирскаго гарнизона Подпрапорщикъ, захваченный туда съ Полковникомъ Чернышевымъ: по его объявленію подтвердились прежнія извѣстія, что главный злодѣй Пугачевъ подлинно ушелъ къ Яицкому городку, взявъ съ собою надежныхъ ему людей только 170 человекъ *) и забравъ лучшіе свои пожитки и кормныхъ лошадей, а изъ пушекъ-де взято имъ три или четыре орудія, которые онъ

самъ видѣлъ, а больше взято ль, не знаеть. Въ послѣднюю-де высылку, ежели бы городскія команды хотя немного впередъ подвинулись, то бы всѣ злодѣи пошли на побѣгъ къ чему-де они уже и готовились, а пѣнные-де, содержащіяся у нихъ, всѣ хотѣли отдаться онымъ командамъ. Пороху-де, пушечныхъ и ружейныхъ снарядовъ осталось у нихъ очень немного, а за тѣмъ-де и палили они изъ пушекъ своихъ рѣдко, да и то по большой части безъ ядеръ, для одного только виду.

77) 12 числа Г. Генералъ-Поручикъ, Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ вразсужденіи вышеписанныхъ извѣстій, полученныхъ чрезъ вышедшихъ изъ злодѣйской толпы, что государственный злодѣй Пугачевъ съ нѣкоторою частію изъ толпы своей отлучился къ Яицкому городку, оставя оную хотя и въ малолѣдствѣ, однако жъ для орудій въ маломъ числѣ зарядовъ, какъ-то при выступленіи 9 числа и видимо было, то сколько для того, чтобы до возвращенія его Пугачева изъ помянутаго городка, а не менѣе и въ разсужденіи недостатка здѣсь въ провіантѣ, и что наряженныхъ въ сикурсъ командъ въ близости еще нѣтъ, по неотступной просьбѣ всего здѣшняго общества, весьма страждущаго въ пропитаніи, съ общаго съ Г. Генералъ-Маіоромъ и Оберъ-Комендантомъ Валенстерномъ и Бригадиромъ Корфомъ совѣта разсудилъ, собравъ всѣ силы, сдѣлать на ту злодѣйскую толпу высылку. Въздѣствие сего, 13 числа поутру въ 5 часу всѣ здѣшнія команды изъ города и выступили, а именно въ Орскія ворота напередъ Яицкіе казаки съ 4 пушками и въ подкрѣпленіе ихъ егерская команда, за ними вторая часть подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора и Оберъ-Коменданта, въ числѣ регулярныхъ 700 человекъ съ 10 орудіями, которой опредѣлено сдѣлывать по высотамъ къ Бердской слободѣ, старался занимать самую ту гору, по которой обыкновенно изъ той слободы трактъ въ Каргалу лежитъ въ Сакмарскія ворота; вторая и третья части, изъ которыхъ третьей части подъ командою Г. Бригадира Корфа, въ числѣ 600 человекъ пѣхоты съ 9-ю орудіями, предписано сдѣлывать прямо на тѣ высоты, гдѣ 14 числа Ноября сраженіе было, и стараться занять всѣ проходы злодѣйскаго движенія; а первой части подъ командою Премьеръ-Маіора Наумова съ 400 человекъ пѣхоты, съ присовокупленіемъ Оренбургскихъ конныхъ казаковъ, сколько набраться могло, приказано маршировать, принявъ вѣзбо отъ средней колонны и занять высоту, по которой стоящіе по ту сторону Сакмары въ числѣ злодѣйской толпы Башкирцы и Калмыки изъ оврага выбираются; а дабы непріятель не имѣлъ способа прорвавшись иногда сквозь помянутыхъ частей, онымъ сдѣлать конфузій, то позади ихъ по высотамъ же, подлѣ самыхъ бывшихъ непріятельскихъ батарей, выведено изъ города и поставлено пѣвшихъ Оренбургскихъ казаковъ, Калмыковъ и разночинцевъ, подъ командою Подполковника Могутова, съ 2 пушками до 400 человекъ. Какое же при сей высылкѣ дѣйствіе произошло, о томъ явствуетъ въ приобщенныхъ при семъ копійхъ съ рапортовъ помянутаго Г. Генералъ-Маіора и

*) Сказывали, что злодѣй Пугачевъ, будучи въ Яицкомъ городкѣ, дѣлалъ разныя покушенія къ овладѣнію сей крѣпости, въ которой находится Полковникъ Симоновъ; между прочаго велѣлъ онъ сдѣлать два подкопа, въ томъ намѣренія, чтобы оную крѣпость подорвать. Первой такъ

былъ неудаченъ, что отъ онаго немалое число злодѣевъ убито, а другимъ, въ которомъ большее число пороку было положено, хотя и павалило внутрь той крѣпости находящуюся каменную голокольную, но отъ того въ осаду бывшей командѣ большого вреда не было.

Оберъ-Комендантъ Валленш[с]тернъ. На полево́мъ сраженіи выпалено изъ единоговъ и пушекъ гранатъ чиненыхъ 254, зарядовъ съ ядрами 1769, съ картечами 172, итого 2195. За убитіемъ лошадей оставлено на мѣстѣ сраженія артиллеріи: пушекъ 3-фунтовыхъ 2, чугуныхъ 5, 2-фунтовыхъ мѣдныхъ 2, единоговъ полевыхъ командъ 6-фунтовыхъ 1, 8-фунтовыхъ 3, и того 13 орудій; утрачено ящиковъ отъ единоговъ 2, сожжено 2; въ нихъ зарядовъ было съ гранатами 60, съ картечами 14, сожжено съ гранатами 30, съ картечами 10, пушечныхъ утрачено съ ядрами 80, съ картечами 10; а сколько убито и ранено людей, о томъ въ журналъ не включено; согласно съ приложенною при семъ вѣдомостію, по которой значить убитыхъ Капитановъ и Поручиковъ 5, Прапорщиковъ 1, да Кондукторъ Прапорщичья чина, и того 7 человекъ, а всѣхъ на-все убитыхъ и раненыхъ 404 человекъ.

78) Къ вышеозначеннымъ обоимъ числамъ изъ частныхъ записокъ прибавляется слѣдующее: на 12 число еще съ вечера говорено, что будетъ генеральная высылка, прямо на Бердскую слободу, и для того во всѣ команды отапаъ быть приказъ, чтобъ къ выступленію быть во всякой исправности готовымъ, чего всѣ весьма желали; но поутру, невѣдомо для чего, и сія высылка отменена *). Предъ полуднемъ хотя и еще объ пей сказывали, однако жъ ея не было. Поутру прѣѣхали изъ Яицкаго городка 5 человекъ казаковъ съ рапортами отъ Полковника Симонова, по которымъ извѣстно стало, что Яицкіе казаки, находившіеся на ихъ форпостахъ, до самаго Гурьева городка, приложась всѣ къ злодѣйской партіи, отвѣжились было онаго Симонова атаковать, и вошедъ въ село Яицкихъ казаковъ, всѣхъ тѣхъ, которые наклонны были къ возмущенію, приобщили къ себѣ, и такъ начали съ дворовъ и изъ избъ пальбу производить въ построенную Симоновымъ внутри села ихъ крѣпостцу, чрезъ что пѣскольку изъ команды его Симонова побили и ранили, а тѣмъ и принудили его, по силѣ прежде даннаго ему ордера, для лучшей обороны и безопасности, бывшее близъ той новой крѣпостцы село (собрать напередъ въ оную всѣхъ доброжелательныхъ съ ихъ женами и дѣтьми и пожитками) зажечь, въ которомъ-де пожарѣ злодѣевъ побито и погорѣло весьма много, а тѣмъ средствомъ онъ Симоновъ отъ помянутыхъ злодѣевъ съ командою своею спаслись, и оную крѣпостцу сдѣлавъ свободною противъ злодѣевъ обороною, а предводителемъ-де при ономъ случаѣ тамъ еще не былъ. О находящихся въ Бердской слободѣ злодѣяхъ пронесся слухъ, яко бы оставшіеся при нихъ начальники пожитки свои убрали въ запасъ, на такой случай, ежели невозможно имъ будетъ обороняться, то бѣ въ такомъ случаѣ возможно было скорѣе идти на побѣгъ. Вечеру отданы были приказъ во всѣ команды, чтобъ въ ночь готовы были къ выступленію на злодѣевъ. — 13 числа назначенныя къ выступленію команды начали собираться вскорѣ послѣ полуночи, да и выступили онѣ за городъ въ 5 часу, раздѣляясь на три части,—первою, которая составляла правое крыло и занимала мѣста прямо противъ Орскихъ воротъ, командо-

валъ Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ Валленштернъ: была она въ числѣ однихъ регулярныхъ 700 человекъ, при ней же находились и всѣ Яицкіе казаки и 14 артиллерійскихъ орудій; среднюю командовали Бригадиръ Корфъ и Премьеръ-Маіоръ Пановъ: регулярныхъ считали тутъ 600 человекъ и 9 орудій; третья команда обвѣдена была около кирпичныхъ сараевъ и Маячной горы, а оттуда шла она по Сырту прямо къ Бердской слободѣ, и состояла въ числѣ Оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 400 человекъ: при ней же находилось конныхъ Оренбургскихъ казаковъ до 60 человекъ; командиръ у ней былъ, шестой полевой команды Премьеръ-Маіоръ Наумовъ. Сверхъ оныхъ командъ въ запасъ еще выведены были за городъ безлошадные Оренбургскіе казаки, и поставлены они были на Сырту, позади Убогаго дома, подъ командою Подполковника и Атамана Могутова, съ одною пушкою *). Всѣ оныя три команды заняли не только самыя Сырты, откуда скатъ дѣлается къ Бердской слободѣ, да и приблизились къ ней на разсвѣтъ дня такъ хорошо, что злодѣи почти примѣтити ихъ не могли; а особливо Маіоръ Наумовъ упрядилъ другихъ, и подошедъ къ ней ближе полуверсты, занялъ тутъ самое выгодное мѣсто, да и началъ по ней палить изъ единоговъ гранатами, которые всѣ ложились и разрывало ихъ въ самомъ жилѣ, отчего пѣкоторые въ ней мѣста и загорѣлись. Злодѣи, бывше тутъ, хотя также палили противъ его Наумова команды изъ своихъ пушекъ, но положеніе его было прикрыто буеракомъ, такъ что ядра пикого не вредили, да и легко бѣ было всею оною слободою отсюда завладѣть, ежели бѣ прочія команды къ нему Наумову могли подвинуться, и соединя всю артиллерію, отсюда стали дѣйствовать; но вмѣсто того прислалъ Бригадиръ Корфъ, что онъ опасаясь, дабы злодѣи его Наумова не отрѣзали, шелъ бы онъ немедленно къ нему въ соединеніе; а между тѣмъ, какъ онъ Корфъ, такъ и предъупомянутый Оберъ-Комендантъ приказали командамъ своимъ повернуть къ городу, чрезъ что всѣ люди приведены были въ разстройку и замѣшательство; злодѣи жъ, усмотря оное и стали собираться на самыя тѣ уже отворенныя мѣста, гдѣ оныя команды стояли, произволя имъ въ тылъ наисильнѣйшую пушечную и ружейную пальбу, а другіе въ великой отважности съ коньями набѣгали, и при томъ почти безъ всякаго уже порядка и безъ предводителей отступленіи, удалось имъ злодѣямъ многихъ побить и ранить, и отхватить, за усталію лошадей, оставившіеся въ глубокомъ снѣгу три единогога да девять пушекъ безъ снарядовъ, (которые при томъ захватѣ сожжены). Убили они тутъ Алексѣевского пѣхотнаго полка Капитана Переволдскаго, да изъ гарнизонныхъ Капитановъ же Буйнакова и Пушкарева, да Поручика Федора Ракова, Прапорщиковъ Мѣшкова и Семенова, да Кондуктора перваго класса Замосникова, который въ командѣ у Наумова употребленъ былъ при артиллеріи. Ранили осьмой легкой команды Капитана Унгера тяжелою раною, пушечнымъ ядромъ <отъ которой онъ на другой день и умеръ>, шестой полевой же команды Поручика Смыткова,

*) Слухъ носился, яко бы Яицкіе Старшины представили, что по ихъ обыкновенію, или по привычаніямъ ихъ, послѣ праздника Богоявленія Господня въ первое Воскресенье въ кровопролитіи вступать не надлежитъ.

*) Слышно было, что для сей высылки въ домъ у Г. Губернатора нарочный былъ совѣтъ и учинена къ тому особая дикозиція писемною, кому съ которой стороны и какъ дѣйствовать.

да баталіоннаго Лекаря, бывшаго при сей высылкѣ, Щегловскаго, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и разночинцевъ до 80 человекъ, а всѣхъ убитыхъ и захваченныхъ злодѣями считалось болѣе 400 человекъ. И такъ всѣ оныя команды, имѣвъ труднаго по глубокому снѣгу ходу около 20 верстъ безъ всякаго отдыха, съ немалымъ изнуреніемъ близъ полудня возвратились въ городъ, оставя всѣхъ убитыхъ на мѣстѣ *). Напротивъ того, увѣрили и о семъ, яко бы у злодѣевъ побито и ранено многими болѣе онаго числа; между унтеръ-офицерами заколотъ злодѣемъ шестой полевой команды артиллерійскій сержантъ Сахаровъ <бывшій прежде и офицеромъ>, который по искусству его въ артиллерійской наукѣ во время нынѣшней осады городу немало услуги, а злодѣямъ вреда дѣлалъ. Впрочемъ прилѣчено было при сей высылкѣ, якобы людно злодѣевъ нѣсколько казалось умноженіемъ; оказывались-де тутъ невиданные прежде Яицкіе казаки, изъ коихъ нѣкоторые, подбѣгая ближе другихъ, кричали городскимъ: не умѣли-де вы насъ прежде взять, когда у насъ хозяина не было, а теперь-де батюшка нашъ опять къ намъ пріѣхалъ, и вамъ ужъ насъ взять не можно; долго ли-де вамъ, дуракамъ, служить женщинѣ, пора одуматься и служить Государю **).

Отъ 14 по 21 число ***) , отъ злодѣевъ безпокойства не было; между тѣмъ отъ 15 числа съ нарочно вышущеннымъ отсюда изъ города, Оренбургскаго уѣзда деревни Яланкулъ, Татаринъ Абдусалимъ Бакиревымъ сообщено отъ Г. Губернатора къ Г. Генералъ-Маіору Фрейману, что онъ Губернаторъ не оставилъ къ извѣстнымъ государственнымъ злодѣямъ, здѣсь подъ городомъ съ собранною ими измѣническою толпою продолжающимся, дѣлать разъ до десяти высылки, и хотя при оныхъ почти всегда здѣшніе съ удачею возвращались, однако жъ совершенно его злодѣи, по недостатку команды отъ превосход-

*) Сія неудачная на злодѣевъ высылка предъ всѣми прежними была люднѣйшая, въ надеждѣ освобожденія города; а потому не только на городскомъ валу, но и на кровляхъ и на всѣхъ высокихъ мѣстахъ обоего пола великое множество было смотрителей, въ томъ числѣ и знатныя дамы находились, ибо все оное дѣйствіе происходило въ виду изъ города. Не была бы сія высылка столь несчастлива, ежели бъ городская артиллерія поставлена была на видный ходъ, такъ какъ она устроена была при корпусѣ его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына, и употреблена была во всѣхъ оборотахъ весьма поспѣшно. Лошади подъ нея брать были изъ господскихъ домовъ, по большей части корыныя и хорошія.

**) Хотя и говорили, яко бы самозванецъ Пугачевъ вчера около полуночи возвратился съ Яика, но въ самомъ дѣлѣ онъ не былъ, а прибылъ спустя нѣсколько дней.

***) Здѣсь ко внесенію изъ журнала его сіятельства Князя Петра Михайловича принадлежить то, что изъ порученнаго ему корпуса 14 числа командированы, на появившихся около Ватки рѣки злодѣевъ два detachementa, первый подъ командою Г. Подполковника и Кавалера Хорвата, а другой подъ командою Г. Подполковника и Кавалера Филисова; а 16 числа командированъ и третій detachementъ къ пригороду Биларску, подъ командою Володимирскаго полка Премьеръ-Маіора Елагина; а 18 числа и самъ его сіятельство со всѣми войсками и съ казаками выступилъ и на короткое время остался въ селѣ Шуранскѣ на самой рѣкѣ Камѣ, и былъ онъ здѣсь по 25 число Января, дѣлая къ дальнѣйшимъ движеніямъ и къ поискамъ надъ злодѣями разныя распоряженія.

ства злодѣйской силы, и что къ нему непрестанно на свѣжихъ лошадахъ прибываютъ, отразить онъ Губернаторъ не возмощъ; а 13 числа настоящаго во удовольствіе просьбы здѣшнихъ жителей, претерпѣвающихъ въ пропитаніи своемъ немалую скудность, принужденъ онъ Губернаторъ сдѣлать еще сильную атаку, при которой хотя на сторонѣ его злодѣи человекъ до 500 урона причинено, только напротивъ того и здѣшній корпусъ безъ вреда не остался; причиною жъ тому вышеписанное, то есть малость здѣшней конницы, а умноженіе злодѣевъ; со всѣмъ тѣмъ не въ состояніи будучи настоящаго получить успѣха, убѣжденнымъ оный корпусъ намерся ретироваться въ городъ. И такъ Губернаторъ безъ особливой помощи, за умаленіемъ при вышеписанныхъ высадкахъ людей противъ него злодѣя изъ города, высылки дѣлать уже намерся не въ состояніи, а по причинѣ оскуднѣнія здѣшняго немалолюднаго общества и страданія въ пропитаніи, будучи онъ въ крайности, и что о приближеніи на сикурсъ войскъ имъ малаго увѣdomленія нѣтъ, прилежно просилъ его Г. Генералъ-Маіора, чтобы онъ въ сохраненіе общества отъ колебанія и отъ того послѣдовать могущаго Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ предосужденія, а дабы и отпавленнымъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію сюда на сикурсъ войскамъ вреда не послѣдовало, благоволилъ, для истребленія сего вреднаго злодѣя и избавленія немаловременно страждущаго здѣшняго общества, съ опредѣленными на сикурсъ войсками, какъ возможно наискорѣе прибытіемъ сюда поспѣшить, и тѣмъ здѣшнюю крайность отвореніемъ дорогъ предварить и общую опасность прекратить; а въ какомъ онъ Г. Генералъ-Маіоръ предпріятіи найдетсѣ, о томъ бы Губернатора всевозможно увѣdomилъ, дабы онъ изъ того томъ видѣть могъ, какія съ своей стороны принять мѣры; о чемъ къ нему Г. Генералъ-Маіору и къ отпавленному съ войсками Главнокомандующему Генералу отъ 23-го съ нарочными другою дорогою подтверждено, да и Г. Казанскому Губернатору чрезъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга отъ 24-го сего жъ Января сообщено; а въ Государственную Военную Коллегію отъ 25-го жъ въ пристойныхъ терминахъ донесено, и прошено о скорѣйшемъ прибытіи сюда войскъ къ командующимъ оными подтвержденія.

79) Изъ частныхъ записокъ къ дополненію сихъ чиселъ приобщено можетъ быть то, что 14 числа поутру прилѣчено было небольшое число злодѣевъ на Сыртѣ. Догадывались, что сіе дѣлали они для осмотра оставленныхъ тамъ убитыхъ людей и для спиманія съ нихъ одежды; а послѣ полудня, часу во второмъ, подбѣжали къ валу два человекъ и, привязавъ къ копытамъ, оставили два письма, изъ коихъ объ одномъ сказывали, что отъ находящагося у злодѣевъ Сотника Подурова къ женѣ его, а другое, отъ кого и къ кому писано, то было неизвестно. Вечеру жъ потревожились было въ городѣ, по той причинѣ, что на степи со стороны Бердской слободы, верстахъ въ двухъ отъ города, оказалось небольшое число злодѣевъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ слышно было, кричали: здѣсь, держи, лови, кози, словно какіе нибудь были отъ нихъ уходы; между тѣмъ же и слышна была въ помянутой слободѣ и пушечная пальба выстрѣловъ до пятидесяти; по къ городу отъ оныхъ злодѣевъ ни-

какого устремленія не было.—15-го числа ничего особеннаго небыло, и злодѣевъ по Сыртамъ, кромѣ одного ихъ форпоста, людствомъ нѣскольکو умноженнаго, было не видно.—16-го жъ ничего видно не было, а къ вечеру сдѣлалася пресильная буря, которая продолжалася до полупочи.—17-го числа изъ побѣжавшихъ вчера ввечеру за сѣномъ возвратились, нѣсколько привезши онаго, кромѣ двухъ Яицкихъ казаковъ, о коихъ нѣкоторые говорили, якобы они попались въ злодѣйскія руки, а другіе мнили, что они самовольно ушли къ злодѣямъ. До полудни видны они были разбѣгающіе по Сыртамъ, но всѣ порознь—человѣкъ по три, четыре; а передъ вечеромъ выѣхало ихъ ста два и больше, между которыми жъ былъ Оренбургскій сотникъ Подуровъ, сообщникомъ злодѣямъ учинившійся; но всѣ они находились весьма пьяные; напротивъ того, выѣзжало изъ города Яицкихъ казаковъ около ста человекъ и имѣли съ ними небольшую ружейную перестрѣлку. По правую сторону Бердскихъ воротъ, отъ города верстахъ въ двухъ съ небольшимъ, на переговорахъ злодѣи призывали городскихъ, дабы они еще ближе къ слободѣ ихъ подѣзжали, коимъ отвѣтствовали, чтобы они подѣзжали ближе къ городу; на то говорили злодѣи: не для чего-де памъ къ вамъ подходить, когда у васъ не станеть хлѣба, то всѣ вы наши будете;—между тѣмъ про одного Сакмарскаго казака, который родной братъ находящемуся въ городѣ Сакмарскому Атаману Донскому, сказывали, яко бы онъ, отдаваясь отъ другихъ, говорилъ: не смотрите-де вы на нашихъ пьяницъ и не тратите-де своихъ людей понапрасну; ожидайте помощи отъ Бога: безъ вашихъ-де вылазокъ съ этими пьяницами управятся илудія на помощь вамъ войска, о чемъ-де у насъ есть вѣрныя извѣстія.—На 18-е число въ ночи, для сбереженія хлѣбнаго, выпущено изъ города по желаніямъ нѣсколько и праздно находящихся иностранцевъ, съ тѣмъ, чтобы они, какъ могутъ, пробирались въ свои жительства; а поутру приехалъ небольшой обозъ изъ Илецкой Защиты съ хлѣбомъ <привезено оттуда ржаной муки четвертей до 100, а крупъ до 10 четвертей>, въ томъ числѣ половина взятаго изъ заготовленнаго по Солянному Правленію, и притомъ получены рапорты, что тамъ обстоитъ все благополучно, и работы безостановочно производятъ. Съ злодѣйской стороны сей день ничего примѣчено не было.—19-го числа поутру человекъ до пятидесяти злодѣевъ показывались за рѣкою Яикомъ, ѣхавшіе къ Мѣновому двору, видно для осмотра шляховъ, а послѣ обѣда столько жъ примѣчено ихъ было съ стороны Бердской слободы, вѣдшихъ по Сырту, а больше ничего не было усмотрѣно, да и форпостъ ихъ, противъ той слободы обыкновенно содержанный, казался сегодня очень малочисленъ.—20-го ничего жъ не было, кромѣ сего, что послѣ полудня человекъ до 50 показывалось на Сырту, отъ города верстахъ въ четырехъ, которые, побѣдивъ тутъ немного, возвратились назадъ къ Берду. Вечеру сего жъ числа отпущены въ Илецкую Защиту прибывшія оттуда съ хлѣбомъ подводы и люди.—21-го числа ничего не происходило; сказывали только находящіеся на ваху въ караулахъ, что у злодѣевъ, какъ вчера, такъ и сегодня, слышно было по два пушечныхъ выстрѣла.

80) 22-го числа изъ злодѣйской толпы, немалое число выбравшись конницы, подѣзжали

близъ города, только безъ всякой удачи, но и съ урономъ, причиненнымъ имъ съ городской стороны изъ пушекъ выстрѣлами, возвратились въ свой станъ. Въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами и картечами выпалено 31 зарядъ. Того числа отъ находящихся въ Верхней Озерной и Орской крѣпостяхъ Гг. Генераль-Маіора Станиславскаго и Полковника Демарина получены рапорты, коими они донесли: Полковникъ Демаринъ, что Ильинская крѣпость злодѣями вся выжжена, и обыватели, какъ они злодѣи поступили, не извѣстно, и что онъ тогда, когда благополучно прибудетъ къ нему изъ Орской крѣпости съ провіантомъ команда, намеренъ, съ помощію Божіею, изъ подѣзжающей ежедневно къ Озерной крѣпости злодѣйской партіи захватить, и по развѣданіи о неопасности, сдѣлать въ ближнихъ ихъ жилищахъ отмщенія; на что ему Демарину отъ Гг. Губернатора и позволено, однако жъ не иначе, какъ съ крайнимъ разсмотрѣніемъ, чтобы, вмѣсто пользы, не подвергнуть себя предосужденію. Г. Генераль-Маіоръ Станиславскій, по ордеру Г. Генераль-Поручика и Кавалера Декалонга, доноситъ: что 26-го числа минувшаго Декабря Башкирцы, собравшись въ немалой толпѣ, показались близъ Верхо-Яицкой крѣпости, и на спросъ отъ него Г. Генераль-Поручика и Кавалера объявили, что они Башкирцы и Мещеряки болѣе бунтовать не намѣрены, а желаютъ-де остаться въ прежнемъ повиновеніи, тишинѣ и спокойствіи, съ чѣмъ-де и къ нему Г. Генераль-Поручику и Кавалеру одного Старшину съ нѣсколькими Сотниками и Башкирцами присылали, объявляя при томъ, что чрезъ недолгое время и когда всѣхъ волостей Старшины къ Банимъ-Тархану сберутся, то-де они, пріѣхавъ къ нему Генераль-Поручику и Кавалеру, въ вѣрности своей дадутъ подписки и подтвердятъ ихъ присягою; что-де, кажется, и сбудется, ибо-де изъ доходящихъ со всѣхъ сторонъ рапортовъ видится, что уже болѣе отъ нихъ Башкирцевъ и Мещеряковъ нигдѣ и никакихъ злодѣйствъ не происходитъ; по каковому-де обстоятельствамъ и личейныя крѣпости, до усмотрѣнія будущихъ обстоятельствъ, впустѣ оставлять и гарнизонъ и жителей изъ опытыхъ выводить не для чего. На сіе къ нему Г. Генераль-Маіору отъ 24-го числа Января отъ Губернатора предложено, что благословеніемъ Божіимъ, а стараніемъ реченнаго Г. Генераль-Поручика и Кавалера Декалонга, Исетскіе Башкирцы и Мещеряки приводятся въ прежнее повиновеніе, то и не иначе, какъ съ особливимъ удовольствіемъ пріемлется; и какъ чрезъ то въ тамошнемъ краю путь уже имѣеть быть свободный, то по увѣдомленію о здѣшнихъ обстоятельствахъ и къ нему Г. Генераль-Поручику и Кавалеру сообщено, и требовано, дабы онъ благоволилъ постараться чрезъ Исетскую Провинціальную Канцелярію доставить сюда по линіи, подрядомъ или на крестьянскихъ подводахъ, провіанта: муки до 10.000 четвертей, да крупъ по пропорціи, ибо здѣсь въ немъ настоятъ крайности, яко имѣвшіеся въ казенныхъ магазинахъ весь въ расходъ пошелъ; и ежели онаго ни откуда чрезъ четыре недѣли получено не будетъ, то весьма опасно, дабы здѣшнее немалочисленное общество, по причинѣ голода, не пришло въ колебаніе, а отъ того и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ не приключилось бы безвозвратнаго вреда; въ предвареніе сего, и отъ помянутаго Г. Генераль-

Маіора Станиславскаго требовано, дабы онъ между тѣмъ изъ имѣющагося въ Орскихъ магазинахъ провіанта съ тысячу четвертей, во чтобы ни стало и какія бѣ лучшія средства ни нашлись, всевозможно и непродолжительно постарался сюда доставить. — Съ 23 по 31 число хотя злодѣи въ близость города разсыпано и подбѣгали, только на приступъ покушенія не дѣлали, а были спокойны.

81) Въ дополненіе вышеозначенныхъ чиселъ пзъ частныхъ записокъ и извѣстій сіе принадлежитъ, что 22 числа поутру слышно было отъ злодѣевъ выстрѣловъ до 12-ти, а послѣ полудня часу во 2-мъ и въ 3-мъ показалось ихъ ста два, подбѣжавшихъ къ городу столь близко и отважно къ городскимъ валамъ, что прежде никогда они такъ не подбѣгали; но какъ противъ ихъ выслано было человекъ со сто Яицкихъ казаковъ и сдѣлано по нихъ съ валу выстрѣловъ до пятидесяти пушечныхъ, изъ коихъ подъ однимъ Башкирдемъ подбита была лошадь, то всѣ они и отдалились. Нѣкоторые говорили, будто бѣ предводитель ихъ Пугачевъ сегодня опять между ними оказывался, и яко бы здѣшніе его въ лице подлинно видѣли. — 23-го числа до полудня ничего было не видно, а передъ вечеромъ усмотрѣно было злодѣевъ человекъ со сто, разбѣжавшихъ порознь, отъ города верстахъ въ трехъ, противъ Орскихъ воротъ, изъ коихъ нѣсколько прѣхавъ на уваль противъ бывшаго ихъ прежняго лагеря и постоявъ тутъ немного, возвратились назадъ въ Берду: знатно примѣчали побѣжавшихъ изъ города за сѣномъ. — 24-го по полудни ничего жъ примѣчено не было, а въ полдень слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба выстрѣловъ до 10, а нѣсколько и ружейной. Еще сказывали, что за Сакмарою рѣкою около Сыртова видно было разбѣжающихся злодѣевъ человекъ до 30, и якобы по Сакмарской дорогѣ прошелъ къ Берду невѣдомо какой обозъ, можетъ быть съ печенымъ тамъ хлѣбомъ, а ввечеру нѣсколько злодѣевъ, прѣхавъ ближе къ городу, подбросили письма, сказавъ, чтобы ихъ взяли, они-де отъ нашего батюшки, то есть отъ самаго Самозванца и начальника ихъ. — 25-го числа съ злодѣйской стороны ничего не было, кромѣ сего, что поутру нѣсколько пробѣгло ихъ по Сыртамъ отъ Нѣжинскаго редута съ дровами и сѣномъ, а послѣ полудня человекъ до 30 изъ городскихъ Яицкихъ казаковъ выпущены были за городъ, которые съ злодѣями по вчерашнему условію имѣли переговоры, да и пронесся послѣ того слухъ, якобы оныя ихъ переговоры касались до нѣкотораго оказывающагося между злодѣями раскаянія. — На 26 число въ ночи бѣжало къ злодѣямъ изъ находящихся на валу по дистанціи Секундъ-Маіора Демидова Каргалинскихъ Татаръ десять человекъ, а по сей причинѣ и выслано изъ города изъ тѣхъ же Каргалинскихъ праздно бывшихъ въ городѣ Татаръ съ женами и съ дѣтьми 61 человекъ, кои всѣ и пошли прямо въ злодѣйскій лагерь *). Послѣ полудня выѣзжало изъ Бердской слободы злодѣевъ чело-

вѣкъ до 50-ти; не подбѣжая въ близость города, возвратились назадъ, а передъ вечеромъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли переговоры съ высланными изъ города Яицкими казаками. Отъ нихъ слышно было, якобы у злодѣевъ раскаяніе умножается, и между прочаго говорили-де они, не будутъ ли они за вины ихъ всѣ искоренены, и получать ли въ винахъ своихъ прошеніе, въ такомъ-де случаѣ, они и Самозванца своего свяжутъ и отдадутъ руками. Отъ нихъ же слышно было, что на сихъ дняхъ въ Бердской слободѣ повѣшены у нихъ три гусара, да одинъ Оренбургскій казакъ: гусары за то, что они Государю ихъ не сдѣлали надлежащей чести, а казакъ за сіе, что онъ такъ скоро, какъ войска приблизятся, хотѣлъ учинить извѣстіе въ городъ. Между тѣмъ нѣкоторые увѣряли еще, что того Самозванца нынѣ не только въ той слободѣ нѣтъ, но куда и дѣвался, они не знаютъ. — 27-го числа ничего новаго было не видно и не слышно. — 28-го числа послѣ полудня, часу въ 4-мъ выѣзжало злодѣевъ человекъ до 60-ти, изъ коихъ немногіе подбѣжали близъ города, дѣлая знаки, чтобы высланы были къ нимъ для переговора люди; но какъ, по особливому отъ Губернатора приказу, на переговоры съ ними, для нѣкоторыхъ примѣченныхъ сомнѣній, высылать часто не разсуждено, никто на сей случай за городъ выпущенъ не былъ, то оныя злодѣи, поѣздя кругами, и возвратились назадъ. — 29-го числа послѣ полудня, часу въ 3-мъ еще показывалось ихъ позади навозныхъ кучъ человекъ до 30 съ одною значкою, изъ коихъ человекъ два-три ночью близко къ городу подбѣжали, а еще толпа ихъ, но гораздо люднѣе, и также съ одною значкою, стояла въ отдаленіи; передовые злодѣи кричали, чтобы высланы были къ нимъ для переговора Яицкіе и Оренбургскіе казаки; особливо требовали они Яицкаго Войскаваго Старшину Мартемьяна Бородинна или Сакмарскаго Атамана Донскаго, объявляя, что то въ пользу Государыни; но какъ имъ въ томъ отказано, а отбѣтствовали, крича съ валу, чтобы они сами ближе подбѣжали къ городу, то они, не склоняя на сіе, и отбѣхали всѣ прочь. Еще слышно было, что два Яицкіе казака изъ находившихся въ городѣ, прѣхавъ къ Яицкимъ воротамъ на одной лошади, запряженной въ дровни, изъ коихъ одинъ сидѣлъ на лошади верхомъ, а другой стоялъ на дровняхъ у маленькой кадочки, покрытой рогожею, и требовали усиленно пропуска за городъ, якобы за водою, съ прочими; но какъ бывшій тутъ офицеръ и караульные, по ихъ скоропостижности и усильству, усумнились объ нихъ, и осмотра маленькую ихъ кадочку, нашли, что она не имѣетъ дна и поставлена только на рогожу для одного вида, то оныя казаки, оборотя лошадь свою, поскакали назадъ, и поворота въ переулочъ уѣхали изъ виду; а потому и заключили, что намѣреніе ихъ было бѣжать къ злодѣямъ. Сего числа ѣздившіе за сѣномъ въ Нѣжинскому редуту, возвратились, навьюча онаго на воза довольно *). 30-го числа въ полдень выпущено за городъ праздно находившихся Бердскихъ

*) Ежели прежде съ таковыми безполсными и праздно находившимися въ городѣ людьми симъ образомъ поступлено было, то бѣ чрезъ сіе нѣсколько сотъ четвертей хлѣба убережено было на расходъ для нуждѣйшихъ людей; но оныхъ и послѣ въ городѣ не мало еще находилось къ умноженію хлѣбнаго недостатка.

*) Нѣкоторые ѣздившіе за сѣномъ сказывали, якобы они съ злодѣями выѣстъ изъ однихъ стоговъ сѣно брали, и будто бѣ оныя говорили: полно-де намъ поиливать человѣческую кровь, батюшка-де нашъ <то есть Самозванецъ> оное имъ воспретилъ; но другіе западлинно увѣряли, что тотъ ихъ Самозванецъ, забравъ свои пожитки, уѣхалъ, а куда и гдѣ онъ нынѣ находится, неизвѣстно.

п Чернорѣченскихъ жителей женска пола около 60 человекъ, да три старика изъ отставныхъ, кои по выходѣ за городъ верстахъ въ трехъ всѣ приняты были злодѣями и отведены въ Бердскую слободу.—31-го числа съ стороны злодѣйской, за бывшимъ сего утра бураномъ, ничего было не видно, а послѣ полудня, когда поведрило, примѣнены одни ихъ яртаулы, не въ большомъ людствѣ находившіеся; сказывали, якобы два человека отдалились отъ яртаула и воткнувъ шапки на копійныя древки, давали знакъ, чтобъ кто нибудь высланъ былъ къ нимъ для переговоровъ; но какъ они стояли отъ города въ отдаленіи, то никто къ нимъ высланъ и не былъ, и никакимъ знакомъ не отвѣтствовано. Еще извѣстно было, что одинъ солдатъ, находившійся въ караулѣ на валу, укравъ два хлѣба и двѣ шубы у товарищей своихъ, ушелъ къ кирпичнымъ сараямъ, а оттуда пробрался къ злодѣямъ въ Берду. Бѣдившіе сего числа къ Иѣжинскому редуту за сѣномъ, навьюча онаго безъ всякаго отъ злодѣевъ препятствія, возвратились съ сѣномъ.

Часть VI. — Продолженіе Оренбургской осады; бывшій на злодѣевъ изъ города вылазки; приступы Самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу; усилованіе его и друія приключенія Февраля съ 1-го, Марта по 1-е число 1774 г.

82) 1-го, 2-го и 3-го числа Февраля, какъ днемъ, такъ и ночью было спокойно; а между тѣмъ отъ 1-го числа къ Гг. Полковнику Демарину и Генералъ-Маіору Станиславскому, по причинѣ бывшей въ Оренбургѣ крайней нужды въ пропитаніи воинскихъ служителей и гражданъ, и дабы отъ нихъ худыхъ внутреннихъ слѣдствій и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ невозвратнаго вреда не произошло, предложено, чтобъ Станиславскій съ посредства Демарина изъ имѣющагося въ Орскихъ магазинъхъ провіанта муки, хотя съ восемь-сотъ четвертей, да крупъ да то по пропорціи, во что бы ни стало и какия бѣ лучшія средства ни нашлись, всевозможно обще постарались въ Оренбургъ доставить. — 4-го числа злодѣи выбрали поутру изъ ямъ своихъ, въ немаломъ количествѣ показали близъ города противъ Пушечнаго двора на прежней ихъ батарее, и хотя противъ нихъ, въ разсужденіи того, что они такими подѣздами дѣлали только одинъ обманъ и въ высылкахъ затрудненіе, изъ города высылки не было; однако жъ, въ отвращеніе ихъ, выпалено въ толпу ихъ изъ пушекъ одинъ зарядъ.—5-го, 6-го и 7-го чиселъ было спокойно; только послѣдняго числа Губернаторъ, желая побудить находящихся въ злодѣйской толпѣ разнаго званія людей отъ заблужденія ихъ къ раскаянію, съ истолкованіемъ учиненнаго ими противу должнаго Ея Императорскаго Величеству рабскаго повиновенія, заслуживаемаго непрощаемою казни злодѣйства, послано въ толпу и увѣщаніе, дабы они, разсмотря свою совѣсть, конечно пришли въ раскаяніе и возвратились въ прежнее состояніе, надѣялись бы Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества по природному Ея великодушію прощенія; при чемъ состоявавшегося 15 числа Октября прошлаго года манифеста печатный экземпляръ, и дая Башкирцевъ и прочихъ инновѣрцевъ и на Татарскомъ діалектѣ переводъ приложенъ; но они злодѣи не только

на то увѣщеваніе не склонились, но съ большимъ ругательствомъ оное возвратили. Къ тому въ дополненіе изъ частныхъ записокъ слѣдуетъ сіе, что Февраля 1 числа предъ полуднемъ слухъ пронесся, якобы еще во время бывшаго поутру тумана за Чернорѣчьемъ слышали пушечную пальбу выстрѣловъ до 12-ти, а послѣ полудня видѣли толпы бѣжавшихъ верхами людей къ Бердѣ, а кто они были, въ достовѣрность никто не могъ сказать. Еще говорили, будто бѣ съ Соборной колокольни видѣли злодѣевъ ста два или болѣе, бѣжавшихъ изъ Берды въ Караглинскую слободу.—2-го числа, кромѣ подтвержденій вчерашнихъ примѣчаній, ничего слышно и видно не было: только говорили еще, что одинъ изъ Оренбургскихъ казаковъ, отправленный вчерашній день съ товарищемъ отъ Озерной крѣпости съ денешами къ Генералъ-Поручику Декалонгу и къ Генералъ-Маіору Станиславскому, возвратился назадъ, а о товарищѣ своемъ объявилъ, якобы онъ, имѣя у себя всѣ тѣ денешы, поотстагъ отъ него для тѣлесной нужды, и хотя онъ въ почное время старался его сыскивать, но не нашелъ, и куда онъ отлучился, того не знаетъ.—3-го числа была буря и великій снѣгъ до самаго полудня, а за тѣмъ ничего было не видно и не слышно.—4-го числа выѣзжало изъ Берды злодѣевъ человекъ около 20, кои всѣ были Оренбургскіе, Бердскіе и Чернорѣченскіе казаки, а Яицкихъ ни одного тутъ не было. Они, подѣхавъ ближе къ городу, кричали, чтобъ высланы были для переговоровъ съ ними люди; но поуже въ словахъ ихъ ни скромности, ни умѣренности не было, а слышны были однѣ только угрозы, они жъ и ближе къ городу подѣзжать не хотѣли, а потому и выстрѣлено по нихъ изъ одной пушки отъ Бердскихъ воротъ, отъ чего они и уѣхали назадъ. Послѣ полудня, для сбереженія хлѣба въ городѣ, выпущено Бердскихъ и Чернорѣченскихъ казаковъ, женъ и дѣтей 46 душъ, которые всѣ и пришли прямо въ Бердскую слободу по проложенной злодѣями дорогѣ.—5-го числа ничего примѣчанія достойнаго было не видно и не слышно, только бѣдившіе для сѣна за Иѣжинскій редутъ, хотя и съ великимъ трудомъ отъ бездорожьи, однакожъ всѣ навьюча онаго, возвратились изъ злодѣйскихъ шляговъ, ни гдѣ тамъ не видимы. — 6-го числа поутру, около 9 часа, по причинѣ многочисленной пушечной пальбы, бывшей въ Бердской слободѣ и около оной, весь городъ былъ встревоженъ. Сія пальба происходила залпами изъ 3, 4 и 5 пушекъ *) разомъ, а иногда и порознь, такъ что всѣхъ выстрѣловъ считали болѣе 50. Многие признавали, что то произошло у злодѣевъ отъ прихода къ оной слободѣ ожидаемыхъ для освобожденія города отъ осады войскъ, а потому множество народа на высокихъ мѣстахъ и на городскихъ валахъ сдѣлались зрителями, ожидая съ великою радостію своего избавленія, да и самъ Г. Губернаторъ со всѣми чиновными людьми, стоя на валу у Бердскихъ воротъ, то жъ смотрѣли, но, бывъ тутъ до 12-го часа, разѣхались. Послѣ полудня, часу въ 1-мъ и въ 3-мъ, слышанъ былъ на Бердѣ частый звонъ въ одинъ колоколъ на подобіе набата, и догадывались, что то дѣлали злодѣи по каза-

*) Послѣ чего былъ слухъ, яко бы злодѣи Пугачевъ, бывъ въ Яицкомъ городѣ, женился на одной казачьей дѣвкѣ, о чемъ сообщники его, получа отъ него извѣстіе, праздновали, стрѣляли изъ пушекъ, и весьма много пьянствовали, что наконецъ и заподлинно подтверждено.

чьему обыкновенію для сбора людей; а потомъ выѣзжало оттуда человекѣ до 15-ти, и давали знакъ шапками, чтобъ высланы были изъ города люди для переговора, и хотя сей день разсуждено для такого переговора выслать небольшое число людей, и назначены были къ тому: Сакмарскій Атаманъ Донской и Таможенный Инспекторъ <Прaporщикъ чина>, новокрещенный, да казакъ, человекѣ до 10 <а еще въ запасъ до 20 человекѣ было приготовлено у воротъ>; но понеже всѣ они не скоро собрались и за городъ выѣхали, отъ злодѣя между тѣмъ отдалились къ Бердѣ, а послѣ хотя человекѣ два и въ даль за ними ѣздили, только они съѣхаться съ ними не отважились.

83) Съ 7-го по 22-е число было спокойно.— 22-го злодѣи во многочислѣ, выбравъ изъ ямъ своихъ подъ предводительствомъ самого вора Пугачева и перешедъ внизъ по Сакмарѣ лежащую дорогу, гдѣ маякъ ниже Оренбурга, подѣзжали въ близость города, для чиненія съ коими перестрѣлки выпущены были съ двумя пушками вѣрныя Яицкіе и здѣшніе казаки, кои съ нимъ злодѣемъ ружейный огонь и производили, по причинѣ чего оные злодѣи и убѣждены, съ уронемъ отъ учиненныхъ съ городской стѣны пушечныхъ выстрѣловъ, возвратиться въ свои ямы. По приближеніи ихъ, вынуждено съ городского вала изъ пушекъ съ ядрами 16 зарядовъ.

Опыя числа съ 7-го по 2-е [22-е] дополняются изъ частныхъ записокъ и извѣстій нижеслѣдующимъ: 7-го числа было спокойно; на 8-е число въ ночь прибылъ изъ Илецкой Защиты посланный туда сержантъ Туленковъ, съ нимъ изъ тамошнихъ по Солянному Правленію и по Градской командѣ магазинновъ проведено провіанта около 30 четвертей, въ томъ числѣ заготовленнаго помянутымъ Правленіемъ 60 четвертей, да въ подспорье хлѣба покупной тамъ по Солянному Правленію рыбы 16 пудъ. Сей привезенный хлѣбъ многихъ чрезвычайно обрадовалъ: ибо до привоза онаго, по крайней нуждѣ, убогіе и малозаложащія люди покупали уже по 6 и по 7 руб. одинъ пудъ, да и по той малосыханной дѣлѣ съ великою трудностію находили. Послѣ полудня часу въ 4-мъ оказалось злодѣевъ на степи до 150 человекѣ, изъ коихъ большое людство разѣзжало въ трехъ, человекѣ до 30-ти въ одной верстахъ, 3 человекѣ, самые отважнѣйшіе, подѣзжали къ городу сажень на сто, но всѣ, по примѣчаніямъ, въ пребезмѣрномъ были пьянствѣ, а особливо послѣдніе, столь близко и отважно подѣзжавшіе, скача на лошадяхъ своихъ и кривясь на обѣ стороны, кричали, чтобъ выслать къ нимъ былъ для переговора Яицкій Старшина Бородинъ, объявляя при томъ, якобы они Яицкимъ городомъ уже завладѣли, и долго ли-де вамъ, Яицкимъ казакамъ, въ городѣ помирать голодомъ; мы-де хотя взять его и не можемъ, но скоро голодъ принудитъ васъ къ сдачѣ. Кому-де вы служите, Губернатору или Тимашеву, браня ихъ обоимъ скверною бранью.—9-го числа ничего было не видно, а хотя малое число злодѣевъ и появилось было на Сыртахъ, но не подѣзжая къ городу, постоявъ тамъ немного, возвратились опять въ Берду.—10-го числа выпущено за городъ 78 человекѣ Каргазинскихъ Татаръ, а послѣ полудня выѣзжалъ изъ Берды сообщившійся съ злодѣями оренбургскихъ казаковъ сотникъ Подуровъ, имѣя при себѣ злодѣевъ человекѣ до 30, изъ коихъ отважнѣйшіе выскакивая напередъ, кричали: долго ли-де вамъ городскимъ вѣсть кобы-

лятину, пора ужъ городъ славать; у насъ хлѣба довольно,—выговаривая при томъ и другія, но все сумасбродныя и пьяныя рѣчи.—11-го числа выпущено за городъ, для сбереженія хлѣба, изъ своекоштныхъ престарѣлыхъ и праздно находящихся людей человекѣ до 30-ти, да женскаго пола человекѣ до 10-ти, кои всѣ пошли чрезъ Берду, то есть чрезъ жилище злодѣйское, съ намбрешемъ, не могутъ ли они пробраться во внутреннія русскія жилища *). Послѣ полудня подѣзжало къ городу изъ злодѣевъ человекѣ до 10-ти съ такими жъ рѣчами, какъ выше означено. Сего жъ числа отпущены были въ Илецкую Защиту прѣѣзжавшіе оттуда съ хлѣбомъ.—12-го, за бывшею въ сію почъ великою бурей, возвратились назадъ въ городъ побѣхавшіе въ Илецкую Защиту. Съ злодѣйской стороны ничего особеннаго примѣчено не было **). За городъ хотя и выслано было изъ Яицкихъ казаковъ человекѣ до 20, въ намбрени, не удастся ли кого нибудь захватить изъ злодѣевъ, но изъ нихъ никто не выѣзжалъ.— На 13 число въ ночь вышло изъ злодѣйскаго лагеря 5 человекѣ: вахмистръ и гренадеръ команды Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, захваченные злодѣями около Губерлинской крѣпости, и солдатъ Губернской роты, еще солдатъ, посланный отсель къ Сибирскому Губернатору, до прихода еще злодѣевъ и на возвратѣ оттуда давно уже ими захваченный: они, по увольненію злодѣйскихъ начальниковъ, отпущены были въ Чернорѣченскую крѣпость для покупки хлѣба, откуда, возвращаясь, возмѣрились они по Заяицкой сторонѣ итти въ городъ, и пришли сюда на третій день, претерпѣвъ великую трудность въ пути отъ бездорожницы и отъ худой погоды, во время сильнаго бурана. Чрезъ сихъ выходцевъ слѣдующія извѣстія произошли: 1) что Главнокомандующій войсками Г. Генералъ-Аншефъ Александръ Ильичъ Бибииковъ находится уже въ Казани; 2) впередъ по Оренбургской оттуда дорогѣ отправленъ отъ него съ корпусомъ военныхъ людей Г. Генералъ-Маіоръ Мансуровъ, который-де прошедъ Борскую крѣпость, встрѣченъ былъ злодѣями и, имѣвъ съ ними сраженіе, причинилъ имъ немало вреда, отбивъ у

*) Слышно было, яко бы злодѣи всѣхъ изъ городовъ выпущенныхъ, не державъ у себя, распустили, куда они желали. Объ одной женѣ сказывали, что она при выходѣ своемъ изъ города, купила небольшой печеный хлѣбъ, за который дала 40 копѣекъ <кои побольше, тѣ продавали по рублю и свыше>, одну ковригу вѣсомъ фунтовъ въ 9. О семъ предводители злодѣевъ узнавъ отъ нея, публиковали о томъ всему народу и тогъ хлѣбъ показывали съ растолкованіемъ, до какой уже крайности приведенъ ими городъ.

**) По совѣту Г. Совѣтника Тимашева "для поимки злодѣевъ поставлено сего числа за городомъ въ разныхъ мѣстахъ 27 капкановъ <машинки желѣзныя, конии въ здѣшней сторонѣ обыкновенно ловятъ волковъ, лисицъ, бобровъ и другихъ звѣрей>, въ томъ намбрени, чтобъ выѣхавъ за городъ Яицкимъ казакамъ заманить злодѣевъ на сіе мѣсто, и когда онымъ инструментомъ подѣлѣвъ изъ нихъ уязвлена и подшибена будетъ лошадь, чтобъ, насканъ, подхватить его было удобнѣе. Сія выдумка, хотя и казалась нѣкоторымъ нужною и полезною, однако не только никакой пользы и успѣха отъ того не произошло, но и оныя капканы, какъ послѣ слышно было, кровѣ пехнотныхъ, несвѣдомыми людьми раскрадены, а злодѣи, узнавъ, прямо дѣлали разныя о сей выдумкѣ насмѣшки.

нихъ 8 пушекъ, въ томъ числѣ одинъ единорогъ; 3) еще одинъ таковой же корпусъ якобы находился на рѣкѣ Сокѣ въ Красноярской крѣпости, съ тѣмъ, чтобъ усмирять сбунтовавшихся тамъ крещеныхъ Калмыковъ, къ Оренбургу жъ слѣдовалъ; 4) Г. Генералъ-Маюръ Фрейманъ находился съ таковою же командою въ Бугульмѣ, и слѣдуетъ оттуда къ Оренбургу жъ. Сей Генералъ также имѣлъ сраженіе со встрѣчавшимися съ нимъ злодѣями, и отбилъ у нихъ 3 или 4 пушки; 5) съ Бирской и Башкирской сторонъ дѣйствуетъ надъ злодѣями и ихъ сообщниками Г. Генералъ-Поручикъ Декалонгъ; а хотя-де они и покушались уже приступить къ городу Уфѣ, по ту-де имъ удаче не было: отбиты они съ немалымъ урономъ, и потеряли 3 или 4 пушки. Все оное тѣ выходцы слышали во-первыхъ отъ трехъ гусаръ, отхваченныхъ злодѣями отъ команды Г. Генералъ-Маюра Мансурова, коихъ-де они злодѣи, за то, что они многихъ изъ нихъ умертвили, повѣсили; и еще его жъ Мансурова команды отъ солдатъ, кои отвозили въ городъ Самару отбитую у злодѣевъ артиллерию и оттуда обратно возвращаясь къ командѣ своей въ Борскую крѣпость, перехвачены Калмыками и привезены въ Берду, кои-де и нынѣ тутъ находится, всѣхъ ихъ 10 человекъ. Самого-де предводителя ихъ и Самозванца Пугачева нынѣ въ Бердской слободѣ нѣтъ; а хотя-де послѣ послѣдней изъ города высылки, день или два спустя, и прѣхалъ онъ къ своимъ сообщникамъ въ Берду, но побывъ тутъ одинъ или двое сутки, ночью порою неизвѣстно куда уѣхалъ, взявъ съ собою двѣ бочки пороху; а другіе-де думаютъ, что онъ насыпалъ въ нихъ для лошадей своихъ овесъ. Догадываются, якобы онъ побѣжалъ по Сакмарской дорогѣ или къ Илецкому городку, куда-де по требованіямъ его и конные люди ежедневно къ нему отбѣгаютъ. При Бердѣ наличной артиллеріи находится нынѣ до 70 орудій, которая вся около тамошней церкви разставлена; сколько для оной есть пороха и снаряда, то имъ неизвѣстно; но за великимъ расходомъ многому числу быть не чаютъ. Въ небытность-де Пугачева начальствуютъ тамъ изъ Яицкихъ казаковъ вышеозначенные: Кожевниковъ, Лыковъ и Шигаевъ, Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, да ссыльный Хлопуша, о коемъ прежде неоднократно упомянуто и у коего-де всѣ заводскіе мужики въ командѣ; между начальниками жъ почитается одинъ Илецкій казакъ, коего имя они не знаютъ, и изъ сихъ-де людей состоитъ у нихъ пунѣ правленіе, которое называютъ Военной Коллегіей; Бердскую слободу именуютъ ими Москвою, Каргалу Петербургомъ, Сакмару Кіевомъ, а Чернорѣченскую крѣпость провинціею.—6) Въ пропитаніи-де многіе и между ими чувствуютъ нужду, и терпятъ недостатокъ; ибо-де запаснаго ничего нѣтъ, а что откуда привезутъ, тѣмъ и питаются; а хотя-де изъ сѣзда для продажи къ нимъ иногда и привозятъ, но по великому-де ихъ людству, оного не довольно, а затѣмъ-де и высылаемыхъ изъ города людей отпускаютъ они отъ себя куда кто хочетъ. Намѣреніе-де ихъ, какъ слышно, состоитъ болѣе въ томъ, чтобъ еще единожды и со всѣми уже силами слѣзть приступъ къ городу, и ежели сіе послѣднее ихъ покушеніе не удастся имъ, то всѣмъ расходиться имъ врознь; но большая-де часть намѣрена пробираться чрезъ Киргизскую степь къ рѣкѣ Яику, а тутъ перенедъ рѣку ниже Яицкаго городка, ити бы имъ за Волгу для овладѣнія тамошними мѣстами.

84) Впрочемъ хотя сей день и выслано было за городъ Яицкихъ казаковъ около 20 человекъ съ тѣмъ, чтобъ съѣхаться и говорить съ злодѣями, а буде возможно, тобъ ихъ и отхватить; но изъ нихъ никто не выѣзжалъ.—На 14 число въ ночь подъѣзжали къ городу злодѣи человекъ до 10-ти, и требовали, чтобъ для переговоровъ съ ними высланы были къ нимъ Яицкіе казаки; но сего не учинено; а послѣ полудня выѣзжало ихъ изъ Берды человекъ до 100, изъ коихъ отважнѣйшіе, два или три человекъ, подъѣхавъ ближе къ городу и привязавъ на когъ мѣшечекъ, оставили; по привозѣ его въ городъ: оказались тутъ разныя распечатанныя письма изъ города и въ городъ, изъ разныхъ мѣстъ посланные. Оное злодѣи, какъ видно, въ знакъ сего учинили, дабы дать знать что отсель посланные и сюда ѣхавшіе курьеры или перехвачены или самосвоевольно у нихъ явились, да и слышно было, что для перехвата ихъ за Вязовскимъ редутомъ на рудникахъ поставлена у нихъ застава, гдѣ для пристража такихъ вдушихъ съ депешами содержится у нихъ караулъ. Слышно было еще, что одинъ Оренбургскій казакъ, прѣѣзжавшій изъ Илецкой Защиты съ провіантомъ, и вчера туда обратно съ другими отправленный, бѣжалъ къ злодѣямъ, о коемъ извѣстно было, что онъ съ братьями своими по ихъ поступкамъ признаваемъ было за весьма худого человекъ. Поутру примѣчено было нѣсколько злодѣевъ, ѣхавшихъ изъ Берды толпами къ Чернорѣченской крѣпости, а потомъ усмотрѣвъ по правую сторону Берды, близъ Маячной горы, новый у нихъ форпостъ, на коемъ во весь день стояло конныхъ людей человекъ до 100, а на самой высотѣ той горы поставленъ былъ караулъ человекъ до пяти; слышно было, что то слѣзали они для предосторожности и для какого нибудь ожиданія; иные говорили, якобы видѣли нѣсколько шляховъ ихъ по дорогѣ къ Илецкой Защитѣ, и поутру будто бѣ слышна была въ Бердской слободѣ пушечная и ружейная пальба.—16 числа ничего особливаго было не видно, кромѣ того, что на вышеозначенномъ новомъ злодѣйскомъ форпостѣ и сего-дня находилось человекъ до 70. По свидѣтельству жъ нарочно посланныхъ за рѣку Яикъ Яицкихъ казаковъ найденъ злодѣйскій слѣдъ прямо къ Илецкой Защитѣ, по коему-де шло ихъ человекъ до 400, или и болѣе, при чемъ имѣли они и сани, а потому и дознавались, якобы везли они и пушки; но не поворотились ли они отошедъ за Сыртъ вправо къ Илецкому городку, или устремились на Илецкую Защиту,—сіе осталось въ неизвѣстности.—17 числа ничего невозможно было усмотрѣть за бывшею великою непогодью.—18 числа ничего особливаго кромѣ двухъ злодѣйскихъ форпостовъ, примѣчено не было. Изъ города выслано было за рѣку Яикъ казаковъ для осмотра воровскихъ шляховъ, которые, возвратясь, сказывали, что прежде усмотрѣнный въ Илецкую Защиту шляхъ назадъ еще не пришелъ.—19 числа ничего примѣчено не было, кромѣ сего, что новоучрежденный злодѣйскій на Маячной горѣ форпостъ сего-дня казался не столько многлюденъ, какъ прежде. Одинъ Яицкій казакъ, вчера за сѣномъ побѣхавшій, не возвратился, а потому и узнали, что онъ ушелъ къ злодѣямъ въ Берду.—20 числа поутру оказалось злодѣевъ немалое число ѣхавшихъ на Маячной горѣ, подъ которую они и спустились. Людство все ихъ было, по примѣчанію, тысячи полторы; но къ обѣду всѣ возвратились они въ

Берду. Послѣ полудня, часу во 2-мъ и въ 3-мъ еще они на ту жь гору пошли; на казалося, что людство ихъ было болѣе, и многіе изъ нихъ, спустясь подъ гору, перешли чрезъ рѣку Яикъ и тамъ остановились, будто бы въ ожиданіи чего нибудь, тремя толпами противъ Маячной горы. Между тѣмъ со стороны Илецкой Защиты показались чернѣ слѣдующихъ оттолъ людей, кою признавали за людей, спускающихся съ тамошнихъ высотъ, но точно разсмотрѣть и узнать было не можно: сперва за дальностію, а потомъ за великимъ снѣгомъ и бураномъ. Злодѣи въ вышеозначенныхъ толпахъ за рѣкою Яикомъ стояли до самой темной ночи; послѣ сказывали, яко бы часу въ 8-мъ или 9-мъ вечера слышны были тамъ на степи три или четыре выстрѣла изъ пушекъ; но изъ города по симъ примѣченнымъ обстоятельствамъ никакой высылки и провѣдыванія учинено не было.—21 числа, за великимъ сего числа бывшимъ туманомъ, съ злодѣйской стороны ничего усмотрѣть было не можно; только слухъ пропесся въ городѣ, яко бы вчера за Яикъ выѣзжавшіе злодѣи ѣздили для встрѣчи посланныхъ въ Илецкую Защиту своихъ сообщниковъ, и будто бы оные, бывши тамъ, тою Защитою подлинно овладѣли, а предводителемъ-де былъ у нихъ вышеупомянутый сызочный Хлопуша.

85) Съ 22 по 27 число было спокойно, а того числа злодѣи въ немалой партіи подбѣгали къ городу, но не получая никакой удачи, пушечными съ вала выстрѣлами отражены и возвратились въ гнѣздо ихъ. Съ городской стѣны выпалено въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами 1, да съ картечами 1 зарядъ; а 28-го и 29 было спокойно.

Къ тѣмъ съ 22-го по 29-е число изъ частныхъ записокъ въ прибавленіе принадлежить сіе, что 22 числа, поутру часу въ 6-мъ, слышны были въ Бердской слободѣ три выстрѣла пушечныхъ, изъ-за чего и признавали: не будетъ ли въ сей день отъ злодѣевъ двоекратное устремленіе къ городу, которое и было сперва поутру часу въ 10; людства ихъ было тутъ до 100; подбѣхавъ они къ тому мѣсту, гдѣ навозъ вываливаютъ, остановились, и человѣка два-три побѣхавъ ближе къ городу, повѣсили на палкѣ мѣшечекъ съ письмами: тутъ были партикулярныя письма, всѣ распечатанныя, и нѣсколько пустыхъ распечатанныхъ пакетовъ, подписанныхъ рапортами и сообщеніями, знать въ томъ видѣ, дабы знали въ городѣ, что они имѣютъ способы всѣхъ отправленныхъ отсюда и сюда курьеровъ перехватывать. Между оными найдено еще злодѣйское письмо, наполненное самыхъ ругательныхъ и пьяныхъ выраженій, съ угрозами Губернатору, ежели городъ въ ихъ руки не будетъ отданъ. Послѣ полудня часу во 2-мъ еще оказались они злодѣи, выѣзжающіе изъ-за Маячной горы къ кирпичнымъ сараямъ; было ихъ всѣхъ въ разныхъ небольшихъ толпахъ отъ 70 до 80 человѣкъ, изъ коихъ человѣкъ до 10-ти выѣзжали ближе къ городу, а потому для переговоровъ съ ними и выслано было изъ нерегулярныхъ людей человѣкъ до 20-ти; но какъ въ толпы ихъ съ вала отъ Водяныхъ воротъ сдѣлали выстрѣловъ до 50-ти, и одно ядро легло подъ самой толпой и снѣгъ сильно взбросило <нѣкоторые сказывали, что убито имъ одинъ или два, а другіе сіе отрицали>, то всѣ они и начали отдаляться, а потомъ, немного постоявъ на одномъ мѣстѣ, и отбѣхали въ Берду. Выѣхавшіе изъ города увѣрили, что при семъ случаѣ предводитель злодѣевъ Пугачевъ самъ былъ, и яко

бы онъ вчерашняго числа съ малымъ людствомъ возвратился въ Берду. Вечеру и ночью разѣзжавшіе на той сторонѣ рѣки Яика Башкирцы и Татары, сообщники злодѣевъ, паѣхали на бывшихъ тамъ городскихъ рыболововъ, коихъ они хотѣли забрать и увести въ Берду; рыбаки, для спасенія своего, сказали имъ, что они сами давно желаютъ тамъ быть, и совѣтовали, чтобъ забрать еще неподалеку отъ нихъ находящихся рыбаковъ же. И какъ злодѣи за оными въ почную темноту побѣхали, а при сихъ оставили одного ясачнаго Татарина, съ тѣмъ, чтобъ онъ гналъ ихъ въ Берду, ибо тѣ рыбаки старые и малолѣтныя: то будучи они съ тѣмъ Татаринкомъ на дорогѣ и усмотря, что онъ, слѣзши съ лошади, за усталостію ея, шелъ иѣшкомъ и былъ только одинъ, то давъ ему ударъ пѣшиною и связавъ его, привели въ городъ съ имѣющеюся при немъ лошадыю и отдали подъ караулъ въ Губернскую Канцелярію.—23-го чрезъ допросъ вышеозначеннаго ясачнаго Татарина увѣдомлено въ городѣ, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ къ находящимся въ Бердѣ сообщникамъ его полниною пріѣхалъ, но въ такомъ малолюдствѣ, что возвратилось съ нимъ не болѣе 10-ти человѣкъ; былъ-де онъ подъ Бузулукскою крѣпостію, для воспріятствования походу слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, отъ коихъ онъ при неоднократныхъ сраженіяхъ разбитъ, и имѣвшаяся при немъ артиллерія отнята, да и самъ онъ яко бы едва спасся. Слухъ о завладѣніи Илецкой Защиты ходившими тутъ злодѣями, и что у нихъ предводителемъ тутъ былъ часто упомянутый сызочный Хлопуша, какъ онымъ Татаринкомъ, такъ и отъ многихъ еще подтвержденъ: по завладѣніи-де сею Защитою, всѣмъ имъ злодѣямъ тамошніе сызочные немало способствовали, оставили они злодѣи свой тамъ караулъ, офицеровъ-де тамошнихъ они побили, кромѣ одного <кого имени онъ Татаринъ не зналъ показать>, да и сего оставили они живъ по просьбѣ тамошнихъ рабочихъ сызочныхъ. Изъ побѣхавшихъ сего числа за сѣномъ слугъ нѣсколько человѣкъ позади Нѣжинскаго редута злодѣями захвачено и увезено.

86) На 24-е число въ ночи бѣжалъ въ злодѣйскій лагерь одинъ Яицкій казакъ, а поутру выѣхавъ отъ злодѣевъ канонеръ, по прозванію Макаровъ, имѣвшій въ городѣ жену и дѣтей. Онъ командированъ былъ отсель съ Бригадиромъ Бѣловымъ, и по разбитіи его Бѣлова съ командою захваченъ злодѣями, и находился у нихъ всегда при пушкахъ. Чрезъ допросъ его извѣстно стало, что злодѣи Пугачевъ возвратился въ Берду въ предварившую Пятницу только въ 10 часовъ-какъ; ходилъ онъ съ сообщниками своими тысячахъ въ трехъ и болѣе на встрѣчу слѣдующихъ въ Оренбургъ командъ, изъ коихъ съ одною, идущею сюда подъ командою Г. Генералъ-Маіора Мансурова, имѣлъ онъ сраженіе между Бузулукскою и Тодскою крѣпостями. Сіа-де команда, имѣя немалое число военныхъ людей на лыжахъ, завела ихъ низкими мѣстами такъ, что они, зашедъ съ тылу злодѣевъ, и прочихъ, такъ ихъ притѣснили, что едва не всѣ они остались или побитыми или переловленными; самъ-де Пугачевъ спасся уходомъ, какъ выше значить, съ малолюдствомъ; о чемъ-де онъ Макаровъ извѣстенъ отъ тѣхъ прибывшихъ съ нимъ людей; третьяго же дня, то есть въ Субботу, выѣзжалъ онъ Пугачевъ съ сообщниками своими самъ для осмотра мѣстъ, гдѣ ему во время приступа къ городу сдѣлать свои батареи, и на-

мѣрене-де полагаѣтъ въ сегодняшнюю или въ завтрашнюю почу, а конечно уже на сей недѣлѣ, всѣми нынѣ при немъ имѣющимися силами приступать къ городу; объ Илецкой Защитѣ подтвердилъ онъ Макаровъ почти все то жъ, что вчера пойманный Татаринъ въ допросѣ своемъ показалъ. Провіанта-де предводитель злодѣевъ Хлопуша ничего съ собою оттуда не привезъ; забралъ-де только тѣхъ людей, коихъ они въ своихъ злодѣйствахъ употребляютъ могутъ, а прочихъ всѣхъ, также и стариковъ, оставилъ онъ Хлопуша тамъ; но Пугачевъ якобы весьма злобился за то, для чего безъ вѣдома и безъ приказа его сіе мѣсто разорили, къ чему онъ никогда намѣренія не имѣлъ, почтая его нужнымъ государственнымъ дѣломъ. По имѣющимся-де у злодѣевъ извѣстіямъ, Генералъ-Маюръ Фреймацъ якобы и понынѣ находится еще въ Бугульмѣ для прикрытія тамошней стороны, а вышеозначенная-де по Сакмарѣ рѣкѣ слѣдующая команда, у коей командиромъ Генералъ-Маюръ Мансуровъ, можетъ сюда прибыть не прежде, какъ развѣ на первой недѣлѣ поста; сообщники-де его Пугачева болѣе совѣтуютъ ему, чтобъ идти противъ оной команды еще, но онъ, не согласуясь, увѣряетъ ихъ, что она и безъ того въ руки ему достанется. Провіанта-де запасеннаго ничего у нихъ нѣтъ, а довольствуются больше привозимымъ съ новой Московской дороги изъ уѣзда, который высыпаютъ оттуда нарочно посланные туда злодѣи, а для вольной продажи, по причинѣ многихъ грабительствъ, песьма-де уже мало привозятъ. Пушекъ разныхъ калибровъ за утратою понынѣ еще имѣется у нихъ въ Бердѣ до 70-ти, по въ томъ числѣ немалая часть малыхъ и неспособныхъ, взятыхъ съ заводовъ; порохъ и ядра имѣютъ они забранные съ разныхъ заводовъ, и въ томъ онъ Макаровъ не признаетъ еще быть оскуднѣнію. Способъ къ уходу своему нашелъ онъ чрезъ сіе, что выпросился яко бы для печенія хлѣбовъ въ Чернорѣчье, а оттуда и пробрался онъ сюда, идучи ночью порою, пизменными мѣстами, но съ преведикимъ затрудненіемъ.

87) На 25 число въ ночи хотя и ожидали злодѣйскаго приступа къ городу, по онаго не было, да и чрезъ весь день со стороны ихъ ничего не примѣчено. Самый ихъ главный ертаулъ или форпостъ столь малолюднъ казался, что не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ при ономъ находилось.—26 числа со стороны злодѣевъ ничего жъ было не видно и не слышно, а 27 числа по резолюціи Г. Губернатора выпущены за городъ Байрекинскій торговый Татаринъ Аитъ Усеевъ <провіантскій соляной подрядчикъ> съ сыномъ его Абсаломомъ и съ ихъ семействомъ, да бывшій переводчикъ Мансуръ, и еще разные Татары, всѣхъ на все до 40 человѣкъ, по ихъ прошеніямъ, чтобъ имъ какъ нибудь пробираться въ ихъ жительства чрезъ Бердскую слободу; они подъ оною слободою встрѣчены были злодѣями, коихъ примѣчено было человѣкъ до 30-ти, кои, окружа ихъ, спустились съ ними съ той слободы; трое изъ оныхъ злодѣевъ, побѣхавъ ближе къ городу, кричали, чтобъ выслать къ нимъ изъ города торговыхъ людей больше: они-де намъ надобны, угрожая приступомъ къ городу, а притомъ ругаясь, кричали, что-де городскихъ мы вашихъ капкановъ <о коихъ выше сего упомянуто> не боимся: они-де намъ вредить не могутъ, сколько бъ ихъ разставлено ни было. Часу въ 9-мъ послѣ полудня ушла съ вала къ злодѣямъ одинъ солдатъ, да Татаринъ, почему и выпалено было съ вала раза

три изъ пушекъ, а чрезъ то въ городѣ многіе были потревожены; въ 12 часу послѣ полудня якобы примѣчены были позадь Чернорѣчья ракеты, по догадкамъ признавали оныя пущенными отъ слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, что якобы и вчерашняго числа ночью примѣчено. 28 числа послѣ полудня выбѣжало злодѣевъ на степь человѣкъ до 20-ти, изъ коихъ двое, приближась нѣсколько къ городу, повѣсили на палкѣ мѣшечекъ, въ которомъ, сказывали, что положены были письма; они потомъ хоти и взяты были въ городъ, но содержаніе ихъ было неизвѣстно. А чтобъ злодѣи пустыми и возмущающими народъ угрозами близко къ городу не подлѣзали, для того выпалено по нимъ изъ двухъ пушекъ, почему всѣ они назадъ и отворотили. Послѣ полудня выбѣжалъ отъ злодѣевъ Оренбургскій казакъ Жмуркинъ, захваченный ими въ Илецкой Защитѣ, гдѣ соль добываютъ, который сего жъ вечера въ Губернаторской Канцеляріи и допрашиванъ. Часу въ 10-мъ вечера позади Чернорѣчья якобы еще примѣчено было пущенныхъ ракетъ до 50-ти, а притомъ говорили еще, что злодѣи, усмотря ракеты, пущенныя сей ночи въ городѣ, и у себя въ Бердѣ бросали головни, въ томъ видѣ, чтобъ оныя почтены были за ихъ ракеты.

Часть VII — *Продолженіе Оренбургской осады, бывшій на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу и друія притягоченія, Марта съ 1 Апрѣля по 7 число 1774 года.*

NB. Попече экстрактъ или журналъ Губернаторской Канцеляріи чрезъ весь сей Мартъ весьма уже кратко сочиненъ и состоитъ только въ трехъ листахъ, того ради разсудилъ я весь оный внести здѣсь напередъ, не раздѣляя показанныхъ въ немъ чиселъ, внесеніемъ подъ оныя допознѣнія изъ частныхъ записокъ и извѣстій, какъ то выше сего чинено; а подъ тѣмъ внесены будутъ сряду и оныя записки, продолженныя по 6 число Апрѣля, которымъ Оренбургское осадное время кончилось.

88) 1 числа Марта злодѣи въ близость города противъ пушечнаго двора въ нѣкоторомъ количествѣ для переговоровъ подлѣзжали, но учиненными съ городской стѣны выстрѣлами изъ пушекъ прогнаны.—Со 2-го и по 7 число было спокойно; только между тѣмъ по полученному отъ Г. Полковника Демарина рапорту о медлительномъ доставленіи въ Озерную крѣпость Г. Генералъ-Маюромъ Станиславскимъ для отправленія въ городъ Оренбургъ провіанта, предложено къ помянутому Генералъ-Маюру и къ нему Демарину: первому, чтобъ онъ изъ того провіанта доставлялъ, какъ возможно, старался отправлять и тѣмъ здѣшнюю крайность уменьшитъ; а Демарину, чтобъ и онъ скорѣйшимъ того провіанта доставленіемъ содѣйствовалъ; причемъ и къ Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру Декалонгу, въ слѣдствіе прежнихъ неоднократныхъ о доставленіи сюда изъ Исетской провинціи провіанта ежели даѣне не можно, то хотя да Орской крѣпости сообщено. *)

*) Не только во все осадное время, но и чрезъ все сего года лѣтнее время съ сей стороны и отъ помянутыхъ Генераловъ, равно жъ и отъ Полковника Демарина, провіанта ничего въ привозѣ не было.

Съ 7-го по 23 числа Марта было спокойно, а послѣдняго числа, чрезъ выбѣжавшаго изъ злодѣйской толпы Яндкихъ казаковъ Сотника Логинова увѣдомленосъ, что корпусомъ войскъ Ея Императорскаго Величества, подъ предводительствомъ Г. Генераль-Маіора Князя Голицына, наискорѣннѣе сей злодѣйской толпы слѣдовавшимъ, самъ злодѣй, тысячахъ въ девяти, въ Татищевой крѣпости засѣвшій, разбитъ и только самъ-пять съ нимъ Логиновымъ нашель случай убѣжать въ гнѣздо свое, въ Бердскую слободу, старался притомъ, какъ сверхъ его Логинова, и выбѣжавшіе увѣрали, со всею своею кучею принять другія къ укрывательству своему мѣры; однако жъ, чрезъ высланную отъ Губернатора въ Берду, за немѣнѣемъ конницы пѣхотную, человекѣхъ въ 600 команду будучи приведенъ въ крайнее замѣшательство, единственно съ вѣрными ему человекѣми въ двухъ тысячахъ, забравъ лучшее имущество и десять пушекъ, бѣжалъ чрезъ пазываемый Обшій Сыртъ, и шатается въ степи; а между тѣмъ объявленная здѣшняя команда, занявъ Бердскую слободу, тотчасъ получила оставшихся отъ него разнаго сорта, въ томъ числѣ и вновь на заводахъ имъ Пугачевымъ по своей модѣ налитыхъ, съ пятьдесятъ артиллерійскихъ орудій съ припасами, да нѣсколько провіанта, которымъ какъ и подвознымъ при корпусѣ гарнизонъ и гражданство возымѣли нѣкоторое удовольствіе, да и пѣхотниковъ разнаго званія людей, оставшихся отъ него злодѣя, къ той здѣшней командѣ пришло и явилосъ до 1000 человекѣхъ; а на 24 число и отъ Г. Генераль-Маіора и Кавалера Князя Голицына получено сообщеніе, что онъ съ вѣрнымъ ему корпусомъ достигъ до Татищевой крѣпости и вышеописанное злодѣйской толпѣ поражение учинилъ, въ коей-де, по объявленію пѣхотныхъ, было не менѣе девяти тысячъ выбранныхъ и отчаянныхъ злодѣевъ, при чемъ-де ихъ побито до двухъ тысячъ, да и въ пѣхотѣ взято 3000 человекѣхъ, и 36 орудій въ добычу получено, только-де самъ злодѣй Пугачевъ могъ отъ того уйти, потому что кавалерія, за усталостію лошадей и отъ форсированнаго марша и глубокихъ снѣговъ, какъ и продолжительнаго сраженія, не могла сего бѣглеца достигъ, хотя преслѣдованіе было 20 верстъ. Получа сие увѣдомленіе, Губернаторъ тотчасъ не оставилъ для свѣдѣнія сообщить къ Гг. Генераль-Поручику и Кавалеру Декалонгу и Генераль-Маіору Станиславскому, да и къ Полковнику Демарину, равно и въ другія мѣста предложилъ, а притомъ, по требованію означеннаго Г. Генераль-Маіора Князя Голицына, для примѣчанія и преграды пути его злодѣя, учреждены отъ Оренбурга до Рычковского хутора, близъ Татищевой крѣпости имѣющагося, и между Сеитовой слободы, Берды и Сакмарскаго городка, далѣе жъ и по новой Московской дорогѣ до деревни Беккуловой, изъ казаковъ и Сеитовскихъ Татаръ развѣзды; сверхъ того о поимкѣ его злодѣя, съ общаємъ отъ его сіятельства Г. Генераль-Фельдмаршала и Кавалера Графа Захара Григорьевича Чернышева, кто оное учинить, даги въ награжденіе 10,000 рублей, во всѣхъ мѣстахъ опубликовано. и хотя Губернаторъ, къ пресѣченію злодѣйскихъ предпріятій, вышеописанную преграду чрезъ разосланныхъ, сколько собратся могло, конныхъ нерегулярныхъ съ нѣсколькими пушками учредить, но, къ крайнему прискорбію, услышавъ чрезъ посланнаго отъ него къ Сеитовой Татарской слободѣ къ привозу въ городъ провіанта нароч-

наго Татарскаго Старшину, помянутый злодѣй со всею толпою, которая слѣдовала, пѣхоты во всю ночь дѣликомъ, миновавъ новорозосланные пикеты, пришли въ ту Сеитову слободу, отъ которой видѣны были мѣстахъ въ трехъ пожарахъ; слѣдовательно и заключается, что болѣе стремленіе сего злодѣя клонилось внутрь Башкиріи; а какъ, по немѣнѣю конныхъ войскъ и по ослабленію отъ продолжавшихся блокады и голода пѣхоты, поимку учинить былъ отсюда не въ состояніи, наипаче жъ, что и внутри было не безъ опасности, то реченному Г. Генераль-Маіору и Кавалеру отъ 27 Марта сообщено и прошено, дабы благоволилъ онъ къ преслѣдованію того злодѣя поспѣшествованіемъ вѣранныхъ ему войскъ не оставить; между чемъ помянутый злодѣй, не находя къ укрывательству своему прибѣжища и учиня въ Сеитовой слободѣ Татарамъ разнаго рода злодѣйства и набравъ тотчасъ изъ околныхъ мѣстъ въ толпу свою разнаго званія людей, то есть, Башкирцевъ, заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и прочихъ тысячи съ четыре, засѣлъ было въ Сакмарскій казачій городокъ: однако въ ономъ поспѣшавшимъ по вышеиспанному сообщенію въ командѣ реченнаго Г. Генераль-Маіора и Кавалера detachmentомъ *) атаковать и совершенно разбить. Итакъ вся его измѣнническая толпа сколько захватомъ живыхъ, а не менѣе и побитіемъ, совсѣмъ истреблена: только самъ онъ злодѣй съ малымъ числомъ сообщниковъ его паки укрылся и бѣжалъ въ Башкирію, гдѣ однако жъ отправленными за нимъ легкими войсками преслѣдуется; а къ тому и пришедшіе въ раскаліе Старшины къ поимкѣ его общимъ увѣщаніемъ побуждаются, и уповательно ими упущенъ не будетъ, а чрезъ то и прежне народное спокойствіе и тишина совершенно возстановится можетъ, въ разсужденіи которой Губернаторъ по должности своей всевозможно упражняется. И такъ теперь городъ Оренбургъ, по одержанной подъ предводительствомъ помянутаго Г. Генераль-Маіора и Кавалера войскомъ надъ злодѣемъ совершенной побѣдѣ, отъ угрожаемой опасности и тѣсноты получилъ свободу, и граждане тѣмъ вѣще обрадованы, что отъ шести-мѣсячнаго страданія въ пропитаніи, достигли вдругъ стараніемъ его Г. Генераль-Маіора и Кавалера, хлѣбнаго, хотя не изобильно, но нѣкотораго удовольствія, а гарнизонъ полнаго трамонта. Сіе есть все то, что въ журналѣ Губернаторской Канцеляріи внесено: здѣсь въ дополненіе его вносятся безпрерывно уже приватныя записки и извѣстія, по самое окончаніе оныхъ, слѣдовательно и Оренбургской осады.

89) На 1 число Марта съ вечера слышны были въ злодѣйскомъ лагерѣ три или четыре выстрѣла пушечныхъ. Изъ допроса вышеозначеннаго казака Жмуркина слышно было слѣдующее: злодѣи въ Пледкой Защитѣ приступъ сдѣлали на разсвѣтѣ дня; во время утрени подошли они съ той стороны, гдѣ добываніе соли происходитъ, овладѣвъ всѣми дворами, въ которыхъ живутъ

*) Ниже сего изъ приватныхъ записокъ и извѣстій, обстоятельнѣе жъ изъ прибавленія къ сему описанію, упомяннаго изъ журнала его сіятельства Г. Генераль-Маіора и Кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, явствуетъ, что при семъ послѣднемъ пораженіи злодѣя Пугачева былъ самъ его сіятельство, также и Г. Генераль-Маіоръ Фрейманъ, и проч.

своекоштные, кои подошли почти къ самому ослоту той Защиты, отъ котораго они въ Защиту, изъ имѣвшихся при нихъ пушекъ и ружей стрѣляли стали. Находившіяся тамъ регулярная и нерегулярная команда, хотя нѣсколько и стала было обороняться, но превосходному злодѣевъ людству долго противиться не могла, а особливо когда содержавшіеся въ командахъ скованные ссылочные выводились, командовавшій-де тамъ Капитанъ Виравчевъ скоро былъ раненъ въ ногу и отлучился въ квартиру, а злодѣи, сообщась съ тѣми ссылочными и ворвавшись въ Защиту, овладѣли всѣмъ; помянутого Капитана Виравчева и бывшаго въ командѣ его Подпоручика убили до смерти, а находившагося съ стороны Солинаго Правленія при добываніи соли Капитана Ядринцова, хотя-де и наѣмлены они были повѣсить, но тамошніе своекоштные предводителя ихъ ссылочнаго Хлопушу упростили, а особливо уговорили его къ тому жена и сынъ онаго Хлопуши, давно уже въ той Защитѣ жившіе, оставить его живымъ, почему онъ и не умерщвленъ, а потомъ остригши ему Ядринцову волосы по казакки, велѣлъ-де онъ Хлопуша быть ему тамъ Атаманомъ или Сотникомъ. Хлѣбъ, имѣвшійся въ тамошнихъ магазинахъ, роздали они весь ссылочнымъ, а часть якобы взяли изъ него и съ собою. Тамошнюю регулярную команду, коей было не болѣе 70-ти да казаковъ около 120 человѣкъ, забрали они злодѣи и привели въ Берду, а изъ ссылочныхъ взяли однихъ тѣхъ, кои моложе, крѣпче и наѣмреніямъ ихъ надобны, престарѣлыхъ же и дряхлыхъ всѣхъ оставили тамъ; изъ пушекъ увезли три или четыре, да пороку около 20 пудъ. Всѣхъ злодѣевъ въ прѣздѣ туда было отъ 6-ти до 7-ми сотъ человѣкъ. По допросу того жъ казака Жмуркина, слышно было, якобы предводитель злодѣевъ наѣмреніе свое приступить къ городу отбавилъ, а вмѣсто того положилъ отправить изъ находящихся при немъ людей разныя партіи противъ идущихъ къ Оренбургу войскъ; да и примѣчено было, якобы двѣ злодѣйскія толпы пошлѣ къ Чернорѣчью, каждая людствомъ сотъ по пяти человѣкъ; впрочемъ неизвѣстно, по какому сумнительству или подозрѣнію оный казакъ Жмуркинъ не освобожденъ и въ домъ его не отпущенъ, но удержанъ былъ при Губернской Канцеляріи подъ карауломъ.

90) 2-го числа вышли отъ злодѣевъ одинъ сержантъ Бирскаго баталіона, оставшійся послѣ Полковника и Коменданта Чернышева, да двое гарнизонныхъ солдатъ, въ томъ числѣ одинъ захваченный при послѣдней изъ города высылкѣ; отъ нихъ слышно было, что предводитель злодѣевъ отправилъ пемалый обозъ на низъ съ разными своими и сообщниковъ своихъ пожитками, а куда, не знаютъ, а вчера-де послѣ полудня прибыло къ нимъ изъ Яицкаго городка тамошнихъ казаковъ и Казмыковъ съ ихъ женами и съ дѣтьми около тысячи человѣкъ, якобы для того больше, что, за непривозомъ туда хлѣба, не стало у нихъ провіанта. Всѣ они шли по за-Яицкой степи и рѣку-де Яикъ перешли близъ Чернорѣчья. Еще сказывали они, якобы и въ Бердскую слободу подвоза хлѣбнаго нынѣ нѣтъ. Часу во второмъ по полудни выѣзжало злодѣевъ около ста человѣкъ на Маячную гору, гдѣ стоявъ они не долго, возвратились опять въ Берду; сего же числа послѣ полудни выпущено за городъ для сбереженія хлѣба восемь человѣкъ

Касимовскихъ и другихъ Татаръ; сказывали, что послано съ ними къ злодѣямъ отъ Г. Губернатора увѣщательное письмо. Еще носился слухъ, будто бы трое или четверо Яицкихъ казаковъ, ходя по валу, считали разставленные около города пушки: почему, какъ подозрительные, отланы они подъ караулъ.—3 числа ничего особливаго примѣчено не было, и злодѣевъ, кромѣ малаго числа, на ихъ ертаулѣ было не видно: только увѣрили за подлинно, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ, будучи въ Яицкомъ городкѣ, женился на одной дѣвкѣ, дочери тамошняго казака и кузнеца, называемой Устиньей Петровою, которую знающіе люди почитали за великую тамошнюю волокиту *), и для сего-де у всѣхъ его сообщниковъ великая была тамъ попойка съ пушечною пальбою, а то жъ дѣлали и дѣвшіе злодѣи по полученіи обѣ попомъ вѣдомости. Еще говорили, якобы въ прошедшую ночь слышно было въ Бердской слободѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, будто бы видны были за Чернорѣчскую крѣпость пушечные ракеты; въ соотвѣтствованіе чего здѣсь въ городѣ пушено было ихъ 6 ракетъ.—4 числа поутру видно было Яицкихъ къ городу отъ Бердской слободы человѣкъ до пятидесяти: по они, не пользуясь близко къ городу, стоявъ на степи немного, возвратились назадъ. Еще сказывали, якобы три злодѣйскія толпы выѣхали Яицкихъ одна къ Чернорѣчью, а другая къ Губернаторскому хutorу и на тамошніе Сырты, а третья будто бы шла къ Сакмарску чрезъ Сыртъ и пробиралась къ Красногорской крѣпости; да и была молва въ городѣ, что предводитель злодѣевъ изъ Берды отлучился къ Яицкому городку, или навстрѣчу слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, а напередъ-де себя отправилъ онъ свой багажъ въ помянутый городокъ. Въ 9-мъ часу вечера пушено было 4 ракеты, а потомъ во 2-мъ часу по полудни якобы примѣчены были и позади Чернорѣчья четыре жъ ракеты.

91) 5 числа ничего особливаго не примѣчено, кромѣ сего, что одна толпа злодѣевъ, въ двухъ или трехъ стахъ человѣкахъ, во 2 часу по полудни, шла по той сторонѣ Сакмары рѣки къ Каргалинской слободѣ,—догадывались, не были ли то Башкирцы, пошедшіе отъ злодѣевъ въ свои дома; о предводителѣ злодѣевъ подтверждали и сегодня, что онъ изъ Берды отлучился, да и ертаулъ тамошній поутру только въ трехъ или въ четырехъ человѣкахъ казался.—6 числа поутру выѣзжало злодѣевъ на Маячную гору человѣкъ около ста; во всѣ они, стоявъ тутъ немного, возвратились назадъ къ Бердѣ.—7-го числа поутру и до полудня, за бывшею непогодью, ничего усмотрѣно не было; а послѣ полудня въ 4-мъ часу пришли на лыжахъ изъ Верхней-Озерной крѣпости 4 казака; по прѣздѣ ихъ увѣдомленось, къ великому обрадованію городскихъ жителей, что прибыло уже въ ту крѣпость изъ Орской крѣпости два обоза, за провожаніемъ легкихъ командъ, и еще обозъ оттуда ожидается, и какъ придетъ и непогодъ позатицетъ, то стануть оттуда отправлять провіантъ и

*) Сія самозванца Пугачева женитьба изъ-за живой жены, на которой онъ женился еще до побѣга своего съ Дону, которая понынѣ жива и находится съ пражитимъ отъ него Пугачева сыномъ, для облегченія его, въ Казани.

въ Оренбургъ *).—8-го числа послѣ полудня, по причинѣ хлѣбнаго недостатка, выпущено за городъ Татаръ и разныхъ рабочихъ людей 151 человекъ, кои всѣ пошли прямо къ Бердѣ; на встрѣчу имъ выѣхало злодѣевъ человекъ со 100, между ими жъ находился одинъ Оренбургскій казакъ, захваченный въ Илецкой Защитѣ. Сей, отбѣлся отъ злодѣевъ, вознамѣрился бѣжать въ городъ, за которымъ погнался было одинъ злодѣй изъ Яицкихъ казаковъ, который почитался за наѣздника и былъ свойственный находящемуся въ городѣ Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину; но потому, что онъ былъ очень пьянъ, изъ города жъ выпущены были, въ числѣ вышеозначенныхъ людей, два Оренбургские казака, съ тѣмъ чтобъ имъ побывать у злодѣевъ въ Бердѣ, а оттуда выдти въ городъ съ надобными объ нихъ извѣстіями; которые, усмотря удобный случай къ поимкѣ онаго злодѣя, и соединясь съ тѣмъ бѣжавшимъ въ городъ Оренбургскимъ казакомъ, его поймали и привезли въ городъ; чрезъ сего выбѣжавшаго и того пойманнаго злодѣя заподлинно увѣдомились, что начальника злодѣевъ въ Бердѣ нѣтъ, а уѣхалъ-де онъ на пизъ. Но какъ оный Яицкій казакъ безмѣрно былъ пьянъ, то затѣмъ сего числа и не допрашиванъ.—9-го числа поутру вышло изъ злодѣйскаго лагеря 5 человекъ, въ томъ числѣ одинъ Оренбургскаго гарнизона капралъ Добрынинъ, бывший въ командѣ Бригадира Билова; чрезъ нихъ и чрезъ допросы вышеозначенныхъ слышно стало въ городѣ, что начальникъ злодѣевъ, взявъ съ собою отборныхъ людей около 2000 человекъ и 10 лучшихъ артиллерійскихъ орудій, изъ Берды уѣхалъ, а куда, о томъ точно не знаютъ; нѣкоторые-де признають, что онъ пошелъ на встрѣчу слѣдующимъ къ Оренбургу войскамъ; другіе думаютъ, что пошелъ въ Илецкій городокъ, куда-де онъ всѣ свои пожитки напередъ послалъ; а иные еще мпили, яко бы онъ совсѣмъ на утекъ пошелъ, а куда, неизвѣстно. Предъ отбытіемъ-де своимъ, въ почное время, приказалъ онъ задавать изъ главныхъ и войсковыхъ своихъ начальниковъ Подковника Лысова, который его злодѣй при раздѣлѣ добычи, помянутый Лысовъ тотъ самый, который при немъ и безъ него всѣ воинскіе наряды и распоряженія дѣлалъ, да и въ войскѣ Яицкомъ былъ онъ не безъ знати, затѣмъ-де днемъ и публично умертвить онъ его не отважился **); между всѣми-де въ Бердѣ находящимися злодѣями, яко бы началось и происходить несогласіе; часто случаются смертоубійства, а суда и расправы за то никакой нѣтъ. Послѣ полудня, часу въ 3-мъ, выбѣжалъ еще отъ злодѣевъ Оренбургскій казакъ, прозваніемъ Пермяковъ; онъ посланъ былъ отъ Г. Губернатора въ Верхнюю-Озерную крѣпость съ письмами, и захваченъ былъ злодѣями назадъ тому недѣль шесть, сказывалъ, что съ нимъ сегодня

*) Но отсюда и ни откуда съ сей стороны, кромѣ одной Илецкой Защиты, съ тѣмъ выше сего упомянуто, не только провіантскихъ обозовъ, но и ни малата числа хлѣбнаго привоза не было.

**) О семъ Лысовъ сказывали еще, яко бы онъ и Пугачевъ ѣхали изъ Каргалинскій слободы пьяные самъ-третьей, и тутъ разбранись, другъ друга ругали, изъ-за чего Лысовъ, поотставъ и наскочавъ, ударилъ Пугачева копыемъ въ спину, и хотя-де онъ сшибъ его съ лошади, но поранить-де его не могъ, затѣмъ что онъ былъ въ панцырѣ; потомъ Пугачевъ притворно съ нимъ помирился, вѣстѣ еще пили, а ночью яко бы и приказалъ онъ его удавить.

послѣ обѣда бѣжало-было еще пять человекъ, по оныхъ, нагнавъ, злодѣи возвратили назадъ, а онъ имѣвъ подъ собою лошадей по-лучше, уѣхалъ впередъ и спасся отъ ихъ поимки; болѣе ничего невозможно было увидѣть, потому что допросы вышебѣгающихъ отъ злодѣевъ, пойманныхъ, со вчерашняго дня начали производить, и оныхъ людей содержать въ Губернаторскомъ домѣ, а не въ Губернской Канцеляріи *).—10-го числа, кромѣ малолюднаго злодѣйскаго ертаула, подъ Бердою ничего примѣчено не было; чрезъ вышеозначенныхъ же выходцевъ и пойманнаго злодѣя пронесся чудный слухъ, якобы въ помянутой слободѣ, при которой въ буеракахъ находится великое множество мертвыхъ тѣлъ, побитыхъ и удушенныхъ злодѣемъ, оказываются частыя привидѣнія, и тревожатъ ихъ обличеніемъ о своей невинности и о ихъ варварствахъ, да и требуютъ погребенія тѣлъ своихъ въ землю; а затѣмъ-де злодѣи въ почное время и за водою на рѣку Сакмару не только по одиночкѣ, но и малолудно уже не ходятъ, да и во снахъ-де онымъ злодѣямъ съ такими представленіями кажутся. Однажды, якобы, такъ они въ почное время чрезъ то встревожились, что возмечтавъ, будто наступаютъ на нихъ военные люди, стрѣляли изъ пушекъ. Ежели сіе справедливо, то безъ сомнѣнія происходило въ нихъ отъ воображенія, въ разсужденіи многихъ ихъ злодѣйствъ, чему движеніе ихъ совѣсти и всегданнее пьянство наибольшее могло быть причиною. — 11-го числа до полудня ничего особливаго не примѣчено, а послѣ полудня нѣсколько злодѣевъ прѣѣхало въ разныхъ толпахъ отъ Чернорѣченской крѣпости въ Бердскую слободу; но всѣхъ ихъ признавали не болѣе трехъ или четырехъ сотъ человекъ; притомъ сказывали, яко бы еще и вчера такіе же толпы и отсюда въ ѣдущіе были видны; догадывались, не послѣ ль сраженія съ идущими къ городу командами оныя толпы возвращались назадъ, или то были Башкирцы, возвращающіеся въ дома свои.

92) 12-го числа ничего было не видно, кромѣ сего, что со стороны Чернорѣченской крѣпости и сегодня отъ 50-ти до 60 человекъ примѣченны ѣдущіе въ Берду.—13-го числа то только слышно было, что выбѣжало злодѣевъ на Маячную гору отъ 10 до 15 человекъ, и тутъ постоявъ немного, возвратились назадъ въ Бердскую слободу.—14-го числа, за бывшимъ свѣдомъ, видѣть ничего было не можно. На 15-е число въ ночи вышли отъ злодѣевъ одинъ Артиллерійскій капралъ да капоперъ, захваченные къ нимъ въ командѣ покой-

*) Былъ въ сей день письменный приказъ отъ Г. Губернатора, для опубликованія въ городѣ, что корыстолюбные лихоимцы, имѣя у себя хлѣбъ и не взирая на великую народную нужду, продаютъ печенаго хлѣба одинъ фунтъ по 30 и по 40 коп. <что четверть муки уже выше ста рублей сочиняется>, съ наискрѣчайшими увѣщаніями и подтвержденіями, дабы оныя корыстолюбцы отъ столь безсовѣстныхъ продажъ воздержались, и продавали бы хлѣбъ цѣною умѣренною; при такой чрезвычайной дороговизнѣ на хлѣбъ въ поспорѣ онаго промышленнъ былъ способъ отъ одного находящагося въ Оренбургѣ Вольнаго Экономическаго [Общества] члена, какъ употребляютъ въ пищу, то есть въ печенье и варенье говяжьи и бараньи кожи, да и довелъ онъ до того, что на базарахъ сію новую пищу продавать стали противъ хлѣба гораздо меньшую цѣною; о которомъ способѣ здѣсь для того не распространяется, что онъ по представленію того члена напечатанъ уже въ изданіи помянутого Общества.

наго Бригадира Билова, да 4 человекъ изъ дворовыхъ людей; чрезъ нихъ слышно стало въ городѣ; якобы предводитель злодѣевъ имѣлъ двоекратное сраженіе съ идущими къ Оренбургу передовыми командами, разбитъ, и пошелъ-было на утекъ къ Илецкому городку, съ намѣреніемъ пробраться оттуда на Яикъ, но на переходѣ-де его отправлена одна команда изъ Ново-Сергіевской крѣпости прямою дорогою къ тому городку, которая его въ ономъ атаковала, и держитъ тутъ въ осадѣ до прибытія другой команды. туда жъ слѣдующей изъ Яидкаго городка, а передовыя-де войска вступили якобы уже въ Татищеву, въ Нижнюю Озерную и въ Разсыпную крѣпости, и такъ оный злодѣй со всѣхъ сторонъ сталъ окруженъ; отсюда изъ Берды хотя-де онъ и требовалъ въ подмогу артиллеріи, но оная-де къ нему не послана, затѣмъ, что дорога уже заперта и пробѣхать не можно; въ лагерѣ-де злодѣйскомъ, то есть въ Бердѣ, въ пропитаніи всѣ люди претерпѣваютъ крайнюю уже нужду, и подвозу хлѣбнаго ни откуда нѣтъ. Предъ полуднемъ видно было идущихъ изъ Бердской къ Каргаинской слободѣ человекъ до 500; признавали ихъ за Башкирцевъ, пошедшихъ въ Башкирію, въ свои дома. На Маячной горѣ появилось злодѣевъ человекъ отъ 10-ти до 15-ти, съ одною значкою, которые пемного постоявъ тутъ и выпала нѣсколько изъ ружей, уѣхали въ Берду. Догадывались, что они выѣзжали для какого нибудь пристража; еще сказывали, что въ Бердской слободѣ слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ: признавали, что то чинено злодѣями по причинѣ великаго имѣющагося у нихъ пьянства.—16-го числа, передъ утромъ, выѣхалъ изъ злодѣйскихъ рукъ Московскаго легіона Корнетъ Пустоваловъ; онъ и еще два офицера отпущены были изъ оного легіона, по ихъ прошенію, въ дома ихъ, и ѣдучи изъ Симбирска къ Кичуйскому фельдшанцу, близъ оного перехвачены въ Берду 1-го числа Января; предводитель злодѣевъ сперва велѣлъ было ихъ умертвить, но отведенъ отъ того его сообщниками, и такъ-де онъ приказалъ ихъ остричь, сказавъ, чтобъ они служили ему вѣрою и правдою; товарищи-де его находились въ Пречистенской крѣпости въ вѣдомствѣ Поручика Шванвича, который опредѣленъ тамъ отъ злодѣя атаманомъ, а онъ Пустоваловъ находился въ Бердѣ, и на сихъ дняхъ посланъ былъ въ Чернорѣченскую крѣпость для печенія хлѣбовъ, которые испекши тамъ, умыслилъ съ имѣвшимися при немъ двумя солдатами и однимъ слугою уѣхать въ Оренбургъ, да и пріѣхали къ городу на двухъ лошадахъ съ тѣмъ хлѣбомъ, который они, будучи въ Бердѣ, заготовили. Поутру вышли еще оттуда казачій капралъ, захваченный злодѣями въ Илецкой Защитѣ самъ-третій; были они тамъ для печенія жъ хлѣбовъ, которые съ собою жъ на салазкахъ и привезли; чрезъ нихъ подтвердилось вчерашнее о Пугачевѣ извѣстіе, что его въ Бердѣ подлинно нѣтъ, и что онъ, по разбитіи его отъ слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, ушелъ къ Илецкому городку и тамъ атакованъ. Въ Бердской слободѣ главными имѣются Яидкій казакъ Шигаевъ, вышеупомянутый сысочный Хлопуша, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Подуровъ, который у злодѣевъ произведенъ Полковникомъ, да Оренбургскихъ же казаковъ недавно бѣжавшій туда изъ послѣдней въ Илецкую Защиту послыки казакъ Семейновъ, великій воръ и конокрадъ; они, получа вѣдомость о приближеніи войскъ <которыя-де сегодня или завтра заступать въ Тати-

щеву крѣпость>, послали отъ себя въ Чернорѣченскую крѣпость, чтобъ тамошніе ихъ сообщники всѣ пріѣзжали къ нимъ, да и видно было сего числа, что оттуда въ Берду немалые обозы шли; вчерашняя-де пушечная пальба, слышанная въ Бердѣ, была у злодѣевъ для пробы полученныхъ ими съ завода новыхъ пушекъ, и хотя-де у нихъ пушекъ еще не мало, но пороку и снарядовъ не довольно; приближеніе войскъ слыша, хотя они и боятся и намѣрены сопротивляться до послѣдней своей погибели, но между тѣмъ-де, имѣя у себя много вина, находятся они во всегдашнемъ и безмѣрномъ пьянствѣ. Сего жъ числа на базарѣ начали продавать печеный хлѣбъ въ 25 и 20 коп. фунтъ, а прежде, какъ выше подъ 9-мъ числомъ сего мѣсяца изъ приказа Г. Губернатора значать, продавали его отъ 30 до 40 коп. фунтъ *).

17-го числа, за великою непогодью, ничего видѣть и слышать было невозможно; а ввечеру выѣзжали отъ злодѣевъ два человекъ Оренбургскихъ казаковъ, но что они показывали, того узнать было не можно; сіе только слышно было, что они изъ тѣхъ четырехъ человекъ, которые посланы были отъ Г. Губернатора для провѣдыванія слѣдующихъ къ Оренбургу войскъ, и переквачены были злодѣями подъ Бузудуцкою крѣпостью, не дошедши до оныхъ войскъ верстъ за 10.—18-го числа поутру вышло изъ злодѣйскаго лагеря три человекъ солдатъ, одинъ губернской Тобольской роты, другой здѣшняго и третій Верхояидскаго баталіоновъ: отъ нихъ и отъ вчерашнихъ выходцевъ подтверждено, якобы передовыя слѣдующія сюда войска приближаются, или уже и вступили въ Татищеву крѣпость **).—19-го числа поутру выѣзжало злодѣевъ изъ Берды человекъ съ 15, изъ коихъ одинъ, подѣхавъ ближе ко городу и повѣсь на палочкѣ мѣшечекъ, возвратился къ своимъ товарищамъ, а потомъ и всѣ

*) Сія славка цѣны на продажный хлѣбъ не отъ чего иного произошла, какъ отъ сего, что торгующіе имъ горожане и лихоняцы заподлинно уже узнали приближеніе войскъ, и что при оныхъ провіантъ везутъ довольно, и до того начали стараться, чтобъ еще у нихъ имѣющіеся запасный или паче угаженный хлѣбъ какъ можно скорѣе и съ лучшею для себя прибылью продать, и что и нижеозначенными почти со дня на день уменьшавшіеся цѣнами доказывалось, и 24 числа сего Марта въ 3 коп. фунтъ уже продавали, хотя еще и никакого хлѣбнаго привоза въ городъ не было.

**) Сіе подтверждалъ и вышеозначенный Корнетъ Пустоваловъ; между прочаго сказывалъ онъ: въ Бердской слободѣ повседневно бываетъ заутреня, обѣдня и вечерня, и отправляютъ-де оную службу три находящіеся тутъ священника; на выносъ и эктѣніяхъ, вѣдетъ Ея Величества Государыни Императрицы, упоминають-де они имя покойнаго Императора Петра III, а потомъ Наслѣдника его, Государя Цесаревича Павла Петровича; предводитель-де злодѣевъ хотя и желалъ, дабы вышеозначенная жена его, Устинья Петрова дочь, упоминаема была, но спященники-де отреклись, сказавъ ему, что они того безъ указа Синодскаго исполнять не могутъ, а потому-де онъ ихъ и не принуждалъ; самъ онъ въ церковь никогда не ходитъ; лице имѣетъ онъ смуглое, но чистое, глаза острые и взоръ страховитый; борода и волосы на головѣ черные; ростъ его средній или я меньше; въ плечахъ хотя и широкъ, но въ поясицѣ очень тонокъ; когда случается онъ въ Бердѣ, то все распоряжаетъ самъ и за всѣмъ смотритъ не только днемъ, но и по ночамъ; съ сообщниками своими, которыхъ онъ любитъ, перѣдко вѣдетъ обѣдаетъ и напивается до-

они назадъ уѣхали. Признавали, что въ ономъ мѣстѣ положены были какія-нибудь письма, но о содержаніи ничего было не слышно *). Послѣ полудня часу въ 3-мъ выбѣжали изъ Берды сержантъ Симбирской губернской роты, сержантъ Симбирскаго баталіона и одинъ солдатъ; оныхъ, не вѣдая ихъ, ничего и ни съ кѣмъ говорить, отвели прямо въ Губернаторскій домъ для допросовъ; однако жъ пронесли слухъ въ городѣ, якобы предводитель злодѣевъ, по вторичномъ разбитіи слѣдующими въ Оренбургъ командами, только въ семи или восьми человѣкахъ вчера возвратился въ Берду, и бывшая-де при ономъ артиллерія вся у него отбита, а оныя-де команды всѣ и со всѣхъ сторонъ приближаются къ Оренбургу.—20-го числа поутру усмотрѣны были три ертаула злодѣйскіе, одинъ обыкновенный при Бердской слободѣ на Сырту, другой на Маячной горѣ, а третій за Сакмарою рѣкою на Сыртахъ, и слышны якобы были въ упомянутой слободѣ три пушечные выстрѣла, а за тѣмъ въ 10-мъ часу поутру пошли великія толпы и обозы злодѣйскіе къ Черноярченской и далѣе за оную крѣпость; догадывались, что предводитель злодѣевъ съ лучшими своими сообщниками пошелъ еще павстрѣчу идущимъ къ Оренбургу командамъ, или уже и вовсе на утекъ.—21-го числа, для узнанія о числѣ оставшихся въ Бердѣ злодѣевъ, была изъ города высылка Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ и Калмыковъ; всѣхъ ихъ было до 600 человѣкъ пѣшихъ, и при нихъ семь пушекъ, которыя везены были на санихъ пѣшими жъ людьми. Сія высылка выступила изъ города часу въ 10-мъ поутру, и отошедъ версты съ полторы, остановилась; злодѣи долго не оказывались, а наконецъ, вышло ихъ изъ Берды около 2000 человѣкъ на то мѣсто, гдѣ у нихъ обыкновенный ертаулъ; но какъ имѣвшіеся при городской командѣ лыжники, человѣкъ около 20-ти пошли къ нимъ и пѣшие всѣ по немногу туда жъ стали подвигаться, то всѣ злодѣи спустились назадъ къ Бердѣ, а потому и городскіе возвратились назадъ.—22-го числа ничего особеннаго не происходило; носился только слухъ, якобы вчерашняго числа послѣ полудня бывшими на рыболовствѣ людьми слышна была около Татищевой крѣпости пушечная пальба и будто бы около полуночи видѣли въ той сторонѣ пушечную ракету, чему въ соотвѣтствованіе и въ городѣ три ракеты пущены. Еще пронесли слухъ, якобы сего числа вышелъ отъ злодѣевъ одинъ казакъ; но подлинно про то узнать было не можно.

93) 23-го числа, сей воскресный день, изъ всѣхъ бывшихъ во время злодѣйской осады знаменитѣе и благополучнѣе былъ слѣдующимъ

пьяна, которые обще съ нимъ сидятъ въ шапкахъ, а иногда-де и въ рубахахъ и пьютъ бурлацкія пѣсни безъ всякаго смущенія; но когда-де выходить онъ на базаръ, тогда снимаютъ шапки и ходятъ за нимъ безъ шапокъ, а онъ самъ, когда публично ходитъ, то почти всегда бросаетъ въ народъ мѣдные деньги.

*) Вчерашняго числа ввечеру былъ отъ Г. Губернатора письменный приказъ, чтобъ выбѣгающихъ отъ злодѣевъ, кто бы какого званія ни былъ, не только обязательно, но и (съ именами ихъ не спрашивать, и тотъ самый часъ, какъ они выдутъ отъ воровъ скрытнымъ образомъ, для надѣжащихъ допросовъ прямо къ нему отсылать, и проч.

происшествіемъ: поутру изъ Берды пробѣжалъ находившійся межъ злодѣями бывшаго Яицкаго войска Старшины сынъ, Сотникъ Логиновъ, съ 4 Яицкими жъ казаками, пребывающій всегда при Г. Губернаторѣ и употребляемый имъ при разныхъ его распоряженіяхъ Оренбургскій купецъ Гаврила Крестовниковъ сказывалъ, что онъ Логиновъ присланъ отъ находящагося у предводителя злодѣевъ первымъ нынѣ начальникомъ, Старшины Шигаева, съ тѣмъ увѣдомленіемъ, что Пугачевъ, по разбитіи его Генераломъ Княземъ Голицынымъ, вчера ввечеру только самъ-четверть пріѣхалъ въ Берду, и сей день объявилъ еще походъ, а потому и стали-де уже всѣ сообщники его убираться на воза, а онъ Шигаевъ согласился уже съ нѣкоторыми людьми, чтобъ, между тѣмъ, связавъ его Пугачева, привести въ городъ, и для того бы такъ скоро, какъ онъ Логиновъ пріѣдетъ въ городъ, потомъ донести, дать бы къ нимъ въ Берду сигналъ тремя пушечными выстрѣлами, не мѣшкая; почему онъ къ тому своему намѣренію и приступить; сей сигналъ, по пріѣздѣ оного Логинова въ городъ, не прежде, какъ часа чрезъ два, и учиненъ, а съ той поры и начался выходъ находившихся тамъ людей великими толпами на лошадахъ верхами, на санихъ и на дровняхъ, съ разными ихъ имуществами, а многіе везли съ собою хлѣбъ и сѣно, большая жъ часть шла оттуда пѣшие, въ томъ числѣ были женщины и ребята, всѣхъ на все чрезъ весь день вышло оттуда до 800 человѣкъ. Для занятія оной слободы послѣ полудня командированъ былъ туда осмой легкой полевой команды командиръ Секундъ-Майоръ Зубовъ, съ нѣсколькимъ числомъ егерей, Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ, которые въ ту слободу безъ всякаго сопротивленія и вступили; онъ нынѣшній день высалъ оттуда пушекъ разныхъ калибровъ 18, съ принадлежащими къ нимъ пороховыми ящиками, въ томъ числѣ одинъ единого и одинъ дробовикъ, да денегъ найденныхъ въ дворѣ Пугачева, семнадцать бочекъ мѣдною монетою, на перечень по объявленію упомянутого Зубова немного больше 1700 рублей; о предводителѣ жъ злодѣевъ носился слухъ, якобы онъ и ссылочный Хлопуша, котораго онъ называлъ у себя Полковникомъ, были связаны въ томъ намѣреніи, чтобъ вести ихъ въ городъ, но сообщники-де его Яицкіе казаки и заводскіе крестьяне, будто бы усилась, обоихъ ихъ развязали, и онъ-де Пугачевъ, взявъ съ собою 10 самыхъ лучшихъ артиллерійскихъ орудій, пошелъ на утекъ, имѣя при себѣ людей около 2000 человѣкъ; намѣреніе-де положили сперва идти на Обшій Сыртъ, а потомъ горами пробраться къ ему на Самару рѣку, а оттуда къ Волгѣ или на Яикъ, однако жъ-де бывшаго Атамана Подполковника Бородинна злы, находившійся въ рукахъ злодѣйскихъ, самъ-четверть поскакалъ о двухъ коняхъ къ находящимся въ Татищевой крѣпости Генераламъ, чтобъ ихъ объ уходѣ его Пугачева изъ Берды увѣдомить; о часто упомянутомъ же ссылочномъ Хлопушѣ сказывали, яко бы онъ вѣсто того, чтобъ съ предводителемъ злодѣевъ неразлучно идти, поворотилъ съ дороги на Каргалинскую слободу, гдѣ у него была жена и наворованные имъ въ разныхъ мѣстахъ пожитки, но тамошніе-де Татары, поймавъ и связавъ его, посадили подъ крѣпкій караулъ въ погребъ, и что съ нимъ учинить, о томъ требовали отъ Г. Губернатора повелѣнія: а потому и посланы туда сегодня жъ надежные люди, дабы его подъ крѣп-

чайпимъ карауломъ привезли въ Оренбургъ *). Впрочемъ особливаго примѣчанія стонитъ и сіе, что сей день поутру ржалый печеный хлѣбъ продавали на базарѣ по 25 копѣекъ фунтъ, ибо продавцы вышеозначенную цѣну отъ 30 до 40 коп. фунтъ понижали стали, узнавъ про идущія сюда команды, при коихъ, какъ говорили, очень довольно провіанта; но видя оное благополучное происшествіе, сей же день къ вечеру въ десять, въ восемь и въ семь копѣекъ продавать начали.

94) 24-го числа привезенъ изъ Каргалинской слободы объявленный злодѣй ссылочный Хлопуша, и съ нимъ сообщниковъ изъ Яицкихъ казаковъ пять человѣкъ, да Каргалинскій Татаринъ въ помянутой слободѣ отъ злодѣя Пугачева главнымъ учредителемъ; тутъ же пріѣхало оттуда нѣсколько изъ тамошнихъ лучшихъ Татаръ, чтобы тѣмъ доказать пачѣ свою вѣрность и усердіе. Оттуда жъ и изъ Сакмарска привезено было немалое число Башкирцевъ и заводскихъ крестьянъ, бывшихъ въ сообществѣ съ Пугачевымъ, а изъ Берды послано 20 артиллерійскихъ орудій, въ которую на сей день, якобы для наблюденія порядка, посланъ былъ съ командою Секундъ-Маіоръ Демидовъ, а бывшимъ тамъ Яицкимъ казакамъ приказано переѣхать въ Каргалинскую слободу. Между тѣмъ носился въ городѣ слухъ, что въ Бердѣ городскими людьми учинены были великія грабительства и хищенія, и якобы многіе пожитки, въ рукахъ злодѣевъ находившіяся, разными людьми вывезены въ городъ. На базарѣ поутру продавали хлѣбъ въ 10, а ввечеру былъ уже и въ 3 копѣйки фунтъ **). Отъ командующаго Генерала Князя Голицына пріѣзжали сей день нарочные съ извѣстіемъ, что онъ, по разбитіи злодѣевъ, вступилъ

въ Татищеву крѣпость съ находящимися при немъ военными людьми, а потомъ съ тѣмъ, чтобы за бѣжавшими изъ Берды злодѣемъ въ погоню и для пересѣченія ему дороги отправлены отъ него разныя команды.—25-го числа поутру прислано къ Г. Губернатору отъ Его Силительства Генерала Князя Голицына съ нарочными казаками сообщеніе, и слышно было отъ тѣхъ казаковъ, что злодѣй Пугачевъ пробрался къ вершинамъ рѣки Сакмары на хуторъ находящагося при немъ злодѣя Оренбургскихъ казаковъ Сотника Подурова, который отъ него называется Полковникомъ, и намѣренъ-де онъ оттуда пробраться, оставя Переволочную крѣпость въ лѣвой сторонѣ, на Ново-Сергѣевскую крѣпость, въ чаініи пройти изъ оной въ Илецкій городокъ, а стѣною пробираться на нижніе Яицкіе форпосты въ Кулагину крѣпость; людства жъ при немъ около 1000 человѣкъ; но лошади-де, отъ глубокихъ снѣговъ и бездорожья, у всѣхъ уже пріустали, для того и принуждены всю имѣющуюся при нихъ артиллерію бросить на дорогѣ. За нимъ отъ помянутаго Г. Генерала посланъ въ погоню гусарскій Полковникъ съ командою, который и вступилъ уже въ Переволочную крѣпость, откуда по извѣстіямъ далѣе будетъ слѣдовать. Сей день, послѣ литургіи, былъ въ Соборной церкви благодарный молебенъ, для освобожденія города отъ злодѣйской осады, при коемъ и Г. Губернаторъ находился. На базарѣ продавали печеный хлѣбъ отъ пяти до трехъ копѣекъ фунтъ.

95) 26-го числа получено было отъ его Силительства сообщеніе, что для преслѣдованія злодѣя и для поимки его, во всѣ стороны отправлены уже отъ него команды; а дабы онъ, обратясь, не прокрался въ Башкирію, то требовалъ, дабы съ здѣшней стороны оное предостеречь; почему и командировано было нѣсколько казаковъ и Каргалинскихъ Татаръ на Губернаторскій хуторъ <отъ города только 12 верстъ> для примѣчанія на тамошнихъ высокихъ мѣстахъ. Сего же дня отправлены отъ Г. Губернатора въ разныя мѣста нарочные, въ томъ числѣ по Московскому и Уфимскому трактамъ, съ увѣдомленіемъ, что предводитель злодѣевъ разбитъ и пошелъ па-утекъ, и чтобы почтovsky станціи по обоимъ опытымъ трактамъ возстановить. Для осмотра положенія Бердской слободы и для разныхъ распоряженій ѣздить въ оную слободу Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ Валленстернъ съ Штабъ и Оберъ-офицерами; изъ оной также и изъ Каргалинской слободы и изъ Сакмарскаго городка вышло сей день нѣсколько ссыльныхъ, своекоштныхъ и рабочихъ людей 17 человѣкъ, которые изъ учрежденной для сихъ дѣлъ у Г. Губернатора на дворѣ особой Коммисіи и присланы при билетѣ для содержанія въ Главное Правленіе Оренбургскихъ Соляныхъ дѣлъ. На 27-е число отъ командующаго Генерала Князя Голицына пріѣхало двое курьеровъ, одинъ въ ночи, а другой поутру; о содержаніи писемъ его то только слышно было, чтобы съ здѣшней стороны, для пресѣченія злодѣю къ уходу въ Башкирію и далѣе, прикрыть командами мѣста отъ Чернорѣченской крѣпости къ Сакмарску и далѣе по большой Московской дорогѣ. Послѣ полудня потревожены были въ городѣ, а особливо побѣхавшіе изъ города въ Бердскую слободу тѣмъ, яко бы предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ хуторовъ Епанечкиныхъ возвратился въ Каргалинскую слободу, и учиня тамъ лучшимъ людямъ убійство, три или четыре двора въ оной слободѣ выжегъ; тожъ яко бы причи-

*) Оный великій злодѣй Хлопуша есть тотъ самый, о которомъ въ запискахъ прошлаго 1773 года подъ 4-мъ числомъ Октября упомянуто; ворюга нѣсколько лѣтъ подъ Оренбургомъ и бывъ въ разныхъ мѣстахъ сей губерніи, зналъ онъ всѣ мѣста и заводы, откуда что злодѣямъ получать; безъ оного бы одни Яицкіе казаки, а паче самозванецъ ихъ Пугачевъ, не зналъ заводовъ и многихъ жителей, а дальнѣйшихъ своихъ предпріятій никогда бы не могъ быти и не подумали; — словомъ: къ усиленію предводителя злодѣевъ, былъ онъ Хлопуша всегда главнымъ орудіемъ; ибо ѣздя по заводамъ, привозилъ къ нимъ пушки, ядра, порохъ и великое число денегъ, высылалъ хлѣбъ и множество разныхъ пожитковъ, а сверхъ того вымалъ и переслалъ къ нему Пугачеву мортиръ и бомбы и немалое число Башкирцевъ, за что и данъ ему былъ у него чинъ Полковника; онъ же Хлопуша до прихода Пугачева подъ Озерную крѣпость командовалъ всею бывшею подъ ней злодѣйскою толпою, потомъ обще съ Пугачевымъ разорилъ Исецкую крѣпость и захватилъ въ Губерлинскихъ горахъ команду, слѣдовавшую отъ Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, а наконецъ, какъ выше значить, былъ онъ одинъ предводителемъ, завладѣлъ и грабилъ Илецкую Защиту со всеми бывшими тутъ людьми. Вотъ сколь важны злодѣйства сего разбойника и сколь велика ошибка произошла отъ освобожденія его и отъ послыки къ оному предводителю злодѣевъ!

**) Не явно ли здѣсь оныхъ продавцевъ ненасытное жорыстолюбіе: они, имѣя у себя на рукахъ потаенный хлѣбъ, старались наконецъ всячески, чтобы сколь возможно подороже оный допродать прежде привоза съ идущими сюда командами. Впредь для знанія и памяти призагается при семъ особый реестръ, почему въ осадное время хлѣбъ и нѣкоторые харчевые припасы продавали, и какъ цѣна на все то время отъ времени повышалась; явно изъ сего, какой великой трудности городъ Оренбургъ въ сіе бѣдственное время подверженъ былъ.

нено имѣ надѣ нѣкоторыми и въ Сакмарскомъ городкѣ. Хлѣбъ продавали на базарѣ мукою отъ 1 руб. и до 80 коп. пудъ, а печеный продавали сперва по 3, а потомъ по 4 коп.; по къ вечеру, по причинѣ вышеозначенныхъ извѣстій, продавцы его еще вздорожали и продавали уже по 7 коп. фунтъ.

96) На 28-е число ночью, прѣбывавъ изъ Сакмарскаго городка тамошній Атаманъ Донскій съ имѣвшимися при немъ казаками, коихъ послано было туда изъ города 50 человекъ; онъ отправленъ былъ занять сіе мѣсто и имѣть тамъ предосторожность, дабы предводитель злодѣевъ не прокрадся тамошнею стороною въ Башкирію; по вышеозначенному его сіятельства сообщенію сей Атаманъ самъ сказывалъ, что посланные отъ него по большой Московской дорогѣ до Мустафиной деревни, то есть къ самому Уралу <со 150 верстъ отъ Оренбурга>, никого изъ злодѣевъ не видавъ, возвратились къ нему; а вчерашняго-де числа послалъ онъ Донскій въ Каргалинскую слободу родного своего брата съ однимъ казакомъ, для развѣдыванія, что тамъ дѣлается, которые оба прѣехали туда въ самое то время, какъ отъ злодѣевъ передовые люди, человекъ до 80 или около 100, съ четырьмя запачками прѣехали въ ту слободу <по тути ли были предводители ихъ Пугачевъ, онаго они узнать не могли>, и сдѣлавъ въ оной слободѣ тревогу, начали-де по всѣмъ улицамъ разбѣжать, и изъ лучшихъ-де тамошнихъ богатыхъ Татаръ закололи копьями 4-хъ человекъ, и дворы ихъ зажгли, имѣвшася-де при братѣ его казака ранили копьемъ, а брата его Донскаго, появивъ лице себѣ платкомъ, чтобъ не узнали и притворясь, яко бы онъ изъ той-же злодѣйской толпы, началъ съ прочими скакать и кричать по улицамъ, а между тѣмъ и нашелъ случай спуститься на рѣку Сакмару, по которой прискакавъ въ Сакмарскій городокъ, подалъ ему Атаману о всемъ томъ извѣстіе. Донскій команду свою имѣлъ уже готову на осѣдланыхъ лошадяхъ, и укрывая оный случай, сказалъ тамошнимъ казакамъ для вида, что онъ спѣшитъ для встрѣчи идущаго съ войскомъ Генерала, къ чему бѣ и они всѣ изготовились; выйдя же изъ города, поскакалъ онъ непрямою дорогою къ Оренбургу, а къ Чернорѣченской крѣпости, а оттуда на Мосоловскіе рудники, и подбѣгая къ онымъ, усмотрѣлъ за собою злодѣйскую погоню, человекъ до 200; но какъ-де онъ спустился тамъ на рѣку Яикъ, то-де она злодѣйская толпа, постоявъ на рудникахъ недолго, да-де за ними не погналась и возвратилась назадъ, можетъ быть, за усталюю лошадей, а онъ Донскій рѣкою Яикомъ безопасно уже прѣехалъ къ Оренбургу. Еще сказывалъ онъ, что въ селѣ Совѣтника Тимашева, называемомъ Ташлой, стоятъ тысячи полторы или двѣ Башкирцевъ, которые-де тутъ ожидаютъ предводителя злодѣевъ, или что съ нимъ сдѣлается; по его Донскаго признанію, злодѣйское намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ перешелъ рѣку Бѣлую, убраться на заводы, или, переправясь чрезъ Яикъ, итти въ Киргизскую степь, куда по нынѣшней распутицѣ, а потомъ, за великимъ разлитіемъ воды, воинскими командамъ гнаться за нимъ будетъ не можно. Послѣ полудня всѣ люди въ городѣ были встревожены тѣмъ, что около Бердской слободы, для предосторожности и примѣчанія, не явятся ли гдѣ злодѣи, никакихъ карауловъ и развѣдковъ учреждено не было, а потомъ изъ возвратившихся въ Каргалинскую слободу злодѣевъ, какъ сказывали, человекъ

до 800 или 1000 нечаянно ворвались и прицепили тамъ многимъ смертоубійство, а многихъ увезли съ собою въ упомянутую Татарскую слободу; бывшая тутъ съ Капитаномъ небольшая регулярная и нерегулярная команда, хотя было и вышла къ городу, но злодѣи, перехватя оную на дорогѣ, съ собою жъ угнали: спасся только уходомъ напередъ начальникъ оной команды, Капитанъ Суринъ; при семъ самомъ случаѣ тутъ же были и бывшіе въ Оренбургъ отъ его сіятельства для занятія квартиръ и для своихъ надобностей Капитанъ и съ нимъ 12 человекъ гусаръ, еще Капитанъ же Григорій Пыхачевъ изъ оставшихся отъ службы, взятый въ команду Г. Генерала-Майора Мансурова, оставный же переводчикъ Матвій Араповъ; злодѣямъ удалось тутъ онаго Арапова тяжко изранить, отъ чего онъ по привозѣ въ городъ, скоро и умеръ; *) одного гусара, закололи, а двое остались тамъ въ неизвѣстности; упомянутые Капитаны и 9 человекъ гусаръ въ городъ прѣехали благополучно: сказывали, якобы самъ предводитель злодѣевъ Пугачевъ туда прѣбжалъ, да Яицкихъ-де казаковъ было немного, большое число состояло изъ Каргалинскихъ Татаръ и Башкирцевъ, да и Сакмарскіе казаки и нѣсколько Калмыковъ: какое жъ число побито тутъ людей и сколько злодѣями увезено, то узнать было не можно. Вечеру же отъ Губернатора отданъ былъ именныи приказъ, что оный предводитель злодѣевъ прокрадся назадъ въ Каргалинскую слободу, и тамъ побилъ и разграбилъ лучшихъ людей, а оттуда-де устремяся и въ Бердскую слободу, подкрался оный къ ней нечаянно во время тумана; могло статься, что въ оной слободѣ былъ туманъ. но въ городѣ во весь сей день никакого тумана не было.

97) 29-го числа, извѣстясь, что злодѣи еще вчера Бердскую слободу оставили пустую, забравъ всѣхъ бывшихъ тамъ людей въ Каргалу, командировано туда нѣсколько военныхъ людей съ одною пушкою, а притомъ послано было нѣсколько подводъ для забранія сѣна и для привоза оставшагося тамъ хлѣба, что безпрепятственно и учинено; въ оной же слободѣ найдены скрытно находившіеся Яицкіе казаки, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы кого нибудь изъ городскихъ отхватить и увести къ предводителю ихъ, въ Каргалу, изъ коихъ злодѣевъ 3 пойманы и въ городъ привезены; о предводителѣ злодѣевъ слышно было яко бы онъ изъ Каргалинской слободы поѣхалъ сей день въ Сакмарскъ, но ночевать-де хотѣлъ быть въ Каргалу; между тѣмъ многіе заподлинно увѣрили, что до полудня и послѣ половины дня примѣнены за Чернорѣченскою крѣпостію идущія туда команды, изъ коихъ вечеромъ нѣсколько гу-

*) Сей переводчикъ имѣлъ офицерскій чинъ, о которомъ тѣмъ больше сожалѣть надлежитъ, что онъ съ самаго начала Оренбургской экспедиціи употреблялъ былъ въ самыя нужнѣйшія посланія, какъ въ Киргизъ-Кайсацкія орды, такъ и въ другія тамошнія мѣста, и всегда порученное ему дѣло старательно и съ хорошимъ успѣхомъ отправлялъ; зналъ достаточно всѣ здѣшніе Татарскіе діалекты и Калмыцкій языкъ, — словомъ, такой великій знатокъ и прощлецъ онъ былъ въ тѣхъ дѣлахъ и мѣстахъ, равно жъ и въ Башкиріи, какого уже здѣсь не осталось, и скоро возымѣть не можно: а потому, при возстановленіи здѣшнихъ порядковъ, <къ чему необходимо нужны знаніе прежнія здѣшнія дѣла и производства> и могъ бы онъ Араповъ съ немалюю пользою къ разнымъ дѣламъ и освѣдомленіямъ употребляемъ быть.

саръ и въ Бердскую слободу вступило. Во вчерашній злодѣйскій въ помянутую слободу набѣгъ побитыхъ и увезенныхъ злодѣями служивыхъ людей считали до 60-ти человекъ. — 30-го числа передовая армейская команда съ Г. Полковникомъ Хорватомъ Бердскую слободу заняла, съ тѣмъ, чтобъ отсюда итти къ Каргалинской слободѣ; помянутый Полковникъ къ Г. Губернатору присылалъ отъ себя Маіора, для изясненія потребныхъ ему обстоятельствъ, а о слѣдующихъ сюда Генералитетахъ было извѣстіе, что они почевать будутъ въ Чернорѣченской крѣпости; передовыя жъ ихъ войска въ оную крѣпость и вступили. Оставшіяся въ Илецкой Зацитѣ Капитанъ Ядрияцевъ, увѣдомлясь чрезъ выходцевъ, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ сообщниками его въ Татищевой крѣпости разбитъ, прислалъ отъ себя въ Оренбургъ изъ находящихся въ оной Зацитѣ на годовой службѣ двухъ казаковъ на лыжахъ, конями, какъ Г. Губернатору и въ Соляное Правленіе о обстоятельствахъ, когда и какъ оная Защита попалась въ злодѣйскія руки, кратко рапортовалъ, чему въ допозненіе отъ оныхъ казаковъ въ помянутомъ Правленіи взята сказка, и при рапортѣ Статскаго Совѣтника Рычкова представлена Г. Губернатору, съ требованіемъ отъ него повелѣнія о возстановленіи тамошнихъ соляныхъ работъ; съ оными жъ казаками прибывшій оттуда Священникъ, словесно объявлялъ, что къ сопротивленію злодѣевъ употребили себя изъ находящихся тамъ служивыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей только 15 человекъ, а прочіе-де всѣ, по приближеніи ихъ къ оной Зацитѣ, передались къ злодѣямъ, и такъ-де оную Защиту спасти, по великому числу злодѣевъ, никакими мѣрами было не можно. — 31-го числа его сіятельство, командующій Генералъ и кавалеръ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, обще съ Генералъ-Маіоромъ Фрейманомъ, съ Полковниками Княземъ Долгоруковымъ и Бибиковымъ, и еще нѣсколькими штабъ и оберъ-офидерами, къ великому обрадованію всѣхъ городскихъ жителей, пріѣзжалъ въ Оренбургъ налегкѣ, и отбѣдавъ въ назначенной ему квартирѣ, въ домѣ Директора Твердышева, съ Г. Губернаторомъ, послѣ стола, помѣшавъ тутъ немного отправился назадъ въ Берду, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ завтра, ни мало не упуская времени, для преслѣдованія предводителя злодѣевъ, Пугачева, слѣдовать ему съ командами своими къ Каргалинской слободѣ и къ Сакмарску, гдѣ оный злодѣй съ сообщниками его находится.

Апрѣля 1-го числа выбѣжало изъ Сакмарскаго городка двое Башкирцевъ, да одинъ казакъ, чрезъ которыхъ извѣстно стало, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ сообщниками своими засѣлъ въ старомъ Сакмарскомъ городкѣ, а намѣренъ-де, ежели не устоитъ противъ атакующихъ его войскъ, пробираться въ Башкирію, куда-де отъ него и указы разосланы уже, чтобъ Башкирцы сбিরались къ нему, а въ Каргалинской-де слободѣ оставлено отъ него небольшое людство. Въ Бердской слободѣ пойманы 3 человекъ Башкирцевъ, вѣхавшіе къ злодѣямъ изъ Илецкаго городка. Около полудня и послѣ полудня часу въ первомъ слышна была со стороны Сакмарскаго городка сильная канонада, что признавали за происходившее тамъ съ злодѣями сраженіе, а ввечеру и получено извѣстіе, что злодѣи, какъ въ Каргалинской слободѣ, такъ и въ Сакмарскомъ городкѣ, совершенно разбиты, и пойманы-де тутъ главные Пугачева

сообщники, называемые у него Полковниками, изъ Яидкихъ казаковъ Шигаевъ, да Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, а самъ-де онъ Пугачевъ въ 40 человекъ ушелъ на-утекъ къ Пречистенской крѣпости, на самыхъ хорошихъ и свѣжихъ лошадяхъ; однако-де въ погоню за нимъ послана отъ его сіятельства гусарская команда. — 2-го числа, чрезъ присланнаго отъ Г. Генералъ-Маіора Фёдора Юрьевича фонъ-Фреймана извѣстіе получено о слѣдующемъ: предводитель злодѣевъ, Пугачевъ, находясь въ Сакмарскѣ и будучи отъ сообщниковъ своихъ увѣдомленъ, что передовыя команды идутъ уже въ Каргалинскую слободу, нимаю не мѣшкая, и всѣми своими силами и съ артиллеріею пошелъ изъ Сакмарскаго городка къ той слободѣ. Ему сказано было, что оныя команды сочиняютъ небольшое только людство; но какъ онъ самъ усмотрѣлъ, что тѣ команды, собравшись, превосходное людство сочиняютъ, да и распорядились уже въ порядокъ, то, не входя онъ въ слободу, засѣлъ было близъ ея въ одномъ крѣпкомъ мѣстѣ, и началъ пушечную пальбу, куда подвезены были два единорога, то онъ и сталъ подвигаться вверхъ по Сакмарѣ рѣкѣ, останавливаясь во всѣхъ узкихъ мѣстахъ и производя пушечную пальбу <въ тотъ вѣкъ, чтобъ между тѣмъ дать время сообщникамъ его у пильной мельницы построиться къ бою>. Какъ подошли команды къ той мельницѣ, то и найдено уже у него тамъ во фронтѣ немалое число его сообщниковъ: но и тутъ, по недолгомъ сопротивленіи, всѣ они были сбиты, побѣжали далѣе; самъ онъ, какъ сказывали, не забывая уже въ Сакмарскѣ, побѣжалъ толпою съ небольшими людьми вверхъ по Сакмарѣ рѣкѣ, куда за нимъ въ погоню тотъ же самый часъ отправлена была гусарская команда. Кромѣ немалого числа побитыхъ его людей, взято при семъ сраженіи въ пѣль въ боѣ двухъ тысячъ человекъ, и многие отъ него главные сообщники, въ томъ числѣ названные отъ него Полковники Яидкій казакъ Шигаевъ и Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, писарь или секретарь его Горшковъ и другіе; но первый, какъ сказывали, при поимкѣ ограбленъ и убитъ гусарами. Теперь осталось ожидать одной поимки помянутаго злодѣя Пугачева. Послѣ полудня прислано въ городъ изъ Чернорѣчья Русскихъ людей и иновѣрцевъ тридцать человекъ, и всѣ они были въ злодѣйской толпѣ и находились въ Нижней-Озерной и въ Разсыпной крѣпостяхъ; ушедъ послѣ сраженія, бывшаго въ Татищевой крѣпости, перехвачены оныя разѣздомъ на рѣкѣ Донгузѣ, и показывали, якобы пробрались въ свои дома. — 3-го числа ничего особливаго слышно не было; къ вечеру только пронесся слухъ въ городѣ, яко бы главнѣйшій сообщникъ Пугачева, Чика, находившійся съ сообщниками его подъ городомъ Уфою, разбитъ, и спасая себя отъ поимки, удавился. О предводителѣ ихъ, часто помянутомъ Пугачевѣ, сказывали, якобы онъ засѣлъ въ одной Башкирской деревнѣ, за Пречистенскою крѣпостью, и тутъ посланными за нимъ въ погоню командами атаковать. — 4-го числа, подъ конвоемъ легкой команды Г. Премьеръ-Маіора Наумова, приведено въ городъ изъ Сакмары отбитыхъ при послѣднемъ разбитіи злодѣевъ двѣ тысячи триста человекъ пѣльныхъ людей, въ томъ числѣ и вышеозначенный злодѣй, Сотникъ Подуровъ, оставшій солдатъ Жилкинъ, который у злодѣя названъ Полковникомъ и посланъ былъ отъ него для взятія города Самары, изъ Яидкихъ казаковъ Горшковъ, коего Пугачевъ употреблялъ

къ письменнымъ своимъ дѣламъ вмѣсто секретаря, а о Шигаевѣ Г. Маіоръ Наумовъ сказывалъ, что при поимкѣ его заколотъ гусарами.—5-го числа ничего особливаго не было, кромѣ сего, что отъ его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына прислано изъ Сакмарскаго городка выроченныхъ имъ изъ злодѣйской толпы солдатъ и другихъ людей до двухъ сотъ человѣкъ. Сей день отправлены изъ Солянаго Правленія въ Илецкую Защиту прѣбывшіе оттуда казаки и Священникъ съ указомъ, по предложенію Г. Губернатора, на представленіе онаго Правленія о возстановленіи тамошнихъ соляныхъ работъ. Впрочемъ по Сакмарской дистанціи привезенъ на сей недѣль заготовленный тамъ его сіятельствомъ въ Бузулудкой и въ Сорочинской крѣпостяхъ провіантъ, до тысячи четвертей, чрезъ что и голодъ, который почти всѣ городскіе жители немалое время терпѣли, стараніемъ его жъ сіятельства миновался. Чрезъ находящагося при его сіятельствѣ Оберъ-Квартирмейстера извѣстно стало, что къ городу Уфѣ деташированъ отъ его сіятельства съ командою Г. Генераль-Маіоръ Фрейманъ, а по большой Московской дорогѣ гусарскій Полковникъ

Хорватъ, да Полковникъ же . . . . ., а ввечеру и самъ его сіятельство въ Оренбургъ прибыть изволилъ.—6-го числа прислано изъ Сакмарскаго городка отбитыхъ у злодѣя Киргиздевъ человѣкъ до тридцати; хотя они и показывали, что захвачены злодѣями еще въ осень, но правда ли, узнать было не можно. О предводителѣ злодѣевъ слышно было, что изъ Тимашевского села Тагилы, ночевавъ тамъ, побѣждалъ онъ на Каноникольскій заводъ, а оттуда-де хотѣлъ пробраться на Демидовскій Авзяно-Петровскій заводъ, и Башкирцы-де, бывшіе въ его сообществѣ, заглаживая свои вину, послали для поимки его своихъ людей. Еще носился слухъ, яко бы предводитель злодѣевъ ежели бъ на двухъ послѣднихъ сраженіяхъ совершенно разбитъ не былъ и получилъ бы тутъ новое усиленіе, то намѣревался онъ, подъ именемъ Его Высочества Государя Цесаревича Павла Петровича, сообщникамъ своимъ представить неизвѣстнаго какого-то молодого человѣка и называть его своимъ сыномъ, съ тѣмъ, чтобъ онымъ подкрѣпить еще у подлаго народа всѣ свои злодѣйскіе вымыслы.

ПРИБАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ,

къ описанію шести-мѣсячной Оренбургской осады отъ самозванца и Государственнаго злодѣя Емельяна Пугачева, со времени пораженія онаго злодѣя подъ Татищевскою крѣпостію по то число, какъ помянутый злодѣй совершенно разбитъ подъ Каралинскою слободою и подъ Сакмарскимъ городкомъ, и изъ того и освобожденіе города Оренбурга отъ вышеозначенной осады послѣдовало.

22 числа Марта <1774 года> по полуночи въ 5-мъ часу корпусъ его сіятельства Г. Генераль-Маіора Князя Голицына выступилъ весь изъ Переволоцкой крѣпости, оставя обозъ и подвижной магазейнъ съ надлежащимъ прикрытіемъ въ той крѣпости <отъ Татищевой, гдѣ Пугачевъ засѣлъ съ своими сообщниками, 18 верстъ>.

Къ сему маршу учинены были нижеслѣдующія распоряженія: съ полуночи отправлены были подозрныя малыя партіи, а авангардъ за часть прежде корпуса отряженъ былъ: оный состоялъ изъ баталіоновъ гренадерскаго и егерскаго 200 человѣкъ лыжниковъ, да 3 эскадрона подъ предводительствомъ Г. Полковника Бибикова. За глубокимъ снѣгомъ, корпусъ отъ мѣстъ, то есть отъ первой колонны, не иначе могъ слѣдовать, какъ въ одну колонну; маршъ открывали два баталіона гренадеръ, потомъ кавалерія по частямъ своимъ смѣшана была съ пѣхотою; къ соединенію авангарда учреждены были легкія конныя партіи, а вышныи, по сторонамъ лежащія, охраняемы были лыжниками. Авангардъ, не дошедъ до Татищевой крѣпости верстъ за 8, послалъ отъ себя партію для точнаго примѣчанія злодѣевъ; они сію партію подпустили почти къ самой крѣпости, а тутъ вдругъ кинулись изъ нихъ на нее 300 Яицкихъ казаковъ. Партія наша успѣла отступить, бывъ немедленно подкрѣплена двумя эскадронами драгунъ съ пушками, чѣмъ бунтовщики были удержаны и не могли вдалѣ преслѣдовать. Полковникъ Бибиковъ, какъ скоро узналъ о томъ, то подо-

шелъ къ концу горы, съ которой вся крѣпость открывалась въ разстояніи 5-ти верстъ. Командующій корпусомъ Г. Генераль-Маіоръ, будучи о семъ увѣдомленъ, приказалъ корпусу поспѣшать въ маршъ; а между тѣмъ обозрѣвалъ онъ мѣстоположенія, гдѣ бъ удобнѣе предпринять мѣры къ атакѣ непріятеля, который, забравшись въ крѣпость, не показывалъ ни малѣйшаго вида въ движеніяхъ своихъ. По довольному жъ примѣчанію ситуации, его сіятельство приказалъ корпусу маршировать въ двѣ колонны: правая была подъ предводительствомъ Г. Генераль-Маіора Фреймана, передовой detachementъ составлялъ особливости, и колонна подавалась къ правой сторонѣ Илецкой дороги; симъ порядкомъ войска подошли къ атакѣ, егерями и лыжниками заняты горы къ прикрытію всего марша; злодѣи продолжали прежній еще видъ, чтобъ скрыть свое движеніе, не выславъ изъ крѣпости никого. Между тѣмъ его сіятельство приказалъ занять удобныя мѣста для главныхъ двухъ батарей, а Г. Полковникъ Князь Одоевскій отправленъ былъ къ своимъ баталіонамъ на лѣвую вышину, которой, если бъ не предупредено было овладѣть, то бъ злодѣи могли причинить оттуда крайній вредъ; между тѣмъ формированъ былъ изъ колоннъ фронтъ, пѣхота поставлена была въ первую линію, имѣвъ резервы, а кавалерія составляла другую; но за глубокимъ снѣгомъ почти невозможно было ей дѣйствовать. А какъ разстояніе дозволило уже открыть батареи, то оное и рѣшило терпѣніе бунтовщиковъ,

которые произвели сильную канонаду изъ 30 большихъ своихъ орудій. Жестокость сего огня продолжалась не менѣе 2-хъ часовъ.

Но какъ его сіятельство примѣтилъ, что отчаянныхъ бунтовщиковъ и злодѣевъ изъ гнѣзда ихъ невозможно будетъ выгнать одною канонадою, то и рѣшился наконецъ штурмовать крѣпость, у которой прежнія укрѣпленія хотя и разорены были, но Самозванецъ поправилъ ихъ сдѣланнымъ изъ снѣга валомъ. Штурмованіе начато на правый ея флангъ, куда Г. Генераль-Маіоръ Фрейманъ подвелъ сперва баталіонъ Г. Полковника Кнзя Одоевского; командовалъ симъ баталіономъ 2-го гренадерскаго полка Подполковникъ и кавалеръ Филисовъ; а между тѣмъ корпусъ продолжалъ свой маршъ, дѣлавъ косую линію, а тѣмъ и окрѣпились наярженныя къ атакѣ войска. Стремленіе злодѣевъ весьма было на нихъ усильно, да и вывели они изъ крѣпости 17 пушекъ, поставя ихъ на одномъ пригоркѣ, который былъ противу баталіона атакующихъ; но съ нашихъ батарей оныя были сбиты, и сіе мѣсто занялъ Г. Генераль-Маіоръ Фрейманъ. Его сіятельство хотя и отправилъ еще къ поманутому Г. Генераль-Маіору Полковника и кавалера Кнзя Долгорукаго съ баталіономъ, но примѣтя, что къ совершенному пораженію злодѣевъ и сихъ отряженныхъ войскъ будетъ не довольно, принужденнымъ нашелся большую часть взять изъ бригады Г. Генераль-Маіора и кавалера Мансурова, къ подкрѣпленію предреченнаго Генераль-Маіора. Командіры при томъ были: Полковникъ Аршеневскій и Лейбъ-гвардіи Капитанъ-Поручикъ Толстой, и батареи обращены были на атакуемый мѣста. Г. Генераль-Маіору Фрейману приказалъ его сіятельство усилить свое стремленіе, а Г. Полковнику Бибикову съ егерями и лыжниками велѣно было тревожить правое злодѣйское крыло. Г. Генераль-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, устроивъ кавалерію, подвинулъ нѣсколько эскадроновъ по дорогѣ, лежащей къ крѣпости, а двѣ Чугуевскія роты съ подкрѣпленіемъ двухъ эскадроновъ Бахмутскихъ гусаровъ обратилъ для занятія большой Оренбургской дороги. Во все сіе время канонада безпрерывно продолжалась; но чтобы при наступающемъ уже вечерѣ дѣло какъ можно скорѣе докончить, то самъ его сіятельство своею особою предводительствовалъ и побуждалъ пѣхоту къ устремленію на крѣпость: почему три баталіона и спустились съ пригорка; и хотя встрѣчены они были большою высылкою изъ крѣпости, и происходило тутъ жестокое сраженіе, но злодѣи съ великимъ ихъ урономъ прогнаты были. Между тѣмъ, не взирая на то, что изъ крѣпости производили уже пушечную картечную пальбу, атакующія войска, подъ предводительствомъ храбраго Генераль-Маіора Фреймана, кинулись на валъ: злодѣи хотя и увидѣли тутъ неминуемую свою погубель, но еще, да и отчаяннѣе прежняго, оборонялись. Первые взошли на батарею 2-го гренадерскаго полка баталіоны съ своимъ Полковникомъ и кавалеромъ Княземъ Долгорукимъ, а съ лѣвой стороны баталіонъ Кнзя Одоевского. Въ то же самое время подоспѣли баталіоны, составленные изъ 24-й легкой полковой команды съ Подполковникомъ Аршеневскимъ, равномѣрно и сочиненной изъ Вятскаго и Томскаго полковъ Лейбъ-гвардіи съ Капитаномъ Толстымъ. Г. Полковникъ Бибиковъ съ своей стороны не упустилъ также приблизиться къ лѣвой крѣпостной батарее, и взошелъ на оную, а команды его лыжники притомъ имѣли

сильный бой на Илецкой дорогѣ съ преждеушедшими изъ крѣпости конными и пѣшими злодѣями. Подковникъ Бибиковъ не оставилъ всѣ способы употребить—разогнать оныхъ злодѣевъ, пославъ туда на подкрѣпленіе егерей, куда и кавалерія была подведена.

Когда валъ и ворота заняты были, то кинулись въ три выѣзда всѣ, да и передніе эскадроны туда жъ выѣхали съ Подполковникомъ и кавалеромъ Бедрягою. Злодѣи хотя и еще поудержались было, въ уздахъ и въ домахъ засѣвши и имѣя въ своихъ еще рукахъ пушки, но войска Ея Императорскаго Величества съ неописанною храбростію, будучи предводимы достойными и неустрашимыми командирами, поражали ихъ вездѣ, и одержали сей день совершенную и важную побѣду. Къ преслѣдованію злодѣя отряжена была по всѣмъ дорогамъ кавалерія, подъ предводительствомъ Г. Генераль-Маіора и кавалера Мансурова. Злодѣйская толпа находилась здѣсь злодѣевъ болѣе 9.000 человекъ, въ томъ числѣ было не меньше 2.000 выбранныхъ самыхъ отчаянныхъ бунтовщиковъ изъ Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ; Исетскихъ и Оренбургскихъ находилось до 3.000 пѣхоты, изъ заводскихъ мужиковъ 2.000, въ томъ числѣ были и ссыльные, взятые злодѣями въ Илецкой Защитѣ, прочіе всѣ изъ Татаръ, Калмыковъ и Башкирцевъ, а небольшая часть была и Киргизцевъ. Пушекъ находилось при нихъ 36; предводительствовалъ ими главный бунтовщикъ и самозванецъ Пугачевъ самъ. Дерзость и депаратность была ихъ столь велика, что сверхъ всякаго чаянія въ одной крѣпости нашлось убитыхъ злодѣйскихъ тѣлъ 1.315, въ преслѣдованіи на 15 верствъ найдено убитыхъ же 830, въ лѣсахъ и сугробахъ поколото лыжниками до 350 человекъ, въ пѣлнъ взято Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ 290; прочіихъ въ пѣлнъ же взятыхъ число превосходитъ 3.000; пушекъ получено въ добычу съ снарядами 36. Съ нашей стороны убиты здѣсь: Томскаго полка Капитанъ Оадеевъ, Поручикъ Шмаковъ, 24-й легкой полевой команды Адъютантъ Людвигъ; тяжело ранены: 2-го гренадерскаго полка Капитанъ Алсуфьевъ, который чрезъ нѣсколько дней и умеръ, 24-й легкой полевой команды Капитанъ Станкевичъ, 2-го гренадерскаго полка Поручикъ Кнзя Путятинъ, которые отъ тяжелыхъ ранъ и умерли; Поручикъ Александръ Чириковъ, инженерный Подпоручикъ Курчевъ, 5-й легкой полевой команды Подпоручикъ Николай Шинновъ, 25-й же легкой полевой команды Прaporщикъ, да 2-го гренадерскаго полка Прaporщикъ же Углановъ; легкими ранами ранены: 2-го гренадерскаго полка Подполковникъ и кавалеръ Филисовъ, Лейбъ-гвардіи Адъютантъ Кошелевъ, Капитанъ Василій Сумароковъ, Иванъ Карташевъ, Владимірскаго полка Капитанъ Михайла Воропинъ, Томскаго полка Капитанъ же Иванъ Винклеръ, Поручики: 25-й легкой полевой команды Антонъ Швейковскій, 2-го гренадерскаго полка Дмитрій Голенищевъ, Алексѣй Филисовъ, Подпоручикъ Николай Вердеревскій, Прaporщикъ Андрей Каровъ. Убито изъ нижнихъ чиновъ: 2-го гренадерскаго полка гренадеровъ 51, Томскаго полка гренадеровъ 16, Владимірскаго 8, Вятскаго 19 человекъ, изъ легкихъ полевыхъ командъ рядовыхъ 27, Чугуевскій казакъ 1; тяжелыми ранами ранено: 2-го гренадерскаго полка гренадеровъ 213; того жъ полка легкими ранами ранено 26; изъ Томскаго полка тяжело раненыхъ 16, легко 37 человекъ; Владимірскаго полка тяжело раненыхъ 9, легко

раненыхъ 26; Вятскаго полка тяжело раненыхъ 15, легко 27 человекъ; изъ легкой полевой команды тяжело раненыхъ 54, легкими ранами 31 человекъ; изъ полевой артиллеріи тяжело раненыхъ 2, Архангелогородскаго полка тяжело раненый 1, легко раненыхъ 7 человекъ; Изюмскаго полка тяжело раненый 1; а всего всѣхъ чиновъ убито 132, тяжело раненыхъ 330, легко раненыхъ 167 человекъ. Лошадей убито 35.

При семъ важномъ и рѣшительномъ сраженіи отличили себя, во-первыхъ: Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, будучи предводителемъ главной атаки, съ неописанною храбростію всегда и вездѣ возставлялъ порядки, и, не смотря на отчаянное сопротивление бунтовщиковъ, достигъ до своего предмета, и овладѣвъ крѣпостнымъ валомъ, способствовалъ къ побѣдѣ.

Г. Полковникъ и кавалеръ Князь Долгорукій, отряженный къ приумноженію и усилованію атакующихъ, съ неустрашимомъ храбростію управлялъ своей баталіономъ, и выдерживалъ отъ осажденныхъ злодѣевъ жесточайшую канонаду, ободрялъ своимъ примѣромъ подчиненныхъ, и достигнувъ до своего намѣренія, вззошелъ на валъ.

Г. Подполковникъ Князь Одоевскій съ Подполковникомъ и кавалеромъ Филисовымъ, будучи напередъ отряжены къ атакѣ, не оставили употреблять всѣ способы превозмочь и одолѣть упорство оборонявшихся бунтовщиковъ, поощряя примѣрами своими, гдѣ Г. Подполковникъ Филисовъ и рану получилъ въ шею. Подполковникъ Аршеневскій, по отряженію его, чтобы скорѣе доставить подкрѣпленіе къ атакѣ Генералъ-Маіору Фрейману, въ то самое время, когда на оную жестокаго нападенія сдѣлали злодѣи <чему его сіятельство самъ былъ свидѣтелемъ>, по повелѣнію его, кинулся напередъ съ баталіономъ, изъ легкихъ полевыхъ командъ составленнымъ; то жъ учинилъ и Лейбъ-гвардія Капитанъ-Поручикъ Толстой, сдѣлая тому достохвальному примѣру; и такъ оба они вззошли на валъ, доказавъ отмінуемую храбрость. Г. Полковникъ Бибииковъ, будучи на правомъ флангѣ, не упустилъ ничего со стороны своей къ удержанію злодѣевъ, посылая на нихъ лыжниковъ и егерей тревожить ихъ лѣвый флангъ: а потому не осмѣлились они всѣхъ своихъ силъ обратить на атаку Г. Генералъ-Маіора Фреймана; послѣ чего не упустилъ онъ отъ своей стороны взойти и на валъ крѣпости.

Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, предводительствуя бригадою своею съ праваго фланга, въ продолженіе сраженія со всеусердною къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревностію, прилагалъ стараніе и употреблялъ всѣ способы пріобрѣсти славу; поставя свои батареи, сдѣлавъ злодѣямъ немалый уронъ и въ преслѣдованіи ихъ учрежденіями своими умножилъ пораженіе. — Подполковникъ и кавалеръ Бедяга, въ самый тотъ моментъ, какъ пѣхота очистила валъ, первый изъ кавалеріи съ двумя эскадронами Изюмскихъ гусаровъ вскакалъ въ крѣпость и причинилъ тамъ злодѣямъ сильное пораженіе и кровопролитіе, да и вслѣдъ за ними продолжалъ погоню. — Полковникъ и кавалеръ Хорватъ, примѣтя колебаніе злодѣевъ, храбраго своего полка съ двумя эскадронами, присоединя къ себѣ Чугуевскія роты, объѣхалъ Оренбургскою дорогою, и обратя вблудихъ по оной дорогѣ назадъ, гнался за ними по дорогѣ къ Иледкому городку болѣе 17 верстъ, и въ семъ преслѣдованіи побилъ множество злодѣевъ. — Г. Полковникъ

Ильинъ съ своимъ полкомъ въѣхалъ въ крѣпостныя ворота, злодѣевъ также преслѣдовалъ, и привелъ пѣхотныхъ 300 человекъ. Находившіеся при корпусѣ волонтеры, Лейбъ-гвардія коннаго полка Поручикъ Князь Волконскій и Адъютантъ Кошелевъ всегда были при его сіятельствѣ неотлучны, и посылались отъ него въ нужныя мѣста, что оба они исполняли съ безстрашіемъ и съ отмінуемою храбростію, при чемъ Адъютантъ Кошелевъ предъ концомъ сраженія и рану получилъ въ ногу пулею. Такую жъ доказывалъ при всякомъ случаѣ къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревность и дежурный прикорпусѣ Премьер-Маіоръ и кавалеръ Муфель, не оставляя вездѣ быть, куда только сдѣлавали приказанія. Находившіеся при его сіятельствѣ въ должности Дежуръ-Маіора Углицкаго полка Квартирмистръ Романовъ, чрезъ усердіе свое къ службѣ, многократно оказывалъ хорошія заслуги, и въ продолженіе сей экспедиціи употреблялся съ хорошею пользою; а здѣсь сначала сраженія съ небольшою командою посланъ былъ для примѣчанія злодѣйскихъ батарей къ самому валу, и обозрѣвши оный, подавъ обо всемъ томъ настоящее свѣдѣніе; равно жъ и дивизионный Квартирмистръ Германъ въ продолженіе сей многотрудной экспедиціи должность свою неусыпно исправлялъ, доказывая по званію своему довольно въ ней искусство; а здѣсь же, въ пораженіи при Татищевой крѣпости злодѣевъ, употребленъ былъ съ егерями и освободилъ окруженныхъ злодѣями лыжниковъ. — 24-й легкой полевой команды Премьеръ-Маіоръ Швейковскій и 2-го гренадерскаго полка Секундъ-Маіоръ Пушкинъ были въ пастоящей атакѣ и въ штурмованіи крѣпости, гдѣ, по засвидѣтельствованію Бригаднаго Командира Г. Генералъ-Маіора Фреймана, отличили себя довольно храбростію.

Неустрашимость и храбрость Ея Императорскаго Величества войскъ извѣстны уже всему свѣту, а потому и при семъ важномъ и рѣшительномъ сраженіи, къ преодоленію всѣхъ упорствъ отъ бывшихъ въ крайнемъ отчаяніи злодѣевъ и бунтовщиковъ, всѣми военными людьми оказанная ревность заслуживаетъ генерально имя достойныхъ и неустрашимыхъ воиновъ, а особливо гг. штабъ- и оберъ-офицеры, предводительствуя своими подчиненными, при всякомъ встрѣчномъ случаѣ всеусердно и ревностно исполняли свои должности.

23-го числа чрезъ разосланныя партіи привезено пѣхотныхъ до 400 человекъ, да явилось дезертировъ изъ Бердинской слободы 10 человекъ Оренбургскихъ казаковъ: послѣдніе объявили, что по разбитіи злодѣевъ въ главной ихъ толпѣ, то есть въ Бердинской слободѣ, сдѣлалось между ними замѣшательство, и что самъ измѣнникъ Пугачевъ, прибравъ къ себѣ Яицкихъ казаковъ, часть сыслочныхъ и заводскихъ людей, однакожъ всѣхъ на все не болѣе 2,000 человекъ, возмѣрился спасать себя бѣгствомъ и пробраться прямо степью къ Яицкому городку, такъ, чтобы пройти ему до Переволочкой крѣпости, оставляя здѣшнюю дорогу въ лѣвой сторонѣ, и артиллеріи-де взялъ онъ съ собою только 10 пушекъ; остальная-де часть бунтовщиковъ, какъ Башкирцы и прочіе, отбѣжались отъ него и пошли къ Ново-Московской дорогѣ. По симъ извѣстіямъ, чтобы пресѣчь оному злодѣю дорогу, въ тотъ моментъ приказалъ его сіятельство отрядить къ совершенному истребленію оного злодѣя сильный detachmentъ съ Подполковникомъ и кавалеромъ Бедягою, да въ ко-

мапованіе его два баталіона пѣхоты, два эскадрона гусаровъ и карабинеръ съ 10-ю орудіями, подтвердя накрѣпко, чтобъ онъ какъ возможно наискорѣе занялъ Переволоцкую крѣпость и имѣлъ бы примѣчаніе на всѣ движенія пораженныхъ и бѣгущихъ злодѣевъ.

25-го числа увѣдомлено, что самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими остановился въ хуторахъ отъ Переволоцкой крѣпости верстахъ въ 30-ти, и старается пробраться оттуда прямо къ Ново-Сергіевской крѣпости, а потому и отрядилъ его сіятельство Г. Полковника Ильина съ двумя эскадронами, придавъ ему 100 человекъ егерей и 100 лыжниковъ, съ тѣмъ, чтобъ занявъ онъ Переволоцкую крѣпость; а Подполковнику Бедрагъ, вышедъ изъ оной, велѣно маршировать къ Ново-Сергіевску, и такъ сдѣлать связь отъ Татищевой до Ново-Сергіевской крѣпости. Сего жъ числа явилось дезертировъ 67 человекъ.

26-го числа получилъ его сіятельство сообщеніе отъ Оренбургскаго Губернатора Г. Генералъ-Поручика и кавалера Рейнсдорпа, что онъ, будучи отъ дезертировъ увѣдомленъ о побѣдѣ, одержанной въ Татищевой крѣпости надъ извѣстнымъ злодѣемъ Пугачевымъ, и зная о побѣгѣ его Пугачева, не преминулъ взять съ своей стороны надлежащія мѣры, да и послалъ вслѣдъ онаго часть войска; также отрядилъ нѣкоторую часть и къ занятію Чернорѣченской крѣпости и Бердянской слободы, оставленной злодѣями, гдѣ покинуто отъ нихъ около 60 пушекъ, знатное число провіанта и фуража; что все приказалъ онъ перевозить въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, къ преградѣ и пресѣченію злодѣйскаго побѣга, учреждена по означеннымъ мѣстамъ связь отъ самаго Оренбурга даже до крѣпости Ново-Сергіевской, а отъ оной и до Сорочинской крѣпости велѣно имѣть частые развѣды. Въ сей позиціи находилась войска до 30 числа; злодѣи жъ, усмотря, что нмѣ здѣсь преграда и намѣреніе свое сдержать никоимъ образомъ не можно, оставя опое, обратились назадъ, и пошли опять къ Каргалинской слободѣ.

Между тѣмъ командующій Г. Генералъ-Маіоръ упражнялся въ томъ, чтобъ изъ готовленнаго въ Сорочинской крѣпости магазейна, какъ можно скорѣе, доставить въ Оренбургъ довольное число провіанта и фуража, куда всѣ назначенные транспорты были уже доставлены.

29-го числа взятые въ плѣнъ въ теченіе вышеозначенныхъ чиселъ, при достаточномъ конвоѣ, отправлены были по Сакмарской линіи; а важныхъ арестантовъ до 600 человекъ отправлено при корпусѣ.

Сего жъ числа получилъ его сіятельство подлинное извѣстіе, что злодѣи Пугачевъ, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ къ пресѣченію побѣга его на Яикъ взяты мѣры, со всею своею толпою обратился назадъ чрезъ Общій Сыртъ, съ намѣреніемъ занять Каргалинскую слободу; почему въ самой скорости и отправлены туда передовыя войска, подъ командою Г. Полковника и кавалера Хорвата. Въ ту жъ самую ночь получены подтвердительныя извѣстія изъ Чернорѣченской крѣпости о настоящихъ движеніяхъ злодѣйскихъ, и что самозванецъ Пугачевъ прямо стремится къ покинутой слободѣ, видя вездѣ путь себѣ прегражденный, а потому и обнадѣялся въ оной слободѣ найти еще свое убѣжище; а хотя обѣ оныя подгородныя слободы, то есть Каргалинская и Бердянская, и заняты были небольшими партіями

отъ легкихъ войскъ, посланныхъ изъ города Оренбурга, но оныя партіи, находя себя не въ состояніи сопротивляться злодѣйскимъ силамъ, принуждены были ретироваться; къ тому же было не безъизвѣстно, что бунтовщики усилившись, заняли было немалымъ своимъ числомъ Берду, да и намѣревались тутъ, какъ въ прежнемъ своемъ гнѣздѣ, сонмище свое еще сдѣлать; а потому командующій Г. Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ приказалъ Полковнику Хорвату съ крайнею поспѣшностью сдѣлать къ Оренбургу, да и всему корпусу назначилъ походъ съ полуночи; Генерала жъ Маіора Мансурова оставилъ въ прежней позиціи, для охраненія крѣпостей Ново-Сергіевской, Переволоцкой и Татищевой, въ томъ разсужденіи, чтобъ тѣмъ подвозъ провіанта и фуража изъ Сорочинской крѣпости могъ быть безпрепятственно продолжаемъ, да и коммуникацію бѣ отнять у бунтовщиковъ съ Яицкимъ городкомъ. Въ команду помянутому Г. Генералъ-Маіору поручено войско: три баталіона пѣхоты, въ томъ числѣ одинъ егерскій и пять эскадроновъ конныхъ съ достаточнымъ числомъ артилеріи.

30-го числа корпусъ сдѣлалъ форсированный маршъ до Чернорѣченской крѣпости, гдѣ полученъ рапортъ отъ Г. Полковника Хорвата, что онъ занялъ уже Бердянскую слободу, а злодѣи въ Каргалѣ и въ Сакмарскомъ городкѣ, и что онъ по вѣрнымъ извѣстіямъ узналъ, яко бы состояніе бунтовщиковъ переѣмнилось, и предводитель ихъ получилъ къ себѣ шайку болѣе 2.000 Башкирцевъ, да изъ разной сволочи обратно къ нему жъ пріобшлись не мало, такъ что число всѣхъ оныхъ простирается до 5.000 человекъ, а потому и призналъ онъ Г. Полковникъ за лучшее обождать тутъ прибытія корпуса.

31-го корпусъ сдѣлывалъ до слободы Бердянской, которая разстояніемъ отъ Чернорѣчья 17 верстъ. Маршъ сей продолжался лугами и по рѣкѣ Сакмарѣ, а частію озерами. По прибытіи въ оную слободу, соединился корпусъ съ передовымъ detachementомъ, гдѣ его сіятельство получилъ вѣрное извѣстіе, что самозванецъ Пугачевъ положилъ намѣреніе тутъ остаться и приумножить свои силы, заготовляя тутъ довольное себѣ пропитаніе. Сего жъ числа отправился его сіятельство съ однимъ легкимъ конвоемъ въ городъ Оренбургъ, до котораго отъ Бердянской слободы считается 7 верстъ, куда прибывъ, отъ Г. Генералъ-Поручика и кавалера, Оренбургскаго Губернатора Рейнсдорпа встрѣченъ и принятъ онъ былъ съ отменною радостію, при общемъ восклицаніи всѣхъ городскихъ жителей, которые, за неимѣніемъ пищи, находились въ великой уже слабости; радость свою оказывали они, проливая слезы и прославляя Монаршую къ нимъ милость доставленіемъ избавленія сего близъ самой погубили бывшаго города, который, будучи утѣсненъ несноснымъ голодомъ, въ скоромъ времени неминуемо и совершенно погибъ бы со всѣми его жителями; а какъ скоро получилъ его сіятельство отъ здѣшняго Г. Губернатора обо всѣхъ обстоятельствахъ свѣдѣніе, то, ни мало не мѣшкая, и выѣхавъ изъ города въ тотъ же самый день, взявъ въ прибавокъ войскъ нѣсколько пѣхоты и одинъ эскадронъ легкихъ драгуновъ, да казаковъ Яицкихъ и Оренбургскихъ до 300 человекъ; но понеже оныя казаки <будучи въ шестимѣсячной осадѣ> потеряли всѣхъ своихъ лошадей, то его сіятельство нашелъ способъ снабдить ихъ оными.

собрать отъ всего своего корпуса и истребовать у штабъ и оберъ-офицеровъ, кои, усердствуя къ службѣ Всемилостивѣйшей своей Монархинѣ, послѣднихъ лошадей своихъ охотно отдали. Такимъ образомъ призналъ его сіятельство за самую нужность, чтобъ нimalo не теряя времени и не давалъ скопяться и усиливаться вышеозначенному злодѣю, атаковать его всѣми силами въ поминутую Каргалинскую слободѣ.

1-го числа Апрѣля по полуночи учрежденъ былъ маршъ въ три колонны; авангардъ былъ подъ командою Г. Полковника Бибикова, которой передовыя войска приближась къ Каргалѣ, примѣтили, что злодѣи находятся въ оной слободѣ яко бы не съ большимъ числомъ; но самозванецъ Пугачевъ въ самое приближеніе корпуса прибылъ туда со всею его толпою, въ намѣреніи, чтобъ пробраться ему оттуда въ Бердинскую слободу, думая, что войска продолжаютъ еще въ Татищевой крѣпости, или не пришли еще въ сію слободу. Мѣстоположеніе около Каргалы примѣчено весьма неспособнымъ и наполнено рвами и дефилеями; одинъ только проходъ былъ къ ней, да и тотъ самый нужнѣй: почему и не можно было иначе здѣсь дѣйствовать, какъ только одною малою частію войска. Злодѣи противъ самой дороги поставили свою батарею изъ семи пушекъ и стремились удержать батальоны Капитанъ-Поручика Толстова и полковыхъ легкихъ командъ Подполковника Аршеневскаго, которые отряжены были къ атакѣ; по наступленіи оныхъ, злодѣи нашли себя недостаточными вступить въ сраженіе, и затѣмъ, вышедши изъ слободы, спустились на рѣку Сакмару, покрывая свою ретираду пушками и надвѣсь дойти до Сакмарскаго городка. Его сіятельство, какъ скоро увѣдомленъ былъ о ихъ выступленіи изъ Каргалы, отрядилъ тотчасъ Полковника и кавалера Хорвата съ 3 эскадронами гусаровъ и одинъ эскадронъ карабинеръ Архангелогородскихъ, дабы на первый случай нѣсколько ихъ поудержать; а между тѣмъ тогда же посланъ батальонъ Капитанъ-Поручика Толстова; но злодѣи еще поспѣшнѣе ретираду свою продолжать начали, занимая дефилеи. Кавалерія, какъ ни стремилась ихъ сбить, но сильною ихъ канонадою удерживана была, продолжая свой путь болѣе 3 верстѣ; но какъ наконецъ подошли наши пушки, и изъ послѣдняго дефилея злодѣвъ выбили, то безъ помѣшательства уже слѣдовали, пользуясь весьма тѣснымъ проходомъ. Въ продолженіе оного Г. Полковнику Бибикову съ батальономъ велѣно было занять гору, которая была на лѣвой нашей сторонѣ. Храбрый и достойный похвалы Хорватъ примѣтилъ, что ему дозволяетъ мѣсто ударить на бунтовщиковъ, съ отменною неустрашимостію атаковалъ ихъ; не взирая на превосходное число толпы ихъ, отбилъ пушки, обратилъ ихъ въ наглый бѣгъ и преслѣдовалъ за ними 8 верстѣ. Самозванецъ сперва покушался было удержаться на Сакмарѣ, гдѣ собравъ остальные свои силы и изготавился къ оборонѣ; но храбрые гусары преслѣдовали ихъ столь жестоко, что съ бѣгущими вскакали въ самый городокъ. Самозванецъ Пугачевъ, какъ всегда, имѣлъ готовыхъ къ побѣгу береженныхъ лошадей, подхватя тутъ четыре заводныя лошади, бѣжалъ оттолъ далѣе по дорогѣ на Пречистенскую крѣпость. Полковникъ Хорватъ не упустилъ догонять его еще столько, сколько позволяли силы, на усталыхъ лошадяхъ; но не могъ его достигнуть, за крайнимъ утомленіемъ лошадей своихъ. При

семь рѣшительномъ сраженіи бунтовщикъ Пугачевъ потерялъ безъ остатка всѣ свои силы; пѣвинныхъ взято 2,800 человекъ, убито 400, между первыми найдены всѣ первые самозванцевы старшины, а именно: Подуровъ, Горшковъ, Жилкинъ и прочіе; въ добычу получено девять пушекъ, одно знамя Симбирскаго батальона, взятое злодѣями у Полковника Чернышева, и нѣсколько ихъ злодѣйскихъ значковъ, весь ихъ обозъ, заготовленный провіантъ и фуражъ; словомъ, часто помянутый бунтовщикъ и самозванецъ такъ здѣсь пораженъ, что при семъ случаѣ потерялъ онъ всѣ свои силы.

При семъ важномъ и знаменитомъ сраженіи отиѣнно противъ прочихъ отличилъ себя Г. Полковникъ и кавалеръ Хорватъ: бывъ первымъ участникомъ въ сраженіи злодѣевъ, съ своимъ полкомъ отбилъ у злодѣевъ всѣ пушки и не далъ имъ засѣсть въ Сакмарскій городокъ, атаковалъ ихъ тутъ, и преслѣдованіе слѣжалъ столь сильное, что въ скорости и послѣдовало совершенное разбитіе и пораженіе ихъ, причемъ доказалъ онъ всѣ качества неустрашимого и храбраго начальника.

Гвардіи Капитанъ-Поручикъ Толстой былъ отряженъ съ батальономъ на подкрѣпленіе кавалеріи, который поспѣшно слѣдовалъ, подоспѣвая всегда облегчать оную въ своихъ оборотахъ, и чрезъ поставленныхъ отъ него пушки принудилъ злодѣевъ ретироваться; объ отличившихся же при семъ пораженіи оберъ-офицерахъ Изюмскаго гусарскаго полка представленъ особый списокъ.

Примѣчено также, что согласные Яицкіе казаки, будучи предводимы Старшиною ихъ Бородинымъ, доказали свою храбрость и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества, находясь всегда впереди въ преслѣдованіи злодѣевъ. Чугуевского казачкаго полка Ротмистръ Тутолминъ и Гончаровъ, которые отряжены будучи съ одними казаками, еще до приближенія корпуса къ Каргалинской слободѣ храбро удерживали злодѣевъ, давъ время между тѣмъ подойти пѣхотѣ, и при пораженіи злодѣевъ обще съ кавалеріею всегда были напередѣ.

Изъ-за сего вторичнаго пораженія самозванца и возмутителя Пугачева съ его сообщниками, признавъ его сіятельство, что Г. Генераль-Маіору и кавалеру Мансурову въ прежнемъ положеніи остаться уже нѣтъ надобности, послалъ къ нему ордеръ, давъ знать о вышеозначенной одержанной надъ злодѣями вторичной побѣдѣ; опредѣлилъ, чтобъ онъ изъ Татищевой крѣпости слѣдовалъ къ Илецкому городку, для истребленія находившихся въ сихъ мѣстахъ злодѣевъ.

3-го числа отряжены войска внутрь Башкиріи, для усмиренія паходившихъ по рѣкамъ Демѣ и Бѣлой сообщниковъ Пугачева. Имъ хотя велѣно было слѣдовать до самаго города Уфы, но какъ по полученнымъ чрезъ пѣвинныхъ извѣстіямъ увѣдомлено, что тѣ бунтовщики пробираются въ Уральскія горы, съ намѣреніемъ пройти оттуда въ Исетскую провинцію и возмутить тамошнихъ жителей, то по сему и отряжены два detachmenta: съ первымъ отправленъ Г. Генераль-Маіоръ Фрейманъ по Уфимской дорогѣ, на Бугульчанскую и Стерлитамацкую соляныя пристани и къ пригороду Табынску, гдѣ будучи, обороты свои велѣно имѣть ему по обстоятельствамъ. Изъ войска жъ въ команду его дано 600 человекъ пѣхоты и 8 орудій, 3 эскадрона гусаръ, рота Чугуевскихъ и 100 человекъ Яицкихъ казаковъ;

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

Рисунокъ 19 въка; внѣшній видъ не измѣнился со временъ Пугачева.

со 2-мъ detachmentомъ отряженъ легкихъ полевыхъ командъ Подполковникъ Аршеневскій; ему велѣно слѣдовать по Московской дорогѣ и быть въ точной командѣ упомянутого Г. Генераль-Маіора. Съ нимъ командированы батальонъ пѣхоты съ 4 пушками, эскадронъ Изюмскихъ гусаровъ и эскадронъ Бахмутскаго полка, да 50 человекъ Оренбургскихъ казаковъ.

При всемъ томъ не оставилъ его сіятельство разослать отъ себя во всю Башкирію объявленія, что возмутитель и самозванецъ Пугачевъ сего мѣсяца перваго числа совершенно разбитъ и истребленъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, дабы всѣ зараженные сквернымъ духомъ возмущенія его, пришли въ раскаяніе, и возвратя въ свои жилища, прибѣгнули бѣ съ повинною къ стопамъ законной и милосердой своей Монархини, изъясняя имъ, что сіе есть одно оставшее имъ средство умиловить Ея Императорское Величество, а паче когда они самаго того самозванца и злодѣя Пугачева поймавъ, приведутъ къ командѣ, чрезъ что возстановятъ они прежній свой покой и благоденствіе; въ противномъ же случаѣ всѣ они подвергнутся неминуемой и конечной уже погибели.

4-го числа увѣдомлено изъ допросовъ главныхъ бунтовщиковъ, что самозванецъ Пугачевъ наѣхъ въ всѣмъ способами пробираться къ Яицкому городку, гдѣ у него остались еще сообщники; а потому и опредѣлилъ его сіятельство Г. Генераль-Маіору и кавалеру Мансурову, по занятіи Илецкаго городка, немедленно туда слѣдовать къ освобожденію осажденныхъ и крайнюю уже нужду претерпѣвающей тамъ командѣ. Сего жъ числа послана партія, при Капитанѣ Ивановичѣ, со-

стоящая въ одномъ эскадронѣ Изюмскаго полка гусаровъ съ прибавленіемъ одной роты Чугуевскихъ и 10 человекъ Яицкихъ казаковъ; ей велѣно ити къ Пречистенской, а оттуда, ежели надобно будетъ, и до Красногорской крѣпости, развѣдывая въ тамошнихъ мѣстахъ, не появятся ли гдѣ въ оныхъ злодѣи, съ наѣзженіемъ, чтобъ сими мѣстами прокрасться къ Илецкой соляной Защитѣ, а оттуда бѣ степью пройти и въ Яицкій городокъ.

5-го числа въ Сакмарскомъ городкѣ поставленъ observationalный detachmentъ съ Полковникомъ Княземъ Одоевскимъ, въ томъ наѣзженіи, чтобъ въ нужномъ случаѣ удобнѣе было доставить курсъ отправленнымъ внутрь Башкиріи войскамъ, равномерно жъ и обѣ предположенныя подгородныя слободы: Каргала и Берда, войсками заняты; самъ его сіятельство сего же числа отправился въ Оренбургъ, куда по прибытіи отряжена особливая пристойная партія легкой полевой командъ съ Маіоромъ Наумовымъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ, для примѣчанія надъ живущими въ тамошнихъ мѣстахъ обывателями, которой велѣно, если злодѣи Пугачевъ или сообщники его будутъ тамъ прокрадываться къ Яику, то бѣ ихъ не пропускать и истреблять.

Впрочемъ же сіе 6-ти-мѣсячнаго времени описаніе не можетъ лучше и преимущественнѣе окончено быть, какъ приложеніемъ копии съ Высочайшаго и Всемиловивѣйшаго Ея Императорскаго Величества Именнаго указа, по окончаніи уже онаго бѣдственнаго времени, то есть, Мая 1-го дня 1774 года, состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, котораго точное содержаніе есть слѣдующее. (См. Приложенія, I).

ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ,

въ которомъ содержится краткое извѣстіе о злодѣйствахъ самозванца и бунтовщика Пугачева, учиненныхъ отъ него и отъ сообщниковъ его въ разныхъ мѣстахъ послѣ пораженія ихъ подъ Сакмарскимъ городкомъ, по поимкѣ его Пугачева, то есть Сентября по 18 число 1774 года.

Пораженіе, упомянутому злодѣю и сообщникамъ его учиненное подъ предводительствомъ Г. Генераль-Маіора и кавалера Князя Петра Михайловича Голицына близъ Сакмарскаго городка, столь было велико и сильно, что онъ, оставя всѣхъ своихъ сообщниковъ въ разбитіи и разсѣянніи, самъ-третій или самъ-четверть того жъ, т. е. 1 числа Апрѣля, малыми и скрытными тропами прибѣжалъ въ село Г. Коллежскаго Совѣтника Тимашева, называемое Никольскимъ, отъ Сакмарскаго городка 20, а отъ Оренбурга 50 верстъ, гдѣ онъ сію первую ночь и почевалъ.*) На дру-

*) Злодѣйства упомянутого бунтовщика, послѣ того, какъ онъ совершенно здѣсь разбитъ, и принужденъ былъ бѣжать отъ Оренбурга вдаль, оставя осаду и добычаніе онаго, превосходятъ всѣ тѣ, кои причинялъ онъ, приближаясь къ Оренбургу, и во время шести-мѣсячной осады сего города; но какъ они чинены имъ и въ разныхъ отдаленныхъ отъ Оренбурга мѣстахъ, то по обстоятельному описанію оныхъ и бывшихъ между тѣмъ пріключеній, необходимо надлежитъ со многими командами, крѣпостями и городами, гдѣ что произошло, имѣть справки, которыхъ въ скорости собрать не можно; а дабы между тѣмъ имѣть хотя нѣкоторое и общее объ нихъ свѣдѣніе, для сего предварительно и при-

гой день съѣхалось къ нему туда изъ разсѣянныхъ злодѣевъ нѣсколько человекъ, съ которыми онъ побѣжавъ отсель, трагилъ на одну толпу Башкирцевъ, которую удалось ему еще преклонить въ свое согласіе; потомъ пробрался онъ съ ними на Конаникольскій бывшій Мосолова заводъ, гдѣ всѣ находившіеся крестьяне и рабочіе люди склонились въ его сторону. Тутъ, будучи во время внешней распутицы окруженъ разлитіемъ водъ, началъ онъ больше прежняго Башкирскій народъ возмущать и усиливаться снова.

Между тѣмъ скоро послѣ Сакмарскаго пораженія, отъ его сіятельства, вышеупомянутого Г. Генераль-Маіора и кавалера Князя Голицына командированъ былъ въ Башкирію Г. Генераль-Маіоръ и кавалеръ Фрейманъ съ довольною командою; но онъ, дошедъ сперва до Бугульчанской пристани, а потомъ до пригорода Табынска, за великимъ разлитіемъ тамошнихъ рѣкъ, не могъ

лагаться здѣсь подъ именемъ втораго прибавленія сіе краткое извѣстіе, въ несомнѣнной надеждѣ, что обстоятельное описаніе для потомства знанія отъ искусныхъ и свѣдущихъ людей, все вмѣстѣ, или хотя по частямъ и по кѣстамъ, впрелѣ сочинено и въ публику издано быть имѣтъ.

поисковъ сдѣлать надъ злодѣями, и принужденъ былъ ожидать способнаго лѣтняго пути, по которому онъ внутрь Башкиріи со всею своею командою немедленно и пошелъ. Потомъ скоро, съ особливимъ деташементомъ, въ коемъ нерегулярныхъ людей было до 500 человекъ, отправленъ былъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ изъ отставныхъ отъ службы предупомянутый Коллежскій Совѣтникъ Тимашевъ, бывшій прежде Таможеннымъ Директоромъ. О немъ думали, что онъ, по имѣющемуся въ здѣшнихъ за-Уральскихъ Башкирцахъ кредиту, не только отвратитъ ихъ отъ сообщенія съ Пугачевымъ, но и самого его въ состояніи будетъ поймать; чего однакожъ учинить онъ не могъ, только съ Уфимской стороны отъ осады города Уфы, въ которой сей городъ не мало временно былъ содержанъ, по приближеніи туда армейскихъ командъ, злодѣи отражены, и хотя послѣ того и засѣли было они въ пригородкѣ Табыцкѣ, отъ Уфы вверхъ по рѣкѣ Бѣлой около 100 верстъ, но и тутъ напавъ на то злодѣйское скопище Подполковникъ Михельсонъ съ командою, всѣхъ ихъ разбилъ, да и самого ихъ предводителя, Яндкаго казака, на Яикѣ Чикою называвшагося, а послѣ отъ Пугачева Графомъ Чернышевымъ прозваннаго, поймавъ, въ городъ Уфу отвезъ, гдѣ онъ нѣсколько времени содержанъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ, а потомъ, какъ великій злодѣй и главный Пугачева сообщникъ, отосланъ онъ въ Казань.—18-го числа Мая прибылъ изъ Казани въ Оренбургъ его сіятельство Г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Щербатовъ, и вступилъ въ главное командованіе всѣми въ Оренбургской губерніи находящимися войсками, отъ котораго его сіятельство, вышереченный Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ отправленъ былъ въ Башкирію самъ, для усмиренія пріобшившихся въ согласіе къ Пугачеву Башкирцевъ, съ корпусомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей и съ потребною артиллерією; выступилъ онъ изъ Оренбурга 17 Іюля и на нѣсколько времени остановился на Бугульчанской и Стерлитамацкой соляныхъ пристаняхъ, изъ которыхъ, неподалеку отъ послѣдней, на рѣкѣ Акшадарѣ, имѣлъ сраженіе съ Башкирцами, коихъ разбивъ и разсѣявъ, прошель оттуда въ городъ Уфу, и тамъ, для воздержанія Башкирскаго народа, остановился; а между тѣмъ и Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Фреймавъ, въ команду котораго и вышеозначенный Совѣтникъ Тимашевъ съ деташементомъ его пріобщенъ, надъ злодѣями учинилъ нѣсколько поисковъ, разбивъ ихъ скопища въ разныхъ мѣстахъ съ немалымъ ихъ урономъ; но со всѣмъ тѣмъ совершенно усмирить ихъ и оныя замѣшательства прекратить было еще не можно. Они, собираясь кучами, въ разныхъ мѣстахъ нападеніями своими на разныя небольшія команды, на бѣдущіе по большимъ дорогамъ обозы, на мѣдныя и желѣзные заводы, и на многія жилища причиняли множество смертныхъ убійствъ, грабительствъ, пожеговъ и разореній.

Самъ злодѣй и самозванецъ Пугачевъ, во время вѣшней распутицы и разлитія водъ, находясь на Канопикольскомъ Мосолова заводѣ, потомъ на Авзяно-Петровскихъ Демидовскихъ заводахъ по нѣскольکو дней, а оттуда пробрався на Бѣлорѣцкій Твердышева заводъ, не только всѣхъ тамошнихъ крестьянъ принудилъ быть въ своемъ согласіи и оныя заводы опустошилъ, но и всю Башкирію, наипаче жъ живущихъ около Верхо-

Яндкой пристани и къ сторонѣ Исетской провинціи возмущилъ такъ, что весь сей народъ сталъ быть его сообщниками и государственными злодѣями *). Не можно довольно надивиться, съ какою скоростностию и удачею помянутый злодѣй и возмущитель, будучи въ здѣшней сторонѣ, злодѣйскія свои намѣренія производилъ въ дѣйствіе; а какъ скоро бываемое въ тамошнихъ мѣстахъ великое разлитіе водъ поуменьшилось,—во-первыхъ: напавъ онъ на Магнитную вверху Яика имѣвшуюся крѣпость, коею овладѣвъ и разоривъ ее, устремился онъ, миновавъ Верхо-Яндкую крѣпость, на Уйскую линію. Здѣсь овладѣвъ онъ Удыкарагайскую степную Петропавловскую, а напослѣдокъ 20 Мая завладѣвъ онъ и главную тамъ Троицкую крѣпость, гдѣ, такъ какъ и въ Оренбургѣ, въ лѣтнее время торгъ и мѣна съ Азіатскими купцами и народами происходитъ и бываетъ тамъ великій купеческій съѣздъ и съѣзъ многихъ товаровъ.

Жалко и почти не можно описать кровопролитія и злодѣйствъ онаго самозванца и сообщниковъ его въ помянутыхъ и другихъ мѣстахъ, съ сей стороны причиненныхъ; словомъ, всѣ штабы и оберъ-офицеры, въ оныхъ крѣпостяхъ находившіеся, умерщвлены, жены ихъ и дѣти съ самыми простыми женщинами ограблены и босыя, гнаты были пѣшкомъ до самой Троицкой крѣпости **). Бывшій здѣсь Комендантъ, Г. Бригадиръ Фейерваръ, который на сей бѣдственный случай находясь боленъ и возимъ былъ въ коляскѣ, заколотъ копыями. Г-жа Бригадирша, жена его, по жалобѣ на нее одного слуги, или служанки, яко бы въ жестокомъ содержаніи, привязана была къ лошадиному хвосту, и таскали ее живую еще по улицамъ, а наконецъ оныя злодѣи тирански ее умертвили. Все сіе въ Троицкой крѣпости бывшее кровопролитіе происходило 20 Мая имѣніе жъ всѣхъ, а равно и находившихся тамъ товары собраны и раскладены были верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, по кучамъ, съ тѣмъ, дабы на завтрашній день между злодѣями быть раздѣлу, да и всѣ въ живыхъ тутъ оставшіеся на другой день ожидали своей судьбины; чего ради и выведены они были въ злодѣйскій лагерь, отъ крѣпости верстахъ въ трехъ имѣвшійся. Но сей день былъ днемъ ихъ спасенія: ибо Г. Генералъ-Поручикъ Декалонгъ съ командою своею хотя и крайне поспѣшалъ нагнать злодѣевъ, однакожъ прежде не могъ поспѣть туда, какъ 21 числа Мая, то есть, на другой день послѣ взятія Троицкой крѣпости. Злодѣи встрѣтили его верстахъ въ 8-ми отъ крѣпости; но онъ съ корпусомъ своимъ напавъ на нихъ, всѣхъ ихъ разбилъ и разсѣялъ прежде, нежели они къ вышеозначенному дѣлежу приступили, и побивъ изъ нихъ многихъ на мѣстѣ

*) Изъ находящихся въ Исетской провинціи Башкирскихъ старшинъ, Кубеляцкой волости старшина Баямъ-Тарханъ есть знатнѣйшій и всѣхъ другихъ богатѣе; ибо у него у одного въ конскомъ его заводѣ считали лошадей отъ 5 до 6 тысячъ. Сей старшина, приклонившись къ Пугачеву, былъ ему тамъ главнымъ сообщникомъ и помощникомъ.

**) Сказываютъ, что самозванецъ Пугачевъ, пришедъ на Уйскую линію, посылалъ отъ себя въ среднюю Киргизъ-Байсацкую Орду къ Облаю Салтану и къ тамошнимъ старшинамъ съ требованіемъ, чтобъ они ему къ овладѣнію Троицкой крѣпости помогли, обѣщая имъ за то всѣхъ пѣшихъ людей отдать въ свойство; но они отъ сего отrekliсь, и никто къ нему изъ нихъ для онаго не бывалъ.

сраженія, спастъ жизнь многихъ, бывшихъ въ рукахъ уже злодѣевъ, отъ погибели.

Сказывали завѣрно бывшіе при томъ и смотрѣвшіе на оное побойще, что самъ Пугачевъ въ сіе время не выѣзжалъ на сраженіе, но лежалъ въ палаткѣ, имѣвъ у себя руку подвязану, да и видѣли его ѣхавшаго верхомъ на лошади, съ подвязанною жъ рукою *). А какъ-де ему сказано было отъ одного казака, что сраженіе для нихъ несчастливо, и онъ бы поскорѣе убирался, то онъ, сѣвъ на лошадь и поѣхавъ потихоньку за увалъ вдаль отъ крѣпости, а тѣмъ и спасся отъ поимки; къ чему, сказывали, яко бы былъ тутъ весьма хорошій случай; но не многіе-де то видѣли и знали. Коль же скоро перевалился онъ опять въ Башкирію, то будучи здѣсь, и умножилъ онъ себѣ снова сообщниковъ, да и оставшіеся отъ разбитія злодѣи туда жъ къ нему съѣхались; а хотя еще послѣ вышеозначеннаго разбитія и были на него нападенія съ немалымъ ему уропомъ, однакожъ находилъ онъ всегда способы совоккупать и умножать свои силы. И такъ онъ отсюда въ невѣроятной почти скорости прошелъ чрезъ всю Башкирію къ рѣкѣ Камѣ, и тамъ будучи, завладѣвъ близъ пригородка Мензелинска большимъ дворцовымъ селомъ Каракулинымъ, потомъ пригородомъ Осою и другими многими тамошними жителяствами, умноживъ себѣ сообщниковъ еще гораздо больше прежняго, да и артиллерію въ разныхъ мѣстахъ захватилъ немалое число; отсюда пошелъ онъ къ рѣкѣ Вяткѣ, взявъ намѣреніе итти отсюда прямо къ Казани, для овладѣнія симъ знатнымъ и богатымъ городомъ, зная, что тутъ небольшая воинская команда находится.

По первымъ извѣстіямъ, что оный великій злодѣй и самозванецъ перешедъ изъ Башкиріи къ рѣкѣ Камѣ, стремился уже и къ городу Казани, вышеозначенные Гг. Генералы, чтобы удержатъ стремленіе онаго злодѣя, хотя и пошли туда же, а именно: Князь Голицынъ изъ Уфы къ пригороду Зайку, близъ Камы рѣки и по пути къ Казани лежащему съ немалымъ корпусомъ, а Генералъ-Поручикъ Князь Щербатовъ прямо на Казань изъ Бугульмы <ибо онъ изъ Оренбурга выѣхалъ туда еще въ первыхъ числахъ Іюля мѣсяца, въ томъ разсужденіи, что ему, какъ главному командиру, быть здѣсь посрединѣ>; однакожъ не могли они упомянутому городу подать помощи. Злодѣй Пугачевъ, пришедъ сюда 11 числа Іюля съ многочисленною своею толпою, сдѣлавъ ударъ, имѣя при себѣ и артиллерію; малая, находившаяся здѣсь воинская команда, выведена въѣхала къ рогаткамъ и къ небольшому рву, скоропостижно на сей случай сдѣланному, не могла удержатъ злодѣйское стремленіе: они, ворвавшись въ жили, безъ всякой защиты бывшее, зажгли оное въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлали не только великіе пожары, но и грабительства домовъ, а потому захватили великое число обоего пола людей и отослали въ свой злодѣйскій лагерь, гдѣ умерщвлены были отъ нихъ многіе. Они сей же день порывались было и на самую крѣпость, внутри города живущуюся, гдѣ находились тамошніе Архіепископъ, Губернаторъ <въ крайней болѣзни находившійся, отъ которой онъ скоро послѣ сего

погрому и умеръ> и другія знатнѣйшія особы; да и великое множество народа, для спасенія своего съѣхавшіеся; но престарѣлый Г. Генералъ-Маіоръ Кудрявцевъ изъ дома своего переѣхалъ туда отъ рекся, а потому и убитъ онъ ворвавшимися въ домъ его злодѣями. Пугачевъ, примѣтивъ, что вышеозначенною крѣпостью или замкомъ скоро овладѣть ему не можно, отложилъ нападеніе на оный до другаго дня, а самъ съ сообщниками своими, оставя нѣсколькихъ при пожарищахъ въ городѣ для ночлега, отѣхавъ въ свой лагерь, и тамъ будучи, какъ выше значить, многихъ изъ захваченныхъ въ городѣ погубилъ; отъ вышеозначеннаго жъ злодѣями причиненнаго пожара славный Казанской Богоматери монастырь, многія церкви, гостинные дворы и почти всѣ слободы до основанія сгорѣли; уцѣлѣли только четыре предмѣстья, то есть Архангельское и Суконное, да двѣ Татарскія слободы.

Тотъ же день ввечеру, когда самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими намѣревался еще быть въ городѣ и приступать къ замку, прибылъ туда на спасеніе всѣхъ оставшихся тамъ храбрый Подполковникъ Михельсонъ съ имѣвшимися при немъ detachemентами, и нимаю не мѣшкая, а притомъ и не взирая на многочисленную злодѣйскую толпу, вступилъ въ сраженіе, и такъ ихъ поразилъ, что они, оставя на мѣстѣ множество убитыхъ, разбѣжались всѣ врознь; думали, что симъ однимъ пораженіемъ оставшіеся городъ жители спаслись отъ угрожаемой крайнеи ихъ погибели; но тѣмъ все дѣло не было еще окончено: самозванецъ Пугачевъ, будучи пораженъ, кинулся и разослалъ отъ себя сообщникамъ своимъ въ близъ города лежащія села и деревни, и обѣщая великія награжденія, собралъ разной сволочи, а больше Татаръ и новокрещенныхъ Чувашъ, столь много, что людство его составило болѣе 25.000, съ которыми вознамѣрено напередъ атаковать и разбить упомянутаго Подполковника Михельсона, а потомъ снова приступать къ городскому замку всѣми силами и совершенно овладѣть ему симъ городомъ.

Въ дѣяніяхъ древнихъ вѣковъ и въ новѣйшихъ Исторіяхъ едва найдутся-ли примѣры, чтобы столь отважный и многолюдный злодѣй побѣжденъ и совершенно прогнанъ былъ отъ города, почти со всѣмъ, въ рукахъ его имѣвшимся, такою малою командою и отважностью, какову имѣлъ здѣсь Г. Михельсонъ; но какъ сіе, такъ и все вышеозначенное требуетъ подробнаго и обстоятельнаго описанія, а я предварительно сообщая одинъ только перечень, а потому, не распространяясь здѣсь объ ономъ, за неимѣніемъ у меня вѣрныхъ на все записокъ и доказательствъ, внесу здѣсь точную копію съ рапорта упомянутаго Г. Михельсона о семъ храбромъ его поступкѣ, съ великою отвагою и безстрашіемъ учиненномъ. Сію копію имѣю я изъ рукъ моихъ пріятелей. Рапортъ его писанъ отъ него къ Г. Генералъ-Поручику и кавалеру Князю Щербатову, отъ 16 Іюля 1774 года слѣдующаго содержанія:

«Я, не будучи въ состояніи, за изпурненными моими лошадьми, довольно пользоваться двоекратными побѣдами 12 и 13 чиселъ надъ государственнымъ злодѣемъ, воровъ Пугачевымъ, долженъ былъ остановиться на Арскомъ полѣ. 14-го получилъ извѣстіе, что злодѣй, верстахъ въ 20-ти отъ Казани, усиливаетъ свою толпу, кою онъ и дѣйствительно совоккупя къ себѣ болѣе 10 кучъ, набранныхъ его сообщниками, умно-

*) Говорили, что онъ былъ тогда раненъ выстрѣломъ изъ ружья при Магнитной крѣпости; но сямъ, по повѣствію, содержавшійся въ Симбирскѣ, онъ, Пугачевъ, объявилъ, что раненъ былъ изъ пушки картечью.

жилъ и сдѣлался больше, какъ въ 25.000 человекъ, съ коими вчерашняго числа и сталъ подвигаться для нападенія на меня, съ тѣмъ, чтобы разбить меня, взять Казань и простирать бы далѣе свои варварства и злости. Я, какъ скоро узналъ о приближеніи злодѣевъ, будучи подкрѣпленъ полученіемъ отъ его превосходительства Г. Генералъ-Маіора и кавалера Потемкина подутораста пѣхоты, пошелъ къ нимъ на встрѣчу къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ сраженіе 12-го числа. Злодѣи на меня наступили съ такою пушечною и ружейною пальбою, и съ такимъ отчаяніемъ, коего только въ лучшихъ войскахъ найти надѣялся, и малое мое число конечно бѣ должно было уступить многолюдству злодѣевъ, ежели бы не были подкрѣплены надеждою на Бога, усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилоостивѣйшей Государынѣ и утверждены не были со мною умереть или побѣдить стремленія злодѣйскія. Въ продолженіе четырехъ часовъ сраженіе, не уступая ни съ которой стороны, сражаясь сначала стрѣльбою, а потомъ уже штыками и копьями, сколь ни опасный взяло видъ, однако помощію Божіею перемѣнилось:—я, взявъ съ собою послѣдній мой резервъ въ 40 человекъ карабинеровъ, ударилъ въ то мѣсто, гдѣ подкрѣпленіе было нужнѣе, и злодѣи, сколько ни усиливались, помощію Божіею и храбростію войскъ Ея Императорскаго Величества были обращены въ бѣгъ съ потерей всей артиллеріи и до 2,000 разныхъ народовъ, по большей части иновѣрцевъ убитыхъ; живыхъ взято до 5,000 человекъ, знаменъ 17, пушекъ мѣдныхъ 3, чугунныхъ 6, ядиковъ съ снарядами 9 и немалое число пороха. Сколь мои кони утомлены ни были, я, не оставляя ни единого человека, гнался за злодѣемъ, и препоручаю всю кавалерію Маіору Харину, не велѣлъ онаго спускать съ глазъ. Злодѣи, имѣвъ лагери въ двухъ мѣстахъ, въ коихъ оставались несчастные Казанскіе жители, доѣзжая какъ до перваго, такъ и до втораго, останавливаясь, старались удерживать стремленіе: однако наши храбрые воины не давали злодѣямъ справляться. Воръ Пугачевъ изъ втораго его лагеря едва ускоралъ изъ рукъ нашихъ, и бывъ преслѣдованъ болѣе 30-ти верстъ, ударился онъ въ лѣсъ, а наши кони были не въ состояніи далѣе итти. Казанскіе жители, жены и дѣти ихъ, кои злодѣемъ были захвачены до 10,000 и болѣе душъ, изъ рукъ варварскихъ освобождены, и получена совершенная побѣда. Я не оставлю, какъ скоро узнаю, куда злодѣй повернулся, употребить всѣ возможности къ истребленію сего вора. За долгъ мой считаю отдать справедливую похвалу, во-первыхъ, Маіору Дуве съ его колонною, въ которой былъ Капитанъ Олсуфьевъ: сія колонна была единая, которую злодѣи не могли привести къ колебанію. Равнобѣрно жъ себя отличили, какъ предъ симъ, такъ и нынѣ, Маіоръ Харинъ, Ротмистръ Чугуевского полка Демьяновъ, Архангелогородскаго Князь Енгалычевъ, С.-Петербургскаго Домогацкій, Изюмскаго гусарскаго Капитанъ Кардашевскій, Поручики: С.-Петербургскаго Матисъ фонъ-Фускъ, Тутолминъ, Баронъ Игельстромъ, Архангелогородскаго Баронъ Дельвингъ, Изюмскаго гусарскаго Зелинскій, Томскаго пѣхотнаго Венгерскій, Чугуевского Квартирмистръ Яковлевъ, Казанскаго гусарскаго полкускадрона Скупинскій, Артиллерія Подпоручикъ Амбрадіевъ, Томскаго Блохинъ, 2-го гренадерскаго Биковъ, изъ Корнетовъ: С.-Петербур-

скаго Селивановъ, Пятинъ, Неймапъ, Изюмскаго Прапорщикъ Рыковъ, Казанскаго полуэскадрона Зибринскій, Томскаго Ржевскій, Чугуевского Ивановъ и Адъютантъ Тареевъ, вахмистры: С.-Петербургскаго Рылѣевъ, Архангелогородскаго Ларионовъ, сержанты: Томскаго Сапожниковъ, Популовъ и Нармудкій, Володимѣрскаго Алекинъ, Малыгинъ и Курбцовъ.»

Съ нашей стороны убито разныхъ командъ 35, тяжело раненыхъ 63, легко раненыхъ 58, лошадей убитыхъ 46, раненыхъ 68. Послѣ сего злодѣй Пугачевъ не отважился уже здѣсь совокуплять и умножать себѣ сообщниковъ, пошелъ онъ съ оставшими при немъ злодѣями по луговой сторонѣ Волги вверху и переправился на нагорную подъ Кузьмодемьянскимъ, чрезъ Васильевскій перевозъ, а еще одна или двѣ толпы злодѣевъ, между коими были и Башкирцы, не хотя итти за Волгу, пошли по луговой сторонѣ. Каждая толпа сказывала, что предводитель у нея самозванецъ Пугачевъ, можетъ быть, для того, дабы лучше утаить, гдѣ онъ самъ находится и куда его намѣреніе клонится; но скоро открылось, что онъ за Волгою возмущалъ и разорялъ жительство; пробрался онъ къ городу Нижнему, надѣясь тамъ изъ множества бурдаковъ немалымъ числомъ умножить себѣ сообщниковъ. Сказывали, яко бы изъ находившихся при немъ Яицкихъ казаковъ послалъ онъ отъ себя нѣсколькихъ напередъ въ село Фокино, на берегу Волги лежащее <ниже города Нижняго около 30 верстъ> съ тѣмъ, чтобы тутошнихъ крестьянъ, принадлежащихъ дворянину Демидову, прежде другихъ возмутить и привлечь въ свое согласіе; но оныя, не отдавшись въ обманъ, поймавъ оныхъ возмутителей и связавъ, отвезли въ Нижній, которыхъ тамошній Г. Губернаторъ, Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Ступишинъ повѣся, пустилъ на плаотахъ на низъ Волгою рѣкою, а сею строгостію тамошнихъ жителей и успокоилъ, да и самъ Пугачевъ узнавъ, что ему въ Нижнемъ удачно быть не можетъ, намѣреніе свое итти туда отбѣднилъ, и обратился вмѣсто того къ городу Алатырю.

Идучи сюда сполу, возмущалъ вездѣ подлый народъ, и завладевъ городами Алатыремъ, Саранскомъ, Пензою и Саратовомъ, причинилъ въ нихъ ужасныя кровопролитія и грабительства, умертвилъ тамошнихъ начальниковъ и множество находившихся въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ дворянъ, кои ему и сообщникамъ его въ руки попались. Изъ Саратова жъ со всею злодѣйскою толпою пошелъ онъ прямо къ Царицыну, которыми городомъ также могъ бы овладѣть, если бѣ не дошла до него вѣсть, что гонится за нимъ близко предъупомянутый храбрый Полковникъ Михельсонъ. Сіе послыша и оставя осаду Царицына, пошелъ онъ на утекъ внизъ по Волгѣ далѣе; но помянутый Полковникъ съ передовою своею командою нагнавъ сего злодѣя ниже Царицына верстахъ во стѣ, 25 Августа сдѣлавъ съ нимъ сраженіе, разбилъ его до основанія и всю находившуюся при немъ артиллерію, а именно 19 пушекъ, 4 единорога, да пудовую мортиру, отбилъ и весь его обозъ получилъ въ добычу. При семъ сраженіи убито было злодѣевъ на мѣстѣ болѣе 2000, а въ плѣнъ взято 6000 человекъ: только самъ онъ Пугачевъ и здѣсь еще увернулся и обратился свой бѣгъ на луговую сторону; но для истребленія его отражены были отъ Г. Генералъ-Маіора Мансурова и Царицынскаго Комеиданта Г. Полковника Цыплетева 200 Яицкихъ казаковъ

подъ командою Маіора Бородина, и Донской Полковникъ Тавинскій съ его полкомъ, которымъ напостройшайше подтверждено всюду за нимъ слѣдовать, и атаковавъ, поймавъ или совсѣмъ истребить; а сверхъ того и командующіе Г.Г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Суворовъ и предъупомянутый Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ, перешедъ Волгу съ ихъ командами, для преслѣдованія и поимки его Пугачева туда жъ устремились.

Оставшіеся отъ разбитія сообщники его Пугачева, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ съ крайнею поспѣшностію гонятся за ними сильныя detachementy, отъ которыхъ они неминуемо окружены и стѣснены быть имѣютъ къ неизбѣжной ихъ гибели, начали для спасенія своего помышлять о поимкѣ помянутаго самозванца, дабы, и отдачею онаго отъ себя, сколько нибудь облегчить свои винности, кои сказывали, что сіе намѣреніе между сообщниками Пугачева въ побѣгѣ ихъ отъ Волги продолжалось нѣсколько времени; а какъ они пріѣхали на Узени, который мѣста подошли къ Яицкому городку, и Пугачевъ сталъ имъ представлять, что лучше и безопаснѣе для нихъ итти имъ на взморье къ Гурьеву городку и оттоль пробраться въ Персію <къ чему напредъ сего и Яицкихъ казаковъ склонилось намѣреніе>, то всѣ они отъ сего похода отреклись, и поссорясь съ нимъ явно, сказали ему, что они много за нимъ вѣдали, а теперь уже онъ бы за ними ѣхалъ; изъ-за чего, связавъ его, и послали отъ себя въ Яицкій городокъ съ извѣстіемъ, что они его связали, и когда привезутъ его, то будутъ ли прощены. Въ Яицкомъ городкѣ находился тогда для слѣдственныхъ дѣлъ по Секретной Комисіи Гвардіи Капитанъ-Поручикъ Мавринъ, почему отъ находящагося тамъ въ Комендантской должности Полковника Симонова, для привоза и пріема его, и командированъ былъ Сержантъ Бородинскій, которому онъ Пугачевъ отъ тѣхъ его сообщниковъ и отданъ былъ связанный. И такъ привезенъ онъ въ Яицкій городокъ и посаженъ тутъ подъ крѣпкій караулъ. Все сіе произошло въ тѣ самыя числа, въ которыя онъ великій государственнй злодѣй прошлаго 1773 года оказался въ тѣхъ же мѣстахъ на Яицкихъ казачьихъ хуторахъ и подъ Яицкимъ городкомъ, о чемъ въ описаніи Оренбургскаго осаднаго времени обстоятельнѣе значить.

По привозѣ Пугачева въ Яицкій городокъ, не только вышеозначенные отъ Царицына для поимки и поимки его отправленные detachementy, но и вышеупомянутые Генералы въ самомъ короткомъ времени въ Яицкій городокъ прибыли, а тѣмъ и подтверждается, что означенные сообщники Пугачева въ поимкѣ и привозу въ помянутый городокъ того самозванца и предводителя своего ни чѣмъ больше, какъ страхомъ отъ приближившихся къ нимъ со всѣхъ сторонъ войскъ были подвигнуты и принуждены: самозванецъ же сей, по учиненіи ему чрезъ вышеереченнаго Гвардіи Капитана Маврина надлежащаго допроса, взять Г. Генералъ-Поручикомъ и кавалеромъ Суворовымъ и повезенъ къ Главнокомандующему, Генералъ-Аншефу Графу Петру Ивановичу Панину подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ, для котораго его отвоза сдѣлана была на-подобіе кибитки особливая на двухъ колесахъ телега, куда онъ посаженъ, по рукамъ и по ногамъ скованный *).

находящійся, сообщилъ въ Оренбургъ извѣстіе <ущенное отомъ 30 Сентября> какъ о побѣгѣ часто помянутаго злодѣя отъ Царицына, такъ и о поимкѣ онаго сообщниками его, кое разсудилось мнѣ здѣсь выстѣять такъ, какъ оно есть:

Когда сей извергъ въ послѣдніе разбитъ ниже Царицына, то бросился опрометью съ оставшими при немъ чрезъ Волгу вплавъ, а на другомъ берегу въ безопасности будучи, сдѣлалъ совѣтъ, куда бы имъ слѣдовать и что далѣе предпринять; самъ онъ злодѣй намѣревался, чтобъ итти въ Киргизскую орду, чтобъ какъ оную, такъ и другіе смежныя къ нимъ народы въ помощь свою привлечь, и тѣмъ усилясь, вновь тѣ жъ самыя, какія уже злодѣйства чинили, распространить; но его сообщники <всѣ они были до одного чело-вѣка изъ Яицкихъ казаковъ>, на такія предложенія не соглашались, а сдѣлаи его, чтобъ ѣхать на Узени <сіе такое мѣсто, въ которомъ наилучшее для бѣглыхъ воровъ убѣжище, состоящее отъ Яицкаго городка верстъ ста съ два>. Злодѣй долженъ былъ совѣту ихъ послѣдовать, ибо, кромѣ снхъ, никого уже при себѣ не имѣлъ, а казаки представляли, что пробывъ тутъ, будутъ они снова размышлять и придумывать, куда бы лучше ѣхать, и такъ на Узени поѣхали. Между тѣмъ Яицкіе бунтовщики вида, что во всѣхъ мѣстахъ удачи имъ больше не было: какъ ни новстрѣчаются съ войсками, отъ оныхъ всегда въ прахъ были разбиваемы, зная жъ, что вездѣ слѣдуютъ за ними партіи и что далѣе злодѣйства свои продолжать способовъ больше уже не имѣютъ, да и самими приходитъ конецъ, — положили, въ намѣреніи, чтобъ всѣ свои варварскіе поступки поимкою Пугачева загладить, надѣясь, что за сіе конечно ихъ всѣхъ простятъ. Въ такомъ намѣреніи пріѣхавъ на Узени и отнявъ Пугачева отъ прочихъ далѣе, арестовали, а потомъ увезли уже до самыхъ форпостовъ подъ карауломъ, однако жъ не связаннаго, ибо де онъ проговаривалъ, что, за чѣкое безчестіе ему, безъ наказанія оставлены они не будутъ, и яко бы Наслѣдникъ за него конечно вступился. Прибывъ на линію, то есть между четвертымъ и третьимъ отъ Яика форпостами, послали изъ толпы своей двухъ чело-вѣкъ съ извѣстіемъ, и чтобъ провѣдать, будетъ ли имъ прощенье снмъ, какъ были они увѣрены, то помянутаго изверга высланному пятидесятнику Харчеву и отдали, а онъ его посади въ колоду и привезъ на Яицк. Драки и несогласія при заарестованіи сего чудовища у его партизановъ не было; а хотя онъ въ одномъ мѣстѣ, сказываютъ, и схватилъ было у казака саблю и пистолетъ, приказывая главнымъ предводителямъ ловить и вязать, только ни кто уже его не слушалъ, и смотрѣвъ накрѣпко, чтобъ онъ какимъ-либо образомъ не ушелъ.

Есть еще и другое съ Яика извѣстіе, отъ офицеровъ въ Оренбургъ сообщенное, въ коемъ значится, что онъ Пугачевъ въ Яицкій городокъ привезенъ былъ имѣющій на себѣ хорошее шелковое платье <кое послѣ съ него снято и отдано тому, кто его привезъ>, и когда-де предъупомянутый Гвардіи Капитанъ Мавринъ спросилъ во-первыхъ: кто онъ таковъ, тогда отвѣтствовалъ онъ безъ всякаго запинанія, что онъ Донской казакъ Емельянъ Ивановичъ сынъ Пугачевъ; а какъ спрошенъ былъ еще, съ чего онъ отважился принять на себя Высочайшее званіе, то сперва сдѣлалъ отзывъ, всѣмъ такимъ злодѣямъ свойственный: Богу изволившу наказати Россію чрезъ его окаянство, и проч. Когда жъ онъ отъ реченнаго Капитана выведенъ былъ на площадь для показанія содержавшимся тамъ подъ карауломъ его сообщникамъ и народу, то всѣ его сообщники, посмотрѣвъ на него и признавъ его своимъ бывшимъ предводителемъ, потупили глаза свои въ землю, а онъ Пугачевъ публично уличалъ ихъ, что они управивали его нѣсколько дней принять на себя вышеозначенное званіе и быть бы ихъ предводителемъ, отъ чего онъ сперва отрицался, а наконецъ хотя къ тому и склонился, однако жъ всѣ свои поступки и злодѣйства производилъ онъ по ихъ волѣ, а многія де злодѣйства и сами они, не сказывая ему, дѣлали, и проч.

*) Одинъ Капитанъ въ Яицкомъ городкѣ при командѣ

ПРИБАВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ,

въ которомъ содержится краткое извѣстіе о томъ, что по привозъ оного злодѣя Пугачева въ Симбирскъ, а оттуда по отвозъ его въ Москву происходило, и какая сему врагу отечества казнь учинена.

По привозѣ помянутаго Пугачева въ Симбирскъ, когда онъ представленъ былъ Главнокомандующему Генералу, его сіятельству Графу Петру Ивановичу Панину, при многолюдномъ собраніи народа на дворѣ его сіятельства, то хотя онъ и признавался тутъ публично, что онъ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, и какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Ея Величествомъ важныя преступленія чинилъ и предъ всѣмъ государствомъ виноватъ; но, можетъ быть, по привычкѣ своей, или по злой своей натурѣ, отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень смѣло и дерзновенно, то раздража тѣмъ его сіятельство, тутъ же предъ всѣмъ народомъ получилъ отъ собственныхъ его рукъ нѣсколько пощечинъ и ударовъ, изъ-за чего и началъ уже быть кротокъ, и ставъ на колѣна, просилъ у его сіятельства помилованія. Послѣ чего посаженъ онъ былъ подъ крѣпкій гвардейскій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ желѣзами, а сверхъ того около полсницы его положенъ былъ желѣзный обручъ съ желѣзною жъ цѣпью, которая сверху прибита была въ стѣну; такимъ образомъ содержался въ Симбирскѣ.

1774 года сего числа за довольнымъ конвоемъ и отправленъ былъ на перемѣнныхъ подводахъ въ Москву, для оковчательнаго слѣдствія и рѣшенія *).

*) Въ бытность мою въ Симбирскѣ, по повелѣнію его сіятельства, для нѣкоторыхъ изъясненій, касающихся до Оренбургской губерніи дѣлъ, самъ его сіятельство изволилъ меня спрашивать, желаю ли я оного злодѣя видѣть, и какъ я донесъ, что не малое имѣю къ тому любопытство, то приказалъ онъ меня препроводить на ту квартиру, гдѣ помянутый Пугачевъ содержался; чтобъ подать здѣсь о смы-

слѣ и состояніи его нѣкоторую идею, то нарочно вношу здѣсь краткій мой съ онымъ злодѣемъ бывшій разговоръ. Вошедъ къ нему въ такое время, когда онъ сидѣлъ и въ шербу, налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мнѣ: «добро пожаловать» съ просьбою — съ нимъ обѣдать, а сіе онъ не только удвоилъ, но и утроилъ. Я изъ сего познавъ подлый духъ и помолчавъ немного, сталъ ему говорить: Какъ онъ отважиться могъ на такія злодѣйства и продерзости? На сіе онъ отвѣтствовалъ, что виноватъ передъ Богомъ и Ея Величествомъ, и будетъ стараться все оное заслуживать, что онъ по своей подлости и божбою неоднократно подтверждалъ. Послѣ того спросилъ онъ у меня, кто я; и какъ я ему отвѣчалъ о моемъ званіи, въ отвѣтъ сказавъ при томъ, что я отъ него и его сообщниковъ совсѣмъ разоренъ, а тагчѣе всего, что лишился моего сына, бывшаго въ Симбирскѣ Комендантомъ и Полковникомъ, который убить недавно подъ пригородомъ на сраженіи съ его сообщниками, то онъ отвѣтствовалъ на сіе, яко бы все то дѣлано безъ его вѣдома, ибо-де сообщники его, что ни похотѣли, то, не спрашиваясь его, сами дѣлали. А какъ я, выговоря объ моемъ покойномъ сынѣ, смутился и отъ слезъ удержаться не могъ, тогда яко бы и онъ Пугачевъ, какъ то бывшіе со мною штабъ и оберъ-офицеры увѣрили, заплакалъ же: но сіе было въ немъ отъ его великаго притворства, къ которому, какъ отъ многихъ слышно было, такъ онъ пріучился, что, когда бы ни захотѣлъ, могъ дѣйствительно плакать. Впрочемъ изъ лица и рѣчи его Пугачева приметно мнѣ было, что онъ самый извергъ природы и ко всякому злему предпріятію склонный человѣкъ; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные, росту небольшого, но широкъ въ плечахъ, и весьма скоръ въ поворотахъ къ воинскимъ дѣламъ по казакскимъ обыкновеніямъ, и при многихъ случаяхъ оказывалъ онъ великую склонность и проворность. Личина его, напередъ сего описанія приложенная, съ подобіемъ лица и стана его нарочито сходствуетъ.

2) Экстрактъ изъ журнала Командующаго войсками Ея Императорскаго Величества, Г. Генералъ-Маіора и кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, о detaшементахъ, командированныхъ въ разныя мѣста для поиска и истребленія злодѣевъ, и какія идъ отъ нихъ дѣйствія и успѣхи были.

1. Военное дѣйствіе было отъ рѣки Волги, гдѣ прежде бывшій Казанской, а нынѣ Оренбургской губерніи, городъ Сакмара и пригородъ Алексѣевскъ, на Сакмарѣ же рѣкѣ лежащій, заняты уже были посланными отъ Самозванца Пугачева сообщниками его командированнымъ отъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Мансурова detaшементомъ, оба оныя мѣста изъ злодѣйскихъ рукъ освобождены, да и въ другихъ, гдѣ оныя злодѣи встрѣчались, посыланнными отъ него партіями съ немалымъ ихъ урономъ были разсыпаны.

2. Въ первыхъ числахъ Января командированъ былъ отъ Г. Генералъ-Аншефа и кавалера Александра Ильича Бибикова съ особливимъ detaшементомъ вверхъ по Камѣ рѣкѣ до пригорода

Мензелинска родной его племянникъ, Г. Подковникъ Бибиковъ, коему отдѣлено было баталіонъ grenадеръ и два эскадрона конныхъ. Онъ, гдѣ ни встрѣчались ему злодѣйскія толпы, вездѣ ихъ поражае съ великимъ ихъ урономъ; а между тѣмъ онъ же и пригородъ Заинскъ, въ рукахъ уже злодѣйскихъ бывшій, въ который они засѣвъ и преклоня тамошнихъ жителей на свою сторону, противиться было тутъ стали, изъ злодѣйскихъ рукъ вырвалъ, выгнавъ изъ него оныхъ злодѣевъ, побилъ ихъ до 400 человѣкъ, и въ плѣнъ взялъ немалое число, отнявъ у нихъ пушки, а тутошнихъ жителей усмиривъ. Потомъ 10 числа Февраля 1774 года прибылъ въ Нагайбацкую крѣпость, и узнавъ отъ тамошнихъ обывателей, что

въ крѣпостѣ, называемой Бакалы <отъ Нагай-бака въ 37 верстахъ>, стоитъ злодѣйская толпа въ 4000 человѣкахъ, немедленно туда выступилъ, взявъ съ собою 300 человѣкъ пѣхоты, 120 гусаровъ и 50 казаковъ, да 4 пушки. 11-го числа поутру оную крѣпость атаковалъ, и выгналъ изъ нее злодѣевъ; слѣдуя жъ за ними нѣсколько верстъ, побилъ изъ нихъ до 400 человѣкъ, а оттуда возвратясь въ Нагайбакъ, пошелъ чрезъ Бугульму, для соединенія съ корпусомъ его сіятельства.

3. Г. Полковникъ Хорватъ около рѣки Вятки нагнавъ скопляющихся тутъ злодѣевъ, всѣхъ разбилъ и разбѣжалъ, да и предводителя ихъ, который возмущалъ тамъ народъ, поймавъ, на страхъ тамошнихъ жителей, учинилъ ему предъ народомъ достойное наказаніе.

4. Капитанъ Охадеевъ, около Черемшана рѣки, подл деревнями Авонкиной и Туармой, нагнавъ злодѣевъ до 200 человѣкъ, убилъ ихъ на мѣстѣ, да 25 человѣкъ въ плѣнъ взялъ. Онъ же Охадеевъ узналъ, что въ деревнѣ Соленкиной находится около 3000 человѣкъ Башкирцевъ, приставившихъ къ самозванцу и злодѣю Пугачеву, взявъ надлежащія мѣры къ ихъ атакѣ, при которой съ обѣихъ сторонъ продолжалась пушечная пальба, а наконецъ всѣ оныя злодѣи были отъ него опрокинуты и устремились на побѣгъ, оставя на мѣстѣ убитыхъ до 300 человѣкъ, въ томъ числѣ и главный ихъ начальникъ, да двѣ чугунныя пушки.

5. Поручикъ Князь Ураковъ, отраженный отъ помянутой жъ Капитана Охадеева на злодѣевъ, коихъ было до 300 человѣкъ, напавъ на нихъ, побилъ изъ нихъ 50, да въ плѣнъ взялъ 7 человѣкъ.

6. Капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, при деревнѣ Сентемирѣ, напавъ на собравшихся тутъ злодѣевъ, коихъ было до 800 человѣкъ, совершенно ихъ разбилъ, и взялъ изъ нихъ въ плѣнъ не малое число.

7. Командированный отъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Фреймана Маіоръ Валленштейнъ, имѣвъ сраженіе съ злодѣями на большой Московской дорогѣ, въ селѣ Спаскомъ, которое по помѣщикамъ и Рычковымъ называется, гдѣ оныя злодѣи не малое время имѣли свой станъ и форпостъ, всѣхъ ихъ разбилъ и изъ того села выгналъ, а сверхъ того, получилъ онъ гутъ въ добычу награбленнаго здѣсь оными злодѣями провіанта и фуража 280 подводъ, да 250 рогатой скотины, что роздано по командамъ.

8. Г. Подполковникъ и кавалеръ Бедряга, командированный отъ Г. Полковника Бибикова, сперва при деревнѣ Чолпахъ имѣлъ сраженіе съ злодѣями, оставилъ ихъ на мѣстѣ убитыми до 100, да въ плѣнъ взялъ 25 человѣкъ; потомъ онъ же отъ помянутого Г. Полковника командированъ былъ съ 300-ми пѣхоты, съ однимъ эскадрономъ гусаръ и съ 4-мя пушками, засѣвшихъ и укрѣпившихся засѣкою въ селѣ Пьяномъ Бору въ неимомъ людствѣ злодѣевъ, не только всѣхъ изъ той ихъ засѣки выгналъ, но и побилъ изъ нихъ до 400 человѣкъ, да въ плѣнъ взялъ 60, а кои засѣли было въ избахъ и отстрѣливались, тѣхъ разъяренные военные люди всѣхъ перерѣзали и перекололи.

9. Г. Подполковникъ Гриневъ, послѣ завладѣнія злодѣями Ставропольской крѣпости, напавъ на тѣхъ злодѣевъ около Красноярской крѣпости, сию злодѣйскую толпу разбилъ, и взятыя ими въ Ставрополѣ пушки и порохъ съ снарядами у нихъ отбилъ.

10. Нарвскаго пѣхотнаго полка Премьеръ-Маіоръ и кавалеръ Гагрицъ отправленъ былъ отъ самого вышеупомянутого Г. Генералъ-Аншефа и кавалера въ Кунгуръ, и узнавъ тамъ злодѣйскій скопъ, простиравшійся до 2000 человѣкъ, не смотря на ихъ многолюдство, небольшою своею командою отважился ихъ атаковать, всѣхъ ихъ разбилъ, и отнял у злодѣевъ 18 пушекъ. Убитыхъ на мѣстѣ сочтено имъ 50, да въ плѣнъ взято 60 человѣкъ, при чемъ самъ онъ раненъ въ ногу, но не опасно; убитыхъ у него было 3, да раненыхъ, кромѣ его самого, 5 человѣкъ.

11. Г. Полковникъ и кавалеръ [Ильинъ], командированный отъ Г. Генералъ-Маіора Фреймана, нашедъ толпу злодѣевъ около 700 человѣкъ подл деревнею Акбашами <отъ Бугульмы въ 30 верстахъ>, атаковалъ оную; злодѣи встрѣтили его съ необыкновеннымъ крикомъ, дѣлая со всѣхъ сторонъ устремленіе; наконецъ всѣ они, убоившись пушечной пальбы и разбѣясь на пять кучъ, ударились на побѣгъ, за которыми командированъ отъ него былъ Гвардія Капитанъ Толстой. При семъ случаѣ побито злодѣевъ 35 человѣкъ, въ добычу получено 200 пикъ, довольно число рогатаго скота, провіанта и фуража.

12. Команды Г. Полковника Хорвата Капитанъ Воронинъ командированъ былъ отъ Маіора Елагина, для занятія квартиръ, въ деревню Захаркину; военныхъ людей было при немъ только 30 человѣкъ гусаровъ, 56 егерей и 50 гренатеровъ, съ однимъ орудіемъ. Подошедъ онъ Воронинъ къ помянутой деревнѣ, и усмотрѣвъ около ея на высотахъ злодѣевъ около 1000 человѣкъ, далъ знать о томъ командѣ, а между тѣмъ злодѣи и начали по командѣ его стрѣлять изъ пушекъ и окружать его небольшое людство. Онъ, слѣдуя батальонъ-каре, со всѣхъ фасовъ производилъ пальбу, и опую отъ тѣхъ злодѣевъ оборонялся. Помянутый Полковникъ, увѣдомясь о томъ, отрядилъ къ нему Маіора Елагина съ немалымъ числомъ гренатеровъ, и эскадронъ съ двумя орудіями; по приходѣ жъ къ нему Воронину изъ сей команды авангарда, устремились они на злодѣевъ, выйдя въ самую ихъ толпу. Злодѣи, усмотря сие и узнавъ, что и Г. Полковникъ самъ туда въ сикурсъ слѣдовалъ, пошли всѣ на побѣгъ. Убитыхъ злодѣевъ найдено на мѣстѣ около 200 человѣкъ, да отнята у нихъ одна пушка; въ плѣнъ взято только 12 человѣкъ: ибо разъяренное войско всѣхъ кололо; они безъ остатка бѣ были здѣсь истреблены, если бѣ глубокіе снѣга помянутому Г. Полковнику не воспрепятствовали подослѣть къ самому тому происходившему сраженію.

13. Казанскихъ батальоновъ Секундъ-Маіоръ Поповъ, присланный Казанской губерніи въ провинціальный городъ Кунгуръ съ рекрутами, по усмотрѣнію Главнокомандующаго Генералъ-Аншефа, такое слѣлалъ тамъ благоразумное и порядочное распоряженіе и оборону сему городу, что онъ имѣвъ неоднократно сраженія съ злодѣями, отъ которыхъ помянутый городъ обложенъ былъ, удержалъ его отъ гибели; а за ту его ревностную службу, по рекомендаціи онаго Г. Генералъ-Аншефа, Именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ и пожалованъ онъ Поповъ въ Подполковники.

14. Предупомытутый Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ 14 Февраля приблизясь съ командою своею къ Бузулудской крѣпости, встрѣченъ былъ злодѣйскою толпою, которая

имѣла около 2000 человекъ съ 15 пушками; онъ тотчасъ сдѣлалъ учрежденіе къ сраженію съ злодѣями и, отрядя часть войскъ на другую сторону съ Подполковникомъ Гриневымъ, приказалъ имъ зайти и напасть на злодѣевъ отъ деревни Малаховой. Злодѣи начали производить по его командѣ жестоку пушечную пальбу; но, не уважая сего, отряженъ былъ къ атакѣ съ драгунскою ротою Поручикъ Ижовскій, который тотчасъ отбилъ поставленныхъ у злодѣевъ напередѣ 2 пушки, и хотя прогналъ ихъ саблями до самой крѣпости, но остановленъ тутъ былъ картечью изъ ихъ пушекъ стрѣльбою. Съ другой стороны Подполковникъ Гринева, прошедъ узкимъ проходомъ, въ которомъ состояло 6 пушекъ, преодолѣвъ ихъ мужественно <гдѣ и лошадь подъ нимъ убита>, а потомъ ворвался въ крѣпость; между тѣмъ же отъ стороны его превосходительства отряжены были къ пресѣченію побѣга и къ занятію дороги Майоръ Соловьевъ, съ двумя ротами гусаръ, и легкія полевая команда, да Поручикъ Гарстейнъ съ одною ротою драгунъ, и такъ гнались за злодѣями около 7 верстъ. Пѣнные объявили, что прислано было къ нимъ отъ злодѣи Пугачева въ сикурсъ Яицкихъ казаковъ 50, а всего до 1000 человекъ; начальники у нихъ были здѣсь: Араповъ, Чулочниковъ и Каюковъ, кои всѣ разогнаты. По занятіи крѣпостей, взято тутъ отъ злодѣевъ пушекъ мѣдныхъ 7, въ томъ числѣ одинъ 12 фунтовой единорогъ, чугуновыхъ пушекъ 8, яицковъ 9, 5 саней съ снарядами, 3 знамя, дротиковъ казачьихъ 723; убитыхъ сочтено 270, въ пѣнѣ взято 286, да явились собою 165 человекъ.

15. Майоръ Елагинъ, находясь въ деревнѣ Пронкиной съ передовымъ detachmentомъ, въ

коемъ находилось пѣхоты и кавалеріи болѣе 500 человекъ и 4 орудія, въ самую почную темноту и во время сильнаго бурана, принужденъ былъ выдержать печальное отъ злодѣевъ нападеніе; онъ немедленно учредилъ тутъ порядокъ, и готовъ былъ къ оборонѣ, но, по несчастію его, при первой атакѣ, сей достойный и храбрый офицеръ убитъ; потомъ подослѣвъ туда: Владимірскаго полка Капитанъ Самаринъ съ гренадерами и съ подкрѣпленіемъ роты 2-го гренадерскаго полка съ Капитаномъ Олсуфьевымъ, кои съ отменною неустрашимостію бунтовщиковъ отбили съ ихъ уронномъ, взявъ отъ нихъ и пушки; и хотя въ продолженіе сего боя покушались бунтовщики еще ту деревню атаковать со всѣхъ сторонъ, но какъ покойнаго Генералъ-Майора Елагина команда по старшинству досталась Секундъ-Майору Пушкину, то и не упустилъ онъ доказать своего усердія къ службѣ храбыми и хорошими предводительствомъ: устроилъ съ своей стороны такой порядокъ къ атакѣ, что злодѣи за ихъ продерзость довольно были наказаны. Потомъ вышелъ онъ изъ деревни для преслѣдованія ихъ, сколько по темнотѣ ночи осторожность позволяла. Сіе сраженіе продолжалось болѣе 3-хъ часовъ; наконецъ злодѣи ушли съ болшею ихъ потерей; между убитыми найденъ тутъ главный ихъ начальникъ Толкачевъ и нѣсколько старшинъ; въ пѣнѣ взято 36 человекъ. Съ нашей стороны главный уронъ состоялъ здѣсь въ потерѣ вышеозначеннаго Майора Елагина; убито же: Чугуевского казачка полка Прапорщикъ отъ карабинеръ, унтеръ-офицеръ, карабинеровъ 2, гренадеръ 1; тяжело ранены: 2-го гренадерскаго полка Поручикъ, карабинеръ 1, гусаръ 1, гренадеровъ 2 и канонеръ 1.

3) *Краткое извѣстіе о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платономъ Любарскимъ, Архимандритомъ Спасо-Казанскимъ, 1774 года Августа 24 дня.*

Любезный другъ!

О злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, 1774 г. предпріятыхъ, краткое посылаю вамъ извѣстіе, собранное изъ словесныхъ разсказаній такихъ людей, кои сами, или въ разныя противъ его экспедиціяхъ будучи, или по несчастію въ злодѣйскія его руки попавшись и много претерпѣвъ, всѣхъ дерзкихъ и безчеловѣчныхъ сего урода злодѣйствъ зрѣтелями были. Я о истинѣ и точности всѣхъ обстоятельствъ не ручаюсь; но крайній мѣрѣ большая и существеннѣйшая оныхъ часть достовѣрна.

Правда, многіе много и съ немалою противъ моего описанія откровенностію разсказываютъ; но сіи, сколько я ихъ знаю, ни въ какихъ сего бунта случаяхъ не бывавъ, болѣе опровергать чужое, нежели о себѣ что либо правдѣ подобное объявить склонны. Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замесловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва ль бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости случая и удачи зависѣли; почему и самъ Пугачевъ, думаю, подробности оныхъ не только разсказать, но и нарочи-

той части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Для того, друже! и вамъ отъ меня совершенной о сихъ приключеніяхъ несчастливыхъ исторіи ожидать не можно было; будьте и симъ грубымъ начертаніемъ довольны. Притомъ же чрезъ сіе, не историка подробнаго свойство, но усерднаго друга послушаніе оказать старался.

И такъ приступаю къ удовольствованію вашего любопытства.

Послѣ частыхъ поражений въ окрестностяхъ Оренбурга, злодѣи Пугачевъ, скрывъ на нѣсколько времени свой побѣгъ, покусились чрезъ немалолюдныя свои толпы, подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ своихъ сообщниковъ, учинить вторичное нападеніе на городъ Кунгуръ; но, по изрядномъ примѣрными сими въ вѣрности къ правительству жителями сдѣланномъ отпорѣ, видя слабую надежду къ одолженію, обратя стремленіе свое къ рѣкѣ Камѣ, показался самъ съ нѣсколькими тысячами всякаго сброда, а паче Башкирцевъ и Татаръ, при городкѣ Осѣ; тогда, по мѣрѣ приближенія къ Казани Пугачева, умножилась въ Казанскихъ жителяхъ робость; ибо явные

ведѣ распространяясь слухи, что онъ прямо стремится на Казань, приводили и неробкія сердца въ смущеніе; но только и было: всѣ боялись; а о невѣдомости общества никто не помышлялъ: всякій думалъ спасти себя, не помышляя о прочихъ сочленяхъ. Послѣ, какъ увѣдомились, что посланный на защищеніе Осы баталіонный Маіоръ Скрипицынъ съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минѣевымъ, по издержаніи всего военнаго запаса съ согласія жителей, для спасенія себя и города <ибо злодѣй приказалъ ужь было крѣпость, которая вся деревянная, обвалить соломой, намѣреваясь ее сжечь>, сдался со всею при немъ бывшею артиллеріею, тогда не преминули многіе, скрывъ имѣніе свое въ безопасныя мѣста и никому не сказавшись, удалиться съ поспѣшностію изъ Казани.

Несчастный оный предводитель думалъ сдѣлаю своею при способномъ времени услужить отечеству, открывая правительству злодѣевы предпріятія; въ слѣдствіе чего, согласясь съ Капитаномъ и Подпоручикомъ, котораго измѣнническія мысли еще не извѣстны были, написавъ въ Казань письмо, изыскивая надежные способы къ пересылкѣ, носилъ оное въ карманѣ. Измѣнникъ, неимѣвшій никогда благородныхъ мыслей, Минѣевъ, случай сей употребилъ въ мнимую свою пользу, сказавъ о томъ Пугачеву, за что его злодѣй наименовалъ Полковникомъ; напротивъ, тѣ несчастные, безъ дальняго по обыкновенію его разсмотрѣнія, были повѣшены. Возгордась небольшою сею при Осѣ удачею, Пугачевъ отважился, переправясь чрезъ Каму, пойти на Ижорскій и Воткинскій казенные заводы, гдѣ сбунтовавшись его приходомъ работники, главнаго надъ тѣми заводами командира Венцеля и другихъ, при должностяхъ находившихся, тщетно сопротивленіе чинившихъ, предали злодѣю, которые равную съ прочими таковыми, въ варварскія его руки попадающимъ, имѣли участь. Заводы разграблены и почти до основанія разорены, а работниковъ наибольшая часть по своему произволу записались злодѣю на службу. Послѣ сихъ легкихъ удачъ, несмысленный Минѣевъ подумалъ, что можно предпринять что нибудь и важное, и будучи въ тѣхъ мысляхъ, что ежели намѣреніе его соотвѣтствовать будетъ окончанію дѣла, можетъ онъ быть у Пугачева первымъ Министромъ и вольнѣ насытить свои необузданныя страсти, сталъ помышлять о покушеніи на Казань. Сіи столь дерзкія мечты такъ злодѣйскимъ его сердцемъ овладѣли, что, не внемля ни гласу совѣсти, ни страху наказанія отъ Бога и власти, началъ возбуждать, или, лучше сказать, убѣждать Пугачева идти прямо къ своему отечеству, Казани, гдѣ отецъ его, весь родъ, пріятеля и знакомые, заклиная пакостною своею жизнію, что онъ, по причинѣ развалившагося крѣпостнаго строенія и извѣстныхъ ему слабыхъ расположеній удобно оное овладѣть можетъ. На что, по нѣсколькихъ неудобствахъ несопротивленія, которыя Минѣевъ рѣшить и опровергать старался, злодѣй и склонился. Какъ сіе въ дерзкомъ ихъ совѣтѣ заключено было, то начали, прилежно запасаясь всѣми военными, какъ орудіями, такъ и другими потребностями, коихъ не мало взято было на вышеописанныхъ заводахъ, и съ поспѣшностію удаляясь отъ Полковника Г. Михельсона, который ихъ преслѣдовалъ, приближаться къ Казани; тогда большая часть сего города жителей, удостоверясь о подлинности

грозящаго имъ несчастья, а больше когда услышали, что высланный изъ Казани съ нѣсколькими полевыми солдатами, для воспрепятствованія, Полковникъ Николай Васильевичъ Толстой разбитъ и убитъ <не взирая, что городъ со всѣми предмѣстіями, рогатками и въ надлежащемъ разстояніи батареями укрѣпленъ>, кой-куда бѣжали спасаться, многіе въ Москву, иные въ Симбирскъ, въ Пензу и прочія мѣста.

Наконецъ Пугачевъ, предъ роковымъ днемъ, въ который, суждено по неосторожности отъ злодѣянія его руки Казани погибнуть, то есть 11 числа Іюля, въ самый полдень, за семь верстъ выше Казани, на подлужной лѣвой сторонѣ Казанки рѣки при мельницѣ, Троицкой называемой, въ виду всего города лагеремъ безбоязненно расположась и дѣлая подъ вечеръ разныя движенія, подсылалъ къ городу со стороны Арскаго поля партіи, въ коихъ, какъ сказываютъ, и самъ находился, но не предпринимая въ тотъ вечеръ ничего, возвратился въ свое становище, гдѣ до утра пребывалъ спокойно.

Свотчъ его состояла тогда по увѣренію болѣе нежели изъ 20.000 различныхъ людей, яко то: Яицкихъ казаковъ, Башкирцевъ и Татаръ, вооруженныхъ саблями, луками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, большая часть изъ мужиковъ заводскихъ и собранныхъ въ около-лежащихъ по дорогѣ деревняхъ, у коихъ никакого болѣе оружія, кромѣ козьевъ, дубинъ и заостренныхъ шестиковъ, въ рукахъ не было.

На другой день, то есть 12 Іюля, поутру, сей злобный буянъ повелъ на горѣ атаку слѣдующимъ образомъ: вся многочисленная она толпа, подъ предводительствомъ самаго онаго урода и Яицкихъ казаковъ, въ не маломъ протяженіи прямо отъ села Царицына по Арскому полю стремилась къ городу, имѣя предъ собою для защиты и выѣсто подвижныхъ батарей нѣсколько возовъ соломы, между коими разставлены были пушки въ удивительной скорости; злодѣями наполнились стоящіе въ близости отъ дороги по правую сторону казенные кирпичные сараи, а по лѣвую заборомъ огороженные помѣщичьи Нефловой роща и Генерала Кудряцева домъ; изъ всѣхъ сѣхъ засадъ сильною стрѣльбою охранявшую перерывъ дороги небольшую при одной пушкѣ команду сбили съ мѣста, и явно нападать стали, которая видя вокругъ себя великое множество злодѣевъ, иныхъ почти внутри укрѣпленія уже ворвавшихся, и опасаясь, дабы не быть отрѣзанной, построившись кареемъ, ретировалась за рогатки; между тѣмъ злодѣй Пугачевъ <примѣтивъ еще наканунѣ, что прямо по открытому Арскому полю покушеніе его на городъ, по причинѣ поставленной противъ онаго главной батареи, имѣетъ быть тщетнымъ> отрядилъ съ праваго своего крыла не малое число пѣшей черни, по большей части безъ всякаго оружія, съ одними кулаками, къ рѣчкѣ Казанкѣ, приказавъ берегомъ по подгорью подходить къ предмѣстію; почему малосмысленныя сіи твари, отъ конныхъ Яицкихъ казаковъ сзади плетыми погоняеми, перебѣгая весьма проворно изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину и переползывая, по предписанію Минѣева, по егерски на брюхахъ чрезъ вышныи, кои пушечнымъ нашимъ выстрѣламъ нѣсколько открыты были, наконецъ такимъ образомъ въ самые крайніе къ жилю два буерака выбрались свободно. И хотя поставленному на семь опасномъ мѣстѣ одну

небольшою пушкою и производима была по нихъ пальба, однако они, исправно наблюдая вышеупомянутое учрежденіе, снизу Казанки подползши, пушку отбили, и взлѣзши въ Губернаторскій дѣтскій домъ, между двумя оными буераками стоящій и съ предмѣстами соединяющійся, какъ изъ воротъ, такъ и изъ-за заборовъ онаго дома по строю, прямо вдоль за рогатками стоящему, начали палить изъ ружей; при томъ не только уже позади онаго строя оказались, но въ то жъ самое время ближайшія улицы наполнили, чѣмъ во-первыхъ на главной батарее причинили великое смѣненіе; съ другой стороны, лѣвое злодѣйское крыло частью по закирпичнымъ сараямъ, частью пространнымъ буеракомъ къ Суконной слободѣ, собственному защищенію оставленной, пробравшись, караулы по горѣ и народъ, изъ-за рогатокъ нѣкоторое супротивленіе чинившій, сбили, и немедленно оную зажгли, устремились по улицамъ. Сіе услышавъ, а больше увидя пламень, изъ злодѣевъ, внутри предмѣстья съ двухъ сторонъ ворвавшихся, всѣ и на прочихъ батареяхъ бывшіе, не выдавъ ни малѣйшаго нападенія, съ одной робости оставивъ непріятелю пушки и весь снарядъ, безъ всякаго порядка опрометью въ крѣпость побѣжали.

Тогда-то сіи кровожаждущіе звѣри всѣхъ попадающихся имъ въ нѣмецкомъ платьѣ, яко, по мнѣнію ихъ, въ богопротивномъ, думалъ быть дворянъ и чиновныхъ, коихъ, будто народныхъ мучителей, предпріили истребить, илыхъ кололи, а иныхъ въ свое становище отвозили, гдѣ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ плетью замучены; изъ захваченныхъ же ими солдатъ ни одинъ почти не умерщвленъ, а только у всѣхъ косы обрѣзаны были. Всякаго состоянія, пола и возраста жителей въ полощъ верстѣ за 7-мъ отгоняли: укрывшіеся же въ церквахъ, видя оттуда терзаемыхъ и закланныхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, не смѣли рыдать, но, трепеща, равной себѣ ожидали судьбины. Алчные злодѣи не усталились разбивать, разграблять, сожигать и самыя свѣтлыя церкви; изъ коихъ людей безчинно бѣгалъ съ оружіемъ и вѣвжая на лошадахъ, выгоняли въ плѣтъ, многихъ тутъ же умерщвляли.

Какъ сіе мѣстничество по городу происходило, Пугачевъ съ ближними сполми, отбивъ въ гостиномъ дворѣ, противъ крѣпости, не болѣе какъ на 20 сажень отстоящемъ, ворота, и въ находящемся при оныхъ трактирѣ засѣвъ съ двумя пушками, другіе изъ триумфальныхъ воротъ церкви и изъ-за питейнаго большого дома и винныхъ погребовъ каменныхъ, кои ввиду съ правой стороны съ крѣпости, изъ ружей непрестанно палили по городу, откуда равнымъ образомъ отвѣчаемо было. Сей штурмъ устремленъ былъ по большей части на Спаскій монастырь, который занимаетъ правый уголъ крѣпости и котораго южной городской стѣны фасъ, а особливо наугольная башня отъ ветхости почти до половины развалилась. Подобный Пугачеву, помянутый измѣнникъ Миндѣвъ, съ другой стороны, поставя также на свѣтлыхъ воротахъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря сдѣланной церкви на паперти двѣ пушки, стрѣлялъ въ крѣпость по самому опасному развалившемуся мѣсту. Сіи злодѣи не безъ успѣха могли бы продолжать такимъ образомъ атаку; но видя своихъ паче на грабленіе устремившихся, бродящихъ по домамъ, обремененныхъ добычею, разбѣгающихся пыльных по улицамъ и многихъ одѣтыхъ въ различныя одежды, яко то: въ сти-

хари, подризники, въ женское платьѣ и пр.; также не стерпя жара отъ пламени зажженныхъ около крѣпости публичныхъ и частныхъ зданій, а при томъ наипаче опасаясь охваченными быть сзади пожаромъ и приближающимся на помощь осажденнымъ, подъ командою Подполковника Михельсона, войскомъ, не осмѣлились болѣе штурмовать крѣпость, хотя во многихъ мѣстахъ отъ древности и развалившуюся, по отступя въ лагерь, съ досады во многихъ мѣстахъ зажгли городъ.

За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ грознымъ временемъ, сбѣжавшіеся въ крѣпости, то отъ страха очевидной смерти, то отъ жара бывшаго въ крѣпости ужаснаго пламени, да и внутри въ разныхъ мѣстахъ возжигавшагося, также отъ пыли и дыма, сильнымъ вихремъ и бурею наносимыхъ, почти задыхались, наипаче женщины и малолѣтныя, тѣснящіяся въ церквахъ, зданіяхъ и подъ оными, по угламъ, конурамъ и гдѣ только можно было, подняли вопль, крикъ, стоишь и рыданіе, думая, что уже злодѣи вломились въ крѣпость. Неугомимый пастырь Веніаминъ, Архіепископъ, во все то время продолжавшагося штурма, не выходя изъ Соборной Благовѣщенія Пресвѣтлыя Богородицы церкви, благопреклонно молилъ Господа о ниспосланіи скорой на нечестивыхъ помощи, а по утишеніи пальбы, не взирая на жаръ, дымъ и копотъ, взявъ честныя иконы, со всѣмъ бывшимъ при немъ Духовенствомъ, внутрь крѣпости обошелъ вокругъ съ умиленнымъ пѣніемъ молебствуя ко Всевышнему. Вскорѣ потомъ чувствовали отъ жара не малую прохладу, а отъ бури, дыму и пыли свободу, такъ что къ вечеру глубокое настало молчаніе, которое и всю ночь продолжалось. Всякій ожидалъ завтра несчастнаго конца своей жизни; всякій, прощаясь съ ближними, въ бѣдѣи пребывавъ до утра, взирая на безпрерывственно обращаемый въ пепелъ городъ и горькими слезами оплакивая кровныхъ и согражданъ своихъ, почитая ихъ отъ рукъ злодѣйскихъ или отъ пламени погибшими, отчего и самыя бывшіе на большихъ сраженіяхъ приходили въ уныніе.

По разсвѣтаніи, взшедъ на высшія зданія, обращая взоръ свой въ ту сторону, откуда наступленія вчерашней боялись ужасной тучи, разрушеніемъ крѣпости и погубленіемъ всѣхъ въ ней находившихся грозящей, не вѣдая, что вчера еще пополуночи въ 6-мъ часу нетерпѣливо ожидаемый Г. Михельсонъ необыкновеннымъ маршемъ, преодолевъ невѣроятныя трудности, съ малочисленною своею командою подоспѣвши, на Арскомъ полѣ безъ отдохновенія имѣлъ удачное дѣло со злодѣемъ, и на мѣстѣ сраженія проводилъ ночь, не разоруживаясь; по къ превеликому обрадованію, вскорѣ заподлинно извѣстились о всемъ томъ благополучномъ бывшемъ происхожденіи, и что превозмудливую вѣсть сію присланный туда жъ отъ Г. Михельсона штабъ-офицеръ приноситъ. Вообразить не можно, коль неописанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ: всякій предупреждаетъ друга друга, стремится вбѣжать на крѣпостную стѣну, чтобъ воззрѣть на сего ангела Божія, желалъ увѣриться собственными глазами, и хотя малое въ отягченномъ печально сердцѣ получить облегченіе. Узнавъ же истину, съ воздвигніемъ на небо рукъ приносили благодареніе Вышнему, не безъ сожалѣнія нѣкотораго на свою судьбину, что и избавитель Михельсонъ немощими только часами опоздалъ все Казани

случившееся отвратить несчастье: но и то за исповѣдное милосердіе къ себѣ Божіе почитали, что хотя безъ домоу, безъ имѣнія и лишась нѣсколькихъ согражданъ, а нѣкоторые и кровныхъ, сами живы остались.

Неутруdimый герой и избавитель Казани, не трогаясь съ побѣдителяго своего мѣста, давая болю по толкнмъ подвигамъ людямъ и лошадямъ своимъ роздыхъ, самъ прилежно наблюдалъ злодѣйскія движенія. Пугачевъ, какъ сказываютъ пѣвныя, пораженіе свое по невѣдѣнію приписывалъ Князю Голицыну; но извѣстясь, что поразили его Г. Михельсонъ, а не Голицынъ, предпріялъ, повидимому, исправить вчерашнюю свою ошибку и загладить предъ своими стыдъ; почему на другой день, то есть 13-го числа, рано отправилъ назадъ подальше въ безопасное мѣсто всѣ тягости и пѣвныя казанскіе, съ толпою двинулся прямо на Михельсона, и приказалъ черни своей, поднявъ по обычаю ужасный визгъ и крикъ, стремиться безъ порядка на кого попало, думая тѣмъ приведши неустрашимыхъ въ робость и замѣшательство, самому съ отборными своимъ напасть съ боковъ печально, и чрезъ то съ меньшимъ трудомъ выиграть побѣду; но мечтаніемъ симъ обманулся: ибо Михельсонъ, лишь только движеніе безразсуднаго многолюдства примѣтилъ, тотчасъ предварилъ самъ атаковать, и безъ дальняго сопротивленія смялъ и прогналъ къ селу Савиннову; но, за усталостію своей отъ толь чрезмѣрныхъ трудовъ команды, не могъ далѣе преслѣдовать, а при томъ дабы и города безъ прикрытія не оставить, возвратясь въ лагерь, отдыхалъ тотъ день и слѣдующій спокойно, не выдавъ отъ Пугачева никакихъ покушеній: ибо онъ въ оба тѣ дни, переходя съ пѣвными и добычею съ мѣста на мѣсто, разглашалъ чрезъ своихъ единомысленныхъ ложную надъ Михельсономъ побѣду, взятіе крѣпости и другія для обмана бредни; между тѣмъ приготовлялся неприимнымъ народу образомъ къ рѣшительному на Михельсона и Казань покушенію, отваживаясь въ послѣдніе испытать свое счастье; почему безъ всякаго отлагательства со всякаго званія людей, съ разныхъ мѣстъ и изъ Казани приведенныхъ, учреждалъ подъ разными названіями полки, исправляя и запасая всякія потребности; а дабы въ семъ упражненіи не имѣть отъ Михельсона помѣнательства, то удалился отъ города по Галицкой дорогѣ за село, Сухая Рѣка называемое, верстъ за 15.

Какъ все было къ исполненію его намѣренія готово, то 15 числа на разсвѣтѣ толпѣ своей, подъ знамена разставленной, и прочему въ пѣвну у него находившемуся безчисленному народу вслухъ велѣлъ прочитать безтолковый свой манифестъ, коимъ далъ знать, что по вшествіи съ торжествомъ въ Казань, предпріялъ посѣщать въ столичный свой городъ Москву; потомъ при-

казалъ пѣвнымъ слѣдовать за собою; самъ съ новоукомплектованными конными и пѣвными своими, такъ называемыми, полками и со всѣмъ военнымъ приборомъ весьма спѣшно пошелъ на Михельсона тою же дорогою, коею и отъ него удался. Можно было, по густой превеликой пыли, изъ-за дѣсовъ на-подобіе дыма или черныхъ облаковъ на воздухъ подымающейся, всему городу издали явно видѣть злодѣйское третичное дерзновение, что всѣхъ приводило въ страхъ и трепетъ, особливо представляющихъ себѣ несравненно превосходѣннѣе сволочи его число противу, такъ сказать, горсти защитительнаго своего <которое не болѣе какъ изъ 800 карабинеровъ, гусаровъ и Чугуевскихъ казаковъ состояло> храбраго войска, хотя мужество и искусство предводителя отчаяваться въ побѣдѣ и не дозволяло.

Какъ только сей отъ Бога ниспосланный Казани защитникъ увидѣлъ противу себя идущаго изъ-за Казанки прямо на Арское поле злодѣя, великимъ протяженіемъ многотысячную толпу за собою влекущаго, тотчасъ противъ него отправился съ немногочисленными своими, привычными уже сихъ буяновъ поражать, воинами, и по занятіи выгоднѣйшаго мѣста, не давъ времени ему, какъ и гдѣ хотѣлось, построиться въ боевой порядокъ, всѣми силами, при помощи исправной своей артиллеріи, на него съ такою неустрашимостію ударилъ, что злодѣй, по весьма слабому и короткому сопротивленію, оставивъ всѣ свои тягости военныя, многолюдство и великимъ хищеніемъ собранное богатство, опрометью, какъ ему обыкновенно, побѣжалъ съ весьма малымъ числомъ себѣ вѣрныхъ, по той же Галицкой къ Кокшайску дорогѣ, за коимъ отраженная команда гналась около 30 верстъ; но видя, что злодѣй, будучи впереди, вездѣ беретъ перемѣнныхъ неусталыхъ лошадей, за усталостію своихъ, возвратилась.

Послѣ чего въ крѣпости торжественно благодарный молебень отправлялся, и Михельсонъ при умилениѣшемъ всего народа зрѣніи и засвидѣтельствующаи радостнѣйшими восклицаніями ура! и другими знаками наичувствительнѣйшей сему избавителю своему благодарности, Генералитетомъ и знатнѣйшими персонами, за крѣпостными воротами былъ встрѣченъ и поздравленъ; между тѣмъ побѣдительно его войско отплатою отъ злодѣя добычею подвиги свои съ излишествомъ наградило. Вскорѣ потомъ разсѣянные по разнымъ мѣстамъ злодѣйскіе остатки истреблены были.

Что послѣ вѣрнѣе или обстоятельнѣе къ сему узнаю, для поправленія или пополненія, сообщить вамъ не оставляю.

Государь мой!

Вашъ слуга и богомолецъ

Платонъ, Архимандритъ Спасо-Казанскій.

Конецъ.

954. [О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА].

На дняхъ вышли въ свѣтъ Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель <г. Бахтинъ> въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ <какъ и всѣ наши писатели вообще> скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ суда нѣтъ, говорить неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ *Шлегеляхъ*, ни даже въ *Лагарпахъ*.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ Апостоловъ романтизма, и первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма, и обратился къ классическимъ идеаламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразования.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной

Биргеровой Леноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковского, который сдѣлалъ изъ нее то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ *Ольгу*. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія *сволочь*, замѣнившая *воздушную цѣпь тѣней*, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была *Грибодовымъ*. Послѣ *Ольги* явился *Убійца*, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже: убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, *плѣшивымъ*! Читатели, воспитанные на *Флоріанъ* и *Парни*, расхохотались и почили балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость и то скупю и неохотно. Между ими отличаются *Мстиславъ Мстиславичъ*, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и *Вторая быль*, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ *идиллію*, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя—простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегію*, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ *Inferno* и собраніе *романсовъ о Сидѣ*, сіе простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПУШКИНА.

«Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ».

Пушкинъ. Желаніе. 1816 г.

Въ новѣйшее время исторія литературы все болѣе и болѣе становится исторіей идей, которыя разсматриваются въ связи съ личностью ихъ творцовъ, а эти послѣдніе—въ связи съ обществомъ и средой, окружавшими того или другого творца. Творецъ-художникъ, писатель, поэтъ, музыкантъ, ученый, философъ и т. д.—возстаетъ предъ нами во всѣ моменты своей жизни и дѣятельности. Онъ рисуется намъ какъ общественный дѣятель, обнаруживается и въ самой интимной средѣ и жизни, и все это достигается мало-по-малу, благодаря нашей увѣренности, что всякій человѣкъ, съ одной стороны, силенъ своей индивидуальностью, которая тѣмъ менѣе подавляется, чѣмъ болѣе выдаются дарованія человѣка,—съ другой стороны,—всякій человѣкъ, не исключая творца-генія, является до извѣстной степени продуктомъ общественныхъ условій, среды и времени. Въ дѣлахъ осуществленія крупнѣйшей задачи, которая ставится исторической наукой,—возсоздать и воспроизвести прошедшія эпохи во всей ихъ полнотѣ, со всѣми факторами ихъ направленій,—въ послѣднее время издаются мемуары, воспоминанія, переписка крупныхъ дѣятелей, разрабатывается ихъ біографія, изучается ихъ психологія въ связи съ психологіей современнаго имъ общества и въ связи съ общими и личными условіями ихъ жизни и проч.

Нельзя отрицать того, что одной изъ самыхъ крѣпкихъ и важныхъ связей личности съ современнымъ ей обществомъ служитъ языкъ, которымъ говоритъ писатель съ современнымъ ему обществомъ. Читая писателя прошлаго вѣка, напримѣръ, Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, мы теперь уже не способны находить музыки въ ихъ стихахъ: мы нерѣдко уже снисходительно улыбаемся при чтеніи стиховъ Державина и Ломоносова, даже отворачиваемся отъ этой старины; языкъ Карамзина насъ только утомляетъ, а Жуковский уже въ массѣ своихъ стихотворе-

ній давно пересталъ «плѣнять» насъ «сладостью» своей рѣчи. Однако, при Пушкинѣ еще не было такъ: еще самъ Пушкинъ увлекался стихомъ Жуковского, признавалъ его своимъ учителемъ и образцомъ, хотя въ то же время сознавалъ разницу между Державинымъ и Жуковскимъ. Изъ этого мы видимъ, что литературный языкъ носитъ отпечатокъ своего времени, отражаетъ состояніе современнаго ему общества, господствующіе въ немъ интересы, степень его образованія и проч. По словамъ, т.-е. по лексикологіи автора, можно судить о средѣ, въ которой онъ вращается, о книгахъ и темахъ, которыя его интересуютъ, какъ объ этомъ замѣчательно вѣрно судила еще Пушкинская Татьяна. Великій поэтъ отправилъ ее въ кабинетъ Онѣгина въ его отсутствіе, чтобы тамъ посмотрѣть на книги Онѣгина и тѣ отмѣтки, которыя на книгахъ дѣлалъ Онѣгинъ:

«Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видить, съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.
И начинается понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхаетъ
Осуждена судьбою властной...»

Евг. Он. Глава VII. Строфы XXIII—XXIV.

Но не только по лексикологіи (по составу словъ) языка опредѣляемъ мы до извѣстной степени кругъ интересовъ говорящаго, его среду, его воспитаніе и обра-

зованіе, наконецъ сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Для того времени, въ которое жилъ Пушкинъ, въ особенности для начала XIX-го вѣка, когда Пушкинъ былъ въ лицѣ, наши свѣдѣнія о степени образованія, о сословіи и окружающей Пушкина средѣ получаются нами еще изъ подробнаго анализа его рѣчи съ точки зрѣнія тонической и фонетической, т.-е. съ точки зрѣнія его произношенія русскихъ и иностранныхъ словъ и анализа состава звуковъ, словъ и удареній.

Для того, чтобы понять, какъ можно судить по произношенію говорящаго о той средѣ и обстановкѣ, въ которыхъ онъ жилъ, о томъ времени и о той мѣстности, когда и гдѣ слагалась его рѣчь, мы должны пользоваться нашими специальными свѣдѣніями по наукѣ о языкѣ и его діалектологіи.

Прежде всего примемъ во вниманіе то положеніе, которое совершенно понятно и всякому неспециалисту, именно, что рѣчь каждаго человѣка слагается въ періодъ его дѣтскаго возраста, и что ребенокъ, подражая окружающимъ его взрослымъ, начинаетъ мало-по-малу говорить языкомъ своей семьи и своего общества: если семья живетъ среди того общества, гдѣ говорятъ по-французски, то ребенокъ усваиваетъ французскую рѣчь и французское произношеніе. И въ такой обстановкѣ жилъ маленькій Пушкинъ, который прежде началъ писать по-французски, чѣмъ выучился и сталъ писать стихи по-русски. Если ребенокъ слышитъ рѣчь окружающихъ, говорящихъ по-новгородски (т.-е. на—«о»), онъ самъ начинаетъ «окать»; если складывается рѣчь человѣка въ то время, когда вмѣсто «на землѣ» говорятъ окружающіе «на землѣ», то и рѣчь молодого члена семьи будетъ отличаться такимъ же оборотомъ. Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ еще часто употреблялъ обороты «дательнаго самостоятельнаго», т.-е. въ родѣ: «солнцу взошедшу», «утру наставшу», вм. «когда солнце взошло», «когда утро настало» и проч. Всѣ наши писатели прошлаго XVIII и XIX вѣка употребляли формы: *рекъ, реку, рекла, возлещи, возстани* и проч., но нынѣ мы уже этого не встрѣчаемъ: слѣдовательно, такая рѣчь мало-по-малу выходитъ изъ употребленія и дѣлается старою. Итакъ, мы можемъ судить о мѣстности, т.-е. о діалектѣ, о говорѣ даннаго лица; о времени его рѣчи по остаткамъ старины въ рѣчи; объ иностранныхъ элементахъ въ рѣчи мы можемъ судить по лексикологіи и по произ-

ношенію иностранныхъ звуковъ. Такъ, напримѣръ, мы и до сихъ поръ нерѣдко можемъ встрѣтить лицъ, говорящихъ по-русски совершенно чисто, но передающихъ французскія слова, вошедшія въ русскій языкъ, съ французскимъ *n*, въ ность, напримѣръ, въ словахъ: финансы, авансы, шансы и под. Само собой разумѣется, что такъ не произнесетъ этихъ словъ тотъ человѣкъ, которые впервые ихъ услышалъ отъ русскаго, совершенно не владѣющаго французскимъ языкомъ и никогда его не слыжавшаго: въ рѣчи такого человѣка неоткуда взяться французскому носовому *n*, и онъ произнесетъ эти слова съ русскимъ зубно-носовымъ *n*: *финансы* и проч. Человѣкъ, который кругомъ себя слышалъ французское произношеніе *musique*, невольно станетъ произносить «мюзикъ» или «музыка» и под. Слыша удареніе «Вольтѣръ» (*Voltaire*), человѣкъ усваиваетъ это удареніе и произношеніе въ этомъ словѣ *t* твердаго—Вольтѣр. Наоборотъ, въ средѣ, гдѣ не слышится французская рѣчь, а читаются книги на русскомъ языкѣ съ иностранными (французскими) словами, возможны произношенія: *Вольт'ѣр* (*t*—мягкое) и даже *Вольтер*. Таково произношеніе нашихъ семинаристовъ, хотя нерѣдко и очень нечитанныхъ и образованныхъ, но не знакомыхъ съ иностранными языками практически и съ иностраннымъ чистымъ произношеніемъ. Наши художники—поэты и писатели, характеризуя отдѣльных лицъ—героевъ и типы, не упускали изъ виду и особенностей рѣчи своихъ героевъ, желая обрисовать полнѣе ихъ личность. Такъ, у Тургенева въ романѣ «Отцы и дѣти» мы читаемъ слѣдующее: «Мы люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ *принсіповъ*... (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ, Аркадій, напротивъ, произноситъ «*принципъ*», налегая на первый слогъ) безъ *принсіповъ*, принятыхъ, какъ ты говоришь, на иѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. *Vous avez changé tous cela*, дай Вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа»... и проч. (Соч. Тургенева. Изд. Маркса. 1898 г. Т. II, Стр. 24).

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этой мѣткой характеристикѣ рѣчи Павла Петровича Кирсанова у Тургенева. Павелъ Петровичъ Кирсановъ—дворянинъ стараго покроя и такого же воспитанія, какъ Пушкинъ, какъ его герой Гриневъ, Евгений

Онѣгинъ и проч. Это хорошо намъ знакомая по литературнымъ художественнымъ произведеніемъ и по историческимъ запискамъ барская среда, съ ея домашней обстановкой, съ ея воспитаніемъ, съ ея прислугой, къ которой почти всегда относились «господами» и домашніе учителя *русскихъ* предметовъ, т.-е. русской грамоты, арифметики, географіи и проч. Для этихъ предметовъ обыкновенно приглашались «Цыфиркины» и «Кутейкины» — семинаристы, которые, хотя и сообщали своимъ питомцамъ «здравыя понятія», но въ такой формѣ, какаѣ совершенно не согласовалась съ традиціями барской среды и получалась только въ той общественной средѣ, которая, съ одной стороны, была близка къ простому народу, а съ другой, — къ церковной книгѣ, со всѣми особенностями церковнаго произношенія. Кромѣ того, «Цыфиркины» и «Кутейкины» находились подъ постояннымъ контролемъ «барина» или барыни, которые старались взять отъ домашнихъ учителей все, что было нужно, по мѣрѣ барской среды, а сами имъ платили жалованье деньгами и относились къ нимъ, далеко не стараясь своимъ отношеніемъ къ учителямъ внушить ихъ ученику довѣріе или уваженіе къ нимъ. Зато для французскаго языка въ этой средѣ нашихъ старыхъ дворянъ брали въ домъ настоящихъ французовъ, которые пріѣзжали въ Россію «pour être outchitel» и для полученія денегъ, не имѣя никакой подготовки для педагогической дѣятельности и занимая у себя на родинѣ нерѣдко должности настоящихъ прислуги. Всѣ эти М-г Трике, М-me Розье, М-г l' Abbé, М-г Бопрэ и проч., имя которымъ — легіонъ, поучали своихъ питомцевъ, хотя сами были и «убогими»:

«Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шути,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ лѣтній садъ гулять водилъ».

(Евг. Он. Гл. I, строфа III). Зато выходили изъ барской среды баричи съ такимъ французскимъ языкомъ, про который мы хорошо знаемъ изъ тѣхъ же указаній нашихъ выдающихся писателей. Про князя Василія Курагина гр. Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» (Изд. 10. Т. V. Стр. 6.33.34) говоритъ такъ: «Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только юворили, но и думали наши дѣды».

Татьяна Ларина, хотя и жила въ глуши, но въ своей помѣщичьей средѣ не выучилась даже написать любовнаго письма по-русски: у нея не хватало для этого подходящихъ словъ, хотя и были мысли. Пушкинъ самъ пересыпалъ свою рѣчь французскими словами и выраженіями и нерѣдко писалъ письма своимъ близкимъ друзьямъ и даже жемъ своей по-французски. Пушкинъ даже затруднился перевести на русскій языкъ французское письмо Татьяны, жалуясь на состояніе нашего русскаго языка того времени:

«Еще предвижу затрудненіе:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалась съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ, писала по-французски»...

Е. О. III. Стр. XXVI.

«Не правда-ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, русскимъ языкомъ
Владѣла слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?»

ibid. XXVII.

При такомъ положеніи дѣла не мудрено, что и Пушкину приходилось за русскими словами нерѣдко обращаться къ «Академическому Словарю», въ особенности въ первое время его писательской дѣятельности, въ «Лицейскій періодъ», который продолжался отъ 1812 года по 9-е іюня 1817-го года. За это время Пушкинъ написалъ (по крайней мѣрѣ, пока дошло до насъ) 131 стихотвореніе, и языкъ этихъ-то стихотвореній, вплоть до стихотворенія «Безвѣріе», которое Пушкинъ читалъ въ день выпуска изъ лицея 9-го іюня 1817 года, существенно отличается отъ болѣе позднихъ его стихотвореній. Самъ Пушкинъ о себѣ говоритъ:

«Но панталоны, фракъ, жилетъ—
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, вниуюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь».

Е. О. I. Стр. XXVI.

Это Пушкинъ писалъ въ 1822 году и говоритъ, что онъ «встарь» заглядывалъ въ Словарь; слѣдовательно, въ 1822 году это время ему казалось уже старымъ, и онъ уже пересталъ заглядывать въ Словарь. Въ 1824 году Пушкинъ въ числѣ причинъ, замедлявшихъ ходъ нашей словесности, указываетъ «общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго» (sic!) и заключаетъ: «у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ... «мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ...» «Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ...» (Соч. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Спб. 1887 г. Т. V. Стр. 19). То же Пушкинъ говоритъ въ «Альбомѣ Онѣгина» въ 1827—1828 году (Соч. III. 416.417). Объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу въ началѣ XIX вѣка и о состояніи русскаго языка этого времени Пушкинъ не разъ говоритъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій (См. V. 28. 29. Письмо къ П. А. Вяземскому 1825-го года. Т. VII. № 126 и др.).

Само собой разумѣется, что въ самомъ же скоромъ времени послѣ выхода изъ лицея Пушкинъ уже зналъ надлежащую цѣну тому воспитанію, которое онъ получилъ въ своей средѣ, охарактеризованной всѣми нашими писателями, вышедшими изъ этой же среды, но духовно одаренными болѣе богато, чѣмъ ихъ родные. Такъ, Пушкинъ уже въ октябрѣ 1824 года пишетъ своему брату, Л. С. Пушкину, изъ Михайловскаго слѣдующее: «вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго моего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма». (VII. № 75). Въ 1830-мъ году по поводу стиха изъ Ев. Он. «Людскую молвь и конскій топъ» Пушкинъ пишетъ: «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими (sic!) презираютъ» (V. 128). Въ этомъ же году (ib. 136) Пушкинъ рѣшительно говоритъ: «Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ)

достойнъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвиринямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Такимъ образомъ, рѣшительный поворотъ въ писательской дѣятельности знаменитаго поэта указанъ намъ самой хронологіей его жизни и смѣны взглядовъ. Воспитанникъ французскихъ романистовъ и лириковъ, начитанный въ книгахъ библіотеки своего отца, Пушкинъ-мальчикъ лепечетъ свои дѣтскія рѣчи и пишетъ дѣтскіе стихи на французскомъ языкѣ, а къ 24 годамъ предастъ проклятію свое воспитаніе, начинаетъ учиться русскому языку по сказкамъ няни, понимаетъ глубоко состояніе русскаго литературнаго языка того времени, предается изученію стараго русскаго языка и хочетъ толкаться среди простого русскаго народа, чтобы уловить свойства русскаго языка. Пушкинъ-аристократъ дѣлается демократомъ! А какъ далеко стояли отъ русскаго народа эти Павлы Петровичи Кирсановы, которые сами признаются у Тургенева, что они «люди стараго вѣка» съ ихъ «принсіпами»...

Такимъ образомъ, мы довольно легко можемъ подмѣтить три различныхъ струи, которыя питали нашъ русскій литературный языкъ къ началу XIX вѣка: струя литераторовъ—дворянъ, дворянская струя съ ея особенностями въ произношеніи и лексикѣ; струя народная, еще только пробивавшая себѣ русло въ «низкомъ штилѣ» Ломоносова и въ искусственныхъ подражаніяхъ народному языку у Державина, такъ хорошо оцѣненнаго Пушкинымъ; третья струя—церковно-книжная, сочившаяся все время нашей письменности въ языкѣ и питавшаяся семинаристами-учителями, духовенствомъ и самимъ историческимъ ходомъ нашей литературы, восходящей къ простой церковной письменности на языкѣ церковныхъ книгъ съ примѣсю русскихъ диалектическихъ особенностей и чертъ простонароднаго русскаго разговорнаго языка, бывшаго когда-то единственнымъ всеобщимъ нарѣчіемъ въ древней Россіи.

Къ началу XIX-го столѣтія въ Россіи накопилось много новаго: Екатерининскія традиціи и лѣстивый языкъ поэтовъ ея времени едва успѣли замолкнуть, оставивъ въ наслѣдство апопееозъ «вельможъ» съ ихъ домами и пирами, да память о придворныхъ пѣтахъ. Войны съ французами при-

послѣ Россіи въ культурномъ отношеніи много новаго и хорошаго: сблизили духовные интересы французовъ съ русскими, и русская умственная жизнь закипѣла въ апоху «дней Александровыхъ прекраснаго начала»; умственное пробужденіе выразилось въ основаніи многихъ литературныхъ обществъ и кружковъ; дворянство, въ особенности военное, стало значительно культурнѣе, произошла естественная дифференціація общества, стали образовываться литературные вкусы и школы съ ихъ представителями, наступилъ чередъ и для русскаго литературнаго языка. Журналы этого времени уже являются представителями различныхъ литературныхъ партій и взглядовъ; словомъ, русская литература и языкъ переживали ломку и, какъ всегда, всѣ признаки переходнаго времени. Въ это время Карамзинъ, уже отдавшій формальную дань демократизму, пролилъ слезу надъ своей «бѣдной» Лизой, указавъ въ ней, что и мѣщанки достойны сожалѣнія со стороны литератора изъ барской среды, но позабывъ, что у мѣщанокъ и языкъ свой, не барской среды.

Отъ лирики Карамзинъ перешелъ къ «патріотическому» дѣлу и остановилъ свое вниманіе на «Исторіи Государства Россійскаго», въ которой показалъ намъ впервые періодическую рѣчь русской прозы, со всѣми особенностями «элегантнаго» языка, нынѣ уже отошедшаго въ область преданій. Карамзинъ, однако, составилъ свою школу и сгруппировалъ около себя сотрудниковъ, послѣдователей и единомышленниковъ, отставившихъ въ русскомъ литературномъ языкѣ аристократическую тенденцію и пребреженіе къ языку «подлой черни».

Шишковъ, наоборотъ, къ этому времени призывалъ держаться въ русскомъ литературномъ языкѣ церковно-книжной старины и искусственной народности. Крыловъ же съ своими журналами ретиво напалъ на новшества Карамзина, хотя своими баснями безсознательно продолжалъ великое дѣло Ломоносова, образовавшаго въ своемъ «низкомъ штиль» отдушину, черезъ которую узаконено было проникновеніе свѣжей струи народнаго начала въ напыщенный церковно-книжный литературный языкъ хвалебной оды и ложноклассической трагедіи или тяжелыхъ разсужденій о «важныхъ матеріяхъ». Разбавленный галлицизмами церковно-книжный языкъ продолжалъ еще звучать въ русской литературѣ и при молодомъ Пуш-

кинѣ, котораго Державинъ «благословилъ, сходя въ гробъ».

По всему этому мы видимъ, что Пушкину досталось далеко не богатое наслѣдство въ русскомъ языкѣ нашей изящной литературы, и тѣмъ рельефнѣе и удивительнѣе выступаетъ крупное значеніе Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Языка «Руслана и Людмилы» еще не знала наша литература до Пушкина, не говоря уже о языкѣ «Евгенія Онѣгина». Грибоедовъ со своимъ языкомъ будущихъ «пословицъ», какъ выразился объ этомъ языкѣ комедіи «Горе отъ ума» Пушкинъ, еще не выступалъ на литературное поприще.

Во всякомъ случаѣ, хотя «Россійскій Геликонъ» и былъ почти сплошь населенъ дворянствомъ, хотя наша литература этого времени была по преимуществу дворянская, тѣмъ не менѣе, это же литературное дворянство, исключая аристократа до мозга костей Карамзина, дало ходъ на *практикѣ* Ломоносовской идеѣ о «низкомъ штиль». Торжество національнаго элемента въ русской литературной рѣчи пророчески предсказалъ тотъ же Пушкинъ: въ 1834 году онъ писалъ: «Даже *теперь* наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. *Это есть важный признакъ и непременно будетъ имѣть важныя послѣдствія*. Писатели-дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то *неприличія*». (Соч. V. Стр. 227 примѣч. **). Нѣсколько выше Пушкинъ говоритъ: «У насъ въ Россіи, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностью занимались большею частью дворяне. Это дало особенную фizioномію нашей литературѣ» (ib V. 227. Въ текстѣ). Важныя послѣдствія того, что «всѣми отраслями литературы нашей овладѣли писатели не дворянскаго сословія», уже сказались, и Пушкинъ оказался правъ: наша литература во второй половинѣ XIX-го вѣка начала пріобрѣтать европейское значеніе, а теперь она принадлежитъ къ числу литературъ, имѣющихъ міровое значеніе и переводимыхъ на самые различные иностранные языки. Само собой разумѣется, что литература, претендующая на міровое значеніе, потому и становится дѣйствительно предметомъ интереса культурныхъ народовъ, что она сохраняетъ національ-

ный характеръ и пошибъ, что она отражаетъ міровыя, общечеловѣческія черты всѣми силами, *присущими данной національности.*

Въ этой особенноти отраженія міровыхъ культурныхъ интересовъ вся сила, и надо признать, что однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ этой силы является литературный языкъ.

Окинемъ, въ самомъ дѣлѣ, взоромъ періодъ времени отъ начала 19 в.—когда наша литература подъ давленіемъ новыхъ культурныхъ задачъ, внесенныхъ въ русскую жизнь войной 12-го года и царствованіемъ Александра I-го, искала формы выраженія этихъ культурныхъ задачъ — до конца XIX вѣка, когда эти формы, впервые указанные Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», получили полное развитіе въ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей, давшихъ въ лицѣ Тургенева и національный образецъ изящной прозы. Придется тогда съ удивленіемъ признать, что менѣе чѣмъ въ столѣтіе, выработался нашъ литературный языкъ на основахъ, которыя были пророчески и гениально указаны Ломоносовымъ и Пушкинымъ.

Если ознакомиться съ нашими журналами начала XIX вѣка, съ автографами писателей этого времени, то сразу становится очевиднымъ, что этотъ періодъ долженъ быть отмѣченъ, какъ *періодъ формированія нашего національнаго литературнаго языка.* Въ журналахъ этого времени («Московскій Меркурій» Макарова, «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», «Сѣверный Вѣстникъ» Мартынова, «Вѣстникъ Европы» Карамзина и друг., не говоря уже о журналахъ самаго конца XVIII вѣка) мы видимъ полное отраженіе письма и языка отдѣльныхъ авторовъ: нерѣдко ореографія одной и той же книжки журнала нѣсколько разъ мѣняется, смотря по тому, какому автору статья принадлежитъ, и какъ этотъ авторъ самъ пишетъ. Поэтому изученіе автографовъ и нашихъ старыхъ журналовъ періода формированія языка и неустановившейся ореографіи особенно важно для воспроизведенія личности писателя и его участія въ исторіи литературнаго языка. Начиная съ Ломоносова и кончая современными писателями, намъ въ литературномъ языкѣ непрерывно попадаютъ элементы языка той мѣстности, изъ которой происходилъ писатель—формы сѣверно-великорусской рѣчи: краснѣе, глупѣе, умнѣе въ сравнит. степени перестали существовать въ языкѣ литературы лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка; формы сѣв.-

великорусскаго нарѣчія: *дальный, поздный* и под. есть и у Пушкина, есть онѣ и донынѣ въ примѣрахъ *булочная* (въ старыхъ журналахъ: *булошная*) вмѣсто южно-великорусской — *булочная*. А правописаніе нашихъ писателей переходнаго времени, когда Пушкинъ учился въ лицѣ, проникло и въ печатные журналы того времени и пестритъ фактами то діалектическаго произношенія, въ родѣ: «лавошникъ», «табашникъ», «овошная лавка», «корета», то фактами церковнаго произношенія, принятаго и въ литературно-образованную дворянскую среду, которая училась у семинаристовъ и выработывала подъ ихъ руководствомъ тотъ «русскій языкъ», который официально былъ еще издавна признаванъ «литературнымъ», отличающимъ языкъ интеллигенціи отъ языка «подлой черни». Наши «языковѣды» и «грамматисты» конца XVIII вѣка, Сумароковъ и Тредьяковский, особенно заботившіеся о чистотѣ литературной русской рѣчи, напали на «холмогорскаго крестьянина» Ломоносова за то, что онъ «московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ». Сумароковъ—московскій баринъ—особенно боялся «опуститься въ подлость» въ языкѣ. Эту «подлость» русской народной рѣчи презиралъ еще и Карамзинъ, несмотря на то, что его собственная рѣчь, въ его письмахъ къ брату, въ Симбирскъ (см. автографы Карамзина въ Имп. Публ. Библіотекѣ), изобиловала оборотами, переведенными съ французскаго и уже нынѣ отжившими, а «подлость» русской рѣчи нынѣ красуется на страницахъ Тургенева, Гоголя, Островскаго, Л. Толстого, А. Толстого, Достоевскаго, Печерскаго, Мамина-Сибирика, Короленка, Чехова, Горькаго и другихъ. По свидѣтельству Тредьяковского и Сумарокова, произношеніе ударяемаго *ѣ* передъ твердымъ согласнымъ или въ концѣ слова служило въ ихъ время признакомъ простой рѣчи, и очень понятно, что церковныя произношенія: *пойдѣтъ*, а не *пойдѣтъ*, *ліѣтъ*, а не *лѣтъ*, *надѣжнѣй*, а не *надѣжнѣй*, *полѣтъ*, а не *полѣтъ*, *алтарѣмъ*, а не *алтарѣмъ*, *прелѣщеннѣй*, а не *прелѣщеннѣй*, и под. должны были отличать собой рѣчь литературно-образованнаго челоѣка отъ рѣчи простого неграмотнаго народа и, входя въ письменность, обуславливать риѣму въ стихахъ. Въ старыхъ журналахъ начала XIX вѣка нерѣдко мы видимъ въ такихъ случаяхъ написаніе *ѣ* вм. *е*, для предупре-

жденія читателей, чтобы они не ударились «въ подлость» при чтеніи «парнасскихъ жителей». Вотъ почему не только изученіе *орфографии*, но и изученіе *риемы* времени Пушкина лицейскаго періода сравнительно съ *риемами* его позднѣйшихъ произведеній, въ которыхъ все рѣже и рѣже встрѣчаются старыя *риемы* со звуками той рѣчи, которую говорилъ еще въ своей семьѣ В. К. Тредьяковскій, т.-е. *риемы* церковно-русскаго языка въ его особенностяхъ произношенія интеллигентной среды, очень поучительно. Это изученіе *риемы* необходимо для возстановленія тогдашняго произношенія русской интеллигенціи. Само собой разумѣется, что въ то время, когда *риема* была предметомъ особенной заботы нашихъ писателей-эстетовъ, Пушкинъ не могъ употреблять *риемъ* «полѣтъ»—«идѣтъ», не имѣя на это законнаго основанія въ произношеніи окружавшей его среды; онъ долженъ былъ *риемовать* звукъ *е* этого слова («полетѣ») со звукомъ *е* (ѣ) въ словѣ «летѣ». И такая *риема* у Пушкина стала встрѣчаться значительно рѣже лишь послѣ того, какъ онъ дополнилъ свое «проклятое» воспитаніе съ его французскими «принсіпами», посредствомъ изученія русской народной рѣчи. Чуткая, изящная, поэтическая натура Пушкина никогда не примирилась бы съ такими *риемами* и со своими «лицейскими» стихотвореніями, если бы эта натура *во-время* получила духовное удовлетвореніе на жизненныхъ основахъ дѣйствительности, а не на иллюзіи оторванной отъ жизни дворянской поэтической теоріи.

А пока Пушкинъ не призналъ необходимость жизненной программы: «будь всякій при своемъ» (1815), пока онъ не услышалъ той рѣчи, которую онъ могъ использовать для своей поэтической души, до тѣхъ поръ онъ развивался въ границахъ и на основахъ той сферы, которая его окружала. Вотъ почему языкъ Пушкина «лицейскаго періода» всецѣло примыкаетъ къ своему времени и къ языку тогдашнихъ корифеевъ литературы — Державина, В. А. Пушкина, отчасти Жуковскаго (который все таки остался одинокомъ, потому что онъ не былъ оригиналенъ въ выраженіи мыслей и чувствъ и потому всегда зависѣлъ отъ своихъ оригиналовъ).

Однако уже въ 1825 году Пушкинъ пишетъ Дельвигу: «Державинъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка», «вотъ почему онъ и ниже Ломоносова»

(Соч. Пушкина VII. Стр. 133). Тогда какъ о Ломоносовѣ Пушкинъ пишетъ Бестужеву: «Ломоносовъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго» (ibid. VII. 116. Въ 1825 году). Такимъ образомъ, на основаніи предыдущаго мы можемъ усмотрѣть въ литературномъ языкѣ Пушкина даннаго періода тѣ же элементы, которые вообще были извѣстны литературному языку этого времени, т.-е. церковно-книжный элементъ, иностранный французскій и проблески чисто-народнаго.

Итакъ Пушкинъ лицейскаго періода есть дитя своего времени по языку и, еще болѣе, по содержанію своихъ стихотвореній. Но уже приблизительно съ 1823—24-го года, какъ видно и по приведенному выше письму Пушкина къ своему брату, и по стихотвореніямъ, Пушкинъ уже не можетъ считаться сыномъ *своего времени*: его языкъ нашелъ для себя коррективы въ народной русской рѣчи, и это обстоятельство, *сознательно* использованное великимъ художникомъ слова, сдѣлало изъ Пушкина истиннаго родоначальника русскаго поэтическаго языка, съ которымъ мы не расстаемся и *понынь*. Въ самомъ дѣлѣ, если еще въ поэмѣ «Русланъ и Людмила» мы встрѣчаемся и со старыми удареніями, напр. «призракъ» (II. 260), и со старой конструкціей: «вослѣдъ ему» (II. 261), «внимала разговоръ» — ibidem, то уже послѣ поэмы «Русланъ и Людмила», начиная съ 1824-го года приблизительно, Пушкинъ, если и сохраняетъ слова и обороты своего или прежняго времени, то совершенно сознательно и намѣренно тамъ, гдѣ того требовало художественное чутье поэта, напр., въ трагедіи «Борисъ Годуновъ», въ балладѣ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», въ стих. «Пророкъ» и под. Само собой разумѣется, что въ языкѣ Пушкина до конца его жизни остаются тѣ старыя слова и произношенія, которыя пережили и Пушкина, и бытуютъ донынѣ въ инвентарѣ современнаго намъ русскаго литературнаго языка, напр., формы церковно-книжнаго строенія вмѣсто русскихъ народныхъ *полногласныхъ*: «брегъ» — 1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «предъ» — ib. «младая» — ib., «глава» — ib., и под. Встрѣчаются также тѣ образованія и конструкціи, которыя, напоминая молодость Пушкина, въ то же время служатъ *цѣлымъ ритма*, удобнѣе входятъ въ стихъ, въ размѣръ его, какъ, напр., «въ разны годы» — 1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «пріяли» вм. «пріяняли» — ib., «боится» — 1836 г., «дхнулъ» —

1836 («Подражаніе итальянскому»), «гладный» — *ib.*, *предлож* «*межъ*» и «*между*» съ двумя падежами: «*между вами*» — 1821 г. (I. 263) и «*между шести*» — 1825 (I. 377), «*межъ нивъ*» — 1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «*межъ гостей*» — 1836 г. Встрѣчаются и нынѣ устарѣлыя суффиксальныя образованія, какъ напр., «трепетанье» въ смыслѣ современнаго «трепетъ» — Ев. Он. Глава VII. Строфа XXIII. Или: «пренебреженіе *русскаго языка*» — 1824 г., «презирають *сказками*» — 1830 г., и друг. под.

Но нельзя этого сказать про слова и выраженія, внушенные поэту *современной* ему живой рѣчью разговорнаго языка или художественнымъ чувствомъ; напр., «грустенъ гуляю» — 1836 (II. 186), «задумчивъ я брожу» — 1836 года. Или: «мечтались тебѣ» — 1825 (I. 357), «сущій языкъ» — 1836 («Памятникъ»), «животворяща древа» — род. ед. — 1836 г. и др. Равнымъ образомъ: насколько и художественно и лингвистически безупреченъ Пушкинъ въ своихъ удареніяхъ: «губа», «губу» — 1830 г. (II. 107), «легокъ» — 1822 («Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». I. 276), срв. «легокъ» — 1836 г. «На статуи» II. (II. 191) и под., или: «красотамъ» — 1836 г. (Изъ Пиндемонте) и др., настолько же онъ дѣлаетъ уступку своему времени, употребляя безъ особой надобности слово «пить» вм. «поэтъ» — 1836 г. («Памятникъ»), «пени» вм. «сожалѣніе», «состраданіе» — 1826 г. (II. 2. Элегія) и под. Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ, которыхъ можно бы было привести множество, мы ясно видимъ, что *сила Пушкина* заключается не въ тѣхъ элементахъ языка и стили, въ которыхъ онъ уступалъ своему времени или подчинялся требованіямъ возникавшаго при его творческомъ процессѣ *ритма*, но въ томъ, что Пушкинъ выбиралъ изъ языка *сознательно* по требованію художественнаго чувства, пользуясь для такого выбора богатствомъ русскаго народнаго языка, а не наслѣдіемъ отечественной письменности и образцами корифеевъ старой русской стихотворной литературы. Эти элементы, эти выборы Пушкина въ его языкѣ живутъ и *донныи* съ нами, и въ этихъ элементахъ Пушкинъ значительно переросъ свое время и свое поколѣніе.

Однимъ изъ главныхъ доказательствъ только что приведеннаго положенія служитъ то, что можно замѣтить въ языкѣ Пушкина на *всемъ* пространствѣ его литературной дѣятельности, — это, именно, что онъ не

вводилъ *искусственныхъ* формъ и *искусственно-образованныхъ* формъ въ свой языкъ. Если онъ пишетъ даже въ «Евг. Он.» и въ письмахъ «обойтись», «разойтись» и т. под., то это не «народничанье» въ родѣ Державина, а *настоящій фактъ* тогдашняго разговорнаго языка интеллигенціи, такъ какъ эта форма извѣстна и въ письмахъ аристократа по языку и взглядамъ Карамзина. Если Пушкинъ *пріемуетъ* твор. п. ед. ч. именъ сущ. жен. рода твердаго склоненія на ой (женой, думой...) съ именит. падежомъ ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ твердаго склоненія *при неударяемомъ* окончаніи, какъ и *при ударяемомъ*, то это не поддѣлка *пріемы* путемъ ореографическаго отождествленія окончаній въ дѣлахъ ихъ созвучія, а *живое произношеніе*, вопреки указаніямъ многихъ старыхъ комментаторовъ Пушкина, желавшихъ примѣнить свои теоретическія положенія «языка боговъ» къ *естественному* выраженію души Пушкина въ музыкѣ русскіхъ звуковъ рѣчи. Напр., см. автографъ Пушкина, приложенный къ 82 страницѣ I тома сочиненій автора въ академическомъ *второмъ* изданіи 1900 г.: *стройной* — именит. падежъ ед. ч. муж. р. и мн. др. — въ серединѣ стиха.

Кромѣ перечисленныхъ уже элементовъ въ языкѣ Пушкина, мы замѣчаемъ во все время его писательской дѣятельности въ языкѣ его стихотвореній явные признаки *московскаго произношенія*, господствовавшаго въ интеллигентныхъ кругахъ уже съ XVIII вѣка и такъ тщательно оберегавшагося москвичемъ Сумароковымъ. Хотя московскій говоръ легъ въ основаніе русскаго письменнаго и литературнаго языка еще съ XIV вѣка, но лишь съ XVIII вѣка явились у насъ первые примѣры «изящной» свѣтской литературы, а потому мы въ данномъ случаѣ имѣемъ въ виду лишь русскую *литературу*, но отнюдь не «*письменность*», уступившую свое мѣсто только въ XVIII вѣкѣ «литературѣ».

Для того, чтобы яснѣе выдѣлить Пушкина въ языкѣ его молодости сравнительно съ Пушкинымъ зрѣлаго періода, послѣ 1823—24 года, мы представимъ опытъ классификаціи языковыхъ элементовъ у Пушкина въ разные періоды его жизни. Подробности же лингвистическаго характера изложены нами въ спеціальныхъ статьяхъ, указанныхъ ниже. Весь матеріалъ Пушкинскаго языка ранняго періода мы распредѣлимъ по группамъ, на которыя этотъ матеріалъ естественно раздѣляется.

I.

Къ первой группѣ явленій языка Пушкина и интересующій насъ періодъ мы относимъ фонетическія и формальныя особенности церковно-книжнаго языка (въ основѣ своей старославянскаго), а также лексику этого языка. Среди фонетическихъ явленій, вошедшихъ въ языкъ Пушкина изъ языка церковно-книжнаго, мы отмѣтимъ: 1) Неполногласныя сочетанія вмѣсто русскихъ полногласныхъ: весь языкъ лицейскаго періода переполненъ такими словами, какъ: *хладъ, хладный, злато, гласъ, глава, власы, младой, драгой, грады, врата, брега, даже: брегитесь* («Сонъ». 1816 г. Соч. Пушкина. Академич. изд. 1900 года, 2-е, стр. 195). Подобныя сочетанія звуковъ въ словахъ представляютъ остатки до-Пушкинскаго литературнаго языка и сближаютъ языкъ Пушкина этой эпохи съ языкомъ Державина и прочихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка. Выше мы видѣли, что эти элементы языка Пушкина сохранились и въ позднѣмъ періодѣ его творчества, однако изъ всѣхъ словъ этой категоріи наибольшей устойчивостью оказались тѣ, въ которыя Пушкинъ вкладывалъ особый смыслъ, и которыя, благодаря этому, сохранились и донынѣ. Въ особенности достойно вниманія то, что старославянскія неполногласныя сочетанія, въ родѣ: *брегъ, злато, градъ* и под., вошедши въ нашъ церковно-книжный языкъ еще въ первые вѣка нашей письменности и уживаясь въ языкѣ параллельно съ чисто-русскими формами, въ родѣ: *берегъ, золото, городъ* и под., приютились, однако, по преимуществу въ церковномъ языкѣ и въ книгахъ духовнаго содержанія, сохраняя въ то же время обличье формъ, извѣстныхъ изъ церковныхъ книгъ. Въ литературѣ же XVIII вѣка эти и подобныя слова стали употребляться писателями въ такихъ грамматическихъ формахъ, которыя не были извѣстны въ старыхъ церковныхъ книгахъ, и получилось новое образованіе формъ склоненія и спряженія по типу русскаго словоизмѣненія, но съ церковно-славянскою огласовкою въ коренныхъ частяхъ словъ. Такъ получились въ языкѣ нашихъ писателей XVIII вѣка, и у Пушкина въ лицейскій періодъ, формы неполногласныхъ сочетаній въ родѣ слѣдующихъ: *перенеслась* — Къ сестрѣ 1814 г. (Академич. 2-е изданіе I-го тома 1900 г. Стр. 12. Въ вообще ссылки на соч. Пушкина

будутъ отданы нами по этому изданію). Въ примѣрѣ:

«Ты перенеслась мечтой
Въ поля» ...

Вмѣстѣ современной формы *перенеслась*. Такъ получилась форма: *озлатясь* — наше дѣепричастіе — стр. 27: «Бросали тусклымъ лучъ, луною *озлатясь*» (Осгаръ. 1814 г.). Срв. въ стих. «Мое завѣщаніе друзьямъ» 1815 г.: «Когда жъ ¹⁾ востокъ *озолотится*» — ib. стр. 112.

Такъ получились формы у Пушкина и старыхъ писателей (Державина, Жуковского и др.): *власы* — стр. 27. 129 («Валится снѣгъ, власы въ туманѣ ледѣньютъ». Осгаръ. 1814 г.); или «Играетъ локономъ *власовъ*» («Посланіе къ Юдину». 1815 г.). Выдержанной формой нашихъ старыхъ церковныхъ книгъ была бы форма им. п. мн. ч. *власы*, а не *власы*, въ которой удареніе подражаетъ русской формѣ; а также форма род. п. мн. ч. — *власъ*, а не *власовъ*. Равнымъ образомъ форма *брегъ* тоже представляетъ собой смѣшеніе старой церковной огласовки въ корнѣ и сравнительно новой формы діалектической, южновеликорусской, для им. п. мн. ч. Старой формой была бы *брѣзи* или уже *брѣи*, а не *брегъ*, которая образована по образцу русской берегъ и под. «Не блещутъ ужъ въ огняхъ берегъ и свѣтлы роши». (Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. 1814 г. Стр. 81). Срв. «Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя» (Вода и вино. 1815 г. Стр. 114). Сюда же относятся такія формы, какъ: *младбо* — род. п. ед. ч.;

¹⁾ Что касается орѳографіи *жъ* вмѣсто *жъ*, то мы не можемъ рѣшить, кому она принадлежитъ: Пушкину ли, или редакціи его сочиненій. Въ этомъ отношеніи и Академическое изданіе не стоитъ на высотѣ современныхъ требованій науки, и только редакція г. Сантова, выпустившая 1-й томъ переписки Пушкина (Спб. 1906 г.) приняла во вниманіе нужды науки о языкѣ, согласно постановленію Пушкинской комиссіи при второмъ отдѣленіи академіи наукъ въ засѣданіяхъ 12-го марта и 6-го декабря 1901 года. См. книгу: «Пушкинъ и его современники.» Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1903 г. Стр. IX, XI. А также Предисловіе къ 1-му тому переписки Пушкина въ изд. академіи наукъ (Спб. 1906 г. Стр. 111). Орѳографія Пушкина во многомъ пролила свѣтъ на произношеніе самого поэта: насколько можно судить по автографамъ, Пушкинъ не произносилъ *ш* и *жъ* мягко; поэтому неизвѣстно, какъ понимать *жъ* въ Академическомъ изданіи. См. нашъ трудъ: «Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина». Вып. I. Спб. 1901. Предисловіе и Введеніе. Стр. 15 и слѣд. и примѣчаніе. Также стр. 23 и слѣд. и Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 2. Стр. 388—417.

старой формой церковнаго языка была бы форма: *младаю*. Напр. «Изъ рукъ *младого* Купидона». (Князю А. М. Горчакову. 1815 г. Стр. 146). При извѣстномъ состояніи нашей образованности, при сословномъ характерѣ нашей старой литературы, о чемъ мы говорили выше, такіа формы языка литературы, въ особенности стихотворной, считались признакомъ и вкуса и хорошаго тона, хотя по условіямъ ритма стиха такихъ формъ часто можно было бы и избѣжать. Срв. также страницы 194 и 253, гдѣ мы читаемъ: «Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны.» (Сонъ. 1816 г. Стр. 194). Все это напоминаетъ языкъ Державина, которому вслѣдъ не хотѣлъ однако Пушкинъ «парить»¹⁾. Или: «При мирныхъ ли *брегахъ* родимаго ручья». (Разлука. 1817 г. Стр. 253).

Такими формами изобилуетъ языкъ Пушкина этого періода, и изъ 131 стихотворенія, написанныхъ за время отъ 1812 года до 9 іюня 1817 года, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было подобиныхъ формъ; поэтому мы не приводимъ болѣе такихъ формъ, но должны отмѣтить, что рядомъ съ ними у Пушкина есть и русскія современныя формы, не отягощающія литературнаго языка отжитыми и старыми элементами. Такъ, у Пушкина есть: *сребря* — 44, *сребрила* — 75. 75, но и: *осеребренню* — 129; есть *гладный* — 105, *брегитесь* — 195, но и *олодный*, *берегитесь* и проч.; есть *златой* — 122. 136 и проч., но и *золотой*... Формы перваго ряда (брега, озлаться, берегитесь и под.) къ 1824-му году почти вымираютъ у Пушкина, а формы втораго ряда (златой, глава, младость, градъ и под.) продолжаютъ жить до его смерти и живутъ понынѣ, находя поддержку въ такихъ образованіяхъ, какъ: «злато», «главный», «младенецъ», «ограда», «Петроградъ», «прибрежный», «безбрежный» и под.

2) Отмѣтимъ произношеніе церковное *ѣ* вм. *ѣ*, какъ видно изъ риѣмующихся словъ у Пушкина. Этотъ церковный звукъ особенно распространенъ у Пушкина въ раз-

сматриваемый періодъ въ формахъ прич. прош. вр. страд. залога на *ннѣй*, а затѣмъ и въ 3 л. ед. ч. глаголовъ на *ѣтъ*, и въ именахъ. Такое произношеніе было въ употребленіи у нашей интеллигенціи въ силу выше описанныхъ условій въ XVIII и началѣ XIX вѣка. О немъ говорятъ Тредьяковскій и Сумароковъ, считая произношеніе съ *ѣ* признакомъ простой рѣчи (См. мою статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 2. «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка.» Стр. 404). У Пушкина въ разсматриваемое время это явленіе очень часто. Напр., Пушкинъ риѣмуетъ постоянно: *надежный* съ *нѣжный* и под. «Такъ, это другъ надежной¹⁾. Ужъ начались восторги страсти нѣжной, И подѣлуй любовью возгорить.» (Эвлега 1814 г. Стр. 24). Срв. также: «Въ безмолвіи время онъ созерцалъ *полѣтъ*» въ риѣмѣ съ «лѣтъ» (Осгаръ 1814 г. Стр. 26). «Безтрепетнымъ *полѣтомъ*» въ риѣмѣ съ «свѣтомъ» (Городокъ. 1814 г. Стр. 68). «Въ колчанахъ скрытыхъ, забудутъ свой *полѣтъ*» въ риѣмѣ съ «бѣдъ» (На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году. 1815 г. Стр. 154). Срв. также:

«Утихла брань племень; въ предѣлахъ
отдаленныхъ

Не слышенъ битвы шумъ и голосъ
трубъ военныхъ» ib. 152

Или:

«Лида, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ,
Наслаждаемся *утомленный*,
Слышу я твой тихій стонъ?»

«Къ молодой вдовѣ». 1816. Стр. 226.

Или:

«Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ встрѣтитъ смертный часъ,
И блаженствомъ *упоенный*,
На груди твоей погасъ...» ib. 127.

Пушкинъ риѣмуетъ слово: «расцвѣтъ» — 69 («Въ юдѣли, гдѣ расцвѣтъ, — Мой го-

¹⁾ «Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?»

(Князю А. М. Горчакову. 1815 г. Стр. 145). Это было сказано, несмотря на то, что Державинъ «въ гробъ сходя, благословилъ» Пушкина и считался корифеемъ литературы: «Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь брадали струнами громозвучныхъ лиръ.» Воспоминанія въ Царскомъ селѣ 1814 г. Стр. 79. См. также Ев. Оц. (Изд. 1887 г. Литер. Фонда. Т. III. Стр. 382).

¹⁾ Объ окончаніяхъ — *ой* вм. — *ый* у Пушкина, въ им. п. ед. ч. именъ прил., мы говорили въ другомъ трудѣ (См. «Опытъ грамматики». Вып. II и упомянутую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. Также вып. I «Опыта грамматики». Введение). По автографамъ видно, что Пушкинъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ *произношенію*, а не желанію отождествить въ орфографіи окончанія риѣмующихся словъ. Правописаніе — *ой* въ то время было почти общимъ.

рестный удѣлъ»? Городокъ. 1814 г. Стр. 69) со словомъ «удѣлъ», и изъ этого видно какъ этимологическое произношеніе слова «расцвѣлъ», совпадающее съ церковнымъ и семинарскимъ произношеніемъ, согласующимся съ правописаніемъ, такъ и несочувствіе Пушкина къ народнымъ произношеніямъ «расцвѣлъ», которое подпало подъ аналогію такихъ произношеній, какъ: мѣлъ, брѣлъ, вѣлъ и проч. формъ прош. времени. Само собой разумѣется, что языкъ въ данномъ случаѣ забылъ старую, истинную форму этого слова: *росцѣлъ*, запомнивши лишь ближайшія по времени аналогіи, которыя заставили эту форму ассоциироваться съ формами отъ этого же глагола, но съ сильнымъ видоизмѣненіемъ корня, гдѣ было этимологическое *ѣ*: *цвѣту*, *цвѣтъ* и под. Эти ассоціаціи приняты были уже въ старыхъ церковныхъ книгахъ и вошли въ обиходъ литературнаго языка, гдѣ мы имѣемъ уже *вторичное цвѣлъ* (въ написаніи: *цвѣлъ*) по аналогіи съ *плѣлъ* и под. Срв. наше *звѣзды*, но въ народѣ еще: *звъзды*, хотя уже большею частью: *цвѣлз*. Далѣе у Пушкина мы имѣемъ: *зелѣну*,—32; *толченый*—33; хотя рядомъ: *поѣтъ* въ риѣмѣ съ *тотъ*—40. Срв. 68. *поднѣсъ*—45, *веселой*—51. Срв. 61, 65; *тѣмны*—61; *присесанный*—60; *лѣтъ*—166; *идѣтъ*—93; *совѣтъ*—130; *рѣвомъ*—142 (Срв. и въ «Полтавѣ» *рѣвъ*) въ риѣмѣ съ *присмирѣвъ*); *алтарѣмъ*—152 (въ риѣмѣ съ *шлѣмъ*); *протѣкъ*—187; *омраченъ*—223 и мн. др. Всѣ эти особенности языка родная Пушкина со старою диалектою его учителей и уже почти не встрѣчаются послѣ 1824 года, когда онъ обратился къ русскому языку не своего общества и литературы, а къ языку народа.

3) Отмѣтимъ звукъ *о* въ предлогахъ-префиксахъ такихъ глаголовъ, какъ: *сокрылся* вм. русскаго *скрылся*, *воздохнуть* вм. *вдохнуть*, *вспомнишь* вм. *вспомнишь*, *сожигай* вм. *сжигай* и проч. Или: *сопутникъ* вм. *спутникъ* и под. См. страницы I-го тома Акад. изданія соч. Пушкина: 27, 105, 106, 30, 48, 55, 72, 93, 68, 103, 69, 122, 204, 167, 168, 171, 172, 197, 209, 224 и др. Здѣсь мы найдемъ примѣры и церковно-книжныхъ не русскихъ формъ и русскихъ. Напр.:

«За чашей пунша круговую

Подъ чашъ вспомнишь обо мнѣ.»

Къ Н. Г. Ломоносову. 1814 г.

«Вспомнитъ ту баталью»... Городокъ. 1814 г. «Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ

фіаломъ». Лицинію. 1815 г. стр. 94 и др. «Одну тебя вездѣ воспоминаю». Уныніе. 1816 г. 209. «Сожрой отъ памяти унылой». Къ Морфею. 1816 г. 204. Или: «Не сожигай души моею». Элегія. 1816 г. Стр. 224 и мн. др. Подобныя образованія, какъ мы видѣли выше, въ позднѣйшій періодъ творчества Пушкина встрѣчаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они подсказаны требованіемъ *ритма*.

4) Часто въ раннее время Пушкинъ употребляетъ церк. формы: *нощи* вм. *ночи* въ разныхъ падежахъ. См. напр. страницы: 44, 67, 77, 81, 105, 135 или *полнощной* вм. *полночный*—стр. 78.

«Не се ль Элизіумъ полнощный».

Восп. въ Цар. Селѣ. 1814 г. Стр. 78 и др.

Но такія образованія въ позднѣйшее время уже не встрѣчаются.

5) Употребляетъ также Пушкинъ формы *провождать* вм. русской *проводить*:

«Минуты провождать»—

Посланіе къ А. И. Галичу. 1815 г. 140. Подобныя образованія встрѣчаются и позже и дожили до нашихъ дней, хотя и не въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Пушкинъ пользовался ими. Но уже и самъ Пушкинъ, сохранивъ эту фонетическую особенность церковнаго языка вообще, сталъ впоследствии употреблять ее не въ словѣ «провождать», а въ другихъ, какъ: «побѣждать» и под., гдѣ мы имѣемъ ее и понынѣ.

6) Отмѣтимъ еще и формы склоненія и спряженія, принадлежащія не русскому языку: *слова*—84; *одьянна*—28 и под. Но главное: форма род. п. ед. ч. именъ прил. *твердаго* и *мягкого* окончанія жен. рода съ полнымъ склоненіемъ—*на ѳя* и *ѳя* вм. русскихъ *ой* и *ей*. Это формы только книжныя, церковно-слав. книжнаго языка. Напр., «Онъ первыя стрѣлы съ вѣсельемъ ожидалъ»—Осгаръ. 1814 г. Стр. 27. «Когда подъ скипетромъ Великія Жены»—Восп. въ Цар. селѣ. 1814 г. Стр. 78. «Падетъ, падетъ во прахъ вселенная вънедѣ»—Лицинію. 1815 г. Стр. 94. «Съ болтуномъ страны Еллинскія»—Бова. 1815 г. 95. «Повѣситъ мечъ войны средь отческія куши».—Эпиграмма. 1815 г. 120. «На верхъ вѣсальскія горы».—Моему Аристарху. 1815 г. 150.

«Но слово милоя моею

Предестинѣ томныхъ пѣсень Лпы»—

Слово милой. 1816. 225.

Этихъ формъ современный языкъ уже

совѣмъ не знаетъ, если не считать формы мѣстоимѣнія *я*, которая и то сохранилась только въ орфографіи; въ живомъ же произношеніи — *ея* изъ русской формы — *ей*. Срв. ю.-великор. народную форму *ея* — вин. п. Отъ такихъ формъ Пушкинъ послѣ 1824-го года совѣмъ отказался: и нынѣ ихъ нѣтъ.

7) Лексика книжной славянищины и устарѣлаго русскаго языка, извѣстнаго изъ «высокаго штиля» для «важныхъ матерій», по теоріи Ломоносова, сохранилась и у Пушкина, особенно въ ранній періодъ. Такъ, Пушкинъ въ это время часто употребляетъ слова: *зришь*—24; *узрьлз*—25; *зрьлз*—27, 199. *воззрьлз*—78; *зрьлася*—106; *узрьлз*—79, 189, 238; *узрийшь*—80, 106; *воззри*—81; *зритз*—215; *озрьтъся*—81; *я зрю*—82. Срв. 191, 261, 184. Особенно интересъ своей искусственностью и устарѣлостью оборотъ:

«И *зрьлася* ладья, бѣгушая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ».

Наполеонъ на Эльбѣ, 1815 г. Стр. 106. Вездѣ этотъ глаголъ употребленъ вмѣсто позднѣйшаго *видѣть*, *увидѣть*, *видѣться* и под. Далѣе, Пушкинъ употребляетъ слова: *вѣщай*—24; *отвѣтствуй*—25; *вѣщалз*—26; *рекз*—27, 44; *рекла*—102; *грядеши*—82. Все это напоминаетъ «штиль» Ломоносова, Державина, Жуковскаго и др. старыхъ поэтовъ. Также: *объемлетз* — 24, 180; *объемля* — 260; *подъемлетз* — 99, 141; *срѣтаютз*—81; *сидеши*—53; *зракз* (= видѣ) — 81; *вылз*—81; *трикраты* (три раза) — 78; *пріяла* (=приняла)—235; *вотще*—69, 81, 152; *нитз*—50, 68; мѣстоименіе *се, сей* во всѣхъ формахъ: 78, 80, 53, 56, 41, 42, 198 и друг. *вѣжды* (=глаза)—187; *единый* — 215 и мн. др. Эти лексическіе элементы сохранены Пушкинымъ въ позднѣйшемъ языкѣ лишь по соображеніямъ, изложеннымъ выше.

II.

Ко второй группѣ явленій языка Пушкина ранняго періода мы отнесемъ слова и формы устарѣлаго русскаго языка, извѣстнаго ранѣе Пушкина и въ современныхъ Пушкину литературныхъ журналахъ, и у писателей начала XIX вѣка. Сюда относятся Пушкинскія формы: 1) громадное обиліе формъ именъ прилагательныхъ *краткаго окончанія* въ качествѣ грамматическихъ *опредѣленій* при именахъ существи-

тельныхъ по преимуществу въ падежахъ: вин. ед. ж. р., им. ед. ж. р., им. мн. всѣхъ родовъ, им. ед. ср. р. и *очень рѣдко* род. ед. всѣхъ родовъ. Напр., *тѣмну* — 27; *снѣжна* — 29; *зелѣну* — 32; *женски* — 37; *ясни*—42; *звучны*—51; *кровавѣ*—51; *ползущу* — 52; *шумящи* — 54; *трепещуща* — 57; *воспитанны* — 64, 79; *школьнически* — 64; *потайну*—65; *легкокрыло*—69; *вечерню*—70; *чѣрна*—74; *дальни*—75; *красна*—107; *росски*—79; *елѣнны*—79; *многомыслящи* — 99; *лаконически*—100; *шѣлково*—100; *чѣста* — род. п. ед. ч. ср. р. 145; *минувши* — 239; *увядши*—240. и мн. др. Особенно характерны слѣдующіе примѣры:

«Возставшій рядъ тѣней главъ *окровавлѣнны*»

Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.

«Чей гробъ я вижу тамъ?» вѣщалъ ино-
племенный

И барду посохомъ на берегъ указалъ».

Осгаръ. 1814 г. Стр. 26.

«Окровавлѣнный» извѣстно у Пушкина и позже съ такимъ *ѣ*, не *ѣ*, въ «Русланѣ и Людмилѣ».

«Въ *женски* прелести влюбленъ...»

Къ Натальѣ. 1814 г. Стр. 37.

«Скажи, по милости Графону,
Ползкомъ *ползущу* къ Геликону...»

Къ Батюшкову. 1814. 52.

«Предъ челнокомъ *шумящи* воды...»

Къ Н. Г. Ломоносову. 1814. 54.

«Блѣдна, *трепещуща*, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она».

Романсъ. 1814 г. 57.

«Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ *школьнически* толки,
Лежащіе въ пыли...»

Городокъ. 1814 г. 64—65.

«Но ими *огражденну*
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ *потайну*
Сафьянную тетрадь». ib. 65.
«Неопытность другихъ въ *наемну* ловить
сѣтъ».

Лидинію. 1815 г. Стр. 93.

«Храбрый видѣть *красну* дѣву...»

Казакъ. 1814 г. 75.

«Съ госпожи снявъ платье *шѣлково*».

Бова. 1815 г. 100. и мн. друг. Такія формы мы встрѣчаемъ и позже у Пушкина, но не

по тѣмъ же основаніямъ: прежде онѣ были признакомъ состоянія языка, еще близкаго къ языку церковной книги, а позже Пушкинъ сталъ пользоваться ими по требованію ритма или смысла художественнаго произведенія. Изъ другихъ формъ и словъ устарѣлаго русскаго литературнаго языка мы видимъ у Пушкина за это время обычное употребленіе формы *милѣя*—32, 37, 77 *вм. мила* (Впервые въ стих. «Фавнъ и Пастушка». 1816 г. «Какъ *милѣя* съ зарею, Красавица цвѣтетъ». Стр. 165). *Влилъ* въ значеніи *вливалъ*:

«... Пѣведъ тиисскій
Въ тебѣ *влилъ* свой нѣжный духъ...»

Къ Батюшкову. 1814 г. 50.

«О, если бѣ Аполлонъ *пнитовъ* даръ
чудесной
Влилъ мнѣ *пниѣ* въ грудь...»

Восп. въ Цар. селѣ. 1814 г. Стр. 82.

«О, милый другъ, и мнѣ богини
пѣснобнѣя
Еще въ младенческую грудь
Влили искру вдохновенія
И тайный указали путь...»

Дельвигу. 1817 г. Стр. 250.

Стожны—улицы:

«По *стожнамъ* шумъ, вездѣ сіяетъ
торжество...».

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г. 1815 г. Стр. 154.

Сыны—сыновья:

«И юные *сыны* воинственныхъ славянъ...»
ib., 154 и др.

Почто—зачѣмъ, отчего и под.

«... *почто* не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной
тишинѣ,
Забывъ о разумѣ и немощномъ, и
строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться
предъ Богомъ?».

Безвѣріе. 1817 г. Стр. 261. Срв. въ другихъ мѣстахъ на стр. 50, 68, 153, 208.

Огнь рядомъ съ *огонь*—69, 82, 155; *уль*, *ули* рядомъ съ *уоль*—195, 81. Форма *уль* встрѣчается у Пушкина и позднѣе, въ стих. «Пророкъ» 1826 года:

«И *уль*, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ».

Здѣсь, именно, пророкъ-поэтъ изображенъ въ библейскихъ чертахъ и языкомъ библіи или напоминающимъ библію.

Въ это же время у Пушкина мы видимъ формы: *мрачѣтся* *вм. омрачается*—106; *почтѣтъ*—наст. вр.—109; *страждешь* и проч. *вм. страдаешь* и проч. 170, 259; *покорствую* съ дат. пад. *вм. покоряюсь, подчиняюсь*—32, 40, 102, 218. Это слово извѣстно у Пушкина и позже, но оно же извѣстно и Карамзину и старымъ журналамъ. Далѣе: *приблизься* *вм. современнаго приблизься*—48, 111, 203. И позже, какъ и въ языкѣ современниковъ, но теперь уже нѣтъ. *Побѣли*—*вм. побѣжали*—28, 106. *На берегѣ*—26. Срв. *на берегу*—позже. *Въ стропѣ*—27;—*въ боѣ. Въ ихъ кругѣ*—235; *вихорѣ*—54; *противу*—84; *предстоятъ* (кому, т.-е. стоятъ передъ кѣмъ)—63, 261; *несомнѣльны*—39 (несомнѣнны). *На крылахъ* и *на крыльяхъ*—см. стр. 30, 37, 69, 78, 224, 41, 143 и даже *крыль* (какъ у Жуковскаго и Ломоносова)—95, 141, 154, 202 и производныя. *Ясминовъ* (жасминовъ, франц. j)—32. *Россѣ, русской*—78; *пламень*—81; *днесѣ*—81.

Отмѣтимъ также обороты съ книжнымъ повелительнымъ наклоненіемъ и звательные падежи съ междометіемъ «о!»: «Да не будетъ»—164. «Да пролетятъ»—253. «О, росски исполины»...—79. «О грозны времена»—81; или такъ: «О сколь поносенъ»... стр. 78, 81, 153. Это выраженіе «О сколь» и проч. обычно въ многшумящихъ одахъ XVIII-го столѣтія.

Сюда же относятся слова и формы, отнесенныя нами въ седьмой отдѣлъ первой группы, общія церковно-славянскому и старому русскому языку, какъ напр., *зрю*, *отвѣтъствуй*, *рекъ*, *гряду*, *объемлю* и под., а также: всѣ формы мѣстоименія *сей*. Срв. современное: *сейчасъ*, *сию минуту*, *вчера* (откуда: «вчерашний») и под. Слово *питѣ*—по новогреческому произношенію (по семинарскому), кажется, специально принадлежитъ обществу XVIII вѣка, когда это слово употребляли почти постоянно вмѣсто современнаго *поэтъ*, которое, однако, есть уже у Пушкина и въ лицейскій періодъ. *Питѣ* и даже *пита* въ им. пад. ед. ч. казалось даже *важнѣе*, чѣмъ обыденное *поэтъ*. Съ теченіемъ времени, однако, у Пушкина все рѣже встрѣчаются слова и обороты этой группы.

III.

Въ третью группу мы отнесемъ тотъ матеріалъ языка Пушкина ранняго періода, который выражаетъ народныя, общерусскія слова и произношенія и извѣстенъ Пуш-

кину во все протяженіе его творчества, въ родѣ: *вечоръ*—24. (И позже даже въ «Русалкѣ»); *выдь*—75; *не бось*—75; *цыгарой*—128; *колыни, на колыняхъ, въ колыни* и проч.—69, 101, 196 при *колына* и проч.—153, 260. Затѣмъ произношенія съ *ѣ*: *сте-зѣй*—217; *поѣтъ, несѣтъ* и проч.—225. Это *ѣ* гораздо рѣже встрѣчается въ формахъ прич. прош. вр. стр. залога на—*нный*.

Къ типу литературнаго произношенія прошлаго вѣка, какъ и теперь, слѣдуетъ отнести произношеніе им. пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ *полной* формы въ муж. родѣ съ неударяемымъ окончаніемъ *твердаго* различія на —*ой* съ неяснымъ звукомъ *о*, почти иногда — звукомъ *лужимъ*. Такое произношеніе породило собой и ореографію въ старыхъ журналахъ и у нашихъ старыхъ писателей на —*ой* вмѣсто церковной ореографіи —*ый*: *пещерной*—25; *глубокой*—37; *шумной*—41; *которой*—48 (автографъ); *забавной*—48; *юной*—50; *ужасной*—57; *стройной*—82 (автографъ) и мн. др. Срв. произношеніе въ род. п. ед. ч. муж. р. *младбва*—107; *мизбва*—162. Здѣсь мы имѣемъ типичное *южно-великорусское* (литературное) произношеніе въ окончаніи —*бва*, но съ кореннымъ слогомъ церковно-славянскимъ въ словѣ *младбва* вм. русскаго *молодбва*.

Діалектическія произношенія южно-великорусскія (литературныя) мы будемъ отличать отъ діалектическихъ произношеній сѣверно-великорусскихъ, которыя отнесемъ въ слѣдующую группу явленій Пушкинскаго языка разсматриваемаго періода и именно потому, что сѣверно-великорусскіе элементы въ старомъ литературномъ нашемъ языкѣ, въ періодъ его неустановившагося состоянія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ нынѣ. Къ южно-великорусскимъ относятся: *колыцы*—30; *лѣты*—66; *крылы*—137. *цѣлы*—150—153; *повиликой*—44; *сраженны*—им. п. мн. ч. 66. Все это произношенія такъ называемаго *акающаго* (московскаго) говора. Сюда же нужно отнести *чехлы* вм. этимологическаго *чахлы*, какъ это слово значится въ изд. Литер. фонда 1887 г. въ стих. «Посланіе къ Юдину» 1815 г. «И пышные *чехлы* Люна» (I. 98). Въ Академич. 2-мъ изданіи I тома: *чахлы* (стр. 125). Въ 1-мъ изданіи Академіи 1899 года—тоже *чахлы* (стр. 129). См. мою статью въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1901 г. № 2. Стр. 410—411).

До какой степени важна ореографія писателя переходной эпохи языка и правописанія,

видно изъ того, что многіе вопросы о составѣ нашего литературнаго языка, напр., вопросъ о степени участія въ литературномъ произношеніи акающаго или окающаго говора (южно-великорусскаго или сѣверно-великорусскаго) въ отношеніи *гласныхъ* звуковъ можетъ быть рѣшенъ только *подлинной* ореографіей, передающей, въ эпоху неустановившагося правописанія, нѣрѣдко живое произношеніе писателя, вліявшаго въ той или иной мѣрѣ на обликъ нашего литературнаго языка. Такъ, въ автографѣ стоитъ: *пишешъ*—48, какъ и вообще въ старыхъ журналахъ начала XIX вѣка, а въ изданіи Академіи—*пишешь*—48, и мн. др. подобныхъ разногласій. Сюда же относятся сомнительные случаи написанія въ Академич. изданіи слова: *покажѣтъ*—52. 65. 141—вездѣ съ *ѣ* на концѣ. Если это правописаніе принадлежитъ Пушкину, то оно также свидѣтельствуетъ о *южно-великорусскомъ* произношеніи его и его среды. О томъ же свидѣтельствуетъ рима словъ: *мохъ* и *рогъ*—155, такъ какъ слова такіа, какъ: *рогъ, другъ* и проч., съ послѣднимъ звукомъ *ѣ* только въ южно-великорусскомъ говорѣ произносятся со звукомъ *ѣ* вмѣсто ореографическаго и этимологическаго *ѣ*. Типичное семинарское произношеніе (хотя очень рѣдкое) выразилось у Пушкина въ произношеніи слова: *языкомъ*—129 съ такимъ удареніемъ вм. *языкомъ*, которое позже у Пушкина встрѣчается исключительно. *Кивѣтъ*—135—прежнее литературное произношеніе.

Къ третьей группѣ отнесемъ мы діалектическія *сѣверно-великорусскія* произношенія въ словахъ: *дальной*—51; *спальной*—125; *дальный*—185; Срв. 129; *недавней*—186; *дневный*—217, *розный*—186 и под. Вмѣсто этихъ произношеній южно-великорусскія были бы: *дальній, спальня, недавній* и под., каковыя тоже есть и у Пушкина.

IV.

Къ четвертой группѣ явленій языка Пушкина за это время мы отнесемъ тѣ слова и обороты, которыми Пушкинъ отличается отъ большинства своихъ современниковъ, хотя отдѣльные примѣры могутъ быть указаны и въ журналахъ, у другихъ писателей его времени. Это формы: род. п. *вельможей*—81 и *вельможъ*—93; *бурей*—105; *пустыней*—197. Род. падежа: *у порогу*—122; 254; но: *у порога*—211. Им. пад. *роги*—172. 236. Но: *рога*—вин.—257.

Им. пад. *завѣсь*—129 и *завѣса*—211, 260. писари—255; но: *киверъ*, *ассесора*—255. Далѣе формы: *померкнулъ*—152; *утихнулъ*—175; *исчезнулъ*—205; *погаснули*—217; *умолкнулъ*—223; *проникнулъ*—260; хотя рядомъ съ этими и: *погасло*—223; *умолкла*, *покикъ*, *утихъ* и проч! Слова и обороты: *сѣнистыхъ*—81 (срв. *тѣнистыхъ* и под.), *философической*—126. (Обычно въ старомъ языкѣ вм. *философскій*), *миновался*—128 вм. *миновалъ* («прошелъ»), *увлаженный*—155; *устаньте* (=встаньте, установитесь)—194. *усердствуй Вакху*—247, *стремитъ* (взглядъ, очи) 92 207. *Чуждый къ умиленью*—261. Сколь лѣтомъ на холмъ—156 и мн. друг. Характерно выраженіе: «*Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинъ*». Сонъ. 1816 г. Стр. 194.

V.

Въ особую группу мы отнесемъ *иностранныя* слова въ употребленіи Пушкина этого времени:

«Чья кисть *скомпанируетъ*
Такой оригиналъ?»

Городокъ. 1814 г. Стр. 66. Очевидно, вмѣсто «*скомпануетъ*». Слово *эполетъ*, какъ и слово *нишъ*, Пушкинъ оставляетъ во французской формѣ: *эполетовъ*—род. мн. 133. *нишъ*—192. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 75) *коханечка*, а въ другомъ—*коханочка* на той же страницѣ Академич. изданія. Первое произношеніе *польское*, второе—*русское*. Автографа опять не приложено.

VI.

Наконецъ, необходимо остановиться на *синтаксисѣ* и *удареніяхъ* Пушкина. Въ синтаксисѣ этого времени у Пушкина интересно управленіе предлоговъ: *межъ* и *сквозъ*. Срв. *межъ* перстами—236.—друзьями—220;—собой—98;—розами—221;—ними—30;—Пиндомъ и Питерой—220;—цвѣтами—167;—рядами—185; Но: *Межъ дѣтей*—57;—кустовъ—30;—кудрей—50;—межъ нихъ—127;—межъ лѣви и Морфея—90. Срв. 146. *Межъ сабли и сѣдла*—258. Срв. въ «Ев. Он.»—*Межъ волка и собаки*—глава IV. Строфа XLVII.

Сквозъ туманъ—74;—слезы—219;—толку—93;—пучины—104. Но: *сквозъ окна*—208.

Вин. падежъ одинаково употребителенъ при глаголѣ съ отрицаніемъ, какъ и безъ отрицанія: *любви не зная бремя*—36; *ты ужасъ не видалъ*—54; *не кроютъ паркетъ*—

61; *не слышитъ стукъ*—61;—*плачъ*—70; *не слушая ее*—71; *не жажду юры*—124; *не зрѣли вы забаву*—199; *юлосъ не забыла*—209. Но, конечно, есть и род. п. Управленіе глагола *внимать* и *видѣть* то съ дат. п., то съ вин. п. Напр., *внимать стонъ*—207; *внимаю шумъ*—199, 259, 136, 210; *внимаетъ звону*—126; *вняли клятвъ*—153; *внемлите стихамъ*—192, 253; *внимая звуку*—250; *внимаетъ моленью*—261. Срв.: *не внемлетъ онъ прівету*—260. Род. при отрицаніи вм. вин. п. безъ отрицанія. Срв. даже: *на рѣкѣ я внималъ*—71. Двойной именительный падежъ: *лира стала мой удѣлъ*—250. О сколь величественъ явился—153; *брожу унылъ и мраченъ*—199. *Днѣствующее лице при страд. залогу съ предлож. о т ѣ въ род. п.*: *Отданы отъ музы*—150. *Дано отъ боговъ*—188.

Управленіе слова *вдали* и *далече* съ род. п.: *вдали станицъ*—125, 126, 193, 258;—*полей*—141;—*громовъ*—153; *далече столицы*—141. *Такое же управленіе гл. бѣжать*: *бѣги столицы*—143. 250. *грома бѣжить*—181. Управленіе слова *вслѣдъ кому* и *здѣкъ*: *вслѣдъ знаменамъ*—105; *ему во слѣдъ*—152; *въ слѣдъ за тобою*—146, 235. Но: *въ слѣдъ отца*—153; *слѣбли въ слѣдъ отца*—На возвр. Государя Имп. изъ Парижа въ 1815 г.; 1815 года.

Употребленіе частицы (пов. накл.) *пусть* и *пускай* не только въ 3 л. ед. ч. и мн. ч., но и со 2 лицомъ: *«пусть не смѣлся»*—41; срв. *пусть кричатъ*—178 и др.; *пускай увижу*—204.

Гл. *трепетать* съ род. п. *чего*: *которыхъ трепетали*—81. Срв. позже въ «Борисѣ Годуновѣ»: *все предъ тобой трепещетъ*.

Гл. *коснуться* и *касаться* въ раннюю эпоху управляетъ у Пушкина дат. падежъ съ предлогомъ *къ*: *къ ней коснется*—199. Позже и род. п. и дат. пад. безъ предлога и старая конструкція. Срв. *труды коснется*—206, уже въ 1816 году.

Дателъный падежъ интереса: *мечамъ добычи ищутъ*—80; *юношѣ насталъ послѣдній часъ*—27. Но: *вечеръ горести для юноши насталъ*—*ibid.*

На встрѣчу съ род. п.: *на встрѣчу славы*—72.

Полный и полонъ чѣмъ и *чего*: *полна думой*—187.

Отпавшій чего: *отпавшій вѣры*—259.

Сроденъ чему: *поклону не сроденъ*—142.

Научиться чѣмъ: *примѣромъ научиться*—93.

Одно отрицаніе вм. двухъ (какъ и въ

старыхъ журналахъ): я недругъ никому—я врагъ никому—я никому не врагъ—83.

Склонять съ особой конструкціей дат. лица и вин. вещи въ значеніи «предоставлять»: *склоняя вѣтрамъ слухъ*—78.

Отяготѣть—лечь тяжестью, бременемъ: *отяготѣла на ихъ надменны выи* (вин. пад. мн. ч.)—81.

Покорствовать съ дат. п.—подчиняться: *покорствуя судьбинѣ*—32, 40.

Род. п. прямого дополненія при глаголѣ дѣйств. залога неодушевл. предмета:

«...Вмѣсто розъ, Амуромъ насажденных,
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила...»

Красавицѣ, которая нюхала табакъ.
1814, 33.

Торжествовать кѣмъ: мною торжествуей—24.

Льститься (слово старой литературы)—обольщаться:

«Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?»...
Городокъ. 1814, 68.

Слушать чего:

«Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой».

Блаженство. 1814, 43.

Синтаксисъ Пушкина довольно устойчивъ за все время, и такіе обороты мы найдемъ и въ поздній періодъ (см. выше).

VII.

Наконецъ, я обращаю вниманіе на ударенія ранней поэзіи Пушкина. Предварительно, однако, замѣчу, что раннія произведенія Пушкина допускаютъ лишь болѣе удобную классификацію формъ по удареніямъ, но такія ударенія встрѣчаются у Пушкина и позже, такъ какъ они поддерживаются примѣрами живого разговорнаго языка (Срв. выше).

1) Зѣбсь я останавлиюсь, прежде всего, на именахъ сущ. ж. р. на — а (я) съ удареніемъ на окончаніи въ им. п. ед. ч. Всѣ такія имена въ большинствѣ случаевъ у Пушкина сохраняютъ удареніе на мѣстѣ, гдѣ оно стояло въ им. п. ед. ч.: *по струидамъ*—50; *красотамъ*—174, 259; *струинами*—79, 191; *судьбамъ*—217; *судьбами*—185; *волнами*, *щеками*—194.

2) Удареніе въ падежахъ именъ сущ. жен. р. на — ѣ: *къ груди*—57; *по груди*—163.

Но: *къ груди*—56; *ко груди*—70; *по груди*—170; *на груди*—предл. п.—112.

3) Удареніе въ падежахъ именъ сущ. муж. р. на — ѣ: *коня*. Но *коню*—75.

4) Удареніе заимствованныхъ изъ франц. языка словъ сохраняетъ за собой мѣсто ударенія въ им. п. ед. числа и въ прочихъ падежахъ:

на балахъ—36; *баловъ*—157; *на балъ*—192; *пажа*—101.

5) Колеблющееся удареніе въ именахъ сущ. муж. р. на — ѣ и ср. р.

а) *на холмы*—125, *холмы*—214;

135, 155;

холма—155; *подъ холмами*—201;

на холмахъ—80; *съ холмовъ*—77;

на холмы—129; *на холмахъ*—26;

по холмамъ—237;

б) *персты*—34; *перстами*—51;

перстомъ—250;

с) *жемчугомъ*—29.

д) *зѣфиръ*—51; *зѣфиръ*—44;

зѣфиромъ—36;

е) *усъ*—род. ед.—162.

ф) *цуртомъ*—66;

г) *плющемъ*—110; *плюшемъ*—236;

h) *философъ*—145; *философы*—203;

философовъ—178;

и) два *рога*—167

(старое удареніе). Но:

зуба два—196 (удареніе новое);

к) *призракъ*—195; *призракомъ*—202. Но въ I-й разъ:

призраками—192. Сонъ. 1816 г.

Въ словахъ средняго рода:

утра—204 (всегда); *по утрамъ*—205;

лѣтъ—им. и вин. мн. ч.—157, 186, 253,

57. Это удареніе Сумароковъ считаетъ провинціальнымъ. Срв. *лѣты* у Пушкина; позже и *лѣта*.

Отмѣтимъ въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ отдѣльные варианты въ удареніяхъ: *кудрей*—50; *символъ*—236; въ безмолвіи *ночи*—80; изъ *дѣлу*—75, но: изъ *лѣсу*. *Пустынь* и *пустыня*: стр. 11 и 28; *нужда*—125; *дѣвица*—100, 103; *дѣвица*—101; *знамена* и *знаменъ*—153. Срв. «Бѣдой шумѣли *знаменъ*», въ стих. «Наполеонъ»—1821 года и «Вновь наши вторглись *знаменъ*» въ стих. «Бородинская годовщина 1831 года».

Замѣтимъ, что большинство этихъ вариантовъ встрѣчается и у другихъ старыхъ писателей и въ нашихъ старыхъ журналахъ, о чемъ подробнѣе мы говоримъ въ «Исторіи р. литературнаго

языка XVII—XIX в.), отпечатанной въ XII-мъ выпускѣ Академическаго изданія «Славянской Энциклопедіи».

Въ именахъ прилагательныхъ особенности Пушкинскаго ударенія этого періода, какъ и другія, встрѣчаются въ:

а) *счастливый* — 113, 212, 187, 191; *счастливыи* — 124, 86, 206, 50;

б) *водяными* — 220;

в) *искривленной* — 43;

г) *дневной* — 192 и *дневный* — 217;

д) *прошвыхъ* — 116, 229; *почтовхъ* — 122;

е) *конюшій* — 148.

Въ глаголахъ интересъ представляютъ глаголы на — *ить*: *тужить* — 232; *изушить* — 256; *катится* — 193, 196; *валятся* — 196; *крутишь* — 162; *тащится* — 144; *становится* — 37, 144. Но: *разлѣчитъ* — 248. Срв. *разлѣка*. Такъ и въ мѣщанской пѣснѣ.

Въ глаголахъ съ примѣтою — *ну*:

прини́мъ — 174; *зачерни́тъ* — 175, 179.

Срв. также: *краде́тъ* — 110, 135, 192. *Найде́тся* — 103. *обня́ла* — 28.

Глаголы съ примѣтой — *ну* у Пушкина въ послѣдствіи постоянно мѣняютъ удареніе въ прошл. времени: *прини́мъ* и *прини́мъ* и под. Вообще, всѣ ударенія, которыми пользуется Пушкинъ съ ранняго времени, основаны на живомъ употребленіи русскихъ словъ, чего нельзя сказать, конечно, о словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Срв. символъ, балы, баловъ и проч.

Мы старались въ самыхъ общихъ чертахъ дать представленіе о русскомъ языкѣ поэзіи Пушкина, указывая на тѣ связи, которыми онъ тѣсно прикованъ въ раннюю пору къ языку своихъ старыхъ учителей и тогдашнихъ корифеевъ, но отъ которыхъ онъ началъ отдѣляться лишь къ 1824-му году. Желające ближе познакомиться съ языкомъ Пушкина могутъ это сдѣлать по специальнымъ моимъ работамъ:

1) Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Вып. I. Спб. 1901. Вып. II. Спб. 1902 г. Вып. III. Спб. 1904 г.

2) «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка» Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 2.

3) «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка» Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 3 и 1899 № 5.

4) «Литературныя мѣтны Пушкина». Воронежъ. 1896 г.

Подробности произношенія Пушкина, поскольку онѣ выясняются путемъ изученія его автографовъ параллельно съ автографами его современниковъ и съ орфографіей нашихъ журналовъ конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го вѣка, а также словесный элементъ стараго дворянскаго произношенія и прочія составныя части нашего стараго литературнаго говора въ различныхъ слояхъ общества изложены нами въ указанной выше монографіи нашей, представляющей XII-й выпускъ «Славянской Энциклопедіи» въ изд. Императ. Акад. Наукъ. Въ частности, по отношенію къ произношенію франц. звука «п», здѣсь припомнимъ сказанное Пушкинымъ про мать Татьяны,

«Звала Полиною Прасковью

И говорила на распѣвъ;

Корсетъ носила очень узкій,

И русскій *н*, какъ и французскій

Произносить умѣла въ носъ».

Е. О. II. Строфа XXXIII.

Конечно, отчасти такимъ семейнымъ произношеніемъ въ домѣ Пушкиныхъ объясняется то, что Пушкинъ въ раннюю пору, пока не привыкъ произносить русскій *н* по-русски, избѣгалъ рѣмъ съ французскимъ носовымъ гласнымъ въ концѣ словъ, не находя для нихъ рѣмъ въ окружавшемъ его русскомъ говорѣ и не рискуя въ то же время исказить чистое французское произношеніе. Отголоски этого мы находимъ еще и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», хотя въ послѣднемъ чаще сохраняется иностранное *е* (картель — дуэль), чѣмъ иностранное *н*, и всѣ эти: Grandisson и Ричардсоны произносятся уже по-русски, какъ видно изъ тѣхъ же рѣмъ.

Евг. Будде.

955. [ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО и ФАЛЬСТАФЪ ШЕКСПИРА].

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣливъ, мстителенъ, чадолубивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочитъ за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшно смѣсю набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанныя, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко выдавашаго хо-

рошее общество. Правильнѣе у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бѣ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у свихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сдѣлъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехъ лѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлабѣй! какъ папеньку Госудаль любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?» — Папенька, отвѣчалъ Володя.

956. [МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ].

Въ первое представленіе *Донъ-Жуана*, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, и знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистію. — Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. * Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

957. [МЫСЛИ НА ДОРОГѢ].

[I. Шоссе].

Узнавъ, что новая Московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ сѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятинадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ Послѣднихъ Дилижансовъ <которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ>, и 15-го Октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадахъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятельи смѣялись надъ моею изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи <благодаря пространству> хороши, и были бы еще лучше, если бы Губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приносить почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленнаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ, вѣроятно, съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ 40 тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подблалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ,

потому что экипажи вязнуть и тонуть на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благославляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное Московское шоссе начато по повелѣнію Императора Александра; Дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: Правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшія способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что со времени востшествія на престолъ Дома Романовыхъ, Правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понабѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и разкрыть, возвращаясь изъ Англійскаго Клоба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ Арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ Послѣднемъ Дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечестъ ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ [весьма] относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я

къ старому моему пріятелю** [Соболевскому], коего библіотекой привыкъ я пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. Постой, сказалъ мнѣ** [Соболевскій]: есть у меня для тебя книжка. Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. Прошу бережечь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность. Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790, съ эпиграфомъ:*

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и
лалѣ».

Тилимахида. Книга XVIII, ст. 514.

Книга, нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ брадатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ** [Соболевскаго] и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

[II. Москва].

«Москва! Москва! возкликаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути

онъ примется опять за свои горькія полуистины, за свои дерзкія мечтанія... Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрь Московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! Ямщикъ, погоняй!.. Москва, Москва!..

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... нынѣ покидая смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встрѣожень при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее Боярство, Вельможи, оставившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего Русскаго Дворянства, которое изъ всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая Гвардейская молодежь налетала туда жъ изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды <такъ оригинально описанные Княземъ Долгорукимъ> вошли въ пословицу. Невинныя странности Москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по-своему, забавлялись, какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домикъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рошу въ каретѣ изъ ковананаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣ старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: *vieilles comme*

les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ Гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бельэтажъ нанятъ мадамой для пансіона—и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ Полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ Англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго театра глѣбуютъ въ задѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ Нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ Двора, по обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или Саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры! Горю отъ ума есть картина обветшавшая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, радъ*; и князю Петру Ильичу, и Французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы даетъ пельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
А лѣтомъ праздники на дачѣ.

Хлѣстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ воспоминанія

мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ него, когда старая Аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ Государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же Государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ чело-вѣческомъ. Но оббѣднѣе Москвы доказы-ваетъ и другое: оббѣднѣе Русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающъ ихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

(Московская словесность выше петербургской). Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ Петербургскій. Московская критика съ честію отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ, какъ о музыкѣ, о музыкѣ, какъ о политической экономіи, то есть наобумъ и какъ-нибудь, иногда впадать и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія Нѣмедкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно:

она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма Французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости:

МОСКВА

и

ПЕТЕРБУРГЪ.

[III. Ломоносовъ].

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ Росскаго Пиндара. Достоинъ замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со слагою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ пошлыми похвалами Стихотворцу, Ритору и Грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи «Россійской словесности, тотъ, кто путь ко храму «славы проложилъ, есть первой виновникъ въ при- «обрѣтеніи славы, хотя бы онъ вошелъ въ храмъ не «могъ. Баконъ Веруламскій недостойнъ развѣ на- «поминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно «размножать науки? Недостойны развѣ призна- «тельности мужественные писатели, возстающіе на «губительство и всеміліе, для того, что не могли «избавить челоѣчества изъ оковъ и плѣненія? И «мы не почтемъ Ломоносова для того, что не ра- «зумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и «томился въ эпосѣ, что чуждъ былъ въ стихахъ «чувствительности, что не всегда проищителенъ «въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ «вмѣшалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей».

Ломоносовъ былъ великій челоѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый Университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ Университетомъ. Но въ семъ Университетѣ Профессоръ Поэзіи и Элоквенціи ни что иное, какъ

исправный чиновникъ, а не Поэтъ, вдохновенный свыше, не Ораторъ, мощно увлекательный.

Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сдѣлалась было необходимою; къ щастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ челоѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ ремеслѣ, не думаетъ...* Зато съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757:

«По ордеру Вашего Сіятельства велѣно всѣмъ Академическимъ Профессорамъ и Адъюнктамъ, чтобы рапортовали Вашему Сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу онаго рапортую, что съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 году.

Въ Химіи. 1) Произведены многіе опыты химическихъ, по большой части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значить того жъ году журналъ Лабораторіи на 12 листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою Рѣчь о пользѣ химіи на Россійскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической Химіи.

Въ Физикѣ. 1) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажига-

тельнымъ стекломъ и термометромъ, когдѣ высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять озою отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ постороннихъ матерій простою механикою, что изрядно успѣхъ имѣеть, и весьма дешево становится.

Въ *Исторіи*. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Приславли [?] Большой Лѣтописецъ Татищева первой томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арсода и другія, изъ которыхъ бралъ нужные экскерпты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Сочинилъ Трагедію, Демофонтъ называемую. 2) Сочинялъ Стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде сего матерій къ сочиненію Грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи Студентамъ въ Россійскомъ Стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ Профессоромъ. 4) Диктовалъ Студентамъ сочиненное мною начало третьей книги Краснорѣчія о Стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году.

Въ *Химіи*. 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на 25 листахъ. 2) Показывалъ Студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей Химіи диктовалъ студентамъ, толковалъ сочиненные мною въ Физической Химіи прозгомены на Латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13 листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полустахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строгенскаго ученика Дружинина для зѣвшихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ *Физикѣ*. 1) Чинилъ электрическіе воздушныя наблюденія съ немалой опасностію. 2) Зимой повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ *Исторіи*. Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Юрнанда, Прокопія, Павла Дълкона, Зонара, Теофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ экскерптовъ нужныхъ, на 5 листахъ въ 161 статьѣ.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Сочинилъ Оду на восшествіе на Престолъ Ея Императорскаго Величества. 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25 Апрѣля, на 5 Сентября, на 25 Ноября. 4) Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ 10 листовъ.

Въ 1753 году.

Въ *Химіи*. 1) Продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же года, на 56 листахъ. 2) По окончаніи лекцій дѣлалъ новыя химикофизическіе опыты, дабы привести Химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной Физики: изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на

24 полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержать.

Въ *Физикѣ*. 1) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ Химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2) Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи Рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярчѣе, нежели въ теплотѣ.

Въ *Исторіи*. 1) Записки изъ упомянутыхъ прежде Авторомъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ Россійскіе Академические Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Для Россійской Грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2) Пять проектов со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1 Января, на 25 Апрѣля, на 5 Сентября на 25 Ноября и на 18 Декабря.

Въ 1754 году.

Въ *Химіи*. 1) Сдѣланы разные опыты химические, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ *Физикѣ*. 1) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ.

Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ Адмиралтейства невозможно. 2) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3) Дѣланы опыты при пыльной мѣльницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4) Дѣлалъ опыты машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ *Исторіи*. Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рюрика: Дедикація, Вступленіе; глава 1, о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ Славянскаго народа; глава 3, о древности Славянскаго народа; всего 8 листовъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Сочинилъ Оду на рожденіе Государи Великаго Князя Павла Петровича. 2) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ и Стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 Апрѣля, къ 5 Сентября, къ 25 Ноября.

Въ 1755 году.

Въ *Химіи*. Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года, на 14 листахъ.

Въ *Физикѣ*. 1) Сочинилъ диссертацию о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты

всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ диссертацийъ, въ комментаріяхъ напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Она диссертация, переведенная Господиномъ Формеємъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая бібліотека (Bibliothèque germanique), на ономъ языкѣ напечатана. 2) Сочинилъ письмо о Сѣверномъ ходу въ Остѣ-Индіи Сибирскимъ океаномъ.

Въ *Исторіи*. Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ Великихъ Князей Россійскихъ Рюрика, Олега, Игоря.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ Собраніи Слово похвальное блаженнымъ памяти Государю Императору Петру Великому. 2) Сочинилъ большую часть Грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ Письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году.

Въ *Химіи*. 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ запавленныхъ пакрѣско стекляннихъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бидія мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія вѣшняго воздуха вѣсъ сожженного металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе Химикамъ еще неизвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подъ моимъ смогрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленныя звѣздки.

Въ *Физикѣ*. 1) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ нуктоптическою трубою, *tubus nuctopticus*; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показывается на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереть до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2) Сдѣлалъ четыре невоизобрѣтенныя мною пендулы, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служить чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, которой бы былъ вышнюю съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною Рѣчь о цвѣтахъ.

Въ *Исторіи*. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе Историческіе манускрипты для моей бібліотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣліяхъ Россійскихъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ*. 1) Сочиняю Героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2) Сдѣлалъ прозекъ со стихами для фейерверка къ 18 Декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертации: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплава-

ніи. 2) О твердомъ термометрѣ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привести отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти противнымъ печатаніемъ комментаріевъ охота отнимается.»

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣть нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-тишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣменовымъ, по случаю Гимна Борода, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго Профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кирilloвичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о Русскомъ стихосложеніи обширѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Тилемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и щастливыхъ оборотовъ. Радищевъ написалъ о нихъ цѣлую статью. <См. Собраніе Сочиненій Н. Радищева>. Дельвигъ при-

водилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,

Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приносить болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго—habent sua fata libelli.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, Графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной Идилліи воспѣваетъ Графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ Графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія Ея Величеству.» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія <хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный>. Но зато умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ Меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, представителю Музъ, высокому своему патрону, который издумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, Ваше Высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.» *)

Въ другой разъ, заспоривъ съ тѣмъ же Вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ Академіи.» — Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ Академію отъ меня отставятъ. Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage <покровительство> до сей поры сохраняется въ обычаяхъ Англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій въ прошломъ году, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his Grace the Duke etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Stael, словесностію занимались большею частию дворяне <en Russie quelques gentils-hommes se sont occupés de littérature>. Это дало особенную фizioномію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносятъ свои сочиненія Вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслить и чувствовать, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупателей. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми растилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому же съ нѣкоторыхъ поръ Литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели Его Высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а Господа N.N. все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ независимость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброду и умному Вельможѣ, а какому-нибудь шельмѣ, и вралю, подобному имъ.

*) См. его письмо къ Г. III. [Графу Шувалову].

[IV. Черная Грязь].

[Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядной опытъ самовластия дворянскаго надъ крестьянами. Провѣдала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется непаказаннымъ!... Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ—наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семь свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное челоуѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимуществъ—управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучать моихъ...»].

Черная Грязь. Браки.—Радищевъ во главѣ: *Черная Грязь* говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и повторство *Градодержателей* <городничихъ>. Вообще, несчастье жизни семейственной есть отличительная черта въ правахъ Русскаго народа. Шлюсь на Русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? По страсти, отвѣчала старуха: я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь. Таковыя страсти обыкновенны. Неволь браковъ давнее зло. Недавно Правительство обратило вниманіе на дѣла вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка, и въ нашемъ климатѣ, уже *на выданіи*, а крестьянскія семейства нуждаются въ работникахъ.

[V]. Рекрутство. Городня.

«Вѣзжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на лицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутской наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти, держа за голову двадцатилѣтнюю парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травой; мохомъ наша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать твою, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не стоить сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ? Кто придетъ вспомнать меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила. Прости, мой другъ сердечный, прости, мое красное солнышко! Мнѣ твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею жепою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хотѣ дали бѣ намъ обвинчатися; хотя бы ты, мой милый другъ, хотя бы уснулъ одну почечку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень ихъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужусь до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку.—Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ челоуѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышавъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотѣть знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожемъ наказанъ не буду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ челоуѣкъ, любовиствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семь онъ отвѣтствовалъ: Если бы, Государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налево, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, преплывъ на другой брегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, твердали петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ: не умирать томною смертію, подлѣ батожемъ, подлѣ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, пагу,

босу, алчушу, жажлушу, при всегдашнемъ поруганіи; Государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нѣрѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ?»

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr—система сильная и искусно приноренная къ Государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ Пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.—«Чудовище, склоняся на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись...» и пр.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народъ къ рекрутству! Но можетъ ли Государство обойтись безъ постоянного войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изъ всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты, солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный отъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину ужъ въ старости. Самое его возвращеніе есть уже порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не обращается.

Власть помѣщиковъ, въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ.

Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ раздѣльности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши Дворянскія права. Лучше употребить сіи права на пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. *Простодумъ* въ комедіи Княжнина говорить, что:

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгующи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишился возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась.

[VI. Клинь]. Слѣпой.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексѣи, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! koliko ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ *дрожащею рукою* даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ Дворянинъ! Онъ рассказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благодѣтельница, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ и похо-

роненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, къ стати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ *Стихѣ*, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи. Н. М. Языковъ и П. В. Кирѣевскій сообщили ихъ нѣсколько.

[VII. Тверь].

[Стихотворство у насъ, говорилъ товарищ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно приѣмлетъ, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ Польскомъ одишн нашихъ стиховъ, сшилъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнулся отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилось, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употребляетъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ Ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь мало важны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ предложилъ Юва или Псаломъ Дактилѣми, или если бы Сумароковъ Семиру или Дмитрію написалъ Хорейми, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опрѣчь Ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ приобрѣлъ трудъ, описавъ взятіе Казани собственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргиліи надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но ждалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ Ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, Екзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы Епоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одинъ Ломоносовъ и Сумароковъ оставили Россійское стихосложеніе. Неумолимы взовикъ Тредіаковскій немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокой пустили корень. Парнасъ окруженъ Ямбами, и Рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать Дактилѣми, тому тотчасъ Тредіаковского приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковского выруютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставлены.

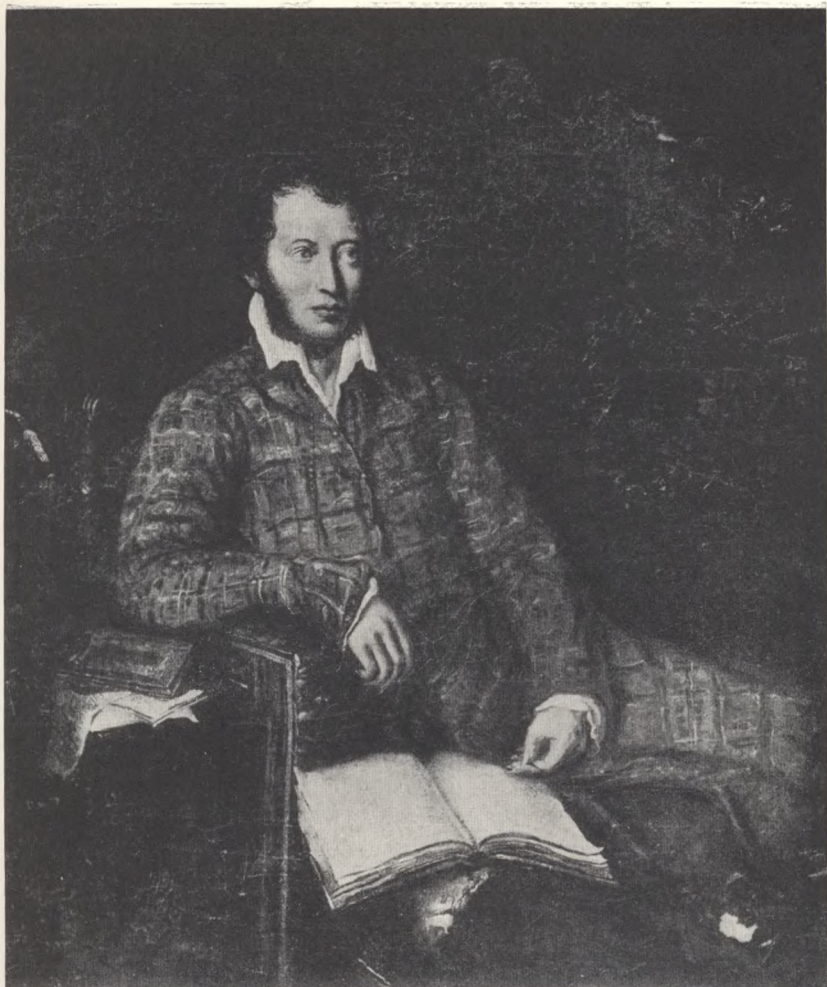
Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко красловію. Слышавъ долгое время единоголасное въ стихахъ окончаніе, безрифміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржаветъ, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣчскій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, Россійскому языку свойственныхъ. Что такое Ямбъ, Хорей, Дактилъ, или Анапестъ—всякъ знаетъ если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было излишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епископскій поэмъ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ Ямбахъ, а Ямбы не красловныя хуже прозы. [*Путешествіе*, стр. 350—354].

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силится перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Тилимахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная Ода (на Вольность); въ ней много сильныхъ стиховъ.

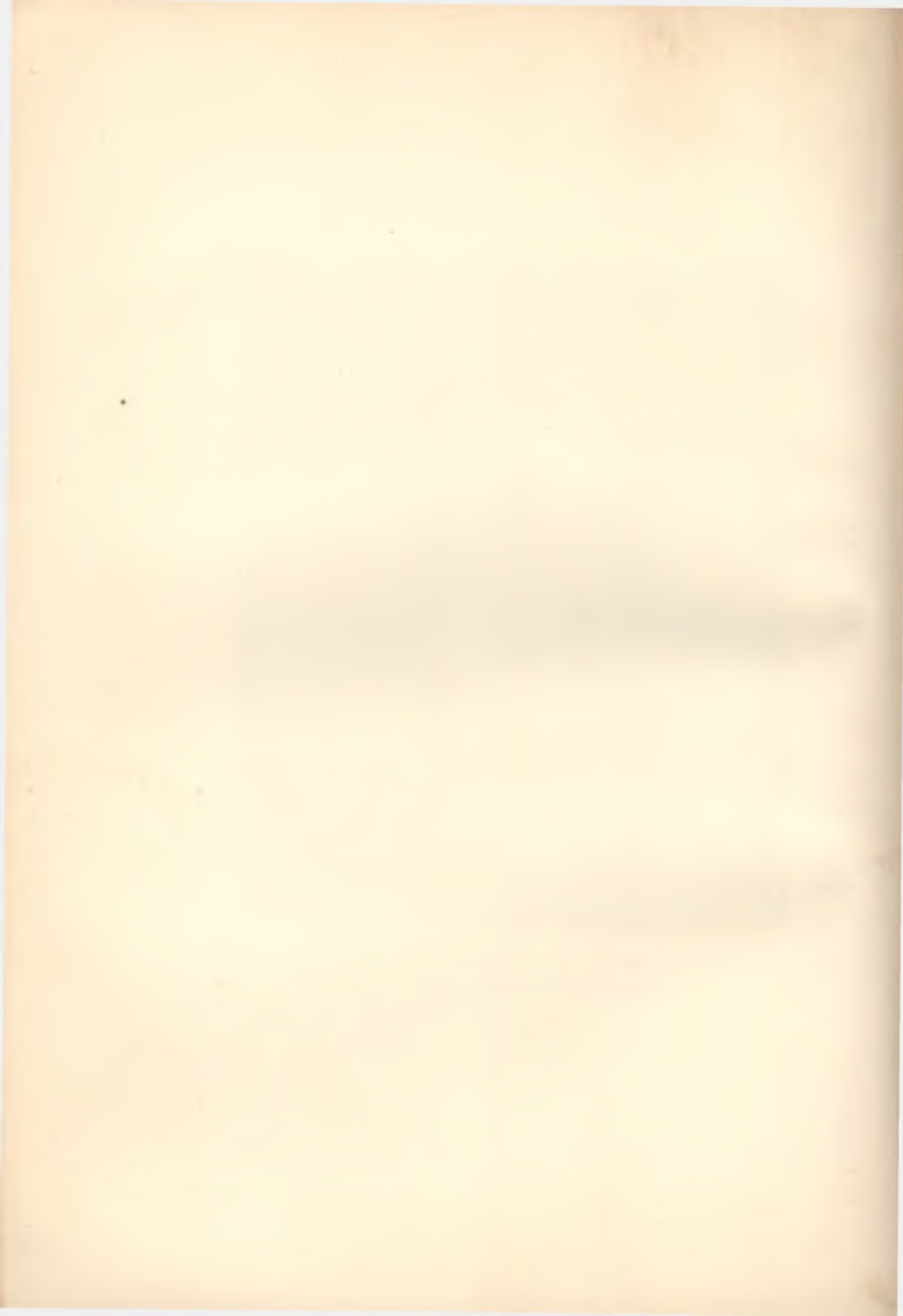
Обращаюсь къ Русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѣмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащить за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надобно любовь и кровь (и вновь), трудной и чудной (и безразсудной), вѣрной и лицемѣрной и проч.

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Х. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣтливостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ избереетъ его и сдѣластъ народнымъ.

ПУШКИНЪ.
Портретъ Мазера.

[VIII. Мѣдное].

[Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люди, люди, люди, люди... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля... Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задержались печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ не-состояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, пробѣжано, прожито, пробѣно, яронито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъзвѣсканіе. То и другое на равнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется... Публикуется: «Сего... дня, по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городского магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго Капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ ... части, подъ Но ... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно.» [Путешествіе, стр. 341—342].

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

[IX. Вышній Волочокъ].

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любитъ шлюзами и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку *руководною*—и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній—*корыстолюбіе*. Но въ скорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ онъ состояніе Русскаго земледѣльца и рассказываетъ слѣдующее:

«Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчю называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, напимѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, не вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Спосособомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподо-

бить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудю, устремляющимся на бою грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своего дѣла, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблагодѣнія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговыны бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилась такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одѣжда. Обувь для зимы, то есть лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ дѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г. нѣкто было въ двѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четверть; когда у другихъ хорошей былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-дѣсять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію; и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенившихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.» [Путешествіе, стр. 272—273].

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ дѣлюю, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ двухъ тысячъ душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабыми и безпечными своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное ра-

зореіе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ 3 года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барскою клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ сажился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.—Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

[Х. Торжокъ].

Разположась обѣдать въ славномъ трактирѣ П[ожарскаго], я прочелъ статью подъ заглавіемъ Торжокъ. Въ ней дѣло идетъ о *свободѣ книгопечатанія*. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человека, исполнивъ развѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ почитаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и христіанскомъ обществѣ, [замѣчу] подъ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.

Мысль—великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человека, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человекъ: *въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условий, налагаемыхъ обществомъ*.

Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя—есть законы для тѣхъ и другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію.

Мысль уже стала гражданиномъ, отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась

и выразилась. Развѣ *Речь* и *Рукопись* не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благотѣльная сторона.

Дѣйствіе человека мгновенно и одно (*isolé*); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ дѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность и безразсудность цензуры. Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстные правила, и два человека, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе.

Конечно, если бы слово не было общею принадлежностью всего человѣческаго рода, а только миллионной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человечеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человекъ *безграмотный* не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотеями не всѣ равно обладаютъ *возможностію* и *самою способностію* писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому <не говоря уже о талантѣ etc.>. Противники всякой Аристокраціи, развѣ не видите вы, что Аристокрація самая мощная, самая опасная, есть Аристокрація людей, которые на дѣлы поколѣнія, на дѣлы столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ Аристокрація породы и богатства въ сравненіи съ Аристокраціей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародо-

ванной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда. Уважайте классъ писателей но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Взгляните на нынѣшнюю Францію: Людовикъ [Филиппъ], царствующій милостію свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

Я сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о свободѣ книгопечатанія, столь же откровенно буду говорить и о цензурѣ.

Высшій присутственный приказъ въ государствѣ есть тотъ, который вѣдаетъ дѣла ума человѣческаго. *Уставъ*, коимъ судіи должны руководствоваться, долженъ быть священъ и непреложенъ *). Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть принята не какъ извошникъ, пришедшій за нумеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскасть по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лице въ Государствѣ, санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который, по свидѣтельству формуляра учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражданства, онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя правила, двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія, Богъ вѣдаетъ какого. Но и цензора не должно запугивать, придираясь къ нему за мѣлочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлая изъ него уже не стража Государственнаго Благочестія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: *тщеславіемъ* и *корыстолюбіемъ*. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предается въ глухую рукописную оппозицію, всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

Земская Цензурная Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ цензуры духов-

ной, какъ было донинѣ въ Россіи. Цензоръ духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. Напримѣръ — божбу, призывъ Имени Божія въ сѣ, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами и т. д. Что было бы верхомъ неприличія въ книгѣ теологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

Нравственность <какъ и Религія> должна быть уважаема писателями. Безнравственные книги суть тѣ, которыя потрясаютъ первыя основанія гражданскаго общества; тѣ, которыя проповѣдуютъ развратъ, разсѣваютъ личную клевету, или кои дѣлаютъ имѣють разпаденіе чувственности пріаписанными изображеніями. Тутъ необходимъ въ цензорѣ здравый умъ и чувство приличія, ибо рѣшеніе его зависить отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣтственности, какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволъ его совѣсти.

Было время <слава Богу, что оно уже прошло и, вѣроятно, уже не возвратится>, что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о *небесныхъ* глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто *небесныхъ* — голубые, ибо слово Небо принимается иногда въ смыслѣ Высшаго Промысла. Въ славной балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашель, что въ такой великій праздникъ грѣшится неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: *перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики*. Ода *Похвала водкѣ* была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человѣческими законами. Спрашивается, каковъ былъ цензоръ, и каково было писателемъ?

Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ: *Историческое повѣствованіе о происхожденіи цензуры*. Если бы вся книга была написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла грозы на Автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ, что цензура была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее

*) Несостоятельность закона столь-же вредитъ правительству <Власти>, какъ и несостоятельность денежнаго обязательства.

судопроизводство установлено во всей Европѣ по образцу и по системѣ судопроизводства инквизиціоннаго <пытка, разумѣется, въ сторону>. Инквизиція была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія. То, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени.

[XI]. Русская изба.

Въ Пешкахъ <на станціи, нынѣ уничтоженной> Радищевъ сѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ Африканскихъ невольникахъ, и тузить о судьбѣ Русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ красноречіемъ. Но замѣчательно описаніе Русской избы:

«Четыре стены, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажено; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ порозшей гризю; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смѣркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или тѣлятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ, на укусъ похаживъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконнал рубаха, обувъ данная природою, онучки съ лаптями для выхода.» [*Путешествіе*, стр. 411—413].

Наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его Путешествію. Ничто такъ не похоже на Русскую деревню въ 16 [столѣтіи], какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мѣльница, заборъ, — даже эта елка, это печальное тавро Сѣверной природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшения, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ; труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Очевидно, что Радищевъ начерталъ карикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ

и неурожай, окончиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: *и начала сажать хлѣбы въ печь.*

Фонъ-Визинъ, лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба Русскаго крестьянина показалась ему щастливѣе судьбы Французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера*), слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто рассказываетъ что видитъ и къ чему привыкла. Судьба Французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ изъязреній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Сидта или объ иголкахъ Г-на Джаксона. И замѣтите, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастіе Англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячу пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится мѣромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ <кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ>. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Кре-

*) L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger de ce pain qu'ils ont semé. *Les caractères.*

стьянинъ промысляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработать себѣ деньгу... Злоупотребленій вездѣ много; уловныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на Русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничтоженія въ его поступкѣ и рѣчи? О его смѣлости и смысленности говорить нечего. Переимчивость его извѣстна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-Русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключающія съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что Французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человека, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по-міру, оставляетъ свою избу. Этому нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мнрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ; и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти мелкія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человечества...

[XII]. Этикетъ.

Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу.

Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто

глупость. Англіійскій Лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякой день подписываемся покориѣйшими слугами—и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при Дворахъ нашихъ Царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ, давно измѣнившихся. Покойный Государь любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который, во всякомъ случаѣ, не худо возобновить. Конечно Государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же, онъ при Дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ Царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

[XIII. Разговоръ съ Англичаниномъ].

Клинъ, выписываю главу.

Однако, строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ Русскаго крестьянина:

Къ тому жъ подушныя, боярщина, оброкъ!

И видано-ль когда на свѣтѣ

Хотя . . . . .

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ Англичанинъ, человекъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть несчастіе Русскаго крестьянина?

англичанинъ. — Англіійскій крестьянинъ.

я. — Какъ! свободный Англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастіе Русскаго раба? онъ. — Что такое свобода?

я. — Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

онъ.—Слѣдственно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

я.—Такъ; но разница: покоряться предписаннымъ нами самими законамъ, или повиноваться чужой волѣ.

онъ.—Ваша правда. Но развѣ народъ Англіійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

я.—Въ чемъ вы полагаете народное благо получіе?

онъ.—Въ умѣренности и соразмѣренности податей.

я.—Какъ?

онъ.—Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ <кромя въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ>. Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

я.—Но злоупотребленія частныя...

онъ.—Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы Англіійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающих подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Шмидта или объ иглакахъ Г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

я.—Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

онъ.—Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: [кажется?] нѣтъ въ мірѣ несчастіе Англіійскаго работника; что хуже его жизни...

Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять или десять народу, но лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

я.—Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

онъ.—Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить правы любопытнаго вашего народа.

я.—Что поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ?

онъ.—Его опрятность и свобода.

я.—Какъ это?

онъ.—Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смысленности говорить нечего: путешественники вѣдая изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ *un badant*, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Перенимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

я.—Справедливо. Но свобода? Неужто вы Русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

онъ.—Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

я.—Не удалось.

онъ.—То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболопнаго [mointain?] нижней палаты передъ верхней, Джентльмена передъ Аристократіею, купечества передъ джентльменствомъ, бѣдности передъ богатствомъ, повиновенія предъ властію, а [правила?] нашего [conv. crim.?] А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше въ Индіи, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдался отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинь,

958. К И Р Д Ж А Л И.

Повѣсть.

Кирджали былъ родомъ Булгаръ. Кирджали на Турецкомъ языкѣ значить витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобъ дать объ немъ нѣкоторое понятіе, расскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды ночью онъ и Арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на Булгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ концовъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несть добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнарудовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая дѣль Этеріи была имъ худо извѣстна, но война представляла случай обогатиться на счетъ Турковъ, а можетъ быть и Молдаванъ—и это казалось имъ очевидно.

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ Греческаго юношества, Іордаки Олибѣоти присовѣтовалъ ему удалиться и самъ заступилъ его мѣсто. Ипсиланти усаkali къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятiе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи, большею частію, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то же самое, что сказано объ Ипсиланти. Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у Русскаго начальства позволеніе вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафьяносъ, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, ни-

къмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ 700 человекъ Арнаутовъ, Албанцевъ, Грековъ, Булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ Турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута, и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ Господаря, и изъ которыхъ, бывало, палили во время именинныхъ обѣдовъ. Турки рады были бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія Русскаго начальства: картечь непременно перелетѣла бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина <нынѣ уже покойникъ>, сорокъ лѣтъ служившій на военной службѣ, отроду не слыхивалъ свиста пули; но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей. Старичекъ ужасно разсердился, и разбранилъ за то маіора Охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣждалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали Делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и усаkali, а за ними и весь Турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однако жъ, Турки атаковали Этеристовъ. Не смѣя употребить ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестокое. Рѣзались ятаганами. Со стороны Турковъ замѣчены были копыя, дотолѣ у нихъ небывалыя; эти копыя были Русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего Государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашъ карантинъ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафьяносъ остались послѣдніе на Турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафьяносъ былъ убитъ. Кантагони, человекъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднималъ саблю, другою схватился за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею

своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шестисотъ Арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормить, они все жъ были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полу-турецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносые туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все-же еще надѣта была на-бекрень, а атаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобы эти мирные бѣдники были извѣстнѣйшіе Клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними.

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ, и на основаніи мирныхъ договоровъ потребовалъ отъ русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали въ самомъ дѣлѣ находится въ Кишеневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины и признался, что онъ Кирджали. «Но, прибавилъ онъ: съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не обидѣлъ и послѣдняго Цыгана. Для Турковъ, для Молдаванъ, для Валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для Русскихъ я гость. Когда Сафіаность, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ атагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. «Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подавнѣемъ! За что же теперь Русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?» Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дожидался недолго. Начальство, не обязанное смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны, и убѣжденное въ справедливости требованія, повелѣло отправить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отбѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца... <Можетъ быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая плетеная тележка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь кляченковъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и кляченки его бѣжали рысью довольно крупной. Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отпрягалъ ее съ ужасными проклятіями и бросалъ на дорогѣ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нерѣдко случалось, что путешественникъ, выѣхавшій изъ одной станціи на осьми лошадяхъ, пріѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрусѣвшей Бессарабіи переняли Русскую упряжь и Русскую телегу>.

Такая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ Сентября мѣсяца. Жидовки, спусти рукава и шлепа туфлями, Арнауты въ своемъ оборваномъ и живописномъ нарядѣ, стройныя Молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ окружали каруцу. Мужчины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго росту, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; долиманъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли остальной нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, красноречивый старичекъ, въ полиняломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищепилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу, и, гнуся, началъ читать на Молдавскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго

Кирджали, къ которому, по-видимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказалъ ему раздаться—и велѣлъ подвести каруцу. Тогда Кирджали обратился къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на Молдавскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лицо измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ, солдаты хотѣли-было приподнять Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: *Гайда!* Жандармъ сѣлъ подлѣ него; Молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатилась.

Что это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

Онъ, <видите-съ> просилъ меня, отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій: чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалеко отъ Килиі, въ болгарской деревнѣ: онъ боится, чтобъ и они изъ-за него не пострадали. Народъ глупый-съ.

Разсказъ молодого чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ.

А что вашъ пріятель Кирджали? спросилъ я: не знаете ли, что съ нимъ сдѣлалось?

Какъ не знать, отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ пашѣ, который присудилъ его быть посажену на колъ. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покаместъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро Турокъ <люди простые и въ душѣ такіе же разбойники, какъ и Кирджали>; они уважали его и съ жадностію, общею всему Востоку, слушали его чудные разсказы.

Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ: Братья! часть мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что-нибудь на память.

Турки развѣсили уши.

Братья, продолжалъ Кирджали: три года

тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки, мы зарыли въ степи, недалеко отъ Яссъ, котель съ *Гамбинами*. Видно, ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть: возьмите его себѣ и раздѣлите полюбовно.

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки сняли оковы съ ногъ невольника, связали ему руки веревкою и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направленія, отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго камня, отыскавъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: *здесь*.

Турки распорядились. Четверо вынули свои атаганы и начали копать землю. трое остались на стражѣ. Кирджали сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

Ну, что? скоро ли? спрашивалъ онъ: «дорылись ли?»

Нѣтъ еще, отвѣчали турки, и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать истерпѣніе.

Экой народъ, говорилъ онъ. И землю то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте атаганъ.

Турки призадумались и стали совѣтоваться. Что же? <рѣшили они> развяжемъ ему руки, дадимъ атаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И Турки развязали ему руки и дали ему атаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать!.. Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой атаганъ и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали нынѣ разбойничаетъ около Яссъ. Недавно писалъ онъ Господарю, требуя отъ него пяти тысячъ *левоу*, и грозясь, въ случаѣ неисправности въ платежѣ, зажечь Яссы и добраться до самого Господаря. Пять тысячъ *левоу* были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

959. [МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО].

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году Мая 30 (1672).

Рожденіе Царевича праздновали трехдневнымъ торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь въ знакъ своей радости даровалъ прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ изъ ссылки преступниковъ, роздалъ богатую милостыню, простилъ народу долги и недоимки, искупилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ Іюня 29, въ субботу, на праздникъ Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ Патріарха Іоакима. Восприемниками были братъ его Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тетка его царевна Ирина Михайловна. Рассказываютъ, будто бы на третьемъ году его возраста, когда, въ день именинъ его, между прочими подарками, одинъ купецъ подалъ ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обрадовался, что оставя всѣ прочіе подарки, съ нею не хотѣлъ даже разставаться ни днемъ, ни ночью. Къ купцу же пошелъ на руки, поцѣловалъ его въ голову, и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пожаловалъ купца гостемъ, а Петра при прочтеніи молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены *потѣшныя*. Передъ своею кончиною Царь назначилъ приставниками къ Царевичу Боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и при немъ окольныхъ К. Петра Ивановича Прозоровскаго, Ѳеодора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и осьми мѣсяцевъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей Царицѣ весь ея *штатъ*. Въ 1677 г. она имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшныя, большою частію, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12 Марта 1677 года, по благословенію Святѣйшаго Патріарха. Учителемъ его былъ Челобитнаго Приказа Дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій знакомый Боярину Ѳ. Соковнину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей Царицѣ. Зотовъ,

по утрамъ обучалъ Царевича грамотѣ и Закону, а послѣ обѣда рассказывалъ ему Россійскую Исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ Истории, главные Европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ Царевичу: Лефортъ и Тимерманъ учили его Геометрію и Фортификаціи.

Милославскіе, во время царствованія Ѳеодора, утѣшали Нарышкиныхъ; изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ Царевича, Кирилъ Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ Судіею въ Приказѣ Большаго Дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей Царицѣ, подъ предлогомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ Царскаго Двора. Царица не захотѣла, и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ Царю Ѳеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ Царевичемъ Димитріемъ, а Боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ на время отдаленъ.

Царица жила обыкновенно въ Потѣшномъ Дворцѣ Царя Алексѣя Михайловича, отъ чего и Петръ его предпочиталъ.

15 Августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него удаленъ по *наветамъ*. Онъ былъ посланъ съ Полковникомъ Стрѣleckимъ, стольникомъ Василіемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ, для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что и случилось 15 Января 1681 года. Зотовъ воротился 8 Іюня. Неизвѣстно, продолжалъ ли онъ учить Царевича.

Страленбергъ и «Рукопись о зачатіи» повѣствуетъ, что Царица, вдуци однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившійся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до 14 лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его Оберъ-Гофмейстеръ, излѣчилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здравіемъ Θεодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: «Отецъ мой имѣлъ намѣреніе нарѣши на престолъ брата моего, Царевича Петра, тоже сдѣлать намѣренъ и Я». Сказываютъ, что Θεодоръ то же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и наконецъ отвратилъ разговоръ въ другую сторону, и уговорилъ его на второй бракъ. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года Февраля 16, Θεодоръ женился на Марѣѣ Матѣевнѣ Апраксиной, но въ тотъ же годъ Апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. *Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20*). Царевичу Іоанну было 16 лѣтъ, а Петру 10 лѣтъ.

О избраніи см. *Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123*.

Всѣ государственные чины собрались передъ Дворцомъ. Патріархъ съ Духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и Стольники, и Стряпчіе, и Дѣяки, и жильцы, и городовые Дворяне, и дѣти Боярскія, и гости, и гостиной и черныхъ сотенъ и иныхъ именъ люди единогласно избрали Царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ Боярамъ и Окольнымъ и Думнымъ и ближнимъ людямъ, и они были того же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 Мая 1682 года, и въ тотъ же день ему присягнули; Царица Наталья Кирилловна нарѣчена была Правительницею, но чрезъ три недѣли все рушилось. Бояринъ Милославскій и Царевна Софія произвели возмущеніе. Планъ ихъ былъ:

- 1) Истребить приверженцевъ Петра.
- 2) Возвести Царемъ Іоанна.
- 3) Царя Петра лишить престола. <?>

Сумароковъ и Князь Хилковъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ Стрѣльцевъ отъ присяги, — Голиковъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говорить: многихъ Стрѣльцевъ.

Главные сообщники Милославскаго были племянникъ его Александръ Щегловитой, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Санбуловъ и главные изъ Стрѣлцкихъ начальниковъ: Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ въ числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима.

Санбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ Стрѣльцевъ, что Бояре отняли престолъ у законнаго Царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Але-

ксандръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уже убитъ, и роздали Стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ Царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебенъ съ водосвятиемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра Кирилла Полуехтовича принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ сей день братья Натальи Кирилловны, Иванъ и Афанасій, Князья Михайло Алегумовичъ Черкасской, Долгоруке Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромодановскіе Григорій и Андрей Григорьевичи, Бояринъ Артемонтъ Сергѣевичъ Матѣевъ, Салтыковы, Бояринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Θεодоръ, Иванъ Максимовичъ Языковъ <?>, Стольникъ Василій Ивановъ, Думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Иларіонтъ Ивановъ съ сыномъ, Подполковники: Горюпкинтъ, Юреневъ, Даниловъ и Яновъ; Медики Ф. Гаденъ и Гутменшъ. Стрѣльцы, разбивъ холопій приказъ, разломали сундуки, разорвали крѣпости и провозгласили свободу господскимъ людямъ. — Но дворовые къ нимъ не пристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили Царевнѣ Софіи правленіе, потомъ возвели въ содариство Петру брата его Іоанна. 25 Мая Царевна Правительница короновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ два года приняла титулъ Самодержицы-Царевны <иногда и Царицы>, называя себя во всѣхъ дѣлахъ поклѣ обоихъ Царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрѣльцы получили денежные награжденія, право имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ къ Великимъ Государямъ, позволеніе воздвигнуть памятникъ на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатями, переименованіе изъ Стрѣльцевъ въ Надворную пѣхоту. Выборные несли сіи грамоты на головѣ до своихъ Сѣѣзжихъ избъ и полки встрѣтили ихъ съ колокольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхищеніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принималъ участія въ бунтѣ.

Царевна поручила Стрѣлцкій Приказъ Боярамъ Князьямъ Хованскимъ, Ивану Андреевичу и сыну его Θεодору, любя-

щимъ Стрѣльцевъ и тайнымъ раскольникамъ Авакумовской и Никитской ереси.

Вскорѣ послѣ того <?> Стрѣльцы подѣ предводительствомъ растряги попа Никиты производить новый мятежъ, вторгаются въ Соборную церковь во время служенія, изгоняютъ Патріарха и духовенство—которое скрывается въ Грановитую Палату. Старый Хованской представляетъ Патріарху и Царямъ требованія мятежниковъ о словопреніи съ Никитой Стрѣльцы входятъ съ налоемъ и свѣчами и съ камнями за пазухой, подаютъ Царямъ челобитную. Начинается словопреніе. Патріархъ и Холмогорскій Архіепископъ Аѳанасій <бывшій нѣкогда раскольниковъ> вступаютъ въ ѳеологическій споръ. Настаетъ шумъ летятъ камни <сказка о Петрѣ, будто бы усмирившемъ смятеніе>. Бояре при помощи Стрѣльцевъ-нераскольниковъ изгоняютъ наконецъ бѣшенныхъ ѳеологовъ. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6 Іюня. Царица Наталья Кирилловна, по свидѣтельству Венеціанскаго историка, удалась съ обоими Царями въ Троицкій монастырь.—Послѣ того Петръ удался въ село Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣшныхъ <вѣроятно безъ разбору: отселѣ товарищество его съ людьми низкаго происхожденія>. Старый Хованскій угождалъ всячески Стрѣльцамъ. Онъ роздалъ имъ имѣніе побитыхъ Бояръ. Принималъ отъ нихъ жалобы и доносы на мнимыя взятки и удержаніе *поможныхъ денегъ*. Хованскіе взыскивали, не пріемля оправданій и не слушая отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего Князя Голицына на степень великаго Канцлера. Онъ заключилъ съ Карломъ XI <1683> миръ, на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ былъ онъ заключенъ 20 лѣтъ прежде. Россія была въ миру со всѣми державами, кромѣ Китая, съ которымъ были неважныя ссоры за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ему въ Оберъ-Гофмейстеры Князя Бориса Алексѣевича Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностію молодого Царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону. Многие Бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли на сторону Петра.

Царевна въ сіе время женила брата своего Іоанна на Прасковѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой <1684 года Января 9>. Петру I, бывшему по 12 году, дана была полная свобода. Онъ подружился съ ино-

странцами. Женевецъ Лефортъ <23 <?> годами старше его> научилъ его Гол. <?> языку. Онъ одѣлъ роту потѣшную по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, впоследствии имъ совершенный: истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ сіе время Князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ Коммиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное Царемъ Ѳеодоромъ въ 1681 г. Коммиссія была учреждена подѣ начальствомъ Боярина Князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова и Окольного Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣхи Петра и предвидѣли нововведенія. По ихъ наущенію сама Царица и Патріархъ увѣщевали молодого Царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ Царскія дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратитъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однакожъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ ли отъ себя или по совѣту своихъ любимцевъ, не вздумалъ пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ объявилъ, что съ холопами тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ господа одни участвовали въ Царскомъ увеселеніи. Псаріи отѣхали, отдавъ псовъ въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули шнуры, надѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ—и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: «знайте, что Царю подобаетъ быть воиномъ, а охота есть занятіе холопское.»

Въ день Преполовенія <того жъ 1684 г.> оба Царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у Патріарха. Петръ спрашивалъ патріарха объ установленіи сего хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ Боярами на Пушечный дворъ и повелѣлъ бомбами и ядрами стрѣлять въ

цѣль. Онъ самъ, не смотря на представленія Боярѣ, запалилъ пушку—и узнавъ, что Поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ науку Артиллерійскую, повелѣлъ его къ себѣ прислать и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя—велѣлъ отвести ему комнату подлѣ своей, и съ той поры по нѣсколько часовъ въ день обучался Геометріи и Фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ, помогалъ Тимерману разставлять пушки и называлъ крѣпость Презбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи Боярѣ сдѣлалъ ученіе Стрѣльцкому Тарбѣева полку. Онъ осуждалъ многое въ артикулѣ Царя Алексѣя Михайловича (См. т. I., стр. 179). Въ доказательство онъ одному капральству велѣлъ выстроиться и самъ командовалъ по-своему. Съ той поры старый артикулъ былъ отмѣненъ и новый введенъ въ употребленіе.

<Крекшинъ>.

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска къ 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ продолжительное пребываніе Царя въ Преображенскомъ начинается съ того году. Но наборы начались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, что въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо Царь уже началъ набирать изъ придворныхъ и конюшенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавилось такъ много, что уже должно было часть оныхъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отселѣ Сем. и Преобр. Петръ изъ Бутырскаго полка взялъ 15 барабанщиковъ <въ 1687 г.> Лефортъ <въ томъ же году> произведенъ въ Подковники. Учреждена конница. *Оп. Тр. Ч. IV. «О началѣ вѣрдіи»*. Петръ, находясь однажды на Сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ охотниковъ до 300 человекъ. Съ согласія брата, взялъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшные.

1684 г. Мая 14-го. Посольство отъ Цесаря Леопольда.

Цѣлью онаго было склонить Россію на войну съ Турціей. Отвѣчали, что заключеннаго Царемъ Θεодоромъ 20 лѣтняго мира нельзя нарушить и что Россія ни-

чего не можетъ предпринять, пока Польша не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украину и не заключить вѣчнаго мира.

1684 г. Іюня 1-го и 2-го Петръ осматривалъ Патріаршую библіотеку. Нашедъ оную въ большемъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на Патріарха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова.

Патріархъ прибѣгнулъ къ посредничеству Царя Іоанна. Петръ повелѣлъ библіотеку привести въ порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на храненіе Зотову, за Царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своевольничать. Они самовольно схватили Стольника А. Ѳ. Барсукова, и Солдатскаго Полковника Мат. Кравкова, мучили ихъ на пражѣ за мнимые долги, и домы ихъ разорили. Своего заслуженнаго Полковника Янова, негодуя на его строгость, они съ похода вытребовали въ Москву и казнили. У Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссора. Милославскій принужденъ былъ скрываться по своимъ деревнямъ и оттолѣ посылать Царямъ и Правительницѣ доносы на Хованскихъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ Стрѣльцамъ, у коихъ, говорилъ онъ, готовится новый бунтъ противъ обоихъ Царей, Патріарха и ближнихъ Боярѣ. Онъ доноситъ, что Ѳ. Хованскій, хвастая своею порою, происшедшей отъ королей Польскихъ Ягелловъ, похваляется бракомъ сочетаться съ Царевной Екатериной Алексѣевной. Правительница повѣрила Милославскому. Государи укрылись въ С. Коломенскомъ. 1685 г. Марта 2 найдено прибитое къ дворцовымъ дверямъ письмо, въ коемъ объявлено было намѣреніе Хованскихъ истребить весь Царскій Домъ и овладѣть Государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь—послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахотнымъ людямъ <и всякаго званія> быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сіе сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно для нужныхъ совѣтовъ отправиться къ Государямъ <куда?>. Θεοфанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде сего отлучиться отъ Стрѣльцевъ, подозрѣвая недоброежелательство Двора. 17 Сентября <въ день св. Софіи>

Бояринъ Ки. Мих. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ—и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и Стрѣльцамъ Одицову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба Царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изъ всѣхъ городовъ <иные говорятъ до 30, а другіе до 100.000>. Данъ Указъ Боярину К. Петру Семеновичу Урусову идти съ замосковскими городскими Дворянами въ Переяславль-Залѣскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шейну съ Коломенс., Рязанск., Путивл. и Каширскими Дворянами—въ Коломну. Бояр. Княз. Влад. Дмит. Долгорукову съ Серпухов., Алексинск., Тарусск., Оболенск. и Калужск.—въ Серпуховъ; а Новгородскому Дворянству послана похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный Стольникъ Царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ Стрѣльцамъ о казняхъ Воздвиженскихъ; Стрѣльцы взбунтовались. Они овладѣли Царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрѣпились въ Москвѣ, разставили всюду караулы и никого не стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города. Они громко грозились пойти къ Тр., извѣстясь о томъ, Дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ сіе самое время, пишугъ лѣтописцы, дана Петру отравы, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь. Царевна не знала что дѣлать. По совѣту Голицына, она думала употребить противу Стрѣльцовъ поселенный въ особой слободѣ <при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ> иностранный полкъ и послала офицеровъ онаго въ монастырь для полученія о томъ Указа отъ Государей.

18 Сентября изъ Троицка прибылъ къ Патріарху Стольникъ Зиновьевъ съ грамотою о винахъ и казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали, чтобы грамота была имъ прочтена, и чуть было не убили Зиновьева—крича: пойдемъ къ Троицѣ и всѣхъ побьемъ. Услышавъ, однако, что Государи повелѣваютъ забрать и другихъ Князей Хованскихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спальниковъ Феодора и Ивана, дабы, снявъ съ нихъ Боярство и Дворянство, сослать—пришли въ робость. И Бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывшій изъ Тр. для принятія Москвы въ свое вѣденіе—успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ ихъ, за нихъ заступился. Имъ прислано

было повелѣніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ перехватили и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ полковъ для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третій топоръ. Милославскій остановилъ слѣдствіе и судъ. Государи простили виновниковъ. Хованскаго привели въ монастырь. Онъ со сланъ былъ въ Сибирь и 30 человекъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные Стрѣльцами пожитки Бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наслѣдникамъ.

Государы наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ, повелѣно всѣмъ, кромѣ Стрѣльцевъ, быть вооруженнымъ. Государы остановились въ С. Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ Патріарху и онъ съ Выборными пріѣхалъ умолять Государей. Выборные просили позволенія столбъ сломать и жалованныя грамоты возвратить.

Тогда Дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы Стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ передъ Государями—Юаннъ оказывалъ тупое равнодушіе; но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы Стрѣльцкіе начальники поднесли Государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на границахъ. Приближеннымъ своимъ <не изъ знатныхъ> роздала мѣста. Стрѣлецкій Приказъ поручила въ вѣденіе Щегловитому; а молодаго Князя Голицына, двоюроднаго брата Любимца, пожаловала Главнымъ Судей Казанскаго Дворца.

Китайскій Императоръ Канъ-Хій прислалъ Государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ Посольскій съѣздъ и главнымъ выбранъ Околицкій Феодоръ Алексѣевичъ Головинъ (Ежемѣс. Соч. 1757г. Ч. II—206).

Во Францію отправленъ Посланникъ Стольникъ Семень Алмазовъ, съ Дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому Резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрійскій Императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился къ Собѣскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и

заклѣчить съ Портою невыгодный миръ. Негоціаціи сіи имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 Апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смоленскъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверской и всю по сей сторонѣ Днѣпра лежащую Украйну.

По словамъ же «Поденной записки»: *Смол., Кіев. и Сѣверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный мѣсъ и по Черноє море.*

Россіей заплачено Польшѣ 1.500.000 польскихъ злотыхъ <или 187.500 рублей> и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ сей же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Даніи.

Миръ сей утвержденъ присягою въ *Отѣтной* <Посольской палатѣ>. Послѣ того Послы и Бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба Царя—а передъ ними былъ наложъ съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ принялъ Евангеліе изъ рукъ Царскаго Духовника, и Послы вторично присягнули. Послѣ того оба Государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ ненарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были Бояре: Князь Вас. Вас. Голицынъ, Бор. Петр. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, Окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и Думный Дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую <3.000 дв.>.

Въ слѣдствіе сего, въ слѣдующемъ 1687 г. были отправлены Послами: въ Англію—Василій Семеновичъ Подсвинковъ, во Францію и Испанію—Стольникъ ближній Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и Стольникъ Князь Мышецкій, къ Голл. штатамъ—Дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію—Дьякъ Любимъ Домнинъ, въ Швецію и Бранденбургію—Дьякъ Борисъ Протасовъ («*Под. записки*»). Посольства сіи не имѣли успѣха. Папа объявленъ былъ отъ Авст. Имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ. Петръ стрѣлялъ изъ всякаго пушекъ.

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Юаннъ, слабый здравіемъ и

духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности въ послѣдствіи времени, уклонились отъ правленія—и Царевна Софія правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ Совѣтѣ Царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, Поляки на границы Подоліи, Волыни, а Цесарды въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся—тогда намъ идти въ Крымъ. Тутъ же объявленъ былъ отъ Петра Главнокомандующимъ Князь Голицынъ. Въ *Большомъ полку* назначенъ начальникомъ сей же Голицынъ, <? бояр> Князь Константинъ Щербатовъ, Окольничій Аггей Шепелевъ и Думный Дьякъ Украинцевъ. Въ *Новгор. полкахъ*: Бояринъ Алексѣй Шейнъ, Окольничій Князь Данило Борятинскій. Въ *Рязанскомъ разрядѣ*: Бояринъ Князь Влад. Долгорукій, Окольничій Петръ Скуратовъ. Въ *Сѣвскихъ полкахъ*, Окольнич. Леонтій Неплюевъ. Въ *Низовыхъ полкахъ*: Стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ <Кн.??> Въ *Бѣлогородскихъ*: Бояр. Борисъ Шереметевъ и Малороссійскій Гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону <подъ нач. Голицына> порученъ былъ отъ Петра особый отрядъ <сколько?>, изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ, и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла <по мнѣнію нѣк.> изъ 400.000 <а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову, изъ 200.000>.

Крымскій походъ былъ бесполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на 200 верстъ были выжжены Татарами. Обвиняли Самойловича въ тайномъ согласіи съ Татарами. Онъ былъ лишенъ Гетманства и сосланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Севскѣ за возмущеніе. Генеральный Есаулъ <?> Ив. Мазепа избранъ Мал. Гетманомъ <1687 г.>. Царевна наградила щедро Князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ воиновъ. Первый получилъ 1.000 дворовъ крестьянъ и золотую *братину*; всѣ офицеры получили золотыя медали <каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами>; простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченой.

Сей походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адрианополѣ между Крымскимъ Ханомъ, Французскимъ Посломъ и славнымъ

Трансильванскимъ Принцемъ Текели. По сему союзу Ханъ долженъ былъ дать 30.000 войска въ помощь Верховному Визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ же Ханъ съ таковымъ же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи: *Исторіи царя Михайла Ѳеодоровича и его преемниковъ* сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ, и упрекалъ Князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ Татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повѣлно тремъ полкамъ <30.000> стать по *Бѣлгородской чертѣ*, подъ начальствомъ Боярина Князя Михайла Ромодановскаго и Думнаго Дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ <1688 г.> Янычары свергли Магомета и возвели Салимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 Января 1689 года *) въ Царскомъ Совѣтѣ положено его предупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ походъ, и при впадѣніи Самары въ Днѣпръ заложилъ крѣпость Богородицкую, по плану Голландца архитектора <?>. Петръ въ сей походъ посылалъ своего любимца Лефорта, дабы, говорить Голиковъ, вѣдать поведеніе начальниковъ. Передъ его отбѣдомъ взялъ онъ себѣ въ лакеи <несправедливо> Меншикова и записалъ въ потѣшныя (см. Гол. часть I, стран. 205).

Супруга Царя Іоанна сдѣлалась беременна: сіе побудило Царицу Наталію Кирилловну и приближенныхъ бояръ *склонить* и Петра къ избранію себѣ супруги. Петръ 27 Янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчастный Алексѣй.

Бракъ сей совершился противу воли Правительницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго изъ похода Князя Голицына онъ къ себѣ не допустилъ. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умиловить молодого Государя, который хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ рукѣ своей, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ,

за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать юному Царю. Молва обвиняла Голицына <а нѣкоторые говорятъ, что доносы офицеровъ подтвердили обвиненія>, будто бы онъ былъ подкупленъ Ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сихъ щедротъ, и видя опасность прямо приступить къ удаленію Голицына и къ лишенію власти Правительницы, избрали <говоритъ Гол.> дальнѣйшую, но бесполезную къ тому дорожку. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ Княземъ Голицынымъ <раскольниковъ, замѣчаетъ Гол.>, открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь <?>. Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ сына своего въ Польшу съ частію своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8 Іюля <1689 г.> во время соборнаго крестнаго хода въ Церковь Казанской Богородицы, когда Государи вышли изъ собора за крестами, тогда Правительница пошла вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неприличія и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дошедъ еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттолѣвъ въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый въ ночь на 5 <по др. на 97> Августа собираетъ до 600 Стрѣльцевъ на *Лыковъ* дворъ <гдѣ нынѣ арсеналь> и дерзкой рѣчью приуготовляетъ ихъ къ бунту противъ *Петра*, который *вводитъ Нѣмецкіе обычаи*, одѣваетъ войско въ Нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и Царя Іоанна и всѣхъ Бояръ и проч. Разъяренные Стрѣльцы требуютъ, чтобъ ихъ вели въ Преображенское; но двое изъ нихъ, Мих. Ѳеоктистовъ и Дм. Мельниковъ, успѣли прибѣжать прежде, и черезъ Князя Бориса Алексѣевича Голицына открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обѣими Царицами, съ Царевной Наталіей Алексѣевной, съ нѣкоторыми Боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣждалъ въ

*) Годъ начинался въ Сентябрѣ.

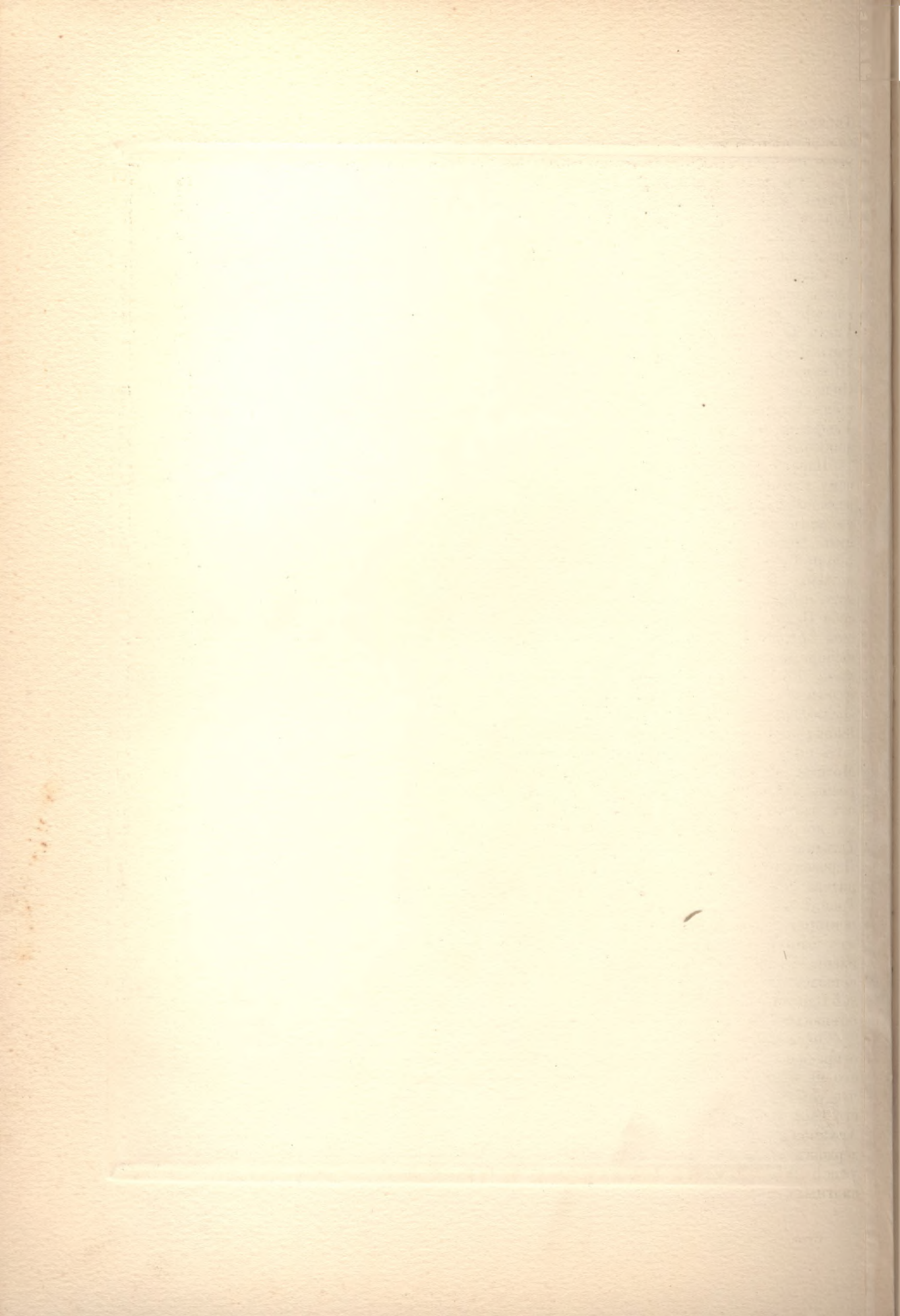

Царскою лицю пріемлетъ снѣтъ .
 Царю честь вознесетъ и вѣстѣ вѣстаетъ .
 Тотъ поимъ сорока цѣтѣмъ овещанна ,
 Сдѣланныхъ дѣло тебе защищать содана .
 Та и мени твоего крѣпка защита ,
 Внесаннѣй парубъ землѣ знакомитъ .
 Кланю престѣпныхъ знаменъ полки преломиша .
 Инеукрошаемыхъ сѣдъ уматчиша .
 Вначалѣ ка пріе монархи сѣдѣли .
 Сдѣланныхъ попомъ вѣрѣнки рати ополчили .
 Благоуспѣхъ, надежда вѣжѣй десницы .
 Тѣ краино прославляютъ дѣтѣстѣи лицю ,

Правадержанна сѣдѣтъ велико желанна .
 И крѣпки рати вполѣ вѣстѣ немоптанна ,
 Ибо рѣшительнѣй смыслъ, и побѣдоносенъ .
 Даропными сполни зѣло зѣлоносенъ .
 Великодѣла тѣдѣнѣ мраморы являютъ .
 Щедрѣйшѣ знанные храмы прославляютъ ,
 Царю сѣдѣмѣхъ бѣдѣрата жила .
 Иже вѣжѣи памятно дѣло сотворила .
 Елисопѣфъ британскѣ скипетродержи .
 Пѣдѣхѣи такопомъ умомъ вѣсмыслиши .
 Россію . Аще цѣтѣи многими поспѣнна .
 Прѣдѣтѣстѣи по еси умаленно .

Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи Царя, сказалъ, что будто приѣзжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить Царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совѣту Князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенные къ Государю особы приѣхали къ нему въ Троицкій монастырь. Оттуда послалъ онъ въ Москву Указъ къ своимъ Боярамъ и иностранцамъ, быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10 явились къ Петру Стремяннаго полка Полковникъ Цыклеръ и Пятисотный Ларионъ Ульфовъ, да Пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними 5 Стрѣльцовъ съ допросомъ на Щегловитова.

Царевна, притворяясь ужаснувшеюся новому мятежу, въ тайнѣ однакожь старалась разжечь оный черезъ Щегловитова. Она именемъ Царя Іоанна не допустила исполнить требованія Петра, приславшаго къ Іоанну Стольника Ив. Велико-Гагина, *чтобъ позволилъ Царь Іоаннъ быть изъ всѣхъ полковъ выборнымъ Стрѣльцамъ*; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣлецкіе полки свой Государевъ Указъ, *чтобъ были къ нему выборные для подлиннаго розыску, и съ ними Полковники, такожде и гостямъ и юстиной сотни посадскимъ людямъ и чернослободцамъ* (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ Венед. Ист.) далъ Указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однакожь не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часть отъ часу становятся сильнѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей Царевны Татьяны Михайловны и сестеръ своихъ Царевенъ Марѣи и Маріи, дабы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ Государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе Правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ Царевны, возвратясь къ Правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ Патріарху; старецъ отправился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана и на мѣсто его уже назначенъ Архимандритъ Сильвестръ. Патріархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ побѣжала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ Икону

Спасителеву. Но Петръ узналъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней Стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что въ монастырь ее не впускать, и чтобъ она побѣжала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непремѣнно хочетъ увидѣть своего брата. Петръ послалъ ей Князя Ив. Бор. Трескурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна въ отчаяніи возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять Указъ, и 5 Сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ Царицей Натальей Кирилловной, съ теткою Царевной Татьяной и съ Патріархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣлецкіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: Полковника Семена Резанова и выборныхъ Стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе приговорили казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе, и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумястами солдатъ *«потѣшныхъ?»* при Б. П. Шереметевѣ и Полковникѣ Нечаевѣ, съ повелѣніемъ схватить преступниковъ, а Боярамъ послалъ Указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его, Леонтій Неплюевъ и восемь Окольныхъ были въ томъ же числѣ, но ихъ не пустили, а велѣли стать на постоялыя дворахъ и дожидаться Указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою Царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими его сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ Полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ за пасъ приобщиться Св. Таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покои, а Царь Іоаннъ черезъ П. Ив. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитова, но и за нее съ братомъ своимъ ссориться

не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ повиновалась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ <гов. Гол.> выдала безпрекословное свидѣтельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были Боярамъ на судъ <Кн. Троекурову, Бутурлину и друг.> <?>. Четыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ во всемъ признался и подалъ свои показанія на письмѣ за своею рукою. Предъ симъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ <?> были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ ссылали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко винился передъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Князь Троекуровъ, человекъ умный, ярый и строгій, принялъ въ вѣденіе свое Стрѣлецкій приказъ. А Розыскныя дѣла поручены Боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ монастырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до Царя. На крыльцѣ, въ присутствіи Боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены Боярства и имѣнія и посланы въ недалекие города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Мезень, послѣ же на Пинегъ, гдѣ старый Князь умеръ, а сынъ его наконецъ прощенъ. Бояр. Леонтій Роман. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ же.

Голиковъ прибавляетъ слѣдующія подробности и объясненія:

8 Іюня <въ день крест. хода> Голова Стрѣлецкаго приказа Окольный съ Стрѣл. Полковниками и другими чиновниками—Оброскою Петровымъ, Кузькою Чернымъ, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромцевымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Четкою, Микиткою Евдокимовымъ, Егоркою Романовымъ—собрались и начали разговоръ.

Дабы озлобить Стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, становъ и лицомъ схожаго съ Бояр. Л. К. На-

рышкинымъ. Нарядивъ его въ Боярское платье <?> и придавъ ему свиту, заставили его разѣзжать по карауламъ, нападать на Стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ имъ суставы, отсѣкалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутами и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ Бояринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, шелъ ихъ истребить, а сестра-де моя <Нат. Кир.> и Петръ меня послушаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказы, являли свои раны и записывали.

Злодѣи думали умертвить Государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское <когда?>, разставилъ въ тайныхъ мѣстахъ и въ буеракахъ стражу, и самъ <по праву званія своего> явился къ Государю и прошедши до спальни вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но скорѣ было утушено; въ ту же ночь пожаръ возобновился и снова былъ утушенъ. Люди придворные и народъ возмѣли подозрѣніе, дѣлую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, разпустили скрытую стражу и отправились въ Москву до разсвѣту.

Попутроне сено о пожарахъ Царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая зажигателей ворами, велѣлъ всюду разставить Стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегловитый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изъ всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ. Но <NB> Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить Цареубійство въ Кр. Дворцѣ, или на дорогѣ изъ Преображенск., стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью Стрѣльцовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитеномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда на верхъ Грановитой палаты, а другіе провождали ночи на верху церкви Распятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8 Августа) о злоумышленіи, скрылся въ Тр. мон., тогда бывшіе на сторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину <?>. Заговорщики, усташа, разпустили всѣхъ Стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ Бояръ <въ мон.> записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по Москов. дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ <получивъ

письмо отъ Петра> къ себѣ Щегла и его сообщниковъ, спрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Иоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они купно съ Царевною просили его: *да единъ онъ царствуетъ*. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что онъ брату, яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы же все умятесь... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ повелѣлъ патриарху *допросить ихъ до духовенства*. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ Стрѣльцовъ о принятіи ею единовластнаго правленія. Петръ сію челобитную и разпросныя рѣчи за Патриаршимъ свидѣтельствомъ отослалъ въ Москву къ Иоанну.

Вины Кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ Указа Великихъ Государей имя Сестры ихъ Царевны Софіи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами Государей писать Самодержицею, и что въ Крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили <тутъ есть несообразность>.

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, Сестра обоихъ Царей, Правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять Царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнесли о томъ къ Иоанну.

Царевна Самодержавно правительствовала 7 лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она <по другую сторону Царей> въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью: Бож. Мил. В. Г. Цари и В. Кн. І. А. П. А. и Благов. Гос. Цар. <а иногда и Царица> и В. Кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бѣл. Россіи Самодержцы. Титулъ сей давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея Правленія Пищевой наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи Дворцовыхъ Чернослободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, Корчемный Уставъ и до 150 Указовъ. Между сими Указъ, повелѣвающій казнить смертію лѣкаря, уморившаго своего больного.

7 Сентября, отъ имени обоихъ Царей состоялся Указъ, чтобъ ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей Правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву: Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его всѣ чины Московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы лежали по дорогѣ на плахахъ, въ коихъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10 Сентября и прямо прибылъ къ Собору. Отъ заставы до самаго Собора стояло войско въ ружьѣ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Передъ Ц. домомъ встрѣтилъ его Иоаннъ. Оба брата обнялись и старшій въ доказательство своей невинности, уступилъ меньшому все правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Отсѣлѣ Царствование Петра единовластное и самодержавное.

[ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ].

[1703. (Основаніе Петербурга)].

Посреди самаго пылу войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла бы ходъ торговлѣ съ сѣверо-западною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе, и на островѣ, на-

ходящемся близъ моря, на Невѣ, 16 Мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ <одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голикъ>. Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й Графу Головину, 4-й Зотову <? Канцлеру, пиш. Голикъ>, 5-й Князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ

именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбацья хижина, деревянный же дворецъ на 9 сажень въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семь видѣ сохранился и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ Комендантомъ Полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ Генераль-Губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для Гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, Адмиралтейства, Государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшандъ былъ упраздненъ и жители оного переведены, и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Копорье, а Генераль-Маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ Царемъ, то по древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не марался въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроногортъ идетъ изъ Лифляндіи съ 12.000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2.000. Въ то же время подъ Ямбургъ подступилъ Нарвск. Ком. Генераль-Маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того Шведы были побиваемы.

Вслѣдъ за симъ на Олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставшія, между прочимъ о вымѣреніи Ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, *пониже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда. Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы по веснѣ исправлялся пушками и*

заготовлялъ сіе для кораблей, но не начиналъ ихъ строить.

Изъ Олонца прибылъ Государь на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль Голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1703 года, Декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію Государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его Дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. <Анекдотъ объ алабѣяхъ. Кухмистеръ Государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голикова>.

1-го Октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его Саксонцевъ 12.000 пѣхоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ Оберъ-Комиссаромъ Кн. Дм. Голицынымъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ Октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и оныя укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ Государь съ Шереметевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга Окольного П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трои триумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ Государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ <?>. Бееръ и другіе <?>, Щербатовъ.

1725. [Кончина Петра Великаго].

1-го Января Теофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ Указъ о снятіи лишннихъ карауловъ.

Король Испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ Императоромъ Австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на Эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подорѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

Фридерикъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи Магдебургскія пошлины. Отселъ Ганноверскій договоръ, оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать права на Бергское наслѣдство Короля Прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля Груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга <капитана> для открытія пути въ Восточную Индію черезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30.000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генералъ-Маіоръ Кропотковъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала <см. Ежем. Сочин. 1760, II—38 и проч.>.

Петръ <по свидѣтельству Катиборо> на Иорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужія края сухимъ путемъ не возить.

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ Указъ о утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го Января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ Петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали; но всѣ видѣли

отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре Сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь Сенатъ, весь Генералитетъ, члены всѣхъ Коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь Синодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ Дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу <кромя 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ>, для здравія Государя.

Тогда же данъ имъ Указъ о рыбѣ и клѣбѣ <казенные товары>.

Къ вечеру ему стало хуже, его миропомазали.

27-го данъ Указъ о прощеніи неявившимся Дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ Военной коллегіи <кромя и пр.> просить—дабы молили они о здравіи Государевомъ.

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неясственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только сіе: отдайте все... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла—но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи Псковскій и Тверской и Архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился—показалъ знакъ, чтобъ они его приподняли, и возведши очь вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляеть; сіе едино улаждаетъ меня.

Увѣщевающій сталъ говорить ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи: помози моему невѣрію и сіе все, что весьма дивно <сказано въ рукописи свидѣтеля>, съ умиленіемъ, лицо къ веселію елико могъ

устроеная, говорилъ; по семъ замолкъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ своимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиленіемъ послѣднѣе... Всѣ вышли, повинувшись въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно дергая правую свою руку—лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій Архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія приподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской Архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщанія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остано-

вилось; въ 6 часовъ утра, 28-го Января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена Императрицей.

Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генералъ-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ Сенатору Графу Матвѣеву.

2-го Февраля напечатана присяга и разослана по всему Государству.

Тѣло Государя вскрыли и балъзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го Января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го Марта скончалась 6-ти-лѣтняя Царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го Марта возвѣщено народу погребеніе. Черезъ два дня оно совершилось <см. Голикова>.

[НѢСКОЛЬКО ВЫПИСОКЪ ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛѢ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО].

[1672—1689].

1. Иеромонахъ Симеонъ Полоцкій и иеромонахъ же Дмитрій (впослѣдствіи Св. Ростовскій Митрополитъ) занимались при Дворѣ Алексѣя Михайловича астрологическими наблюденіями и предсказаніями.

2. Петръ съ немногими потѣшными убѣждалъ въ Троицкую Лавру. Гордонъ говорить: безъ штановъ.

1697.

3. Во время путешествія Петра въ Берлинъ съ посольствомъ, государь однажды въ пьянствѣ выхватилъ шпагу противъ Лефорта и просилъ потомъ у него прощенія.

4. Въ Амстердамѣ посѣтилъ онъ и зазорные дома (. . . . .) съ ихъ садами.

1698.

5. Петръ, отправляясь въ Англію, Лефорта оставилъ въ Амстердамѣ и, разставаясь съ нимъ, плакалъ, вѣроятно, будучи пьянъ.

1698—1700.

6. Петръ въ началѣ своего путешествія узналъ о неспокойствіи Стрѣльцовъ, но онъ продолжалъ свой путь, готовясь къ ужасному предпріятію.

Генералы, думая устрашить Стрѣльцовъ, повелѣли стрѣлять выше головы; поны закричали, что самъ Богъ не допускаетъ оружію еретическому вредить православнымъ. Начались казни... Лефортъ старался укротить разсвирѣпѣвшаго Царя.

[Тогда же <1699> состоялся указъ, всѣмъ Русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ и духовныхъ, брить бороду и носить платье Нѣмецкое: сперва Венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее — Саксонское и Французское, а нижнее и камзолы—Нѣмецкіе <съ ботфортами>, женскому полу—<Нѣмецкое>. Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ <Московскихъ улицъ> съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить Русское платье, подъ наказаніемъ <какимъ?>].

1706.

7. Петръ Меншикову писалъ, что въ Петербургѣ было наводненіе и проч. Кланяется всѣмъ, какъ оружіе носящимъ, такъ и иглу имѣющимъ <Екатеринѣ>.

1707.

8. Петръ въ Петербургѣ женился въ Ноябрьѣ въ соборной церкви св. Троицы на Катеринѣ, Маріенбургской . . . ., быв-

шей замужемъ за Шведскимъ трубачемъ, потомъ . . . [не разобрано] Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 Апрѣля 1688 года. Варварскій Указъ о недержаніи бить челомъ—отмѣненъ.

1709.

9. Въ Маріен... Петръ видѣлся съ Пруссимъ Королемъ. Петръ не пьянствовалъ, умѣлъ себя воздержать.

1711.

10. У Князя Меншикова на фейерверкѣ на шитѣ надпись: «Идѣ же правда, тамъ и помощь Божія», однако Богъ помогъ не намъ.

1713.

11. Повелѣлъ Новгородскому Губернатору Корсакову, чтобы всѣ Дворяне были къ 1-му Декабря къ смотру, подѣ опасеніемъ лишенія чести и живота. Съ помѣля видно.

1714.

12. Въ Ригѣ: смотри истинный анекдотъ о мошахъ двѣиды Ф. Гротъ.

13. Въ сіе же время изданъ тиранскій Указъ о запрещеніи во всемъ Государствѣ каменнаго строенія подѣ страхомъ конфискаціи и ссылки.

1715.

14. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ Указовъ; онъ повелѣлъ готовить юфть новымъ способомъ, по обыкновенію своему за ослушаніе угрожая кнутомъ и каторгою.

Въ Хиву посланцемъ и шпиономъ посланъ былъ Бековичъ.

1718.

15. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подѣ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные Указы Петра.

16. а) Царевича женилъ на Принцессѣ Вольфенбительской. Она, кажется, измѣнила мужу съ молодымъ Левенвольдомъ. Царевичъ ее разлюбилъ и взялъ себѣ въ наложницы Чухонку.

б) Оппозиція вся была на сторонѣ Царевича; духовенство, гонимое протестантомъ-Царемъ, обращало на него всѣ свои надежды. Петръ ненавидѣлъ сына, какъ

препятствіе настоящее и будущаго разрушителя его созданія.

с) Царевна запутываетъ Дубровскаго и Нарышкина.

д) Другое дѣло озлобило Петра: супруга его Евдокія въ связи съ Глѣбовымъ.

е) Царица высѣчена и отвезена въ Новую Ладогу.

ф) Петръ хвастался своею жестокостію.

г) Царевичъ отпирался; пытка развязала ему языкъ; онъ показалъ на себя новыя вины и наговаривалъ, уstraшенный сильнымъ отцомъ и изнеможенный истязаніями.

h) При приговорѣ духовенство, какъ бабушка, сказало на-двое.

i) Царевичъ умеръ отравленный.

к) Есть преданіе: въ день смерти Царевича, торжествующій Меншиковъ увезъ Царя въ Ораніенбаумъ и тамъ возобновилъ оргіи страшнаго 1698 года.

l) Указъ—запрещается бѣднымъ просить милостыню—жестокій, тиранскій, какъ обыкновенно.

1719.

17. а) Скончался Царевичъ и наследникъ Петръ Петровичъ: смерть сія сломила наконецъ желѣзную душу Петра.

б) 1-го Іюня Петръ занемогъ <съ похмеля>.

1721.

18. Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его Указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первые были для вѣчности, или по крайней мѣрѣ для будущаго,—вторые вырвались у нетерпѣливаго самовластнаго помѣщика. NB <это внести въ Исторію Петра, обдумавъ>.

19. По учрежденіи Синода, духовенство поднесло Петру просьбу о назначеніи Патриарха, тогда-то <по свидѣтельству современниковъ Графа Бестужева и Барона Черкасова> Петръ, ударивъ себя въ грудь и обнаживъ кортикъ, сказалъ: «вотъ вамъ Патриархъ!»

20. Сенатъ и Синодъ подносятъ ему титулъ: Отца Отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ.

21. Сенатъ <т.-е. 8 стариковъ> прокричали vivat—Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо

болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.

22. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень и проч., принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. НВ. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ коего онъ проистекаетъ, самъ по себѣ несправедливъ и жестокъ. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой.

1722.

23. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ Указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.

24. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т.-е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, а отдалъ престолъ на произволеніе самодержца.

25. Указъ: предоставляется на волю помѣщиковъ строить новыя усадьбы для солдатъ или размѣстить ихъ по избамъ. Но и тутъ закорючка своевольства и варварства.

26. Петръ обрѣзалъ волосы, изъ нихъ сдѣлалъ парикъ, нынѣ видимый на его статуѣ.

1723.

27. Петръ предалъ суду Меншикова и Шафирова; послѣдняго за то, что при всемъ Сенатѣ разругалъ ..... оберъ-прокурора.

28. Малороссіяне, оскорбленные въ своихъ правахъ учрежденіемъ Малороссійской канцеляріи, прислали къ Петру депутатовъ. Петръ посадилъ ихъ въ крѣпость.

29. Указъ: въ церквахъ деньги собирать въ два кошелька въ разныя цѣни: для Царя и для богадѣльни.

1724.

30. При установленіи Синода <для добренія монаховъ> возвратилъ онъ духовенству управленіе имѣніями.

31. Указъ Синоду о монашествѣ; Петръ симъ указомъ превратилъ монастыри мужскіе въ военные госпитали, монаховъ въ лазаретныхъ служителей, а монахинъ въ прядильщицъ, швей и кружевницъ.

<Выписалъ для нихъ мастерицъ изъ Бранбанта>.

32. 1-го Мая назначено торжество коронаціи <Екатерины>. Наканунѣ Меншиковъ подалъ просьбу Государю, о отпускѣ повинныхъ штрафовъ, чрезъ руки <Екатерины>. Петръ согласился на все.

33. Камергеръ Монсъ де Лакроа и сестра его Балкъ были казнены. Монсъ потерялъ голову, сестра его высѣчена кнутомъ, два ея сына камергеръ и пажъ разжалованы въ солдаты. Императрица, бывшая въ тайной связи съ Монсомъ, не смѣла за Монса просить; она просила за его сестру. Петръ былъ неумолимъ. Оправдалась ли Екатерина въ глазахъ грознаго супруга? По крайней мѣрѣ ревность и подозрѣніе терзали его. Онъ повезъ ее около эшафота, на которомъ торчала голова несчастнаго; онъ пересталъ съ нею говорить — доступъ къ нему былъ ей запрещенъ; одинъ только разъ, по просьбѣ любимой его дочери Елисаветы, согласился отобѣдать съ той, которая въ теченіе 20 лѣтъ была неразлучною его подругою.

1725.

34. 22-го Января Петръ на смертномъ одрѣ не имѣлъ силы кричать, а только стоналъ, испуская мочу.

35. Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ; кажется, при смерти помирился онъ съ виновною супругою.

[КАМЧАТСКІЯ ДѢЛА].

[Отъ 1694 до 1740 года].

§ 1. Сибирь была уже населена отъ Лены къ востоку до Анадырска по рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитое море.

Прикащики имѣли порученіе провѣдовать о новыхъ народахъ и земляхъ, и приводить ихъ въ подданство.

Пенжинскіе и Олюторскіе Коряки были объясачены <къмъ?>. Отъ нихъ узнали о

существованіи Камчатки. Оленные Коряки паче о томъ извѣстили.

§ 2. Первый изъ Русскихъ, посѣтившихъ Камчатку, былъ Ѳеодотъ Алексѣевъ; по его имени Накулъ р. называется Ѳеодотовщиною.

Онъ пошелъ изъ устья Колымы Ледовитымъ моремъ въ 7 Кочахъ; занесенъ былъ на рѣку Камчатку, гдѣ онъ и зимо-

валъ; на другое <?> лѣто обошелъ онъ <?> Курильскую Лопатку, и на рѣкѣ Тигилѣ убить отъ Корякъ.

§ 3. Служивый Семенъ Дежневъ въ отпискѣ своей подтверждаетъ сіе съ нѣкоторыми измѣненіями: онъ показываетъ, что Ѳедотъ, будучи разнесенъ съ нимъ погодою, выброшенъ на берегъ въ передній конецъ за рѣку Анадырь. Въ этой отпискѣ сказано, что въ 7162 <1654> ходилъ онъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у Корякъ Якутскихъ бывшую любовницу Ѳедота, которая сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ умеръ отъ цынги, что товарищи его побиты, другіе спаслись въ лодкѣ и уплыли невѣдомо куда. Развалины зимовья на р. Никулѣ видимы еще были въ 1730 году.

§ 4. Крашенинниковъ полагаетъ, что Ѳедотъ погибъ не на Тигилѣ, а межъ Анадыромъ и Олюторскимъ, слѣдуя отъ Тигиля обратно къ Анадырскому моремъ или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. Въ 7203 <1695> Владиміръ Атласовъ присланъ былъ отъ Якутскаго прикащика <изъ Якутска> въ Анадырскій острогъ собирать ясакъ съ присудныхъ <приписныхъ> къ Анадырскому Корякъ и Юкагирей.

§ 6. Въ слѣдующій 204 годъ Атласовъ послалъ къ Апутскимъ Корякамъ Луку Морозку съ 16 человѣками за ясакомъ. Онѣй Морозко не дошелъ до Камчатки токмо 4 днями. Взялъ онъ между тѣмъ Камчатскій острожекъ и въ Погромѣ получилъ невѣдомо какія письма, которыя и представилъ Атласову.

§ 7. Атласовъ, взявъ съ собою 60 человѣкъ служивыхъ, да столько жъ Юкагирей, отправился на слѣдующій 1697 г., послѣ ясачнаго сбора, на Камчатку. Онъ оставилъ въ Анадырскѣ 38 человѣкъ казаковъ <съ нимъ слѣдственно было всего 100 человѣкъ казаковъ>.

§ 8. Атласовъ ласкою склонилъ къ ясачному платежу Акланскій, Каменной и Усть-Таловскій острожки—да одинъ взялъ съ бою и потомъ <пишетъ онъ> 1 Февраля 1697 г. пошелъ въ Олюторскую землю.

§ 9. Словесное преданіе гласитъ, что онъ раздѣлилъ свой отрядъ на-двое—Морозку послалъ на Восточное море, а самъ пошелъ къ Пенжинскому.

§ 10. Юкагиры <60 человѣкъ> измѣнили ему на Поланѣ. Произошло сраженіе. Три казака были убиты. Атласовъ и еще 16 человѣкъ ранены. Казаки ихъ отбили

и безъ нихъ продолжали свой походъ къ югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигилѣ и собрали ясакъ съ народовъ, живущихъ по рѣкамъ: Напанѣ, Тигилю, Ичѣ, Сіунчѣ и Харыузовой. До Каланской <?> не дошли за три дня. По словесному преданію, Атласовъ дошелъ до рѣки Нынгучу <Голыгиной> за 3 дня отъ рѣки Игдыгъ <Озерной>.—НВ. Бобры звались Каланами и на той рѣкѣ промышлялись.

§ 12. На рѣкѣ Ичѣ Атласовъ взялъ у Камчадаловъ плѣнника Японца <Узакинскаго Государства>.

§ 13. Отъ рѣки Голыгиной Атласовъ пошелъ обратно тою же дорогою до рѣки Ичи, потомъ перешелъ на Камчатку, построилъ Верхній Камчатскій острогъ—и оставя въ немъ казака Потапа Серюкова, отправился въ Якутскъ, куда и прибылъ въ 7208 году <1700> Іюля 2.

§ 14. Изъ Якутска отправился онъ въ Москву съ Японскимъ плѣнникомъ и съ ясачной казною, собранной имъ на Камчаткѣ <см. IV—194>.

§ 15. Атласовъ за свою службу пожалованъ въ Москвѣ Казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно ему снова ѣхать на Камчатку, набравъ на казачью службу 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ казачьихъ дѣтей. Сверхъ того снабженъ онъ въ Москвѣ и Тобольскѣ малыми пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Въ Тобольскѣ дано ему полковое знамя, барабанщикъ и сиповщикъ.

§ 16. Но въ слѣдующемъ 1701 году Атласовъ, ѣдучи изъ Тобольска по рѣкѣ Тунгускѣ, разбилъ дощаникъ съ Китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласовъ съ 10 товарищами посаженъ въ тюрьму; а на его мѣсто въ Камчатку отправленъ казакъ Михайло Зиновьевъ, бывалый на Камчаткѣ <сказано въ отпискѣ> еще прежде Атласова <съ Морозкою?>.

§ 17. Три года спустя, послѣ выѣзда Атласова на Камчатку, пріѣхалъ сынъ боярскій Тимофей Кобелевъ, первый Камчатскій приказщикъ. Потапъ Серюковъ, оставленный Атласовымъ въ Верхнемъ Острогѣ, не собиравъ ясаку и торговалъ мирно съ Камчадалами. По прибытіи Кобелева сдалъ онъ ему начальство и со своими людьми отправился обратно въ Анадырскъ; но Коряки ихъ не допустили и умертвили всѣхъ.

§ 18. Въ бытность свою на Камчаткѣ Т. Кобелевъ перенесъ Верхній Острогъ на рѣку Кали-Кыгъ, да построилъ зимовье на Елавкѣ. Ясакъ же собиралъ по вольный по рѣкѣ Камчаткѣ и по морямъ Пенжинскому и Бобровому и въ 1704 году прибылъ съ ясачною казною въ Якутскъ.

19. Кобелева смѣнилъ Зиновьевъ и правилъ Камчаткою съ 1703 до 1704 г. Онъ первый завелъ ясачныя книги и поименно сталъ вписывать Камчадалъ. Зимовья Нижнія Камчатскія перенесъ на Ключи; построилъ острогъ на Большой рѣкѣ; перевелъ служивыхъ людей <по ихъ просьбѣ> изъ Укинскихъ Зимовій на Камчатку и, учредя во всемъ нѣкоторый порядокъ, возвратился въ Якутскъ съ ясакомъ.

§ 20. Осенью 1704 года пріѣхалъ его смѣнить пятидесятникъ Василій Колесовъ. Онъ сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль 1706 года. При немъ былъ первый походъ въ Курильскую землицу, и человекъ двадцать курильцевъ объясачены, прочіе разбѣжались.

§ 21. На смѣну ему посланъ былъ еще въ 1704 г. Якутскій сынъ Боярскій Вас. Протопоповъ, да казакъ Вас. Шелковниковъ; но не доѣхали и отъ Олюторовъ убиты на пути съ 10 человекъ служивыхъ.

§ 22. Въ концѣ Августа 1706 года сидячіе Коряки <около рѣки Ненжины> Косухина Острожка, близъ Усть-Таловки умышляли нападеніе на Колесова; но онъ о томъ былъ увѣдомленъ отъ сидячихъ же Коряковъ другаго <Акланскаго> острожка, имъ сосѣдняго.—И онъ прибылъ въ Якутскъ благополучно.

§ 23. На Акланскомъ острожкѣ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая зимняго пути. Здѣсь засталъ онъ 7 казаковъ, оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочной и пороховою казною, посланной въ Камчатскіе остроги. Колесовъ отправилъ ихъ туда, далъ имъ двадцать одного человека изъ своего отряда и назначилъ имъ въ начальники Семена Ломаева, которому поручилъ онъ и сборъ ясака во всѣхъ трехъ острогахъ.

§ 24. Косухинскіе Коряки и нѣкоторые другіе покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. Послѣ Колесова были Закащиками на Камчаткѣ въ Верхнемъ Острогѣ—Федоръ Анкудимовъ, въ Нижнемъ—Федоръ Ярыгинъ, а въ Большерѣцкомъ—Дмитрій Ярыгинъ. При нихъ взбунтовались Большерѣцкіе Камчадалы. Острогъ казачій со-

жгли, а казаковъ всѣхъ побили. На Бобровомъ морѣ тогда же убитъ ясачный сборщикъ съ 5 человекъ.

§ 26. Причиною возмущенія полагаетъ Крашенинниковъ притѣсненія отъ Казаковъ, мысль, что Русскіе люди бѣглые <isoli>, коихъ легко перевести, и надежда на Коряковъ и Олюторовъ въ непропускѣ Русскихъ изъ Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до нихъ дошла.

§ 27. Казаки были въ малолѣтствѣ и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили измѣнниковъ въ покоѣ. Они дали знать о томъ однакожъ въ Якутскъ <?>. Печальныя сіи извѣстія заставили правительство вспомнить объ Атласовѣ; онъ былъ освобожденъ и отправленъ на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данныя ему въ Москвѣ отъ Сибирскаго приказа въ 1701 году. Ему дана полная власть надъ казаками <кнутъ и батожье>. Велѣно прежнія вины заслуживать; обидѣ никому не чинить, а противу иноземцевъ строгости не употреблять, коли можно обойтись ласково. За преступленіе наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласовъ не доѣхалъ еще и до Анадырска, какъ уже всѣ почти казаки послали на него челобитныя, выведенныя изъ терпѣнія его самовластіемъ и жестокостію. Однакожъ онъ благополучно прибылъ въ Камчатку въ Іюль 1707 года и отъ закащиковъ вмѣстѣ съ ясачной казною принялъ и начальство надъ Острогами.

§ 29. Немедленно <въ Августѣ того же года> Атласовъ отправилъ на Бобровое море 70 человекъ казаковъ, подъ начальствомъ Ивана Таратина, для наказанія убійцъ ясачныхъ сборщиковъ. Походъ ихъ продолжался до 27 Ноября. Отъ Верхн. Острога до Авачи они шли безъ сопротивленія; но близъ Авачинской губы, на ночлегѣ, встрѣтили ихъ Камчадалы. Враговъ было до 800. Произошло сраженіе. Камчадалы были разбѣяны; у казаковъ убито 6 человекъ. Камчадаловъ въ плѣнъ взято 3 человекъ; чрезъ нихъ собранъ ясакъ <IV—200>. Послѣ того Таратинъ возвратился въ Верхн. Острогъ съ ясакомъ и съ заложниками.

§ 30. Избалованные погворствомъ своихъ начальниковъ, казаки не могли вынести суроваго управленія Атласова. Въ Декабрѣ 1707 года они взбунтовались, отрѣшили его отъ начальства, и въ оправданіе свое написали въ Якутскъ длинныя

жалобы на обиды и преступленія, учиненныя Атласовымъ <IV—201>.

§ 31. Бунтовщики на мѣсто Атласова выбрали Верхн. Острога прикащика Сем. Ломаева <см. выше>. Атласовъ посаженъ въ казенку <въ тюрьму> и пожитки его взяты ими въ казну <см. 203>.

§ 32. Атласовъ бѣжалъ изъ тюрьмы и явился въ Нижн. Камч. Острогъ. Онъ потребовалъ отъ прикащика Θεод. Ярышкина сдачи начальства; тотъ не согласился; но оставилъ Атласова на волю.

§ 33. Якутская канцелярія <?> между тѣмъ, получа еще съ дороги посланные челобитныя, отправила обо всемъ донесеніе въ Москву, а на мѣсто Атласова послала въ Камчатку прикащикомъ сына Боярскаго Петра Чирикова съ 50 человекъ рядовыхъ, при пятидесятникѣ и съ четырьмя десятниками. Снаряду дано ему 2 пушки мѣдныя, 100 ядеръ, 5 пудъ свинцу, 8 пудъ пороху.—Между тѣмъ, въ Январѣ 1709 г. въ канцелярію получено извѣстіе о самовольномъ отрѣшеніи Атласова отъ начальства. Изъ Якутска, вслѣдъ за Чириковымъ, отправлена Указная Память, чтобы онъ по дѣлу сему учинилъ слѣдствіе и прислалъ оное на разсмотрѣніе въ Якутскъ съ выборнымъ Сем. Ломаевымъ; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Онаѣ Указная Память въ Анадырскѣ Чирикова уже не застала и за малолетствомъ къ нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенжинскому морю пути были заняты. 20 Іюля 1709 г. Олюторы дерзнули днемъ напасть на Чирикова, убили 10 человекъ служивыхъ и бывшего при казнѣ сына Боярскаго Ив. Панютина, казну и воен. запасы разграбили и остальныхъ держали 3 дня въ осаду, на пустомъ мѣстѣ. Наконецъ, 24 Іюля, Чириковъ пробился и разсѣялъ дикарей, потерявъ двухъ человекъ.

§ 36. Чириковъ, прибывъ на Камчатку, принялъ начальство; онъ отрядилъ на Большую рѣку пятидесятника Ив. Харитоновъ съ 40 казаками для усмиренія дикарей. Но оныя собрались въ великомъ множествѣ, напали на казаковъ, 8 человекъ убили, почти всѣхъ остальныхъ переранили; четыре недѣли держали ихъ въ осаду, отъ которой спаслись они бѣгствомъ.

§ 37. Чириковъ самъ съ 50 казаками ходилъ къ Бобровому морю, къ Японской

Бусѣ <?>. Японцы полонены были мирными Камчадалами, жившими близъ той Бусы. Дикари, увидѣвъ казаковъ, разбѣжались по лѣсу, оставя Японцевъ, которые имъ и выручены. Въ томъ походѣ усмирить онъ дикарей отъ Жупановой рѣки до Островской и наложилъ снова на нихъ ясаки.

§ 38. Въ Августѣ (?) прибылъ на смѣну Чирикова пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, отправленный по выбору изъ Якутска съ 40 человекъ. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ 3 прикащика: Атласовъ, законно не отрѣшенный, Чириковъ и Мироновъ <онъ же и Липинъ>.

§ 39. Чириковъ сдалъ Миронову Верхн. Камч. Острогъ, а самъ въ Октябрѣ поплылъ въ Нижній Камчатскій—ботами со своими служивыми. Онъ намѣревался тамъ перезимовать и оттолѣ отправился съ казною Пенжинскимъ моремъ. Мироновъ 6 Декабря отправился изъ Верхн. Острога въ Нижній для наряду казаковъ къ судовому строенію и препровожденія ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дѣло, Мироновъ обратно вѣхалъ въ Верхній Острогъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ. 23 Января 1711 г. на дорогѣ былъ онъ зарѣзанъ отъ казаковъ. Злодѣи думали убить и Чирикова, но по просьбѣ его дали ему время покаяться, а сами, въ числѣ 31 человекъ, поѣхали обратно въ Нижн. Камч. Острогъ, дабы убить Атласова. Не доѣхавъ за полверсты, отправили они трехъ казаковъ къ нему съ письмомъ, предписавъ имъ убить его, когда станетъ онъ его читать. Но они застали его спящимъ и зарѣзали. Такъ погибъ Камчатскій Ермакъ!

§ 41. Бунтовщики вступили въ Острогъ и, раздѣлясь яа трое, стали на три двора, по десяти человекъ вмѣстѣ. Главные изъ нихъ были: Данилъ Анцыфоровъ да Ив. Козыревскій. Бунтовщики разхитили пожитки убитыхъ прикащиковъ, завели круги, стали выносить знамя, умножились до 75 человекъ, выбрали Атаманомъ Анцыфорова, Козыревскаго Есауломъ; съ Тигиля привезли пожитки Атласова, имъ отправленные туда, дабы везти ихъ Пенжинскимъ моремъ; разхитили съѣстные припасы, парусы и снасти, заготовленные для морского пути отъ Миронова, и уѣхали въ Верхн. Острогъ, а Чирикова бросили скованнаго въ прорубь, Марта 20 1711 г.

§ 42. 17 Апрѣля 1711 года подали они въ Верхн. Острогъ для отсылки въ

Якутскъ повинную челобитную, въ которой объ Атласовѣ умолчено, а Чириковъ и Мионовъ обвинены обыкновеннымъ образомъ <см. IV—207>. Бунтовщики извинялись дальнимъ разстояніемъ и что-де прикащики не допустили бы челобитчиковъ до Якутска. Опись взятаго добра на артель представили тутъ же съ большою наивностію.

§ 43. Между тѣмъ думали они заслужить свои вины. Весною отправились они изъ Верхн. Остр. на Большую рѣку. Въ началѣ Апрѣля они взяли Камчатскій Острожекъ, между рѣками Быстрою и Гольцовскою <гдѣ нынѣ Русск. Большерѣцкій Остр.>. Они тамъ и засѣли, и жили до конца Мая.

§ 44. 22 Мая приплыло къ оному Острожку множество Камчадаловъ и Курильцевъ и осадили казаковъ съ крикомъ и угрозами. 23 казаки отслужили молебень <съ ними былъ Архимандритъ Мартіанъ отъ Филовея, Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, въ 1705 году отправленный въ Камчатку, для проповѣданія Слова Божія>, выслали половину своихъ людей на вылазку. Сраженіе продолжалось до вечера. Казаки одолѣли, потерявъ 3 человѣка убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая рѣка запрудилась ихъ трупами. Послѣ сей побѣды всѣ Большерѣцкіе Острожки покорились и стали ясакъ платить по прежнему.

§ 45. Послѣ того ходила бунтовщики въ Курильскую землю и были за проливомъ на первомъ Кур. Острову и жителей обложили впервые ясакомъ.

§ 46. Въ томъ же 1711 году пріѣхалъ на Камчатку Василій Севастьяновъ <онъ же и Щепеткой> на смѣну Миронова, не вѣдая ничего о убіеніи трехъ прикащиковъ. Севастьяновъ сталъ собирать ясакъ въ Нижн. и Верхн. Острогѣ. Бунтовщикъ Анцыфоровъ, узнавъ о его прибытіи, самъ пріѣхалъ къ нему въ Нижній Острогъ, съ ясачной казною, собранной имъ въ Большерѣцкомъ. Севастьяновъ не осмѣлился ни посадить его въ тюрьму, ни чинить надъ нимъ слѣдствіе. Онъ отправилъ его сборщикомъ на Большую рѣку. Анцыфоровъ на обратномъ пути привелъ въ повиновеніе дикарей, живущихъ по Пенжинскому морю и рѣкамъ Конпаковой и Вороской.

§ 47. Въ Февралѣ 1712 года Анцыфоровъ былъ убитъ отъ Авач. Камчадаловъ. Узнавъ о его скоромъ прибытіи на Авачу, устроили

они пространный балаганъ съ тайными подъемными дверями. Они приняли его съ честію, лаской и обѣщаніями; дали ему нѣсколько аманатовъ изъ лучшихъ своихъ людей и отвели ему балаганъ. На другую ночь они сожгли его. Передъ сожженіемъ балагана, они приподняли двери и звали своихъ аманатовъ, дабы тѣ скорѣе побросались вонъ. Несчастные отвѣчали, что они скованы и не могутъ тронуться, но приказывали своимъ товарищамъ жечь балаганъ и ихъ не щадить, только бы стогрѣли казаки.

Такъ погибъ храбрый Анцыфоровъ, можетъ быть предупредя заслуженную казнь и оставя по себѣ громкую память и пословицу (см. IV—210): «На Камчаткѣ проживешь здорово семь лѣтъ, что ни сдѣлаешь; а семь лѣтъ проживетъ тотъ, кому Богъ велитъ.»

§ 48. Ободренный смертію Анцыфорова, Щепеткой послалъ нарочныхъ въ Верхній Острогъ, чтобъ словить убійцъ трехъ прикащиковъ. Одинъ былъ схваченъ, привезенъ въ Нижній Острогъ и въ пыткѣ показалъ, что Анцыфоровъ имѣлъ намѣреніе умертвить Щепеткова, разбить оба Острога, разграбить казну и бѣжать на острова, гдѣ и хотѣлъ поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоровъ думалъ привести въ дѣйствіе свое намѣреніе, когда пріѣзжалъ въ Нижній Острогъ съ ясачнымъ сборомъ, но отложилъ оное, бывъ слышкомъ въ малолѣтствѣ.

§ 49. Въ 1712 году Іюня 8 Щепеткой, оставя въ Верх. Остр. закащикомъ Козырева, а въ Нижнемъ Фед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской рѣки. Не дошедъ за два дня до Глотова жилья, по причинѣ мѣлкости и быстроты рѣкъ, оградился онъ, по недостатку въ лѣсѣ, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Онъ послалъ въ Анадырскъ, требуя подводъ и помощи; а самъ съ 84 человѣками оставался въ своемъ острогѣ до 9 Января 1713 года. 60 человѣкъ и нѣсколько оленныхъ подводъ, наконецъ, къ нему прибыли, и ясачный сборъ доведенъ до Якутска въ Январѣ 1714 г. Онаго сбора казна не получала съ самаго 1707 г. Онъ состоялъ въ 332 соболей, 3289 лисицъ красныхъ, 7 бурыхъ, 41 сиводушетыхъ, да 259 морскихъ бобровъ.

§ 50. Вскорѣ послѣ отъѣзда Щепеткова, закащикъ Верхн. Острога, Киргызовъ <Ко-

зыревъ?> приплыль на ботахъ въ Нижній Остр., овладѣль онымъ, мучилъ Фед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да ключемъ вертѣль ему голову, а другихъ людей на дыбу подымалъ <также и тамошняго попа>. Ярыгина принудилъ постричься въ монахи, сдалъ острогъ казаку Богдану Канашеву, а самъ, подговоря 18 человекъ Нижне-Шанчальцевъ, возвратился въ Верх. Острогъ.

§ 51. 10-го Сентября 1712 г. прибыль въ Камчатку Вас. Колесовъ, уже бывшій тамъ прикащикомъ, и изъ казацкихъ пятидесятниковъ пожалованный Дворяниномъ по Московскому списку. Онъ изъ Якутска отправленъ былъ на смѣну Севастьянову въ 1711, и дорогою получилъ указъ о розыскѣ надъ убійцами трехъ прикащиковъ. По прибытіи своемъ, онъ казнилъ двухъ человекъ смертію, другихъ торговою казнію. Ив. Козыревскій, по смерти Анцыфорова, бывшій въ Большерѣцкомъ Остр. прикащикомъ, высѣченъ плетью; но Киргизовъ не пошелъ подъ судъ къ Колесову, острога своего ему не сдалъ и съ 90 человекъ, при пушкахъ, пріѣхалъ къ Нижн. Острогу, грозясь его разорить; въ это самое время Большерѣцкіе казаки пріѣхали туда съ повинною.

§ 52. Колесовъ, опасаясь, чтобъ обѣ стороны не соединились, запретилъ было ѣхать всѣмъ имъ въ острогъ; но Киргизовъ не послушался, вѣхалъ со всѣми своими людьми, сталъ содержать крѣпкій караулъ днемъ и ночью. Онъ требовалъ отъ Колесова, чтобъ сей даль ему указъ идти на провѣдыванія острова Карагинскаго, а между тѣмъ подговаривалъ Нижне-Шанчальскихъ казаковъ. Не успѣвъ ни въ томъ, ни въ другомъ, возвратился онъ въ Верх. Острогъ. Казаки его раздѣлялись на двѣ стороны и, не видя надежды сдѣлать суда и мимо Нижняго Острога проплыть въ море, Киргизова посадили въ казенку. Колесовъ <въ 1713> принялъ Верхн. Острогъ; Киргизова съ главными сообщниками казнилъ смертію, другихъ кнутомъ, послушные служивые пожалованы въ конные казаки, а закашики въ дѣти Боярскіе. Козыревскаго, съ 55 казаками и двумя пушками, послалъ Колесовъ на Большую рѣку строить суда, заслуживать свои вины, провѣдывая морскихъ острововъ и Японскаго царства.

§ 53. Козыревскій исполнилъ сіе порученіе. Онъ привелъ въ ясакъ жителей Курильской Лопатки, покорилъ первые два

Курильскіе острова и привезъ Колесову извѣстіе о торговлѣ сихъ острововъ съ купцами города Матмая <IV—214>.

§ 54. Колесова въ 1713 смѣнилъ Дворянинъ Иванъ Енисейскій. Онъ заложилъ церковь на Ключахъ. Туда перенесъ и Нижн. Острогъ, ибо прежнее мѣсто окружено болотами, и водою понимается. Новый сей Острогъ и съ церковью сожженъ въ 1731 году, во время Камчатскаго бунта.

§ 55. При немъ былъ походъ на Авачинскихъ дикарей, иѣкогда измѣною убившихъ Анцыфорова. Ихъ осадили въ ихъ острогъ и двѣ недѣли держали въ осадѣ. Камчадалы отразили храбро два приступа. Наконецъ были сожжены и перерѣзаны. Противу нихъ было 120 казаковъ, до 150 покоренныхъ дикарей. Также взятъ былъ приступомъ Камчатскій острожекъ Паратунъ. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы стали платить ясакъ ежегодный, а не повольный, какъ то было прежде.

§ 56. Енисейскій весною 1714 г. отправился вмѣстѣ съ Колесовымъ на судахъ по Олюторскому морю. Въ Августѣ дошли они до рѣки Олюторской благополучно. Тамъ встрѣтили они Дворянина Аѳанасія Петрова, который разбилъ Олюторовъ и, разоря ихъ острогъ Большой Посадъ, строилъ Олюторскій острогъ. При немъ было много Анадырскихъ казаковъ и Юкагирей. Здѣсь они осеивали, и зимнимъ путемъ всѣ три Дворяне отправились въ Якутскъ <см. ясакъ ихъ IV—216>.

§ 57. Юкагиры, бывшіе при Аѳ. Петровѣ, сильно на него негодовали за обиды и притѣсненія. Онъ ихъ не отпускалъ на ихъ промыслы, бралъ ихъ подводы подъ Камчатскую казну, хотя по указу долженъ былъ брать Коряцкія подводы и проч. Декабря 2, не доходя до Акланск. Острога, они его убили на Таловской вершинѣ и казну разграбили. Колесовъ и Енисейскій спаслись въ Акланскій острогъ и 16 человекъ. Но Юкагиры ихъ осадили и угрозами принудили Коряковъ ихъ умертвить. Казна досталась не токмо дикарямъ, но и нашимъ казакамъ, ибо Юкагиры торговали съ ними, мѣняя соболей и лисицъ на Китайскій табакъ. Такимъ образомъ пятидесятникъ Алексѣй Петриковскій намѣнялъ, между прочимъ, 20 сороковъ соболей <которые съ него въ казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясакъ>.

§ 58. Коряки Пенжинскаго моря уговорены и въ ясакъ приведены уже въ

1720 г. Якутскимъ Дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ. По убіеніи же 3 Дворянъ, намѣрены они были напасть на Анадырскъ и подговаривали къ тому Чукчей.

§ 59. Послѣ того казну черезъ Анадырскъ уже не высылали, а провѣданъ морской путь въ Охотскъ, а путь черезъ Анадырскъ совсѣмъ оставленъ, кромѣ посылокъ съ письмами. На той дорогѣ съ 1703 г. погибло до 200 Русскихъ. Морской путь открытъ въ 1715 г. Якутскимъ казакомъ Козмою Соколовымъ, отправленнымъ отъ Полковника Якова Елчина, при управленіи Алексѣя Петриковского.

§ 60. Петриковскій, назначенный въ прикащики, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ жадности и лютости. Одинъ изъ казаковъ замученъ имъ въ видахъ до смерти. Казаки, по наущенію Козьмы Соколова, посадили его въ тюрьму и взяли пожитки его въ казну. Она превосходила казну, собранную въ два года со всей Камчатки <IV—219>.

§ 61. Безпокойства между туземцами были незначительны <IV—220>.

§ 62. Петриковского смѣнилъ Коз. Вежлицовъ, послѣ сего пріѣхалъ изъ Анадырска въ прикащики Коз. Григ. Камкинъ. Въ 1718 изъ Якутска прибыли три прикащика: Ив. Уваровскій <въ Нижн.>, Ив. Поротовъ <въ Верхн.> и Вас. Кочановъ <въ Большерѣдкой Остроги>. Сей послѣдній сверженъ былъ казаками и на полгода посаженъ въ тюрьму. Онъ бѣжалъ. Мятежники взяты въ Тобольскъ и наказаны.

§ 63. Прикашиковъ смѣнилъ 1719 г. Двор. Ив. Харитоновъ. Онъ ходилъ на сидячихъ Коряковъ, на Палланъ рѣку и тамъ убить измѣннически. Казаки его успѣли спастись и сожгли убійцъ въ ихъ юртѣ.

§ 64. Прикащики пріѣзжали ежегодно; возмущеній отъ дикарей важныхъ не было. Камчадалы били по 2, по 3 человѣка сборщиковъ въ Курилахъ и на Авачѣ.

§ 65. Въ 1720 году списывали Курильскіе острова Навигаторы Ив. Еврейновъ и Фед. Лузинъ и доѣзжали почти до Матмая.

§ 66. Въ 1728 была первая Кимчатская Экспедиція и возвратилась въ П. Б. въ 1730.

§ 67. Наконецъ въ 1729 прибыла въ Камчатку Партія при Капитанѣ Дм. Павлуцкомъ и Якутск. казач. головѣ Аѳ. Шестаковѣ <убитомъ отъ Чукочъ въ 1730> <смотри наказъ имъ данный IV—222>.

§ 68. Въ томъ же 1729 пятидесятникъ Штинниковъ взять подъ стражу за убіеніе Японцевъ, бурею занесенныхъ на Камчат-

скіе берега <см. пространную повѣсть о томъ IV—222 въ прим.>.

§ 69. Въ 1730 собирали ясакъ на Камчаткѣ служивый Ив. Новогородовъ, а въ 1731 пятидесятникъ Мих. Шехурдинъ, главные причины бунта Камчатскаго.

§ 70. Открытіе пути черезъ Пенжинское море имѣло важное слѣдствіе для Камчатки. Суда съ казаками приходили ежегодно; экспедиціи слѣдовали одна за другою. Дикари не смѣли возмущаться. Когда же Капитанъ Берингъ отбылъ въ Охотскъ, а партія поплыла къ Анадырю, дабы соединиться тамъ съ Павлуцкимъ и идти на немирныхъ Чукчей, тогда Камчадалы рѣшились исполнить давніе свои замыслы.

§ 71. Во всю зиму Нижнешанчалскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы разбѣжались будто бы въ гости по всей Камчаткѣ, уговаривая и пріуготовляя всѣхъ къ общему возмущенію. По убіенію Шестакова распустили они слухъ, что Чукчи идутъ на Камчатку войною, усыпляя тѣмъ подозрѣніе казаковъ. Они намѣрены были у морскихъ гаваней учредить караулы, пріѣзжихъ служивыхъ принимать ласково, а дорогою убивать измѣннически, и всѣми мѣрами до Анадырска извѣстій не допускать.

§ 72. Главный начальникъ бунта былъ Еловскій Таіонъ Фед. Харчинъ да дядя его Голгочъ, Ключевской Таіонъ.

§ 73. Послѣдній прикащикъ Камчатскій Шехурдинъ выѣхалъ съ ясакомъ благополучно; партія близъ устья Камчатки сгрузилась на судно и вышла въ море для похода къ Анадырску. Камчадалы, бывшіе у ней въ подводахъ, не дождавшись ея отбытія, посѣдѣли дать знать бунтующимъ Таіонамъ, дождавшимся на Ключахъ. 20 Іюня 1731 г. Камчадалы на ботахъ устремились вверхъ по Камчаткѣ, бѣя казаковъ, зажигая дѣтвовъ, забирая бабъ и дѣтей и проч. Харчинъ и Голгочъ прибыли немедленно въ острогъ <Нижн.> и зажгли поповъ дворъ, съ намѣреніемъ приманить на пожаръ казаковъ, какъ охотниковъ, что имъ и удалось. Всѣ казаки съ женами и дѣтьми были перерѣзаны. Всѣ дома сожжены, кромѣ церкви и крѣпости, гдѣ хранилось имѣніе Русскихъ; немногіе спаслись и пріѣхали на устье Камчатки.

§ 74. Къ счастью партія еще стояла, за нечаянно возставшимъ противнымъ вѣтромъ. Походъ къ Анадырску былъ остановленъ. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новыхъ завоеваніяхъ.

§ 75. Между тѣмъ, Ключевскій Есаулъ Чегечъ, оставшійся у моря, узнавъ отъ Русскихъ бѣглецовъ о взятіи острога, поспѣшилъ туда со своими людьми, побивая всѣхъ встрѣчныхъ казаковъ, и объявилъ Харчину, что партія въ море еще не ушла. Мятежники испугались; они засѣли во взятомъ острогѣ и дали знать вверхъ по Камчаткѣ, чтобы всѣ жители стѣзжались къ нимъ въ завоеванный острогъ. Но они сдѣлать того не успѣли.

§ 76. Они вокругъ Острога сдѣлали каменную стѣну, разобравъ церковную трапезу, раздѣлили между собою казачьи пожитки, нарядились въ ихъ платья, иные въ женскія, другіе въ поповскія. Стали плясать, шаманить и объѣдаться. Новокрещеной Оед. Харчинъ призвалъ Савина, новокрещенаго грамотея, надѣлъ на него поповскія ризы и велѣлъ ему пѣть молебень, за что и подарилъ ему 30 лисицъ (см. IV—220).

§ 77. Командиръ партіи, Штурманъ Як. Генсъ, отправилъ 21 Іюля 60 человекъ къ взятому Острогу, обѣщая прощенье и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчинъ кричалъ имъ со стѣны «я здѣсь прикащикъ, я самъ буду ясакъ собирать; вы, казаки, здѣсь не нужны.»

§ 78. Казаки послали къ Генсу за пушками. Получивъ оныя, 26 Іюля начали они стрѣлять по Острогу; вскорѣ оказались проломы; осажденные стали робѣть и плѣнные казачки начали убѣгать изъ Острога. Харчинъ, видя невозможность защищаться, одѣлся въ женское платье и бѣжалъ.

§ 79. За нимъ пустилась погоня; но онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ достигать оленей. Его не догнали.

§ 80. Послѣ того человекъ 30 сдались. Прочіе были перестрѣлены. Чегечъ оборонялся храбро. Отъ стрѣльбы во время приступа загорѣлась пороховая казна; Острогъ, кромѣ одной церкви, обращенъ былъ въ пепель. Всѣ Камчадалы погибли, не спаслись и тѣ, которые сдались. Ожесточенные казаки всѣхъ перекололи. Русскихъ убито 4 человека на приступѣ. Церковь, по отбытіи русскихъ, сожжена Камчадалами.

§ 81. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать къ Харчину <всего 100 человекъ>; къ счастью, партія не дала имъ на то времени. Малолюдные острожки непремѣнно послѣдовали бы ихъ примѣру.

§ 82. Харчинъ соединился съ другими Таіонами и былъ готовъ плыть къ морю, дать бой со служивыми. Но при рѣкѣ Ключевкѣ, при самомъ его выступленіи встрѣченъ онъ былъ партіею. Произошло сраженіе. Онъ отступилъ на высокое мѣсто по лѣвую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 83. Харчинъ думалъ сперва угрозами принудить партію возвратиться въ море, но потомъ, стоя у рѣки, пустился въ переговоры. Харчинъ истребовалъ одного аманата и пошелъ въ станъ казачій. Онъ обѣщался привести въ повиновеніе сродниковъ своихъ и подчиненныхъ. Его обласкали и отпустили назадъ. Но онъ прислалъ сказать, что сродники его на то не согласились. Братъ Харчина и Таіонъ Тавачъ остались съ казаками.

§ 84. На другой день Харчинъ, пришедъ къ рѣкѣ, потребовалъ аманатовъ и допущенія къ новымъ переговорамъ. Казаки на то согласились. Но когда онъ перѣбѣжалъ къ нимъ, они его схватили, а своимъ аманатамъ, плывшимъ съ Камчадалами въ лодкѣ, закричали, чтобы они побросались въ рѣку; между тѣмъ, чтобы ихъ не закололи, прицѣпились къ Камчадаламъ ружьями. Тѣ разбѣжались. Аманаты спаслись. Камчадаловъ разсѣяли двумя пушечными выстрѣлами. Верхоеловскій Таіонъ Тигиль побѣжалъ со своимъ родомъ къ вершинамъ Еловскимъ; Ключевской Таіонъ Голгочъ вверхъ по Камчаткѣ, прочіе — по другимъ мѣстамъ, но казаки ихъ преслѣдовали и всѣхъ истребили. Тигиль долго сопротивлялся, перекололъ своихъ женъ и дѣтей и самъ себя умертвилъ. Голгочъ убитъ отъ своихъ за то, что онъ разорялъ ихъ острожки на рѣкахъ Шаниной и Козыревской, когда они не хотѣли пристать къ его бунту.

§ 85. Между тѣмъ вся Камчатка возстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду Русскихъ, лаской и угрозой вовлекая въ возмущеніе сосѣдей. Казаки Остроговъ Верхняго и Большерѣцкаго ходили по Пенжинскому морю, поражая всюду мятежниковъ. Наконецъ соединилась съ ними команда изъ Нижняго острога. Они пошли на Авачу противу 300 тамошнихъ мятежниковъ и разоря ихъ укрѣпленные острожки, насытивъ убійствомъ, обремененные добычею, возвратились на свои мѣста.

§ 86. Якутскаго полка Маіоръ Мерлянтъ прибылъ вскорѣ на Камчатку. Онъ и Па-

владѣй жили тамъ до 1739 года. Они построили Нижн. Камчат. острогъ ниже устья Ратуги. Имъ поручено слѣдствіе. Ив. Новогородовъ, Андр. Штинниковъ и Сапожниковъ повѣшены, также и челоѣкъ шесть Камчадаловъ. Прочіе Казаки высѣчены кто кнутомъ, кто плетми. Камчадалы,

бывшіе у нихъ въ крѣпостной неволѣ, отпушены на волю и впредъ запрещено ихъ кабалить.

§ 87. До царствованія Императрицы Елизаветы Петровны не было и ста челоѣкъ крещенныхъ.

961. ПУТЕШЕСТВІЕ В. Л. П.

[О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ].

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка драгоценная для меня во многихъ отношеніяхъ никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были приятелямъ Автора, отъ котораго имѣлъ я щастіе получить и свой <чуть ли не послѣдній>. Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ приятелей Автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отпразднелъ въ Парижѣ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи Элегій, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и Эпопеи, но и въ <младенческой>, живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостію... Виноватъ: я бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе

лорду Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невесторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ:

.....
<Поэзія, какъ природа>. <Есть люди, которые не понимаютъ Байрона>; есть люди, которые находятъ и Горация прозаическимъ <спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?>. Пусть такъ; но жаль было бы, если не существовали прелестныя Оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. искренность драгоценна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой и творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи

Съ рѣдчайшаго экземпляра брошюры Дмитріева, принадл. Публич. Библиотека.

чувствъ, и въ Ювенальскомъ негодованіи, и въ младенческой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣію передъ созданіемъ Фауста, но люблю и Эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выпренней (или passionnée)...

962. ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библиотекѣ Графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812 году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ подлѣ-уставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такого рода послѣдніе бываютъ первыми <ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ>, первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Шастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей не знающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowlay; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ, ни Ходаковский никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлегель, не видѣвъ еще *Слова о Полку Игоревѣ*, рѣзко называлъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинно древнее произведеніе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца. Подлинность же самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ.

Прочіе не имѣли всѣхъ мѣстъ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя?—Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библии, которая лежала передъ нимъ..., но въ Ломоносовскихъ [одахъ?] не найдете ни Польскихъ, ни Сербскихъ, ни Иллирійскихъ, ни Болгарскихъ, ни Богемскихъ, ни Малорусскихъ и другихъ нарѣчій Славянскихъ.

§ 1. Слово о Пльку Игоревѣ,
сына Святъславля, внука Ольгова.
Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о пльку
Игоревѣ Игоря Святъславлича
Начатися же тѣй пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: Не прилично ли будетъ намъ, Не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?—Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому *ne*. Иногда *ли* значитъ: *только*, иногда *бы*, иногда *же*; донынѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица *ли* есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ не имѣетъ она иногда никакого смысла и вставляется для мѣры, такъ же

какъ и частицы: и, что, а, какъ ужъ, ужъ какъ <замѣчаніе Тредьяковскаго>.

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ ми поставлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ, рассмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говорить: «Не воспѣтъ ли намъ объ Игорѣ по-старому? Начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени <т. е. по новому>, а не по замышленію Бояню <т. е. не по старому...>. Явное противорѣчіе *). Если же признаемъ, что частица ли смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: Неприлично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начатся же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ бѣшетъ подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени <съ неправою въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ> и предполагаетъ Conditionalную частицу «Неприлично было бы». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій аще кому хотѣше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ».

Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: растекашется мыслию по древу—тутъ пропущено слово *славѣмъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Ниже сіе выраженіе употреблено **).

*) Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Ему, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогахъ», было бы несприятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былинны своего времени старымъ словесамъ.

**) Г. Вельгманъ перевелъ это мѣсто: *былое воспѣтъ*, а не вымыслъ Бояна, *когого мысли текли въ вышину, какъ соки по древу* Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Госп. Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. «Помняшеть бо речъ первыхъ временъ усобицѣ, тогда пушашеть і соколовъ на стадо лебедей и т. д.

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: Поминая преданіе о прежнихъ браняхъ <усобица значить ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное>, напускалъ онъ и проч. Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 палцевъ, напущенныхъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно <томъ 7, стр. 43>: *И такъ, надлежитъ паче думать и т. д.*, [что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ—выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими].

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для Русскихъ Князей доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ. Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ—а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ, въ свою очередь, видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго крайнюю неосновательность и нещастное самолюбіе <томъ II, стр. 388>. Къ крайнему сожалѣнію, Г. Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

«Иже истягнулъ умъ крѣпостію своею». Истягнулъ—вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, испробовалъ <Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею>. «Натянулъ какъ

лукъ, изострилъ какъ мечъ — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: Братіе и дружино! луде жъ бы потяту быти, неже полонену быти.» <Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ ли послѣ не—не имѣетъ силы вопросительной: *Нежели*. Слово *неже* употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*: луде-жъ и т. д.>.

«А всядемъ, братіе, на свои бѣзрые комони, да позримъ синяго Дону.»

Сувѣрїе, полагавшее затмѣніе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было нѣкогда общимъ.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго.» Слова запутаны. 1-ые издатели перевели: «Пришло Князю на мысль пренебречь <худое> предвѣщаніе и извѣдать <щастія на> Дону великомъ.» (Жалость) печаль ему «заступить» (*lumen impedio*) имѣетъ нѣсколько значеній—омрачить, помѣшать, удержать. Пришлась Князю мысль и . . . . . желаніе ему омрачило, удержало. «Спали Князю <въ умъ>, духъ, желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало <запрещало> искусити Дону великаго. <Такъ хочу же, сказать> хошу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго, а любу испити шелономъ Дону.»

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлки ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облаками, свивая «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» <Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу>.

«Рица въ тропу Трояню чресъ полн на горы.»

<«Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно», говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова.> Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ Римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ *Троянова вала*. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ Римскій императоръ. Должно ли не шута опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется <стр. 14, изд. Шишкова>: «вступилъ Дѣвою на землю Трояню... на синемъ морѣ, у Дону». Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакии и т. д. [видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ», говоритъ] <Вельтманъ>? Почему же?

«Пѣти было пѣснь Игореву, того Олга внуку и т. д. [Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая], etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: <комони ржутъ и т. д.—брата Всеволода>.

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стѣдитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю. Оба есѣ Святославичи: сѣдай, брате, свои борзые комони, а мои ти готови.» Готовы значить здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ *неготовыми* <неизвѣстными> дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *немоцными*, то что же бы значило: *готовые кони*—осѣдланы у Курска на переди?

А мои ти Куряни свѣдоми. <Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе.>

«Кмети подъ трубами повити. <Г-нъ Вельтманъ [говоритъ, что] «кметъ» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: *Kar gospóda storí krivo, kmeti morjo plázhat shivo.*>

963. [О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ].

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеализма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сии признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, проида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалимъ» отъ «Энеиды» — всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи Грековъ и Римлянъ. Каждый образованный Европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею — науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ: монахи соскребали съ пергамента стихи Лукреція, Virgilія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полу-денной Франціи; риѣма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало зна-

чущее, отзывалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудностью всегда приносить намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (*summetria*), размѣренность — свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѣмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолеть, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сии слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одними игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились ле, романъ и фаблио.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (*mystères*). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе, но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судьбъ Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и установили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу поработенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагоприятна.

Духовенство, поощаженное удивительною смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіе

двухъ столѣтій, питало искры блѣдной Византийской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои непрерывныя лѣтописи; Архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадёжности. Но духовная жизнь поработеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣйственными восторгамъ и благодѣтельными потрясеніями крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго Сѣвера. Нашествіе Татаръ не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсень, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынь нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось Аристократіи. <Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго Татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ>. Царская власть ополчилась на Боярство; вожди сихъ различныхъ усилий, Цари и Бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отсѣлъ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ [Даніей], условія, подписанныя Польскимъ Королевичемъ Аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный могущественнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпріятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ

побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составкахъ государства. Даже мѣры *революціонныя*, предпріятыя имъ по необходимости въ минуту . . . . и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ. <замѣчательный неуспѣхъ онъ . . . >.

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проникательный. Онъ возвысилъ Теофана, ободрилъ Копіевича, (побранилъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, проницательство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, воцарилась Елизавета. При ней рождается Русская словесность.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный могущественнымъ самодержавіемъ Петра, низпровергнулъ все старое, и Европейское *вліяніе* разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учреждений.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны.

Петръ Первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою *новыхъ идей*, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ Государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и нѣсколько въ лѣтописяхъ.

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ Молдавскаго Господаря, юноша, обрусѣвшій въ лучшихъ . . . . и въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горация и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ Холмогорскаго рыбака скитался по Германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и (передавалъ)

звучному Русскому языку [отголоски Нѣмецкой поэзіи]. (Тредьяковскій трудно учился).

Но, приступая къ описанію словесности Русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ Европейской поэзіи: нашествіе Мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полуафриканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу имени Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи <что довольно странно> отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камюэнсомъ, *rima des triolets, fit fleurir la ballade*. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтанъ, циникъ Раблэ были современниками Тассу.

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданий de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнаруживалъ свой коранъ, и Французская словесность ему покорилась.

Р. С. Не должно думать, однакожъ, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: Сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужъ о многочисленныхъ подра-

жаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

*

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-русовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсари, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію обвиненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

*

Нѣкто у насъ сказалъ, что Французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во Французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (*opinion déplorable*). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выражен-

ная: *Маротъ* былъ камердинеромъ Франциска I-го <valet de chambre>, *Moliere*—камеръ-динеромъ Людовика XIV; *Буало*, *Расинъ* и *Вольтеръ* <особенно *Вольтеръ*>, конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое Французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію принаравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ Французскихъ поэтовъ былъ [?] изъ Парижа. *Вольтеръ*, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полушутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ Французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно *Мильтону*, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей *Геолии*. Публика <о которой *Шамфоръ* спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?>—легкомысленная, невѣжественная публика была единственнымъ руководителемъ и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они . . . . . обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлю: выманить себѣ (репутацию) или деньги. Въ нихъ явѣ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ языческому: жалкій народъ!

*

Не смотря на ея видимую ничтожность, *Ришелье* чувствовалъ важность литературы. Великій человекъ, унижившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и . . . . ., были призваны ко Двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили <придворную> должность. *Корнель*, *Расинъ* тѣшили короля . . . . . трагедіями; *Буало* воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; *Боссюэтъ* и *Флешетъ* проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ *Мольеръ* при Дворѣ смѣялся надъ придворными.

Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу Великаго Короля. Были изключенія: бѣдный дворянинъ *Лафонтенъ*, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; зато *Лафонтенъ* умеръ безъ пенсіи, а *Фенелонъ*—въ своей епархіи, отдаленный отъ Двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, Аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ Дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзии, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ Господствующей Религіи, вѣчнаго источника поэзии у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, хододная и осторожная, и насмѣшка, бѣшенная и плошадная. *Вольтеръ*, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслю умственной дѣятельности человека. Онъ написалъ . . . . . съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ онъ свои лица, къ стати и не къ стати, выражать правила своей философіи. Онъ выводилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риемою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзии; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены къ жертву Демону смѣха и ироніи. Вліяніе *Вольтера* было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенныя слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый *Руссо* провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій *Дидротъ* есть самый ревностный пзъ его

Апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма, Гиббона и Вальпола привѣтствуетъ энциклопедію. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотошъ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голодъ молодого Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI низходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая [Академія?] созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка <какъ называли Французы вѣкъ Людовика XIV> исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія Свящ. Книгъ обругана; поэзія истощается, превращается въ мѣлочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная, очарованная славою Французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты кафедръ провозглашаютъ правила Французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприщѣ философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрывается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и

взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездною поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены Европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ искрахъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія Скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувѣра и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: *Письмъ о Полку Иуревъ*.

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностію. Постоянное бореіе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина. <Вольтеръ>. Фонъ-Визинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею рими, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degouté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — одинъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-те Жанлисъ овладѣваютъ Русскою словесностію...

964. ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Англійской Аристокраціи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Нормандца Ральфа де Бюронъ <или Бирона>, одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ Англійскихъ лѣто-

писяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ

приобрѣтенная, принесла ему мѣлочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго Байрона, предавая имя его на произволъ молвъ, <ко всему равнодушной и ничѣмъ не уважающей>.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго порта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчитливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, Владѣльца Гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. <587,500 руб.> были разточены въ два года — и Mistress Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го Января, Леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. <Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, Наслѣдница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона>. Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу и Лордъ Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, Леди Байронъ удалась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Нью-Стида, долги ея не превышали 60 фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унижительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году Леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осмыслѣннѣй Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. 17 лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь. <Memoires 31—33, quelques mots>.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый Лордъ Вильгельмъ Байронъ. Четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленький Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода. Какъ несовершеннолѣтнѣй, онъ отданъ былъ въ опеку Лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и воспитанная Mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Мери Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ Адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Hawort'a. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шума, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самыя нелѣпыя слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ Ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники (его) были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ Лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый Лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставлялъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рочдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права <что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю>.

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ*.

Первые годы, проведенные Лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдности, не соответствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувственность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — [частію

врожденные, частію] заимствованы. Муръ справедливо замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны — смѣлая предприимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ Лордомъ Вильгельмомъ, сильно дѣйствовала на воображеніе его наслѣдника — многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды Мистриссъ Байронъ выбрала его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

ОБЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

<Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года>.

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторіи Пугачевского бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на одну ошибку и на три важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ челоука, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченные погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъясненіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ бо-

лѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ «Исторіи Донскаго Войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что «Исторія Пугачевского бунта», не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно, не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъясняя сожалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевского бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистію Байрона и

проч., признаетъ, что эта книга «есть драгоценный матеріалъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначашіе недосмотры, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную». За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи поэтическіе вымыслы и недосмотры «не въ судъ и осужденіе автору, единственно для пользы наукъ, для его и общей пользы». Будемъ слѣдовать за каждымъ шагомъ нашего рецензента.

Критика г. Броневского.

«На сей-то рѣкѣ <Яикѣ>, говоритъ г. Пушкинъ, въ XV столѣтіи явились Донскіе казаки».

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ Истории Уральскихъ Казаковъ г. Левшина <см. Прим. 1.3—8 стр.> должно было убѣдить автора, что Донскіе казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе.

Есть разница между появленіемъ Казаковъ на Яикѣ и поселеніемъ ихъ на сей рѣкѣ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается о Казакахъ не прежде какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о Татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но Татары существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полубаснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ какъ могла она <Гугниха> помнить происшествія, которыя были почти за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Іоанновны — по преданію.

Критика г. Броневского.

Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Ист. Пуг. Бун.», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ <26 стр. мелкой печати>, которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить не лзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ

ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе.

Полное понятіе о внутреннемъ управленіи Яицкихъ Казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное <т. е. пространное> примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видалъ никакой нужды пересказывать то, что было уже сказано какъ не лзя лучше г. Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще доставилъ мнѣ свою книжку, слѣвавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневского.

«Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ «царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ увлечь за собою множество «Донскихъ Казаковъ въ Турцію». Стр. 16.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго и другія.

Объясненіе.

Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на Турецкіе берега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра I-го въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены покровительству Крымскаго хана <къ великой досадѣ Петра I-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя>. Положившись на показанія рукописнаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святыхъ угодникахъ», я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ Графа Миниха, въ то время, какъ Запорожцы признали снова владычество Русскихъ Государей*). Но это показаніе несправедливо: Некра-

*) Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и прѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищей.

совцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя успѣшныя изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго.

«Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. По-слано повелѣніе въ Черкасскъ съехать домъ «Пугачева... Государыня не согласилась по просьбѣ начальства перенести станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное; она согласилась только переименовать Зимовѣйскую станицу Потемкинскою». Стр. 199.

Въ 1772 году войсковою атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ наказные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ Донской Исторіи не видно, чтобы правительство приказало съехать домъ Пугачева; а видно только, что, по прошенію Донскаго начальства, Зимовѣйская станица перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. «Исторію Д. Войска» стр. 88 и 124 части I.

Объясненіе.

Въ 1773 и 74 войсковымъ атаманомъ Донскаго войска былъ Семенъ Сулинъ, <а не Силинъ>. Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войскового атамана Семена Сулина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1836 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ «Исторіи Донскаго Войска» (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный и, къ сожалѣнію, не единствѣнный въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспариваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе съехать домъ и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Исторію Донскаго Войска», гдѣ о семъ обстоятельстве опять не упомянуто. Укажь о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года Января 10

<Въ казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 Января>. Вотъ собственные слова указа:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣть Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ съездѣ, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепель развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствою на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для Донскаго общества, яко оскорбленнаго пошепеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени—хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ.»

Я имѣлъ въ рукахъ донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа <иначе и быть не могло>. Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей Зимовѣйской станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашелъ; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская Станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовѣйскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго.

Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофіма Оомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился милостиною!! и въ 1771 году былъ на Кумѣ.—Но Пугачевъ

въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до Семилѣтней Войны промышлялъ, по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой Турецкой войны скрывался между Польскими и Глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мирное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской Земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объясненіе.

Показанія мои извлечены изъ официальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Оомина и наконецъ самого самозванца, въ концѣ <а не въ началѣ> 1772 года приведеннаго въ Малыковскую Канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратился домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за Польской границею и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею <о чемъ Ооминъ не упоминаетъ ни слова>. Г. Броневскій, копируя сие послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово милостыня и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія <!!>; но что жъ удивительнаго въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда сличить мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевского бунта», кажется, не читалъ и манифеста о преступленіяхъ Казака Пугачева, въ которомъ именно сказано, что онъ кормился отъ подаянія <См. манифестъ отъ 19-го Декабря 1774 года, въ «Приложеніи къ Исторіи Пугачевского бунта»>.

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Оомина и официально обнаруженное извѣстіе, пишетъ, что Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ до-

стать не могъ. Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ концѣ того же года не съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ Русскимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго Форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, по обычаю предковъ (!), промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано и опровергнуто официальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ подозрѣваемъ въ воровствѣ <см. показаніе Оомина>; но до самаго возмущенія Яицкаго Войска ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ.

Г. Броневскій, оспаривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенные имъ въ «Исторіи Донскаго Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостію, и съ неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную; но что, къ нещастію, ему недоставало самой лучшей и нужнѣйшей прикрасы—добродѣтели; что отецъ его былъ убитъ въ 1738 году; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостію и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей равныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ никакой власти; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ; что честолюбіе мучило его; что вслѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле; что онъ поѣхалъ на востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу; что встрѣтивъ четырехъ удалцевъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать; что, вѣроятно, онъ занимался разбоями голько во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ; что Генералъ Тотлебенъ, во время Прусской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружающимъ его чиновникамъ: «чѣмъ болѣе смотрю на сего Казака, тѣмъ болѣе поражаюсь сходствомъ его съ Великимъ Княземъ» и проч. и проч. <См.

«Исторію Донскаго Войска» ч. II гл. XI>. Все это ни на чемъ не основано и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго Нѣмедкаго романа «Ложный Петръ III», не заслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей «Исторіи» вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневского.

«Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощенье, задержалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ Оренбургскому Губернатору сотника Лонгинова съ предложениемъ о выдачѣ самозванца.» Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говорить, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историкъ, конечно, показалось труднымъ сличать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его обязанность, а не читателей.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста и примѣчаніе на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татишевой, Пугачевъ съ 60 Казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую Слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощенье, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложениемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«Примѣчаніе. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ

и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.»

Шигаевъ человѣкъ лукавый и смыслепный, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитраго самозванца; но не думаю, чтобы онъ его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневского.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены Казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу.» Въ примѣчаніи же 51-мъ (стр. 16), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своему разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдно-плавильномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикашиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.»

Мѣсто дѣйствія находилась въ окрестностяхъ Уфы а потому прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе.

Если бы г. Броневскій потрудились взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскъ (а не въ Тобольскъ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскъ, который не существуетъ).

Критика г. Броневского.

«Солдатамъ начали выдавать въ сутки по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной.» Стр. 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объясненіе.

Очевидная опечатка: вмѣсто четыре фунта, должно читать четверть фунта, что составитъ около десятой части

мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Объ осадѣ Яицкой Крѣпости», откуда заимствовано сіе показаніе. Вотъ собственныя слова неизвѣстнаго повѣствователя: «Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи.»

Критика г. Броневскаго.

Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой Крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу Полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать въполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что-либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего ненапечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ такъ же въполнѣ, какъ Рычкова—объ осадѣ Оренбурга и Архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объясненіе.

Я не могъ помѣстить въсѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 29. «Михельсонъ, оставя Пугачева въправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея.—Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышалъ пушечную пальбу!...» Маленькій недосмотръ!

Объясненіе.

Важный недосмотръ: вмѣсто въ пятнадцати верстахъ, должно читать въ пятидесяти.

Критика г. Броневскаго.

«Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 Августа на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Чернойрска.» Стр. 155—156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ ниже Царицына; а какъ между симъ городомъ и Чернойромъ считается только 155 верстъ,

то изъ сего выходитъ, что онъ переправился черезъ Волгу ниже Чернойра въ 20 верстахъ.—По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подъ самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Чернойру, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста:

«Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ Казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Чернойрска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе какъ съ тридцатью Казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули.»

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который ночью обошелъ Пугачева и, слѣдственно, разбивъ его, погналъ не внизъ, а вверхъ по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель <ибо г. Броневскій писалъ военныя книги> могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго.

Къ VI главѣ 6 примѣчанія не достаетъ. См. 123 и 55 стр.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже городовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ читателя.

Объясненіе.

Цифръ, означающій ссылку на замѣчаніе, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но она была необходима, и я не имѣлъ возможности составить другую, болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Сии немногіе недостатки ни мало не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною вниманія публики.»

Если бы всѣ замѣчанія моего критика были справедливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна вниманія публики, которая въ правѣ требовать отъ историка если не таланта, то добросовѣстности въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надѣюсь, читатели согласятся, что Тобольскъ вмѣсто Табинскъ, въ пятнадцать верстахъ вмѣсто въ пятидесяти верстахъ, и наконецъ четыре фунта вмѣсто четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующіе errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: Митрополитъ—читай: простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать саженей вышины—читай: зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію—читай: Петръ I изъ Вѣны поспѣшно возвратился въ Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу, бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составленіе ста шестидесяти осьми страничекъ, такое пренебреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій <предметъ для меня совершенно новымъ> не имѣлъ я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній Казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и тому подобнаго — показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи

мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память историческою критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевского бунта» не открывала ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ Исторіи Пугачевского бунта», составляющія весь второй томъ, всякій легко удостоится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинною ученостію и добросовѣстностію—достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приѣма, конечно, не за самую «Исторію Пугачевского бунта», но за историческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневского. Вотъ доказательство, какое влияние имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ исторiku.

Въ своей «Исторіи Донскаго Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова», и, наконецъ, преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ — и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой провѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на нѣкоторые мысли <къ сожалѣнію, не поэтическіе>, на нѣкоторые недосмотры и явныя несообразности.

Привода вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнія, но въ послѣдствіи могли подать ему мысль называться Императоромъ». А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ принялъ предложеніе Яицкаго Казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III». — Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историкъ не слѣдовало о немъ и упоминать и того менѣе — выводить изъ него какое бы то ни было заключеніе. Государь Петръ III былъ дороженъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза; самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малорослъ; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 Генваря 1773, раскольники <въ Яицкомъ Городкѣ> взбунтовались и убили какъ Генерала <Траубенберга> такъ и своего Атамана.

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугачевского Бунта и пр.

Стран. 102. «Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29 Апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; Губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29 Апрѣля 1774, а 13 Ноября 1773; въ Апрѣлѣ 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ Горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время <въ Январѣ 1774> самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ Январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ, и разбѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ, а Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной гибели.

Описывая первыя дѣйствія Генерала Бибикова и медленное движеніе войскъ, иду-

щихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ Донскими Казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ».

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскій пишетъ: «Новый главноначальствующій, Графъ Панинъ, не нашелъ на мѣстѣ <на какомъ мѣстѣ>? всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою».

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно Полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначущихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ. Г. Броневскій не говоритъ ничего о Генералѣ-Майорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту несчастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ Горахъ, его быстрое неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго Городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: «Онъ <Мансуровъ> освободилъ Яицкій Городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти: ибо они уже употребляли въ пищу землю.»

Политическія и правоучительныя размышленія *), коими г. Броневскій украсилъ

*) Напримѣръ: «Нравственный міръ, такъ же какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзкаго разсматривать оныя. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, въ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра,

свое повѣствованіе, слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи, мнѣ знакомой,—непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь»—говоритъ онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска»—«принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ леченія Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Вхатъ въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ—слишкомъ холодно и скучно; и такъ

15 Сентября 1831 года отправился я въ Новочеркасскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осмыслившаю мое пребываніе въ городѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края» и проч. «Въ послѣдствіи, увѣрившись, что въ словесности нашей недостаетъ исторіи Донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя вмѣсто статистическихъ и хронологическихъ изслѣдованій о Казакахъ, подробный отчетъ о леченіи автора; но кто не знаетъ, что для больного человека здоровье его не въ примѣръ занимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

966. ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Пушкина.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу Полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастному походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отстав-

ленъ отъ службы съ чиномъ Бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщицѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ Графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amuseans et satiriques de messire J. M. D. B., C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai 3 volumes. Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онъ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежною увѣренностію

того благаго начала, той духовной части, которая разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человекъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева поддержаны были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего.»

дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философiей челоуѣка, знающаго цѣну славы и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plaît, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотворенiями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ неприятельскою.

Впрочемъ, онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Également comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en
espérance.
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставного Бригадира находились не въ цвѣтущемъ состоянiи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г., лучшее мѣсто изъ всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровенiй, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вѣрствъ искреннихъ сказанiяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженiя при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour secourir ces braves Hongrois *), на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанiя, и вольныя сужденiя нашего автора, будучи увѣрены, что такія нападенiя не могутъ повредить ни славы Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки Бригадира Моро», какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованiями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

*) Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ среду Турецкой конницы.

[ЗАПИСКИ МОРО-ДЕ-БРАЗЕ].

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ *) обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридрихомъ-Августомъ <королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ> и надъ Его Царскимъ Величествомъ **) бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій Престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единого королевскаго титула. Въ это время Шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положение его было самое счастливое: у него было до 40.000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ, и дѣляя десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная дѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридрикъ-Августъ былъ изверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его Дворѣ; но герцогъ Марлбургу отвратилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ ***). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества — роковое предпріятіе, дорога ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ,

для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20.000 войска (въ томъ числѣ 9.000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау, а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился черезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣпился, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отпугнуть у непріятеля способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дотолѣ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣты, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, бросился съ тремя стами конныхъ въ Турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство Буджакскихъ Татаръ, и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ нашествія Шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, нестати обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился онъ въ Польшѣ и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Синявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканию *) и дабы вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его заветы. Но Шведы, большею частью кое-какъ и кое-гдѣ набранные люди разбили ихъ наголову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить непріятелю и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Лифляндію. Между тѣмъ короли Датскій и Польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже усиленно отла-

*) Моро де-Бразз относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ. — *Прим. А. С. Пушкина.*

**) Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридрихомъ IV, который началъ Сѣверную войну и первый почувствовалъ язги Шведскаго льда. *Прим. А. С. П.*

***) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ не согласенъ: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiewitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. — *Histoire de Charles XII. — Прим. А. С. П.*

*) Шоны. [Прилѣчаніе род. «Современ.» 1837 г.].

пить *) Нарву, дабы защищать Петербургъ — новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ Невѣ (Neva) въ началѣ войны.

Сего не довольно: повое бѣдствие поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіе короля учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Скани, въ Померани и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоёванія осадой Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани въ Балтійскомъ Морѣ.

Князь Меншиковъ завоёвывалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предавала ихъ въ его руки и увѣчала его лаврами, межъ тѣмъ какъ осыпала кияриномъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меншиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта Брекольса (Brecols) **) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдавать во всемъ отчетъ Его Царскому Величеству ***). Онъ принятъ былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи <Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ>.

Порта испугалась быстроты сихъ завоёваній. Султанъ и его сановники предвидѣли, что сосѣди ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоёваніе Азова ****) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи оного сдѣлалъ значительныя улучшения и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ее уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей оного, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меншикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной кампаніи. Онъ сталъ не-на-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольдъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь

*) Dout il avait déjà écorané Narva.—Прим. А. С. II.

**) Беркгольдъ, генералъ-майоръ.—Прим. А. С. II.

***) Все это писано надобумъ. Выборгъ взять былъ не Беркгольцемъ, но сдался генералъ-адмиралу графу Апраксину, въ присутствіи самого Царя, 11 Іюля 1710 года. Пернау взяли 14 Августа того же года не княземъ Меншиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отраженнымъ изъ-подъ осажденной Риги. Ревель взяли иль же, Боуромъ, 29 Сентябра и проч.—Прим. А. С. II.

****) Asof, sur la Mer-Noire, иишегъ Моро.—Прим. А. С. II.

однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой поргретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшіи Выборгъ, Ревель и Перновъ <кромѣ конницы> распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію <dans la Haute-Pologne et dans la Russie Polonoise>, гдѣ легче было ее про довольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *).

Около Полбріа мѣсяца куррьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-комиссару Лифляндскому, барону Левенвольду, приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибѣдетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніе войны, неминусимой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь предложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго Моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридрихомъ-Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава короля Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоёванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основаній.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридриха-Августа, курфирста Саксонскаго, если курфистъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратитъ прежнюю волюность и преимущества.

VI. Возвратить н а т у р о й и л и и н а ч е все, что король Шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному Моря не приближаться.

Если бъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. За то ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Царѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между тѣмъ, какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготовляли войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ прѣготовленій и въ самое то время, какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей, праздновалъ князь Меншиковъ и праздновалъ по дарски. Но молодой герцогъ такъ былъ неподдержанъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много шилъ Венгерскаго <къ чему Русскіе привыкли>, что черезъ шесть дней послѣ свадьбы

*) Огсѣлѣ разсказъ Моро становится достовѣрнымъ.—Прим. А. С. II.

онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ почлегѣ, и умеръ черезъ нѣтъ дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы.—Герцогъ былъ любезный молодой человекъ и много общался.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго Герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Чернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Дибстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распрѣдѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приуготовленіями, отправилъ казну и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ непріителемъ въ Лифляндіи.

24 Февраля 1711 года дивизія князя Рѣпинна, стоявшая около Ревеля и Чернова, выступила въ походъ къ Подолію, назначенной сборными мѣстамъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Литвы съ своею дивизіей; то же слѣдали генералы Вейде и баронъ д'Энгобергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгунъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для поставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Дибстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ лѣ. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ въ Митаву, Вильну, Новогрудскъ, Слуцкъ, Давидовградскъ <отъ коего въ шести Французскихъ лѣхъ переправился черезъ Дибиръ, рѣку опасную, не имѣющую береговъ, и разлившуюся направо и налево, на разстояніи нѣсколькихъ лѣхъ>, потомъ на Полось, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосць, Тарнополь, Сатонопъ и Шарградъ <Разградъ>, гдѣ настигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою, Турки его опустошили; теперь одинъ развалины свидѣлствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродяхъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной, генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и пѣхотными полками Пингер-

мапландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ черезъ Дибстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ и занялъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею частью вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные вору.

Дивизія генерала Алларта достигла Дибстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ переправился черезъ Дибстръ на понтонахъ, и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генералъ Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабелей, нѣсколько боченковъ пороху, но мало свѣтлыхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Аллартъ, сверхъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженероу своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ и начертать вѣрную карту театру войны.

Покаместъ, по его приказанію, войско занималось работами, генералъ-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ вѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 Мая дивизія генерала Адама Вейде заняла Дибстровскія высоты въ полчасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долині, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 Мая, генералъ князь Рѣпиннъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ долины.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ держась условій Карловидскаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, оставшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12 іюня *) <ст. стилъ> государь прибылъ

*) У Моро поставлено здѣсь 2 іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день <іюня> прибыли <Ихъ Величества> съ гвардіей къ рѣкѣ Дибстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта»; отсюда и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ.—Прим. А. С. П.

на берегъ Дибстра съ Императрицею, съ своими министрами, съ казною, Преображенцами и Семейцами (les Breobraesenski et Simonovski), своею гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ салятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами (тоже и Пингермандландскій и Астраханскій). Въ лагерѣ или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13 июня, по утру, Его Величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала Алмарты, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осматривалъ онъ артиллерию и возвратился въ лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семьѣ совѣтѣ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, если бѣ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ Пѣмеккихъ генераловъ, *) которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на замѣнитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это знали, комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закушки быковъ, а въ Украину для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Дибпра, [Дибстра?] и который рѣшилъ всю судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава <Рагузинскій>—всѣ трое тайные совѣтники <тоже, что во Франціи министры>, генералъ Рене, князь Рѣпинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукий и Брюсъ <все генералы или лейтенантъ-генералы>. Они составляли партію Русскихъ. Партію Пѣмекъ составляли генералы: баронъ Алмартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольдъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣмъ.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать. Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ будто въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ-симъ учинили набѣгъ на Русскую Украину и на землю казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Ясса, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Пѣмекіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они пола-

гали нужнымъ оставаться на берегахъ Дибстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что и съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Дибстру; что можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берегъ Дибстра, не должно, однако, оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость, и военный магазинъ en y établissant un pont <?> de communication; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ <на Дибстрѣ>, и что такимъ образомъ Его Величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Дибстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить стѣнью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Дибстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно, по крайней мѣрѣ, пять дней проходить необитаемую стѣну, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за стѣнью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоявшая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отваживаться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благоприятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, Пѣмды просили Его Величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло, каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Дибстра и устроимъ магазины, Турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или отчасти, между-тѣмъ какъ Его Величество, имѣя тылъ свой свободнымъ, усилятъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безъ всякаго препятствія проводить непріятеля въ его собственную землю, и тамъ расположиться по своей волѣ и приготовиться къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспротивились. Генералъ Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что непріятно было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ, должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго госпо-

*) Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро Прим. А. С. П. Какъ замѣтно, что здѣсь говорить иностранецъ, приверженный къ своей партіи. Прим. А. С. П.

даря, готовы были возмутиться при первом вступлении наших полковъ въ Турецкія границы; что, по донесеніямъ генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продолжать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать не возможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры, и генералы охотно ему послѣдовали, и вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ положено было переправиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его посовѣтовали Его Величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступить отъ своихъ намѣреній. Но, зная, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, дѣйствительно и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекли государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою. *) Таково было, по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16 іюня рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларта и Денсберга выступили въ походъ; 17, Его Величество, съ Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою, пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовали генералъ-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и коница, приведенная изъ Ярославля генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть туда доставлены **).

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссы, на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество не долго томился въ пустыняхъ; маршируя днемъ и ночью, достигнувъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою, на собственныхъ подводкахъ и на лошадахъ свиты своей, подкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы.

*) Напоминаемъ читателю сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и полныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ. Редакция. [Современника середины 1837 г., значитъ послѣ смерти Пушкина].

**) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ <при городкѣ Сорокѣ> Аллартова дивизія до 20-го іюня, а Вейдова и князя Рѣпина до 22-го». — Прим. А. С. П.

Солдаты бросились пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводія. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды *).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 23 іюня государь вѣдигъ осматривать лагерь генералъ-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ государю свой портретъ, осыпанный алмазами <что вполнѣдствіи времени пригодилося сему Турецкому даннику>. Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутѣ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣпинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26 фельдмаршалъ и государь посѣтили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдалъ честь по всему фронту, и самъ государь салатовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27 іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушалъ онъ обѣдню и гдѣ придворный священникъ **) дѣлалъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасадамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ столъ необыкновенной длины, и за которымъ насчиталъ я до ста-десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ стола. По правую руку находился молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, Министры: баронъ Шафировъ и Сава <Сава Владиславъ Рагузинскій>; на углахъ стола генералы, генералъ-поручики, генералъ-майоры, бригадиры и полковники и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особенное, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи

*) Степи Буджакскія не песчаныя: онѣ состоятъ изъ зеленой, высокой равнины, усыянной курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ рассказчика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею. Прим. А. С. П.

**) Ософанъ Прокоповичъ. Прим. А. С. П.

трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино дѣется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго человека, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности *).

Императрица, съ своей стороны, угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки сроки свиданія неизвѣстны, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстия. Если же и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Алзартъ и генераль-майорина Гинтеръ одиѣ представлялись къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался полный день, и никому не позволено было выйти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часа вечера. Пили, такъ ужъ пили (on y but se qui s'appelle boire). Всякое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпина привезъ письма къ Его Величеству. Генераль давалъ знать, что 4,000 быковъ, 8,000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ тѣлѣжекъ съ рожью, мукою (et de grit) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлялъ, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генераль-фельдмаршалу.

28 июля мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долигѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29 июня <по нашему приходится 10 іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго стиля> въ день святаго Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами пришелъ поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день, и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобы я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на коня и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ и что онъ беретъ быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ

приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляютъ тѣлги, ибо выучены лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ <5 à 600 lieux>.

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показали на утренней зарѣ и ударили <въ разсыпную, по своему обычаю> на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человекъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Рона <de Roop> конно-гренадерскаго полка 1001 бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмого, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, падъла тутъ чудеса пбылъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, завшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова *) (Chonsof), родомъ Русскаго, который былъ отряженъ съ 2,500 человекъ конницы на подкрѣпленіе Рона и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генераль Янусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы исправить сію неудачу и предупредить болѣе несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и вслѣдствіи старался уговорить бригадира Шенсова, чтобы онъ, по-крайней-мѣрѣ, хотъ показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разбили эту сволочь и освободили лагерь <le front du camp>.

Никогда генераль Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глотать такую пилюлю не морщась и не жалуясь, потому что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого пбудъ изъ Русскихъ не доставало ума или храбрости **).

Какъ войска скоро соединятся, то позволте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнoкомандующій—генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ <Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генераль-лейтенанта>.

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человекъ состоящій. Всего 11,200 человекъ. Начальниками оной были: генераль Вейде, генераль-лейтенантъ Беркгольдъ (Brecols), генераль-майоръ Голосинъ (Goloscine) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боръ.

Дивизія Рѣпина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генераль-лейтенантъ князь Долгорукій, генераль-майоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

*) Таковъ и фамилія нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства <стариннаго>, ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шенищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году.—Прим. А. С. П.

**) Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи Русской.—Прим. А. С. П.

*) Въ старину пили не по нашему. Предки наши говорили: пьанъ да умень—два угоды въ немъ. Впрочемъ, пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно искажаютъ большихъ отъ пьянства и распутства. Прим. А. С. П.

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генераль-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquinguo), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизионные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Нѣмцы же онаго не имѣли; особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генераль-лейтенанта, ни генераль-майоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генераль-фельдмаршала, не любившаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и не подававшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки *). Однакожъ баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и дѣльными арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 батальоновъ, всего 15,000 человекъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генераль-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева <сына фельдмаршала>; сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1,500 человекъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1,000 человекъ, была подъ начальствомъ поминутаго генерала, генераль-майоровъ Волкоискскаго и Вейсбаха и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Люискаго и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генераль-майоры Витманъ и Шариковъ (Chericof), самый образованный и любезный изъ всѣхъ нѣмѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составившій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміею и остался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузиліровъ, между тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (*maitres, reitres?*), сопровождалъ государя въ его побѣдкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сіи отряды составляли на Діѣстрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призывными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, огъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на тѣлѣгахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая тѣлѣгъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми <ce qu'ils appellent les enfans des corps> <кадеты?>.

При каждомъ полкѣ находятся также малыя

тѣлѣги съ амуніціею, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10,000 казаковъ и 6,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли, какъ и Татаре. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, если бъ вовремя ввели ее въ непріятельскія земли и если бъ ее не раздѣлили, какъ въ послѣдствіи увидите.

20 іюня Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить 15,000 человекъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединить войско свое съ войсками Его Величества и доставить намъ жизненные запасы.

Генералъ-поручикъ Беркгольдъ былъ единственныи Нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V <Лотарингскаго>, который во второй походъ, послѣ снѣгѣ Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ, какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали втупѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію, *) 4,000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберечь намъ отступленія и для сопровожденія прованта, въ случаѣ, если бъ мы остались въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ прибывъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ и съ самой счастливою фizioноміею. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршалскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ лѣтучихъ кузнечиковъ <саранчу>. Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо зсѣли они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который сѣбденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перешелъ черезъ Прутъ 30 іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь со своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охра-

*) См. выше прим. редакціи [примѣч. ред. «Современника» 1837 г.]

*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ <5,056>, батальонъ Ингерманландцевъ, да 5,000 Молдаванъ. Прим. А. С. П.

пешемъ 500 гренадеръ для дивизіи князя Рѣпина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его прѣѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ майорамъ отрядить по 20 человѣкъ съ каждой бригады для устройства двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безирепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдныя понтоны оставались при Его Величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа <30 іюня> генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день поутру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерѣ Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7 іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки стануть переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ, въ случаѣ, если войска выступить въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя майорами и 20-ю драгунами, для надзирающаго за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8 іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между тѣмъ, экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагодарасудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астрахаискаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9 іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагерьмъ. Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ рогатокъ. Никетъ отозвали; но приказанію генерала Януса, два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеній стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкинъ прѣѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошлаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ являющимися генераламъ Янусомъ для за-

щипленія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадою къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое-большаго числа Татаръ.

Но какъ они часть-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимоверною, но которая часть отъ часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ, да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерцевъ, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же, какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣлости принца Рогоди, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудро управиться съ Татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью Венгерцами въ толпу Татаръ и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать пали тутъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло 65 Татаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, т. е. хотѣли и не очень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генералъ Янусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности и завязать дѣло съ непріятелемъ.

Пока Татары привлекали на себя наше вниманіе, генералъ Янусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезопасно еще большимъ числомъ Татаръ и даже самими Турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальныхъ экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣснѣнными, ведущими къ мостамъ, что и производилось во весь тотъ день и въ ночи.

Между тѣмъ Татары, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа пополудни отступили, наскочившись вдоволь, и, такимъ образомъ, дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 іюля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки онѣ могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумя-стами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человѣкъ съ бригады для дѣланія фашиныхъ мостовъ черезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ-Прутомъ, и протекавшій во ста шагахъ отъ нашего лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты поспѣли къ полудню 11 іюля. Въ 5 часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютан-

товъ Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы 12 іюля оставили лагерь, и въ одной милѣ отъ оного нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась и такимъ образомъ расположилась вся по одной линіи. Царь съ полками Преображенскимъ, Семёновскимъ, Астраханскимъ и Ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ, лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го армія пошла въ походъ, принимая вѣдво. Экипажи составили вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагеремъ, принявъ вправо *<en faisant à droite>*. Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли накануне и какъ цѣлый день маршировали *<т. е. въ одну линію>*.

14-го мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ вблизи лѣсовъ разбѣнныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ, по берегамъ Прута, назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же, какъ и въ предыдущіе два дня.

15-го армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа пополудни. Мы въ тотъ же день видѣли за сей горою старинную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четверугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовашіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-Латыни, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ свихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собствѣнные владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долинѣ. Кровавопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одиннадцатыо стрѣлами. Но побѣдитель, въ то же самое время, какъ приносилъ Богу благодаренія, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ же сраженіи, и которой онъ горючи не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государя одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ срединѣ коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу.—Потомъ входъ въ комнату былъ задымленъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли

прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдавнина: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ, въ трехъ миляхъ отсѣбъ, ежегодно въ Мартѣ и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобно тѣмъ, кои употребляютъ нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожаи. Въ заключеніе, онъ насъ увѣрялъ, что съ глѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ, и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы поѣбрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворяниномъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го Его Царское Величество приказалъ выслать 1.000 человѣкъ конныхъ грендеръ, подъ начальствомъ г. полковника Ропы, съ двумя вожатыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со всѣми своими Молдавскими дворомъ. Полковникъ Ропъ имѣлъ повелѣніе извѣдывать всю сторону, находившуюся вѣдво отъ арміи, вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли непріятелю напасть на насъ съ тыла. Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя-стами грендеръ для охраненія лодокъ, составившихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміею, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что Татары, въ числѣ 20.000, перебрались чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣснѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки грендерскіе взводы въ пѣкѣ торомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвше между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генералъ князь Рѣпинъ, слѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или арьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79.800 человѣкъ, не считая казаковъ и Молдаванъ, и по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Ясса, все еще составлявшая 55.000, уже не составляла и 47.000, какъ то оказалось на смотрѣ слѣланномъ 17 іюля по приказанію государя; слѣдствие безпрестанныхъ трудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 Февраля *<нов. ст.>*. По счастью, смертность пала на большей части на однихъ рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу и доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составившихъ 4.000 человѣкъ, на семъ смотрѣ 724 оказались убившими, изъ коихъ только 56 убиты въ помилутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ и имѣлъ честь при-

носить ему приказы и всякий день приходило узнавать от него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился к нему. Он просил меня прийти за ним на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его к Царю, к чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы к Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль или <16 лѣ> до того мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпионовъ <coureurs ou espions>, должны были наводить свои мосты. Если бы генералъ ихъ нашелъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгунъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другого. Въ случаѣ же, если Турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію оного; выступили изъ лагеря въ 5 часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными пазами, за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя стами рейтаровъ <mailles?>, дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодою атаковать непрітеля. Въ такомъ порядкѣ какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11-ти часовъ утра, прошелъ не болѣе какъ 2 мили <или 4 Французскихъ лѣ>, вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно въ тѣснѣнѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще шли. Генералъ Янусъ, г. Видманъ <генералъ-майоръ> и я повѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ уже становилась дорога.

Генералъ Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, непримѣтно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли мы передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостью и быстрою. Мы тотчасъ съѣхали вѣвво, въ густоту деревь, растущихъ на берегу Прута. Мы подѣхали какъ можно ближе къ непрітелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія <deux têtes-de-ponts fraîsées et palissades en forme de demi-lune> защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы вносѣдствіи, по ея колпакамъ, за янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, чрезъ которые крупною рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генералъ Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью тою-же дорогою и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ всѣ трое между собою, ибо генералъ не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху <генералъ-майорамъ>, а того менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставивъ экипажи въ серединѣ. Генералъ написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию въ арьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ <войско выстроено было въ четыре шеренги>. Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составившимъ нашъ арьергардъ <или фронтъ каррея со стороны Турокъ>, не стрѣлять, безъ приказанія, что бы ни случилось и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большую частію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ каррея. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отроду мы не видавали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ арьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, откогдѣ мы пришли <?>. Генералъ Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпионами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то не навѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомадовали полуоборотъ направо арьергарду, полуоборотъ вправо и лѣвво флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревушія во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ на землю, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миніатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожъ это не помѣшало имъ насъ окружить. Но, встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и своими стрѣльями.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи приченъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ тѣхъ поръ, какъ служу, между прочимъ при осадѣ Монмеліана въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасался огня, сколько то надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Одна-

кожъ, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на чучела, стыдась моего папическаго страха.

Было два часа по-полудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравились. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Почью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т.-е. со всею арміею: они всѣ, безъ изыятія, при наступленіи ночи ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генералъ отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ допесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно посидѣвши, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія, Теперь признаюсь, что если бы господа бѣлые козлаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы принуждены были бы почью стоять и, можетъ-быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашею арміею и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ большей силѣ, нежели наканунѣ, но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они беспокоили насъ стрѣльбою непрерывно. Около 5 часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакунахъ и наѣзникахъ. Генералъ баронъ Денсбергъ со всею дивизіею шель на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ аррьергардѣ, двумя своими гренадерскими, батальонами и далъ почуствовать непріятелю непрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *).

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось, къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору покрытою непріятельскими полками.

Генералъ-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Астраханскій вытерпѣли по большей

части огонь непріятельскій и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человекъ, сражавшихся противу 8 и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Раны были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны болѣею частью были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менѣе нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19 іюля, Его Царское Величество приказалъ признать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Азартъ, Денсбергъ, генералъ поручики Остенъ и Беркгольдъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показались. Даже и генералъ-фельдмаршалъ тутъ не было. Генералъ Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семь-то совѣтѣ генералъ Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ и заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царъ всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приближившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изъ ста-пятидесяти тысячъ, т.-е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достоверными, приняты были въ совѣтѣ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и ограждая рогатками: экипажи,

*) Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «я конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать <Турковъ>, ежели бы сдѣлалъ такъ какъ доброму человеку надъ жить». Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать втыкъ Русской арміи.—Прим. А. С. П.

конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало стараться по возможности совершить побезславное отступление. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкіи свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками перелъ собою. Повѣдѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшать, по возможности, свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи ночи государь, государыня Императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ, готовились устроить батальонъ-карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разбѣгана была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріятелемъ.

Неужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смятеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то двигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ пугаль. Генералъ баронъ Аллартъ, генералъ баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріятелемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріятеля было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и наступить вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріятелю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и тѣлегъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повѣдѣній.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рынскимъ, не могли исправить прежде дѣльных шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непремѣнно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобы уйти какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянута на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отбѣглась отъ батальона-карре и шла въ стени безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ опасность и видя, что экипажи составляли уголь, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно:

болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ каретъ, колесокъ, тѣлегъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только une petite valoube съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена полковника Рона, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при пикетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повѣдѣніемъ остановиться. Между-тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспретивствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непротитительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самого не оставили насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія въ теченіе дня усилъла насъ догнать.

Генералъ баронъ Аллартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Ліенро (Lieprot) раненъ былъ смертельно близъ него, генерал-майоръ Волконскій также. Всѣ трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не помѣшало ему надзирать за безопасностію своего поста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Аррьергардъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукругомъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевскаго Мали[а?]тина и Буджакинами Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы заваляли землю наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восьмь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ перепосылалъ повсюду, говорилъ съ генералами офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно

(avec tendresse et amitié), часто их разспрашивал о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острыхъ какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-майора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приблизились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ непрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестьдесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы: генералы Янусъ, Алзартъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольдъ, генералъ-майоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкинъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ, какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранцы были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Когда ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпечены, то утро за то показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстрого и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго мы терпѣли, по крайней мѣрѣ, на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, коему несомнѣнно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армію, приказалъ позвать ихъ въ децѣръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остеномъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня беспокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-майоромъ Бушемъ. У меня не было ни капли. Тѣлги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое время тайное совѣщаніе. Потомъ они подошли къ генералу барону Алзарту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генерала-майора Видмана.

Это была невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человекъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ

въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бѣ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло и двухъ часовъ по отбѣдѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генералъ-поручикъ Беркгольдъ и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольдъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе и давалъ намъ знать, чтобы мы прекратили нашъ огонь <что и съ ихъ стороны будетъ учинено>, и чтобы мы прислали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генерала-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армію около нашихъ рогатокъ: Турки прѣбхали насъ навѣстить и подбавлялись нами въ нашей кѣпѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возмѣнили подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г. Беркгольда къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніе, что съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольдъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы <vedettes> со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Приказавъ, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которая удалось мнѣ только видѣть, никогда не выдвигалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разнообразныя одежды, ярко освѣщенные солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго на подобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое разнообразіе головного убора, эти легкіе, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину певыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубачистовъ: потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга уже не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо, и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ Бѣлозерскомъ полку, и съ генералъ-майоромъ Вейсбахомъ.

Этот спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, что мы понимаемъ его нарѣчіе. Офицеръ, развѣзжавшій около ихъ лагерь, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостью выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча и махомъ своей сабли чисто отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, простился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и ускорилъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого денсберга. Сей поступокъ невѣрнаго служитъ урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство—не было середины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, если бѣ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étaient depuis le même temps an filet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса и кое-какъ поддерживали лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, сдѣлать ли, запрягать ли, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля <по старому стилю> бригадиры получили приказъ отобрать розданные кони, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломавнаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (*paloube*), въ которой везли на 200.000 червонцевъ золота и вещей, обдѣланныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, непоколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Если бы сказали намъ 22-го іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы, конечно, мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бѣ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визиръ приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ

блескомъ двухъ-сотъ-тысячъ червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, поистинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Оттоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Не нужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерь, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достоверно, что Его Царское Величество лишился не болѣе, какъ 8.800 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признали намъ, что они потеряли убитыми 8.900 человекъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генералъ-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (*Moréau de Brasse, Comte de Lion en Beauce*). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли аррьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-каре, гордо прошла мимо Турковъ, выстроившихъ въ одну линію по долинѣ, въ лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый Паремъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостоилъ меня, что есть люди, имѣющие вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей Французъ подружился со мной въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбъ-солюю. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генералъ Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генералъ Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностью, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я былъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ наслаждался моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выйти и что онъ оставить въ ней свои кости. Я вслѣски старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ; армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ

его предчувствіемъ, доказывалъ его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генералъ Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ, какъ и генералу, именно что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ, и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Дибстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и поѣхалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шагахъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Татаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь поддѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта и показавъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились, между тѣмъ, предчувствіямъ, которыя я оспаривалъ съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гоняся за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Почлегъ былъ кратокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ-поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претрѣбли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четырехъ-дневнаго сраженія, подерженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ прострѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генералъ-майорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претрѣбнаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы <иностранны> никого и не распрашивали, и разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобы они не были весьма тѣснотны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ <25 іюля> и совсѣмъ не-ожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ, по крайней мѣрѣ, двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего боталонъ-карре, который, для болѣе удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсниною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное съѣзда высокими, хлѣстистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ постигли меня сначала генералъ-майоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Остенъ.

Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ ѣхала недалеко. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у ней, чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ дыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жъ хлѣба, а мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ Его Царскому Величеству, пока мѣсть государь не дастъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмедки и еще лучше по-Латинѣ. Онъ досталъ на мою долю; друзья мои довольствовались обоимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Нѣмедки. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, постлали на-земъ коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они сѣли, сложивъ ноги крестомъ, и вслѣдъ принесли себѣ трубки, концы чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визиръ послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2.000 человѣкъ спаговъ для отогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати, убитыхъ нашими копными гренадерами. Наконецъ, паша, говорившій по-Латинѣ, коль-скоро узналъ, что я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что Французы были пріятеля Туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ. Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились, и по отступленію, нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорога будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоплеменцевъ, что у нихъ было 8.000 убитыхъ и 8.000 раненыхъ, и что они поступили благо-разумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отроду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія оного; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагаю короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратитъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія оного, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ

онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному Морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украину Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ изъятія всѣ полки, находящіяся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введетъ ихъ обратно самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ коновоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станеть никакимъ образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь, въ то же время, удержатъ и Фридерика Августа, курфюрста Саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія, какъ на особу короля, такъ и на кошвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавяте къ тому и 200.000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено миѣ было моимъ пашеномъ).

Онъ сказалъ миѣ, что спустя часъ по отступленіи арміи нашей, Шведскій король перебралъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадей свою впасть, и самъ-шестъ прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостью и между прочимъ сказалъ, что, «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана». На всю эту брашь великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не дѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерѣ, и своего военного совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтивое предложеніе великаго визиря. Наши откланялись, взявъ съ собой шестерыхъ Татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослали ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми необыкновенными; по мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ-тѣхъ-поръ, какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они большею частію красивы, посятъ бороду, не столь длинную, какъ у кауудиновъ, но снизу четырехугольную, и хотятъ ее, какъ мы холмимъ лошадей. Эти наши, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался миѣ, ему было 63 года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армія наша, разстроившая батальонъ-карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами сталъ въ авангардѣ, въ двухъ миляхъ отъ тѣсины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпина слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полторѣ мили; генералъ

баронъ Денсбергъ въ одной миліи; генералъ баронъ Аллартъ въ полу-мили съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо Г. Янусъ страдалъ въ это время подагрой. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ тѣсины. Двухъ-тысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣлись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, если бы генералъ баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ весь мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей <paloube> съ одеждой и бѣльемъ находились и постеля, то я въ своемъ несчастіи почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехдневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Прута до Станопы (Stanope), по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня, по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашиами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь пѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, варенаго на молокѣ, и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они дѣлать день.

Отъ Станопы армія въ четыре дня пришла къ Могилеву на Днѣстрѣ, куда прибылъ ужъ Сороцкій гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣстрѣ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Бужацкіе Татары вздумали было насъ беспокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ, на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить тѣхъ, которые вздумали бы опять насъ беспокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопы.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шесть батальоновъ гренадеръ остались въ арріергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ Татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣстромъ, въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бри-

гадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день отданнаго приказа. Воля Его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79.800 людей, состоявшихъ на лицо при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15.000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставался надлежало 64.800, но оказалось только 37.315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, государь, Императрица, свита ихъ и министры <за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира> отправились incognito въ десять часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, когда она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (une femme de rien), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ Императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельдмаршалъ съ всею арміею выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распределена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельдмаршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ проздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1 Января 1711 года.

Списокъ генераламъ, отпущеннымъ Его Царскимъ Величествомъ или оставившимъ его службу безъ отпуска.

Фельдмаршалъ генераль-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуску, не получивъ 60.000 эку и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуску по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ Ностицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50.000 эку, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуску.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beauce) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 г. отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Аллартъ и генераль-лейтенантъ Флюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ, отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ, ибо никому ничего не заплатилъ: и до-сихъ-поръ за нимъ пропадаетъ жалованья моего за тринадцать мѣсяцевъ *), по 130 руб. на мѣсяцъ <рубль стоилъ 5 франц. ливровъ>: я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлатъ было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ баронъ Остенъ и я отирались вѣсѣльемъ черезъ Салопоре <Тарнополь> <гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали> и потомъ, черезъ Замосць, въ Леополь, гдѣ цѣлый мѣсяцъ отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семь-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синаявскому. Сии дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ получилъ я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяцъ. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наслѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

*) Кажется, слышавшій храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на недомыки и неисправность въ платежѣ жалованья. Прим. А. С. II.

967. [О «ТРЕХЪ ПОВѢСТЯХЪ» ПАВЛОВА].

«Три повѣсти» г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не приучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представило въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально помѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона—черта истинно комическая.

Объ Итаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ,

есть анахронизмъ. Зато всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается анергия; въ описаніяхъ, близорукая мѣлочность нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: <выписки>.

968. [ОБЪ ИСТОРИИ ПОЭЗІИ ШЕВЫРЕВА]

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands juges. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: по чему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ.—Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ Французской критики, ни отвѣченной философіи нѣмцевъ <стр. >. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи Западной Словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную Христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскрешающую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каволицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ Мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе <? не магометанское, а...>

Оставляя роскошный Югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священныхъ дѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвѣченности, къ уединенію, къ феодальному разьединенію, которыя и донинѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей,

и при дворахъ ея князей, и на кафедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгонистической и народной. Въ ней науки и поэзія — не цѣли,

а средства. Народъ <der Herr Omnis> властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulante et tranchante, etc.

Девизъ Россіи—Suum cuique...

969. [ВЫПИСКИ ИЗЪ ЧЕТИ-МИНЕЙ].

Трапѣза
толкъ, толмачъ
разрѣвать <кого>
Римъ ветхій
Великородный
тверда аки наковальня
мужъ конскаго чина <всадникъ>.

Вложи <діаволъ> убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе ведію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаша ему помыслы: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачъ о тебѣ, яко не вѣдущимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемоющъ ему тѣломъ, и ели живу быти; ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ,

изше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.

<Житія преподобнаго отца нашего Іоанна Кудника, Іаннуаріа 15>.

рубо—рубище
дельва—<бочка или ящикъ?>
и дубраву всякаго древа своею рукою насади <Ч.-М., Житіе Св. Ора черноризца>.

Куколь <capuchon> cuculum
убрусь
съ путемъ <съ жалованіемъ>

Придоша къ прельщенному преподобныя отцы Никонъ игумень и Іоаннъ, иже по немъ бысть игумень, Пимень постникъ, Ісаія, иже бысть Еп. Ростовскій, Матей прозорливый, Ісаія затворникъ печерскій, Агапітъ врачъ, Григорій Чуд., Никола, иже бысть Еп. Тмут., Несторъ лѣтописецъ; Григорій творецъ каноновъ, Θεоктистъ, иже бысть Еп. Черниг., Овисіфоръ прозорливый: сии вси въ добродѣтельхъ сіяющихъ пришедше молитву творяху къ Богу о Никитѣ.

<Житіе преп. Никиты Затворника Печерскаго>.

970. [ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА СТОРОЖЕВСКІЙ].

Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца.

[Изъ пролога]. Преподобный отецъ нашъ Савва отъ юности своей Христа возлюбилъ, а міръ возненавидѣлъ, и, пришедъ къ преподобному Сергію, пріялъ Ангельскій образъ и сталъ подвизаться, угождая Богу постомъ, бдѣніемъ, молитвами, смиренномудріемъ и всѣми добродѣтелями, желая небесная блага пріяты отъ Господа. Многія искушенія претерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ, по

побѣдилъ ихъ помощію Вышняго и надъ страстями воцарился. Тогда, по наставленію учителя своего, великаго Сергія, отошелъ онъ отъ обители Святыя Троицы и поселился въ пустынь на горѣ, называемой Сторожі, въ верху Москвы-рѣки, въ разстояніи одного поприща отъ Звенигорода и сорока отъ града Москвы. Тамъ святой иночествовалъ въ безмолвіи, терпя ночные морозы и тяготу жара дневнаго.—Услыша о добродѣтельномъ житіи его, многіе иноки и люди мірскіе отъ различныхъ мѣстъ начали къ нему приходить, дабы жить при

немъ и отъ него пользоваться. И принималъ онъ всѣхъ съ любовію, и былъ имъ образецъ смиренія и иноческихъ трудовъ, самъ черпая и нося воду и другія потребности права, научая тѣмъ братію не лѣниться и не губить дней своихъ праздностію, изобрѣтательницею всего злаго. Потомъ нѣкій христілюбивый князь, пришедъ къ блаженному Отцу Саввѣ, умолилъ его построить храмъ на томъ мѣстѣ и <злато> сумму, нужную на созданіе оного, далъ святому. И святой прошеніе князя исполнилъ и построилъ храмъ честнаго и славнаго Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудную и великую для душе-спасительнаго пребыванія въ ней иноковъ. Тамъ онъ *добре* пасъ во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и бывъ нѣкогда единожителемъ божественному Сергію, сотворилъ многія добрыя дѣла о Господѣ. Въ поздней старости впалъ онъ въ болѣзнь тѣлесную и, недолго пострадавъ, призвалъ братію и поучилъ ихъ божественнымъ писаніямъ, наказывающимъ хранить чистоту тѣлесную,

имѣть братолюбіе, украшаться смиреніемъ и прилежать посту и молитвѣ. Тогда поставилъ имъ въ игумены одного изъ учениковъ своихъ и всѣмъ братіямъ заповѣдалъ пребывать у игумена въ послушаніи и въ повиновеніи. Наконецъ, давъ имъ всѣмъ миръ и послѣднее цѣлованіе, въ добромъ исповѣданіи предалъ душу свою въ руки Божіи декабря 3-го дня, во всемъ благоудивъ владыкѣ своему, Христу. Услышавъ о преставленіи Святаго, Князя и Бояре, и окрестъ живущіе, и всѣ христілюбивые граждане Звенигорода стеклись съ великой любовію на погребеніе Отца, принесши съ собою больныхъ своихъ, и, проводивъ его псалмопѣніемъ надгробнымъ, положили его съ честію въ имъ построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Честныя его мощи и до нынѣшняго дня многія и различныя изцѣленія источаютъ приходящимъ съ вѣрою, во славу Христа, Бога нашего, угодниками своими и по преставленіи многія чудеса творящаго, ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

971. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО,

Архіепископа Бѣлорусскаго,

изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С.П.б. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выражений, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умиленной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истинною краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняегъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразою, пораженную скорбію и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніатскіе костѣлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ Св. синоду и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуше озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлячинскій, прославившійся ненавистію къ нашей

Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать слѣдующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутейнскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архьерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастью не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часть отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестию и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобы гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но изъавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія слѣдованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, Св. синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую Епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ».

Въ 1765 году Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши, Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ

«Уніятскимъ Архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного Епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые Польскіе Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой Русскихъ штыковъ, созданъ былъ Сеймъ, учреждена согласительная Коммисія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слудкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей Коммисіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептицкій, а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отроду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи Ея коронаванія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей.

«Для молитвы постъ есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!* *) Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **). Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ-подъ ризы Своея изринетъ насъ.

*

«Душа безсмертная, отъ брэннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель.

*

Вниди въ клѣтъ твою и помолися ***). Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и попеченій, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отряси отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вождѣнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говорить сопровождающимъ: *спдите здѣ со ослѣтѣмъ; азъ же и двѣтицъ поидѣмъ до онѣде, и поклонившися, возвратимся къ вамъ****).* Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вокругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и про-

даемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихонимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце холодно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Іосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую *). Сынъ Божій, по безмѣрной благодати Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльное. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; обѣтія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Небу: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадцать человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили». Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посреди волковъ: предадутъ вы на соимы, и на соборищахъ избіютъ васъ**).* Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ ними убиенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣнно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

*) Матѣ. 27, 22.

**) Евр. 6, 6.

*** Матѣ. 6, 6.

****) Быт. 22, 5.

*) Быт. 47, 6 п.

**) Матѣ. 10, 16, 17.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный бояринъ, уличенный въ безбожіе, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей переменны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и вспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно то же сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плователи обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и онъ беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его следующими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, и потому еще между отчаяніемъ и надеждою находимся; а какъ услышитъ твою святую молитву, такъ мы и погубимъ. Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое*»); а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва переменитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣшныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умалется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрая дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачъ». Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть

изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, *имъ же соблазнъ приходитъ* *). Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и притомъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылаютъ, вслѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единого примѣра моего, яко отъ единого блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!»

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показала намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлыя класы;

А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы,

О! смертный, безпечный, посмотри въ зеркало:

Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ минало.

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?

Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?

* Псал. 5, 2.

*) Матѳ. 18, 7.

Путь смертный безвѣстенъ, и полночь разбоя:
Искуснаго, храбраго требуетъ конвой.

Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?

Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ
возвратится.

Изнеможешь пѣшій, таща грѣховъ ношу!

Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хо-
рошу,

Подмогу, какая дана Сикеоту:

Но та дана слезамъ, кровавому поту.

А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.

Не весь ли вѣкъ твой есть цѣль грѣховъ?
Признайся.

Ахъ! вижу, ты нагъ, какъ родила мать;

Пи лоскута на душѣ твоей не сыскать!

Повѣрь же, не увидишь въ небесны чертоги:

Въ адъ тебя низринуть, связавъ руки, ноги.

Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча
Вѣры;

Затворятся брачныя буймы дѣвамъ двери;

Можетъ быть, при смерти, «помяни мя» ска-
жешь,

И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.

И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,

Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принести
остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлю Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго Шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только Исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимою въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкото-

раго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изуверству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его рассказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою <Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпиграфы, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ>. Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

«По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливимъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человечество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, му-

чительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разбѣжавшее съ триумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы Жидѣмъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отpravку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковныя и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ Христіанской повиненъ ктиторѣидти къ Жиду торжиться съ нимъ, и по важности отпавы, платить за нее и выпросить ключи; а Жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію Христіанскому и прехуливши все Христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ записъ не отказано.

«Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могли перенести лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложились отъ народа своего и разными просками, посулами и дарами закупало знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ,

сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой природы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесъ между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчій быть не могло, напримѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичъ, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплина названія Чаплинскій. съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, а подражая имъ, гнали преизлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну немалую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени казакіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жителямъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того, знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видная сдѣлалась перемѣна.

КАЗНЬ ОСТРАНИЦЫ.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Остраница, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товариства Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преста- валъ нападать на города и селенія Мало-россійскіе и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежѣмъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Остраницѣ великаго искуства надобно было собрать свои войска, вездѣ разбѣянные и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скры- тыми путями и по ночамъ къ городу Переяславу, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Придѣвр-скіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное со- общеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведе- нныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чи- нами произведенною, ликовали въ совер- шенной безопасности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Аммуніція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Ге-тмана Лянцкоронскаго, который съ глав- нымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остраница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ каза- ковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того за- щищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнные ими на позорищѣ въ городахъ отрубленные головы ихъ собратій, злобились на Лянц- коронскаго и Поляковъ до остервененія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и нако-

нецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непро- ницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломаясь въ нихъ, уда- рили на коня и сабли съ слѣпымъ раз- махомъ. Крики и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись ѳодѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повер- гаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли дѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшею немногою кон- ницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружія и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, бла- годарили за нее Бога, поборающаго за не- винныхъ и несправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4727 человекъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстями, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагося въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ про- тивъ нихъ на встрѣчу церковную процес- сію съ крестами, хоругвями и духовен- ствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и за- клинали Богомъ Гетмана Остраницу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учи- ненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обѣихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, под- писали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

«Гетманъ Остраница, разославъ свои войска, инныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Стар- шинами Генеральными и со многими Пол-

ковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полонномъ заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отменяло, яко схизматичскія и суду Божию подлежащія. По симъ страннымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпионовъ своихъ, Жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана Острицы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили немногочисленною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневского, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они перевязавъ весь штатъ Гетманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и пошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ триумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдая въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтнихъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умиловать и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за своихъ отцевъ. Но они симъ пищу только кровавымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повле-

чены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человечествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устратило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывало процессію Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Острица, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригайло, Боюнъ и Рипдичъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалѣй и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постыличъ, Гарунъ, Суцяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ пробиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурабѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментай, Дунаевскій, Скубурѣй, Глянскій, Завезуцъ, Кусырь, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли... Оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголь и раздували шапками и метлами.

«Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Развѣшавшія притомъ войска Польскія, наполнили всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчип-

ства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, диски, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣляли себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкому хаосу или смѣшенію, грозящему по-

слѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго ли оно продлится? Всякой съ потрясеніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не одвѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приносить иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

972. ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЯ.

Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПб. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣ-

лалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей».

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

973. ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изд. 2-е, двѣ ч., въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Деп. Вѣш. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался

и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутивую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣмся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ*).

*) На-дняхъ будетъ представлена въ здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.

974. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РАЗСКАЗУ СУЛТАНЪ КАЗЫ-ГИРЕЯ: «ДОЛИНА АЖИТУГАЙ»].

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскош-

ную образованность, остался вѣрнѣйшимъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ, какъ Русской офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ, наконецъ, Магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, *эту хоругвь Европы и просвѣщенія.*—
Издатель.

975. АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme
mèrite d'être pendu.

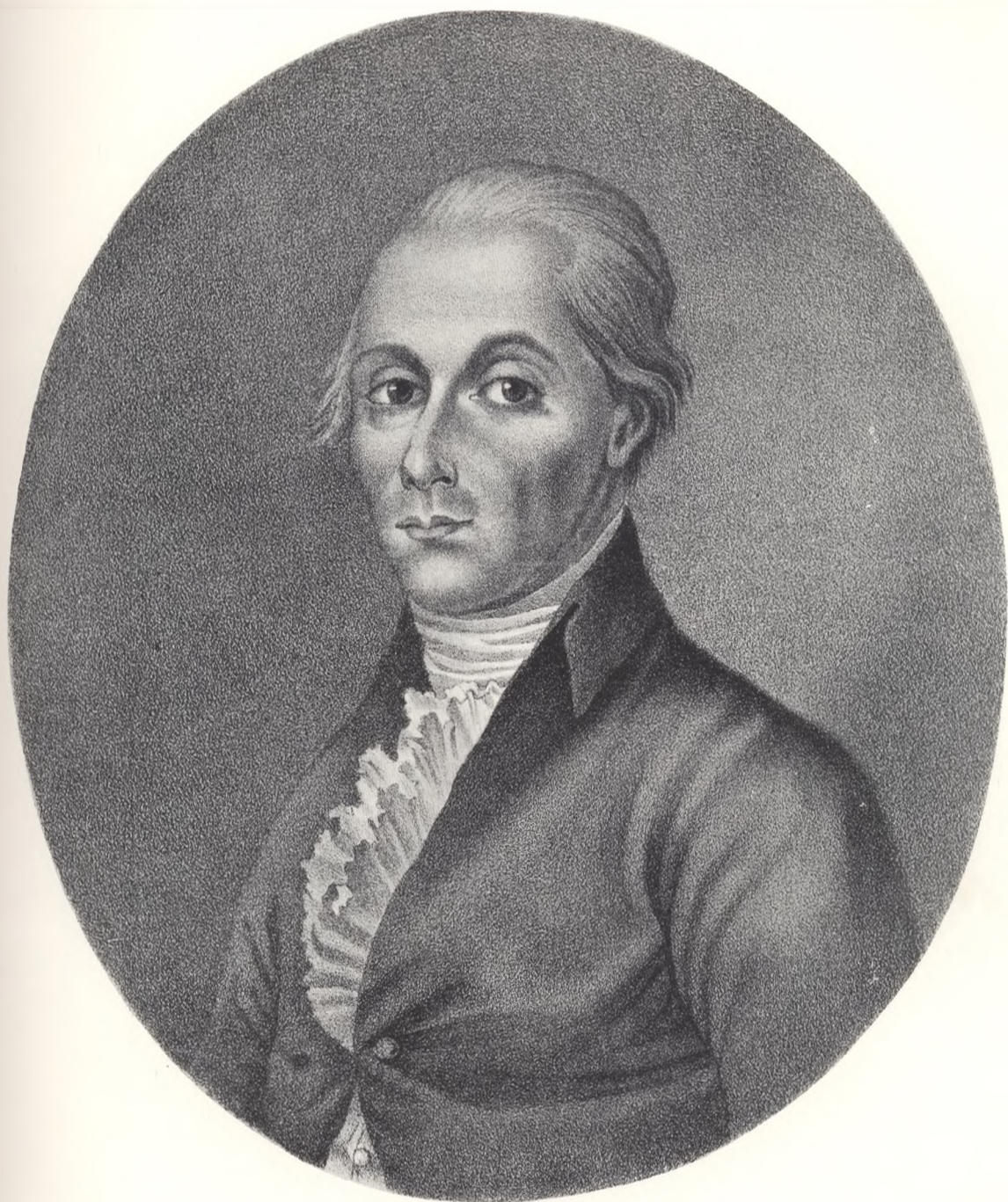
Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по Ея повелѣнію, въ Лейпцигскій Университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи Духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: Надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; Духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія

на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750-го года. Онъ обучался сперва въ Пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя внима-

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Гравюра Вендрамини.

ніе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно Латинскому и Нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю жизнь влияние рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при Тайномъ Совѣтѣ Тепловъ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще, какъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ Французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ Русскихъ студентовъ за книгою Оразумъ, и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемые закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна Французская философія 18 столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ Гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ Молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онъ замѣняется другими.

Радищевъ написалъ Ж и т і е Ѳ. В. Ушакова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невозддержанной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще

успѣлъ преподавать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей *). Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную Свою Канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней Государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ Мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить Мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступныя политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія Французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и Сама ихъ ободрявшая своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ, съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ; но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга

*) А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посвятилъ житіе Ѳ. В. Ушакова.

въ Москву, сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего Правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ Царствованіемъ Александра, Самодержда, умѣвшаго уважать челоѵчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мѣлкій чиновникъ, челоѵкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу Самодержавія, противу Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣится на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ челоѵкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственную книгу; но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но можетъ быть самъ Радищевъ не понималъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, скорѣ произвела шумъ. Она дошла до Государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому <смотри его записки>. Онъ

хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина. Слово глубоко замѣчательное: Монархія, стремившаяся къ соединенію во-едино всѣхъ разнородныхъ частей Государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть <см. Полное собраніе законовъ>. Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Иле[и]мскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ Китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія. Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельстве:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средѣ бѣдствій —
Но на зонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души вѣжной половину.

Бова. Вступленіе.

Императоръ Павелъ I, взошелъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу Правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія Императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирѣнный опытностію и годами, онъ даже переѣхалъ образъ мыслей, ознаменовавъ его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію Великой Царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ челоѵка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты,

волнованія юношу. Моложавыя мысли, какъ и молоджавое лице, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣнится, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время Ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиня въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣвъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благодѣтельные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію Составленія Законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З[авадовскій] удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему

съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ Лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напроорочилъ!

Сочиненія Радищева, въ стихахъ и прозѣ <кромѣ Путешествія>, изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе О челоѣкѣ и его смертности и безсмертіи. Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Тилимахидѣ, и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть Осмнадцатый вѣкъ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урпа времянь часы изливаютъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютъ пѣністыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣла ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ дотъ не находятъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито вѣвки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше Столѣтье туда;
И сокрушенъ наконецъ корабль, надежды песущій!
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастье и добродѣтель и вольность пожрала омутъ ярой.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято вѣвѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженій;
Ахъ, омоченной въ крови ты низпадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ внеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерица и Петръ, вѣчности чада! и Россѣ

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ ори-

гинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ

Алѣшѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, не включенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

Путешествіе въ Москву, причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайной смѣшины. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу наудачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся Французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидроta и Реналля; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ припоровленные ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Онъ какъ будто старается раздражить Верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить Правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ; онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣвлено и Мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безмысленной и своеправной Управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни

соблазна; ибо Правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугался ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Что именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благородныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онъ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ Императрицы, Главнокомандовавшему въ Санктъ-Петербургѣ Генералъ-Аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издава здѣсь книга подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными израженіями противу Сана и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ упомянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взять подъ стражу. Такое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ Уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, взнести оный въ Сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня [1790]. Говорено [Государыня] о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе Французской заразы. Авторъ Мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ». Посылка за Рылеевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева.

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева. А онъ, сказываютъ, препорученъ Шенковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. «Примѣчанія на книгу Радищева послать къ Шенковскому». Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалить Франклина и себя такимъ же представляеть. Говорили съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ «чтобъ не быть пристрастно, побоявись, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю».

[III].

Отрывокъ изъ книги Р[адищева]

Клинъ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человекомъ, былъ сѣдой старикъ, сѣдѣвшій у воротъ почтового двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискусный хотя его напѣвъ, но пѣвностію изреченія сопровождаемый, проникалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрожденные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутри глубокаго, когда Клиньскій пѣвецъ дошелъ до разлуки своего Ироа, едва прерывающимся ежесекундно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнились изстужающихъ изъ чувствительной отъ бѣды души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающего. О природа, koliko ты властительна! Взираа на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла соутница ея, улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, по невѣстнаго чувствованія; даже мужественный возростъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О природа! возопилъ я лани....

Сколь сладко неизвѣстное чувствованіе скорби! Koliko сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность! Я рыдалъ въ сѣдѣ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнуты изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полуники, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождаая благодарностію свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему: «дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалось мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку,

толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславили ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣвъ онъ изречь обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвѣченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Koliko пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ пей обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человечества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! koliko малъ я самъ себѣ тогда казался, koliko завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу.—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ въ всякое свое слово.—Нѣтъ, дѣдушка рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ.—Почто такая милостыня? сказалъ сѣдой, опускаая мѣста своихъ очей и ища, казалось, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ея пользоваться! Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарностію. Не имѣя въ немъ пужды, я могъ бы снабдить имъ немущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на однѣ сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сѣзда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О истина! koliko ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну.—Возьми его назадъ, мнѣ право онъ пенадобенъ, да и я уже его не стою, ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишенъ я былъ вѣжды моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполнила всегда мое сердце при началѣ сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человечество.—Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила сѣдому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти... Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обими руками... Вотъ истинное благодареніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлала для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой,

можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи, Вотъ чего не позабываетъ опакъ каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадаетъ.

Неужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаваніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служить къ умягченію его ожесточеннаго сердца.—Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнью, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемли на вредъ послужить могущаго подаванія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—

платчишка не было, чѣмъ повязать шею—Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Цѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ, я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминаніе пищаго... Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпцаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинь, я уже не нашелъ слѣпцаго пѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пироги по праздникамъ, падѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушаю сие.—

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!

976. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го Января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Княгинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и неизблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинаяся Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣхъ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы *Н*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: Вашъ? Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицынъ: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора бы Покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поснѣжнымъ исполненіемъ Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *). Ка-

рамзинъ справедливо удивляется таковому подвигу. «Полный Словарь, издаанный Академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славилась уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго <Ломоносова>, и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентинской и Парижской.»

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ

меня. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву *А*. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово *А* ші. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ *а* ші предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъясненіе, или усердіе безъ вознагражденія, что Министръ, у коего при Дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

*) Французская Академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ непрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Виль-

людяхъ особливое вниманіе.» Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остротными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаютъ дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ оставляются, а нѣрѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человекъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человеку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чинить не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

НВ. Сей вопросъ родился отъ свободозначія, котораго предки наши не имѣли.

Сія отвѣты писаны самой Императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова <1802—1813> Академія издала:

1) Грамматику Россійскую. 2) Сочиненія и переводы Академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтилиановы Критическія Наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространение часть отъ часу становится необходимымъ. Прекрасный нашъ языкъ, подѣ

перомъ писателей неученыхъ и неискusstvenныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орѳографія, сія Геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, Преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

«Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, по частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыхъ.—На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георгія Хоуровска о образѣхъ. Творчестви образи суть 27 <кз>: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребніе. 4. Пріятніе. 5. Прѣходное. 6. Възбратъ. 7. Съпріятніе. 8. Сънятіе. 9. Именотворніе (опоматореіа). 10. Сътвореніе. 11. Въименовъство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въсплатословіе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатъкъ. 16. Изрядніе. 17. Лихорѣчыіе. 18. Притыча. 19. Прикладъ. 20. Отъданніе. 21. Лидетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Поруганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе.—Инословіе оубо іестъ ино нѣчто глаголюшти, а инъ разумъ оуказайюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ змии проклята ты и отъ всѣхъ звѣрній слово бо акы змиі іестъ на диавола же, ино рѣчь нѣ змиемъ нарицаіема разумѣваемъ.—Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочіихъ вышесчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателей, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителя или переводчика, издателями Русской Энциклопедіи ХІ вѣка.»

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, не нравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.»

Засимъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Ло-

бановъ занялъ собраніе чтеніемъ мѣня своего: О духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной. Мѣня сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ, Князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. Президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ.

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемые почтеннымъ старцемъ великому писателю..... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, матери Его Свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно,

что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали», пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи, «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли О древней и новой Россіи, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному Своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе Государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

977. ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ.

Издаваемые А. Пушкинымъ.

Modo vir, modo foemina. — О v.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Мариупольскій Гусарскій полкъ. Въ послѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шума, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

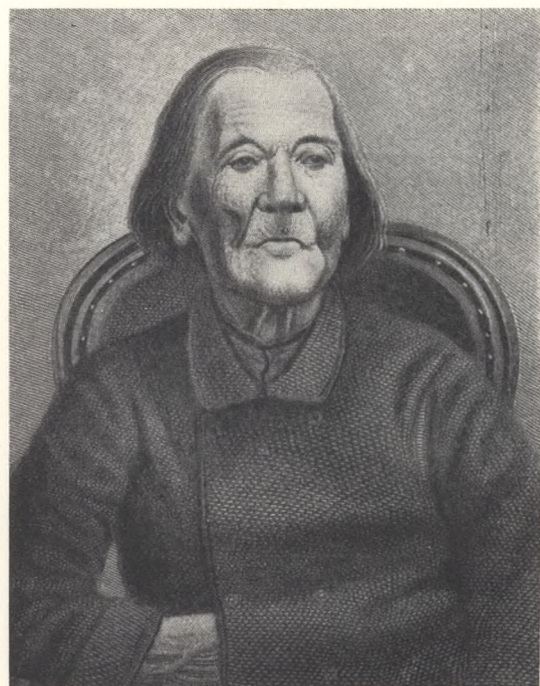
Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности,

которые пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій—и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжныя пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

Изд.

ДЪВИЦА-КАВАЛЕРИСТЪ Н. А. ДУРОВА.

1. Въ возрастѣ 13—14 лѣтъ.—2. Въ 1810 г.—3. Въ 1839 г.—4. Въ старости.

978. [О ХРОНИКЪ РУССКАГО А. И. ТУРГЕНЕВА].

Отъ Редакціи.

I.

Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего Хроники Русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ арагѣ, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній,

городскихъ вѣстей, бульварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній,—такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская Хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ на-изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство; слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II.

979. О СТАТЬЯХЪ А. Б. И КОСИЧКИНА].

Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б[езсоновъ] не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

Мы получили также статью Г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

980. МНѢНІЕ М. Е. ЛОБАНОВА

О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

<Читано 18 Января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи>.

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе неакадемическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литтературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей Академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Ло-

банова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго рассмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія <такъ начинается статья Г. Лобанова> сильно увеличались въ нашемъ Отеествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ болшемъ количествѣ; книжная торговля распространяется.»

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ Отеествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

«Безпристрастные наблюдатели», говоритъ онъ, «посящѣе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нечеловѣчности, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безнравіе и нечеловѣчность, продолжаетъ:

«Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ <говору о чистой словесности> у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто изображаютъ такіа нечеловѣчныя, грустныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такіа пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародыши безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.

«Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Уже ли отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не пазидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Уже ли истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нечеловѣчному, отвратному <?>, омерзительному и даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе Эдмундбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи Французской Словесности. При семъ случаѣ своды Академіи оглашались собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что, если <паче всякаго чаянія> статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанными въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честью, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ Европейскихъ Академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? <Академіи безмолвствовали о другихъ>. Критическая статья Ангійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

«Для Франціи»,—пишетъ г. Лобановъ,—«для народовъ отуманенныхъ гибельною для человечества повѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напимѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними, въ ужасахъ революцій.»

Спрашиваю: можно ли на дѣльный народъ изрекать такую страшную анафему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескѣ; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрывается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія,—уже ли весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, болѣею частью молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовольствованія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной дѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ: законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы Женеваго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастье супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности или нравственной дѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житія и образованности. Законъ постигаетъ одни преступ-

ленія, оставяя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесаажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфаращъ», конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ тою цѣлю, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изыясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а рассказчики и стихотворцы изстари пользовались этою наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій *). Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низпровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, правоучительныя книжки. Литтературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «Возстановленія» <Restauration>. Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовалъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударились въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законной свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собой уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не правоученіе. Но писатели Французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлю поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и

наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставять пороки всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, легкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» <какъ назвалъ ее Гёте>, «словесность сатаническая» <какъ говоритъ Соутей>, словесность гальваническая, какъ торжняя, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романтической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ роду правоописательныхъ и историческихъ. Лесаажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому: она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Оставаиваясь на духъ и направленіи нашей словесности», продолжаетъ г. Лобановъ, «всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій Русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непропидаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ—совершенную безотчетность, безсовѣстность, пагость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлався для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ злощадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко

*) Современникъ № 1: «О движеніи Журнальной Литтературы».

даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій гений, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой пѣть равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существовать для нашей словесности: онъ, какъ бы безъ талантъ и <г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безъ талантъ и>, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію....»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою <первый признакъ невѣжества и слабости>, къ нещастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали <весьма неосновательно> титулъ поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суетвѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская Философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часть отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суетловныхъ мудрораціяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва

ли вѣрятъ, что изящное, при пѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспіры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ создали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный гений—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражающа великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ <которые однакожъ за тысячи лѣтъ пѣли свои согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю>, подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственности и словесности.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Ценсурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ пропикнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпное и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовью къ Государю и Отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на попрѣвъ словесности. Академія <сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2 и вообще подданнымъ Докладѣ, § III>, яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуютъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и папечатанія въ собраніи сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденного сословія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся низпровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества. И можно ли укорять

у насъ Цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Цензура не должна проникать въ ухищренія пишущихъ. «Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (Уставъ о Ценсурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей Цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію Цензуры. Нелѣпость,

какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ Ценсурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ Цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесяшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

981. ВОЛЬТЕРЪ.

<Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836>.

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Намъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти пезначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупателя послала продавца неменѣе забавнаго: Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошед-

шаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями,* но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутивая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевского Озера. Слава не спасала его отъ безпокойства. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство малень-

*) Histoire des navigations aux terres australes. Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine. Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

кой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ <писатьъ онъ самъ> имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ—дабы перепахнуть туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне <Tournay>, принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобы Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно—и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюся изъ матеріаловъ вашего предлагаемаго замка выстроить хорошенекій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25 000 ливровъ заплачу вамъ чистыми депггами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Delices; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней дѣвы: то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлил своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ <писатьъ онъ> въ то время, какъ вы доселились такъ близко къ городу, * то, восхищаясь вѣстѣй съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо,

что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому, что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бѣ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто вѣтошь. Вы вздумали возратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣлливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ мало-важныхъ. Срубленные деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить «qu'il tremble!»—восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ—«il ne s'agit pas de le rendre ridicule; il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежешетъ... а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пи-

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Delices sur St. Jean, близъ самой Женевы.

петь знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествия воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала:

«Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо <которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ>: «Вы боитесь быть обманутымъ», говоритъ г. Рюфе, «но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжбъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Помните устрицу Лафонтена, и пятую сцену второго дѣйствія въ Скапиновыхъ Обманахъ.* Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямого президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію <что въ то время много значило>. Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатую годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера <ихъ цѣлая бібліотека>, какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть», пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридриха II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ вѣзжается въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами <которыя всѣ въ брилліантахъ>; какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на-прокатъ у Женевской Республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель <налогъ на соль> находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ

онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этою раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ гроссо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжину длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при Дворѣ Фридриха II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ,* своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, прези-

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапила на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ путняхъ.

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фридриха II въ хвалебныхъ посланіяхъ.

дентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взявъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на главномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрять»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю—«но боюсь быть подобенъ рогаатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ <La Diatribe du Dr. Akakia> и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его Двора.—

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли при-

влекъ на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страдающему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? За чѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?...

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не запрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерiku камергерскій ключъ и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалатъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ чловѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одиѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

982. ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донинѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей геогра-

фическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбуждали снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому

народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, пагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ среди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющимъ дворянства; со стороны избирателей—алчность и зависть; со стороны управляющихъ—робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному ostracismу; богачъ, одѣвающий оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревьями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобрианъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ», пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, «также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ». Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ знаменитыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведеннаго три-

дцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоценны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простые, душевные и безстрастные, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыми Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достоверность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы <между прочими Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique“> видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочесть нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды, ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣмъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой», пишетъ Теннеръ, «оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять

спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость Индіевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ», — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сиди дома». Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Нашъ остался дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣждалъ проворно на дворѣ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодні орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индіевъ»!

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ я услышалъ шорохъ. Я оглянулся: Индіицы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индіевъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой томагавкъ <дубину> и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, внесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индіица приближались посѣбно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятавъ былъ имъ челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятавшись были одѣла <кожаныя> и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьего жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселъ былъ еще виднѣнъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ;

упирался также погами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индіецъ легли со мною подъ одно одѣло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индіицы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ мнѣ пару мокасинавъ <родъ кожаныхъ лаптей>, которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индіевъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, выпающую <думаю> въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индіицы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовления. Другъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индіицы посѣбно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки...

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индіевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ <какъ послѣ мнѣ сказали>, что бѣлые люди за нами гнались, они попли кимъ въ встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Міами. Индіицы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликались между собою. Выбрали одно орѣховое дерево <hickory>, срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой индіицкой деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головамъ. Казалось, многие изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индіицкой деревни находилась

Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи».

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплемениками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ на силу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрылись охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣнливо исполнялъ свою долж-

ность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ *томагаукомъ* и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то». Старуха съ дочерью побѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Бѣсть ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непременно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ мальчика за дверь, и уткнулъ «какъ кошку» лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индійцамъ», говоритъ Американскій издатель его Записокъ, «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда рассказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія—отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимою начались военные приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ...» Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобы замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ

былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индѣйцемъ — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятежахъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подавила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благотѣльное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается ими за великаго человѣка. Теннеръ рассказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя <Неть-по-куа> только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобы идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ». Мнѣ дали заряженный пистолетъ, и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвел курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мной обходиться съ уваженіемъ».

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка, толпа наша <отрядъ

охотниковъ съ женами и дѣтьми> голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудости, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Неть-по-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ <по такому-то направленію> круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ».

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ Индѣйцамъ. «Старуха увѣряетъ, сказалъ онъ смѣясь, что мы сегодня будемъ есть медвѣдя, но не знаю, кто-то его убьетъ». — Неть-по-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стережъ поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулей, и не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно русло иссохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ея описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожъ дымъ не показывался. Наскуча ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы Индѣйцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя, поставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрившись, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ палашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ...» Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!» — Что ты говоришь? «Я убилъ медвѣдя!» — Точно ли онъ убитъ? «Точно». Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще

первый, то, по обычаю Индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о музѣ, Американскомъ оленѣ <cervus alces>, достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индейцы увѣрены были, что музъ, между прочимъ, одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не лживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и рассказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленький прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, кура табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывающагося муза и, потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ слѣды двухъ человѣкъ, повиdimому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ, слѣдъ на берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индейцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ <bison, bos americanus> и Канадскій олень <caribou>, и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣ лося, осторожнѣе и хитрѣ дикой козы <capreolus>. Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаются свои продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливаго дождя, если сухой прутикъ хрустнеть въ лѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но уже не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣлательнѣе».

Легкость и неутомимость Индійцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями:

«Холодная погода только что начиналась. Слѣдъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индейцы травятъ лосей. Слупуя съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индейцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиленіемъ, и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ

скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятъ почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; по выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели слѣдъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко выбождастъ копыто свое; въ глубокихъ слѣдахъ его достигнуть легко. Есть Индейцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безслѣдной; но такихъ мало».

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индейцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

«Однажды, рано утромъ», говоритъ онъ, «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оденѣла. Мои сукопныя мѣтассы <порты> изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... И пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ; мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ».

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но слова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошелъ въ нее, я упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня за долго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выдти: лицо, руки и лѣжки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индійцы имѣютъ цѣлю заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйловыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій:

«Торгъ нашъ копчился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владѣтельства, и бочку рома. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ, взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземъ и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ»—сказалъ я—«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!»—Старуха прибѣжала съ тремя котлами—и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индійцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

«Мы сѣли пить. Въ это время Индѣецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ, шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Уже было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попить съ тѣми, которые хотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ; Индѣецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся, и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...»

Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приносить соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невосдержность, лугавство и жестокость—главные пороки дикихъ Американцевъ. Убіиство между ними

не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индіица и нѣскольکو разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить, сказалъ ему однажды Теннеръ, но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножомъ, и не имѣлъ духа поразить». Храбрость почитается между Индіицами главною человѣческою добродѣтелью: трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ рассказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индіицевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ толкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ; молодой человѣкъ напроказилъ».

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножомъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомявъ отцу своему, убитому на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Нешастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ <Американскаго губернатора> сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убіица возвратился къ намъ. Мы приготовили значительныя подарки; кто далъ одѣло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ видѣлся дружески; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ.»

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла

впередъ и сказала ему: «Ня я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожь подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось не нарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»—

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатія одѣяла, платья и прочее <что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть скоронепременно вмѣстѣ съ тѣломъ>. Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобы ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ дѣлѣ, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителя за бѣгъ въ запускъ. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подошла къ нему и сказала: «Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня, подобно ему. Боюсь только моего мужа.» Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитого всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно.»

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и вѣроятно не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старшихъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностию вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтивъ свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вѣднися въ волосы первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-изъ! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!» Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смиренный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ ни мало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерю моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра,—сказалъ онъ,—я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу <врагу своему>, и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобы быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщалъ ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но, проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія и рѣшился какъ

нибудь обойтись безъ носу, такъ же, какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно заболѣлъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки и велѣлъ сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты послалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я послалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе...»

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздвоеннымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставиъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой,—сказалъ онъ ему,—мы довольно пожили; мы довольно друга друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился, черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна; намъ должно вмѣстѣ умереть.» Два молодые Индіица, видя его намѣреніе, тотъ часъ наткнули свои луки, и придвинулись въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ за смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но оставшіеся одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ рассказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походить на воровство, но тѣмъ не менѣе, доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индіицы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индіицкія селенія, въ одномъ изъ

нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ,

«У меня подлѣ одѣломъ»,—говоритъ онъ,—«спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади—и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижинны пегостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долигѣ...

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человека, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ близиннй орбишникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большою осторожностію. Они разсѣялись. Многие прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человекъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, заплѣвъ свою боевую пѣсню, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я дѣйствъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но мыслъ находится подлѣ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Мауэ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на пустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозъ шелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-пунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижинны. Бе-на указалъ на прекраснаго черпаго коня, вымѣненнаго имъ на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-пунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь.»—У меня нѣтъ лучшей лошади.—«Такъ я жъ однуведу.»—А я тебя убью.—Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволовую кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремешъ, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшинны. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-пунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изъ всей мочи... Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъясняло явную неприязнь...

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подлѣ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черпую лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться—и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумать однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлавъ слишкомъ большое усиліе—перепрыгнуть черезъ лошадь, и растянулся по той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать падъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-пунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ большей рѣшимостію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же, веселый хохотъ Индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человека недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое Индійское суевѣріе. Теннеръ вѣрить снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голоденъ, ему сняты жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удастся ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человекъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау:

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь несчастнаго, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индѣецъ не причалитъ челнока своего къ долигѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата, имѣвшие сокола своимъ тотемомъ *), поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною тотемъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матерн моей <Неть-но-куа>. Я слышалъ, что, когда располагались на ихъ могилѣ <что нѣсколько разъ случалось>, они выходили изъ

*) Родъ герба. Соколъ былъ также тотемомъ и Д. Теннера

подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достоверно, что они беспокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать Индіяцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыкнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревьевъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голоса; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ»,—сказалъ мнѣ же би *)—«лошадь на завтрашній путь. Когда ты пойдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь.

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между Индіяцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе сѣдлы и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи пашель и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала куцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути воднаго. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіе времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индіяцахъ суевѣрный ихъ ужасъ».

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по-Индійски значитъ Заря.

«Однажды вечеромъ,—говоритъ Теннеръ,—сидя передъ нашей хижиной, увидалъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ, она подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей

трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того, сказала она, отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покуривъ немного—въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ отъ роду. Она со мною разговаривалась, и поправилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности потому, что у Индіевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга, но, вѣроятно, никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, то если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шума въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ»,—сказалъ онъ моей матери,—«самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ..

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смутилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ, предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моею любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай»,—сказала она,—«вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротиться къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіи ловцевъ». Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленного, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индіевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Неть-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней преждее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засыпалъ, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на Индіискій свирѣли, называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охлаждать; тогда она забыла все притворство.. Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сно-

*) Мертвецъ.

шенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ о ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось по-бывать на Красной Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочередно ѣхали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одинъ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня почевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.»

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-буиъ-о-куе, сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. «Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишься ты спиной къ нашей хижинѣ, и обезчистишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?..» Укоризны матери казались мнѣ не совѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена».—

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ, рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго Индійца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индіецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индійцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индіецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ подлѣ остался только старшій сынъ, нахавшій землю сохою, запряженною лошадьми.

Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Ohio. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, выпнулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавъ. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну, и не забывъ въ своей духовной того, чья участь ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братъя его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ, просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной-Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшею для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра

въ то время столъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинокъ. Тутъ находился молодой человекъ, по имени Омъ-чу-гвуть-онъ. Онъ былъ выскочекъ, по приказанію американскаго начальства, за пастоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ пробѣдѣ, онъ прѣхалъ ко мнѣ на своемъ челнокѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрить, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причали къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ течение дня имѣла съ нею тайные разговоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человекъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду;—вдругъ приближился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой» такъ называлъ онъ меня самъ, «если у тебя недостаетъ пороку, пули или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличались еще болѣе. Однакожъ онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня пожикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ позвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный чашъ, не желая показывать ему свои подозрѣнія. Пазатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и перетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь панъ былъ запитъ; скоро потомъ мустики <родъ комаровъ> напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; по усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза, сильнѣе первой! Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодого человека. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросилъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣлъ, я увидѣлъ, что онъ стегаетъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожъ я все противился дремотѣ.

«По утру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ;

мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смѣтеніе. Наконецъ, мы поѣхали. Молодой человекъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семь мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вершей ширины, а въ десяти—отъ поворота, о которомъ я упоминалъ—находится маленький, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія <что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу>, какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моею головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнилъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвуть-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ; онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодого человека; по теченіе было слишкомъ сильно для меня; оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него и, вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи. Пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни и сталъ кликать Омъ-чу-гвуть-она, просилъ его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня,—кричалъ я,—но хотя я и смертельно раненъ, однако, боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ». Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту, какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ порты, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на знобъ лѣтнаго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ браанный, называемый сассакуи, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ бѣга, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвуть-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не надѣлся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возъ

обновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею рапою. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвалъ на биты остатки своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. вмѣсто дубковъ привязалъ я прутники, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутаю на шею.

«Послѣ того взявъ корку съ дерева, похожаго на вишневое и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдавлявшие меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пѣнь служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени пробрѣсть въ этомъ самомъ мѣстѣ: ждалъ я отъ нихъ-то помощи. Индѣйскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвуть-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены нѣкого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, я замѣтилъ, что мустики, которые роємъ обдѣлили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мной и, наконецъ, исчезли. Я не приписавъ этого непосредственному дѣйствию Великаго Духа; вечеръ ставился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожъ увѣренъ, какъ и всегда во время бѣдствій и опасности, что Владыка дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ поминилъ, просыпаясь, что силась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвуть-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ извѣщали страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣчскіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидѣвъ меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе ихъ быстро уносило, и зовъ мой, произнесенный на индѣйскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ, я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились и лодка подбѣжала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ вѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ разысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшили тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвуть-онъ, и общались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: «Что новаго?»—«Все хорошо,—отвѣчалъ Г. Стюартъ,—другой новости нѣтъ». «Бѣлые люди»,—возразилъ старикъ,—«никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвуть-онъ, былъ тамъ и сказывалъ, что Соколъ <Индѣйское прозвище Д. Теннера>, который дней нѣсколько тому назадъ пробжгалъ здѣсь съ женою и дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвуть-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя вась, бѣжалъ».

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожъ искать Омъ-чу-гвуть-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣривъ въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ...» Тогда показали меня Индѣйцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ, дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплюснута. Оленья жиля и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже реберъ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня оишь. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табакъ. Но разысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшиной, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову, и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индѣйцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливались въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣждала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ са-

тому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омь-чу-гвуть-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ и запретили бѣ туда являться. <Она была мать моихъ дѣтей; я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти <какъ предлагали мнѣ купцы>; но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бѣ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки», и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности *). Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ yankee **), съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

*) Общество, коего цѣль—истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изд. [Пушкинъ].

**) Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ.

Изд. [Пушкинъ].

983. ОРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ. *)

Стихотворенія Виктора Теплякова 1836.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудро, сядя на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ гения—или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе вызвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ берега
родные;

Златой струится блескъ по синему пути;

Прости, земля! прости, Россія!

Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

*) Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченія

Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?

Чьи слышалъ ты благословенія?

Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ

Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,

И юности твоей избитый бурей чѣлнъ,

И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —

Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ

Печально въ сердцѣ раздается!

Какъ быстро мой корабль въ чужую даль
несется!

О, лютя странника, святой отъ грусти шить,

Прійди, подруга думъ завѣтныхъ!

Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣт-
ныхъ

Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I,

Пускай на юность ты мою

Вѣнецъ терновый положила —

О мать! душа не позабыла

Любовь старинную твою!

Теперь—сны сердца прочь летите!

Къ отчизнѣ душу не мапите!

Тамъ никому меня не жаль!

Синѣй, синѣй, чужая даль!

Сѣдыя волны, не дремите!

II,

Какъ жадно вольной грудью я

Пью безпрѣдѣльности дыханье!

Лазурный міръ! въ моемъ сіяньи

Сгораешь, тонетъ мысль моя

Шумите, парусы, шумите!

Мечты о родинѣ, молчите!

Тамъ никому меня не жаль!

Синѣй, синѣй, чужая даль!

Сѣдыя волны, не дремите!

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гулите жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движе-
ніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ,
прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они
мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гроб-
ницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колес-
ницы!

О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его расскажетъ—
Стенной ли вѣтръ, или плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манить, подьменя руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежатъ вѣнець терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлые волны хитопъ перловый,
Святый изъ ропота слова
И подъ эфирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говорить.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачь души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній
шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачь
души: слова, которыхъ святѣе ропота волнъ...
все это не точно, фальшиво, или просто
ничего не значить.

Гро[е]сетъ въ одномъ изъ своихъ послан-
ній пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслужила такого стро-
гаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣ-
нію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ
(кроме «Превращеній»). Героиды, Элегіи
любовныя, и сама поэма „*Ars amandi*“, мни-
мая причина его изгнанія, уступаютъ „Эле-
гіямъ Понтійскимъ“. Въ сихъ послѣднихъ
болѣе истиннаго чувства, болѣе простоду-

шія, болѣе индивидуальности, и менѣе хо-
ходнаго остроумія. Сколько яркости въ
описаніи чуждаго климата и чуждой земли!
сколько живости въ подробностяхъ! и какая
грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!
Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ
не ищетъ блистать душевной твердостью
на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живо-
стію застываетъ за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! на-
зовешь

Ласкательствомъ души уничиженной?—
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятемъ пораженный!..
Подобно мнѣ Овидію, ты сирѣ и одинокъ
межъ всѣхъ

И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады,
Огонь сердца безъ тепла, и безъ веселья
смѣхъ,

И плачь безъ слезъ, и слезы безъ улады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста
Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоин-
ства, если бы г. Тепляковъ болѣе сообра-
жался съ характеромъ Овидія, такъ искренно
обнаруженнымъ въ его *плачъ*. Онъ не ска-
залъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ,
поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и
смолоду не былъ охотникъ до войны, что
тяжело ему подъ старость покрывать сѣ-
дину свою шлемомъ, и трепетной рукою
хвататься за мечъ при первой вѣсти о на-
бѣгѣ. См. *Trist. Lib. IV. El. I.*

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрас-
ными стихами:

Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!..

.....

«Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!—
И грянулъ знакъ... и все молчить,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросался разъяренный:—
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голось громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.

«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться?—
«Ты отгадалъ!..» Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшателься!..
Но нѣтъ!—и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучать въ душѣ моей!

ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ТЕПЛЯКОВЪ.

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустаного Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела его
мощины*

Съдыхъ въковъ скрываютъ рой:
Во мнѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ берегомъ ли

твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необо-
зримый,

Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?

Не ты ль спираешь свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови не растопился берегъ,
Пламень безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?

— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ пивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучий
Мчатъ саранчи голодной тучи:
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣд-
ная картина народа кочующаго; размышле-
нія при видѣ развалинъ Венеціанскаго замка

имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, слишкомъ сильно врѣзан-
ныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ по-
этъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.

Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.—
То грохотъ пушки заревой,

Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость? завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Ущемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!

И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ
журчаньи,

При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по
мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ
ней обнаруживается необыкновенное искус-
ство въ описаніяхъ, яркость въ выраже-
ніяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ

даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тѣбности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами—
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!

Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сяеовыхъ начертаны символовъ?...
Какъ знать? И здѣсь быллой порою,
Творенія, можетъ быть, весною,
Родъ человѣскій безъ умолку жужжалъ—
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшень,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣннѣй
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздвигались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ деревьевъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ!—
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы лшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ обвѣдокъ,—
Парилъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напоследокъ—
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковой,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатитъ она!—
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головою;
Но съ нимъ подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вѣется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковистый,
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ курявый,
Какъ трупъ онъ рухнулъ безглавый;
Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вѣется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужъ юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,

Какъ сердце, полное—то безнадежной муки,
То чудной радости—съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки...

Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ—
Семейство ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!...

Иероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзоль!
Межъ вами и душой моею,
Скажите, что за симпатіи?—
Нѣтъ! вы не мертва Ничтожества строка:
Вашъ прахъ—урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О дайте жъ, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой—
Вѣка смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми—
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождень,
И вотъ ужъ яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эоира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ;
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ,
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Пара во мглѣ тысячекратій...

Звѣрей и птицъ почныхъ приютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альнаскры! приступите,
Свои имъ грезы расскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?...

Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка—вѣковъ лишь повторенье!
Смерва—свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ—изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальные элегіи < между коими шестая

весьма замѣчательна> заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію.—Вообще главные достоинства «Оракійскихъ Элегій»: блескъ и энергія; главные недостатки: напыщенность и однообразіе.

Къ «Оракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не писалъ, кромѣ элегій *Одиночество* и станса *Любовь и Ненависть*, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Упыло крупный дождь въ окно мое стучать;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Миѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется...
Миѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка *внучатъ* своихъ ласкаетъ,
У креселъ дѣловскихъ красавица сидитъ—
И былымъ старины, работая, внимаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долги лобзанья пламенѣютъ?

Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою почной
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палащей пѣгѣ
млѣютъ.

V.

Межь тѣмъ какъ онъ кипитъ, мой одинокій
умъ
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей думается!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными *дубами* обѣнненый,
Подруга милая и яркій камелѣкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный,—

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ
моей!
Лучъ вѣры пламенной блесни въ ея пустынь?
Пролейся въ грудь мою дѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долгъ исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный
слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Передъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эфирѣ;
Поправь земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать и *вругъ* въ здѣшнемъ мірѣ!

984. ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА.

Сочиненіе Сильвіо Пеллико.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: *Dei Doveri degli uomini*, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей не лѣзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже *половицею народовъ*; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не

въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ Евангеліи: мало было избранныхъ <даже между первоначальными пастырями Церкви>, которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Иисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ

избраннымъ, которыхъ Ангелъ Господній привѣтствовалъ именемъ *человѣковъ благоволенія*.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслии. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывалось изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга «*Dei doveri*» устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслѣдъ за книгою *Жизни* <Мои темницы>, она показала бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія».

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся

исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться *сухой* и холодно-догматической? Неужели, если бѣ она была написана въ тишинѣ Фиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ?—Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «*Исторіи Поэзіи*».

Это ужь не ново; это было уже сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ *соображеніи* понятій, какъ языкъ неистощимъ въ *соединеніи* словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повторенія лексикона. *Мысль* отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; *мысли же* могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее <книгу Пеллико> съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и щастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство удовольствия и чувство надежды».

985. СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,

прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ.
1836 г. Спб.

Въ наше время главный недостатокъ, отзываются во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые *ученые* принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною *взглядовъ*, приписываніемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ пред-

метамъ и пр. Таковыя средства <которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ> не поднимаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій *духъ сомнѣнія и отрицанія* въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о Святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи

предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мѣстѣ знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнью прославившихся святыхъ мужахъ*. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь Россійская»,—сказано въ предисловіи,—«весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнныхъ мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсядословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общіе Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четы-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотошъ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ службъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патрі-

архахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсядословы. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, въ своихъ «Четыхъ-Минейхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсядословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники Новгородскіе, Псковскіе, Вологодскіе и другіе.

Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣнно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почивали; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-пожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда читается ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіямъ или преданіемъ обычаю».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» <впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство> найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ, и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Второго отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

ВЗГЛЯДЪ ПУШКИНА НА СОВРЕМЕННУЮ ЕМУ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Шумное и грубое выступление члена Россійской Академіи, М. Е. Лобанова, съ рѣчью «Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной» (18 янв. 1836 г.) было типичнымъ явленіемъ въ исторіи литературной полемики тридцатыхъ годовъ XIX в. Голосъ Лобанова не былъ одинокимъ выкрикомъ какого-то изступленнаго старовѣра, а выражалъ взгляды, весьма распространенные въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ. Довольно продолжительное время французскій романтизмъ былъ боевымъ пунктомъ, вокругъ котораго сосредоточивались горячіе дебаты нашей журналистики. Въ виду этого, чрезвычайно существенное значеніе приобретаетъ вопросъ о томъ, какъ относился Пушкинъ къ французскимъ романтикамъ и вообще къ писателямъ эпохи французскаго романтизма, завершившейся (въ произведеніяхъ В. Гюго, Жоржъ Сандъ, Э. Сю и Бальзака) созданіемъ реальнаго и соціальнаго романа.

I.

Вообще говоря, французская литература, особенно ея т. наз. «юная словесность» (*les Jeunes-France*), среди нашихъ критиковъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ имѣла больше противниковъ, чѣмъ сторонниковъ. Въ сущности, одинъ только «Московскій Телеграфъ» Н. А. Полевого съ беззаветнымъ увлеченіемъ пропагандировалъ французскій романтизмъ, особенно восторгаясь произведеніями В. Гюго, въ которыхъ онъ находилъ «соединеніе истины, философіи и поэзіи»¹⁾.

Въ связи съ Лобановымъ и Пушкинымъ остановимся нѣсколько на тѣхъ статьяхъ русскихъ журналовъ, которыя были направлены именно противъ «юной Франціи». Русскіе обличители нерѣдко говорили прямо съ голоса французскихъ и англійскихъ журналистовъ и не всегда даже бывали искренны (какъ Сенковский), но все же наша журнальная полемика хорошо отмѣняетъ общій фонъ картины.

Недавній сотрудникъ «Вѣстника Европы», гдѣ онъ такъ страстно нападалъ на «сонмище нигилистовъ», Надеждинъ и въ своемъ «Телескопѣ» продолжалъ войну съ романтиками²⁾, охотно пользуясь при

этомъ статьями иностранныхъ критиковъ (Ж. Жанена¹⁾, но особенно Низара²⁾ и Густава Плянша³⁾.

Съ своей стороны, Брамбеусъ-Сенковский, не довольствуясь самостоятельными вылазками противъ «юной словесности», опирается на авторитетъ французскаго же критика Granier de Cassagnac, напечатать (правда, въ искалѣченномъ видѣ) его статью «Jacques, par George Sand»⁴⁾ подъ заглавіемъ «Школы въ нынѣшней французской словесности»⁵⁾.

Въ статьяхъ французскихъ критиковъ, которые служили авторитетами для Надеждина и Сенковского, съ полнымъ единодушіемъ подчеркивалась мысль объ органической связи новаго теченія во французской литературѣ съ июльской революціей: за политической революціей послѣдовала революція литературная, которая не только стремилась ниспровергнуть старые литературные кодексы, но и продолжала разрушительное дѣло революціи своими нападками на религію, семью, собственность, на всѣ «священные» основы общества. Въ лучшемъ случаѣ новая литература распространяетъ заразу сомнѣнія, скептицизма и пагубнаго индивидуализма. «Sur la religion, doute; sur la constitution de la famille, doute; sur l'assiette des peuples, doute; sur les principes philosophiques, doute; sur les théories littéraires, doute; doute sur tout», жаловался Гранье де Кассаньякъ. Скептики, отвергающіе всякій синтезъ, живутъ въ самихъ себѣ, полны умственнаго эгоизма (*se constituent en état d'égoïsme intellectuel*), и въ пустынь, которую они создаютъ вокругъ себя этимъ отрицаніемъ, возвышается одна только пирамида—*le moi*.

на которыя мы даѣе ссылаемся, однако, не использованы г. Замотинимъ.

¹⁾ Телескопъ, 1833, ч. XIII. («письмо къ милэди Ф. Б. о «Состояніи искусства во Франціи послѣ июльской революціи»).

²⁾ Статья «О вѣроятности близкаго упадка легкой литературы во Франціи» (Тел., 1834, ч. XIX). Это — точный переводъ первой половины статьи Низара «D'un commencement de réaction contre la littérature facile» изъ «Revue de Paris», 1833, t. 57. Бойкій и колкій отвѣтъ Низару даѣтъ Ж. Жаненъ (см. его «Critique. Portraits et caractères contemporains. Paris. P. 17—45»), но его отвѣтъ въ русскіе журналы не пошелъ.

³⁾ Статья «Современная французская литература» (Тел., 1834, ч. XX), опять неполный переводъ статьи «Les royautés littéraires» изъ «Revue des deux Mondes», 1834, t. I.

⁴⁾ Revue de Paris, 1834, т. II.

⁵⁾ Библиотека для Чтенія, 1834, т. VII, отд. II.

¹⁾ См. главу III въ книгѣ И. И. Замотина «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ» (Варшава, 1903).

²⁾ И. И. Замотинъ. *ib.*, гл. IV и V—Статьи,

Рядомъ съ французскими журналами, Надеждинъ и Сенковскій охотно прибѣгаютъ также къ статьямъ англійскихъ ежемѣсячниковъ, особенно — *Edinburgh Review* ¹⁾. Англійскіе журналы (и «*The Quarterly Review*» даже рѣшительнѣе, чѣмъ «*The Edinburgh Review*») стремились по состоянію литературы характеризовать и весь французскій народъ: они высказываютъ опасеніе, что нечистый потокъ литературы смоетъ послѣдніе остатки благопристойности и набожности (*of decency and piety*) и вернетъ огрубѣвшую націю (*the brutalized nation*) ко днямъ первой революціи.

Въ одной изъ своихъ статей Сенковскій задался цѣлью отдать себѣ и читателямъ систематическій отчетъ въ томъ, какъ онъ смотритъ на современныхъ французскихъ писателей, и въ какомъ отношеніи къ нимъ находится онъ самъ, какъ беллетристъ ²⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергая упреки въ томъ, что онъ подражаетъ «юной словесности», Брамбеусъ не жалѣетъ красокъ, чтобы очернить французскую литературу. «Это прямо вторая французская революція въ священной оградѣ нравственности, затѣянная со всею легкомысленностью, и производимая со всѣмъ неистовствомъ и остервенѣніемъ, свойственными народу, который произвелъ и обожалъ Марата, Робеспьера, Сенъ-Жюста», писалъ Брамбеусъ: «и чернильныя тюрьмы, казни, эшафоты,—и это безвѣріе, скептицизмъ, ужасъ и безстыдство въ Драмѣ, Романѣ и Повѣсти,—и эта кровь и буйства на страницахъ легкаго и пріятнаго чтенія, происходятъ отъ того же умственного недуга, который за сорокъ лѣтъ передъ симъ усвѣлялъ Францію политическими развалинами и трупами». Надеждинъ не повѣрилъ оправданіямъ Брамбеуса и съ новой силой повторилъ, что онъ видитъ въ баронѣ вѣрнаго послѣдователя неистовой французской литературы, но къ его оцѣнкѣ «юной словесности» вполне присоединился ³⁾.

¹⁾ Библ. для Чтенія, 1834, т. I, статья изъ «*Edinburgh Review*» (1833, vol. LVII, N CXVI), но черезъ посредство журнала «*Magazin für die Literatur des Auslandes*», 1833, November, № 137—139.—Статья «Мнѣніе Лондонскаго и Вестминстерскаго Review о французскихъ романистахъ девятнадцатаго столѣтія» въ «Телескопѣ» за 1835 г., ч. XXX (по поводу статьи въ «*The Quarterly Review*», 1836, vol. LVI, № CXI).

²⁾ Брамбеусъ и юная словесность. Библ. для Чтенія, 1834, т. III, отд. I, стр. 33—60.

³⁾ Здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ. Телескопъ, 1834, ч. XXI, стр. 131—175, 246—276 и 317—335.

Минуя другія статьи русскихъ журналовъ 30-хъ годовъ, напомнимъ лишь, что на французскую литературу нападалъ и Бѣлинскій, сначала мягко, а въ гегельянскій періодъ чрезвычайно рѣзко. Въ 1836 г. Бѣлинскій упрекалъ Шевырева въ какомъ-то «безотчетномъ и безусловномъ предубѣжденіи противъ всей современной французской литературы», полагая, что «для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ «Библиотеки для Чтенія» противъ французской словесности». «Право, слишкомъ уже приторны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобриановъ и Ламартиновъ, и мы очень бы желали, чтобы наши нравоучители или растолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили бы свое негодованіе!»... Самъ Бѣлинскій того мнѣнія, что «французской литературѣ не достаетъ чистаго, свободного творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, обществѣнности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредитъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что бы то ни стало» ¹⁾. Но уже въ 1838 г. мы читаемъ у Бѣлинскаго ²⁾ «Все, что есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ, всѣ ея уклоненія, все, что есть ужаснаго въ гражданскомъ обществѣ, всѣ его противорѣчія — все это они (т.-е. господа неистовые) отвлекли отъ природы человека и отъ гражданского общества, и рядъ чудовищно-нелѣпыхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ... Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы и дома разврата,—сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффе́кта».

Итакъ, ходячія обвиненія противъ французской литературы 30-хъ годовъ сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) она — исчадіе іюльской революціи и вообще революціоннаго духа Франціи; 2) своей безнравственностью она подрываетъ основы общественной жизни и 3) она — печальная свидѣтельница моральнаго упадка всей Франціи.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 475—8.

²⁾ *Иб.*, т. III, стр. 409.

II.

Посмотримъ теперь, какъ реагировалъ на то же литературно-общественное явление Пушкинъ.

Пушкинъ обладалъ трезвой, реалистической натурой и свѣтлымъ художественнымъ созерцаніемъ. Его влекли къ себѣ гармоническія формы классическаго искусства; въ самомъ себѣ онъ носилъ аполоновскія начала поэтическаго творчества. Если даже мы не пойдемъ такъ далеко, какъ г. А. Mansuy¹⁾, который утверждаетъ, что «tout ce qu'il y a de tact, de goût, de mesure, de sens artistique dans Pouchkine, il le doit à l'influence des classiques français» (р. 277),—то все же не можемъ отрицать ни вліянія французскихъ классиковъ на Пушкина, ни его духовнаго родства съ нѣкоторыми изъ нихъ. Воюя въ значительной степени былъ правъ, когда писалъ о Пушкинѣ: «Près de ce coeur de fou résidait l'esprit littéraire le plus sage, clair et mesuré, classique dans la meilleure acception du terme». ²⁾ Въ широкой и свободной душѣ Пушкина нашлось мѣсто для самыхъ разнообразныхъ симпатій; предъ нимъ были открыты литературныя сокровища разныхъ эпохъ и народовъ, и во всемъ гениальный поэтъ умѣлъ находить живой предметъ для своей мысли и творчества. Но нельзя не видѣть того различія, какое обнаруживается въ отношеніи Пушкина къ нѣмецкому идеализму, съ одной стороны, къ французскому классицизму и англійской литературѣ, съ другой. Пушкинъ не могъ ассимилировать своего настроенія съ настроеніемъ московскаго кружка Любомудровъ³⁾, тогда какъ его «классическія» симпатіи отчетливо сказываются и на протяжении всѣхъ тридцатыхъ годовъ рядомъ съ тяготѣніемъ къ англійской литературѣ (не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ второстепеннымъ ея представителямъ, въ родѣ Barry Cornwall).

¹⁾ А. Mansuy (лекторъ франц. языка въ Варшавскомъ унив.). Ce que doit Pouchkine aux écrivains français? *Revue politique et littéraire. Revue Bleue* 1904, 20 et 27 août. Въ статьѣ встрѣчаются фактическія погрѣшности и преувеличенія, но есть и интересные соображенія.

²⁾ V-te E. M. de Vogüé. *Le roman russe. Troisième édition, Paris. 1892. P. 42.*—О вліяніи французскихъ классиковъ на языкъ Пушкина говоритъ О. Е. Коршъ въ статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки» (Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1898, III, кн. 3, стр. 697—703.

³⁾ См. въ этомъ изданіи статью Н. О. Лернера «П. въ Москвѣ послѣ ссылки» (т. III).

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ внимательно слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ современной ему французской литературѣ. Не только друзья, напр., А. И. Тургеневъ снабжали Пушкинскій кружокъ всѣми новостями по части французской литературы¹⁾, но и самъ Пушкинъ старательно приобрьталъ всѣ новинки²⁾. Тонкій критикъ, Пушкинъ оставилъ немало отдѣльных замѣтокъ о французскихъ писателяхъ эпохи романтизма и задумалъ было на эту тему цѣлую статью, отъ которой, къ сожалѣнію, мы имѣемъ только программу³⁾.

Въ то время, какъ русская критика пушкинскаго періода, за исключеніемъ одного Бѣлинскаго, въ своихъ взглядахъ на французскую словесность исходила, главнымъ образомъ, изъ моральныхъ принциповъ, въ сужденіяхъ Пушкина преобладаетъ критерій эстетическій. Онъ посмотрѣлъ на вопросъ, прежде всего, какъ художникъ, который дорожитъ искусствомъ, какъ таковымъ. Но онъ не могъ оставить безъ вниманія и вопроса о степени «безнравственности» французской словесности, тѣмъ болѣе, что нашъ поэтъ ясно сознавалъ извѣстную аналогію между своимъ собственнымъ положеніемъ и положеніемъ французскихъ новаторовъ передъ лицомъ старозавѣтныхъ или, по крайней мѣрѣ, нечуткихъ и одностороннихъ защитниковъ нравственности въ поэзіи.

Пушкинъ даетъ намъ отвѣты по тремъ основнымъ пунктамъ вопроса: 1) какова цѣнность французской литературы въ художественномъ отношеніи? 2) какую этическую квалификацію можно дать ея содержанію и 3) какое значеніе имѣла французская словесность для русской литературы тридцатыхъ годовъ?

Пушкинъ двадцатыхъ годовъ съ интересомъ ждалъ французскаго романтизма. Правда, у него самого, какъ и у другихъ въ то время, были довольно сбивчивыя представленія о сущности роман-

¹⁾ Смирнова, I, 203.

²⁾ Въ этомъ отношеніи поучительно взглянуть, напр., на счетъ Пушкину изъ книжнаго магазина Bellizard et Co (отъ 1836 г.)—въ «Дѣлѣ объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина» (въ музеѣ А. А. Бахрушина, пожертвованномъ нынѣ Академіи Наукъ). См. снимокъ въ журналѣ «Искры», 1909, № 45.—«Александръ», пишетъ Ольга Серг. Павлищева въ 1836 г., «снабдилъ меня, по моей просьбѣ, многими французскими и даже англійскими авторами» (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищевой, 412).

³⁾ Пушкинъ, VI, 654. Всѣ ссылки сдѣланы на изданіе «Просвѣщенія», подъ ред. П. О. Морозова.

тизма (надлежащимъ образомъ не освѣщеннаго и теперь), но Пушкинъ своимъ эстетическимъ чутьемъ вѣрно угадывалъ общій смыслъ новыхъ явленій во французской литературѣ.

Въ 1823—24 гг. онъ надѣется, что романтизмъ «возродитъ умершую поэзію» Франціи. «Вспомни мое слово», пишетъ онъ П. А. Вяземскому: «первый Геній въ Отеествѣ Расина и Буало—ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ—что твои нѣмцы»¹⁾. И эта перспектива, видимо, нисколько его не пугаетъ. Относительно будущаго французской литературы онъ, очевидно, раздѣляетъ взгляды m-me de Сталь, имя которой всегда произносилось имъ съ полнымъ уваженіемъ.

Романы Сталь пользовались у насъ большой популярностью, и Пушкинъ констатируетъ это въ извѣстныхъ словахъ: «Люби насъ не природа учить, а Сталь или Шатобріанъ»²⁾.

Ея произведенія были не только въ рукахъ Татьяны³⁾, но и Онѣгина⁴⁾. Онѣгинъ, можно думать (судя по контексту), читалъ уже не одни романы madame de Stael. Да въ одномъ вариантѣ прямо сказано: «Онъ зналъ нѣмедкую словесность по книгѣ г-жи де-Сталь»⁵⁾. Пушкинъ, во всякомъ случаѣ, видѣлъ въ ней умнаго и мыслящаго человѣка, къ мнѣніямъ котораго стоитъ прислушиваться⁶⁾. Вспомнимъ, съ какимъ чувствомъ увлеченія говорится о Сталь въ «Рославлевѣ» (1831 г.). Полина (этотъ новый типъ русской дѣвушки-гражданки, современницы Татьяны, но весьма отличной отъ нея), съ благоговѣніемъ смотритъ на автора «Коринны»: «она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и гениальной»⁷⁾. У нея она научилась протесту противъ тогдашняго положенія женщины. «Я знаю», смѣло говорить молодая

дѣвушка¹⁾, «какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю униженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Stael. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой». Полюбила Полина французскую писательницу и за то, что она понимаетъ «нашъ добрый, простой народъ» и вѣритъ въ его будущее²⁾. Полина ненавидитъ гонителя г-жи Сталь, Наполеона, и Пушкинъ горячо беретъ подъ свою защиту именно автора «Dix ans d'exil» противъ грубыхъ нападокъ Муханова (Сынъ Отечества, 1825, № 10). «Что за слогъ и что за тонъ!» возмущается Пушкинъ³⁾: «Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между шепетильными (?)⁴⁾ французами и дочерью Неккера, гонимому Наполеономъ и покровительствуемому великодушіемъ русскаго императора?»⁵⁾. Когда Пушкинъ писалъ свою отвѣдь, онъ еще не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но и тогда, когда, съ помощью Вяземскаго, онъ выяснилъ себѣ личность автора статьи—Муханова⁶⁾, не взялъ своихъ словъ назадъ: «M-me de Stael наша—не тронь ея»⁷⁾. Онъ всегда отдавалъ должное «уму и чувствамъ необыкновенной женщины»⁸⁾.

Вмѣстѣ съ Сталь раздѣлялъ симпатіи Пушкина и другой предтеча французскаго романтизма—Шатобріанъ. Его произведенія были не менѣ популярны, чѣмъ романы Сталь⁹⁾, и В. В. Сиповскій готовъ

¹⁾ Ib., стр. 205.

²⁾ Ib., стр. 202—3.—Ср. о томъ же посвѣщеніи Россіи г-жею Сталь въ письмѣ къ Вяземскому отъ 27 мая 1826 г. (Сайтовъ, I, 351).—Во второмъ наброскѣ «Египетскихъ ночей» (1835) m-me de Stael вспоминается по поводу вопроса, кто первая женщина въ свѣтѣ (Пушкинъ, V, 540—1).

³⁾ Пушкинъ, VI, 8 («О г-жѣ Сталь и г. А. М—вѣ», 1825 г.).

⁴⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ Пушкину.

⁵⁾ По поводу послѣдняго выраженія Пушкинъ писалъ Вяземскому 13 іюля 1825 г. (Сайтовъ, I, 236): «Тутъ есть одно Великодушіе поставленное во-первыхъ ради Цензуры и вторыхъ для вѣщаго анонима (родъ онанизма журнальнаго)».

⁶⁾ Сайтовъ, I, 289, 305.

⁷⁾ Ibid., стр. 289.

⁸⁾ Пушкинъ, VI, 7. Ср. у Смирновой (I, 126) разговоръ Пушкина и Тургенева.

⁹⁾ Пушкинъ, IV, 294 (гл. I, стр. IX «Евг. Онѣг.» 1822 г. вариантъ); ib., 106 (гл. IV, стр. XXVI «Евг. Онѣг.», 1825 г.); ред. Ефремова, VIII, 487 (вариантъ: «Она влюблялася въ обманы Шато-

¹⁾ Сайтовъ. Переписка, I, 123 (письмо 1824 г.).

²⁾ Пушкинъ, IV, 294. (Евг. Онѣгинъ, I гл., IX строфа, 1822 г., вариантъ). Ср. о романахъ Сталь и Татьянѣ Пушкина въ очеркѣ В. В. Сиповскаго «Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна» (Пушкинъ. Сиб., 1907. Приложение).

³⁾ Ibid., 79 (гл. III, стр. X «Евг. Онѣгинъ», 1824).

⁴⁾ Ibid., 200 (гл. VIII, стр. XXXV «Евг. Онѣг.», 1830—1).

⁵⁾ Пушкинъ, IV, 294.

⁶⁾ Пушкинъ не разъ цитируетъ Сталь: IV, 48 (1822 г.); VII, 25 (1822); VI, 50 (1830), 342 (1834).

⁷⁾ Пушкинъ, V, 203.

думать, что байронизмъ Пушкина существенно осложнился влияніемъ Шатобриана¹⁾. Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ Пушкинъ уже видитъ слабыя стороны автора «René». Шатобрианъ и Куперъ, говоритъ онъ въ статьѣ «Джонъ Теннеръ» (1836)²⁾ «оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія... Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями»³⁾. Но Шатобрианъ, какъ личность, пожалуй, еще болѣе вырастаетъ въ глазахъ Пушкина на фонѣ общей распушенности и продажности. Уже Полина («Рославлевъ» 1831 г.) придаетъ значеніе тому, что Сталь была другомъ Шатобриана и Байрона⁴⁾. Шатобрианъ—въ старости, Шатобрианъ—переводчикъ «Потеряннаго рая» Мильтона умиляетъ Пушкина своимъ благородствомъ и своей отзывчивостью на творчество другихъ народовъ. Въѣдъ французы, по словамъ Пушкина, какъ разъ отличались «невѣжественной страстью къ народности»: «увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ», они долгое время «пренебрегали словесность своихъ сосѣдей»⁵⁾.

Шатобрианъ и Сталь были нѣкогда вѣстниками новаго теченія, но для тридцатыхъ годовъ они были уже весьма старыми писателями. Пушкинъ еще съ середины 20-хъ годовъ сталъ пылко всматриваться въ фizioномію молодыхъ французскихъ писателей, стараясь найти среди нихъ давно

ожидаемаго романтика, но поиски его пока безуспѣшны. Оспаривая мнѣніе Вяземскаго, который готовъ былъ причислить къ романтикамъ даже Шенье, поэтъ убѣжденно и не безъ грусти заявляетъ: «въѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи»; «tous les recueils de poesies nouvelles, dites Romantiques, sont la honte de la litterature françoise»¹⁾, да вообще «покажѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ»²⁾.

Кто эти прославленные поэты и особенно предполагаемые романтики? Беранже? Делавинъ? Ламартинъ?

Но «Beranger не поэтъ», лаконически выразился Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину (1832 г.)³⁾, и ничего, кромѣ шуточныхъ замѣчаній, мы не находимъ у него по адресу талантливаго пѣсенника, который умѣлъ такъ сильно дѣйствовать на настроеніе своихъ соотечественниковъ, и для котораго Бѣлинскій даже въ періодъ своего гоненія на французовъ постоянно дѣлалъ исключеніе. Онъ трунитъ по поводу переводовъ Вас. Льв. Пушкина⁴⁾. Графъ Нулинъ ѣдетъ въ Петрополь «съ запасомъ фраковъ и жилетовъ» и т. д. и между прочимъ «съ послѣдней пѣсней Беранжера»⁵⁾. Пѣсню Беранже «Soldat, t'en souviens-tu» онъ пародируетъ въ своей не свободной отъ пошенизма «Рефутаціи Беранжера», которая составляла одинъ изъ комическихъ номеровъ празднованія лицейской годовщины 19 окт. 1828 г.⁶⁾ Эту пародію, по словамъ Павлищева, Пушкинъ «часто произносилъ въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ»⁷⁾.

Отрицая поэтическія достоинства за пѣснями Беранже, Пушкинъ на этотъ разъ весьма скупъ на аргументацію. Нѣкоторое освѣщеніе вопроса находимъ у Анненкова⁸⁾: «Онъ (т.-е. Пушкинъ) ставилъ въ упрекъ

бриана и Руссо». Пушкинъ цитируетъ мысли Шатобриана—IV, 71 (1823); V, 206 (1831 г.); VI, 277 (1830); IV, 34 (Евг. Он., I, стр. IX). Ср. въ письмѣ отъ окт. 1823 г. «Atala Hansky» рядомъ съ «Laga Hansky» (Сайтовъ, I, 80, 79). Ср. разсказъ Смирновой: «Пушкинъ находить, что проза Шатобриана стоитъ всѣхъ стиховъ молодыхъ поэтовъ съ 1815 г.» (I, 140).

¹⁾ В. Сяповскій. Пушкинъ. Спб., 1907. Стр. 511—518. Съ этимъ согласенъ и проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 634—5).

²⁾ Пушкинъ, VI, 121.

³⁾ «Шатобрианъ, за исключеніемъ «Ренэ», ни въ чемъ меня не трогаетъ; десять строкъ Данте стоятъ всей его книги» (именно «Genie du christianisme»), говорилъ Пушкинъ, если вѣрить Смирновой (I, 153). Ср. ib., 149 (о томъ же) и 305 (сопоставленіе Руссо съ Шатобрианомъ).

⁴⁾ Пушкинъ, V, 203.

⁵⁾ Пушкинъ, VI, стр. 174 («О Мильтонѣ» Шатобриановъ переводъ «Потеряннаго Рая»). Отзывъ о самомъ переводѣ и о личности автора—ib., стр. 175, 180—3.

¹⁾ Сайтовъ, I, 123 (письмо 1824 г.).

²⁾ Ср. ib., 83.

³⁾ Сайтовъ. Переписка, II, 389.

⁴⁾ Ibid., I, 235 (1825 г.). Ср. въ «Воспоминаніяхъ» Л. Павлищева, стр. 223.

⁵⁾ Пушкинъ, III, 371.

⁶⁾ Пушкинъ II, 449 — 451. — Въ письмѣ къ Плетневу отъ 28 окт. 1830 г. Пушкинъ принимаетъ къ себѣ слова «Рефутаціи»: «хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать».

⁷⁾ Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ А. Павлищева (М. 1890), стр. 150. — Въ одной редакціи «Моей родословной» (1831 г.) Пушкинъ взялъ эпиграфъ изъ «Le Vilain» Беранже (Пушкинъ, II, 504—505). Проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) усматриваетъ даже сходство между названными произведеніями.

⁸⁾ Матеріалы (Спб. 1873), стр. 289, примѣч.

веселому и остроумному пѣсеннику, произведенія котораго дѣлились ниже «предельныхъ шалостей Коле», особенно то обстоятельство, что «не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго»¹⁾.

Беранже, впрочемъ, никогда и не думалъ примыкать къ романтикамъ: у него была своя, демократическая публика и своя манера слагать летучія пѣсенки.

Делавиня и Ламартина Вяземскій уже не прочь былъ зачислить въ группу романтиковъ²⁾.

Но и Казимиръ Делавинь, авторъ трагедіи «*Les vèpres siciliennes*» и другихъ пьесъ, справедливо кажется Пушкину скорѣе послѣдователемъ ложноклассиковъ: «Лавинь бьется въ старыхъ свѣтахъ Аристотеля—онъ ученикъ трагика Вольтера, а не природы»³⁾. Дальнѣйшей эволюціи творчества Делавиня, когда онъ болѣе или менѣе сближался съ романтиками, Пушкинъ не касается⁴⁾.

Сложные обстоитѣ дѣло съ Ламартиномъ.

Первые отзывы Пушкина, относящіеся къ двадцатымъ годамъ, еще сравнительно благоприятны для Ламартина. «Первыя думы Ламартина», пишетъ Пушкинъ въ 1823 г. Вяземскому⁵⁾, «въ св. родѣ едва ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ». Рѣчь идетъ, конечно, о «*Méditations poétiques*» (1820). Въ слѣдующемъ году Пушкинъ хвалитъ нѣкоторыя пьесы, вошедшія

въ «*Nouvelles méditations*» (1823 г.), говоря¹⁾: «Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ—вообще хорошъ какой-то новой Гармоніей». Но, еще не прочитавъ «*Le dernier chant du pèlerinage d'Harold*» (1825), Пушкинъ уже предвидитъ, что это будетъ «чепуха»²⁾, что Ламартину невозможно превратиться въ Байрона. Пушкинъ не могъ признать въ немъ не только байрониста, но и романтика вообще³⁾. «Ламартинъ кажется Пушкину скорѣе классикомъ, чѣмъ романтикомъ», категорически свидѣтельствуемъ А. О. Смирнова⁴⁾. Въ «Графѣ Нулинѣ» (1825 — 1827) шутивно настроенный поэтъ въ числѣ модныхъ писателей рядомъ ставитъ «*D'Arlincourt* и Ламартина»⁵⁾. Въ 1829 г., съ «*Harmonies poétiques et religieuses*», въ поэзію Ламартина сильно вторгается религіозный элементъ, но это не заставило Пушкина возвысить свое мнѣніе о французскомъ поэтѣ. Наоборотъ, въ его отзывахъ тридцатыхъ годовъ слышится почти сплошное порицаніе. Благочестиваго автора «*Harmonies religieuses*» онъ называетъ «сладкозвучнымъ, но однообразнымъ»⁶⁾. Иронизируя надъ превращеніемъ Сентъ-Бева въ степеннаго и нравственнаго поэта (въ «*Les Consolations*»), Пушкинъ прибавляетъ: «Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человекомъ»⁷⁾. Теперь въ глазахъ Пушкина Ламартинъ синонимъ скуки, «тошлага однообразія, вялой бездѣятности». «Ламартинъ скучнѣе Юнга, и не имѣетъ его глубины», пишетъ Пушкинъ въ 1832 г. Погодину, повторяя мысль своей же замѣтки 1831 г.⁸⁾.

¹⁾ Сaitовъ. Переписка, I, 123. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину отъ января 1824 г. Пушкинъ цитируетъ Ламартина (ib., 94).

²⁾ Сaitовъ. Переписка, I, 202 (письмо къ Л. С. Пушкину отъ апрѣля 1825 г.). Того же мнѣнія былъ и И. И. Козловъ. 31 мая 1825 г. онъ писалъ Пушкину (ib., 221): «*Mais si vous voulez du verbiage français dans un autre genre lisez le nouveau poème de Lamartine sur Harold; malgré quelques beaux vers, c'est de ce galimatias double, dont parle Beaumarchais.*»

³⁾ Сaitовъ. Переписка, I, 308 (письмо А. А. Бестужеву отъ ноября 1825). Ср. ib., 83, 123 и II, т., 18.

⁴⁾ Записки, I, 140; ср. 193—4.

⁵⁾ Пушкинъ, III, 372.

⁶⁾ Пушкинъ, VI, 430 («О приличіи въ литературѣ», 1830 г.).

⁷⁾ Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Оттискъ, стр. 32.

⁸⁾ Сaitовъ, II, 389. Фраза въ замѣткѣ считается, впрочемъ, спорной. Анненковъ (289, прим.)

¹⁾ Смирнова (I, 132, 158 и 324) даетъ очень соблазнительныя свѣдѣнія о томъ, что будто бы говорилъ Пушкинъ о Беранже («поэзія мелкой буржуазіи»), но, къ сожалѣнію ея показанія здѣсь болѣе сомнительны, чѣмъ даже въ другихъ мѣстахъ: вѣдь тутъ же идетъ рѣчь и о «Трехъ мушкетерахъ» Дюма. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) того мнѣнія, что имя Беранже «также поманило его (т.-е. Пушкина) къ себѣ не столько возраставшей силой политическаго вліянія и заступничеству за народныя нужды, сколько «живою прелестью стиха», порою столь близкаго къ поэтическимъ шалостямъ Пушкина, но тотчасъ же говоритъ о слабости «отголосковъ, казавшихся, столь естественнаго вліянія великаго «пѣсенника» на его русскаго собрата».

²⁾ Сaitовъ, I, 83.

³⁾ Сaitовъ. Переписка, I, 123. (письмо 1824 г.). ср. ib. 83 (письмо 1823 г.).

⁴⁾ Въ статьѣ 1830 г. «О запискахъ Видока» Пушкинъ, впрочемъ, причисляетъ Казимира де-ла-Виня къ «извѣстнымъ писателямъ» рядомъ съ Б. Констаномъ (VI, 60).

⁵⁾ Сaitовъ. Переписка, I, 83. — Также—Пушкинъ, VIII, 435. Но у Ефремова (Пушкинъ, VII, 82), читается безъ отрицанія «не», именно: «Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли лучше думъ Рылѣева».

Въ одномъ наброскѣ 1835 г. Пушкинъ нашелъ даже возможнымъ имя Ламартина сочетать съ именемъ Баркова ¹⁾. «Jocelyn» (1835) Пушкинымъ не упоминается, да онъ, вѣроятно, и не могъ имѣть въ виду этого произведенія, когда высказывалъ свои отрицательные отзывы о поэзіи Ламартина ²⁾.

Оцѣнка Пушкина, какъ видимъ, касается эстетической стороны въ произведеніяхъ Ламартина, и въ этомъ случаѣ къ его словамъ новѣйшая критика не могла бы прибавить ничего особенно существеннаго.

Но вотъ является уже признанный глава романтиковъ В. Гюго. Къ 30-мъ годамъ въ Пушкинѣ вполне созрѣлъ глубокой художникъ, съ строгими требованіями къ искусству, и естественно, что онъ далеко не въ восторгѣ отъ «новѣйшей вольной школы» французскихъ поэтовъ. Прежде всего, его не удовлетворяютъ ихъ нововведенія, касающіяся самыхъ формъ поэзіи. «Hugo съ товарищи, друзья натуры» только «растрепали» александрійскій стихъ: «его гулять пустили безъ цезуры» ³⁾. «Les Orientales» (1829) «важнаго Victor Hugo», правда, «блестящія» стихотворенія, но «натянутыя» ⁴⁾.

читаетъ «Юнга», Морозовъ (VI, 432) — «Юма». Это чтеніе принялъ было и Ефремовъ (V, 582), но, справившись въ рукописью, [отъ ред. Ефремовъ дѣйствительно говорить о «рукописи». Но это не вѣрно. Ефремовъ не работалъ по рукописямъ, и рукописи этой замѣтки совсѣмъ и нѣтъ. Ефремовъ, говорить, очевидно, о бывшемъ у него цензурномъ оригиналѣ Анненковскаго изданія С. В.], предлагаетъ читать «Юго», т.-е. V. Hugo (VIII, 544 и 576). Съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Морозовъ (VIII, 539). Чтеніе «Юго» само по себѣ возможно: Пушкинъ иногда писалъ такимъ образомъ имя французскаго поэта (хотя въ это время Пушкинъ едва ли признавалъ бывъшаго Гюго «глубину»). Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ чтеніе «Юнга» по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ письмѣ къ Погодину мы имѣемъ совершенно тождественную фразу съ именемъ Юнга; 2) естественно было сравнивать автора «*Harmonies religieuses*» съ авторомъ «*Ночей*», чѣмъ съ философомъ Юмомъ; 3) во всемъ отрывкѣ проводится вообще сравненіе французскихъ писателей съ англійскими и 4) въ «Литературной Газетѣ», къ редакціи которой, какъ извѣстно, Пушкинъ стоялъ весьма близко, въ № 47 за 1830 г., въ статьѣ «О Ламартинѣ и современной франц. поэзіи» (гдѣ вообще много сходнаго со взглядами Пушкина), между прочимъ читаемъ: «Ламартинъ другой Юнгъ».

¹⁾ Пушкинъ, V, 637.

²⁾ Смирнова увѣряетъ, что Пушкинъ высоко ставилъ Ламартина, во всякомъ случаѣ, выше Гюго (I, 140 193—4, 297).

³⁾ («Домикъ въ Коломнѣ», 1830).

⁴⁾ *Иб.*, VI, 430 («О приличіи въ литературѣ», 1830). Въ запискахъ 1834 г. Пушкинъ иронически

Не отрицая поэтического таланта Гюго, Пушкинъ постоянно подчеркивалъ въ немъ отсутствіе простоты, реторику: «V. Hugo не имѣетъ жизни, т.-е. истины» ¹⁾.

Искренность вдохновенія и художественную простоту—вотъ что выше всего цѣнилъ нашъ поэтъ. И когда онъ находилъ эти качества, онъ готовъ былъ искренно восторгаться французской поэзіей.

Такъ, Пушкинъ живо заинтересовался творчествомъ Жозефа Делорма, или Сентъ-Бѣва. «*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*» (1829) и «*Les Consolations, poésies, par Sainte-Beuve*» (1830)—подали Пушкину поводъ написать обширную рецензію въ «Литературной Газетѣ» (1831 г., № 32 ²⁾. Делормъ принадлежитъ къ «новой школѣ» и, подобно Гюго, хочетъ быть и реформаторомъ стиха. Французская критика хвалила мнѣнія, высказанныя Делормомъ по поводу стихосложенія. Пушкинъ же полагаетъ, что «Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества» ³⁾. Взглядъ въ высшей степени характерный для Пушкина, который никогда не ставилъ форму выше сущности содержанія. Что касается поэзіи самого Делорма, то Пушкинъ видитъ въ его стихахъ «необыкновенный талантъ, ярко освѣщенный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной

передаетъ содержаніе той оды Гюго, которая была переведена Деларю и навлекла кару на цензора Никитенко (VI, 571).

¹⁾ Саитовъ. Переписка, II, 389 (письмо къ Погодину отъ сент. 1832 г.). У Смирновой Пушкинъ говоритъ о Гюго (I, 191): «Онъ очень впечатлительнъ; свѣтъ, тѣни, краски вдохновляютъ его. Онъ слишкомъ любитъ метафоры, антитезы, звучность. Это просвѣчиваетъ въ его лирической поэзіи, онъ придумываетъ эффекты звуковъ, и его лирическая поэзія похожа на оду». *Ср. ib.*, 191—192, 193—4, 140, 295, 297.

²⁾ Честь открытія этой важной статьи Пушкина принадлежитъ Н. О. Лернеру. См. Н. О. Лернеръ—«Новооткрытыя страницы Пушкина» въ XII вып. изданія «Пушкинъ и его современники» и отдѣльно (стр. 23—38).

³⁾ *Ibid.*, стр. 31 отдѣльнаго оттиска.

па произволь страстей, не были высказаны съ такой разочарованностью¹⁾. Нашему поэту понятно такое настроеніе, но онъ не можетъ не упрекнуть и Делорма въ реторикѣ, въ «безвкусномъ подражаніи давно оставленной поэзіи стараго Ронсара», въ стремленіи на поэтическій фонъ своихъ картинъ налагать мутныя пятна болѣзненныхъ переживаній.

Общій характеръ содержанія въ произведеніяхъ Делорма таковъ, что онъ могъ подать поводъ для «нареканий и строгости нравственной цензуры». Для автора «Графа Нулина» эта сторона дѣла имѣла, можно сказать, кровное значеніе, и Пушкинъ съ полной отчетливостію высказалъ свое мнѣніе по спорному тогда вопросу: «Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи (разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, коими паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастье и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя...²⁾.

Довольно того, что Делормъ обладаетъ качествомъ, рѣдкимъ у новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, — «искренностію вдохновенія», и одно это уже освящаетъ всякій сюжетъ. Наоборотъ, когда Делормъ превратился въ Сентъ-Бева, когда въ «Les Consolations» онъ показалъ себя остепенѣвшимъ, «совершенно порядочнымъ» человѣкомъ, тутъ-то Пушкинъ и жаловѣть о поэтѣ, такъ какъ онъ въ угоду «вкусу и нравственности» пожертвовалъ «истинной поэзіей»³⁾.

Выше всѣхъ французскихъ поэтовъ молодой школы Пушкинъ ставитъ Альфреда де-Мюссе. Итальянскія и испанскія сказки (*Les contes d'Espagne et d'Italie*, 1830) своей «живостію необыкновенной» привели Пушкина въ восторгъ. «Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣваго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть», говоритъ онъ¹⁾. Съ Мюссе не сравнится ни Ламартинъ, ни Гюго, ни даже Делормъ. Пушкина радуетъ, что, когда «строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ», и Делормъ подчинился этому распоряженію, «молодой проказникъ» смѣло пошелъ противъ теченія, и его талантъ покори́лъ своихъ критиковъ: «Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать...» «Давно бы такъ, милостивые государи», прибавляетъ Пушкинъ столько же по адресу французскихъ журналистовъ, сколько своихъ собственныхъ судей²⁾.

Таковы отзывы Пушкина о французскихъ лирикахъ.

Поклонникъ Шекспира, Пушкинъ лишь слегка останавливается на романтически-драмѣ французовъ, но во всякомъ случаѣ, не видитъ въ ней новыхъ завоеваній для искусства.

дѣлалъ въ Делормѣ именно страстность и вдохновеніе.—У Смирновой (I, 328—9) Пушкинъ характеризуетъ С.-Бева и какъ критика.

¹⁾ Пушкинъ, VI, 431 («О приличіи въ литературѣ», 1830).—Позднѣе Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 янв. 1836 г.): «Альфредъ Мюссе рѣшительно головою выше въ современной фалангѣ французскихъ литераторовъ. Познакомься съ нимъ и скажи ему, что мы съ Пушкиными угадали въ немъ великаго поэта, когда онъ еще шалилъ и *faisait ses farces dans «Les contes espagnols»* (Остаф. Архивъ, III, стр. 289).

²⁾ Пушкинъ, VI, 430—1. Ср. Анненковъ (Матеріалы, 1873 г., стр. 287—8 и прим.).—Изъ программы неаписанной статьи (VI, 654) видно, что Пушкинъ хотѣлъ подвергнуть разбору и «*Fables de nuit*» Мюссе (1835—1837 гг.).—Стихотвореніе «Изъ VI Пиндемонте. Пушкинъ сначала хотѣлъ озаглавить: «Изъ Alfred Musset» (II, 564; ср. и въ статьѣ В. И. Срезневскаго «Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библиотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой»—IV вып. «Пушкина и его современниковъ», стр. 19). Въ стихотвореніи «Пажъ, или пятнадцатый годъ» (1830) Анненковъ (стр. 298) отмѣчаетъ «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе».—Ср. въ «Запискахъ» Смирновой, I, 93, 187, 297 и 323.

¹⁾ Ibid., стр. 24.

²⁾ Ibid., стр. 33.

³⁾ Ср. въ статьѣ «О приличіи въ литературѣ» (1830): «Бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита» (Пушкинъ, VI, 430). Анненковъ (Матеріалы, Спб., 1873, стр. 289, прим.) также свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ

Знаменитый «Кромвель» В. Гюго (1827) вызывает съ его стороны полное отрицание.

Удивляясь успѣху своего «Бориса Годунова» въ Петербургѣ, Пушкинъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 7 янв. 1831 г. иронизируетъ надъ догадкой москвичей, что его трагедія—«подражаніе Кромвелю Виктора Гюго», и, чтобы не было никакихъ сомнѣній на счетъ его дѣйствительнаго отношенія къ французамъ, тутъ же прибавляетъ: «Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о Французѣхъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!»¹⁾. Съ годами непріязнь къ Гюго крѣпнеть, и въ статьѣ 1836 г. «О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая» Пушкинъ не останавливается передъ самымъ суровымъ приговоромъ. Хотя Гюго, несомнѣнно, одаренъ талантомъ, но онъ поэтъ «второстепенный», «неровный, грубый»; его драмы—«уродливы», и «однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ его произведеній» является именно «Кромвель», пьеса съ «спотыкливымъ ходомъ», «скучная и чудовищная». Изображеніе въ ней Мильтона до такой степени противорѣчитъ исторической истинѣ, что это—въ сущности оскорбленіе великой тѣни. Если поэтъ Гюго такъ плохо понялъ поэта Мильтона, «то всякъ легко себѣ вообразить, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія!» Читатели теперь едва ли и помнятъ драму Гюго²⁾.

Драматическій очеркъ «Les marrons de feu» Альфреда де-Мюссе, думалъ Пушкинъ, «общаетъ Франціи романтическаго трагика»³⁾. Нравился Пушкину и «Театръ Клары Газюль» Мериме (Théâtre de Clara Gazul, comédienne espagnole, 1825)⁴⁾. Найдется у него еще упоминаніе объ «Антоніу» Дюма (1831 г.) въ наброскахъ «Египетскихъ ночей» (1835); хозяйка дома,

гдѣ собираются слушать разсказъ о Клеопатрѣ, относитъ пьесу Дюма къ числу «неблагопристойныхъ», вмѣстѣ съ «La physiologie du mariage» Бальзака¹⁾. Если бы можно было не сомнѣваться въ томъ, что «Записки» Смирновой нерѣдко грѣшатъ противъ истины, то сюда слѣдовало бы присоединить взглядъ Пушкина на «Чаттертона» Альфреда де-Виньи (1835)²⁾ и общую характеристику романтической драмы. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднему пункту можно признать достовѣрнымъ, что Пушкинъ могъ упрекать французскихъ романтиковъ въ неполномъ пониманіи Шекспира, и что онъ ставилъ выше ихъ не только Шекспира, но и Корнеля³⁾.

Много недостатковъ видѣлъ Пушкинъ также во французскомъ романѣ, который какъ разъ съ тридцатыхъ годовъ получаетъ блестящее развитіе, постепенно переходя въ романъ реальный и социальный.

Какъ и вездѣ, во Франціи особую вѣсть составлялъ романъ историческій вальтерскоттовскаго типа. На сценѣ опять—В. Гюго съ его «Notre Dame de Paris» и А. де Виньи, авторъ «Cinq-Mars». Пушкинъ въ 1831 г. подарилъ «Notre Dame de Paris» своей сестрѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, и она записываетъ⁴⁾: «Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подноситъ мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить». У самого Пушкина свѣдѣній о романѣ Гюго не находимъ (если не относить сюда общаго замѣчанія, что «V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины»⁵⁾).

Зато Пушкинъ подробно высказался о произведеніи А. де Виньи. Вообще онъ былъ того мнѣнія, что «романы А. Vigny хуже романовъ Загоскина»⁶⁾. Онъ недоумѣваетъ, какъ французскіе критики могли

¹⁾ Сайтовъ, II, 211.

²⁾ Пушкинъ, VI, 175—178.—Подобные же отзывы Пушкина о драмахъ Гюго и особенно о «Кромвелѣ» передаетъ и Смирнова, но въ тонѣ значительно болѣе мягкомъ, причемъ подчеркивается мысль Пушкина, что Гюго—драматургъ, въ сущности, не исполняетъ принциповъ своего манифеста—предисловія къ «Кромвелю» (I, 297—8 202, 208, 295, 153).

³⁾ Пушкинъ, VI, 431. («О приличіи въ литературѣ», 1830).

⁴⁾ Пушкинъ, II, 219.

¹⁾ Пушкинъ, V, 541, 543. У Смирновой есть рядъ отзывовъ Пушкина о драмахъ Дюма (I, 203, 294—5, 328). Но, такъ какъ она же (158, 163—7) заставлятъ нашего поэта бесѣдовать и о «Трехъ мушкетерахъ» (1844), то трудно отнести съ полнымъ довѣріемъ къ другимъ ея разсказамъ.

²⁾ Смирнова, I, 293—6. Ср. 329 и сл.

³⁾ Смирнова, I, 298, 153.

⁴⁾ Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ М. 1890. Стр. 257.

⁵⁾ Сайтовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

⁶⁾ Сайтовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

поставить «на одной доскѣ съ В. Скоттомъ»¹⁾ этого «чопорнаго, манернаго гр. Виньи» съ его «оближеннымъ романомъ»²⁾, въ которомъ Мильтонъ изображенъ съ такими же «недѣльными несообразностями», какъ въ «Кромвелѣ» Гюго³⁾.

Очевидно, по мнѣнію Пушкина, французскому историческому роману не удалось подняться на высоту вальтерскоттовскаго творчества. Такой выводъ, дѣйствительно, не легко оспаривать и теперь. Но Франція 30-хъ гг. справедливо могла гордиться своимъ социальнымъ романомъ.

Общественный романъ имѣлъ тамъ многихъ даровитыхъ представителей и распадался на нѣсколько разновидностей. Пушкинъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ относился къ тѣмъ сравнительно старымъ романамъ, въ которыхъ слышались близкіе ему байроническіе мотивы, «въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный чело- вѣкъ изображенъ довольно вѣрно», которые даже Онѣгинъ изъ опалы исключилъ.

«Таинственный Сбогаръ» (1818) Шарля Нодье называется среди байроническихъ героевъ, которые «тревожатъ сонъ отроковицы»⁴⁾.

Къ числу любимыхъ романовъ Пушкина принадлежалъ «Адольфъ» Бенжамена - Констана. Такъ свидѣлствуетъ кн. П. А. Вяземскій, переводчикъ этого романа, посвящая свой трудъ именно Пушкину. «Смиранный литографъ приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника», пишетъ Вяземскій: «Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугъ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему»⁵⁾. Русскій пере-

водъ появился, правду сказать, съ весьма большимъ запозданіемъ (черезъ пятнадцать лѣтъ), но это обстоятельство не смущаетъ переводчика. «Характеръ Адольфа», разсуждаетъ Вяземскій¹⁾, «вѣрный отпечатокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльдъ Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ. Въ этомъ отношеніи твореніе сіе не только романъ сегоднешній (roman du jour), подобно новѣйшимъ свѣтскимъ, или гостиннымъ романамъ, оно еще болѣе романъ вѣка сего». Пушкинъ близко къ сердцу принялъ переводъ «Адольфа»: хлопоталъ (вмѣстѣ съ Плетневымъ) насчетъ его печатанія и распространенія²⁾ и еще до выхода его въ свѣтъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» (1830, № 1) замѣтку, въ которой также поставилъ Б. Констана въ связь съ Байрономъ и предсказывалъ, что переводъ Вяземскаго «будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы»³⁾. Въ одномъ вариантѣ къ I главѣ «Евг. Онѣгина» (строфа V), Пушкинъ заставлялъ своего байронствующаго героя, между прочимъ, вести споры и о Б. Констанѣ⁴⁾.

Всѣ эти факты между прочимъ доказываютъ, что «байронизмъ» Пушкина (какъ и Лермонтова) весьма сложнаго состава, и что въ немъ есть немалая примѣсь французскихъ элементовъ. Недаромъ Вяземскій и Пушкинъ давали такую преувеличенно высокую оцѣнку художественнымъ достоинствамъ «Адольфа».

Сочувственно встрѣтился Пушкинъ въ общемъ интересѣ къ Байрону еще съ другомъ его любимымъ писателемъ, съ Альфредомъ де-Мюссе. На этотъ разъ рѣчь идетъ о шуточныхъ поѣмахъ Байрона,

¹⁾ Ibid., стр. XIV—XV.

²⁾ Саитовъ, II, 217 — 18, 252, 254, 267, 290, 313—14.

³⁾ Принадлежность этой замѣтки Пушкину доказана также Н. О. Лернеромъ въ «Новооткрытыхъ страницахъ Пушкина» (отд. оттискъ стр. 6—8). — Пушкинъ, видимо, не ограничился этимъ. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 20 янв. 1831 г. читаемъ (Саитовъ, II, 219): «Оставь Адольфа у меня — на дилъхъ пришлю тебѣ нужныя замѣчания».

⁴⁾ Въ этомъ вариантѣ говорится: «И могъ онъ съ ними въ самомъ дѣлѣ вести и мужественный споръ о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ, о Парни» (Ефремовъ, VIII, 474; Морозовъ, IV, 293—4). — Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» (1831) Лиза сравниваетъ Адольфа съ Ловеласомъ (V, 181). Ср. VI, 60 (1830) и у Смирновой, I, 304—310. — О вліяніи «Адольфа» на «Онѣгина» говоритъ проф. Дашкевичъ въ ст. «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ» Сборникъ «Памяти Пушкина», Кіевъ, 1899.

¹⁾ Пушкинъ, VI, 175 («О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая»).

²⁾ Ibid., стр. 178.

³⁾ Ibid., стр. 178 — 180. Предполагалъ Пушкинъ говорить о Виньи и въ ненаписанной статьѣ (VI 654). — Смирнова (I, 196—8, 297) очень близко къ статьѣ Пушкина передаетъ его мнѣніе о «Cinq-Mars», но присоединяетъ къ этому и другіе его отзывы о Виньи (188 и 230, 194—6) — Хорошо отзывался Пушкинъ о «Хроникѣ Карла IX». Мериме (II, 219).

⁴⁾ Пушкинъ, IV, 80 (гл. III, стр. XII «Евг. Онѣг.», 1824). — Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» (1830) кличку Сбогаръ носитъ собака Алексѣя (V, 127).

⁵⁾ Адольфъ. Романъ Бенжамена-Констана. Спб. 1831. (Посвященіе, подписанное «К. Вяземскій», съ датой 1829 г.). Въ оригиналѣ: «Adolphe. Anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu. Paris. 1816».

о томъ литературномъ жанрѣ, который столь оскорблялъ чопорный вкусъ «приличной» критики. Пушкинъ съ его огненными порывами къ земному равно оцѣнилъ этотъ жанръ, предвѣщавшій реальный романъ, и смѣло вступилъ въ борьбу за его право на литературное существованіе. Естественно, что онъ привѣтствуетъ Мюссе, который въ повѣсти «Mardoche» «первый изъ французскихъ поэтовъ умѣлъ схватить такъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка», вѣдь «трудно прилично выражать обыкновенные предметы»¹⁾ «Намуна» Мюссе вмѣстѣ съ «Беппо» Байрона подсказала нашему поэту форму «Домика въ Коломнѣ»²⁾.

Цѣнилъ Пушкинъ и Мериме, который такъ удачно мистифицировалъ его пѣснями западныхъ славянъ. По его мнѣнію, авторъ «Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы», — «острый и оригинальный писатель»³⁾.

Зато Гюго и въ качествѣ автора общественнаго романа встрѣтилъ со стороны Пушкина обычно суровое отношеніе.

По поводу «Записокъ Самсона, парижскаго палача» Пушкинъ жалуется на «безнравственность нашего любопытства» и говорить: «Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи»⁴⁾. Пушкинъ разумѣетъ, конечно, «Les derniers jours d'un condamné» (1829). Трудно понять, какую «грязь» усмотрѣлъ поэтъ въ романѣ Гюго, изображающемъ психологію осужденнаго на смертную казнь и написаннаго съ цѣлью доказать этическую несостоятель-

ность института смертной казни. Можно находить этотъ романъ «публицистическимъ», говорить, что «огонь» произведенія нерѣдко переходитъ въ риторику, что самая психологія преступника мѣстами кажется надуманной, но никакихъ этическихъ упрековъ великодушное произведеніе Гюго не заслуживаетъ. Очевидно, подъ «грязью» Пушкинъ разумѣетъ самый характеръ сюжета, гдѣ дѣйствіе перенесено въ тюрьму, на площадь и т. п., т.-е. въ данномъ случаѣ онъ какъ бы раздѣляетъ странныя обвиненія въ «безнравственности» именно за выборъ сюжетовъ и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Противорѣчіе это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что рядомъ мы имѣемъ весьма благосклонное отношеніе къ «L'âne mort et la femme guillotinée». Ж. Жанена.

Въ 1830 г. Пушкинъ писалъ княгинѣ В. О. Вяземской¹⁾: «Vous avez raison de trouver l'Âne délicieux — c'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le dernier jour ou il y en a beaucoup». Романъ Жанена вышелъ безъ имени автора²⁾ (въ 1829 г.), но уже въ 1831 г. онъ появляется въ русскомъ переводѣ³⁾. Можно, пожалуй, согласиться съ Пушкинымъ, что «L'âne mort» талантливѣе «Les derniers jours». Романъ Ж. Жанена, дѣйствительно, поражаетъ смѣлостью и оригинальностью замысла и силой психологическаго анализа, но сюжетъ его столь же «грязный», какъ и въ романѣ Гюго (на сценѣ также преступленіе и смертная казнь). Какъ бы то ни было, важно подчеркнуть, что Пушкинъ называетъ это произведеніе однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ свое время. Значитъ, можно думать, что Пушкинъ раздѣлялъ и тѣ принципы, которыми руководился французскій авторъ въ своемъ творествѣ. Жаненъ сознательно отмежевываетъ себя отъ старой сентиментальной литературы; онъ причисляетъ себя къ «la nouvelle école poétique avec ses bourreaux et ses fantômes», къ школѣ, которая стремится «étudier le monde moral dans ses plus mystérieuses influences»⁴⁾. Въ исторіи ослѣ, затравленнаго въ «la barrière du combat»,

¹⁾ Пушкинъ, VI, 431. («О приличіи въ литературѣ» (1830). — На замѣчаніе А. И. Тургенева что у Мюссе тонъ Байрона, Пушкинъ, по словамъ Смирновой (I, 187), сказалъ: «Это легко перенимается, многие поэты усвоили его, но Мюссе уже оригинальнѣе». О любви Пушкина къ Мюссе говоритъ и Шевыревъ; по его словамъ, Пушкину особенно нравился «Spectacle dans un fauteuil». Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Стр. 352.

²⁾ Это прекрасно выяснено В. Я. Брюсовымъ въ III т. настоящаго изданія.

³⁾ Пушкинъ, II, 219 (Предисловіе къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ», 1835). — «Мериме кажется мнѣ очень оригинальнымъ, такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ», говоритъ Пушкинъ и у Смирновой (I, 323; ср. еще 321—2, 324).

⁴⁾ Пушкинъ, VI, 52 («О Запискахъ Самсона», 1830).

¹⁾ Саитовъ, II, 143. ..

²⁾ Какъ видимъ, его приписывали Гюго.

³⁾ Мертвый оселъ и обезглавленная женщина. Переводъ съ французскаго. М. 1831. 2. части.

⁴⁾ L'Âne mort par Jules Janin. Paris. 1842. p. 103.

и гильотинированной женщины авторъ хотѣлъ раскрыть весь трагизмъ современнаго культурнаго общежитія, и такое содержаніе Пушкинъ готовъ былъ признать *délicieux*. Нельзя поэтому не пожалѣть, что не сохранилось другихъ, сколько нибудь цѣльныхъ сужденій Пушкина о томъ же Жаненѣ и остальныхъ, болѣе значительныхъ представителяхъ французскаго романа тридцатыхъ годовъ.

Извѣстно ¹⁾, что Пушкинъ собирался писать о «Barnave» (1831), романъ того же Жанена ²⁾, объ Eugène Sue и Бальзака ³⁾ («Scènes, contes drolatiques»). «La Physiologie du mariage» Бальзака упоминается въ наброскахъ къ «Египетскимъ ночамъ», гдѣ хозяйка дома провозглашаетъ это произведеніе столь же неблагодарнымъ, какъ и «Antony» Дюма ⁴⁾. Но изъ этого трудно сдѣлать сколько-нибудь точный выводъ о томъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на великаго французскаго романиста ⁴⁾. Если вѣрить Смирновой, Пушкинъ вполнѣ понималъ значеніе Бальзака. Онъ ставилъ его выше Мериме, выше Стендаля и говорилъ: «Бальзакъ даже предугадалъ будущее (въ особенности тѣмъ, что понималъ, что высшей властью въ обуржуазившемся обществѣ станутъ деньги) ⁵⁾, и въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾: «Я также хотѣлъ бы видѣть Бальзака, его задачи меня интересуютъ, это ихъ будущій великій романистъ» ⁷⁾.

Въ томъ же, если не въ худшемъ положеніи обстоитъ дѣло съ Жоржъ Сандъ. Ея имя проскользнуло въ разговорѣ одного наброска къ «Египетскимъ ночамъ» съ аттестаціей «такой же безстыдницы, какъ ваша Клеопатра» ⁸⁾.

Можно опасаться, что этотъ взглядъ

раздѣлялъ и самъ Пушкинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ тона его письма къ женѣ отъ 29 сент. 1835 г., гдѣ онъ говоритъ о намѣреніи «дурь» т. е. Кернъ переводить «Занда». Отказываясь брать на себя посредничество между Кернъ и Смирнымъ, поэтъ прибавляетъ: «если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ *le-me Sand*, то успѣхъ ея несомнителенъ» ¹⁾. Правда, въ цитированномъ письмѣ Пушкинъ старается съ излишнею демонстративною афишировать передъ женой свои новыя отношенія къ А. П. Кернъ, все же не вѣрится, чтобы Пушкинъ, какъ сообщаетъ намъ Смирновъ, могъ воскликнуть: «Я бы хотѣлъ видѣть Жоржъ Зандъ, вотъ это художница» ²⁾.

Повидимому, взглядъ Пушкина на французскій общественный романъ еще не успѣлъ опредѣлиться, а можетъ быть, просто поэтъ не успѣлъ высказаться на этотъ счетъ съ полной опредѣленностью. Зато достаточно ясно его отношеніе къ лирикѣ, драмѣ и историческому роману Франціи. Драма французскихъ романтиковъ ниже Шекспира и даже Корнеля, историческій романъ ниже Вальтера Скотта. Среди лириковъ можно назвать нѣсколько талантливыхъ именъ. Но и только.

Нелегко было французскимъ писателямъ удовлетворить Пушкина именно съ художественной стороны, и ко всему новому теченію во французской литературѣ, если бы мы захотѣли теперь подвести общій итогъ его взглядамъ, онъ относился, правда, не вполнѣ отрицательно, но весьма сдержанно. «Я въ душѣ увѣренъ», писалъ онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, «что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, въ грязи (разумѣю во Франціи). Проза едва-едва выкупаетъ гадость того, что зовутъ они поэзіей» ³⁾. Французская литература середины тридцатыхъ годовъ кажется ему въ состояніи «глубокаго и жалкаго упадка» ⁴⁾.

¹⁾ Пушкинъ, VI, 654. (Эта программа относится ко времени, не ранѣе 1835 г.: Musset fables de nuit написаны въ 1835—7 гг.)

²⁾ Смирновъ (I, 230 — 1, 329) приводитъ сужденія Пушкина о журнальной дѣятельности Ж. Жанена.

³⁾ Пушкинъ, V, 541 и 543.

⁴⁾ Въ письмѣ къ женѣ отъ 4 мая 1836 г. (Пушкинъ, VII, 640) поэтъ между прочимъ говоритъ: «Чадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть» съ очевиднымъ намекомъ на «Histoire des treizes» Бальзака.

⁵⁾ Смирновъ, I, 324.—

⁶⁾ Ibid., стр. 328.—

⁷⁾ Въ повѣстяхъ Павлова (VI, 387, 1835 г.) Пушкинъ между прочимъ находилъ— «въ описаніяхъ близорукою мелочностью нынѣшнихъ французскихъ романистовъ». Этотъ упрекъ прежде всего могъ относиться именно къ Бальзаку.

⁸⁾ Пушкинъ, V, 544 (1835 г.).

¹⁾ Пушкинъ, VIII, 371.— Изъ письма О. С. Павлищевой видно, что Кернъ переводила романъ «André». Ольга Сергѣевна и Соболевскій вслѣдъ за Пушкинымъ подсмѣивались надъ переводчицей (Л. Павлищевъ, 400 и 411). О Кернъ и въ частности объ ея попыткахъ заниматься литературнымъ трудомъ — см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго (III т. настоящаго изданія).

²⁾ У Смирновой Пушкинъ довольно обстоятельно высказывается еще о Стендалѣ (I, 322—5, 328).

³⁾ Саитовъ. Переписка, II, 389.

⁴⁾ Пушкинъ, II, 219. Предисловіе къ «Пѣснямъ»

Какъ видимъ, французскую прозу Пушкинъ уже въ началѣ 30-хъ гг. склоненъ былъ поставить выше французской поэзіи.

Поэтамъ въ особенности Пушкинъ ставить въ вину отсутствіе искренняго вдохновенія и правды.

Въ рецензіи о Делормѣ (1831 г.) Пушкинъ ясно формулировалъ свое главное обвиненіе ¹⁾: «Нынѣ французскій поэтъ систематически сказалъ себѣ: *soyons religieux, soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants*, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія». Поэты грѣшатъ противъ художественной простоты и правды: они сознательно стремятся къ новшествамъ въ формѣ, измышляютъ разные вышніе эффекты, и эта излишняя погоня за формой создаетъ одну напыщенность, «преувеличеніе (*exagération*)» ²⁾.

Съ другой стороны, общественная жизнь и даже политика вторгались во французскую словесность больше, чѣмъ то хотѣлъ допустить Пушкинъ.

«Всѣмъ извѣстно», читаемъ въ его замѣткѣ 1831 г., «что французы народъ самый антипоэтический», хотя это народъ остроумный и положительный ³⁾. «Франція», развиваетъ Пушкинъ ту же мысль въ 1835 г. ⁴⁾, «средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни—все вмѣстѣ—эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія—не цѣли, а средства. Народъ (*der Herr Omnis*) властвуетъ въ ней отвратительной властью демокраціи». Въ этихъ словахъ одновременно сказано и художникъ и русскій интеллигентъ дворянскаго періода: Пушкину одинаково трудно примириться и съ превращеніемъ поэзіи въ социальное

средство и съ идеей народнаго суверенитета. Французскій принципъ «соціальности» казался Пушкину, какъ и Бѣлинскому тридцатыхъ годовъ, не вытекающимъ изъ природы искусства. Подобно Бѣлинскому, онъ протестовалъ бы противъ такихъ, напр., утверждений, какъ въ статьѣ Г. Плянша, что лирическая поэзія исчерпала «*l'étude et l'analyse de la vie individuelle*», что этотъ «*l'égoïsme poétique*» пора замѣнить новой ролью поэзіи—«*un rôle direct dans le renouvellement social*», «*qu'elle doit se mêler plus activement, qu'elle ne l'a fait jusqu'ici à la lutte des intérêts positifs et des passions publiques*» ¹⁾. Многія явленія французской литературы, вытекавшія изъ подобныхъ стремленій, Пушкинъ не прочь былъ квалифицировать, какъ разнузданность воображенія, даже какъ «грязь» ²⁾, очевидно, возставая и противъ знаменитаго тезиса французскаго романтизма: «*le beau c'est le laid*». Въ сентябрѣ 1832 г. онъ возмущается «всей отвратительной подлостью нынѣшней французской литературы» ³⁾.

Литература Франціи, по мнѣнію Пушкина, сдѣлалась угодницей не только публики, но прямо черни; она дорожитъ минутнымъ успѣхомъ и гонится за наживой. Поэтамъ «новѣйшей вольной школы» онъ задаетъ оскорбительный вопросъ:

..... чѣмъ душа
У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеніемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поплзновеніемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрать въ долгъ, а деньги
нужны вамъ? ⁴⁾.

«Отвратительная власть демокраціи» гибельно сказывается на характерѣ французской литературы. Сословіе французскихъ писателей, разсуждаетъ Пушкинъ въ 1833—4 гг. ⁵⁾, «потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. Зато какъ без-

западныхъ славянъ» относится къ 1835 г. — У Смирновой Пушкинъ, однако, разсуждаетъ (I, 132): «Послѣ трагической эпохи революціи и имперіи поэзія стала чуждой для массы. Заслуга романтиковъ въ томъ, что они стараются нѣсколько возстановить идеалы».

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина, стр. 32—3 (оттискъ).

²⁾ Пушкинъ, VI, 305 и 310. («Баратынскій», 1830).—«Пушкинъ сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и въ кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны» (Смирнова, I, 203).

³⁾ Пушкинъ, VI, 431.

⁴⁾ Ib., стр. 404.

¹⁾ Gustave Planche, *Les royautés littéraires*, *Revue des Deux Mondes*, 1834, tome premier, p. 534—5.

²⁾ Вспомнимъ отзывъ о «*Les derniers jours d'un condamné*».—Въ «Пиковой дамѣ» (1834) графиня проситъ Томскаго прислать ей какой-нибудь романъ, но только не изъ нынѣшнихъ, «т.-е. такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ» (V, 505).

³⁾ Саитовъ, II, 389.

⁴⁾ Пушкинъ, II, 188 (набросокъ 1833 г.).

⁵⁾ Пушкинъ, VI, 645 («Мысли на дорогѣ»).

стыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови». Если старая французская словесность «родилась въ передней и далѣе гостинной не доходила» ¹⁾, то «объ новѣйшихъ поѣтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ» ²⁾.

Итакъ, Пушкинъ былъ достаточно рѣшительнъ въ своихъ обобщающихъ выводахъ.

Но вотъ въ 1836 г. ему еще разъ пришлось услышать хорошо знакомыя рѣчи изъ устъ М. Е. Лобанова; поэтъ снова продумалъ вопросъ во всей его цѣлостности и въ знаменитомъ отвѣтѣ академику какъ бы резюмировалъ свои взгляды на этотъ предметъ.

III.

Послѣ всего сказаннаго намъ нетрудно предугадать, какую позицію въ данномъ литературномъ спорѣ должны были занять члены Россійской Академіи, почти сплошь закоренѣлые шишковисты.

А. С. Шишковъ, державшій въ своихъ старческихъ, но еще цѣпкихъ рукахъ всю академию, попрежнему стоялъ на стражѣ самобытности и истиннаго литературнаго вкуса. Въ тридцатыхъ годахъ именно отъ Шишкова и его вѣрныхъ соратниковъ все еще можно было услышать убѣжденное слово подлиннаго «классика».

М. Дмитріевъ въ статьѣ «Духъ Времени и потребность вѣка въ философическомъ и нравственномъ ихъ значеніи» ³⁾, предостерегалъ отъ увлеченія «духомъ времени», который гнѣздится во Франціи. Въ доказательство онъ ссылался и на ея эклектическую философію, и на ея литературу. Литература Франціи это—«анатомическій театръ, на коемъ разлагаютъ живого моральнаго человѣка, и безъ всякой жалости, безъ малѣйшаго содроганія, отдѣляютъ и обнажаютъ трепещущіе его члены предъ взоромъ всего человѣчества». Дмитріевъ приглашаетъ «попробо-

вать силу души нашей» надъ этимъ коварнымъ духомъ времени.

Никто лучше Шишкова не сознавалъ этой опасности, и никто не могъ предложить наиболѣе рациональных средствъ борьбы. Академія, дѣйствительно, бодрствовала. Въ 1834—1835 г. она издала «Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности», гдѣ должное мѣсто отведено и обличенію французскаго романтизма. Въ «предувѣдомленіи» къ третьей книжкѣ эта задача поставлена въ самую тѣсную связь съ «прямыми и существеннымъ долгомъ» академіи—съ «огражденіемъ языка своего отъ всякихъ ложныхъ умствованій, кривыхъ толковъ, нецѣльныхъ нововведеній, вводящихъ неопытные умы въ заблужденіе, и столько же вредныхъ для языка и словесности, сколько и для правовъ». «Предувѣдомленіе» съ язвительностью характеризуетъ разныя «лжеумствованія» Франціи, всего болѣе выразившіяся въ неуваженіи къ классическимъ писателямъ: къ Гомеру, Виргилію, Тассо, Расину, Метастазію, Мольеру. Эти авторы новому поколѣнію кажутся уже «вялыми, сухими». «Что въ нихъ есть?» разсуждаетъ Шишковъ отъ лица юной Франціи: «у всѣхъ въ виду одно только нравоученіе, благородство чувствъ, ясность мыслей, выборъ словъ и чистота слога. То ли дѣло читать нынѣшнихъ Бальзаковъ, Жансепей, и другихъ, имъ подобныхъ, которыхъ новословія и кудреватостей индѣе не поймешь, но зато всего у нихъ наслушаешься? или то ли дѣло вмѣсто прежнихъ зрѣлищъ, представляющихъ людей хорошихъ обществъ, смотрѣть на площадныхъ ярыгъ, разбойниковъ, смертоубійцъ? одно такъ обыкновенно, а другое такъ ново! отъ подобныхъ сочиненій распространился новый образъ мыслей, новый вкусъ и новый языкъ». Юная нынѣшняя словесность, которая «подъ именемъ романтизма и другихъ названій приползла» и къ намъ, «не есть плодъ размысленія и здраваго разсудка, но дѣтище слѣпоты ума и разврата» ¹⁾.

Въ помощь себѣ Шишковъ рѣшился призвать «благоразумнѣйшихъ изъ французовъ», но, очевидно, затруднялся въ выборѣ. Въ первой книжкѣ (1834 г.) помѣ-

¹⁾ Ib., стр. 24 (1827).

²⁾ Ib., стр. 377 (1834). И далѣе на той же страницѣ: «Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или флигарствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлью: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жадныя народы!».

³⁾ Телескопъ, 1833, № 2, ч. XIII, стр. 167—187.

¹⁾ Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности, издаваемые отъ Россійской Императорской Академіи. Книжка третья. Спб. 1835. Стр. VII—VIII.

щены (въ переводѣ самого президента академіи) «Два письма о романтической словесности» изъ «Oeuvres littéraires de M. A. Jay» (1824)—изъ источника, по меньшей мѣрѣ, запоздалаго. Этотъ недостатокъ исправленъ въ третьей книжкѣ переводомъ (опять самого Шишкова) статьи изъ женеvской «Bibliothèque Universelle» подъ заглавіемъ «Противоположность романтизму», что, по мнѣнію переводчика, должно соответствовать французскому «Réaction antiromantique»¹⁾.

Въ статьѣ «Bibliothèque Universelle» мы не найдемъ ничего своеобразнаго, ничего такого, что не было бы сказано другими французскими журналами или англійскими типа «Edinburgh Review». Но въ глазахъ Шишкова она была дѣнна уже тѣмъ, что романтизмъ характеризуется, какъ «скрытое въ шумѣ пустословіе» (une bruyante mystification), и категорически предсказывается ему близкая и окончательная гибель. Въ подтвержденіе цитируется рѣчь нѣкогого Mazoier, напечатанная въ «Recueil de l'Académie des Jeux Floraux» (1833). По убѣжденію этого оратора, современные французскіе авторы потворствуютъ «скотской природѣ» челоvѣка (la nature brutale), которая, «ограничиваясь грубою вещественностію, отрицается отъ той области безконечнаго бытія, куда возносятся очищающія себя разумныя существа, понимающія свое предопредѣленіе». «И ежели», пугаетъ Мазойеръ, «къ смятенію словесности присо-вокупить всѣ возмущенія, произведенныя въ области философіи, вѣроисповѣданія и политики, то какое чрезъ сорокалѣтнее наше время откроется зрѣлище, въ коемъ увидимъ, что смятеніе пришло къ намъ отъ тѣхъ самыхъ началъ, которыми хотѣли учредить лучшій порядокъ!».

18 января 1836 г. въ засѣданіи Россійской Академіи, происходившемъ (въ присутствіи Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго), Мих. Евстаф. Лобановъ выступилъ съ боевой рѣчью, чтобы еще разъ нанести ударъ ненавистному противнику.

Лобановъ²⁾ готовъ радоваться тому, что

«любовь къ чтенію и желаніе образованія сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы», но лишь въ томъ случаѣ, если произведенія нашей печати соблюдаютъ «строгую нравственность», «распространяютъ чистыя правила, вѣрныя сужденія, вкусъ и познанія, если сохраняется чистота и правильность языка, питаютъ священнѣйшія чувствованія любви къ Государю и Отечеству, и ко всему полезному, доброму, изящному». Къ сожалѣнію, «выходящія и читаемыя нынѣ книги и журналы» не удовлетворяютъ «симъ непремѣннымъ условіямъ»: «есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторые отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями». И Лобановъ рѣзкими штрихами очерчиваетъ «безнравіе и нелѣпость» французской словесности¹⁾, подкрѣпляя себя обильными цитатами изъ извѣстной уже намъ статьи «Edinburgh Review» въ переводѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1834 годъ. «Такова нынѣ словесность Франціи», продолжаетъ ораторъ: «Но не вторгается ли она, не вторглась ли уже въ наше отечество, и нѣтъ ли въ нашей словесности нѣкотораго, хотя слабаго, сходства съ симъ описаніемъ?»... Франдузы давно уже огрубѣли въ кровавыхъ событіяхъ революцій, давно уже упали «въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата». Ихъ уже трудно испортить болѣе. Другое дѣло — Россія, этотъ народъ «еще дѣломудренный, еще чуждый и политическихъ и нравственныхъ заблужденій, но грозный страстями и силою душевною, жадный познаній и впечатлѣній». Для него французская зараза можетъ быть весьма пагубной. А между тѣмъ тлетворное дѣйствіе Франціи уже сказалось на современной русской литературѣ²⁾. Необходимо всѣми силами бороться съ вреднымъ направленіемъ. Однимъ цензорамъ трудно «провикнуть въ ухищренія пишущихъ». Цензурѣ должны содѣйствовать «каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная»³⁾. Призывомъ всѣхъ, а особенно академиковъ къ

¹⁾ Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts, rédigée à Genève. 1834. Tome LV. Littérature, p. 84—98.

²⁾ М. Е. Лобановъ. Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Труды Импер. Росс. Академіи. Часть III. Спб. 1840. Стр. 89—97. Эта рѣчь перепечатана въ статьѣ А. О. Круглаго «Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину» (Истор. В. 1880, № 8).

¹⁾ См. цитаты, приводимыя Пушкинымъ въ его статьѣ «Мнѣнія М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной».

²⁾ Пушкинъ. Ib. (дѣвъ большихъ цитаты изъ рѣчи Лобанова).

³⁾ См. цитату, приведеную Пушкинымъ.

этому добровольному цензору и заканчивает свою рѣчь Лобановъ¹⁾.

Всѣмъ предыдущимъ достаточно определяется мѣсто, какое занимаетъ рѣчь Лобанова въ исторіи данного вопроса, и удѣльный вѣсъ высказанныхъ имъ идей.

Какъ видимъ, Лобановъ, въ качествѣ человека дѣла и суроваго долга, къ теоретическимъ разсужденіямъ присоединилъ и указанія на желательныя практическія мѣропріятія. Но фактическое содержаніе его рѣчи и ея аргументація не блещутъ оригинальностью. У Лобанова было столько доблестныхъ сотоварищей по академіи, что ему уже не было надобности прокладывать новыхъ путей. Важно, однако, то, что академія въ лицѣ Лобанова еще разъ подтвердила фактъ вліянія французской литературы тридцатыхъ годовъ на русское просвѣщеніе того времени, и забила по этому поводу шумную тревогу.

Пушкинъ самъ состоялъ членомъ Россійской Академіи.

3 декабря 1832 г. президентъ Шишковъ предложилъ къ избранію «титularнаго совѣтника Александра Сергѣевича Пушкина» и вмѣстѣ съ нимъ—П. А. Катенина, М. Н. Загоскина, свящ. А. И. Малова и Д. И. Языкова, кратко мотивируя свое предложеніе словами: «Извѣстныя въ словесности дарованія и сочиненія ихъ увольняютъ меня отъ подробнаго оныхъ исчисленія»²⁾. Въ засѣданіи присутствовало 14 членовъ (въ томъ числѣ и М. Е. Лобановъ), и Пушкинъ былъ избранъ единогласно. Но были запрошены и отсутствовавшіе члены. Они также выразили свое согласіе, за исключеніемъ, однако, митрополита Серафима, который письменно подалъ свой голосъ только за одного протоіерея Малова, на избраніе же прочихъ, писалъ владыка, «не могу дать согласія своего единственно потому,

что они мнѣ неизвѣстны»¹⁾. Окончательное избраніе Пушкина состоялось на засѣданіи 7 янв. 1833 года. 23 января онъ въ первый разъ присутствовалъ въ академіи въ качествѣ ея члена на засѣданіи, гдѣ шла рѣчь о словарѣ.

Пушкинъ весьма серьезно отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ, оказался аккуратнымъ академикомъ, и это потому, что онъ придавалъ серьезное значеніе работамъ академіи²⁾.

Засѣданіе 18 янв. 1836 года, въ которомъ ораторствовалъ Лобановъ, Пушкинъ считалъ «памятнымъ въ лѣтописяхъ Россійской Академіи». Послѣ этого понятно, что онъ не могъ оставить безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія рѣчь своего сочлена. Его отвѣтъ, который А. И. Тургеневу показался «скромнымъ», но сильнымъ³⁾, появился въ I т. «Современника» за 1836 г.

Пушкинъ прежде всего сохраняетъ полный піететъ къ академіи, на нашъ взглядъ, даже преувеличиваетъ «важность мѣста», гдѣ яко бы заочно даже произносить имена какихъ-нибудь Жаненей, Сю и прочихъ. Для нихъ, говоритъ поэтъ, это—честь «неожиданная, неслышанная въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами»⁴⁾. Сужденія о подобныхъ писателяхъ умѣстны лишь на страницахъ журналовъ, а не въ стѣнахъ Академіи: «Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, *sponte sua, sine lege*»⁵⁾. Но и помимо того, Лобановъ легкомысленно преувеличиваетъ дѣло. Ораторъ правъ въ констатированіи отрицательныхъ сторонъ французской литературы, но нельзя обобщать такъ широко, какъ это дѣлаетъ онъ: отрицательныя черты наблюдаются лишь у «нѣсколькихъ писателей, большею частью молодыхъ людей»,

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія и подробная біографія о М. Е. Лобановѣ дано С. А. Венгеровымъ въ примѣчаніи 151 ко II т. Сочиненій Бѣлинскаго (стр. 537—540). Почтенный ученый полагаетъ, что «весь этотъ грозной окрикъ» Лобанова «относился исключительно къ Бѣлинскому». Не отрицая, что критика Бѣлинскаго (см., напр., въ томъ же II т. на стр. 131—2 разборъ трагедіи Лобанова «Борисъ Годуновъ») могла подать ближайшій поводъ для рѣчи Лобанова, считаемъ несомнѣннымъ, что содержаніе данной рѣчи «относится» къ дѣйствительному факту широкаго вліянія франц. литературы на русскую.

²⁾ М. И. Сухоминовъ. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII, стр. 77—8.

¹⁾ Ibid., стр. 81.

²⁾ Ст. «Россійская Академія». Ср. и заключенія въ статьѣ о Лобановѣ. Этому не противорѣчатъ шутки Пушкина насчетъ «безчинства засѣданія» и плохого завтрака, о чемъ разсказываетъ Вяземскій въ письмѣ къ Жуковскому отъ 29 янв. 1833 г. (Р. Арх. 1900, I, стр. 369).

³⁾ Остаф. Арх. III, стр. 334.

⁴⁾ Пушкинъ, VI, 102.

⁵⁾ Пушкинъ, VI, 621 (изъ черновой рукописи).

да и они вовсе не думают представлять разбойников и палачей въ образецъ для подражанія. Французская литература не является слѣдствіемъ политическихъ волненій, она не исчадіе революціи, а произведенная ею, чисто литературная революція есть законный, хотя и односторонній протестъ противъ старой эстетики. Если нельзя по отдѣльнымъ фактамъ судить о всей французской литературѣ, то тѣмъ менѣе позволительно распространять ихъ смыслъ на жизнь всей страны: «можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анафему?»

Такимъ образомъ, Пушкинъ вноситъ нѣсколько поправокъ въ мнѣніе Лобанова, и очевидно, что нѣкоторые изъ нихъ могли бы служить подходящимъ коррективомъ и къ его собственнымъ ранѣ высказаннымъ отзывамъ о французской словесности. «Всѣ парнасскія секты для меня равны», какъ-то (въ 1827 г.) выразился Пушкинъ о себѣ¹⁾. Въ моменты спокойнаго анализа онъ, дѣйствительно, былъ способенъ къ свободно-объективной оцѣнкѣ каждаго явленія въ области искусства. Тогда онъ справедливо возмущался огульной хулой на литературу цѣлаго народа, отвергалъ столь распространенную манеру прилагать къ произведеніямъ искусства условные моральные принципы и рѣшительно возставалъ противъ всякаго рода попытокъ жандармскими мѣрами воздѣйствовать на ходъ литературы (какъ того хотѣлъ ретивый академикъ Лобановъ). Приговоры самого Пушкина, не всегда, можетъ быть, вѣрные, всегда дѣлались во имя святости и независимости искусства. Самъ художникъ-реалистъ, онъ не могъ отрицать и принципа сближенія поэзіи съ жизнью; наоборотъ, онъ требовалъ отъ литературныхъ произведеній художественности и правды. Но, съ другой стороны, изъ отвѣта Лобанову мы видимъ, что Пушкинъ, подобно вообще своимъ современникамъ, не дооцѣнилъ значенія французской словесности самой по себѣ и по отношенію къ русской литературѣ. Французская литература двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, конечно, не представляла такихъ перловъ художественнаго творчества, которые допускали бы сравненіе съ произведеніями Гете, Шекспира, или Байрона. Но въ ней были безспорно сильные таланты, создавшіе рядъ оригинальных и глубокихъ произведеній, основанныхъ на

тонкомъ анализѣ жизни и обвѣянныхъ дыханіемъ высокихъ соціальныхъ идеаловъ. Вліяніе такой литературы на русскую не могло не принести положительныхъ результатовъ.

Пушкинъ признаетъ французское вліяніе, но считаетъ его «слабымъ», полагая, что въ области романа (нравоописательнаго и историческаго) большее значеніе имѣютъ Лесаажъ и В. Скоттъ, чѣмъ Бальзакъ и Жюль Жаненъ, а поэзія все «болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германской», точно также какъ наука русская развивается подъ вліяніемъ германской философіи.

Замѣтимъ кстати, что Бѣлинскій, весьма мягко отнесшійся къ «почтенному академику», въ общемъ держался того же мнѣнія¹⁾, что и Пушкинъ.

Поэтъ и критикъ, разумѣется, были правы, когда говорили о значительномъ вліяніи въ 30-хъ годахъ В. Скотта, Лесажа и нѣмцевъ, но они не правы, умаляя важность современной французской литературы (и какъ разъ именно французскаго романа) для русской литературы.

Тридцатые годы въ исторіи русской литературы какъ разъ представляютъ картину борьбы нѣмецкой и французской стихій. Сближеніе съ послѣдней было неизбежно: абстрактный идеализмъ долженъ былъ оплодотвориться элементами общественности и реализма. Этого требовало все развитіе русской жизни того времени. Историческій романъ, любимый жанръ рядового читателя, развивался у насъ не только подъ внушеніемъ В. Скотта, но и Гюго и А. де-Виньи. Параллельно съ этимъ идетъ усвоеніе общественнаго романа Франціи въ его романтической и реалистической разновидностяхъ. Произведенія Гюго, Ж. Жанена, А. Дюма, Поль де-Кока, Эж. Сю, Ж. Сандъ, Бальзака и многихъ другихъ авторовъ быстро появляются въ русскихъ переводахъ и, естественно, вызываютъ подражанія со стороны нашихъ беллетристовъ. Бѣлинскій уже въ 30-хъ годахъ говорилъ о русскихъ „бальзачникахъ“.

Пока французская струя просачивалась лишь въ средніе пласты нашей словесности, но близокъ былъ моментъ, когда вліяніе Бальзака, Ж. Сандъ и другихъ французскихъ писателей станетъ крупнымъ и для всѣхъ очевиднымъ фактомъ нашего литературнаго развитія.

П. Санулинъ.

¹⁾ Сантовъ, II, 16—17.

¹⁾ Бѣлинскій, т. V (подъ ред. С. А. Венгрова), стр. 524—5.

986. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ «НОСЪ»].

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы на-
пили въ ней такъ много неожиданнаго,
фантастическаго, веселаго, оригинальнаго,

что уговорили его позволить намъ подѣ-
литься съ публикою удовольствіемъ, кото-
рое доставила намъ его рукопись.—Изд.

987. [НОВЫЙ РОМАНЪ].

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ:
Село Михайловское, ходила въ обществѣ
по рукамъ и произвела большое впечатлѣ-
ніе. Это романъ, сочиненный дамою. Гово-

рятъ, въ немъ много оригинальности, много
чувства, много живыхъ и сильныхъ изо-
браженій. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его
появленія.

988. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПИСЬМУ А. Б. О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ].

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо
г. А. Б. [езсонова], нахожусь въ необходи-
мости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя
объясненія. Статья *О движеніи журналь-
ной литературы* напечатана въ моемъ
журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ,

чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ
такою юношескою живостію и прямоду-
шіемъ, были совершенно сходны съ моими
собственными. Во всякомъ случаѣ она не
есть и не могла быть программой «Совре-
менника».—Изд.

989. ОТЪ РЕДАКЦИИ.

I.

«Современникъ» будетъ издаваться и
въ слѣдующемъ 1837 году.

Каждые три мѣсяца будетъ выходить
по одному тому.

Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе
годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пере-
сылкою 30 рублей асс.

Подписка въ С.П.Б. принимается во всѣхъ
книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ
адресоваться въ Газетную Экспедицію.

II.

Издатель «Современника» не печаталъ ни-
какой программы своего журнала, полагая,
что слова: *литтературный журналъ* уже за-
ключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли
нужнымъ составить программу новаго жур-
нала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Со-
временникъ» будетъ имѣть цѣлю—уровить
«Библіотеку для Чтенія», издаваемую г. Смир-
динымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано,
что «Современникъ» будетъ продолженіемъ
«Литтературной Газеты», издаваемой нѣ-
когда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ
объявить, что онъ не имѣетъ чести быть
въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими
на себя трудъ составить за него программу,
и что онъ никогда имъ того не поручалъ.
Отклоняя, однакожъ, отъ себя цѣль, недо-
стойную литтератора и несправедливо ему
приписанную въ «Библіотекѣ для Чтенія»,
онъ вполне признаетъ справедливость объ-
явленія, напечатаннаго въ «Сѣверной
Пчелѣ»: «Современникъ», по духу своей
критики, по многимъ именамъ сотрудни-
ковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣн-
ному образу мнѣнія о предметахъ, подле-
жащихъ его суду, будетъ продолженіемъ
«Литтературной Газеты».

III.

Обстоятельства не позволили издателю
лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ
номеровъ своего журнала; вкрались нѣко-
торыя ошибки, и одна довольно важная,
происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ
дано обѣщаніе, которое издатель ни въ
какомъ случаѣ не можетъ и не намѣ-
ренъ исполнить—сказано было въ примѣ-

чаніи къ статьѣ: *Новыя книги*, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современнымъ разобраны. Въ списокѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочесть; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не приобрѣлъ.

IV.

Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ *Новыя книги*, подъ параграфомъ, относящимся къ *Васюль*, пропущена подпись издателя.

V.

Редакція «Современника» не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

990. ОБЪЯСНЕНИЕ

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставляя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полного торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однакожь меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титуло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что онъ звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *идъ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! <Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія>. Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю, одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарахъ Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ обремененъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется въ исторіи высоко поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то нибыло; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру—на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою..
Все спитъ кругомъ; одинъ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,

Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ...
и проч.
А. Пушкинъ.

991. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

[О сборникѣ кн. Вяземскаго].

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: «*Старина и Новизна, Историческій и Литературный Сборникъ*», изданный К. Вяземскимъ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ Царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч.; почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ

записокъ графа Ростопчина, воспоминаніе о графѣ Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной Русской Литтературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о фон-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая», съ Англійскаго прозою на Русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ Сборника.

992. КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА,

происшествіе въ Россіи, въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій. С.П.Б. При подпискѣ 1 ч. выдается, а на 2 билетъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою

пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

993. КЛЮЧЪ КЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 Ч. М.

Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «*Ключъ*» составленъ

по второму изданію «Исторіи Государства Россійскаго», «самоу полному и исправному», пишетъ г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе приобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

994. АНЕКДОТЫ [Table Talk].

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, рассказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукой послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукой изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая моего указа?»—Правда твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукой; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе.—Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать Князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ Государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ Кн. Ал. Ник. Голицына).

II.

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты мои приказанія?» спросила Императрица.—Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей гибели. Наконецъ Императрица умолкла и стала ходиць взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить

мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?» (Сл. отъ гр. Вьельг.[орскаго]).

III.

Нѣкто кн. Мих. Вас. Х. [Мих. Вас. Хованскій], возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей, однако, надоелъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ д'Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но Государыня остановила его, сказавъ: „Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de M-r le comte d'Artois.“ (Сл. отъ кн. К. О. Долг.).

V.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были, однако жъ, съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогие подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: „Mais mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.“ (Сл. отъ гр. Вьельг., іюнь 1836).

VI.

Потемкину доложили однажды, что ифко графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его тележкой. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принять былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску [Спечинскій], получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастье. Молодого человѣка

снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и прѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объявивъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то?—Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?—Адъютантъ. Точно такъ.—Потемкинъ [смотря въ святцы]. Какого же святаго празднуютъ 18 мая?—Адъютантъ. Мученика Θεодота, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября?—Адъютантъ. Преподобнаго Күріака.—Потемкинъ. Точно. А 5 февраля?—Адъютантъ. Мученицы Агаѣи.—Потемкинъ <закрывая святцы>. Ну, поѣзжай себѣ домой.

VIII.

Н. Н., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчій *), что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!»

*) Хиба випъ не тямить того, що и такіи едноразъ, якъ винъ самъ.

IX.

Разговоры Н. К. Загряжской.

1) 12 августа 1835 г.—Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжекъ былъ въ то время деревушка. Государыня слѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали <не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains> крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ, этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно

быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut

rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему рассказываю про Ветошкина. — „Madame, c'est impossible.“ — Mon cher M-r Rom; Je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas.“ Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r? — „Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.“ Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse <прѣвнѣ>. Ветошкинъ былъ тѣшущий мужчина лѣтъ 35. Прѣвнѣ ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книжки доставляли мнѣ добрые люди, графъ И[ванъ] И[вановичъ] да князь Г[ригорій] А[лександровичъ].» — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ? — «Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и дѣлѣй день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа. — Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я — въ одной каретѣ; батюшка, [гр. Разумовскій] съ Василиемъ Ивановичемъ [Чулковымъ] — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь [Петръ III] приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ одиѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить накануне праздника.» Но курьеръ попро-

силъ батюшку выдти на минуту. Они говорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко двору; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Одеждъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость,» и потомъ, оборотаясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію Государя.» — «Извольте же идти въ караульную.» Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ^{***}, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а Государь со шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру.» Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ <мы не принадлежали той партіи>. Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шляпку. Въѣсто шляпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ. — На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На активѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту.

3) 12 августа. — Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg. — Pourquoi ça? — Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état

*Наталья Кирилловна
ЗАГРЯЖСКАЯ.*

de payer un équipage, ou bien de rester oisive.—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Приѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать ужъ нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одѣжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н[аталья] К[ирилловна], хочешь ты земли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть, въ Крыму.»—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати!—«Разумѣется, Государыня подарить, а я только ей скажу.»—Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.» Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель: тамъ ходятъ стада, и за это вотъ

вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.»—Да что же мнѣ дѣлать?—«Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.» Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми, пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.» Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей дохода. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похотѣлъ быть на Государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нардисъ. Этотъ арапъ Нардисъ подражалъ на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ дѣло и кончилось.

8) Потемкинъ прїѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.»—А что такое?—«Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.»—Какъ такъ?—«Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро» И предчувствіе его сбылось. Уже я больше его не видала.

9) Orloff était régicide dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?»—Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? вѣдь не задушить же его? «А почему же и нѣтъ, матушка?»—Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? «Не только согласился бы, я былъ бы очень тому радъ.» Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое сѣвшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобы онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «известно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась недалеко, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...» Всѣмъ известно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто... симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, прїѣхалъ на него посмотриѣть и, видя его крѣпко прививченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотриѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не выдывалъ.»

XI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: «Главномандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.» Багратіонъ *) отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на моемъ, такъ онъ близко; а если на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII.

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и жолченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго графа Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго вдававшегося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріателемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаетъ меня за пушку безъ прикрытія.»

Раевскій говорилъ объ одномъ майорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ что онъ былъ заслуженный офицеръ, оставленный за отличіе съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII.

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросили искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него

*) Можетъ быть, не всѣмъ известно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ.

письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ портъ, воля для меня всего дороже.»

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины наименованъ *университетскимъ стихотворцемъ*, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабацѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли бакалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ права самого кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству,» отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «Пѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ—я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій.» Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.

Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

XVI.

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гибдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гибдичъ

припался увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...»—Братецъ, возразилъ ему Гибдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII.

У Крылова надъ диваномъ <гдѣ онъ обыкновенно сживалъ>, сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описать косвенную линію и миновать мою голову.»

XVIII.

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по дѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесанный, грызъ ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ передъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. «Подписалъ!...» Всѣ къ нему кинулись, глядя: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись—и что же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано: *Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...*

XIX.

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели,

отворилъ дверь и увидѣлъ ординарда своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли, и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодого офицера.

XX.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б[езбородко] собирався пожаловаться на него самой Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.»—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время прѣзжаетъ князь Б[езбородко]. Потемкинъ принимаетъ его какъ не лзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ», — говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты, — «какъ мнѣ тутъ сыграть?» — Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ ему Ш., — играйте, какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка» — возразилъ Потемкинъ, — «и слова не лзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Б[езбородко] раздумалъ жаловаться.

XXI.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился среди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ

числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ рассказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXIII.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василья Тредьяковскаго: *вѣчный труженикъ!* Какой взглядъ! Какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыни замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ на войнѣ.»

XXV.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ — и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было ужъ имъ обдурано.» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXVI.

Петръ I говаривалъ: «Нещастья бояться — щастья не видать.»

XXVII.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ, и помнилъ только первыя строки: *Во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ неприятелемъ.*

XXVIII.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма просто-народнымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и

безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX.

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у Государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXX.

Будри, профессоръ французской словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II переѣхала ему фамилію по просьбѣ его, передавъ ему аристократическую частицу де, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravallac.“ Впрочемъ, Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ рассказывалъ тоже много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI.

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: „J'avais des projets hostiles pour vous.“ Et quoi donc, Madame?— „Je voulais paraître inondée de fleurs de lis.“

Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème.

XXXII.

Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ Государю свое мнѣніе. <Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки>. Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que j'ai, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: Cela peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?

XXXIII.

Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «Государь! Государь изъ меня кишка лѣзетъ.» Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!» — и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуется обычаи Петра.

XXXIV.

Объ арапѣ гр. Стр[оганова].—У графа Стр. былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа Стр—ва по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней.»

XXXV.

О Потемкинѣ.—Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно.—Тутъ дива нѣтъ,

отвѣчалъ запорожецъ: у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ *).

XXXVI.

Князь Потемкинъ, во время очаковского похода, влюбленъ былъ въ графиню ***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини ***, человѣкъ острый и безирравственный, узнавъ о причинѣ палбы, сказалъ, пожимая плечами: экое кирикуку!

XXXVII.

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпечить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣни передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣнно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII.

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды, въ какой-то праздникъ, во дворцѣ, проходя мимо него въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя.» Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя—ты, говорятъ, вчера выигралъ.»—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX.

Дельвигъ звалъ однажды Рылѣва къ д...амъ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣвъ. «Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь отобѣдать въ рестораціи, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

*) Не диво, у насъ у Запорожцевъ е такіе кобзары, що якъ заиграють то ажъ у Петербурсі затанцують.

XL.

Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стихи:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ—
Пріѣзжай ко мнѣ
Коли не такъ,
М . . . . . растакъ
Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ поспѣвшимъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLI.

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?»—«Орловъ. Отоприте.» Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не выдывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами <дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще>, не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фургъ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII.

6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ разговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію, и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался, впоследствии времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобъ наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были Гдоведены до государыни Маріи Феодоровны—и Паленъ былъ удаленъ. <Слышалъ отъ Дмитріева>.

XLIII.

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шипковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: «что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковский отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку ваша свѣтлость!»

XLIV.

Когда родился Иванъ Антоновичъ, то Императрица Анна Иоанновна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и, какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ—и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. <Слышалъ отъ Загряжской, Нат. Кир.>.

XLV.

Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаётъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней.....

XLVI.

Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы вѣхаться въ рай верхомъ на осетрѣ.» Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите вѣхаться въ рай на осетрѣ?»

Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ.»

XLVII.

Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ,» сказала Императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ,» отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю, возразила она съ улыбкой: гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ академіи.»—Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію отставите отъ меня.»

XLIX.

богородицныя дочки.

Царевича Алексѣя Петровича положено было отравить ядомъ. Деньщикъ Петра Перваго Ведель заказалъ оный аптекарю Беру. Въ назначенный день онъ прибѣжалъ за нимъ, но аптекарь, узнавъ, для чего требуется ядъ, разбилъ склянку объ полъ. Деньщикъ взялъ на себя убіеніе Царевича и возилъ ему тесакъ въ сердце. <Все это мало правдоподобно>. Какъ бы то ни было, употребленный въ семъ дѣлѣ деньщикъ былъ отправленъ въ дальнюю деревню, въ Смоленскую губернію. Тамъ женился онъ на бѣдной дворянкѣ изъ рода, кажется, Энгельгардовыхъ. Семейство сіе долго томилось въ бѣдности и неизвѣстности. Въ послѣдствіи времени Ведель умеръ, оставя вдову и трехъ дочерей. Объ нихъ напомнили Императрицѣ Елизаветѣ,—она не знала, подѣ какимъ предлогомъ вытребовать ко двору молодыхъ Ведель. Князь Одоевскій выдумалъ сказку о Богородицѣ, будто бы явившейся къ умирающей матери и приказавшей ей надѣяться на ея милость. Дѣвицы призваны были ко двору и приняты на ногѣ фрейлинъ. Онѣ вышли замужъ уже при Екатеринѣ: одна за Панина, другая за Чернышева <Анна Родионовна, умершая въ прошломъ 1830 году>, третья не помню за кѣмъ.

L.

При Елизаветѣ было всего три фрейлины. При водареніи Екатерины сдѣлали

новыхъ шесть—вотъ по какому случаю. Она, не зная какъ благодарить шестерыхъ заговорщиковъ, возведшихъ ее на престолъ, заказала шесть вензелей, съ тѣмъ, чтобъ повѣсить ихъ на шею шестерыхъ избран-

ныхъ.—Но Никита Панинъ отсовѣтовалъ ей сіе, говоря: это будетъ вывѣска. Императрица отмѣнила свое намѣреніе и отдала вензеля фрейлинамъ.

995. ПРИМѢЧАНІЕ КЪ «ОТРЫВКУ ИЗЪ РУКОПИСИ КАРАМЗИНА»

о древней и новой Россіи.

Во второмъ [третьемъ] № «Современника» <на 1836 годъ> уже упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читате-

лямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.
А. Пушкинъ.

995. О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

Долгое время Французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ челоѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозревать, что гг. Летуэрны могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться я передавать духъ, а не букву,

нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ <примѣръ неслыханный!> первый изъ Французскихъ писателей переводить Мильтона слово въ слово объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить любителей исправительныхъ переводовъ, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о краскахъ переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ негог. Альбертъ [Альфредъ] де-Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ [гг. Альфреда де-Виньи и] Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго челоѣвка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній челоѣвка, впрочемъ, одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкивающимъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ гордымъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ <лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослабъ уже гораздо послѣ>. Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу поспѣться: представляю вамъ моихъ шотовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ *(съ досадою)*.

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ *(съ живостію)*.

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ потаріуса, городского альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій еологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Донна.

Мильтонъ *(говоря самъ про себя)*.

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидимъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судя. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе: Адама преступнаго и добраго, и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчною, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, молча, странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ *(про себя)*.

Что онъ тамъ городить?

Одинъ изъ шотовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель *(пожимая плечами)*.

Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Лавиаванъ... *(смѣясь)* очень плохъ...

Мильтонъ—*(сквозь зубы, съ негодованіемъ)*.

Кромвель смѣется надъ моимъ сатаной!

Рочестеръ *(подходитъ къ нему)*.

Г. Мильтонъ!

Мильтопъ *(не слыша его и обратясь къ Кромвелю)*.

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ *(Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣяностію)*.

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: Французы учителя наши во всемъ: изучайте Раkana, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его щегольскимъ платьемъ; если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантию Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ соизде въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ *(удивленный)*.

Это что за пустословіе?

Рочестеръ *(кусая губы)*.

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не помогать престолу, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты пить, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шотовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелемъ выведенъ Мильтонъ человекомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi!» Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шотовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ язы-

ковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ <хотя и второстепенный>, такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразить, чтò подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сень-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы Кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую каргу любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодого путешественника Англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо; да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобы Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобы Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію, болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не забывая о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда <неизъясненнаго г-мъ де-Виньи> всѣ его пони-

маютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и пр., и пр.

Или мы очень ошибаемся или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнедемъ и Декартомъ не были бѣ пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначимымъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непременно терялся бы въ политическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и пр., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживающій до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагоприятный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть одѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона

слово въ слово, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ предложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соответствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: *Comment vous portez-vous; How do you do.* Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ *).

Если уже Русскій языкъ столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ предложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вѣстѣ, и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывший нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ принятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно

пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и подобно скупому скупщику хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденія: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обзорѣ. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣливается отъ скучной должности библіографа; по поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія <иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго> въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

*) Кстати: недавно <въ «Телескопѣ», кажется>,—кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе *batarsi la quancia*—бить себя по щекамъ; *batarsi la quancia* значитъ раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

997. ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдмбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство роду господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же, какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. <Письмо сіе, также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ «Morning Chronicle»>:

«Милостивый государь,

Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть ливдоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для челоѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латримуля, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, bailiage de Chaumont en Tourgaine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукъ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А посему, не только я полагаю себѣ въ правѣ, но даже

и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, зlostныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ позволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честъ имѣю и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шума, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 Мая 1767.

Милостивый государь,

Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой римованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріада. Изчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,

La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики безсмысленной и неблагодарной.

Честъ имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Voltaire,
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англіійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но

варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хотъ что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего <еще не купленного> вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Ианны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самого Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ

на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагѣ подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и М-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

998. ЖЕЛѢЗНАЯ-МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» <въ 1760> первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини», пишетъ онъ, «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ вѣсть, не сывая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бѣ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, привѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ же маскированнаго. Передъ симъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства

были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекаръ, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состояніи.

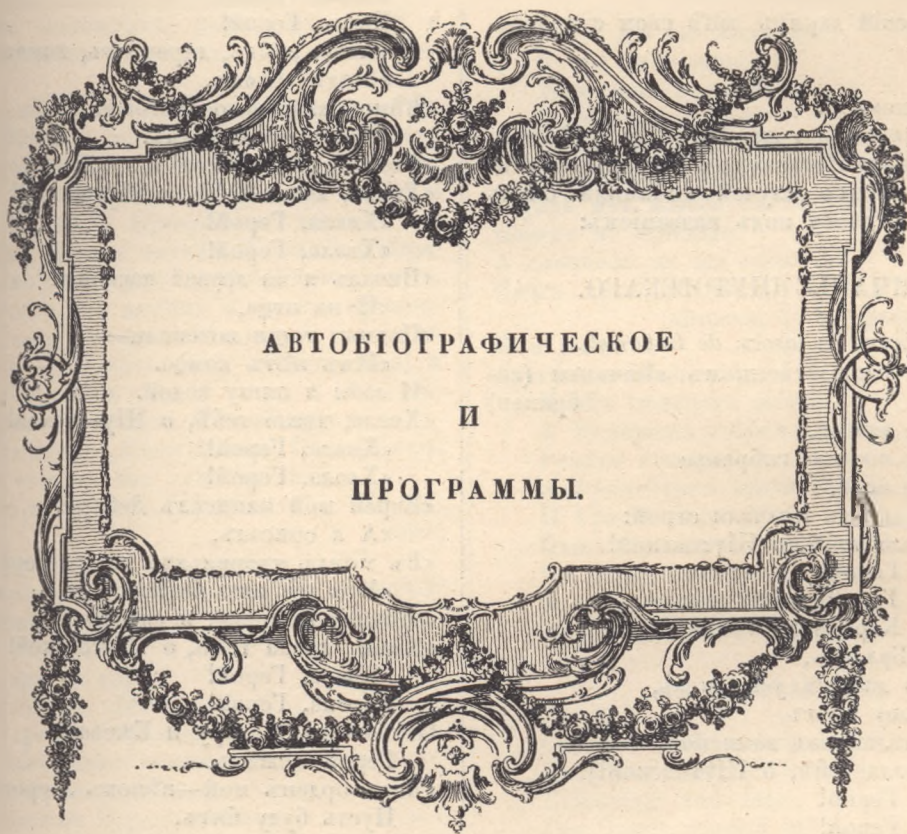
«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безосыльного сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и уда-

лялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то пожемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано», спросилъ онъ у рыбака, «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?»—Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г. де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя, онъ на колѣнахъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ, Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многие изъ моихъ современниковъ подтверждаютъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе.»

Сии строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная-Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину <Людовику XIV>. Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуть, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сии мнѣнія съ ясностью критики ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнаруженіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

999. [ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ].

..... большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и вовсе былъ безъ носу. Д[авыдовъ] является къ Бен[игс]ену: Князь Б[аграт]іонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...

На какомъ носу, Д[енисъ] В[асильевичъ]? отвѣчаетъ генералъ. Ежели на вашемъ, такъ онъ ужъ близко, если же на носу князя Б[аграт]іона, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

28-го ноября.

Ш[иш]ковъ и г-жа Бу[ни]на увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ:

ВѢНЧАНЬЕ ШУТОВСКАГО.

(Гимнъ на голосъ: de Vihamel).

Вчера, въ горжественномъ вѣнчаньи (собраньи)

Творца затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,
И всѣ въ одинъ крачали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!]
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Всей братьи далъ свои онъ *Шубы*
И всѣ дрожать!
Его величіе не трубы—
Свистки гласятъ,
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вотъ подъ сѣнью обвѣтшало
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной.
Кругомъ поэтовъ блѣдный строй (о Шутовской)

Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой!
О дѣдъ сѣдой! (bis)

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

И вдругъ раздался за дверями

И скрипъ и вой—

Идутъ сотрудники съ гудками

И самъ Герой!

Поетъ онъ гимнъ печальный свой.

Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

«Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ—

«Вездѣ великъ,

«Вѣнца лавроваго достоинъ

«Мой тучный ликъ.

«Вѣнчая, пойте всей толпой:

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

«Писалъ я на друзей пасквили

«И на отца,

«Поэмы, тощи водевили—

«Имъ нѣтъ конца.

«И воды я пишу водой.

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

«Еврей мой написалъ Дебору,

«А я списалъ,

«Въ моихъ твореньяхъ много сору

«Кто жъ ихъ читалъ.

«Доволенъ, право, я собой».

«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

«Хвала, Герой!

«Хвала, Герой!

Потомъ къ Макару и Ежевой

Герой бѣжить.

«Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый.

Пусть буду битъ,

Зато увѣнчанъ красотой!

Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

Хвала, Герой!

Хвала, Герой!

29-го [ноября].

Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,

Отрадой тихою, восторгомъ упивался...

И гдѣ веселья быстрый день?

Промчался лѣтомъ сновидѣнья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щасливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ, поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подь окошкомъ, смотрѣлъ на свѣжную дорогу, ее невидно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!...

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковский!

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ ахъ!

Какое положенье, какая мука! Но я былъ щастливъ 5 минутъ.

*

10-го декабря.—Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ человечества*: Право естественное. Читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

Началъ я комедію—не знаю, кончу ли ее.

Третьяго дня хотѣлъ я начать проическую поэму: Игорь и Ольга, а написалъ эпиграму на Шах[овскаго], Шихм[атова] и Шишк[ова]; вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:

Шихм[атовъ], Шах[овской], Шишк[овъ];

Уму есть тройка супостатовъ:

Шишк[овъ] нашъ Шах[овской], Шихматовъ;

Но кто глупѣй изъ тройки злой?

Шишк[овъ], Шихматовъ, Шах[овской]!

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

1. Картина сада.

2. Дворецъ. *День въ Ц. С.*

3. Утреннее гулянье.

4. Полуденное гулянье.

5. Вечернее гулянье.

6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы всеневныхъ моихъ записокъ,—но это еще *будущее*.

*

Вчера не тушили свѣчекъ, зато пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу.—Запишу, сколько могу упомянуть:

НА ГЕОРГІЕВСКАГО].

Предположивъ—и дальше

На грацію намекъ,

Цусъ—Августинъ	}	Или надъ печкою
богословъ,		Богословъ,
Профессоръ Бутер-	}	А въ печкѣ Бутер-
векъ,		векъ.

Потомъ Ниобы группа,
Корреджіевъ тѣма-свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щастливъ онъ поэтъ.

НА КАЙД[АНОВА].

Потише, житотины!
Да долголь говорю?
Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю.

НА КАРЦ[ЕВА].

Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!

Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.

А слышали ль вы новость?

Нашъ докторъ сталъ	}	И Графъ послалъ драгуна,
лѣнивъ,		
Или ревнивъ	}	
Драгуна посылаетъ,		

Чтобъ отпереть жену;
А Камаражъ взбѣсился,
Романа обокралъ;
А Фридебургъ свадился
И Графъ захохоталъ.
Нашъ Докторъ хромоглазой
Въ банкъ выигралъ вчера,
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

НА ШУМАХЕРА.

Скажите мнѣ шастиды
Какъ напимѣтъ: wenn so
Geweniger und desto,
Die Sonne scheint also.

НА ГАКЕНА.

Мольшаты! я самъ фидала
Мальшаты! я Гуфернеръ!
Мольшаты!—ты самъ софрала,
Пощалуюсь теперъ.

НА ВЛ[АДИСЛАВЛЕВА].

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ, нѣтъ).
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

НА ЛАВ.

Bonjour, Messieurs—потіше!
Поводѣмъ не играй!
Ужъ я тебя потѣшу
A quand l'Equitation.

НА ВИ[ЛЬМА].

Лишь для безумцевъ, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмужкѣ поэту } А не даны поэту
Стихи писать грѣшно } Ни геній, ни вино.

НА ЗАБ. И ПЕТР.

Какой столичный городъ
Желательно бы знать?
А что такое воротъ,
Извольте мнѣ сказать?

НА ИК[ОННИКОВА].

Скажите: разъ, два, три
Тутъ скажутъ всѣ скоты:
Да гдѣ жъ ея взрасти?
Да на святой Руси!

НА КУН[ИЦЫНА].

Извѣстенъ третій способъ
Черезъ откупищиковъ,
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

*

17-го [декабря]

Вчера провелъ я вечеръ съ [Иконни-
ковымъ].

Хотите ли видѣть страшнаго человѣка,
чудака—посмотрите на Ик[онникова]. По-
ступки его—поступки сумасшедшаго; вы вхо-
дите въ его комнату: видите высокаго худаго
человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, оку-

танной черномъ изорванномъ платкомъ. Ли-
цо блѣдное, волосы не острижены, не расче-
саны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ
нюхаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико
смотритъ на васъ—вы ему близко знако-
мый, вы ему родственникъ или другъ—онъ
васъ не узнаетъ—вы подходите, зовете его
по имени, онъ вскрикиваетъ, кидается на
шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ заду-
шевнымъ голосомъ, кланяется,—садится,
начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ
себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ.
Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ
стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій,
четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще
пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ поло-
женіи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣ-
ста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ
изъ П[етербурга] въ Ц[арское] С[ело], чтобы
освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое
обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ—онъ
бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ
благодареньяхъ за ничтожную услугу или
простую учтивость, неблагодаренъ и даже
сердится за благодареніе ему оказанное,—
легкомысленъ до чрезвычайности, мните-
ленъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик[он-
никовъ] имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно
стихи—и любитъ поэзію: вы читаете ему
свою пьесу—наотрѣзъ говоритъ онъ: та-
кое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко;—
зато за самые посредственные стихи ки-
дается вамъ на шею и называетъ васъ ге-
ніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконеч-
ности, въ другое время грубъ нестерпимо—
его любятъ иногда, смѣшить онъ часто,
а жалокъ почти всегда.

1000. [СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ].

1-я часть.

П о с л а н і я:	Пушину.
Къ Александру.	_____
Къ Жуковскому.	Ломоносову.
_____ +	Трубецкому.
Къ Батюшкову.	Лидинію.
Къ Галичу.	Кюхельбекеру.
_____	Аристарху.
Дельвигу.	Оправданная лѣнь.
Дельвигу.	Друзьямъ.
Сестрѣ. +	Шишкову.
Бонапарте. +	Актрисѣ.
Къ Юдину.	(Завѣщанія).

Лирическія:

Наполеонъ на Эльбѣ.
Воспоминанія въ Ц. С.
(Къ Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальдо.
Двѣ пѣсни.
Пирующие студенты.

==

XV элегій.
Эпиграм. Надп. [?]
Картины.
Леда.

1001. [ОСТАТКИ ИЗЪ КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА].

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ двѣтушую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владимѣреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

*

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жида: они наполняли тамъ тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ—ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочестивѣе ихъ.

*

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила,

умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ Рускихъ ласковъ—неожиданная риѣма «Херасковъ» не примиряетъ меня съ такой какафоніей. Баратынскій—прелесть.

*

9 апрѣля. Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon cœur est matérialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

*

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.

Bal chez l'archevêque arménien.

*

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

1002. [ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ «ТАРАСЕНКОВА-ОТРЫШКОВА»].

*

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Mes-sieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détrôner Napoléon,

*

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

*

P., встрѣтивъ однажды человѣка, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро, мокро <maquereau>.

*

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

1003. [ОСТАТКИ ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ ИСТОРИИ X и XI ВѢКОВЪ].

Изяславъ, с. Рогнѣды, въ Витебской Губерніи ос. гор. Изяславъ. Мстиславъ, Ярославъ <братья его>, двѣ дочери. Отъ Богемки <Чехини> Вл. имѣлъ Вышеслава, отъ 3-й Святослава и Мстислава, отъ 4-й <Болгарки>—Бориса и Глѣба.

1000 года, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ. Судиславъ — меньшіе.

Умеръ.

Вышеславу—Новгородъ

Изяславу—Полоцкъ

Ярослава [у?] } — Ростовъ

Борису }

Глѣбу—Муромъ

Святославу—Древлянскую землю—

Всеволоду—Владиміръ Волинскій

Святополку—Туровъ

(въ Минской Губерніи).

Планъ. Владимиръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки раздѣжаются; съ нимъ—Илья Муромецъ и Добрыня.—Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владимиръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ—дѣти его собираются—кромѣ Мстислава; Илья ѣдетъ за нимъ—встрѣчаетъ своего сына,—сражается съ нимъ.—Мстиславъ, при немъ молодые богатыри—идутъ на *Косогова*. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ Царевну Амазонку Армиду); остальные богатыри раздѣжаются; Илья ѣдетъ далѣе; (узнавъ о любви Мстислава), находитъ его и везетъ къ отцу—Царевна за нимъ ѣдетъ—она пристаётъ къ Печенѣгамъ—Сраженія, de grands combats et des combats encore: а) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; б) (Духи) Боги языческіе, изгнанные крѣщеніемъ, с) ихъ одушевляютъ; d) (Хозарской князь—колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убить Мстиславомъ).

*

И[лья] хочетъ представить сына Владимиру, вмѣстѣ ѣдутъ...

*

Царевна Косогова влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ ей пределямъ—она въ сраженіи его увлекаетъ—подъ видомъ Косого, убившаго его друга; превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія.—Гонецъ прѣбываетъ къ его дружинѣ, не застаётъ его. Владимиръ въ отчаяніи.

*

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

*

Илья въ молодости обрюхатилъ Царевну Татарскую—она вышла замужъ, объявила сыну; сынъ ѣдетъ отыскивать отца—

*

Илья находитъ пустытника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы Кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ *ладію* и *дѣву*.

1004. [ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ].

Поэма.

Вечеромъ дѣвица плачетъ, подговариваетъ, молодцы готовы отплыть; гдѣ-то нашъ атаманъ—они плывутъ и поютъ...

Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческой; онъ беретъ себѣ другую—та сходитъ съ ума. Нельзя не любить и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣянія. Есаулъ предаётъ его.

1005. [ПРОГРАММЫ «ВАДИМА»].

Вечеръ. Руской берегъ—Ладья. Рыбакъ.—Вадимъ—не спитъ. Онъ утромъ засыпаетъ. Рыбакъ хочетъ его убить.—Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Вновь онъ идетъ къ Новгороду. (Нева).

Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. I сцена трагедіи. Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода. *Тризна*. Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ.—

Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Сtimiда[?]¹—перваго полководца, гости садятся за столы,—скатерти. Ихъ видятъ. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невесты, Варяговъ. Вадимъ роздалъ все, пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода—почему?

*

Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невеста Громвала, Славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

Рюрикъ и Громваль—презрѣніе къ народу самовластія. Громваль его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громваль.

Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ—толпа—*Рюрикъ*. Рогнѣда открываетъ заговоръ—бунтъ—бой—Вадимъ передъ Рюрикомъ.

Вадимъ и Громваль—свиданье—друзья дѣтства.

*

Преданія: Славенъ оснуетъ городъ Славянскъ. Вандакъ, сынъ его. Гардоринъ и

Гунигаръ, завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сыновья его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у гробницы Гостомысла.

1006. [ДРЕВЕНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. ВСТРѢЧА СЪ П. А. ГАННИБАЛОМЪ].

1824 года ноября 19-го, Михайловское.— Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

[На оборотѣ того же листка:] ... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

1007. [ПУШКИНЪ, КАКЪ-БЫ ПОСТОРОННИЙ, ГОВОРИТЬ О СВОЕМЪ «ДЕМОНѢ»].

«Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они неправы; по крайней мѣрѣ, я вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія сущности рождаютъ въ немъ сомнѣніе:

чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предрасудки души... Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

1008. [ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I].

Когда бы я былъ Царь то позвалъ бы А. П. и сказалъ ему: А. С., вы сочиняете (прекрасные) стихи, (я читаю съ большимъ удовольствіемъ.) А. П. поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: Я читалъ вашу оду *Свобода*. (Прекрасно, хотя она) писана немного сбивчиво, мало обдуманно; (вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду.—В. В., я писалъ ее въ 1817 году) — «Тутъ есть 3 строфы очень хорошія... (Конечно) вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ недѣльной клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; (но вижу), что вы не уважали правду, личную честь даже въ Царѣ.—Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3 или 6 пѣснь Рус. и Люд. ежели не всю поэмъ, или часть К. П. или Бах. Фонт. Онѣгинъ печатается; буду имѣть честь отправить 2 экз. въ бібліотеку В. В., къ Ив. Андр. Кры[лову], и если В. В. найдете время... Помилуйте, А. С. (вы доставите намъ пріятное занятіе). Наше царское правило: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. (Скажите, неужто вы все не пе-

рестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ Король Галліи или Имп. Австр. съ вами не такъ бы поступили. За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и Вор[онцова?—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, и за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А Е[го] С[вятѣйство] Графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная Рус. литер. какъ Герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ Гр. Вор.—В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтенный (старикъ) онъ Рускій въ душѣ; онъ не предпочит. перваго Англійскаго шалопа всѣмъ извѣстнымъ] и неизвѣст. своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочитъ, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли. [Онъ] довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ потому

что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости... потому что со всѣми вѣжливъ. [Онъ] не опрометчивъ, не вѣрить пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы К. Ц. [Князю Цицианову?] (Я не оправдывался никогда изъ пустаго вольнодумія); отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказываться.—Слабость непростительная. (Впрочемъ, хорошо, хорошо). Но вы же и Аеи? вотъ это ужъ куда не годится. (Чемъ-же я Аеи?) В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать, какъ преступленіе, а двѣ

пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣш. Властит. <увидимъ, однако, что будетъ изъ Карла X>, но вашъ послѣдній поступокъ со мною . . . . и смѣло ссылаюсь на собственное ваше сердце—противорѣчить вашимъ правиламъ и просв. образу мыслей...—Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?—(Хотя бы то была и правда) это не было бы оскорбительно В. В.—ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Я бы тутъ . . . . (А. Пушкинъ) тутъ бы разгорячился и наговорилъ мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ (эпич.) поэмѣ *Ермакъ* или *Кочумъ*, (. . . . .) развѣромъ и съ рима...

1009. О МАЛОРОССІИ.

[Программа].

Что нынѣ называется Малор
Что составляло прежде Малор.
Когда отторгнута она отъ Россіи.
Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ.

Отъ Гедемина до Сагайдашна.
Отъ Сагайд. до Хмѣ.
Отъ Хмѣль. до Мазепы.
Отъ Мазепы до Разумовскаго.

1010. [ОСТАТКИ АВТОБІОГРАФІИ.]

(Болѣзнь. Карамзинъ.)

...[запечат]лѣны печатью вольномыслия. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надобли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Руской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги <какъ и быть надлежало> надѣлало много шума и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ

разошлось въ одинъ мѣсяцъ <чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ>—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотошъ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: *Владимиръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!... зачѣмъ не но?* Однако!... какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У насъ никто не въ состоянн изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, — зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ (безмолвный) ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. *Ноты Рус[ской] ист[оріи]* свидѣлствуютъ обширную ученость Карамзина, приобретенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія (собственно) къ просвѣщенію. — Молодые кобичи негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій, — казались имъ верхомъ варварства и униженія. — Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ Цензуры спмъ (доказательствомъ) знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрию историка, онъ вездѣ ссылался на источники — чего жъ болѣе требовать было отъ него? Повторяю, что *Ист[орія] Гос[ударства] Рос[сійскаго]* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвижъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ писменно критиковали Кара[мзина]. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... Мих. Орл[овъ], въ письмѣ къ Вяз[емскому], пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ

началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей *Гипотезы о происхожденіи славянъ*, т. е. требовалъ Романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе *спасительной пользы Самодержавія*, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо *редко основатели республикъ славятся нѣжной чувствительностію*, конечно были очень смѣшны. Мы приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

.. Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои *любимые парадоксы*. Оспоривая его, я сказалъ: Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось и не могъ удержаться отъ смѣха. Я приснулъ, и мы оба расхохотались...

1011. [ПРОГРАММЫ ДРАМЫ ИЗЪ ЭПОХИ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ].

Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь, — отказъ — приходитъ къ другу-заговорщику — вступаетъ въ заговоръ...

*

Софья во дворцѣ (монастырѣ)

Нищіе, скоморохъ

Скоромохъ и ст[арый] раскольникъ.

Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ, онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ. Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина. Ржевская замужемъ.

Бунтъ стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, обѣщается выдать за него дочь.

(Мать торопится)

(Выдастъ ее за боярина)

(думного дворянина)

Стрѣлецъ, сынъ ст[араго] раск[ольника], видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой, — сватается черезъ мамушку-расколицу, — получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить. — Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ.

С[офья]. О чемъ же ты такъ печаленъ? — Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.

1012. [ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ].

15 октября 1827.—Вчерашний день былъ для меня замѣчательнъ: прѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова *Духовидца*; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки,—сказалъ я хозяйкѣ,—«Да»,—отвѣчала она: «ихъ нынче отвозятъ назадъ».—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій

жидъ—и я принялъ его за жиду, и неразлучныя понятія жиду и шпиона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я повернулся имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тѣлежку и усаkali.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующій день узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Лука.

ЗАМѢТКИ ПУШКИНА О СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

1013. [О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ].

1. *Pour une préface.*—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [et patience] mes premiers essais [il y avoit] et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière, que j'allais embrasser,—je leur dois reconnaissance entière, et je le tiens quitte envers moi. Leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

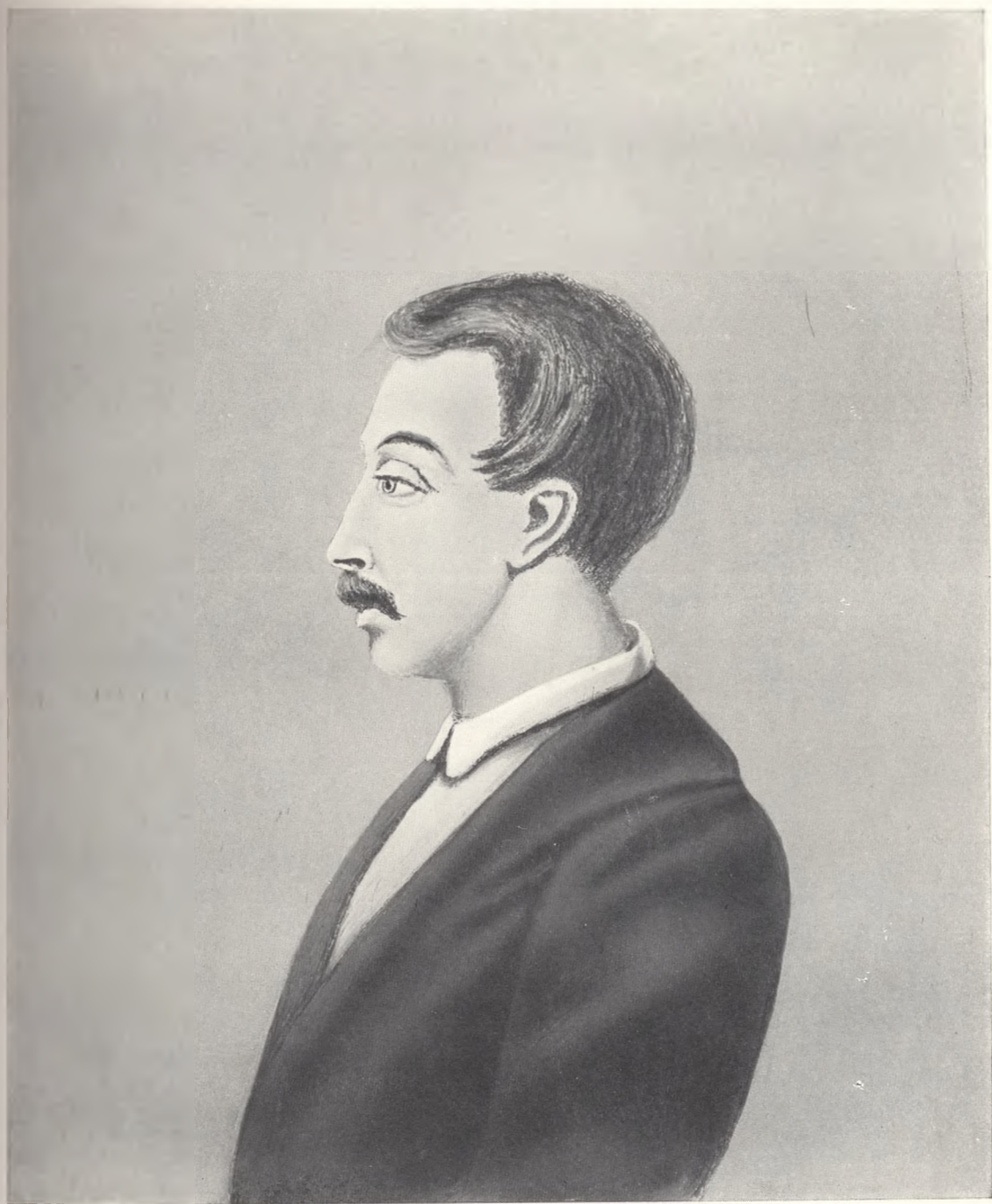
2. Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

3. Lorsque j'écrivais cette tragédie j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux, etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande repugnance à livrer au public ma

tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

4. Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобы она тѣмъ [самымъ] не замедлила хода... Что касается до слога... хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

5. Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une œuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.
По гравюрь Матюшкина.

были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моею трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

6. *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ* писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль (оживить) облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи (я писалъ въ строгомъ уединеніи) не смущаемый никакимъ (чуждымъ) вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богаты! успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. Но крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны (находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ постороннимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики).

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самыя оскорбительныя, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онегина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моею огорчилъ бы меня; ибо я твердо убѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены. <Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано>.

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопной ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аривьянахъ*.—А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонородныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сопъ апоге, но <безо всякой дворянской спѣси>. (Если бы изъ этого можно было заключить о моей спѣси, то я...). Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. <Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо>—Аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; [его] права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы.. и проч. Принадлежать къ такой Аристокраціи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмысліи или подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,—отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ донинѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

7 (Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи); духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической. Можетъ быть и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то,

что скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopez de Vega и Расинъ—уступали потоку. Но гений, какое направление ни изберетъ, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

8. Впрочемъ трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главные сцены уже напечатаны, или искажены въ *подражаніяхъ*. Разкрывъ неудачу историческій романъ Г. Б[улгарина], нашелъ я что и у него о появленіи самозванца приходится объявлять Царю Кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Год. говоритъ наединѣ съ Басмаповымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Г. Б[улгарина] также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго.. Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent.

9. Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы онъ былъ воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годеиъ, чтобы разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и проч. и проч. и проч.

1014. [О РУСЛАНѢ И ЛЮДМИЛѢ].

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмъ, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за иѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.

за вступленіе, не помню, которой пѣснью:

Напрасно вы въ тѣни тапились etc.

и за пародію *Детнадцати спящихъ днѣвъ*. За послѣднее можно было меня пожуричь порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было <особенно въ мои лѣта> пародировать въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое со-

зданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ *Русланѣ* хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напимѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

1015. [О КАВКАЗСКОМЪ ПЛѢННИКѢ].

Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сдѣлалъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни писалъ, благодаря иѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

1016. [О БАХЧИСАРАЙСКОМЪ ФОНТАНѢ].

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе *Плѣнника* и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами.

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

1017. [О БРАТЬЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ].

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что, вѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ *разбойники* могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ.

1018. [О ЦЫГАНАХЪ].

О *Цыганахъ* одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ

негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазбующей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было не въ примѣръ благородиѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: *ma tanto meglio*.

1019. [О ГРАФѢ НУЛИНѢ].

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи *Нулина* съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку <забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуешь>. Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, также какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

Въ свѣтѣ Графъ Нулинъ принять былъ благосклоннѣе чѣмъ въ журналахъ———

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его <съ позволенія сказать> похабнымъ, — разумѣется въ журналахъ <въ свѣтѣ приняли его благосклонно>, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ <писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ>: подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творды шутивыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккаччо, Лафонтенъ, Касті, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образецъ

легкаго и шутиваго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтического достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли страшный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-тилѣтняя племянница, у другаго 15-тилѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ къ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единому изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-тилѣтняя дѣвица и не 13-тилѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые насчетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

*Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte;
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.*
Tartufo, acte III, scène 2.

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлю или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу — въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и мицутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ правоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Недавно сравнивая Шекспира съ Байрономъ, одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, наприимѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бѣ къ несчастію написать ее русскій и въ наше время! Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ. Женщина замужня, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на невиннаго Иполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить !!!. Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!), послѣ чего Иполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. <стутъ личности и ругательства>. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдма съ прыщиками на лицѣ!—Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бѣ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя бы и болѣе кудр[явымъ] слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глупокомысліемъ.

Если бѣ *Недоросль*, сей единственный памятникъ народной сатиры, еслибѣ Н[едоросль] явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ *сукою* (!). «Что скажутъ дамы? воскликнулъ бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши <Богъ имъ судья!> ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого

грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ Пб. барынѣ, засѣдательницы—въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Потому, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу <high life>, что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу <bonne société>?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостини (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами вышшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности *такого-то выраженія* (*Графа Нулина*) и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, красивющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность <vulgarité>, и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавныя промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ—кому же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность *поэмы*, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть. Недавно

единъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable talks и историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: *сукинъ сынъ*. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего *Недоросля*, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣичу собачьей дочерью? Что сказали бы пылшіе блюстители нравственности и о чтеніи *Душеньки*, и объ успѣхѣхъ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутивыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? *Модная жена* не столь же ли безнравственна, какъ и *Графъ Нулинъ*?

1020. [ОБЪ ЕВГЕНІИ ОНѢГИНѢ].

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первые непріятныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и страшною привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы оставляли критика, напримѣръ: «можно ли сказать *стаканъ шипитъ*, вмѣсто *вино шипитъ въ стаканъ*? *Каминъ дымитъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина*? Не слишкомъ ли смѣло *ревнивое подозрѣніе*? *невѣрный ледъ*? Какъ думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки

Коньками звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый

<Задумавъ плыть по лону водъ>

Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый

Задумавъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что недалеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

*

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не*—винительный, а не родительный падежъ; *временъ* вмѣсто *временъ* <какъ напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь п нравы

Владимира *временъ*...>

приводили критика моего въ великое недоумѣніе. Но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемъ мы, учившіеся по старымъ грамматикамъ, можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Евр[опы]. *Молвъ* <рѣчь> слово коренное русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* <слѣдственно, и *хлопъ* вмѣсто *хлопаніе*> вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе*:

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

Древн. Рус[скія] Стихотворенія].

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взять дѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь».

Бова Королевичъ.

Г. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать разбирая довольно благосклонно 4 и 5 главу Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужъ*, что и называлъ онъ *ужами*, и что въ риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговаривалъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, называлъ *дѣвчонками* <что конечно неучтиво>, между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку называлъ *дѣвою*:

Въ избушкѣ разбѣвая, дѣва придетъ.

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа, напримѣръ: *я не пишу стиховъ*. Но въ моемъ стихѣ глаголъ *ссоритъ* управляетъ не частицею *не*, а глаголомъ *хочу*. Ergo, правило сюда неидетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: *я не могу вамъ позволить начать писать... стихи*, а ужъ ко-

нечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Къ стати о грамматикѣ. Я пишу *Цыганы*, а не *Цыгане*, *татары*, а не *татары*. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на *анинъ*, *янинъ*, *аринъ* и *яринъ*, имѣютъ свой родительный во множественномъ на *анъ*, *янъ*, *аръ* и *яръ*; а им[енительный] множ[ественнаго] на *ане*, *яне*, *аре*, *яре*. Всѣ же существительныя, кончающіяся на *анъ* и *янъ*, *аръ* и *яръ*, имѣютъ во множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительныя на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*.

Единственное исключеніе: пмена собственные. Потомки Г-на Булгарина будутъ гг. Булгарины, а не Булгаре.

(Признаюсь хотѣлось мнѣ изобличить моихъ критиковъ въ незнаніи свойствъ нашего языка, да посовѣтился).

Изученіе старинныхъ *пѣсенъ*, *сказокъ* и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

Шестой пѣсни *Онѣгина* не разбирали, даже не замѣтили въ Вѣстникѣ Е[вропы] латинской опечатки. Къ стати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Лидея, я не раскрывалъ лат[инской] книги и совершенно забылъ лат[инскій] языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ 14 столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ *жукѣ*. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши: 2) проза слишкомъ слаба; 3) Г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина <весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣв. Пч. года два прежде появленія Выжигина>, ибо Г. Булгаринъ не скажетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ [насмѣшкамъ] и порицанію. Что есть строфы въ Евг. Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать—этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ перерываютъ связь разсказа и поэтому означаетъ мѣсто, гдѣ имъ быть надлежало. Лучше бы было замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаю также, что въ Д. Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгения Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требованій ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все-таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ, уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны.—Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстія Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остоновку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе—напечатать 20,000 экз. и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басень Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами

сказанному. Басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій челоѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не стануť ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отзывались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать, наприимѣръ, слѣдующій отзывъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое <т. е. въ его заключеніи>. Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгений Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надобѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искутить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгения Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ пскать занимательности происшествій, мо-

гутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще меньше дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Charold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

1021. [О ПОЛТАВѢ].

Habent sua fata libelli. (Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ все почти оригинально) (а мы изъ этого только и бьемся, хотя это еще не главное). *Полтава* не имѣла успѣха. Можетъ быть она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніемъ.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи—и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобы женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману, НВ. исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю».

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія мифологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона—и принужденъ былъ признаться, что всѣ сии вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежать. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія <или Матрена> увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію—велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой *Мазепа злой и глупой старичишка* <старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣйливости>. Что

позобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочеть о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глухость* же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ: Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшить, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: нехудо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мы, что Мазепа слишкомъ у меня злопаметенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой, опять *хоть знаю, да не вѣрю!*

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятіи о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить росіянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнитъ, отъ Чернецкаго [Чаплицкаго], получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго),

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнитъ, мальчишкой и сумасбродомъ: критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственные* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «*больше славы, больше власти*». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство!—Потомъ слѣдовала критика мѣлочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: *усы, визжатъ, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора*—показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Низкими словами я почитаю тѣ, которые подлымъ образомъ выражаютъ низкія понятія; напр. нализаться вмѣсто выпить пьянымъ и т. д.) но никогда не пожертвую искренностию и точностію выраженія провинціальной чопорности, изъ

боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или тому под.

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо—но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ *Харемомъ*: но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Къ стати о Полтавѣ: критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его <или, справедливѣе, какъ не понимали!>. Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и зато, посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе! какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попала исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея

И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣлость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

1022. [РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАНИБАЛОВЪ].

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г. при открытіи нещастнаго заговора, я принужденъ былъ (сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ (они были-бы любопытны): я въ нихъ говорилъ о людяхъ, кот(орые) послѣ сдѣлались историческими лицами, съ (всей) откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь нѣкоторая торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно, будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

(Избравъ) себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ произхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца *Радии* или *Рахи* <мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго>, вѣхавшаго въ Россію во время княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобринцевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шеферединовы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, удѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междоусобицы, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольникъ Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ I, сынъ его, стольникъ Федоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговоръ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшей дочери Графа

Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость и выпущенъ черезъ два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человекъ пылкій и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ Французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодаально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказать. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцемъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька Русскій посланникъ въ Константинополь, какъ-то досталъ его изъ серала, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ Польскою Королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ. Но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ

въ одномъ подземномъ сраженіи <сказано въ рукописной его Біографіи>, и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ I неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганибала въ Вомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это (случилось) было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба его перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганибалъ былъ переименованъ въ майоры тобольскаго гарнизона, и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени, и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство Князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганибалъ написалъ ей Евангельскія слова: помни мя, егда прїидеши во царствіе свое. Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела его въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ Генераль-Майоры и въ Генераль-Аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ Губерніяхъ Псковской и Петербургской, въ первой: Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобринно, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ <говорить его нѣмецкій біографъ>, въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ-

было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ при себѣ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ Гречанка, родила ему блѣдую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ: въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донинѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ не заѣвшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ (коего) настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя (родомъ шведка) не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. *Шорнъ шортъ*, говорила она, *дѣлатъ мнѣ шорна репязъ и даетъ имъ шерттовскъ имя*. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего <который доводитъ внучатымъ братомъ моею матери>; и сей бракъ былъ несчастливъ. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились

разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ, бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили разнѣ. Дѣдъ мой умеръ въ 1807 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій неводержанной жизни. Одинадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

*

[Извлеченіе изъ нѣмец. записки объ Абрамѣ Ганибалѣ].

I. Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Анибала. Сей владѣлецъ былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкаго правл., вмѣстѣ со многими князьями, утѣшенными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшей сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь его извѣстить просьбами или испустить жертвою всѣхъ своихъ драгоценностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы—и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принять въ сералѣ султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горестъ видѣть, что поданные его упорствовали просвѣщенію, желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапченка съ хорошими способностями. Сей <заодно съ визиремъ> съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отпавилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганибала, другаго арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ расположеніе дѣтей: Ганибала, какъ живаго, смѣлаго, назначилъ въ военную службу; Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубоко-мысленнаго—въ статскую и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

*

II. Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ майоромъ. Тамъ онъ женился на до, чери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку—купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамилією.

1022-а. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ].

Семья моего отца—его воспитаніе—французы-учителя—(Mr.) Bous. . . . Mr. Mertin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. — (Свадьба отца). — Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. — Ив[анъ] Абр[амовичъ]. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины — рожденіе Ольги — Отецъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Москву. — Рожденіе мос.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ—Землетрясеніе—Няня. Отъѣздъ матери въ деревню—Первыя непріятности—гувернантки. (Смерть Николая. Ранняя любовь)—Рожд[еніе] Льва. — Мои непріятныя воспоминанія. — Смерть Николая. Монфоръ—Русло — Кат. П. и Ан[на] Ива[новна]—Нетерпимое состояніе—Охота къ чтенію—Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей. —

(въ) 1811.

Дядя В[асилій] Л[ьвовичъ]—Д[митріевъ]. Дашк[овъ]. Блуд[овъ].—... съ н... Ал. Ник.—Свѣтская жизнь.—*Лицей*. Открытіе. Государь. Малиновскій. Кунцъ. Аракчеевъ.—Начальники наши.—Мое положеніе.—Философич. мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ [?] Пилецк[аго]. (Смерть Малиновскаго).

1812 г.

1813.

Государыня въ С[арскомъ] С[елѣ]. Гр[афиня] Коч[убей]. Смерть (Пилецкаго) Мал.—.... Безначаліе. Чачковъ. Фроловъ—15 лѣтъ.

1814.

(Экзамень, Галичь. Державинъ—стихотворство—смерть).

Извѣст[іе] о вз[ятіи] Парижа.—Смерть Малиновскаго. Безначаліе.—(Приѣздъ Карамзина—Первая любовь—Жизнь—Карамзинъ—).—Б.... Приѣздъ матери. Приѣздъ отца. Стихи etc.—Отношеніе къ..... Мое тщеславіе.

1815.

(Экзамень. Сти.).

1022-6. [ЗАПИСКА ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ].

Десять лѣтъ тому назадъ литературу занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатаніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

(Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ <какъ и во всемъ> былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя).

(Литераторы во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до пе-

чати. Весь классъ писателей <классъ важный у насъ, ибо, по крайнѣй мѣрѣ, составленъ изъ грамотныхъ людей> перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія <къ нещастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать>, отчасти—изъ вѣроятнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго Государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ).

Нещастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбы и притѣсненнымъ невѣжественной и своенравной цензурою. Не было закона касательно собственности литературной.

(За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій <что было еще первый примѣръ плутовства>).

Огражденіе сей собственности и цензурной уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благоудѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. *торговое*. Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами. Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгоды и чѣмъ разнообразіе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

(Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные доннынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія).

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторамъ, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

(Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000 дохода, между тѣмъ какъ чисто литературная едва ли окупаетъ издержки изданія).

Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ

столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы *чисто литературные*, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 300, и слѣдственно голосъ ихъ былъ бы вовсе не дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, осужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости.

(Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ *Дельвигомъ* или мною).

Направленіе политическихъ статей зависить и должно зависѣть отъ правительства, и въ семъ случаѣ я полагаю свящеюю обязанностию ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждою строкою моего журнала.

Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна.

(Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для разъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обвиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою).

(Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечить состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность

или недоброжелательство было бы съ ихъ стороны столь же безразсудно какъ и не-благодарно).

1023. [ОТКЛИКИ НА СОБЫТІЯ 1831 года].

[1]. 26-го іюля [1831 г.]. Вчера Гос[ударь] Имп[ераторъ] отправился въ военные поселенія <въ Новгор[одской] Губ[ерніи]> для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ Депутаты пришли къ Ижору съ повинною головою и съ розпискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто-бы онъ и лѣкаря отравляли людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться Гр. Орлова, посланнаго въ поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и общалъ самъ къ нимъ прѣхать. «Тогда я васъ прошу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ Государя.

Однако-же сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ Царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Разправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади,—и Царской голосъ не долженъ угрожать гл картечью, ни кнутомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти, и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ Государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донинѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковыя разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

[2]. Покамѣстъ полагали что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантинны были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинны должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантинны, не подкрѣпленные достаточною цѣпою, военною силою,—суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что

Турки предпочитают чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели къ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины, народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большому, и народъ будетъ болѣе беспокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

[3] 29-го июля [1831 г.]. Третьяго дня Государыня родила Великаго Князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россетти выйти за Смирнова. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами Императрицы. Бунтъ въ Новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько Генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и Короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного майора, они подходили къ нему съ шутками: Ваше Высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смиренъ — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человекъ, одинъ изъ нихъ спасенъ больными лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкаръ находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отменно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершались. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ Полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Аригъ,

находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: Вамъ бы должно вынести кутю. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ имъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорить о мужествѣ и силѣ духа императора.

Восемь полковъ, возмущившихся въ Старой Руссѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчину.

[4] Сентября 4. Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ ранилъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. — Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ Княземъ Свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевелъ при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello (Lasne) Высоцкаго, зачинщика революціи, Гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

Сколько въ суворовскомъ полку осталось? спросилъ государь у Суворова. — 300 человекъ, В[аше] В[еличество]. Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ.

[5]. Надняхъ скончался въ П.Б. Фонъ-Фокъ, начальникъ 3-го отдѣленія Государевой канцеляріи <тайной полиціи>, человекъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

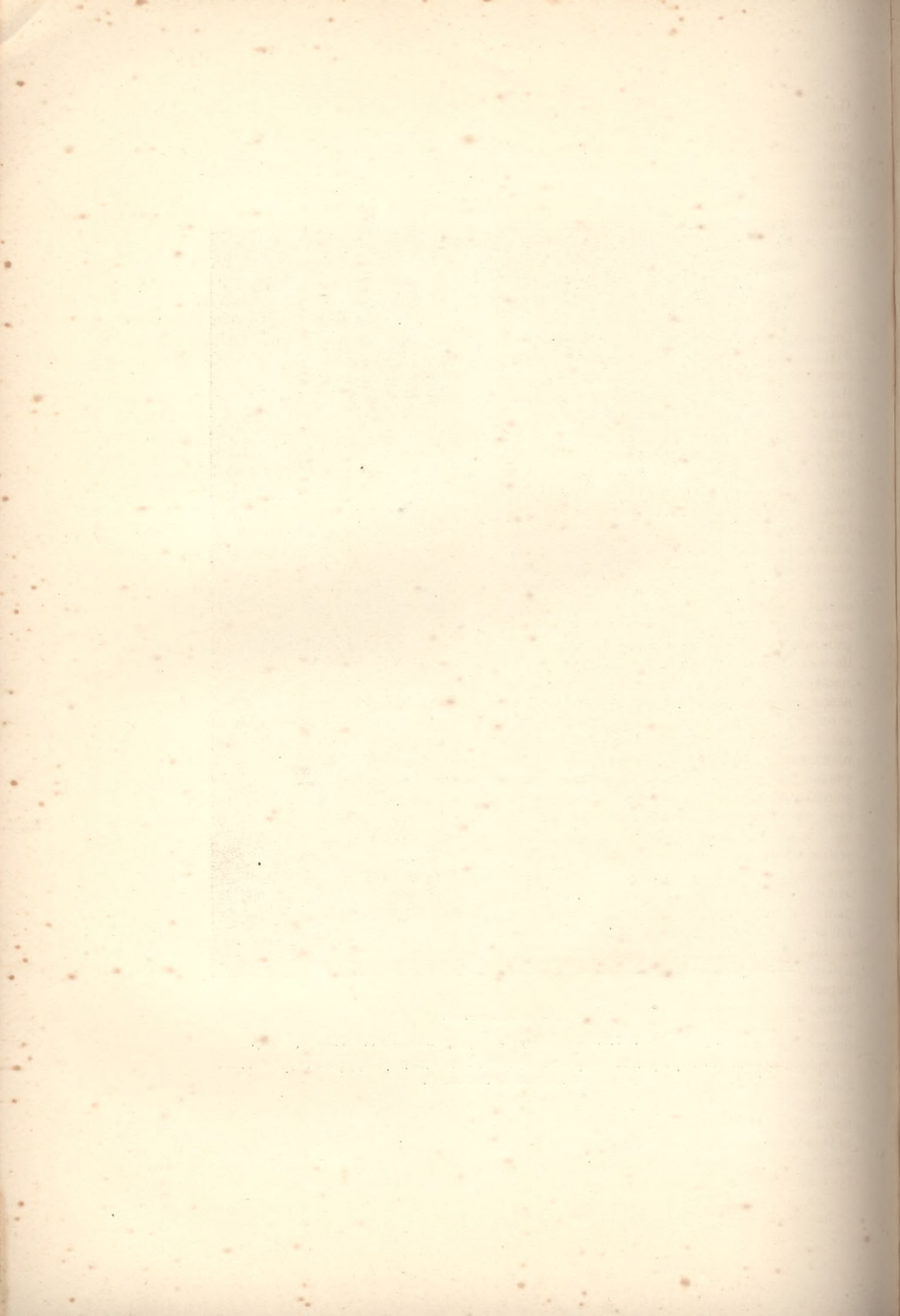
[6]. Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней — разницы не сдѣлало бы. Щастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко.

ДЕРЖАВИНЪ.

*Гравюра Пожалостина (1880) съ портрета Василевскаго (1815).
(Объ этомъ портретъ говоритъ Пушкинъ въ статьѣ «Державина видѣлъ
я только однажды»).*

Ошибки Скржинедкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинедкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

1024. [О ДВОРЯНСТВѢ].

I. Что такое потомственное дворянство? Сословіе народа высшее. т. е. награжденное большими преимуществами, касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями.—Съ какою цѣлю?—Съ цѣлю имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т. е. не ремесленный или земледѣльскій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пригтовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, чести вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задуть.—Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ гвардію и войско государево.—Чѣмъ кончается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А = В.

III. Наслѣдственные преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

IV. Русское дворянство что нынѣ значитъ? Какими способами дѣлаются дворяне? Что изъ этого слѣдуетъ? НВ. Былое презрѣніе къ сему званію. Дворянинъ-помѣщикъ. Его вліяніе и важность; рекрутство; права. Дворянинъ въ службѣ. Дворянинъ въ деревнѣ. Происхожденіе дворянства. Дворянинъ при дворѣ.

V. Attentat de Теодоръ. Lâcheté de la haute noblesse <между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина>.

Prerre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon <la révolution incarnée>. Les rangs. Chûte de la noblesse. Son указъ de 1714 etc...

Voilà déjà 150 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse et c'est l'Empereur actuel qui le premier a posé une digue, bien faible encore, contre le débordement d'une démocratie pire que celle de l'Amérique.—Уничтоженіе дворянства чинами. Маюратства, уничтоженные плутовствомъ. Паденіе постепенное дворянства.

Opposition de Dolgorouky <niaise, dans le genre de celle des Panine>.

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты.

Екатерина. Alexandre. Новосильцевъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, porovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquelles on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident.

La haute noblesse n'étant pas héréditaire <de fait>, elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme c'est: loix cruelles, coutumes douces.

Stabilité—première condition du bonheur public.

Comment s'accommode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

1025. О НОВѢЙШИХЪ РОМАНАХЪ.

Barnave, Confess[ions], femme Guill[otiné]; Eugène Sue; De Vigny; Hugo; Balzac, scènes, Peau de Chagrin contes bruns drol[atiques?] Musset [tableaux?] de nuit.—Поэзія французская.—Byron.—Муравьевъ, Полевой <Полевой романистъ>, Свинынъ, Карамзинъ.

1026. [ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ].

Въ концѣ 1826 года я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи настоящую войну)—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, игралъ со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что)

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ,—что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы. (Какъ послѣ этого не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непременно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не беспокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. (Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ

(эпической) диопрамбу.—Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину своихъ товаровъ, не успѣвъ пересчитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинны (народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочно-непривычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нежданные). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ—въ Москвѣ... но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхавъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ (вывѣдывать о карантинѣ, о начальникѣ): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать. Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду (вынести положенный срокъ), и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

1027. [ПРОГРАММЫ И ЗАМѢТКИ ПО ИЗДАНІЮ «ДНЕВНИКА»].

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Вѣшняя политика. Происшествія политич. Полемика.

Предварительное изъясненіе мнѣйшій правительства. Внутреннія происшествія и

указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы
отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. *Вышняя* литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. *Внутренняя*. Истор. материалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиографія. Объявленія.

Пособія: повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству—
какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Офіційність.

Контора подѣ въ дом. редактора. Под-
писка въ экспедиціяхъ и въ почтамтѣ. Раз-
сылка по домамъ.

Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающихъ денегъ; 3) Книга прихода и расхода (Grossbuch); 4) Отдѣльный счетъ съ бумагой; 5) Книги съ разнощ. жалобъ; 6) Сотрудники; 7) Покупки.

Исполнитель.

1 Января 1833 г.	ДНЕВНИКЪ		Понедѣльникъ.
Подписка при- нимается.....	Политическая и литературная газета.		Контора редак- ціи открыта съ 9 ч. утра до 9 ч. вечера еже- дневно.
Внутреннія извѣстія.			
Новости заграничныя.			
СМѢСЬ.			

1028. [О ДУРОВѢ].

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, заслужила георгиевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепси, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ

пунктъ: ему непременно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуваны. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думаю», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—Ну, что же? «Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня

есть совѣсть.» Ну, такъ украдете полковую казну. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денегъ у государя. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Я даже и просилъ.»—Какъ! безо всякаго права? «Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца иѣтъ, и такъ далѣе.»—Что же вамъ отвѣчали? «Ничего.»—Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же, за чѣмъ дѣло стало? «Да, видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ страшно и забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ рассказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ—«хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли ли въ дѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и биться о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщи-

намъ была также замѣчательна. Бывши городничимъ въ Елабугѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ, по должности своей, присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея предестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

1029. ДЕРЖАВИНА ВИДѢЛЪ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцѣловать ему руку, руку—написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь п...къ? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его <гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ> очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце

забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

1030. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ О КИШИНЕВСКОМЪ ПЕРІОДѢ].

Кишиневъ.—Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыму. — Орловъ. — Ипсиланти — Каменка—Фонт.—Греч[еская] Рев[олюція].—Лунр. [анди].—12 годъ.—mort de sa femme.—le *renégat*—паша Арзрумской.—

1031. [ПРОГРАММА ДРАМЫ О ПАПЕССѢ ЮАННѢ].

Acte I. La papesse—fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant <le démon de savoir> arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérage des femmes—joie du père—soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol <amour, jalousie, duel—*en récit*>. Jeanne soutient une thèse et est fait docteur.

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne—son condisciple; leur connaissance. Elle le menace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poème dans le style de Christabel ou bien en octaves.

[ДНЕВНИКЪ ПУШКИНА СЪ 1833—1835 Г.].

24 ноября. Обѣдалъ у К. А. Карамзиной, видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ *dout* у Фикельмонтъ. Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мушина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просьбою. Я узналъ по лицу грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ—Судцо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижъ—не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я рассказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и продалъ этерію, представя ее императору Александру отраслю карбонаризма. Судцо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады—тонкость фанариота была побѣждена хитростію русскаго офицера. Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

27.—Обѣдъ у Энгельгардта.— Говорили о Сухозан[етѣ], назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. *C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements*, сказалъ Энг[ельгардтъ].

Осуждаютъ очень дамскіе мундиры, бархатные, шитые золотомъ особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное.

Вечеръ у Вяз.

28.—Роутъ у С. Салтыкова. Гр. Орл[овъ] говорить о тур[ецкомъ] послѣ.—*C'est un animal. Il a donc un secrétaire?*—*Oui, un Phanariote et c'est tout dire.*

29.—Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человека запятнаннаго, вошедшаго въ люди черезъ Яшвиля — не . . . . . и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только пзувѣченнаго воина и назначилъ ему важ-

нѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ. 2) дамскіе мундиры. 3) выдача гвардейскаго офицера Г. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. г[осударь] не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскаго дворянства. Эта зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ. Прилично ли г—ю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Чтò, если курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, ужъ какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ. Конечно, со стороны г—я есть что-то рыцарское; но г[осударь] не рыцарь... Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельбергъ <ур. Тизенгаузенъ> умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм[онтъ].

Вчера играли здѣсь *Les Enfants d'Edouard* и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорить, будетъ запрещена. Эжери удивляется смѣлости примѣненій. Блай ихъ не замѣтилъ. Блай, кажется, правъ.

*

30 Нояб. Вчера балъ у Бутурлина. <Жо-мини> любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Для безопасности. Но онъ защищенъ П. Б. Кронштадтомъ.—Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? <мы смотрѣли на карту постепеннаго распространія Россіи, составленную Бут[урлинымъ]>. Ваше мѣсто—Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи, etc...

Нѣсколько офицеровъ подѣ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В[еликій] К[нязь] ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ плаф-

оркѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслию объ упадкѣ Гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ Ъхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисей шубѣ. Въ началѣ царствованія А[лександра] офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи...

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 гвардіи подъ ружьемъ.

Декабрь 1833. 3.—Вчера гос. возвратился изъ Москвы.—Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворцѣ не было ни одной топленной комнаты, онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: *какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимовъ*. [Никифоровичемъ]—очень оригинально и очень смѣшно.

4.—Вечеромъ у Загряжской <Нат. Кир.>. Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь открылась и государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлены перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря, что она не знала, чтобы женщина въ алтарь не стыдно, отвѣчала Екатерина.—Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться..—Нат. Кир. рассказала анекдотъ съ большой живостью. Кн[ягиня] Кочубей замѣтила, что Дашк. вошла, вѣроятно, въ алтарь въ качествѣ президента Русской Академіи. Второго анекдота я не выслушала.

Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкій <авторъ *Записокъ*> былъ нѣкогда адъютантомъ у графа Кир. Разумовскаго. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь *Будакова*. Это знала Нат. Кир. отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинь.

Государыня пишетъ свои записки... Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алекс. писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиною. Марія Оед.—также. Государь жжегъ ихъ по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину. <Слыш. отъ Кат. Андр.>.

6 Дек. Именины гос. Мартыновъ—комендантъ. 4 полныхъ генераловъ. Перовскій—генералъ-лейтенантъ. Меншиковъ—адмиралъ. Дамы представлялись въ русскихъ платьяхъ. На это нѣкоторые смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безрукій сказалъ кн. В—ой: Я отдалъ бы послѣдніе три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у графа А. Боб[ринскаго] Мятлевъ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, которыхъ В[еликій] К[нязь] засталъ ночью въ неисправности и которые содержались подъ арестомъ прощены.

14 Дек. — Обѣдъ у Блайя. Вечеръ у Ст.

11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк[ендорфа] явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою. Стихи:

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова—

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ.—Эти четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о сысканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ, что правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно; въ обществѣ

ропнуть, а у Нессельроде и у Кочубей будутъ балы—<что также есть способъ льстить двору>.

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ. Императрица была нездорова. Поутру, обѣдя и молебень.

15 балъ у Кочубея. Императрица должна была быть; но не пріѣхала. Она простудилась. Балъ былъ очень блистателенъ. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

17.—Вечеръ у Жуковского. Нѣмецкій amateur, ученикъ Тиковъ, читалъ Фауста;—неудачно, по моему мнѣнію.

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству. Князь В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе. Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки. Н. [Нарышкинъ] сказалъ, что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтеленъ былъ атакованъ на дворцовой площади и ограбленъ. Полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми.

Бли[u]дова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1 Янв. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры <что довольно неприлично моимъ лѣтамъ>. Но двору хотѣлось, чтобы Н [Наталья] Н [Николаевна] танцевала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своею женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило не разъ до драки и даже до ножа. Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подѣ арестомъ. Онъ, кажется, сошелъ съ ума.

Меня спрашивали: доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ—а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бѣ не заста-

вили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариметикѣ.

Встрѣтилъ Новый годъ у Н[атали] К[приловны] Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царствованія Александра, о Ермоловѣ, etc.

7-го.—Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера былъ онъ у меня. Я люблю его разговоръ—онъ занимателенъ и дѣленъ—но всегда кончается толками о муже..... Вигель разсказалъ мнѣ любопытный анекдотъ. Нѣкто Норманъ или Лехрманъ, сынъ кормилицы Екатерины II, умершій 96 лѣтъ, нѣкогда разсказалъ Вигелю слѣдующее: мать его жила въ Бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число; я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилось, будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьицѣ,—какъ помню ее 60 лѣтъ назадъ. Сынъ исполнилъ ея приказаніе. Нѣсколько времени спустя дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей запискѣ: на ней стояло 6 ноября 179[6?]. Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала—и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ. Онъ еще подѣ арестомъ. Жена его вчера ночью уѣхала къ своему брату, къ дивизионному генералу. Думаютъ, что Безобразовъ не останется флигель-адъютантомъ.

Гос. сказалъ княгинѣ Вяземской: «J'es-père que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole et j'ai été content de lui», etc. Великій кн. Наслѣдникъ поздравилъ меня въ театрѣ: покорнѣйше благодарю, Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись. Вы первый меня поздравили.

17 балъ у Гр. Бобр. одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Гос. мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости <съ 1774 году!> Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ;

но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ.

Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ? Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26 Янв. Въ прошедшій вторникъ званіе я былъ въ Аничковъ. Приѣхалъ въ мундирѣ. Миѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N[Nathalie] H[иколаевну] и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С[ергѣю] В[асильевичу] С[алтыкову]. Гос. былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо миѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller se mettre en frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Тр[убецкого].— Трауръ по какомъ-то князѣ <то есть принцѣ>. Дамы въ черномъ. Гос. приѣхалъ неожиданно. Былъ на полъ-часа, сказавъ женѣ: Est-ce à propos des bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? <Мундирныя пуговицы>. Старуха Гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

Безобразовъ отправленъ на Кавказъ. Жена его уже въ Москвѣ.

*

28 феврал. Прошедшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, роутовъ, etc. Масляница. Государыня была больна и около двухъ недѣль не выѣзжала. Я представлялся. Государь позволилъ миѣ печатать Пугачева. Миѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями <очень дѣльными>. Въ Воскресенье, на балѣ въ концертной, Г[осударь] долго со мною разговаривалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у гр. Шувалова. На балѣ явился царевнѣ Скарятинѣ. В[еликій] Кн[язь] говорилъ множество каламбуровъ. Полиціи много дѣла. <Такой распутной масляницы я не видывалъ>.—Сегодня балъ у Австрійскаго посла.

*

6 Марта. Слава Богу! Масляница кончилась, а съ нею и балы. Описаніе послѣдняго дня масляницы (4-го Марта) дастъ понятіе и о прочихъ. Избранные званы были во дво-

рецъ на балъ утренній—къ половинѣ перваго. Другіе на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я приѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались; а тѣ, которыя были съ утра во дворцѣ, перемѣняли свой нарядъ. Было пропасть недовольныхъ: тѣ, которыя званы были на вечеръ, завидовали утреннимъ счастливымъ. Приглашенія были разосланы кое-какъ по списку баловъ князя Кочубей; такимъ образомъ ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ списокѣ не стояли. Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясались.

Царь далъ миѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В. Замѣтили на ней повые брилліанты—разсказывали, что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. <будто бы по завѣщанію покойной его жены>, что С. имѣлъ за то жестокое объясненіе съ женою, etc. etc. Все это пустыя сплетни. Брилліанты принадлежали К—вой, золовкѣ С—вой, и были присланы изъ Одессы для продажи. Однако, неосторожное поведеніе С—вой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила ее. Царь еще пуще. С-ва расплакалась: Votre Majesté je suis jeune, je suis heureuse, j'ai du succès—voilà pourquoi l'on m'envie», etc. С. очень глупа и очень смѣлая кокетка, если не хуже.

Соб[олевскій] говоритъ о гр. Вел[ьего]рскомъ]: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта былъ я вечеромъ у кн. Одоевскаго. Соб[олевскій], любезничая съ Ланской <бывшей Полетика>, сказалъ ей велегласно: «le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul» Онъ ужасно смутился. Свидѣтели <въ томъ числѣ Ланская> не могли удержаться отъ смѣха. Княгиня Од. обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости. Соб. уѣбжалъ.

13 іюля 1826 года, въ полдень, государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга приѣхалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ.

Фр[ейлина?] подняла платокъ въ память историческаго дня.

*

8 марта. Вчера былъ у См[ирновой]. Ц[иціановскіе] анекдоты. Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ <куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ> цареубійцу Скарятину и заставилъ его разсказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Гос. съ гр. Бенкенд. и застаётъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующимъ съ убійцею его отца. Скар. снялъ съ себя шарфъ, прератившій жизнь Павла I-го. Княжна Туркостанова, фрейлина, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ княземъ Вл[адиміромъ] Гол[ицинымъ], который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры—и она родила во дворцѣ такъ, что никто и не подозревалъ. Императрица Марія Федоровна приходила къ ней и читала ей Евангеніе, въ то время, какъ она безъ памяти лежала въ постели. Ее перевели въ другія комнаты и она умерла. Госуд. сердилась, узнавъ обо всемъ. Вл. Гол[ицынъ] разболталъ все по городу.

На похоронахъ Уварова пок[ойный] Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко <кажется, А. Орлову>: «одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?» <Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11-го марта>.

Гос. не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году — après avoir travaillé avec lui, et en rentrant chez l'Imp. dans le plus grand désordre de toilette.

*

17 марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго Conversations Lexicon. Насъ было человѣкъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ, а я его палъясъ: пью его лекарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свининъ. Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одо[евскій] и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ

меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминанія въ Ц. Сель.* Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр. посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5¹/₂ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) Пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговаривалъ я объ 11-мъ марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикельмонъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества, но пок. гос. окруженъ былъ цареубійцами Его отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, пособниками 14 Декабря; онъ слышалъ-бы слишкомъ жестокия истины.

НВ. Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышлявшихъ о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ, который должно дать Дворянство по случаю совершеннолѣтія Г. Наслѣдника. Кн. Долгорукій <оберъ-штабмейстеръ и ПБ. предводитель> и Г. Шуваловъ распоряжаются этимъ.—Делг. послалъ Нарышкину письмо, писанное по-французски, въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар. отвѣчалъ: Милостивый Государь! Изъ перевода съ письма В. С-ва усмотрѣлъ etc.—Вѣроятно, купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ, что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ, что гр[афиня] П[олье?] идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются—и рады вѣрить.

20.—Третьяго дня былъ у кн. Мещ[ерскаго]. Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжіей коверъ, вѣроятно, за недосугомъ.

Нѣкто Карцевъ, женатый на парижской дѣвкѣ въ 1814 году, развелся съ нею и жилъ розно. На-дняхъ онъ къ ней пришелъ ночью и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженнаго ртутью. Онъ подъ судомъ, она еще жива.

2 *Апрѣля*. Надняхъ <прошлый четвергъ> обѣдалъ у кн. Ник. Труб. съ Вяз., Нар[ышкинымъ] и съ Кук[ольникомъ], котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣеть ли онъ талантъ? Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его «Руки», etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: *il brédouille en musique comme en vers*. Кук. пишетъ Ляпунова; Хомяковъ—тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣеть болѣе таланта.

Третьяго дня въ Англійскомъ клубѣ избирали новыхъ членовъ и Смирновъ <камеръ-юнкеръ> былъ забалотированъ. Иные говорятъ, потому что его записалъ Искуль, другіе—потому что его смѣшали съ его однофамільцемъ, игрокомъ. Неправда. Его не хотѣли выбрать нѣкоторые гв. офицеры, которые, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ вступились за Смирнова. Говорили, что послѣ такого примѣра ни одинъ порядочный человѣкъ не возьмется предложить новаго члена, что шутить общественнымъ мнѣніемъ не годится и что надлежитъ снова болотировать. Законъ говоритъ именно, что разъ заболотированный человѣкъ не имѣеть уже никогда права быть избираемымъ, но были исключенія: гр. Чернышевъ <военный министръ> и Гладкій <об. полицмейстеръ>. Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова и онъ былъ выбранъ. Это, впрочемъ, дѣлаетъ ему честь. Онъ не министръ и не оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человѣку частному должно быть ему пріятно.

Кн. Одоевскій, д[окторъ] Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей *Conversations Lexicon*. Прочіе были обижены нашей оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ,—но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ *Lexicon* будетъ не что иное, какъ *Сѣверная Пчела* и *Библиотека для Чтенія* въ новомъ порядкѣ и обѣмѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго Онъ рассказывалъ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. Т. по Тихвинской глухой дорожкѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему

лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно! Эти каналы лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ.—Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. *Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ гении Зла и Блага*. Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7 *апрѣля*. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ Государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу. <Выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова>. Ж[уковский] говоритъ: *я радъ, что Тел. запрещенъ, хотя жалю, что его запретили*. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большою наглостію проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Вчера *rout* у Фи[гельмонта]. [Государя?] не была. Впрочемъ, весь городъ.

Моя *Пиковая Дама* въ большой модѣ, игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и книгиней Н. П. [Натальей Петровной Голицыной], и, кажется, не сердятся.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8 *апрѣля*. Вчера *rout* у кн. Од[оевскаго]. Изъясненіе съ S. K. [Софьей Карамзиной?]. Вся семья, Гр. Л., гр. Ка....., идеализированная ея мать.

Сейчасъ ѣду во дворецъ, представляться Царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Настъ было человѣкъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и другіе. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: *Non, c'est unique!... Je me creusais la tête pour savoir, quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur sa fille d'adoption...* и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который надняхъ ъдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго <героя>. Онъ <т. е. Б.> очень зло отзывался объ одесской жизни, о гр. Вор., о его соблазнительной связи съ О. Н. etc. Хвалить очень графиню В.

Бринкена, сказываютъ, финляндское [курляндское?] дворянство повѣсило или повѣсиль.

10 Апрѣля. Вчера вечеръ у Уварова—живые картины. Долго сидѣли въ темнотѣ. S... [Смирновой, Соллогуба?] не было. Скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадрили; ужинъ плохой.—Говоря о Свиныиѣ, предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: Надобно будетъ удостоить, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиныиѣ продасть не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ, будто бы Полевой въ крѣпости. Какой вздоръ!

11-е Апрѣля. Сейчасъ получаю отъ Гр. Строганова листокъ Франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St. Pétersbourg. 27 Février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée... <Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря>... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, Mr. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel;

mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la révolution Polonaise, il se trouve énoncé dans son poëme: *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps. Puisque cependant le sr. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *relegué aux confins reculés de l'Empire*, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...

14 Апрѣля.—Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ—800 мѣстъ и 2.000 билетовъ!

Ропшутъ на двухъ дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы П.Б-го дворянства, княгиню К. О. Долгорукую и гр. Шувалову. Первая—наложница кн. Потемкина и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ, а вторая—кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы въ благопристойности общественной не очень тверды.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ П. Б., подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ, тому съ недѣлю.

16-го.—Вчера проводилъ Н. Н. [Наталию Николаевну] до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ Субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Ж[уковский] сказалъ мнѣ, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-героу и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ изъавить.—Литта, толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambelans et les gentils-hommes de la chambre, на что Нар. возразилъ: pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur.

Однако жъ я не поѣхалъ на головомые, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы надняхъ выйдетъ

указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

Сухт.[еленъ?] брюхата, и, кажется, не вовемя. Любопытные спрашиваютъ въ Инвалидѣ о времени пріѣзда ея мужа въ П. Б. Она уѣхала въ Москву.

Среда на Святой недѣли. — Праздникъ совершеннѣйшаго совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. В[еликій] К[нязь] [Александръ Николаевичъ] былъ чрезвычайно тронутъ. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ, но, начавъ молитву, принужденъ былъ остановиться—и залился слезами. Государь и Государыня плакали также. Наслѣдникъ, прочитавъ молитву, кинулся обнимать отца, который разцѣловалъ его въ лобъ и въ очи, и въ щеки,—и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялись въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ, подъ знаменами, была повтореніемъ первой и охолодила дѣйствіе. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища; многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, сисясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народомъ. Миѣ надобно было свидѣться съ К. И. З[агряжской]. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самые торжественные. Филаретъ сочинилъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для церемоніи главу изъ Книги Царствъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что Царь собралъ и тысячниковъ и сотскихъ и евнуховъ своихъ. К. А. Нарышкинъ сказалъ, что это искусное примѣненіе къ камеръ-герамъ; а въ городѣ стали говорить, что во время службы будутъ молитвы за евнуховъ. Принуждены были слово евнухъ замѣнить другимъ. Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ канцлеромъ.

Мердеръ умеръ — челоуѣкъ добрый и честный — незамѣнимый. В[еликій] [Князь] еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новгородскій пріѣхалъ въ П. Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его бо-

лѣзни и для принятія приказаній насчетъ бумагъ, у графа находящихся—Это немое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнесите къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры неслышны. Слышишь вездѣ одно и то же. Одна См[ирнова] по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить; а страшно за нее.

3 мая. — Прошедшаго апр[ѣля] 28 былъ наконецъ балъ, данный Дворянствомъ по случаю совершеннѣйшаго В[еликаго] Кн[язя]. Онъ очень удался, какъ говорятъ, — не было суматохи при развѣздѣ, ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село.

Мердеръ умеръ въ Италіи. — Великому Князю, очень къ нему привязанному, не объявили о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: — было экипажей десять. Графиня Хреб[товичъ], однако, поплелась туда-же; мало ей разсѣянія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ зятѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней ушиблось. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хв[остовымъ] нѣкогда воспѣтая дыра

Провозглашаешь ты природы русскою скупость
Самодержавіе Петра

И Милорадовича глупость!

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle.

Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole, etc.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ, будетъ Графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга?—

Зовите жъ и Лаваль.

Лифляндское [курляндское] дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишъ, и подбломъ.

10 мая. — Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж[уковского] записку изъ Ц[арскаго] С[ела]. Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что Г[осударь] объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н. Н. [Наталиѣ Николаевнѣ] и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В[еликаго] К[нязя], писанный видно слогомъ неофициальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г[осударю], который сгоряча также его не понялъ. Къ счастью письмо показано было Ж[уковскому], который и объяснилъ его. Все успокоилось. Г[осударю] не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію. Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шуткомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безразличность въ привычкахъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приносить ихъ читать Царю <человѣку благовоспитанному и честному> и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть Самодержавнымъ.

Вчера былъ парадъ, который какъ-то не удался. Государь посадилъ Наслѣдника подъ арестъ на дворцовую гауптвахту за то, что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

12. Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія, выпросилъ маіоратство для Грузина, предоставивъ себѣ избрать наслѣдника, а въ случаѣ внезапной смерти, поручая то Государю. Онъ умеръ, не написавъ духовной и не причастившись, потому что, по его мнѣнію, долженъ онъ былъ дожить до 30 Августа, дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ А[ракчееву] кадетскій Новгородскій корпусъ, которому и повелѣно называться Аракчеевскимъ.

*

21. Вчера обѣдалъ у См[ириновыхъ] съ Полетикой, съ Вельегорскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый [неуступчивый?] былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ

нему и обнялъ его, говоря: Ахъ ты, мой красавецъ!—Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и обратился къ Зубову, сказалъ ему: я, сударь, моею фигурою фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить *такого-то* (Чертова по им. и отч.), а я его помню и могу Васъ увѣрить, что онъ очень былъ недурень».

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ, что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали; но воцарился Павелъ и негодованіе увеличилось. Лагарпъ показывалъ письма молодого Великаго Князя <Александра>, въ которыхъ сильно выражается это чувство. Я видѣлъ письма его-же Ланжерону, въ которыхъ онъ говоритъ столь откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu et rarement, car je suis sur la hache. Ланжеромъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout—aussi lui étais-je dévoué, mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe. Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Пол[етика] сказалъ: «L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire.» Кто-то сказалъ о Гос[ударѣ]: Il y a beaucoup du Praporchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand.

*

2 июня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія *сущности*, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена. Блай недоволенъ. Онъ говоритъ: «mais Medème c'est un tout jeune homme—c'est-à-dire un blanc-bec. Гос[ударь] не хотѣлъ принять Каннинга <Stratford>, потому что, будучи Вел[икимъ] Кн[яземъ], имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26 мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ, отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел[икой] Кн[ягинѣ] [Елена Павловна]. Настъ было человѣкъ 8; между прочимъ Красовскій <главный цензоръ>. В[еликая] Кн[ягиня] спросила его: Celà doit bien vous ennuyer

d'être obligé de lire tout ce qui paraît.—Oui, V[otre] A[ltesse] I[m]p[er]iale, — отвѣчалъ онъ,—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice.—В[еликая] Кн[ягиня] скорѣе отъ него отошла.—Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К[атерины] А[ндреевны] [Карамзиной]. Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежащія нѣкогда Ганнибалу, моему пра-дѣду. У ней были: Вяз[емскій], Жук[овскій] и Пол[етика]. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ Императорѣ.

*

3-го июля. Обѣдали мы у Вяз[емскаго]: Жук[овскій], Давыдовъ и Киселевъ [Павелъ Дмитріевичъ]. Много говорили объ его правленіи въ Валахи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См.—Игралъ 1200 р.

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки <и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ>. Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! Да о чемъ ты будешь писать? Что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Б[олховской]. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ, начиная съ того, что я видѣлъ..... Государыни <Екатерины II, въ день ея смерти>.

Гр. Фикельмонтъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живетъ.

19 числа послалъ 1000 Нащ[окину]. Слава Богу, слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ, получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили голову. Казалось смерть такого ничтожнаго человѣка не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ государственныхъ людяхъ, что и Кочубея некимъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо

воспитанный—а это у насъ рѣдко. И за то спасибо. О Кочубевѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ графъ Викторъ Кочубей.

Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей? Не знаю—чертъ меня убей!

Согласенъ; но эпиграмму припишутъ мнѣ и правительство опять на меня надутся.

Здѣсь Прусскій кронъ-принцъ съ его женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ и у ней глаза разболѣлись.

*

22 июля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я съ Дворомъ, но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ. Арндтъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Остерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежеймъ красенъ.

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ кн. Трубецкому. Екатерина купила его и помѣстила въ немъ Сенатъ.

*

9 Авг[уста].—Трошинскій, въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на-зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трошинскій остался въ П. Б. никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъ-егерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъ-егерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трошинскому объявить ему, что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ пріѣхалъ. Трошинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъ-егерь привозитъ его прямо къ Зимнему Дворцу. Трошинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что ведутъ его на половину Великаго Князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ его съ новымъ Императоромъ. Трошинскій нашелъ Государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся ему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководите-

лемъ.» Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ Государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28 Ноября. — Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; я былъ въ отсутствіи—выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать на церемоніи выѣстѣ съ камеръ-юнкерами, моими товарищами. Былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ—видѣлъ А. Раевского, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Кадугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они. Намъ дана вольность и поставленъ столпъ намъ въ честь. Гр[афа] Румянцева вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ Завожахъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Н[аталью] Н[иколаевну] въ Москву, а самъ съѣздили въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился я къ 15 Октября въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ Мих[аилъ] Пав[ловичъ] ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. В[еликій] Ки[язь] привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасный. Воротились въ 3 часа.

*

5 Декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни-за что не побѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами—молокососами 18-ти-лѣтними. Царь разсердится,—да что мнѣ дѣлать?

Покаместъ давайте злословить.

Въ бытность мою въ Москвѣ нынѣшняго года много было проказъ, Москва хоть ужъ и не та, что прежде, но все-таки имѣетъ еще похоти боярскія (des vellités d'Aristocratie). Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими мѣсто Екатерининскихъ бригадировъ; они роптали, глядя, какъ онъ ухаживалъ за молодою княгиней Д[олгоруковой] <за дочерью Сашки Булгакова!> говорили ворчуны съ

негодованиемъ. Царь, однажды, пошелъ за кулисы и на сценѣ разговаривалъ съ московскими актрисами. Это еще менѣе понравилось публикѣ. Въ бытность его поиманы зажигатели. Князь М. Голицынъ взялъ на себя должность полицейскаго сыщика—одѣвался жидомъ и проч. — Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! Въ Н[ижнемъ] Новгородѣ Царь былъ очень суровъ и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало—за что <ни я>.

Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его въ 821 году въ Кишиневѣ. У него не было кровати; онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову, что былъ чловѣкъ умный и дѣловой.

Въ тотъ же день балъ у Салт[ыкова]. N. N. сказала: voilà M-me Iermoloff, la sale <Lassale>. Ермолова и Кур[вахъ] <дочь Моро> хуже всѣхъ одѣваются.

— Я все-таки не былъ 6-го во дворцѣ и рапортовался больнымъ. За мною Царь хотѣлъ послать фельд-егеря или Арита.

*

18 Дек[абря]. Третьяго дня былъ я наконецъ въ А[ничковомъ]. Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8½ въ А[ничковомъ]: мнѣ въ мундирномъ фракѣ, Н[атальѣ] Н[иколаевнѣ] какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Гр. Бобр[инскую], которая всегда за меня лжетъ и выводитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ <не по формѣ: въ А[ничковѣ] ѣздить съ круглыми шляпами; но это еще новое>. Гостей было уже довольно, балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ, Государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобр[инскій], замѣтя мою Δ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. Тутъ же были молодые сыновья Кеннинга и Велингтона. У Дука спросили, какъ находить онъ балъ: Je m'ennuie, отвѣчалъ онъ.—Pourquoi cela?—On est debout et j'aime à être assis. Я заговорилъ съ Л[евскимъ] о Мидкевичѣ и потомъ о Польшѣ. Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: mon cher

А. О. СМЕРНОВА.

ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'Amb[assadeur] d'Aut[riche], par exemple». Балъ окончился въ 11^{1/2}.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ дв[орцовомъ] саду В[еликаго] К[нязя]. Что ты одинъ здѣсь философствуешь?—Гуляю.— Пойдемъ вмѣстѣ. — Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивливаютъ. Государь Ал[ександръ] и К[онстанти́нъ] П[авловичи] оттого рано оплѣшивили, что при Отдѣ моемъ носили пудру и зачесывали волосы. На морозѣ сало ледѣло и волосы лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ?—Есть, да нехороши, не смѣю представить ихъ Вашему В[ысочеству].—У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ. Доведши В[еликаго] Кн[язя] до моста, я ему откланился.

Вчера (17) вечеръ у S. — —

Разговоръ съ Нордингомъ о русскомъ дворянствѣ, о семействѣ Екатерины I-ой, etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого въ гербѣ князей Вяземскихъ, Ржевскихъ—пушка. Многіе изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

*
22 Дек[абря]. Суббота.—Въ среду былъ я у Хит[рово], имѣлъ долгій разговоръ съ В[еликимъ] Кн[яземъ]. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали въ Сѣв[ерной] Пч[елѣ]. Дѣло идетъ о пребываніи Государя въ Москвѣ. Пч[ела] говорить: Государь И[мператоръ], обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ высоты Краснаго крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого недовольно. Журналистъ-дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть В[еликаго] Го—ря, преклоняющаго священную главу передъ гражданами московскими! Не забудь, что это читаютъ лавочники. В[еликій] К[нязь] правъ, а журналистъ, конечно, глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В[еликій] К[нязь] былъ противъ постановленія о почетномъ гражданствѣ: зачѣмъ награждать заслугамъ высшую дѣль честолюбія? Зачѣмъ составлять tiers-état, сію вѣчную стихію мятежей и оппозицій? Я замѣтилъ, что или дворянство ненужно въ Государствѣ или должно быть ограждено и недоступно иначе, какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ Го—ря, а по порядку службы, то вскорѣ дворян-

ство не будетъ существовать или <что все равно> все будетъ дворянствомъ. Что касается до tiers état, что же значитъ наше старинное дворянство, съ имѣніями, уничтоженными безконечными раздробленіями; съ просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу аристократіи и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Эдакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 Декабря? Одни дворяне; сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: Nous qui sommes aussi bons gentils hommes, que l'Empereur et Vous», etc. В[еликій] Кн[язь] былъ очень любезенъ и откровененъ. Vous êtes bien de Votre famille, сказалъ я ему, tous les Romanoffs sont révolutionnaires et niveleurs».—Спасибо. Такъ ты меня жалуешь въ якобинцы? Благодарю. Voilà une réputation qui me manquait.—Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его В[ысочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ, чтобъ слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензоръ Никитенко на обвахтѣ подѣ арестомъ и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ. Смирдина переводъ оды В. Юго, въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ, <которому досугъ читать наши бредни> жаловался Государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина, отсюда буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ,

То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадрилъ. А все виноватъ Глинка <Федоръ>. Послѣ его ухарскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что онъ пустился во всѣ тяжкія...

Псаломъ Глинка уморительно смѣшонъ.

1835 г.

8 Января.—Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастье...

Бриллианты и дорогіе каменья были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ бриллианты Н[атали] Н[иколаевны], заложивъ въ Москов-

скомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за бездѣнокъ. Нынче узнаю, что опять возвысились: ихъ требуютъ въ Кабинетъ и вотъ по какому случаю.

Недавно Государь приказалъ К[нязю] В[олконскому] принести къ нему изъ Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9.000 рублей. К[нязь] В[олконскій] принесть табакерку. Государю показалась она бѣдна.—Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В[олконскій].—Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь, я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ: возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 руб.

В[еликая] Кн[ягиня] [Елена Павловна] взяла у меня Записки Екатерины II-ой и сходить отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка.

Въ концѣ прошлаго года, свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять В[еликую] Кн[язю]. Ея лакей повздорилъ съ швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на обахту и К[атерина] Н[иколаевна] принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками, но такой скотины, какъ Мартыновъ, мы еще не видѣли.

6-го. Балъ придворный <приватный ма-скарадъ>. Дворъ въ мундирахъ временъ Павла I. Г[рафъ] Панинъ <товарищъ министра> одѣтъ дитятей, Бобр[инскій]—Брызгаловымъ <кастеляномъ Мих. Замка. Полоумный старикъ, щеголяющій въ шутковомъ своемъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ калѣкъ сыновей, одѣтыхъ скоморхами. Замѣч[аніе] для потомства>. Гос[ударь]—полковникомъ Измайловскаго полка, ест.—Въ городѣ шумъ; находятъ все это неприличнымъ.

Февраль.

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ; шипъ потомству.

Надняхъ въ театрѣ Г[рафъ] Фикельмонтъ, говоря, что Bertrand et Raton не были играны на П.Б. театрѣ по представленію Блума, датскаго посланника <и нашего стариннаго шпіона>, присовокупилъ: Je ne sais pourquoi? Dans la comédie il n'est seule-

ment pas question du Danemark. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго, будто онъ—лютеранинъ. Павскій отставленъ отъ В[еликаго] Князя. Митрополитъ и Синодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Государь сказалъ, что въ дѣлахъ духовныхъ онъ не судія, но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника. Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ Академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ за то, что онъ, зная еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нелѣпость въ корняхъ Президента.

Митрополитъ, на мѣсто Павскаго, предлагалъ попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другаго, челоѣвка, говорятъ очень порядочнаго. Этотъ пріѣзжалъ къ Митрополиту, а старый лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Государю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже—не покупаютъ. Уваровъ—большой подлецъ. Онъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клеветъ Дундуковъ <дуракъ и > преслѣдуетъ меня своимъ цензурнымъ комитетомъ. Онъ не соглашается, чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія Государя.—Царь любить, да псарь не любить.—Кстати объ Уваровѣ: это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходить, что онъ у дѣтей Канкринъ былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ, что былъ . . . . ., потомъ нянькой и попалъ въ президенты Академіи Наукъ, какъ княгиня Дашкова въ президенты Р[усской] Академіи.—Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты <у него 11.000 душъ>. Казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу, етс. етс. Дашковъ <министръ>, который прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтивъ Жук[овскаго] подъ-руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону, говорилъ: Какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ челоѣкомъ!

Цензура не пропустила слѣдующіе стихи въ сказкѣ моей о Золотомъ Пѣтушкѣ:

Царствуй, лежа на боку,

и

*Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.*

Времена Красовскаго воротились. Никитенко глумѣе Бирукова.

ПУШКИНЪ И ЖУРНАЛЬНЫЙ ТРИУМВИРАТЪ 30-ХЪ ГОДОВЪ.

Въ 1825 году Булгаринъ, начавшій издавать «Сѣверную Пчелу», вступилъ въ тѣсный союзъ съ Гречемъ, издававшимъ съ 1816 года «Сынъ Отечества». Оба изданія пошли рука объ руку, поддерживая другъ друга, представляя нѣчто единое, цѣлостное. Въ 1834 году къ союзу примкнулъ Сенковский, стоявшій во главѣ редактируемой имъ «Библиотеки для чтенія». Эти три изданія имѣли индивидуальныя черты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были не однородны, но составляли сплоченную коалицію, дѣйствовавшую во многихъ отношеніяхъ сообща. Спаивающимъ элементомъ являлась матеріальная выгода. Была одинаковая тактика, но не глубокая внутренняя связь, хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Булгаринъ, Гречъ и Сенковский были родственны, отличаясь лишь степенью таланта и образованности. Гречъ ненавидѣлъ Булгарина, еще при его жизни за глазами поносилъ своего товарища на журнальномъ поприщѣ, называя его сумасшедшимъ. Въ концѣ жизни Булгарина у Греча произошелъ настоящій разрывъ съ нимъ. Послѣ смерти Булгарина Гречъ въ своихъ «Запискахъ» не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки душевныхъ качествъ своего соратника, назвавъ его «польскимъ псомъ». Постоянныя ссоры были и въ отношеніяхъ Булгарина и Греча съ Сенковскимъ¹⁾.

Но личная неприязнь и раздоры не мѣшали имъ крѣпко поддерживать союзъ, бороться общими силами со всякими попытками конкуренціи и ревностно стремиться сообща захватить поле русской журналистики.

Пушкинъ былъ не только великій художникъ, но и замѣчательный для своего времени журналистъ. И эта журнальная дѣятельность Пушкина тѣсно связана съ триумвиратомъ, многія статьи Пушкина такъ или иначе затрагиваютъ членовъ триумвира, были вызваны ими. Они доставили много огорченій Пушкину. И поэтъ борьбу съ триумвиратомъ отдалъ не мало своихъ силъ и энергіи. Сначала борьба ве-

лась съ двумя членами триумвирата — Булгаринымъ и Гречемъ, а съ 1836 г. она обратилась въ борьбу съ триумвиратомъ, какъ цѣлымъ.

I.

Отношенія съ Гречемъ у Пушкина завязались уже въ первые годы его литературной дѣятельности. Въ 1820 году въ «Сынъ Отечества» Греча (ч. 61, № 25 и № 26) появился отрывокъ изъ 3 пѣсни «Руслана и Людмилы». Въ томъ же году въ «Сынъ Отечества» были напечатаны прибавленія и эпилогъ къ поэмѣ (ч. 64), вошедшія во второе ея изданіе 1828 года. 24 сентября 1820 года Пушкинъ послалъ брату, Л. С. Пушкину, элегію «Погасло дневное свѣтило» съ просьбой отослать ее Гречу¹⁾. Она появилась въ ч. 65, № 46 «Сына Отечества». О «Русланѣ и Людмилѣ» въ 1820 г. въ «Сынъ Отечества» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ²⁾. Авторы ихъ въ общемъ доброжелательно отнеслись къ «Руслану и Людмилѣ». Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 4 декабря 1820 г., изъ Каменки, Пушкинъ высказалъ свой взглядъ о критикѣ «Сына Отечества». Статьей Воейкова Пушкинъ остался не доволенъ, Зыкова онъ нашелъ «умнѣе», а К. Григорій Б—ва «умнѣе всѣхъ»³⁾. Въ предисловіи ко второму изданію «Руслана и Людмилы» (СПБ. 1828). Пушкинъ назвалъ отзывы критики «снисходительными», многія замѣчанія Языкова «основательными», а статью Б—ва «остроумной и забавной».

¹⁾ «Переписка Пушкина» подъ ред. В. И. Сап-това, изд. Академіи Наукъ т. I, стр. 21. Въ даль-нѣйшемъ письмѣ Пушкина и къ нему мы бу-демъ цитировать по этому изданію.

²⁾ 1) ...евъ. Къ издателю «Сына Отеч.»—ч. 63, № 31; 2) ч. 63, № 32; 3) В. (А. О. Воейковъ), ч. 64, №№ 34-37; 4) NN (Д. П. Зыковъ), «Письмо къ сочинителю критики на поэмѣ «Русланъ и Людмила», ч. 64, № 38 (о статьѣ Воейкова); 5) К. Григорій Б—въ, «Замѣчаніе на письмо къ сочинителю критики на поэмѣ «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 41 (о статьѣ Зыкова); 6) П. К—въ «Замѣчанія на разборъ поэмы «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 42; 7) М. К—въ «Скромный отвѣтъ на не-скромное замѣчаніе П. К—ва», ч. 65, № 43.

³⁾ Переп. т. I, 22-23. М. Халанскій (Сочине-нія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, 576) ошибается, отнеся отзывъ Пушкина не къ Б—ву, а къ М. К—ву.

¹⁾ Объ отношеніяхъ Булгарина, Греча и Сен-ковского см. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 217, 273, 276, 277, 279, 291 и 292. СПб. 1905 и примѣчанія С. А. Венгерова къ ред. имъ. Сочин. Бѣлинскаго.

Въ 1821 году, 21 сентября, въ ч. 72, № 35 «Сына Отечества» появилось Пушкинское посланіе Чаадаеву — «Въ страѣ, гдѣ я забылъ...».

«Кавказскаго Пѣнника» Пушкинъ сначала предложилъ издать Гнѣдичу. Не получая долго отъ него отвѣта и имѣя въ виду то, что Гнѣдичъ очень невыгодно издалъ ему «Руслана и Людмилу», Пушкинъ 21 сентября 1821 г. пишетъ письмо изъ Кишинева Гречу, въ которомъ, называя его «любезнымъ Аристархомъ», предлагаетъ купить «Кавказскаго Пѣнника» «за дешевый гонораръ» (Переп., т. I, стр. 35). Въ письмѣ отъ 24 января 1822 г. къ Л. С. Пушкину поэтъ объясняетъ, что къ Гречу онъ обратился исключительно изъ матеріальнаго разсчета. «Ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться, и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ братастымъ цѣнителемъ книжнаго ума» (Переп., т. I, стр. 39). Въ концѣ концовъ, «Кавказскій Пѣнникъ» былъ изданъ Гнѣдичемъ.

Въ 1822 году на аренѣ русской журналистики появился Булгаринъ. Литературная дѣятельность его началась ранѣе съ 1816 г., но съ 1822 года онъ выступаетъ въ роли издателя журнала «Сѣверный Архивъ». Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать «Литературные листки». Онъ вращался тогда въ лучшихъ литературныхъ кругахъ, былъ знакомъ со многими изъ будущихъ декабристовъ. Очевидно, черезъ общихъ знакомыхъ Пушкинъ вступилъ въ сношенія съ Булгаринымъ. Въ письмѣ къ Гнѣдичу изъ Кишинева отъ 13 мая 1822 г. Пушкинъ сообщилъ ему «Птичку». «Напечатаютъ ли безъ имени въ «Сынѣ Отечества»? — писалъ поэтъ (Переп., т. I, стр. 44). «Птичка» появилась въ № 2 «Литературныхъ Листковъ» за 1823 годъ, но въ другой редакціи, чѣмъ та, которая сообщена въ письмѣ къ Гнѣдичу. Можно предположить, что Булгаринъ получилъ стихотвореніе не отъ Гнѣдича, а либо непосредственно отъ поэта, либо черезъ кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, нельзя утвердительно сказать, вступилъ ли въ сношенія къ Булгаринымъ Пушкинъ непосредственно, или же черезъ знакомыхъ, и точно опредѣлить начало этихъ сношеній. Но уже въ 1824 году Пушкинъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Булгаринымъ.

Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ

Бестужева были напечатаны «Нереида», «Рѣдветъ облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» съ опечатками. Пушкинъ былъ очень этимъ недоволенъ и послалъ «Нереиду» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» Булгарину съ просьбой напечатать въ «Литературныхъ Листкахъ»¹⁾. «Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й нумеръ «Сѣвернаго Архива», — пишетъ ему Пушкинъ въ письмѣ отъ 1 февраля 1824 года изъ Одессы, посылая стихотворенія, — полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда небольшая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе» (Переписка, т. I, стр. 98).

Такимъ образомъ, въ это время Пушкинъ, повидимому, относился еще къ Булгарину, какъ и многіе другіе, хорошо. Заподозрить неискренность въ письмѣ нѣтъ основаній. Но черезъ короткое время случился эпизодъ, который ясно показалъ Пушкину, что такое Булгаринъ.

8 февраля 1824 года Пушкинъ посылаетъ изъ Одессы А. А. Бестужеву извѣстное письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суетливо перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя и печатаю потому, что деньги были нужны». Письмо было адресовано Гречу для передачи Бестужеву (Переп., т. I, стр. 99). Въ № 4 «Литературныхъ Листковъ» 1824 года Булгаринъ напечаталъ присланныя ему Пушкинымъ стихотворе-

¹⁾ Н. О. Лернеръ ошибся, указывая, что Пушкинъ послалъ Булгарину — «Рѣдветъ облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» («Труды и дни Пушкина», 2-е изданіе. СПб. 1910, стр. 94).

нія со своимъ примѣчаніемъ ¹⁾. Въ томъ же номерѣ журнала была помѣщена небольшая замѣтка. «Мы получили, — писалъ Булгаринъ, — извѣстіе изъ Москвы, что Бахчисарайскій фонтанъ, поэма, соч. А. Пушкина, уже скоро будетъ отпечатана». Передавъ ея содержаніе, Булгаринъ привелъ цитированное мѣсто изъ письма поэта къ А. А. Бестужеву.

Пушкинъ очень разсердился на Бестужева, что онъ самовольно напечаталъ въ «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» три послѣднихъ стиха окончанія, касающихся интимной жизни:

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы
полный,
Надъ моремъ я влечилъ задумчивую дѣнь
Когда на хижины сходилъ ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И пменемъ своимъ подругамъ называла ²⁾.

Такъ сильно разсердившись на Бестужева, Пушкинъ еще болѣе былъ возмущенъ поступкомъ Булгарина, самовольно напечатаннаго интимныя строки частнаго письма. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому отъ начала апрѣля 1824 года изъ Одессы Пушкинъ пишетъ: «Каковъ Булгаринъ и вся братія. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники» (Переп. т. I, стр. 106). Поэтъ даже хотѣлъ напечатать въ «Вѣстникѣ Европы», что Булгаринъ въ своей замѣткѣ воспользовался самовольно частною перепискою, но потомъ раздумалъ ³⁾.

Поступокъ Булгарина, возмущившій поэта, однако, не повлекъ къ открытому разрыву его съ Булгаринымъ. Въ началѣ апрѣля 1824 г. въ № 18 «Сына Отеч.» Пушкинъ напечаталъ «Письмо къ издателю по поводу предисловія кн. Вяземскаго къ «Бахчисарайскому фонтану». Въ это время Пушкинъ уже держался вполнѣ отрицательнаго взгляда на Булгарина. 13 іюня 1824 года онъ пишетъ изъ Одессы брату: «Ты спрашиваешь моего мнѣнія на шетъ Булгаринскаго пранья — чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь на-

шей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ» (Переп. т. I, стр. 117).

Въ началѣ 1824 года появился «Бахчисарайскій фонтанъ». О немъ въ «Сынѣ Отечества» и въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. было помѣщено нѣсколько замѣтокъ ¹⁾. Всѣ онѣ въ общемъ лестно отзывались о Пушкинѣ. Лестнымъ для поэта было и извѣщеніе объ «Евгеніи Онѣгинѣ», появившееся въ № 4 «Литературныхъ Листковъ».

Въ 1825 году стала выходить «Сѣверная Пчела». 27 января 1825 г. въ № 12 «Сѣв. Пчелы» было напечатано «Къ чему холодныя сомнѣнья» (Чаадаеву). Къ этому году относится рядъ отзывовъ Пушкина о Булгаринѣ, рисующихъ вполнѣ опредѣленно отношеніе поэта къ нему. Въ письмѣ изъ Михайловскаго въ 1825 г. (конецъ февраля—начало марта) Пушкинъ пишетъ брату Льву Сергѣевичу: «Ты спрашиваешь, зачѣмъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть еще у меня друзья—Сабуровъ, Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ. Покамѣсть я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева, не было и не будетъ...» (Переп. т. I, стр. 183). Въ это время Пушкинъ уже ожидалъ враждебныхъ нападокъ Булгарина. Основаніемъ для этого, повидимому, было то, что въ рецензіи на «Сѣверные Цвѣты на 1825 г.», въ которыхъ былъ напечатанъ первый отрывокъ изъ «Евгеніи Онѣгина», «Сѣв. Пчела» (1825, № 3, 6 января) ограничилась лишь простымъ упоминаніемъ, что въ этомъ альманахѣ есть произведенія Пушкина. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину изъ Михайловскаго отъ середины марта 1825 г. Пушкинъ, посылая свои произведенія, пишетъ: «Я было послалъ это въ С. О., да, кажется, журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь» (Переп. т. I, стр. 194). Въ мартѣ Булгаринъ послалъ Пушкину изданный имъ альманахъ «Талію» съ письмомъ на оберт-

¹⁾ Сочиненія Пушкина подъ ред. С. А. Венгера, т. II, стр. 623.

²⁾ См. письма Пушкина къ Бестужеву изъ Одессы отъ 12 января и 29 іюня 1824 г.—Переп. т. I, стр. 95 и 121—122.

³⁾ См. письмо Пушкина къ А. А. Бестужеву изъ Одессы отъ 29 іюня 1824 г. Переп. т. I, стр. 121.

¹⁾ 1) «Сынъ Отеч.», ч. 92, № 12 (Современная русская библиографія); 2) Олинъ, Критическій взглядъ на «Бахчисарайскій фонтанъ», «Литер. Листки», № 7 (съ примѣчаніемъ Булгарина); 3) Вѣ-и-и, «Бахчисарайскій фонтанъ», «Сынъ Отеч.», ч. 92, № 13.

кѣ 1). Очевидно, Булгаринъ имѣлъ свѣдѣнія, что Пушкинъ настроенъ противъ него враждебно. Зная враждебное отношеніе къ себѣ друзей поэта, особенно Вяземскаго и Дельвига, Булгаринъ боялся ихъ вліянія на Пушкина. Съ очевидною цѣлью поддержать хорошія отношенія съ Пушкинымъ Булгаринъ пишетъ ему 25 апрѣля 1825 г.: «Писалъ я къ вамъ на оберткѣ Талія, а, наконецъ, рѣшился написать на особой бумажкѣ и начинаю благодарностью за присылку стиховъ на зубокъ Пчелѣ... На насъ ополчились въ Москвѣ, что мы ничего не сказали объ Онѣгинѣ. Богъ видитъ душу мою, знаетъ, какъ я цѣню вашъ талантъ; вы сами могли судить, сказалъ ли я что-либо гдѣ-либо предосудительное или двусмысленное о васъ; но еслибъ вы знали всѣ обстоятельства бѣдныхъ журналистовъ, то бы пожалѣли, что они иногда должны промолчать. Не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу, вѣрьте образцамъ чести—Бестужеву и Рылѣеву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню...» (Переп. т. I, стр. 208). Пушкинъ отвѣчалъ Булгарину 25 мая, но письмо это не сохранилось 2).

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго 25 января 1825 г. Пушкинъ прислалъ ему съ просьбой напечатать гдѣ-нибудь стихотвореніе «Пріятелямъ». Вяземскій напечаталъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825, ч. I, № 3), перемѣнивъ заглавіе — «Къ журнальнымъ пріятелямъ». По просьбѣ Пушкина въ № 52 «Сѣв. Пчелы» 1825 г. появилась такая замѣтка: «А. С. Пушкинъ просилъ издателей «Сѣв. Пчелы» извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 «Московского Телеграфа» на стр. 215 подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ» должно читать просто «Къ пріятелямъ». Относительно этой замѣтки кн. П. А. Вяземскій 7 іюня писалъ поэту: «Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина. Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Мнѣ казалось осторожиѣ прибавить Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попадѣ». На это Пушкинъ въ началѣ іюля отвѣчалъ: «Я послалъ

въ Пчелу, а не въ Тел. мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ неспосно долго. Полевой напрасно огорчился ты не напрасно прибавилъ Журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien» (Переп. т. I, стр. 229 и 235)

Если въ началѣ своей литературной дѣятельности Булгаринъ считалъ для себя болѣе выгоднымъ вращаться въ вліятельныхъ тогда прогрессивныхъ кругахъ, то послѣ 14 декабря 1825 года Булгаринъ увидѣлъ, что надо перемѣнить фронтъ. Но слава Пушкина очень уже росла и Булгаринъ видѣлъ, что сотрудничество поэта въ «Сѣв. Пчелѣ» будетъ выгодно. Послѣ 1825 года очень многіе порвали всѣ связи съ Булгаринымъ. Пушкинъ отличался большой терпимостью. Булгаринъ этимъ пользуется и всѣми силами старается сохранить хорошія отношенія съ поэтомъ. Въ № 132 «Сѣв. Пчелы» на 1826 г. Булгаринъ помѣстилъ отзывъ о второй главѣ «Евгенія Онѣгина». «Мы восхищались въ первой главѣ,—пишетъ онъ,—подробностями петербургской разсѣянной жизни, а болѣе обращеніями поэта къ самому себѣ и нѣкоторыми эпизодическими картинами. Прелестные стихи нѣжили слухъ нашъ... О второй главѣ Булгаринъ пишетъ: «Отдѣльные портреты лицъ и по подробности деревенской жизни прелестны, и по истинѣ сказать достойны искусной кисти великаго художника». «Должно ли говорить,—заканчиваетъ Булгаринъ,—о стихосложеніи, о гармоніи, о счастливыхъ оборотахъ, объ остроуміи, о сатирическомъ, весьма пріятномъ духѣ сего отрывка?»

Въ 1827 г., когда Пушкинъ возвратился въ Петербургъ, состоялось личное его знакомство съ Булгаринымъ. Въ августѣ 1827 г. Бенкендорфъ получилъ три анонимныхъ доноса на Н. Полевого. М. К. Лемке считаетъ, что эти доносы—Булгарина. Къ этому мнѣнію присоединяется и Н. О. Лернеръ 1). Въ одномъ изъ этихъ доносовъ 23 августа написано: «Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко

1) Письмо это не сохранилось. См. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 115 и Переп., т. I, стр. 139 и 202.

2) См. письмо къ Вяземскому отъ 25 мая 1825 г. Переп. т. I, стр. 219 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 118.

1) М. К. Лемке, Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб. 1908, стр. 254—260. Н. О. Лернеръ. Письма Ф. В. Булгарина—«Русск. Старина», 1909, кн. XI, стр. 354.

увлечь». Такимъ образомъ, дѣлается доносъ и на Пушкина и довольно серьезный: Пушкинъ, живя въ Михайловскомъ, дѣйствительно, думалъ о побѣгѣ за границу. Какъ мы видѣли, Булгаринъ въ эпоху доноса не былъ еще озлобленъ противъ Пушкина и объяснить мотивы доноса трудно, если онъ дѣйствительно принадлежить Булгарину, какъ это предполагаютъ М. К. Лемке и Н. О. Лернеръ.

Въ 1827 г. «Сѣв. Пчела» (13 сентября № 110), говоря о работахъ О. А. Кипренскаго, замѣчаетъ о его портретѣ Пушкина, котораго называетъ «первымъ современнымъ поэтомъ русскимъ»: «Благодаримъ художника отъ имени всѣхъ цѣнителей дарованія Пушкина, т. е. отъ имени всей образованной публики, за то, что онъ сохранилъ драгоценныя для потомства черты любимца Музъ».

Въ отношеніи Пушкина къ Булгарину въ рассматриваемое нами сейчасъ время наблюдается двойственность. Считая его подлецомъ, Пушкинъ, переѣхавъ въ Петербургъ, не только, однако, вступаетъ въ личное знакомство,—этого ему избѣжать было трудно, онъ могъ встрѣтиться съ Булгаринымъ въ литературныхъ кругахъ,—но даже заводитъ болѣе близкое знакомство, входитъ въ его домъ. Такъ въ ноябрѣ 1827 г. Пушкинъ выражаетъ готовность явиться на приглашеніе Булгарина отобѣдать у него. (Переп. т. II, стр. 47). По этому поводу 22 ноября 1827 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Не стыдно ли тебѣ пакостнику обѣдать у Булгарина» (Переп., т. II, стр. 50).

Въ 1827 году въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ ¹⁾. Появленіе третьей главы «Евгенія Онѣгина» Булгаринъ встрѣтилъ похвалами поэта, другія замѣтки также наполнены комплиментами.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. были напечатаны Пушкинскіе «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія», гдѣ, между прочимъ, есть такое замѣчаніе: «Путешественникъ Ансело говоритъ о какой то грамматикѣ, утвердившей правила

нашего языка и еще не изданной, о какомъ то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находившемся въ рукописи... Забавная словесность». Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду Греча и Булгарина. Ансело, бывший на коронаціи Николая I, издалъ книгу: «Six mois en Russie, lettres écrites a Mr. X.—B. Saintines en 1826» (Bruxelles. 1827), въ которой говорится о Гречѣ: «ученый филологъ, авторъ грамматики, которая пользуется уже авторитетомъ въ Россіи, хотя еще не вполне издана», а о Булгаринѣ: «одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по уму людей; въ настоящее время занятъ сочиненіемъ, отрывки изъ котораго уже появились въ печати и имѣли большой успѣхъ... Появленіе этого труда всѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ—и, если позволительно судить о книгѣ по рассказамъ ея сочинителя, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что по оригинальности картинъ, по тонкой наблюдательности и по остроумію сужденій она не оставитъ желать ничего лучшаго». Булгаринъ и Гречъ всячески льстили Ансело и этому обстоятельству Пушкинъ приписывалъ его отзывъ о нихъ. Впослѣдствіи въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы» Пушкинъ опять упомянулъ объ Ансело и лести ему со стороны Булгарина.

Считая Булгарина прямо подлецомъ, Пушкинъ внѣшне не показывалъ своего къ нему нерасположенія и есть основанія предполагать, что Булгаринъ не понималъ вполне, какъ смотритъ на него поэтъ. Такъ въ письмѣ къ В. А. Ушакову отъ 6 января 1828 года Булгаринъ пишетъ: «Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человекъ, какъ мнѣ его описывали и каковымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скроменъ въ сужденіяхъ, любезенъ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицѣ, Москва подбалавала, а несчастія и тихая здѣшняя жизнь его образумили. Онъ кажется полюбилъ меня, хотя по правиламъ сектатора Вяземскаго меня не должно ему любить» ¹⁾.

Булгарину, какъ уже замѣчено, было выгодно участіе Пушкина въ «Сѣверной Пчелѣ». Это показываетъ тотъ фактъ, что Булгаринъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, лишь бы имѣть возможность напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» что либо Пушкинское. Въ 1828 году въ «Москов. Вѣстникѣ» (I—II)

¹⁾ 1) «Сѣвер. Пчела», № 65 (о «Цыганахъ»); 2) Тамъ же, № 101 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 3) Тамъ же, № 124 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»); 4) «Сынъ Отечества», ч. 113, № 12 (о «Цыганахъ»); 5) тамъ же, ч. 114, № 16 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 6) тамъ же, ч. 115, № 19 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»).

¹⁾ Н. О. Лернеръ, Письма О. В. Булгарина — «Русская Старина», 1909, кн. XI, стр. 350.

Погодина были напечатаны Пушкинымъ отрывки изъ IV, VII и VIII главъ «Евгенія Онѣгина». Булгаринъ самовольно перепечаталъ въ № 17 «Сѣвер. Пчелы» отрывокъ VII главы съ такимъ примѣчаніемъ: «Въ одномъ журналѣ сей отрывокъ напечатанъ былъ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора помѣщенъ оный съ поправками въ «Сѣверн. Пчелѣ». Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ». Опечатки были очень незначительны. Погодинъ возмущенъ, совершенно основательно находя, что Булгаринъ просто придрался къ случаю напечатать въ «Сѣв. Пчелѣ» стихотвореніе Пушкина. По этому поводу Погодинъ написалъ ядовитую замѣтку и послалъ въ рукописи Пушкину въ первой половинѣ февраля 1828 г. 19 февраля Пушкинъ отвѣтилъ: «Вы всеконечно правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ... Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела этого стоитъ—а я не выѣшиваюсь, ибо мое правило: не трогать, чего знаете. Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой Шевыревъ! О Витязь великодушный, подвизайся!.. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьте, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку «Сѣв. Пчелу» (Переп., т. II, стр. 53—54).

10 марта въ № 30 «Сѣв. Пчелы» появилось Пушкинское «Посланіе къ В., сочинителю сатиры на игроковъ» съ примѣчаніемъ Булгарина: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem». Великопольскаго, къ которому это «Посланіе» относится, оно очень задѣло. Онъ написалъ довольно рѣзкій «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ» и послалъ его Булгарину съ просьбой напечатать. Булгаринъ послалъ «Отвѣтъ» Пушкину, спрашивая его мнѣнія. Пушкинъ протестовалъ противъ напечатанія и Булгаринъ не напечаталъ¹⁾, что служило доказательствомъ того, что онъ, не теряя надежды на сотрудничество Пушкина въ «Сѣв. Пчелѣ», не хотѣлъ вызывать неудовольствіе поэта.

Булгаринъ относился ко всѣмъ журналамъ враждебно, разъ только замѣчалъ

въ нихъ опасныхъ конкурентовъ. Такимъ явился «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ сталъ печататься Пушкинъ, участія котораго въ «Сѣвер. Пчелѣ» такъ добивался Булгаринъ. Въ № 38 «Сѣвер. Пчелы» 1828 г. онъ помѣстилъ замѣтку, выдавъ ее за переводъ съ французскаго, въ которой разсказывается, какъ нѣсколько молодыхъ англійскихъ писателей, видя, что ихъ произведеній никто не хочетъ печатать, стали издавать «Эдинбургскій Вѣстникъ» (т. е. «Московскій Вѣстникъ»). Замѣтка всецѣло направлена противъ «Московского Вѣстника», при чемъ, хотя враждебнаго отношенія къ Пушкину въ ней нѣтъ, но Булгаринъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ, что «Московскій Вѣстникъ» отъ паденія не спасло участіе Пушкина, который выведенъ подъ именемъ Байрона¹⁾. Мотивы замѣтки ясны: Булгаринъ боялся конкуренціи «Московского Вѣстника» и особенно оттого, что въ немъ принималъ участіе Пушкинъ.

Въ 1828 году появились 4 и 5 главы «Евгенія Онѣгина». «Сѣверная Пчела» (№ 15) и «Сынъ Отеч.» (ч. 118, № 7) встрѣтили ихъ похвалами. Ими наполнены и статьи о Пушкинѣ въ «Сѣвер. Пчелѣ» и «Сынѣ Отечеств.» и въ 1829 г. О «Графѣ Нулинѣ» «Сынъ Отеч.» (№ 5) писалъ, что «бойкость разсказа и живость стиховъ единственны», послѣ выхода «Полтавы» «Сѣверн. Пчела» (№ 39) поздравляла «съ новою прелестною поэмою, съ новымъ перломъ нашей словесности». Авторъ больш. статьи въ «Сынѣ Отечества» (№№ 15 и 16), хотя и нашелъ недостатки въ поэмѣ (напр. отсутствіе исторической правды въ обрисовкѣ лицъ), но писалъ о Пушкинѣ: «Давно, давно, я уже называлъ его первымъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ и нынѣ, хотя «Полтава» не правится мнѣ столько, какъ «Цыганы» и «Бахчисарайскій фонтанъ», я все остаюсь при томъ же мнѣніи». О мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина авторъ этой статьи говорить, что «большая часть носитъ въ себѣ отпечатокъ величайшаго дарованія». Объ изданныхъ въ 1829 году въ 2 частяхъ «Стихотворенійхъ» Пушкина «Сѣверная Пчела» (№№ 77 и 79) писала: «Стихотворенія Пушкина краснорѣчиво говорятъ сами за себя и потому мы удерживаемся

¹⁾ См. въ настоящемъ изданіи примѣчанія Н. О. Лернера—т. IV, стр. LXIV и Пушкинъ. Къ біографіи Пушкина, т. II, 1885, 132—137.

¹⁾ В. В. Калашъ. «Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ». — «Пушкинъ и его современники», вып. II, стр. 38—40.

отъ всякихъ сужденій и похвалъ, которыя прежде и часто были повторяемы нашему поэту».

5 марта 1829 г. Пушкинъ, безъ разрѣшенія Бенкендорфа, получилъ отъ Петербургскаго городского головы подорожную въ Тифлисъ, и 9 марта выѣхалъ изъ Петербурга. Бенкендорфа это очень обозлило и въ связи съ этимъ поэтъ имѣлъ непріятности. Первое сообщеніе о побѣздкѣ Пушкина Бенкендорфъ получилъ 21 марта. Печатавъ это сообщеніе, Сухомлиновъ не указываетъ чье оно ¹⁾. Ефремовъ указываетъ Мордвинова ²⁾. Лемке, не соглашаясь съ Ефремовымъ, предполагаетъ, что авторъ извѣщенія помощникъ Бенкендорфа Фокъ ³⁾. Лернеръ указываетъ Мордвинова съ знакомъ вопроса ⁴⁾. Морозовъ категорически указываетъ Булгарина ⁵⁾. Хотя возможно, что упомянутое сообщеніе принадлежитъ Булгарину, но категорически сказать, что именно онъ его написалъ, нельзя.

Отрицательное отношеніе Пушкина къ Булгарину все возрастало. 23 декабря 1829 г. Пушкинъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ въ члены Общества любителей россійской словесности ⁶⁾. Въ № 1 «Москов. Вѣдом.» 1830 г. было объ этомъ сообщеніе, при чемъ Пушкинъ и Булгаринъ были названы «корифеями словесности». Пушкинъ былъ очень оскорбленъ, его чувства раздѣляли и его друзья. Кн. П. А. Вяземскій 2 января 1830 г. писалъ Пушкину: «Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства» (Переп., т. II, стр. 103). Пушкинъ хотѣлъ поступить такъ, какъ совѣтовалъ Вяземскій, но потомъ раздумалъ (Переп., т. II, стр. 124 и 128). Всю свою жизнь поэтъ считалъ себя оскорбленнымъ Обществомъ и, спустя 4 года, въ началѣ апрѣля 1834 года писалъ Погодину: «Общество любителей поступило со мной такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время какъ онъ единогласно былъ забаллотированъ въ

Англійскомъ клубѣ (NB: въ Петербургскомъ), какъ шпионъ, переметчикъ и клеветникъ». Свое избраніе Обществомъ въ этомъ письмѣ Пушкинъ называетъ «пощечиной» (Переп. III, стр. 93).

II.

Покровительство Бенкендорфа вполне обеспечивало за «Сѣверной Пчелой» газетную монополию. И такъ какъ программа «Сѣверной Пчелы» была шире программы немногихъ другихъ газетъ, то она имѣла и распространеніе болѣе всѣхъ газетъ. Низкая, продажная «Пчелка» возмущала лучшихъ представителей общества и неоднократно дѣлались попытки основать изданія съ цѣлю противодѣйствовать развращающему вліянію на общество Булгаринскаго изданія, но онѣ терпѣли пораженія. Мысль объ этомъ сильно занимала Пушкина и его друзей, особенно Дельвига и Вяземскаго.

Ее Пушкинъ высказываетъ въ первой половинѣ іюня 1824 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, 10 августа 1825 года въ письмѣ къ нему же, 30 ноября 1825 г. въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, въ первой половинѣ февраля 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Катенину, 27 мая 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, въ письмѣ къ нему же 9 ноября 1826 г. (Переп. т. I, стр. 116, 259, 307, 326—327, 351, 383). Постоянно думая объ изданіи журнала, Пушкинъ сочувственно отнесся къ мысли Веневитиновскаго кружка издавать съ 1827 г. «Московскій Вѣстникъ», старался привлечь сотрудниковъ. 1 іюля 1828 года Пушкинъ пишетъ Погодину: «Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ... Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и, особенно, настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности... Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова...» (Переп. т. II, стр. 66—67). Въ 1828 году Пушкинъ хотѣлъ издавать вмѣстѣ съ Дельвигомъ журналъ и составилъ по этому поводу записку ¹⁾.

Въ 1830 году другъ поэта, Дельвигъ, получилъ разрѣшеніе на изданіе «Литературной Газеты». Мечта Пушкина создать свой органъ осуществилась и онъ энергично выступилъ на поприще журналиста. Мы указали, какимъ нападка подвергся «Московскій Вѣстникъ» со сто-

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи, т. II, стр. 214—215. СПб. 1889.

²⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, СПб. 1904, стр. 317.

³⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 493.

⁴⁾ Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 185.

⁵⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. VI, 669.

⁶⁾ См. Пушкинъ. Къ биографіи Пушкина. М. 1885, II, 403—406.

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., СПб. 1910, стр. 182.

роны Булгарина, боявшагося всякой конкуренціи. Лишнее говорить, какъ подбъствовало на Булгарина извѣстіе, что съ 1830 года будетъ выходить «Литературная Газета», руководимая его непримиримыми врагами Дельвигомъ и Вяземскимъ. Ко всему этому присоединялось участіе Пушкина. Булгаринъ не безъ основанія увидѣлъ серьезную опасность своимъ доходамъ. Одной изъ главныхъ цѣлей «Литературной Газеты» была вскрыть ничтожество Булгарина, парализовать вредное и развращающее его вліяніе, положить конецъ безстыдной фальсификаціи общественнаго мнѣнія. И Булгаринъ посидѣвши съ ожесточеніемъ напасть на «Литературную Газету». Ранѣе Булгаринъ стремился привлечь Пушкина къ сотрудничеству въ «Сѣверн. Пчелѣ» поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія и въ своихъ критическихъ замѣткахъ льстилъ ему. Но увидя, что планы его рушились, что Пушкинъ всталъ во главѣ «Литературной Газеты», Булгаринъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и съ пѣною у рта набросился на портъ. Сотоварищъ Булгарина Гречъ говоритъ: «Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ (Булгаринъ) еще болѣе испугался и, не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку»¹⁾.

Началась знаменитая полемика. Она не была исключительно полемикой «Литературной Газеты» Дельвига, Вяземскаго и Пушкина съ «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества», Булгаринымъ и Гречемъ. Въ ней приняли участіе и другіе журналы. Такъ союзникомъ Булгарина былъ Полевой. Нападалъ на «Литературную Газету» и Надеждинъ, бывшій въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Полевымъ и Булгаринымъ. «Литературная Газета» была непріятна и другимъ современнымъ журналамъ, и они такъ или иначе задѣвали ее. Особенно нападалъ на «Литературную Газету» и Пушкина «Сѣверный Меркурій», изд. Бестужева-Рюминнымъ. Такимъ образомъ, полемика сложно переплеталась. Обрисовать эту полемику въ ея цѣломъ выходитъ за границы нашей статьи. Мы коснемся этой полемики лишь постольку, поскольку она связана съ нашей задачей—выяснить отношенія Пушкина къ Булгарину и Гречу.

Однимъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» былъ О. М. Сомовъ. Передъ появле-

ніемъ «Литературной Газеты» Булгаринъ поссорился съ нимъ. Тогда Сомовъ примкнулъ къ «Литературной Газетѣ». Гречъ рассказываетъ, что, встрѣтивъ послѣ этого Сомова, Булгаринъ спросилъ: «Правда ли, Сомычъ, что вы пристали къ Дельвигу?»—«Правда».—«И вы меня будете ругать?»—«Держись!»... Эти слова, какъ искры взорвали подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Оаддея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о «Литературной Газетѣ», сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго № 1). Но при выходѣ № 1 «Литературной Газеты» Булгаринъ сдержался и даже привѣтствовалъ появленіе ея. «Ограничиваемся на первый случай, — писалъ Булгаринъ въ № 3, —изъявленіемъ искренняго пожеланія бар. Дельвигу всѣхъ возможныхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста: благоволенія публики, мира съ братьями и занимательности листковъ». Въ слѣдующемъ № «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ помѣстилъ рецензію о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» О напечатанномъ тамъ Пушкинскомъ «Отрывкѣ изъ литературной лѣтописи», направленномъ противъ Каченовскаго, Булгаринъ говоритъ: «Остроумно и забавно».

Булгаринъ всегда ненавидѣлъ Вяземскаго, который очень отрицательно относился къ нему. Съ него то Булгаринъ и началъ походъ на «Литературную Газету, задѣвъ его въ №№ 11—13 «Сѣверной Пчелы». 10 января въ № 3 «Литературной Газеты» была напечатана замѣтка Пушкина «О литературной критикѣ», которая заканчивалась словами: «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ». Это замѣчаніе было сейчасъ же подхвачено «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», которые потомъ неоднократно кололи этимъ «Литературную Газету»²⁾.

«Литературная Газета» ставила себѣ одной изъ задачъ противоудѣствовать лишеннымъ всякаго критическаго чутья оцѣн-

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 455.

²⁾ См., напр., «Сынъ Отечества» 1830, № 16, 19 апрѣля. Это замѣчаніе было предметомъ насмѣшекъ и «Сѣвернаго Меркурія» — см., напр., «Сплетницу» — «Сѣверн. Меркурій», 1830, № 49, 23 апрѣля и № 50, 25 апрѣля.

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 455. СПб. 1886.

камъ Булгарина. Въ началѣ года онъ открылъ походъ на «Юрія Милославскаго» Загоскина. Въ это время Булгаринъ писалъ историческій романъ «Дмитрій Самозванецъ» и, несомнѣнно, въ этихъ нападкахъ играло роль личное чувство. Гречъ говоритъ о Булгаринѣ, что «досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства соперника въ литературѣ, а боязнью за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія» ¹⁾. Рѣзкій отзывъ Очкина въ №№ 7—9 «Сѣверной Пчелы» о Загоскинѣ обратилъ вниманіе Николая I, который былъ въ восторгѣ отъ «Юрія Милославскаго», и Бенкендорфу было приказано сдѣлать выговоръ Булгарину ²⁾. Пушкину очень нравился «Юрій Милославскій» ³⁾. 11 января 1830 года въ письмѣ къ М. Н. Загоскину портъ очень хвалитъ романъ, называетъ «однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи», сообщаетъ, что въ «Лит. Газетѣ» будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать». (Переп. т. II, стр. 107—108). Послѣ нападокъ «Сѣвер. Пчелы» Пушкинъ выступилъ съ защитой Загоскина и 21 января въ № 5 «Литературной Газеты» напечаталъ хвалебную статью—«О романѣ Загоскина «Юрій Милославскій». Булгаринъ немедленно, несмотря на внушенія Бенкендорфа, помѣщаетъ ругательную статью о Загоскинѣ, не называя его. Это не прошло даромъ Булгарину и Гречу, они даже были арестованы, хотя скоро и выпущены ⁴⁾.

Выступивъ противъ Булгарина въ защиту Загоскина, Пушкинъ затѣмъ выступаетъ за Вяземскаго, подвергшагося, какъ мы указали, нападкамъ «Сѣверной Пчелы». 15 февраля въ № 10 «Литературной Газеты» появляется замѣтка Пушкина—«О статьяхъ кн. Вяземскаго», въ которой

поэтъ указываетъ, что Вяземскій никогда не былъ зачинщикомъ журнальной брани, причемъ отмѣчается его благородство. «Личность его противниковъ,—пишетъ Пушкинъ,—никогда имъ не была оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ». Ясно, что въ этой статьѣ имѣется въ виду Булгаринъ.

Такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ статей противъ Булгарина въ «Литературной Газетѣ» были написаны Пушкинымъ.

«Борисъ Годуновъ» вышелъ въ свѣтъ въ концѣ декабря 1830 г., но многимъ сдѣлался извѣстнымъ ранѣе, такъ какъ Пушкинъ читалъ трагедію своимъ знакомымъ. Въ этомъ же году появился не много раньше «Дмитрій Самозванецъ» Булгарина. Пушкинъ нашелъ, что Булгаринъ, который могъ имѣть списокъ трагедіи, заимствовалъ у него. Въ замѣткахъ поэта о «Борисѣ Годуновѣ» въ его бумагахъ находится такое замѣчаніе: «Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent» ¹⁾. Въ бумагахъ Пушкина сохранились замѣтки 1830—1831 г., которые, очевидно, предполагались для печати и, вѣроятно, въ «Литературную Газету». Среди этихъ замѣтокъ есть «Китайскій анекдотъ»: «Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ

¹⁾ Гречъ. Записки, стр. 458.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г., Спб. 1908, стр. 268—273.

³⁾ См., напр., свидѣтельство С. Т. Аксакова. С. Аксаковъ. Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853, стр. 22; Сочиненія Аксакова, подъ ред. А. Г. Горнфельда, СПб. 1910, т. IV, стр. 106 и Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890, 196—197.

⁴⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г., стр. 273—274; Гречъ. Записки, 458—463; Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ объ арестѣ, что ему «очень много радуются» («Записки и дневники», т. I, Спб. 1905, стр. 200); «Русская Старина», 1871, кн. XI, стр. 502—505; М. Н. Загоскинъ. Біографическій очеркъ Спб. 1889, стр. 65—80.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. III, стр. 225.

ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрять свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (сдѣлуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ»... Пушкинъ, очевидно, говорилъ знакомымъ, что Булгаринъ заимствовалъ у него и что онъ хочетъ писать замѣтку по этому поводу. Это дошло до Булгарина. 18 февраля онъ пишетъ письмо Пушкину, въ которомъ убѣждаетъ его, что не заимствовалъ ничего изъ «Бориса Годунова». (Переп. т. II, стр. 118—119) ¹⁾.

Въ это время, въ февралѣ, появилась эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мидкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ ²⁾.

Булгаринъ всегда беззащитно рекламировалъ свои книги. И на этотъ разъ въ № 22 «Сѣверной Пчелы», 20 февраля появилась реклама «Дмитрію Самозванцу». Не дождавшись еще отвѣта Пушкина на письмо отъ 18 февраля, Булгаринъ сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина. «Благосклонность, которою пользуется авторъ Дм. Самозванца у русской и иностранной публики,—пишетъ «Сѣверная Пчела»,—должна вознаградить его за литературныя тернія. Духъ литературныхъ партій, существовавшихъ и существующихъ вездѣ, и положеніе

г. Булгарина, какъ журналиста и читаемаго автора, лишаютъ его удовольствія выслушать въ Россіи печатный справедливый приговоръ своимъ трудамъ. Кромѣ того, авторъ «Дмитрія Самозванца» не употребляетъ никакихъ извѣстныхъ мѣръ для приуготовленія мнѣнія общества и большого свѣта въ свою пользу: не читаетъ предварительно своихъ сочиненій въ рукописи въ собраніяхъ, не задабриваетъ сужденія тѣхъ, которые имѣютъ у насъ въ обществѣ значеніе, но трудится въ тишинѣ кабинета, печатаетъ и отдаетъ свои сочиненія на судъ безпристрастной публики». 7 марта въ № 14 «Литературной Газеты» появился анонимный критическій отзывъ о «Дмитріи Самозванцѣ», принадлежащій Дельвигу. Отзывъ отрицательный, но сдержанный. Между прочимъ, въ разборѣ попадаетъ такая фраза: «Мы извинимъ повсюду выказывающееся пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостью, открыть гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы еще бы съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ»... Булгаринъ отличался удивительнымъ самолюбіемъ и всегда мстилъ за отрицательные о себѣ отзывы. Не получая отвѣта отъ Пушкина на свое письмо, сдѣлавъ противъ него выпадъ, Булгаринъ ожидалъ мщенія Пушкина и рѣшилъ, что статья написана имъ ¹⁾. 11 марта въ № 30 «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ напечаталъ замѣтку—«Анекдотъ», выдавъ ее за переводъ изъ англійскаго журнала: «Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мольте-Брунтъ, Деппингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то стихотворецъ, который долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упавъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разобралъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана во мнѣ-

¹⁾ Рассмотрѣніе вопроса о томъ, насколько «Дмитрій Самозванецъ» заимствованъ у Пушкина, отклонило бы насъ слишкомъ въ сторону. Скажемъ лишь, что, если можно признать заимствованіе Булгарина у Пушкина, то оно не идетъ такъ далеко, какъ это находилъ поэтъ.

²⁾ Видокъ былъ начальникомъ парижской тайной полиціи. Въ 1829—1830 г. появились его мемуары, рисующіе автора, какъ личность очень низкую и подлую. М. К. Лемке («Никол. жандармы», стр. 266) указываетъ, что прозвище «Фигляринъ» дано Булгарину Вяземскимъ въ эпиграммѣ «Фигляринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV). М. К. Лемке ошибается: еще ранѣе появленія этой эпиграммы Вяземскаго прозвище Фигляринъ мы встрѣчаемъ въ эпиграммѣ В. Елагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамскій Журналъ», 1825, № 26, стр. 138).

¹⁾ См. письмо П. А. Вяземскаго къ А. П. Тургеневу 21 и 25 апрѣля 1830 г.—«Остафьевскій архивъ», III, стр. 192 и 193.

ни французъ злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ». Затѣмъ приводится письмо, будто бы написанное Гофманомъ къ французскому писателю, въ которомъ о «стихотворцѣ», природномъ французѣ, говорится, что онъ служить «болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ», что онъ «въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высочайшей мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины», что у него «сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами, гдѣ не зародилась ни одна идея», что онъ «подобно преступленнымъ въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ рифмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ», что онъ «мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленныхъ листахъ» и что у него «одно господствующее чувство—суетность». Для всѣхъ было ясно, что подъ именемъ «стихотворца» имѣется въ виду Пушкинъ, а Гофмана—Булгаринъ ¹⁾.

Такой подлой выходки Пушкинъ не ожидалъ даже и отъ Булгарина ²⁾. Послѣ этого произошелъ открытый разрывъ между Пушкинымъ и Булгаринымъ. Поэтъ былъ ошеломленъ наглой и дерзкой выходкой Булгарина ³⁾. Во второй половинѣ марта Пуш-

кинъ пишетъ Вяземскому: «Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и думаю должно—но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ гр. Панина» (Переписк. т. II, стр. 126).

Итакъ, отъ похвалъ и лести Булгаринъ переходитъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на Пушкина. Прежде каждая глава «Евгенія Онѣгина», какъ видѣли мы, была встрѣчена похвалами «Сѣверной Пчелы», и вдругъ послѣ седьмой главы Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина. «Мы сперва подумали, — пишетъ Булгаринъ 22 марта въ № 35 «Сѣв. Пчелы»,—что это мистификація, просто шутка или пародія и не прежде увѣрили, что эта глава VII есть произведеніе сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Эта глава VII—два маленькіе, печатные листика испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгенийъ Вельскій кажется чѣмъ то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, ни чувствованій, ни одной картины достойной возвращенія! Совершенное паденіе, chute complète». Эта наглая статья, наполненная самыхъ пошлыхъ глумленій надъ Пушкинымъ, произвела неожиданное для Булгарина впечатлѣніе на Николая I: онъ ею возмущенъ и въ тотъ же день, 22 марта, написалъ Бенкендорфу: «Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: по этому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и, если возможно, запретить его журналъ». Бенкендорфъ, конечно, выступилъ въ защиту Булгарина. Хотя онъ и писалъ Николаю I, что «приказанія Вашего Величества исполнены; Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина», но всѣми силами старается защитить Бул-

гарина въ разговорѣ съ отцомъ разумѣлъ «Анекдотъ» и критику седьмой главы «Евгенія Онѣгина». Это сообщеніе, подобно многому въ книгѣ Павлищева, недостоверно: Пушкинъ выѣхалъ въ Москву 4 марта (Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Спб. 1910, стр. 205), значитъ, разговоръ былъ ранѣе этого дня, между тѣмъ «Анекдотъ» появился позже—11 марта, а критика «Евгенія Онѣгина» — 22 марта.

¹⁾ «Сѣверная Пчела» не разъ сопоставляла Булгарина съ Гофманомъ, а также «Сынъ Отечества» (см. 1825, XI, стр. 294, 296, 303—305), имѣла въ виду отмѣтить, что какъ Гофманъ (очевидно—François Hoffman, 1760—1828), по происхожденію нѣмецъ, являлся виднымъ французскимъ писателемъ, такъ и польское происхожденіе Булгарина не играетъ никакой роли въ его дѣятельности въ области русской литературы. (М. И. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи, т. II, стр. 270).

²⁾ Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу 25 апрѣля 1830 года называлъ эту замѣтку «пакостной» (Остафьевскій Архивъ, III, 193).

³⁾ Л. Павлищевъ, рассказывая о побѣдѣ Пушкина въ Москву и объ его предложеніи Гончаровой, сообщаетъ, что передъ отъѣздомъ поэтъ просилъ отца Л. Павлищева, Н. И. Павлищева, женатаго на сестрѣ Пушкина, заявить Булгарину, что «последнихъ статей и нападокъ «Сѣверной Пчелы» Александръ Сергѣевичъ ему не спуститъ, а желаніе Булгарина насолить дядѣ въ кабинетѣ своего Мецената онъ не сегодня—завтра предупредитъ того же Бенкендорфа» (207). Въ примѣчаніи Павлищевъ указываетъ, что «по всей вѣ-

гарина. О его критикѣ Бенкендорфъ пишетъ: «Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже два года въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собою. Прилагаю при семъ статью противъ «Дмитрія Самозванца», чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападавшіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненіе—это совѣсть писателей». Николай I отвѣчалъ: «Я внимательно прочелъ критику на «Самозванца» и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то про себя или въ себѣ размышлялъ точно также.. Въ критику на Онѣгина только факты и очень мало смысла»¹⁾. Защита Бенкендорфа, однако, была успѣшна: Булгарину не было запрещено помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» критическихъ статей.

Бдительный надзоръ Бенкендорфа былъ, конечно, очень тягостенъ для Пушкина. Очевидно, опасаясь, что Булгаринъ, близко стоявшій къ Бенкендорфу, будетъ мстить и наговаривать, Пушкинъ во французскомъ письмѣ къ Бенкендорфу изъ Москвы отъ 24 марта пишетъ: «Г. Булгаринъ, который говорить, что имѣетъ у васъ влияніе, сталъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ моихъ враговъ, вслѣдствіе одной критики, которую онъ приписываетъ мнѣ. Послѣ гнусной его статьи противъ меня я считаю его способнымъ на все. Я не могу не предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, потому что онъ можетъ мнѣ причинить безграничный вредъ» (Переп. т. II, стр. 127). Тутъ, собственно, Пушкинъ вовсе не прибѣгаетъ къ защитѣ Бенкендорфа и не думаетъ просить его, чтобы онъ заставилъ Булгарина замолчать. Это важно отмѣнить, такъ какъ въ Пушкинской литературѣ встрѣчается указаніе, что Пушкинъ въ этомъ письмѣ просилъ защиты Бенкендорфа. Такъ, Н. О. Лернеръ въ своей работѣ подъ 24 мартомъ отмѣчаетъ: «Письмо Пушкина изъ Москвы на французскомъ языкѣ къ А. Х. Бенкен-

дорфу съ просьбой оградить его отъ подлыхъ выходокъ Булгарина»¹⁾. Самъ Пушкинъ въ статьѣ «Отрывокъ изъ литературной лѣтописи» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» рѣзко осудилъ Каченовскаго за то, что тотъ, задѣтый статьями о немъ Полевого, подалъ въ цензурный комитетъ прошеніе, въ которомъ просилъ оградить его, какъ ординарнаго профессора, статскаго совѣтника и кавалера, отъ нападокъ Полевого. И выходитъ, что спустя короткое время поэтъ самъ якобы прибѣгъ къ аналогическому средству. Но на самомъ дѣлѣ, тутъ только самозащита, а не желаніе насильственно заградить уста противнику.

1 апрѣля Булгаринъ напечаталъ въ № 39 «Сѣверной Пчелы» окончаніе статьи объ «Евгеніи Онѣгинѣ», столь же злостное, какъ и начало. «Какъ оно прошло незамѣченнымъ Николаемъ сказать трудно: онъ ежедневно читалъ эту газету?»—удивляется М. К. Лемке²⁾. Но, вѣроятно, къ этому времени Бенкендорфъ уже достаточно настроилъ Николая въ пользу Булгарина. Въ своей статьѣ Булгаринъ дошелъ даже до того, что обвинилъ Пушкина въ заимствованіяхъ изъ «Горя отъ ума» и «Ивана Выжигина». «Начинается описаніе Московской жизни общества,—пишетъ «Сѣверная Пчела».—Здѣсь поэтъ взялъ обильную дань изъ «Горя отъ ума» и, просимъ не прогибаться, изъ другой извѣстной книги...» Статья Булгарина возмутила даже такого недруга Пушкина, сильно нападавшаго на его поэзію, какъ Надеждина, который въ № 7 «Московского Телеграфа» за 1830 г. высказалъ осужденіе статьѣ Булгарина.

Въ сохранившихся въ бумагахъ поэта замѣткахъ, относящихся къ 1830 г. и очевидно предназначавшихся къ печати, Пушкинъ писалъ объ этой статьѣ Булгарина: «Критику VII пѣсни въ «Сѣв. Пчелѣ» пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда мнѣ было не до «Онѣгина»... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше

¹⁾ Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 207.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 500.

¹⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 498—500.

выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо право, мнѣ было не до нихъ. Эту критику «Сѣверной Пчелы» напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ «Ивана Выжигина» (весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сѣверн. Пчелѣ» года два прежде появленія Выжигина), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія «Б. Годуновъ» взята изъ его романа¹⁾.

3 апрѣля Бенкендорфъ отвѣчалъ на письмо порта, въ которомъ пишетъ: «Вы не правы, думая, что кто бы то ни было можетъ на меня вліять во вредъ вамъ, потому что я знаю васъ слишкомъ хорошо. Что же касается г. Булгарина, то онъ никогда не говорилъ мнѣ о васъ уже по той простой причинѣ, что я его вижу лишь два-три раза въ годъ и въ послѣднее время видѣлъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ». Бенкендорфъ лгалъ самымъ безстыднымъ образомъ²⁾.

6 апрѣля «Литературная Газета» въ № 20 нанесла два жестокихъ удара Булгарину. Появилась статья Пушкина «О запискахъ Видока», въ которой поэтъ, говоря якобы о Видокѣ, говоритъ на самомъ дѣлѣ о Булгаринѣ. Эту статью поэтъ предлагалъ Погодину для его «Московского Вѣстника», о чемъ записалъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ³⁾. Очень расположенная къ Пушкину, Е. М. Хитрово, узнавъ, что Пушкинъ хочетъ напечатать эту замѣтку, опасалась, что это повредитъ ему и Булгаринъ будетъ мстить. Хитрово обратилась къ П. А. Вяземскому въ апрѣлѣ съ просьбой подѣйствовать на Пушкина и прежде, чѣмъ напечатать, посоветоваться съ Жуковскимъ⁴⁾. Вяземскій, очевидно, не придалъ значенія этой просьбѣ.

Въ своей замѣткѣ поэтъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ въ обрисовкѣ Видока-

Булгарина, назвавъ его «отъявленнымъ плутомъ», «столь же безстыднымъ, какъ и гнуснымъ», «живущимъ ежедневными донесеніями», «хвастающимъ дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находящихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человекъ услужливый, дѣловой)»¹⁾. Эта статья Пушкина вмѣстѣ съ эпиграммой обратила всеобщее вниманіе, произвели такой шумъ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ, видя вездѣ намеки на Булгарина²⁾. Въ сохранившихся въ рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830—1831 годамъ и предназначавшихся, очевидно, для печати, Пушкинъ, говоря о необходимости отражать личныя нападенія въ печати, писалъ объ «Анекдотѣ» Булгарина и о своемъ отвѣтѣ «О запискахъ Видока»: «Однажды (официально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ «Литер. Газетѣ»,—человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ—человѣкъ умный, скромный, храбрый служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même».

Другой ударъ Булгарину былъ нанесенъ въ томъ же № 20 «Литературной Газеты» Дельвигомъ. Отвѣчая на критику VII главы «Евгенія Онѣгина», Дельвиго пишетъ: «Седьмая глава «Евгенія Онѣгина» лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами, и никто, кромѣ Сѣв. Пчелы, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ «Горя отъ ума»... Но изъ какой, просимъ не прогнѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ похитилъ? Не называется ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина, гдѣ находится странное раздѣленіе Московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. IV, стр. 22.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 500—501. В. В. Гипшусъ. Пушкинъ и журнальная полемика его времени. — Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Фил. Факультета Петерб. Университета. СПб. 1900, стр. 265.

³⁾ Н. М. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, стр. 17.

⁴⁾ Сочиненія П. П. Вяземскаго. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива, стр. 521.

¹⁾ Булгаринъ выставлялъ на видъ свою дружбу съ Грибоѣдовымъ въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г.» и «Сынѣ Отечества» 1830 г. №№ 1—2. Воейковъ въ своемъ «Славянинѣ» въ статьѣ «О знакомствѣ издателя «Лондонскаго Трутня» («The London Drope») съ знаменитыми покойниками» («Славянинъ», 1828, № 39) зло высмѣялъ по этому поводу Булгарина (Каллапъ, — «Пушкинъ, Полевой и Булгаринъ» — «Пушкинъ и его современники», вып. II, 32—49).

²⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исследования и статьи, т. II, стр. 274 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПб. 1910, стр. 230, 462, 463.

изъ Архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая его описаніе Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано въ Сѣв. Пчелѣ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: Дмитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина». Н. О. Лернеръ дѣлаетъ предположеніе, что эта замѣтка Дельвига написана «не безъ участія Пушкина»¹⁾.

Эпиграмма Пушкина «Не то бѣда, что ты полякъ» широко распространилась. Булгаринъ, очевидно, желая показать свое благородство, напечаталъ ее 26 апрѣля въ № 17 «Сына Отечества», замѣнивъ въ послѣдней строкѣ Видока Фиглярина Оаддеемъ Булгаринымъ и сдѣлавъ такое замѣчаніе: «Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда для раздачи любопытствующимъ эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоценное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ печатается оное». Въ выноскѣ было сказано: «Правда бѣда—но кому? не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатынымъ и т. п. Примѣчаніе наборщика». Булгаринъ рассказывалъ, что когда Бенкендорфъ обратилъ вниманіе на его поступокъ Николая, то онъ написалъ: «Благородное мщеніе».

Подготавливая къ печати «Бориса Годунова», Пушкинъ предполагалъ въ предисловіи задѣть Булгарина. Въ началѣ мая Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Думаю написать предисловіе. Руки чешутся,—хочется раздѣвить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Оаддѣ Булгаринѣ. Кажется — неприлично. Какъ ты думаешь? — рѣши. Скажи: имѣло ли вліяніе на расхвѣтъ Онѣгина отзывъ Сѣв. Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные матеріалы для романа: Оаддей Выжигинъ. Теперь не-

когда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста, отпиши». (Переп. т. II, стр. 147). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 21 мая Плетневъ не совѣтовалъ въ предисловіи писать о Булгаринѣ, на другіе же вопросы не отвѣчалъ. (Переп. т. II, стр. 154).

8 мая Дельвигъ пишетъ письмо Пушкину о впечатлѣніи, произведенномъ эпиграммой «Не то бѣда, что ты полякъ» на Булгарина, и о мотивахъ, которыми онъ руководствовался, печатавъ съ своимъ именемъ эпиграмму: «Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что уфхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню, но подлѣ попрежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока-Фиглярина со своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее Правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ Цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквильнотомъ, человекѣмъ, дѣлающимъ противозаконное, я подалъ въ высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться передъ Его Величествомъ...» (Переп. т. II, стр. 148 и Сочиненія Дельвига, СПб. 1895, стр. 168—169). Цензура не пропускала эпиграммы для напечатанія въ «Литературной Газетѣ». Л. С. Пушкинъ обращался къ Жуковскому, съ просьбой похлопотать о допущеніи цензурой эпиграммы¹⁾.

«Литературную Газету» Булгаринъ представлялъ какъ газету кучки аристократовъ, кичащихся своимъ аристократизмомъ, которая вноситъ его въ литературу, гдѣ главную роль играетъ талантъ, образованность, а не происхожденіе. «Литературная Газета», дѣйствительно, была въ рукахъ группы аристократовъ и это придавало ей особый характеръ. Но «Литературная Газета» не переносила этого элемента въ литературу и не открывала гоненій на писателей демократическаго происхожденія только потому, что они такого происхожденія, какъ старался доказать Булгаринъ. Поэтому «Литературная Газета»

¹⁾ Новооткрытыя страницы Пушкина.—«Пушкинъ и его современники», вып. XII и отдѣльно. СПб. 1909, стр. 11—13.

¹⁾ «Русская Старина», 1903, VIII, 454—455.

ПУШКИНЪ.

Гравюра Райта (1837).

ПУШКИНЪ.
Гравюра Райта (1837).

энергично протестовала противъ обвиненія. Особенно это надо сказать про Пушкина. Онъ, какъ извѣстно, очень гордился своимъ происхожденіемъ, предками, слишкомъ переоцѣнивалъ значеніе въ русской исторіи дворянства, наконецъ, нельзя отрицать, что въ его міросозерцаніи есть классовый налетъ. Но это, конечно, далеко отъ того, чтобы въ области чисто-литературной руководствоваться справками о происхожденіи писателя. 25 іюня въ № 36 «Литературной Газеты» появилась статья Пушкина «О неблаговидности нападокъ на дворянство», отражающая обвиненіе въ «аристократизмѣ».

Въ іюнѣ была написана и быстро распространилась новая эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты дыганъ,
Что въ свѣтѣ ты— Видокъ Фигляринъ,
Бѣда, что скученъ твой романъ ¹⁾.

Булгаринъ не замедлилъ отомстить. 7 августа въ № 94 «Сѣверной Пчелы» было напечатано Булгаринское «Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ», заключающее насмѣшки надъ «аристократизмомъ» сотрудниковъ «Литературной Газеты» и Пушкина. «Аристократизмъ,—указываетъ Булгаринъ,—не сдѣлаетъ глаже и умѣе ни прозы, ни стиховъ». «Разсказываютъ анекдотъ,—говоритъ, между прочимъ, Булгаринъ,—что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его негритянской принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рома... ²⁾. Новый выпадъ Булгарина очень задѣлъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что Булгаринъ, обвиняя теперь «Литературную Газету» въ «аристо-

кратизмъ», самъ ранѣе въ союзѣ съ Каченовскимъ высмѣивалъ Полевого за его происхожденіе и въ «Отрывкѣ изъ литературныхъ лѣтописей», заступаясь за Полевого, Пушкинъ протестовалъ, говоря, что «никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ—какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики». Это указалъ снова Пушкинъ 9 августа въ № 45 «Литературной Газеты», отвѣчая Булгарину: «Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ... ¹⁾. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнить съ нашими невозможно) приготовили крики: «Аристократовъ къ фонарю»; и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur».

Въ томъ же № 45 9 августа «Литературной Газеты» была помѣщена замѣтка ²⁾, въ которой прямо заявлялось, что разгадка тому, отчего «Сѣверная Пчела» въ 1830 г. больше всего нападаетъ на Загоскина, Пушкина и Кирѣевскаго, заключается въ личныхъ мотивахъ, въ томъ, что «Юрій Милославскій» могъ вредить распространенію романа Булгарина, что Пушкину была приписана критика «Дмитрія Самозванца» въ № 14 «Литературной Газеты»,

¹⁾ Это же самое указываетъ Пушкинъ въ сохранившихся въ его рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830—1831 г.г., въ которыхъ, между прочимъ, говоря о родовой чести, замѣчаетъ, что онъ, все-таки, выше достоинства рода ставить достоинство личное.

²⁾ Н. О. Лернеръ находитъ, что эта замѣтка «едва ли могла появиться безъ участія Пушкина». («Новооткрытыя страницы Пушкина». — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909, стр. 17—22). Предположеніе вѣроятное, но категорически говорить объ участіи въ замѣткѣ Пушкина нѣтъ достаточныхъ основаній.

¹⁾ Напечатана въ «Денницѣ» М. Максимовича въ 1831 г.

²⁾ Гречъ разсказываетъ, что мысль этого выпада подалъ Булгарину гр. Уваровъ. Въ гостяхъ у Озениной въ присутствіи Булгарина Уваровъ съ насмѣшкой сказалъ, что Пушкинъ «хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продалъ въ Кронштадтѣ Петру Великому за бутылку рома» («Записки» Греча, стр. 456).

газета велась плохо и выходила неаккуратно. Но поэту «Литературная Газета», все-таки, была дорога и онъ думалъ поддержать ее. 13 января 1831 г. онъ писалъ П. А. Плетневу: «Что газета наша? Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла, иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ» (Переп. т. II, стр. 212—213). Въ 1831 году Пушкинъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» лишь сонетъ «Мадонна» (№ 15, 12 марта) и статью о С. Бевѣ (№ 32, 5 іюня) ¹⁾.

Говоря о 1830 годѣ, нужно еще прибавить, что въ отношеніяхъ Пушкина, Булгарина и Греча играло роль еще одно обстоятельство. До 1829 года Полевой и Булгаринъ враждовали. Въ 1829—1830 гг. произошло примиреніе и Полевой явился главнымъ союзникомъ Булгарина въ походѣ на Пушкина. Въ 1829 году вышелъ первый томъ «Исторіи русскаго народа» Полевого. Въ № 12 «Московского Телеграфа» за 1829 г. Полевой помѣстилъ строгую критику «Исторіи» Карамзина. Булгаринъ еще въ 1825 г. указывалъ рядъ недостатковъ «Исторіи» Карамзина и отмѣтилъ, что онъ обращаетъ больше вниманія на вѣшнюю, чѣмъ на внутреннюю исторію («Сѣверный Архивъ», 1825, №№ 1, 2, 3, 6 и 8). Въ 1830 г. 9 января, въ № 4 «Сѣверной Пчелы» и 11 января въ № 2 «Сына Отечества» появились похвалы «Исторіи русскаго народа». Пушкинъ въ критикѣ Полевого видѣлъ недобросовѣстность, рекламу своей Исторіи. 16 января въ № 4 «Литературной Газеты» и № 12, 25 февраля, Пушкинъ помѣстилъ свой извѣстный отрицательный отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Литературная Газета» явилась выразительницей наиболѣе опредѣленнаго отрицательнаго взгляда на «Исторію русскаго народа», помѣстивъ отрицательные отзывы въ № 31, 31 мая, въ № 54, 23 сентября (Дельвига), 17 ноября въ № 65. Къ «Литературной Газетѣ» присоединился Погодинъ, помѣстившій въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (ч. I

и ч. VI) рѣзкій отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Сѣверная Пчела» весь годъ хвалила Полевого и его «Исторію», а онъ въ свою очередь Булгарина. Такимъ образомъ, еще однимъ пунктомъ полемики былъ Карамзинъ и Полевой. Вдаться въ оцѣнку этой полемики, отношеній Пушкина къ Полевому выходитъ за границы нашей работы. Отмѣтимъ, однако, что позднѣйшая научная критика признала за трудомъ Полевого значеніе. Онъ первый приложилъ новый философско-историческій взглядъ къ объясненію русской исторіи. П. Н. Милюковъ отмѣчаетъ, что изъ современныхъ критиковъ это оцѣнилъ одинъ лишь Булгаринъ ¹⁾.

III.

Когда «Литературная Газета» стала падать и, наконецъ, въ іюнѣ 1831 г. совсѣмъ прекратилась, Пушкинъ дѣлаетъ попытку издавать періодическій органъ. Хлопоты о немъ продолжались полтора года ²⁾.

27 мая 1831 года Пушкинъ проситъ у Бенкендорфа разрѣшенія и прилагаетъ полуофициальную записку, въ которой указываетъ, что допущеніе политическаго отдѣла, которымъ интересуется широкая публика, въ одной лишь «Сѣв. Пчелѣ» сдѣлало ее самой распространенной газетой, поставило въ монопольное положеніе. «Литературная торговля,—пишетъ Пушкинъ,—находится въ рукахъ издателей «Сѣверной Пчелы», и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы... Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т.-е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости»... Далѣе Пушкинъ выражаетъ готовность вести журналъ въ желательномъ для правительства направленіи. Въ началѣ іюня Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ Фоку. Поэтъ считалъ его человекомъ порядочнымъ ³⁾ и, очевидно,

¹⁾ П. Н. Милюковъ. «Главные теченія русской исторической мысли» М. 1898. стр. 345.

²⁾ Вопросъ этотъ до сихъ поръ былъ мало освѣщенъ. Только недавно появилась цѣнная работа Н. К. Пиксанова.—«Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ», гдѣ этотъ вопросъ обстоятельно рассмотрѣнъ.—(«Пушкинъ и его современники», вып. V и отдѣльно Спб. 1907).

³⁾ Пушкинъ хорошо отзывался о немъ въ своей записной книжкѣ.

¹⁾ На принадлежность этой статьи Пушкину указалъ Н. О. Лернеръ («Новооткрытыя страницы Пушкина». — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909). Удачныя соображенія Лернера фактически подтвердились опубликованнымъ имъ потомъ письмомъ Сомова къ кн. В. О. Одоевскому («Пушкинъ и его современники», вып. XIII).

разсчитывалъ, что поддержка помощника Бенкендорфа будетъ имѣть значеніе. 8 іюня Фокъ въ письмѣ къ Пушкину отрицалъ свое покровительство Булгарину и совѣтовалъ просить Бенкендорфа (Переп. т. II, стр. 246—247).

Въ этомъ случаѣ поэтъ обнаружилъ большую недалекую видность. Опредѣливъ такъ точно задачи изданія, какъ противовѣса «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ думалъ получить разрѣшеніе на періодическій органъ, который ставить своею дѣлюю противодѣйствовать правительственной рептиліи.

Во второй половинѣ іюля 1831 г. (Переп. т. II, стр. 278—279) Пушкинъ снова пишетъ Бенкендорфу письмо, являющееся однимъ изъ темныхъ пятенъ въ жизни поэта. Презирая Булгарина за его выпрашивание подачекъ, борясь съ «Сѣверной Пчелой», какъ съ вредной рептиліей, Пушкинъ проситъ о повышеніи сразу на два чина и выражаетъ готовность въ своемъ журналѣ, «Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое», «стараться съ точностью и усердіемъ исполнить волю Его Величества и служить Ему по мѣрѣ способностей».

Въ мартѣ 1831 г. Булгаринъ уѣхалъ въ Карлово. Это было истолковано, какъ высылка, чего на самомъ дѣлѣ не было. Интересно отмѣтить, что поэтъ эту высылку Булгарина ставилъ въ прямую связь со своими нападками. 1 іюня Пушкинъ писалъ П. А. Вяземскому о Булгаринѣ: «Знаешь ли, за что его выслали изъ П. Б.? говорятъ, будто бы при появленіи эпиграммы, Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный, онъ такъ огорчился, что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобой на меня, сдѣлайте-де, В. В., такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обижаетъ своими стишками. Государю было не до стишковъ; Булгаринъ же не въ первый разъ надобѣдалъ ему своими жалобами и доносами. Онъ и велѣлъ его выслать, какъ человека безпокойнаго. Но каковы безстыдство и дерзость Булгарина? Недоволенъ онъ тѣмъ, что плутовствомъ выманилъ онъ Высочайшій рескриптъ Петру Ивановичу Выжигину, и что онъ продастъ свои салыные пасквили изподъ порфиры Императорской»¹⁾.

Въ 1831 г. вышла новая книга Булга-

рина — «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». «Петръ Ивановичъ,—пишетъ Пушкинъ П. А. Плетневу 11 апрѣля 1831 г.,—приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? Или сама догадалась голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она—для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ—сказываютъ—обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю: не стану читать, а ругать все-таки буду» (Переп. т. II, стр. 235).

Въ серединѣ 1831 г. Пушкинъ наноситъ два наиболѣе тяжелыхъ удара Булгарину.

Во второй четверти XIX вѣка большой извѣстностью пользовался весьма своеобразный писатель Александръ Анѣимовичъ Орловъ, какъ авторъ дѣлаго ряда своеобразныхъ книгъ, наполовину лубочныхъ, наполовину полемическихъ, съ непонятными для неосвѣдомленныхъ съ жизнью журналистики намеками на журналы, писателей. Среди книгъ Орлова было нѣсколько пародій на романы Булгарина: «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина», «Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина», «Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина», «Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина», «Федоръ Кривой или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина»¹⁾.

Въ № 9 «Телескопа» былъ помѣщенъ отзывъ о первыхъ трехъ книгахъ Орлова и о «Петрѣ Ивановичѣ Выжигинѣ» Булгарина; они разсматривались, какъ однородныя произведенія.

Приравниваніе Булгарина къ Орлову, часто встрѣчаемое въ тогдашней журналистикѣ, выводило изъ себя самолюбиваго Булгарина. Какъ это задѣвало его, видно по тому, что впослѣдствіи послѣ смерти Орлова въ маленькой некрологической замѣткѣ («Сѣвер. Пчела», 1840, № 124, 5 іюня), находя, что даже нельзя назвать Орлова «писателемъ», и называя, «чтобы какъ-нибудь характеризовать», «писавшимъ»,

¹⁾ Переп. т. II, стр. 242 и М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 281—282.

¹⁾ Объ Орловѣ см. С. А. Венгеровъ «Литературный Вѣстникъ», 1901, кн. III, стр. 284—290 и Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 494—499; А. В. Смирновъ. А. А. Орловъ. — «Литер. Вѣстн.», 1901, кн. III, стр. 291—294; И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 155—158.

что Кирѣевскій отрицательно отнесся къ «Ивану Выжигину» въ альманахѣ «Денница». О Пушкинѣ было такое замѣчаніе: «А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря, чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь». Эта замѣтка больно ударила Булгарина. Въ довершеніе всего «Литературная Газета» перепечатала отзывъ Кирѣевского. Это—одинъ изъ самыхъ неслучайныхъ для Булгарина отзывовъ, приравнивавшій «Ивана Выжигина» къ «Соннику» и книгѣ «О клопахъ».

«Новыя выходы» вызвали горячія нападки Полевого («Москов. Телеграфъ», № 14, июльскій, 1830) на статью и на «аристократизмъ» «Литературной Газеты». Откликомъ на нападки былъ «Разговоръ А и Б», являющийся продолженіемъ статьи «Новыя выходы»... Онъ не былъ напечатанъ и сохранился въ рукописяхъ поэта. Пушкинъ подчеркиваетъ, что «Литературная Газета» чужда «дворянской спеси», «гоненія на другія сословія», того узкаго сословнаго духа, на что нападалъ Полевой съ Булгаринымъ¹⁾.

Какъ мы указали, Пушкинъ былъ больно затронутъ статьей Булгарина о своемъ происхожденіи. Отвѣтомъ была «Моя родословная». По словамъ Пушкина (Переп. т. II, стр. 346—347), онъ отдалъ ее Дельвигу для напечатанія въ «Литературной Газетѣ», но тотъ ему отсовѣтовалъ, указавъ, что не стоитъ защищаться противъ подобныхъ нападокъ. Кн. П. А. Вяземскій совѣтовалъ Пушкину не распространять этого стихотворенія²⁾. Въ письмѣ отъ 24 ноября 1831 г. Пушкинъ посылаетъ Бенкендорфу «Мою родословную» и объясняетъ, чѣмъ она была вызвана. «Такъ какъ мои стихи,—заканчиваетъ Пушкинъ,—могутъ принять

за косвенную сатиру на происхожденіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ фамилій, не зная, что это лишь очень сдержанный отвѣтъ на вызовъ, достойный крайняго порицанія, я счелъ своею обязанностью дать вамъ откровенное объясненіе и приложить при семъ сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь» (Переп. т. II, стр. 346—347). Когда «Мою родословную» Бенкендорфъ доложилъ Николаю, тотъ написалъ: «Вы можете сказать отъ меня Пушкину, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его покойнаго друга Дельвига: такія низкія и подлыя оскорбленія, которыми его угостили, обезчещиваютъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ произноситъ. Единственное оружіе противъ нихъ есть презрѣніе, вотъ что я сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Что касается до этихъ стиховъ, я нахожу ихъ остроумными, но въ нихъ больше злобы, чѣмъ чего-либо другого. Лучше было бы для чести его пера и въ особенности для чести его ума не распространять эти стихи»¹⁾.

Кромѣ Булгарина, враговъ у «Литературной Газеты» было много, во главѣ съ Бенкендорфомъ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи вліялъ на него Булгаринъ. Зорко смотрѣлъ Бенкендорфъ за «Литературной Газетой», но не представлялось ни одного повода, чтобы можно было ее покарать: она не выходила изъ границъ крайней умѣренности. Однако, въ концѣ октября случай представился. 28 октября въ № 61 «Литературная Газета» помѣстила стихи де-ла-Виня на памятникъ, который предполагалось воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля. За эти то стихи и ухватился Бенкендорфъ. Подъ вліяніемъ его Николай запретилъ Дельвигу издавать газету и она перешла къ Сомову. Пушкинъ очень сокрушался и 9 декабря 1830 г. писалъ П. А. Плетневу: «И такъ русская словесность съ головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфетной билетецъ этого несноснаго Лавинья» (Переп. т. II, стр. 201). Борьба, предпринятая противъ «Сѣверной Пчелы» «Литературной Газетой», оказалась ей не по силамъ, она стала падать уже въ концѣ 1830 г. Въ мѣстѣ съ тѣмъ, началось и охлажденіе къ ней Пушкина. Когда же газета перешла къ Сомову, Пушкинъ къ ней охладѣлъ совсѣмъ, такъ какъ

¹⁾ Эту статью Н. О. Лернеръ относитъ къ іюлю 1830 г. (Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Спб. 1910, стр. 217). Она явилась откликомъ упомянутой замѣтки Полевого. Цензурное разрѣшеніе № 14, июльскаго «Москов. Телеграфа», гдѣ напечатана эта замѣтка Полевого, было дано 21 августа. Слѣдовательно, «Разговоръ» относится не къ іюлю, какъ считаетъ Н. О. Лернеръ, а написанъ не ранѣе двадцатыхъ чиселъ августа. Если же принять довольно вѣроятное предположеніе П. О. Морозова (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 633), что въ «Разговорѣ» поэтъ говоритъ о статьѣ въ № 110 «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 13 сентября, и о статьѣ въ № 17 сентябрьскомъ «Московского Телеграфа», то «Разговоръ» написанъ въ сентябрѣ.

²⁾ Сочиненія П. П. Вяземскаго, стр. 528.

¹⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 508.

ОАДДЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧЪ БУЛГАРИНЪ.

Портретъ, относящійся къ 1828 году.

Булгаринъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ, что его считали «Литературная Газета» и «Отечественныя Записки» «равнымъ по литературному достоинству Орлову». Въ этой же замѣткѣ указывалось, что враги Булгарина «подговорили г. Орлова писать пародіи на сочиненія Булгарина». Вѣроятно, Булгаринъ считалъ, что и Пушкинъ принималъ въ этомъ участіе. Въ предисловіи къ «Воспоминаніямъ», говоря, что критика сочиненій была пристрастна, Булгаринъ замѣчаетъ: «Какая бы неаѣпость не вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія... Одинъ изъ новыхъ журналовъ простеръ до такой степени свою храбрость, что даже поставилъ меня ниже извѣстнаго московскаго писателя Александра Орлова».

Конечно, упомянутая замѣтка въ № 9 «Телескопа» взорвала Булгарина.

Въ № 27 «Сына Отечества» Гречъ выступилъ на защиту своего друга. Къ статьѣ сдѣланъ такой *post scriptum*: «Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта и не читаетъ «Телескопа» (онъ просилъ не посылать ему вздоровъ); но я долгомъ почелъ вступить за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобы оправдывать и

защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ, а для того, чтобы сорвать личину съ шарлатанства и показать публикѣ отечественной, кто и какъ у насъ судятъ о произведеніяхъ литературы и литераторовъ». Эта статья Греча и постоянныя нападки «Сѣверной Пчелы» на Орлова и вызвали появленіе двухъ новыхъ статей Пушкина о Булгаринѣ и Гречѣ, которыя были напечатаны въ «Телескопѣ» подъ псевдонимомъ Теофилактъ Косичкинъ. Онѣ представляютъ собою мѣткую пародію на статьи Булгарина, изумительно схваченъ ихъ тонъ и характерныя черты. Пушкинъ обрисовывалъ Греча и Булгарина со всѣми ихъ душевными качествами, каждая строчка заключаетъ намекъ на свойства ихъ, или факты жизни. Въ первой статьѣ — «Торжество дружбы или оправданный Александръ Анѣимовичъ Орловъ», напечатанной въ іюлѣ въ № 13 «Телескопа», Пушкинъ указываетъ на «сходство душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча и Булгарина, ихъ рекламированіе и похвалы другъ другу, съ ироніей говорится объ «извѣстной добро-

совѣстности» Греча, отмѣчается, что «Выжигины г-на Орлова пользуются благоклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г-на Булгарина». «Согласенъ,—говоритъ Пушкинъ о Булгаринѣ,—что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ». Сравнивая «сіи два блистательныя солнца нашей словесности», Пушкинъ говоритъ, что не видитъ основанія ставить Булгарина выше Орлова. Въ одномъ только Булгаринъ, замѣчаетъ поэтъ, «беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина?». Причина тому, что Орловъ «пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ», указывается въ статьѣ, заключается въ рекламированіи Булгаринымъ своихъ сочиненій даже до выхода. Орловъ же,—говоритъ Пушкинъ,—«не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ. Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ. Онъ не заманивалъ унижительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей. Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи... Онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, и устрицами и тому под.» Здѣсь выведены на чистую воду приемы Булгарина. Говоря объ обѣдахъ иностраннымъ литераторамъ, Пушкинъ подразумѣваетъ обхаживаніе Булгаринымъ Ансело, о которомъ мы уже упомянули. Устрицей и пьяницей Булгаринъ называлъ Пушкина въ статьѣ «Анекдотъ» («Сѣверная Пчела», 1830, № 30). Далѣе Пушкинъ приводитъ статью объ Орловѣ изъ № 46 «Сѣверной Пчелы» 1831 г., гдѣ, между прочимъ, сказано, что Орлову «щедро» платятъ издатели по двадцати рублей «за каждый манускриптъ», что онъ «мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія» и, въ концѣ концовъ, съ апломбомъ спрашивается: «по какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хлы-

новскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина?». На это Пушкинъ замѣчаетъ, что Орловъ, получивъ двадцать рублей, доставляетъ издателю по двѣ тысячи, между тѣмъ, какъ «нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охотъ погорячившагося книгопродавца». Пушкинъ имѣетъ въ виду случай съ книгопродавцемъ Заикинымъ: онъ заказалъ Булгарину «Петра Ивановича Выжигина», заплативъ крупную сумму денегъ, а романъ не продавался и издатель потерялъ большой убытокъ¹⁾. По поводу замѣчанія объ учености Орлова поэтъ говоритъ, что «доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по латыни». Здѣсь опять намекъ на Булгарина: онъ, не зная самъ латинскаго языка, издалъ «Оды Горація» съ комментаріями Ежовскаго, не назвавъ его. Относительно упрёка Орлову въ томъ, что онъ присвоилъ своимъ героямъ фамилію Выжигинъ, поэтъ замѣчаетъ: «Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г-на Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)».

Послѣ этой статьи 21 августа 1831 г. Гоголь давалъ мысль Пушкину новой замѣтки объ Орловѣ и Булгаринѣ, предлагая поэту провести аналогію между Булгаринымъ и Байрономъ, указать, что Булгаринъ—Байронъ. 25 августа Пушкинъ отвѣчалъ Гоголю: «Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ»²⁾. 27 іюля 1831 г. Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину обратилъ вниманіе на выраженіе Греча, что у Булгарина «въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ», и прислалъ для печати небольшую замѣтку, въ которой приводились слова Греча и было сдѣлано такое замѣчаніе. «Жаль-же, сказалъ одинъ читатель, что Булгаринъ не однимъ мизинцемъ пишетъ». «Если хочешь, дай дру-

¹⁾ Гречъ («Записки», стр. 451). Нѣкоторые комментаторы ошибочно указываютъ вмѣсто Заикина—Лисенкова (см. напр., сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщенія» подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 603).

²⁾ Письма Гоголя, подъ ред. Шенрока, т. I, СПб. 1902, стр. 18.—187, и Переп. т. II, стр. 306 и 312.

гой оборотъ этому,—пишетъ Вяземскій.—Во всякомъ случаѣ, на этомъ мизинцѣ можно погулять».. 3 августа Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Твое замѣчаніе о мизинцѣ Булгарина не пропадетъ; обѣщаю тебя насмѣшить». (Переп. т. II, стр. 290 и 296). Откликомъ на письмо Вяземскаго была вторая статья Пушкина—«Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», напечатанная въ № 15 «Телескопа». Перебирая рецензентовъ, поэтъ приходитъ къ мысли, что Гречъ подразумеваетъ его. «Полагаю себя въ правѣ объявить во всеуслышаніе всей Европы, что я ни чьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣрю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было». По поводу приложения «Сѣверной Пчелы» (№ 101) къ Орлову эпитета «блаженный» Пушкинъ замѣчаетъ: «Если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ, въ чистой совѣсти, не запятненной ни плутнями, ни живыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога; то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана». Тутъ же Пушкинъ указалъ на особенно отвратительную черту Греча. Какъ уже отмѣчено, дѣйствуя за одно съ Булгаринымъ, лѣсть ему, Гречъ за глазами отзывался о немъ отрицательно, какъ о низкой въ нравственномъ отношеніи личности. Это и указалъ Пушкинъ, говоря: «я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «Этотъ пачкунъ и мерзавецъ соритъ меня со всѣми порядочными людьми, мараешь меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!» Въ заключеніе Пушкинъ сообщаетъ программу новаго романа, который «поступить въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ»:—«Настоящій Выжигинъ. Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка». Программа по формѣ является подраженіемъ романамъ Орлова. Въ этой программѣ указана вся жизнь Булгарина. Это настоящее его curriculum vitae. Указано даже на такіе факты, какъ существованіе у Булгарина злой и своенравной тетки его жены,

отъ которой онъ много терпѣлъ. Въ извѣстной пѣснѣ Рылѣева «Ахъ, гдѣ тѣ острова» есть такая строчка: «Гдѣ Булгаринъ Оаддей не боится когтей Танты». Наконецъ, Пушкинъ указалъ на такой неизвѣстный фактъ, какъ кража Булгаринымъ въ эпоху разжалованія его въ солдаты шинели у камердинера полковника Д. М. Спичинскаго¹⁾.

А. А. Орловъ благодарилъ Пушкина за его статьи. Пушкинъ послѣ этого писалъ Орлову 24 ноября 1831 г., совѣтуя «не приводить яростью пера въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что, если они чуть пошевелинутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу, или паче кутю, что они подавятся» (Переп. т. II, стр. 345).

IV.

Какъ только распространились въ серединѣ 1831 г. слухи о томъ, что Пушкинъ хлопочетъ о разрѣшеніи издавать періодическій органъ, Булгаринъ и Гречъ насторожились. Но совершенно неожиданно для нихъ Пушкинъ, вскорѣ послѣ напечатанія въ «Телескопѣ» направленныхъ противъ нихъ рѣзкихъ статей, входитъ въ сношенія съ Гречемъ. Гречъ сообщаетъ: «На меня Пушкинъ дулся недолго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина и, какъ казалось, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара. Онъ поклонился мнѣ неловко и принужденно; я подошелъ къ нему и сказалъ, улыбаясь: «Ну, на что это походить, что мы дуемся другъ на друга? Точно Борька Ѳедоровъ съ Орестомъ Сомовымъ». Онъ расхохотался и сказалъ: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ нибудь). Мы подали другъ другу руки и миръ былъ восстановленъ». Затѣмъ Гречъ упоминаетъ, что въ концѣ 1831 г. Пушкинъ предлагалъ ему участвовать въ предполагаемомъ имъ изданіи²⁾. Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ Гречъ не говоритъ, и этотъ вопросъ до сихъ поръ оставался невыясненнымъ. Только недавно опубликованныя Н. К. Пиксано-

¹⁾ Это рассказалъ Пушкину самъ Д. М. Спичинскій (О Булгаринѣ. Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому. — «Русск. Архивъ», 1884, VI, стр. 352—353).

²⁾ Гречъ. «Записки», стр. 457.

вымъ въ указанной выше работѣ письма Греча къ Булгарину 1832 г. пролили на этотъ эпизодъ свѣтъ.

Гречъ пошелъ навстрѣчу предложенію Пушкина и переговоры завязываются. Это сдѣлалось извѣстнымъ и въ литературныхъ кругахъ. Въ началѣ февраля 1832 г. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату А. М. Языкову, какъ слухъ, что Пушкинъ примиряется съ Булгаринымъ ¹⁾. 1 июня 1832 г. Гречъ пишетъ Булгарину: «Съ Пушкинымъ мы сходимся довольно дружно и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но, ради Бога, не думай, чтобы я тобою пожертвовалъ. Улажу все къ общему удовольствію» ²⁾. Въ письмѣ 22 июня Гречъ выражаетъ пессимистическій взглядъ на газету Пушкина—подорвать «Сѣверную Пчелу», по мнѣнію Греча, она не сможетъ. «Мое мнѣніе такое: оставить его въ совершенномъ покоѣ, не трогать его, даже не говорить о немъ, какъ будто бы его вовсе не было. Самъ свалится, какъ «Литературная Газета». 16 іюля Гречъ опять пишетъ: «Журналъ Пушкина вѣроятно не состоится: сказываютъ онъ расцелъ, что не изъ чего биться», а 30 іюля: «О журналѣ Пушкина извѣстія затихли». Дальнѣйшія сношенія Пушкина съ Гречемъ, по его письмамъ къ Булгарину, слагались такимъ образомъ. 2 сентября Пушкинъ посѣтилъ Греча и предложилъ передать изданіе «Сына Отечества» съ тѣмъ, чтобы онъ обратился въ еженедѣльный журналъ и Гречъ былъ бы его редакторомъ. Гречъ не далъ категорическаго отвѣта и немедленно написалъ Булгарину, стараясь показать выгоду для нихъ союза съ портюмъ. «Симъ средствомъ мы избавимся жестокой rivalité. И еженедѣльная Revue не повредить ежедневной Пчелѣ... Къ Пчелѣ прибавить подписчиковъ трудно, ибо едва ли есть 3000 грамотныхъ людей въ Россіи, но къ 800 экземпляровъ Сына Отечества можно. Вступая въ сотоварищество съ Пушкинымъ, я устранию всѣ гадости, какія могли бы надѣлать Воейковъ, Сомовъ и проч. и первымъ условіемъ моимъ Пушкину было, чтобы ты былъ неприкосновененъ въ сей Revue. За право, которое ты имѣешь въ С. О., буду я платить тебѣ, какъ до нынѣ, ибо новые подписчики будутъ привлечены

Пушкинымъ. Лучше всего опредѣлить сумму, напримѣръ 5000 руб. въ годъ. Ты не будешь ни въ какой collision съ Пушкинымъ... Какъ ты думаешь объ этомъ? Дай мнѣ знать. Я сказалъ только свое мнѣніе, но ничѣмъ не обязался. Отвѣчай поскорѣе. Я буду согласенъ на все, что ты рѣшишь. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю ничего противнаго твоей пользѣ или образу мыслей». 4 сентября, по словамъ Греча, Пушкинъ опять велъ переговоры съ нимъ. Теперь Пушкинъ остановился на мысли издавать газету три раза въ недѣлю, предлагалъ Гречу войти въ половину и печатать газету въ его типографіи. Гречъ опять не далъ рѣшительнаго отвѣта и 7 сентября снова обращался къ Булгарину, сообщая, что поступить согласно его словамъ: «Мое мнѣніе зачѣмъ выпустить изъ рукъ Пушкина и его партію? Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство и къ 1834 году навѣрное соединимся въ одной газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возьмется другой и напакоститъ и намъ и Пушкину». Греча, очевидно, привлекала мысль сойтись съ Пушкинымъ и онъ стремится примирить Булгарина съ нимъ. 10 сентября Гречъ выражаетъ сожалѣніе, что не сдержалъ ранѣе Булгарина. «Мнѣ хотѣлось бы непременно,—пишетъ Гречъ,—прекратить эти глупые раздоры въ литературѣ, которые не ведутъ ни къ чему хорошему». Отвѣтныя письма Булгарина до насъ не дошли, но можно предполагать, что Булгаринъ отнесся отрицательно къ затѣямъ Греча. Сообразивъ, что измѣнить Булгарину не выгодно, Гречъ уклонился отъ предложенія Пушкина.

Когда сношенія съ Гречемъ ни къ чему не привели, Пушкинъ началъ переговоры съ Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ и 16 сентября оформилъ съ нимъ договоръ, какъ съ редакторомъ газеты. Въ первой половинѣ сентября былъ представленъ пробный номеръ газеты «Дневникъ». За это время портъ энергично вербовалъ сотрудниковъ, но дѣло ладилось очень плохо, Пушкинъ оказался плохимъ организаторомъ. Это сразу понялъ Гречъ. 28 сентября онъ писалъ Булгарину: «Журнала Пушкина я не боюсь нисколько: это будетъ хуже «Сѣв. Меркурія». Но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай». «Пушкина журнала боюсь, какъ Бабочки или Литерат. Газеты»,—пишетъ Гречъ Булгарину 1 октября, а 19 октября сообщаетъ: «Все обстоитъ благополучно... еще Пчелка не згинѣла».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1883, ХН, стр. 535.

²⁾ Письма къ Булгарину Греча 1832 г. мы цитируемъ вездѣ по упомянутой работѣ Н. К. Пискапова. — «Песостоявшаяся газета Пушкина — «Пушкинъ и его современники», вып. V и отдѣльно. Спб. 1907.

Выдача окончательнаго разрѣшенія на выпускъ газеты тормозилась и Пушкинъ, видя, какъ препятствуетъ ему Бенкендорфъ и какъ сложна организація дѣла, оставилъ мысль о газетѣ. 16 ноября Гречъ писалъ Булгарину: «Пушкинъ образумился и ни журнала, ни газеты издавать не будетъ».

Есть указаніе В. Д. Комовскаго, что Гречъ предлагалъ въ это время Пушкину сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» за 1000—1200 р. въ мѣсяцъ. Объ этомъ Комовскій пишетъ Языкову 16 ноября 1832 г., замѣчая, что «несмотря на то, Пушкинъ отказался, дабы не вѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринымъ. Это въ немъ похвально»¹⁾. Насколько это вѣрно, сказать трудно.

Въ 1830 г., какъ мы видѣли, Булгаринъ ожесточенно нападалъ не только на личность Пушкина, но и провозгласилъ «совершенное паденіе» его, какъ поэта. Этихъ рѣзкихъ нападокъ на творчество поэта въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» уже нѣтъ. Даже послѣ выхода въ концѣ 1830 г. «Бориса Годунова» Булгаринъ удержался отъ какихъ-либо рѣзкихъ выходокъ, что можно было ожидать послѣ инцидента, связаннаго съ появленіемъ «Дмитрія Самозванца». Въ 1831 г. въ № 133 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги») «Борисъ Годуновъ» называется «твореніемъ первокласснаго поэта», «новымъ блистательнымъ произведеніемъ» и заявляется, что разборъ трагедіи появится въ «Сынѣ Отечества», такъ какъ полученную редакціей статью по ея большому размѣру не удобно напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Этой статьёй явился обширный разборъ В. Пласина — «Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ» («Сынъ Отеч.», 1831, т. 20, ч. 142—143, №№ 24—28). Такимъ образомъ, статья В. Пласина является выраженіемъ мнѣнія «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». Хотя Пласинъ и указываетъ недостатки, но это не носитъ характера рѣзкихъ нападокъ, и въ общемъ критикъ ставитъ высоко Пушкина и называетъ его «гениемъ». Также нѣтъ рѣзкихъ нападокъ на Пушкина въ статьѣ И. Камышева, хотя критикъ и указываетъ недостатки «Бориса Годунова». По мнѣнію его, въ «Борисѣ Годуновѣ», «изложенномъ поверхностно, слегка, не раскрыта истинная поэзія событія, имѣющаго особенное значеніе въ нашей исторіи, но тѣмъ не

менѣе онъ останется изящнымъ произведеніемъ Пушкина: Борисъ Годуновъ, по мысли своей, стоитъ выше другихъ сочиненій Пушкина, хотя и не удовлетворяетъ вполне разнообразію родившихся при томъ требованій относительно отдѣлки». (Еще о Борисѣ Годуновѣ, стихотвореніи А. С. Пушкина, «Сынъ Отеч.», 1831, т. 23, ч. 145, №№ 40 и 41). Въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 255, «Новыя книги») появился лестный отзывъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Энергичная борьба Пушкина съ Булгаринымъ и Гречемъ, достигшая чрезвычайнаго напряженія въ 1830 г. и серединѣ 1831 г., съ 1832 года входитъ въ періодъ затиханія.

Въ 1832 г. «Сѣверная Пчела» (№ 51) о 8 главѣ «Евгенія Онѣгина» писала, что «окончаніе Онѣгина примирить всякаго съ авторомъ... Осьмая и послѣдняя глава Евгенія Онѣгина показываетъ, что поэтъ писалъ ее въ состояніи одушевленія, часто вдохновенія, и что она принадлежитъ къ лучшимъ главамъ сего поэтическаго романа». Complimentомъ Пушкину является и статья бар. Розена о 3 ч. «Стихотвореній», появившаяся въ № 81 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги»).

Въ 1833 г. въ «Сынѣ Отечества» (т. 33, № 6) появляется весьма любопытная статья Булгарина — «Письма о русской литературѣ. О характерѣ и достоинствахъ Поэзіи Пушкина». Бѣлинскій говорилъ о Булгаринѣ, что онъ «хвалилъ сегодня, что бранилъ вчера и что снова будетъ хвалить завтра». Въ этой статьѣ особенно ярко проявился «литературный Фигаро», какъ называлъ Булгарина кн. Вяземскій. Въ 1830 г. Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина, какъ поэта, а въ 1833 г. пишетъ хвалебную статью. Она чрезвычайно интересна для характеристики Булгарина. Въ первыхъ же строчкахъ онъ заявляетъ, что Пушкинъ «составляетъ эпоху въ Исторіи нашей Литературы», что онъ «заговорилъ новымъ языкомъ и представилъ поэзію въ новыхъ формахъ, возбудилъ новыя ощущенія и новыя мысли». «Этого переворота, — замѣчаетъ Булгаринъ, — этого впечатлѣнія нельзя было прозвѣсть, не имѣя истиннаго генія; а потому дарованіе Пушкина столь же велико, какъ и заслуга». Затѣмъ Булгаринъ говоритъ: «Множество произведеній обыкновенныхъ ослабило вниманіе публики къ Поэту, а нѣкоторые изъ недалеко-видныхъ критиковъ и недоброжелателей

¹⁾ «Историч. Вѣстникъ», 1883, XII, стр. 535.

Пушкина уже провозгласили совершенный упадокъ его дарованія. — Правда, что надобна была сильная вѣра въ сіе дарованіе, чтобы не усомниться въ его упадкѣ, послѣ такой пьесы, какова напримѣръ: Посланіе къ князю Юсупову. Но я, пребывъ вѣренъ моему мнѣнію, что дарованіе Пушкина только сбилось съ пути, начертаннаго ему природою, а не погибло, и Алманахъ Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ обрадовалъ меня чрезвычайно, убѣдивъ, что я не ошибся въ моей вѣрѣ. — Моцартъ и Сальери, Эхо, Анчаръ, Дерево Яда, суть произведенія дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душою, суть отголоски Поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неувядаемой. Звуки сіи не гибнуть въ воздухѣ, слова не тлѣютъ вмѣстѣ съ бумагою... И такъ, утѣштесь, любители Поэзіи высокой, благородной, утѣштесь, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талантъ не упалъ: онъ еще полонъ силы и жизни... Въ заключеніе Булгаринъ говоритъ, что мѣсто Пушкина «между нашими современными Поэтами — первое, и не послѣднее въ небольшомъ кругу Поэтовъ всемірныхъ».

13 марта 1833 г. Гречъ просилъ Пушкина оказать содѣйствіе Е. Шишковой въ изданіи трудовъ ея умершаго мужа А. А. Шишкова. (Переп. т. III, стр. 14—15). Къ нему поэтъ относился очень дружелюбно и принялъ горячее участіе въ просьбѣ его жены¹⁾. 16 марта 1834 г. Пушкинъ былъ у Греча на совѣщаніи по поводу изданія Энциклопедическаго словаря Плюшара. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Пушкинъ и кн. В. О. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствующіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту шепетильность за личное себѣ оскорбленіе²⁾. 17 марта 1834 г., записывая въ своемъ дневникѣ объ этомъ совѣщаніи, Пушкинъ пишетъ: «Предпріятіе въ миллионъ, а выгоды не вижу. Не говоря

уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ поплутуютъ Булгаринъ, Полевой и Свининъ»... Также рѣзко отрицательно отзываясь поэтъ о Булгаринѣ въ письмѣ къ Погодину въ началѣ апрѣля 1834 года. (Переп. т. III, стр. 93). 2 апрѣля 1834 года, отмѣчая въ дневникѣ, что В. О. Одоевскій, С. Н. Диринъ, П. И. Гаевскій и Е. П. Зайцевскій выбыли изъ сотрудниковъ Словаря, Пушкинъ пишетъ: «Прочіе были обижены нашею оговоркою, но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ... Этотъ Lexicon будетъ ни что иное, какъ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для чтенія» въ новомъ порядкѣ и объемѣ¹⁾. Къ апрѣлю 1834 г. относится встрѣча Пушкина у Греча съ Булгаринымъ, рассказанная въ крайне недостоверныхъ воспоминаніяхъ Бурнашева²⁾. На одно изъ своихъ собраній, по рассказу Бурнашева, Гречъ ждалъ Пушкина. Среди гостей былъ Булгаринъ, и Гречъ имѣлъ намѣреніе примирить его съ Пушкинымъ. Узнавъ, что ожидается Пушкинъ, Булгаринъ хотѣлъ удалиться, но Гречъ его удержалъ. Когда вошелъ Пушкинъ, Гречъ будто бы велѣлъ подать шампанскаго и обратился къ поэту:

— А вотъ, А. С., мой Булгаринъ вздумалъ было отъ васъ уходить на утечку; но не тутъ-то было, я его арестовалъ и никакъ не выпущу, пока не достигну того, чтобы Косичкинъ и Фигляринъ прекратили недостойную ихъ распри, совершаемую ими, право, на потѣху райка русской читающей публики.

«Я — Пушкинъ, — будто бы сказалъ поэтъ, — а г. Булгаринъ — Булгаринъ, и въ частномъ быту мы ничего не имѣемъ общаго съ Косичкинымъ или Фигляринымъ, почему ни Пушкинъ, ни г. Булгаринъ не могутъ давать, даже подъ влияніемъ этого превосходнаго шампанскаго, завѣренія въ томъ, что до нихъ не касается. Mais tranchons là—dessus et qu'il n'en soit plus question, или я убѣгу. А вотъ что за причина, что Фаддей Венедиктовичъ (кажется такъ?) хотѣлъ отъ меня бѣжать? Я, кажется, не такъ страшенъ, особенно г. Булгарину; онъ, я думаю, не трусливаго десятка, и про то, вѣроятно, хорошо вѣ-

1) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 550—553.

2) «Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча». — «Заря», 1871, кн. IV; перепечатано въ «Замѣткахъ о Пушкинѣ» В. В. Калаша — «Русскій Архивъ». 1901, VI, стр. 251—254.

1) Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 93—95.

2) А. В. Никитенко. «Записки и дневникъ», Спб. 1905, т. I, стр. 239—240.

даютъ тѣ различныя знамена, подѣ которыми онъ воевалъ. Напротивъ, я ничего не имѣю къ Ѳаддею Венедиктовичу неприязненнаго, доказательствомъ тому, между прочимъ, служить то, что я еще сегодня купилъ его портретъ, очень, очень схожій, продаваемый—представьте себѣ, господу—книгопродавцемъ Лисенковымъ за портретъ Видока. Охъ, ужъ мнѣ эти спекуляторы книгопродавцы: страсть изъ всего извлекать какую бы то ни было выгодишку. Да еще я очень радъ, что повстрѣчалъ теперь Ѳаддея Венедиктовича: мнѣ нужно нѣкоторое поясненіе; я для одного новаго московскаго журнала принялся писать мемуары, въ которыхъ кое-какую роль будетъ играть Орестъ Михайловичъ Сомовъ; такъ хотѣлось бы знать подробности мнимаго его арестованія послѣ 14 декабря и освобожденія. Все это, кажется, хорошо извѣстно Ѳаддею Венедиктовичу...

Нужно замѣтить, что дѣйствительно Лисенковъ продавалъ портретъ Булгарина за портретъ Видока, а Сомовъ послѣ 14 декабря 1825 г., явившись къ Булгарину, заявилъ, что бѣжалъ изъ Петропавловской крѣпости, и просилъ спасти. Булгаринъ заперъ на ключъ его въ своемъ кабинетѣ и отправился заявить полиціи. Мистификація выяснилась и Сомовъ за нее былъ посаженъ въ крѣпость на трое сутокъ.

Гречъ, по разсказу Бурнашева, не ожидалъ такого отношенія Пушкина и постарался какъ можно скорѣе замѣять инцидентъ, начавъ представлять Пушкину гостей. Булгаринъ вскорѣ уѣхалъ. На этомъ же вечерѣ, по словамъ Бурнашева, Гречъ разсказалъ, что на обѣдѣ у Смирдина Пушкинъ, увидѣвъ, что старый его товарищъ по лицей и цензоръ В. Н. Семеновъ сидитъ между Гречемъ и Булгаринымъ, громко сказалъ ему: «Ты, братъ Семеновъ, сегодня словно Христосъ на горѣ Голгоѣ». Гречъ, по его словамъ, не обидѣлся, но Булгаринъ «пришелъ въ совершенное нравственное растройство и задыхался отъ бѣшенства».

Разсказъ Бурнашева мало правдоподобенъ. Пушкинъ, подробно отмѣчая въ своемъ дневникѣ, который велъ въ это время, разныя событія жизни, не отмѣтилъ этого эпизода. Выдуманъ во всякомъ случаѣ пошлый и суконный языкъ, какимъ Пушкинъ говоритъ у Бурнашева.

Въ 1834 г. появился въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 192 «Новыя книги») отзывъ Р. М. о «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Пиковой дамѣ». Рецензентъ не хвалитъ «Повѣстей»,

особенно указываетъ на то, что въ нихъ «нѣтъ идеи». Къ «Пиковой дамѣ» Р. М. относится благосклоннѣе, но также указываетъ «недостатокъ идей». Булгаринъ смягчилъ отзывъ, сдѣлавъ примѣчаніе: «Мы не знаемъ въ русской литературѣ повѣсти, которая была бы написана такъ легко, пріятно, правильно и отчетливо, какъ Пиковая Дама. Изд. С. П.».

Въ 1835 году «Сынъ Отечества» и «Сѣверная Пчела» помѣстили отзывы объ «Исторіи Пугачевского бунта», вышедшей въ 1834 г.

П. К. (Броневскій) въ «Сынѣ Отечества» (ч. 169, № 3) говоритъ, что книга «мертво рожденное дитя», что въ ней «все такъ холодно и сухо, что тщетно будетъ искать въ немъ труда знаменитаго нашего поэта. Къ удивленію, и признаюсь, къ сожалѣнію моему, мы не нашли въ немъ ни одного чувства, ни одной искры жизни». Но все же Броневскій называлъ «Исторію Пугачевского бунта» «дѣльнымъ и полезнымъ трудомъ». Пушкинъ былъ очень задѣтъ критикой Броневского и отвѣчалъ ему въ № 3 «Современника» за 1836 годъ. Указывая, что статья Броневского написана «со всевозможною умѣренностью и благосклонностью», Пушкинъ призналъ всетаки критику Броневского «поверхностной и неосновательной», отозвавшись отрицательно о его историческихъ работахъ вообще.

Баронъ Розенъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 38, «Новыя книги») не соглашался съ отзывомъ Броневского и хвалилъ «Исторію Пугачевского бунта»¹⁾.

Къ 1835 г. относится черновой набросокъ замѣтки поэта о Булгаринѣ²⁾, въ которой Пушкинъ говоритъ о романѣ Булгарина «Записки Чухина»: «Г. Булгаринъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ прещинанія—(!). Съ нашей стороны, мы

¹⁾ Г. Ѳ. Розену Пушкинъ покровительствовалъ (В. И. Саитовъ, примѣчанія къ III т. Остафьевскаго Архива, стр. 660—666). Розенъ ненавидѣлъ Булгарина (Бурнашевъ, «Заря», 1871, IV, стр. 19—22).

²⁾ П. А. Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изд. 1902—1903, т. VI, № 543) и П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VIII, стр. 377) неосновательно считаютъ этотъ набросокъ письмомъ къ Гоголю. См. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 348.

знаемъ людей, которые признають талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.. Новый романъ г. Булгарина ни мало не уступаетъ его прежнимъ...

V.

Третій членъ триумвирата—Сенковский—Брамбеусъ стоялъ въ сторонѣ отъ очерченной нами борьбы Пушкина съ Булгаринымъ и Гречемъ и только въ 1836 году принялъ участіе въ походѣ триумвирата на Пушкина. Этотъ триумвиратъ, какъ уже отмѣчено, вполнѣ сформировался лишь съ 1834 года, когда Сенковский сталъ редактировать «Библиотеку для чтенія», номинальнымъ редакторомъ которой былъ первое время также Гречъ. Къ «Библиотека для чтенія» были привлечены крупныя литературныя силы и она была поставлена на широкую ногу, что сразу же выдѣлило ее изъ бѣдныхъ матеріаломъ современныхъ журналовъ и создало небывалую для того времени подписку. Такимъ образомъ сформировалась монополющая и крѣпкая коалиція. Но, заключивъ этотъ журнальный союзъ, Сенковский держался независимо отъ Булгарина и Греча. Хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Сенковский былъ родствененъ Булгарину и Гречу, но все-таки долженъ быть отъ нихъ отдѣленъ: по уму, таланту и образованію онъ стоялъ несравненно выше Греча и Булгарина, не доходилъ до Булгаринскихъ подлостей, наконецъ, не стоялъ въ такихъ отношеніяхъ къ Бенкендорфу, какъ Булгаринъ. Только въ концѣ 30-хъ годовъ душевныя качества Сенковского и общественная физіономія его обнаружились въ полной мѣрѣ. Середина 30-хъ годовъ была эпохой его блестящаго успѣха. То обстоятельство, что Сенковский независимо держался отъ Булгарина и Греча, не принималъ участія до 1836 года въ ихъ травлѣ Пушкина¹⁾ и создавало то, что отношенія къ нему Пушкина слагались независимо отъ отношеній къ Булгарину и Гречу, и поэтъ сначала относился къ Сенковскому хорошо. Такъ въ письмѣ отъ 8 февраля 1824 г. къ А. А. Бестужеву, издавшему альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1824 г., Пушкинъ хвалитъ помѣщенное тамъ произведеніе Сенковского—«Витязь буланного

коня», называя «прелестію». «Совѣтую себѣ держать за воротъ этого Сенковскаго» — пишетъ Пушкинъ (Переп. т. I, стр. 99). Когда Сенковский сталъ редактировать «Библиотеку для чтенія», Пушкинъ принялъ въ ней участіе, помѣстивъ «Пиковую Даму» (1834 № 2), «Сказку о мертвой царевнѣ» (1834, № 2), «Пѣсни западныхъ славянъ» (1835, № 2 и № 3). «Сказку о золотомъ пѣтушкѣ» (1835, № 4), «Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ» (1835, № 5), Сенковский лѣстилъ Пушкину. Сохранилось письмо Сенковского, относимое къ іюлю—августу 1834 г., въ которомъ Сенковский расточаетъ похвалы прозаическому языку Пушкина, говоритъ, что поэтъ начинаетъ новую эпоху въ русскомъ прозаическомъ языкѣ (Переп. т. III, стр. 158—160). 1).

Послѣ неудачи въ 1832 году съ изданіемъ собственнаго періодическаго органа Пушкинъ все время не оставлялъ мысли объ его изданіи и въ 1836 г., какъ извѣстно, сталъ издавать «Современникъ». Снова это грозило опасностью изданіямъ Булгарина и Греча, и они открыли походъ на Пушкина и его журналъ.

Вполнѣ опредѣленно показываетъ, что новыя нападки Булгарина въ 1836 году были вызваны опять боязнью конкуренціи, замѣтка «Сѣверной Пчелы» (1836, № 162), въ которой было сказано: «Прекрасно было то незабвенное время нашей литературы, когда играла лира Пушкина, когда имя его вмѣстѣ съ его сладкими пѣснями, носилось по Россіи изъ конца въ конецъ и было у всякаго на языкѣ. Муза его умолкла. Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, труженническое перо журналиста. Князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы. Печальная перемена, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту. Поэтъ опочилъ на лаврахъ слишкомъ рано. Вмѣсто поэтическихъ произве-

¹⁾ Въ 1834 году «Библ. для чтенія» (т. 6^е отд.) хвалила «Пиковую Даму», въ 1835 году «Исторію Пугачевского бунта» (т. 10) и «Пѣсни западныхъ славянъ» (т. 12).

¹⁾ Къ 1831—34 гг. относится опубликованный Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 28—30), черновой набросокъ «Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтишь», относимый имъ къ Сенковскому, но для такого утвержденія нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. См. сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 528—529; П. Б. «Русск. Архивъ», 1903, іюнь, обложка, стр. 3; В. В. Сиповскій, «Журналъ. Мин. Нар. Просвѣщ.», 1903, VI, 445—448; П. Е. Щеголевъ, «Истор. Вѣстникъ», 1904, I, 271—272 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 326).

НИКОЛАИ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

Портретъ, относящійся къ 1815 году.

деній онъ выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухого и скучнаго журнала, наполненнаго чужими статьями».

Особенно «Современникъ» былъ опасенъ «Библіотекѣ для чтенія», какъ журналу, имѣвшему большое число подписчиковъ. «Библіотека для чтенія» привлекала широтой своей программы и тѣмъ, что въ ней были сосредоточены лучшія литературныя силы. Въ «Современникѣ» также предполагалась широкая программа. Сенковскій имѣлъ основаніе думать, что силы перейдутъ отъ него въ «Современникъ», во главѣ котораго сталъ такой человѣкъ, какъ Пушкинъ. Въ октябрѣ 1835 года Пушкинъ пишетъ П. В. Нащокину: «Смирдинъ уже предлагалъ мнѣ 15.000, чтобы я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его «Библіотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно» (Переписки, т. III, стр. 243). И Сенковскій, не нападая ранѣе на поэта, сразу же выступилъ съ нападками, какъ только Пушкинъ сталъ издавать «Современникъ». Уже въ первой книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за

1836 годъ Сенковскій сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина ¹⁾. Поэтъ, желая помочь лицейскому учителю Е. П. Люденко, находившемуся въ крайне стѣсненномъ положеніи, издалъ на свой счетъ его переводъ «Вастолы» Виланда. Въ 1835 г. переводъ вышелъ въ продажу съ указаніемъ, что его издалъ Пушкинъ, безъ указанія имени переводчика. Сенковскій назвалъ «Вастолу» «непостижимымъ подаркомъ» поэта «доброй, честной русской публикѣ» на новый годъ. «Нѣкоторые намекаютъ,—пишетъ Сенковскій,—будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что «Вастола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. только далъ ему на прокатъ свое имя для того, чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желаетъ этимъ сдѣлать благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманыва-

¹⁾ «Библіотека для чтенія», 1836, т. XVI, отд. VI, стр. 33—34.

вать публику двусмысленностями, чтобы дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если бы въ словѣ «издалъ» и не было бы двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи,—онъ знаетъ, что человекъ, пользующійся литературной славой, отвѣчаетъ передъ публикой за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени... А. С., если бы пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ—три страницы стиховъ и онъ принесли бы большѣ выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта «Вастола». Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, что это подлинныя стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего большѣ, какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій... Это—его стихи. Удивительные стихи!» Такимъ образомъ, знавшій, что стихи не Пушкина, Сенковский не только нагло лицемерилъ, но и зло надругался надъ поэтомъ, обвиняя его въ настоящей недобросовѣстности. Вполнѣ вѣрно С. А. Венгеровъ называлъ эту двусмысленную, лицемерную и злую замѣтку Сенковского «одной изъ тѣхъ мефистофельскихъ рецензій, на которыя онъ былъ такой мастеръ»¹⁾. Въ отвѣтъ на эту злую выходку Пушкинъ въ № 1 «Современника» помѣстилъ сдержанную замѣтку, назвавъ лишь обвиненіе «несправедливымъ», указавъ, что дѣйствительно «Вастола» переведена не имъ, а онъ лишь издалъ книгу. Пушкинъ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ Сенковского, и повтореніе отзыва Сенковского знакомымъ Пушкина С. С. Хлюстинымъ повело къ крупному столкновенію съ нимъ поэта, чуть не окончившемуся дуэлью. 4 февраля Пушкинъ писалъ Хлюстину: «Я не сержусь на Сенковского: но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ неслѣпости свиней и мерзавцевъ» (Переп. т. III, стр. 272).²⁾

Что нападки Сенковского на Пушкина имѣли тѣ же мотивы, что и нападки Булгарина, а именно боязнь конкуренціи, видно по самому характеру этихъ нападокъ, по такому, напимѣръ, замѣчанію: «Всегда должно сожалѣть, когда поэтический геній перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, самъ добровольно отрывается отъ своего призванія, и съ священныя высоты Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, *Musarum choris implicuit manus*, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и бесплодной. Это уже—затменіе одной изъ славъ народа. Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда этотъ геній, рожденный вить безсмертныя вѣнки на вершинѣ «зеленаго Геликона», нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы Віоантъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, награждать его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото. Бездонное болото, наполненное черной грязью! Эта грязь—журнальная полемика; самый низкій и отвратительный родъ прозы, послѣ рюмованныхъ пасквилей» («Библиотечка для чтенія», 1836, XV, отд. VI, 69).

Всегда думавшій о борьбѣ съ «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», видѣвшій въ этой борьбѣ одну изъ важныхъ очередныхъ задачъ журналистики въ данный моментъ, Пушкинъ начавъ издавать «Современникъ», снова повелъ эту борьбу. Сначала, въ 1834—1835 гг. Пушкинъ сотрудничалъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», но какъ только сдѣлалась ясной общественная и литературная фizioномія этого журнала, какъ только не осталось сомнѣній, что Сенковский вступилъ въ союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ и созданъ триумvirатъ, Пушкинъ повелъ борьбу и съ «Библиотекой для Чтенія». Если ранѣе Пушкинъ боролся только съ двумя членами триумвирата—Бул-

¹⁾ Сочиненія Бѣдинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 597.

²⁾ Объ изданіи Пушкинымъ «Вастолы» Люценко и о столкновеніи въ связи съ этимъ съ Сен-

ковскимъ и Хлюстинымъ см. Н. О. Лерперъ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 330, 339, 347, 355; Б. Л. Модзалевскій. Пушкинъ и Люценко. «Русск. Старина», 1898, т. 94, кн. IV, стр. 73—88 и отд. СПб. 1898; Пушкинъ, II, Къ биографіи Пушкина. М. 1885. 73—84. Н. О. Лерперъ, «Русскій Арх.», 1900, III, 143—144; Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 616—617, т. VIII, стр. 366 и 379; И. А. Шлякинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. СПб. 1902, стр. 30.

гаринымъ и Гречемъ, то теперь, съ 1836 г., началась борьба съ триумvirатомъ, какъ таковымъ, какъ съ дѣлымъ. Это отношеніе Пушкина къ «Библиотекѣ для чтенія» раздѣляли его друзья, особенно кн. Вяземскій, который въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 23 октября 1836 г. называлъ «Библиотеку для Чтенія»—«свинымъ хлѣвомъ»¹⁾.

Уже въ первомъ томѣ «Современника», вышедшемъ 11 апрѣля, былъ нанесенъ большой ударъ триумvirату Гоголемъ въ большой, не подписанной статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году», въ которой дана очень вѣрная оцѣнка членовъ триумvirата и ихъ изданій, высказано по адресу Сенковского много горькой правды. Гоголь давно относился отрицательно къ триумvirату и, какъ мы уже отмѣтили, подавалъ въ 1831 г. Пушкину мысль сопоставить Булгарина съ Байрономъ²⁾. Это—одна изъ лучшихъ журнальных статей Гоголя, о которой прекрасно отзывался Бѣлинскій. Она нанесла серьезный ударъ триумvirату и произвела большое впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ³⁾.

Пушкинъ намѣревался вслѣдъ за статьей Гоголя нанести новый ударъ триумvirату. Во II т. «Современника», вышедшемъ въ июлѣ, была помѣщена такая замѣтка отъ редакціи: «Мы получили также статью г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей». Но замѣтка Пушкина не появилась. Въ 3 т. «Современника», вышедшемъ въ сентябрѣ, появилась статья А. Б. «Письмо къ издателю» съ нападками на Сенковского и Греча⁴⁾.

¹⁾ Остафьевскій Архивъ, III, 335.

²⁾ Напомнимъ, что Сенковский не понималъ совершенно Гоголя, нападалъ на него въ «Библиотекѣ для Чтенія»; отношеніе къ Гоголю является яркимъ примѣромъ отсутствія въ Сенковскомъ настоящаго критическаго чувства.

³⁾ Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», СПб. 1876, стр. 186.

⁴⁾ Эту статью П. В. Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. I, Матеріалы для біографіи Пушкина. Спб. 1855, стр. 424), приписываетъ И. А. Безсонову. Это указаніе повторяетъ П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, 623). В. С. Карцевъ и М. Н. Мазаевъ въ «Опытѣ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», (Спб. 1891) раскрываютъ этотъ инициалъ, какъ принадлежащій А. И. Болтину. И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», Спб. 1903, стр. 242) предполагаетъ, что статья принадлежитъ М. П. Погодину. Никто доказательства не приводитъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, продолжая войну съ триумvirатомъ, остался вѣрнымъ принципамъ, которыми руководствовался въ «Литературной Газетѣ», хотя нападки уже не были такъ рѣзки. Послѣ замѣчанія «Сѣверной Пчелы», что «Современникъ» является продолженіемъ «Литературной Газеты», Пушкинъ подтверждаетъ это въ 3 книгѣ «Современника», заявивъ, что «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

Острое перо Пушкина до самыхъ послѣднихъ дней жизни не оставляло Булгарина. Въ ноябрѣ 1836 года поэтъ встрѣтился въ магазинѣ Смирдина съ гр. Соллогубомъ, писавшимъ экспромтъ:

Коль ты къ Смирдину войдешь
Ничего тамъ не найдешь
Ничего ты тамъ не купишь
Лишь Сенковского толкнешь...

Пушкинъ прибавилъ: «Иль въ Булгарина наступишь»¹⁾.

Только съ однимъ изъ членовъ триумvirата—Гречемъ въ личныхъ отношеніяхъ у Пушкина не было открытаго разрыва. Гречъ всегда старался поддерживать отношенія съ поэтомъ, и Пушкинъ посѣщалъ даже домъ Греча. 12 октября 1836 г. Гречъ по поводу «Полководца» Пушкина писалъ ему: «Вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающая долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи» Пушкинъ отвѣтилъ 13 октября сдержанной благодарностью (Переп. т. III, стр. 379—380). Пушкинъ былъ расположенъ къ сыну Греча Н. Н. Гречу, который очень любилъ поэта и котораго А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ А. И. Нефедьевой называетъ «прекраснымъ юношей, подававшимъ прекрасныя надежды, любимого и уважаемаго своими товарищами студен-

¹⁾ Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба. М. 1866, стр. 46. И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, 3-е изд. Спб. 1888, стр. 40—41.

тами»¹⁾. Подробно о взаимномъ расположении Пушкина и Н. Н. Греча рассказываетъ В. П. Бурнашевъ, въ воспоминаніяхъ котораго находится рассказъ о послѣднихъ отношеніяхъ поэта къ Гречу и его сыну Н. Н. Гречу. 4 декабря 1836 г., по рассказу Бурнашева, Пушкинъ проѣзжалъ въ Англійскій клубъ и увидѣлъ большое освѣщеніе у Греча; думая, что у него происходитъ собраніе сотрудниковъ Энциклопедическаго Лексикона, онъ заѣхалъ къ Гречу. 26 января 1837 года Гречъ-сынъ умеръ и въ тотъ-же день было послано Пушкину приглашеніе на похороны. 27-го состоялись похороны. «Мнѣ жаль,—сказалъ Гречъ, по словамъ Бурнашева,—что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, о которомъ онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почтить сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но, вѣдь, всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости». Въ этотъ моментъ было сообщено Гречу, что Пушкинъ дрался на дуэли и будто бы уже умеръ. «Велика, ужасна моя потеря,—сказалъ Гречъ по рассказу Бурнашева,—но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это—несчастіе нашей литературы. Это—народная утрата»²⁾.

Рассказъ Бурнашева, вѣроятно, составленъ на основаніи печатныхъ источниковъ. Извѣстно, что, лежа въ мученіяхъ послѣ дуэли 27 января 1837 года, Пушкинъ вспомнилъ о приглашеніи на похороны и сказалъ доктору Спасскому: «Если увидите Греча, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ»³⁾.

За то Булгарина и смерть Пушкина не смягчила. 4 февраля 1837 года онъ писалъ изъ Дерпта къ А. Я. Стороженко: «У насъ разнесся слухъ, что Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантесомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великаго,—а человѣкъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пуш-

кина: можно ли было любить, особенно пьянаго»¹⁾.

Послѣ трагической кончины Пушкина у триумvirата хватило совѣсти, чтобы не бросить кома грязи въ могилу поэта: некрологи въ ихъ изданіяхъ отдавали дань поэту. Въ замѣткѣ Л. Якубовича въ № 24 1837 г. «Сѣверной Пчелы» было сказано, что «Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности». Гречъ получилъ за эту фразу выговоръ Бенкендорфа²⁾. Отдавала дань Пушкину и «Библиотека для Чтенія» въ некрологѣ, написанномъ Н. Полевымъ («Библи. для Чтенія», т. XXI, стр. 181—198). Въ 1838 году Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 1, Русская литература) краткое извѣстіе о выходѣ 1—2 т. «Сочиненій Пушкина» (Спб. 1838), начавъ: «Безмолвный привѣтъ памяти еще столь недавно утраченнаго нами незабвеннаго поэта!» Въ томъ же году въ «Библи. для Чтенія» въ отзывѣ о 1—3 т.т. «Сочиненій» Пушкина (т. 27, отд. VI, мартъ, новая книга) сказано: «Вотъ три первые тома «Сочиненій» Пушкина,—первые три тома всей русской словесности; здѣсь все, что мы любимъ, чѣмъ восхищаемся, что повторяемъ наизусть». Замѣчая относительно эпиграммъ, что онъ «не любитъ этого рода литературы», критикъ говоритъ: «Пушкинъ защищается ими отъ враговъ своихъ, отъ своихъ зоиловъ! Враги Пушкина! Гдѣ же они теперь? Я вижу однихъ только восторженныхъ обожателей Пушкина. Великое дѣло смерть для человѣка съ истиннымъ дарованіемъ! Если бы Пушкинъ могъ встать изъ своей безсмертной могилы, онъ, навѣрное, между этими восторженными обожателями своего генія, съ изумленіемъ узналъ бы знакомыя лица злѣйшихъ своихъ зоиловъ прежняго времени».

VI.

Говоря о той борьбѣ, которую велъ Пушкинъ съ триумvirатомъ, нужно отмѣтить, что въ ней принялъ участіе только что начавшій свою литературную дѣятельность Бѣлинскій. Восторженный энтузіастъ, столь высоко ставившій литературу, видѣвшій въ ней священное служеніе, Бѣлинскій

¹⁾ «Пушкинъ и его современники», VI, стр. 47.

²⁾ В. П. Бурнашевъ. Воспоминанія.—«Русск. Архивъ», 1872, IX, 1787—1802.

³⁾ Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I. Матеріалы для біографіи. Спб. 1855, стр. 449, 459—460; «Русская Старина», 1881, V, стр. 158—159.

¹⁾ Стороженко. Фамильный архивъ. Кіевъ 1907, т. III, стр. 29.

²⁾ А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 285.

КНИЖНАЯ ЛАВКА СМЕРДИНА.

Виньетка Сапоженикова (тушью) ко II тому «Новоселья» (1834).

В правом углу весьма мало похожий Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою— прикащикъ Ножевниковъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели — Сенковский. Носитъ книги — прикащикъ Цветковъ.

съ самаго начала своей литературной дѣятельности отнесся отрицательно къ триумвирату. У Пушкина сразу же явился сильный союзникъ. Бѣлинскій, который впоследствии далъ такое глубокое истолкованіе Пушкина, съ знаменитыми статьями котораго началось лишь истинное пониманіе и оцѣнки поэта, уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, въ пламенныхъ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» 1834 года, высоко ставилъ Пушкина и выступилъ противъ травли его Булгаринымъ. Бѣлинскій довольно опредѣленно указалъ въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» на личный характеръ нападокъ на Пушкина Булгарина, на его продажное непостоянство. «Ни одинъ поэтъ на Руси,— писалъ Бѣлинскій,— не пользовался такою народностью, такою славой при жизни, и ни одинъ не былъ такъ жестоко оскорбленъ. И кѣмъ же? Людьми, которые сперва пресмыкались предъ нимъ во прахѣ, а потомъ кричали: *Chûte complète!*»¹⁾ Нападая на Булгарина въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», Бѣлинскій беретъ тотъ тонъ, который принялъ Пушкинъ въ статьяхъ 1831 г., и подхватываетъ язвительное сопоставленіе Булгарина съ Орловымъ.

Нападенія Бѣлинскаго на Булгарина сейчасъ же вызвали его ожесточенныя нападки на критика. Тотъ отвѣчалъ горячей отповѣдью въ журнальной замѣткѣ въ «Молвѣ» (1835, № 46—47), въ которой воздастъ Булгарину должное и опять цитируетъ его знаменитое изреченіе о VII главѣ «Онѣгина»: *Chûte complète.*

Въ началѣ 1836 г. Бѣлинскій нанесъ новый сильный ударъ триумвирату въ статьѣ «Ничто о ничемъ» («Телескопъ», 1836, т. XXXI). Здѣсь Бѣлинскій отмѣчаетъ, что отношенія членовъ триумвирата обусловлены не принципиальными разногласіями, а личной выгодой, на что указывалъ и Пушкинъ²⁾. Когда вышла первая книга «Современника», Бѣлинскій помѣстилъ о ней статью въ № 7 «Молвы» 1836 г. Бѣлинскаго не удовлетворило содержаніе журнала, онъ не оцѣнилъ вполне его. Указывая промахи Бѣлинскаго, С. А. Венгеровъ справедливо отмѣчаетъ, что статья «видимо писалась не въ минуту вдохновенія и повышенной литературной проница-

тельности»¹⁾. Но Бѣлинскій все-таки горячо привѣтствовалъ журналъ. Особенно лестно отзывается критикъ объ упомянутой выше статьѣ Гоголя, въ которой, какъ мы знаемъ, дана рѣзкая оцѣнка триумвирата. Въ этой статьѣ Бѣлинскій видитъ «духъ и направленіе новаго журнала». Бѣлинскій привѣтствовалъ журналъ, видя въ немъ оппозицію ненавистному триумвирату. Бѣлинскій прямо говоритъ, что Сенковский «испугался» «Современника», что онъ, «забывъ обычное свое благоразуміе, имѣлъ неосторожность сказать, что онъ «отдалъ бы все на свѣтѣ, лишь бы только Пушкинъ не сдержалъ своей программы».

Пушкинъ сразу же обратилъ свое вниманіе на Бѣлинскаго, но кружокъ Пушкинскій былъ настроенъ противъ Бѣлинскаго. 27 мая 1836 г. Пушкинъ посылалъ ему «Современникъ» черезъ П. В. Нащокина. Но Пушкинъ, зная враждебное отношеніе къ Бѣлинскому кружка Погодина и Шевырева, скрывалъ свои сношенія. Прося Нащокина передать Бѣлинскому «Современникъ», Пушкинъ просилъ его въ письмѣ сдѣлать это «тихонько отъ Наблюдателей NB» и передать Бѣлинскому «что очень жалко, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться». О печатавшемся 2 № «Современника» Пушкинъ сообщаетъ Нащокину, что № «очень хорошъ» (Переп. т. III, стр. 325). Но Бѣлинскому онъ не понравился и онъ раскритиковалъ 2 № «Современника» въ № 13 «Молвы», признавъ попытки Пушкина издавать журналъ несостоятельными. И въ этой второй статьѣ Бѣлинскій былъ довольно несправедливъ. С. А. Венгеровъ замѣчаетъ, что Бѣлинскій, когда говорилъ о «Современникѣ», «терялъ самообладаніе, дѣлалъ эстетическіе промахи и становился придирчивымъ и несправедливымъ»²⁾. Въ этой статьѣ Бѣлинскій ясно подчеркиваетъ, что ему, когда онъ привѣтствовалъ первый томъ «Современника», было дорого то, что онъ надѣялся, что журналъ Пушкина будетъ прочной оппозиціей триумвирату. По поводу статьи Гоголя Бѣлинскій замѣчаетъ: «Рѣзкій и благородный тонъ этой статьи, смѣлые и безпристрастные отзывы о нашихъ журналахъ, вѣрный взглядъ на журнальное дѣло— все это подало было намъ надежду, что

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 362.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 376.

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 493.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 507.

«Современникъ» будетъ ревностнымъ борникомъ истины, искаженной и попираемой ногами книжныхъ спекулянтовъ, что его голосъ неутомимо, громко и твердо будетъ раздаваться на журнальной аренѣ, превращенной въ рыночную площадь продажныхъ похвалъ и браней, что онъ сшибетъ не съ одной пустой головы не заслуженные лавры, что онъ ошиплетъ не съ одной литературной вороны накладные павлиньи перья, что онъ сорветъ маску мнимой учености и мнимаго таланта не съ одного заѣзжаго фигляра, съ баронскимъ гербомъ и татарский прозвищемъ, пускающаго въ глаза простодушной публикѣ пыль поддѣльнаго патріотизма и лакейскаго остроумія. Тѣмъ пріятнѣе было намъ надѣяться всего этого отъ «Современника», что теперь, именно теперь, наша литература особенно нуждается въ такомъ журналѣ»¹⁾.

Несмотря на отрицательный отзывъ Бѣлинскаго о второй книгѣ «Современника», поэтъ, очевидно не терялъ своего расположенія къ критику и имѣлъ, повидимому, намѣренія привлечь его къ своему журналу. Отвѣчая на недошедшее до насъ письмо Пушкина, Нащокинъ писалъ въ началѣ октября 1836 г. поэту о Бѣлинскомъ: «Я его не видѣлъ, но его друзья, въ томъ числѣ Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать» (Переп. т. III, стр. 396). Бѣлинскій очень цѣнилъ, что Пушкинъ обратилъ на него вниманіе. Въ письмѣ къ Гоголю въ 1842 г. Бѣлинскій говоритъ, что несмотря на то, что «слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей», его «больше всего этого радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ»²⁾.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій явился сильнымъ союзникомъ Пушкина въ его борьбѣ съ триумvirатомъ. Въ немъ Бѣлинскій видѣлъ тормазъ развитію литературы и общественной жизни, явленіе, съ которымъ необходимо энергично бороться. И

Бѣлинскій былъ всегда непримиримымъ врагомъ триумvirата¹⁾.

VII.

Теперь, когда передъ нами прошла фактическая сторона отношеній Пушкина и триумvirата, выяснимъ мотивы борьбы.

Въ чемъ прежде всего заключалась причина ненависти поэта къ Булгарину?

Прежде всего, можно думать, что Булгаринъ просто былъ ненавистенъ Пушкину, какъ человѣкъ низкій, лишенный всякаго чувства чести; тутъ была со стороны Пушкина прямо брезгливость; Булгаринъ былъ ненавистенъ, какъ опредѣленный психическій типъ. Въ этой психологической области не малую роль играло презрѣніе къ Булгарину, какъ къ продажной личности, какъ къ человѣку, продавшемуся изъ-за выгодъ Бенкендорфу, какъ къ доносчику и шпиону. Пусть Пушкинъ въ эпоху хлопотъ о газетѣ предлагалъ свои «услуги» правительству, пусть онъ пользовался «милостіями» Николая I, но это были лишь уклоненія, лишь колебанія подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни, въ душѣ же поэтъ до истинно-трагическихкихъ страданій тяготился «покровительствомъ» Николая I, условіями своей жизни, той рамкой, въ которую она была заключена; роль прихлебателя, клеветы, была органически ненавистна свободной душѣ Пушкина.

Но ненависть къ чисто психическому складу Булгарина, какъ къ продажному рабу и шпиону, не была всей причиной ненависти поэта къ Булгарину. Сюда присоединилось, несомнѣнно, опасеніе, что клеветѣ Бенкендорфа, подъ бдительнымъ надзоромъ котораго находился поэтъ, враждебно настраиваетъ шефа жандармовъ. На это совершенно вѣрно указываетъ М. И. Сухомлиновъ²⁾. Современники держались того взгляда, что Булгаринъ имѣетъ громадное вліяніе на Бенкендорфа, думали, что онъ стоитъ близко къ III отдѣленію, смотрѣли, какъ на агента Бенкендорфа. Даже такіе близко стоящіе къ высшимъ административнымъ сферамъ люди, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, считали, что Булгаринъ служить въ тайной полиціи и является на-

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 58—59.

²⁾ «Письма Бѣлинскаго». Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Ф. Ф. Павленкова, т. III, стр. 1196. СПб. 1907. Объ отношеніяхъ Пушкина и Бѣлинскаго, см. А. Н. Пыпинъ. «Бѣлинскій». 2-е изд. СПб. 1908, стр. 100—102 и Н. О. Лернеръ, «Бѣлинскій». М. 1910, стр. 65—66.

¹⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Булгарину цѣнный матеріалъ даютъ комментаріи къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, изд. подъ ред. С. А. Венгерова (т. I—VII. СПб. 1900—1904) и подъ ред. Иванова-Разумника (т. I—III. СПб. 1911).

²⁾ Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 267 и 274.

стоящимъ сыщикомъ. Никитенко, передавая разговоръ съ Блудовымъ, записалъ: «Графу положительно извѣстно, что Булгаринъ участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа»¹⁾. Пушкинъ раздѣлялъ воззрѣнія современниковъ на Булгарина, думая, что онъ играетъ видную роль въ III отдѣленіи и имѣетъ сильное влияние на Бенкендорфа. Что Пушкинъ именно опасался влияния Булгарина на Бенкендорфа, доносятъ Булгарина, хорошо видно изъ слѣдующаго факта. 2 мая 1830 г. Пушкинъ проситъ П. А. Вяземскаго позондировать почву относительно того, можно ли надѣяться получить разрѣшеніе на изданіе политической газеты. «Пожалуйста,—пишетъ портъ,—поговори объ этомъ, но тайнѣ: если Булгаринъ будетъ это поддѣлывать, то онъ по своему обыкновению пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься» (Переп. т. II, стр. 145).

Пушкинъ видѣлъ въ своей борьбѣ борьбу не съ частнымъ, а съ чисто официальнымъ изданіемъ, онъ смотрѣлъ на «Сѣверную Пчелу», именно какъ на чисто официальный органъ. Въ сохранившихся въ рукописяхъ критическихъ замѣткахъ 1830—1831 гг. и въ «Разговорѣ А и Б» Пушкинъ неоднократно называетъ «Сѣверную Пчелу» «официальной газетой»²⁾.

Въ настоящее время опубликованіе ряда историческихъ документовъ обнаружило, что Булгаринъ не имѣлъ такого сильнаго влияния на Бенкендорфа, какъ это предполагали современники, а былъ лишь приспѣшникомъ шефа жандармовъ, который часто обращался съ нимъ, какъ съ лакеемъ, хотя и покровительствовалъ ему, видя въ немъ полезнаго себѣ человѣка. Но «Сѣверная Пчела» была, несомнѣнно, органомъ Бенкендорфа, Булгаринъ выполнялъ его порученія, писалъ статьи по заказу, о чемъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Дубельту отъ 30 апрѣля 1844 г.³⁾ В. В. Гиппіусъ замѣчаетъ, что нѣтъ данныхъ говорить, «что Булгаринъ достигалъ своей цѣли повредить Пушкину въ глазахъ Бенкендорфа»⁴⁾.

На это нужно замѣтить, что имѣющійся въ распоряженіи историка матеріалъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Булгаринъ именно «достигалъ своей цѣли», принесъ много зла поэту, и онъ имѣлъ всѣ основанія опасаться Булгарина.

Въ подготовительныхъ отрывкахъ къ «Египетскимъ ночамъ» есть интересное для насъ мѣсто. Пушкинъ говоритъ о своемъ героѣ, въ которомъ нельзя не усмотрѣть автобіографическихъ элементовъ, что онъ «не любилъ общества своей братіи литераторовъ... Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе—несносными по своему тону; третьи—гадкими по своей подлости, четвертые—опасными по своему двойному ремеслу»¹⁾. Исслѣдователи²⁾ основательно видятъ здѣсь намекъ на Булгарина. И это мѣсто цѣнно тѣмъ, что Пушкинъ вполне опредѣленно указываетъ на «опасность» Булгарина. И не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ, раздѣляя общее воззрѣніе на сильное влияние Булгарина на Бенкендорфа, считалъ его «опаснымъ по двойному ремеслу». Пушкинъ видѣлъ въ Булгаринѣ не только отвратительную личность вообще, не только питалъ ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, но и опасался его, какъ подлаго и опаснаго личнаго врага, имѣющаго твердую почву въ отношеніяхъ къ поэту шефа жандармовъ.

Но было бы, по нашему мнѣнію, ошибочнымъ видѣть во враждѣ Пушкина къ Булгарину лишь ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, съ одной стороны, и какъ къ личному врагу «опасному по двойному ремеслу», съ другой. Прошедшій передъ нами фактический матеріалъ даетъ основанія говорить, что въ борьбѣ съ Булгаринымъ Пушкинымъ руководили и другія, болѣе высокія побужденія. Въ Булгаринѣ поэтъ видѣлъ вреднаго для общества общественнаго и журнальнаго дѣятеля, съ которымъ надо во имя общественнаго блага бороться.

Прося у Бенкендорфа въ 1835 г. разрѣшенія на изданіе періодическаго органа, Пушкинъ выставлялъ мотивомъ своей журнальной дѣятельности чисто практической, говорилъ о журналѣ исключительно, какъ о средствѣ къ жизни. (Переп. т. III, стр. 220—221 и 261). Даже такой близкій къ

¹⁾ А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. СПб. 1905, т. I, стр. 485.

²⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 273, 277 и 286.

³⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 289—290.

⁴⁾ Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподават. и слушателей. Ист. Фил. Факульт. Сиб. Ун-та, стр. 266.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. V, стр. 549.

²⁾ Напримѣръ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. «Пушкинъ», стр. 159.

Пушкину человекъ, какъ его сестра Ольга Сергѣевна, относясь отрицательно къ журнальной дѣятельности поэта, смотря на нее очень низко, называя «оскверненіемъ поэтического гения», считала, что мотивомъ изданія періодическаго органа было «удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ»¹⁾. Близкій поэту Плетневъ также смотрѣлъ, что Пушкинъ, издавая журналъ, имѣлъ въ виду лишь матеріальную выгоду. Въ 1844 г. Плетневъ писалъ о «Современникѣ»: «Пушкинъ его началъ просто для 25 т. руб., которая въ немъ считалъ вѣрными»²⁾.

Конечно, матеріальныя соображенія играли извѣстную роль, въ изданіи періодическаго органа Пушкинъ видѣлъ средство къ матеріальному независимому положенію, но, несомнѣнно, это не было исключительнымъ мотивомъ. Но однимъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ было и желаніе ослабить вліяніе триумвирата. Это подтверждаетъ большой фактический матеріалъ, относящійся къ мечтамъ объ изданіи періодическаго органа, высказанныя по этому поводу замѣчанія поэта въ его письмахъ; наконецъ, подтверждаютъ это и отзывы современниковъ. Пушкинъ всегда думалъ о противодѣйствіи «Сѣверной Пчелѣ», имѣя въ виду именно сѣ отрицательное вліяніе на общество и общественную мысль. Необходимо бороться съ «Сѣверной Пчелой» именно съ такой точки зрѣнія постоянно занимала и друзей поэта. Эта цѣль руководила Пушкинскимъ кружкомъ, когда онъ сталъ издавать «Литературную Газету». 25 апрѣля 1830 г. Вяземскій писалъ А. Тургеневу: «Пиши литературныя письма для «Газеты» нашей и присылай ко мнѣ; пиши хотя не письма, а такъ, кидай на бумагу свои литературныя впечатлѣнія и пересылай ко мнѣ, а мы здѣсь это сошьемъ. Надобно же оживлять «Газету», чтобы морить «Пчелу»-пиявку, чтобы поддержать хотя одинъ честный журналъ въ Россіи»³⁾ «Литературная Газета» и была дорога Пушкину, какъ противовѣсъ «Сѣверной Пчелѣ». 2 мая 1830 г. Пушкинъ пишетъ Вяземскому: «Газета хороша, ты много оживилъ ее.—Поддерживай ее, покажишь и въ у насъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину» (Переп., т. II, 144).

Пушкина возмущала, какъ мы видѣли, монополія «Сѣверной Пчелы» въ сферѣ политической. «Неужъ то кромѣ «Сѣверн. Пчелы»,—пишетъ поэтъ въ томъ же письмѣ,—ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября?» (Переп. т. II, стр. 144). И поэтъ энергично добивался разрѣшенія издавать не только литературное, но и политическое изданіе.

Пушкину были чрезвычайно дороги успѣхи русской литературы. Можно сказать прямо, что поэтъ жилъ этими интересами, внимательно слѣдилъ за движеніемъ литературной жизни. Большое значеніе поэтъ придавалъ критикѣ. Успѣхи литературы, столь близкіе и дорогіе Пушкину, тормозилъ Булгаринъ, на критическую дѣятельность котораго, лишенную сколько-нибудь тонкаго пониманія, Пушкинъ не только смотрѣлъ очень отрицательно, но даже не считалъ ее и критикой. На этой почвѣ борьба была неминуема, вытекавшая изъ личныхъ, а изъ идейныхъ мотивовъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что извѣстную роль играли во враждѣ Пушкина къ Булгарину и нападки его послѣ 1830 г.: онѣ раздражали поэта и, несомнѣнно, даже отразились въ поэзіи его. Говоря о толпѣ, въ сонетѣ «Поэту», Пушкинъ имѣлъ въ виду не только великосвѣтскую чернь, но и чернь среди критики. Это крайнее проявленіе отрѣшенности и презрѣнія къ толпѣ относится къ іюлю 1830 г., т. е. какъ разъ къ эпохѣ травли Пушкина Булгаринымъ и она, несомнѣнно, вліяла на настроеніе поэта. Анненковъ отмѣчаетъ, что Пушкина нападки критики «волновали и сердили»¹⁾.

И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ живо реагировалъ Пушкинъ на нападки Булгарина. Въ сочиненіяхъ Пушкина мы находимъ цѣлый рядъ замѣчаній, посвященныхъ отраженію этихъ нападокъ.

Но въ общемъ борьба Пушкина съ Булгаринымъ, имѣя въ извѣстной степени личные мотивы,—была борьбой съ вреднымъ общественнымъ и журнальнымъ дѣтелемъ, съ бездарнымъ критикомъ, претендующимъ руководить критическою мыслью, съ вредной правительственной рептилей, поставленной въ монопольное положеніе.

¹⁾ См. ея письмо мужу, Павлищеву.—Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, стр. 283.

²⁾ Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. II, Спб., 1896, стр. 294.

³⁾ Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 194.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 211.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ.

Что касается Сенковского, то, несомненно, въ отношеніяхъ къ нему Пушкина играли роль тѣ же самые мотивы, что и въ борьбѣ съ Булгаринымъ. Пушкинъ не любилъ его не только, какъ личность невысокаго нравственнаго уровня, какъ опредѣленный психическій типъ, боролся съ нимъ не только, какъ съ личнымъ врагомъ, но, опять-таки, какъ съ вреднымъ дѣятелемъ общественности, журналистики и критики.

Каково же было отношеніе Пушкина къ Гречу и почему непримиримая ненависть поэта къ Булгарину и Сенковскому не простиралась на Греча? Разобраться въ отношеніяхъ Пушкина къ Гречу гораздо труднѣе, чѣмъ въ отношеніяхъ къ Булгарину и Сенковскому.

Нѣкоторые современники относились къ Гречу вполне отрицательно. Даже снисходительный вообще къ людямъ Никитенко считалъ его репутацію «двусмысленной». «Дружба его съ Булгаринымъ»,—говоритъ Никитенко,—не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія¹⁾. «Во мнѣ

самомъ не много симпатій къ нему»—записалъ еще Никитенко о Гречѣ¹⁾. «Песмотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возстановляли противъ него общественное мнѣніе, Гречъ все-таки былъ замѣчательный дѣятель литературы и человѣкъ съ несомнѣнными способностями и заслугами»,—писалъ Никитенко послѣ смерти Греча²⁾. Такимъ образомъ, Никитенко, если и цѣнилъ Греча, то не какъ человѣка, а какъ писателя. Но другіе современники отдѣляли Греча отъ Булгарина, считали его выше въ нравственномъ отношеніи; въ то время, какъ съ Булгаринымъ многіе прервали всякія сношенія, знакомство съ Гречемъ поддерживали. Наконецъ, Гречъ былъ принятъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ въ то время, когда Булгарина туда не пускали.

Кн. П. П. Вяземскій (сынъ) рассказываетъ, что когда въ 1832 г. на одномъ изъ литературныхъ собраній у П. А. Вяземскаго обсуждался вопросъ о борьбѣ съ Булгаринымъ, «за Греча прорывались изрѣдка и

¹⁾ А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 441.

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 155.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 320.

сочувственные отзывы»¹⁾. Гречъ самъ всегда отдѣлялъ себя отъ Булгарина, не стѣснялся еще при его жизни чернить его за глазами; наконецъ, въ своихъ «Запискахъ» особенно подчеркнул свою отчужденность отъ Булгарина и не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки своего соратника. Гречъ говоритъ, что сначала дурныхъ качествъ въ Булгаринѣ рѣзко не обнаруживалось. «Признаюсь, — говоритъ Гречъ, — если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, т. е. какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ... Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства»²⁾. Мнѣніе, что Гречъ былъ выше въ нравственномъ отношеніи Булгарина, передавалось отъ современниковъ слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ. Такъ вполне опредѣленно это отмѣчаетъ Сухомлиновъ³⁾. Рѣшительнымъ противникомъ такого воззрѣнія на Греча выступилъ А. Н. Пыпинъ, который въ рецензіи на «Записки»⁴⁾ указывалъ, что Гречъ, несмотря на всѣ его старанія, не отдѣлилъ отъ Булгарина. И за послѣднее время можно встрѣтить мнѣніе, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи былъ не выше Булгарина⁵⁾. Н. К. Пиксановъ въ упомянутой выше работѣ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи не стоялъ выше Булгарина, и доводы изслѣдователя представляются вполне основательными. Конечно, Гречъ долженъ быть отдѣляемъ отъ Булгарина, какъ писатель; онъ былъ образованнѣе Булгарина, имѣлъ извѣстныя историко-литературныя заслуги, но въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, если и былъ выше Булгарина, то очень не на много. Булгаринъ былъ экспансивнѣе, горячѣе, непосредственнѣе и показывалъ себя въ полной мѣрѣ. Гречъ же былъ человѣкомъ себѣ на умѣ, никогда не до-

пускалъ большихъ рѣзкостей, былъ уравновѣшенъ, уживчивъ. Открытыхъ подлостей онъ не дѣлалъ, но былъ вполне достойнымъ соратникомъ Булгарина и санкціонировалъ его поступки. Мало-мальски честный и уважающій себя человѣкъ не согласился бы быть соратникомъ Булгарина. А Гречъ имъ былъ. Онъ также дѣлательно охранялъ монополію своихъ изданій, игралъ ту же роль въ журналистикѣ. Это отмѣтилъ еще Герценъ, который въ написанной въ 1846 году статьѣ: «Умъ хорошо, а два лучше» («Русская Старина» 1871, т. 4, кн. XI и Сочин., т. IV. СПб. 1905), называлъ отношенія Греча къ Булгарину «конкубинатомъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Гречъ говоритъ, что онъ не принималъ участія въ нападкахъ Булгарина на Пушкина¹⁾. Но онъ своимъ сотовариществомъ съ Булгаринимъ прикрывалъ ихъ, не противодѣйствовалъ.

Есть отзывы Пушкина, въ которыхъ онъ приравниваетъ Греча къ Булгарину. Въ «Торжествѣ дружбы» это выражено особенно опредѣленно, поэтъ прямо говоритъ о «сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча съ Булгаринимъ. Но это было сказано въ моментъ наивысшаго раздраженія. Вообще же Пушкинъ, хотя и былъ о Гречѣ не особенно лестнаго мнѣнія, но несомнѣнно, раздѣлялъ отношеніе къ Гречу многихъ современниковъ, находя его выше Булгарина въ нравственномъ отношеніи, и не считалъ Греча столь враждебнымъ себѣ, какъ Булгарина. Этимъ и можетъ быть объяснено то, что съ Гречемъ поэтъ не прерывалъ сношеній. И если Пушкинъ боролся съ Гречемъ, то, главнымъ образомъ, какъ съ общественной величиной, какъ съ соратникомъ Булгарина и членомъ триумвирата.

Но тѣмъ труднѣе объяснить, почему послѣ такого нелестнаго отзыва о Гречѣ, какой поэтъ высказалъ въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы», и «Нѣсколькихъ словахъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», Пушкинъ черезъ нѣкоторое время приглашаетъ Греча въ сотрудники своего изданія. Побужденія Пушкина Н. К. Пиксановъ формулируетъ такъ: «Гречъ былъ образованный, опытный и дѣловитый старый журналистъ; у него было много литературныхъ и общественныхъ связей; онъ, наконецъ, владѣлъ

¹⁾ Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго. Спб. 1893, стр. 534.

²⁾ Гречъ. «Записки», стр. 448.

³⁾ Сухомлиновъ, «Древняя и Новая Россія», 1876, т. I, № 1, стр. 95—96.

⁴⁾ «Вѣсти Европы», 1886, кн. VII, Литерат. Обзорѣніе, стр. 400—413.

⁵⁾ Напримѣръ, такъ смотритъ В. В. Гиппиусъ. «Пушкинъ и журнальная полемика его времени» — Памяти Пушкина Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Филол. факультета Петербург. Универ. Спб. 1900, стр. 264.

¹⁾ Гречъ. «Записки», стр. 457.

собственной типографіей. Такой человекъ былъ бы, конечно, весьма полезенъ технически въ предпріятіи Пушкина. Но, можетъ быть, у Пушкина былъ и другой расчетъ. Онъ очень боялся, что его начинаніе не осуществится именно въ силу энергичнаго противодѣйствія «монополистовъ». Переманивъ на свою сторону одного изъ монополистовъ, Пушкинъ могъ надѣяться ослабить это противодѣйствіе и, быть можетъ, подорвать совсѣмъ болгаринскія изданія».

По рассказамъ Греча, Пушкинъ желалъ, чтобы Гречъ порвалъ съ Булгаринымъ. Но онъ, однако, видѣлъ, что осуществить это Гречу трудно, что и сказалъ ему ¹⁾. Пушкинъ отлично зналъ, что его предпріятіе не можетъ приносить такихъ выгодъ, чтобы можно было предложить Гречу то вознагражденіе, которое онъ имѣлъ отъ общества съ Булгаринымъ. Слѣдовательно, едва-ли могла быть у Пушкина мысль о полномъ переманиваніи Греча, расчетливость котораго ему была хорошо извѣстна. А одновременное сотрудничество Греча въ изданіяхъ Пушкина и Булгарина ставило бы поэта въ довольно странное положеніе. Стремясь издавать періодическій журналъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду противодѣйствіе Булгарину: объ этомъ, какъ мы видѣли, поэтъ говоритъ даже въ своей запискѣ, поданной Бенкендорфу. Пушкинъ не могъ не понимать, что участіе Греча одновременно въ его изданіи и изданіи Булгарина создало бы въ данномъ случаѣ нелѣпое положеніе. Возможно, что Пушкинъ принималъ это совмѣстительство лишь на первое время, надѣясь, что изданіе пойдетъ такъ хорошо, что явится возможность предложить высокое вознагражденіе Гречу и переманить его совсѣмъ. Но какъ бы то ни было—принималъ ли Пушкинъ одновременное участіе Греча въ своемъ изданіи и изданіи Булгарина вообще, или только на время, думая въ послѣдствіи переманить Греча совсѣмъ, съ полнымъ его разрывомъ съ Булгаринымъ, наконецъ, каковы бы ни были побужденія Пушкина—тѣми, что указываетъ Н. К. Пиксановъ, или другими,—поэтъ не могъ не сознавать, что, приглашая Греча, попадаетъ въ странное положеніе. Онъ вступалъ въ союзъ съ соратникомъ Булгарина, съ человекомъ, съ которымъ все время боролся, которому сказалъ

много горькой правды, котораго выставялъ какъ сомнительную въ нравственномъ отношеніи личность. Пушкинъ не могъ не сознавать, что союзъ съ Гречемъ дискредитируетъ въ общественномъ мнѣніи и поэта и его газету.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что исторія переговоровъ съ Гречемъ принадлежитъ къ числу очень странныхъ эпизодовъ біографіи Пушкина.

VIII.

Посмотримъ теперь, какіе мотивы руководили Булгаринымъ, Сенковскимъ и Гречемъ въ ихъ борьбѣ съ Пушкинымъ.

Остановимся нѣсколько на «Воспоминаніяхъ» Булгарина. Они были изданы въ 1846—1849 гг. въ шести томахъ. Своихъ воспоминаній Булгаринъ не окончилъ, не довелъ до эпохи своей литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, объ отношеніяхъ къ нему современнаго общества и литературы онъ не говоритъ и отношеній къ Пушкину не касается. Но Булгаринъ помѣстилъ предисловіе къ первому тому, чрезвычайно характерное для него. Здѣсь Булгаринъ рассказываетъ объ отношеніи къ нему современниковъ и журналистики, указываетъ причины вражды къ нему и касается Пушкина. Вражду въ литературномъ мірѣ Булгаринъ считаетъ неизбежной, по самому характеру литературной дѣятельности. «Невозможно,—говоритъ онъ,—чтобъ не было вражды между людьми, имѣющими притязанія на умъ, на славу, или, по крайней мѣрѣ, на извѣстность и на всѣ сопряженныя съ ними житейскія выгоды, и разумѣется что, кто заграждаетъ намъ путь къ избранной нами цѣли, издали столь блистательной и заманчивой, тотъ врагъ нашъ. А кто же можетъ болѣе заграждать этотъ путь, какъ не журналистъ, непреклонный, неутомимый, отстраняющійся отъ всѣхъ партій, на котораго не дѣйствуютъ ни связи, ни свѣтскія отношенія, ни даже собственныя его выгоды». Итакъ, причина вражды къ Булгарину крылась въ его безпристрастіи и искренности! Что касается ближайшихъ поводовъ, то Булгаринъ видитъ ихъ въ слѣдующемъ: «Критика на Исторію Государства Россійскаго, сочиненія знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылки на Сѣверный Архивъ въ примѣчанія къ своей Исторіи; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ,

¹⁾ Гречъ. «Записки», стр. 437.

гнѣзятся мелкія насѣкомыя, питающіеся его славою и они подняли пискъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшего очищать вѣковой кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талантъ В. А. Жуковского, въ Литературныхъ Листкахъ и въ родившейся отъ нихъ Сѣверной Пчелѣ говорено было смѣло и откровенно о ихъ произведеніяхъ, съ указаніемъ на слабое для возвышенія превосходнаго и это былъ уже послѣдній ударъ, coup de grâce. Зашумѣли и загудѣли журналы, завопила золотая посредственность и пошла потѣха... Далѣе Булгаринъ говорить о томъ, что критика относилась къ нему при страстно, была бездоказательна и не имѣла никакого вліянія на его литературную славу, на распространеніе сочиненій; «литературная вражда не пробила стрѣлами критики моего литературнаго панцыря». Булгаринъ увѣряетъ, что нападки критики не производили на него сильнаго впечатлѣнія, не раздражали. Онъ говоритъ: «Вы думаете, что я гнѣвался или гнѣваюсь на журналы за эти поступки со мною? Увѣряю честью—нѣтъ. Все это меня нисколько не трогаетъ и стоитъ взглянуть на меня, чтобы увѣриться, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное отправленіе, и что я не высохъ съ горя. Вы думаете, что я питаю въ сердцѣ моемъ ненависть или злобу къ моимъ врагамъ. Ей Богу, нѣтъ! Какъ можно въ сердцѣ хранить гнусныя страсти, отравляющія все существованіе. Посердишься и забудешь...» Затѣмъ Булгаринъ горячо протестуетъ противъ увѣреній враговъ, что онъ хвасталъ дружбою съ извѣстными писателями, съ Грибоедовымъ въ особенности: «Я никогда не хвасталъ ничьею дружбою и никакими связями, никогда этимъ не гордился и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ни чьихъ пороговъ и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ».

Какъ всѣ эти объясненія благороднаго Оадея Венедиктовича похожи на правду! Неблагодарные современники были, однакоже, того мнѣнія, что всѣ нападки Булгарина, въ томъ числѣ и нападки на Пушкина, вызваны личными мотивами. Это нужно сказать не только о лицахъ, близко стоявшихъ къ журнальному міру, но и о людяхъ, далекихъ отъ него. Такъ, П. А. Каратыгинъ въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 8 мая 1830 г. прямо указываетъ,

что нападки Булгарина на Пушкина вызваны отзывомъ о «Дмитріи Самозванцѣ», приписанномъ Булгаринымъ поэту ¹⁾.

Совершенно несомнѣнно, что въ своей враждѣ къ Пушкину Булгаринъ руководствовался исключительно личными мотивами ²⁾. Мы видѣли, что сначала Булгаринъ расточаетъ лесть и похвалу Пушкину, имѣя въ виду привлечь его къ дѣятельному участию въ «Сѣверной Пчелѣ», что, конечно, сильно повысило бы доходы Булгарина. Но вмѣсто этого Булгаринъ сначала увидѣлъ Пушкина во главѣ враждебной ему «Литературной Газеты», а затѣмъ въ постоянной заботѣ о созданіи органа въ противовѣсъ «Сѣверной Пчелѣ». И Булгаринъ сразу же перешелъ отъ лести къ ожесточенному нападенію. Затѣмъ, нападенія и вражда Пушкина роняли окончательно и безъ того достаточно презираемаго Булгарина. На него нападали и раньше, но никто еще не велъ такой систематической войны, какую повелъ Пушкинъ, его удары были убійственны, били по самымъ больнымъ мѣстамъ. Булгаринъ былъ высокаго о себѣ мнѣнія, и самолюбивъ до болѣзненности. И нападенія Пушкина приводили его въ настоящее озлобленіе. «Въ самой основѣ его характера,—говоритъ Гречъ,—лежало что то дикое и звѣрское. Иногда вдругъ онъ ни съ того, ни съ сего, или по самому ничтожному поводу, впадалъ въ какое то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства» ³⁾.

Особенно, понятно, озлобляли Булгарина множество колкихъ и злыхъ эпиграммъ, напечатанныхъ и ходившихъ по рукамъ, болшинство которыхъ приписывалось Пушкину. Это отмѣтилъ еще Бѣлинскій, который въ 1840 г. въ «Отечест. Запискахъ» (№ 4, Репертуаръ русскаго театра) писалъ объ эпиграммахъ на Булгарина: «Пушкинъ былъ такой мастеръ писать ихъ, что и чужія хорошія эпиграммы приписывались ему... Что ни печаталось превосходнаго въ этомъ родѣ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига, если не было под-

¹⁾ «Библиограф. Записки», 1861, стр. 600 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 460.

²⁾ На личный характеръ вообще всѣхъ нападокъ Булгарина правильно указалъ Весинъ — «Очерки исторіи русской журналистики 20 и 30 гг.», СПб. 1880, стр. 103.

³⁾ «Записки», 448.

писано имени автора, всегда приписывалось Пушкину»¹⁾).

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 242—243.

Убѣжденіе, что многія эпиграммы на Булгарина принадлежатъ Пушкину перешло отъ современниковъ къ издателямъ Пушкина, которые включили въ свои изданія не принадлежащія Пушкину и приписали ему эпиграммы другихъ лицъ. Это слѣдуетъ сказать даже о послѣднихъ и лучшихъ изданіяхъ Пушкина, а также объ изслѣдованіяхъ и книгахъ о Пушкинѣ. Какъ безусловно принадлежащія Пушкину указываются слѣдующія эпиграммы: 1) «*Не то бѣда, что ты полякъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 122 и 482—483; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 2) «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122 и 484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 3) «*Ты цѣлый свѣтъ утѣрять хочешь*». (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122, 483—484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 318) и 4) послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сепковского — «*Коль ты къ Смирдину войдешь*». (В. А. Соллогубъ. Воспоминанія. М. 1866, стр. 46; Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб. 1910, стр. 374; Н. И. Панаевъ — «Литературныя воспоминанія», 3-е изд. СПб. 1888, стр. 40—41 приписываетъ Пушкину всю эпиграмму).

Приписываются Пушкину: 5) «*Филларинъ — вотъ полякъ примѣрный*» (Чириковъ указываетъ, что вся эпиграмма приписывается П. А. Вяземскому или Е. А. Баратынскому, но послѣднія четыре строчки «песомѣвно» Пушкина («Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина» — «Русскій Архивъ» 1881, I, 175); С. А. Венгеровъ (Сочин. Бѣлинскаго т. II, стр. 583) говоритъ, что эта эпиграмма написана «вѣроятно Пушкинымъ и Баратынскимъ»; П. О. Морозовъ говоритъ, что эта эпиграмма «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина» и что «существовать мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе 4 стиха, остальное же написано Баратынскимъ» (Сочиненія Пушкина. т. II, стр. 484—485); Ефремовъ замѣчаетъ, что эпиграмма эта «приписывалась» Пушкину (т. VIII, стр. 318); 6) «*Не вѣрю чести игрока*» (Морозовъ говоритъ, что она «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина» (т. II, 484); Ефремовъ же, что «приписывалась» (т. VIII, стр. 318); 7) «*Оаддей роди Ивана*» (Морозовъ говоритъ, что ее «лишь приписывали Пушкину» (т. VI, стр. 602), Ефремовъ, что ее «приписывали Пушкину» (т. VII, стр. 401); 8) «*Всѣ говорятъ оъ Вальтеръ Скоттъ*» (Ефремовъ указываетъ, что ее «приписывали» Пушкину, т. VIII, стр. 401) и 9) измѣненіе послѣдняго стиха въ эпиграммѣ Баратынскаго — «*Постыте мнѣ — Филларинъ моралистъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Ефремова, изд. 1905, т. VIII, стр. 318—319).

Изъ всѣхъ этихъ эпиграммъ Пушкину вѣдъ сомнѣнія принадлежатъ лишь двѣ — «*Не то бѣда, что ты полякъ*» (см. Переписку Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 148; «Русск. Архивъ», 1880, II, 507; Остафьевскій архивъ, III, 193) и «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (В. На-

Постоянно выпрашивавшій подачки, Булгаринъ въ апрѣлѣ 1845 г. просилъ выдать ему 25.000 р. ссуды на изданіе Истории царствованія Николая I. Государь отказалъ, по вѣрному замѣчанію М. К. Лемке, понимая, что «исторію свою нельзя поручать челоѣку, имя котораго является притчею во языцѣхъ»¹⁾. Булгаринъ чувствовалъ себя жестоко обиженнымъ и 23 апрѣля писалъ по этому поводу письмо Дубельту, говоря, между прочимъ: «Если сочинителю «Гаврилиады», «Оды на вольность», и «Кинжала» оказано столько благодѣяній и милостей, если банкротъ Смирдину дано взаймы 35.000 р. серебромъ подъ залогъ хлама, т. е. не продающихся книгъ, если Полевому, которому самъ Государь запретилъ журналъ, дана пенсія и проч. и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ вѣрный залогъ имѣнія». Эти слова даютъ намъ еще мотивъ вражды Булгарина къ Пушкину. Булгаринъ, видя, что поэту оказываютъ неоднократно денежную поддержку, хотя и самъ получалъ постоянно богатыя подачки, все-таки при своей алчности считалъ несправедливо себя обойденнымъ, какъ челоѣка, который всегда послушно курилъ фиміамъ Николаю I и его политикѣ.

уменко. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина, — «Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410 приводитъ свидѣтельство М. А. Максимовича, издателя «Денницы», находившееся въ его бумагахъ; «Пушкинъ и его современники», IV, 13) и послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сепковского Дѣйствительно, также Пушкину принадлежитъ измѣненіе послѣдней строчки въ эпиграммѣ Баратынскаго — «*Постыте мнѣ — Филларинъ моралистъ*». Въмѣсто «А можетъ быть и ново для него» Пушкинъ передѣлалъ: «А кажется и ново для него» (Это свидѣтельство въ сохранившихся послѣ него рукописяхъ М. А. Максимовичъ, издатель альманаха «Денница», гдѣ эпиграмма была напечатана — см. В. Науменко. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина — «Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410). Эпиграмма «*Ты цѣлый свѣтъ утѣрять хочешь*», помѣщенная по ошибкѣ и на страницахъ настоящаго изданія (т. III, стр. 83), какъ Пушкинская, ему не принадлежитъ, а написана кн. П. А. Вяземскимъ (Переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 115, Н. О. Лернеръ. «Замѣтки о Пушкинѣ» — «Русская Старина», кн. I, стр. 115—116 и его же Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПб. 1910, стр. 220 и 461). Вяземскому же принадлежитъ эпиграмма «*Филларинъ, вотъ полякъ примѣрный*» (Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу, сообщилъ К. Я. Гротъ, — «Извѣстія Отд. русскаго яз. и словесн. Академіи Наукъ», 1897, II, кн. I и отд. СПб. 1897; «Старина и Новизна», кн. VIII, М. 1904, стр. 38).

¹⁾ М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, стр. 299.

Тотъ личный характеръ, который являлся основой вражды Булгарина къ Пушкину, былъ и въ нападкахъ на поэта Сенковского.

Какъ мы видѣли, Сенковский шелъ навстрѣчу Пушкину, заискивалъ передъ нимъ, имѣя въ виду, что участіе Пушкина будетъ способствовать успѣху «Библіотеки для Чтенія», но когда Пушкинъ создалъ свой журналъ, опасный въ смыслѣ конкуренціи «Библіотекъ для Чтенія», Сенковский всталъ въ боевую позицію.

Что касается Греча, то той сильной вражды къ Пушкину, которую питали Булгаринъ и Сенковский, Гречъ къ поэту не чувствовалъ. Въ своихъ «Запискахъ» онъ очень мало говоритъ о Пушкинѣ и своихъ отношеній къ нему, но все-таки отмѣчаетъ, что вражды къ поэту онъ не питалъ. И дѣйствительно, если Гречъ и воевалъ съ Пушкинымъ, то не столько по личной злобѣ, сколько потому, что нападки поэта грозили опасностью триумvirату и, слѣдовательно, его личному матеріальному благосостоянію. Отношенія Греча къ Пушкину были всецѣло обусловлены личными соображеніями о житейской выгодѣ.

Такимъ образомъ, борьба триумvirата съ Пушкинымъ была обусловлена личнымъ чувствомъ, матеріальной выгодой, сохраненіемъ своего житейскаго благополучія—и только. И въ этомъ коренное отличіе борьбы триумvirата отъ борьбы, которую велъ съ нимъ Пушкинъ. Борьба поэта, не безъ личныхъ мотивовъ, правда, почти идейная, а борьба триумvirата была лишена всякой принципиальной подкладки.

IX.

Съ чисто-литературной стороны критическія статьи «Сѣверной Пчелы» о Пушкинѣ поражаютъ своимъ убожествомъ. Въ замѣткахъ 1830—1831 гг. поэтъ такъ говоритъ о своихъ критикахъ. «Критики наши говорятъ: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно»¹⁾. Эти слова очень хорошо характеризуютъ примитивность отзывовъ «Сѣверной Пчелы» о творчествѣ Пушкина. Это даже не критика: обыкновенно по существу почти ничего не говорилось, а высказывалась похвала или порицаніе въ самыхъ общихъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Исключенія очень

рѣдки. Полемическія же статьи поражаютъ своею развязностью и низкимъ пошибомъ, наполнены инсинуаціями, плоскими выпадами, дѣльнымъ потокомъ грязи.

На много выше критическія статьи «Сына Отечества», особенно въ концѣ 30-хъ годовъ. Нападки сосредоточивались въ «Сѣверной Пчелѣ», Гречъ оберегалъ «Сына Отечества» отъ рѣзкостей и старался придавать журналу серьезный характеръ.

Значительно отличались отъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» и статьи «Библіотеки для Чтенія». Въ нихъ не было уличнаго тона «Сѣверной Пчелы», нападки Сенковского отличались свойственной ему злой ироніей и двусмысленностью.

Пушкинскія полемическія статьи Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина»¹⁾ оцѣнилъ довольно низко, заявивъ, что «для чести его пера, а особенно для чести его разсудка—лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности». Въ своемъ изданіи Анненковъ помѣстилъ только нѣсколько полемическихъ статей Пушкина. Но въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ 1857 г., Анненковъ помѣстилъ еще нѣсколько статей и давалъ уже иную оцѣнку, заявивъ, что въ нихъ «заключено много дѣльныхъ и замѣчательныхъ мыслей»²⁾. Повидимому, Анненковъ первоначально опасался николаевской цензуры: статьи Пушкина не потеряли еще тогда своей остроты современности, но при выходѣ седьмого тома въ 1857 году Николаевскій режимъ былъ похороненъ и Анненковъ высказалъ свой настоящій взглядъ на полемическія статьи поэта. Очень высоко ставитъ ихъ Сухомлиновъ, называя «украшеніемъ тогдашней журналистики»³⁾.

Нельзя, однако, сказать, чтобы полемическія статьи Пушкина были оцѣнены и теперь достоуважно и всесторонне. Въ нихъ столько жизни и силы, что, несомнѣнно, ихъ нужно признать однимъ изъ лучшихъ достояній пера Пушкина. Въ нихъ часто искрится вся полнота Пушкинскаго остроумія. Но въ то же время въ нихъ ужъ слишкомъ ярко выступаетъ и личный характеръ, личное раздраженіе, доходящее до высшихъ предѣловъ. Это затуманиваетъ чисто идейную сторону нападенія, которая безусловно играла видную роль въ походѣ Пушкина противъ триумvirата.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 252.

²⁾ Т. VII, 2 пагинація, 67—68.

³⁾ «Исслѣдованія и статьи», т. II, стр. 250.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 268.

Въ статьяхъ о Пушкинѣ можно часто встрѣтить высокую оцѣнку эпиграммы его на Булгарина, указаніе на то, что онѣ наносили смертельные удары Булгарину. По этому поводу надо замѣтить слѣдующее. Въ настоящее время, какъ мы указали, нужно отбросить огульное приписываніе Пушкину чуть ли не всѣхъ современныхъ ему эпиграммъ на Булгарина; Пушкину принадлежатъ вполнѣ, въ цѣломъ только двѣ. И сравнивая ихъ съ другими современными эпиграммами на Булгарина, изъ которыхъ особенно обратили на себя вниманіе эпиграммы Елагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамск. Журн.», 1825, № 26); Вяземскаго—«Фигляринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV), Баратынскаго—«Онъ вамъ знакомъ» («Литерат. Газета», 1830, № 32, 5 июня), Вяземскаго—«Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь» («Литер. Газета», 1830, № 53, 18 сентября), Вяземскаго—«Фигляринъ вотъ полякъ примѣрный» (1830), Баратынскаго—«Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ» («Деница», Альманахъ на 1831 г. изд. Максимовича), нужно сказать, что нѣкоторые изъ этихъ эпиграммъ болѣе мѣткі, Булгаринъ высмѣявъ въ нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Пушкинскихъ. Главное значеніе нужно признать за статьями Пушкина о Булгаринѣ, но не за эпиграммами на него.

Отмѣтимъ одну интересную сторону полемики. «Литературная Газета» во главѣ съ Пушкинымъ часто обвиняла Булгарина въ томъ, что онъ переходитъ всегда на личную почву, касается не столько писателя, сколько человека, высказывалась противъ рѣзкой полемики. Въ 1830 г. въ № 23 «Литературной Газеты» 21 апрѣля, напримѣръ, категорически заявлено: «Мы не одобряемъ личностей и непристойныхъ выходокъ, хотя бы предметами оныхъ были и люди, коихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчій съ нашими». Н. О. Лернеръ предполагаетъ, что эта статья написана Вяземскимъ или Пушкинымъ¹⁾. Оба они не разъ выступили съ протестами противъ личнаго характера полемики.

Но если критика «Сѣверной Пчелы», дѣйствительно, всегда носила личный харак-

теръ, то нужно отмѣтить, что и въ статьяхъ «Литературной Газеты» и Пушкина мишенью былъ часто Булгаринъ не какъ писатель, а именно какъ личность.

Обратимъ вниманіе на то, что Булгаринъ постоянно указывалъ, что критика его сочиненій бездоказательна, не разсматриваетъ по существу, а ограничивается не обоснованными нападками¹⁾, а самъ именно такъ и поступалъ, когда писалъ свои критическія статьи. То же самое нужно сказать, однакоже, и о Пушкинѣ въ отношеніи его къ Булгарину. Поэтъ отмѣчалъ бездоказательность критики, что она не разбираетъ по существу, а самъ въ отношеніи Булгарина поступалъ такъ же: не разбиралъ по существу, а остроумно и вѣдко высмѣивалъ. Конечно, смѣшно думать, что Пушкинъ не былъ въ состояніи критиковать по существу писанія Булгарина; не хотимъ мы также сказать, что оцѣнки Пушкина были не вѣрны, а лишь отмѣчаемъ характеръ Пушкинскихъ критическихъ замѣчаній о сочиненіяхъ Булгарина. Этихъ замѣчаній Пушкинъ сдѣлалъ немного, обращая болѣе вниманія на Булгарина, какъ на личность, публициста и журналиста, чѣмъ какъ на беллетриста. Быть можетъ, Пушкинъ просто не находилъ нужнымъ обращать много вниманія на Булгарина, какъ на беллетриста, а лишь считалъ необходимымъ бороться съ его болѣе вредной публицистической и критической дѣятельностью.

Х.

Имѣла ли борьба Пушкина съ триумвиратомъ какое-либо общее значеніе, или просто является интересной страничкой изъ біографіи поэта, съ одной стороны, и

¹⁾ Напримѣръ, о статьѣ «Литературной Газеты» (1830 г., № 46 и 14 августа и № 47, 19 августа), дающей общую оцѣнку сочиненій Булгарина, «Сѣверная Пчела» (№ 101, 23 августа) въ статьѣ «Одиннадцатое письмо съ Каменнаго острова въ Карлово» говорить: «Вся критика состоитъ изъ общихъ мѣстъ, натяжекъ и придиорокъ. Тщетно будешь искать доказательствъ, доводовъ, ссылокъ, выписокъ изъ книги критикуемой. Теорія сей статьи заключается въ дипломатическомъ приговорѣ: «*Car tel est notre bon plaisir*», а практика изъ вариации на тему: мы не любимъ Булгарина, слѣдственно онъ пишетъ дурно». Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Булгаринъ пишетъ: «Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательство, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно»... (т. I).

¹⁾ «Новооткрытыя страницы Пушкина» — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. СПб. 1909, стр. 14—15.

изъ исторіи журналистики, съ другой? Излишне говорить о томъ общественномъ вредѣ, который приносилъ триумвиратъ, особенно «Сѣверная Пчела» съ ея возмутительною фальсификаціей общественнаго мнѣнія. Она была достойнымъ порожденіемъ николаевского времени. Въ силу сложившихся условий, монополіи, влияние этой продажной газеты на общественное сознание было громадное. Всѣхъ лучшихъ представителей общества, всѣхъ честныхъ людей безъ различія политическихъ воззрѣній «Сѣверная Пчела» возмущала безгранично и съ нею и вообще съ триумвиратомъ боролись, насколько это позволяли историческія условія ¹⁾. И въ этой борьбѣ видное мѣсто занялъ Пушкинъ, въ немъ особенно было сильно сознание необходимости создать прочную оппозицію отвратительной рептиліи. Журнальной борьбѣ Пушкинъ придавалъ большое общественное значеніе, видѣлъ въ ней залогъ развитія общественнаго мнѣнія. «Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подають они поводъ,—говоритъ поэтъ,—суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics),—къ одному изъ главнѣйшихъ условий высокообразованныхъ обществъ» ²⁾. Это замѣчаніе очень дѣбно, оно показываетъ, что Пушкинъ прекрасно сознавалъ общественное значеніе своей борьбы съ Булгаринымъ. Эта упорная борьба Пушкина съ триумвиратомъ заслуживаетъ поэтому большого вниманія, его журнальная дѣятельность обпаруживаетъ, какъ чутокъ былъ Пушкинъ къ общественнымъ интересамъ, какъ сильно

было въ немъ стремленіе къ общественной дѣятельности. На журналъ Пушкинъ смотрѣлъ, какъ на общественную каведру.

Что касается успѣха своей борьбы, то Пушкинъ склоненъ былъ его переоцѣнивать. Въ статьѣ 1831 г. «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», спустя короткое время, какъ прекратилась «Литературная Газета», Пушкинъ писалъ: «кажется «Литературная Газета», совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе литературной славы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ». Въ дѣйствительности «Литературная Газета», сдѣлавъ многое для дискредитированія Булгарина, все-таки его не подорвала, а сама пала въ борьбѣ. Въ первой половинѣ сентября 1832 года, получивъ еще предварительное разрѣшеніе на изданіе газеты, поэтъ писалъ Погодину: «Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣлъ» (переп. т. II, стр. 388). Но это опять таки—не такъ. Завѣтной мечтѣ Пушкина побѣдить Булгарина, уничтожить «Сѣверную Пчелу» не суждено было осуществиться. Не удалось Пушкину также создать журналъ въ противовѣсъ триумвирату. Когда Пушкину, наконецъ, удалось воплотить свою всегдашнюю мысль о журналѣ, когда ему открывалось поле широкой журнальной работы—и сталъ выходить «Современникъ», ему, однако, не удалось убить триумвиратъ. Журналъ не заинтересовалъ публику.

Но огромное, оздоровляющее значеніе имѣло все-таки то, что Пушкинъ выступилъ такимъ энергичнымъ борцомъ противъ отвратительнаго явленія русской жизни. Бѣлинскій докончилъ дѣло Пушкина, его стараніями изданіе триумвирата были убиты окончательно въ умахъ лучшей части общества и ихъ ядъ пересталъ отравлять общество.

А. Г. Фоминовъ.

¹⁾ Монополія «Сѣверной Пчелы» особенно возмущала близкаго друга поэта П. А. Вяземскаго. См., напримѣръ, его письмо къ П. П. Дмитріеву отъ 13 апрѣля 1832 г.—«Русскій Архивъ», 1868, стр. 616.

²⁾ Сочиненія Пушкина подъ ред. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 278.

Письма Пушкина ¹⁾.

1.

И. И. Мартынову.

28-го ноября 1815 г. Царское Село.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на прибѣздъ Государя Императора; исполняю ваше повелѣніе.—Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичъ благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведеніе неопытнаго Стихотворца.

Надѣясь на крайнее Ваше снисхожденіе, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1815 года

28 ноября

Царское Село.

2.

Князю П. А. Вяземскому.

27 марта 1816. [Царское Село].

Князь Петръ Андрѣевичъ,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шанеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть; ужъ не пѣняйте если письмо мое заставитъ зѣвать ваше пѣническое сіятельство; сами виноваты; зачѣмъ дразнить было нещастнаго Царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной Демоноу бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покаместъ храмой Софійской почтальонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ—Подумайте

¹⁾ Письма Пушкина, находящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, Публичной Библиотекѣ и Академіи Наукъ, за нѣсколькими исключеніями, (см. въ исторіи текста) проверены мною по подлинникамъ. Отличія моего чтенія отъ чтенія другихъ издателей будутъ указаны въ примѣчаніяхъ.

Письма, находящіяся въ частныхъ рукахъ (главнымъ образомъ у гр. С. Д. Шереметева), воспроизведены здѣсь по превосходному академическому изданію переписки Пушкина, подъ редакціей В. И. Сантова. Пользуюсь случаемъ выразить искреннѣйшую благодарность В. И. Сантову за любезное сообщеніе еще неизданныхъ имъ библиографическихъ указаній къ Пушкинской перепискѣ. Эти указанія значительно облегчили розыски подлинниковъ. С. В.

хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно—но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей <или Ликей, только ради Бога, не лицей> не казался мнѣ такъ несноснымъ какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеніи,
Кто видитъ только въ отдаленіи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ,
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,
И надъ Славенскими глупцами
Смѣется рускими стихами,
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижинки не покидаетъ — — —
И не во снѣ а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но дѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. дѣлой годъ еще дремать передъ каведрой!.. это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ преславутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенія. Безбожно молодова чело-вѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ

И жребій съ жребіемъ не схожъ—

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные <а иногда и очень скучные> часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это во все незабавно—Любезный Арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями—и общаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайнѣй мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея—

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ (на) Ш.—Обнимите Батюшкова за того большаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго пѣвчаника. Valeas. Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

3.

В. Л. Пушкину.

{Первая половина января 1817. Царское Село}.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ,
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ римоу Бакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ падѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣннѣйшаго изъ Поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами:
Совсѣмъ не правъ пустынный-римоноулетъ;
Онъ въ лѣнноти сравнится лишь съ Богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: общительныя и извинительныя: первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ напѣхъ воспѣвать,
И съ гнѣвной Музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба лзыкамъ,
И лобъ угрюмый Шутоскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать—
Скажите искренно—уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ люблю мое сердце, и которые любите еще меня...

Шолье Андреевичъ конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любить онъ безпечно
И пить, и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

4.

В. А. Жуковскому.

{Лѣто 1817 г. Царское Село}.

Штабсъ-капитану, Гете, Гредю,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
По сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

5.

Князю П. А. Вяземскому.

{1-го сентября 1817.} [Петербургъ].

Любезный Князь,

Если увидите вы Ломоносова то напомните ему письмо которое долженъ былъ опъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ Псковскомъ моемъ уединеніи. Я очень недавно приѣхалъ въ Петербургъ, и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго; не знаю сбудется-ли мое желаніе; покамѣстъ съ терпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ, и прошу у тебя твоего благословенія.

Пушкинъ.

1 Sept.
1817.

Адресъ: Ихъ Высокопреосвященствамъ Василію Львовичу Вотъ и Петру Андрѣевичу Асмодію. Въ Москвѣ.

6.

В. А. Жуковскому.

{Юль 1819 г.} [Царское Село].

Раевскій, молодецъ прежній,
А тамъ уже отважный сынъ
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнаскихъ дѣвственницъ Богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій заѣзжали,
Но къ неописанной печали
(Тебѣ) Поэта дома не нашли—
И увѣчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью Борисомъ
Домой уныло побрели—
Какой Святой, какая сводня
Сведеть Жуковского со мной
Скажи—не будешь-ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?—
На всякой случай—ожидаю;
(Скажи къ) Тронися прозвѣбою моею
Тебя зоветъ па чашку чая
Раевскій—слава нашихъ дней!

7.

А. И. Тургеневу.

[9-го июля 1819 г.]. [Петербург]

Очень мнѣ жаль что я не простился съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову; примите его въ вашъ отеческой кармапъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному Гражданину. Къ статѣ о Беллонѣ: когда вы увидѣте бѣлаго Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, восп. Уннѣ. Панс. Кавелинъ притѣвляеъ его за какія-то Теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодова человека вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнихъ классахъ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго, вспомните объ немъ и, какъ Кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ Доктору Теологіи Кавелину, который добивается въ Инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу Камергера Don-Basile забыть меня по крайнѣи мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.

9 Июля,

8.

Н. И. Кривцову.

[Черновое].

[Вторая половина июля—начало августа 1819 г., Михайловское].

Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская Губернія (что изъ этого то пишетъ тебѣ) твой (вѣрный) (откуда наконецъ) и лѣнинецъ котораго ты вѣрно (не забываешь) помнишь (и любишь) который о тебѣ каждый день груститъ на котораго ты (долженъ бы сердиться но не знаю сердиться ли) сердился и (ты) (я виноватъ потому что уже и голосъ и языкъ не) и не люблю писать писемъ—(и языкъ) языкъ и голосъ едва ли достаточны для (выраженія) нашихъ мыслей (и особл. для чувствъ)—а перо (еще глупѣе) такъ глупо (бѣдно), такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора (такъ) какъ бы то ни было я виноватъ—(буде об. зая. но зная зна. зная) зная что мое письмо (на нѣсколько минутъ) можетъ (принести тебѣ нѣск. мин. удовольствія) на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи (и о Гра [и?] бѣ [о?] объ вечерахъ Турген.) о вечерахъ у Т. и Кар. (и не исполнивъ дружескаго долга).

9.

П. Б. Мансурову.

[27-го октября 1819 г. Петербург].

Насилу упрости я Всеволожскаго, чтобы онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкезъ! здоровъ-ли ты, моя радость; весель-ли ты моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ <мужескаго полу>—Мы не забыли тебя въ 7 часовъ съ 1/2—каждый день поминаемъ (тебя) въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ то нашъ Навелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Повгородѣ? завидуетъ намъ—и плачетъ о Кр.... <разумѣется пажнимъ проходомъ>—Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему поднимаются на нее телескопы и ... но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя—Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава богу здорово—Актрисы также—то пьется, а тѣ ..... — аминь, аминь, такъ и должно—У Юрьева ..... , слава богу, здорово—у меня открывается маленькой; и то хорошо—Всеволожскій Н. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру—Толстой боленъ—не скажу чѣмъ—у меня и такъ ужъ много ..... въ моемъ письмѣ—Зеленая Лампа нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь ли ты мой собратъ—напишешь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеніяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, ланочка. А. Пушкинъ.

27 oct.

1819.

На оборотѣ: Павлу Борисовичу Мансурову.

10.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1820 г. Петербург].

Я читалъ моему преобразенскому приятелю—нѣсколько строкъ тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу—и поздравилъ его съ щастливымъ испражненіемъ пировъ Гомеровыхъ—Онъ отвѣчалъ что ..... твое а не его—Желательно чтобы дѣло на этомъ остановилось—онъ кажется боится твоей сатирической палпы; твои первые четыре стиха на щетъ его въ посланіи къ Дмитріеву—прекрасны; остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны—и, дружба въ сторону, Катенинъ стоитъ чего нибудь по лучше и по злѣе. Онъ опоздалъ родиться—и своимъ характеромъ и образомъ мыслей, весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская свѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи—Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала

Европу, по теперь этимъ не удивишь; что ни говори въкъ нашъ не въкъ поэтовъ—жалѣть кажется нечего—а все таки жаль—кругъ поэтовъ дѣлается часть отъ часу тѣснѣе—скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо—и то хорошо—Покаместъ присылай намъ своихъ стиховъ; они пѣвительны и оживительны—Первый сиѣгъ прелестъ; Уныніе—прелестиѣ. Читалъ-ли ты послѣднія произведенія Жуковского въ божѣ почи-вающего? слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта—и что—ты объ немъ думаешь? Петербургъ душевъ для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу—Поэму свою я копчилъ, и только послѣдній т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе—Ты прочтешь отрывки (ся) въ журналахъ—а получишь ее уже напечатанную—она такъ мнѣ надѣла—что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя—Письмо мое скучно—потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался Историческимъ лицомъ для сплетницъ С-тъ Пет. я глупѣю и старѣю не надѣлами а часами—Прости—отвѣчай мнѣ—пожалуйста—я очень радъ что придрался къ перепискѣ. Пушкинъ.

Черновое.

Радуюсь, милый Вяземской, что преображенной мой приятель подалъ мнѣ случай придраться къ перепискѣ. Ты сдѣлалъ остроумную ошибку, NN—темное, тупое и справедливое замѣчанье. Желаю чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Я поздравилъ Катенина отъ твоего имени съ щастливымъ испражненіемъ барельефовъ пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ, что . . . . . твое, а не его; но кажется съ безпокойствомъ ожидаетъ твоей сатирической палитры. Первые твои 4 стиха на Катенина въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны; слѣдующіе, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону, Катенинъ заслуживаетъ что нибудь позлѣе и получше. Онъ опоздалъ родиться—неидеями <(которыхъ у него нѣтъ)> но характеромъ, принадлежить онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мѣлкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни. Мы всѣ по большей части привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на записную прелестницу къ которой заходимъ иногда повратъ и поповѣсничать, безъ всякой душевной привязанности и вообще не уважая опасныхъ ея прелестей. Катенинъ напротивъ того приѣзжаетъ къ ней въ башмакахъ и напудренный и просиживаетъ у нее дѣлую жизнь съ платонической любовью, благоговѣньемъ и важностью. Что ни говори въкъ нашъ не въкъ поэзии, умы не къ ней устремлены; и нынче удвоенныя рѣшмы Вольтера не могли бы произвести прежняго своего дѣйствія—сожалѣть, кажется, не о чемъ, а все таки жаль. Всего приятнѣе—стихами пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради Бога присылай намъ себя почаще. Ты оживляешь однообразіе нашихъ вечеровъ. Первый сиѣгъ—прелестъ, но Уныніе, полное чувства....

11.

Н. И. Гнѣдичу.

[Копецъ апрѣля—начало мая 1820 г. Петербургъ]
Чедаевъ хотѣлъ меня видѣть непременно—и просилъ Отца прислать меня къ нему какъ можно скорѣе. — По щастію—тутъ и все.—Дѣло шло о новыхъ слухахъ—которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство.
Пушкинъ.

На оборотъ: Николаю
Ивановичу
Гнѣдичу.

12.

П. Я. Чаадаеву.

[Май 1820 г.].

Мой милый, я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило-ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы.

13.

П. Я. Чаадаеву.

[1820 г.].

...Le seul homme que j'aie vu, qui est heureux
à force de vanité...

14.

Л. С. Пушкину.

Кшшенсвъ 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начиная съ лицъ Меды. Приѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, побѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынь его <ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя>, сынь его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказкимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, сбѣждалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливый путь—Я легъ въ каляску больной; черезъ недѣлю выѣхался. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень пужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрный горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти дѣлѣбные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не выдалъ великолѣпную дѣнь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которые издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и

недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острѣйшій верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ (своихъ) отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часть отъ часу безопаснѣе, многочисленныя копои излѣплены. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіею нами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградой въ будущихъ войнахъ,—и можетъ быть, сбудется для насъ химерическая планъ Наполеона въ разрушеніи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верховомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ пародовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны; но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія (объ) на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ прибѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думаю я—на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубо высѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человеческихъ. Гробъ ли это, древнее-ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему недостаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи прибѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь опъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводить садъ па берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія сведения о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещенной. Отъ сюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Греку безъ подписи. Корабль плылъ перелѣзъ горами, покрытыми тополами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливіишія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ

простой, прекрасной душою; списходительнаго, почетительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжется къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображенію: горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда (естъ)—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь-ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайней мѣрѣ пиши ко мнѣ.—Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзію—доброй, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но (не) влюбиться въ нее—безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... Русскимъ безвѣстную!.. я также. Прости, мой другъ! Обнимаю тебя! Увѣдомъ меня объ нашихъ: все-ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельб. и Дельв. Видишь-ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братѣи.

Пушкинъ.

15.

Н. И. Гнѣдичу.

[4-го декабря 1820 г. Село Каменка].

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму въ Молдавіи и теперь нахожусь въ Кіевской Губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ Генерала Раевского. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разбѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя.—Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ немного стиховъ.—Вы повѣрите легко, что предаанный мгновенно, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ.—Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствѣмъ, я не получилъ—но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №-ра Сына доходили до меня.—Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, котораго читали вы мнѣ въ нашемъ Эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать
я мнилъ, и проч.;

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца—но не примирили меня съ критиками, которые нашель я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ краснѣй, несчастной? <что между прочимъ очень неучтиво>, говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого пѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовые тройки, да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣиємъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допрощикъ умнѣе, а тотъ кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему <благодарность и самолюбіе въ сторону>, умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что Русланъ напечатанный для приятнаго провожденія скучнаго времени продается съ превосходною картинкою,—кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покажѣте у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4 декабря
1820.

Гдѣ Жуковскій, уѣхалъ-ли онъ съ Ея В. Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа—журнала его не видалъ; пишемъ также.

Мой адресъ: Въ Кишинеѣ—Его Пр. Ивану Никитичу Иззову.

16.

А. Н. Раевскому.

[Черновое].

[Мартъ 1821 г. Кишиневъ].

Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ (нашего края. Онѣ) которыя будутъ имѣть (важныя) послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы (—особенно для Россіи).—

Греція (взбунтавалась) возстала и провозгласила свою свободу. (Нѣкто) Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскѣ покойнаго Князя Ипсиланти, въ началѣ февраля ныняшняго года вышелъ изъ Бухареста съ (съ толпой, съ нѣсколькими) малымъ числомъ вооруженныхъ Арнаутовъ и объявилъ (въ) что (угнѣаемые) Греки (рѣшились) не въ силахъ болѣе выносить (несправедливости) (угнѣ.) притѣсненій и грабительства Турецкихъ (Правительства) начальниковъ, что они рѣшились освободиться отъ (несноснаго ига ихъ) ига незаконнаго, что намѣрены платить (исполнять) только подати, палоченныя правительствомъ—Сія прокламація встрѣвожила всю Молдавію. (К. Судо) К. Судо (въ знакъ) и...¹⁾ консулъ... хотѣли удержать [распростран]еніе бунта. Пандуры и Арнауты отовсюду бѣжали

къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февр. Генералъ Князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ Кня. Георг. Канта. прибылъ въ Яссы изъ Кишенева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ (принять) встрѣченъ 3 стами Арнаутовъ, Кн. Су. и Р. К., и тотчасъ (объявилъ себя) принялъ начальство Города. Тамъ издалъ онъ прокламацію (С...ы къ нему ливились) которыя быстро разлилися повсюду (онъ)—въ нихъ сказано, что (часть воз.) фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что Великая Держава одобряетъ (сія) подвигъ великодушный (что Россійское) (Восторгъ. Три знамя) Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ (на) изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ разбивается крѣсть, обвитый лаврами, съ текстомъ: *симъ знаменемъ побѣдиши*; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ.—Я (читалъ) видѣлъ письмо одного ипсургента. Съ (восторгомъ) жаромъ описываетъ онъ обрядъ освѣщенія знаменъ и меча князя Ипсиланти—восторгъ Духовенства и Народа (и)—прекрасныя минуты Надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно—Семеро Турковъ были приведены къ Ипсиланти—и тотчасъ казнены (странное дѣйствіе) странная новость со стороны Европейскаго Генерала (съ которымъ за нѣсколько дней, что) Турки, въ числѣ 100 человекъ, были перерѣзаны, тридцать Грековъ тоже убиты. Извѣстіе о (семъ) возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уж... но еще ихъ нѣтъ—Трое бѣжавшихъ Грековъ находятся (теперь) со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ—Они уничтожили многіе ложные слухи—Старецъ Али принялъ Христіанскую Вѣру и окрещенъ имѣнемъ Константина—Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ Суліотами—Уничтоженъ Турецкимъ войскомъ.

Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; (Грековъ) всѣ мысли устремлены къ одному (цѣли) предмету—на независимость древняго Отечества—Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы Грековъ; всѣ (покупали) продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Оемистоклѣ, всѣ шли въ войско щастливца Ипсиланти (Всѣ) Жизнь, имѣнія Грековъ въ его (въ рукахъ) разпоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона—Одинъ Паули далъ 600 т. піас, съ тѣмъ чтобъ ему ихъ возратить по возстановленіи Греціи. 10000 Грековъ записалось въ войско (Мой другъ, все это прекрасно) Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ (принялъ) называется Главнокомандующимъ сѣверныхъ Греч. Войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. (Для точнаго понятія сего тому) Должно знать, что уже тридцать лѣтъ со-составилось и разпространилось тайное общество коего цѣлью было освобожденіе Греціи. .... раздѣлены на три ... ени. Низшую степенъ (были военные) составляла военная ... вторую—... дапе: члены ... ей степені (могли) имѣли право каждый прискаать себѣ товарищей но не войновъ, которыхъ избирала только 3 высшая степенъ. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная Вѣра, отдѣльный Языкъ, независи-

¹⁾ Прожжено, какъ и далѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлено многоточіе.

мость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. (Всѣ Греки, всѣ) (Не было одного Монаха) Всѣ кушцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ (семѣ) обществѣ, которое нынѣ (оно) торжествуетъ и коего.... Вотъ въ (какомъ) положеніи находятся тебѣ подробный (короткій) отчетъ послѣднихъ (нашихъ) происшествій нашего края; кинемъ пророческой взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу (возобновленной) Греціи.

Странная картина! Два (сосѣднихъ великихъ) великихъ народа давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ изъ праха (отъ долгаго усыпленія) и возобновленные являються на политическомъ поприщѣ (Европы) міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ щастливо началъ—28 лѣтъ (заслуженное) оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый иль побѣдитель онъ принадлежитъ истории—Завидная участь!—Кивжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ—Паша несовершенство будетъ Клодовика.... иміра и вліяніе молодого мстителя Греціи его (подозрительно)—(Покаместъ, межъ нами) вступить. Признаюсь, я бы посоветовалъ К. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ (будутъ) достаточнымъ оправданіемъ (сего) оправдаютъ политическое убійство (ударъ).

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія; займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай (защитниками) союзниками Грековъ и врагами ихъ враговъ? (Во всякомъ случаѣ буду очевидный свидѣтель первыхъ) Во всякомъ случаѣ (на всякое важное) буду увѣдомлять.

17.

Барону А. А. Дельвигу.

[23-го марта 1821. Кишиневъ.]

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувшіе годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, чтѣ ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музѣ бесплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.

Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лпръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ.....

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно—то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ, вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.—О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желая ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не беспокоюсь: въ томъ нуждаться не будетъ; о празднословіи молчу—далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ, объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же, талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой гений на серебряные четвертаки—Напиши поэму славою, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха—Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая—твой истинный удѣлъ. Умертви въ себѣ вѣтхаго челоуѣка,—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму—Кавказскій Пѣвнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ею не совсемъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я перераиваю воспоминанія; и надѣюсь набрать вскорѣ новыхъ; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости,—какъ не воспоминаніями?

Недавно прѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.—Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ:—Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, чтѣ дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ челоуѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ.—Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями—и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай. А. Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишиневъ.

18.

Н. И. Гнѣдичу.

[24-го марта 1821. Кишиневъ.]

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влечилъ;

Гдѣ элегическую лиру
 Глухому своему кумиру
 Онъ малодушно посвятилъ;
 Далече сѣверной столицы
 Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
 И вольной гласъ моей дѣвницы
 Тревожить сонныхъ Молдаванъ.
 Все тотъ же я—какъ былъ и прежде,
 Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
 Съ Орловымъ спорю, мало пью,
 Октавию—въ слѣпой надеждѣ—
 Молебновъ лести не пою.
 И дружбѣ легкія посланья
 Пишу безъ строгаго старанья—
 Ты, коему судьба дала
 И смѣлый умъ и духъ высокой,
 И важнымъ пѣснямъ обречка,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера Музу намъ явилъ
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ устъ освободилъ—
 Твой гласъ достигъ уединенья
 Гдѣ я сокрылся отъ голеня
 Ханжи и гордаго глауца,
 И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья—
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
 Для Музы и дружбы живъ поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны—
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ пародомъ;
 И поучительной лозой
 Зоила хлещетъ—мимоходомъ.—

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи, оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этаго письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша, во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу, прекрасно; и вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, Виньета, и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О.; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобы возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрѣщена Кавказскимъ плѣнникомъ. Вы ожидали многого, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безсѣбнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находится на берегахъ шумнаго Терека, на Гранидахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа—я поставилъ моего Героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ (я) два мѣсяца—гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга 4 горы, отрасль послѣдняя Кавказа;—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее—дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно.—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще

меня не забыли—обнимаю друзей—съ нетерпѣньемъ ожидаю 9 тома Руской Исторіи.—Что дѣлаетъ П. М.? Здоровы-ли Онъ, Жена и дѣти? это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.

Пушкинъ.

1821 марта. 24
 Кишиневъ.

19.

Дегильи.

[6-го іюня 1821. Кишиневъ].

Avis à m-r Deguilly, ex-officier français.
 Il ne suffit pas d'être un jean-f... e, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f... duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament; on ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure; on ne compromet pas deux fois son second, ni un général qui daigne recevoir un plat-pied dans sa maison ¹⁾.

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis fâché de n'avoir pas parlé. Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez. Pouchkine. 6 juin 21.

Notez encore que maintenant je saurai, en cas de besoin, faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

20.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

[27-го іюня 1821 г. Кишиневъ].

Брату.

Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покаместъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-русски, потому, что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ <сдѣлай милость не поэтъ>; пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое *Сотвореніе міра Милонова*? Что дѣлаетъ Катенинъ? Опъ-ли задавать вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напечатать. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глиной. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой

¹⁾ Слова «ni un général... sa maison» написаны въ выноскѣ подъ строкой.

шесть число экземпляров моих сочинений <буде они напечатаны>, розданное моими друзьями — экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овоинникову его, Лампу его — и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.

Приними мнѣ Тавриду Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 іюня.

Сестрѣ.

Etes-vous de retour de votre voyage? Avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? Cela vous a-t-il amusé? Aimez-vous toujours vos promenades solitaires? Quels sont vos chiens favoris? Avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? Qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez vous? Avez-vous revu la voisine Annette Voulf? Montez vous à cheval? Quand revenez-vous à Pétersbourg? Que font les Korf? Etes-vous mariée? Etes-vous prête à l'être? Doutez-vous de mon amitié? Bonjour, ma bonne amie.

21.

А. И. Тургеневу.

Черновое.

[Вторая половина іюля 1821 г. Кишиневъ].

Въ хѣто 5 отъ Липецкаго потопа (превосходительный Рейнтъ и превосходительной) жалобный сверчокъ (сида) на лужицѣ (лужѣ) города Кишиневской, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали вспоминая *тебя (о) Арзамасъ (Іерусалимъ ума и вкуса)*; благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ (помоныхъ) водахъ (Быка) (вышесказанной рѣчки и съ братской) упомянутой (рѣчки). Живо представились (намъ) имъ ваши отсутствующія превосходительства и (отъ избытка) въ полнотѣ сердца (нашего) своего (составили мы засѣданія, состоящія) положили увѣдомить о себѣ (братію) членовъ православнаго братства (освящающихъ) украшающихъ берега Мойки и Фонтанки (и потому)...

22.

С. И. Тургеневу.

[21-го августа 1821 г. Кишиневъ].

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турци чуждой въ Турцію родную. Съ радостію прибѣгалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Ицовъ

не выпускаетъ меня, какъ зараженаго какой то либеральною чумою. — Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло объ моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю — но до сихъ поръ не отвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощенье и на скорое свиданіе. Клянюсь Чу, если Чу меня помнѣтъ — а Долгорукой меня забылъ. Пушкинъ.

21 авг.

На оборотѣ: Сергею Ивановичу Тургеневу.

23.

Н. И. Гречу.

[21-го сентября 1821 г. Кишиневъ].

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять беспокою васъ письмами и просьбами. Сдѣлайте одолженіе, доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человекъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. мое посланіе къ Ч — у, ужъ эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма — видно не лѣзетъ сквозь цензуру?

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать, да они и въ усь не дуютъ. Что бы это значило: если просто забвеніе, то я имъ не пѣняю, забвеніе естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго — я бы и самъ ихъ забылъ, еслибъ жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера. Но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны, такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Пѣвника, да лѣнь переписывать, хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы — раздѣзано на 2 пѣсни; дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

21-го сентября 1821.

Кишиневъ.

24.

В. Ө. Раевскому.

[1821 г. Кишиневъ].

Пришли мнѣ, Раевской, *Histoire de Crimée*, книга не моя, и у меня ее требуютъ.
Vale et mihi faveas.

Пушкинъ.

Г-ну майору

Раевскому.

25.

Неизвѣстному.

[1821 г.].

Votre lettre est arrivé fort à propos, j'en avais besoin.

26.

В. П. Горчакову.

[1821—1822 г. Кишиневъ].

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Пявникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ герсѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Пявника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гоюсь въ герои романтического стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэмѣ приличнѣе было бы называть Черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ несвязано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже *Руслана*—хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.

1822.

27.

Князю П. А. Вяземскому.

[2-го января 1822. Кишиневъ]

Попандуполо привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди беретъ доставить тебѣ мою прозу—ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и вѣрная порука за честь и умъ не любимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали

насъ другъ съ другомъ.—Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія—они прелестны—благодарю за всѣ вообще—бранюсь съ тобою за одно посланіе къ Каченовскому; какъ могъ ты сойти въ арены вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцемъ—ты сблизилъ его съ погѣ но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой—Какъ съ нимъ связываться—довольно было съ него легкаго хлыста а не сатирической твоей палицы—Ежели я его задѣлъ въ посланіи къ Ч.—то это не изъ ненависти къ нему но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстова, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ—что ему понравилось въ этомъ Мурѣ? чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалларукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди; пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы—по каковъ Баратынскій? признайся что онъ превзойдетъ и Парня и Батюшкова—если впредь зашагаетъ какъ пагаль до сихъ поръ—вѣдь 23 года—щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону а то спасенья нѣтъ—Кавказскій мой пявникъ конченъ—хочу папѣчатать да дѣни много а денегъ мало—и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ.—Желаю щастія Дядѣ—я не пишу къ нему; потому что опасаюсь журнальных почестей—скороли выйдутъ его творенія? всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ—крайніи опасаюсь чтобы двоюродный братъ мой не почесалъ моимъ сыномъ—а долго-ли до грѣха—Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь—стихами или прозой—ей Богу, буду отвѣчать. Пушкинъ.

2 января

1822.

Пишу тебѣ у Рейна—все тотъ же онъ не измѣнился, хотъ и женился—Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ—но заблагоразсудилъ изорвать его—Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучомъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать что онъ дѣлаетъ палки сургучныя а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

28.

Л. С. Пушкину.

[24-го января 1822 г. Кишиневъ].

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина восторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынь не доходить ни одинъ дружный голосъ,—что друзья мои

как нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несомно.— Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ па нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе.—Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ, онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ.—Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему Пѣвника.—Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ дѣнителемъ книжнаго ума.—Спроси у Дельвига: здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочіихъ дошли до меня темныя извѣстія.—Посылаю тебѣ мои стихи; напечатать ихъ въ Сынѣ <безъ подписи и безъ опибокъ>. Если хочешь вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждый стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ французъ,
Клеонъ—умомъ ее страшая;
Дамисъ—за то, что ибно пѣлъ;
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Демьянъ.
24 Генв.
1822.

29.

А. П. Полторацкому.

[Январь 1822 г. Кишиневъ].

Я живъ
Старовъ
Здоровъ
Дуэль векопчепъ.

30.

Н. И. Гнѣдичу.

[29 апрѣля 1822 г. Кишиневъ].

Parve <nec invideo> sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному дѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго пѣвника; въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи <о которой мы поговоримъ на досугѣ> завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстью, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ; отдаю вамъ его въ полное распоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу

Гнѣдичу.

Черновое.

Parve nec invideo sine me, liber, ibis in urbem

Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю
Vade sed incultus, qualem decet exulis esse.

(Въ самомъ дѣлѣ) недостатки этой повѣсти поэмы или чего вамъ угодно (столь) такъ явны, что я долго (я) не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана (болѣе) близко подходитъ къ бѣдности изобретенія; описаніе нравовъ черкесскихъ (самое сносное мѣсто во всей поэмѣ), не связано ни съ какимъ произшествіемъ и (есть) ничто иное, какъ географическая (отчетъ) статья или отчетъ путешественника—характеръ главнаго лица (лучше сказать единственнаго лица) (а дѣйств. лицъ) всего то (ихъ) ихъ (двое) прилченъ болѣе роману нѣжели поэмѣ—да и что за характеръ? (мои) (кто будетъ) кого займетъ (тронуть) (заи) изображеніе молодого человѣка, (истощившаго) потерявшаго (всю) чувствительность (своего) сердца (въ первые лѣта своей молодости) въ какихъ нещастіяхъ неизвѣстныхъ читателю; его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ (юнымъ) предѣстамъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны—(но что тутъ занимательнаго—) но что тутъ (но) трогательнаго (тутъ мало) легко было бы (за чѣмъ не) оживить (было) разказа произшествіями кот. сам. соб. истекали (естественно) изъ (самыхъ) предмѣтовъ. Черкесъ пѣвникъ моего Рускаго, могъ быть любовникомъ (моей той) моей (Черкешенки)—избавительницы (de là вотъ вамъ и сцены ревность и отчаянныя прерванные свиданія) (опасности для свиданія и проч. нашего пѣвника и проч.) мать, отецъ (и проч.) и братъ ея могли бы имѣть каждый свою (черты) роль свой характеръ—(все) всѣмъ этимъ я приберегъ во первыхъ отъ (одной) лѣни воторыхъ что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда какъ обѣ части м. п. были уже (написаны) кончены—а съизнова (писать) начать не имѣлъ и духа—

Тѣ которые (порицали) пожурили меня зато что никакъ не называлъ моего финна (не найдутъ) не нашедъ здѣсь ниоднаго *им. собств.*, конечно почтутъ это за непростительную дерзость—правда что большей части моихъ читателей никакой

пужды иѣтъ до имени и что я небоюсь никакой запутанности въ (своемъ) разказѣ

Мѣстныя краски вѣрны но понравятся-ли читателямъ избалованнымъ поэтическими понарамами Байр. и Вал. Ск.—я боюсь и напомнить объ нихъ (волшебныхъ картинахъ) своими блѣдными тощими рисунками—сравненіе мнѣ будетъ (мнѣ) убійственно. Къ цастію наши Арист. не въ состояніи (критиковать) уничтожить меня основательнымъ образомъ; (бранн) тяжкія критики ихъ мало меня беспокоятъ; онѣ столь-же безвредны какъ и тупы—а ш[утки] плох. и плох. ничуть не смѣшны и не забавны какъ (замѣчаетъ) пишетъ Каченовскій свойственнымъ ему слогомъ—

Вы видите что отеческая нѣжность не ослабляетъ меня нащеть К. П. но признаюсь люблю его самъ незная за что въ немъ есть стихи моего сердца—Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ее (меня трогаетъ) трогаетъ душу—Прелестная баснь о Пигмалионѣ обнимающемъ холодный мраморъ (плѣнила нѣкогда) нравилась пламенному воображенію Руссо (и Шиллера)—Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнигелю поэтовъ, вамъ предаю м. Кавк. Плѣ.—примите его подъ свое покровительство; въ награду за присылку прелестной вашей Пд. (достойной чистой Музы древности) <о которой мы поговоримъ надосугѣ> (поручаю) завѣщаю вамъ (скуку изданія) скучныя заботы новаго (его) изданія (моихъ новыхъ... бред.)—(но) дружба ваша меня избаловала [меня] (могу-ли надѣяться что) нѣсколько строкъ пера вашего вмѣсто предисловія (и вы обнадѣжите меня) (для меня) и—успѣхъ м. повѣс. (будетъ уже) будетъ уже надежныѣ. Бросьте въ ручей одну (изъ) вѣточку изъ вашихъ лавровъ, муравей не утонетъ—впрочемъ назовите м. п. сказкой, повѣстію, поэмой, или (ник.) вовсе не назовите, издайте ее въ двухъ книгахъ, ч. или пѣсн. или т. въ одной—отдаю (м. Плѣ.) его въ полное ваше распоряженіе.

Есть у меня еще отрывокъ ст. 200—прислать мнѣ вамъ его для Ценз....

32.

П. А. Катенину.

(Черновое).

[Конецъ апрѣля—май 1822 г. Кишиневъ].

..... можетъ ..... въ стихахъ ..... помня ..... помѣривъ ..... извѣстны ..... товилъ въ замѣчаніи ..... (и скрылъ) необязанъ свое имя ..... азъ видѣлъ поэта. Я не ..... чести быть поэтомъ но эта (замѣчаніе) похвала показала бы мнѣ не (весьма) очень дѣлстною.

Ты даешь мнѣ знать [о своемъ существо] о себѣ только черезъ журналы—я прочелъ к.... твоё письмо къ Гр. (въ его журналѣ) съ большимъ удовольствіемъ, и во первыхъ по тому что (въ) ты* (во 2 что).

33.

Н. И. Гнѣдичу.

[13-го мая 1822 г. Кишиневъ.]

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надобѣть тѣмъ, которыхъ любить, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положить на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1) Увѣрены-ли вы, что Цензура, по неволѣ пропустившая въ 1-ый разъ Руслана, нынче неопомнится и незаградить пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) Согласенъ съ вами что предисловіе есть пустословіе довольно скучное; но мнѣ никакъ не лѣзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣданы Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда есть у меня готовая поэмка, да NB Цензура. Tout bien vu, не кончить ли дѣла предисловіемъ? Дайте попробовать авось не наскучу. Я что то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité

Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, возпользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей поплечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нервительнаго; Услыша стихъ И должно честь отдать что нѣмцы акуратны, я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захопается и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшнаго? очень желалъ бы знать сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего Гени[и?] и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ о Боратынскомъ также—но я люблю ихъ и дѣлывыхъ. Vale, sed delenda est censura.

Пушкинъ.

13 мая.
Кишиневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его?

Знаете ли вы трогательный обычай рускаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины;

На волю птичку отпускаю
 На свѣтломъ праздникѣ веспы.
 Я сталъ доступенъ утѣшенію:
 За чѣмъ на Бога мнѣ роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Могу я волю даровать?

Напечатають-ли безъ имени въ С. О.?

34.

А. А. Бестужеву.

[21-го Іюня 1822 г. Кишиневъ.]

Милостивый Государь,
 Александръ Александровичъ,

Давно собирался я напомнить В. о своемъ существованіи. Почитая прелестныя ваши дарованія, и, признаюсь, невольно любя Ёдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило что невозможно съ вами скромничать. Знаю что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ какъ представителя Вкуса и вѣрнаго стража и покровители нашей словесности.

Посылаю вамъ мои Бессарабскія бредни и желаю чтобъ они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня Цензурѣ, старинной моей приятельницѣ; кажется голубушка еще поумнѣла. Не понимаю что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ—однако должно намъ настоять изъ одного честолобія—отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе—предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію—но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа—по видимому ее настрашали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно, <например услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ>. Повторяю вамъ она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ—чтобъ имя мое до нее не дошло и все будетъ слажено.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. О. Рылѣва, онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. Пушкинъ.

21 Іюня 1822.
 Кишиневъ.

35.

Н. И. Гнѣдичу.

[27-го Іюня 1822 г. Кишиневъ.]

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за Ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня

отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказкаго Пѣвника. Ваши замѣчанія на щетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалуйте обо мнѣ: живу межъ Готовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня, со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній.—Но какова наша Цензура? признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцелуй поставлено слишкомъ на выдержку <trop hazarde>; его томительную нѣгу, вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень дурно—и потомъ осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргидъ-Кайсакии стишокъ слѣдующими: какой угодно

поцелуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣть.

Рука съ рукой, унынья полны
 Сошли ко брегу въ тишинѣ
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и пѣнитъ волны
 Уже противныхъ скалъ достигъ,
 Уже хватается за нихъ
 Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе Цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени—конечно иные скажутъ что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать Кесарево Кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу по малому что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Не лѣзя-ли опять сравнить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Грець разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усь не дуетъ. Не лѣзя-ли его разшевелить? Не лѣзя-ли потревожить и Сленина, если онъ купилъ остальные экземпляры Руслана. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери и достойно такого переводчика каковъ пѣвецъ Громобой и Старушки. Впрочемъ мнѣ досадно что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ Родрикъ Саутей; попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Рускую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія Французской поэзіи робкой и жеманной. Тогда и пѣкоторые люди упадутъ, я посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ—съ своими чувствами и мыслями взятыми изъ Флоріана и Лемуве. Такъ то пророчу я не въ своей землѣ—а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно, ахъ боже мой что-то съ нимъ дѣлается—судьба его меня беспокоитъ до крайности—напишите мнѣ объ немъ если будете отвѣчать. Пушкинъ.

27 Іюня.

35.

П. А. Катенину.

[19-го июля 1822 г. Кишиневъ].

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба—не Италіанской глаголь *piombare*, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простиительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ <покрайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя> обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлалъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятно—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Ляда и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихи столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереодолимою? Какъ дѣло не верти, ты все меня обижашь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сиду; поздравляю тебя и стараго моего Корнелия. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедію. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, *ridicule*. *Ridicule!* Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! *ridicule!* Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, покрайней-мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе, знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но *pop erat his locus*... Прощай Эсхилъ, обнимаю тебя, какъ порта и друга...

19 Іюля.

36.

Л. С. Пушкину.

[21-го іюля 1822 г. Кишиневъ].

Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ; ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ-ли ты? Пора, ей Богу пора! Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непременно быть 26 лѣтъ полковникомъ если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; сдѣлственно, разочти; тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой—

же певѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.—Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ по все къ лучшему.—

Скажи мнѣ:—выросъ-ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человекомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ друзей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаяву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази что онъ принялъ на себя стихъ. И сплетней разбирать игривую затѣю.

Я получилъ отъ него полу-кислое письмо онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина.—Пиши мнѣ новости литературныя; что мой Русланъ? Не продается? Не запретила-ли его Цензура? Дай знать. Если же Сенинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Какого идетъ изданіе Бестужева? Читалъ-ли ты мои стихи, ему посланные? Что Пазвиникъ Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь-ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы если можешь—и поскорѣе. Прогласи также Дельвига и Баратынскаго.—Что Вильгельмъ? Есть-ли объ немъ извѣстія?

Прощай.

Отцу пишу въ деревню.

21 Іюли.

Притиска О. С. Пушкиной. Ma bonne et chère amie je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous.—Je vous embrasse et je vous aime—amusez vous et mariez vous.

37.

Князю П. А. Вяземскому.

[1 сентября 1822 г. Кишиневъ].

Посуди самъ сколько обрадовали меня знакомыя каракули твоего пера. Почти три года имѣю про тебя только невѣрные извѣстія стороною—а здѣсь не слышу живаго слова Европейскаго. Извини меня если буду говорить съ тобою про Толстова. Мнѣніе твое мнѣ драгоцѣнно. Ты говоришь что стихи мои нигде не годятся. Знаю, но мое намѣреніе было не заводить остроумную литературную войну, но рѣзкой обидой отплатить за тайныя обиды человѣка съ которымъ разтася я приятелемъ и котораго съ жаромъ защищалъ всякой разъ какъ представлялся тому случай. Ему показало(сь) забавно сдѣлать изъ меня неприятеля и смѣшить на мой щетъ письмами чердакъ К. Шаховскаго, я узналъ обо всемъ будучи уже сосланъ, и почтита мшеніе одной изъ первыхъ Христіанскихъ добродѣтелей—въ безсиліи своего бѣшенства закидалъ издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвиненіе, по твоимъ словамъ, выходитъ изъ предѣловъ поэзіи; я не согласенъ. Куда недосагаетъ мечъ законовъ, туда

достаетъ бить сатиры. Гораціанская Сатира, тонкая, легкая и веселая не устоитъ противъ угрюмой злости тяжелаго пасквиля. Самъ Вольтеръ это чувствовалъ.

Ты упрекаешь меня въ томъ что изъ Кишенева подъ эгидою ссылки, печатаю ругательства на челоѣка живущаго въ Москвѣ, но тогда я не сомнѣвался въ своемъ возвращеніи. Намѣреніе мое было ѣхать въ Москву, гдѣ только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападеніе на Гр. Толстова не есть малодушіе. Сказываютъ что онъ написалъ на меня что то ужасное. Журналисты должны были принять отзывъ челоѣка обруганнаго въ ихъ журналѣ. Можно подумать что я съ ними за одно и это меня бѣситъ. Впрочемъ я ..... Лѣло съ .... на бумагѣ болѣе связываться не хочу. Я бы могъ оправдаться передъ тобой сильнѣе и яснѣе, но уважаю твои связи съ челоѣкомъ, который такъ мало на тебя походитъ.

Каченовскій представитель какогого мнѣнія! voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble. Мнѣ жаль что ты не въ полнѣ цѣнишь прелестный талантъ Баратынскаго. Онъ болѣе чѣмъ подражатель подражателей, онъ полонъ истинной элегической поэзіи. Шильонскаго Узника еще не читалъ. То что видѣлъ въ С. О. прелестно...

Онъ на столбѣ какъ вешній цѣвѣтъ
висѣлъ съ опущенной главой.

Ты меня слишкомъ огорчилъ, предположеніемъ что твоя живая поэзія приказала долго жить. Если правда—жила довольно для славы мало для отчизны. Къ щастію несовсѣмъ тебѣ вѣрю, но понимаю тебя. Лѣта клонять къ прозѣ и если ты къ ней привянешься не на шутку то не лѣзя не поздравить Европейскую Россію. Впрочемъ, чего тебѣ дожидаться? неужели тебя плѣняетъ ежемѣсячная слава Прадтовъ? предпріиміи постоянный трудъ.... въ тишинѣ самовластія образуй нашъ метафизическій языкъ зарожденный въ твоихъ письмахъ—а тамъ что Богъ дастъ. Люди которые умѣютъ читать и писать скоро будутъ нужны въ Россіи, тогда надѣюсь съ тобою болѣе сблизиться. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

II.

Посылаю тебѣ поэму въ мистическомъ родѣ—я сталъ придворнымъ—

38.

Л. С. Пушкину.

4-го сентября [1822 г. Кишиневъ].

На прошедшей почтѣ—<виновать: съ Долгорукимъ>—я писалъ къ Отду, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Вопервыхъ, о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не за

чемъ; служить 4 года юнкормъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно чтобъ [о тебѣ] немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевского—скоро былъ бы ты офицеромъ а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка: лѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ.—Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому—и скажи ему чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенія, до будущаго года.—Если же они проданы, явись съ той же прозбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы само по себѣ разумеется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи Къ Ов. перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ—дивись, Назонъ, дивись судьбѣ
превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненіе жизни
ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати объ стихахъ: то, что я читалъ изъ III. Узн., прелестъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц.... Но актеры, актеры! 5-ти стопные стихи безъ рیمъ требуютъ совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рева. Трагедія будетъ сыграно[а] тономъ Смерти Розлы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господь, защити и помилуй—Но боюсь—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковского билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспріять Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію гдѣ все дышетъ мифологіей и героизмомъ славянорусскими стихами цѣлкомъ взятыми изъ Іеремія. Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ?—Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихи: Такъ пѣлъ въ Суворова плюбленъ Державинъ... слишкомъ уже Греческій.—Стихи къ Грибѣдову достойны поэта нѣкогда написавшаго: «Страхъ при звонѣ мѣли заставляетъ народъ уstraшеннѣй, толпами стремиться въ храмъ священнѣй. Зри Боже! Число великѣй, унылыхъ, тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людемъ—принадлежащій», и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердиться на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости.—Б. изъ Рима не имѣетъ челоѣческаго смысла, даромъ что Новостъ на Олимпѣ очень мила. Вообще, мнѣніе мое что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня <то-естъ Плетневу, а не его слогу> и увѣрь его что онъ нашъ Гёте.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits; rappelez-la lui de ma part.
Еще слово. Скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ сукіна Сына Отечества, 2-ю половину

года. Можетъ вычесть, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ депницы проникаетъ въ подполье въ темницу Хмблнцкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?

39.

Я. Н. Толстому.

[26-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Милый Яковъ Николаевичъ! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе Князя Л—ва [Лобанова] льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій хотѣлъ сперва печатать мѣсяца свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже около 30 билетовъ, обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Все[воложско]му, а самому отступить отъ изданія—Разумѣется что за розданные билеты долженъ я заплатить, и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній нѣкоторые должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣднія три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ Князю Александру, но Цензура, Цензура!.. итакъ, милый другъ, подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать,—можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ прими мои сердечныя благодаренія; ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости—вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не къ стати, два года и шесть мѣсяцовъ не имѣю отъ нихъ ни какого извѣстія, никто ни строчки, ни слова...

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бѣднѣй и пировъ?
Кишишь-ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остривовъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
Попрежнему ль лѣтятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ
Воображаю, вижу васъ:
Вотъ онъ, пріютъ гостепрѣимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ козпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своеправный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и впаи,—
Я слышу вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы,
Желаю мнѣ здравія, Колмыкъ!

Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Безсарабской глуши, не получая ни журналовъ ни новыхъ книгъ—не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости милый, до свиданія—и до посланія! Обними нашихъ.—Что Всеволожскія? что Мансуровъ? что Барковъ? что Сосницкія? что Хмблнцкія? что Катенинъ? что Шаховской? что Ежова? что гр. Пушкинъ? что Семеновъ? что Завадской? что весь Театръ?

40.

Н. И. Гнѣдичу.

[27-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Пріѣхали лѣбники—и сердечно васъ благодарю милый Николай Ивановичъ. Перебѣны, требуемая Цензурою послужили въ пользу моего; признаюсь что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился на примѣръ, если бѣ она перебѣнила стихъ. Простите, вольныя стапиды, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поделуй прелесть; ей днѣй ей ей не благозвучіе ночей; уповательныхъ мечтаній; упонительныхъ; на домы дождь и градъ: на долы—вотъ единственные ошибки замѣченные мною.

Александръ Пушкинъ, мастерски литографированъ—но не знаю похожъ-ли; примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю, справедливо-ли. Переводъ Жуковского est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайной! Должно быть Байрономъ чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшествия а Жуковскимъ чтобъ этого перевыразить. Мнѣ кажется что слогъ Жуковского въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ дѣвъ. Дай Богъ чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасители Христа; удержите его по крайнѣй мѣрѣ до моего приѣзда—а я вынырну и явлюсь къ вамъ. Катенинъ ко мнѣ писалъ, незнаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы пужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. А. Пушкинъ.

27 сент.

Кишиневъ.

Я писалъ къ брату чтобъ онъ Сленина упрости не печатать моего портрета—если на то нужно мое согласіе—то я несогласенъ.

Адресъ: Его Высокоблагородію
Милостивому Государю

Николаю Николаевичу [Ивановичу] Гнѣдичу.
Въ С.-Петербургѣ.

Въ Императорской Библіотекѣ.

41.

Л. С. Пушкину.

[Сентябрь—октябрь 1822 г. Кишиневъ]

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre cœur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, déliez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux-mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie. Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prévenir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajoux du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon cœur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra coûter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.

42.

Л. С. Пушкину.

[18-го октября 1822 г. Кишиневъ].

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, мой прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачемъ ты показавъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюся рѣзкимъ и необдуманымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. — вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотою истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣльи и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой Пѣвникъ? *A-t-il produit du scandale*, пишетъ мнѣ Orlof, — *voilà l'essentiel*. Надѣюсь что критики не оставятъ въ покоѣ характера Пѣвника; онъ для нихъ созданъ, душа моя: я журналовъ не получаю такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки — не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ. — О други, Августу молюсь мои несите! Но Августъ смотреть сентябрёмъ... Къ стати: получено-ли мое посланіе Къ Овидію? Будетъ-ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь.

Прощай, милый.
Окт. 18.

А. П.

Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина, чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. *Людмила*, 2 экз. *Пѣвника*, одинъ *Шильонскаго узника*, книгу Греча — и Цертелева древнія стихотворенія. — Поклонись ему отъ меня.

43.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Октябрь—ноябрь 1822 г. Кишиневъ].

Я долго неотвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; < хотѣлъ > собирался отвѣчать < тебѣ > стихами, достойными твоихъ но отложилъ попеченія, положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно и ты слишкомъ хорошо умѣючи имъ воспользовался. — Если первый стихъ твоего посланія написанъ также отъ души какъ и всѣ прочія, то я не разкаиваюсь въ минутной моей несправедливости — она доставила < прекрасный подарокъ > неожиданное украшеніе словесности. — Если < нѣтъ > же ты на меня сердить, то стихи твои какъ они пи < прекрасны > прелестны, никогда не утѣшутъ

меня.—Ты конечно бь извинилъ мои легкомысленныя строки еслибъ зналъ какъ часто бываю подверженъ такъ-называемой хандрѣ (о которой мудрено). Въ эти минуты я золь на дѣлѣй свѣтъ и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай однако что (бы. въ. я не умѣлъ не) не умѣю, дѣлать (твоего) неоспоримаго твоего дарованія (я дорожу твоимъ мнѣніемъ и не хочу... я не совсѣмъ лишень...). Чувство изыскаго не (совершенно) совсѣмъ во мнѣ притуилось (я не хочу прости... и дорожу), и когда я въ совершенной памяти, твоя (чистая) гармонія, поэтическая точность, благородство выражений стройность чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ (любимыхъ моихъ поэтовъ) любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ: завидую ему и тебѣ (и отъ на... и надѣюсь современемъ). Sine ira милый пѣвецъ по рукамъ и до свиданія—

(Извини мое чистосердечіе, я) не выполнѣ подтверждаю то, что (сказалъ) писалъ о твоей Прозѣ, но признаюсь—это стихот. не достойно ни тебя, ни Бат. (Иные) многіе приняли его за сочиненіе послѣдн. Однако (что это такая ошибка—тебѣ похваля и...) что съ (обыкновеннымъ) посредственнымъ писателемъ этого не случится; но Бат. (вѣроятно сердится) не будучи доволенъ (имъ) тв. элег. (вѣроятно) разсердился на тебя за ошибку другихъ—а я разсердился послѣ Бат.

Извини мое чистосердечіе но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. [Прости.] Sine ira и проч. по п. Брата.

44.

Неизвѣстной.

Черновое.

[1822 г. Кишиневъ].

(Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris (puisque) j'ai (la bêtise) et la faiblesse [et la ridicule] de vous avouer (ma) une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement—). Ne feignez rien (c'est) ce seroit indigne de vous (et de plus c'est) parfaitement inutile—la coquetterie (qui vous.... tant) seroit une (cruelle) cruauté (très) (froide-ment) colère frivole et surtout bien inutile—, je n'y croirai pas plus—en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse si peu de frivole— (si) votre orgueil est blessé) votre orgueil même ne peut en être blessé (vous avez.... m'aviez deviné.... content. que saviez ma haute. contre vous).

Si j'avois des espérances cela ne seroit pas la veille de votre départ que j'aurai (décidé) pour (vous) me déclarer. Attribuez mon aveu (à mon émotion qui—) qu'à une exaltation (à un trouble) dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance (et l'imbécillité. je ne veux rien) je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux—seulement je vous...

45.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1822 г.—начало января 1823].

[Кишиневъ].

Благодарю тебя за нисѣмо а не за стихи: мнѣ въ нихъ не было нужды—Первый свѣтъ я читалъ еще въ 20 году и знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? пришли, ради Бога а то Плетневъ и Рыльцевъ отучать меня отъ поэзіи. Сдѣлай милость напиши мнѣ обстоятельныя о тяжбѣ своей съ Цензурою. Это касается всей православной кучки.—Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военного устава, если богѣ двухъ офицеровъ въ одно время подають рапортъ, таковой поступокъ приемлется за бунтъ— Не знаю подвержены-ли писатели военному суду по общая жалоба съ нашей стороны можетъ навзечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокойства — — Соединиться тайно— но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрно. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ но не мнѣ—на конченную свою поэму, я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сопогъ: продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находить мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладъ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей. Думаю скоро связаться съ Бируковымъ и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ—но за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь въ грязи молдавской, чортъ знаетъ когда выкарабкаюсь. Ты барахтайся въ грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка намъ и пріятна.

Св.

Вотъ тебѣ нѣсколько пакостей:

Христось воскресъ.

Христось воскресъ, моя Реввека!
Сегодня слѣдую душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобою далуюсь, Ангелъ мой.
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За подаду я не робѣя
Готовъ Еврейка приступить—
И даже то тебѣ вручить,
Чемъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

Эпиграмма.

Клеветникъ безъ дарованья
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Лѣчись—иль быть тебѣ Панглосомъ
Ты жертва вредной красоты—
И то то, братецъ, будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты—

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усь,
Другой за деньги—понимаю,
Другой за то что былъ французъ
Клеонъ—умомъ ее страдая
Дамись—за то что нѣжно пѣлъ—
Скажи теперь, мой другъ Аглая,
За чтó твой мужъ тебя имѣлъ?

Оставя честь судьбѣ на произвогъ,
... живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ.
И вдругъ бѣда! казнить ее меркурій,
Разкаится приходить ей пора,
Она лежитъ, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ к... а?—
«Слава Богу!»
«Все къ лучшему: вотъ новая дыра!»

Этихъ двухъ не показывай никому—ни Де-
нису Давыдову.

1823.

46.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1823 г. Кишиневъ].

Душа моя, какъ перевести по Руски *beuues*?
Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Beuues*; мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣва, его-же Гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ <во время Олега Герба рускаго не было, а двуглавый орелъ есть Гербъ византійской и значить раздѣленіе имперіи на Зап. и Вост.—у насъ же онъ ничего не значить>. Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *beuues*? Поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж., чтобъ онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутить. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читатъ разучусь.—Видишь-ли ты Тургенева и Карамзина?

Чемъ тебя поподчивать?

Вотъ стихи О. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳонъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,

Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ—все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

Адресъ: Брату.

47.

Графу К. В. Нессельроде.

[13-го января 1823 г. Кишиневъ].

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission expresse venir à Pétersbourg, ou m'appellent les affaires d'une famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour la supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichenef.

48.

Л. С. Пушкину.

30-го января [1823 г. Кишиневъ].

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами,—И все то благо, все добро.

Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенки Истоминной, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Пѣвнику.—Бестужевъ прислалъ мнѣ Звѣзду—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынский покусился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и Русланъ и Пѣвникъ и Noë и все дрянъ въ сравненіи съ ними.—Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ общаются достойнаго соперника знаменитому Рылѣву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи.—Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: призванье вмѣсто званье; тревожныхъ думъ

слово, употребляемое знаменитымъ Рыбевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; Воспоминаніе и брата, и друзей—стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоскій. Но все это не бѣда; были деньги.—Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя дѣль. Въ отношеніи его я не Оемистоклъ; мы съ нимъ приятели, и еще не ссорились за мальчика. Гибдичъ у меня перебиваетъ лапочку:

Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печаль-
ный

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и памъ не будетъ мѣста на Парнассѣ.—Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ, и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не доставало. *En avant, marche.*

Прибѣхалъ-ли Царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву тамъ увидишь ты моихъ друзей,—напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботиться о судьбѣ племянника, находящагося въ *Опалѣ*: можетъ быть они правы, да и я не виновать...

Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацелую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерию мнѣ на чужой сторонѣ. А гдѣ Кюхельбекеръ?

Ты мнѣ пишешь объ NN: *en voilà assez. Assez, такъ assez*; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ.—Такъ и быть,—а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай, еще разъ.

30 янв.

49.

В. П. Горчакову.

[Конецъ января 1823 г. Кишиневъ].

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградилъ путь,
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варроломей.

50.

Князю П. А. Вяземскому.

[6 февраля 1823 г. Кишиневъ].

Какъ тебѣ не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебѣ написалъ. Благодарю тебя, милый Вяземскій! пусть утѣшитъ тебя Богъ

за то что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить какъ приятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка.—До сихъ поръ читалъ рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч.—мнѣ казалось что подслушиваю у калитки литературныя толки приятельницъ Варюшки и Буянова. Все что ты говоришь о Романтической поэзіи прелестно, ты хорошо слѣдвалъ что первый возвысилъ за нее голосъ—Французская болѣзнь умертвила бѣ нашу отроческую словесность. У насъ нѣтъ театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ—и то не точнымъ и жаркимъ; впрочемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр. театра? знаю за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала—и вѣтъ! пѣснью никогда надгробнымъ я не внемлю; но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнаскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе—признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этого стоитъ, стыдно что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной разправѣ трусливаго дурака—мы смѣемся, а кажется лучше бы дѣльно принятъ за Бируковыхъ; пора дать вѣсь своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашихъ (миѣнѣмъ) голосомъ—презрѣніе къ Русскимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся—дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную—Читай-ли ты мое посланіе Бирукову? если нѣтъ, вытребуи его отъ брата или отъ Гибдича; читалъ я твои стихи въ П. *Звѣздѣ*; всѣ прелестъ—да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзинъ одни владѣютъ ею—Глинка владѣть языкомъ чувствъ... это что такое! Бестужева статья объ нашей братьи ужасно молода—но у насъ все елико печатано имѣетъ дѣйствіе на святую Русь: за то не должно бы ничемъ пренебрегать, и должно печатать благонамбренныя замѣчанія на всякую статью—политическую, литературную—гдѣ только есть немножко смысла—кому какъ не тебѣ взять на себя скучную но полезную должность надзирателя нашихъ писателей—Стихи мои идутъ тебя по всей Россіи—я ждалъ тебя осѣнью въ Одессу, и къ тебѣ бы прибѣхалъ,—да мнѣ все идетъ наперекоръ. Не знаю нынѣшній годъ увижусь-ли съ тобою. Пиши мнѣ покамѣстъ, если по почтѣ такъ осторожниче, а по оказіи что хочешь да нельзя ли твоихъ стиховъ? мочи нѣтъ хочется; Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать объ нихъ, кое что, болѣе для того чтобъ ушипнуть Дмитріева, нѣжели чтобъ порадовать нашего старосту, да не возможно; онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ экс-министромъ Доратомъ. Видишь ли ты иногда Чедаева? онъ вымылъ мнѣ голову за плѣнника онъ находитъ что онъ недоволено *blase*; Чедаевъ по нещастію знатокъ по этой части; оживи его прекрасную душу, поэтъ! ты вѣрно его любишь—я не могу представить себѣ его инымъ что преждѣ—Еще слово объ Кавк. П. лѣ. ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то что не горюетъ о Черкешенки—по что говорить ему—все понялъ онъ выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями—это разумѣется, иначе быть не лзя; не надобно все высказывать—это

есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что Млѣн. не кинулся въ рѣку вытаскивать мою Черкешенку—да, сунься-ка; я плавалъ въ кавказскихъ рѣкахъ,—тутъ утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь; мой пѣвникъ умный человѣкъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ Черкешенку—онъ правъ, что не утопился—прощай, моя радость—

Пушкинъ.

6 февр.
1823.

У насъ послѣ завтра балъ—привѣжай по-танцовать Полторацкіе зовутъ.

Щастіе супружеское.

Дома сиди и безъ дѣла
Буду нѣжно говорить
Ахъ мой другъ! какъ ты .....!
Прикажете покурить.

Вотъ модные стихи въ Кишинеѣ—не мои Полторацкаго—въ честь будущей моей женитьбы.

51.

Князю П. А. Вяземскому.

[5-го апрѣля 1823 г. Кишинеѣ].

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ не лзя будетъ приѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ—Если лѣтомъ ты пойдешь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишинеѣ? я познакомлю тебя съ Героями Скулянь и Секу, сподвижниками Юрдаки, и съ гречанкою, которая цаловалась съ Байрономъ.

Правда ли что говорятъ о Катенинѣ? мнѣ никто ничего не пишетъ—Москва Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня—

Охотниковъ приѣхалъ? привезъ-ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ что Чудаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма—любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать—теперь Богъ знаетъ, когда свидимся—

Важный вопросъ и сдѣлай милость: отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого монастыря (Страстнаго, что-ли) жива-ли она, гдѣ она, если умерла, чего боже упаси, то гдѣ ея дочери замужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я общался обо всемъ узнать подробно.

Къ стати, не знаешь-ли минуло-ли 15 лѣтъ Генералу Орл? или нѣтъ еще?

5 апрѣля.

Стиховъ, ради бога, стиховъ да свѣженѣйшихъ—

Адресъ: Его Сятельству

Князю Петру Андреевичу Вяземскому.
Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ,
въ собств. домѣ.

52.

А. А. Бестужеву.

[13-го іюня 1823 г. Кишинеѣ].

Милый Бестужевъ, позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Пол. Звѣз., за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ.—Все это ознаменовано твоей печатью т. е. умомъ и чудесной живостью. О взглядѣ можно бы намъ поспорить на досугѣ, признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ—вы одни можете разгорячить меня. Покажишь жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Руской словестности забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить? это умолчаніе не простительно ни тебѣ, ни Гречу—а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: за чѣмъ хвалить холоднаго однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смѣшонъ. Ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исполняя одесда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда!

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а Герой, который упалъ въ песокъ

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ
Что видѣнъ и подпись въ пескѣ сей самый
знакъ

все это утомительно. Тебѣ кажется болѣе нравится благовѣщеніе, однако жъ Елисей смѣшилъ сдѣств. полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года, постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни; но не лзя-ли вновь осадить Цензуру, и со втораго приступа, овладѣть моею Анеологіей? Разбойниковъ я сжегъ—и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ удѣлѣть въ рукахъ Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, куштъ, острогъ—не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Пол. Зв. то напечатай его. Впрочемъ чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и не будетъ на Руской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.

Я увѣренъ что тѣ которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются. Онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станеть воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ, не достойны пѣвца сократической любви.

Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ т. е. тебя обнимаетъ за меня—прощай, до свиданья. А. П.

13 іюня.

Черновое.

Милый Бест. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Пол. Звѣзду, за твои письма, за ст. о Сл., за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ—все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и живостью. О <второй другой> Взглядѣ можно бы <потоковать> поспорить на досугѣ—Признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ <больше спорить> такъ не хочется спорить, какъ съ тобою <потому хотя> ты одинъ можешь разгорячить меня—Пока мнѣ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ о рус. сл. забыть Радищева—кого жъ намъ помнить какъ не его—<онъ до. какъ и Гречъ... это?> Это простиительно Гречу (умной головѣ), но не тебѣ. Еще слово: за чѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, и <слишкомъ> бранить Майкова? <Мнѣ очень> Его Елисей истинно смѣшонъ—ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исподняя одежда,
Что .....

(А крестьяне, которые бьютъ.....)

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для .....

И .....

А герой <на>, который упалъ въ песокъ

И ве.....

И .....

Все это уморительно. <Вамъ> Тебѣ кажется больше нравится благословеніе и мнѣ также но Елисей смѣшнѣе слѣдственно полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года <я> постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни—но нельзя ли <вторымъ приступить> вновь осадить Цензуру и овладѣть моими <подра.> анекдотическими стихами. Разбойниковъ я сжегъ—Одинъ отрывокъ удѣлялъ въ рукахъ Ник. Раевск. Если отечест. слова харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей <любезныхъ> читателей Пол. Звѣз., то напечатайте ее—Впрочемъ чего бояться читателей?

Ихъ нѣтъ и не бу.....

да и жалѣть не о чемъ.

Дельвигъ мнѣ съ годъ [какъ?] ничего не пишетъ Попенайте ему.

53.

А. А. Шишкову.

[Июль—декабрь 1823 г. Одесса].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Милостивый Государь, лестное ваше знакомство,

честь имѣю, покорѣннѣйшій слуга ... такъ что я и не узналъ моего Царско-сельскаго товарища—Естьли заблагоразсудить писать ко мнѣ впередъ прошу тебя быть со мною на старой погѣ. Не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись съ тобою на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничить и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы вѣрно подъ единымъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ приятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ въстѣ почему. Помири насъ.—Что стихи? куда зарылъ ты свой золотой талантъ? подъ снѣга-ль Эльбруса, подъ Тифлискимъ-ли виноградниками? Есть ли есть у тебя что нибудь, припши мнѣ—право сердцу хочется.

Обнимаю тебя—письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе. А. П.

Недавно узналъ я что ты знакомецъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами любить тебя есть ему время—а писать къ тебѣ—наврядъ.

54.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ скучно, милый Асмодей, я боленъ, писать хочется—да самъ не свой—Мнѣ до тебя дѣло есть: Гидичъ хочетъ купить у меня Второе изданіе Руса. и К. Плѣ—, но timeo danaos, т. е. боюсь чтобы онъ со мной не поступилъ какъ прежде—Я общалъ ему предисловіе—но отъ прозы меня тошнитъ—Перешлишь съ нимъ—возьми на себя это 2 изданіе и освяти его своею прозой единственною въ нашемъ прозаическомъ Отецествѣ—Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику—стань за Пѣмцовъ и Англичанъ—уничтожь этихъ Маркизовъ классической Поэзіи—Еще одна просьба: есть-ли возмѣнись за изданіе—не лукавь со мною, возьми съ меня что оно будетъ стоить—не дари меня—я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой Аристократъ—Отвѣчай мнѣ по экстра-почтѣ!

Я Брату долженъ письмо—Что онъ за человѣкъ? говорятъ что онъ славный малой и Московскій франтъ—правда-ли.

Прощай, моя прелесть—впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19. авг.

Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому

55.

Л. С. Пушкину.

[25-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ дѣлѣй романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторация и Итальянская Опера напомнили мнѣ старицу и ей богу обновили мнѣ душу.—Между тѣмъ прибѣгаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь.—Мнѣ стало жаль Моихъ покинутыхъ дѣпей.—Прибѣжалъ въ Кишинева на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни; впрочемъ, я нигдѣ не бываю—кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ ПБ. письмо, гдѣ говорить между прочимъ обо мнѣ: Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр... Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго фонтана <новой моей поэмы>, сказавъ что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по плечу.—Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзика-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу-же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила по служу, и не по своей винѣ, - и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ,—на кого же кажется, падѣться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ П.Б.: когда, большой, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извозчика съ Анчикова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. <которыхъ вѣрно бѣ пи ты, ни я не пожалѣли для слуги>. Прощай душа моя. У меня хандра, и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю *Фонтанъ*, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!

56.

Князю П. А. Вяземскому.

[14-го октября 1823 г. Одесса].

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гибдичу что поручаю тебѣ изданіе *Русл* и ПЛВ. слѣдственно дѣло слѣдано. Не помню просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за общаніе. Твоя проза обезпечить судьбу моихъ стиховъ. О какихъ переѣздахъ говорилъ тебѣ Раичъ? я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ *Русла* должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-той пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. *Русла* напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. К. ПЛВинникъ иное дѣло.

Остановлялъ онъ долго взоръ—

должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи—и *путникъ* оживаетъ—Живи—и пЛВинникъ оживаетъ. Пещеры темныя прохлада—влажныя. И вдругъ на дома дождь и градъ—дождь. Въ чужой аулѣ дѣною злата—За много злата, (впрочемъ какъ хочешь).—

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю низпослала.

Зарѣзала меня Цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать ей дней въ концѣ стиха. Ночей, почей, ради Христа, почей Судьба на долю ей послала. То ли дѣло: ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чемъ-же ночь неблагопристойнѣе дня? которые изъ 24 часовъ иманно противны духу нашей Цензуры? Вируковъ добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертномъ полѣ мой бивакъ

У меня прежде было: У стѣнъ Парижа. Не лучше ли какъ думаешь? вѣрилъ я надеждѣ И уповательнымъ мечтамъ. Это что? Употѣлнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ Анти-критики. 1) Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно, можно спать подъ нею, когда не чемъ инымъ покрыться—а сушить нѣтъ надобности. 2) На берегу завитыхъ водъ. Кубань граница. На ней карантинъ и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полю. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣс. Евр.—Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... Нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и — à la ligne. Прощальнымъ взоромъ и пр.

Теперь я согласенъ въ томъ что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur se—обнимаю тебя съ надеждою и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье, и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный свод-

никъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической; я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково не лукава другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣрляетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ, и поѣхалъ въ Содоми-Кишневъ, гдѣ думаю, будетъ. Видѣ-Губернаторомъ. У насъ скушно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.

А. П.

14 окт.

Од.

Замѣчанія твои на счетъ моихъ разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ. Бахчи-сарайской фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпитафья его прелесть. Къ стати объ эпитафияхъ—знаешь-ли эпитафья К. Пазъ?

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкой листъ.—

Понимаешь почему не оставилъ его. Но за твою 4 стиха я бы отдалъ 3 четверти своей поэмы. Addio—

Черновое.

..... какъ сюжетъ c'est un tour de force <это не похвально, напротивъ> но какъ слогъ—я ничего лучше не написалъ—<кроми посл. къ Ов.>—Бахч. Фон. дрянъ (но эпитафья его прелесть)—не говори это однако никому я скоро пришло тебѣ соч.—эпигра сь.....—Къ стати (объ) знаешь-ли эпитафья (.....) м. К. П. подъ бурей рока, т.—понимаешь почему не оставилъ его—(къ тому) но за эти четыре стиха (лучше) я бы отдалъ 3 чет. своей поэмы—addio.

57.

А. Н. Раевскому (?).

Черновое.

[Вторая половина октября 1823 г. Одесса].

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui (vous) intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là: 1) M. S. n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre; en 2) lieu, comme ma passion a baissé de beaucoup, et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi; c'est-à-dire, que je ne montrerai pas votre (lettre) épître à M.-de S., comme j'en avais d'abord eu l'intention. en ne lui (lisant) cachant que ce qui jettoit sur vous l'intérêt d'un caractère (Byronique) Melmothique, et voici ce que je me suis proposé: votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en revanche j'y ai préparé (à) tout au long une belle réponse, dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage

que vous en avez pris sur moi dans votre lettre; j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job .....; je vois votre vanité et votre faiblesse à travers l'affectation de votre cynisme etc.; le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet? Mais comme vous toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande (humblement) pour tout cela votre permission et surtout vos conseils; mais dépêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles (votre frère) on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux (mais) votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire de vos douleurs. M-r votre oncle, qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g. j. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde (et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire).

58.

Ф. Ф. Вигелю.

Черновое.

[Ноябрь 1823 г. Одесса].

(Я знаю) Проклятый городъ Кишневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда ибудь на (грѣшный) старый кровъ
Твоихъ запаканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
(И рухнуть) вдругъ Падутъ, погибнуть пламени
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варволомея.
Такъ, если вѣрить...
Погибъ несчастливый Содомъ.
Но только съ этимъ (милымъ) городкомъ
Я Кишневъ равнять не смѣю
(Содомъ блистаетъ и просвѣщенемъ)
(Парнякъ библейскій (отличался) былъ отличенъ)
(Не только вѣжливымъ)
(Гостепріимствомъ и грѣхомъ)
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ
И къ дести вовсе не привыченъ.
Содомъ—ты знаешь—былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ (стихами) пирами,
(Гостепріимствомъ и пирами)
Гостепріимными домами
И красотой нестрогихъ дѣвъ.
(Зачѣмъ же) Мнѣ жаль, что пламенемъ (стрѣлами)
грозами
(Надъ нимъ... божій) Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человекъ
(Скажи, какъ ты проводишь) Провелъ какъ ты
свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишневѣ, видишь самъ
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣя о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ (милыхъ) три красавца.

(Но я приѣду, милый) На всякой случай, грустный другъ,

Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь:
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальной,
Стихами, прозою, душою,
Но (только) Вигель, пощади мой.....

Это—стихи, слѣдственно, шутка—не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Фил. Фил.—Вы скучаете въ (этомъ) вертепѣ, гдѣ скучалъ три года. Желаю васъ (утѣшить) разсѣять хоть на минуту—и сообщая вамъ свѣденія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв.; изъ 3 ... (крас.) Знаю... думаю, годенъ на употребленіе въ пользу соб. только меньшей (Note scandaleuse). NB Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ бр. Михаил. и тресется немилосердно—изъ этого можете вывести важныя заключенія; предоставляю ихъ вашей опытности и благотворимую—старшій братъ, какъ вы замѣтили глупъ, какъ Архіерейскій жезлъ; (второй) Ванька—.....—слѣдственно, чортъ съ нимъ—обними. ихъ отъ меня дружески—сестру также—и скажите имъ, что Пушкинъ дадегъ ручки Майгипъ и жалаетъ ей щастья на землѣ, умалчивалъ о небесахъ о которыхъ не получилъ (объ нихъ) еще досточтимыхъ свѣдѣній. Пулхеріи В. объявите за тайну что я влюбленъ въ нее безъ памяти, и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подр. другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣву то же и еще что-нибудь—Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его—У насъ холодно, грязно—объдаемъ (хорошо) славно—я пью, какъ Лотъ содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно (былъ) выдался намъ молодой денекъ—я былъ презид. попойки (вездѣ), всѣ перепились и потомъ поѣхали по.....—

59.

Князю П. А. Вяземскому.

[4-го нояб. 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣднія моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбросила и безъ меня, и то что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатать, да слѣдай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня тамъ нѣтъ покровителей; Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, и если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Софьи Киселевой; прилагаю при семъ полудейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣденія (разумѣется, умалчивъ объ ихъ източникѣ) ¹⁾. Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай выпиши изъ нее что поноснѣе ²⁾—да заворижи все это своею

прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ.

Полно не воскреснетъ-ли она, какъ тотъ который пошутитъ? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чинъ чина почитай. Я бы и для Россіи не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разнища. Въ родѣ Донъ-Жуана.—О печати и думать нечего: пишу снизу рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и разбѣрить круга своего дѣйствія—лучше объ ней и не думать—а если брать такъ брать не то что и когтей марать.

Новое изданіе очень мило—съ Богомъ—милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей.

Вообрази что я еще не читалъ твоей статьи побѣдившей Цензуру? Вотъ каково жить по Азиатски, не читая журналовъ. Одеса городъ Европейской—вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не водится ¹⁾.

А. П.

В. Л. Дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

¹⁾ Въ черновикѣ имѣется еще длинное разсужденіе.

«Перечитывая твои письма, беру тебя охота спорить. Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени рев. носятъ новый образъ—и упоминаешь объ А. Ш. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и пахнетъ Теокрытомъ и Анакореѣмъ. Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ Анти theses—но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли. Первая дуля Ламартина въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣдній прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ. Парни—древній, Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мѣлочахъ элегическихъ. La Vigne—(подражатель) школьникъ Вольтера—и бьется въ старыхъ сѣняхъ Аристотеля.—Романтизма нѣтъ еще во Франціи.—А онъ то и возродитъ умершую поэзію.—Помни мое слово. Первый поэтический Гений въ Отецествѣ Буало ударится въ такую бѣшеную свободу, что твои ищущи Показаться во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ. О Дмитріевъ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крыловой, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій (всѣ его пѣсни, мадригалы, еды, элегии), а все прочее—перваго стихотворенія Жуковского. Сказки писаны въ дурномъ родѣ, холодны и разтануты. Ери. такая дрянь, что мочи нѣтъ. Любопытно видѣть его жизнь не для него, а для тебя. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Пелевинскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Хорошъ Русскій поэтъ, poète de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится богъ знаетъ куда—ты одинъ бы могъ прикрикнуть на лѣво и на право, поразтрати старыя репутаціи, приструнить новыя и показатъ имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу и ..... нами и, что всего хуже, бросаешь поэзію,—этого я переварить не въ силахъ.—Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію Музыкъ? Чинъ чина почитай,—я бы и для Россіи не пошевелился.

Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разнища! въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣсня или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать не лзя, но Цензура наша такъ своенравна, что невозможно разбѣрить кругъ своихъ дѣйствій; лучше не думать; а если брать, такъ брать, не то.....»

¹⁾ Въ черновикѣ (Русс. Муз. № 2369, л. 32) было, а потомъ зачеркнуто: «Тутъ мнѣ кажется можно надѣлать прелести.... тутъ дѣлая поэма».

²⁾ Въ черновикѣ прострѣнаніе: «Онъ имѣетъ на бумагѣ свое достоинство—хоть въ разговорѣ имъ я не... при семъ мое благословеніе —.»

60.

Князю П. А. Вяземскому.

[Между 4-мъ и 11-мъ ноября 1823 г. Одесса].

Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны —

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твою .....? Поставь пропительныхъ. Это будетъ ново ¹⁾. Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю ²⁾ изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зрить лица его гаремъ
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тапидѣ: Подъ стражею скопцевъ Гарема. Миѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ ³⁾ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя —

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если-же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить Равна, Грузинка, красотою но инка кр... ⁴⁾ а слово Грузинка тутъ необходимо—впрочемъ дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается—впрочемъ, ожидать его нечего.

Что такое Грибоѣдовъ? Миѣ сказывали что онъ написалъ комедію на Чедоева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны.

Посылаю разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ? Поставь любовныя и ты, а стихъ все-таки Калмыцкій.

61.

Князю П. А. Вяземскому.

[11-го ноября 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ и разбойники. Истинное происшествіе подало миѣ поводъ написать этотъ отрывокъ.

¹⁾ Въ черновомъ: «сѣбѣ».

²⁾ Въ черновомъ: «не столько для А. Л. какъ для», но зачеркнуто.

³⁾ Въ черновомъ: «гордомъ первобытномъ».

⁴⁾ Въ черновомъ прибавлено: «мжно бы: Галла, Зарема,....»

вокъ. Въ 820 году въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Ш. п. л. У з. н. Это нещастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся печально, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года.

11 ноября.

62.

Барону А. А. Дельвигу.

[16-го ноября 1823 г. Одесса].

Мой Дельвиго, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣло миѣ жизнью лидейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушкину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, покрайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски, не читая вашихъ журналовъ. Надняхъ попался миѣ твои прелестныя сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго. Жду и недождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнда, восхваля Господа—и украшу цвѣтами свой шалашъ—хоть Вируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.—Сатира къ Гибѣ миѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасны; въ нихъ мало перда; Сомовъ безмудирный и непростительно. Просвѣщенному ли чело-вѣку, Рускому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ Религін и правительства; я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи <но не переписывать> и не отдавать въ печать <а видѣть ихъ въ печати>. Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязныя отрывки, за которые ты меня пожурить, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэмъ, въ которой забалтываюсь до нелѣзя. Вируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фидитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ приѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко миѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять миѣ почести изгнанія на радость свиданія.—Правда ли, что ѣдетъ къ намъ Россини и Италіанская опера?—боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

16 нояб.

Вели прислать миѣ нѣмецкаго Платника.

63.

Неизвѣстнымъ дамамъ.

Черновое.

[Ноябрь - декабрь 1823 г. Одесса].

Oui, sans doute, je les ai dévînées, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Od. ci-devant hermite de Kichenef. — J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folie, de tourments, (de soirées) d'esprit, de grâce, de soirées, (valse) mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, Madame de croire que je puis m'amuser là ou je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, (toutes) mes facultés s'aneantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la femme du Pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer [les plus grotesques]. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le petit bout de (moi rien) qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction [dans son livre. Mais] que vous avez fait dans le . . . de la . . . Mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m.] la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel nous aurons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbéas, soupirants, tout ce qui vout plaira. Je contreferai le singe . . . et je vous dessinerai M-me de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler: cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? [Venez] encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi la liberté avec laquelle j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte le plus. . .

Quand à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrefaite), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets. . . qui a mon tour.

64.

А. И. Тургеневу.

[1 Декабря 1823 г. Одесса].

Вы помните Кипренского, который изъ поэтического Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтение. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы не благодаря ни за что, но дѣля въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣною своей судьбы. Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать дѣлу и не вольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно

хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого ¹⁾. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стану скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость,
Проститель иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?.. терпите, о друзья,
Терпите хоть за то что къ вамъ привизанъ я ²⁾.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжной —
Свободы яркій день вставалъ —

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человечество презрѣлъ —
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вбросилъ душой,
Тебя пѣннло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ опѣмѣвъ лишился силъ,
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утопилъ
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченъ
Ихъ дѣла лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! ты Рускому народу
Высокій жребіи указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ —

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года — впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ, я закалялся, и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣреннаго Демократа I. X. <изыде сѣятель сѣяти сѣмена свол ³⁾>.

¹⁾ За этимъ въ черновомъ слѣдовало: «Пишу стихи, уже не думая о Цензурѣ», но зачеркнуто.

²⁾ За этими стихами въ черновомъ слѣдуетъ: «Это единственные живые стихи покойнаго Д. — я люблю ихъ изъ эгоизма, при чемъ послѣднія пять словъ зачеркнуты.

³⁾ Въ черновомъ: «Эго послѣдній либеральный бредъ; на дняхъ я закалялся и, смотря я на западъ Европы, и вкругъ себя, обратился къ евангельскому источнику, пронзъ сию притчу въ подражаніе баснѣ Лусуевой».

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ поработенныя броды
Бросаю живительное сѣмя—
Но потеряю я только время
Благія мысли и труды....

Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремящими да бичъ.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. К. Но что дѣлаетъ поэтическая забывенная, конституціональная, Анти-польская, небесная Княгиня Голицына, возможно-ли чтобы я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ, чѣмъ я хуже припц. Шарлотты—что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводитъ Гяура? а я на досугѣ пишу новую поэму, Евгенийъ Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

65.

И. Н. Инзову.

Черновое.

[Послѣ 8-го Декабря 1823 г. Одесса].

Je vous envoie, general, les 30 roubles que je vous [devois] dois depuis si longtemps; veuillez recevoir mes sin. remerciements. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire—Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à present vous payer [ma] cette dette —la faute est que je croyais de misère. Agréez, general, l'assurance de mon profond respect.

66.

Князю П. А. Вяземскому.

[20-го декабря 1823 г. Одесса].

Какая бѣ ни была вина.

Такъ и у меня на черно.

Символъ конечно дерзновенный
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Simbole teméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла—Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures.—

Я бы хотѣлъ знать не лѣзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нее тяжелое, Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что

Кривцовъ? Его Прев. могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Пол. Зв. въ надеждѣ видѣть тебя разпечатаного. Что Журналъ Анахарсиса-Клода-Кюхли? Рисунокъ съ фонтана оставимъ до другаго изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздр. тебя съ Рожд. Сп. наш. Госп. I. X.

Ты кажется собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьи Потодкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпизодѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что еслибъ ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женщинъ и мужчинъ. Приѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь чѣмъ у васъ на Сѣверѣ.

Адресъ: Его Сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ М о с к в ѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ—

1824.

67.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1824 г. Одесса].

Такъ какъ я дождался оказіи то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чѣмъ ты съ нимъ чинился и не побѣхалъ повѣдаться со мною? Денегъ не было? Послѣ бы сочлись—а иначе богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его министерствъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на Его имя—такому то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, не то взять тихонько трость и шляпу и побѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ разстетъ тринѣ-травы, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Руская слава льститъ можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantois-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ—лѣкарь морить—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ что Бахч. Фонт, у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Слабѣ! Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и закаменнаго друга! Остается узнать, разкупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣмъ изъ которыхъ есть полныя рукописи; но это безъ

дѣлца—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнить съ досады—на что ни взгляну—все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Федру Лобанова — хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова а ради Маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ.—И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина! *Vous le voulez-vous décongrir la trace de ses pas*—надѣшься пайди
Тезей жаркой свѣдъ или темные пути—

М... его въ рииму! Вотъ какъ все переведено! А чѣмъ-же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Федры перхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи—Тезей ни что иное, какъ первый Мольтеровъ рогащъ; Иполитъ, *le superbe, le fier Hyppolyte, et même un peu fagouche*, Иполитъ, суровый скиескій вы..., ни что иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ <монологомъ> рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терменъ—аббатъ и сводникъ: *Vous même ou seriez-vous etc.*—вотъ глубина глупости! Съ Рыбевымъ мирюсь Войнаровскій полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщаго и напѣчаталъ. Можетъ быть, я пришлю ему отрывки изъ Онѣгина; это лучшее мое произведение. Не вѣрь Н. Расвскому, который бранить его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, панель Сатиру и динизмъ и порядочно не разчухалъ.

68.

А. А. Бестужеву.

[12-го января 1824 г. Одесса].

Конечно, я на тебя сердить и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! А какой же смыслъ имѣеть:

Какъ лсной влагою полубогиня грудь
взды мала
или

съ болѣзнью и тоской
Твои глаза, и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ

старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простибельно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и объ немъ пѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обвиняю тебя *sans гапсисе* и съ благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, то-есть, милъ, живъ, уменъ. Баратынскій—презестъ и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангелиемъ поступать со мною милостивѣе. Рыбѣва Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ, слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще пѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter!

Туманскаго вчера и сегодня не видалъ и письма твоего не отдавалъ. Онъ славный малый, но, какъ поэтъ, я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости! А. П.

1824, янв. 12. Одесса.

Адресъ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гречу, въ С.-Петербургъ, въ газетную экспедицію. Прошу доставить г. Бестужеву.

Черновое.

Конечно я на тебя сердить и готовъ съ твоего позволенія браниться хоть до завтра. Ты напѣчаталъ (ту элегію) тѣ стихи (объ) которыхъ именно просилъ тебя не выдавать (еще) ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно (А и сколько я желалъ не выдавать въ публику первая про) (Онѣ относятся писаны къ женщинѣ которая ихъ читала ихъ. я просится) ты пишешь что безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ Эл. не имѣла бы смысла—Велика важность—а какой же смыслъ имѣеть.

Какъ -----или съ болѣзнью и мольбой—или—

Я давно уже не сержусь за опечатки—но (иногда) мнѣ встарину случалось забалтываться стихами и мнѣ (больно) грустно видѣть что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли ни (самолюбія) бѣдной собственности—это простибельно В.—но *et tu Brute*—Я (принужденъ) хотѣлъ было за випу (Вяземскаго) твоего корректора извиниться въ какомъ нибудь журналѣ—[оставляю это на] но публика (наш.) этого не стоитъ—Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пѣни и просьбы—и обвиняю тебя *sans гапсисе* и съ благодарностью (за все) остальное—

стихи и прозу—ты все ты т. е. миль, живь, уменъ Бар. прелесть и чудо—(послѣ его) признание (его рѣшилъ до сам.) совершенство (только) послѣ его никогда не стану печатать св. элегій—<хотя бы паборщикъ и поклонялся бы передъ нами (меня не щадить меня) поступать со мною милостивѣе>—Рылѣева Войн. несравненно лучше всего что онъ написалъ—слогъ его истинно пошлѣсть, чего у насъ (еще) почти еще нѣтъ—Дельвигъ молодецъ и мы (я) съ нимъ (спесусь) спесемся. Гнѣдичъ шутитъ со мною шутки въ другомъ родѣ—онъ (сказалъ Як. Тол.) разгласилъ будто бы всѣ новые стихи общанныя мною Як. Тол., продапы уже ему Гнѣд. Толс. написалъ мнѣ письмо пресухое въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изд. моихъ стих., уѣхалъ въ П. и съ тѣхъ объ немъ ни слуху ни духу—(въ) я вижу (изъ С. О.) что онъ переписывается съ тобою (черезъ) въ С. О. напиши ему слово обо мнѣ и оправдай меня въ его глазахъ да перешли его адресъ—

69.

Ө. В. Булгарину.

[1-го февраля 1824 г. Одесса].

Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й номеръ Сѣвернаго Архива, полагая, что тѣмъ обязавъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я спсходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемая двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса. 1 февраля 1824.

70.

А. А. Бестужеву.

[8-го февраля 1824 г. Одесса].

Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ П. Зв. скажу что она не въ примѣръ лучше <т. е. занимательнѣе> тѣхъ которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малой и много общается но за чѣмъ пишетъ онъ для спсходительнаго вниманія Мил. Госуд. NN. и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностію, Булгаринъ говоритъ что Н. Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово мысли. Арабская сказка прелесть; совѣтую тебѣ

держатъ за воротъ этаго Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича, это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жалъ. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; вчера—люблю и мысля помѣстить современемъ въ Грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева родина хороша, Баратынскій—чудо—мои пѣрсы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя а печатаю потому что деньги были нужны.

3 пунктъ и самый нужнѣйшій съ эпиграфомъ безъ церемоніи: ты требуешь отъ меня десятка пѣснь какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли паберу ихъ и пилтокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ Цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же я общалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе нѣжели тебѣ. Объ моей поэмѣ нечего и думать—если когданибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Рылѣеву. Обними Дельвига, брата и братью.

8 февр. 1824.

На оборотѣ: Его Высокоблагородно Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Газетной Экспедиціи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

Черновое.

Ты еще не получилъ [еще] какъ видно, письма моего [гдѣ говорю тебѣ], не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ—Отв. [сочи.] повѣст. въ Пол. скажу, что онѣ не въ примѣръ лучше г. е. (занимательнѣе) тѣхъ кот. были напечатаны въ про. году, et c'est beaucoup dire—Корниловичъ—славный малой и мн. общ., но за чѣмъ пишетъ онъ: для [вни.] спсходительн. вниманія . . . М. Го. NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекр. пола для продолженія [занимательн.] любопытныхъ св. труд. все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шал. невинностію. Булг. говорить, что ст. Н. Бест. отличаются новостію мыслей; можно [было имѣть болѣе] бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово [къ] мысли. Арабскія сказки прелесть—совѣтую тебѣ держатъ за воротъ этаго Сенковскаго. [Стихи преизрядные. . .]. Между поэт. не вижу Гнѣдича и досадно; нѣтъ и Языкова и его жалъ. Похабный мадр. Родз. должно бы оставить [Нахимову] покойному Демонси а не печатать въ Эвр. изд.

Вчера — —
Люблю и мысля — —

[Отошли въ какую-нибудь] помѣстятъ [когда-нибудь] грамматику—для примѣра явной безсмыслицы—Плетнева Родина хороша, Бар. чудо—мои пѣрсы плохи—вотъ тебѣ и все о Полярной—Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недо-

статокъ плапа не моя вина—и съ суевѣрной точностію перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины:

Aux douces lois—

Впрочемъ я (довольно его люблю его для) напечаталъ Фонтанъ его потому что деньги нужны <я написалъ его единственно для себя>.

III пунктъ и сам. нужный, съ эп. безъ cere. Ты (просишь) требуешь отъ меня десять пѣснь какъ будто у меня ихъ сотни (Не могу ихъ продавать ибо они уже проданы). Я обѣщалъ стиховъ Кюхельбекеру, которому они вѣрно пужнѣе, пѣжели тебѣ (пото. положимъ что) Едвали наберется ихъ (для тебѣ) и пятокъ—ты забываешь отношенія мои съ Цензурой—О моей поэмѣ нечего и думать она писана строфами едвали не вольнѣе строфы Дон. Ж. Если (я) когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ II. б. и не въ Москвѣ. У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ... сдѣлайте съ Цензурой—переправляйте ихъ).

71.

Князю П. А. Вяземскому.

[8-го марта 1824 г. Одесса].

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать что ремесло наше право не хуже другога. Одно меня затрудняетъ ты продашь все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, выгнать изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Росту имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться хотъ я право не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэмю ¹⁾. Благо я не принадлежукъ нашимъ писателямъ 18-го вѣка: я пишу для себя а печатаю для денегъ а ничуть для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнѣйшія замѣчанія на Булг., это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ упижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному ²⁾ пристрастію судишь во преки ³⁾ своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому ⁴⁾. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковского. Ты его когда-то называлъ Le poëte de notre civilisation. Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе что такое въ

началѣ лѣта и не дорого. Левъ Нарышкинъ съ которыми я уже объ этомъ говорилъ, убѣждаетъ въ чуждія края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 600 р. въ мѣсяцъ, и дачу не очень помню за сколько. Я бы сохвѣт[ов]алъ тебѣ для дѣтей нанять дачу потому что въ городѣ пыль несносна ¹⁾. Буду еще хлопотать; Впрочемъ твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги все вѣдь изтратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта. С. Волконскаго еще нѣтъ.

8 марта
1824.

Одесса.

Адресъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

72.

Князю П. А. Вяземскому(?).

[Первая половина марта 1824 г. Одесса].

.....Читая Шекспира и Библию, Святыи Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира.—Ты хочешь знать, что я дѣлаю:—пишу пестрыя строфы романтической поэмъ,—и беру уроки чистаго Аевизма. Здѣсь Англичанинъ глухой Философъ, единственный умный Аевей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ изписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная.

73.

Л. С. Пушкину.

[1-го апрѣля 1824 г. Одесса].

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благои[ам]ренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія. На что это похоже? II въ П.Б. ходятъ тысяча списковъ съ него—и кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

Ня я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хотъ трава ни расти. Все такъ но жалъ если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски обдернуты и останутся въ накладѣ—да въ передъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ.—Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей Славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ

¹⁾ Въ черновомъ прибавлено: «потому что мнѣ полюбилось».

²⁾ Тамъ же: «снисходительному».

³⁾ Тамъ же: «и вѣрно вопреки».

⁴⁾ Тамъ же: «но хочу сказать кому».

¹⁾ Тамъ же: «въ городѣ по причинѣ пыли жить не сносно; стану хлопотать».

голоду не окопѣть, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ Фонтанъ разходитъ—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Восейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—Мало-ли что приходитъ на умъ въ дружеской переписки, а имъ бы все и печатать—это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно; ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1 апрѣля
1824.

Письмо это доставить тебѣ Сенявинъ, адъютантъ Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной щетѣ, да въ сопровожденіи Жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни Отецъ ни словечка не отвѣчае мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрывае мои книжный торгъ. Кудя хорошо!

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.
У Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.

74.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Сей часъ возвратился изъ Кишенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слозь твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева; все что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья *tout de force et affaire de parti*. Читалъ твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну; тогда *du choc des opinions jaillira de l'argent*. Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; не старалъ ..... классическая, на которую ты нападаешь, полно существовать-ли у насъ? это еще вопросъ.—Повторю тебѣ передъ эвангеліемъ и святымъ причастіемъ—что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или Дядя В. М. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одною всю русскую оппозицію? и чѣмъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Свѣриной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?—Мнѣнія Вѣстн. Евр. не можно почитать за мнѣнія, на Благ. сердиться невозможно. Гдѣ же

враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ т. е. о деньгахъ. Сленинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь, да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ—а я думалъ, что это ошибка Географовъ. Дѣло стало за Цензурой, а я не шучу потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости—мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи—т. е. или рыбку съѣсть, или на ... съѣсть. Дамы принимаютъ эту поговорку въ обратномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ; буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурить за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники.—Прости, душа—да пришли мнѣ денегъ. А. П.

Ты не понималъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи.—Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣрнуть, да мнѣ не вѣрится.

75.

„Издателю Сына Отечества“.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальных замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, нѣкоторые не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательныя для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъясненію снисходительности и дружеской.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе сіюю своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостію.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?—Класс. Признаюеъ, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писать болѣе для Европы вообще,

чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

76.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[25-го мая 1824 г. Одесса].

П. [очтеннѣйшій] А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то нибыло, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на шетъ моего положенія.

7 лѣтъ я служу службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти (семилѣтнія) 7 лѣтъ какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ (совѣмъ) другую дѣль. Ради бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что Графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

(Можетъ быть, скажете вы) Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или П. Б. можно вести книжной торгъ ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по той причинѣ что пахожусь за 2000 п. отъ столицъ. Правительству угодно (было) вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты я принимаю эти 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновника но какъ паекъ ссылчанаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ, (которыя доставляютъ мнѣ). Вхожу въ (сіи) эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, (также) какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то что уже (сказалъ) извѣстно Графу М. С. если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

Знаю что довольно этого письма чтобъ меня, какъ говорится, уничтожить. Если Гр. прикажетъ подать въ отставку я готовъ; но чувствую что перебивъ мою зависимость я много потеряю а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: Вы можетъ быть не знаете что у меня аневризъмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я

ношу съ собою смерть. Могу предствитъ свидѣтельство котораго угодно Доктора. Ужели не лѣзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни котораго вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глуб. почт. и серд. пред.

Черновое (первый набросокъ).

22-го мая.

П. А. И. Будучи совершенно чуждъ ходудѣловыхъ бумагъ, не знаю (какимъ) въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу (снисхожденіе) снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно (о своемъ положеніи) на шетъ моего положенія.

(Я давно отказался отъ всякой надежды, отъ всякой выгоды) служба никогда не была моею дѣлюю: 7 лѣтъ я ею не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ; эти 7 лѣтъ к. в. извѣстно для меня потеряны. Чувствуя совершенную свою неспособность, я уже отказался отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи или выгоды [Можетъ быть, я чувствую, болѣе, чѣмъ кто-нибудь умѣренность правительства, но не могу...]; я самъ заградилъ себѣ путь, я выбралъ другую дорогу. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на (стихи) стихотворство, какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка, съ смѣшнымъ тщеславіемъ: оно—просто мое ремесло, отрасль промышленности, которая одна доставляетъ мнѣ пропитаніе и независимость. Графъ не захочетъ лишить ни того, ни другаго.

Можетъ быть, скажете вы, что я получаю жалованіе, слѣдственно, обязанъ служить; но я принимаю 700 рублей не такъ, какъ жалованіе чиновника Нов. В. губ., но какъ (человѣч.) паекъ ссылчанаго невольника. Вы знаете, что только (въ Россіи) въ Москвѣ или Петербургѣ (могу) можно вести книжный торгъ ибо только тамъ находятся журналы, цензора и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній только по той причинѣ, что пахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительство вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ мои утраты—но я готовъ отказаться отъ моего жалованія, если не буду властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ это обст., потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Вор., также какъ и вашимъ также какъ и всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже [честь имѣтъ говорить] сказать самому графу М. С.: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Е. С.; по я не хочу служить, никогда ничего по службѣ не искалъ и противу воли — — —

Чувствую, что въ семъ [письмѣ] довольно, чтобъ меня уничтожить; если графъ прикажетъ подать мнѣ въ отставку, я готовъ, хотя съ сожалѣніемъ, чувствуя, что перебивъ мою должность я много потеряю и ничего не надѣюсь выиграть.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризъмъ; слѣдственно, вотъ уже 8 [лѣтъ?], какъ я ношу съ собою смерть; могу представить свидѣтельство [какого угодно] того доктора, котораго угодно вамъ... Кажется, служба таково чиновника не завидна. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, котораго вѣрно не продлится?

77.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

(Мнѣ) Съ удивленіемъ [услышавъ] слышу я что ты считаешь меня [варваромъ] врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. (Мнѣ случилось иногда говорить о Греціи) Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы. (Повторяю тебѣ чтобы оправдаться) Но чтобы тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить чтобы когда нибудь сердце мое недоброжелательство. (освобожденію свободѣ) благороднымъ усиліямъ (свободы) возражающагося народа. Жалѣя что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторяю и здѣсь (тебѣ) то что (думаю) случилось мнѣ говорить касательно Грековъ.

(Большая часть людей) Люди по большей части (ограниченны) самолюбивы, безпонятны, легкомысленны, невѣжественны, упрямы; старая истина которую все таки не худо повторить—Они (не) рѣдко терпятъ (ни рѣдкаго) противурѣчія никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ [что] всякую новость; и (однажды принявъ) къ себѣ привыкнувъ ужъ не могутъ съ нею разтаться.—

Когда что нибудь является общимъ мнѣніемъ то (оно непримѣтно) глупость общая вредитъ ему столь-же, сколько общее (усиліе) единодушіе ¹⁾ ее поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ (много глупыхъ) гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ [полезныхъ] друзей.—(Невѣжество) Ничто еще не было столь народно какъ дѣло Грековъ, хотя многіе въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

78.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

.... de Constantinople—<Voilà> a de gueux (de courtiers... de juifs, de coupeurs de bourse) timides, voleurs et vagabondes qui n'ont (ne pouvoient) (jamais) pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousquetterie turque, (voilà ce que sont les) formeroit une singulière troupe dans l'armée (Russe) du Comte Vitgen.—Quand à ce q. reg. les officiers, ils sont pires que les soldats—(On peut voir) N. avons vu les nouveaux Leonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenév—(nous) plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complete nullité—aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme—(un) ils ont trouvé l'art d'être insipides, même au moment où leur conversation devoit intéresser tout Européen—les (officier) françois et les Russes qui se trouvent ici (leur disent des grosses injures en face et quelquefois) leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout, même les coups

¹⁾ Передѣлано изъ «единомыслія».

de bâton avec un sang froid digne de Themistocle— Je ne suis ni un Barbare ni un apôtre (du gouvern.) de l'Alcoran, la cause de la Grece m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré des défenseurs de la liberté—

79.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[Начало июня 1824 г. Одесса].

(Votre lettre m'a fait bien de la peine) Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et (notre douleur) l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant aux craintes que vous (femoigner) avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretterai-je? Est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le t mps de me résigner. (C'est à quoi je m'y suis résigné déjà). Sont ce mes appointements? (Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner) Puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent que le il est tout naturel de (leur) les sacrifier les occupations de mon service: Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis, ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection; rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Ladessus j'ai des préjugés démocratiques qui valient bien les préjugés (d'orgueil) de l'Aristocratie.

(Il est inutile). Je n'aspire qu'à l'indépendance <pardonnez-moi le mot en faveur de la chose>; à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance [d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis <je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis>. Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier imbecile galopin anglais qui vient promener p rmi nous sa platitude [sa nonchalance] et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte W., qui est un homme d'esprit, saura (de me mettre dans mon tort) me donner le tort dans l'opinion du public: triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie (très peu) tant autant de l'opinion de ce public que des fenilles) de l'admiration de nos journaux.

80.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина июня 1824 г. Одесса].

Жена твоя пришла сегодня, привезла мнѣ твои письма и мадригалъ Василія Львовича въ

которомъ онъ мнѣ говоритъ: ты будешь жить съ Книжницею прелестной; не вѣрь ему, душа моя и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многимъ отношеніямъ: кажется ты успокоился послѣ своей эниграммы. Давно бы так! Критики у насъ, Чуваши, не существуютъ, паки какъ-то неприличны; о поединкѣ и смѣхѣ и грѣхъ было и думать: то ли дѣло дытъ дытъ или дытъ дытъ. Принимай мнѣ эниграмму Грибоѣдова. Въ твоей неточности: и взглядъ такой; должно цискъ. Впрочемъ, она прелестна. То что ты говоришь на щетъ журнала давно уже бродить у меня въ головѣ—дѣло въ томъ что на Воронцова нечего падѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды—Никто изъ насъ не захочетъ великодушнаго покровительства и просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Ныѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣвѣи на лѣвѣи—матеріалы есть матеріалы есть, но ои est le cul de plomb qui pousse а ça? гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго? <въ смыслѣ Милопова—что для издателя хотѣ въѣтника Еврони, не надобно тутъ умъ, потребна только...>? Еще бѣда: ты—Sectaire, а тутъ бы пужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступилъ-ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василія Львовича; отречешься-ли отъ Воейкова—Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разсѣяны по лицу земли—между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія; золотое къ стати поминутно отъ насъ выскользаетъ—Первое дѣло: должно приструнить всѣ журналы и держать ихъ въ рѣшетохѣ—ничего легче бѣ не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили бы за ужиномъ вчера; а теперь сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какую нибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирюкову въ П. Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ *revue des révolues*. Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова лня—а еще даждь (намъ) Бабушкѣ до Юрьева дня—Радуюсь, что могъ услужить тебѣ своей денежкой, сдѣлай милость не торопись—Съ женою отошлю тебѣ 1-ую пѣсню Ойгина—Авось съ перемѣнной министерства она и напечатается—покажѣшь мнѣ предлагаютъ за второе изданіе К. Пѣв. 2000 рублей. Какъ думаешь? согласиться? Третье вѣдь отъ насъ не ушло.

Прощай милый; пишу тебѣ въ пол-пьяна и въ постелѣ—отвѣчай.

81.

Л. С. Пушкину.

[13 іюня 1824 г. Одесса].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть ува-

женіе къ самому себѣ. Ты, Дельвижъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на словочъ нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о Сѣверныхъ Пѣвѣтахъ—выдуть ли и когда выдуть? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жалъ... la soupe étoit pleine. Бирюковъ и Красовскій не въ терпѣжѣ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ *Бахч. Фонтанъ* изъ уваженія къ святости Академическаго словаря и неблазно составленному слову в о д о м е т ъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзаніе, не яко Іуда Азрамасецъ по яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ Цензуры съ первою главой или пѣснью Ойгина. Авось пролѣземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ Ойгинѣ—скупно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякаго рода; скупно и пыльно. Сюда приѣхала Кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя! деньги мнѣ нужны. Продай на годъ Кавк. Пѣв. за 2000 рублей кому бишь? Вотъ перемѣны: И путникъ оживаетъ—и пѣвники. Остановилъ онъ долго взоръ—Всперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ И уповательнымъ... Не много... и дней—но чей, ради Бога. Прощай.

На оборотъ: Милостивому Государю

Льву Сергѣевичу

Пушкину. Въ С.-Петербургѣ,

У Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

82.

Князю П. А. Вяземскому.

[Середина іюня 1824 г. Одесса].

Я ждалъ отъѣзда Трубецкова чтобъ писать тебѣ спусти рукава. Начну съ того что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ, и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку—но чѣмъ кончатъ Власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придратъся; а Европейская молва о Европейскомъ образѣ мыслей Графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ (ей) его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостию—Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первые 2 пѣсни Донъ-Жуана вышли слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ на выворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему невозвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона

мы не слыхали, а писалъ какойто другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й иѣсни его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; (п) можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенные Европейскія народы бредили Греціей—это непрости-тельное ребячество. Иезуиты натолкавали намъ о Осмистоклѣ и Периклѣ а мы воображали что пакостный народъ состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ есть законпорожденный ихъ пото-мокъ, и наслѣдникъ ихъ школьной славы.—Ты скажешь что я перемѣнилъ свое мнѣніе. При-ѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотриѣть на соотечественниковъ Миллтіада и ты бы со мною согласился.—Да посмотри что писалъ тому нѣскольکو лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold—тамъ гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула помнится, въ Смирнѣ—Общаю тебѣ однакоже Вириши на смерть Его Превосходительства.

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о пере-мѣнѣ министерства—Что ты обь этомъ думаешь? Я и радъ и иѣтъ. Давно ли[е]визъ всякаго русскаго есть чемъ хуже тѣмъ лучше. Опозиці[и] Руская, составившаяся, благодаря Рускаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ ожидая чего нибудь—А теперь какъ позволять Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть свя-щенное чувство, вся эта сволочь опять угомони-тся, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ—Вотъ какъ Шишковъ сдѣлаетъ всю обѣдню . . . . . Съ другой стороны деньги, Опѣгнѣ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ—Еще слово: я позволилъ брату продать (2) второе изданіе Кавк. Плѣ, день гиблы пужны—А <какъ я говорилъ> 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ.—Да ты пакостишь со мною: даришь меня, и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ—Ты задорный издатель—а Гнѣдичъ хотѣ и не выгодный пріятель за то ужъ копѣйки не подарить и смирно себѣ сидѣть ни бранясь ни съ Каченовскимъ ни съ Дмитріевымъ. А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

83.

Н. В. Всеволожскому.

Черновое.

[Вторая половина іюня 1824 г. Одесса].

Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій! Ты помнишь Пушкина, про-ведшаго съ тобою (первые годы) столько весе-лыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видѣлъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, по неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей (кулисныхъ страстей), того Пушкина, который отрѣзвилъ тебя въ страстную пятницу и проводилъ тебя

подъ руку въ церковь те. Дирекціи, да помо-лишься Господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ пѣнѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ пѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли, что я тебѣ полупро-далъ, полупроигралъ рукопись моихъ стихотворе-ній? (О священная дружба! о проклятый тиранъ!) Ибо знаешь: играй.... родить задоръ..... Я разкаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стих.; боль-шая часть оныхъ ниже посредственности и го-дится только на совершенное уничтоженіе; нѣко-торыхъ хочется мнѣ спасти.... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же дѣну 1000 <я знаю, что ты со мною спорить не станешь, даромъ же взять не захочу>. Деньги тебѣ доставлю съ благодарностію, какъ скоро вы-ручу. Надѣюсь, что мои стихи (по милости божіей) у Сенина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя моя радость, обнимаю п... Прошу... Когда-то свидимся... когда-то...

84.

А. А. Бестужеву.

[29-го іюня 1824 г. Одесса].

Милый Бестужевъ, ты ошибся думалъ что я сердить на тебя—дѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣ-чать на послѣднее твое письмо <другова я не по-лучалъ>. Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ чело-вѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно (въ это время) въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.

Но пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя про-стить! но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ—напѣчатавъ 3 послѣднія стиха моей элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. фонт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными.—Журналъ можетъ попасть въ ея руки.—Чтожъ она подумаетъ . . . . . видя съ какой охотою бесѣду обь ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей. Облзана ли она знать что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ—что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ—и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣ-пѣими всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстн. Евр. <единствен-номъ журналѣ на котораго не имѣю права жало-ваться> что Булг. не былъ въ правѣ пользо-ваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласія ихъ собственнаго. Но пере-крестясь предаю это все забвенію. Отзовишь и п съ колокольи давай.—Мнѣ грустно мой милый что ты ничего не пишешь. Ктожъ будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? хороши! если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полу-покойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не ше-

вельпудась чтобъ ихъ стравить, подразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновался. Для кого жъ занимательно мнѣіе Дмитріева о мнѣіи Вяземскаго или мнѣіе ..... Писарева о самомъ себѣ. Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дмитріевымъ. Но больше не буду. Онѣгинъ мой растетъ. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому. — Если согласіе мое, не шута тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ — то я никакъ его не дамъ если не пропустить грезъ и харчевни <скоты! скоты! скоты!> а по па къ чорту его. Кончу дружеской комисіей — постараюсь увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, безпамятному эгоисту что существуетъ ибѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и приятный стихотворецъ. Онѣй Пушкинъ продалъ ему когда то собрание своихъ стихотвореній за 1000 р. ассигн. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить. Согласится-ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. — Покажи ему мое письмо. — Мужайся — дай отвѣтъ скорѣй какъ говорить Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

87.

Князю П. А. Вяземскому (?).

Черновое.

[5-го іюля 1824 г. Одесса].

Французы ничуть не ниже Англичанъ въ Исторіи — Если первенство чего нибудь да стоитъ то вспомните что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ — и внесъ свѣтильникъ Философіи въ темныя Архивы Исторіи. Робертсонъ сказалъ что если бы Вольтеръ потрудился указать на Источники своихъ сказаній то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей Исторіи — 2-е Лемонте есть Геній 19-го столѣтія — прочти его Обзорѣніе Царствованія Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С-тъ Этьенъ — дрянъ.

5 іюля 1824 Одесса.

Вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи — Лавинъ бьется въ старыхъ свѣтахъ Аристотеля — Онъ ученикъ Трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française.

Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ портѣ — вообще хорошъ какой то новой Гармоніей —.

Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chénier. — Но онъ изъ Классиковъ классикъ — отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей! Вспомни мое слово: первый Геній въ

Отечествѣ Расина и Буало — ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ — что твои пѣмцы — а покажѣсть поэзія во Франціи менѣе чемъ у насъ —

88.

А. И. Тургеневу.

[14-го іюля 1824 г. Одесса].

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ свѣръ. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ; дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ неприятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — Вандакъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Бояряна. Правда — но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о Конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музыки, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя переѣздна министерства обрадовала бы меня въ полнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицыной constitutionnelle ou Anticonstitutionnelle mais toujours adorable comme la liberté. А. П.

14 juillet.

На оборотѣ: A. Monsieur Monsieur Tourguenief à St-Petersbourg.

89.

Князю П. А. Вяземскому.

[15-го іюля 1824 г. Оде са].

За что ты меня бражнишь въ письмахъ къ своей женѣ? за отставку? т. е. за мою независ-

мость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Привдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними Властями это вопросъ на который отвѣчать мнѣ нехочется хоть и можно бы. Кюхельбекеръ вѣдетъ сюда—жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ; что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины?—Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбить съ рукъ Пѣвника, но плутня Олдекоппа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Пѣвника, и я долженъ буду хлопотать о разысканіи по законамъ—Прощай, моя радость. Благослови, Пресвященный Владыко Асмодей.

15 июля.

На оборотъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

88.

Н. С. Зеновичу.

[8-го августа 1824 г.]

Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Писателя Семеновича Зеновича за его заочное гостепрѣимство. Онъ оставляетъ его домъ искренно жалью, что не имѣлъ счастья познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

89.

И. М. Рокотову.

[Августъ—сентябрь 1824 г. Михайловское].

Monsieur! Je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable. Quant à ce qui regard le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500. Au reste je m'en rapporterai à la décision de monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite, monsieur, de votre très humble et obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

90.

А. Н. Вульфъ.

[20-го сентября 1824 г. Михайловское].

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что?—бутылочъ полный ашикъ.
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ за благо разсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданія, мой милый А. Н.

91.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское]

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго ссѣда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Тебя, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель,
.....

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Сослови мой ареопагъ, то-есть, Жуковского, Гибдича и Дельвига. Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалью, что нѣтъ Баратынскаго, между тѣмъ говорить, онъ пишетъ....

92.

Н. И. Кривцову.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское].

Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай что онъ въ первые послѣ разлуки писать къ тебѣ. Но Богъ знаетъ почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника!—Правда-ли, что ты сталъ Аристократомъ?—Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года—Всѣ мы раз-

бредись — Всѣ мы переѣвнились—А дружба,
дружба—

93.

Князю П. А. Вяземскому.

[10-го октября 1824 г. Михайловское].

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ—
дѣловую записку твою получилъ исправно—вотъ
тебѣ отвѣтъ.

Ольдекопъ укралъ и совралъ! Отецъ мой
никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность
и бы тебѣ переслалъ; по погоди; гербовая бумага
въ городѣ, должно взять какое то свидѣтельство
въ городѣ—а я въ глухой деревнѣ. Если можно
безъ нее обойтись, то начни дѣйствіа, единствен-
ный, дѣятельный другъ! По письму дяди, вижу
что Кн. В. О. къ тебѣ прибѣжалъ; ты ничемъ не
достойнъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ
уже не пишешь). Немѣленно буду къ ней пи-
сать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пре-
быванія. En attendant mettez moi à ses pieds et
dites lui qu'elle est une âme charmante. О моемъ
житьѣ-бытьѣ ничего тебѣ не скажу. Скучно вотъ
и все.

Каковъ Гр. Ворондовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

Къ стати о стихахъ: сегодня кончилъ я
поэму Цыгане. Не знаю что объ ней сказать—
Она покамѣстъ мнѣ опротивѣла, только что кон-
чилъ и не успѣлъ обмытъ заправшія....
Посылаю тебѣ маленькое поминанье за упокой
души раба Божія Байрона—Я было и дѣлую па-
нихиду затѣвалъ, да скудно писать про себя—или
справлялся въ умѣ съ таблицей умноженія глу-
пости Бирукова, раздѣленного на Красовскаго—
Братъ Лайонъ тебѣ кланяется—пришли мнѣ сти-
ховъ, умираю скудно.

94.

Княгинѣ В. О. Вяземской.

Черновое.

[Первая половина октября 1824 г. Михайловское].

Belle et bonne princesse Vera, amie charmante
et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre
lettre: les paroles seraient trop froides et trop
faibles pour vous exprimer mon attendrissement et
ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à
toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je
suis, elle seule me console de bien de chagrins et
seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume
ma sottise existence. Vous devez la connaître, cette
sottise existence. Ce que j'avais prévu s'est trouvé

vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait
que redoubler des chagrins assez réels. (Le gouver-
nement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être
agent de persécution). On m'a reproché mon exil; on
se croit entraîné dans mon malheur, on prétend que
je prêche l'athéisme à ma soeur, qui est une créature
celeste, et à mon frère qui (a beaucoup d'esprit)
est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers
et que j'ennuie très-certainement. Dieu sait, si ce
serait vrai. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un
emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse
position à mon égard. Cela fait que je passe à che-
val et dans les champs tout le temps que j'en suis
pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attris-
te, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lecture;
je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage,
non слава à Dieu: nebo у насъ сивое, а луна—
точная рѣна. А l'égard des mes voisins, je n'ai eu
que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excé-
dent pas; je jouis parmi eux de la réputation d'Oné-
guine, et voilà je suis prophète en mon pays. Pour
toute ressource je vois souvent une bonne vieille
voisine, j'écoute ses conversations patriarcales; ces
filles, assez mauvaises sous tous les rapports, me
jouent du Rossini qui j'ai fait venir. Je suis dans la
meilleure position possible pour achever mon (poème)
roman poétique, mais l'ennui est une froide muse, et
le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe
que je vous dois; montrez la au *Pr[ince] Pierre*; dites
lui de ne pas juger du tout pas cet échantillon.

Adieu, ma respectable princess, je suis à vos
pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à
ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de
l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un
mot d'Odessa, de vos enfants. Avez-vous consulté le
docteur de Mimi? Que fait-il, и что Мими?

Le prince a....

Адресъ: Покорно прошу доставить ея сіятель-
ству княгинѣ Вѣрѣ Федоровѣ Вяземской.

95.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмедкую критику
Кавк[азскаго] Пл[ѣнника]? <спросить у Греча>,
да книгъ, ради бога книгъ! Если ГГ. издатели не
захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Аль-
манаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ
ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Бул-
гарина. К стати о таліи: на дняхъ я мѣрялся
поясомъ съ Евпр[аксіей], и таліи наши нашлись
одинаковы. Слѣд[ственно], изъ двухъ одно: или я
имѣю талію 15 лѣтней дѣвушки, или она—талію
25 лѣтняго мушкетера. Евп[раксія] дуется и очень
мила, съ Анеткою брапюсъ; надобно! Еще комисіи:
пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ
Чадаева, да перстень мнѣ грустно безъ него;
рискини съ Михайломъ. Надѣюсь что разбойники
тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ
оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что Онѣ-
гинъ? Перемени стихъ: Звонюкъ раздался.
Поставь: Швейдара мимо онъ стрѣлой.

Въ Разг[оворѣ] послѣ: Искалъ вниманья красоты

нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Миѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Ф онъ-Визина писать Ф онъ-Визинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно будто Губернаторъ приглашаетъ меня въ Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонять меня Отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж[уковскимъ] и съ Кар[амзиннымъ]. Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставляютъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и не справедливо. Не надѣялся на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ ПБ., и вѣрно, пока моя дома уже не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также—тебѣ въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ. Conversations de Byron! Walter Scott! Это пища души. Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда вѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ахъ, боже мой, чуть не забылъ. Вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Руской Исторіи. Прощай, моя радость! Чтожь чухонка Баратынского? Я жду.

На оборотѣ: Его Благодію
Милостивому Государю
Льву Сергѣевичу Пушкину.
Въ С.-Петербургѣ у
Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

96.

Б. А. Адернасу.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Милостивый Государь
Борисъ Александровичъ.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ протчимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Его Императорское Величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидая сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

97.

В. А. Жуковскому.

[31-го октября 1824 г. Тригорское]

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи. Прибѣжавъ сюда былъ я всѣмъ встрѣченъ какъ не лзя лучше ¹⁾, по скоро все перемѣнилось: отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ что и его ожидаетъ та же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпиономъ; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ что я предаю ему ²⁾ безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно.... Отецъ осердился ³⁾. Я поклонился, сбѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата, и повелѣваетъ ему не знаться авес се monstre, ce fils dénaturé.... <Жуковский, думай о моемъ положеніи ⁴⁾ и суди>. Голова моя закипѣла. Иду къ отцу нахожу его съ матерью, и высказываю все что имѣлъ на сердцѣ дѣлныхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибѣгнуть — Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести ⁵⁾. Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ.—Не говорю тебѣ о томъ что терпятъ за меня Братъ и Сестра—еще разъ спаси меня.

А. П.

31 Окт.

Послѣвши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясниться—дойдетъ до Правительства, посуди что будетъ. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебѣ знать что я уже писалъ бумагу Губернатору въ которомъ[ой] прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ—П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность—Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя—голова кругомъ идетъ.

98.

Л. С. Пушкину.

[Ноябрь 1824 г. Михайловское].

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина—

1) (Рум. 2370, 36, 37). Въ черновикѣ: «и облачка т.».

2) Въ черновикѣ: «и сестрѣ».

3) Въ черновикѣ: «заплакалъ, закричалъ».

4) Въ черновикѣ было: «изгнаніи».

5) Въ черновикѣ: «вѣчнаго моего безстыдія».

найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѣстѣ о-положеніи. Та же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непременно. Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

Подъ картинкою написано карандашемъ: «1 хорошъ—2 долженъ быть опершился на гранитъ. 3. лодка. 4. Крѣпость Петропавловская». [Картинка воспроизведена въ III т. наст. изд., стр. 243].

99.

Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Тригорское].

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Апельсы очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣють, я ревную и браню тебя скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ. Я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы. И ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ты всѣхъ святыхъ? Шумить-ли Пьеръ? Что твой привѣздъ и что Онѣгина?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.—найдеши у Saint-Florent, 2) свѣрныя спички, 3) карты, то-есть, картежныя <объ этомъ скажи Михайлѣ: пусть онъ ихъ и держать и продаетъ>, 3[4] жизнь Емельки Пугачева; 4[5] Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5[6] горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные Паны, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что: лѣнь прислать.

Прощай Отвыкни со временемъ отъ Нашекина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой,—а то будешь un fêléque, что гораздо хуже, чѣмъ Mirlol и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптѣ не прежде Января. Всѣмъ поклонъ—пиши же живѣе.

На оборотѣ: Милостивому Государю и брату.

100.

В. А. Жуковскому.

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Не знаю получилъ-ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ краткѣ о дѣлѣ которое меня задираетъ за живо, 8-я лѣтняя Родоеса Сафаносъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѣ героя, воспитывается въ Кинешевѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго видѣ-губернатора Бессарабіи. Не-

льзя-ли сиротку приютить? Она племянница Рускаго полковника, слѣдств. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, портъ! и оправдаемъ провидѣніе. О себѣ говорить не намѣренъ, я хладнокровно не могу всего этаго раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываливъ что у меня на сердцѣ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи, жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина, скажи имъ что я для нихъ тоже же. Обними изъ нихъ кого можно; прочимъ—всю мою душу—

101.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Скажи моему Гепію-хранителю, моему Жуковскому что слава богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, добѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! Ничто проклятому Петербургу! Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мнѣ Цвѣтовъ Дельвига; да на долго-ли это его задержитъ въ тинѣ Петербургской. Что погребъ? Признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноля для пасаженія винограда? На святой Руси не штука—ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Бѣду завтра въ Св[ѣтлыя] горы и велю отпѣть молебень, или панихиду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай Онѣгина и съ Разговоромъ.—Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: А. Н. на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! И ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя *пустельгу* разцеловать. Евпраксея уморительно смѣшна, я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! И французскую непременно. Образъ жизни моей все тотъ-же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу: мочи нѣтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ, что Всеволожской, что моя рукопись, что письмо мое къ К. Е. Ѳ? Будетъ-ли картинка у Онѣгина? Что дѣлають Полярные господа? Что Кюхля?—Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ тотъ—послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потоку, потому что золь. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то проклянью тебя. Скажи сестрѣ что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивел. и распечаталъ полагая что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потоцѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Подалуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу а Гр. Екат.—дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! Разпечаталъ на-

рочно. Вѣрно есть бочки, р fas et nefas продающіяся въ ПБ., купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки. Возлѣ печати, у прованнаго мѣста: Я расковырялъ!

102.

Князю П. А. Вяземскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Ольдекопъ, ... его въ рифму; надобѣтъ! Плюнемъ на него и квитъ ¹⁾. Предложеніе твое косательно моихъ элегій не сбыточно и вотъ почему: Въ 1820 году переписалъ я свое вранье и памфлетъ былъ изданъ его по подпискѣ; напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ ²⁾ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому <разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ>. Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать ³⁾ изъ Мекки въ Медицу, мой Коранъ пошелъ по рукамъ ⁴⁾—и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ что такъ какъ розданные билеты, могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ Адресомъ, ибо <солжемъ на всякой страхъ> имена всѣхъ Г.Г. подписавшихся находятся у Издателя. Если попесу убытокъ и потерю нѣсколько экземпляровъ, пбнать не на кого, самъ виноватъ <это остается между нами>. Братъ увезъ Онѣгина въ П. Б. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую что въ тебѣ терлю вѣрнѣйшаго попечителя, но въ нынѣшнія обстоятельства, всякой другой мой издатель, невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія ⁵⁾—Дивлюсь, какъ письмо Тапи очутилось у тебя ⁶⁾ NB. изтолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику: Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; Тania полагаетъ причиной тому то что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его—если впрочемъ смыслъ и не совсемъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ; письмо женщины, къ тому-же 17 лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-же, душа моя, твоя проза ⁷⁾ о Байронѣ? я жду, не дождусь ⁸⁾. Смерть моей теткы frétillon, не вну-

Варианты черновика («Рум. музей», 2370, 40—42):

¹⁾ Прибавка «Милый, я пишу много неприятностей, и письмо твое къitati пришло и меня подвеселило».

²⁾ «продалъ».

³⁾ «спѣшить».

⁴⁾ «изъ рукъ въ руки».

⁵⁾ Было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: «Напишу брату, чтобъ онъ прислалъ тебѣ».

⁶⁾ Прибавлено «(прислали тебѣ его для Раяча, или... какъ ты захочешь)».

⁷⁾ «твое поминанье».

⁸⁾ «Вѣдь я жду, и княгиня Вяземской писала».

шила-ли какого нибудь перевода В. Л-чу? нѣтъ-ли хоть эпитафіи? ¹⁾

Пиши мнѣ: Ея Высокор. Парасковѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Тросгорское, для доставленія А. С. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай ²⁾, добрый слышатель; Отвѣчай-же мнѣ на мое полу-слово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила-ли она письмо мое. Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

Знаешь-ли ты мою Телѣгу жизни?

Хоть тяжело подлѣ часть въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И презирая страхъ и нѣгу
Кричимъ: валий, ...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги
Поразтресло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуролой!

Катить по прежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И дремля, ѣдемъ до почлега—
А время гонить лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ— — — — —

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

103.

В. А. Жуковскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за строчку глупова письма, что было бы если правительство узнало (бы) обвиненіе отца? Это пахнетъ палачомъ и каторгою. Отецъ говорилъ послѣ: Экой дуракъ, въ чемъ оправдывается! да онъ бы еще осмѣлился меня бить! да я бы связать его велѣлъ!—зачѣмъ-же обвинять было сына въ злодѣйствѣ несбыточнымъ? да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непрестойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами!—

¹⁾ «Написалъ ли дядя шестистопную эпитафію à tante frétillon? Вотъ случай! А потопъ! Жду водяного псама Онты. Перешлю брату твоей поклонъ».

²⁾ Было: «милый entendeur», но зачеркнуто.

каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Чтожъ, милый? будетъ-ли что нибудь для моей маленькой Гречанкѣ? она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нее и того жалче. Дочь героя, Жуковскій! Они родня портамъ по поэзіи. Но полу-Милордъ Воронцовъ, даже не полу-герой. Мнѣ жаль что онъ безсмертенъ твоими стихами а дѣлать нечего. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго, уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиныхъ—тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

29 Нояб.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Василію Андреевичу Жуковскому.
Въ С.-Петербургѣ.
Въ Аничковскомъ дворцѣ.

Черновое.

Ты получилъ мое письмо. Долго не могъ я рѣшиться отослать его, но что мнѣ было дѣлать? И сосланъ за одну строчку глупого письма. Ежели (дойдетъ до) обья. Пра, что я поднялъ руку на отца [какое мнѣ спасеніе], посуди какъ тамъ обрадуются. Это пахнетъ палачемъ и (Сибирью) каторгой. Мать согласна была съ отцомъ. [Мать моя] Теперь она говорить: да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками—дѣло десятое. [Я сказалъ имъ, что] Да онъ убилъ его словами. Это calembourg и только. (Мать меня обняла, говоря, que deviens-tu, si tu... а la fortresse). (Я показывалъ). Я посылалъ имъ письмо мое къ тебѣ. Отецъ говоритъ: «какой дуракъ въ чемъ оправдывается! Да онъ бы еще (бить меня) прибилъ. Зачѣмъ же было обвинять [меня] въ злодѣйствѣ несбыточномъ. Чѣмъ даѣе живу, тѣмъ болѣе (вязну въ) стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслася недавно обо мнѣ (и еще не застрѣлъ). (Увязъ я въ). Глупо часъ отъ часу даѣе вязнуть въ жизненной грязи.

104.

Д. М. Княжевичу (?).

Черновое.

[Начало декабря 1824 г. Михайловское].

Буря кажется успокоилась, осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда и подать вамъ голось, милый Дм. Мак. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревни,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Итальянской оперы (ни васъ, друзья мои). Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Вор. Уединеніе мое совершенно, праздность (моя) торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко [совершенный Онѣгинъ]; дѣлный день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей Нани, оригинала нани Татьяны; вы,

кажется, разъ ее видѣли; она—единственная моя подруга, и съ нею [одною] только мнѣ не скучно. Я началъ переписку только съ Ж. и В. Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился; но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ,—скажите мнѣ, что у васъ дѣлается, скажите, во-первыхъ, выздоровѣли ли кисленькая Гр. Гурьева я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благ.....

105.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

[4-го декабря 1824 г. Михайловское].

Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этого онъ и вѣру напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни моря, ни капли стиховъ отъ меня! НВ. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя-ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ? Стихъ! Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи

падобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière neveux me devoient cet ombrage. Съ журналами дѣлай что угодно; дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники, продавай или дари что угодно на переписывать мочи нѣтъ. Мих. привезъ мнѣ все благополучно, а Библия нѣтъ. Библия для христіанина то же, что исторія для парода. Этой фразой <на оборотѣ> начиналось преждѣ предисловіе Ист. Кар. При мнѣ онъ ее и переименовалъ. — Закрытіе Театра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно—народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественного бѣдствія не должно дразнить его обильной роскошью. Лавошники видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальные окна и были бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ разданіи милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, по соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идилическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли-же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! Да если она мнѣ моей черкешенки, такъ я полюбшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 дек.

Милая Оля, благодарю за письмо, Ты очень мила и я тебя очень люблю хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est tres joli de sa part Au vrai j'ai toujours aimé ma pouvre tante et je suis fâché que Chalikof aie pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисію, ъздила въ Св. горы и отправила панихиду или что было нужно. Она даулетъ тебя я также. Твоя троюгорскія приятельницы несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Кланяйся В. В. Э[нгельгардту] и Гнѣдичу и Плетневу, и Онѣгину, и Слѣнину. Присылай мнѣ Старицу; это приятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣвъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? Ты читалъ ему Он?

На оборотѣ: Ея Сіятельству
Милостивой Государынѣ
Катеринѣ Марковнѣ
Графинѣ Ивеличевой
Въ С.-Петербургѣ,
у Каликина мосту, въ собственномъ домѣ.
Пр. дост. братцу Льву Серг.

106.

А. Г. Родзянкѣ.

[8-го декабря 1824 г. Михайловское].

Милый Родзянко, твой поклонъ меня обрадовалъ; не рѣшишься-ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. [ернъ], которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей Кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь—но славны Лубны за горами. На всякой случай зная твою влюбчивость и необыкновенныя таланты во всѣхъ отношеніяхъ полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегію или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чупъ? Злодѣй! не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ—пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскій написалъ поэму <не прогибавайся про Чухонку> и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила. — А я про Цыганку; каковъ? подовай-же намъ скорѣй свою Чухонку—ай да Парнасъ! ай да Героини! ай да честная кампанія! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ закричитъ: за чѣмъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Фебъ? Гречанку? Италіанку? чѣмъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка. . . . . одна—...! т. е. оживи лучшемъ вдохновеніи и славы.

Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ

Поклонъ Порѣрію, и всѣмъ моимъ старымъ пріятелямъ.

Прости, украинской мудрець,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!

Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй чѣмъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ—деревня; ты мой Папа,
Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

На оборотѣ: Поэту Родзянкѣ.

107.

Л. С. Пушкину.

Черновое.

[Первая половина декабря 1824 г. Михайловское].

(Что же? Будетъ) ли вино,
Лайонъ? (Жду) его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
(Самъ себѣ я господинъ)
Погребъ мой гостепреимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
St. Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои,
Поэтический Ам
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское . . . .
(Рейнъ . . . . .)
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастия:
. . . . . Задора.
Безъ разбора . . . .
Вина обхожу кругомъ . . . .
. . . . .

108.

Барону А. А. Дельвигу.

Черновое.

[Середина декабря 1824 г. Михайловское].

(Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время какъ и И. М. Очень жалѣю что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? различіе нашихъ впечатлѣній. Посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу¹⁾ на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ называемую Митридатову гробницу <развалины какой то башни> тамъ сорвалъ двѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ (его) безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я ви-

¹⁾ Изъ Тамани въ Керчь. [Примѣчаніе Пчужкина].

дѣлъ сѣды улицъ, полузаросшія ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Θεοδοσίи до самаго Юрзуфа ъхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Четырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ сѣтвомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину пѣвнтельную: Разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижины татарскихъ издали казались ульями прилепленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ими; съ права огромный Аю-Дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный.....

(На полуденномъ берегу) Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался дѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣшалъ его, и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ и путешествіе М[уровьева] оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ по скаламъ Кикенесиса, не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы и первый предметъ, поразившій меня была берѣза, сѣверная берѣза! сердце мое сжалось я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ—хоть все еще (я) находился (я) въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міеологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайнѣйшій мѣрѣ тутъ постигли меня рифмы. Я думалъ стихами (о**). Вотъ они.

Къ чему холодныя.....
и проч.

Въ Бахчисарай приѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на побереженіе въ которомъ онъ излѣиваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема и на ханское кладбище.

но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было—

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говорить М. я (его не) объ

немъ не вспомнилъ когда писалъ свою поэму—а то бы непременно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ теперь почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все что подвластно ему? и проч.

Пожалуйста не показывай этого письма никому даже и друзьямъ моимъ <развѣ переписавъ уже> а начала въ самомъ дѣлѣ не нужно.

Черновое.

(Я прочелъ) Путеш[ествіе] по Тавр[идѣ] прочелъ я съ жадностью и чрезвычайнымъ удовольствіемъ.—Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И[ванъ] М[атвѣевичъ]. Жалѣю очень, (не понимаю) какъ мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ (глубокія) остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ (коихъ) потребны [глубокія] обширныя свѣдѣнія самого Автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній. (Кажется (помнится) я писалъ тебѣ изъ К. о Кавказѣ и Тавридѣ. Если (сколько упомяну) письмо мое сохранилось, жалѣю) посуди самъ.

Изъ Туманя приѣхалъ я въ Керчь на корабль и тотчасъ отправился на т[акъ названную] Митридагову гробницу (кажется) <развалины какой-то башни>. Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ!—я сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія.—Развалины Пантікапей подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе. Сѣды улицъ, полузаросшія ровъ, да (старые) кирпичи. Изъ Θεοδοσίи до самаго Юрзуфа плылъ я моремъ, всю ночь не спалъ; луны не было; блескъ звѣздъ... передо мною въ темнотѣ чернѣли полуденныя горы — Вотъ Четырдагъ, сказалъ мнѣ капитанъ. Но не я различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ сѣтвомъ я заснулъ.—Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Я проснулся, увидѣлъ картину ослѣпительную: разноцвѣтныя горы (озарены были) утреннимъ солнцемъ (нѣсколько рядовъ) (плоскихъ кровель) плоскія кровли татарскихъ хижинъ издали казались (казались издали рядами прилепленныхъ) ульями, прилепленными къ горамъ; тополи стройныя, какъ зеленныя колонны, возвышались между (ими) между ихъ рядами—съ права огромный Аю-дагъ розметался въ море и это синее, чистое небо и блескъ, и воздухъ полуденный....

На полуденномъ берегу жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и ни на минуту ей не удивлялся) Забылъ о сѣверѣ вовсе и наслаждался ею какъ природный Неаполитанецъ (холодность моя посреди прелестей природы (я любилъ) Я жилъ) Я любилъ, просыпаться ночью и слушать шумъ моря и заслушивался дѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; (Я его полюбилъ и хаживалъ) въ къ нему привязался. Вотъ все, что осталось (въ моей памяти отъ полуденнаго берега Тавриды).

Я объѣхалъ оный, и Путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный... не оставилъ ни малѣйшаго въ моей памяти. По горной лѣстницѣ мы взобрались пѣшкомъ, держа за хвостъ нашихъ Татарскихъ лошадей,

Это забавляло меня чрезвычайно. Перебравъ горы,—первый предметъ, который бросился въ глаза, была береза, сѣверное [береза] дерево! Сердце мое сжалось: я началъ тосковать о миломъ полуднѣ—хотя и былъ все еще въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ (берегу) (черныя скалы) морю оставили во мнѣ единственное сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы б... на памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Ч—(Вотъ тебѣ эти стихи) Вотъ они.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной (Лихорадка начинала меня мучить) (Я слышалъ объ фонтанѣ Керимъ-Гереея влюбленнаго хана) Я слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. (Поэтическое воображеніе К*** назвало) К*** поэтически описала мнѣ его, называя la fontaine des larmes—вошелъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; (изъ него капала) изъ жаржавой желѣзной трубочки по каплямъ падала вода.—Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ излѣживается, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ—NN почти насильно повелъ меня на ветхія развалины Гарема и на х. кладбище. Не тѣмъ и лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника Потодкой, о которомъ говорить М—я (Я объ немъ не помню и не знаю) я его не помнилъ, когда начиналъ свой Бахчис. фонт. а то бы непременно имъ воспользовался и пр.

Разтолкуй же мнѣ теперь: почему полуденный Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе снова посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Воспоминаніе чародѣй, самая сильная (чувство) способность души, имъ очаровано все, что подвластно ему?

109.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А., хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непременно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непременно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку.—Вѣтрѣный юноша Р. можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость роуг des chansons.

Христомъ и Богомъ прошу скорѣе вытѣщить Опѣгина изъ-подъ Цензуры — слава,... .. — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ!

У меня съ Тригорскими завязалось дѣло пре-забавное—некогда тебѣ разказывать а умирительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да при-шли-же мнѣ всевозможные Календари, кромѣ

Придворнаго и Академическаго. Къ стати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ
Тургеневѣ А.
Сѣверинѣ
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли-ли на Воронцова? Царь, говорятъ, бѣсится—за что бы, кажется да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и <говоря по Делиевски> витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки, т.-е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся п—іе толки о моемъ побѣгѣ. За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трахать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ ко мнѣ захватъ? Избави меня

Отъ усыпателя глупца,
Отъ пробудителя пахла!]

Вирочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай что задумаешь.—Addio!

Получилъ-ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ да лѣнь.

110.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Братъ! Здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ; съ тебя довольно. Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ *Цытовъ да Эду*, да поѣзжай къ Ангельгартову обѣду.—Кланяйся Господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пушкину и Малиновскому. Подалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

111.

К. Θ. Рылѣву.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Благодаря тебя за ты и за письмо. Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю чтобъ они тебѣ понравились. Жду Пол,

Звѣз. съ нетерпѣньемъ знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма пужна была для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ—скажи ему что онъ не правъ: ужели хочеть онъ изнать все легкое и веселое изъ области поэзии? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? свѣдѣственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса и Fuselle и Веръ-Вера и Ренике-фуксъ и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена и басни Крылова etc. etc. etc. etc. Это не много строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзии, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева—но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались?—Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное влияние на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ—Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! за что казнить, за что вѣнчать? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды—Прощай поэтъ.

25 Генв.

112.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Что ты замолкъ? получилъ-ли ты отъ меня письмо гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ, etc. Въ Цвѣтахъ встрѣтилъ я тебя, и чуть не задохся со смѣху прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чист. Отвѣтъ разтянуть: рифмы слѣзы, розы завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы очень забавно, но вся мужнина рѣчь до за гробомъ ревность мучить разтянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ едва-ли не плеоназмъ—Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей пѣсы—Да ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его пахабныя эпиграммы сто-кратъ выше одъ и гимновъ.—Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду но все люблю? говорятъ, его обстоя-тельства не хороши—чѣмъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига—покажѣсь я одинъ одишенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я кажется писалъ тебѣ что мои Цыгане ни куда не годятся: не вѣрь—я совралъ—ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру—честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренія благія
Министра честнаго нашъ добрый Царь
избралъ.

Шишковъ уже наукъ правленіе вос-
пріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: Онъ блещетъ
среди народа
Священной памятью двѣнадцатаго года,
Одинъ въ толпѣ Вельможъ онъ Русскихъ
Музу любилъ
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ
завръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣдѣ Шиш.
tempera altri! Вотъ почему я перѣшился по тво-
ему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ
съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое
благородство. Я-же подличалъ благонамѣрен-
но имѣя въ виду пользу нашей словесности и усми-
реніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся
Княгинѣ—и дѣтей подауй. Не правда-ли, что
письмо мое напоминаетъ le faire <Василья
Львовича> Вотъ тебѣ и стишки въ его же духѣ:

Пріятелямъ.

Враги мои, покажѣсь, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда-нибудь, любовь;
Не избѣжитъ прозительныхъ когтей,
Какъ залечу нежданнѣй, безпощаднѣй:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И (стережетъ) сторожить Индѣекъ и Гусей.

25 генв.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью что написалъ
нашъ Плетневъ? экая ералашъ! Ты спишь, Брутъ!
да скажи мнѣ кто у васъ изъ Москвы такъ го-
рячо вступился за Нѣмцовъ противъ Бестужева
<котораго я не читаю>. Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Оита, Кутейкинъ въ эпопе-
тахъ,
Бормочить намъ разтянутый псаломъ:
Поэтъ О. не становись Фертѣмъ!
Дьячекъ О. ты V въ портахъ!

Не выдавай меня, милый; не показывай этаго
никому: Оита бо другъ сердца моего, мужъ
благъ, незлобивъ, удалайся отъ всяка скверны.

113.

Князю П. А. Вяземскому.

[28-го января 1825 г. Тригорское].

Пушинъ привезетъ тебѣ 600 рублей—Отдай
ихъ Кн. В. Ф. и съ моей благодарностію. Савеловъ
большой подлець. Посылаю при семъ къ нему
дружеское письмо. Перешли его <въ конвертѣ>
въ Одессу по оказіи, а то по почтѣ онъ ска-

жетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человекъ не можетъ быть
не плутомъ!

А пророс. Читалъ я Чацкого—много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человекъ—но Грибоедовъ очень уменъ. Пришлите-же мнѣ Вашъ Телеграфъ. Напечатанъ-ли тамъ Хвостовъ? что за прелесть его посланіе! достойно лучшихъ его временъ. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л., Ив.-Пис. —и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсѣлшить меня—Слава-же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой—упалъ на льду не съ лошадью а съ лошадыо: большая разнида для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв.

114.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Нѣкогда мнѣ писать Княгинѣ—благовари ее за попеченіе, за укоризны даже за совѣты ибо все носить отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоценной.—Ты конечно правъ; болѣе, чемъ когда нибудь, обязанъ я уважать себя.—Унизиться передъ правительствомъ было бы глупость—довольно ему одного Грабе.—

Я писалъ тебѣ на дняхъ—и послалъ нѣкоторые стихи—Ты мнѣ пишешь: пришли всѣ стихи. Легко сказать! Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ.—Завѣтныхъ покамѣсть нѣтъ.

115.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Рылѣвъ доставить тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени—теперь нѣчего дѣлать—принужденъ ее напечатать (прежде), пока не разтаскаютъ ея по клочкамъ.

Слушалъ Чацкого, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдст. не осуждаю ни плана, ни завяски, ни приличій комедіи Грибоедова. Цѣль его—характеры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи

Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то . . . . ., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина—но штатской трусь въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les proros de bal, сплетни, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорецкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоедовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проводившій нѣсколько времени съ очень умнымъ человекомъ <имянно съ Грибоедовымъ> и папавшійся его мыслями, остроумиями и сатирическими замѣчаніями. Все что говорить онъ—очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На базѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человека—съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобн. 1). Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глухъ съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся?—Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи—недовѣрчивость Чацкого въ любви Софій къ Молч. прелестна!—и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедіи—но Грибоедовъ видно не захотѣлъ—его воля.—О стихахъ я не говорю: половина—должны войти въ пословицу.

Покажи это Грибоедову—Можетъ быть я въ немъ ошибся. Слушая его комедію я не критиковалъ а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я справиться. По крайній мѣрѣ говорю прямо безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ кажется Олегъ не правится; напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простошія, да и произшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго. Листъ кругомъ, на сей разъ полно.

Я не подучилъ Лит. Лист. Булг. тотъ № гдѣ твоя критика на Баурича. Вели прислать.

116.

Л. С. Пушкину.

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское].

Я съ тобою не бранюсь <хоть и хочется> по 18 причинамъ: 1) потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твой опасенія на счетъ приѣзда ко мнѣ вовсе несправед-

1) Сіеон Грессеговъ не уничаеъ ни съ Жеронтоиъ ни съ Хлоей.

ливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ дѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покаместъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conservations de Bugon, добро! но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради записки Фюпе, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдасть-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouche! онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ—во первыхъ жгетъ какъ ребенокъ ¹⁾ 2) судить о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какойнибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній иманно и не находятъ. Читалъ ты записки Нар. Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу дѣв. влюбл. пор.—кромѣ Авторами. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ Цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ. Я министр иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начать—Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?... и мораль, долга-ли?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленія? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ думаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надобла.

Приѣхалъ гр. В.? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свѣтѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

117.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го февраля 1825 г. Михайловское].

Скажи отъ меня Муханову что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и разпустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать а вовсе не вовемя.

¹⁾ Т. е. за мѣсто.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разг. Поэта и Книг. мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человекъ, достойный уваженія и надѣюсь что искрення и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему неприятна. Онъ иманно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Чтоже Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ телеграфу приказникъ? Прочіе журналы всѣ получаю—и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edinboorg review. Да вотъ тѣ Христосъ: литература мнѣ надобла—Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь Княгинѣ и даюю руки хоть это изъ моды вышло.

На оборотъ: Его сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

118.

Н. И. Гнѣдичу.

[23-го февраля 1825 г. Михайловское].

Кажется Вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и щастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова. Вижу что дружба Ваша не измѣнилась и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшніи мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. Пѣсни Греческія прелесть и tout de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины? — — Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвижъ въ нашемъ Отеествѣ <чортъ возьми это Отечество>. Но отдохнувъ послѣ Илиады что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахилъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту.

Когда Вашъ корабль нагруженный сокровищами Греціи входитъ въ пристань при ожиданьи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1-й. Много у меня начато ничего неопечено. Сажу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр. День объявленія Греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

На оборотъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

Л. С. Пушкину.

[Конец февраля—начало марта 1825 г. Михайловское].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣнiемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоёмъ отношенiи.—Читалъ объявленiя объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если изданiе разкупится—то приступи тотчасъ къ изданiю другому или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о впечатлѣнiи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведенiе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ, что за 2 года <1823 и 4> ей ничего не платили <?>, и считаетъ по 200 руб. на годъ итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей а 200 перешла въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно сколько именно положено ей благостыни и заплачено-ли что-нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ составленный изъ Василья, Архипа и Старосты—велѣлъ переимѣровать хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленiя т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покамѣстъ я принялъ бразды правленiя.

Ты спрашиваешь за чѣмъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на днихъ меня зарѣжутъ.—Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ Онѣгина, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ.... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Клянись моему другу Воейкову. Надъ или подъ Моремъ и землею должно было поставить Пидилiя Мосха.—Отъ этого я бы не удавился, а Бюнъ старикъ при своемъ остался бѣ. То же и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талiю, Господи помилуй? не допросишься. Здѣсь письмо къ изд. или ..... Н. А. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья, жметъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало Кота Измайлова очень мило.

Р. С. Слѣпой поэтъ перевелъ Сираха <смотри Инвалидъ № какой-то>, издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экз.

А. Н. Вульфъ.

[Мартъ 1825 г. Тригорское].

Любезный Алексѣй Николаевичъ! Благодарю Васъ за воспоминанья. Обнимаю васъ братски, также и Языкова—Посланiе его, и чувствительная Элегiя—предель—въ посланiи послѣ тобою храпимаго пѣвца, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г. Тригорское].

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жалъ что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше.—Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегiи мои переписаны—потомъ посланiя, потомъ смѣсь, потомъ благословись и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ—да книгъ: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, Talley, Старину, да Sismondi <Litterature>, да Schlegel <Dramaturgie>, если есть у St-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданiе Собр[анiя] Рус. Стих., да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожь.

Каченовскiй возсталъ на меня.—Напиши мнѣ, благопріостенъ-ли тонъ его критикъ—если нѣтъ,—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе изгнать это гоненiемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ Одинъ сижу во кампани и тому под.

Ан. Ник. тебѣ клянется и очень жалѣть, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и митильничую. Знаешь ея кузину Ан. Ив. В.? Ессе femina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? Не надобно ихъ. Гнѣдича Пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензiями. Покамѣстъ благодари его—думаю, что экз. Онѣ[гина] ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! Однакожь это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Тригорское 14 марта.

Достань у Рылѣева или Бестужева мои мѣлкiя стихотворенiя и перешли мнѣ скорѣе. «Чего жъ ты обѣдался мнѣ прислать Парни?»

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.

Преписка Анны Николаевны Вулфъ. I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.—

122.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г. Михайловское].

[по получению рукописи] Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь, и не думаю. Пѣсколько разъ писалъ тебѣ—видно, еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутить: я долженъ ему 1000 а не 500 переговоровъ съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ. —

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. М[ожетъ] б[ыть], тебя притѣсняютъ безъ вѣдома Царя.—Просьбу твою могутъ почестъ сѣдствомъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дельвига[.]

Увѣдомъ о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Заковскаго если онъ его выручить.

На оборотъ неизвестною рукою написано: «Приходи къ Плетневу вкушать трапезу съ... Тамъ будутъ институтки и васъ зовутъ».

123.

Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

[15-го марта 1825 г. Михайловское].

Братъ Левъ

и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощью надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зн[аки] препинанія, описки, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ.—Въ порядкѣ пѣсь держитесь также вашего благоусмотрѣнія.—Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю просить даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго, не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича, не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надо, или изъ А. Chenier. Вишѣтку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа, сдѣлайте; имянно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ <къ стати: что прелестнѣе строфы Ж[уковскаго] Онъ жмилъ, что вы съ нимъ однородные и сдѣдующей. Конца не люблю>. Что еслибъ волшебная кисть О. Толстово....—

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужастъ какъ мила!..

Къ тому-же, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карадаша. Впрочемъ это все паружность. Иною прелестью пѣвняется — — —

Перечитавъ посылаемые вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около <ибо часть подземнымъ богамъ непредвидима>. Бируковъ, человекъ просвѣщенный, кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повиновусь его приговорамъ безусловно.—

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую пѣсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд[нее] изд[аніе] Жук[овскаго] и пожалуйста безъ ~~~~~и безъ —∞—и безъ =====. Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами—и à la ligne. Но каждую шутку особенно — хоть бы изъ 4 стиховъ состоящую <развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую>. 60 пѣсь! Довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не сердитъ журналистовъ! Дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! Будь зубастъ и бойся приторности! Простите, дѣти! Я пьянъ.

15 марта.

124.

Л. С. Пушкину.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Я-было послалъ это въ С. О. да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

125.

Барону А. А. Дельвигу.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ, живъ ли ты?

126.

А. А. Бестужеву.

21-го марта [1825 г.]. Михайловское.

Вопервыхъ пришли мнѣ свой адресъ, чтобы я не докучалъ Булгарину. Рыбеву не пишу. Жду

сперва Войнаровскаго. Скажи ему что въ отношеніи мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Вулгонъ въ своемъ спорѣ заврались; у меня есть на то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь переписать? переписывать скучно. Откуда ты взялъ что я пишу Рылѣеву? мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о помахъ его также. Очень знаю что я его учитель въ стихотв. языкѣ—но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ. Я опасуюсь его не на шутку и жалѣю очень что его не застрѣлилъ когда имѣлъ тому случай—да чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перепису ему всѣ свои замѣчанія. Ради Христа! чтобъ онъ писалъ—да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д[онъ] Ж.—Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж[уаномъ] <первый ѣ пѣсень—другихъ не читалъ> но въ немъ ничего нѣтъ общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой-же! Нѣтъ, моя душа, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евг. Онъ у меня бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я сатирѣ. Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень... Ахъ! еслибъ заманить тебѣ въ Михайловское!... ты увидишь что если ужъ сравнивать Онѣгина съ Д. Ж. то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе <gracieuse> Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь просто быстрое введеніе и я имъ доволенъ <что очень рѣдко со мною случается>. Симъ заключаю полемику нашу... Жду П[олярную] З[вѣзду] Давай ее сюда. Предвижу что буду съ тобою согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы къ стати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія (наши) свои сродно мыслящему созданію. Безкорыстное признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы. Впрочемъ этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей; да возьмись за Романъ—кто тебя держитъ. Вообрази: У насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ этого слова; Въ Европѣ также получишь свою цѣну—во первыхъ какъ истинный талантъ, во вторыхъ по познанию предметовъ, красокъ etc... Подумай братъ, объ этомъ на досугѣ... да тебѣ хочется въ Ротмистра!

24 марта. Михайловское.

127.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[24-го марта 1825 г. Михайловское].

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le cœur. Je n'avois pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essairai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu'Onѣгинъ peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai.

J'ecrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoie ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout cela pour seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

P. a eu tort de vous parler de mes inquietudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec O. j'ignore complètement ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez moi des nouvelles de Votre famille et comptez moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus dévoués.

24 mars.

На оборотѣ: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

128.

Л. С. Пушкину.

[27-го марта 1825 г. Михайловское].

Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Тр. Фад. Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмура глаза, повертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяз. получилъ извѣстіе. Перешли ему душа моя все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтенья.

Получилъ-ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія Россійской Публки—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать съ, хоть это-съ—.....-съ <сказать это помягче>. Мы <сирѣчь Издатели> должны были изъ полного собранія выбросить многія штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публки <Россійской>, или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пшк. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году <т. е. 14 лѣтъ>, или какъ угодно.

Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ это непристойность, и въ Бахч. Ф. я забылъ замѣтить это Вяземскому. Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ-ли онъ?—Да перешли на всякой случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.—

Когда пошлешь стихи мои В. напиши ему чтобъ онъ никому не давалъ потому что эдакъ меня опять обокрадутъ,—а, у меня нѣтъ роди-

тельской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай, сестру подаю!

Великая Пятница.

Я Телеграфомъ очень доволенъ—и мыслю или мыслю поддержать его. Скажи это и Ж. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по ....., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—Люди не осудятъ а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц-Суворовой; возьми ихъ отъ нее. Думаю, что *Послание къ Ов.*, *Вчера былъ день* и *Море* могутъ быть, разнообразия ради, помѣщены въ альбюхъ, да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія о Ц. С.*, съ Нотой, что они писаны мною 14 лѣтъ, и съ выпискою изъ моихъ Записокъ <объ Державинѣ>, ась? ¹⁾.

Да тиснуть еще мою Птичку (да четыре стиха о дружбѣ:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья).

129.

Л. С. Пушкину.

[Начало апрѣля 1825 г. Михайловское].

Живъ, живъ курилка!

Какъ! Живъ еще курилка журналистъ?
— Живѣхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ,
Все тискаетъ въ свой неоптребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! падовѣ курилка журналистъ!
Какъ загаситъ вонючую лучинку?
Какъ уморитъ курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ!—Да... плюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эниграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр., гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. Фонт. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ <и Вѣстн. и Дамс. Жур.>.

Подпись слѣднаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его презлестъ; сердись онъ, не сердись—а хотѣлъ простить—простить не могъ. Достойно Байрона. Видѣние, конецъ прекрасны.—Послание, можетъ быть, лучше поэмы—по крайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣние, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами, есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

¹⁾ Слова: «Не напечатать-ли... ась?» зачеркнуты, и подъ ними написано: «нѣтъ».

Гидичъ не получилъ моего письма? Жаль оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находилось два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный боленъ, или Войнаровскимъ недоволенъ? Къ стати: каковы мои замѣчанія? Надѣюсь не скажешь что я ему кажу—а виноватъ; Войнаровский мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно пришли мнѣ послѣднюю *Genlis*, да *Child-Harold—Lamartine* <то то чепуха должна быть!>, да вообще что-нибудь повѣснѣе, да и *Старину*. Таію получилъ и письмо отъ изд. Не успѣлъ еще пробѣжать. *Ворожее* показалась мнѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкой моя старинная любовница; я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его дѣльный куплетъ въ 1-ую пѣсню Ойгина <да кой чортъ! говорить, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ какъ о драмм. писателѣ>. В. правъ—а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дель[вигъ] и Бар[атынскій] привезутъ мнѣ и Анахарзиса Кюда, который вѣрно сердится на меня, за то что мнѣ не по нутру Рѣзвочка чужая кровь Гр и б. а.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгонизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. наконецъ я разобралъ. Что за презлестъ чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ и человекомъ, да какимъ еще!

Тиснуть *Сарское Село*, и съ Нотой.—Напрасно объявляли о Бр[атяхъ]-Разб[ойникахъ]; ихъ бы можно напечатать и въ Раз[ныхъ] Стих[отвореніяхъ]. Богатая мысль—напеч. Нап. да Цензура... Лучшія строфы потонутъ.

130.

Князю П. А. Вяземскому.

[7 апрѣля 1825 г. Михайловское].

Нынче день смерти Байрона—я заказалъ свечера обѣдню за упокой его души. Мой поэтъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру выпутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Ойгина переписываю. Немѣдленно и онъ явится къ тебѣ.

Сей часъ получилъ я Войнаровскаго и думы, съ письмомъ Пушкина—Предложеніе Селивановскаго, за 3 поэмы 12,000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни. Бахч. Ф. перепечатанъ.

Прощай, милый, у меня хандра и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей.—Кланійся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ. А. П.

На оборотъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ собств. домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ.

131.

Л. С. Пушкину.

[Тригорское].

17 апрѣля.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно, отъ Плетнева. Письмо А. Н. отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ <изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь>. Она въ претензії за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили.—*Полярную* еще не получилъ.—Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться—адакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ. Прощай Я бѣшенъ.

Благодарю очень за *отр.* изъ письма Бар. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre sœur (пойми). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Anna Iv. B. sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères!... Цалуй Ольгу!

[Quelle amabilité, et dans quelle humeur charmante est *lui!!!* Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!! *Вставка А. Н. Вульфъ С. В.*]

Вотъ тебѣ мой вчерашній *im-proptu*:

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради

Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги это, показавъ ей.

Variante en l'honneur de m-lle NN:

*Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади.*

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Nonny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона <сегодня день его смерти>, А. Н. также, и въ обѣихъ церквахъ—Триг. и Вор.—произходили молебствія.—Это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяз. посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

*На оборотѣ: Льву Сергѣевичу
Пушкину.*

132.

Князю П. А. Вяземскому.

[Средины апрѣля 1825 г. Михайловское].

Надѣюсь что ты выздоровилъ—съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи, я переписываю для тебя Онѣгина—желаю чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя

me sourit. <Извини эту плоскость: въ крови!..> А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ—отроду не для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной—изъ сего слѣдуетъ что я въ тебя влюбленъ, какъ кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя Россійская литература? Я было на Полевова очень ошетинился за Невск. Альм. и за породію Жук. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такова мнѣнія что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петб. подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже. Но все нужно было соединить во едино. Изъ всего что должно было предать забвенію болѣе всего жалю о своихъ эпиграммахъ—ихъ всѣхъ около 50 и всѣ оригинальныя—но по несчастію я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'on ai fait sont encore en vie а съ живыми—полно, не хочу ссориться.

Изъ посланія къ Чед. вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились—(но) единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ—а не потому что они другимъ не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена и подбломъ. Къ стати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонт. Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибъ дѣло шло, не о востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Къ стати еще—знаешь почему не люблю я Мура?—Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета.—Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца.—Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гаурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.—

133.

Л. С. Пушкину.

[22-го и 23-го апрѣля 1825 г. Михайловское]

Фуше, Oeuvres dram[atiques] de Schiller, Schlegel, Don Juan <послѣднія 6-я и пр. пѣсни>, новое Walt. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ St. Florent, а не черезъ Слѣнина. — Вино, вино, ромъ <12 бут.>, горчицы, fleur d'Orange, чемоданъ дорожный; сыру *лимбургскаго*; книгу о верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ въѣзжать. вольное подражаніе Alfieri и Байрону.

Какъ я былъ радъ баронову прѣвзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюблись—а онъ равнодушенъ какъ колода, любить лежать на постелѣ восхищаясь Чигиринскимъ Старостою; приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебѣ давая 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей <напримѣръ, устриц>.

23. Сей часъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. Думаю что можно начать благословясь. О *Посланиі* Къ Ч. скажу тебѣ что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ *Анны*[ина], если его пасквиль этого стоитъ, и по-

проси его эниграмму и пр. отъ Вяземскаго <не-
премѣнно>. Ты, голубчикъ, не находишь толку въ
моей думѣ—чтожъ дѣлать! А напечатай уже такъ.
Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то по-
проси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю
что не могу быть увѣрену и въ твоей молчали-
вости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Ан.
Ник., показавъ и не читавъ нечаянно письмо,
гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en
f... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что се-
стра сердится очень на нее, и все черезъ [м]оя
сплетни.

Des brettelles,
Des bottes <или не нужно>.

Плетневу поклонъ да пара словъ; на дняхъ
къ нему пишу.

На оборотъ: Брату.

134.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конѣцъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Дельви́гъ у меня. Черезъ него пересылаю
тебѣ 2 главу Овѣгина, <тебѣ единственно и только
для тебя переписаннаго>. За разг. съ няней <и
Письмо Гани> безъ письма братъ получилъ 600 р.—
—Ты видишь что это деньги, слѣдств. должно дер-
жать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху
ни духу. Надѣюсь что ты здоровъ, о другомъ на-
дѣяться не смѣю, но Судьба кажется могла бы
быть довольна—улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ

Элегія на смерть Ан. Льв.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Вас. Льв. сестра!
Была ты къ маминькѣ любовпа
Была ты къ папинькѣ добра
Была ты Лиз. Льв-ой,
Любима больше серебра;
Матв. Мих. какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольг. Серг.
Со Льв. Серг. давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! за чаемъ В. Л.
Твой гробъ стихами обмочилъ
Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!
(Я да Дельви́гъ).

Кстати. за чѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на
письма Дельвига? Онъ человѣкъ, достойный ува-
женія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей ли-
тературной С. П. Бургской сволочи. Пожадуйся,
ради меня, поддержи его Ц в Б ты ¹⁾ на слѣд. годъ.
Мы всѣ объ нихъ постараемся.—Что мнишь ты
о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣ-
стія объ Одессѣ? перешли мнѣ что нибудь о томъ.
На оборотъ: Князю Вяземскому.

135.

Л. С. Пушкину.

[Конѣцъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Доставъ это Вяземскому повторивъ просьбы
чтобъ онъ никому не показывалъ да и самъ (ни-
чего) не пакости—

136.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го мая 1825 г. Михайловское].

Ты спрашиваешь доволенъ ли я тѣмъ что ска-
залъ ты обо мнѣ въ Тел.—Что за вопросъ? Евро-
пейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журна-
лахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и при-
страстіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня
въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе а точно
ученикъ его, и только тѣмъ и беру что не смѣю
сунуться на дорожку его, а бреду проселочной. Ни-
кто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго
въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бо-
реньяхъ съ трудностью силачь необычайный.

Переводы избаловали, избѣнили; онъ не хо-
четъ самъ созидать,—но онъ, какъ Voss, Гений
перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ
какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще
мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ
воскресеніе мертвыхъ. Читалъ твое о Чернецѣ,
ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма
конечно полна чувства и у мнѣ Войн[аровскаго],
но въ Рыбевѣ есть болѣе замашки и размашки въ
слогѣ. У него есть какой то тамъ палачъ съ засу-
ченными рукавами, за котораго я бы дорого далъ.
За то думы дрянъ и названіе сіе происходитъ отъ
нѣмецкаго душ а не отъ Польскаго, какъ казалось
бы съ перваго взгляда. Стихи Неелова прелестъ,
не даромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la
ш...! <Это между нами и потомствомъ буди
сказано>. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ.
Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ
ужъ тутъ то я повиненъ, какъ барашекъ! спро-
сите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ что уви-
дѣвъ у меня имя Кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ
замѣнить его Батюшковымъ—я было и послу-
шался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Cha-
likof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои
калембуры очень милы—здѣшнія дѣвиды нахо-
дятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое
о Байронѣ. Благодарю за Casimir <какъ бы вы-
красть изъ него Salenbourg? выгадай-ка>. Ты, ка-
жется, любишь Казимира, а я такъ нѣтъ. Конечно
онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко
кулику до орла!—Первый Гений тамъ будетъ
романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ
вѣдаетъ куда. Къ стати; я замѣтилъ что всѣ <даже
и ты> имѣютъ у насъ самое тѣмное понятіе о
Романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугъ
потолковать по не теперъ; мочи нѣтъ усталъ. Пи-
салъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

25 мая.

¹⁾ да нѣтъ-ли у тебя и прозы?

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевова. Дѣло въ томъ что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполняю — слѣдств. и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты, смотри за нимъ—ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихоть изкоренилъ въ Европѣ страствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Данте единственно, не было Романтизма—А опъ въ Италіи то и возникъ. Что же такое Аріостъ? а предшественники его начиная отъ *Vuovo d'Altona* до *Orlando innamorato*? какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мѣлочами: Наполеонъ ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа <какъ замѣтилъ, помнится, Фусе>.

На оборотъ: Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. П. Тург. для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, Мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

Приписка Д. С. Пушкина. Левъ Пушкинъ просить прощенія въ томъ, что письмо разпечатано; не взглянувъ на конвертъ онъ думалъ что оно къ нему.—

137.

Н. О. Рылѣву.

[Конецъ мая 1825 г. Михайловское].

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Войпаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ гдѣ я ничего не сказалъ должно подразумѣвать похвалу, знаки восклицанія, прекрасно и проч. Полагая что хорошее писано тобою съ умыслу не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобретѣніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (*Locis topicis*) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь Героя и—наравоученіе. Надюнальнаго, Рускаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ <исключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ>. Ты напрасно не поправилъ въ Олега Герба Россіи. Древній Гербъ, С. Георгій, не могъ находится на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, есть Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во время Юанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу что мудроно что побѣду у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ разтнутымъ, но и тутъ конечно положилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб. а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ—когда-то свидѣмся!

138.

В. А. Жуковскому.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіей помощію могу проносить еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибы Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, (въ Евр.) то это было бы благодѣаніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяз. пишетъ мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писаю, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надобно, и если меня оставить въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаюсь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по франц. потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непристойнымъ то можно перевести, а братъ переписать и подписать за меня.

Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв. За чѣмъ слушаешься ты Маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славі. Выбрасывая, (унижая) уничижая самавластно онъ не исключилъ изъ Собранія Послания къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И .... его ....

Надпись къ Гёте, ахъ еслибъ мой милый, Генію все это презлеть; а гдѣ она? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напѣчатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стихотв. Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя (произведен) занятія—Жалѣю что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—или хоть присутствія—оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, *Водолаза*. Ты спрашиваешь какая дѣла у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія—какъ говоритъ Дельвигъ <если не украдъ этаго>. Думы Рылѣва и цѣлать а все не въ попадъ.

На оборотъ: В. А. Жуковскому.

139.

Императору Александру I.

Черновое.

[Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское].

«J'avais 20 ans en 1820». (Quelques) Des propos inconsiderés, des vers satiriques (me firent remarquer repando dans le public). Le bruit se répandit, que j'avais été traduit et [fouetté] à la ch[ancellerie?] s[ecrete?]

Je fu le dernier à apprendre ce bruit qui étoit devenu général; je me vus flétri (découragé) dans l'opinion. Je fus découragé; je me battais, j'avais 20 ans. Je déliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner Vol. Dans le 1 cas je ne faisais qu'à confirmer un bruit, qui me déshonorait; dans le second je ne me veng. pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: si je comettois un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un publique, que je mépri-ais, un homme au quel tenoit tout et.... dont j'avois été l'admiration involontaire. Ces reflexions me déterminèrent.

Tels furent mes reflexions. Je les communiquais à un ami qui fut part[aitement] de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolu de mettre tant l'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: [j'aspirais] la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libéral de l'autorité me toucha profondément, en déracinant entièrement une ridicule calomnie, jusque à ma disgrâce. Depuis, s'il m'est quelques fois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonnais à jeunes declamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrits, soit dans mes discours, la Pers[onne] de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur (cette mag. sa) la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont il seroit impossible d'être capable envers tout autresouverain du monde.

Aujourd'hui je recourre à cette générosité (Ni ma campagne) Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur exige une prompte operation, un traitement prolonge; la ville qui m'en étoit assignée ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de mon existence....

Черновое.

(Вторая редакция).

(Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce) Je me (fer.) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrâce dans un respectueux silence si la nécessité (seule peut me contraindre) ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse, jusqu'à present je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dizaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compter sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

140.

А. А. Бестужеву.

[Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ въѣкъ посредственности предшествовалъ въѣку геніевъ—грѣхъ отнять это тутлю у такихъ людей, каковы Виргилій, Гораціи, Тибулль, Овидій и Лукрецій хотя они¹⁾—кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Tassu и Ariostu, сін предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Addisona и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moog и Byron—изъ этого мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполне можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

У насъ есть критика а нѣтъ литературы. Гдѣ-жъ ты это нашелъ? имено критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутации Ломоносова <уважаю въ пѣнь великаго человека но конечно не великаго поэта. Онъ понималъ истинный источникъ русскаго языка и красоты оного: вотъ его главная заслуга> и Хераскова и если послѣдній упалъ въ общемъ мѣлкій то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина (полу-золотой полу-свинцовой) $\frac{1}{4}$ золотой $\frac{3}{4}$ свинцовой донинѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на См. Мещ., ода къ Zubovu недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который (въ баснѣ) столь же выпѣ Лафонтена, какъ Держ. выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонравенный? библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого-нибудь мѣлія въ публикѣ, не можетъ почестся уложеніемъ вкуса. У одного только Народа критика предшествовала литературѣ—у Германцевъ. Каченовскій туш и скученъ, Греч и ты остры и забавны—вотъ все что можно сказать объ насъ—но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ: литература кой кака у насъ есть а критики нѣтъ.—Впрочемъ ты самъ немного ниже съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ—во вторыхъ гдѣ-же бываетъ много талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ—и слава Богу! Отъ чего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Въѣкъ Екатерины—въѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не ниже другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гдѣ-жъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотришь когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго—и не говорю слава Богу!

Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ

¹⁾ виноваты! Гораций не подражатель.

Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ сдѣды книжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго папирженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха — — Державину покровительствовали три Царя. Ты не то сказалъ что хотѣлъ; я буду за тебя говорить. — Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность уступающая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державиннымъ умолкнулъ голосъ лесты — а какъ онъ лѣстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищенъ
Пророка, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, триумфъ минуту
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. <Жук. 1815 году> вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ... Объ нашейто лириѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіеѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются — они отдають намъ полную справедливость — не понимая какъ это сдѣлалось — Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества — Аристократическая гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлець Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ является въ его переднюю съ посвященіемъ или съ одою — а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести сотъ лѣтній дворянинъ — дьявольская разниа!

Все что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестр. и междуусобныхъ <презесты> подражателяхъ — прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кишатъ. — Объ *Они*. ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю — но за чѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? — покамѣстъ мы будемъ (удерживаться) руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ — а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ напоминаетъ Турниры W. Scotta. Брось этихъ нѣмцевъ и обратись къ намъ православному; да пооди тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами — это хорошо для поэмы Байронической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все на чисто. Твой Владимиръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драммы, смотреть на солнце въ полночь <стр. 330>, etc. Но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ час. презестъ, конецъ такъ же. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость.

Рылѣвъ покажетъ конечно тебѣ мои замѣчанія на его Войнаровскаго а ты перешли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. — Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина іюня 1825 г. Михайловское].

Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дожусь — не принялъ-ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту — или ждешь казніи? — проклятая казніи! ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь что я имѣлъ нещастіе потерять Бабушку Чичерицу и дядю Петр. Льв. — получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священной долгъ дружбы сего <священнаго чувства>.

Что дѣлають мои Разн. Стих.? видѣлъ ли ихъ Бирюковъ Грозный? что Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается-ли? къ стати: скажи, Плетневу чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на коммисіи мои — потому что это напрасно: Такова безсовѣстнаго коммисіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отбѣдѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этого чудака не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго языка. — <вотъ почему онъ и ниже Ломоносова> — онъ не имѣлъ понятія ни о слогахъ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. — Вотъ почему онъ и долженъ бѣсѣть всякое разборчивое ухо. — Онъ не только не выдерживаетъ оды но не можетъ выдержать и строфы <изключая чего знаешь>. Чтожъ въ немъ: мысли картинны и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей богу, Его Геній думалъ по татарски — а руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ <не говоря ужъ о его министерствѣ> у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочее сжечь — Геній его можно сравнить съ Геніемъ Суворова — жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ — довольно объ Державинѣ — что дѣлаетъ Жуковский? — Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ Онѣг., да о томъ, что у меня въ пальцахъ. — Какую Крыловъ выдержалъ операцію? дай Богъ ему многія лѣта! Его мѣльничъ хорошъ какъ Демьянъ и Тока. Видѣлъ-ли ты Н. М.? идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за несомнѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я...

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Мило-стивому Государю
Барону Антону Антоновичу
Дельвигу.
Въ С.-Петербургѣ,
въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

К. Θ. Рылѣву.

Черновое.

[Вторая половина іюля 1825 г. Михайловское].

Мнѣ досадно, что Рылѣвъ меня не понимаетъ. Въ чѣмъ дѣло? Что у насъ не покрови-

тельствуютъ литературѣ; и что—слава Богу? Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ течение шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ и по-напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ <NB. мое дворянство старѣе>. Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависить отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсебѣ гордость ея. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ <кромя меня> изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гвафъ Хвостовъ прожилъ на нихъ. Тамъ вѣтъ нечего—такъ пиши книгу, а у насъ вѣтъ нечего—такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты—поэтъ, и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

143.

В. А. Жуковскому.

[Іюнь—іюль 1825 г. Михайловское].

Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что здѣшній Губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ; но я строго придерживался повѣщій высшаго начальства—

Я справлялся о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученѣмъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствуя отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь чтобъ медленность мою пользоваться Монаршей милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство.—Но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ разхлопотаться—Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкарю по довѣрчивости собственнаго разсудка а не по приказанію высшаго начальства—

Обнимаю тебя горячо

А. Пушкинъ.

1825 1).

Михайл.

На оборотѣ: В. А. Ж.

1) Указаніе числа и мѣсяца вырвано съ печатью.

144.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало іюля 1825 г. Михайловское].

Думаю что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложеніе Телеграфа. Если ему пужны стихи мои, то пошли ему что тебѣ попадется <кромя Онѣгина> если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости. т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный—но враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намбрень. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшеніе цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братею; пожалуй, я подряжусь выставить по столыку-то піясъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ воззохотѣтъ Богъ да Бирюковъ.—Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мѣлочную, лавочку № 1, запираю. Къ тому же, между нами, братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на дѣвокъ да на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается и дай Богъ имъ обоимъ разторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses...

Какую пѣсню изъ Beranger перевелъ дядя В. А.? Ужъ не Le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну что его въ томъ подозрѣваютъ въ П. Б. и что готовится уже слѣдственная комисія, составленная изъ Гр. Хвостова, Магницкаго и Г-жи Хвостовой <автора Камипа, и слѣдств. соперницы В. А.-ча>.—Не худо увѣдомить его что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его опаснаго сосѣда. Опасаются шума!—Какъ жаль что умеръ А. М.! и что не выдалъ я Дядиню травлю! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно.—Я послалъ въ Пчелу, а не въ Тел., мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien. Вотъ еще Эпиграмма на Благои, который говорить критиковалъ моихъ пріятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей,
Журнальный Шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи-жъ злодѣи!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Пол. Ты уже думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею Псковскаго неба и жду чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ и золотыя дожди остановились—Выта въ сторону, у насъ холодно и грязно.—Жду разрѣшенія моей участи.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

145.

Князю П. А. Вяземскому.

[13-го июля 1825 г. Михайловское].

Братъ писалъ мнѣ что ты въ Ц. С. что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду письма и не дожусь—что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? и что твой Байронъ или Бейронъ <Тои, dont le monde encor ignore le vrai nom!>. Сейчасъ прочежь твои замѣчания на замѣчания Дениса на замѣчания Наполеона—чудо—хорошо! Твой слогъ живой и оригинальной тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Русской метафизическаго языка находится у насъ еще въ дикомъ состоянн. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобие французскаго; <яснаго точнаго языка прозы—т. е. языка мыслей—>. Объ этомъ есть у меня строфы 3 и въ Опбг. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-d de Stael. Но не разглашай этаго: тутъ есть одно Великолудное поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для виднаго анонима <роль онанизма журнальнаго>. Вѣроятно ты уже знаешь Царскую ко мнѣ милость и позволеніе прибѣхать въ Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покажѣшь душа моя, я предпринялъ такой литературный подвижъ за который ты меня раздалуешь: Романтическую Трагедію!—смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенъ въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ—по намѣренію. Милый мой! мое намѣреніе обнять тебя по плоть немощна. Прости, прощай.—Съ тобою-ли твоя Книжница-лебедушка? кланяйся ей отъ Арзамасскаго гуся.

13 июля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писалъ рабъ Божій Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городишѣ Вороницѣ. Каково?

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. Князю П. А. Вяземскому.

146.

Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

[21-го июля 1825 г. Михайловское].

Je vous écris après m'être enivré bien tristement: vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes-vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous mariez-vous bientôt? Avez vous

trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que m'igré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne—Je voulais vous gronder mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse—Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Écoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis <au masculin> ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte aulieu que les amies vous feront du tort; car notez vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-mêmes. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les temps, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque tems, mais ... n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что съ вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous ... détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d re éd. de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier—où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante Не мила ей прелесть NB: ночи, et cela me serre le cœur, hier M-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup! inn[oi]ui? ³⁾ Conformité de sentiment? Je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là--la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée; j'écris beaucoup de vers—tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué—cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse—non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai, — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui que si son cœur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux ... je la méprise, entendez-vous? oui je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise; j'ai fait tant de farces que je n'en plus. Maudite visite, maudit départ!

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 г.

531. ВОСПОМИНАНІЕ.

(т. II стр. 491).

См. въ исторіи текста.

532. ТЫ И ВЫ.

(т. II, стр. 492).

Автографъ пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, Л. 14 об.; на этой же страницѣ кончается стихотвореніе «Воспоминаніе»; при пьесѣ записаны двѣ помѣты: вверху «20 мая 1828», а внизу—«23 мая»; вѣроятно, послѣднюю помѣту и нужно принимать за дату «Ты и вы». Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 11, съ ошибкою во 2-мъ стихѣ («обманомъ» вмѣсто «обмозвлясь»), исправленной въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 120, куда она вошла затѣмъ.

А. П. Кернъ указала («Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143; ср. сборн. Л. Майкова, «Пушкинъ», стр. 252), по мнѣнію П. А. Ефремова (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 284) «бездоказательно», что стихотвореніе относится къ А. А. Олениной (объ отношеніяхъ Пушкина къ Олениной см. выше, примѣч. къ № 529). Между тѣмъ Кернъ была права: въ бумагахъ Олениной нашлась копія стихотворенія, собственноручно ею переписанная, съ ея же замѣткой: «Анна Алексѣевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье онъ привезъ эти стихи» («Русс. Стар.» 1890 г., августъ, 398).

Бѣлинскій причислялъ «Ты и вы» къ тѣмъ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшей ему литературой... виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей, поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный». Дѣйствительно, написать такую пьеску могли бы и Батюшковъ, и Жуковский. Ей особенно повезло у композиторовъ, и она была положена на музыку 18 разъ (въ томъ числѣ Гурилевымъ, Даргомыжскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ).

533. ДАРЪ НАПРАСНЫИ

(т. II, стр. 492).

См. въ исторіи текста.

534. КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ...

(т. II, стр. 492).

Черновой автографъ пьесы, съ помѣтой «6 іюня», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 15 (на той же страницѣ нарисованы нѣсколько скачущихъ лошадей). Впервые она была напечатана подъ названіемъ «Подражаніе Анакреону» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 71, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 121, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 года, безъ заглавія, но въ оглавленіи дагъ подзаголовокъ: «Подражаніе Анакреону». Воспоминанія Кернъ сохранили шутку Анны Петровны и баронессы С. М. Дельвиговъ, которая въ корректурѣ «Сѣверн. Цвѣтовъ» озаглавила это стихотвореніе: «Мадригалъ такой-то» («П. и его современники», V, 145—146); Кернъ не называетъ ничьего имени (не намекъ ли здѣсь на Оленину, за которой Пушкинъ тогда серьезно ухаживалъ, о чемъ упоминаетъ Кернъ въ своихъ запискахъ?).

Пушкину удалось схватить, говорить С. Любомудровъ «Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 56—57), настоящий тонъ анакреонтической поэзіи въ этомъ стихотвореніи, «представляющемъ переложеніе пѣсни, которая приписывается самому Анакреону. Это—60-я ода. Вотъ довольно близкій къ подлиннику переводъ А. Бажанова:

Что, еракійская лошадка, на меня такъ косо
смотришь
И, съ презрѣньемъ отбѣгая, за неволькаго
сочла?
Знай же: я еще сумѣю на тебя узду накин-
нуть
И возжей тебя заставлю по ристалищу бѣ-
жать.
Ты теперь въ лугахъ пасешься, рѣзво пры-
гаешь и скачешь,
Потому что не нашелся ловкій всадникъ для
тебя.

«Пушкинъ,—продолжаетъ С. Любомудровъ,—дажъ не переводъ, но подражаніе, но посмотрите, что онъ сдѣлалъ! Что можетъ быть лучше этихъ стиховъ, такъ живо рисующихъ дикаго, пугливаго, степного коня, когда онъ чувствуетъ, что его волѣ приходитъ конецъ: «Не косись пугливымъ окомъ, ногъ на воздухъ не мечи». На послѣдній стихъ нѣтъ и намека въ подлинникѣ, но, вѣроятно, самъ Анакреонъ дорого бы далъ, чтобы имѣть его. Есть въ пьесѣ и еще перемѣна, придающая ей до извѣстной степени русскій обликъ. кобылица Пушкина приведена не изъ еракійскихъ,

а пѣзъ кавказскихъ табуновъ». Верховую Ёзду Пушкинъ очень любилъ; выучился онъ ей еще въ лицей, много Ёздилъ верхомъ, когда жилъ въ Михайловскомъ (Переписка П-на, академич. изд., I, 140, 154), однажды писалъ оттуда брату, чтобы тотъ ему выслалъ «книгу о верховой Ёздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать» (ibid., 207). Верхомъ онъ сдѣлалъ значительную часть похода въ Арзрумъ 1829 г.; свой автопортретъ на лошади онъ набросалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. выше, т. IV, стр. 517).

Н. М. Рожалинъ, получивъ отъ А. А. Елагина списокъ стихотвореній безъ имени автора, угадалъ его самъ: «Кобылица,—писалъ онъ въ отвѣтъ («Русск. Арх.» 1909, II, 571),—такая вещь, которой никому не выдумать и не написать кромѣ Пушкина, это чудо, тутъ виденъ поэтъ истинный и русскій». Бѣлинскій, высоко цѣнившій антологическія стихотворенія Пушкина за «простоту и единство мысли, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и граціозныя формы», въ перечислѣ ихъ упомянулъ и разсматриваемую пѣсню (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Вепгерова, VI, 266); не забылъ онъ ее также въ общемъ обзорѣ поэзій Пушкина, говоря объ его антологіи. Объ отношеніи Пушкина къ Анакреону—см. въ примѣчаніяхъ къ пѣсамъ 1835 года.

535. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

(т. II, стр. 492).

Четверостишіе это Пушкинъ подписалъ подъ собственнымъ портретомъ, который подарилъ Н. Д. Киселеву; подъ нимъ помѣта: «14 (26) іюня 1828, Стрѣльна»; впервые напечатано оно въ «Русск. Архивѣ» 1874 г. I, ст. 1579, съ копій, сдѣланной самимъ Н. Д. Киселевымъ, приписавшимъ: «рукою Пушкина, подъ его портретомъ, который, очевидно, набросанъ самимъ, написано карандашемъ». Этотъ портретъ въ воспроизведеніяхъ неизвѣстенъ. Разказывая въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., о веселомъ лѣтѣ, проведенномъ имъ въ Петербургѣ, Пушкинъ писалъ, что велъ «распутный» образъ жизни (см. ниже, примѣч. къ № 540), «пока Киселевъ и Полторацкій были здѣсь». Пушкинъ упоминаетъ о Н. Киселевѣ также въ одномъ посланіи къ Языкову («Къ тебѣ собирався я давно»...—см. выше, № 498). Уѣзжая изъ Петербурга, Киселевъ взялся передать Н. М. Языкову записочку Пушкина (письмо Языкова къ брату Ал-дру Мих-чу, изъ Дерпта, 26 іюня 1828 г.).

Николай Димитріевичъ Киселевъ (24 апрѣля 1802 г.—25 ноября 1869 г.), сынъ Дим. Иван., главноприсутствующаго въ московской оружейной палатѣ, братъ Павла Дим., вполсѣдствіи графа, министра государственныхъ имуществъ и дипломата, и Серг. Дим-ча, женившася на Елиз. Н. Ушаковой, тоже пріятеля Пушкина,—учился въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ былъ одно время товарищемъ Н. М. Языкова, съ 1824 г. состоялъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ 1828 г. былъ третьимъ а съ 1832 г. вторымъ секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, затѣмъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ (1837 г.), въ Парижѣ (1840 г.), исправляющимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ тамъ же (1841—1851), управляющимъ парижскимъ посольствомъ (1851—

1853), посланникомъ тамъ же (1853—1854), посланникомъ во Флоренціи (1855—1859), при Ватиканѣ (1859—1864) и, наконецъ, опять во Флоренціи (1861—1869), гдѣ и умеръ («Остафьевс. Арх.» III, 683—684, примѣч. В. Н. Сантова). Языковъ посвятилъ ему два посланія: «Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя»... (1824 г.) и «Я знаю, другъ»... (1825 г.). Пожеланіе Пушкина принадлежить къ числу наименѣе удавшихся поэту дружескихъ посланій: можно подумать, что онъ написалъ эти строки нехотя, уступая просьбѣ пріятеля.

536. ПОРТРЕТЪ.

(т. II, стр. 493).

Автографъ пѣссы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 191, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи и безъ указанія въ оглавленіи азьманаха, и больше не перепечатывалась при жизни Пушкина, который не внесъ ее въ свои сборники стихотвореній. Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г. 1 сентября Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому изъ Петербурга: «я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ. Если бѣ не твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ,—но она утѣнительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня въ свои сводники (къ чему вѣскии меня и всегдашняя склонность, и нынѣшнее состояніе моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать, то же, что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей-ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое»). Отвѣчая ему 25 сентября, Вяземскій писалъ: «я уже слышалъ, что ты выешься около моей мѣдной Венеры... спроси ее отъ меня, какъ она поступаетъ съ тобою, такъ ли какъ со мною: на другую сторону говорить и любезничаетъ, а на мою кашляетъ»,—и спрашивалъ: «какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха». 15 октября Вяземскій сообщалъ А. П. Тургеневу о Пушкинѣ: «дѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую: вотъ четыре стиха, которые дошли до меня»—и здѣсь Вяземскій приводитъ вторую половину «Портрета» («Остафьев. Архивъ», III, 179; «Къ біографіи П-на», вып. II, М., 1885, стр. 39).

Закревская, портретъ которой нарисовалъ Пушкинъ, и къ которой относятся фривольные намеки въ цитированномъ письмѣ его къ Вяземскому—Аграфена Ѳеодоровна, рожденная графиня Толстая (1800—1879 гг.), дочь извѣстнаго библіофила гр. Ѳеодора Андреевича, жена генерала 12-го года, финляндскаго, впоследствии, послѣ долгой отставки, московскаго военнаго генералъ-губернатора (съ 1830 г. графа) Арс. Андр. Закревскаго. «Она»,—разказываетъ кн. А. В. Мещерскій («Воспоминанія», М., 1901, стр. 135),—«была женщина умная, бойкая и имѣвшая немало приключеній, которыми была обязана, какъ говорили, своей красотѣ». Таковы и другіе отзывы современниковъ о ней. «Закревская родила,—писалъ въ 1833 г. Вяземскій А. П. Тургеневу («Остаф. Арх.» III, 229),—но впрочемъ это не по части супружеской, а особь-статья, и никто не знаетъ, подъ какое наименованіе подвести ее». Стихи Пушкина, написанные другой очаровательной грѣшницѣ, А. П.

Кернъ («Когда твои младыя лѣта»...) П. А. Плетневъ (Переписка Грота съ Плетневымъ, III, 414) отпелъ однажды къ Закревской, которая тоже «по приговору свѣта на честь утратила права». Когда Гротъ познакомился съ нею, Плетневъ писалъ ему: «она знаменита по стихамъ Пушкина и Баратынскаго» (ibid., I, 557, 558). Съ портретомъ, набросаннымъ Пушкинымъ, вполне сходится вдохновенная характеристика, которую далъ ей Баратынский:

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятельномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты—
И какъ русалка ты хочешь.

Вѣроятно, на ея похожденія намекаетъ замѣтка, помѣщенная въ петербургской французской газетѣ «Le Furet» (1830 г., № 81, 8 октября, стр. 325): «г. Волковъ, писатель, заслужившій въ публикѣ извѣстность прекрасной комедіей нравовъ, отрывки изъ которой появились въ одномъ ежедневномъ листкѣ, собирается выпустить въ Москвѣ комико-эпическую поэму, подъ названіемъ «Аграфеноида». Это произведеніе, исполненное особенными колкостями, увлечаютъ, замѣчательно портретами и характерами, словно набросанными перомъ Грибоѣдова или кистью Доу». «Про супругу Закревскаго,—писалъ въ 1849 г. С. Т. Аксаковъ сыну Ивану,—разсказываютъ чудеса, низмъ ея невозможенъ къ описанію» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. I, т. II, М., 1888, стр. 110). «Даже въ глубокой старости,—говоритъ П. А. Ефремовъ (Сочин. II, изд. Суворина, VIII, 280),—она отличалась своими эксцентричными выходками, удивлявшими Москву». Конечно, это была не простая распутница, — а жрица любви, вакханка, менада, неслыханно служившая матери наслажденій, сложная патура, въ которой жила томительная мечта; ей была знакома тоска душевной пустоты; въ ней сочетались русалка и Магдалина. Такая женщина, да еще вдобавокъ красавица, не могла не заинтересовать Пушкина, и недаромъ онъ внесъ ея имя въ свой «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. стр. 100). Портреты ея и ея мужа Пушкинъ зарисовалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. Альбомъ Москов. Пушкинск. выст. 1880 г., М., 1882, стр. 123 и табл. 12). Извѣстный скульпторъ С. И. Гальбергъ изваялъ ея мраморный бюстъ (см. «Свѣдѣнія» на 1827 г., стр. 23); два портрета ея воспроизведены, въ «Русскихъ портретахъ» П. И. Шукшина, ч. IV, № 39 и 71. О ней см. также «Остаф. Архивъ», III, 532. Въ «Песнѣ» 1860 г., 4 марта, № 9, стр. 101, помѣщена каррикатура на нее (воспроизведенная у М. К. Лемке, «Очерки исторіи русской дензуры и журналистики XIX столѣтія», М., 1904, стр. 59). Къ ней безъ всякаго основанія отнесена въ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова (I, 369) эпиграмма «Толстой», написанная въ 1830 г., когда она была уже не Толстой, а Закревскою.

Пьесу Пушкина трудно назвать мадригаломъ — такъ вѣрна и тонка эта характеристика замѣчательной женщины. Чрезвычайно мѣтко сравненіе съ кометой, заимствованное изъ астрономіи.

Послѣднею Пушкинъ, много читавшій, всю жизнь учившійся, повидимому, интересовался. Однажды (въ 1836), когда при немъ «толковали о мнимомъ открытіи обитаемости луны, Пушкинъ доказывалъ нецѣльность этой выдумки, считалъ ее за дерзкій пухъ, какимъ она впоследствии и оказалась, и подшучивалъ надъ легковѣріемъ тѣхъ, которые падали принимать за наличную монету всякую отважную выдумку» («Жизнь прожить не поле перейти», записки Неизвѣстной — «Русск. Вѣстн.» 1881, сентябрь, 151). Ср. пьесу 1825 г. «Движеніе».

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Закревской см. также въ примѣчаніяхъ къ №№ 537 и 538.

537. ЩАСТЛИВЪ, КТО ИЗБРАНЪ СВОЕ- ПРАВНО...

(т. II, стр. 494).

538. НАПЕРСНИКЪ.

(т. II, стр. 494).

Карандашный черновой набросокъ первой пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 22 об. Впервые пьеса появилась, съ неизвѣстнаго нынѣ подлинника, въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, IX, 153, а затѣмъ вошла въ изданіе Анненкова (II, 447), по словамъ котораго (ibid., 470) представляетъ собою «часть или начало пьесы «Наперсникъ», разбитой надвое самимъ авторомъ». Другой, исправленный автографъ находится въ принадлежащей академіи наукъ Майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его современники», IV, 9).

Вторая пьеса, автографъ которой нынѣ неизвѣстенъ, появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 132, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи автора, указанной, впрочемъ, въ оглавленіи альманаха, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 124; (въ альманахѣ 6-й стихъ читался: «Танъ въ себѣ свои мечты»). По словамъ Анненкова (см. его изд. Соч. II, II, 469—470) пьеса «Счастливъ, кто избранъ своенравно...» «не только что относится къ одному и тому же лицу, но кажется должна была составлять и одно стихотвореніе съ «Наперсникомъ». На рукописи его (?) стоитъ, послѣ окончанія, ссылка въ слѣдующей формѣ: «Еtc, etc. (Et cetera), которая, по нашему мнѣнію, и связываетъ его съ «Наперсникомъ». Съ показаніемъ Анненкова сходятся слова описанія Майковской коллекціи («П. и его совр.», I, с.): «надъ стихотвореніемъ «Щастливъ» и пр. приписано «Твоихъ признаній etc.»—начало стихотворенія «Наперсникъ». Догадка Анненкова вполне заслуживаетъ довѣрія: въ самомъ дѣлѣ обѣ пьески проникнуты единствомъ и тономъ, и содержаніемъ. Среди вариантовъ первой есть такіе стихи:

Кого ты съ тайнымъ ждешь волненіемъ,
При комъ блѣднѣешь и горишь,
Кого ревнуешь съ иступленіемъ...

Эти чувства дѣйствительно выражаются «признаній, жалобъ нѣжныхъ крикомъ»; вотъ настоящіи

«страсти безумныя и мятежныя», какъ говоритъ «Наперсникъ». Эти «два отрывка,—писалъ Г. С. Чириковъ, понявъ намекъ Анненкова, который въ 1855 г., когда были живы многие современники Пушкина и въ числѣ ихъ та, о которой написаны эти стихи, не могъ сдѣлать прямыхъ указаний (см. «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 113),—относятся по всей вѣроятности къ тому же лицу, къ которому написана въ томъ же году пьеса «Портретъ», т. е. къ графинѣ Аграф. Ѳеодор. Закревской, П. А. Ефремовъ замѣтилъ (см. его изданіе Соч. П., 1881 г. V, 537), что Чириковъ выразилъ это мнѣніе «по наитію свыше, но безъ всякаго основанія». Это не помѣшало Ефремову въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, VIII, 279) говорить, что всѣ три стихотворенія относятся къ графинѣ А. Ѳ. Закревской. Всѣ три пьесы, относящіяся къ лѣту 1828 г., производятъ единое и дѣльное впечатлѣніе. Что «Портретъ» не единственное стихотвореніе, посвященное Пушкинымъ Закревской,—это видно изъ словъ А. И. Тургенева (см. примѣч. къ № 536), что Пушкинъ «воспѣвалъ Закревскую», и особенно изъ показанія самого поэта: «Я ей пишу стихи», чего объ одномъ восьмистишіи онъ не могъ бы сказать. Оба разсматриваемыя стихотворенія слиты единствомъ содержанія. «Жалокъ тотъ, кто, сгорая пламенемъ любви, признанья слушаетъ твои»...—эти слова первой пьесы совпадаютъ со словами второй: «твоихъ признаній, жалобъ и бжанныхъ лавлю я каждый крикъ, но боюсь ихъ пламенной заразы». Наперсникъ красавицы—самъ поэтъ, и въ его письмѣ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г. мы находимъ прозаическій, вульгарный комментарий къ этимъ признаніямъ и жалобамъ: «она произвела меня въ свои сводники». Пушкинъ былъ къ Закревской не совсѣмъ равнодушенъ, и признанія ея и рассказы о томъ, кто ею былъ «избранъ совершенно», не могли быть пріятны ея наперснику-поэту.

По «простотѣ и единству мысли, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы» Бѣлинскій (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ «Счастливъ, кто избранъ»... къ антологическимъ стихотвореніямъ. «Наперсникъ» Бѣлинскимъ отмѣченъ въ общемъ обзорѣ пушкинскихъ поэзіи какъ одна изъ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Обѣ онѣ положены на музыку: первая—В. Н. Всеволодскимъ, вторая—К. А. Кавосомъ (Пбурск. универс. Пушк. сборн. Спб., 1900, стр. 98, 84).

539. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(т. II, стр. 494).

Черновики пьесы находятся въ 2371-й тетради московскаго Румяновскаго музея, л. л. 13 и 17 (варианты—см. въ общей статьѣ о текстѣ). Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 132—133, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписа, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, а затѣмъ вошла съ исправленіями въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 131—132, гдѣ помѣщена среди стиховъ 1828 года. По мнѣнію Л. И. Поливанова (см. его изданіе Сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 255), она написана въ маѣ, но такая датировка не находитъ себѣ основанія ни въ черновой тетради, ни въ событіяхъ жизни поэта; Анненковъ говоритъ,

что «Предчувствіе» «сдѣлало за» написанными 19 мая «Воспоминаніемъ» и 26 мая «Даръ напрасный»... («Матеріалъ для биогр. П.—на», изд. 2-е, стр. 194), но это показаніе, на которое опирается, конечно, Поливановъ, слишкомъ неясно. Пушкинъ, говоритъ Анненковъ (см. его изданіе Сочин. П., II, 470), «хотѣлъ скрыть себя подъ звѣздочками, такъ какъ вообще большая часть стихотвореній, помѣченныхъ одними звѣздочками, принадлежала къ задумчивымъ лирическимъ пѣснямъ его; оглавленіе альманаха, хвастливо выставившее его имя, въ этомъ случаѣ измѣнило ему».

Пушкинъ какъ бы стоялъ на распутьѣ, когда создавалось «Предчувствіе», одно изъ самыхъ глубокихъ измѣненій его души. Еще не совсѣмъ былъ законченъ, можетъ быть, процессъ о распространеніи стиховъ изъ «Андрея Шенье», вскорѣ навлекшій на Пушкина несправедливый и безтолковый судебный приговоръ (см. въ III т. настоящ. изд. «Послѣ ссылки въ Москву», стр. 350); быть можетъ, уже начиналось разслѣдованіе о «Гавриладѣ» (см. т. II настоящ. изд., стр. 602—606), тоже доставившее поэту немало тревожныхъ минутъ; кромѣ этихъ крупныхъ огорченій, были, конечно, и мелкія непріятности. Главное же—Пушкину самому неясно было, что дѣлать съ собою, куда идти; неясно было свое положеніе по отношенію къ власти и къ обществу. Онъ вспоминалъ «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», по уже не находилъ въ себѣ прежнихъ чувствъ. «Старый мой колапакъ изношенъ... не въ модѣ нынче красный цвѣтъ», писалъ онъ около того же времени («В. С. Филимонову»). Былой энтузіазмъ давно истлѣлъ, и, не вѣря больше въ себя, поэтъ спрашивалъ: «сохраню ль къ судьбѣ прервѣнне?» У Пушкина были основанія опасаться за свою судьбу; въ февралѣ 1828 г. Катенинъ передавалъ своему пріятелю, что разнесся слухъ о новой ссылкѣ Пушкина (Сочин. П., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., 291); вѣроятно, поводомъ къ этому слуху было дѣло объ «Андрѣ Шеньѣ». Въ это время онъ утѣшалъ себя мыслью о женской любви (см. т. IV настоящ. изд., стр. 89); въ самой апатіи стойкое жизнелюбіе хранило его душу и не давало ему впасть въ крайнее отчаяніе, и пѣснь скорби завершается примирительнымъ аккордомъ. Другой особѣ онъ писалъ:—хотя «что въ имени тебѣ въ моемъ»,—«но въ день печали, въ тишинѣ, произнеси его тоскуя, скажи: есть память обо мнѣ, есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я» (см. № 572). Кто была для него, когда «Предчувствіе» его томилъ, «ангеломъ милымъ», сказать трудно. Быть можетъ,—А. А. Оленина, глазами которой Пушкинъ восхищался и писалъ о ней: «потопить ихъ съ улыбой Леля—въ нихъ скромныхъ грацій торжество; подниметь—ангелъ Рафаэля такъ созерцаетъ Божество» («Ея глаза»). Можно поставить въ связь съ этими стихами слова «Предчувствія»: «взоръ свой нѣжный подыми или опусти». Бѣлинскій считалъ «Предчувствіе» однимъ изъ «лучшихъ, задумчивыхъ созданий лирической музы Пушкина» (Сочин., изд. Венгерова, VI, 101; ср. изд. Солдатенкова, VIII, 1860 г., 395). Ему отчасти подражалъ Кольцовъ («Послѣдняя борьба»; см. также пис. Кольцова къ Бѣлинскому 28 сентября 1838 г.).

540. А ВЪ НЕНАСТНЫЕ ДНИ...

(т. II, стр. 494).

Эта шутка входитъ въ составъ письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., хранящагося въ Остафьевскомъ архивѣ графа С. Д. Шереметева и впервые напечатаннаго дѣлкомъ въ сборникѣ «Старина и Новизна» V, 1902, стр. 16—17 (см. также Переписку П-на, академич. изд., II, 73—75). Съ передѣлкой непечатныхъ выражений, замѣненныхъ въ настоящемъ изданіи точками, на приличный ладъ («Богъ ихъ простъ!») Пушкинъ напечаталъ эти стихи въ видѣ эпиграфа (безъ подписи) къ первой главѣ «Пиковой дамы». Кромѣ того, они извѣстны изъ воспоминаній А. П. Кернъ, которая рассказывала (см. «Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 252): «Пушкинъ разъ поручилъ мнѣ переслать стихи къ Дельвигу, говоря: «Да смотрите, сами не читайте, и не заглядывайте». Я свято это исполнила и послѣ уже узнала, что они состояли въ слѣдующемъ...; тутъ Кернъ приводитъ «приличную» редакцію стиховъ, хотя, конечно, Дельвигу была послана первоначальная, и прибавляетъ: «эти стихи онъ написалъ у князя Голицына, во время карточной игры, мѣломъ на рукавѣ» (?). Майковъ (ibid.) замѣтилъ, что «приведенные стихи принадлежатъ не Пушкину, а К. О. Рылѣву». Дѣйствительно, въ сборникахъ стихотвореній Рылѣва они печатаются какъ окончаніе извѣстной сатиры: «Ахъ, гдѣ тѣ острова... Однако, въ упомянутомъ письмѣ къ Вяземскому, гдѣ Пушкинъ рассказываетъ ему о своемъ «распутномъ» петербургскомъ времяпрепровожденіи лѣтомъ 1828 г., этимъ стихамъ предшествуетъ такое показаніе поэта: «я продолжалъ образъ жизни, в о с п ѣ т ы й м н о ю такимъ образомъ...» Н. А. Котляревскій («Рылѣвъ», Спб., 1908, стр. 73, 207), основываясь на этомъ показаніи, даже нашелъ возможнымъ приписать Пушкину сатиру Рылѣва. Послѣдняя—это сразу бросается въ глаза—не имѣетъ, кромѣ формы, размѣра и чередованія стиховъ, ничего общаго со стихами Пушкина, и присоединеніе ихъ къ ней производить весьма несуровое впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малоинтеллигентные и не вдумывавшіеся невѣдомые собиратели «сочиненій», презрѣвшихъ печать. Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣва («мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ тринь-трава, братцы», цитируетъ онъ ее въ письмѣ къ брату въ началѣ января 1824 г.) и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размѣромъ для своей шутки. Такимъ образомъ, показаніе Кернъ вполне оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина—вполнѣ самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣва и не «передѣлка конца стихотворенія Рылѣва», какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщенія», VIII, 488). Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г.; Дельвигу, которому посылалъ ихъ Пушкинъ черезъ Кернъ, дѣйствительно не было лѣтомъ въ Петербургѣ (см. Переписку Пушкина, II, 69, 77). Это время Пушкинъ, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго (см. выше, примѣч. къ № 536), «кружился въ вихрѣ петербургской жизни». Ничто не пропало въ житейскомъ опытѣ гениальнаго человѣка, и переживанія и наблюденія Пушкина въ этомъ «круженіи» пригодились ему впоследствии, когда онъ писалъ «Пиковую даму» и вспомнилъ, между прочимъ, разгульное лѣто 1828 г. и своихъ друзей, занимавшихся «дѣломъ». Къ этому кругу Пушкинъ всегда питалъ

нѣкоторую слабость. См. его набросокъ 1819 г. (т. IV, стр. 103), его признаніе въ «Онѣгинѣ»: «Страсть къ банку!... Ни любовь свободы, ни Фебъ, ни дружба, ни пиры не отвлекли бѣ въ минувшіе годы меня отъ карточной игры... и т. под.

541. АНЧАРЪ

(т. II, стр. 494.)

См. въ исторіи текста.

542. УТОПЛЕННИКЪ

(т. II, стр. 495).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Москов. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, издан. слов., стр. 80—83, съ подзаголовкомъ въ текстѣ: «Простонародная пѣсня», а въ оглавленіи: «Простонародная сказка», а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 114—119, гдѣ помѣщена подъ 1828 г., съ отнесеніемъ въ оглавленіе послѣдняго подзаголовка; въ этомъ изданіи былъ исправленъ стихъ журнальной редакціи: «На п а л а т ѣ мужъ лежитъ». 15 октября 1828 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Пушкинъ «написалъ народную балладу «Утопленникъ», гдѣ много силы» («Къ биогрaфiи П—на», вып. II, М. 1885, стр. 40, и «Остафьевс. Арх.» III, 179); 3 ноября В. Д. Комовскій сообщилъ объ этомъ А. М. Языкову («Историч. Вѣстн.» 1883 г., дек., 528). Пьеса, по рассказу С. П. Шевырева, была подарена ему Пушкинымъ для альманаха, который Шевыревъ хотѣлъ издать къ 1829 г., но, уѣзжая за границу, Шевыревъ передалъ ее Поголину, редактору правшему «Москов. Вѣстникъ».

«Эта живая картина съ природы»—писалъ Н. А. Полевой («Москов. Телеграфъ» 1833 г., ч. 49)—«мертвецъ, снова плывущій внизъ за могилы и крестомъ, плывущій долго и, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника—все это наше русское, чисто народное, какъ народны картины народныхъ сказокъ, изображенныя во вступленіи къ Руслану и Людмилѣ. Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 103) въ «Утопленникѣ» видѣлъ «превосходнѣйшій образецъ національныхъ русскихъ балладъ». «Никто изъ русскихъ поэтовъ—писалъ Бѣлинскій, къ народному творчеству вообще относившійся пренебрежительно, въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи,—не умѣлъ съ такимъ неопостижимымъ искусствомъ spraysивать живой водой своей творческой фантазіи немножко духоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній вечеръ»—и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ пѣсень у Пушкина немного, въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи; эти стихотворенія «образуютъ собой отдѣльный міръ русско-народной поэзіи въ художественной формѣ» (Сочин., изд. Солдатенкова,

VIII, 1860 г., 404, 408). Пушкину, говорить Аполлонъ Григорьевъ (Сочин. I, 512—513), «было дано непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни»; одно изъ подтвержденій этой «неоспоримой истины»—«Утопленникъ».

Въ эпоху фальшивыхъ литературныхъ представлений о бытѣ «любезныхъ поселянъ», «мирныхъ земледѣльцевъ» и всячески прикрашенныхъ театральныхъ пейзазовъ, въ эпоху Слѣпушкиныхъ и Азипановыхъ, стихотворцевъ-крестьянъ, облыгавшихъ крестьянскую же жизнь, великій поэтъ-баринъ честно и проникновенно изобразилъ настоящаго мужика, съ его мужичьимъ эгоизмомъ, мужичьей запуганностью и мужичьей же совѣстливостью. «Въ этомъ стихотвореніи—говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изданіе. Сочин. т. II, стр. 202—203),—мы имѣемъ образецъ баллады, для которой Пушкинъ нашелъ вполне самобытную форму. Народный языкъ ея и чуждое всякаго вышшаго украшенія повѣствованіе производятъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на читателя. Что до содержанія этой небольшой баллады, то оно полно глубокаго смысла. Поэтъ проникъ въ самую душу русскаго крестьянина: проза жизни, повидимому, очерстила его; онъ готовъ порою подъ игомъ практическихъ соображеній оскорбить святые чувства, вложенныя въ его душу; но они затѣмъ сказываются въ глубинѣ сѣ. Впечатлѣніе получается трагическое, когда поруганіе святости—лишеннаго погребенія трупа—мститъ за себя его появленіемъ среди безсонной ночи передъ очами возмущившейся совѣсти. Баллада имѣетъ значеніе народнаго психологическаго этюда со всею реальною бытовою обстановкою русской деревни. Какой неизмѣримый шагъ отъ ложныхъ красокъ идиλλиковъ къ истинно поэтическому воссозданію народной жизни!» Народпо-бытовому содержанію «просто-народной сказки» вполне соответствуютъ такіа выраженія, какъ «тятя, робята, ужо, э-вотъ». Стихотвореніе отличается сравнительнымъ богатствомъ приемъ (напр. неводъ—э-вотъ); образцомъ затѣйливости можетъ служить остроумная игра словъ: по казачу—поколочу.

Разсматривая вопросъ о влияніи народной поэзіи на Пушкина, И. Эйзенбергъ («Пушкин. сборникъ студентовъ Московс. унив.—та», М., 1900, стр. 152—155) остановился на этой балладѣ. «Основной идеей являются угрызенія совѣсти рыбака (?), который не предалъ землѣ тѣло утопленника. Сюжетомъ послужило народное преданіе о бродячемъ мертвецѣ, душа котораго не можетъ успокоиться, пока не будетъ совершенъ обрядъ похоронъ. Сказанія подобнаго рода существуютъ у всѣхъ народовъ, а потому весьма трудно отыскать здѣсь спеціально русскій народный вариантъ. Народное суевѣріе вставлено поэтомъ въ художественныя рамки. Боязнь мужика «звѣкъ не разобрать съ судомъ», его обращеніе съ дѣтьми, «дымная хата»—все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какими яркими красками обрисованъ утопленникъ, когда онъ стучится у окна.. Мы видимъ передъ собою бытовую картину, мастерски исполненную, безъ лишняго штриха. Рыбакъ, изображенный поэтомъ, — характера мрачнаго, ворчливаго: съ дѣтьми онъ грубъ, негостепріимъ, какъ видно изъ его обращенія къ неизвѣстному страннику, просящему крова. Но, несмотря на грубость, его нельзя назвать дурнымъ человекомъ. Гдѣ тутъ приютить странника, когда «до-

ма тѣсно и темно». Самый проступокъ рыбака, которому слѣдовало бы заявить полиціи объ утопленникѣ, можетъ быть вполне извиненъ основательной боязнью предъ «судомъ» властей, которыя не прочь затащить по существу простое дѣло, какъ это нерѣдко случается въ деревнѣ. Достаточно указать хотя бы на рассказъ Слѣпцова «Мертвое тѣло», гдѣ крестьяне изъ боязни передъ властями, извѣщенными о найденномъ мертвецѣ, оказавшемся здоровымъ парнемъ въ нетрезвомъ состояніи, упрашиваютъ прохожаго молодца притвориться мертвымъ предъ начальствомъ, чтобы только избѣжать могущихъ произойти неприяностей. Поэтъ останавливается предъ вопросомъ, кто былъ утопленникъ; и далѣе говоритъ: «мужикъ какое дѣло?» Индифферентное отношеніе рыбака къ мертвецу, къ которому русскій человекъ относится съ большимъ уваженіемъ, нѣсколько странно, тѣмъ болѣе, что общая характеристика рыбака на основаніи указанныхъ данныхъ не можетъ быть признана вполне отрицательной. Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что «съ той поры мужикъ несчастный въ день урочный гости ждеть». Если мужикъ относится безучастно (?) къ жалкой судьбѣ несчастнаго, приходится объяснить причину его повторяющагося изъ году въ годъ страха не какъ угрызеніе совѣсти за неисполненный долгъ, а какъ суевѣрную боязнь передъ мертвецомъ. При такомъ объясненіи утрачивается внутренній смыслъ народнаго повѣрія, который заключается въ себѣ элементъ психологическій, а именно угрызеніе совѣсти за дурной поступокъ. Если же мы примемъ въ расчетъ угрызеніе совѣсти, то не совѣмъ понятна безучастность рыбака къ погибшей жертвѣ. Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, обратилъ вниманіе на анализъ того процесса, который совершался въ душѣ мужика въ моментъ его проступка и въ послѣдующее время; онъ передаетъ намъ въ художественной рамкѣ повѣріе, имѣя въ виду общую бытовую картину, а не самое преданіе, какъ показатель народнаго міросозерцанія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и заключительныя строчки баллады. Поэтъ передаетъ намъ народный слухъ, то, о чемъ «говорятъ» въ простомъ народѣ. Слухъ этотъ ужасный, но для кого? Конечно, для суевѣрнаго простолюдина. Но не скрыто ли въ этомъ суевѣріи нѣчто ужасное для интеллигентнаго человека, что такъ прекрасно назвалъ Пушкинъ «когитивнымъ звѣремъ, скребящимъ сердце?» («Скупого рыцаря»). Авторъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Критикъ не замѣтилъ главнаго,—что мужикъ отталкиваетъ мертвеца отъ берега не равнодушно, а со страхомъ не только передъ неправеднымъ судомъ, но и передъ праведнымъ Богомъ. Найти мертвое тѣло сплошь да рядомъ значило въ дореформенной Россіи подвергнуться обвиненію въ убійствѣ и скормить все свое добро несмытымъ судейскимъ чиновникамъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ быть «оставленнымъ въ подозрѣніи». Но тяжкій грѣхъ—отказъ мертвецу въ послѣднемъ успокоеніи. Изъ страха пострадать отъ неправды земной мужикъ нарушаетъ правду Божью, и въ этомъ столкновеніи чувствъ тяжело страдаетъ религіозная душа. Съ балладой Пушкина удивительно совпадаетъ по содержанію и настроенію рассказъ гениальнаго художника-психолога Мопассана «Страхъ»; убійца, подобно пушкинскому мужику, ждетъ свою жертву, которая приходитъ

къ нему каждый годъ, въ день преступленія,—и мертвецъ является: «я предпочитаю,—говоритъ разсказчикъ,—вновь пережить всѣ тѣ часы, когда я стоялъ лицомъ къ лицу со смертельной опасностью, чѣмъ одну ту минуту, когда... въ окошечкѣ мелькнула бородастая голова». Простота и краткость пушкинскаго разсказа производить болѣе сосредоточенное впечатлѣніе ужаса, чѣмъ длинное, какъ бы смакующее мучительное чувство—описаніе Мопассана.

543. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

(т. II, стр. 496).

Четверостишіе впервые было напечатано въ статьѣ В. П. Гаевского «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 31—35), а въ собраніи сочиненій Пушкина стало входить, начиная съ изданія 1880 г. (т. II, стр. 240). При какихъ обстоятельствахъ оно было написано, видно изъ сообщеннаго Гаевскимъ (тамъ же) слѣдующаго протокола состоявшейся въ обычный день основанія лицей, 19 октября, товарищеской сходки лицейстовъ перваго выпуска, веденнаго Пушкинымъ: «19 октября 1828. Слб. Собралися на непелищѣ скотобратца курнофеуса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человекъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тося, Иличевскій—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячокъ—морданъ, Стевень—шведъ, Тырковъ—смотря выше, Комовскій—лиса, Пушкинъ—Французъ (смѣсь обзвѣяны съ тигромъ): а) пѣли извѣстный лицейскій пеанъ Лѣто, зной на. Пушкинъ—Французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ соч. Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше означено. б) вели бесѣду. в) вышли вдоволь ихъ здоровій. г) пѣли рефутацію г-на Беранжера. е) пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ. ф) пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ. г) Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшала собравшихся. б) Тырковиусъ безмолвствовалъ. ж) толковали о гинибѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніи скотобратцевъ. к) Паясъ представлялъ восковую персону. л) и завидѣвъ на дворѣ часть первый, а стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину-Французу, иже нариса сию грамоту». Тутъ слѣдуютъ подписи всѣхъ восьми участниковъ сходки, съ ихъ прозвищами въ скобкахъ, а затѣмъ, опять рукою самого Пушкина, записано четверостишіе. Протоколъ пуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. «Лѣто знойно»—начало пьесы Иличевского: «Лѣто знойно, дщерь природы, Идетъ къ намъ въ страну; «скотобратцами» лицеисты называли другъ друга потому, что еще на лицейской скамьѣ въ сатирическомъ журнальчикѣ «Лицейскій Мудрецъ» изображали другъ друга въ видѣ животныхъ; о «Рефутаціи г. Беранжера»—см. примѣч. къ слѣдующей пьесѣ, пѣсня о Соломонѣ—вѣроятно, продуктъ коллективнаго творчества «скотобратцевъ» еще въ лицей—начинается словами: «О Соломонъ, въ Библии первый пѣвецъ и первый мудрецъ»...; куплеты прошедшихъ шести годовъ—написанные на лицейскую годовщину стихи Иличевского, Дельвига, Пушкина; см., кромѣ упомянутой статьи Гаевского, также статьи Я. К.

Грота «Лицейскія годовщины» (въ его сборникѣ «П., его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 82—83) и К. Я. Грота «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» («Нов. Времѣ» 1909 г., № 12071; «П. и его современники», вып. XIII). Въ самый день сходки Пушкину была выдана подорожная отъ Петербурга до Торжка («Старина и Новизна», V, 6), и онъ немедленно выѣхалъ въ Малининки, Тверской губерніи; 27 октября мы застаемъ его уже въ Малининкахъ. Лицейскую годовщину Пушкинъ почтилъ стихами также въ 1825, 1827, 1831 и 1836 годахъ; стихи, читанные въ 1832 г., остаются неизвѣстными, если только написаны на лицейскую годовщину («Вѣстн. Всеніи. Исторіи» 1899 г., № 1, стр. 101, ст. Д. О. Кобеко).

544. РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.

(т. II, стр. 496).

Стихотвореніе было впервые напечатано въ статьѣ В. П. Гаевского «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 36), а въ собраніи сочиненій Пушкина стало входить, начиная со втораго изданія Г. Н. Геннади, 1870 г., кое-какіе варианты къ текстамъ изданій Геннади и перваго ефремовскаго (1880 г., т. II, 240) были указаны Г. С. Чириковымъ («Русс. Арх.» 1881, I; «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 113—114).

«Рефутація» пѣлась на сходкѣ лицейстовъ перваго выпуска 19 октября 1828 г. (см. примѣчанія къ предыдущей пьесѣ), о чемъ было записано Пушкинымъ въ юмористическомъ протоколѣ собранія. По словамъ Н. В. Гербеля (Русскаго) въ предисловіи къ «Стихотвореніямъ А. С. Пушкина, не вошедшимъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берл., 1861, стр. IX, «Анненковымъ положительно доказано», что это стихотвореніе—не Пушкина; гдѣ и какъ это «доказано», Гербель не сообщаетъ. Однако, столь близкій Пушкину человекъ и вообще достовѣрный литературный свѣдѣтель, какъ кн. П. А. Вяземскій, читая берлинскій томикъ, заявилъ, что «Рефутація»—«рѣшительно Пушкина» («Старина и Новизна», VII, 33). Стихотвореніе пѣлось и было записано 19 октября 1828 г., но написано могло быть и раньше. Оно служило отвѣтомъ на французскую патристическую пѣсенку «Soldat, t'en souviens-tu...»; она неправильно приписана Беранже, что объясняется широкою популярностью этого поэта, какъ лучшаго изъ всѣхъ французскихъ «chansonniers» (въ безпорядочномъ багажѣ, съ которымъ возвращается въ Россію графъ Нулинъ, пѣбется и «послѣдняя пѣсня Беранжера»). Её сложилъ Emile Debraux (1788—1831), популярный во Франціи поэтъ буржуазно-демократической окраски. Беранже (см. его «Oeuvres complètes», Par., 1853, pp. 543—544, 636) посвятилъ его памяти очень теплое стихотвореніе, на голосъ его лучшей пѣсенки («Soldat, t'en souviens-tu...»), въ которомъ говорилъ: «Debraux dix ans régna sur la goguette... du pauvre peuple il chanta les amours...». Пѣсенка Дребро была очень распространена; извѣстны еще двѣ русскія пародіи на нее; одна приписывается кнзю А. С. Голицыну (см. «Остафьевс. Архивъ», I, 675; Отчетъ Н. Публ. Библиог. за 1870 г., стр. 134), другая, вызванная Восточной кампаніей,

принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому («Не помните?»—Сочин. Вяземскаго, XI, 115—116).

На воспоминанія о французскихъ побѣдахъ Пушкинъ отвѣтилъ напоминаніемъ о пораженіяхъ французовъ и нарочно взялъ грубоватый и хвастливый солдатскій тонъ. Пѣсня Дебро задѣвала его какъ патріота, и онъ съ гордостью вспомнилъ о Суворовѣ, 12-мъ годѣ и взятіи Парижа. Александру I поэтъ даже прощалъ свое гоненіе за то, что «онъ взялъ Парижъ» («19 октября» 1825 г.).

545. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

(т. II, стр. 496).

Автографъ пьесы, на одномъ листѣ съ «Апчаромъ», находившійся у П. В. Анпенкова, а потомъ у Л. Н. Майкова, нынѣ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу; на немъ помѣты: «10 ноября 1828, Малиппики». Впервые «Отвѣтъ Катенину» былъ напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 120—121, (см. письмо II-на къ Дельвигу отъ середины ноября 1828 г.), а затѣмъ вошелъ въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 122—123. Читатели «Сѣв. Цвѣтовъ» и «Стихотвореній» не могли понять какъ слѣдуетъ «Отвѣта», потому что посланіе Катенина, на которое отвѣчалъ Пушкинъ, тогда еще не было напечатано. Въ тѣхъ же «Сѣв. Цвѣтахъ» было помѣщено стихотвореніе Катенина «Руская быль», съ такой замѣткой издателя: «За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ приятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты». Разясняя смыслъ и происхожденіе «Отвѣта Катенину», П. В. Анпенковъ («Матеріалы для біогра. II-на», изд. 1855 г., стр. 57) говоритъ: «въ разсказѣ П. А. Катенина князь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ женоподобному греку-пѣвцу копы и латы, а русскому его сопернику завѣтный кубокъ, данный Святославу императоромъ Цимисхіемъ». Свой разсказъ Катенинъ послалъ Пушкину при письмѣ 27 марта 1828 г.: «и повѣсть, и приписка дѣланы для тебя, и да будетъ надъ ними твоя воля, т.-е. ты можешь напечатать ихъ когда и гдѣ угодно, а же ни съ кѣмъ изъ журналистовъ или альманахистовъ знакомства не вожу». Предварительно же Катенинъ писалъ своему пріятелю Н. И. Бахтину 27 февраля 1828 г.: «извѣстите меня, слѣзавши справку, хотя у Дельвига черезъ Сомова, гдѣ находится Пушкинъ и какъ къ нему надписывать; мнѣ это крайне любопытно... Я имѣю намѣреніе ему послать съ припискою мою «Старую быль», et je ne sais ou le prendre. Вы мнѣ скажете:—Къ чему это? Къ тому, батюшка Николай Ивановичъ, что онъ, Пушкинъ, меня похвалилъ въ Онѣгинѣ; къ тому, чтобы la canaille littéraire не полагала насъ въ ссорѣ; къ тому, что я напишу ему такъ, что вы будете довольны, и къ тому, что оно послужитъ въ пользу. Я даже нахожу вообще приятнымъ и, такъ сказать, почтеннымъ зрѣлищемъ согласіе и нѣкую пріязнь между поэтами, я же у него въ долгу и хочу расплатиться. По сей-то причинѣ, то есть, что къ нему надо послать вещь покуда она съ иголочки, я васъ прошу не давать рѣшительно никому ее списывать»... 17 апрѣля

Катенинъ опять писалъ Бахтину: «Посылаю вамъ при семь списокъ со стиховъ моихъ къ Пушкину при отправленіи къ нему Старой были». Мнѣ писали, будто онъ въ Москвѣ, и я все отправилъ туда на имя Погодина, прося сего къ нему доставить». 7 сентября онъ опять жаловался Бахтину: «Не знаю, что подумать о немъ, т.-е. Пушкинѣ: еще въ апрѣлѣ послалъ я къ нему «Старую быль» и приписку въ стихахъ, и письмо въ прозѣ, весьма дружеское, le tout черезъ Погодина; не получивъ отвѣта, писалъ я къ Каратыгину справиться, доставилъ ли Погодинъ мой пакетъ Пушкину; къ сожалѣнію Каратыгинъ его ни разу не засталъ дома, и съ этой стороны дѣло по сію пору не разъяснено; между тѣмъ справился я у Погодина черезъ знакомаго въ Москвѣ, и оказалось, что письмо мое послано куда слѣдовало еще тогда; стало, Пушкинъ получилъ и молчитъ; худо, но вотъ что хуже: К. Н. Голицынъ, мой закадычный другъ, восхищающійся «Старой былью», а въ особенности пѣсней грека, полагаетъ, что моя послылка къ Пушкину есть une grande malice; если мой пріятель, другъ, полагаетъ это, можетъ то же казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знаетъ кошка чье сало съѣла, но хуже всего то, что я эдакъ могу себѣ нажить новаго врага, сильнаго и непримиримаго, а изъ чего? изъ моего же благого желанія сдѣлать ему удовольствіе и честь: выходить, что я попалъ кадиломъ въ рыло. Такъ и быть, положу еще, узнаю навѣрно черезъ Петербургъ, въ чемъ бѣда, а тамъ думаю объясниться; я не хочу безъ грѣха прослыть грѣшникомъ». 16 октября та же жалоба: «не знаю, что подумать о Пушкинѣ: онъ мою «Старую быль» и приписку ему получилъ въ свое время, т.-е. въ маѣ; просилъ усердно Каратыгину (Ал. Мих.) извинить его передо мной: дѣломъ онъ ничего не могъ писать, стихи не даются, а прозой можно ли на это отвѣчать? но завтра, завтра все будетъ. Между тѣмъ по сіе время отвѣта ни привѣта нѣтъ, я начинаю подозревать Сашинку въ нѣкотораго рода плутиѣ: что дѣлать? подождемъ конца. О какихъ мизерахъ я пишу! самому стыдно»... 4 ноября опять то же самое: «Пушкинъ упорно отмачивается» (Сочин. II., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., стр. 291—293). Криводушныя подозрѣнія недоузливаго Катенина, однако, оказались напрасны. Посылалъ Пушкину свою повѣсть, Катенинъ, обращаясь къ нему, писалъ, что кубокъ Владиміра не пропалъ:

... говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ награды;
Изъ рукъ онъ въ руки попалася,
И даже часто не впопадъ:
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливцевъ, проживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ Кастаньскихъ водъ.
Когда за скуку въ утѣшеніе
Неугомонно судьбой
Дано мнѣ будетъ позволеніе,
Мой другъ, увидѣться съ тобой,
Изъ кубка, слѣзай оложеніе,
Меня питьемъ своимъ напой;

Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, замороженъ,
И смѣю пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рождень.
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ.
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала;
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно живъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И вслѣдъ Ринальду-паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не презъшусь питьемъ,
И въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закинешь,
И тихую бесѣду нашу
Байронскимъ пѣньемъ огласишь.

Этого посланія Пушкинъ не хотѣлъ печатать, и напечаталъ его самъ Катенинъ въ сборникѣ своихъ сочиненій, изд. 1832 г. «Всего любопытнѣе,—говоритъ Анненковъ (ibid.),—что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Катенинъ спрашивалъ у него, почему не приложилъ онъ къ «Старой были» и посланія, то въ отвѣтахъ Пушкина ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ Пушкинъ въ спокойномъ состояніи духа! Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи называлъ «Отвѣтъ Катенину» въ числѣ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ». Посланіе Пушкина принадлежитъ именно къ произведеніямъ, написаннымъ «по неволѣ». Пушкину не могли нравиться ни льстивое обращеніе, ни камни въ огородъ «младыхъ романтиковъ», ни приставанія Катенина. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ отвѣтилъ ему по старой дружбѣ и польстилъ ему въ стихахъ, хотя въ прозѣ всегда былъ убѣжденъ, что «Катенинъ опоздалъ родиться—не идеями (которыхъ у него нѣтъ), но характеромъ принадлежить онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мелкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни»... (Переписка П., I, 16). Такимъ мы видимъ Катенина въ цитированныхъ письмахъ къ Бахтину. Стихи его Пушкинъ находилъ «полными силы и огня» (и здѣсь онъ называетъ его «пламеннымъ»),—«по отверженнымъ вкусомъ и гармоніей» («Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ»). Отношенія къ этому надутому, безтактному, назойливому и пейскреннему человѣку были настоящимъ пробнымъ камнемъ, на которомъ душевная щедрость Пушкина, его доброта и снисходительность къ людямъ отлично выдержали тяжелое испытаніе.

Катенинъ переводилъ Тассо и Корнея,—«воскресилъ Корнея геній величавый», какъ выразился Пушкинъ («Евгеній Онѣгинъ», 1, XVII).

Напечатанный курсивомъ стихъ: «Не пью, любезный мой собесѣдъ» заимствованъ изъ пьесы Державина «Философы пьяный и трезвый», гдѣ онъ повторяется три раза, какъ refrain.

546. ОТВѢТЪ А. П. ГОТОВЦОВОЙ.

(т. II, стр. 497).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана, подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 182, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 138—139, подъ не совсемъ правильнымъ заглавіемъ: «А. Н. Готовцовой». Въ «Сѣв. Цвѣтахъ» посланіе Пушкина слѣдуетъ непосредственно за обращеніемъ къ нему Готовцовой, озаглавленнымъ: «А. С. П.», стр. 180—181:

О Пушкинъ! Слава нашихъ дней!
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразитъ тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивится вдохновеніямъ,
Игривой юности мечтамъ,
Свободной мысли выраженіямъ,
Которыя ты предалъ намъ!
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ,
И дѣву горъ, и пѣлнъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долині
Волшебной кистью оживилъ;
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любви, грузинки мечь,
Изъ края въ край, не умолкая
Гласятъ поэту славы вѣсть.
Одно... Но гдѣ же совершенство?
Въ дуплѣ и солнцѣ пятна есть!

Несправедливъ твой приговоръ;
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ—
Молчанье выразитъ укоръ.

Это посланіе было сообщено Пушкину кн. П. А. Вяземскимъ при письмѣ 18 сентября 1828 г.: «вотъ тебѣ посланіе отъ одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здѣсь грѣшно похабничать: эта Готовцова точно милая дѣвица тѣломъ и душою. Сдѣлай милость, батюшка Александръ Сергѣевичъ, потрудишься скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ: надобно побаловать женскій полъ, тѣмъ болѣе что и онъ бадуетъ, а еще тѣмъ болѣе, что весело избаловать молодую дѣвицу. Вотъ и мои къ ней стихи: мы такъ и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодѣями». Издававшій «Сѣв. Цвѣты» бар. А. А. Дельвигъ съ своей стороны торопилъ Пушкина, который писалъ ему въ серединѣ полбры: «вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ, я совершенно разучился любезничать», а 26 ноября послалъ ему

«отвѣтъ Готовцовой», чортъ ее побери! Какъ ты находишь *ces petits vers froids et coulants*? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похвѣвахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!» Судя по выраженію Пушкина: «недоказанный упрекъ», пьеса была и Пушкину прислана, можетъ-быть, съ пропусками; дѣйствительно, Пушкину пришлось, какъ и намъ, разгадывать смыслъ этого упрека. Намекъ Пушкина на «неучивости противу прекраснаго полу» навелъ В. П. Гаевского («Современникъ» 1854 г., № IX, сентябрь, критика, стр. 25—29) и П. В. Анненкова (см. его изданіе Сочин. П., II, 471—472) на догадку, что Готовцова упрекала Пушкина «за легкое пониманіе имъ женской способности одѣлывать изыщное, что онъ выразилъ въ своихъ мысляхъ и замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. Впрочемъ, онъ могъ относиться также и къ отрывку изъ Евгенія Онѣгина: «Женщины», напечатанному въ Москвѣ. Вѣстникъ 1827 г., № XX». Дѣйствительно въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мыслей и замѣчаній» («Сѣв. Цвѣты» 1828 г., 209) Пушкинъ писалъ: «Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ Жуковского, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствъ изыщнаго. Поэзіи скользнуть по слуху ихъ, не досылая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ рѣму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятій... Исключенія рѣдки». Въ отрывкѣ изъ «Онѣгина» Пушкинъ, говоря о женщинахъ, удивлялся: «будто требовать возможно отъ мотыльковъ или отъ лилей и чувствъ глубокихъ, и страстей!»... Вѣроятно, посланіе Готовцовой и есть то самое таинственное посланіе, которое, по словамъ И. В. Кирѣевскаго (въ одесскомъ альманахѣ «Подарокъ бѣднымъ» на 1834 г., стр. 143), должно было польстить самолюбію и вызвать любопытство Пушкина (см. И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ П. — па», 188).

Анна Иван. Готовцова (впослѣдствіи Крылова) родная тетка другой извѣстной поэтессы, Ю. В. Жадовской, печатала свои стихотворенія въ альманахахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій причислялъ ее къ самымъ крупнымъ женскимъ дарованіямъ этой эпохи. «Когда литература сколько-нибудь установится,—говоритъ великій критикъ (Сочин., изд. Венгеровъ, VIII, 314),—тогда, чтобы получить въ ней почетное мѣсто, нужно имѣть замѣчательный талантъ. И такъ, мы помнимъ въ пушкинскій періодъ русской литературы только четыре женскія имени: княгини З. А. Волконской, г-жъ Лисицыной, Готовцовой и Тепловой. Въ стихотвореніяхъ трехъ послѣднихъ проглядываетъ чувство... Вяземскій писалъ ей въ томъ самомъ посланіи, о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ Пушкину: «дается рѣдкому поэту быть поэтическомъ лицомъ... но въ васъ, любимцы наукъ, съ плодомъ цвѣтъ слѣжій неразлученъ,—съ улыбой вашею созвученъ и стихъ вашъ, сердца чистыи звукъ»... («Сѣв. Цв.» 1829 г., 178—

179); служа ей «проводникомъ» въ литературѣ, Вяземскій снабжалъ ее своими совѣтами (см. его Сочин., II, 139—144, «Отрывокъ изъ письма къ А. И. Готовцовой», первонач. въ альм. «Денница» 1830 г.).

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ мадригалъ его Готовцовой, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательства, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

547. ЗА NETTY СЕРДЦЕМЪ Я ЛЕТАЮ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ четверостишія неизвѣстенъ, а существуетъ копія, списанная Анной Ник. Вульфъ (см. «П. и его современники», IV, 37, описание майковской коллекціи) и принадлежавшая П. В. Анненкову, который впервые напечаталъ его въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VII, стр. 92, съ замѣчаніемъ (стр. 93), что оно относится къ той же особѣ, которой посвящено стихотвореніе «Подъѣзжая подъ Пжоры»... Имени ея Анненковъ не указалъ ни здѣсь, ни при «Подъѣзжая подъ Пжоры», которое на самомъ дѣлѣ написано Е. Вельяшевой, не указавъ и даты. Г. Н. Геннадіи (изд. 1859 г., I, 565) напечаталъ его среди стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ», по нерѣшительно, въ скобкахъ, поставилъ дату: «1826» (вѣроятно, потому, что у Анненкова четверостишіе напечатано между стихами 1826 года). П. А. Ефремовъ (см. его изданіе сочин. П., II, изд. 1880 г., стр. 424; 1882 г., стр. 409; 1903 г., стр. 155, также VII, 321 и VIII, 288), а за нимъ П. О. Морозовъ (изд. лит. фонда, II, 42—43) вѣрно указали, что четверостишіе посвящено Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ; во второмъ изданіи Морозова («Просвѣд.» II, 78, 439) оно ошибочно отнесено къ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. У Морозова и Ефремова пьеса отнесена къ 1828 году, хотя можетъ быть отнесена также къ 1829-му.

Netty, которой посвящена пьеса,—Анна Ивановна Вульфъ, впослѣдствіи въ замужествѣ Трувеллеръ, племянница П. А. Осиповой, двоюродная сестра Анны, Алексѣя и Евпр. Вульфъ. Пушкинъ познакомился съ нею, вѣроятно, въ Тригорскомъ въ 1824—1825 г.г. «Знаешь Ан. Ив. В.? Ессе foemina!» писалъ онъ о ней своему брату 14 марта 1825 г. Упоминанія о ней встрѣчаются въ письмахъ Пушкина къ П. А. Осиповой 20 февраля и 15 сентября 1821 г. Анна Ивановна постоянно жила въ с. Малинникахъ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, откуда наѣзжала въ Тригорское, и, можетъ быть, одно время даже переписывалась съ Пушкинымъ, который за нею слегка ухаживалъ. На это есть указанія въ письмахъ къ Пушкину влюбленной въ него Анны Николаевны изъ Малинниковъ отъ начала марта и 20 апрѣля 1826 г. «Я была бы довольно вашимъ письмомъ—писала ему Анна Николаевна—если бы не помнила, что вы въ моемъ присутствіи писали такой же и даже еще нѣжнѣе А. Кернъ и даже Netty... Получивъ мое письмо, вы вскрикиваете: «Ахъ, Господи, что за письмо, какъ будто женское!» и бросаєте его, чтобы читать глупости Netty... Между кузинами даже произошла изъ-за

этого размовка. Осенью 1828 г. Пушкинъ былъ въ Малинникахъ, гдѣ пашель (письмо къ Дельвигу въ ноябрѣ) «очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ» и въ числѣ ихъ, вѣроятно, засталъ и Анну Ивановну. Черезъ годъ онъ, «возвращаясь изъ Арзума въ Петербургъ, своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ», какъ писалъ онъ изъ Малинниковъ 16 октября 1829 г. Алексѣю Вульфъ: «Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty, здѣсь... Вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ»; письмо кончается невинной пастушеской надъ нею: «недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣтъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать (какъ памятникъ непорочной моей любви) сосудъ, ею освященный». Получивъ письмо Пушкина, Алексѣй Вульфъ, недовольный вообще Netty, по поводу сообщенныхъ ему поэтомъ извѣстій о «тверскихъ красавицахъ», писалъ Аннѣ Николаевнѣ: «кажется, самое время не имѣть власти надъ ними, онъ не перемѣняется, вслѣдъ и всегда одинъ и тотъ же. Возвращеніе нашихъ барышень, вѣроятно, отвлекло его отъ Netty, которой онъ говорить нѣжности или относился къ другой, или отъ печого дѣлать» («П. и его современники», I, 84—86).

Буквы «N и W» — инициалы имени и фамилии Анны Ивановны; «O» — вѣроятно, А. А. Оленина, а R — означаетъ, можетъ быть, А. О. Россетъ (впоследствии Смирнова), а можетъ быть имѣть иное значеніе. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ отнесеніе пьесы къ 1829-му году, когда Пушкинъ, по собственному признанію, ухаживалъ за Netty. Вѣроятно, она — одна изъ нѣсколькихъ Аннъ «Донъ-Жуанскаго списка» (см. выше, т. IV, стр. 100).

548. ПОДЪБЪЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ...

(т. II, стр. 497).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. подъ заглавіемъ: «Къ " " " " и съ пометою: «1828. Ижоры», безъ подписи автора, имя котораго, впрочемъ, указано въ оглавленіи, а затѣмъ вошла въ III-ю ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 201—202, безъ заглавія. Стихъ 8-й былъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ», сборникѣ 1832 г., посмертномъ изданіи и изданіи Анненкова неполонъ («Я въ губерніи " " "»). Въ изданіяхъ Генца было подставлено недостающее слово, но едва ли вѣрно: «Псковской», и лишь Ефремовъ сталъ печатать: «Тверской», ссылаясь на показаніе А. Н. Вульфа (Сочин. II, изд. 1880 г., II, 241). Пушкинъ упоминаетъ о пьесѣ въ письмѣ къ А. Н. Вульфъ, изъ Малинниковъ, 16 октября 1829 г.: «Пав. Пв. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъбъзжая подъ Ижоры,
Я *взяну*тъ на небеса
И *вспомнилъ* ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило?».

Этотъ Пав. Пв. — Вульфъ, дядя А. Н. Вульфа, братъ перваго мужа П. А. Осиповой, владѣлецъ

с. Павловскаго, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, по сосѣдству съ Малинниками; Пушкинъ бывалъ у него въ Павловскомъ, между прочимъ, въ 1829 и 1833 гг. (Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, 198, 285, 286). Пушкинъ принялъ поправку П. Н. Вульфа. По поэмѣ «Ижоры» можно думать, что пьеса написана не въ Тверской губерніи, а по возвращеніи оттуда въ Петербургъ, такъ какъ Ижоры — станція подъ Петербургомъ.

Екат. Вас. Вельяшева, впоследствии въ замужествѣ Жандръ, приходилась племянницей П. Н. Вульфъ; она была дочь его сестры Нат. Пв., бывшей за старицкимъ исправникомъ Вас. Иван. Вельяшевымъ. Съ нею Пушкинъ встрѣчался, гости у Вульфовъ въ Тверской губерніи въ 1828 г. Одна современница, въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи Пушкина здѣсь, рассказываетъ, что видѣла Пушкина въ Старицѣ у Вельяшевыхъ: «замѣтила я, что Пушкинъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ постоянно вертѣлся около Е. В. Вельяшевой. Она была очень миленькая дѣвушка; особенно чудные у ней были глаза. Какъ говорили послѣ, они старались не оставлять ее одинъ съ Алексѣемъ Ник. Вульфомъ, который любилъ влюблять въ себя молодыхъ барышень и мучить ихъ» (В. Колосовъ, «А. С. П. — въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888, стр. 10—11). Вѣроятно, ухаживавшій за своею кузиною А. Н. Вульфъ принялъ въ созданіи мадригала ей свою долю участія, которая, конечно, была совсѣмъ невелика. Что пьеса посвящена ей, объ этомъ впервые сказалъ Ефремовъ со словъ А. П. Вульфа (ор. с). Анненковъ (см. его изданіе Сочин. II, VII, 93) думалъ, что она относится къ Аннѣ Пв. Вульфъ; это показаніе повторилъ Русскій (Н. В. Гербель) въ берлинскомъ томѣ «запрещенныхъ стихотвореній» Пушкина, 1861 г., стр. 158. Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ, однако, глухо упоминаетъ о стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ Вельяшевой («П. въ Александровск. эпоху», 281). Попадъ черезъ нѣсколько лѣтъ слова въ Тверскую губернію, Пушкинъ успокаивалъ свою жену (чис. 24 августа 1833 г.): «Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ, но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу». Она, можетъ быть одна изъ «Катеринъ» пушкинскаго «Донъ-Жуанскаго списка» (см. т. IV настоящаго изд., стр. 95, 98). Увлеченіе это было, конечно, слабое и поверхностное. Тверскія дѣвицы, съ которыми поэтъ «водился платонически», звали его «Вампиромъ», вѣроятно, по извѣстной повѣсти, неправильно приписывавшейся одно время Байрону («Евгеній Онѣгинъ», 3, XII). По поводу словъ: «Упиваясь неприятно хмелемъ свѣтской суеты»... — см. выше, примѣч. къ № 526. Свое обобщеніе захватъ «въ ваши мирные края черезъ годъ» Пушкинъ сдержалъ и въ октябрѣ 1829 г. побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ, Берновѣ.

Вѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи отнесъ это посланіе къ лучшимъ лирическимъ пьесамъ Пушкина. Самъ поэтъ, рассказываетъ Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», изд. 2-е, 310), «принялъ въ восторгъ отъ замѣчанія одной весьма умной его собесѣдницы, что стихъ въ пьесѣ «Подъбъзжая подъ Ижоры» какъ будто въ самомъ дѣлѣ вѣдетъ подбоченіе... Собесѣдница эта — А. О. Россетъ (Смирнова); о томъ же передаетъ Я. П. Полонскій (Кое-что объ А. С.

Пушкинъ]—«Космополисъ» 1898 г., № 3, мартъ стр. 201).

549. О, ЭГЕЛЬСТРОМЪ! Я ВОСХИЩЕННЫЙ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ стихотворенія неизвѣстенъ, и впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ VII, дополнительномъ, томѣ его изданія сочиненій Пушкина, стр. 82—83, по сообщенію извѣстнаго поэта Н. О. Щербины. «Оно,—говоритъ Анненковъ,—любопытно, какъ шутливая импровизація (?) поэта. Другихъ достоинствъ оно не имѣетъ ни по мысли, ни по стику. Мы относимъ его къ 1818 году, когда по окончаніи литейскаго курса Пушкинъ отправился въ Михайловское и развѣзжалъ по деревнямъ своихъ знакомыхъ. Въ одной изъ нихъ встрѣтилъ онъ добродушнаго старика, шведа и помѣщика, занимавшагося писаніемъ такихъ стиховъ: «Сказка или маленькій дѣтскій городокъ на дугу, во время уборокъ сѣна».

Я вамъ еще не сказалъ,

Что я сегодня видалъ.

Моему зрѣнію представлялся городокъ:

Сколько ему въ длину, столько и поперекъ,

То есть порядочный оленій скачокъ.

Въ немъ видѣлъ я прелестный молочный кабачокъ,

И всѣ жители въ немъ сосали рожокъ...

и проч. Этотъ Овчинниковъ 20-хъ годовъ вызвалъ шутку Пушкина. У Анненкова пьеса была озаглавлена: «Эге... му», а 3-й и 4-й стихи были переданы лжно неправильно: «Твои стихи, лишь тебѣмъ внушены, Блестятъ, какъ солнце въ ясны дни». Въ первомъ изданіи Геннади (I, 577) уже была полностью указана фамилія Эгельстрома, а во второмъ его изданіи (I, 517) 3-й и 4-й стихи были даны въ исправленномъ видѣ (какъ принято въ настоящемъ изданіи). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П. 1880 г., I, 537, II, 424; 1882 г., II, 409) датировалъ пьесу 1828 годомъ, ссылаясь на свою бесѣду съ А. Н. Вульфъ: «изъ словъ Вульфа мы заключили, что это стихотвореніе надо перенести лѣтъ на 10 впередъ, къ 1828 г.». Такимъ образомъ, отнесеніе пьесы къ 1828 г. можно признать болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Съ Эгельстромомъ Пушкинъ могъ, дѣйствительно, встрѣтиться въ 1828 г., гостя въ с. Малинникахъ, Старидкаго уѣзда Тверской губерніи, у хозяевъ Малинниковъ, Вульфовъ. Эгельстромъ былъ тоже тверской помѣщикъ. «Имѣніе его,—разсказываетъ В. Колосовъ («А. С. Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888, стр. 7—9),—было въ селѣ Пречистой Каменкѣ, Новоторжскаго уѣзда. Онъ былъ родомъ шведъ, плохо говорилъ по-русски, но писалъ, какъ онъ говорилъ, «штыхи» на русскомъ языкѣ. Возлѣ Пречистой Каменки жилъ и другой помѣщикъ, Копыловъ, большою зубоскалъ, потѣшавшійся надъ Эгельстромомъ. Эгельстромъ въ одно изъ пребываній А. С. Пушкина въ Тверской губерніи и явился къ нему въ качествѣ собрата по поэзіи, представивъ на его усмотрѣніе произведенія своей музы. Должно быть, при этомъ онъ ждался на несносныя обиды завистника своего, Копылова». Передавая сомнительное извѣ-

стіе, что будто послѣдній стихъ пьесы «въ первоначальной редакціи» читался: «О, Эгельстромъ, ты царь глупцовъ!», В. Колосовъ сообщаетъ эпиграмму, написанную этимъ «сыномъ Феба вдохновеннымъ» на своего дворецкаго, котораго онъ засталъ слизывающимъ съ пальца сметану

Охъ, ты, пѣшивый сатана,
Любитель кушать сметана.

А. Н. Вульфъ много лѣтъ спустя весело вспоминалъ объ этомъ чудакѣ и разсказывалъ о немъ разные анекдоты (Сочин. II, изд. Ефремова, т. I, 1880 г., стр. 537; т. VIII, 1905 г., стр. 287). О содержаніи и достоинствахъ его стиховъ, помимо приведенныхъ образчиковъ, можно судить по самому посланію Пушкина, явно пародировавшему его манеру такими выраженіями, какъ «коварна злоба», «слезясъ», «стенаеть», «почто». Блестящій образецъ подобной пародіи—извѣстная «Ода Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову». Шутка Пушкина довольно добродушна. Грозилъ эпиграммы русской литературной «сволочи», онъ говорилъ: «Миръ вамъ, смиренныя поэты! Миръ вамъ, несчастные глупцы!...» (см. ниже, № 664).

550. ЦВѢТОКЪ.

(т. II, стр. 498).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана въ журналѣ «Галатей», изд. А. Е. Рачка, ч. I, 1829 г., № 2, стр. 88, съ подписью поэта, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 133—134, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1828 г.

«Это простодушное стихотвореніе,—говоритъ Д. Н. Овсянко-Куликовскій («Пушкинъ», Спб., 1909, стр. 117—118)—принадлежитъ къ числу драгоценнѣйшихъ лирическихъ откровеній Пушкина... Наши души раскрываются для взаимнаго пониманія лучше всего эмоціями вообще и лирическими—въ особенности. И умъ, и чувство слишкомъ часто глугутъ,—эмоціи, съ ихъ психическимъ механизмомъ, никогда не глугутъ... Лирическая же эмоція отличается тою особенностью, что въ ней всегда есть доля симпатіи, созвучія съ душевными состояніями другихъ людей. Это сближаетъ ихъ съ эмоціями состраданія, жалости, радости, любви. Вы глубже и гуманнѣе почувствуете, напр., чужое горе, если откликнетесь на него не только эмоціею состраданія, но и лирически. Лирику чужого горя, чужой печали, радости, счастья и т. д. мы понимаемъ лучше, чѣмъ тѣ же переживанія въ ихъ нелирическомъ выраженіи. Стихотвореніе «Цвѣтокъ» обнаруживаетъ удивительную лирическую чуткость Пушкина. Я готовъ назвать эту чуткость лиризмомъ, который у него былъ всегда пасторожѣ, всегда въ ожиданіи,—«лирическою любознательностью» и усматриваю психологическое родство между нею и пытливостью ума Пушкина съ одной стороны и живостью, экспансивностью его натуры—съ другой. Извѣстны широта и разнообразіе его умственныхъ интересовъ, отзывчивость его мыслей; извѣстны богатство и тонкость его чувствующей сферы. Но этотъ огромный капиталъ его души не далъ бы тѣхъ изумительныхъ результатовъ творчества, какіе онъ далъ, если бы объ сферы—ума и чувства не

были у него тѣсно связаны психическою скрѣпою лирической эмоциональности. Любое впечатлѣніе, представленіе, любая мысль вызывала у него эмоцію, но эта эмоція сразу превращалась въ лирическую, а поэтому результатъ эмоціи—чувство становилось лирическимъ и, какъ таковое, приводило къ глубоко-сочувственному, высоко-гуманному отношенію къ тому, что составляло въ данный моментъ содержаніе возникшей мысли и возбужденнаго чувства. Вотъ засохшій цвѣтокъ въ книгѣ. Кто-нибудь, когда-нибудь положилъ его туда. Кто онъ или кто она? И мысль уже заинтересовалась, уже заработала въ этомъ направленіи,—и уже подъ импульсомъ этихъ представленій явилась эмоція—сочувственной грусти, и эта эмоція сразу становится лирической, а душа раскрылась для гуманнаго пониманія другой души, для широкихъ человѣческихъ сочувствій.

Пьеса до извѣстной степени раскрываетъ въ ясной и простой схемѣ механизмъ пушкинскаго творчества: засохшій цвѣтокъ произвелъ на поэта впечатлѣніе, и въ умѣ его проходитъ дѣльный рядъ образовъ; содержаніе ихъ подсказывается не только мечтательнымъ и грустнымъ настроеніемъ, которое онъ въ данный моментъ испытывалъ, но и самимъ предметомъ, давшимъ толчокъ вдохновенію. Бѣлинскій причислялъ «Цвѣтокъ» къ «лучшимъ, задушевейшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина» (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгрова, VI, 101; ср. изд. 1860 г., VIII, 395). «Значеніе «Цвѣтка» неисчерпывается—объясняетъ Н. И. Черняевъ («Критич. статьи и замѣтки о П—нѣ», Хар., 1900, стр. 377, 383)—«изяществомъ формы, мелодичностью стиха и тѣмъ смѣшаннымъ настроеніемъ, исполненнымъ одновременно и свѣта, и грусти, которое онъ пробуждаетъ въ читателѣ, невольно переживающемъ, хотя, конечно, въ слабой степени, все то, что пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ поэтъ при взглядѣ на забытый въ книгѣ цвѣтокъ. Стихотвореніе Пушкина представляетъ, кромѣ того, серьезный психологическій интересъ. Оно раскрываетъ передъ нами душу поэта въ тѣ минуты, когда она, воспринимая извѣстное впечатлѣніе, давшее толчекъ ея творческой силѣ, начинаетъ созидать образъ за образомъ, оживляя свои воспоминанія, перерабатывая и дополняя ихъ фантазіей и подчиняясь при этомъ закону тѣхъ называемой ассоціаціи идей. Цвѣтокъ, забытый въ книгѣ, можетъ вызвать въ каждомъ тѣ или другія представленія, но у обыкновеннаго смертнаго эти представленія будутъ блѣдны, не отчетливы... У великаго поэта они бываютъ ясны, ярки, сильны, поражаютъ его самого своей мощью и красотой... Пушкинъ называлъ «мечтою странной» образы и картины, промелькнувшіе передъ его духовными очами подъ впечатлѣніемъ забытаго въ книгѣ, засохшаго цвѣтка. Пушкинъ не разъ останавливался въ изумленіи передъ многообразіемъ и мощью своего творческаго дара, ибо не въ силахъ былъ объяснить его. Онъ видѣлъ въ немъ что-то таинственное и неоднократно выражалъ прямо и намеками мистическій взглядъ на свой гений».

Сопоставляя «Цвѣтокъ» и «Вѣтку Палестины» Лермонтова, Н. Ф. Сумцовъ («Харьковск. универс. сб. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 321) находитъ, что «случайность сходства между ними немислима; здѣсь, очевидно, прямое подражаніе Лермонтова, прямое заимствованіе образовъ и выраженій». Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласиться трудно; высокая поэтическая самостоятельность

Лермонтова въ тотъ періодъ, когда была написана «Вѣтка Палестины», и обстоятельства, при которыхъ она создавалась, исключаютъ предположеніе о заимствованіи и допускаютъ только бессознательную реминисценцію. «Цвѣтокъ» положенъ на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ П. Вярдо-Гарсія, Ц. А. Кюи, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петерб. универс. Пушк. сборн., 1900 г., стр. 103). Существуетъ народнѣ на него, «Кнутъ», приписываемая Н. С. Тургеневу («Русская потаенная литература», Лондонъ, 1861, стр. 360—361).

551. ЧЕРНЬ

(т. II, стр. 498).

См. особую статью: «Что понималъ Пушкинъ подъ словомъ чернь?»

552. Н. В. С*** [СЛЕНИНУ].

(т. II, стр. 499).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 131, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 125—126, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 г. Въ альманахѣ она озаглавлена «Къ И. В. Сл.», а въ сборникѣ: «И. В. С***». Анненкову (см. его изданіе сочин. П., II, 472) заглавіе пьесы въ «Сѣв. Цвѣтахъ» «помогло угадать въ этихъ буквахъ, если не ошибаемся, имя умнаго и образованнаго книгопродавца Сленина».

Ив. Вас. Сленинъ (1789—14 февраля 1836), книгопродавецъ и издатель, былъ личность не совсѣмъ заурядная. Онъ—говоритъ В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. III, въ «Современникѣ» 1854 г., т. 43, отд. III, стр. 50—51)—«принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ книгопродавцевъ-издателей, которые заботились не только о своихъ личныхъ выгодахъ, но и о пользѣ литературы. Множество книгъ, журналовъ и альманаховъ издано иждивеніемъ Сленина. «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты», лучшіе изъ русскихъ альманаховъ, также обязаны ему своимъ существованіемъ. Въ позднѣйшее время съ такимъ же безкорыстнымъ усердіемъ дѣйствовалъ только одинъ Смирдинъ». Сленинымъ были изданы «Исторія Государства Россійскаго», басни И. А. Крылова; самъ онъ сочинялъ экспромпты и эпиграммы, которые печатались въ «Благонамѣренномъ», «Дамскомъ Журналѣ», «Сѣверной Пчелѣ». Помѣшавшуюся на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, лавку его, какъ впоследствии лавку А. Ф. Смирдина, часто посѣщали петербургскіе литераторы. «О, лавка дорогая! Въ нее какъ ни придеши, всегда словесниковъ найдешь», писалъ А. Е. Измайловъ; есть «Посланіе къ И. В. Сленину» графа Д. И. Хвостова. (О Сленинѣ см. «Сѣверн. Пчелу» 1836 г., № 53; «Литерат. Прибавл. къ Русск. Ивалиду» 1836 г., № 21; цитир. ст. В. П. Гаевского; «Матеріалы для исторіи русской книжной торговли», Спб. 1879; «Остафьевс. Арх.», I, 627—628). Пушкинъ былъ давно уже знакомъ съ нимъ. Сленинъ купилъ значительную часть экземпляровъ перваго изданія «Руслана и Людмилы». часто исполнялъ разныя комиссіи Пушкина по покупкѣ книгъ; въ 1824 г., прослышавъ объ «Онѣ-

гнѣвъ», онъ предлагалъ за него Пушкину «сколько хочеть»; въ одномъ письмѣ къ брату (1822 г.) Пушкинъ посылалъ ему поклонъ.

Жалобы на альбомы у Пушкина встрѣчаются не разъ. Суля своему другу «много всякой благодати», онъ пожелалъ ему не имѣть «на совѣсти ни единого альбома отъ красавицъ, отъ друзей» («Долго сихъ листовъ завѣтныхъ...», см. ниже, № 694). Стоитъ поэту влюбиться, «красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегій» («Египетскія почты»). Изящно-строгий альбомъ великосвѣтской красавицы пугалъ поэта своей холодностью и требовательностью, и онъ проклиналъ эти «разрозненные томы изъ библиотеки чертей, мученье модныхъ рюмачей... пускай сотретъ васъ Божій громъ! Когда блистательная дама мнѣ своей in-quarto подаетъ,—и дрожь, и злость меня беретъ, и шевелится эпиграмма во глубинѣ моей души,—а мадригалы имѣй пиши!... Блестящимъ законодательницамъ большого свѣта онъ всегда предпочиталъ типъ уѣздной барышни (впослѣдствіи такъ нѣжно очерченной Н. П. Огаревымъ); много лѣтъ онъ видѣлъ свою Музу «барышней уѣздной съ печальной душою въ очахъ, съ французской книжкой въ рукахъ»... Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» Пушкинъ чудесно охарактеризовалъ этотъ типъ и показалъ, «что за предѣсть эти уѣздныя барышни»; въ нихъ великій писатель серьезно усматривалъ «свою истинную публику». Онъ съ любовной насмѣшливостью описалъ альбомъ уѣздной барышни, измаранный подругами, исписанный злодѣйски-страстными признаніями армейскихъ поэтовъ:—«въ такой альбомъ, мои друзья, признайся, радъ писать и я, увѣренъ будучи душою, что всякій мой усердный взоръ заслужитъ благосклонный взоръ, и что потомъ съ улыбкой злою не стану важно разбирать, остро или нѣтъ я могъ соврать» («Евг. Онегинъ», 4, XXVIII—XXX). На своемъ вѣку Пушкину все-таки пришлось, и волей, и неволей, написать не одно альбомное посвященіе. Въ его время альбомы водились не только у дамъ, но и у мужчинъ; Онѣгінъ, усталый, blasé, вноситъ ядовитыя и скептическія замѣчанія въ свой солидный альбомъ. Отецъ Пушкина былъ альбомнымъ поэтомъ по призванію и писалъ въ этомъ легковѣсномъ жанрѣ подчасъ очень недурно, остроумно и весело. Отличными образцами тогдашняго альбома служатъ описанные М. И. Сemeвскимъ («Рус. Вѣстн.», 1869, ноябрь, 65—71) альбомы П. А. Осиповой и членовъ ея семьи; Пушкинъ не разъ былъ вкладчикомъ въ нихъ.

Бѣлинскій упомянулъ посвященные Сленину стихи, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательства, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

553. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

(т. II, стр. 499).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 32, безъ подписи, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 168, гдѣ помѣщена среди стихотвореній «разныхъ годовъ». Анненковымъ и другими изда-

телями она отнесена къ 1828 г., къ которому относятся нѣсколько другихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ томъ же выпускѣ альманаха, по, можетъ быть, написана и раньше. Она представляетъ собою передѣлку и развитіе лидейской эпиграммы Пушкина «Скажи, что новаго...» (см. въ I т. настоящ. изданія, стр. 375, 378 и снимокъ съ автографа на стр. 377). Лидейской эпиграммы Пушкинъ не печаталъ (она появилась лишь въ посмертномъ изданіи его сочиненій), а напечаталъ ее передѣлку. Въ послѣдней пьесѣ значительно лучше, чѣмъ въ первоначальной редакціи. Пушкинъ развитъ діалогъ, удлинилъ докучные разспросы назойливаго пріятеля, и эпиграмма стала смѣшнѣе и живѣе. Первые слова и два послѣдніе стиха первоначальной редакціи почти буквально вошли въ расширенную редакцію. Поэтъ самъ часто страдалъ «отъ усыпителя глупца, отъ пробудителя нахала», и, вѣроятно, не разъ ему приходилось выслушивать надоедливые и безсмысленные вопросы въ родѣ хлестаковского: «ну, что, братъ Пушкинъ?»...

554. СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

(т. II, стр. 499).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ альманахѣ «Подсѣжники» 1830 г., стр. 18; въ стихахъ 9 и 10 вмѣсто «черной муравки» и «мелкой букашки» было—«тощая пѣявка» и «мелкая козявка». Спыхотившись, что пѣявка вовсе не насѣкомое, Пушкинъ исправилъ пьесу и напечаталъ ее въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., № 43, 30 іюля, стр. 56, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сіе стихотвореніе, напечатанное въ алманахѣ: *Подсѣжники*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагоклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Европы* и въ *Московский Телеграфъ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа*—полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностью.—Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особую книжку, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.». Затѣмъ пьеса вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 203—204. Относится она къ 1828 г. на основаніи показанія П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. П., 1880 г., II, 427), что въ рукописи, по которой печатался сборникъ 1832 г., Пушкинъ самъ помѣтилъ ее 1828 годомъ. Появившаяся въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 г., ч. 32, «Новый живописецъ общества и литературы», № 8, стр. 135, пародія была озаглавлена: «Эпиграмма» («На голосъ: Мое собраніе насѣкомыхъ»):

На нивѣ бѣдной и бесплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травковъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ

ВАЛЕРІАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛИНЪ.

И рѣкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чапльдъ-Гарольдія смѣшная;
Вотъ Донъ-Жуанія мой;
Вотъ Дидеротія блажная;
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи завялой,
И древнихъ эллиновъ горохъ.
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Пародія была подписана «Обезьянникъ»; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую паружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно; однажды онъ жаловался: «въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣтилъ, хотя она меня глубоко тронула». Въ пародіи «Вѣстника Европы» 1830 г., II, 302, подп.: «А. С.», были беззубо обруганы лучшія произведенія Пушкина, подъ видомъ указанія, что «энтомологи велить загадочные стихи читать слѣдующимъ образомъ:

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій плѣнникъ — злой паукъ.
Вотъ Годуновъ — российский жукъ.
Опѣгилъ — тощая пѣвка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка.

Пушкинъ не назвалъ ни одного имени, по, конечно, нелѣгко было узнать въ Божьей ко-

ровкѣ благочестиваго, степеннаго О. Н. Глинку (о немъ см. въ примѣч. къ № 341), въ зломъ паукѣ — сухого по темпераменту, скептически настроеннаго М. Т. Каченовскаго (о немъ см. въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596). Полный списокъ всѣхъ литераторовъ, имена которыхъ могутъ быть здѣсь подставлены, появился въ «Библиографич. Запискахъ» 1838 г., № 11, ст. 345; по 93-й стихъ былъ переданъ: «Вотъ Т—въ,—черная мурашка». По словамъ П. А. Плетнева, «пѣвкой» былъ названъ М. А. Бестужевъ-Рюминъ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 158). Въ другой разъ, на просьбу Грота сообщить имена, пропущенныя въ «Собраніи насѣкомыхъ», П. А. Плетневъ отвѣтилъ: «Глинка (Оел.) — Божія коровка, Каченовскій — злой паукъ, Свининъ — российский жукъ, Рюминъ (Бестужевъ) издавалъ какой-то журналъ, Борька (Федоровъ, Борисъ) — мелкая букашка» (ор. с., III, 401). Такимъ образомъ, не подлежатъ сомнѣнію только первыя три имени; остается разобраться въ двухъ остальныхъ. Подъ «мелкой козявкой» первой редакціи или «мелкой букашкой» второй — современники предполагали В. П. Олина. Говоря о «Подсѣбжикѣ», рецензентъ «Сѣвернаго Меркурія», вѣроятно, самъ издатель его, М. А. Бестужевъ-Рюминъ (№ 40, 2 апрѣля, стр. 159—160), остановился на этой эпиграммѣ: «какое въ этомъ Альманахѣ собраніе насѣкомыхъ, принадлежащее знаменитѣйшему нашему поэту А. Пушкину! Это собраніе насѣкомыхъ открыто было до сего времени для однихъ только знакомыхъ автора, но нынѣ, по благосклонности его къ публикѣ, показывается всѣмъ и каждому...

Они, прозенные насковозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ...

т.-е. на эпиграммахъ почтеннаго автора: это немножко самолюбиво, но кто же изъ поэтовъ не самолюбивъ?.. Можетъ быть, объ этихъ эпиграммахъ теперь никто болѣе не помнитъ, кромѣ автора: по крайней мѣрѣ, ему самому кажется, что выписанные **, Божія коровка, ***, злой паукъ, **, Россійскій жукъ, **, тощая, пивка и **, мелкая козявка, пронзены этими эпиграммами насквозь. Въ этомъ собраніи примѣчательнѣе всего ***, злой паукъ, который такъ искусно раскинулъ сѣти свои, что изъ нихъ никакъ не могутъ выпутаться и дѣлать поэмы, не только эпиграммы; едва только появится какая-нибудь поворожденная букашечка, какъ онъ ее, бѣдняжечку, цапъ-царапъ, и она, какъ ни старается вырваться изъ тяжкаго своего ига, но не по силѣ бѣдняжечкѣ. Здѣсь ясно говорится о Каченовскомъ (его четырехсложное имя обозначено чертѣми звѣздочками), объ его отношеніяхъ къ Пушкину. Неодобрительно отнесся къ эпиграммѣ Пушкина В. Н. Олинъ, который въ своей «Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности» (1830 г., № 4, стр. 541) писалъ: «мы никакъ не можемъ одобрить стихотворенія г. Пушкина, подъ названіемъ: «Собраніе насѣкомыхъ». Мы умѣемъ пѣяться пріятнымъ талантомъ поэта, но не безусловно и не ослѣпяясь. По мнѣнію нашему, чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ дарованій, тѣмъ онъ долженъ быть скромнѣе; ибо скромность, нѣкоторымъ образомъ, придаетъ имъ болѣе блеску. Довольствуемся симъ простымъ и умѣреннымъ замѣчаніемъ. Сверхъ сего, любопытствующие узнать болѣе могутъ прочесть рецензію на «Подсѣжника», напечатанную, съ позволенія сказать, въ 40 № Сѣвернаго Меркурія».

Это испрошеніе у читателей «позволенія» произнести названіе «Сѣв. Меркурія», конечно, задѣло послѣдній, и въ 55-мъ № «Сѣв. Меркурія» (7 мал, стр. 217—218) появилась замѣтка «Нѣчто о Собраніи насѣкомыхъ, эпиграммѣ А. Пушкина, помѣщенной въ Подсѣжникѣ»; въ ней было объяснено, что «изд. Мерк. не имѣлъ съ своей стороны никакой особенной причины не одобрить упомянутого «Собранія насѣкомыхъ», кромѣ того, что онъ, въ отношеніи къ дарованію Пушкина, находитъ это четырнадцатистишье совершенно ничтожнымъ, не имѣющимъ никакого достоинства, даже и пѣтческаго. Если бы дѣло шло о какихъ-нибудь другихъ произведеніяхъ словесности, какъ, напр., о поэмѣ: Кальеонъ или о трагедіи: Корсаръ, — въ такомъ случаѣ было бы необходимо просить позволенія у читателей, чтобы предварить его и нечаяннымъ напонианіемъ о сихъ чадахъ авторскаго воображенія не произвести въ немъ козлики отъ смѣха. Кстати о собраніи насѣкомыхъ!.. Нѣкоторые замѣчаютъ, что если въ этомъ четырнадцатистишии есть что-нибудь порядочное, справедливое, то развѣ, съ позволенія сказать, одна только мелкая козявка, (Вотъ **, мелкая козявка), ибо ей всего приличнѣе быть въ собраніи насѣкомыхъ!..» Такимъ образомъ, «Сѣв. Меркурій» опредѣленно указываетъ на Олина, издателя «Карманной книжки» и автора «Кальеона» и «Корсара». Когда эпиграмма снова появилась въ «Литерат. Газетѣ», «Сѣв. Меркурій» попалъ на Пушкина и опять указалъ на Олина (№ 97, 13 августа, стр. 75): «сочинитель стихотворенія подъ названіемъ «Собраніе насѣкомыхъ», радующійся, что оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ «Вѣстн. Европы» и въ «Московскомъ Телеграфѣ», сдѣлалъ

въ немъ нѣкоторую въ одномъ или двухъ стихахъ перемѣну, повидимому, для того, чтобы имѣть поводъ перепечатать его въ 43-мъ № «Литературной Газетѣ». «Сіе стихотвореніе,—говоритъ въ энтузіазмѣ «Литер. Газета», обратило на себя общее вниманіе». О стихотвореніи: «Собраніе насѣкомыхъ» сдѣланы были отзывы въ двухъ или трехъ нашихъ журналахъ, разумѣется, въ проницескомъ родѣ. «Лит. Газета», называя это общимъ вниманіемъ, дѣлаетъ въ семь случаевъ безъ помѣренія привѣтствіе этимъ журналамъ. Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примѣчательная своею уродливостью и безнравственною дѣлюю, обращаетъ на себя вниманіе, но какое?.. По моему мнѣнію, «Лит. Газетѣ» надлежало бы объяснить въ семь случаевъ тѣ обстоятельства, по которымъ упомянутое стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе, надлежало бы для того, чтобы люди нескромные, нескрывающіе тайнъ литературныхъ, не выжили нѣкоторымъ читателямъ, что это произведеніе не имѣетъ нравственной дѣли. Мнѣ было бы вчужѣ досадно, если бы нашлись такіе, которые не поняли бы истинно похвальной дѣли, съ которою написано и напечатано упомянутое стихотвореніе, и которая приносить особенную честь Сочинителю. Могутъ найтись люди, не одаренные особенною проницательностію, которые вздумаютъ искать опредѣленнаго смысла въ таинственныхъ звѣздочкахъ, находящихся въ упомянутомъ стихотвореніи,—и что тогда скажетъ издатель «Карманной книжки», Г. Олинъ, какъ извѣстно изъ его «Карманной книжки», и прежде почему-то весьма не нравилось упомянутое стихотвореніе!.. Что скажетъ сей многопросвѣщенный мужъ, увидѣвъ, что мелкая козявка прежняго изданія обратилась въ нынѣшнемъ—въ мелкую букашку?.. Увы!.. Букашка козявки стоитъ!—воскликнетъ онъ въ полномъ смиреніи сердца; и читатели его повторятъ стройнымъ хоромъ: стоитъ! стоитъ! Имъ Раича подсказано въ упомянутой замѣткѣ «Библиогр. Записокъ», но, можетъ быть, вмѣсто Раича, дѣйствительно, надо читать: Рюмишъ, т.-е. Бесугубевъ-Рюминъ, и, можетъ быть, это-то обстоятельство и было причиной озлобленія издателя «Сѣв. Меркурія». Пушкинъ вскорѣ вспомнилъ обо всей этой полемикѣ, разсуждая о литературныхъ правахъ и полемическихъ пріемахъ своего времени: «Самъ съ тѣмъ есть нынѣ главная пружина нашей литературной полемики!.. Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. Самъ ты букашка, закричалъ бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съ тѣмъ!..» Въ сдѣлующемъ году какой-то А. Б. въ «Сынѣ Отечества» (1831 г., ч. 142, стр. 246; «Пушкинъ и его современники», V, 116—117) тоже откликнулся на тотъ же манеръ:

Да, да, въ стихахъ моихъ знакомыхъ
Собранье мыслей—насѣкомыхъ!

О Свинышѣ см. примѣчанія къ сказочкѣ «Маленькій Лжецъ». Сем. Ег. Райчъ (1792—1855), переводчикъ Аріосто, Тассо, Вергилія, издавалъ альманахъ; въ 1829 г. началъ издавать журналъ «Галатею». Валеріанъ Никол. Олинъ, плодовитый,

но бездарный поэтъ и переводчикъ; см. Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгеровъ, IV, 513—519, гдѣ даны свѣдѣнія о немъ. Объ М. А. Бестужевѣ-Рюминѣ см. въ прим. къ № 884. Эпиграмма Пушкина грѣшитъ несправедливостію къ Раичу, если имѣеть въ виду дѣйствительно Раича, и незаслуженно задѣла Глинку. «Говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ», писалъ Глинкѣ Пушкинъ (21 ноября 1831 г.), какъ будто извиняясь за свою эпиграмму (см. «П. и его современники», VII, 73—76).

555. Е. Н. У***вой.

(т. II, стр. 500).

Два черновые наброска этого стихотворенія находятся въ тетради московскаго Руминовскаго музея № 2371, л. 12 об. (одинъ изъ нихъ, болѣе отдѣланный и разборчивый, былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 39). Исправленная редакція пьесы находится въ принадлежащемъ А. Н. Ганецкому автографѣ, записанномъ на отдѣльномъ листкѣ изъ одного утраченнаго нынѣ альбома Елиз. Н. Ушаковой (снимокъ помѣщенъ въ альбомѣ Пушкинской московск. выставки 1899 г., л. 18). Сличивъ подлинники, Л. Н. Майковъ («Пушкинъ», стр. 369—371), несмотря на опредѣленіе самого Пушкина: «строкъ небрежныхъ начертанье», справедливо замѣтилъ, что «эта небольшая пьеса стоила автору значительнаго труда. Первый изъ набросковъ еще совершенно отрывочный; второй тоже сопровождается пометками... Однако, и такую редакцію своихъ стиховъ поэтъ не удовлетворился; дѣйствительно, сравнивая ее съ пьесой въ окончательномъ видѣ, въ какомъ она была отдана Елизаветѣ Николаевнѣ, нельзя не признать, что только послѣ этой послѣдней отдѣлки стихотвореніе получило вполне легкую и изящную форму... Этотъ замѣчательный примѣръ той художественной заботливости, съ которою Пушкинъ отдѣлывалъ свои, даже мимолетныя, вызванныя случайными обстоятельствами произведенія, придаетъ особенную цѣну разсказу Н. С. Киселева (ея сына) о томъ, какъ Пушкинъ передавалъ Елизаветѣ Николаевнѣ посвященные ей стихи: «Когда Пушкинъ принесъ ихъ матушкѣ, они были безъ подписи; на вопросъ матушки, зачѣмъ онъ не подписалъ своего имени, онъ отвѣчалъ, какъ будто оскорбленный этимъ требованіемъ: «Такъ вы находите, что подѣ стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь съ этимъ листкомъ: онъ не достоинъ чести быть въ вашемъ альбомѣ». И Пушкинъ уже былъ готовъ уничтожить его; тутъ началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что драгоценный листокъ остался въ рукахъ матушки, совершенно измятый и съ оторваннымъ угломъ. Пушкинъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ подписать свое имя подъ трофеемъ, который матушка еще держала обѣими руками». Дѣйствительно, на этомъ удѣлывшемъ понынѣ, измятомъ и оборванномъ листкѣ стоитъ полная подпись поэта въ томъ видѣ, какъ онъ подписывался на дѣловыхъ бумагахъ, но сдѣлана она имъ не тѣми черпизами и не тѣмъ перомъ, которыми написано самое стихотвореніе».

Впервые появилось оно въ журналѣ А. Е. Раича «Галатея» 1829 г., ч. I, № 5, стр. 265, подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ (Е. Н. У***вой)», а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 143—144, подъ заглавіемъ:

Е. Н. У***вой», съ указаніемъ въ оглавленіи: «Въ Альбомѣ» и съ отнесеніемъ къ 1829 году. «Каковъ Раичъ?... Хорошо напечаталъ онъ твои стихи къ Ушаковой», писалъ Пушкину Вяземскій 23 февраля 1829 г.; дѣйствительно, въ «Галатее» былъ пропущенъ цѣлый стихъ (11-й); въ четвертомъ стихѣ было «модой» вмѣсто «одой», что, впрочемъ, соответствуетъ первоначальной редакціи. Въ настоящемъ изданіи пьесы напечатана по сборнику Пушкина, съ пополненіемъ сокращенія въ послѣднемъ стихѣ, впервые явившимся въ изданіи Аннепкова (II, 500). Слѣдуя указанію самого Пушкина, издатели датировали пьесу 1829 годомъ, но П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, 1903 г., стр. 137) перенесъ ее въ 1828 г., объясняя это (т. VIII, 1905 г., стр. 281—282) такъ: «Пушкинъ въ 1829 г. уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву только 9 марта, а въ началѣ мая поѣхалъ оттуда на Кавказъ, между тѣмъ посланіе было напечатано въ № «Галатеи», процензурованномъ 31 января. На оборотной сторонѣ стихотворенія Пушкина было напечатано другое посланіе «Въ альбомѣ (Е. Н. У...вой)» А. Башилова, помѣщенное «28 октября 1828 г., Москва». Это могла быть случайность, но въ тетради московскаго музея посланіе помѣщено въ непрерываемомъ ряду стихотвореній 1828 г. Изъ Малинниковъ Пушкинъ уѣхалъ въ Москву въ концѣ ноября (?) 1828 г., а въ концѣ декабря возвратился въ Петербургъ. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ, вѣроятно, переписалъ съ поправками свое посланіе и самъ принесъ его Е. Н. Ушаковой, а черезъ мѣсяцъ оно и появилось именно съ этими поправками въ «Галатее» 31 января 1829 г. Если же онъ поправилъ бы и принесъ стихотвореніе въ прѣздъ свой послѣ 9 марта 1829 г., то, конечно, оно не могло бы быть напечатано къ 31 января. То же обстоятельство, что оно отнесено въ изданіи «Стихотвореній» къ 1829 году, не можетъ противорѣчить приведеннымъ соображеніямъ, такъ какъ Пушкинъ не всегда вѣрно распредѣлялъ въ изданіяхъ 1826 и 1829—1835 гг. свои произведенія». Однако, Ефремовъ ошибается. Прибывъ изъ Малинниковъ въ Москву въ началѣ декабря 1828 г., Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ до 16 января 1829 г. (см. мои «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 181, 183); значитъ, онъ могъ — и такъ оно, въ виду его собственнаго хронологическаго показанія, и было — принести въ первой половинѣ января 1829 г. Ушаковой свое стихотвореніе, быть можетъ, дѣйствительно, набросанное еще въ 1828 г., но законченное и отдѣланное именно въ первой половинѣ января 1829 г.

Прежде оно относилось къ Екат. Н. Ушаковой, но послѣ сообщенія Н. С. Киселева (Л. Майковъ, I. с.) выяснилось, что оно посвящено ея младшей сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ. Вѣроятно, ея или Пушкинъ внесъ въ свой «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. настоящ. изд. стр. 90, 95, 100). Поэту гораздо больше нравилась старшая сестра, но онъ былъ внимателенъ и къ младшей, веселой и очень хорошенькой дѣвушкѣ, которой въ 1828—1829 гг. было 18—19 лѣтъ (род. 9 сентября 1810 г., ум. 21 сентября 1872 г.). Она берегла удѣлывшія до нашихъ дней свой дѣвичій альбомъ, изрисованный Пушкинымъ и сохранившій его «Донъ-Жуанскій списокъ». Въ немъ есть карикатуры Пушкина на самое обладательницу альбома (см. «Альбомъ Пушкинск. московск. выставки» 1880 г., стр. 122—123, и три снимка съ ея

портретовъ, набросанныхъ Пушкинымъ); поэтъ изображалъ Елизавету Николаевну окруженную котятами, а ея жениха, своего пріятеля С. Д. Киселева, за котораго она вышла вскорѣ, рисовалъ въ видѣ кота; намекая на первые звуки его фамиліи, Пушкинъ дразнилъ его невѣсту «кисанькой». Онъ писалъ Вяземскому 14 марта 1830 г.: «Киселевъ женится на Лизаветѣ Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы до гадости». Л. Майковъ (371—373) описываетъ эти рисунки: «своими набросками Пушкинъ какъ бы предсказываетъ ихъ супружество. Онъ нѣсколько разъ рисуетъ профиль Елизаветы Николаевны и притомъ всегда изображаетъ барышню уже въ чепчикѣ, въ костюмѣ молодой дамы. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ ее съ кошкой на рукахъ, и подъ нимъ стоитъ подпись: «Al. Pousch. pinxit. 5 октября 1829 г.». Дважды рисуетъ онъ и самого С. Д. Киселева, въ очкахъ и придавая ему видъ пожилого толстяка. Еще одна картинка изображаетъ Елизавету Николаевну опять въ чепчикѣ, окруженную котятами и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирнаго кота, тоже въ очкахъ, который сидитъ передъ нею съ поднятою лапкой. Подъ этою картинкой подпись: «Елизавета Миколавна въ день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто въ данномъ случаѣ разумѣлся подъ этимъ именемъ. Дѣло въ томъ, что обладательница прекрасныхъ черныхъ глазъ Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пѣла, должна была надѣвать очки, чтобы видѣть ноты, положенныя на высокомъ пюпитрѣ. Въ такомъ видѣ и нарисовалъ ее Пушкинъ, а передъ нею—помѣтившагося на пюпитрѣ кота, который дирижируетъ лапкой. Она поетъ одну изъ тѣхъ арій, исполненіемъ которыхъ особенно восхищался С. Д. Киселевъ... Напоминаемъ объ этомъ Пушкинъ любилъ поддразнивать Елизавету Николаевну, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она отказывалась пѣть по его просьбѣ; рисунокъ же, сейчасъ описанный, онъ называлъ: «Будущее семейное счастье Лизаветы Миколавны». Случалось, что, желая скопировать ее намякомъ на того, кто ей нравился, Пушкинъ неожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кисъ, кисъ, кисъ», какъ бы произносила начальныя звуки фамиліи Сергія Дмитріевича. Иногда Пушкинъ называлъ Елизавету Николаевну «кисанькой», и, согласно съ такимъ названіемъ, нарисовалъ на одномъ листѣ альбома кошку, которой приданъ профиль его обладательницы; у ея ногъ лежатъ трупы двухъ крысъ, а вдали побѣдоносно шествуетъ очень маленькаго роста Донъ-Жуанъ, на котораго «кисанька» ласково поглядываетъ. Въ киселевскихъ бумагахъ уцѣлѣлъ еще одинъ рисунокъ Пушкина, имѣющій отношеніе къ тѣмъ же обстоятельствамъ. Однажды, когда бракъ Елизаветы Николаевны и Сергія Дмитріевича уже былъ рѣшенъ и объявленъ, женихъ и невѣста въ присутствіи Пушкина мечтали о своемъ будущемъ житіи; этотъ разговоръ навелъ Александра Сергѣевича на мысль набросать картинку слѣдующаго содержанія: внутренность крестьянской избы, отведенной подъ квартиру женатому офицеру; стѣнные хозяева забрались на полаты и оттуда съ любопытствомъ слѣдятъ за хлопотами своихъ постояльцевъ; посреди избы люлька и въ ней ребенокъ, первенецъ вновь поселившейся четы; отецъ пѣжно его укачиваетъ, между тѣмъ какъ мать, повидимому, занята на сосѣдней лавкѣ неприхотливою стряпней; около матери сидятъ, поджавъ лапки нѣ-

сколько котятъ—предзнаменованіе будущаго многочисленнаго потомства молодыхъ супруговъ».

Слова Пушкина: «ваши алыя уста, какъ гармоническая роза», «наши рифмы»—намекъ на посвященное ей Вяземскимъ стихотвореніе «Біографія Елиз. Никол. Ушаковой», въ которомъ онъ сравнивалъ ее съ розой: «въ мірь ее къ намъ занесъ Богъ любви съ нивы райской... передъ тѣмъ, какъ вспорхнулъ, далъ онъ два поцѣлуя, и двѣ ямки вдавнулъ, чаши двѣ образуя...» (Майковъ, 367—369); эти очаровательныя ямочки на щекахъ Ушаковой хорошо переданы рисунками Пушкина. На шестомъ десяткѣ она начала писать «Воспоминанія былого, но счастливаго времени», которыя, къ сожалѣнію, остановились въ самомъ началѣ. Память о Пушкинѣ была ей дорога.

556. ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЬ...

(т. II, стр. 500).

Черновикъ пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 99 об.; появилась она впервые въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 31, подъ заглавіемъ «Два ворона», а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 129—130, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 г., безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи книги: «Шотландская пѣсня». Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ эту «прекрасную маленькую пѣсню» «передѣлкой на русскій ладъ баллады Вальтеръ Скотта». Однако, Бѣлинскій ошибся: у Вальтеръ Скотта этой баллады нѣтъ. Я. К. Гротъ спрашивалъ однажды П. А. Плетнева: «не основывается ли пьеса Пушкина «Воронъ къ ворону летитъ» на какой-нибудь народной пѣснѣ, русской или иноземной?» Плетневъ отвѣтилъ, что это «переводъ шотландской народной пѣсни» («Переписка Грота съ Плетневымъ», I, 272, 273). Близкій къ подлиннику русскій переводъ этой пѣсни былъ напечатанъ еще въ 1830 г. въ журналѣ «Галатея», ч. XII, стр. 193. «Вороны (Съ англійскаго), подпис.***. Н. О. Сумцовъ сообщаетъ подлинную пѣсню вмѣстѣ съ переводомъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о поэзіи Пушкина» («Харьковск. универс. сб. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 259—261). Пушкинъ изъ пяти строфъ оригинала взялъ первыя три. «Когда я гулялъ одинъ, я услышалъ карканье двухъ вороновъ. Одинъ сказалъ другому: «Куда мы полетимъ и гдѣ будемъ сегодня обѣдать?—Я былъ за старой, развалившейся плотной, я видѣлъ тамъ недавно убитаго рыцаря, и никто не знаетъ, что онъ тамъ лежитъ; знаютъ только его соколъ, собака и красивая любовница. Собака побѣжала на охоту; соколъ полетѣлъ за дичью; любовница полюбила другого; такъ что мы можемъ получить сладкій обѣдъ...» «Пушкинымъ»,—говоритъ Н. Сумцовъ,—сохраненъ духъ оригинала. Въ то же время въ высшей степени искусно въ переводъ введенъ русскій народный эпическій элементъ. Въ шотландскомъ оригиналѣ «рыцарь лежитъ за старой, развалившейся плотной»; у Пушкина богатырь лежитъ въ чистомъ полѣ подъ ракитой. Далѣе, охотничья собака въ шотландской пѣснѣ замѣнена воронымъ конемъ, что также отзывается русскимъ степнымъ эпосомъ. Наконецъ, красивая любовница у Пушкина является молодой хозяйкой. Пушкинъ выдержалъ

общій планъ стихотворенія и необыкновенно отчетливо и рельефно передалъ основную его мысль».

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г., № 3, стр. 186, помѣщенъ мажороссийскій переводъ пьесы Пушкина, сдѣланный А. Л. Боровиковскимъ. Шотландскую балладу вполнѣ сннова перевелъ П. И. Вейнбергъ («Русское Богатство» 1896 г., № 9, стр. 210, «Два ворона»). Стихотвореніе Пушкина положено на музыку четырнадцатью композиторами, между прочимъ А. Алъбевымъ, А. Н. Верстовскимъ, А. С. Даргомыжскимъ, А. Г. Рубинштейномъ, П. Виардо-Гарсія, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петербургск. универс. Пушк. сборн., 1900 г., стр. 107—108, 123). Нѣкоторое вліяніе пьесы Пушкина видно въ стихотвореніи Лермонтова «Два сокола» (Сочин. Лермонтова, акад. изд., I, 67—68, 363); пятнадцатилѣтній Лермонтовъ варьировалъ эту тему вполнѣ по-своему, мрачно и страстно. Пародія на стихотвореніе Пушкина («Норовъ къ борову летить...») помѣщена въ «Русской потаенной литературѣ», Лнд., 1861 г., стр. 375.

557. ЛИЩИНСКІЙ ОКОЛЬБЪ...

(т. II, стр. 500).

Въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 99 об., рядомъ съ черновикомъ «Шотландской пѣсни», записаны эти строки. Во второмъ стихѣ первоначально вмѣсто «Князь Сергій» было написано «Потоцкій», но потомъ зачеркнуто, а послѣднее слово восстанавливается по догадкѣ, довольно, впрочемъ, вѣроятной (въ подлинникѣ разбирается только «Го...»). Впервые набросокъ появился въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 54. Къ 1828 г. (см. также «Сочин. П.», изд. «Просвѣдъ», II, 456) онъ можетъ быть отнесенъ лишь приблизительно, по положенію въ черновой тетради.

558. НЕВѢДОМСКІЙ—ПОЭТЪ, НЕВѢДОМЫЙ НИКѢМЪ...

(т. II, стр. 500).

Автографъ этой эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета», 1857 г., т. I, стр. 350, сообщ. Л. Н. Майкова, который не указалъ источника, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить, начиная съ изданія Г. Н. Геннади, 1859 г., ч. I, 568, гдѣ помѣщена въ числѣ стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ». Въ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I (1880 г., стр. 414; 1882 г., стр. 383; 1903 г., стр. 471) эпиграмма отнесена безъ объясненія основаній къ 1822 году; въ изданіяхъ П. О. Морозова, т. II (литер. фонда, стр. 58; «Просвѣдъ», 91)—къ 1828 году, вѣроятно, потому, что въ 1828 г. вышли въ свѣтъ разомъ три поэмы Невѣдомскаго: «Русскій Орелъ», «Наполеонъ» и «Энеида, комическая поэма», вызвавшія отзывы въ «Московск. Вѣстникѣ» и «Московск. Телеграфѣ» того же года. Согласиться и съ этой датировкой трудно: эпиграмма могла быть написана и позже, и раньше, такъ какъ Невѣдомскій печаталъ свои стихи въ журналахъ, альманахахъ

и отдѣльными изданіями въ теченіе всего литературнаго поприща Пушкина.

Немногочисленные біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о Невѣдомскомъ сосредоточены въ замѣткѣ С. А. Венгеровъ (Соч. Бѣлинскаго, IV, 510—512). «Николай Васильевичъ Невѣдомскій родился»,—сообщаетъ Венгеровъ,—«въ дворянской семьѣ Тверской губ. (кажется, Бѣжецкаго уѣзда), должно быть, около 1780—85 г., если судить по слѣдующей записи въ дневникѣ Жихарева, указывающей, что въ 1807 г. Невѣдомскій уже былъ чиновникомъ: «Чиновникъ Невѣдомскій, хромой цѣнта, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его цѣнтомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно по протекціи мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Каѣба и скоросты» и, напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ правоученіемъ: «Кому помощникъ Богъ, того никто не отсторонитъ, и будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ, а все другого перегонитъ». При ближайшемъ ознакомленіи съ литературною дѣятельностью Невѣдомскаго оказывается, что поэтъ онъ, дѣйствительно, очень плохой, но въ прозаическихъ статьяхъ своихъ, которыя всѣ посвящены одному и тому же предмету—партизанской войнѣ, несомнѣнно писатель талантливый. Самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій въ области исторіи партизанскихъ войнъ Невѣдомскій, конечно, не производилъ, но заимствованный изъ разныхъ сочиненій матеріалъ не просто компилировалъ, а перерабатывалъ съ большимъ блескомъ и одушевленіемъ. Плетневъ былъ съ нимъ въ большой дружбѣ и очень уже благосклонно относился къ его статьямъ, которыя къ тому же печаталъ въ своемъ «Современникѣ», но все же таки не легко заставить такого словесника воскликнуть въ письмѣ къ Гроту: «Всѣ стихи Невѣдомскаго—дрань. Но его отрывки «О партизанскихъ войнахъ разныхъ націй»—чудно-хорошія статьи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять пишетъ Гроту: «Партизанская война—поэзія. Что, если бы Невѣдомскій провелъ свой вѣкъ, какъ я, между Жуковскимъ и Пушкинымъ! Какого писателя увидѣла бы въ немъ Европа! Теперь онъ—самоучка, не болѣе». Въ большую публику Плетневскій «Современникъ», гдѣ печатались статьи Невѣдомскаго, не проникалъ, и такъ и остался онъ по настоящее время съ одною репутаціею какого-то втораго Тредьяковскаго. Странное сосредоточеніе таланта на однѣхъ только статьяхъ о партизанахъ до извѣстной степени объясняется фактами личной жизни Невѣдомскаго. Въ войнахъ 1812—1813 г.г. онъ служилъ въ гусарахъ вмѣстѣ съ партизаномъ Фигнеромъ, и, когда войска наши находились въ Германіи, былъ друженъ и спалъ въ одной палаткѣ съ знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ-партизаномъ Кернеромъ. Позднѣе Невѣдомскій вышелъ въ отставку въ 1841 г., выигравъ какой-то процессъ въ 200.000 р.; въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ. Осенью 1846 г. распространился слухъ о его смерти (см. письмо Грота къ Плетневу 8 сентября 1846 г.) и упорно держался среди его друзей не меньше полугода. Такъ, ужъ въ апрѣлѣ 1847 г. Плетневъ писалъ Жуковскому про Невѣдомскаго: «только нынѣшнюю весною онъ умеръ въ Москвѣ». Слухъ этотъ, однако, оказался невѣрнымъ и въ дѣйствительности Невѣдомскій умеръ въ 1853 г.»

Насмѣшливая шутка Пушкина рисуетъ литературную фizioномію Невѣдомскаго односторонне. Приведемъ отзывъ Бѣлинскаго, который, прочитавъ одну статью Невѣдомскаго, писалъ (Сочин., изд. Венгерова, IV, 71): «мало встрѣчается въ русскихъ журналахъ статей, проникнутыхъ такою одушевленностію изложенія, картинностію слога, такимъ присутствіемъ мысли, такою свѣтлостію взгляда и такою живою занимательностію содержанія...»

559. КОГДА СТРОЙНА И СВѢТЛОКА...

(т. II, стр. 500).

Встрѣчался у А. П. Кернъ съ молодымъ поэтѣмъ А. И. Подолинскимъ, Пушкинъ интересовался имъ и даже—разсказываетъ не безъ преувеличенія Кернъ (см. сборн. Л. Н. Майкова «Пушкинъ» стр. 253, 254—255)—«многими его стихами восхищался». Особенно нравились ему слѣдующіе (переданные ею не совсѣмъ правильно):

Портретъ.
Когда, стройна и свѣтлока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри темнорусы,
Нарядъ небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно выблутся порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Раждастъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

(«Повѣсти и мелкія стихотворенія А. Подолинскаго», ч. II, Спб., 1837, стр. 118). «Въ дополненіе къ воспоминаніямъ А. П. Кернъ о стихахъ Подолинскаго»—говоритъ авторъ редактированнаго П. А. Ефремовымъ очерка «А. С. Пушкинъ», гл. V («Русс. Стар.», 1880 г., январь, 145)—«прибавимъ изъ собственныхъ его воспоминаній, что стихи: «Когда стройна и свѣтлока», дѣйствительно, нравились Пушкину, и онъ, примѣняя ихъ къ Аннѣ Петровнѣ, пародировалъ однажды...» и т. д. Ни автографа, ни другихъ какихъ-нибудь свидѣтельствъ мы не имѣемъ, но нѣтъ основаній не довѣрять этому показанію современника. Въ собраніи сочиненій Пушкина пародія стала включаться начиная съ изданія 1880 г. (I, 256). Датируется она 1828-мъ годомъ приблизительно, такъ какъ къ нему относятся, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, шуточные стихи Пушкина, записанные въ альбомѣ Кернъ (см. ниже примѣчанія къ №№ 560—562). Впрочемъ, есть основанія датировать ее 1828-мъ г., такъ какъ 9 февраля 1829 г. дозволенъ цензурою альманахъ «Подсѣжникъ», въ которомъ появилось впервые стихотвореніе Подолинскаго, которое, замѣтимъ, однако, могло быть извѣстно Пушкину и раньше. Пушкинъ познакомился съ Андр. Ив. Подолинскимъ (1806—1886 гг.), когда ѣхалъ изъ Одессы въ Михайловское, въ началѣ августа 1824 г., на почтовой стаяціи, въ Черниговѣ; Подолинскій ѣхалъ въ Кіевъ, и Пушкинъ послалъ съ нимъ письмо генералу Н. Н. Раевскому («Русс. Арх.» 1872 г., 862—863). Впослѣдствіи,

опредѣляя «удѣльный вѣсъ» одного молодого поэта словами: «ни капли творчества, а много искусства», Пушкинъ назвалъ его «вторымъ томомъ Подолинскаго» (письмо къ П. А. Шлетневу въ первой половинѣ апрѣля 1831 г.); Дельвигъ тоже признавалъ за Подолинскимъ только «легкость писать гладкіе стихи» («Сочин. Дельвига», ред. В. В. Майкова, Спб., 1895, стр. 167). О Пушкинѣ Подолинскій упоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Переѣздъ черезъ Яйлу» («Современникъ» 1837 г., VII, и Сочин., изд. 1860 г., I, стр. 105—110) и «Во время войны. Памяти Пушкина и Жуковскаго», 1855 г. (то же изданіе Сочин., стр. 219—220). Въ 1884 г., глубокимъ старикомъ, Подолинскій сообщилъ по памяти первоначальную редакцію пушкинской надписи «Къ портрету Жуковскаго» (см. въ I т. настоящ. изд., примѣч. къ № 168). Одинъ изъ меньшихъ поэтовъ пушкинской плеяды, Подолинскій забытъ, но часто повторяются два стиха его (изъ пьесы «На праздникъ 50-лѣтней годовщины основанія петербургскаго университета», выбитые на юбилейной медали):

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоить высоко человѣкъ...

560. ЕСЛИ ВЪ ЖИЗНИ ПОДНЕБЕСНОЙ...

(т. II, стр. 500).

Эта шуточная пьеска и два слѣдующіе за нею наброска, обозначенные тоже №№ 561 и 562, были напечатаны впервые въ «Библиотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 126—127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 142—143, по сообщенію А. П. Кернъ, которая въ своихъ запискахъ разсказываетъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250): «ему (П—ну) попался подъ руку мой альбомъ, совершенный слѣпокъ съ того убѣдной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi, sans doute, il est fait, etc.

Пушкинъ перевелъ: «Если въ жизни поднебесной...» и т. д.

«Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: «Ecrit dans mon exil». Пушкинъ приписалъ: «Amour, exil!..» и т. д.

«Дмитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни всѣмъ извѣстные стихи не совсѣмъ правильно, и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ слѣдующее: «Не смѣю вамъ...» и т. д. Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты».

Соль послѣдней шутки—въ игривомъ намекѣ на знаменитаго поэта-порнографа XVIII вѣка Ив. Баркова, котораго Пушкинъ нарочно смѣшиваетъ съ Д. Н. Барковымъ, переводчикомъ множества театральныхъ пьесъ (въ томъ числѣ «Же-

пытбы Фигаро») и членомъ кружка «Зеленой Лампы» (о немъ см. въ «П. и его соврем.», VI, 192—195).

Опредѣленной датировкѣ эти мелочи, относя-
щіеся къ второй половинѣ 20-хъ годовъ, не под-
даются. Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина,
начиная съ изданій 1880 г. (II, 255—256) и 1882 г.
(VII, 266—267), онѣ печатаются подъ 1828 г. безъ
достаточныхъ основаній къ тому; разсказъ Кернъ
не даетъ никакихъ точныхъ хронологическихъ
указаній. Объ отношеніяхъ Пушкина къ А. П.
Кернъ см. въ III т. настоящ. изданія статью
Б. Л. Молзалева.

561. AMOUR, EXIL...

(т. II, стр. 500).

См. предыдущее примѣчаніе.

562. НЕ СМѢЮ ВАМЪ СТИХИ БАРКОВА...

(т. II, стр. 500).

См. примѣчаніе къ № 560.

563. КОГДА ПОМИЛУЕТЪ НАСЪ БОГЪ...

(т. II, стр. 500).

Впервые появилось это четверостишие в «Библиотекъ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143, по сообщенію Кернъ, которая въ своихъ запискахъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250—251) рассказываетъ, что Пушкинъ, ливійшійся къ ней однажды въ очень веселомъ настроеніи духа, засталъ ее за письмомъ къ ея младшей сестрѣ въ Малороссію и приписалъ въ немъ эти строчки. Это было, по всей вѣроятности, въ 1828 году, судя по косвеннымъ даннымъ, сообщаемымъ Кернъ (адресъ Пушкина, ухаживанье за Олениной и проч.). Во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданій 1880 г. (II, 256) и 1882 г. (VII, 267), четверостишие также приурочивается къ 1828 году. Второй стихъ напоминаетъ конецъ пьесы, посвященной Ек. Н. Ушаковой «Въ отдаленіи отъ васъ...» (см. выше, прим. къ № 497): «вы вздохнете ль обо мнѣ, если буду я повѣшенъ?..»

564. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ...

(т. II, стр. 501).

Это не совсѣмъ отдѣланное черновое стихотвореніе находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 13; впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 337—338, какъ выписка изъ «Альбома Олѣгина», къ которому вовсе не принадлежитъ, не совсѣмъ точно и не полно. Въ болѣе исправной редакціи напечатано оно въ «Русс. Стар.», 1884 г., июль, 39—40; 3-й и 4-й съ конца стихи должны быть по смыслу переставлены одинъ на мѣсто другого. Въ подлинникѣ, сбоку стихотворенія, за-

писана помята: «9 мая 1828 г. Море Oh (?) Day»; не только эта помята, можетъ быть и не служащая точной датой пьесы, но и вообще положеніе стихотворенія среди другихъ набросковъ позволяютъ датировать его приблизительно этимъ временемъ.

Пушкинъ тогда ухаживалъ за А. А. Олениной, и, конечно, это она — «милая дѣва» пьесы; подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ ней см. выше, въ примѣч. къ № 529. Эпитетъ «болтливая», который Пушкинъ придаетъ любви, превосходитъ иллюстрируется замѣчательнымъ по силѣ и красотѣ лиризма эпизодическимъ мѣстомъ въ «Гавриладѣ»: «Поговоримъ о странностяхъ любви...» и т. д. Когда-то (см. набросокъ 1821 г. «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ...» и прим. къ № 302) Пушкинъ гордился не тѣмъ, что его «коварные напѣвы смиряли въ мысляхъ юной дѣвы порывы страха и стыда», и даже не знаменитостію, доставленной ему «бурами души», и «каждой волн и гоненьемъ, а «самолюбивыхъ душъ отрадой, мечтаньемъ суетнаго сна». Поэзія была для него выше и славы, и любви, была его высшей гордостью. Теперь, пѣвнический любовью, онъ готовъ думать иначе: поэзія до сихъ поръ приносила ему только зло, клеветы, ссылки, лицемерную брань и рѣдко холодное одобреніе,—такъ лучше же ей быть скромной посолницей любви. Эти стихи—задушевное выраженіе завитныхъ мыслей и скорбей великаго поэта о тягостяхъ своего призванія; заключающееся въ нихъ показаніе Пушкина полно драгоцѣннаго біографическаго и психологическаго значенія. Жизнь и лира были ему вѣрены судьбой далеко не даромъ!..

565. ВОЛНЕНИЕМЪ ЖИЗНИ УТОМЛЕННЫЙ...

(т. II, стр. 501).

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 16 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., июль, 41. Къ 1828 году (см. «Сочин. П.», изд. литератур. фонда, II, 60) его можно отнести по положенію въ рукописи, гдѣ рядомъ съ нимъ записана такая поѣмка: «25 іюня. [Фанія]. Нлия. Elisa e Claudio». Быть можетъ, данная поѣмка относится, впрочемъ, не къ этому наброску, а къ другимъ, находящимся на той же страницѣ, или имѣетъ иное значеніе.

566. РИОМА—ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА...

(т. II, стр. 501).

Первым приступомъ къ этому стихотворенію, такъ и оставшемуся незаконченнымъ и неотдѣланнымъ, надо считать небольшой набросокъ, относящійся, судя по положенію среди другихъ черновиковъ, къ 1827 г. и находящійся въ 2368-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 33 об. (см. «Русс. Стар.» 1884, февр., 421—422, 15 июня, 541):

[Своенравная царица
Романтических октавъ...
Риѣма, сладкая пѣвица]...
Своенравная подруга
Гармонической мечты,

Риѣма, мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя четы...

Съ болѣе полного наброска, находящагося въ 2371-й музейной тетради, лл. 25—24 об. — 25 об., стихотвореніе было впервые напечатано П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 202—204, при разсказѣ о созданіи «Полтавы»; оно записано среди черновиковъ первой пѣсни «Полтавы», почему и должно быть датировано приблизительно осенью 1828 г. Анненковский текстъ, не совсѣмъ точный, былъ исправленъ В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., нояб., 44—45).

Извѣстно, что Пушкина всегда интересовали вопросы литературной техники; между прочимъ, онъ занимался наблюденіями надъ риѣмой. Еще на лицейской скамѣ онъ съ лукавымъ смиреніемъ признавался («Моему Аристарху», 1815 г.): «за риѣмой часто холостой, на зло законамъ сочетанья, бѣгутъ трехстопные толпой на ая, а етъ и на ой; еще немногіе признающа: я ставлю (кто же безъ грѣха?) для мѣры, риѣмы восклицанья»... Онъ обращался къ своей чернильницѣ (1821 г.) съ благодарностью за то, что его перо въ ней находило «концы стиховъ и вѣрность выраженія, то звуковъ или словъ неожиданное стеченіе, то вѣдой шутки соль, то (правды?) слогъ суровой, то странность риѣмы новой, неслыханной дотолѣ»... Изъ этого драгоцѣннаго въ психологическомъ и автобіографическомъ отношеніи признанія поэта видно, что риѣма бывала для него не только результатомъ мысли, но иной разъ ея источникомъ, и не всегда ему «послушныя слова звонкой риѣмой замыкались» («Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ»), но иногда риѣма управляла ходомъ его мысли. Еще Анненковъ (ibid., 353—355) обратилъ вниманіе, что въ бумагахъ Пушкина попадаются «стихотворенія, обозначенныя единственно риѣмами, которыя такимъ образомъ походятъ какъ будто на раму, заготовленную для принятія поэтической мысли. Нужно ли говорить»,—пытается объяснить это явленіе Анненковъ,—«что стихотвореніе у Пушкина не цѣплялось за риѣмы, изготовленныя прежде, чемъ выйти на свѣтъ, какъ это дѣлается у тружениковъ стихотворства, а что риѣмы были у него такія же пометки для сбереженія мысли въ цѣлости, какія представляють намъ всѣ его программы?.. Изъ такихъ безсвязныхъ намековъ, гдѣ только слышатся окончанія стиховъ, создавалъ Пушкинъ картины высокаго пластическаго совершенства». Біографу Пушкина хотѣлось защитить великаго поэта отъ обвиненія въ ремесленности, и онъ наивно истолковалъ эти «концы стиховъ» какъ своего рода мнемоническій приемъ. Однако, справедливо возразилъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., февр., 421), «этотъ приемъ Пушкина только по вѣншиности сходится съ приемами риѣмо-кропателей; послѣдніе искусственно придумываютъ риѣмы и потомъ стараются подогнать подъ нихъ свои вирши; Пушкину нечѣмъ было придумывать себѣ риѣмъ: онѣ его не затрудняли... Риѣмы приходили къ нему иногда слишкомъ быстро, быстрѣе, чѣмъ онъ успѣвалъ сложить, записать самые стихи: ему приходилось записывать риѣмы впередъ. Случалось и такъ, что когда стихи доходили до прежде вылившихся риѣмъ, послѣднія оказывались лишними,

стихи замыкались другими риѣмами, а первый, предполагаемый, оставался тутъ же, съ боку, между стихами, и теперь-то и выдаютъ намъ эту великую тайну гениальнаго творчества». Но и г. Якушкинъ не совсѣмъ правильно объясняетъ «эту великую тайну»: какъ видно изъ признанія самого Пушкина, «новая, неслыханная дотолѣ» риѣма, случалось, сама направляла его мысль. Онъ звалъ риѣму своей «прислужницею» («Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?»..., 1829 г.), но часто она, это «послушное дитя», становилась своенравна, непокорна, переставала слушаться замысловъ художника, и ему самому приходилось повиноваться ея рѣзвымъ прихотямъ и уже не вести ее, а слѣдовать за ея «гордымъ звономъ» (см. выше, № 564) куда ей хотѣлось—«въ очарованную даль». Холодный, уравниловный версификаторъ Буало не понималъ этого произвольнаго появленія риѣмы: «la rime est une esclave et ne doit qu'obéir». Пушкинъ зналъ такую риѣму, свою «прислужницу», но зналъ и другую, которая приходила къ нему произвольно: «вѣдь риѣмы запросто со мной живутъ,—дѣвъ придутъ сами, третью приведутъ» («Домикъ въ Коломнѣ»). Иногда онъ «вербовалъ рать изъ мелкой сволочи» языка, объясняя: «мнѣ риѣмы пужны» (ibid.), а въ другой разъ пассивно отдавался вольному теченію неожиданной риѣмы, и у него, говоритъ Ѳ. Е. Коршъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи о подложномъ окончаніи «Русалки», «цѣпляя строфы съ риѣмами возникали подъ вліяніемъ предшествующей случайной риѣмы». Своею творческою дѣятельностью Пушкинъ подтверждаетъ великую истину, вошедшую лишь въ наши дни въ европейское научное сознаніе, что слово не пассивное орудіе мысли, а ея двигатель; что, говоря словами Гюго, «les mots sont les passants mystérieux de l'âme». Намъ великій поэтъ присоединился бы къ формулѣ французскаго теоретика Théodore de Banville («Petit traité de poésie française»), объясняющаго происхожденіе риѣмы посредствомъ «illumination spontanée»:—ce n'est ni le bon sens, ni la logique, ni l'érudition, ni la mémoire, qui fournissent ces mots armés d'un si étrange pouvoir: ils ne se présentent qu'en vertu d'un don spécial, qui ne s'acquiert pas». Для Пушкина, въ которомъ обнѣтый «быстрымъ холодомъ вдохновенія» поэтъ неизмѣримо преобладалъ надъ расчетливымъ версификаторомъ, излить душу въ стихахъ потому и значило выразить ее «свободнымъ проявленіемъ», что легка, ни по чѣмъ дающіяся риѣмы сами бѣжали навстрѣчу мыслямъ («Осень», 1830 г.). Теорія произвольнаго зарожденія риѣмы вполне согласуется съ пушкинской теоріей вдохновенія, считающей поэта преображеннымъ десницей архангела, призываемымъ отъ «дѣтей ничтожныхъ міра—къ священной жертвѣ», «небесъ избранникомъ», повинующимся высшей волѣ. Риѣма дорога ему какъ знакъ помазанія свыше, небеснаго избранія; эту мысль, общую всей романтической школѣ, прекрасно выразилъ Баратынский («Риѣма»): «среди безжизненнаго сна, средь гробового хлада свѣта своею ласкою поэта ты, риѣма, радуешь одна! Подобно голубю ковчега, одна ему съ родного берега живую вѣтвь приносишь ты, одна съ божественнымъ порывомъ миршишь его твоимъ отзывомъ и признаешь его мечты!»...

«Вы должны любить риѣму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ», писалъ Пушкинъ (14 февр. 1832 г.) И. И.

Дмитріеву,—но самъ онъ, не столько ея хозяинъ, сколько «любвникъ добродушный», любилъ ее именно за рѣзвыя прихоти, за своенравные капризы. Съ стихотвореніемъ Пушкина Н. О. Сумцовъ («Исслѣдованіе о поэзіи П—на»—«Харьковск. универс. сб. въ память П—на», 1900 г., стр. 67) сближаетъ стихи С.-Бева (Жозефа Делорма) о риэмѣ. Дѣйствительно, помимо общей мысли такое выраженіе какъ: «*fée au léger voltiger, habile, agile coursière, qui mènes le char des vers dans les airs, par deux sillons de lumière*»,—близко подходит къ словамъ Пушкина: «ты заскалась, ты манила и отъ міра уводила въ очарованную даль»; Пушкинъ, замѣтимъ, зналъ Сентъ-Бева и въ своей рецензіи на его сочиненія («Литерат. Газета» 1831 г., № 32) сказалъ нѣсколько словъ по поводу у его взглядовъ на французское стихосложеніе, между прочимъ, на риему. Теоріей и практикой риемы Пушкинъ интересовался всегда. Въ молодости, читавъ посланіе кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому, гдѣ было сказано, что русскій языкъ бѣденъ риемами (этотъ вопросъ и послѣ Пушкина и Вяземскаго поднимался не разъ), онъ увидѣлъ въ этомъ «оскорбленіе русскому языку» и писалъ Вяземскому: «какъ хватило въ тебѣ духа сдѣлать такое признаніе?» (Сочин. Вяземскаго, I, стр. XLII), но въ послѣдствіи и самъ сталъ думать, что «современъ мы обратимся къ бѣлому стиху, риэмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало» («Мысли на дорогѣ»), въ отношеніи риемы «мы голы» («Домикъ въ Коломнѣ»). Множество дѣйныхъ наблюденій надъ пушкинскою риемой сосредоточено въ упомянутомъ изслѣдованіи О. Е. Корша («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева»—«Извѣстія Отд. русс. яз. и словесн. И. Ак. Н.», т. III, 1898 г., кн. 3, и т. IV, 1899 г., кн. 1 и 2).

Мнѣ о рожденіи божественной Риемы Пушкинъ въ послѣдствіи отдалъ отъ своихъ наблюденій надъ риемой и разсказалъ степенными, строгими гекзаметрами и пентаметрами, какъ родилась она отъ Феба и не знающей сна нимфы Эхо, а не Мнемозины, какъ было предположено первоначально («Риема», ниже, № 659).

567. ВЪ СТЕНЯХЪ ЗЕМЕНЫХЪ БУДЖАКА...

(т. II, стр. 502).

Исчерпанный черновикъ этотъ, подъ заглавіемъ «Кирджали», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 19, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., июль, 42, а затѣмъ вошелъ въ «Сочин. Пушкина», изд. литерат. фонда, II, 60. По положенію среди другихъ черновиговъ («Полтавы», «Анчара», писемъ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г., объясненія по дѣлу о «Гавриліадѣ») его можно отнести къ времени съ августа по октябрь 1828 года.

«Полтава», въ эпизодѣ которой упоминается послѣдняя борьба Карла XII «въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый оградой мирной обступилъ Бендеръ пустынные раскаты»—возродила въ Пушкинѣ воспоминаніе о Бессарабіи. Буджакъ (по-татарски—уголь), часть Бессарабіи, лежащая между Прутомъ и Днѣпромъ, былъ хорошо знакомъ Пушкину. Въ «Цыганахъ» старикъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда «правилъ Буджа-

комъ паша съ высокихъ башенъ Аккермана». Самъ поэтъ два раза путешествовалъ по Буджаку. Въ первый разъ онъ вмѣстѣ съ И. П. Липранди объѣхалъ въ двѣ недѣли почти въ съ Буджакъ и побывалъ въ Бендерахъ, Каушанахъ, Паланкѣ, Аккерманѣ, Шабо, Татарбунарѣ, Измаилѣ, Болградѣ, Леовѣ. Это было въ декабрѣ 1821 г.: въ Измаилѣ и Болградѣ, гдѣ Пушкинъ останавливался у управляющаго болгарскими колоніями майора Мазевинскаго, онъ могъ наблюдать бытъ болгарскихъ колоній («Русс. Арх.», 1866 г., ст. 1270—1284). Вторую побѣдку, всего трехдневную, Пушкинъ совершилъ въ концѣ января 1824 г. Онъ посѣтилъ тогда сѣверную часть Буджака—Бендеры и Каушаны; въ эту побѣдку Пушкина особенно заинтересовали слѣды пребыванія тамъ Мазепы и Карла XII (ibid., 1459—1465, 1469). Весьма возможно, что бѣжавшіе въ Бессарабію герои «Полтавы» привели Пушкину на память Буджакъ и его побѣдки по этой странѣ, гдѣ онъ могъ наблюдать патриархальный бытъ бѣдныхъ болгаръ, на фонѣ котораго была задумана новая пьеса. Подобный идиллическій отбѣнокъ слышится и въ словахъ стихотворенія 1821 г. «Желаніе» (во II т., № 272),—какъ «бѣдные простыхъ татаръ семьи, среди заботъ и съ дружбою взаимной, подъ кровлю живутъ гостеприимной...» Героемъ пьесы долженъ былъ быть удалой разбойникъ Кирджали, которому Пушкинъ нѣсколько лѣтъ спустя посвятилъ особый очеркъ повѣсть. Внизу черновика можно разобрать женское имя «Ралица».

568. БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДѢЙ...

(т. II, стр. 502).

Черновикъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 90 об. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 53, а затѣмъ вошелъ въ сочип. П., изд. литератур. фонда, II, 60—61 и въ слѣдующія собранія, гдѣ печатается, по положенію среди другихъ черновиговъ, подъ 1828 годомъ. По словамъ П. А. Ефремова (см. его послѣднее изданіе сочин. П., т. VIII, 1905 г., стр. 300), набросокъ былъ извѣстенъ Анненкову, который тоже относилъ его къ времени созданія «Полтавы» и разслѣдованія о «Гавриліадѣ», т.-е. къ 1828 г. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно принять эту датировку. Въ настоящемъ изданіи набросокъ воспроизведенъ въ наиболѣе полномъ чтеніи.

Стихотвореніе осталось безъ окончанія, по «староста Авдѣй» не пропалъ безслѣдно: онъ упоминается въ «Исторіи села Горюхина». О замыслѣ Пушкина судить мудрено. Можетъ быть, имѣется въ виду пикантный анекдотъ въ родѣ знаменитаго «Ver-Vert» Gresset. Подобный анекдотъ былъ однажды осуществленъ самимъ Пушкинымъ. У дѣломудреннаго, благочестиваго И. Н. Изцова, большого любителя птицъ, въ Кишиневѣ,—разсказываетъ Ф. Ф. Вигель («Русс. Арх.» 1886 г., ст. 1129, «Записки», VI, 152), жила говорящая сорока; Пушкинъ выучилъ ее ругаться,—«и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе». И. П. Липранди («Русс. Арх. 1866 г., ст. 1264—1265) передаетъ, что «не сороку, а попугая, въ стоявшей кѣлткѣ на балконѣ, Пушкинъ выучилъ одному бранному молдованскому слову. Я былъ

свидѣтелемъ, какъ въ первый разъ узнать объ этомъ Иванъ Никитичъ. Въ день Пасхи 1821 г. преосвященный Димитрій (Суяма) былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, установленный приличными этому дню блюдами; благословивъ закуску, Димитрій пошелъ въ открытую дверь на балконъ, за нимъ послѣдовалъ Пизовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій пошелъ къ кѣткѣ и что-то произвезъ попугаю а тотъ встрѣтилъ его помянутымъ словомъ, повторяя его и хохоча. Когда Пизовъ проводилъ, преосвященнаго, то, встрѣтивъ меня и другихъ, также удаляющихся, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ, Иванъ Никитичъ, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: «Какой ты шалунъ! Преосвященный догадался, что это твой урокъ». Тѣмъ все и кончилось». Сохранилось въ одномъ изъ писемъ Пушкина воспоминаніе о «попугаихъ или сорокахъ инзовскихъ, которыя картавятъ одну имъ натверженную...»; съ ними Пушкинъ сравнивалъ «нашихъ Шлегелей», русскихъ критиковъ (пис. къ Ш. А. Плетневу, 7 января 1831 г.).

369. [ТЕБЯ ПОЮ] НА ТОМНОЙ ЛИРѢ...

(т. II, стр. 502).

Исчерканный набросокъ этотъ находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 88 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., июль, 52. По положенію въ тетради, гдѣ записаны черновые стихи «Полтавы», его можно отнести къ 1828 г. (см. Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», II, 455, гдѣ текстъ переданъ лучше, чѣмъ въ «Русск. Старинѣ»), а можетъ быть онъ написанъ и въ болѣе позднее время (1830—1831 г.г.). Судить объ общемъ замыслѣ его не представляется возможнымъ.

570. ВЪ РЮМКѢ СВѢТЛОЙ ПРЕДО МНОЮ...

(т. II, стр. 502)

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 97 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., июль, 54. По положенію среди черновыхъ стиховъ «Полтавы» его можно отнести къ 1828 году (см. Сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщ.», II, 456), а можетъ быть и къ болѣе позднему времени.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1829 ГОДА.

570-а. ПОЛТАВА.

См. въ исторіи текста.

571. ПРИМѢТЫ.

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы находится въ принадлежащей нынѣ Александровскому лицу тетради стихотвореній, приготовленной для цензурованія III-ей части «Стихотвореній Александра Пушкина», вышедшей въ 1832 г. (см. сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. II, 1880 г., стр. 427; т. II, 1882 г., стр. 412; т. VIII, 1905 г., стр. 301). Первые появились она въ изданномъ Н. М. Коншинымъ и бар. Е. О. Розеномъ альманахѣ «Подсѣжники» на 1829 г. (дозвол. ценз. 9 февраля 1829 г.), стр. 139, безъ даты, а затѣмъ вошла въ упомянутую III ч. «Стихотвореній», стр. 205—206, гдѣ помѣщена въ отдѣлѣ «Разныхъ годовъ», безъ даты, послѣднею; ей предшествуютъ пять пьесъ 1828 г. (четыре первые въ этомъ отдѣлѣ относятся къ 1822, 1824 и 1827 г.г.). Впервые датировала ее 1829 годомъ П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П.—на. II, 496), говоря, что, хотя «изданіе 1832 г. не указало года сочиненія пьесы, по зато тетради Пушкина опредѣляютъ его съ достовѣрностію». Однако, можно думать, что это не такъ, и что стихотвореніе написано раньше, въ 1828 г. Если бы оно было написано въ 1829 г., то никакъ не позднѣе января, такъ какъ альманахъ, въ которомъ оно было напечатано, былъ процензурованъ 9 февраля, а представленъ въ цензуру, конечно, раньше. А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ («Библиот. для чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 127—128; «Пушкинъ», сборн. Л. Н. Майкова, Спб., 1899, стр. 251—252), что Пушкинъ написалъ

это стихотвореніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ іюнѣ—іюлѣ 1825 г. Пушкинъ читалъ «Пыганъ» своимъ тригорскимъ друзьямъ («Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 240—243). Черезъ нѣсколько лѣтъ (сейчасъ мы объяснимъ, черезъ сколько именно) Кернъ вспомнила объ этомъ чтеніи какъ разъ въ этотъ самый день, и въ тотъ же день поэтъ прислалъ ей печатный экземпляръ «Пыганъ», съ надписью, а нѣсколько дней спустя» пріѣхалъ къ Кернъ и при ней «написалъ на какой-то запискѣ» занимающее насъ стихотвореніе. «Писавши эти строки и напѣвая ихъ своимъ звучнымъ голосомъ, онъ при стихахъ: «И мѣсяцъ съ лѣвой стороны сопровождалъ меня уныло», замѣтилъ, смѣясь: «Разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ!... Въ это время онъ очень усердно ухаживалъ за одною особою, къ которой были написаны стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный...» и «Предъ ней, задумавшись, стою...» (т.-е. «Ты и вы»). Обѣ эти пьесы написаны въ 1828 г. (см. примѣч. къ №№ 526 и 532), и, значитъ, «это время», когда были написаны «Примѣты»,—1828-й годъ, а такъ какъ онѣ были написаны черезъ нѣсколько дней послѣ того дня, въ который Пушкинъ читалъ, въ 1825 г., въ Тригорскомъ своихъ «Пыганъ», то, стало быть, онѣ должны быть отнесены къ июню или, вѣрнѣе, июлю 1828 г. (въ началѣ 1829-го онѣ, какъ мы знаемъ, уже были напечатаны). Поэтъ А. И. Подолинскій, бывавшій тогда у Кернъ, видѣлъ у нея черговую рукопись стихотворенія... Эти три строфы, написанныя такъ просто и легко, казалось, не стоили поэту ни малѣйшаго труда, а между тѣмъ въ нихъ, сколько я помню, не осталось ни одной строчки безъ поправки, а нѣкоторыя слова измѣнены по два раза» («Русск. Стар.» 1884 г., апрѣль, 219). Гдѣ этотъ подлинникъ, неизвѣстно; въ «Подсѣжники» было въ 1-мъ стихѣ: «Я ѣхалъ къ вамъ. Живые...», а въ 4-мъ: «осеребрятъ мой путь ретивой», но, переиздавая

пѣсу, Пушкинъ, конечно, замѣтилъ, какъ неловко эпиготъ «ретивой» въ примѣненіи къ дорогѣ. Непонятно, на какомъ основаніи отнесъ пѣсу къ А. А. Олениной П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ (П. со.): «несомнѣнно (sic!) относится къ Олениной», говорилъ Ефремовъ и всюду ставилъ подъ заглавіемъ: «А. А. Олениной», не приводя, однако, никакихъ основаній для этого; въ обоихъ своихъ изданіяхъ П. О. Морозовъ повторилъ этотъ ненужный подзаголовокъ; того же мнѣнія и Л. И. Поливановъ (см. его изд. сочин. П—на, т. I, изд. 3-ье, стр. 288). П. М. Устимовичъ («А. А. Андр., рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) категорически включилъ пѣсу въ «оленинскій» дякль. Нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить богатому подробностями разсказу А. П. Кернъ, подтверждаемому отчасти показаніемъ Подолинскаго. Правда, сама Кернъ говоритъ, что «Примѣты» были написаны во время увлеченія Пушкина Олениной, и весьма возможно, что, создавая пѣсу, онъ мечталъ въ «душѣ влюбленной» объ Олениной, а съ Кернъ, бывшей тогда уже его наперсницей, только дѣлился своими мыслями о ней. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе написано для Кернъ. Содержаніе его ясно: согласія свои предчувствія съ народными примѣтами и какъ бы гадал по нимъ о своихъ любовныхъ шансахъ, поэтъ разсказываетъ Кернъ, какъ другу, о своихъ суевѣрныхъ впечатлѣніяхъ. Суевѣріе было одною изъ выдающихся чертъ характера Пушкина. По поводу его словъ о своей Татьянѣ («Евг. Онѣгинъ», 5, V—VI): «вдругъ увидя молодой двурогій ликъ луны на небѣ съ лѣвой стороны, она дрожала и блѣднѣла», кн. П. А. Вяземскій замѣтилъ: «Пушкинъ самъ былъ суевѣренъ» («Русск. Арх.» 1887, III, 578). Однажды онъ писалъ женѣ (14 сент. 1835 г.): «сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ беспокоиться». Когда зацѣлъ перебѣжалъ ему дорогу, онъ «дорого далъ бы, чтобы его затравить» (пис. къ ней же 14 сент. 1833 г.). Существуетъ преданіе (Аппенковъ, «П. въ Александр. эпоху», 311), что встрѣча съ зайцемъ и попомъ заставила его отомѣнить самовольный отъѣздъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ послѣ 14 декабря 1825 г. («но примѣты примѣтны, а извѣстная осмотрительность играла тутъ тоже немаловажную роль», прибавляетъ Аппенковъ). С. А. Соболевскій («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1377—1388, «Таинственные примѣты въ жизни П—на», см. ibid., 1947, зам. М. П. Погодина) разсказалъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него предсказаніе гадалки Кирхгофъ, предостерегшей его отъ бѣлаго коня и бѣлокурога челоуѣка; см. также «Русск. Стар.» 1870 г., I, 404—405. В. А. Нащокина разсказывала, что Пушкинъ вѣрилъ въ «счастливый фракъ, избѣгалъ бѣлокурыхъ людей, однажды былъ очень испуганъ, когда за ужиномъ Нащокинъ пролилъ на столъ масло» («Нов. Время» 1898 г., № 8115). Была у поэта серебряная копеечка-талисманъ (пис. къ Нащокину 8 января 1832 г.); о его кольцахъ, которымъ онъ придавалъ таинственное значеніе, см. выше, примѣч. къ № 492. Отъ этого его творчество только выигрывало въ разнообразіи своихъ мотивовъ, и на Пушкинѣ сбылось пожеланіе Гете: «суевѣріе — поэзія жизни, оттого поэту не мѣшаетъ быть суевѣрнымъ». Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза называлъ «Примѣты» въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Апол. Григорьевъ (Сочин.,

I, 282—283) приводитъ эту пѣсу, какъ доказательство, «какъ поэтъ просто въ анализѣ чувства любви, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ»; хотя Апол. Григорьевъ, не зная исторіи пѣсы, понималъ ее какъ изъясненіе любви той самой особѣ, которою была внушена любовь, но выражаемая пѣсой тонкость и чистоту любовнаго чувства онъ подмѣтилъ вѣрно. Она положена на музыку тремя композиторами («Памяти П—на», петерб. универ. сборн., 1900 г., стр. 114).

572. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?..

(т. III, стр. 58).

Автографъ пѣсы неизвѣстенъ. Впервые появилась она, подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ» и безъ даты, въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., 6 апрѣля, № 20, стр. 158, а затѣмъ была перепечатана въ сборникѣ стиховъ «Венера», М., 1831 г., стр. 86—87, и вошла, безъ заглавія, перенесенная въ оглавленіе книги, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 39—40, гдѣ помѣщена среди пѣсь 1829 г., третьей отъ конца. Слѣдуя пушкинской датировкѣ, оспаривать которую нѣтъ основаній, всѣ издатели печатали пѣсу подъ 1829 г., и лишь П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, I, 1903 г., стр. 484) помѣтилъ ее: «1823, Одесса» и снабдилъ подзаголовкомъ: «Граф. Собанской», объясняя (т. VIII, 1905 г., стр. 192—193) это такъ: «старинный знакомецъ Пушкина М. А. Максимовичъ въ «Письмахъ о Кіевѣ и Тавридѣ» (Спб., 1871) сообщилъ, что въ 1836 г. онъ посѣтилъ близъ Ялты кн. Анну Сергѣевну Голицыну, писательницу, рожденную Всеволожскую, бывшую за кн. Ив. Александровичемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. «Подъ ея защиту явилась въ это время (май 1836 г.) изъ Одессы покинутая и обманутая гр. Витомъ, для него покинувшая своего мужа, графиня Собанская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда написанные ей Пушкинымъ: «Что въ имени тебѣ моемъ?..» Гр. Собанскій (?) жилъ въ 1823 г. въ Одессѣ и, по неправильному указанію Зеленецкаго, оказывался даже соперникомъ Пушкина у г-жи Ризницъ». Изъ показанія Максимовича видно только, что онъ видѣлъ въ альбомѣ Собанской стихотвореніе, написанное для нея Пушкинымъ (если оно дѣйствительно было написано для нея, а не только внесено поэткомъ въ ея альбомъ). Изъ всего, что извѣстно объ одесской жизни Пушкина, 1823—1824 г.г., нельзя заключить, что стихотвореніе было написано именно тогда; неизвѣстно даже, былъ ли Пушкинъ лично знакомъ съ нею тогда. Стараясь примирить пушкинскую датировку съ произвольной ефремовской, Б. Л. Модзалевскій («Архивъ Раевскихъ», т. II, стр. 313—314) рѣшилъ: «что касается 1829 года, выставленнаго Пушкинымъ въ изданіи 1832 г., то эта дата можетъ означать время окончательной (?) отдѣлки стихотворенія, первоначальной (?) редакціи котораго, въ альбомѣ Собанской, мы не знаемъ». Однако, въ такомъ ничѣмъ не оправдываемомъ предположеніи нѣтъ никакой надобности, такъ какъ единственнымъ поводомъ къ нему послужила ошибка Ефремова. Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ не разъ встрѣчался съ Собанской въ концѣ двадцатыхъ годовъ и бывалъ у нея въ 1828 г. вмѣстѣ съ Мицкевичемъ,

одно время безумно влюбленнымъ въ нее («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1906—1907). Такимъ образомъ, нѣтъ причинъ отвергать пушкинскую дату (см. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., июнь, 937; «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 184). Каролина Адам. Собанская, рожд. граф. Ржевуская (род. около 1794 г., умерла 17 июля 1885 г.), умница и красавица, воспитанная Мицкевичемъ, который называлъ ее дантовскимъ именемъ («Vita Nuova»): Donna Giovanna, превосходная пианистка, много лѣтъ блистала въ одесскомъ большомъ свѣтѣ временъ Воронцовыхъ и провела бурную и романтическую жизнь; разведшись съ Собанскимъ, была замужемъ за графомъ И. О. Виттомъ, потомъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, за Х. Чирковичемъ; потомъ, уже лѣтъ подшестдесятъ, вышла за французскаго поэта Ж. Лакруа (свѣдѣнія о ней собраны Модзалевскимъ въ «Арх. Раевскихъ», II, 311—314). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П—на, т. II, 1880 г., стр. 427; 1882 г., стр. 412), безъ всякихъ основаній, предположилъ, что разсматриваемая пѣсня относится къ Олениной; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ, также П. Устимовичъ («А. А. Андро, рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) уже категорически отнесли ее къ Олениной. Этому противорѣчитъ ничѣмъ неопровержимое показаніе Максимовича, а также сравненіе пѣсень съ «узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ», которое, по справедливому мнѣнію Модзалевскаго (I. с.), было бы неумѣстно, если бы поэтъ обращался къ А. А. Олениной, русской; впрочемъ, это сравненіе можетъ быть толкуемо и иначе: поэтъ говоритъ, что имя его будетъ такъ забыто, станетъ такимъ чуждымъ, что альбомный листокъ, гдѣ оно записано, не вызоветъ никакихъ воспоминаній,—и проситъ сохранить его не на бумагѣ, а въ сердцѣ. Грустный тонъ, трогательная задумчивость пѣснь не позволяютъ счесть ее обычнымъ мадригаломъ красавицѣ, а объ увлеченіи Пушкина, хотя бы мимолетномъ, Каролиной Собанской нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Быть можетъ, дѣйствительно, стихотвореніе, внушенное Пушкину другой женщиной, попало въ альбомъ не какъ выраженіе чувствъ писавшаго къ его хозяйкѣ, а какъ простая альбомная записка на память. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упомянулъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ пѣснь Пушкина. Оно положено на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ А. А. Алябьевымъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, А. С. Даргомыжскимъ («Памяти П—на», петерб. универ. сборт., 1900 г., стр. 107).

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пѣснь неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензур. довол. 20 декабря 1829 г.), стр. 104, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Венера, или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ», ч. III, М., 1831, стр. 64, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. По мнѣнію П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 497), «можетъ быть, оно написано къ тому же лицу, которое

упоминается въ стихотвореніи: То Dawe, Esqr», т.-е. къ А. А. Олениной (о ней см. въ прим. къ №№ 526, 529, 530, 532, 539 и 564). Догадка Анненкова принята другими издателями—Н. А. Ефремовымъ (см. его изд. 1880 г., II, 427; 1882 г., II, 412; т. VIII, 1905 г., 301), Л. И. Поливановымъ (т. I, изд. 3-е, стр. 289), П. О. Морозовымъ (лит. фонда, II, 63; «Просвѣдн.», II, 458); П. М. Устимовичъ также внесъ пѣсню въ свой издѣніе щедрый списокъ посвященныхъ Олениной стиховъ («А. А. Андро, рожд. Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, авг., 393). Однако, такое предположеніе, не лишнее, правда, нѣкоторой вѣроятности, ничѣмъ положительно не подтверждается. Съ явной выдумкой Л. Н. Павлищева, относящаго «со словъ Пушкина» пѣсню къ Олениной («Воспоминанія объ А. С. П—нѣ», стр. 168), конечно, считать нельзя.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи обратилъ вниманіе на это стихотвореніе, которое выписалъ дѣликомъ, и оцѣнилъ его «трогающую душу гуманность» и «артистическую прелесть», причѣмъ поставилъ его въ связь съ другой пѣсней, 1832 г., «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я»..., пропикнутой тѣмъ же «изящно-гуманнымъ чувствомъ», заставляющимъ поэта желать любимой дѣвушкѣ «даже счастье того, кто избранъ ей». В. Я. Брюсовъ («Ложные доводы» — «Ежемесячн. Сочиненія» 1901 г., октябрь, 154) истолковалъ пушкинское пожеланіе «дай вамъ Богъ» совершенно оригинально: «Я васъ любилъ такъ, говорить Пушкинъ Олениной, какъ дай-то Богъ, чтобы кто-нибудь другой васъ полюбилъ! Оленина не отвѣтила поэту на его любовь, какъ онъ того желалъ бы, и онъ съ горечью замѣчаетъ ей, что другой разъ она такой любви не повстрѣчается въ жизни. Это упрекъ». Разумѣется, такое толкованіе «словъ» вполне допустимо, по оно противорѣчитъ не только настроенію данной пѣснь, свѣтлому и благостному, но и общему гуманному духу пушкинской поэзіи и его обычному отношенію къ любви. «Послѣдній стихъ» — говоритъ Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 281) — «несравнимъ ни съ чѣмъ; онъ — высокочеловѣческій. Нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказала въ заключительныхъ стихахъ другого, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего: «все, даже счастье того, кто избранъ ей, кто милый дѣвъ дастъ названіе супруги»... Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе несть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства... Это та любовь, о которой Пушкинъ, справедливо опредѣляетъ Н. П. Спыховъ («Замѣтки о П—нѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-е, стр. 69—70), говорилъ, «безъ шутилой веселости, безъ грубой чувственности, безъ фальшивой восторженности, какъ о существенномъ дѣлѣ челоуѣческой жизни... Въ такой любви не теряются между мужчиной и женщиной чисто-человѣческія отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно тонкаго и яснаго развитія». Безъ идеальной свободы для Пушкина не было и идеальной любви, и для обоихъ сторонъ въ этомъ «поединкѣ роковымъ» онъ требовалъ равенства; стремясь къ личному счастью, онъ желалъ его и любимому существу и жилъ въ любви «горестно и трудно», но съ неизмѣннымъ рыцарскимъ достоинствомъ и благородствомъ. Не таково было отношеніе къ любви творца «Демона», который обѣщалъ унести за могилу зем-

ную знойную страсть: «Ты не должна любить другого, нѣтъ, не должна,—ты мертвецъ святыней слова обручена. Увы! Твой страхъ, твои мольбы—къ чему онѣ?»... («Любовь мертвеца»). Изящное сочетаніе душевной гармоніи съ гармоніей слова, которымъ блещетъ эта пѣснь Пушкина, увлекало многихъ композиторовъ, и она была положена на музыку много разъ; С. К. Буличъ (Петерб. универс. Пушкинс. сборн., 1900 г., стр. 109—111) насчитываетъ 29 музыкальных интерпретацій ея, въ томъ числѣ Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго, Кюи.

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвестенъ. Впервые появилась она въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 13, 2 марта, т. I, стр. 101, съ заглавіемъ: «Къ **», безъ даты, съ подписью имени и фамиліи поэта, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 22—23, безъ заглавія, съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. П. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи (1880 г., II, 259) произвольно озаглавилъ стихотвореніе: «Къ А. П. К.»; во второмъ (1882 г., II, 234) этихъ инициаловъ нѣтъ (заглавіе: «Къ ***»), а въ третьемъ (1903 г., т. II, стр. 184) оно носитъ опять произвольное заглавіе, но инициалы уже раскрыты: «Къ А. П. Кернъ»; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ также прямо поставилъ: «Къ А. П. Кернъ». (Литературнаго фонда, II, 64; «Просвѣщ.», II, 97). Между тѣмъ сама Кернъ, какъ видно изъ ея воспоминаній, вовсе не относилась этой пьесы къ себѣ, хотя гордилась вниманіемъ Пушкина и даже простодушно приняла на свой счетъ нѣсколько стиховъ въ 8-й главѣ «Онѣгина». Будь пѣснь посвящена дѣйствительно ей, она не преминула бы рассказать объ этомъ съ тою же откровенностью, съ какою повѣдала о своихъ отношеніяхъ къ А. Г. Родзянко, вызвавшихъ игривое посланіе Пушкина къ нему (см. во II т., № 445); притомъ, рассказывается въ своемъ послѣднемъ изданіи сочин. Пушкина (т. VIII, 1903 г., стр. 301—302) лично знавшій ее Ефремовъ, «отъ нея ничего новаго о Пушкинѣ нельзя было услышать, кромѣ ужъ напечатаннаго». Такимъ образомъ, ясно, что связывающая съ ея именемъ пѣсню традиція основывается единственно на догадкѣ Ефремова, который въ 1880 г. поставилъ надъ стихотвореніемъ инициалы Кернъ; изъ всѣхъ женскихъ именъ такъ или иначе входящихъ въ біографію Пушкина, наиболѣе «подходящимъ» къ данному стихотворенію показалось ему имя Кернъ. Догадкѣ Ефремова повезло, и она была принята и Морозовымъ, и Л. Н. Майковымъ («Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 223, 257), и Б. Л. Модзалевскимъ (т. III настоящ. изд., стр. 600), и В. Соловьевымъ («Судьба Пушкина», Спб., 1898, стр. 10—11), и Б. В. Никольскимъ («Судь надъ Пушкинымъ», Спб., 1897, стр. 16), а Л. Н. Павлищевъ въ своихъ фантастическихъ «Воспоминаніяхъ» объ А. С. Пушкинѣ (стр. 170), сочинивъ дѣлѣй рассказъ на эту тему, прямо заявилъ, что Пушкинъ написалъ стихотвореніе подъ влияніемъ распускавшихся сплетенъ объ А. П. Кернѣ.

Что оно посвящено не Кернъ, видно уже изъ самаго содержанія его. Въ немъ говорится о женщинѣ, которою интересуются «свѣтъ» и «шумная молва», которая вращается въ «блестящемъ кругу» и увлекается «безумными забавами», т. е. о женщинѣ высокаго общественнаго положенія и притомъ эксцентричной натурѣ. Ничего подобнаго не могъ сказать Пушкинъ о Кернъ, которая никогда не принадлежала къ высшему кругу, нисколько его не занимала собою, и простой душѣ которой были чужды «безумныя забавы». Обликъ, изображенный Пушкинымъ въ этихъ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ, нисколько не похожъ на Кернъ. Ими рисуется такая оригинальная женская индивидуальность, которую никакъ нельзя не узнать среди женщинъ высшаго круга пушкинской эпохи. Само собою напрашивается имя—А. Ф. Закревской, «Портретъ» которой Пушкинъ набросалъ въ 1828 г. и которую тогда не на шутку увлекался (см. выше, примѣч. къ №№ 536, 537, 538). На нее указывалъ и близкій Пушкину человекъ, П. А. Плетневъ, который на вопросъ Я. К. Грота, къ кому относится данная пѣснь, отвѣтилъ: «помнится, къ женѣ Закревскаго, урожденной графинѣ Толстой» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», III, 411, 414). Свидѣтельство современника вполне подтверждается и содержаніемъ пьесы, и всѣмъ, что мы знаемъ объ этой «беззаконной кометѣ» среди расчисленныхъ свѣтилъ столичнаго большаго свѣта, вакханкѣ по призванію. Всеотзывчивый поэтъ нашелъ слово сочувствія и для этой жертвы злобной молвы и собственнаго бурнаго темперамента.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэтовъ на роды и виды»—Сочин., изд. Венгеровъ, VI, 101) приписалъ пьесу къ «лучшимъ, задумчивѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, дважды назвавъ ее въ числѣ его лучшихъ лирическихъ произведеній, упомянулъ о ней какъ объ одномъ изъ свѣдовъ «важной думы испытаннаго жизнію и глубоко въ нее всмотрѣвшаго таланта», гдѣ «чувство гуманности доходить до какого-то внутренняго просвѣтленія». Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній, «Прелестницѣ», написанномъ подъ вліяніемъ пьесы Пушкина, также призывалъ приготовить сердце къ забвенью и научиться презирать, однако, даже не пробуя «передъ идолами свѣта гнуть колѣна». Сравнивая стихотвореніе Пушкина съ «Убогой и нарядной» Некрасова, В. А. Яковлевъ («День памяти П—на, 6 июня 1880 г., въ Имп. Поворосс. Унив-тѣ», Од., 1880, стр. 37) говоритъ: «вдумайтесь въ эти стихотворенія, сравните чувства, ими въ васъ возбуждаемыя, и скажите, которое изъ нихъ человѣчнѣе. Въ то время, какъ у Некрасова вы встрѣчаете сильное негодованіе, направленное на «нарядную», за которымъ поэтъ забываетъ, что она тоже «песчистая дочь», у Пушкина выражено столько сочувствія несчастію, такъ оно выражено просто и прямо, что дѣйствуетъ и на малоразвитого человѣка. Мало того; самое чувство поэта является болѣе нѣжнымъ, добрымъ, далекимъ отъ всего, что лишаетъ возможности сочувствовать несчастію ближняго, хотя и павшаго нравственно. Разница этого чувства отъ чувства, вызваннаго у Некрасова явленіемъ приблизительно одинаковымъ, объясняется разницею ихъ личнаго характера. Двѣ личности, созерцающія одинъ и тотъ же фактъ несчастія, могутъ испытывать

разныя впечатлѣнія: одна, напр., вся сама поддается горю и сочувствію жертвъ, другая всецѣло поглощается злобой и негодованіемъ къ причинѣ несчастія. Осуждать ту или другую было бы несправедливо: чувство ихъ произвольно; но мы всегда имѣемъ право сказать, что состраданіе, сочувствіе горю — чувство болѣе человѣчное, чѣмъ негодованіе, какъ бы ни основательна была причина, его возбуждающая». Біографическое объясненіе пьесы не понижаетъ ея нравственнаго смысла.

575. КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

См. въ исторіи текста.

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗИИ ЛЕЖИТЪ НОЧНАЯ МГЛА...

(т. III, стр. 62).

Извѣстны три автографа пьесы. Одинъ, черновой, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107 об., съ датой: «15 мая»; («Русс. Стар.», 1884 г. ноябрь, 371; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», Спб., 1903, стр. 7—8); другой, тоже, повидимому, первоначальный набросокъ—въ Берлинской королевской бібліотекѣ («Русс. Стар.» 1893 г., январь, 222; Шляпкинъ, *ibid.*); третій—у великаго князя Константина Константиновича (изъ бумагъ Л. Н. Майкова). Впервые пьеса была напечатана подъ заглавіемъ: «Отрывокъ» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 56, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 15, безъ заглавія, отнесеннаго въ оглавленіе книги (стр. 207); пьеса датирована 1829 годомъ. При знакомствѣ съ румянцовской рукописью дѣлается понятнымъ, почему Пушкинъ называлъ ея окончательную редакцію «Отрывкомъ»: она есть лишь часть задуманной болѣе обширной пьесы. Ей предшествуетъ въ рукописи несомнѣнно съ нею связанное четверостишіе: «И чувствую душа въ сей часъ»... (см. ниже, примѣч. къ № 606), а за послѣднимъ (печатнымъ) стихомъ среди нѣсколькихъ исчерканныхъ строкъ можно разобрать отдѣльные стихи (подробно о вариантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ), переданные И. А. Шляпкинымъ въ такой транскрипціи:

Прошли забытые
Дни многихъ дѣтъ
Гдѣ вы (знакома) бездѣльныя созданья
Иные далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ
(Вновь, я снова) Я твой по... я вновь
тебя люблю
И безъ надеждъ и безъ желаній
(Безъ темной ревности)
Чиста моя любовь
И (тихій жаръ моихъ) нѣжныхъ дѣв-
ственныхъ мечтаній
Со мной одни воспоминанья.

По положенію пьесы въ музейной тетради (не говоря уже о собственной датировкѣ Пушкина) гдѣ рядомъ съ нею находится черновая «Калмычкѣ» съ помѣтой: «22 мая 1829», не при-

ходится сомнѣваться въ правильности ея отнесенія къ 1829 г.; очевидно, первый приступъ къ ней былъ записанъ поэтомъ 15 мая, и тогда онъ, находясь въ Предкавказьѣ, въ Георгіевскѣ, писалъ: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла, Восходятъ звѣзды надо мною»... а впослѣдствіи, уже увидѣвъ Грузію и обрабатывая стихотвореніе, измѣнилъ начало, введя въ поле зрѣнія холмы Грузіи и Арагу. И. А. Шляпкинъ (*ibid.* и 10) безъ всякихъ основаній предположилъ, что оно могло быть написано въ маѣ 1830 г.; см. В. Е. Якушкинъ, «Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 72, и Е. Г. Вейденбаумъ, «П. на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 676—677, 678. Несмотря на то, что окончательной редакціей безъ всякихъ споровъ нужно считать ту, на которой остановился самъ поэтъ, два раза ее напечатавшій, И. А. Шляпкинъ считаетъ окончательной редакцію берлинскаго наброска; ему справедливо возражалъ П. Е. Щеголевъ («Замѣтки о Пушкинѣ»—«Изв. Отд. русс. яз. и сл. II Акад. Н.», т. VIII, 1903 г., кн. 4, стр. 376—379).

Вопреки давно укоренившемуся мнѣнію, что Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи къ оставленной въ Москвѣ Н. Н. Гончаровой (см. изд. П. А. Ефремова, 1882 г., II, 412; Л. И. Подипановъ, I, изд. 3-е, 294), П. Е. Щеголевъ основательно указалъ, что находящіяся въ окончательномъ текстѣ и въ музейной рукописи «фразы о возрожденіи прежней любви, связанной съ воспоминаніемъ о прошломъ («я твой по... я вновь тебя люблю»), не могутъ относиться къ Н. Н. Гончаровой; въ отношеніяхъ Пушкина къ ней еще не было прошлаго... Но къ кому же тогда можно отнести это стихотвореніе? Вопросъ остается открытымъ»... П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т., VIII, 1905 г., стр. 304) предположилъ, что здѣсь поэтъ думалъ объ одной изъ сестеръ Ушаковыхъ; въ отношеніяхъ ихъ къ поэту, однако, было еще менѣе «прошлаго». Е. Г. Вейденбаумъ (I. с.) пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, и его попытку нельзя не признать очень удачной. «Мнѣ кажется»—говоритъ онъ,—«что источника надо искать во времени еще болѣе отдаленномъ. Послѣднее Горячихъ водъ живо напомнило Пушкину 1820 года, когда онъ былъ тамъ съ семействомъ Раевскаго. Вотъ что пишетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Пятигорскомъ въ 1829 г.: «съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыпало миллионами звѣздъ; я бѣжалъ берегомъ. Подкумка. Здѣсь, бывало, сживалъ со мною Ал-Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ»... Нарисованная здѣсь картина наступающей ночи повторена почти тѣми же словами въ «Отрывкѣ» первой редакціи: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла; восходятъ звѣзды предо мною». Пушкинъ, подъ влияніемъ воспоминаній о 1820 г., съ грустью оставилъ воды. «Отрывокъ» также пропитанъ грустнымъ настроеніемъ. Черновые наброски къ этому стихотворенію показываютъ, что воспоминанія поэта относятся къ давнему времени. Такъ въ одномъ изъ нихъ сказано: я снова юнъ и твой. Въ другомъ поэтъ говоритъ о забытыхъ дняхъ, о многихъ годахъ... Надежды, желанія и ревность, когда-то волновавшія поэта, давно оставили его, и въ сердцѣ сохранились только чистая, дѣвственная любовь и свѣт-

лая печаль о прошломъ. Сравнивая эту любовь, безъ надеждъ, желаній, темной ревности, съ другими увлеченіями, предметы которыхъ были далеко (наприм. Воропцова), или уже въ нѣмѣ мірѣ (намекъ на Ризницъ), поэтъ переживаетъ особое, просвѣтленное чувство,—и только въ такіе моменты сознаетъ себя достойнымъ этой любви и скорбятъ, что его душа «не всегда чиста, печальна и спокойна» (см. ниже, № 606). Такая любовь въ его жизни была только одна,—и ее-то, вѣроятно, онъ и обозначилъ въ своемъ «Донъ-Жуанскомъ, спискѣ» таинственными буквами N. N (объ этомъ см. въ IV, настоящ. изд., стр. 93—95, и примѣч. къ №№ 272, 388, 482-а).

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзии на роды и виды»—Сочин., изд. Венгеровъ, VI, 201) причислялъ отрывокъ къ «лучшимъ, задушевейшимъ» созданіямъ лирической музыки Пушкина; это мнѣніе онъ два раза повторилъ въ общемъ обзорѣ поэзии Пушкина. «Это одно изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина»—говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изд. сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 294):—«оно полно сильнаго и искренняго чувства и тонко выражаетъ одно изъ тѣхъ душевныхъ настроеній, которыя поддаются выраженію только у первоклассныхъ художниковъ. Послѣднее двуступище заключаетъ правдивую характеристику поэта, выраженную съ неподражаемою простотою». «Во всей Пушкинской поэзии»,—говоритъ С. А. Адриановъ («Наканунѣ Бѣлинскаго»—«Историч. Вѣстн.», 1898 г., май, 543)—«я не знаю ни одной вещи, которая бы такъ ярко и глубоко передавала это всеобъемлющее и всепроникающее чувство органическаго сліянія съ любимымъ существомъ, присутствіе котораго каждую минуту ощущается душою и даетъ особый, неизъяснимый словами тонъ всѣмъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ». Пѣса положена на музыку восемь разъ, между прочимъ П. Виардо-Гарсія и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ («Памяти П.—на», петерб. университет. сборн., 1900 г., стр. 84—85).

577. КАЛМЫЧКЪ.

(т. III, стр. 62).

Черновые наброски пѣсы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, листы 106 об., 107. Впервые она была напечатана, съ помѣтой: «22 мая 1829. Капъ-Кой» (Владикавказъ) въ «Литерат. Газетѣ», 1830 г., т. II, № 38, стр. 11, съ подписью: «Крс» (неполная анаграмма изъ согласныхъ слова «Сверчокъ», стараго арзамаскаго прозвища Пушкина), а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 37—38. 22 мая Пушкинъ былъ, дѣйствительно, во Владикавказѣ, а нѣсколькими днями раньше, по дорогѣ туда, посѣтилъ въ степи калмыцкую кибитку; невѣрно думалъ П. А. Ефремовъ, что «встрѣча была уже на обратномъ пути съ Кавказа» (см. его изд. сочин. П., II, 1880 г., стр. 428; 1882 г., стр. 413). Вотъ что рассказываетъ поэтъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (гл. I, редакція черновой рукописи): «Все семейство собралось завтракать; котелъ варился посреднѣй, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, кура табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—«...».—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—«Десять и восемь».—«Что ты шьешь?»—«Портка».—«Кому»—

Себя.—«Подѣлуй меня».—Не можна, стыдно.—Голось ея была чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня базалайкой по головѣ... Калмыцкая любовь мнѣ надѣла, я выбрался изъ кибитки и побѣжалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ». При этой забавной встрѣчѣ въ поэтѣ, вспоминавшемъ о своихъ скитаніяхъ съ бессарабскими цыганами («за ихъ лѣнивыми толпами въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ, простую пищу ихъ дѣлилъ и засыпалъ предъ ихъ огнями»), проснулся прежній романтикъ, и онъ уже почти готовъ былъ возобновить «бродячіе ночлеги и проказы старины» и «продолжать сіи шатыры» («Цыганы», 1830 г.). Сопоставленіе великосвѣтской дамы, которая свысока относится къ Шекспиру и восхищается Альфредомъ-де-Виньи, съ простодушной калмычкой—далеко не въ пользу первой. Романъ, о которомъ говорится здѣсь, «Сен-Марсъ или заговоръ при Людовикѣ XII», сохранился въ бібліотекѣ Пушкина въ русскомъ переводѣ 1835 г. («П. и его современники», IX—X, 23). Объ Альфредѣ-де-Виньи Пушкинъ былъ очень невысокаго мнѣнія, находилъ, что «романы А. Vigny хуже романовъ Загоскина», и писалъ о его «недѣльных несообразностяхъ» (Переписка П.—на, академич. изд., II, 389; «О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ Потеряннаго Раля»).

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзии два раза называлъ пѣсу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Во 2-мъ стихѣ галлицизмъ: «на зло моихъ затѣй» = *en dépit de mes projets* (Θ. Е. Коршъ, «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» П.—на по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 68),

578. НЕ ПЛѢНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ...

(т. III, стр. 62).

Подлинникъ пѣсы, вѣроятно, принадлежавшій другу поэта Н. Н. Раевскому-младшему, находится въ архивѣ семьи Раевскихъ. Опъ озаглавленъ: «Шееръ I. Фаргаты-Беку», подписанъ: «А. П.» и носитъ помѣты: «5 іюли 1829. Лагерь при Эвфратѣ»; въ немъ есть пометки, и разпачтеніями онъ отличается немногимъ отъ печатной редакціи, появившейся въ альманахѣ бар. Е. Θ. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село», 1830 г., стр. 233, подъ заглавіемъ «Изъ Гафиза» и съ упомянутыми помѣтами (перепечат. въ альманахѣ «Роза Градій», М., 1830, стр. 66), а затѣмъ вошедшей въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 16, безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи книги: «Изъ Гафиза», и съ помѣтой: «Лагерь при Евфратѣ». У персидскаго поэта Гафиза (1300—1389 г.г.) нѣтъ такого стихотворенія. Пушкинъ хотѣлъ ссылкою на Гафиза скрыть, что проникнутая восточнымъ духомъ пѣса посвящена живому лицу. По объявленію Е. Г. Вейденбаума («П. на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русск. Арх.» 1905 г., I, 680), «Шееръ»—значить по-татарски войско или полкъ. Такъ назывались находившіеся въ отрядѣ Паскевича мусульманскіе конные полки, набранные изъ охотниковъ татаръ.

скихъ провинцій Закавказья. Первый полкъ состоялъ изъ карабахскихъ всадниковъ. Вѣроятно, одному изъ бековъ, служившихъ въ этомъ полку, и было посвящено стихотвореніе». Говоря по поводу «Римскихъ элегій» Гете объ антологіи, Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгеровъ, VI, 266) называлъ эту пьесу въ числѣ антологическихъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упомянулъ ее среди лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Анненковъ, думая, что она «взята съ арабскаго», однако, нашелъ, что она «носитъ характеръ самобытнаго произведенія» («Матеріалы для біограф. П.», изд. 2-е, стр. 304). Восточнымъ колоритомъ и взглядомъ на красоту она роднится съ пьесой 1835 г. «Подражаніе арабскому». У Б. Н. Алмазова (Сочин., II, М., 1891, стр. 179—180) есть растлутая пародія на нее «Юной Сочинительницѣ».

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ»).

(т. III, стр. 63).

Подлинники неизвѣстны. Первая надпись была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1859 г., кн. V, стр. 28, а вторая въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Лейпцигъ, 1861, стр. 49—50. «Оба стихотворенія, говоритъ Гербель (ib., 229—230), написаны Пушкинымъ тотчасъ по полученіи имъ экземпляра «Невскаго Альманаха» на 1829 годъ, издаваемаго Е. Аладинымъ, къ которому, между прочимъ, было приложено шесть весьма плохихъ гравюръ къ напечатаннымъ тамъ же шести отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина». Первый и третій рисунки (авторъ «Евгенія Онѣгина», бесѣдующій съ Онѣгинымъ на набережной Невы, и Татьяна, запечатывающая письмо къ Онѣгину) особенно поразили поэта, и онъ тотчасъ (?) написалъ къ нимъ помннутыя надписи и отослалъ ихъ къ Аладину». Разсказъ этотъ отчасти не совпадаетъ съ другимъ, вполне заслуживающимъ довѣрія, разсказомъ М. И. Пушина, доставленнымъ въ 1857 г. П. В. Анненкову графомъ Л. Н. Толстымъ (сборн. Л. Н. Майкова «П-нъ», Спб., 1899, стр. 394): «въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманахѣ». Альманахъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ они...» Здѣсь слѣдуетъ первая надпись. «Другая надпись, которую могу припомнить, была сдѣлана къ винеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, читающей (?) записку при лунѣ (?), свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить». Такъ какъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ и сентябрѣ 1829 г., то надписи можно датировать сентябремъ; впрочемъ, можетъ быть, дѣйствительно, онѣ написаны въ началѣ 1829 г., а въ сентябрѣ Пушкинъ записалъ ихъ на пушкинскомъ экземплярѣ. Въ настоящемъ изданіи изъ вто-

рой выпущены стихи 6-й и 8-й. 23 февраля 1829 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Какова твоя Татьяна пьяная въ Невскомъ Альманахѣ съ <.....> на выкатѣ и съ <.....>, который сквозитъ изъ подъ рубашки? Если выдаешь Аладина (хотя на блинной недѣлѣ), скажи ему, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой Невскій Альманахъ въ Пензу: мнѣ хочется вводить имъ въ красоту нашихъ Пензенскихъ барышень. Въ Москвѣ твою Татьянавсѣхъ пугала». Эпиграмма на эту Татьяну и другая надпись были, вѣроятно, извѣстны многимъ еще до «Полярной Звѣзды» и сборника Гербеля; о нихъ упоминалъ Бѣлинскій въ рецензіи на «Невскій Альманахъ» 1846 г. («Отечеств. Записки» 1846 г.; Сочин. Б., ч. X, М., 1860, стр. 391), говоря, что этотъ альманахъ «особенно отличился въ 1828 (?) году, представивъ такіе суздальскіе изображенія изъ «Евгенія Онѣгина», надъ которыми и тогда всѣ смѣялись отъ души, а Пушкинъ даже написалъ на нихъ стихи, которые, по ихъ неудобству къ печати, не были напечатаны... По всему видно, что Пушкинъ остался очень благодаренъ «Невскому Альманаху» за его картинки изъ «Онѣгина» и въ особенности за изображеніе Татьяны въ видѣ жирной короовиды, страдающей спазмами въ желудкѣ». Набросокъ первой картинкѣ былъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ (Библиографическія Записки, 1858 г., № 1, стр. 2).

581. ЩАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ДУРАХЪ...

(т. III, стр. 64).

Автографъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 14 об. Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензурн. дозвол. 20 декабря 1829 г.) подъ заглавіемъ: «Къ N.N.» и съ подписью: «А. П.», и подъ тѣмъ же заглавіемъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 31. По словамъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 500), она написана «во время пребыванія Пушкина на Кавказскихъ водахъ въ 1829 году». Источника своего показанія Анненковъ не сообщилъ, но оно подтверждается положеніемъ пьесы въ тетради. На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ—сентябрѣ 1829 г. (см. «Труды и дни П-на», изд. 2-е, 194—196). Исправляемъ опечатку въ пятomъ стихѣ настоящаго изданія («на» вмѣсто «да»).

Кому написано это прелестное посвященіе, неизвѣстно. По словамъ В. И. Шенрока («Письма Н. В. Гоголя», I, 215), пріятель Гоголя А. С. Данилевскій зналъ, къ кому обращался Пушкинъ въ этихъ стихахъ, но во время свиданія съ Шенрокомъ не могъ припомнить имени. Упоминаемый въ пьесѣ St-Priest упомянутъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (8, XXVI). Графъ Эммануилъ Карловичъ Сень-При, старшій сынъ французскаго эмигранта, гр. Карла Францовича, подольскаго (потомъ херсонскаго) губернатора во времена герцога де-Ришелье, отъ брака съ княжной Софьей Адексѣвной Голицыной, родившійся и воспитывавшійся въ Россіи, по разсказу кн. П. А. Вяземскаго (Сочин., VIII, 314—316), «добылъ себѣ мѣсто въ нашей общественной дѣлѣ по своимъ остроумнымъ карриатурамъ... Въ одномъ изъ городовъ Итали

ради какого-то почного безпорядка сдѣлано было полиціею распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Находившійся тогда въ томъ городѣ пашъ молодой Сень-При, отличный каррикатуристъ, котораго карандашъ воспріять Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», расписалъ свой фонарь забавными, но схожими изображеніями городскихъ властей. Само собою разумѣется, что онъ съ фонаремъ своимъ прогуливался по всѣмъ улицамъ, пайболѣе люднымъ. Этотъ молодой человекъ, веселый и затѣйливый проказникъ, вскорѣ затѣмъ, въ той же Италіи, застрѣлилъ себя неизвѣстно по какой причинѣ... (См. о немъ также «Записки А. О. Смирновой», ч. II, Спб., 1897, стр. 60; «Русс. Арх.» 1903 г., III, 124; Отчетъ И. Публ. Библіот. за 1895 г., прилож., стр. 99).—Объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ (1751—1828), авторѣ популярныхъ пѣсень «Выду я на рѣченку»..., «Охъ, тошно мнѣ»... Пушкинъ, давалъ низкую оцѣнку И. И. Дмитріеву, писалъ Вяземскому въ 1823 году: «по мнѣ Дмитріевъ ниже Вяземскаго» (Переписка П., академич. изд., I, 83). Пушкинъ еще въ лицѣ былъ знакомъ съ Нелединскимъ и по его порученію исполнилъ оффиціальныя заказъ—написалъ оду «Къ принцу Оранскому» (см. т. I настоящ. изд., № 85).

582. ПОЭТЪ-ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦИИ.

(т. III, стр. 64).

Черновой автографъ эпиграммы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 90. Впервые она была напечатана П. В. Анненковымъ въ дополнительномъ, VII томѣ его изданія сочиненій П-на, стр. 100—101, съ замѣчаніемъ, что она «принадлежитъ къ 1829 г., и къ кавказской жизни поэта», вслѣдствіе чего Ефремовъ и Морозовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ снабдили ее сомнительной помѣтой: «На Кавказскихъ водахъ». Сомнительна и анненковская датировка: подлинный автографъ находится въ рукописи, содержащей не только кавказскіе стихи и критическіе наброски 1829 г., но и произведенія другихъ годовъ,—и предыдущаго, и позднѣйшихъ, расположенныя безъ опредѣленнаго порядка. Есть основанія относить эпиграмму не къ 1829 г., а къ 1828-му и смотрѣть на нее какъ на отвѣтъ И. Е. Вяземскому, съ которымъ въ 1828 г. у Пушкина было столкновеніе на почвѣ карточной игры (объ этомъ см. въ примѣч. къ №№ 475 и 524). Вяземскій смѣялся надъ Пушкинымъ, напоминая ему, «какъ», смѣняя бывшіе рубрики въ кнѣ, глава «Онѣгина» вторая събѣжала скромно на тузъ», и, вѣроятно, отвѣтомъ на этотъ упрекъ и было напоминаніе Пушкина поэту-неудачнику, что его стихи вовсе не котируются ни на зеленомъ полѣ, ни на литературной биржѣ. Но еще до побѣдки Пушкина на Кавказъ противники помирились, и Пушкинъ оставилъ безъ отвѣтки и распространенія свою эпиграмму, которую поэтому съ болѣею вѣроятностію можно датировать 1828 годомъ; въ рукописи ей нѣсколькими страницами предшествуютъ стихи изъ посланія къ Вельшевой, 1828 г. «Гораціемъ» Вяземскаго Пушкинъ называетъ какъ лирическаго и сатирическаго поэта, автора «Сатиры на игроковъ», а Беве́рлеемъ—какъ игрока. Это имя носилъ главный герой мѣщанской трагедіи Сорена (Saurin) «Беве́р-

лей», переведенной съ французскаго извѣстнымъ актеромъ И. Дмитревскимъ (изданія 1773 и 1787 г.г.) и очень популярной (см. М. П. Лонгиновъ, «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ», Спб., 1873, стр. 29, 36; П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб. 1861, стр. 125). Эпиграмма на Вяземскаго—одно изъ многихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ былъ самолюбивъ Пушкинъ. Онъ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Сочин. I, 159), «въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ. Но умомъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывалъ онъ злопамятенъ, не только въ отношеніи къ недоброжелателямъ, но и къ постороннимъ и даже къ пріятелямъ своимъ. Онъ, такъ сказать, строго держалъ въ памяти своей бухгалтерскую книгу, въ которую вносилъ онъ имена должниковъ своихъ и долги, которые считалъ за ними. Въ помощь памяти своей, онъ даже существенно и матеріально записывалъ имена этихъ должниковъ на доскуткахъ бумаги, которые я самъ выдавалъ у него. Это его дѣшило. Рано или поздно иногда совершенно случайно, разыскивалъ онъ долгъ, и разыскивалъ съ лихвою. Въ сочиненіяхъ его найдешь много слѣдовъ и свидѣтельствъ подобныхъ зысканій. Царапины, напесенныя ему съ умысломъ или безъ умысла, не скоро заживали у него!...» «При всемъ добросердечіи своемъ онъ былъ довольно злопамятенъ, и не столько по врожденному свойству и увлеченію, сколько по расчету; онъ, такъ сказать, вмѣнялъ себѣ въ обязанность, поставилъ себѣ за правило помнить зло и не отпускать должникамъ своимъ. Кто былъ въ долгу у него, или кого почиталъ онъ, что въ долгу, тотъ, рано или поздно, расплачивался съ нимъ, волею или неволею»... (ib. 323—324).

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЪ ОШИБКУ.

См. въ исторіи текста.

584. ДЕЛИБАШЪ.

(т. III, стр. 64).

Пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ, съ собственноручнымъ рисункомъ поэта, находится въ саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ («Указатель Радищевскаго музея въ Саратовѣ», Саратов., 1886, стр. 97; «П. и его современники», II, стр. VI); другой—въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, перебѣленный, съ поправками и помѣтами: «Сыганъ-лу» и «7 сент.» («П. и его совр-ки», IV, 11—12). Обѣ помѣты, мѣстная (Сыганъ-лу—горная дѣбъ близъ Карса) и хронологическая, не совпадаютъ одна съ другой. Въ лагерной стоянкѣ на вершинѣ Соганлурскаго хребта Пушкинъ находился 14—18 іюня 1829 г. и здѣсь принималъ (14 іюня) участіе въ перестрѣлкѣ съ турецкими наѣзниками (см. «Труды и дни П.—на», изд. 2-е, стр. 190), а 7 сентября онъ былъ на минеральныхъ водахъ (ibid., 195—196). Въ описаніи академической рукописи указывается, что на оборотѣ «Делибаша» перебѣлена другая пьеса «Аквилонъ», 1824 г., съ припиской: «Бодд. 7 сент.», а въ Боддинѣ Пушкинъ дѣйствительно былъ 7 сентября 1830 г. (см. «Труды и дни П.—на», 219); «такимъ

образомъ, заключаетъ составитель описанія, надо думать, что «Делибашъ», вмѣстѣ съ «Аквилономъ», получилъ окончательную отдѣлку въ сентябрѣ 1830 г. Впервые пѣса появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., «Поззія», стр. 58, безъ даты, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 13—14, съ отношеніемъ къ 1829 г. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 213) категорически отнесъ пѣсу къ 7 сентября 1829 г.

Приходится рѣшить, что пѣса создана въ 1829 г., но что помѣта «Сыганъ-ду» намекаетъ на событія, съ которыми она связана, и не обозначаетъ мѣста ея написанія, которое послѣдовало позднѣе; въ 1830 же году, именно 7 сентября, въ Болдинѣ, занимаясь пересмотромъ своего поэтического багажа, Пушкинъ исправилъ ее для печати.

О впечатлѣніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла пѣса, Пушкинъ разсказалъ въ третьей главѣ «Путешествія въ Арзрумъ», описывая перестрѣлку 14 іюня на высотахъ Сыганъ-ду: «Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали мы ружейные выстрѣлы... Я побѣжалъ съ Семичевымъ посмотреть повую для меня картину... Провѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки набѣжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокая чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ... 19 іюня Пушкинъ видѣлъ, какъ «показались делибашъ и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками». 26 іюня въ Паскевича стрѣляли «турецкіе набѣдники, дѣлѣй день кружившіеся передъ нашими пикетами» (гл. IV). Пушкинъ могъ вволю любоваться этой отборной, самой храброй частью непріятельскихъ войскъ. Делибашъ — по-русски сумасшедшій, сорви-голова. Лава — построение казачьей сотни для атаки въ одну шеренгу, выгнутую дугою. Гоголь восторгался этимъ, дѣйствительно «картиннымъ» стихотвореніемъ (Письма Гоголя, I, 200). «Живость изображенія, при художественной простотѣ всей картины», — говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 293—296) — «мѣткость выраженій и движеніе стиха дѣлаютъ его однимъ изъ оригинальнѣйшихъ произведеній Пушкина». Оно положено на музыку тремя композиторами («Памяти Пушкина. Петербургск. университет. сборн. 1900 г., стр. 73, 117).

585. КАВКАЗЪ. (т. III, стр. 64).

Автографъ пѣсы, бывший нѣкогда въ рукахъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочиненій Пушкина, I, 220), а потомъ перешедшій отъ П. П. Анненкова къ Л. Н. Майкову, нынѣ принадлежитъ В. П. Саитову. Онъ носитъ помѣту: «20 сент.»; подробно описанъ мною въ «Вѣсахъ», 1908 г., № 3, мартъ, стр. 57—60, гдѣ приведены варианты, а также отброшенное поэтомъ продолженіе пѣсы:

Такъ буйную вольность Законы тѣснятъ,
Такъ дикое племя подъ Властью тоскуетъ,
Такъ пылѣ безмольный Кавказъ негодуетъ,
Такъ чуждыя силы его тяготятъ...

Впервые «Кавказъ» былъ напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» 1831 г., № 1, 1 января, стр. 4, а затѣмъ вошелъ въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 7—8, съ отношеніемъ къ диклу пѣсѣ 1829 г., навѣянныхъ кавказскимъ путешествіемъ. Нѣкоторое вліяніе на это стихотвореніе оказала ода Державина «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи» (Сочин., акад. изд., II, 20—22, 25), гдѣ, между прочимъ, есть такая строфа:

О юный вождь! сверша походы,
Пронелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребрѣ тамъ страшныхъ горъ лѣсъ,
Ревуть въ мракъ безднѣ сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ сбѣга
Падуть, лезавши дѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрять въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденъе молній и громовъ...

Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, изд. 3-е, стр. 297) анализируетъ пѣсу; «поэтъ представляетъ себя на той «вольной высотѣ», къ которой стремился мечтою. Картина, съ замѣчательнымъ искусствомъ собравшая всѣ черты кавказской природы, служить для поэтического выраженія того спокойнаго настроенія, которое овладѣло поэтомъ на этой высотѣ. Съ его положенія и начинается стихотвореніе (ст. 1 и 2). Онъ — въ одиночествѣ, высоко надъ природою и людьми. Отсюда бросаетъ онъ взоръ внизъ и, постепенно опуская его, видитъ 5 ступеней горной страны. 1-я ступень характеризуется предметами грозными (потоки, обвалы, тучи, водопады). Эти предметы теперь ближе всего къ портю, но все же ниже его. Между ними нѣтъ человѣка. Единственное живое существо, имѣющее доступъ сюда — величавый орелъ (который паритъ наравнѣ съ нимъ). Поэтому открыта здѣсь тайна рожденія потоковъ и обваловъ (а люди тамъ внизу привыкли считать ихъ столь грозными небѣлыми силами). Тучи (не менѣе грозныя для нихъ) портю здѣсь кажутся смиренными. 2-я и 3-я ступени. Голые утесы («утесовъ наглѣ громады») и полоса низшей растительности («мохъ тощій», «кустарникъ сухой»). Постепенно опуская взоры, поэтъ долго не находить той страны, гдѣ привыкъ себя видѣть окруженнымъ красотою. Онъ ищетъ ее и замѣчаетъ, какъ далеко оставилъ ее подъ собою; ихъ раздѣляетъ эта полоса запустѣнія. 4-я ступень. Картина, уже полная жизни. Природа здѣсь изображена привлекательными красками, доставляющею радость животнымъ («птицы щебечутъ», «скачутъ олени»). 5-я ступень. Наконецъ поэтъ видитъ человѣка. Человѣкъ, представленный въ картинѣ, не менѣе привлекательной («веселыя долины», «заачныя стремнины», «тѣнистые берега Арагвы»), изображенъ здѣсь далеко не въ такомъ полномъ наслажденіи природою, какъ птицы и олени на предыдущей ступени. Въ его жизни наслажденіе смѣшано съ опасностію («нищій набѣдникъ таится въ ущельи»). Стихотвореніе заключается изображеніемъ Терка. Поэтъ олицетворяетъ его. И въ этомъ олицетвореніи сказалось болѣе всего личное настроеніе поэта. Онъ сопоставляетъ безсильную борьбу заключеннаго въ желѣзную кѣтку, хотя и сильнаго, звѣря (строфа 4) съ собою, поставленнымъ вѣтъ всякой зависимости отъ какихъ-

либо земныхъ силъ: такова связь начала съ концомъ стихотворенія». Какъ почти всѣ пушкинскія описанія природы, и это хранитъ обычную черту пушкинскаго созерданія: центръ природы, ея вѣнецъ—человѣкъ, торжествующій надъ «смирненными» тучами, достигшій высоты орлиного полета. Другой поэтъ, Ив. Бунинъ («На горахъ»), чувствуя себя на такой же высотѣ («земля—подножіе мое»), сознается, что «бездны страхъ—онъ не исчезъ, онъ набѣгаетъ издалека»... Ничего подобнаго Пушкинъ не испытываетъ: его созерцаніе свѣтло и радостно. Въ «Кавказѣ» онъ описалъ тотъ самый «мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи», о которомъ рассказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: «воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога... Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселою Арагвой, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вѣсто голыхъ утесовъ я видѣлъ около себя зеленныя горы и плодоносныя деревья». Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислялъ «Кавказъ» къ самымъ лучшимъ лирическимъ стихотвореніямъ Пушкина. А. А. Потебня указываетъ на эту пѣсню, какъ на образецъ вполне выдержанной гармоніи въ расположеніи частей описанія, въ зависимости отъ строго определенной точки зрѣнія («Вопросы теории и психологіи творчества», т. II, вып. 2, Спб., 1910, стр. 13), и относилъ ее къ такимъ произведеніямъ, которыя «могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію» («Изъ записокъ по теории словесности», Хар., 1905, стр. 72). Дѣйствительно, смыслъ пѣсмы можетъ быть расширенъ: въ ней содержится не только описаніе кавказской природы, но также (въ послѣдней строфѣ) аллегорическое изображеніе борьбы Кавказа съ сѣверными завоевателями. На это особенно ясно указываетъ попытка продолжить пѣсню, начинающаяся сравненіемъ бунующаго Терка съ непокорными племенами Кавказа. «Черкесы насъ ненавидятъ» — писалъ Пушкинъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I). «Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, дѣлныя племена уничтожены... Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ допынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства?...»

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

(т. III, стр. 65).

Автографъ пѣсмы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цѣвтахъ» на 1831 г., (Поэзія, стр. 47—48, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 12, гдѣ помѣщена среди стихотвореній 1829 г. Въ альманахѣ она вовсе не датирована; П. В. Анпенковъ («Матеріалы для біограф. II—на», изд. 1855 г., стр. 220) указалъ, что она написана 20 сентября.

Возвращаясь въ первыхъ числахъ августа 1829 г. изъ Закавказья на сѣверъ, поэтъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V) «утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ чудное зрѣлище: бѣлыя оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками». Что Пушкинъ при этомъ чувствовалъ, о томъ онъ разсказалъ въ стихотвореніи.

Гоголь («Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи, и въ чемъ ее особенность.»—Сочин., изд. 10-е, IV, 181), отмѣчая въ Пушкинѣ отсутствіе «отвлеченной идеальности» Жуковского и «преизобилія сладострастной роскоши Батюшкова», говоритъ, что въ немъ «все уравновѣшено, сжато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногослаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго пошенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу... Поэта поразила видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ Кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣшитель въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти (?) строкахъ, и стихотвореніе окапчивается онъ симъ впазыннымъ обращеніемъ: «Далекій, возжелѣнный берегъ!»... и т. д. Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности того и другого».

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ Пушкинской поэзіи упомянулъ пѣсню въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Холодная прелесть аскетизма была чужда, но понятна Пушкину. Были въ его жизни минуты, когда ему хотѣлось уйти отъ людей куда-нибудь «въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога», но когда, приближаясь къ закату, «усталый рабъ, замысливъ онъ побѣгъ» отъ всего, что его угнетало,—то его манила «обитель дальная трудовъ и чистыхъ нѣгъ», «сельской нѣги и домашней тишины»; онъ помнилъ долгъ семьянина и гражданина. Однако, всеобъемлющій, всепостигающій, онъ понималъ иное, высшее призваніе и, вслѣдъ за поэтомъ-пуританиномъ, разсказалъ про борьбу «Странника», который, колеблясь между слабой личной волей и задушевнымъ голосомъ, бѣжалъ отъ семьи, отъ всей сложности вѣишней, обманчивой жизни, «дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста, спасенія узкій путь и тѣсныя врата». Лермонтовъ тоже мечталъ (акад. изд., № 127): «въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу, туда долетѣть лишь степному орлу... О, если бѣ взойти удалось мнѣ туда, какъ я бы молился и плакалъ тогда»... Пѣса положена на музыку С. И. Танѣевымъ.

587. ДОНЪ

(т. III, стр. 66)

Черновой автографъ пѣсмы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 101 (см. «Русск. Стар.», 1884 г., ноябрь, 358);

о представляемыхъ имъ разнотченіяхъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые она была напечатана въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ «Русскому Пивалиду», 1831 г., № 83, стр. 655, съ помѣтой 1829 г., а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 17—18. «По смыслу второй строфы»—говоритъ Анпенковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 497)—«можно заключить, что пьеса написана авторомъ уже на возвратномъ пути изъ Арзума» стихъ ея, говоритъ онъ же («Матеріалы для біогра. П., изд. 2-е, стр. 214), «исполненъ блеска и радости». Пьеса положена на музыку Брянскимъ («Памяти П.—на. Петербургск. университет. сборн.», 1900 г., стр. 74). Арпачай раздѣлялъ тогда русскую и турецкую Арменію. «Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ казакъ» (вторая глава «Путешествія въ Арзрумъ»). «Арпачай! наша граница!.. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное... Объ отношеніи Пушкина къ казакамъ см. ниже, примѣч. къ №№ 608, 609.

588. ОЛЕГОВЪ ШИТЬ.

(т. III, стр. 66).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (ценз. дозвол. 20 декабря 1829 г.) съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, безъ даты, и затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 19—20, гдѣ помѣщена подъ 1829 годомъ. Ее можно датировать сентябремъ—декабремъ 1829 г., такъ какъ въ августѣ графъ И. П. Дибичъ занялъ Адрианополь, и русская армія уже была близъ Константинополя, а 2 сентября ст. ст. въ Адрианополь былъ заключенъ миръ. П. А. Ефремовъ (Соч. П., т. VIII, 1905 г., стр. 305) безъ всякихъ основаній считаетъ пьесу написанной въ Болдинѣ. П. В. Анпенковъ находилъ ее «чуждой патриотической пѣсню Пушкина, довершившей вдохновенную передачу впечатлѣній славной войны, гремѣвшей вокругъ него» въ 1829 г. («Матер. для біогра. П.—на», изд. 2-е, стр. 214). По мнѣнію Н. И. Черняева («Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900, стр. 339—364), стихотвореніе, «если вдуматься въ него, насквозь пропитано сарказмомъ, чувствомъ горечи и удивленіемъ. Въ немъ отчетливо звучитъ упрекъ по адресу графа Дибича за то, что онъ убоялся призраковъ и не увѣнчалъ надлежащимъ образомъ славы и подвиговъ русскаго оружія. «Почему онъ не занялъ Константинополя и не продиктовалъ Портѣ условій мира на берегахъ Босфора? Почему онъ упустилъ случай поразить воображеніе Востока и всего мусульманскаго міра въ желательномъ для Россіи направленіи и показать султану Махмуду II на дѣлѣ, что дальнѣйшее существованіе Оттоманской имперіи вседѣло зависитъ отъ Россіи? Чего ради онъ привелъ русскія войска чуть не къ стѣнамъ Константинополя и затѣмъ возвратился вспять?.. Уже не пригрѣзилось ли ему, что Олегъ всталъ изъ могилы и не позволяетъ русской арміи войти въ ворота Царьграда?» Вотъ къ чему сводится смыслъ ироническаго сопоставленія того символическаго акта, въ которомъ проявилъ Олегъ свое

могущество, съ трехдѣльнымъ пребываніемъ Дибича въ Адрианополь въ виду свободной дороги на Стамбулъ и съ неподвижнымъ стояніемъ авангардовъ русской арміи въ теченіе того же времени на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ турецкой столицы. Негодованіе и недоумѣніе русскаго гражданина и патріота, вдохновляющія Пушкина въ тѣ минуты, когда онъ писалъ «Олеговъ шить», гениально замаскированы величавымъ, торжественнымъ и какъ бы эпически спокойнымъ тономъ стихотворенія, тономъ, благодаря которому «Олеговъ шить» при появленіи въ печати былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, вѣроятно, весьма немногими, лишь тѣмъ, кто умѣлъ читать между строкъ и понимать иносказательную рѣчь и намеки.

Л. Н. Павлищевъ въ своихъ явно и наивно сфабрикованныхъ «воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» (стр. 164) передаетъ даже «слова» Пушкина: «мнѣ, русскому человѣку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала черезъ Балканы, забастовала въ Адрианополь, откуда въ Константинополь рукой подать». Очевидно, эти «слова» продиктованы тѣмъ же пониманіемъ пьесы, представителемъ котораго является и Черняевъ. Послѣдній, однако, самъ же приводитъ съ полнымъ довѣріемъ приписываемыя А. О. Смирновой («Записки», I, 88—92) Пушкину слова, что «существуютъ три города, принадлежащіе всему христіанству: Іерусалимъ, Константинополь и Римъ, они не должны бы принадлежать ни одному государству въ отдѣльности... ни одинъ изъ этихъ городовъ не представляетъ собою политической столицы». Что территоріальныя русскія притязанія на Константинополь казались ему химерою и не находили въ немъ сторонника, это видно не только изъ его статьи о русской исторіи XVIII вѣка (1821—1822 г.г.), гдѣ онъ, называетъ блестящія побѣды Потемкина въ Турціи «безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціей и Россіей», но и изъ черноваго наброска, относящагося приблизительно къ одному времени съ «Олеговымъ шитьемъ», гдѣ Пушкинъ радуется тому, что «въ Эдырне миръ провозглашенъ», по которому Россія «югъ облегла... полъ-Евксина подняла» (см. ниже, прим. къ № 671). По адрианопольскому миру дѣйствительно русско-турецкой границей сталъ Дунай, лежащій при устьяхъ котораго острова были закрѣплены за Россіей, получившей также восточное побережье Чернаго моря и фактическое вліяніе въ дунайскихъ княжествахъ, благодаря чему Россія стала въ самомъ дѣлѣ хозяйкой Чернаго моря. Опираясь на мнѣніе такого военно-политическаго авторитета, какъ Мольтке, Шлюссеръ (цитир. у Черняева) находилъ, что если бы русскіе и овладѣли тогда Константинополемъ, то не могли бы его удержать за собою, такъ какъ «вся Европа взылась бы за оружіе, чтобы отбить его». По мнѣнію другого историка, Д. Г. Розена, «по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ своей противоположной дѣли, возрастало и ея замѣшательство, которое имѣло характеръ не стратегическій, а чисто-политическій», М. Н. Покровский («Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I, М., 1910, стр. 594—595), находилъ, что «походъ Дибича къ Адрианополу былъ гораздо больше ловкой военной демонстраціей, чѣмъ прочнымъ успѣхомъ. Стоило туркамъ нѣсколько оправиться, и съ его силами онъ не смогъ бы удержаться за Балканами. Приходилось испол-

зовать психологическій моментъ, не теряя ни минуты,—и, не ставя себѣ фантастическихъ задачъ, добиваться условій, реально наиболѣе выгодныхъ. Дибичъ и воспѣшивъ это сдѣлать... Именно такое пониманіе адрианопольскаго мира видно въ письмѣ (тоже цитир. Черняевымъ) вице-канцлера гр. К. В. Нессельроде къ цесаревичу Константину Павловичу, которому онъ указывалъ, что сохраненіе самостоятельности Турціи болѣе отвѣчаетъ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи, чѣмъ излишнее-обременительное территориальное расширеніе, либо возникновеніе въ замѣну Турціи новыхъ государствъ, сообщество которыхъ было бы гораздо опаснѣе для Россіи. Вообще, условія адрианопольскаго мира были встрѣчены съ чувствомъ полного удовлетворенія русскимъ обществомъ, эхомъ котораго былъ въ данномъ случаѣ поэтъ, признавшій, что Россіи не нужно обладаніе Константинополемъ, и что ея національная гордость вполне насыщена и достигнутыми успѣхами и славнымъ воспоминаніемъ объ Олеговомъ щитѣ. Былъ Пушкинъ удовлетворенъ и въ своихъ филэллинскихъ симпатіяхъ: по адрианопольскому миру Греція получила самостоятельность; въ 1831 г. Пушкинъ вспоминалъ объ этомъ: «воскресла грековъ древнихъ слава»... (см. также т. II, стр. 615—616). Сдѣлать на будто бы позорныя для Россіи условія мира ему не приходилось, и никакой ироніи нѣтъ въ его стихотвореніи. Замѣчательно, что такъ и поняла его націоналистически настроенная Кохановская («Степной дѣвтокъ на могилу Пушкина!—Русс. бесѣда» 1859 г., № 5, отд. III, стр. 55): «какимъ летомъ орла Пушкинъ тотчасъ покидаетъ свое художническое уединеніе и возвращается къ современной жизни общества, чуть что-либо великое народа русскаго отзовется въ ней... «Олеговъ щитъ» не великъ, но онъ вполне по нашей пословицѣ: малъ золотникъ да дорогъ. Какъ живо должно было быть чувство народной славы и народной гордости, чтобы въ вдохновенномъ представленіи поэта промелькнуло тысячелѣтіе нашей исторіи, и старый щитъ Вѣщаго Олега одинъ остановилъ насъ передъ Стамбуломъ». Кстати,—Пушкинъ далеко не былъ туркофобомъ и даже умѣлъ, перевоплотившись въ поэта-янычара Аминъ-оглу, найти на своей лирѣ струны сочувственныя Стамбулу, который «тягучи пынче славять, а завтра кованной пятаю, какъ змій сплздаго, раздавать»... (см. ниже, прим. къ № 642). Воспоминаніе объ Олеговомъ щитѣ вдохновляло не только Пушкина (см. также «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», 1822 г.), но и Рылѣева (дума «Олегъ Вѣщій»), и Тютчева (стихотвореніе «Олеговъ щитъ»).

Въ «Олеговомъ щитѣ» Н. Черняевъ видѣлъ ту сатиру, которую косвенно приписалъ Пушкину V. Fontanier въ книгѣ *Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français de 1830 à 1833*, Par., 1834 (она сохранилась въ библиотекѣ Пушкина—см. «II. и его соврем.», IX—X, 233—234), что вызвало извѣстный отвѣтъ поэта въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ». По словамъ Fontanier, «выдающійся поэтъ нашелъ въ подвигахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ, сюжетъ не для поэмы, а для сатиры». Пушкинъ же, отмѣчая дѣланный рядъ талантливыхъ шаговъ Паскевича, отвѣчаетъ: «Я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ

оказывать мнѣ лестное вниманіе.» Но Черняевъ не повѣрилъ Пушкину; съ нимъ согласился и П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», II, 466—467). «Трудно»—говоритъ Черняевъ—«допустить, чтобы Фонтанье говорилъ о сатирѣ Пушкина безъ малѣйшихъ основаній и не намекая при этомъ ни на одно изъ стихотвореній поэта. Ничего подобнаго сатирѣ на арзрумскій походъ Пушкинъ не писалъ. Но вѣдь Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала графа Паскевича и его дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны. Ходъ разсужденій Пушкина въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ» таковъ: «мнѣ приписывается сатира по поводу войны съ Турціей; я былъ свидѣтелемъ арзрумскаго похода, сдѣловательно Фонтанье приписываетъ мнѣ сатиру на арзрумскій походъ». Произвольность этого силлогизма очевидна, что, вѣроятно, сознавалъ и самъ поэтъ. Зачѣмъ же онъ прибѣгнулъ къ нему? Онъ хотѣлъ обезпечить себя отъ инсинуацій и выходовъ своихъ недоброжелателей, которые готовы были воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ императора Николая Павловича и возстановить противъ него графа Паскевича и другихъ сановниковъ государства. Оправдываясь отъ мнимаго обвиненія Фонтанье, поэтъ, вѣроятно, только дѣлалъ видъ, что не догадывался, на какое именно стихотвореніе намекалъ французскій писатель. Намекалъ же Фонтанье, по всей вѣроятности, на «Олеговъ щитъ», который, дѣйствительно, можно назвать съ нѣкоторой натяжкой сатирой, но поэту вовсе было нежелательно, чтобы графъ Дибичъ сталъ смотрѣть на «Олеговъ щитъ» какъ на сатиру. Вотъ почему Пушкинъ и свелъ полемикѣ съ Фонтанье на такую почву, на которой чувствовалъ себя неуязвимымъ». Однако, этотъ будто бы произвольный силлогизмъ вполне правиленъ. Черняевъ, не видѣвъ книги Fontanier, рѣшилъ: «Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала Паскевича и его дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны». Фонтанье именно это «утверждалъ; вотъ что писалъ онъ, заканчивая главу, посвященную арзрумскому походу Паскевича, надъ которымъ онъ зло издѣвался: «Ce résumé ne ressemble guère, je le sais, aux brillants rapports qui nous sont parvenus il y a quelque années; mais ces rapports ont été, pour les officiers instruits, un texte inépuisable de moquerie; et un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire» (стр. 251—252). Пушкинъ, конечно, долженъ былъ принять намекъ на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, онъ былъ единственный писатель, названный въ книгѣ Фонтанье (въ той же главѣ, стр. 241); намъ, какъ и Пушкину, неизвѣстна сатира, о которой Фонтанье говоритъ. Пушкину сплосъ да рядомъ приписывались ходившія по рукамъ сатиры и эпиграммы, что причинило ему много несправедливостей. Изъ книги Фонтанье видно, что сатира, о которой идетъ рѣчь, была направлена противъ Паскевича и написана по поводу арзрумскаго похода, свидѣтелемъ котораго былъ Пушкинъ, а не по поводу похода Дибича, т.-е., что Фонтанье вовсе не намекалъ на «Олеговъ щитъ», на который, къ тому же, и нельзя смотрѣть какъ на сатиру.

589. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы, съ датой: «4 окт.», находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его совр.—ки», IV, 11); это, конечно, тотъ самый автографъ, который былъ въ рукахъ П. В. Анненкова, передающаго, что въ немъ первоначальное заглавіе было: «Дорожные стихи» («Матеріалы для біогр. П.—на», изд. 2-е, стр. 211). Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., «Поэзія», стр. 47—48, безъ подписи и безъ указанія имени автора въ оглавленіи, по поводу чего Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 498) замѣтилъ: «причина, заставившая автора скрыть свое имя подъ Дорожными жалобами, намъ неизвѣстна. Кажется, ее слѣдуетъ искать въ журнальныхъ толкахъ, осуждавшихъ иронию и шутку въ поэзіи. Нѣкоторые журналы дѣйствительно возстали на пьесу, когда она вскорѣ послѣ Сѣверныхъ Цвѣтовъ напечатана была въ изданіи 1832 г.» (въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», ч. III, стр. 34—36). Въ альманахѣ и въ «Стихотвореніяхъ» пьеса датирована 1829 г.; Анненковъ («Матер.», I. с.) замѣчаетъ, что она, «можетъ быть, писана въ повозкѣ или на станціи»; однако, судя по датѣ, стихи, сложившіеся въ умѣ поэта, быть можетъ, дѣйствительно дорогой, были написаны въ Москвѣ, гдѣ онъ находился въ серединѣ сентября. «Замѣчательно, — вспоминалъ К. П. Зеленецкій («О художественно-національномъ значеніи стихотвореній Пушкина» — «Ж. М. Н. Пр.» 1855 г., ч. LXXXV, № 3, стр. 225), — что, когда это стихотвореніе появилось, многіе не поняли его высокой цѣны и отзывались о немъ даже съ какимъ-то презрѣніемъ. Между тѣмъ, къ какой глубокой, сердечной думѣ сведена здѣсь вся, по-видимому, самая прозаическая, обстановка этого небольшого произведенія, которое въ каждомъ стихѣ обличаетъ не какую-нибудь общую, а именно русскую жизнь; какъ поэтически высказано въ немъ раздумье, столь обычное почти каждому изъ насъ... Въ альманахѣ стихи 27—28 были: «объ отставкѣ, объ невѣстѣ, объ деревнѣ помышлять»; объ этихъ «помышленіяхъ» см. въ примѣч. къ №№ 606, 611. Въ ушаковскомъ альбомѣ Пушкинъ нарисовалъ полосатый дорожный столбъ съ надписью: «Отъ Москвы 235» (версты; см. Альб. Москвск. Пушкинск. выст. 1899 г., л. 21). Указывая, что «Дорожныя жалобы» «стоятъ въ тѣсной психологической и историко-литературной связи» съ «Зимней дорогой» 1826 г., Н. Ѳ. Сумцовъ («Харьковск. унив. сборн. въ память П.—на», Хар., 1900, стр. 201—202) говоритъ, что онѣ «богаты фактическимъ содержаніемъ. Въ этомъ стихотвореніи ясно обнаруживаются двѣ части — отрицаніе путешествій и восхваленіе домашней жизни. Подходили годы возмужалости, и Пушкина потянуло къ спокойной семейной жизни. Въ «Дорожныхъ жалобахъ» что ни куплетъ, то цѣлая біографическая страница. Въ первомъ же куплетѣ находится цѣлая исторія многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ путешествій Пушкина пѣшкомъ и верхомъ, что бывало преимущественно въ Михайловскомъ, въ телѣгѣ, — напр., на пути на югъ, по бѣлорусскому тракту, въ 1820 г., въ кибиткѣ, коляскѣ и каретѣ. У Пушкина встрѣчается нѣсколько описаній дороги, и всѣ они правдивы и художественны. Въ особенности выдается описаніе почтового тракта въ

седьмой главѣ «Евгенія Онегина»... Въ майской кн. «Почтово-телеграфнаго журнала» 1899 г. собрано все, что было написано Пушкинымъ о русской ямской и почтовой гонимѣ. По словамъ этого спеціального изданія, «Пушкинъ даетъ вполне определенное представленіе о русскихъ дорогахъ, ѣздѣ, станціяхъ, ямщикахъ и станціонныхъ смотрителяхъ первой половины XIX столѣтія... Особо мѣтко очерчены неудобства путешествій по Россіи въ старинное время, — переѣзды подѣ пестрыми казенными шлагбаумами у заставъ городовскихъ и сельскихъ, опасность встрѣтиться съ разбойниками, кишѣвшими въ крѣпостное время въ лѣсахъ и подѣ мостами, тягостныя высадки въ карантинѣхъ (то было время чумы и холеры), всякаго рода вѣшшія неудобства, вызывавшія многочисленныя жалобы въ мемуарахъ и даже въ поэзіи». Когда Пушкинъ писалъ эти строки, ему, конечно, вспоминалось недавнее (въ концѣ іюля) трехдневное сидѣніе въ карантинѣ въ Гумрахъ, по дорогѣ изъ Арзрума въ Тифлисъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V). По поводу трехсложнаго чтенія слова «шлагбаумъ» можно привести рассказъ А. Ѳ. Вельмана (сборн. А. Н. Майкова «П.—на», 1899 г., стр. 130—131): «заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся у съ краткою, должна и писаться правильно съ краткою, ибо письмо не должно измѣнять произношенію, я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе у съ краткою, и привелъ наобумъ слѣдующіе четыре стиха: Жуковский, Батюшковъ и Пушкинъ — Парнаса русскаго пѣвцы, Пафнутьевъ, Таушевъ и Сѣвпушкинъ — шестого корпуса писцы». — «Надѣ у не должно быть краткой, и — лишнее въ стихахъ; должно сказать: Пафнутьевъ, Таушевъ, Сѣвпушкинъ», кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи у — краткое, то и должно быть. Въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тишею я увѣрялъ, что у въ фамиліи Таушевъ то же, что краткое и, и что, слѣдовательно, въ стихѣ: Пафнутьевъ, Таушевъ и Сѣвпушкинъ и необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать у съ краткою». Въ автографѣ «Наполеона», указываетъ Майковъ (ib., 131, примѣч.) читается: «Померкло, солпце Австрелица», для избѣжанія краткаго у (см. также «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1448—1449).

Мясницкая — одна изъ главныхъ улицъ Москвы. Ярѣ — фирма ресторана, существующая до сихъ поръ; есть «лирическая сцена» И. К. Кондратьева «П. у Яра», М., 1887; см. Переписку П.—на, академич. изд., II, № 302. Ю. И. Айхенвальдъ обратилъ вниманіе на сходство «Дорожныхъ жалобъ» съ стихотвореніемъ «Во?» Гейне, быть можетъ, знавшаго эти стихи Пушкина («Литерат. Вѣстникъ», т. VI, 1903 г., кн. 7—8, стр. 308—309). Пьеса положена на музыку Н. И. Бахметевымъ, М. Бернардомъ («Памяти П.—на», Петербургск. унив.-сит. сборн., 1900 г., стр. 74).

590. ОБВАЛЪ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, по словамъ описанія которой («П. и его соврем.—ки», IV, 11), на лицевой сторонѣ автографа записаны, подѣ загла-

вѣемъ: «Обвалъ» (avalanche), три первыхъ строфы, съ помѣтой въ концѣ: «29 окт.», а на оборотѣ— двѣ послѣднія, съ припиской: «30», означающей, вѣроятно, 30-е октября. Впервые пѣса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 95—96, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 9—11, подъ 1829 годомъ. Такимъ образомъ, ее приходится датировать 29 и 30 октября 1829 г.; ссылаясь на ту же рукопись, Анненковъ («Матеріалы для біогра. П—на», изд. 1835 г., стр. 220) сообщилъ только первую помѣту. Оригинальное сочетаніе стиховъ (такъ же написано и «Эхо», 1831 г.) подсказало А. В. Дружинину догадку, что на Пушкина «производилъ великое впечатлѣніе» Робертъ Бернсъ: «память всегда казалось, что конструкція строфъ въ «Обвалѣ» (чисто бернсовская) не есть случайность» («А. С. П.—на и послѣднее изданіе его сочиненій» — «Библ. для чтенія» 1855 г., т. СХХХ, отд. III, стр. 74). В. И. Чернышеву («Замѣтки о языкѣ П—на» — «П. и его сопр.—ки», VI, 117—118) показалось подозрительнымъ предположеніе «вскеса волю»: «значитъ ли это — волюкса, тащился, медленно шелъ, или — былъ веденъ, былъ влеченъ при нѣкоторомъ сопротивленіи?... Почвы для недоумѣнія здѣсь нѣтъ: воля именно «влечется», медленно тащится, особенно если сопоставить его со скачущимъ конемъ. Во время своего кавказскаго путешествія Пушкинъ не только слышалъ объ одномъ изъ наиболѣе выдающихся горныхъ обваловъ, но самъ былъ свидѣтелемъ этого явленія. Онъ рассказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: «Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковыя случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалиясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ prorвался сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то онъ былъ ужасенъ! Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ. Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Этотъ обвалъ», сказалъ мнѣ г. Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно сбѣжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадей и мужа, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею». Весьма любопытное и остроумное толкованіе далъ пѣсѣ Л. И. Подиановъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (т. I, изд. 3-е, стр. 299—300). «Положеніе поэта на склонѣ къ Тереку. Онъ описываетъ обвалъ, бывшій близъ этого мѣста. Терекъ, главный предметъ описанія, изображенъ въ поэтическомъ олицетвореніи въ моментъ униженія («Вдругъ истощася»... и далѣе). Черты униженія и борьбы описаны въ явленіяхъ рѣки подъ снѣгомъ обвала: звуковъ ея (ревъ), силы напора водъ (упорный гнѣвъ), разлива ихъ (осирипѣвъ), брызговъ ихъ—подъ обледенѣвшимъ снѣгомъ. Въ послѣдней строфѣ — высшая степень униженія выражена въ описаніи пути черезъ обвалъ влущихъ по пемъ; въ этомъ ихъ описаніи также видимъ градацію: скачущій гордый конь,

проложившій черезъ рѣку дорогу, не такъ оскорбляетъ свободный Терекъ, какъ влекущійся волъ, и этотъ не такъ, какъ верблюдъ, служащій для выгоды купца, ведущаго его. Послѣдніе 2 стиха, какъ сильный контрастъ, изображають освобожденный Терекъ: сопоставленіе купца, (служителя низменнымъ, корыстнымъ дѣламъ) съ Золомъ (богомъ вѣтра), жильдомъ небесъ—служить для этого контраста.—Въ олицетвореніи Терека нельзя не видѣть чертъ характера тѣхъ непокорныхъ горцевъ, коимъ свойственъ такой взглядъ на торговлю и другія явленія жизни. Въ олицетвореніи сказались идеальныя черты дикаго народа, который, храня независимость, не выноситъ подчиненія власти, хотя бы и блестящей: «Оттолъ (т. е. съ блестящихъ вершинъ) сорвался разъ обвалъ» (строфа 2-я). — Поэтъ былъ пораженъ красотой явленія: отсюда его сочувствіе Тереку (стилистическое выраженіе этого сочувствія — форма обращенія къ нему, отъ этой строфы, гдѣ начинается описаніе его униженія и борьбы: «о, Терекъ!» vocativus ethicus). Разрушительная сила сопротивленія получила поэтическое выраженіе въ образѣ наводненія («затопилъ, осирѣпѣвъ, свои брега»). В. Е. Якушкинъ («О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 153—155) полагаетъ, что это объясненіе «совершенно невѣрно... Для всякаго читателя, думаемъ, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ, и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ... Случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся пѣса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегоріи». Однако, изъ черновой строфы «Кавказа» (см. выше, примѣч. къ № 585), гдѣ Пушкинъ сравниваетъ Терекъ съ «буинной вольностью», съ свободнымъ племенемъ, тоскующимъ подъ чуждою властью, видно, что Пушкинъ не такъ ужъ «просто описывалъ» природу и могъ придавать и «Обвалу» аллегорическій смыслъ. (См. примѣч. къ пѣсамъ «Аквилонъ» и «Туча»). Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислялъ «Обвалъ» къ лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина и называлъ его «образцомъ пушкинскаго описанія природы», «живописью въ поэзіи». Гривенчъ (Якубовичъ-Меньшинъ въ «Сборникѣ Русскаго Богатства», ч. II, Спб., 1900, стр. 69, 70) говоритъ о «величаво-простой, нѣсколько холодной живописи» этой пѣсы, гдѣ природа изображена безъ одушевляющаго ее челоука. А. А. Потебня («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 72), какъ бы предупреждая возможность различныхъ толкованій этой пѣсы, упоминаетъ ее, какъ примѣръ «поэтическихъ произведеній, которые могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію. Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ, болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только патуры глубокія». Въ расположеніи частей описанія въ пѣсѣ выдержана полная гармонія (Потебня, ib., 11; «Вопросы теоріи и психологіи творчества», т. II, вып. 2, Спб., 1910, стр. 13). Она два раза положена на музыку («Памяти П—на», Петерб. университ. сборн., 1900 г., стр. 88, 119).

Послѣдняя строфа, быть можетъ, отразилась въ «Спорѣ» Лермонтова.

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?...

(т. III, стр. 68).

Черновикъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румяндовскаго музея, л. 15—16, съ помѣтой: «2 ноября 1829» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., ноябрь, 347); въ немъ сказано: «что дѣлать мнѣ»... Съ той же помѣтой: «2-го ноября», напечатанной какъ бы въ видѣ заглавія, пьеса появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (ценз. довол. 20 дек. 1829 г.), стр. 66—68 (см. также оглавленіе, стр. VI), а затѣмъ вошла, съ той же датой, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 25—27. П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 1835 г., стр. 218—219) говоритъ, что пьеса была написана «въ деревнѣ», которую затрудняется назвать, указывая, что «нѣкоторый свѣтъ даетъ сдѣлующая приписка Пушкина къ одной главѣ «Онѣгина» (восьмой, выпущенной): «Моск. Павл. Болдино. 1829»... Можно полагать, что Пушкинъ проѣхалъ съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней и почти нигде не показывался... Стихотворенія, связанные съ Кавказомъ и его природой, написаны имъ въ теченіе сентября и октября мѣсяца 1829 г.—стало быть, посреди безпокойной, странствующей жизни и въ самыхъ хлопотахъ воляжа. Пьеса «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?» и затѣмъ «Зимнее утро» уже проникнуты поэзіей домашнего очага и сѣверной природы». Анненковъ не располагалъ нѣкоторыми свѣдѣніями, ставшими извѣстными лишь послѣ него, по въ общемъ не ошибся, хотя не могъ объяснить, что такое «Павл.» (Л. И. Поливановъ—см. его изданіе сочин. Пушкина, т. I, изд. 3-е, стр. 305—думалъ, что здѣсь разумѣются Павлищевы). Пріѣхавъ прямо съ Кавказа въ Москву въ серединѣ сентября (см. «Пушк. и его современники», XIII, 148; «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, 196) и пробывъ въ Москвѣ почти до середины октября, Пушкинъ побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ («Павл.»), Берновѣ и, вѣроятно, и въ Болдинѣ, что видно изъ указанія въ онѣгинской хронологіи («Тр. и дни П—на», 198—199; «П. и его современники», I, 86), и 10 ноября былъ уже въ Петербургѣ. Мнѣніе П. А. Ефремова (см. его послѣднее изд. сочин. П—на, т. VIII, 1905 г., стр. 305), что занимающая насъ пьеса написана въ Болдинѣ, вполне вѣрно. «Представленная въ стихотвореніи» — говоритъ Л. Поливановъ (l. c.) — «картина семейнаго дома, гдѣ поэтъ изображаетъ себя гостемъ, а не хозяиномъ, среди жизни, изо дня въ день идущей по налаженному пути, отъѣзжей полѣ, пріемѣ гостей, журналы и т. под., не соответствуетъ той обстановкѣ, которая могла окружать Пушкина въ Болдинѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ опустѣлый домъ и гдѣ жила въ одиночествѣ, лишенный (?) сосѣдей и журналовъ. Черты жизни, изображенные въ этомъ стихотвореніи, если уже искать въ нихъ біографическихъ намековъ, мало соответствуютъ и жизни Тригорскаго, двѣ—три черты которой, однако же, могли дать матеріалъ для этой картины (таковы «старые журналы сосѣда» и стихи 30—47). Сти-

хотвореніе остается просто типическою картиною великорусской помѣщичьей жизни». Подобныя черты зимней деревенской жизни у Пушкина разсыпаны въ разныхъ мѣстахъ. «У насъ зима», пишетъ подругѣ Лиза, героиня начатаго Пушкинымъ эпистолярнаго романа. «Въ деревнѣ c'est un évènement. Это вовсе переменяетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга». Впечатлѣніями 1824—1825 г.г., Тригорскаго и Михайловскаго («рѣчи въ уголку вдвоемъ... и фортепьяно вечеркомъ»—см. примѣч. къ № 399), воспоминаніями о П. А. Осиповой и объ Аниѣ и Евпраксии Вульфъ (можетъ быть, Анна и есть «дѣва русская») вбѣтъ отъ этой пьесы. (Ср. ниже, № 663: «лапаты, прче вешнихъ розъ, играютъ холодомъ и кровью...»). Тѣми же штрихами изображенъ въ «Онѣгинѣ» быть средней руки помѣщикомъ, съ ихъ разговорами «о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ»; съ той же ироніей описанъ въ «Графѣ Нулинѣ» выѣздъ барина на охоту. По поводу разсказа «о спорѣ съ рѣмой» см. выше, примѣч. къ № 566. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина и указалъ, что ея «послѣдніе стихи напоминаютъ своей фактурой антологическую пьесу Батюшкова». Чтецъ («П. и Батюшковъ») въ «Нов. Временіи», 1900 г., № 8890, даже указалъ у Батюшкова антологическую пьесу «Изъ Павла Силенціарія», гдѣ есть сходные стихи: «Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей, какъ сладко тайное любви наслажденіе!» (Впрочемъ, близость обоихъ стихотвореній другъ къ другу довольно сомнительна). По мотиву и обстановкѣ приближается къ пьесѣ Пушкина стихотвореніе П. О. Щербины «Зимнее чувство».

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

(т. III, стр. 69).

Черновикъ пьесы, съ помѣтой «3 ноября», находится въ 2382-й тетради московскаго Румяндовскаго музея, л. 16 об., вслѣдъ за черновикомъ предыдущаго стихотворенія. Впервые появилась она въ альманахѣ бар. Е. О. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село» на 1830 г. (ценз. довол. 2 декабря 1829 г.), стр. 1—2, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Роза Градій», М., 1830, стр. 21—23, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 28—30, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1829 г., вслѣдъ за стихотвореніемъ «Зима. Что дѣлать намъ»... «Этимъ произведеніемъ»—говоритъ Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 499)—«завершается рядъ портретическихъ картинъ, въ которыхъ Пушкинъ заключилъ разнообразнѣйшія впечатлѣнія своего пути и возвращенія въ деревню»; о пребываніи его въ Болдинѣ см. въ предыдущемъ примѣчаніи. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1835 г., стр. 218—219) указываетъ, что въ этомъ стихотвореніи, «проникнутомъ поэзіей домашнего очага и сѣверной природы», Пушкинъ замѣнилъ въ 24-мъ стихѣ «кона Черкаскаго»—«кобылкой бурой»,—«и такимъ образомъ изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельски-тихую картину». Надеждинъ въ «Вѣстн. Евр.» (1830 г. № 3, стр. 247—

248) плоско поиздѣвался надъ «Зимнимъ утромъ». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» — Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) причислилъ пьесу къ «лучшимъ задушевиѣйшимъ созданіямъ лирической музыки Пушкина» и въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, снова называя ее среди лучшихъ, привелъ ее, какъ доказательство, какимъ «блескомъ роскошной поэзіи облита его зима». На фонѣ зимняго пейзажа не разъ рисовалась ему женская любовь; см., напр., въ лидейскомъ «Посланіи къ Юдину», 1815 г., или второй и третьей строфѣ «Осени» «Какъ легкій бѣгъ сапей съ подругой быстръ и волею, когда, подъ собою согрѣта и свѣжа, она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!»... Только наканунѣ онъ писалъ (обѣ пьесы тѣсно связаны единствомъ настроенія и содержанія): «Какъ жарко подблудъ пылаетъ на морозѣ! Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!»

«Навстрѣчу сѣверной Авроры» — галлицизмъ (à la rencontre de l'Aurore), повторенный въ четвертой главѣ «Арапа Петра Великаго» («навстрѣчу Петра»); въ другихъ случаяхъ Пушкинъ употребляетъ дательный падежъ: «навстрѣчу утреннимъ лучамъ» (въ 3-й пѣснѣ «Руслана и Людмилы» и въ третьей пѣснѣ «Полтавы»). Первый стихъ пьесы напоминаетъ стихъ «Альбома Онѣгина»: «Морозъ и солнце! чудный день» (т. III настоящ. изд., стр. 326).

№ 593—98.

См. въ исторіи текста.

600. ЗАГАДКА.

(т. III, стр. 71).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ изданномъ бар. Е. О. Розеномъ и Н. М. Кошпинымъ альманахѣ «Царское Село» на 1830 г., стр. 4 (цензурное дозволеніе 2 декабря 1829 г.), а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 41; къ 1829 г. отнесена самимъ поэтомъ въ III ч. «Стихотворений». По словамъ бар. Е. О. Розена («Ссылка на мертвыхъ» — «Сынъ Отеч.», 1847 г., кн. VI, отд. III, стр. 16—18), первоначально у Пушкина была «просодическая неисправность во второмъ гекзаметрѣ; онъ былъ у Пушкина такъ: «Кто Славянинъ молодой, духомъ Грекъ, родомъ Германецъ?». Я замѣтилъ это Дельвигу, указавъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *а*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился. «Или покажите самому Пушкину, или напечатайте такъ, какъ есть! Что за бѣда? Пушкину простительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ!» Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой пѣснѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ! Въ послѣдней корректурѣ я не утерпѣлъ, понабѣлся, что Пушкинъ и не замѣтитъ такой бездѣлицы — и сдѣлалъ гекзаметръ правильнымъ! Тиснувъ, послалъ ему свой альманахъ и, нѣсколько дней спустя, самъ

прихожу. А онъ, впрочемъ довольно веселый, встрѣчаетъ меня замѣчаніемъ, что я пѣмѣнилъ одинъ изъ его стиховъ. Я прикинулся незнающимъ. Онъ дѣйствительно указалъ на поправку. Я возразилъ, улыбаясь, что дивная память его въ этомъ случаѣ ему измѣнила: «Такъ не было у васъ и быть не могло!» — «Почему?» — «Потому, что гекзаметръ былъ бы и неполный и неправильный: у третьей стопы не доставало бы половины, а слово «Грекъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть короткимъ слогомъ!» Онъ призадумался. — «Потому-то вы и поправили стихъ! благодарю васъ!» Тутъ мнѣ уже нельзя было не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ лидейскимъ товарищемъ. Пушкинъ не только не разсердился, но и налюбоваться не могъ, что перестановка двухъ его словъ составила въ третьей стопѣ чистый спондей, который такъ рѣдокъ въ гекзаметрахъ на новѣйшихъ языкахъ. Эта поправка осталась у него въ памяти. Долго послѣ того, во время холеры, когда онъ, уже женатый, жилъ въ Царскомъ Селѣ, я съ нимъ нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовилъ къ печати новый томъ его стихотвореній. Пушкинъ перебиралъ ихъ въ рукописи, читалъ инѣя вслухъ, въ томъ числѣ и «Загадку», и, указывая на меня, сказалъ при всѣхъ: «Этотъ стихъ баронъ мнѣ поправилъ».

«Я это рассказалъ» — прибавилъ потомъ Розенъ (ibid., кн. VIII, отд. VI, стр. 47) — «въ честь славнаго писателя, у котораго пѣтъ мелкаго самолюбія, даже въ отношеніи къ новичку». Разсказъ Розена, замѣтилъ В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. 4-я — «Современникъ» 1854 г., т. 47, крит., стр. 16), показываетъ, «до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ».

Извѣстно, какъ горячо любилъ Пушкинъ своихъ друзей, а особенно Дельвига. «Едва ли не Дельвигъ былъ между пріятелями ближайшая и постояннѣйшая привязанность его... Пушкинъ искренно вбросалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига», говоритъ Вяземскій (Сочин. VIII, 442). По словамъ А. П. Кернъ, они «цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другого. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ... Въ поэтической душѣ Дельвига была какая-то дѣтская ясность, сообщавшая собесѣдникамъ безмятежное чувство счастья, которымъ проникнуть былъ самъ поэтъ. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкинъ. Прочитавъ въ Одессѣ романсъ Дельвига: «Прекрасный день, счастливый день!..», въ которомъ такъ много ясности и счастья, онъ говорилъ, что почувствовалъ вполнѣ это младенческое изліяніе души Дельвига, и что самое стихотвореніе этого романса вѣрно передало ему всю свѣтлость чистаго чувства любви поэта. Онъ восхищался притомъ другими пѣсами Дельвига (сборн. А. Н. Майкова «И — пѣ», Спб., 1899, стр. 253, 259—260; «П. и его совр — ки», V, 140—147). «Идиллія Дельвига» — писалъ Пушкинъ еще при жизни друга, который изъ скромности отказался напечатать эту замѣтку въ «Сѣверн. Пчелѣхъ» 1828 г. (см. «Современникъ» 1846 г., т. 42, стр. 78; Соч. Плетнева, II, 194; «П. и его совр — ки», XII, 21) — для меня удивительны. Какую силу воображенія

должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмедкіе переводы, эту роскошь, эту цѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ; тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ!» Пушкинъ восхищался также его сопетамн, для которыхъ онъ «забывалъ гекзаметра священные напѣвы» (см. ниже, № 628). Въ своихъ воспоминаніяхъ о Дельвигѣ Пушкинъ писалъ, что уже въ своихъ первыхъ опытахъ «вдохновенный юноша» обнаружилъ «необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ». (Другія подробности объ ихъ отношеніяхъ см. ниже, въ примѣч. къ № 666). Чувство дружбы въ отъѣздахъ Пушкина о Дельвигѣ преобладаетъ надъ строгою справедливостію, и поставить своего друга на высокое мѣсто въ литературѣ Пушкину не удалось. Не успѣла «Загадка» появиться въ печати, какъ вызвала насмѣшки (см., между прочимъ, «Сѣверн. Меркурій» 1830 г., № 122, 10 октября, стр. 176, «Смѣсь») и надъ Пушкинымъ, и надъ бѣднымъ «Теокритовымъ», какъ прозывали Дельвига (см. С. Трубочевъ, «II. въ русской критикѣ», Спб., 1889, стр. 108). Пушкину, вѣроятно, самому пришлось прочитать въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» восходящаго Бѣлинскаго, что «пѣсенки Дельвига—поддѣлки подъ народный тактъ», что «Дельвига почитали нѣкогда огречившимся нѣмцемъ... de mortuis aut bene, aut nihil» (Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 354, 367). Впослѣдствіи Бѣлинскій не разъ повторялъ свой приговоръ о Дельвигѣ: «русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ они удобно могутъ быть припаты за народно-русскія пѣсни; въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но не замѣтно главнаго—греческаго содержанія жизни» (то же изд., VII, 37); «русскія пѣсни Дельвига столько же русскія, сколько, напр., идилліи г-жи Дезульеръ теокритовскія» (VIII, 286; см. также IX, 102). «Это была»—говорилъ Бѣлинскій (IX, 96)—«прекрасная личность, которую любили всѣ близкіе къ ней; Дельвигъ любилъ и понималъ поэзію не въ однихъ стихотвореніяхъ, но и въ жизни, и это-то ошибочно увлекло его къ занятію поэзію какъ своимъ призваніемъ; онъ былъ поэтическая натура, но не поэтъ». О самой «Загадкѣ» въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій сказалъ, что она «просто неудачна» (ср. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IX, 98). Эта пѣса, говоритъ С. Любимудровъ («Античные мотивы въ поэзіи А. С. П.—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 48), «дѣйствительно имѣетъ мало достоинствъ и по вычурности выраженія, и по отсутствію обычной силы и пластичности стиха».

601. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц[АРСКОМЪ] С[ЕЛѢ]. (т. III, стр. 72).

Черновики пьесы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 43—44, съ помѣтою «14 дек. 1829. С.П.Б.», находящейся между предпоследней строфой и послѣдней,—но первоначальный замыселъ относится, повидимому,

къ 1828 г., такъ какъ въ 2371-й музейной тетради, относящейся къ 1828 г., находимъ (л. 17 об.) отрывокъ, начинающійся стихомъ: «Какъ древле юный расточитель»... и соотвѣтствующій первымъ двѣнадцати стихамъ пьесы; онъ написанъ, вѣроятно, раньше «Полавы». Я. К. Гротъ («II. его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 24) связываетъ возникновеніе пьесы съ первымъ посѣщеніемъ Пушкинымъ Царскаго Села въ 1828 г., послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія; весною 1828 г. онъ посѣтилъ лицей, (ibid., 45, 275), но возможно, что бывалъ и раньше (1827 г.) въ Царскомъ Селѣ. Поэтъ оставилъ ее безъ окончательной отдѣлки, и впервые появилась она только въ Анненковскихъ «Матеріалахъ для біогра. П.—на», изд. 1855 г., стр. 231—232 (перепеч. въ «Современникѣ» 1855 г., февр., т. XLIX, отд. I, стр. 213—214), съ замѣчаніемъ, что этотъ «первый, невыправленный очеркъ представляетъ слабую тѣнь того, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлаться, если бы художническій рѣзецъ прошелъ еще разъ по немъ; однако же, и въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, онъ еще дорогъ по истинѣ чувства, по задуманному голосу, пробѣгающему въ первыхъ двухъ его строфахъ». Въ подлинникѣ нѣкоторыя исчерканныя мѣста съ трудомъ поддаются прочтенію; текстъ настоящаго изданія ближе къ нему, чѣмъ текстъ прежнихъ изданій; въ передачѣ Анненкова, еще испорченной, замѣтимъ, другими издателями, есть ошибки, хотя онъ и увѣрялъ: «только значительный навыкъ, приобретенный нами въ разборѣ рукописей Пушкина, помогъ намъ списать въ точности и сохранить это драгоценное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе». А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библиот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 50) видѣлъ въ немъ, въ связи съ другими упоминаніями о Царскомъ Селѣ у Пушкина («Евгеній Онѣгинъ», гл. 8, «Въ началѣ жизни школу помню я...») въ эпоху полнаго расцвѣта его генія, «пророчество» о «поэмѣ, въ которой мѣстомъ дѣйствія было бы Царское Село,—и посреди садовъ, такъ святыхъ для поэта, при блескѣ безчисленныхъ огней, въ толпѣ великихъ дѣятелей великаго времени, предстала бы памѣ тѣнь Жены, передъ которой склонялась вселенная! Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ душѣ Александра Сергѣевича зрѣлъ замыселъ подобнаго рода, замыселъ, свято хранимый, можетъ быть не повѣряемый никому до того благословеннаго часа, когда всему существу поэта предстояло задрожать подъ священнымъ налетомъ вдохновенія... Сомнѣваться въ существованіи такого замысла можно, такъ какъ никакими данными эта догадка не подтверждается, но эта пѣса, давая, при своей неотдѣланности, вполне дѣльное впечатлѣніе, является одною изъ лучшихъ главъ въ той лирической поэмѣ о Царскомъ Селѣ, которую создавалъ Пушкинъ отъ дней своего безмятежнаго расцвѣта въ садахъ лицей до тѣхъ тяжелыхъ дней, когда онъ, простиившись съ молодостію, приходилъ туда грустить о невозвратномъ быломъ. «Взгляните»—говоритъ Дружининъ (ор. с., 49—50),—«какъ сознаетъ Пушкинъ значеніе Царскаго Села въ отношеніи къ развитію своего дарованія, какъ всю жизнь свою онъ рвется къ тому мѣсту, гдѣ онъ «забывался поэтотомъ», какъ знаетъ онъ въ немъ каждую статую, каждую аллею, во сколькихъ видахъ является у него Царское Село, о которомъ онъ мечтаетъ и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и посреди табора

дыганъ, и въ перестрѣлкѣ съ турками, и въ своемъ сельскомъ домикѣ, одинъ справляя 19 октября, день основанія лидея! Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» онъ воспѣваетъ музу, явившуюся ему въ садахъ Великой Жены; проживая въ Петербургѣ, онъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село и, добравшись до тѣнистыхъ аллей, до дворцовъ, до бѣлыхъ статуй между зеленью, забываетъ все горе своей жизни!.. Ребенокъ, убѣгающій отъ наставницы «въ великолѣпный мракъ чужого сада»,—самъ Пушкинъ; поэтъ, бѣгушій «въ широкошумныя дубовы», когда божественный глаголъ вдохновенія касается его чуткаго слуха,—опять-таки Пушкинъ, рвущійся къ поэтическому мѣсту своего воспитания». Здѣсь онъ могъ повторить: «исчезаютъ заблужденія съ измученной души моей, и воскресаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Въ 1828—29 г.г. Пушкинъ переживалъ тяжелый душевный кризисъ: «Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?—тоскливо спрашивалъ онъ и жаловался: «дѣли нѣтъ передо мною, сердце пусто, празденъ умъ». Апатія грозила овладѣть имъ: «бурной жизнью утомленный, равнодушно бурю жду»... «Волненьемъ жизни утомленный, оставя заблужденій путь», онъ то мечталъ о мирѣ и покоѣ безстрастнаго созерцательнаго существованія («Монастырь на Казбекѣ»), для котораго вовсе не былъ созданъ, то оплакивалъ свою юность «утраченную въ праздности, въ неистовыхъ пиррахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», и, перечитывая длинный свитокъ воспоминаній, смирялся передъ величіемъ и красотою идеала, который неизмѣнно носилъ въ душѣ и благородно переосвѣщивалъ тяжесть своихъ грѣховъ. «Царско-сельскія хранительныя сѣни» приводили ему на память «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», когда онъ мечталъ быть не такимъ, какимъ созналъ себя впоследствии. Для насъ Пушкинъ прекрасенъ и въ нашихъ глазахъ оправданъ всей правдой и красотой своей поэзіи и своей жизненной драмой, но самъ онъ судилъ себя инымъ судомъ, судомъ личной совѣсти: «Можно ли не подвигнуться душою, прослушавъ этотъ голосъ, поразительной скорбью, жаромъ и глубокой поэзіей души!» говоритъ Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина» «Русс. Бесѣда» 1859 г., т. V, отд. III, стр. 76). Пушкинъ тогда еще не созналъ высокой цѣнности своей поэтической личности, не созналъ еще, что «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», а въ данномъ случаѣ взглянулъ на свою жизнь какъ на неудавшуюся. Ему не только казало, что онъ попрахъ нравственный идеалъ. Окидывая взоромъ свое прошлое, онъ увидѣлъ въ немъ рядъ неудачъ, изъ которыхъ самой горькой было сердечное одиночество. Его душу жгла неизгладимая память великой любви, «таинственной и унылой», «непризнанной», «отверженной и вѣчной». Еще недавно онъ отвержалъ безплодные увлеченія Олениной и Закревской, а теперь, вѣчный искатель любящаго сердца, онъ мечталъ о Гончаровой. И за всѣ эти «недоступныя мечты» онъ платилъ лучшими сокровищами своей души. Какъ же непохожи были эти мучительныя переживанія на «мечтанья смутныя» нѣжнаго отрочества, съ его безпечностью и радостями пробуждающагося творчества «въ таинственныхъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, близъ воды, сѣвшихъ въ тишинѣ!»... Равнодушная дремота знакомыхъ долинъ, клики старыхъ лебедей, сіяніе тихихъ водъ—вся эта обстановка слишкомъ

живо напоминала несчастному поэту о невозвратномъ счастьѣ. Его тогдашнія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были только историческими воспоминаніями; собственнаго прошлаго у него еще не могло быть,—теперь къ нимъ примѣшались и возобладали надъ ними личныя и душевныя переживанія. Чувствительный къ историческимъ воспоминаніямъ, Пушкинъ въ числѣ царско-сельскихъ памятниковъ снова нашелъ одинъ, бывшій для него возбудителемъ семейной гордости,—колонну съ надписью: «Побѣдамъ Ганнибала», (Ив. Абр.) дяди его матеря, «предъ кѣмъ среди гибельныхъ пучинъ громады кораблей всплыла, и палъ впервые Наваринъ» (см. № 641). «Перунъ кагульскихъ береговъ»—гр. П. А. Румянцевъ, разбившій въ 1770 г. при Кагулѣ, съ 17000 войска, 150-тысячную турецкую армию (см. №№ 216, 326). «Вожь полудоннаго флага» и «братъ его, герой Архипелага»,—гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій и гр. Ф. Г. Орловъ, участникъ боя при Чесмѣ и побѣдитель турецкой эскадры при о. Гюдрѣ (въ честь перваго брата въ Царскомъ Селѣ, среди пруда, воздвигнута columna rostralis; второму также поставленъ памятникъ). Державинъ въ одѣ на кончину Ф. Орлова назвалъ его: «орелъ изъ стаи той высокой»; это выраженіе могло подсказать Пушкину образъ «Екатерипиныхъ орловъ»; Кутузова (см. № 677) Пушкинъ называлъ совсѣмъ по державински—последнимъ «изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» (см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I. 507). Такъ же чутко, какъ Пушкинъ, вникалъ въ этотъ голосъ прошлаго другой великій поэтъ, Тютчевъ, бывая въ Царскомъ Селѣ: здѣсь бывшее чудно вѣетъ обаяніемъ своимъ... здѣсь великое бывшее словно дышитъ въ забытыя... («Тихо въ озерѣ струится»...; также «Осенней, поздней порой»...). У Фета есть пьеса «Въ саду», въ которой ясно слышится реминисценція изъ стихотворенія Пушкина.

602. ПОБѢДМЪ, Я ГОТОВЪ...

(т. III, стр. 74).

Черновой автографъ, съ помѣтой «23 дек.», находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 25; по указанію П. А. Ефремова (см. его изданіи Сочин. П., 1880 г., II, 429; 1882 г., II, 414; т. VIII, 1905 г., стр. 306), существуетъ еще одна цензурная рукопись пьесы, принадлежавшая В. П. Гаевскому (теперь Александровскому лицію). Въ музейной рукописи послѣ хронологической помѣты слѣдуетъ еще стихъ: «Но полно,—разорву оковы я любви»... («Русс. Стар.» 1884, ноябрь, 350). Впервые пьеса появилась въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., т. III, № 11, стр. 194—195, подъ заглавіемъ «Элегическій отрывокъ» и съ помѣтой 23 декабря 1829 г., а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», стр. 21, безъ заглавія, замѣненнаго въ оглавленіи книги (стр. 207) подзаголовкомъ: «Элегическій отрывокъ», и безъ даты, съ отнесеніемъ къ 1829 г. Текстъ въ обоихъ изданіяхъ одинаковъ, за исключеніемъ 4-го стиха, гдѣ было первоначально: «недвижнаго Китая». Стихотвореніе вполнѣ автобіографично. Оно относится къ той порѣ, общій характеръ которой Анненковъ («Матеріалы для біографіи П — на» изд. 1855 г., стр. 248) вѣрно опредѣляетъ: «исканіе цѣли для своего существованія, выхода изъ обыкновенной все-

дневности, и невозможность избѣжать волненій жизни, которыя и томили, и привлекали его; естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли были неисполнимые (?) предположенія и замыслы. Въ это время (7 января 1830 г.) онъ писалъ А. Х. Бенкендорфу: «не будучи еще ни женатъ, ни опредѣленъ въ службу, я желалъ бы совершить побѣдку во Францію либо въ Итацію, но если бы на это не послѣдовало разрѣшенія, то я просилъ бы позволенія посѣтить Китай въ составѣ посольства, которое туда отправляется. Николай Павловичъ на всѣ эти просьбы отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ побѣдка въ Европу должна была «разстроить денежные дѣла» Пушкина и «въ то же время отвлечь его отъ занятій», а командированіе къ посольству въ Китаѣ будто бы было невозможно за заполненіемъ штата и необходимостью предварительнаго соглашенія съ пекинскимъ дворомъ (Переписка П.—на, акад. изд., №№ 400, 404). «Надменная», «гордая дѣва», П. Н. Гончарова, за которую онъ тогда сватался (въ маѣ 1829 г. онъ добился только права «надѣяться»), вскорѣ стала его невѣстой (въ апрѣлѣ), и онъ оставилъ свои мечты о заграничномъ путешествіи, лишь мысленно переносясь иногда въ «Египетъ колоссальный», или на «Кавказъ величавый», или къ скаламъ Шотландіи... (см. въ III, т. стр. 86—87). Несомѣнно, побѣдка за границу была бы ему очень полезна и дала бы ему не только впечатлѣнія иной природы. Когда онъ однажды между пріятелями горячо «русофилиствовалъ и громилъ западъ», А. П. Тургеневъ, передаетъ Вяземскій (Соч., VIII, 168), сказалъ ему: «а знаешь ли что, голубчикъ,—сбѣди ты хоть въ Любекъ»; Пушкинъ расхохотался...» (ср. Соч. Вяземскаго, X, 27). Еще въ Одессѣ, потомъ въ Михайловскомъ, онъ собирался бѣжать за границу (см. примѣч. къ №№ 385, 387, 417). Въ 1825 г. онъ просилъ позволенія сбѣдить за границу полѣчиться, а получилъ разрѣшеніе лѣчиться въ Псковѣ; въ 1829 г. онъ побывалъ съ русскими войсками въ Арзрумѣ, что, собственно, не могло и считаться заграничной побѣдкой, и получилъ за самовольную отлучку рѣзкій нагоняй отъ правительства, въ то же время не переставшаго слѣдить за нимъ. Тѣ страны, о которыхъ мечталъ онъ на рубежѣ 1829—1830 гг., и которыя названы въ письмѣ къ Бенкендорфу, упоминаются и въ стихотвореніи—Китай, Франція, Итація.

Интересъ Пушкина къ Китаю былъ не случайный. Въ его библиотекѣ сохранились книги о Китаѣ, подаренныя ему извѣстнымъ лакиномъ Бичуринымъ, знатокомъ и поклонникомъ китайской культуры («П. и его соврем.—кн. IX—X, №№ 267, 347; см. также №№ 139, 581, 591, 596, 756, 1426, 1491, стр. 362). Въ музеѣ казужской архивной комиссіи И. А. Щеголевъ («Три дня въ городѣ Калугѣ»— Новое Время 1900 г., № 8830; также «Подвижникъ слова», СПб., 1909, стр. 36) видѣлъ списокъ книгъ, которыми пользовался Пушкинъ во время своего пребыванія у Гончаровыхъ, въ Подольномъ Заводѣ; въ немъ значатся двѣ книги о Китаѣ. «Богдыханы» названы имъ въ числѣ своихъ «знакомцевъ давнихъ, плодотворъ мечты» въ черенѣхъ поэтическихъ видѣній, содержащемся въ «Осени». Послѣ этого можно повѣрить разсказу А. О. Смирновой («Записки», I, 45) о слѣдующемъ разговорѣ съ Пушкинымъ: «я спросила его: неужели для его счастья необходимо видѣть фарфоровую башню и великую стѣну? что за идея смотрѣть китайскихъ божковъ?

Онъ увѣрилъ меня, что мечтаетъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ «Китайскаго сироту», въ которомъ нѣтъ ничего китайскаго; ему хотѣлось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тѣмъ Вольтера». См. также замѣтку З. «Дѣйствительно ли П.—къ интересовался Китаемъ?» («Нов. Время» 1900 г., № 8832). Еще больше манила его, конечно, Европа, и особенно Парижъ. Сидя въ Михайловскомъ, онъ писалъ Вяземскому: «Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугуныя дороги, паровыя корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и ..... то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится—ай да умница!» (Переписка П.—на, акад. изд., I, 352). «Для полного счастья»—писалъ въ некрологѣ о Пушкинѣ Леве-Веймарсъ («Journal des Débats».—см. «Русск. Стар.» 1900 г., январь, 78)—«Пушкину недоставало только одного: онъ никогда не бывалъ за границей. Въ первой юности препятствіемъ къ его путешествію по Европѣ служилъ его пылкій образъ мыслей, а впоследствии его не выпускали изъ Россіи семейныя обстоятельства. Съ какимъ страданіемъ во взглядѣ упоминалъ онъ въ разговорѣ о Лондонѣ и въ особенноти о Парижѣ! Съ какимъ жаромъ отзывался онъ объ удовольствіи посѣщать знаменитыхъ людей, великихъ ораторовъ, великихъ писателей! Все это оказалось грезами, съ которыми ему пришлось разстаться прежде ихъ осуществленія». О томъ, какъ стремился онъ въ Итацію, мы уже говорили (въ примѣч. къ №№ 505, 519); см. также «Записки» Смирновой, I, 90—91. Стихъ «Гдѣ Тасса не поетъ уже почной гребецъ» (см. послѣдніе два стиха XLVIII-й строфы 1 гл. «Онѣгина») напомнилъ П. О. Морозову (Соч. П., изд. «Просвѣтъ», II, 419, 469) стихъ Байрона: «In Venice Tasso's echoes are no more». Своеобразное употребленіе прилагательнаго «мучительный», въ данномъ случаѣ примѣннаго къ дѣлѣ, у Пушкина встрѣчается не разъ; Байрона онъ называетъ («Гречанкѣ», 1822 г.) «поэтъ мучительный и милый»; тѣмъ Ризничъ—«мучительная тѣнь» («Евгеній Онѣгинъ», гл. 6, вар.); «мучительное лицо проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона» (замѣтка о «Полтавѣ»).

Общимъ тономъ и простотой, съ которою Пушкинъ разсказываетъ о своей любви, отрывокъ напоминаетъ пьесу 1828 г. «Каковъ я прежде былъ»... Възникъ въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ его къ антологическимъ стихотвореніямъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

603. БРОЖУ-ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

(См. въ исторіи текста.)

604. БЛАГОСЛОВЕНЪ И ДЕНЬ, И ЧАСТЬ...

(т. II, стр. 75).

Автографъ этого наброска, впервые напечатаннаго въ «Русс. Старинѣ», 1884 г., ноябрь, 371, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 106, и воспроизведенъ въ «Русс. Вѣстникѣ» 1899 г., июнь, 387, а также на указанной страницѣ настоящаго изданія; на той же страницѣ музейной тетради изображены горы, черкесъ, черкешенка, головы Павла I, Александра I, Наполеона и самого поэта въ папахѣ, и приписана помѣта: «25 мая Коби». Ночь съ 24 на 25 мая 1829 г. и слѣдующее утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Коби (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ» и «Труды и дни П-на», изд. 2-е, стр. 188). По какому поводу созданъ набросокъ, судить трудно. Е. Г. Вейденбаумъ («П-нъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, (677) пытается связать его единствомъ внутренняго мотива съ пьесой «На холмахъ Грузіи»... (см. выше, примѣч. къ № 576).

605. БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОЙ НОВЫЙ ПУТЬ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого обрывка, еще неизвѣстный въ печати, находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Онъ набросанъ на лоскутѣ бумаги и носитъ помѣту: «[Д]ушетъ 27 мая», благодаря чему легко устанавливается годъ—1829-й; ночь съ 26 на 27 мая и утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Душетѣ (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ», «Труды и дни П-на», изд. 2-е, стр. 189). Быть-можетъ, набросокъ стоитъ въ связи съ предыдущимъ: «Благословенъ и день, и часть»...

606. И ЧУВСТВУЮ—ДУША ВЪ СЕИ ЧАСТЬ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107. Впервые онъ напечатанъ П. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 346) въ числѣ тѣхъ не датированныхъ «чисто-лирическихъ звуковъ», въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ, души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта, и которые были «писаны въ разное время, и въ дѣлѣ стихотвореній настоящее мѣсто ихъ было извѣстно только самому автору... Есть между ними такіе, которые не тронуты съ минуты ихъ изложенія. Пушкинъ, вѣроятно, забылъ объ нихъ, вмѣстѣ, можетъ быть, съ чувствами, возбудившими поэтическую мысль. Поблѣкшие отъ времени и пренебреженные самимъ авторомъ, они сохранились въ бумагахъ его, какъ сохраняется у знаменитаго художника старый рисунокъ его, на который, при случаѣ, онъ броситъ взглядъ съ участіемъ»... Въ болѣе вѣрной передачѣ напечатанъ набросокъ въ «Русс. Старинѣ», 1884 г. ноябрь,

371. Въ изданіяхъ Г. Н. Геннади (1859 г., I, 602, 1870 г., I) онъ, какъ у Анненкова напечатанъ безъ даты, П. О. Морозовъ въ изданіи литерат. фонда (I, 232), Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академич. изд., сочин. П.», 77) и П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ сочиненій П—на (1880 г., I, 326; 1882 г., I, 509; 1902 г., I, 379; см. также «А. С. П.—нъ въ его поэзіи» А. Незеленова, Спб., 1882, стр. 67). отнесли его, думая что онъ вызванъ «юрзуфскими» воспоминаніями, къ 1820 г. Однако, судя по положенію его среди другихъ черновиковъ и по весьма вѣроятному предположенію о связи его съ записаннымъ на слѣдующей страницѣ рукописи черновикомъ пьесы «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла».. его нужно отнести къ маю 1829 г. На эту связь указалъ В. Е. Якушкинъ («О П.—нѣ», М., 1899, стр. 132), въ разборѣ «Матеріаловъ» Л. Н. Майкова и книги Шляпкина («Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.», 1903 г., № 66) еще разъ и опредѣленнѣе высказавшійся: весьма вѣроятно, что набросокъ «И чувствую» имѣетъ прямое отношеніе къ элегіи, находящейся на оборотѣ: «Все тихо, на Кавказѣ идетъ ночная мгла»... и помѣченной 15 мая. Во всякомъ случаѣ, по указаніямъ рукописи мы должны признать, что данный набросокъ написанъ въ 1829 г., и что въ немъ отражаются воспоминанія не о Гурзуфѣ и М. (?) Н. Раевской, а воспоминанія на Кавказѣ о Москвѣ и о Гончаровой (?) (Насколько послѣдняя догадка заслуживаетъ довѣрія см. выше, примѣч. къ № 576). Присоединился къ этому указанію П. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. П.—на», Спб., 1903, стр. 8).

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫНЪ ГРАЖДАНИНЪ...

(т. III, стр. 76).

«Въ Арзрумѣ, 14 іюня (1829 г.) промелькнула въ головѣ (Пушкина) мысль, не оставившая потомъ никакого слѣда», говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (I, 222), впервые печатая не совсѣмъ точно и полно этотъ набросокъ, въ болѣе исправной и полной редакціи появившійся въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 357, съ подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 103. Обыкновенно онъ датируется издателями такъ: «14 іюля, Арзрумъ, баня, чума», по эта помѣта стоитъ надъ стихотвореніемъ и, конечно, относится не къ нему, а къ путевому журналу и означаетъ день, когда Пушкинъ, находясь въ Арзрумѣ, посѣтилъ баню и узналъ, что въ городѣ появилась чума; объ этомъ см. пятую главу «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ повторена эта дата—14 іюля (у Анненкова «іюня» описка или опечатка); см. «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 190, 193; «Русс. Стар.», 1880 г., июнь, 320. Но на той же страницѣ рукописи, рядомъ съ пьесой, стоитъ другая помѣта—16 іюня, которую можно считать ея точной датой. Эпитетъ «роскошный гражданинъ» уже былъ однажды употребленъ Пушкинымъ также въ примѣненіи къ деиди древности—именно къ Овидію, котораго онъ въ извѣстной пьесѣ 1821 г. называлъ: «Златой Итали роскошный гражданинъ». Имя Критона Пушкинъ далъ впоследствии другому своему изысканому античному герою: одинъ изъ принимающихъ пѣлннтельно-ужасный вызовъ Клеопатры, въ «Египетскихъ почтахъ»,—«Критонъ, молодой му-

дрець, рожденной въ рощахъ Эпикура, Критонъ поклонникъ и пѣвецъ Харитъ, Киприды и Амура»... Таковъ, повидимому, и герой разсматриваемой пьесы, который тоже «во цвѣтѣ жизни предавался всѣмъ упоеннымъ бытію». Повидимому, она не должна была носить антологическій характеръ, а была приступомъ къ развитію болѣе сложнаго замысла, о которомъ можно лишь смутно догадываться. Керамикъ—площадь въ Афинахъ.

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ...

(т. III, стр. 76).

Впервые пьеса была напечатана П. В. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 222), въ числѣ «нѣсколькихъ бѣглыхъ мыслей, навѣянныхъ случаемъ, встрѣчей, минутной вспышкой вдохновенія» и сохранившихся въ тетрадяхъ Пушкина время путешествія 1829 г. на Кавказъ. Она не вошла въ отдѣланную редакцію; варианты сообщены въ «Рус. Стар.» 1884 г., ноябрь, 357—358, съ подлинника находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 103, а также л. 102 об. (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). По поводу происхожденія пьесы Анненковъ говоритъ: «на обратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ тридцать человѣкъ линейныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на сѣбю. Привѣтственные выстрѣлы изъ пистолетовъ загрѣмѣли съ обѣихъ сторонъ въ знакъ радости, а потомъ земляки наскоро обмѣнялись новостями, которыя впустили Пушкину нѣсколько строчекъ»... Здѣсь Анненковъ пересказалъ содержание одного, не включеннаго, но цензурнымъ, конечно, условіямъ, въ «Путешествіе въ Арзрумъ» отрывка, гдѣ описывается встрѣча двухъ казачьихъ отрядовъ. Разговоры и разспросы земляковъ о домашнихъ дѣлахъ, обѣщаніе казака, который узналъ, что ему измѣнила оставшаяся дома жена, побить виновницу, а «коли сѣна на зиму припасла, такъ и простить», навели поэта на размышленія «о простотѣ казачьихъ нравовъ» (В. Е. Якушкинъ, «О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 172—174), и плодомъ этихъ, можетъ быть, мыслей явилась граціозная, веселая пьеска, написанная въ рѣдкой у Пушкина куплетной формѣ. Л. И. Полнвановъ (см. его изданіе сочин. Пушкина, I, изд. 3-е, 294) рѣшилъ, что она «написана во второй половинѣ іюля, на возвратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ», но такъ какъ этого не видно ни изъ самого стихотворенія, ни изъ упомянутаго прозаическаго отрывка, который Анненковъ, по словамъ П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. П., 1903 г., V, 225), «переписалъ, не обозначивъ, однако, мѣста, къ которому онъ принадлежалъ» (у Ефремова онъ присоединенъ почему-то къ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»; см. Е. Г. Вейденбаумъ «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 678), то, за невозможностью ни судить о времени описанной Пушкинымъ встрѣчи казачьихъ отрядовъ, ни категорически считать пьесу вытекшей изъ впечатлѣній этой встрѣчи, ее, по изложеннымъ соображеніямъ и по положенію автографа въ черновой тетради, нельзя датировать точнѣе, какъ второй половиною 1829 года. Она положена на музыку Л. Ф. Энгелемъ («Памяти П.—па, Петербургск. универс. пунк. сборн.», 1900 г., стр. 70). См. также предыдущее примѣчаніе.

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВИЦА...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого черноваго наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 101 об.; и, судя по положенію его среди другихъ черновиковъ, относится къ началу осени 1829 г.; впервые онъ былъ напечатанъ, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 358. Создался онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ казачьимъ бытомъ и пѣснями и сообщеній казачьихъ станицъ въ 1829 г., по дорогѣ съ Кавказа на сѣверъ. См. также слѣдующее примѣчаніе.

610. ЗОРЮ БЬЮТЪ...

(т. III, стр. 76).

Впервые напечаталъ это «стихотвореніе, порожденное внезапнымъ звукомъ военной зоры, поразившимъ поэта», П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., I, 223). Подлинникъ находится въ 2382-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 104 об.; варианты приведены въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 370. Анненковъ и вслѣдъ за нимъ всѣ другіе издатели относятъ пьесу къ 1829 г.; эта датировка оправдывается положеніемъ автографа въ черновой тетради. Нѣсколько точнѣе можно датировать ее второю половиною года. Съ собою на кавказскомъ театрѣ войны Пушкинъ возилъ нѣсколько книгъ (см. М. В. Юзефовичъ «Памяти Пушкина» — «Русс. Арх.» 1880 г., III, 444); въ числѣ ихъ, можетъ быть, находился и Данте. Въ его библиотекѣ сохранилось нѣсколько изданій Данте въ подлинникѣ и во французскихъ переводахъ, въ числѣ послѣднихъ—римованное переложеніе, изданное въ 1596 г.—быть можетъ, тотъ самый «ветхій Данте», о которомъ говоритъ поэтъ, если считать эпитетъ «ветхій» приложеннымъ къ старинному изданію, а не къ самому поэту XIII вѣка; есть изданія 1828 и 1829 г., остальные позднѣе (см. «П. и его современники, IX—X, стр. 217—219). «Выраженіе «Начатый стихъ» — говоритъ В. Я. Брюсовъ («Зналъ ли П. по-итальянски?» — «Русс. Арх.», 1908, III, 585) — «позволяетъ думать, что Пушкинъ читалъ Данте по-итальянски. Въ рукахъ Пушкина могло быть одно изъ многочисленныхъ французскихъ изданій Данте, дающихъ французскій переводъ Комедіи и итальянскій текстъ en regard; но все же надо полагать, что въ важныхъ мѣстахъ Пушкинъ справлялся съ подлиннымъ стихомъ поэта». Во всякомъ случаѣ въ библиотекѣ Пушкина нѣтъ ни одного изданія въ двойномъ текстомъ; въ упомянутомъ старинномъ французскомъ стихотворномъ переводѣ нѣтъ итальянскаго текста. Конечно, у Пушкина могъ быть экземпляръ другого изданія, намъ неизвѣстнаго. Пушкинъ, разсказывается «въ запискахъ А. О. Смирновой (т. I, 1895 г., стр. 185), «бралъ съ собою «Божественную комедію» въ Эрзерумъ и читалъ ее часто у себя въ палаткѣ, освѣщенной огаркомъ, вставленнымъ въ бутылку. Онъ говорилъ, что въ то время чтеніе это производило на него совсѣмъ особенное успокоительное впечатлѣніе. Зрѣлище войны возбуждало его, голова его горѣла, а величіе Данте, который самъ былъ одно время солдатомъ, успокаивало его пылающую голову»; впрочемъ, зная рецензъ составленію

смирновскихъ записокъ, можно думать, что это «воспоминаніе» просто сочинено именно по Анненкову и собранію произведеній Пушкина. Если 5-й стихъ нужно читать дѣйствительно «Умъ далече улетаетъ», то онъ напоминаетъ стихъ изъ эпилога «Руслана и Людмилы»: «Умъ улеталъ за край земной». Къ барабанному бою «зори» Пушкинъ привыкъ еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ до него всегда доносились эти звуки изъ казармъ или съ дворцовой караульни. Слышая ихъ на Кавказѣ, онъ тепло и благодарно вспомнилъ свои юношескіе годы, когда онъ «тихо развивался», «въ садахъ Лицея безмятежно расцвѣталъ». Объ отношеніяхъ Пушкина къ Данте см. ниже, примѣч. къ № 693.

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ...

(т. III, стр. 76).

Испещренный множествомъ поमारокъ, трудно поддающийся прочтенію черновой набросокъ этой пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 27. Часть стиховъ впервые была напечатана въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 351—352, а нѣсколько болѣе полный, хотя тоже не совсѣмъ исправный текстъ далъ П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (II, 85—86), отнесшій пьесу къ концу 1829 г., такъ какъ въ музейной тетради ей предшествуютъ и за нею слѣдуютъ наброски «Брожу лия вдоль улицъ шумныхъ»... Осторожнѣе будетъ датировать пьесу не столь опредѣленно—концомъ 1829 или началомъ 1830 г. Текстъ ея и въ настоящемъ изданіи, естественно, не можетъ считаться вполне точнымъ (см. въ общей статьѣ о текстѣ). Пьеса есть довольно близкій къ подлиннику переводъ первыхъ 32 стиховъ «Hymn to the Penates» Роберта Соути (изъ него Пушкинъ перевелъ также «Родрига», см. ниже, № 734), но не только переводъ, а еще интимно-лирическое выраженіе зачатыхъ чувствъ и думъ самого Пушкина. Отъ нея, говорить не зная, что она есть переводъ, С. Любимудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П-на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 39—40), «вѣетъ чисто-античнымъ духомъ... Вчитываясь въ это стихотвореніе, невольно проникаешься изумленіемъ, до какой степени Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, былъ способенъ усвоить себѣ чисто-древне-эллинское мировоззрѣніе. Кажется, будто читаешь произведеніе какого-нибудь поэта-философа времени Сократа, когда народная мифологія перестала уже удовлетворять пылкую фантазію, когда остывшая вѣра подернулась уже туманомъ скептицизма, и мысль передовыхъ людей тѣтено старалась создать своихъ боговъ и подыскать для нихъ новую генеалогію. Правда, въ приведенномъ отрывкѣ съ чисто-филологической точки зрѣнія встрѣчается непростительный промахъ—перенесеніе римскихъ «пенатовъ» въ греческую мифологію, но эта вольность или неточность, кстати сказать, встрѣчающаяся даже у архи-язычника Гете, въ значительной степени выкупается такими чисто Гомеровскими эпитетами, какъ: «совѣтники Зевеса», «волокая Гера», «мудрая богиня, дѣва силы, Аѳинская Паллада». Посвященіе гимна богамъ домашняго очага имѣетъ особыя причины, кроющіяся въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни поэта. Извѣстно, съ какими чувствами похваля-

онъ въ 1829 году на Кавказѣ. Увлеченіе Гончаровой, неопредѣленный отвѣтъ, не дававшій ни надежды, ни отказа вызвали въ немъ еще сильнѣе потребность тихаго семейнаго счастья, исканіе своего собственнаго семейнаго очага... Поэтъ предается мечтамъ о своемъ прошломъ: онъ вспоминаетъ «свое изгнаніе», «свою пустынную жизнь»,—и образъ «святаго пепелища» возстаетъ передъ нимъ съ неудержимой силой. Невольно воображеніе переноситъ его въ родное Михайловское, гдѣ вдали отъ «стада людскаго» онъ предавался уединенной работѣ мысли «бесѣдуя одинъ съ самимъ собой» и учась не полагаться на мнѣнія толпы, но «читать самого себя», уважалъ свое собственное человѣческое достоинство». Часть этихъ замѣчаній приходится отнести къ Соути, по не подлежащая сомнѣнію, что Пушкинъ нашелъ у англійскаго поэта выраженіе того, что самъ мыслить и чувствовалъ, и между прочимъ нравственно-философскую истину, которую провозгласилъ на закатѣ своихъ дней: «никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угрожать» («Изъ VI Пиндемонте»). Еще задолго до роковаго конца, когда онъ, «усталый рабъ, замыслилъ побѣгъ въ обителе дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ» (см. «Пора, мой другъ! пора...»), ему наскучило быть игрой обстоятельствъ, и его влекло въ объятія «сельской нѣги и домашней тишины» («Цыганы», 1830 г.). Рѣдко, гдѣ Пушкинъ обнаружилъ такъ ясно сущность своей души, ея внутреннюю красоту и глубокую мудрость, какъ въ этой вдохновенной молитвѣ, чтобы прекратилась «пустынная», пустая при всей ея вѣншей пестротѣ, суетная жизнь, и началась новая, полная творческаго покоя и созерцательной тишины; рѣдко послышала ему вдохновеніе такіа «пѣсни важныя, внушенныя богами».

Слова «смокнувшую лиру»... и т. д. напоминаютъ стихи изъ «Онѣгина» («Странствіе XXXII»): «вѣтру въ даръ, на темну ель повѣсилъ звонкую свирѣль». О. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на дѣйствительно неудобное сочетаніе звуковъ въ словахъ «Великій Зевесъ съ супругой» («Разборъ вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 297), которое, конечно, Пушкинъ устранилъ бы, если бы отбѣгалъ стихотвореніе. Быть можетъ, съ нимъ связана неизданная еще пьеса О боги мирные полей, дубравъ и горъ... («П. и его современники», IV, 20).

612. ЗАЧѢМЪ, [ЕЛЕНА], ТАКЪ ПУГЛИВО...

(т. III, стр. 77).

Съ черноваго подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 17, этотъ набросокъ впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 348 (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). Судя по положенію, онъ относится къ второй половинѣ 1829 г. Судить о его замыслѣ невозможно.

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ...

(т. III, стр. 77).

Очень исчерпанное стихотвореніе это находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцов-

скаго музея, л. 39 об.; впервые оно было напечатано, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 355; судя по положенію среди другихъ черновиковъ, оно относится къ второй половинѣ 1829 г., а, можетъ-быть, и къ 1830 г. Здѣсь Пушкинъ вспоминаетъ о своей первой побѣдѣ на Кавказъ, въ 1820 г., когда онъ «питался чувствами нѣмыми и чудной прелестью картинъ природы дикой и угрюмой» («Русланъ и Людмила») и, общалъ никогда не забывать «кремнистыя вершины, гремучіе ключи, увядшія равнины, пустыни знойныя» (посвященіе «Кавказскаго Пѣвника»). Но тогда Пушкинъ побывалъ собственно только въ Предкавказьѣ и въ его «святѣйшее глухое», какъ названо, вѣроятно, Даріальское ущелье, портъ удалось попасть лишь въ 1829 г. «Кавказъ пашъ припалъ въ свое святѣйшѣ», говоритъ Пушкинъ, описывая начало Военно-Грузинской дороги (первая глава «Путешествія въ Арзрумъ»): «мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ... Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь... Въ кабинетѣ Пушкина висѣла картина Чернецова, изображающая Даріальское ущелье (Каталогъ Москов. Пушкинской выставки 1899 г., № 398).

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ СКАЛЪ...

(т. III, стр. 77).

Непосредственно за предыдущимъ наброскомъ на слѣдующей страницѣ рукописи (2382-я тетрадь московскаго Румянцовскаго музея, л. 40а об.) находятся сильно исчерканныя строки, изъ которыхъ поддаются прочтенію лишь четыре приведенныя, впервые напечатанныя въ «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 355. Можно предположить, что онѣ представляютъ собою дальнѣйшее развитіе стихотворенія: «Во время оное, бывшее...»; въ нихъ описывается, повидимому, выходъ изъ Даріальскаго ущелья, когда «свѣтлыя долины смѣшались мрачныя ущелья и грозный Терекъ...» («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I).

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

(т. III, стр. 78).

На той же страницѣ, гдѣ записанъ предыдущій набросокъ, находятся эти, очень исчерканные, стихи, связанные съ предшествующими имъ единствомъ содержанія, а, можетъ-быть, и творческаго замысла. Они впервые напечатаны, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 356. Повидимому, въ нихъ описывается Даріальское ущелье, гдѣ Пушкинъ почевалъ (въ Ларсѣ) на «новосельѣ», такъ какъ былъ здѣсь въ 1829 г. въ первый разъ. Прозаическимъ комментариемъ къ стихамъ можетъ служить отрывокъ изъ первой главы «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ говорится о Даріальскомъ ущельѣ. «Сказы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ пеба, какъ лентя, свибетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты

мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, страшную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ... Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразныя водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія... Вѣроятно, всѣ три отрывка, отмѣченные здѣсь № № 613—615, вышли изъ одного замысла (описаніе побѣдки и Военно-Грузинской дороги) и относятся приблизительно къ одному времени.

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНЬИ ПОХВАЛЬНО...

(т. III, стр. 78).

Съ копія П. В. Анненкова И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 69—70) напечаталъ впервые это стихотвореніе и предположительно отнесъ его къ 1829 году, думая, вѣроятно, что въ немъ Пушкинъ говоритъ о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ этого года. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 313), съ «эстетической» точки зрѣнія, усомнился въ принадлежности его Пушкину. Однако, въ принадлежащихъ Анненкову, а потомъ Л. Н. Майкову бумагахъ Пушкина (майковская коллекція рукописей Пушкина въ академіи наукъ) оказался автографъ пьесы, по словамъ описанія коллекціи («П. и его современн.» IV, 5—6), набросанный, съ померками, на бумагѣ съ клеемъ 1822 г.; авторъ «описанія» почему-то думаетъ, что пьеса относится къ 1824—1825 г.г. Намъ не представляется возможнымъ датировать ее точнѣе, чѣмъ двадцатыми годами. Портъ выразилъ въ ней свое неизмѣнное, трезвое и мужественное отношеніе къ войнѣ; она прельщала его своими опасностями, нравилась красотою и въ то же время не гасила свѣтлыхъ, гуманныхъ чувствъ, которыя, находилъ Пушкинъ, встрѣчаются рѣже, чѣмъ военная храбрость. См. во II томѣ настоящ. изданія, примѣч. къ № 278.

617. ХОГѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢТИТЬ...

(т. III, стр. 78).

Этотъ набросокъ, какъ и предыдущій, былъ впервые напечатанъ, съ не совсѣмъ точной анненковской копіи, И. А. Шляпкинымъ (ор. с., 70), также предположительно отнесенъ къ 1829 г. на томъ основаніи, что «кажется, это начало стихотворенія, написаннаго одновременно или послѣ эре-русской побѣдки 1829 г.», и такъ же, какъ и предыдущій, подвергнутъ П. А. Ефремовымъ (ibid) сомнѣнію въ отношеніи принадлежности перу Пушкина. Это сомнѣніе и безъ того неосновательное, совершенно устранилось оказавшимся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина автографомъ («П. и его современн.» IV, 16), написаннымъ на бумагѣ съ клеемъ 1829 г. Такимъ образомъ, отрывокъ надо считать набросаннымъ позднѣе 1829 года; такъ какъ на томъ же листѣ записаны нѣсколько плановъ «Дубровскаго», то отрывокъ приходится датировать не опредѣленнѣе, какъ тридцатыми

годами. Вѣроятно, созданъ онъ дѣйствительно подъ влияніемъ воспоминаній о путешествіи 1829 года на кавказскій театръ войны, гдѣ поэтъ искалъ «не злата и честей», а «забвенія сладкаго близъ друзей минувшей юности», брата Льва Сергѣевича, Вальховскаго, Н. Н. Раевскаго.

618. О, НѢТЪ, МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОБЛА...

(т. III, стр. 78).

Автографъ этого чернового наброска находится въ приобретенномъ правительствомъ у А. Ф. Отто (псевд. Онѣгинъ) собраніи рукописей Пушкина («П. и его современн., XII, 18). Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Нов. Времени» 29 января 1887 г., № 3922, но неточно. 2-й стихъ, судя по описанію (ibid.), читается: «Я жить люблю, я жить хочу»...; самый подлинникъ еще остается недоступнымъ. П. О. Морозовъ (Сочин. II, изд. «Просвѣщенія», II, 218) почему-то отнесъ его къ 1836 г.; по мнѣнію бывшаго владѣльца подлинника онъ относится къ двадцатымъ годамъ (см. Сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., стр. 307—308). Правда, Пушкинъ говоритъ объ «утратѣ молодости», концомъ которой онъ считалъ для себя тридцатилѣтній возрастъ: «ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ? Такъ, полдень мой насталъ»... («Евгеній Онѣгинъ», 6, XLIV—XLV); себя, «жениха тридцатилѣтняго», онъ считалъ, повидимому, уже немолодымъ женихомъ (письмо къ Плетневу 31 августа 1830 г.), но подобныя данныя слишкомъ шатки и неопредѣленны, и на нихъ трудно основываться. Вопросъ о датѣ разсматриваемаго наброска, такимъ образомъ, остается открытымъ. Обычное пушкинское жизненное чувство отразилось въ немъ. Несмотря на неотвязную мысль о смерти (см. выше, примѣч. къ № 603), онъ все-таки любилъ жизнь, хотѣлъ жить, «чтобъ мыслить и страдать», или даже ради одного «любопытства» (см. ниже, № 632) и боялся смерти — но не такъ, какъ Гамлетъ и Лермонтовъ («Что если сонъ видѣнья посвятить»...), а иначе, по-своему, страхась, что «съ ризой гробовой всѣ чувства брошу я земнымъ, и чуждъ мнѣ будетъ міръ земной... минутныхъ жизни впечатлѣній не сохранить душа моя, не буду вѣдать сожалѣній, тоску любви забуду я»... («Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»..., 1822 г.). И если такъ, то «что въ смерти добраго?» и страшно идти въ «могилу темную».

619. ТО БЫЛО ВСКОРѢ ПОСЛѢ БОЯ...

(т. III, стр. 78).

Впервые этотъ черновой набросокъ, въ настоящемъ изданіи переданный въ «извлеченіи», былъ напечатанъ съ подлинника Н. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. VIII и 11), подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Послѣ битвы» и съ отнесеніемъ къ 1829 году на томъ основаніи, что въ немъ будто бы

«отразились кавказскія впечатлѣнія изъ Эрзурумской поѣздки 1829 года». Между тѣмъ, какъ указалъ П. О. Морозовъ (Сочин. II, изд. «Просвѣщенія», III, 643), это — попытка перевести начальную строфу «Мазепы» Байрона, изъ которой Пушкинъ взялъ три стиха въ видѣ эпиграфа къ «Полтавѣ» (въ первомъ изданіи поэмы). Ср. замѣчанія П. Е. Щеголева въ статьѣ «Ненаписанныя стихотворенія Пушкина» — «Историч. Вѣстн.», 1904, январь, 269—270. На оборотѣ подлинника набросанъ отрывокъ изъ черноваго письма 1835 г. къ гр. А. Ф. Бенкендорфу, вслѣдствіе чего В. В. Сноповскій («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1903 г., июнь, 449) отнесъ стихотвореніе къ 1835—1836 г.г. По словамъ П. Е. Щеголева (ibid.), подлинникъ носитъ клеймо 1830 г. (?) Такимъ образомъ, отрывокъ можно датировать приблизительно тридцатыми годами и считать не связаннымъ съ «Полтавой», а самостоятельнымъ приступомъ къ переводу изъ Байрона.

619-а. «ЭПИГРАММА».

Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славою;
Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
Питомецъ твой молодой, цвѣтушій, здоровый
Тебя смѣнитъ, великій нашъ пѣвецъ!
Се: внемлетъ мнѣ маститый собесѣдникъ,
Свершается судьбины произволъ.
Является молодой его наследникъ:
Свистовъ II вступаетъ на престолъ!

Арз.

Впервые эта эпиграмма появилась въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1830 г., «Поэзія», стр. 97, а затѣмъ мы ее воспроизвели, какъ предполагаемую пьесу Пушкина, въ «Рѣчи» 1910 г., № 52, еще не зная, что стихотвореніе, подлинникъ котораго неизвѣстенъ, упомянуто Пушкинымъ въ одномъ перечнѣ стихотвореній, гдѣ рядомъ съ посланіемъ «Къ вельможѣ», отиѣчено: — «Сѣдой Хв.» (см. «П. и его современн., IV, 24—25). Псевдонимъ, которымъ подписана «Эпиграмма», не раскрытъ въ современной Пушкину литературѣ; въ той же книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» онъ только повторенъ въ оглавленіи (стр. IV), рядомъ съ именами Пушкина же, а также Баратынскаго, Вяземскаго, Дельвига, Подольскаго, Вас. Туманскаго, Теплякова, Хомякова и другихъ популярныхъ поэтовъ пушкинской эпохи. Раскрытіе псевдонима мы встрѣтили въ книгѣ В. С. Карцова и Н. Н. Мазаева. «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», Спб., 1891, стр. 10, гдѣ указано: «Арз. («Сѣверные Цвѣты» 1830 г.) А. С. Пушкинъ».

«Эпиграмма» носить всѣ признаки принадлежности перу Пушкина, и съ нею связывается любопытный эпизодъ. «Свистовымъ» въ сатирической литературѣ пушкинскихъ временъ называли знаменитаго метромана графа Д. Н. Хвостова, по чьему-то (сдѣла ли не Пушкина) вѣткому выраженію страдавшаго «недержаніемъ стиховъ» «Свистовымъ» называлъ Хвостова и Пушкинъ («Городокъ», «Моему Аристарху»). До насъ дошли уморительныя пародіи на Хвостова, сочинявшіеся молодыми новаторами-карамзинистами въ безшабашно-веселыхъ засѣда-

нияхъ прославленнаго литературнаго общества «Арзамасъ». Пушкинъ не только раздѣлялъ литературные взгляды «Арзамаса», но еще на лицейской скамьѣ принадлежалъ къ нему въ качествѣ неприсутствующаго члена. Выйдя изъ лицея, онъ вступилъ въ Арзамасъ на правахъ дѣйствительнаго члена и при этомъ произнесъ, согласно обычаю, вмѣсто вступительной рѣчи, юмористическое надгробное похвальное слово кому-то изъ литературныхъ противниковъ (см. т. I настоящ. изд., стр. 430). Подъ посланіемъ 1817 года «Къ Жуковскому», содержащимъ своего рода программу дѣятельности «Арзамаса», Пушкинъ подписанъ: «Арзамасецъ». Статью свою «О Г-жѣ Сталь и Г-нѣ М.» (въ Московск. Телегр.) 1825 г., № 12) Пушкинъ подписалъ «Ст. Ар.», т. е. «Старый Арзамасецъ». Эта подпись объясняетъ псевдонимъ «Арз.». Несомнѣнно, «Арз.» значить—«Арзамасецъ». И по содержанію интересующей насъ «Эпиграммы», и по имени Свистова, и по подписи ясно, что это стихотвореніе относится къ временамъ «Арзамаса» и представляетъ собою одинъ изъ слѣдовъ его дѣятельности. Въ числѣ участниковъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1830 г. мы находимъ лишь двухъ бывшихъ арзамасцевъ—Пушкина и князя П. А. Вяземскаго. Но ни «Арзамасцемъ», ни «Арз.» Вяземскій никогда не подписывался; этихъ псевдонимовъ нѣтъ въ полномъ списокѣ его псевдонимовъ, который составилъ, пользуясь его же указаніями, извѣстный библіографъ С. П. Пономаревъ («Сборн. отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ»), т. XX, прилож. «Памяти кн. П. А. Вяземскаго, стр. 140—141). И вообще нигдѣ болѣе не встрѣчаются подписи: «Арзамасецъ» и «Арз.». Кто же, кромѣ Пушкина, могъ подписаться этимъ псевдонимомъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»? Въ той же книжкѣ альманаха, гдѣ помѣщена «Эпиграмма», напечатаны еще отрывокъ изъ седьмой главы «Евгенія Онѣгина» и восемь стихотвореній Пушкина, съ его фамиліей и указаніемъ его, какъ автора, въ оглавленіи. Рядомъ съ такими пѣсами, какъ «Зимній вечеръ» или «Я васъ любилъ»..., конечно, «Эпиграмма», по всей вѣроятности, юпошеская, не заслуживала подписи. Тономъ «Эпиграммы» напоминаетъ «Оду его сіятельству графу Д. И. Хвостову», которую Пушкинъ почтилъ въ 1825 году старымъ графомана. Кого разумѣлъ поэтъ подъ именемъ насѣдника Хвостова, мудрено сказать: и въ ту эпоху, какъ всегда, много было стихотворцевъ, достойныхъ вѣнца Хвостова.

Однако, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ альманаха нашелся литераторъ, принявшій эпиграмму на свой счетъ и узнавшій въ ней себя. Это былъ журналистъ болгаринскаго толка М. А. Бестужевъ-Рюминъ въ свое время извѣстный (онъ былъ къ тому же горькій пьяница) подъ именемъ Бестужева-Рюмина, типичный представитель того журнализма, который въ наши дни размножился, процвѣлъ и превратился въ прозвище бутерброднаго журнализма, револьверной прессы и т. под. Этотъ литературный хулиганъ двадцатыхъ годовъ не разъ выступалъ противъ Пушкина, который не удастанавл. его прямого отвѣта. Въ 1829 г. онъ издалъ альманахъ «Сѣверная Звѣзда», въ которомъ позволилъ себѣ напечатать нѣсколько стихотвореній Пушкина безъ разрѣшенія автора, да еще въ предисловіи нахально благодарилъ какого-то несуществующаго «Ан.», «доставившаго къ нему тринадцать пѣсень, изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ». Пушкинъ былъ возмущенъ наглостью Бестужева-Рюмина, который не только

не просилъ у него разрѣшенія напечатать его стихи, но даже объявилъ, что «не всѣ удостоились напечатанія». Въ извѣстныхъ подъ заглавіемъ «Альманашикъ» наброскахъ, повидимому, для бытовой комедіи, Пушкинъ выводитъ Бестужева-Рюмина подъ именемъ Бестыдина. Стоитъ замѣтить, что въ «Сѣверной Звѣздѣ», гдѣ были воровски напечатаны стихи Пушкина, великій поэтъ былъ вдобавокъ обруганъ. Булгаринская партія въ полемикѣ съ лагеремъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, охотно прибѣгала къ самымъ некрасивымъ и грубымъ приемамъ и неделикатнымъ намекамъ. Такъ, барона Дельвига эти полемисты называли «баронъ Шнапсъ фонъ-Габенихтсъ». Чтобы сдѣлать ясными намеки на Пушкина, беззубыя и ругательныя пародіи подписывали псевдонимами: «Оома Пицалингъ» или «Африканъ Желтодомовъ» (намекъ на происхождение Пушкина съ материнской стороны). Такой же милый обычай надѣлся Бестужевъ-Рюминъ найти у своихъ противниковъ. Онъ подписывался «Аристархъ Завѣтный» или, сокращенно, «Ар. З.»; увидѣвъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» подпись «Арз.» подъ эпиграммой, онъ отнесъ ее къ себѣ и немедленно помѣстилъ въ своей газеткѣ «Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 3, 6 января, стр. 12, слѣдующій отвѣтъ:

КЪ АРЗ.

Въ отвѣтъ на его эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ, стр. 97.

Чтобъ подслужиться въ Альманахъ
Своимъ произведеніемъ новымъ,
Въ нескладныхъ ты своихъ стихахъ
Меня зовешь вторымъ Свистовымъ,
Но ихъ прочтя, всѣ говорятъ,
Что сталъ писать ты вило, братъ.
Смотри: не будь вторымъ Вралевымъ!...

Ар. З.

«Вралевъ», упоминаемый въ этой плоской эпиграммѣ, не указываетъ ни на какое опредѣленное лицо; это просто прозваніе бездарнаго писателя. Покойный изслѣдователь литературы 20—30-хъ гг. В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. IV—«Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 31) раздѣлялъ убѣжденіа Бестужева-Рюмина, что «Эпиграмма» направлена противъ него и для болѣе ясной подписана Арз. т. е. Аристархъ Завѣтный. Однако, это несомнѣнно не такъ, и Бестужевъ-Рюминъ ошибся, принимая въ пылу полемики эти стихи на свой счетъ. Если бы Пушкинъ вздумалъ отвѣчать ему, отвѣтъ былъ бы далеко не такъ невиненъ и, для усиленія удара, былъ бы подписанъ именемъ поэта, какъ подписана помѣщенная въ той же книжкѣ «Сѣв. Цвѣтовъ» ядовитая эпиграмма его на Н. И. Надеждина; сравненіе съ безобиднымъ Хвостовымъ, который не былъ ни литературнымъ плутомъ, ни клеветникомъ, ни пасквильантомъ, было слишкомъ жестоко для Бестужева-Рюмина, вообще нисколько не походившаго на Хвостова. Просто, Бестужевъ былъ склоненъ приписывать своимъ противникамъ свои обычные полемические приемы, и подпись «Арз.» ввела его въ заблужденіе, легко объяснимое для насъ. Пушкинъ же вовсе не имѣлъ его въ виду и велъ борьбу съ болѣе крупными экземплярами его

породы, слѣдуя своему правилу: «закей сиди себѣ въ передней, а будетъ съ баринномъ разсѣчь»...

На этомъ Бестужевъ-Рюминъ не остановился. Вскорѣ, когда разгорѣлась война между Бугаринъ и «Литературной Газетой», душою которой былъ Пушкинъ, издатель «Сѣвернаго Меркурія» сталъ усердно поддерживать Бугарина и всячески нападать на Пушкина. «Говорятъ, что сталъ писать ты вяло, братъ», обращался опъ къ Пушкину въ своемъ неожиданномъ отвѣтѣ на его «Эпиграмму». Такъ думалъ тогда не одинъ Бестужевъ-Рюминъ. Вышедшая годъ назадъ «Полтава», по словамъ самого Пушкина, «не имѣла успѣха»; стали поговаривать, что Пушкинъ «испугался», и тотъ же Бестужевъ въ сатирѣ «Сплетница» («Сѣверн. Меркурій» 1830 годъ, № 50, 25 апрѣля, стр. 197) опять писалъ, что «Александра Сергѣевна» (то есть Пушкинъ) «была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но, начавъ лѣниться, стала руководѣнничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая по-прежнему будетъ сходить съ рукъ удачно»... и т. д. На эти выходки, конечно, отчасти вліяла неправильно понятая Бестужевымъ-Рюминымъ «Эпиграмма». По его отвѣту видно, что онъ зналъ, кто авторъ «Эпиграммы», и это свидѣтельство современника—еще одно доказательство, что она вышла изъ-подъ пера Пушкина, при наличности упомянутого указанія самого поэта даже излишнее.

619—6. (ЭПИГРАММА НА КНЯЗЯ П. И. ШАЛИКОВА).

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,

Елегію семьѣ своей читалъ,
А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ,
записалъ.

Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Опъ дочерямъ въ посторѣбъ закричалъ.—
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твоей осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: мнѣ хочется
на дворъ.

Эта эпиграмма до сихъ поръ не входила ни въ одно сколько-нибудь претендующее на научный авторитетъ изданіе сочиненій Пушкина. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, которыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ ходило множество по рукамъ любителей литературы, она встрѣчается съ именемъ Пушкина и въ качествѣ пушкинской была впервые напечатана Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) въ его томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Бердичъ, 1861 г., стр. 109. П. А. Ефремовъ, изъ принадлежавшаго которому сборника Гербель заимствовалъ эпиграмму, отказывался приписывать ее Пушкину (см. его статью «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — «Новое Время» 1903 г., № 9845). Въ гербелевскомъ томикѣ ошибокъ довольно много, достовѣрнымъ источникомъ его признавать нельзя, и лучшие издатели Пушкина, не полагаясь на его немотивированное сообщеніе, не могли включить эпиграмму въ свои изданія.

Однако, недавно нашлось непрерываемое подтвержденіе справедливости преданія, приписывавшаго эпиграмму Пушкину (см. «Рѣчь», 10 января 1911 г., № 9, «Эпиграмма Пушкина и Баратын-

скаго»). Въ принадлежащей Н. К. Синягину, любезно предоставленной намъ В. М. Андерсономъ, непечатанной еще рукописи «Журнала» извѣстнаго археолога и цензора И. М. Снегирева (23 апр. 1793 г.—9 дек. 1868 г.), за 1825—1827 гг., записано подъ 15 мая 1827 г., что, завтракая въ этотъ день у М. П. Погодина, гдѣ былъ и Снегиревъ, «за столомъ Пушкинъ съ Баратынскимъ написали на Шал. слѣдующее по случаю разсказаннаго анекдота»... Тутъ списана эпиграмма, воспроизведенная нами выше; замѣтимъ, что текстъ, сообщаемый Снегиревымъ, немного разнится отъ гербелевскаго, повидимому, болѣе обработаннаго, но, конечно, издатели должны игнорировать послѣдній, какъ неавторитетный, при печатаніи собраній произведеній обоихъ поэтовъ, которымъ эпиграмма принадлежитъ нераздѣльно; ни въ одномъ собраніи произведеній Баратынскаго ея нѣтъ. Извѣстны нѣсколько случаевъ совместнаго участія Пушкина съ другими авторами въ общей работѣ,—конечно, очень невысокой поэтической цѣнности. На школьной скамѣ Пушкинъ принималъ участіе въ коллективномъ созданіи лицейскаго эпоса—сатирическихъ куплетовъ о начальствѣ и товарищахъ. Одно изъ первыхъ стихотвореній, которыми открываются собранія его сочиненій: «О, Делія драгая!»,... создано при сотрудничествѣ лицейскаго товарища А. Д. Плищевскаго. Въ 1817 году, гуляя однажды въ Царскомъ Селѣ, Батюшковъ, Жуковский, А. А. Плещеевъ и Пушкинъ сочинили два экспромпта. Въмѣстѣ съ Дельвигомъ Пушкинъ въ 1825 г. написалъ шуточную элегію на смерть своей тетушки, Анны Львовны Пушкиной, смѣшной старой дѣвы. Въ 1830 г. Пушкинъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и еще кѣмъ-то, въ составленіи шуточного посланія къ В. Л. Пушкину, а въ 1836 г., вмѣстѣ съ тѣмъ же Жуковскимъ и Вяземскимъ, а также съ гр. М. Ю. Вязьгорскимъ, привѣтствовала шуточнымъ канономъ М. П. Глинку, по случаю успѣха его «Жизни за Царя». Къ числу этихъ плодовъ коллективнаго творчества подъ веселую руку относится и остроумная эпиграмма на поэта-графомана.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768 г.—16 февр. 1852 г.), издатель «Московского Зрителя» (1806 г.), «Агланъ» (1808—1812 гг.) и «Дамскаго Журнала» (1823—1833 гг.), былъ, наравнѣ съ графомъ Д. П. Хвостовымъ, одною изъ самыхъ курьезныхъ фигуръ русской общественно-литературной жизни и предметомъ общихъ насмѣшекъ. Его имя надолго стало нарицательнымъ именемъ слезливаго, сентиментальнаго вздыхателя. Не разъ потѣшался надъ нимъ и Пушкинъ, впрочемъ, уважавшій этого чудака, котораго опъ, вступая въ литературную жизнь, уже засталъ въ роли многотерпѣливой мишени для всеобщаго издѣвательства (см. «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ», «Первое посланіе цензору»). Ихъ личныя отношенія были весьма добрыя, и Шаликовъ иногда надѣлалъ Пушкину восторженными и нелѣпыми обращеніями въ стихахъ. Они часто встрѣчались у общихъ московскихъ друзей, въ томъ числѣ у П. В. Нащокина, у Ушаковыхъ, въ фамильныхъ бумагахъ которыхъ сохранилась набросанная Пушкинымъ каррикатура на князя Шаликова. Его забавная толстенная фигурка, съ характернымъ грузинскимъ носомъ, въ «пушкинской» комнатѣ знаменитаго нащокинскаго домика внимательно прислушивается къ чтенію Пушкина.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1830 года.

620. ГЛУХОЙ ГЛУХОВА ЗВАЛЪ...

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые Анненковымъ, въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (2-е изд., 243), по рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, гдѣ стихотвореніе входитъ въ составъ замѣтки о современной критикѣ:

«У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой,—вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму» (слѣдуютъ стихи).

Отношеніе Пушкина къ современной ему критикѣ было совершенно отрицательное,—да, по тому времени, и не могло быть инымъ. «Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги», писалъ поэтъ въ 1825 году. «Литература кой-какая у насъ есть, а критики—нѣтъ». Эти слова въ примѣненіи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорѣніямъ «россійской словесности», какія появлялись въ тощихъ книжкахъ журналовъ 20-хъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзорѣній стояли очень далеко позади литературнаго движенія. Это положеніе мало измѣнилось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина по-прежнему оставалось непонятнымъ и неощущеннымъ, и поэтъ былъ опять-таки совершенно правъ, говоря, что «у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній»; она уже могла, правда, «представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія»; но эти статьи «являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло». Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указывалъ на отсутствіе въ нихъ общихъ руководящихъ началъ и на ихъ бездоказательность: «Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отсебѣ ихъ никакъ не выманить». При такомъ состояніи нашей критики Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ мнѣніями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ «журнальнымъ пріятелямъ», то только эпиграммами, боже же серьезные мысли по поводу замѣчаній критики набрасывалъ на бумагу только для себя, на память. Вообще, отношеніе Пушкина къ современнымъ ему литературнымъ спорамъ можно назвать юмористически-пренебрежительнымъ:

... Таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ,
И тамъ себѣ мы возмиса въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто—въ одиночку, кто—съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...

(«Домикъ въ Коломнѣ»).

Изображая себя подъ видомъ своего пріятеля-поэта въ одномъ изъ набросковъ «Египетскихъ Ночей», Пушкинъ говоритъ, что этотъ пріятель, «имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе

потомъ читать о нихъ печатныя сужденія, что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ просторѣчьи—подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопы».

Литература существуетъ для публики. Мнѣніе Пушкина о современной ему публикѣ было такъ же не высоко, какъ и о критикѣ: «Есть у насъ люди, которые выше ея,—этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу,—этихъ она любить и почитать». Онъ любилъ повторять злой вопросъ Шамфора: «Сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?» Извѣстно, что тогдашніе критики, въ родѣ Булгарина и ему подобныхъ, для оправданія своихъ словъ имѣли привычку обращаться къ «почтеннѣйшей» публикѣ или ссылаться на ея мнѣніе, утверждая, что оно имъ извѣстно. Подъ этимъ флагомъ пускались въ ходъ разнаго рода передержки, сплетни, самыя грязныя инсинуаціи; Булгаринъ, не стѣсняясь, кричалъ о небываломъ успѣхѣ своего «Выжигина» и о полномъ паденіи «Бориса Годунова». Эта публика, которой литературные вкусы и общественныя понятія воспитывались «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества» и отъ которой Пушкинъ не могъ ожидать не только справедливой оцѣнки, но даже и простого пониманія, и была для него «глухимъ судей».

По замѣчанію Анненкова (Мат., 243), эпиграмма Пушкина напоминаетъ «извѣстную» пѣсню Пеллиссона: «Les trois sourds». Paul Pellisson (1624—1693), извѣстный въ свое время писатель, историкъ Французской Академіи, сочинялъ, между прочимъ, стихотворныя посланія, элегіи, мадригалы и т. п. мелочи; но въ доступныхъ намъ собраніяхъ его сочиненій не оказалось шутокъ о трехъ глухихъ, Анненковъ же, сославшись на пѣсню, къ сожалѣнію, не отыскалъ, гдѣ ее можно найти.

621. ЦИКЛОПЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые въ брошюрѣ: «Vers chantés et recités» Spb. 1830, гдѣ помѣщено 20 стихотвореній, пропѣтыхъ и прочитанныхъ въ маскарадѣ у в. кн. Елены Павловны, въ началѣ января 1830 г. Изъ этихъ 20 стихотвореній 17 написано на французскомъ языкѣ; авторами ихъ были: le baron de Bourgoing, le comte Maluszewicz, le comte de Laval, O'Sullivan de Grasse и др. Русскихъ стихотвореній—только три: четверостишие неизвѣстнаго автора п. з. Le Verseau (Водолей), стихи И. А. Крылова: «Талія» и пушкинскій «Циклопъ». Авторы стихотвореній были костюмированы соотвѣтственно содержанію своей декламаціи; такимъ образомъ, Крыловъ выступалъ въ видѣ музы Таліи, а Пушкинъ—въ видѣ циклопа. См. замѣтку В. О. Кеппевича въ Рус. Арх. 1866, стл. 1335—1340, и біографію Крылова, Багтышъ-Камеискаго, въ Библ. для Чтенія 1845, мартъ, отд. III, стр. 1—34. П. А. Плетневъ (Переписка съ Я. К. Гротомъ, II, 437—438, 441, 446) сомнѣвался въ принадлежности настоящаго стихотворенія Пушкину, увѣряя, что послѣдняго въ эту пору даже и не было въ Петербургѣ. Но указанная выше брошюра устраняетъ всякія сомнѣнія. Свѣдѣнія о ней впервые сообщены И. Добрымъ, въ письмѣ къ издателю «Москвитянина» объ изданіи сочиненій Пушкина (1841, ч. V, № 10; ср. Зелинскаго, Рус. крит. лит. о произв. П-на, IV, 184—185).

622. ОТВѢТЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 3, стр. 21, съ подписью: Крс. (анаграмма изъ слова: Сверчокъ), и затѣмъ вошло въ Стихотворенія, ч. III (1832), стр. 110—111. Въ обоихъ текстахъ, въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто слова «Прѣсни» поставлены только двѣ начальныя буквы.

Относится къ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой. О знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ см. т. III, стр. 346—347, и Л. Н. Майкова «Пушкинъ» (Спб. 1899), стр. 355—377.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ
СКУКИ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Лит. Газетѣ» 1830, № 12, стр. 94, подъ заглавіемъ: «Станцы»; въ изд. 1832 г. (III, 47—48) это заглавіе дано лишь въ оглавленіи. Подъ стихотвореніемъ помѣта: «19 января».

Написано въ отвѣтъ на стихотворное возраженіе Пушкину митрополита Филарета по поводу стихотворенія «26 мая 1828 г.» (см. т. II, № 533), сообщенное поэту въ рукописи, а въ печати появившееся только въ 1848 г., въ журналѣ Ишимовой: «Звѣздочка», № 10 (ср. особое приб. къ № 155 «Моск. Вѣд.» 1880 и «Рус. Курьеръ» 1880, № 162):

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казни осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Замъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просій сквозь сумракъ думъ—
И соиздѣтся Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ Н. О. Сумдовъ («А. С. Пушкинъ», Харьк. 1900, стр. 149), «по мнѣнію М. Филарета, Пушкинъ самъ во всемъ виноватъ; для вліянія, среды, общества, исторіи, случайныхъ обстоятельствъ - ничего не оставлено. Такая точка зрѣнія позднѣе (1887) чрезвычайно рѣзко обнаружилась въ извѣстной проповѣди одесскаго архіепископа Никанора, гдѣ несчастная кончина великаго поэта объяснена, какъ наказаніе Божіе за его служеніе Вакху и Киприду».

По поводу отвѣта Пушкина кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 апрѣля 1830): «Ты удивишься стихамъ П. къ Ф.: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ стихи П. о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Елизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому—языческою любовью» (Ост. Арх., III, 192—193). Однако, и «задранный» поэтъ отнесся къ преподанному правоученію очень благодушно и почтительно. Бѣлинскій (Соч., изд. 2-е, М. 1865, т. VIII, стр. 401) находилъ, что пѣса «Даръ напрасный, даръ случайный» «не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ нравственной

апатіи и душевнаго отчаянія, которыя неизбежны, какъ минуты, для всякой живой и сильной натуры; но она отнюдь не есть выраженіе пафоса пушкинской поэзіи, а скорѣе—случайное противорѣчіе пафосу его поэзіи». По мнѣнію Бѣлинскаго, призваніе Пушкина, характеръ и направленіе его поэзіи гораздо болѣе выражаются въ настоящихъ «стансахъ»,—такъ какъ поэзія Пушкина «вся заключается въ поэтическомъ созерцаніи міра и безусловно признаетъ его настоящее положеніе если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходимо-разумнымъ»... «Вся пассивная, проникнутая гуманностію, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни; но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаемъ (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую неизбежность и не пося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія»... Съ этой характеристикой едва-ли можно согласиться. «Идеалъ лучшей дѣйствительности», несомнѣнно, жилъ въ душѣ Пушкина; что же касается вѣры въ возможность его осуществленія—въ «жестокій вѣкъ», враждебный всякимъ идеаламъ, то ей, конечно, не на что было опереться. «Много нужно было перечувствовать и перестрадать поэту», говоритъ Стоюнинъ («Пушк.», 318), «чтобы, наконецъ, отвѣтить отрицательно на вопросъ о дѣлѣ жизни. Но кто могъ понять это душевное его томленіе? За отчаяніе его же винили въ недостаткѣ религіи»... Въ своемъ отвѣтѣ на пастырское увѣщаніе Филарета Пушкинъ съ достаточною ясностью указываетъ, что онъ понялъ призывъ «воспарить въ горня» именно какъ призывъ отрѣшиться отъ окружающей его дѣйствительности, «отвергнуть мракъ земныхъ суетъ». Это, конечно, вовсе не «резигнація», не примиреніе съ условіями враждебной поэту среды, а напротивъ,—«непринятіе» того міра, въ которомъ ему приходилось жить. Это—тотъ же самый мотивъ, который тогда же повторился въ обращеніи поэта къ самому себѣ: «Ты—даръ; живи одинъ!»

Подлинника настоящаго стихотворенія не сохранилось. Г. С. Чириковъ, въ сборникѣ Бартенева: «Пушкинъ» (I, 118), приводитъ, рядомъ съ другими произвольными передѣлками пушкинскаго текста, вариантъ заключительнаго четверостишія, въ которомъ, въ ст. 1 и 3-мъ, вмѣсто «палима» и «Серафима» читается: «согрѣта» и «Филарета». Но уже П. А. Ефремовъ замѣтилъ, что расположеніе рیمъ (эта—этъ—эта—этъ) и изображеніе московскаго митрополита съ арфой заставляютъ сильно сомнѣваться въ подлинности приведеннаго варианта.

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше статью А. Г. Фомина.

625. ПОЭТУ.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г. (стр. 3), откуда перешло въ изд. 1832 г. (III, 56—57). Черновой автографъ, съ котораго снимокъ данъ въ Альбомѣ петербургской пушкинской выставки 1899 г., озаглавленъ: «Советъ—Награды»;

онъ писанъ чернилами, но исправленъ карандашемъ, какъ въ печатномъ текстѣ, и представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

- ст. 2: Восторговъ и похвалъ...
 » 3: . . . и черни смѣхъ холодной
 » 5: Какъ царь, живи одишъ. (Иди) Ступай стезей свободной,
 » 6: Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ
 (или:) . . . Твори душой свободной,
 Иди, куда влечетъ тебя твой свѣтлый умъ
 (Твори, питая жаръ глубокихъ, чистыхъ думъ)
 » 11—14: И ты доволенъ имъ, (божественный) (увѣнчанный) художникъ,—
 (Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь кричитъ)
 (Пушай тогда толпа трудъ гения хулить)
 Пушай тогда его слѣпая чернь хулить
 И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
 (И дерзкою рукой)
 И чтобъ тебя сронить, колеблеть твой треножникъ.

Подъ стихотвореніемъ стоитъ дата: «1 июля.»

Ближайшимъ поводомъ къ напечатанію сонета могли послужить журнальныя нападки на посланіе «Къ вельможѣ», появившееся въ «Литер. Газ.» 1830 (см. выше, прим. къ № 575); но въ то же время онъ является выраженіемъ и общаго взгляда Пушкина на поэтическое творчество, — взгляда, проявлявшагося неоднократно въ стихотвореніяхъ какъ болѣе ранней, такъ и болѣе поздней поры (ср. Посланіе къ Батюшкову 1814 г., Отвѣтъ на вызовъ написать стихи 1819 г., Удѣленіе 1822 г., Свѣтель 1823 г., Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ 1824 г., Поэтъ 1827 г., Чернь 1828 г., затѣмъ Отвѣтъ анониму 1830 г., Эхо 1832 г., изъ VI Пиндемонте 1833 г. и др.). Въ длинномъ рядѣ стихотвореній и въ разбросанныхъ по черновымъ тетрадямъ Пушкина прозаическихъ замѣткахъ повторяется этотъ основной мотивъ—свободы поэтического творчества и независимости поэта отъ «толпы», неспособной понять и оцѣнить его трудъ. Выше (см. прим. къ № 620) приведены нѣкоторые сужденія Пушкина о современной ему критикѣ, которую въ настоящее время стихотвореніи онъ называетъ «судомъ глупца». Въ одномъ изъ черновыхъ подготовительныхъ отрывковъ къ «Египетскимъ ночамъ» («Не смотря на великія преимущества...») Пушкинъ говоритъ, что «сужденіе глупцовъ»—несчастіе, неизбежное для стихотворцевъ, но еще не самое крайнее. «Зло самое горькое, самое нестерпимое» для поэта заключается въ томъ, что «публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ». Пушкинъ этого больше возмущалъ этимъ вмѣшательствомъ «толпы» въ его интимную внутреннюю жизнь, этимъ неосторожными прикосновеніями «глупцовъ» къ тому, что онъ считалъ за святая святыхъ души своей. Уже одно это, по справедливому замѣчанію Д. Н. Овсянко-Куликовского, должно было дѣйствовать ослепляющимъ образомъ на неунынное стремленіе поэта къ людямъ, къ живымъ и тѣснымъ общественнымъ связямъ... Первымъ запротестовалъ чуждый ему умъ, отпугнутый

обиліемъ глупости въ общественной средѣ, и это и было исходнымъ пунктомъ его отщепенства... Отстаивая свое право быть и оставаться самимъ собою, гений фатально приходитъ къ психологической отрѣшенности, дѣлюю которой онъ покупаетъ великое благо внутренней свободы вообще, свободы творчества въ частности, рискуя, въ силу того, остаться непонятымъ и душевно одинокимъ...» («Пушкинъ», 173, 190). Дѣйствительно, Пушкинъ былъ утомленъ жизнью своего времени и своей среды и рвался на волю, къ личной независимости, къ свободѣ отъ свѣтскихъ обязательствъ, отъ «мрака земныхъ суетъ», который отвергала его душа, заслышавшая «арфу серафима». Онъ жаждалъ внутреннего мира, и въ этомъ своемъ стремленіи доходилъ до рѣзкаго протеста противъ окружающей его дѣйствительности, которая иногда заставляла его восклицать: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!» Но именно душа и талантъ неудержимо звали его назадъ изъ той области поэтическихъ созерцаній, которая представлялась ему такою свѣтлою, спокойною, не возмущаемою никакими земными порывами. И, несмотря на то, что ему самому пришлось пережить и перечувствовать предсказанное поэту, — что прошелъ шумъ восторженныхъ похвалъ и послышался судъ глупца, — поэтъ не смогъ остаться спокойнымъ и угрюмымъ, и опять рвался въ ту жизнь, отъ которой ему такъ хотѣлось убѣжать. Припомнимъ, что время, когда изъ его сердца выливались эти горькіе стихи, было временно наиболѣе живого его участія въ полемикѣ «Литературной Газеты» и широкихъ публицистическихъ плановъ. Такимъ образомъ, настроеніе, создавшее этотъ сонетъ, было лишь однимъ изъ многихъ и нерѣдко противорѣчивыхъ вѣній, отражавшихся въ многогранной душѣ поэта. «Были минуты», говоритъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ», 9—10), «когда онъ побуждалъ свое уныніе, когда еще тверже вѣрилъ въ себя,—и тогда первую его мыслью была эта самая «народная любовь», которою онъ совѣтовалъ не дорожить. Такъ, изображая свой памятникъ, онъ надбавлялъ, что «къ нему не заростетъ народная тропка и что онъ долго будетъ любезенъ народу...»

Со временъ Шевырева, мифъ котораго раздѣлялись и Аппенковымъ (Мат. 2-е изд., 170—172), часто повторялось, будто идея самоодлабляющаго искусства была воспринята Пушкинымъ отъ кружка московскихъ «любомудровъ», поклонниковъ Шеллинга, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, Веневитиновъ. Это мифѣе нашло себѣ рѣшительнаго противника въ лицѣ Л. Н. Майкова («Пушкинъ», 343—345), который говоритъ, что Пушкину нечѣмъ было заимствоваться изъ «ученическихъ упражненій» сотрудниковъ «Московского Вѣстника», весьма недалекого ушедшихъ въ разумѣніи Шеллинга. Но Пушкину не было и надобности обращаться къ журнальнымъ статьямъ: вѣдь шеллингианскій взглядъ на искусство, поэзію и поэта, можно сказать, носился въ нашемъ воздухѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтъ-пророкъ и поэтъ-отшельникъ Пушкинъ—вовсе не одинокая явленія; съ одной стороны они примыкаютъ къ лирикѣ Жуковского, а съ другой къ повѣстямъ Гоголя («Портреты», «Невскій проспектъ») и кн. Одоевскаго («Импровизаторъ», «Себастьянъ Бахъ», «Послѣдній квартетъ Бетховена»). Такимъ образомъ, Пушкинъ въ самостоятельной формѣ разработалъ мотивъ, бывший болѣе

или менѣе общилъ достояніемъ, по, по условіямъ личной жизни поэта, въ данное время особенно близкій его душѣ.

626. МАДОПНА.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ альманахѣ «Сиротка» 1831, стр. 19—20, и вслѣдъ за тѣмъ—въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 15 (12 марта), стр. 122, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сонетъ сей, по желанію поэта, перепечатывается здѣсь изъ альманаха «Сиротка», въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкою въ седьмомъ стихѣ:

Одной, чтобъ на меня съ холста иль съ облаковъ...

Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха».

Въ изд. 1832 (III, 112—113) исправленъ 2-й стихъ: «свою обитель», а не «мою», какъ было въ альманахѣ и Газетѣ.

Стихотвореніе, помѣченное 8 июля, было собственноручно написано Пушкинымъ въ альбомѣ Ю. Н. Бартевева, 30 августа 1830 г., подъ заглавіемъ: «Сонетъ». Текстъ альбома, напечатанный въ Рус. Арх. 1863, изд. 2, стл. 862—863, представляетъ нѣсколько незначительныхъ вариантовъ.

Сонетъ относится, конечно, къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой Пушкина и которой онъ писалъ изъ Петербурга, 30 июля 1830: «Я утѣшаю себя, проводя дѣльные часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей.» Мадонной же, — разумѣется, со словъ самого Пушкина, называли Наталью Николаевну и его друзья. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій («Пушкинъ», 46—47) видитъ въ настоящемъ стихотвореніи «однѣ изъ самыхъ яркихъ образцовъ процесса превращенія натуральной лирики человѣка въ высшее лирическое творчество поэта. Натуральная лирика человѣка, А. С. Пушкина въ данномъ случаѣ вытекала изъ того обстоятельства, что А. С. былъ влюбленъ въ Н. Н. Гончарову, сдѣлавъ предложеніе, получивъ согласіе и блаженствовалъ... Эта справка, обнаруживая въ основѣ сонета натуральный лиризмъ влюбленного человѣка, шаблонный лиризмъ жениха, боготворящаго свою невѣсту, показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою силою полета Пушкинъ подымался надъ этими низами поэзіи на ту высъ высшаго лирическаго творчества, откуда уже не видать ни влюбленного жениха, называющаго свою невѣсту Мадонной, ни этой барышни, будто-бы похожей на Мадонну, и гдѣ все обыденное, житейское, натурально-лирическое, въ чемъ всегда есть доля пошлости, исчезаетъ въ величавыхъ аккордахъ гимна, въ неземныхъ звукахъ «райской пѣсни». Сонетъ «Мадонна» принадлежитъ къ числу тѣхъ созданий высшей лирики, пониманію которыхъ раскрытіе ихъ источника не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ.» Съ послѣдними словами критика трудно согласиться. Лучшимъ отвѣтомъ на нихъ можетъ служить комментарий Л. Поливанова (I, 319), по мнѣнію котораго въ настоящемъ сонетѣ «символически выражено то освѣщеніе жилища присутствіемъ существа, познанаго красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости, которое (авторъ) поэтически разумѣлъ подъ бракомъ. Ожидая такого счастья, онъ

выразилъ всю полноту женскаго идеала въ этомъ лирическомъ произведеніи, отождествляя его съ тою, которую считалъ достойной раздѣлить съ нимъ жизнь». Ср. ниже, прим. къ № 674.

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕЙ ФЛЮГАРИНЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше, статью А. Г. Фомина.

628. СОНЕТЪ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Моск. Вѣстн.» 1830, № 8, стр. 315, съ ошибкой въ 4-мъ стихѣ: «пѣснь» вм. «мысль». Повторено (въ исправленномъ видѣ) въ изд. 1832 (III, 78—79). Эпиграфъ взятъ изъ сонета Уордсворта (Wordsworth, 1770—1850), главы такъ наз. «лѣкнстовъ» или поэтовъ «озерной школы», написавшаго много сонетовъ весьма разнообразнаго содержанія. Сонетъ, которымъ воспользовался Пушкинъ, въ близкомъ переводѣ читается такъ:

«Не презирай сонета, критикъ! Ты нахмурилъ брови, но позабылъ объ его заслугахъ: этимъ ключемъ Шекспиръ открывалъ свое сердце; мелодія этой маленькой лютни успокоивала раны Петрарки; Тассъ многократно извлекалъ звуки изъ этой свирѣли; Камюэнсъ изливалъ въ ней скорбь своего изгнанія. Сонетъ блестятъ яркимъ миртовымъ листкомъ въ кипарисномъ вѣнкѣ, украшавшемъ многотрудное чело Данта; какъ свѣтлякъ, взятый изъ страны фей, онъ услаждалъ нѣжнаго Спенсера въ борьбѣ на темномъ жизненномъ пути; когда мракъ покрылъ стезю Мильтона,—сонетъ въ его рукахъ сталъ трубою, изъ которой онъ извлекалъ усладительные звуки, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко.»

Пушкинъ не перевелъ, а передѣлалъ этотъ сонетъ, оставивъ то же число поэтовъ, что и въ оригиналѣ (7). Изъ упомянутыхъ Уордсвортомъ онъ взялъ только Данта, Петрарку, Шекспира и Камюэнса, опустивъ Тасса, Спенсера и Мильтона, которыхъ замѣнилъ самимъ Уордсвортомъ, Дельвигомъ и Мидкевичемъ. Упомянувъ о польскомъ поэтѣ, Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду его «Крымскіе сонеты», о которыхъ онъ вспомнилъ и при описаніи Тавриды въ «Странствіи Онегина»: «Тамъ пѣлъ Мидкевичъ вдохновенный и посреди прибрежныхъ скалъ свою Литву воспоминалъ». Что касается Дельвига, то имъ написано всего шесть сонетовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1822 г. См. Сумцова, «Пушкинъ», 90—98. Самъ Пушкинъ, считавшій сонетъ стѣснительною формою поэзіи, написалъ въ полѣ 1830 г. только три сонета, различныхъ по чередованію рیمовъ («Поэту», «Мадонна» и «Сонетъ») и затѣмъ уже «пренебрегъ» сонетъ.

Къ произведеніямъ Уордсворта Пушкинъ обращался и впоследствии: въ одной изъ тетрадей 1833—1834 гг. (Рум. Муз. № 2374, л. 31 об.) записанъ карандашомъ, теперь уже стершійся и трудно разбираемый отрывокъ перевода: «Изъ Wordsworth. Лѣтнее утро. Авторъ доходитъ до развалившейся хижинны въ деревнѣ», и пр.

629. ЦЫГАНЫ.

(т. III, стр. 81).

Написано въ августѣ 1830 г. и напечатано въ альманахѣ «Денница» 1831 и въ изд. 1832, съ помѣткой (въ оглавленіи): «съ англійскаго», — вѣроятно, для устраненія толковъ о примѣненіи содержанія этихъ стиховъ къ жизни самого поэта. Ибѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ воспоминаніемъ о юношеской порѣ Пушкина, когда онъ дѣйствительно «проводялъ сія шатры» въ Бессарабіи, доходя съ ними чуть не до турецкой границы.

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 28, и въ изд. 1832 (III, 58—59). По черновому автографу воспроизведено П. А. Шляпкинымъ, «Изъ бумагъ А. С. П.», стр. 26—27.

Написано въ отвѣтъ на стихотворное посланіе, анонимно присланное Пушкину извѣстнымъ въ свое время египтологомъ Иваномъ Александровичемъ Гуляновымъ. Въ этомъ посланіи, написанномъ 15 іюля 1830 и напечатанномъ только послѣ смерти автора — въ «Москвит.» 1842, ч. II, № 3, стр. 151, — высказана, по поводу слуховъ о предстоящей женитьбѣ Пушкина, увѣренность, что поэтъ и въ семейной жизни не утратитъ вдохновенія; напротивъ, бракъ сдѣлается для него источникомъ новыхъ открытій и залогомъ вдохновенія — «и снова геній воспаритъ!» (Каллашъ, Рус. поэты о П-вѣ, 43; Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 240).

И. А. Гуляновъ (1789—1841), сынъ бывшаго молдавскаго господара Маврокордато, жившаго и умершаго въ Москвѣ въ концѣ XVIII в., издалъ «Opusculcs archéographiques» (1827) и «Археологическіе опыты» (1840) и былъ членомъ Россійской Академіи. О немъ см. кн. П. А. Вяземскаго, соч., I, 216; Телескопъ 1832, ч. IX, 267—270; Анненковъ, Мат. (2-е изд.), 239—240; Плетневъ, Отчеты Ак. Наукъ по отд. р. яз. и сл., 1852, стр. 45—48; Рус. Архивъ 1873, IV, 479—513; Рус. Стар. 1874, т. XI.

Въ сонетѣ, посвященномъ «Поэту», Пушкинъ провозгласилъ, что художникъ не нуждается въ наградахъ и, свободно сдѣлая своему вдохновенію, долженъ быть самъ себѣ судьей. Но на эту отрѣшенную отъ жизни высоту поэтъ могъ подниматься только временами, подъ вліяніемъ того горькаго чувства, какое онъ испытывалъ, когда ему приходилось слышать «судъ глупца и смѣхъ толпы»: вѣдь оставаться всегда единственнымъ своимъ судьей, безъ общественнаго признанія, — тяжело и мучительно для нравственно чуткаго человѣка. И вотъ, едва заслышавъ «ласковое пѣніе» неизвѣстнаго почитателя, поэтъ спѣшитъ отозваться на него живою благодарностью, съ грустью сознавая, что онъ не привыкъ къ такому доброму отношенію, что самый языкъ доброжелательства ему и необыченъ, и «страшенъ». Пушкинъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло своего творчества; онъ не могъ понять, а еще менѣе — допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать пред-

меты для его труда и преслѣдовать его жизнь до самыхъ сокровенныхъ ея изгибовъ, помысловъ и побужденій. «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которое никогда отъ него не отпадаетъ», говоритъ поэтъ въ «Египетскихъ Ночахъ». — Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, — первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка, — тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняете!... Недаромъ Чарскій даетъ импровизатору тему, не разъ повторенную Пушкинымъ: «Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсень; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ». Мысли на эту тему и горькія чувства, съ ними связанныя, въ данное время все чаще и настойчивѣе тревожили душу поэта. Разсматриваемое стихотвореніе Д. Н. Овсяннико-Куликовскій («Пушкинъ», 43—44) ставитъ по искренности и непосредственности, наряду съ письмами Пушкина, «Стихи Гулянова, очень плохіе и очень искренніе, выразили въ вычурной формѣ доброе и гуманное чувство, которое въ данную минуту было особенно дорого Пушкину... Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непосредственныхъ и изыщно чувствующихъ натуръ, которыхъ нельзя пѣнить похвалами и рукоплесканіями, но чрезвычайно легко очаровать и «взять» простымъ, добрымъ словомъ участія, душевной лаской. Восторженное поклоненіе ему, какъ поэту, при равнодушіи или холодности къ нему, какъ человѣку, отзывалось въ его душѣ холодомъ и болью. Притязанія, публики чтобы поэтъ принадлежалъ лишь ей... безучастное отношеніе къ личнымъ его невзгодамъ, отношеніе къ нему, какъ къ «забѣжему фиглярю», возмущали и ожесточали душу Пушкина, какъ родъ грубаго насилія, какъ выраженіе душевной жестокости... Но Пушкинъ, говоритъ В. Я. Стоюнинъ («Пушк.», 343), «не замѣтилъ, что духъ той публики, которая недавно цѣнила его, былъ подавленъ, если не задуренъ, — что теперь со своимъ голосомъ явилась другая публика, въ руководители которой поставленъ Булгаринъ съ братіей, а на смѣну первой только еще подростала другая цѣнительница его поэзіи... Этой публики Пушкинъ еще не зналъ, а въ ней-то и хранилась «народная любовь»... И какъ бы онъ своей любящей душой отозвался на эту молодую любовь, которая пряталась въ студенческихъ кельяхъ и въ ученическихъ камерахъ, если уже одинъ анонимный задушевный, привѣтливый голосъ извлекъ изъ его страдающей души такіе сердечные звуки» (какъ «Отвѣтъ анониму»).

Проф. Сумцовъ («Пушк.», 58—59), останавливаясь на послѣднихъ строкахъ стихотворенія, видитъ въ нихъ упрекъ поэта не однимъ современникамъ, но и тѣмъ позднѣйшимъ историкамъ литературы, которые говорятъ о невольныхъ переселеніяхъ Пушкина съ сѣвера на югъ и обратно — «тѣмъ лучше!» въ смыслѣ исправленія того или другого недостатка. «Бѣдный поэтъ! и потомству чужда идея о его личномъ счастьѣ, и даже исторія такъ склонна къ разнымъ оправданіямъ того, что онъ называлъ злой судьбой!»

631. ПАЖЬ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ посмертномъ изданіи (IX, 136), по черновой рукописи, находящейся нынѣ въ библиотекѣ Академіи Наукъ, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Пажь или пятнадцатилѣтній король» и съ опечаткой во второмъ стихѣ послѣдней строфы, повторенной всѣми позднѣйшими изданіями: «презрѣвъ толпу» вм. «презрѣвъ молву». Рукопись помѣчена: «7 октября 1830. Болдино». Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 298), говоря о разнообразіи мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ осенней Болдинской жизни Пушкина, указываетъ, между прочимъ, на «безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтического духа: кажется, видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей». Въ частности, въ данномъ стихотвореніи (которое Анненковъ почему-то призналъ неоконченнымъ), ему слышался «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе».

632. ЭЛЕГІЯ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ «Библ. для Чтенія» 1834, т. VI, стр. 16, и въ изд. 1835 г. (IV, 104). Написано въ Болдинѣ, 8 сентября.

Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 320) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи возвращеніе Пушкина къ мыслямъ, выраженнымъ въ черновыхъ наброскахъ такъ наз. «стиховъ Ленскаго», въ которыхъ тотъ же Анненковъ усматривалъ «пародію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ, и вмѣстѣ — лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго». Взглядъ этотъ, однако, совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ ничѣмъ не доказано, что въ приведенныхъ Анненковымъ отрывкахъ Пушкинъ хотѣлъ дать образчики стихотвореній Ленскаго. Наоборотъ, эти отрывки, несомнѣнно, являются подготовительными набросками къ стихотвореніямъ самого Пушкина. Основная мысль элегіи «Безумныхъ лѣтъ» — желаніе жить, хотя бы для страданій — дѣйствительно сквозитъ и въ этихъ наброскахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ; но ближе всего подходитъ къ этой элегіи черновой отрывокъ: «О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надобла», впервые напечатанный А. Ѳ. Олѣгичнымъ и относимый обыкновенно къ 1836 г. Можетъ быть, правильнѣе было бы, въ виду этого сходства, приурочить указанный отрывокъ къ 1830 году.

Бѣлинскій, въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», говоря о «паденіи таланта» Пушкина, о томъ, что «въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры» и что онъ «умеръ, а можетъ быть, только обмеръ на время», тутъ же прибавляетъ: «Пушкина судить не легко. Вы, вѣрно, читали его элегію... Вы, вѣрно, были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышитъ это созданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ

въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина, какъ художника: «Порой опять гармоней упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь...» Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія... что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ...»

633. БѢСЫ.

(т. III, стр. 82),

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г. (стр. 129) и въ изд. 1832 (III, 80—83). Черновые наброски находятся въ рук. Рум. Муз. № 2371, л. 83, и 2382, лл. 101 об. и 102; полный, но со многими поправками, текстъ, датированный: «1830, 7 сентября, Болдино», — въ библиотекѣ Академіи Наукъ (Майковское собраніе автографовъ II). Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 299) указалъ, что подъ заглавіемъ этой пьесы приписано: «Шалость», — замѣтка, не сохраненная посмертнымъ изданіемъ. Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ нашей народной поэзіи, замѣтилъ, однако, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ spritzken живой водой своей творческой фантазіи немножко дубоватыя матеріалы народныхъ нашихъ пѣсень. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній Вечеръ» — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ пьесъ у Пушкина немного, — въ этомъ, конечно, виноваты ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи...»

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

(т. III, стр. 83).

Напечатана въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 55 (18 сентября) — и, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго («Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 38), написана имъ, а не Пушкинымъ.

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОЙ.

(т. III, стр. 83).

Въ рукописи (находящейся въ библиотекѣ Академіи Наукъ) озаглавлено: «Шалость» и помѣчено: «1 октября.» Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, IX, 166, подъ заглавіемъ: «Капризъ.» По замѣчанію Бѣлинскаго (Соч., изд. Венгерова, VI, 276—277), «въ этой превосходнѣйшей пьесѣ Пушкинъ художнически рѣшаетъ важный эстетическій вопросъ о причинѣ унылости, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи.

Онъ находитъ ее въ нашей русской природѣ и изображаетъ ее красками, которыхъ сила, вѣрность и безыскусственная простота дышать всею гениальностію великаго національнаго поэта». Въ самомъ дѣлѣ: откуда «томной музѣ» взять веселость, бодрые мотивы, если природа и развертывающаяся въ ней жизнь даютъ только такія картины, какъ та, какую поэтъ могъ наблюдать въ Болдинѣ изъ окна своего дома? Но и непримечательную дѣйствительность поэтъ сумѣлъ смягчить теплотой своего сердца, и не только въ смыслѣ жалости, но и въ смыслѣ прямого глубокаго сочувствія къ этой унылой природѣ, къ этому сумрачному пейзажу, къ этой убогой жизни,—и показать, въ немногихъ словахъ, свою кровную связь съ окружающимъ его міромъ. Становится понятно, почему «отъ ямщика до перваго порта мы всѣ поемъ уныло», — вопреки насмѣшкамъ яко-бы жизнерадостныхъ, «румяныхъ и толстопузыхъ» критиковъ, такъ часто трунившихъ надъ выражениемъ одного литературнаго обозрѣвателя о «душегубикѣ новѣйшаго унынія», въ которую облекается русская муза (см. ниже, прим. къ «Дому въ Коломнѣ»).

636. РАЗСТАВАНІЕ.

(т. III, стр. 84).

Рукопись этого стихотворенія, написаннаго 5 октября, находится въ библиотекѣ Академіи Наукъ. Напечатано оно только послѣ смерти Пушкина, въ альманахѣ Владиславлева: «Альманахъ на 1838 годъ», стр. 348, подъ заглавіемъ: «Прощаніе», а затѣмъ явилось въ посмертномъ изд., IX, 160, подъ настоящимъ заглавіемъ, котораго въ рукописи нѣтъ.

Въ своемъ деревенскомъ уединеніи, отрѣзанный отъ міра холерными карантинами, раздумывая о предстоящей женитьбѣ и перемѣнѣ жизни, Пушкинъ нерѣдко обращался и къ прошлому, и вызывалъ въ своей памяти давно отжившіе, нѣкогда милые образы. Въ данномъ стихотвореніи воспоминаніе о женшинѣ, когда-то любимой, связывается съ воспоминаніемъ о случайной встрѣчѣ съ старымъ товарищемъ и другомъ Кюхельбекеромъ (въ октябрѣ 1827 г.), на какой-то почтовой станціи, когда жандармы везли К. въ Динабургскую крѣпость, и поэту едва удалось только «молча обнять» его.

637. ОСЕНЬ.

(т. III, стр. 84).

Напечатано впервые въ посмертномъ изд. (IX, 207). Черпováя—въ рук. Рум. Муз. № 2371. л. 78 об Мѣсто, занимаемое въ этой рукописи настоящимъ стихотвореніемъ, позволяетъ предполагать, что оно написано раньше 1830 г. (рядомъ съ нимъ—наброски изъ VII главы «Опѣгипа», а дальше—черновая «Полтава»). Въ рукописи стихотворенію предшествуетъ набросокъ на тему I-й строфы, но разбѣромъ «Онѣгина»:

Ужъ осень холодомъ дохнула
На обнаженные поля,

Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листъ съ вѣтвей; земля
Прохвачена морозомъ... (ср. «Онѣгинъ»,
IV, 40).

Затѣмъ Пушкинъ перешелъ къ другому разбѣру и началъ стихотвореніе такъ:

Октябрь ужъ наступилъ; съ нагихъ своихъ
вѣтвей
Послѣдній листъ уже дубрава отряхаетъ,
И вѣтры хладные, предвѣстники дождей...

Эти начальные стихи напоминаютъ «Эклогу» Ип. О. Богдановича:

Уже осенніе морозы гонять лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красоты...
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не
вѣетъ,
Летитъ съ деревьевъ листъ, и влечь, и
желтѣетъ...

Въ строфѣ VI стихи 6 и 7 первоначально читались:

Нѣжнѣе слабаго пчелинаго напѣва
Звукъ рѣчи; на лицѣ еще багровый цвѣтъ...

Послѣ строфы X зачеркнута еще одна строфа:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жида, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари, —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

Среди исчерканныхъ набросковъ послѣдней строфы (см. снимокъ на стр. 87) можно еще процестъ:

... къ песчанымъ ли брегамъ,
Гдѣ дремлютъ вѣчности символы, Пира-
миды...

«Осень», говоритъ С. П. Шевыревъ въ своей статьѣ о трехъ послѣднихъ томахъ посмертнаго изданія («Москвитинъ» 1841, ч. V, № 9, см. Зелинского, Крит. лит. о П., IV, 200) «есть одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній, относящихся къ позднѣйшему періоду. Пушкинъ лигалъ особенное сочувствіе къ этому времени года и посвятилъ ему нѣсколько піесъ. Это чувство—едва ли не русское: мы любимъ уныніе въ природѣ, равно какъ въ музыкѣ и поэзіи. То же самое влеченіе къ осени замѣтно и въ Державинѣ, съ которымъ Пушкинъ представляетъ много сходства въ этомъ стихотвореніи; та же яркая кисть въ описаніяхъ, та же иронія и шутка, та же внезапность переходовъ отъ мыслей къ мысли, то же употребленіе словъ простонародныхъ».

Дѣйствительно, многіе мотивы «Осени» слышатся въ поэзіи Пушкина еще чуть ли не со временъ лицейскихъ. Такъ, напр., въ посланіи къ Юдину (1815) поэтъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, какъ онъ любитъ «подъ вечеръ темный,

осенней бурною порой» уединиться передъ каминѣмъ и читать или сочинять стихи. «Осень—любимое мое время», писалъ Пушкинъ Плетневу 31 августа 1830 г.: «здоровье мое обыкновенно крѣпнѣетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ»... И въ настоящемъ стихотвореніи повторены тѣ же слова: «Теперь моя пора... и съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь». Отъ печальной природы, окружающей поэта и такъ наглядно описанной въ предыдущемъ стихотвореніи, его манитъ вдаль, въ идеальный міръ, создаваемый его мечтою. «Все готово къ отплытію, по—куда плыть? Кажется, даны были всѣ условія для обширнаго и могущественнаго творчества, но что-то задерживало развитіе. Насталъ его мигъ вдохновенія, все живо заговорило въ душѣ поэта; но едва успѣла мысль его двинуться впередъ, какъ мигъ прошелъ, передъ нею безвѣстный путь...» (Катковъ, у Зеліскаго, VII, 158). «Незримый рой гостей», посѣщавшихъ поэта въ его осеннемъ одиночествѣ, у «забытаго камелька», оставилъ яркій слѣдъ въ его творчествѣ той поры, когда одинъ за другимъ, какъ бы тѣсни другъ друга, явились и Скюдпо, и Донъ-Гуанъ, и Модаартъ и Сальери, Вальсингамъ, Мери, строгій монахъ-проповѣдникъ и Коломенская барышня съ ея переодѣтою кухаркой, герои и героини повѣстей Бѣлкина и «испанцы въ епанчахъ» съ своими серенадами, и многіе другіе... Недаромъ же 1830 годъ былъ самымъ плодотворнымъ въ его дѣятельности.

638. ДОМНѢКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(т. III, стр. 92).

Окончено 10 октября, напечатано въ «Новосельѣ» Смирдина 1833 г., безъ строфъ IV—IX и XV—XXII, которыя явились только въ 1855 г., въ приложеніи къ «Матеріаламъ» Анненкова. Подлинникъ — въ рукописи Рум. Муз. № 2376 А. Здѣсь послѣ V-й строфы зачеркнуто:

Октавы трудны. Взявъ уловку лисью,
Сказать я бѣ могъ, что кисель винограды:
Мнѣ, видю, съ ними надъ парнасской
высью

Вѣкъ не бывать! Не лучше ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью?
Ужъ рюемами кой-какъ онѣ бренчатъ,
Кой-какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту!

Чослѣ строфы VIII-й зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако,
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
Ломается проворно и легко,
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
Они ворчатъ: «Уймется ль негодяй?
«Какой повѣса! экой разгильдяй!»

Строфа XV-я первоначально была написана такъ:

И тамъ копынуты себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи,
Кто ракомъ пьется, кто въется змѣйкой...
Но, Муза,—имъ и въ шутку не грози,—
Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
Оборванной, и вмѣсто похвалы
Поставимъ въ уголъ «Сѣверной Пчелы».

«Тѣлогрѣйка» — намекъ на выраженіе «душегрѣйка повѣйшаго унынія» — въ статьѣ Н. В. Кирѣевскаго о современной литературѣ, въ альманахѣ Максимовича: «Дешница». Въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ говоритъ, что «журналисты наши подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ, какъ ими шеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику»...

Въ строфѣ XVIII-й Пушкинъ, предполагавшій напечатать «Домикъ» безъ подписи, намекаетъ на свое авторство, припоминая слова Руслана: «Я вду, вду — не свищу, а какъ пафду — не спущу».

Въ строфѣ II-й упоминается «Шихматовъ богомольный», — тотъ самый, который, подъ именемъ «Риёматова», явился еще въ первомъ напечатанномъ стихотвореніи Пушкина: «Къ другу-стихотворцу». Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783—1837), воспитанникъ Морского корпуса, до 1827 года служилъ въ морскому вѣдомству, затѣмъ вышелъ въ отставку и въ 1830 г. постригся въ монахи подъ именемъ Анникиты. Въ 1832 г. онъ предпринялъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, посѣтилъ Іерусалимъ и на обратномъ пути скончался на Афонѣ. Изъ его литературныхъ произведеній пользовались въ свое время извѣстностью: «Пожарскій, Мипинъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія», «Пѣснь російскому слову» (1809), «Петръ Великій, лирическое пѣсенопѣіе въ 8 пѣсняхъ» (1810), вызвавшее извѣстную эпиграмму Дмитріева: «Какое хочешь имя дай...», «Ночь на гробахъ», подражаніе Юнгу (1812) и «Ночь на размыслиенія» (1814). Стихотворствомъ Шихматова восхищался А. С. Шинниковъ, особенно дѣля у него отсутствіе рюемъ на глаголы, вслѣдствіе чего Батюшковъ, въ своей пародіи: «Пѣвѣ въ Бесѣдѣ словенороссовъ», и назвалъ Шихматова «безглагольнымъ».

Въ строфѣ IV-й вмѣсто «красавцы молодые» первоначально было: «гвардейцы затѣжные». Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» Пушкинъ говоритъ о «лейбъ-гвардіи хрипунахъ».

Въ строфѣ XXVII-й упоминается Фѣдоръ Александровичъ Эмишъ (1735—1770), плодотворный писатель, издатель «Адской Почты» и авторъ многихъ романовъ, изъ которыхъ въ особенности славился «Рожденіе Мирамона».

Въ строфѣ XXVIII-й говорится о двухъ очень распространенныхъ пѣсняхъ: «Стопѣтъ сизый голубочекъ» — И. И. Дмитріева и «Выйду-ль я на рѣченьку» — Ю. А. Межединскаго-Мелецкаго.

Въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его» («Маякъ» 1843, т. X, крит., стр. 30—31) находится слѣдующая эпиграмма на повѣсть Пушкина:

Въ Коломнѣ домикъ чей? Заглавный
листъ — отвѣтъ:

Строитель онаго — извѣстный всѣмъ поэтъ.
Возставъ противу всѣхъ архитектуры правъ,

Къ лачужкѣ онъ подбѣздъ огромнѣйшій
приставилъ;

Иной зонгъ словомъ вдобавокъ говоритъ;
Что домикъ чистенькій соломою покрытъ,
Не стоило труда и начинать избушки
Для столь незначущей и тѣлбущей вер-
хушки.

639. ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

(т. III, стр. 100).

Напечатано въ изд. Анненкова, VII, 96. Какъ видно изъ иереписки Пушкина, именно въ это время карантины, установленныя по случаю холеры, причинили ему много непріятностей.

640. ОТРОКЪ.

(т. III, стр. 100).

«Сѣв. Цвѣты» на 1832 годъ, вмѣстѣ съ стихотвореніями: «Царскосельская статуя», «Риема» и «Трудъ», подъ общимъ заглавіемъ: «Анеологическія эпиграммы», которое было затѣмъ откинуто въ изд. стихотвореній 1832 г. Автографъ—въ библиотекѣ Академіи Наукъ—помѣченъ: «10 октября». Четверостишіе посвящено Ломоносову.

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКОЙ МЫЩАНИНЪ.

(т. III, стр. 100).

Съ пропусками напечатана въ изд. Анненкова, VII, 39 и въ Отеч. Зап. 1846, № 4, отд. VI, стр. 118; полный текстъ данъ въ Рус. Стар. 1879, т. 26, стр. 729 и 1880, т. 28, стр. 357. а также въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ 1880, гдѣ приложенъ и снимокъ съ автографа, помѣченнаго: «16 окт. 1830». Другой автографъ, помѣченный «3 декабря» и смягченный противъ первоначальнаго текста, находится въ альбомѣ С. Н. Батюшковой, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотецѣ. Здѣсь послѣ заглавія слѣдуетъ эпиграфъ, взятый изъ пѣсни Беранже: «Le Vilain»:

Je suis vilain et très-vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain, vilain.

Отрывки записаны въ рукописи Рум. Музея № 2375, В, л. 4, и на двухъ отдѣльныхъ листкахъ, находящихся въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, очень дорожилъ своими семейными преданіями и собиралъ матеріалы для родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, изъ которой успѣлъ обработать только небольшой отрывокъ. «Говоря въ пользу аристократіи», замѣчаетъ поэтъ, «я не корчу англійскаго лорда... но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ... Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка... но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи».—«Древнее русское дворянство», читаемъ въ другой замѣткѣ,—«упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго сословія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древности рода ихъ восходятъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвиче, хохлы вотъ ихъ родоначальники... Хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности, и имена предковъ моихъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшили бы многіе... Прошедшее для насъ не существуетъ... Мы гордимся не славою пред-

ковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баламъ двоюродной сестры. Замѣтите, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости или безнравственности». Ср. «Египетскія Ночи» и сходныя по мысли строфы въ «Родословной моего героя».

Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію «Родословной» послужила направленная противъ Пушкина замѣтка Булгарина въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» 1830, № 94 («Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ»), гдѣ было сказано слѣдующее:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, сиди съ ума множество портовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ,—и всѣ они заговорили о 600-лѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого они есть); однакожъ, это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходи отъ мулатки или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негрійскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рома! Думали ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ? Vanitas vanitatum!»

По поводу этой выходки въ черновыхъ бумагахъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка:

«Въ одной газетѣ (почти официальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ графу Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рома. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево; но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій гражданинъ произносить съ уваженіемъ и не всуе *). Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ».

Въ написанной для «Литературной Газеты» статьѣ «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» Пушкинъ говоритъ: «Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевыхъ, Гречъ и Булгарина—непохвально, и не доводить своими правами и преимуществами—глупо».

Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго ар-

*) Другая, сюда относящаяся замѣтка Пушкина: «Голиковъ говоритъ, что [Ганнибалъ] былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся: у Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими—Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій».

хива» (Спб. 1880, стр. 40), рассказываетъ, какъ поэтъ, гостившій зимою 1830—31 г. въ Остафьевѣ, «во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на: «Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ,—я просто русскій мѣщанинъ». Распространеніе этихъ стиховъ, прибавляетъ князь,—песмотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него, при концѣ, дѣлюю массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургъ...»

Императоръ Николай на представленномъ ему спискѣ «Родословной» написалъ (по-французски): «Всякая брань безцѣстнаго того, кто приносить ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея—презрѣніе. Въ сатирическихъ стихахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно—для чести его разсудка, лучше было бы, если бы они остались въ неизвѣстности» (Анненковъ, Мат., 245; Шляпкинъ. Изъ бумагъ А. С. П., 132).

Изъ историческихъ личностей въ «Родословной» упоминаются: «лейбъ-кучеръ» императора Александра I Изъя Ив. Байковъ, болѣе 20 лѣтъ возившій государя по Россіи и за границей и получившій дворянское достоинство; «торговавшій блинами» кн. А. Д. Меншиковъ, «прыгнувшій изъ хохловъ» кн. Безбородко, «пѣвшій на крылосѣ» гр. Разумовскій и камердинеръ императора Павла—гр. Кутайсовъ. Въ 4-й стрѣфѣ Пушкинъ говоритъ о своемъ предкѣ Радшѣ или Рачѣ, а далѣе вспоминаетъ позднѣйшихъ своихъ предковъ. «Имя предковъ моихъ», говоритъ поэтъ въ «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ»,—«встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, удѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ даря Ивана Васильевича Грознаго, историографъ именуетъ и Пушкиныхъ... Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ во время междоусобицы, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло... Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ... При Петрѣ I стольникъ Федоръ Матвѣевичъ Пушкинъ удостоенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казнѣнъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ... Левъ Александровичъ Пушкинъ служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ... Дѣдъ моей матери былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ серала, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его къ Петру вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами...

642. СТАМБУЛЪ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 242, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Начало поэмы». Рукописи—въ Рум. Муз. № 2376 В, л. 3 и 20, и

въ библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова). Въ изд. посмертномъ и Анненкова послѣдній стихъ 5-й строфы читается: «Евнухи наши въ нихъ не спятъ». Въ рукописи послѣ этого стиха *зачеркнуто*:

Въ насъ умъ владѣть плотью дикой,
А покоренъ Корану умъ,
И потому Пророкъ великой
Хранить какъ око свой Арзрумъ.

Въ концѣ стихотворенія 4 стиха (3—6 съ конца) почти дословно взяты изъ стихотворенія 1828 г. «Опричникъ».

Въ рукописи стихотвореніе помѣчено 17 октябрю. Въ послѣдствіи Пушкинъ воспроизвелъ его, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ «Путешествіи въ Арзрумъ», гдѣ его сочиненіе приписано небывалому турецкому поэту Аминъ-Оглу. Содержаніемъ стихотворенія служить рассказъ объ истребленіи янычаръ султаномъ Махмудомъ II послѣ ихъ возстанія въ Константинополѣ (1826 г.), отличавшемся особенною жестокостю. Первый стихъ намекаетъ на тѣ похвалы и добрыя пожеланія, которыми западные друзья султана встрѣтили задуманные имъ реформы, надѣясь найти въ немъ союзника противъ Россіи. См. Н. И. Черныева, Критич. ст. и зам. о Пушкинѣ, Харьк., 1900, стр. 1—32.

642. ЗАКЛИНАНИЕ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 164, по рукописи, находящейся нынѣ въ библіотекѣ Академіи Наукъ (недоступное общему пользованію собр. Майкова). Въ посмертномъ изд. 2-й стихъ послѣдней строфы читается, согласно съ подлинникомъ:

Чтобъ укорять людей, чья злоба
у Анненкова же—опечатка: «чтобъ укорять то го», повторенная всѣми позднѣйшими изданіями. Вторая строфа въ рукописи зачеркнута, почему и напечатана въ настоящемъ изданіи въ скобкахъ. Помѣта рукописи: 17 октября, Болдино.

Это стихотвореніе, по своему содержанію, находится въ тѣсной связи съ элегіей: «Для береговъ отчизны дальней» и стихотвореніемъ: «Разставаніе»; будучи взяты всѣ вмѣстѣ, эти три пьесы составляютъ, по выраженію Анненкова, одну трехчленную лирическую пѣснь.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(т. III, стр. 109).

Напечатано въ «Современникѣ» 1836 г. Рукопись (Рум. Муз. № 2376 В) помѣчена: 23 октября 1830, Болдино. О текстѣ см. замѣтку П. В. Петрова въ Литер. Вѣстн. 1901, I, 432.

По вопросу объ источникѣ драмы комментаторами были высказаны весьма разнообразныя мнѣнія. Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 278) объяснялъ ссылку на небывалаго Ченстопа боязнью «примѣненій и неосновательныхъ толковъ»; эта мысль была развита А. И. Кирпичниковымъ, который прямо указалъ (Рус. Стар. 1899, № 2, стр. 441, и Очерки нов. рус. лит., II, 44), что Пушкинъ хо

тѣмъ изобразить собственныя отношенія къ отцу, который въ юношескіе годы порта давалъ ему очень мало денегъ. Н. О. Сумцовъ («Пушкинъ», 255—256), вслѣдъ за П. А. Кулаковскимъ (Объ иллюризмѣ, 69), указалъ на монологъ стараго скупца Фабіена въ комедіи стариннаго хорватскаго писателя Андрича: «Любомировичъ, или истинный другъ» (передѣлка «Il vero amico» Гольдони), изданной Томою Миклоушичемъ въ Загребѣ, 1821 г. Но эта пьеса, конечно, не была извѣстна Пушкину. (См. замѣтку А. Н. Сиротина въ Рус. Арх. 1909, кн. 11, стр. 222). А. А. Чебышевъ, въ замѣткѣ, напечатанной въ сборникѣ: «Памяти А. Н. Майкова» (Спб. 1903, стр. 489—501), обратилъ вниманіе на пьесу Мильмана (1791—1868) «Фадіо», съ которою Пушкинъ могъ познакомиться по бывшему у него въ рукахъ парижскому изданію: «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», P. 1829. Въ этой пьесѣ выведенъ, между прочимъ, старый скряга Бартоло, о которомъ Фадіо рассказываетъ, что «онъ любовался сквозъ боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоценности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря... Его хорьковыя глаза сладострастно наслаждались этими драгоценностями, подобно сапфирову, любующемуся спящей нимфой. И когда ему вдругъ послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь». Указанная черта сходства этого разсказа съ монологомъ барона въ подвалѣ представляется, однако, незначительною. Гораздо ближе къ этому монологу стоятъ: сцена изъ романа Вальтеръ-Скотта «Пертская Красавица», отмѣченная еще А. Д. Галаховымъ (въ статьѣ о занимательностяхъ рус. поэтовъ, въ Рус. Стар. 1888, № 1), и строфы VIII—X двѣнадцатой пѣсни байроновскаго «Донъ-Жуана», конечно, также хорошо извѣстныя Пушкину:

«Скряга—поэтъ въ душѣ. Скупость, эта чистѣйшая изъ страстей, будучи отраженіемъ его золотыхъ слитковъ, для пріобрѣтенія которыхъ народы переплываютъ океанъ, доставляетъ ему блаженство обладанія. Для него слитки изъ темныхъ рудниковъ блещутъ золотыми лучами, бриллианты проливаютъ на него свое сверкающее пламя, а нѣжный блескъ изумрудовъ умѣряетъ цвѣтъ другихъ камней, улаждающихъ его взоры. Ему принадлежатъ земли обонхъ полушарій... а онъ, чуждый всѣхъ порывовъ чувственности, довольствуется тѣмъ, что повѣлываетъ всѣмъ его окружающимъ, какъ правственный неограниченный монархъ», и проч.

643. МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(т. III, стр. 127).

Библиографическія и литературныя указанія см. въ т. III, стр. 118—126.

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ.

(т. III, стр. 133).

Рукописи—Рум. Муз. № 2372, л. 95 об., и библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова, № 49). Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 163, и въ изд.

Анненкова, II, 527. Музейная рукопись представляетъ вариантъ послѣдняго стиха: «Смысла я въ тебѣ ищу». Тамъ же, среди исчерканныхъ строкъ, можно еще прочесть:

(Мнѣ ночь отрада)
(Я проснулся, но лѣживо)

Длятся ночи декабря. . .

Стихотвореніе написано, однако, не въ декабрѣ, а въ октябрѣ, о чемъ свидѣлствуетъ пометка рукописи (ср. Анненкова, Мат., изд. 2-е, 299). По замѣчанію проф. Н. О. Сумцова («Пушкинъ», 80), эти стихи вышли изъ душевнаго настроенія, породившаго ранѣе, въ 1828 году, стихотвореніе «Даръ напрасный». Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ обнаруживается стремленіе проникнуть въ тайны жизни. Стихотвореніе 1828 г. болѣе пессимистично. Здѣсь поэтъ прямо говорить: «томить меня тоскою однозвучной жизни шумъ», а въ стихахъ 1830 г. только чувствуется эта тоска, чувствуется презрительное отношеніе къ жизни, какъ «бабѣму лепетанью парки». Любопытная черта—опредѣленіе интенсивности жизни по звукамъ, обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напр. въ «Пророкѣ».

Ночныя впечатлѣнія, повидимому, имѣли важное значеніе въ творчествѣ Пушкина. По собственному его признанію, ночь вдохновляла его, окрыляла его воображеніе. Это признаніе чаще всего встрѣчается въ стихотвореніяхъ 1830 г. Такъ, въ «Моцартъ и Сальери» упоминается «творческая ночь», въ «Трудѣ» поэтъ говоритъ, что ему жаль труда «молчаливаго спутника ночи», и т. д. Пушкинъ часто писалъ по ночамъ.

647. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

(т. III, стр. 133).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 172, вмѣстѣ съ другимъ, позднѣйшимъ (1832 г.) стихотвореніемъ: «И далѣ мы пошли...», подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Подражаніе Данту». Подлинникъ, бывшій у Анненкова, а теперь находящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ (собр. Майкова), представляетъ варианты (см. Анненкова, Мат., изд. 2-е, стр. 299):

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много;
Какъ на градѣ одной цвѣтовъ семья,
Росли ровнио мы; за нами строго
Смотрѣла нѣкая жена...

Во 2-мъ стихѣ X-й терцины, послѣ словъ: «И свитки въ», знакъ (?) поставленъ на мѣстѣ пропущеннаго посмертнымъ изданіемъ и не возстановленнаго Анненковымъ слова. Можно предположить: «бѣлыхъ».

Все «подражаніе Данту» въ этомъ отрывкѣ ограничивается формою стиха, — терцинами, похожими на тѣ, какими написана «Божественная Комедія». По содержанію же своему отрывокъ не имѣетъ ничего общаго съ Данте и его временемъ, такъ какъ здѣсь рисуется школа эпохи лишь поздняго Возрожденія. Анненковъ (Мат., 300)

подмѣтилъ въ немъ, вмѣстѣ съ глубокими чертами поэзіи, «первый проблескъ того эпического пастроения, которое впоследствии развилось у Пушкина и опредѣлило всю поэтическую его дѣятельность... Съ 1830 года мысль автора начинает преимущественно выбирать повѣствованіе для проявленія своего—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно»...

Стихотвореніе представляется только вступлениемъ къ разсказу, и неизвѣстно, какъ бы развивался этотъ разсказъ далѣе. Судя по началу, можно догадываться, что ближайшее повѣствованіе должно было коснуться борьбы съ тѣми искусствами, какія являлись юношѣ, «въ началѣ жизни», въ образѣ двухъ прекрасныхъ «идоловъ» таинственнаго сада, увлекая его прочь отъ строгой, величавой «жены», отъ яснаго, свѣтлаго жизненнаго идеала. Однако, видѣть въ этихъ «идолахъ», какъ это допускаетъ Д. С. Мережковский («Вѣчные Спутники», 514—516), олицетвереніе двухъ противоположныхъ началъ—«аполлоновскаго» и «діонисовскаго», значило бы—приписывать Пушкину мысли, которыя болѣе полувѣка спустя были развиты Ницше. Да въ такомъ анахронизмѣ нѣтъ и нужды. Кто не сходилъ въ своей жизни, хотя-бы на минуту, съ прямого пути подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ побужденій? Кому не являлись эти два «демона», оба равно прекрасные и лживые? Въ подчиненіи тому или другому изъ нихъ—вѣчная причина человѣческаго паденія, нравственной неустойчивости, затмѣнія духа; въ борьбѣ съ ними—нравственное просвѣтленіе и мѣра душевныхъ силъ каждаго; въ рѣшительной побѣдѣ надъ ними—подвигъ возрожденія и ясный покой души, высшая мудрость... По своему символическому характеру настоящій отрывокъ стоитъ одиноко среди произведеній Пушкина, всегда простыхъ и ясныхъ,—и какъ-то особенно привлекаетъ своею незаконченностью и таинственностью...

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

(т. III, стр. 133).

По рукописи Рум. Муз. № 2574, л. 77 об. впервые напечатано въ изд. Литературнаго Фонда (1887) и затѣмъ—въ изд. «Просвѣщеніе» (V, 640-642). Въ настоящемъ изданіи кое-что прочитано точнѣе (см. въ исторіи текста). По вѣроятному предположенію Н. О. Лернера («Труды и дни», изд. 2-е, 225), написано въ Болдинѣ и послано оттуда 4 ноября бар. Дельвигу съ письмомъ, въ которомъ Пушкинъ доносилъ, какъ вассалъ своему сюзерену, что «нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарадинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоёмъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглой годъ». Впоследствии Пушкинъ переписалъ романсъ изъ прежней тетради въ другую (№ 2384, л. 49 об.), съ передѣлками и сокращеніями, и вставилъ его въ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»¹⁾.

¹⁾ Стихъ: «Полонъ (дѣтскою) любовью» можетъ-быть вѣрнѣе читать: Тѣмъ дѣвственн ой любовью».

«Подъ возбуждающимъ вліяніемъ живописи и скульптуры возникло представленіе о Мадоннѣ, какъ о прекрасной женщинѣ, и экзальтированные, иногда прямо сумасшедшіе, рыцари влюблялись въ картины Мадонны, избирали Богоматерь дамой своего сердца и совершали въ честь ея подвиги. Это—крайнее выраженіе извѣстнаго рыцарскаго служенія женщинѣ... Пушкинскій рыцарь—типичный средневѣковой рыцарь эпохи крестовыхъ походовъ, храбрый, мрачный, суровый, склонный къ мечтательности, съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ... Онъ представляетъ родственныя черты съ Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ и Донъ-Кихотомъ. Въ романсѣ, несмотря на незначительный его объемъ (пр. Сумцовъ говоритъ о редакціи «Сценъ изъ рыц. временъ»), мѣтко очерчены главныя черты средневѣковой жизни—поклоненіе Мадоннѣ, уваженіе къ женщинѣ, войны съ мусульманами, рыцарское вооруженіе и рыцарская экзальтированность¹⁾. (Сумцовъ, «Пушк.», 159—160).

649. ГЕРОЙ.

(т. III, стр. 134).

Напечатано, безъ подписи автора, въ «Телескопѣ» 1831, № 1, а съ именемъ Пушкина впервые явилось въ «Современникѣ» 1837, № 5, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ: Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина Герой. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры, въ 1830 году, изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что напечаталъ объ немъ: «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное».—Я напечаталъ стихи тогда въ «Телескопѣ» (1831, № 1, безъ подписи) и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: утѣшся!—29 сентября 1830,—есть день прибытія Государи Императора въ Москву во время холеры».

Послѣщенія Николаемъ I холерной Москвы вызвало въ Пушкинѣ искренній энтузіазмъ. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (Рум. Муз. № 2385) читаемъ: «Нынѣ дарствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г., во время заразы, принадлежитъ будущему историкъ».

Автографъ «Героя» находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ и не представляетъ никакихъ отличій отъ напечатаннаго. Ссылка на мемуары Бурена слѣдана самимъ Пушкинымъ, но къ ней редакція «Современника» присоединила свое объясненіе: «Буренъ въ запискахъ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яфѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободранія ихъ. «J'affirme», говорить онъ, «ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré».

Стихи (стр. 134): «Сей ратникъ, Вольностью

¹⁾ Ср. въ VI т. статью «Въ лабораторіи генія» и примѣч. къ «Сценамъ изъ рыцар. временъ». *Ред.*

вѣнчанпый, исчезнувшій, какъ тѣнь зари» представляютъ повтореніе стиха изъ отрывка 1823 г. «Недвижный стражъ дремать»,—«Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари», и, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторены въ удѣлѣвшемъ стрывкѣ изъ X-й главы «Онѣгина» («Пушк. и его совр.», XIII, 4), гдѣ сказано: «Сей всадникъ, Папою вѣнчанпый, исчезнувшій, какъ тѣнь зари, сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный, предъ кѣмъ унизились (цари)». См. тамъ же замѣтку П. О. Морозова.

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

(т. III, стр. 147).

Пьеса извѣстна въ рукописяхъ Рум. Музея № 2376 Б. (л. 1—9, 54—61), 2377 А (л. 23) и 2387 Б (л. 46 об.), а напечатана впервые только послѣ смерти Пушкина, въ сборникѣ: «Сто Русскихъ Литераторовъ» (Спб. 1839), съ произвольными поправками и пропусками и съ замѣною пушкинскаго правописанія «Донъ-Гуанъ», болѣе близкаго къ испанскому произношенію, общепринятымъ у насъ—«Донъ-Жуанъ».

Какъ уже указано въ статьѣ П. А. Котляревскаго (III, 139), первая обработка легенды о Донъ-Жуанѣ принадлежитъ Тирсо-де-Молина (Габріэль Теллезъ), автору пьесы «Севильскій распутникъ и Каменный гость» (1634). Эта пьеса сразу приобрѣла широкую популярность не только въ Испаніи, но и за ея предѣлами. Въ 1652 г. она была представлена въ Неаполѣ и вызвала въ итальянской литературѣ XVII вѣка дѣлный рядъ подражаній и переделокъ. Странствующія труппы итальянскихъ актеровъ занесли ее, въ видѣ *commedia dell' arte*, во Францію. Въ 1658 г. одинъ изъ нарижскихъ актеровъ, Доримонъ, переделалъ итальянскую пьесу въ плохіе французскіе стихи, причемъ въ самомъ заглавіи допущена была ошибка, происшедшая отъ описки въ итальянскомъ текстѣ: вмѣсто *convitato di pietra* (каменный гость) было прочитано *convito* (пирь), и слово *pietra* (камень) замѣнено собственнымъ именемъ Pietro (или Педро); такимъ образомъ, пьеса получила заглавіе: «*Le Festin de Pierre*» («Пиръ Петра»); а такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ никакого «Петра» не оказалось, то рѣшено было дать это имя командору (прежде безымянному), котораго убиваетъ Донъ-Жуанъ и оживленная статуя котораго производитъ катастрофу. Любопытно, что эта ошибка Доримона неизмѣнно повторялась всѣми позднѣйшими драматургами, французскими и нѣмецкими,—и только Пушкинъ возвратилъ пьесѣ ея подлинное и правильное заглавіе.

О вариантахъ см. «Исторію текста». Для хронологіи созданія «Каменнаго Гостя» интересно, что Пушкинъ еще 1 марта 1828 г. вписалъ въ альбомъ извѣстной пианистки Шмаповской стихи, включенные потомъ во II сцену драмы (стр. 151):

Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь—мелодія...

(См. замѣтку Н. О. Лернера въ Историч. Вѣсти. 1905. июнь. 348—349).

651. Я ЗДѢСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ.

(т. III, стр. 162).

Впервые напечатано въ 1834 г. съ нотами М. И. Глинки; затѣмъ появилось въ «Отеч. Запискахъ» 1841, № 8; посмертнымъ изданіемъ пропущено, и вновь напечатано только Анненковымъ (Мат., 2-е изд. 302), у котораго былъ и автографъ стихотворенія, подаренный имъ М. П. Боткиной (Шепшиной) и сохранившійся въ ея альбомѣ (см. «Пушк. и совр.», XII, 1—6) При печатаніи стихотворенія Анненковъ допустилъ два отступленія отъ вполне четкой рукописи: 1) во 2-мъ стихѣ 1-го куплета Пушкинымъ напечатано: «Я здѣсь (а не «стою») подъ окномъ» и 2) въ 3-мъ куплетѣ послѣдній стихъ читается въ автографѣ: «То тѣмъ (а не «мечемъ») уложу». Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ изданіи 1834 (съ музыкой Глинки) напечатано: 1) «Я здѣсь подъ окномъ», но 2) «Мечемъ уложу», Автографъ помѣченъ: «9 окт. 1830 Болд.».

Анненковъ указалъ, что поводомъ къ сочиненію этой пьесы послужило стихотвореніе Baggy Cornwall «Серенада», изъ котораго Пушкинъ взялъ только первый стихъ: «*Inesilla, I am here*», да вопросъ: «что медлишь?» Все остальное сочинено нашимъ поэтомъ совершенно самостоятельно. Очень вѣроятно, что этотъ романсъ долженъ былъ войти во II сцену «Каменнаго Гостя», какъ одна изъ пѣсенъ Лауры.

По замѣчанію Анненкова, Пушкинъ до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ Барри Корнуоллю,—«вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и пріемамъ старыхъ драматурговъ Англіи». За четыре дня до своей смерти поэтъ писалъ А. О. Ишимовой: «Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Baggy Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ?» Ишимова дѣйствительно, перевела пять изъ этихъ очерковъ,—вѣроятно, указанныхъ Пушкинымъ; они были напечатаны въ VIII томѣ «Современника» 1837 г. Самъ же Пушкинъ перевелъ изъ Б. Корнуолля «Пиръ во время чумы», см. ниже.

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

(т. III, стр. 163).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 161, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Романсъ». Подлинникъ находится въ бібліотекѣ Академіи Наукъ (собр. А. Л. Майковъ). Можетъ быть также предназначалось для II-й сцены «Каменнаго Гостя».

653. НА ПЕРЕВОДѢ ПЛАДЫ.

(т. III, стр. 164).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розепа «Альціона» 1832 г. стр. 79. и повторено въ изд. 1832 г. (III, 27), съ исправленіемъ 1-го стиха, читавшагося въ альманахѣ: «Слышу бо жественный звукъ воскреснувшей эллинской рѣчи». Чертовое двустишіе находится въ записной книжкѣ Пушкина, поступившей въ Имп. Публ. бібліотеку

вмѣстѣ съ бумагами А. А. Краевского. Здѣсь имѣется и помѣта: «8 №» (ноября). Замѣтка Пушкина «О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича», напеч. въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 2 (6 янв.), възвала восторженную благодарность Гнѣдича, который тотчасъ же написалъ Пушкину: «Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше дарскихъ перстней».

Однако поэтъ, прежде чѣмъ выразить свое одобреніе труду Гнѣдича въ формѣ классическаго двустипіа, воспользовался той же формою для выраженія иной мысли—не хвалебной, а сатирической. Въ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина въ библиотекѣ Академіи Наукъ нашелся листокъ въ восьмьюшку писчей бумаги, мелко съ обѣихъ сторонъ исписанный. Здѣсь находятся стихотворенія, набросанныя Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ первой половинѣ октября 1830 г., а именно: на лицевой сторонѣ «Румяный критикъ мой...», а на оборотѣ—«Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ» и, нѣсколько ниже,—отрывокъ: «Куда же ты?»—въ Москву». Между этими двумя стихотвореніями написано и затѣмъ старательно зачеркнуто двустипіе, которое, однако же, оказалось возможнымъ восстановить:

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, предлагатель
сѣнова Гомера;

Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его
переводъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, по чутьемъ догадавшійся о томъ недостаткѣ перевода Иліады, въ которой критика стала въслѣдствіи упрекать Гнѣдича,—объ его напыщенности, выразившейся въ обилии славизмовъ,—не могъ удержаться, чтобы не колънуть переводчика эпиграммою. Но, вѣроятно, опасаясь, что эта вспышка юмора можетъ какъ-нибудь дойти до крайне самолюбиваго Гнѣдича и испортить существовавшій между обоими поэтами добрый отношеніи, поторопился ее зачеркнуть съ особенною тщательностью и замѣнить двустипіемъ совсѣмъ иного рода. См. замѣтку П. О. Морозова, «Пушк. и его совр.», XIII, 13—17.

654. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

(т. III, стр. 164).

Впервые напечатано въ альманахѣ Владиславлева «Утренняя Заря» 1841 г., подъ заглавіемъ: «Разлука». Въ автографѣ, помѣченномъ 27 ноября и принадлежащемъ нынѣ Е. И. В. Кн. Константину Константиновичу, стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальшой
Ты покидала край родной.

«Трудно рѣшить», говоритъ Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 189), «которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ». Но, по существу, обѣ редакціи выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отбывдѣ г-жи Ризницъ изъ Одессы въ Италію,—изъ родного поэту, но чужого для нея русскаго края въ дальнюю для него чужбину, для нея—отчизну.

«Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія?» спрашиваетъ Катковъ.—«Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто безконечно оригинальное. Въ этихъ непогихъ строкахъ—цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгноженіе, которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ... Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ; онъ передалъ всю особенность его проявленія, и передалъ двумя-тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою печальнаго мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простые слова: «Я долго плакалъ предъ тобой!» Какая истина въ этомъ движеніи холодящихъ рукъ, въ этомъ стоѣ, умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится въ поэзіи этой сцены присутствіе нѣжнаго, милого женскаго существа!... Какъ хорошо и какъ кстати, что именно она прерываетъ это страшное томленіе разлуки! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или въ надеждѣ... Надежды не было: она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины,—и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностью и вмѣстѣ важностью. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнить еще объ обѣщанномъ подлѣу свиданія; это нѣжное чувство устояло передъ скорбною торжественностью минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерялось, не отрелось отъ своихъ правъ и предъ зяющею, бездною смерти»...

«Эта пѣса», продолжаетъ тотъ же критикъ,—«есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Это—идея человѣческой личности, это—права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаніи; его поэзіей, преимущественно, эта идея была усвоена русскою жизнью... Если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давнею потребностью, то полное удовлетвореніе себѣ нашла она впервые въ поэзіи Пушкина. Вотъ... существовавшее значеніе его лирики, и вотъ истина, которая утверждена была имъ въ общественномъ сознаніи». (Зеллинскій, Рус. крит. лит. о произ. Пушк. VII, 147—152).

655. КАКЪ ВЕСЕННОЙ ТЕПЛОЙ ПОРОЮ.

(т. III, стр. 165).

Впервые напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, стр. 116), по рукописи Рум. Муз. № 2376 В. л. 5, по которой и исправлено въ изд. Литер. Фонда II, 113.

«Это только аксизъ проба пера», говоритъ

Вс. О. Миллеръ («П-нъ, какъ поэтъ-этнографъ». № 2899, стр. 47—49). «Намъ неизвѣстно, какъ повелъ бы Пушкинъ дальше свою сказку о медвѣдцѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу... Но тѣмъ сильнѣе заинтересовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами какъ будто записъ подлинной народной пѣсни; но всматриваясь въ нее ближе мы замѣчаемъ, что это—попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ,—попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ, «впечатлѣніе деревенской пѣсни, проifton великимъ мастеромъ». Мсжно было бы посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдцѣ съ этнографической точки зрѣнія. Въ ней мы находимъ самое высшее у Пушкина проявленіе его близкаго знакомства съ духомъ русской народной поэзіи и умѣнья художественно воспроизводить ея мотивы... Мы не можемъ точно указать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ. По всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдцѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ», этомъ дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ...» («Въ Пушкинѣ», говоритъ Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи 1880 г., «есть именно что-то сроднившееся съ народомъ въ а правду, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Вспомните сказаніе о медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдцу... и вы поймете, что я хочу сказать».

656. ПИРЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(т. III, стр. 169).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розена «Альциона» (Спб. 1832) и въ томъ же году перепечатано въ собраніи стихотвореній Пушкина (III, 62—77).

Шотландскій поэтъ John Wilson, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Christopher North (1785—1854), принадлежалъ къ такъ наз. «озерной школѣ» поэтовъ, главными представителями которой были Уордсвортъ, Кольриджъ и Саути. Занимая въ Эдинбургскомъ университетѣ кафедру нравственной философіи, онъ былъ въ то же время дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Blackwood's Magazine», въ которомъ печатались его научныя и политическія статьи, стихотворенія и рассказы. Его драматическая поэма «Чумный городъ» (1816) изображаетъ эпизоды изъ времени «великой чумы» 1666 г. въ Лондонѣ. Пушкинъ перевелъ только 4-ю сцену I дѣйствія этой пьесы.

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

(т. III, стр. 173).

Напечатано въ альманахѣ «Денница» 1831 г., стр. 90, и въ изд. 1832 г. (III, 60—61), подъ заглавіемъ: «Пѣсня», указаннымъ только въ оглавленіи.

Отдаленное подражаніе пѣснѣ Барри Корнуолля, первый стихъ которой взятъ эпиграфомъ. Пушкинъ сохранилъ только общій тонъ этой пѣсни, но значительно измѣнилъ содержаніе.

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

(т. III, стр. 174).

Вмѣстѣ съ стихотвореніями: «Отрокъ», «Рифма» и «Трудъ» напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г., подъ общимъ заглавіемъ: «Анеологическія эпиграммы», и затѣмъ вошло въ изд. 1832 г. (III, 84). Въ стихѣ 2-мъ слѣдуетъ читать: «Дѣва печально сидитъ»: такъ въ рукописи и въ изд. 1832 г.—Помѣта: 1 октября. Въ стихотвореніи изображается одинъ изъ царскосельскихъ фонтановъ («La Cruche cassée»).

659. РИФМА.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же. (Ср. набросокъ 1828 г. о рифмѣ, настоящ. изд. II, 501, № 566).

660. ТРУДЪ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же.

«Только въ искусствѣ», говоритъ Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 171—172), «находилъ Пушкинъ благородное разрѣшеніе противорѣчій собственнаго своего существованія, только въ немъ примирялся онъ съ самимъ собою и сознавалъ себя въ высочайшемъ нравственномъ значеніи. Впослѣдствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ еще глубже погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспринималъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцомъ, независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ вѣрнымъ судьей своихъ произведеній... Къ концу своего поприща онъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ, ничего не значить въ глазахъ поэта, а важны для послѣдняго только высокія наслажденія, доставляемые теченіемъ труда. Эта мысль и нашла себѣ выраженіе въ настоящемъ стихотвореніи, ближайшимъ поводомъ къ которому послужило, можетъ быть, завершеніе многолѣтняго труда надъ «Евгеніемъ Онѣгнымъ».

661. НОВОСЕЛЬЕ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано въ альманахѣ «Спиртка» 1831 г., стр. 39, и въ изд. 1832 (III, 107), подъ заглавіемъ: «Новоселіе» и съ припискою: «Къ *». Написано въ концѣ года и относится къ старинному, еще

отъ временъ даркосельскихъ, пріятелю Пушкина, Павлу Воиновичу Нащокину. «Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Нащокинъ, служившій въ даркосельскихъ гусарахъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онъ у него бывали, и не требуя отдачи. Друзьями его были, между прочимъ, кн. Вяземскій, гр. Вѣльгорскій, а въ послѣдствіи — Гоголь. Нащокинъ привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переносившимъ не научной, но врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ-либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу. Бывая въ Москвѣ, Пушкинъ чаще всего останавливался въ домѣ Нащокина, у Старого Пимена» (Полिवановъ, Соч. Пушкин., I, 313). См. выше статью М. О. Гершензона и Воспоминанія В. А. Нащокиной въ Нов. Врем. 1898, 30 сент., № 8115.

662. УЖЪ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХНУЛА.

См. № 637, т. III, стр. 175.

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ ОТКРЫТОМЪ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано въ «Москвитянинѣ» 1841, № 1, подъ заглавіемъ: «Десять неизвѣстныхъ стиховъ Пушкина» и съ выноской: «Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 году и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, Осеннее чувство. М. П[огодинъ]». Подъ этимъ заглавіемъ отрывокъ и былъ напечатанъ въ посмертномъ изд., IX, 141, и въ изд. Анненкова, II, 516. Безъ всякаго заглавія онъ находится въ рукописи Рум. Муз. № 2387 В, л. 6, среди прозаическихъ черновыхъ набросковъ 1830 г.; по этой рукописи онъ и напечатанъ въ изд. Литер. Фонда. Въ изданіяхъ посм. и Анн. послѣ первыхъ 4-хъ стиховъ слѣдуетъ строка точекъ, а за нею—два стиха, которыхъ нѣтъ въ рукописи:

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый,
Черезъ потокъ оледенѣлый!

и опять строка точекъ. Послѣднихъ четырехъ стиховъ въ прежнихъ изданіяхъ не было. Изъ нихъ 3-й стихъ съ конца имѣетъ первоначальный вариантъ:

(На небѣ мертво и) темно.

Можетъ быть, этотъ отрывокъ, какъ и № 662, предназначался для «Онѣгина».

664. О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

(т. III, стр. 175).

По рукописи, теперь неизвѣстной, напечатано Анненковымъ, VII, 106, причемъ стихъ 14-й, безъ

сомнѣнія, прочитанъ невѣрно, ибо Пушкинъ не могъ написать безграмотнаго выраженія: «А если же». По своему содержанію и топу это стихотвореніе представляется довольно загадочнымъ: оно не подходитъ къ общему настроенію Пушкина въ 1830 г. и скорѣе могло бы быть отнесено къ болѣе раннему времени,—если вообще допустить его принадлежность нашему поэту.

665. МЕДОКЪ.

(т. III, стр. 175).

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIII, 320, по рукописи Рум. Муз. № 2373, л. 1; затѣмъ, съ нѣкоторыми исправленіями,—въ изд. Лит. Фонда, II, 125.

Madoc—поэма Саути, воспѣвающая легендарнаго уэльскаго моряка, будто бы открывшаго и завоеваващаго Мексику. Она дѣлится на двѣ части: I. Madoc in Wales; II. Madoc in Aztlan. Пушкинъ перевелъ, очень близко къ подлиннику, 26 стиховъ I части, озаглавивъ ее: «Медокъ въ Уэльсѣ», но потомъ оставилъ этотъ переводъ неотдѣланнымъ, какъ и всѣ прочіе свои попытки въ этомъ родѣ, потому что неспособенъ былъ надолго подчиняться чужой мысли.

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОИ БРАТЬ НАЗВАННЫЙ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIV, 83, по рукописи Рум. Муз. № 2376 Б, л. 4, и съ поправками—въ изд. Лит. Фонда, II, 126. Очевидно, начало посланія къ Дельвигу.

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЪ ПИСЬМО.

(т. III, стр. 176).

По черновому автографу напечатано И. А. Шляпкинымъ: «Изъ неизд. бумагъ А. С. П.—на» (Спб. 1903), стр. 44—45. По замѣчанію Шляпкина, начало какъ будто напоминаетъ повѣсть «Арапъ Петра Великаго»: Ибрагима въ Парижѣ представляетъ графиня Л. милодой Мервилъ (здѣсь—Дорвилъ, имя одной французской актрисы 30-хъ гг.). Когда они сошлись, графиня, увидя себя предметомъ насмѣшекъ, «то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно... Обнаружилось слѣдствие неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ея...» Графа, «который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ», нашли способъ удалять, и пр.

668. ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ
ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкииъ, изъ неизд. бум., 12. Стихъ 1-й, написанъ кн. П. А. Вяземскимъ, 2-й, 4-й и 7-й — Жуковскимъ, 3-й — Пушкинымъ; почерки стиховъ 5-го и 6-го опредѣлить не удалось. В. Л. Пушкинъ скончался 30 августа 1830 г., а упомянутая во 2-мъ стихѣ повѣсть его «Капитанъ Храбровъ» написана въ 1828—29 гг. Такимъ образомъ, коллективное посланіе было написано въ 1829—1830 г., — можетъ быть, въ отвѣтъ на посланіе Вас. Льв. «Поэтъ-племянникъ, справедливо»..., напечатанное въ «Моск. Телегр.» 1829, ч. XXVI. Судя по тому, что оно осталось въ бумагахъ Пушкина, надо думать, что оно вовсе не было послано по назначенію. «Плѣнительный толмачъ и Градій и скотовъ» — намекъ на антологическія стихотворенія и басни В. А. Къ этому стиху въ рукописи сдѣлана была выноска, но потомъ оторвана.

О В. Л. Пушкинѣ см. дальше статью Н. К. Пискапова.

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкииъ, Изъ неизд. бум., 13—14. Рафѣ было напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, 336) только извлеченіе пезачеркнутыхъ строкъ. Шляпкииъ сближаетъ этотъ набросокъ съ описаніемъ кладбища въ повѣсти «Стандіонный Смотритель»: «Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища».

670. НАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРН ЯСНОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ же, 15, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 335. Первоначально было написано:

Надо мной сводъ неба ясный,
Прямо — звѣздочка одна

«Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зарождавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возстававшіе въ душѣ его», говоритъ Анненковъ. «Вѣроятно, онъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зпждущей способности даже въ минуты наружнаго ея покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ... и онъ внимательно прислушивался къ нимъ»...

671. ОПЯТЬ УВѢНЧАНЫ.

(т. III, стр. 178).

Шляпкииъ, Изъ неизд. бум., 16—17. Относится къ окончанію русско-турецкой войны 1829 г. Адрианопольскій миръ заключенъ 2 сентября 1829 г.

672. ЖЕНИСЬ—НА КОМЪ—НА ВѢРЪ ЧАЦКОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 22.

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 20—21, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 338 (только первые 4 стиха). Въ исчерпанной черновой можно прочесть еще:

На нихъ основано семейство
И ты къ Отечеству любовь
.....
Животворящая святѣица!
Земля была безъ нихъ мертва
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ пустыня
Душа алтарь безъ божества.

См. П. Е. Щеголева. Ненаписанныя стихотворенія П-на «Истор. Вѣстн.» 1904, янв.

П. Морозовъ.

Отъ редакціи. О нашемъ чтеніи спорныхъ мѣстъ, см. въ VI т. «Исторію Пушкинскаго текста.»

С. В.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Имя Василя Львовича Пушкина часто мелькает на страницах русской литературной историографии. Знаток иностранных языков и французской поэзии, собственник замѣчательной библиотеки, авторъ пресловутаго «Опаснаго Собѣда», горячій участникъ борьбы шишковистовъ съ карамзинистами, дѣятельный членъ «Арзамаса», свой человекъ въ «олигархическомъ» кружкѣ Карамзина, Жуковского, Батюшкова и Вяземскаго, наконецъ—дядя гениальнаго племянника, относившагося къ нему съ симпатіей,—Василій Львовичъ неизбежно упоминается всюду, гдѣ идетъ рѣчь о литературѣ александровскаго времени и легко можетъ производить впечатлѣніе литературной и культурной значительности. Такому впечатлѣнію содѣйствовали и его пріятель—арзамасецъ, по правдѣ говоря, не очень-то уважавшій легкомысленнаго сочлена, но въ официальныхъ случаяхъ неумѣренно восхвалявшій его въ стихахъ и прозѣ. Нашелся и историкъ, проф. Хазанскій, который—въ тонѣ этимъ пріятельскимъ восхваленіямъ—высоко оцѣнилъ литературныя заслуги Василя Львовича и его поэтическое—и даже нравственное—вліяніе на племянника. Взгляды проф. Хазанскаго были усвоены г. П. Смирновскимъ и пересказаны имъ въ «учебномъ пособіи», такъ что грозятъ перейти въ обиходъ учителей словесности и школьничковъ.

Однако, болѣе осторожное отношеніе къ литературной традиціи и непосредственное знакомство съ біографіей и сочиненіями Василя Львовича приводятъ къ инымъ оцѣнкамъ и выводамъ.

Василій Львовичъ родился 27-го апрѣля 1770 (по другимъ даннымъ—1767) года, въ Москвѣ, и былъ старшимъ братомъ Сергія Львовича, отца поэта. Его дѣтство прошло въ тяжелой семейной обстановкѣ. Отецъ, Левъ Александровичъ, былъ извѣстенъ своимъ тяжелымъ, жестокимъ характеромъ. И первая, и вторая его жена натерѣлись отъ него не мало горя. На характерѣ Василя Львовича это, однако, не отразилось: онъ на всю жизнь сохранилъ безпечность и жизнерадостность. Юность двухъ братьевъ протекала въ роскошной обстановкѣ богатаго барскаго дома. Левъ Александровичъ жилъ открыто и былъ извѣстенъ въ Москвѣ своимъ гостепріимствомъ. Братья получили домашнее образованіе, по тогдашнимъ взглядамъ—блестящее. Какъ и братъ Сергій, Василій Львовичъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, изучая также нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. Однако, другія науки біографическая традиція замалчиваетъ; въ московскій университетъ братья не попали: повидимому, для богатыхъ барчуковъ это сочтено было излишнимъ. Скоро юноша-Пушкинъ сталъ появляться въ московскихъ гостиныхъ. Его неисчерпаемая веселость, остроуміе, даръ декламации быстро завоевали Василю Львовичу общія симпатіи, и съ тѣхъ поръ и до смерти онъ сохранилъ за собою славу салоннаго остряка (эту славу онъ дѣлилъ со своимъ братомъ, Сергѣемъ Львовичемъ). Какъ это водилось въ старину,

братья съ дѣтства были записаны въ полкъ (Измайловскій). Василій Львовичъ переѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ военную службу; здѣсь, какъ и въ Москвѣ, онъ вращался въ средѣ богатой дворянской молодежи,—жило весело и разгульно. Чины и карьера не прельщали жизнерадостнаго офицера; Пушкинъ дослужился только до поручика, въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ обратно въ Москву. Здѣсь онъ женился на извѣстной красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцевой. Бурно проведенная молодость плохо подготовила Василя Львовича къ семейной жизни, и дѣло кончилось разводомъ. Въ семейныхъ преданіяхъ Пушкиныхъ, перешедшихъ и въ литературную традицію, вина разрыва возлагалась на Капитолину Михайловну. Однако, опубликованные въ послѣднее время документы представляютъ дѣло совершенно иначе. Оказывается, что ходатайство о разводѣ возбудила въ 1802 году сама Капитолина Михайловна, ссылаясь на «прелюбодѣйную» связь мужа съ полно-отпущенною дѣвкойю». Связь эту не отрицалъ и Василій Львовичъ и даже письменно заявилъ о томъ церковной власти. Потомъ онъ, однако, спохватился, сталъ отказываться отъ своего показанія, объясняя его «забвѣннѣе чувствъ», и старался заткнуть скандальное дѣло. Но было уже поздно, не помогли ни униженные письма къ кн. А. И. Голицыну, ни готовность послѣдняго авторитетно вмѣшаться въ процессъ. Синодъ далъ разводъ женѣ Василя Львовича съ правомъ выхода замужъ, а Пушкина присудилъ «подвергнуть семилѣтней церковной аспитиміи, съ отправленіемъ оной чрезъ (въ теченіе) 6 мѣсяцевъ въ монастырь, а прочее время подѣ смотрѣніемъ его духовнаго отца».

Дѣло о разводѣ тянулось до 1806 года, и за это время Василій Львовичъ успѣлъ съѣздить за границу, захвативъ съ собою въ путешествіе вышеупомянутую «вольно-отпущенную дѣвку». Въ теченіе 1803—1804 г.г. онъ объѣхалъ Германію, Францію и Англію. Отзвукомъ этого путешествія остались два письма В. Л. Пушкина къ Карамзину, напечатанныя въ 1803 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Они любопытны для характеристики самого путешественника. Онъ проѣзжалъ по Европѣ въ знаменательную историческую эпоху и могъ видѣть и изучать многое; по политическіе вопросы и событія совсѣмъ не интересовали автора. О Наполеонѣ, напр., онъ могъ сообщить своимъ читателямъ всего только слѣдующее: «Мы были въ Сень-Клу представлены первому Консулу. Физиономія его пріятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливъ. Аудіенція продолжалась около получаса». Бытовія наблюденія путешественника тоже не весьма глубоки. «Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всѣ по-французски и очень обходительны»; «въ Данцигѣ есть собраніе на подобіе нашего Англійскаго клуба. Банкиръ мой, господинъ Пельтъръ, меня туда пригласилъ съ собою»; о берлинской жизни путешественникъ

сообщаетъ: «Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ и курить табакъ»; «вловствующая королева въ Фреенвальдъ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями». А вотъ отбѣтки по части философіи и религіи: въ Парижѣ аббатъ Сикарь бесѣдовалъ о безсмертіи души и утверждалъ, что «атеисты и матеріалисты не чистосердечны: они сами увѣрены, что мы имѣемъ темное чувство, которое управляетъ прочими. Глазъ, напр., видитъ, а душа различаетъ и говоритъ: это дерево, столъ, цвѣтокъ и пр. Думать—есть говорить съ собою внутреннимъ словомъ, *parole interieure*, а говорить—есть думать вслухъ. Даръ слова происходитъ непосредственно отъ Бога». При этомъ Пушкину казалось, что онъ «бесѣдовалъ въ Афинахъ съ Платономъ». Или вотъ еще: аббатъ де-Булонъ говорилъ проповѣдь «о пользѣ религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о должномъ почтеніи къ пастырямъ церкви и пр.» Къ его разсужденіямъ Пушкинъ добавляетъ: «я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массиллонъ достойны любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья челоѣчества, другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе—вѣру». Гораздо болѣе, чѣмъ политика, паука и философіи, интересовали новаго русскаго путешественника и были доступны его пониманію искусство, литература и театр. Въ письмахъ къ Карамзину Пушкинъ отмѣчаетъ, что въ Данцигѣ видѣлъ «великолѣпную соборную церковь» и картину Страшнаго Суда кисти Ванъ-Эйка. Въ Берлинѣ онъ бывалъ у извѣстнаго писателя Кодебу, познакомился съ актеромъ Инфандомъ, посѣщая театр. Въ Парижѣ Василій Львовичъ быстро перепознакомился съ многими писателями и писательницами: Дюси, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Арно, г-жа Жансиль, Мерсье и друг. Его приводила въ восторгъ собранія Наполеономъ сокровища искусства, Венера Медицейская, Аполлонъ Бельведерскій, группа Лаокоона. Будучи самъ даровитымъ декламаторомъ и постояннымъ участникомъ московскихъ «благородныхъ спектаклей», Василій Львовичъ особое вниманіе удѣлилъ парижскимъ театрамъ. «Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ,—писалъ онъ Карамзину,—и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ». Въ салонѣ г-жи Рекамье Пушкинъ познакомился «съ славною актрисою» Дюшеноа. У знаменитаго трагика Тальма онъ брать уроки декламации. За свое путешествіе Пушкинъ собралъ цѣнную бібліотеку латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; впоследствии московскіе знатоки завидовали этой коллекціи. Побывавъ еще въ Англіи, Василій Львовичъ вернулся въ Москву. Изъ путешествія онъ не вынесъ особенно цѣнныхъ результатовъ; этому помѣшала и поверхностное образованіе, и легкомысленный характеръ. Зато Пушкинъ привезъ съ собою культъ Наполеона (отъ котораго потомъ конфузливо отрекался въ моментъ обостренія въ русскомъ обществѣ галлофобіи въ 1812 г.), кучу восторговъ и разсказовъ и парижскія моды.

Кн. Н. А. Вяземскій потомъ вспоминалъ, что по возвращеніи Василія Львовича изъ путешествія «Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иголки съ головы до ногъ; прическа *a la Titus*, углаженная, умасленная древнимъ масломъ, *huile antique*. Въ простодупномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою».

Въ Москвѣ Василій Львовичъ снова зажилъ беззаботной жизнью барина, хорошо обезпеченнаго трудомъ крѣпостныхъ. Опять потянулись непрерывной вереницей всякія увеселенія, балы, собранія, «благородные спектакли». Въ обществѣ Пушкинъ славился какъ мастеръ писать французскіе куплеты, экспромпты, стихи на заданныя рѣмы (объ этомъ мастерствѣ Василія Львовича упоминается даже въ «Войнѣ и Мирѣ»). Событія двѣнадцатаго года на время оборвали эту цѣпь увеселеній. Василій Львовичъ не успѣлъ vybrаться изъ Москвы во время и поплатился за это. 14-го декабря онъ писалъ Вяземскому про пожаръ Москвы: «Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя бібліотека—все сгорѣло. Я ничего вынести не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности». По другимъ свѣдѣніямъ, въ огнѣ едва не погибъ и маленькій сынъ Пушкина, спасенный отъ огня самоотверженнымъ старымъ слугою. Впослѣдствіи Пушкинъ вновь собралъ себѣ бібліотеку (послѣ смерти его она распродавалась въ магазинѣ московскаго книгопродавца А. Семена). Изъ разоренной Москвы Пушкинъ вмѣстѣ съ десятками другихъ дворянскихъ семей перекочевалъ въ Нижній-Новгородъ. Сначала здѣсь онъ чувствовалъ себя плохо. Въ томъ же письмѣ къ Вяземскому онъ говоритъ: «Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ Повгородѣ? Совѣмъ ничего. Живу въ пзбѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь». По скоро настроеніе улучшилось. Московская колонія, осмотрѣвшись и устроившись въ Нижнемъ, зажила тамъ той же правильной барской жизнью, что и въ Москвѣ; историческая борьба за національную независимость ее мало тревожила. Василій Львовичъ тоже остался чуждъ патріотическому одушевленію. Среди начавшихся обѣдовъ, ужиновъ и маскарадовъ онъ скоро забылъ о своихъ потеряхъ. Въ разгаръ войны съ Наполеономъ онъ сообщаетъ Вяземскому: «Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читалъ ли ты подражаніе пророку Аввакуму?»

Съ февраля 1813 года Василій Львовичъ снова водворился въ Москвѣ. Изъ событій его позднѣйшей жизни отмѣтимъ поѣздку въ началѣ 1816 г. въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Карамзиннымъ и кн. Вяземскимъ. Въ Петербургѣ онъ былъ избранъ въ члены недавно возникшаго «Арзамаса».

На склонѣ своихъ дней Василій Львовичъ жилъ все такъ же, какъ и въ офицерскіе годы: тѣ же литературные вечера, пріятельскія попойки, казамбуры и *bouts-rimes*. Однако, прожиганіе жизни десятками лѣтъ не прошло даромъ. Состояніе Пушкина разстроилось, и онъ часто испытывалъ острую нужду въ средствахъ. Разстроилось и здоровье: Василій Львовичъ страдалъ подагрой и нѣрѣдко принужденъ былъ сидѣть дома, отказываясь отъ званныхъ обѣдовъ и пирушекъ.

Умеръ онъ 20 августа 1830 года. На похоронахъ присутствовала вся литературная Москва; былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ Василій Львовичъ Пушкинъ былъ замѣтной и популярной фигурой въ широкихъ дворянскихъ кругахъ Москвы и Петербурга. Его веселость, безкорыстіе, простота и умѣнье со всѣми уживаться создавали ему множество пріятелей и друзей. Едва-ли, однако, кто искренне его уважалъ. Всѣмъ, даже юнцамъ,

только-что вступающимъ въ общество, бросалось въ глаза его необыкновенное легковѣріе, легкомысліе и недалекость. Пріятели не стѣснялись открыто подсмѣиваться надъ Василиемъ Львовичемъ и мистифицировать его. Его пріемъ въ «Армазасъ» обставленъ былъ такими шутовскими подробностями, что остается удивляться, какъ культурные люди могли позволить себѣ такіа издѣвательства—и какъ сорокашестилѣтній Пушкинъ не понималъ упизительности своего положенія. О легкомысліи Василия Львовича ходило много анекдотовъ. Всѣмъ была извѣстна, напр., его страсть къ нарядамъ, заставлявшая его скакать изъ Москвы въ Петербургъ лишь за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ одѣвается французъ Дюрюкъ, извѣстный франтъ.

На литературное поприще Василий Львовичъ выступилъ еще въ екатерининскія времена. Его первое стихотвореніе «Къ камину» было напечатано въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» Крылова и Клушина, въ 1793 году. Потомъ онъ участвовалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» Подшивалова и Сохацкаго, «Аонидахъ» Карамзина, «Вѣстникѣ Европы», «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», «Трудахъ Общества любителей русской словесности», «Дамскомъ Журналѣ», «Полярной Звѣздѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ» и многих другихъ изданіяхъ. По своимъ эстетическимъ симпатіямъ Василий Львовичъ былъ классикъ—о чемъ и заявлялъ не разъ печатно—и примыкалъ къ И. И. Дмитріеву. Но онъ мѣнялъ литературныя моды не съ меньшей охотой, чѣмъ покрой костюма. Во времена расцвѣта карамзинскаго сентиментализма и у Василия Львовича въ стихахъ мелькаютъ «скорбѣющій духъ унылой», «томная лира», «слезою око окропленно», «стонъ унылой», «слеза чувствительна» и прочее. Но долго выдерживать этотъ стиль онъ, конечно, не могъ: бьющая черезъ край жизнерадостность скоро настраивала его враждебно противъ «слезливой лиры нашихъ стиходѣвъ», которые всѣ «хнычутъ и ревутъ». Когда въ русской литературѣ обозначились преромантическія вѣянія, Василий Львовичъ отозвался на нихъ переводомъ изъ Оссіана. Позднѣе, въ разгаръ байронизма онъ писалъ «подражаніе Байрону». Но вмѣстѣ съ тѣмъ иронически отмѣчалъ, что

«Романтики такого мнѣнья,
«Что тотъ поэтъ не удалецъ,
«Кому не видится мертвецъ».

Въ одномъ вопросѣ, впрочемъ, Василий Львовичъ проявилъ значительную устойчивость,—быть можетъ потому, что долженъ былъ подчиниться дисциплинѣ сплоченнаго литературнаго круга, въ которомъ постоянно вращался,—въ вопросѣ о карамзинской реформѣ литературнаго языка. Со всею живостью своего темперамента Василий Львовичъ вмѣшался въ распрю шишковистовъ и карамзинистовъ и сумѣлъ занять видное мѣсто среди партизановъ литературной реформы. Въ стихотворныхъ посланіяхъ къ В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову, надѣлавшихъ въ свое время большого шума, Пушкинъ мѣтко обличаетъ своеобразный фетишизмъ слова и славяно-русскую исключительность ревнителей стараго слога:

«Славянскія слова таланта не даютъ,
«И на Парнассѣ они поэта не ведутъ...

«Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Бос-
сюэтъ,—

«Въ Синописѣ того, въ Степенной книгѣ
нѣтъ.

«Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,

«Но Тредьяковского съ Расиномъ не равняю...

«Творенія безъ идей мою вознужутъ кровь.

«Словъ много затвердить не есть еще
ученье:

«Намъ нужны не слова, намъ нужно про-
свѣщеніе».

Отъ автора не укрылись и реакціонныя тенденціи шишковистовъ, ихъ готовность обвинять своихъ противниковъ въ религіозной и политической неблагонадежности, и онъ иронически характеризуетъ ихъ аргументацію:

«Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ
слогомъ,—

«Не любить русскихъ тотъ и виноватъ предъ
Богомъ!»

Пушкинъ не разъ и настойчиво повторяетъ, что для развитія русской литературы нужно просвѣщеніе и знаніе иностранныхъ литературъ, что національное самомнѣніе вредно и есть «варварства начало»:

«Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тѣмъ
ходить.

«Невѣжда можетъ ли отечество любить?

«Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,

«Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ;

«Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бо-
родахъ,

«И, бѣдный мыслями, печется о словахъ»

«Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному вну-
шенію,

«Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣ-
щенію».

Эти взгляды были едва ли не самымъ прочнымъ пріобрѣтеніемъ въ области теоретическихъ размышленій, какое только успѣлъ сдѣлать за всю свою жизнь Василий Львовичъ. Самъ онъ очень дорожилъ ими, и когда однажды арзамасцы грубо высмѣяли его неудачные стихи, оскорбленный авторъ отвѣчалъ имъ:

«Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ
быть,

«Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;

«Осмѣлился сказать хорошими стихами,

«Что авторъ безъ идей, трудяся надъ сло-
вами,

«Останется всегда невѣждой и глупцомъ».

Конечно, такіе взгляды не были новы и оригинальны: въ томъ же 1811 году эти взгляды развивалъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ Шишкова съ бѣльшимъ блескомъ, освѣдомленностью и глубиной Д. В. Дашковъ.

Василий Львовичъ пробовалъ свои силы въ различныхъ поэтическихъ родахъ. Онъ писалъ басни, сказки, сатиры, антологическія стихотворенія, повѣсть въ стихахъ. Странно, что такой любитель театра не оставилъ намъ опытовъ въ драматическомъ родѣ. Большинство произведеній Пушкина не оригинальны: это—переводы, передѣлки и подражанія. Василий Львовичъ переводилъ изъ Горація, Тибулла, Катулла, Парни, Лафонтена, Флоріана, Обера, Мильвуа, Томсона и друг. Несомнѣнно, нашъ авторъ обладалъ значитель-

нымъ версификаторскимъ талантомъ; его стихи гибокъ и звученъ, а нѣкоторые басни по стилистическимъ достоинствамъ не уступаютъ крыловскимъ. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что дарованіе Пушкина не развивалось постепенно и постоянно; напротивъ, замѣтно, что, удачно выступивъ на литературное поприще, Василій Львовичъ въ позднѣйшее время писалъ все блѣднѣе и блѣднѣе (расцвѣтъ литературной дѣятельности В. Л. Пушкина слѣдуетъ отнести ко времени около 1811 года, когда были написаны «Опасный Сосѣдъ» и посланія къ Жуковскому и Дашкову). Что касается художественности образовъ и богатства поэтическихъ настроеній, то они въ произведеніяхъ нашего автора стоятъ несравненно ниже техническихъ достоинствъ стиха.

Художественные приемы Пушкина избиты и не оригинальны, а настроенія холодны и разсудочны. Фабула также не блещетъ изобрѣтательностью и порою прямо безсвязна, какъ, напримеръ, въ «Кабудѣ-путешественникѣ». Мѣткую характеристику Пушкина-автора далъ его же другъ В. А. Жуковскій:

«Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ
отмѣнно чистъ;
«Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
«И никогда твой слогъ не ковыляетъ,
«Но кажется, что ты подъ-часъ многогубъ-
чистъ,
«Что стихотворный жаръ твой могъ бы
быть живѣе,
«А выраженіе короче и сильнѣе.
«Еще же есть и то, что ты, мой другъ,
подъ-часъ
«Предметъ свой забываешь».

Батюшковъ называлъ музу Пушкина «вялой». Зная объемъ образованія Василія Львовича, складъ его ума и характера, трудно, разумеется, ожидать отъ его литературныхъ произведеній большой содержательности. Зато, не будучи глубокимъ и оригинальнымъ, Пушкинъ хорошо отражалъ въ своихъ стихахъ типичныя черты взглядовъ и настроеній своего круга. Нѣкогда Анненковъ удачно охарактеризовалъ братьевъ Сергѣя и Василія Львовичей Пушкиныхъ и весь складъ ихъ быта, какъ «чахлое подобіе эпохи Людовика XV на русской почвѣ». Братья Пушкины, конечно, не были исключеніемъ, они представляли собою цѣлый своеобразный мірокъ, особое общественное наслоеніе, которое, къ сожалѣнію, еще не охарактеризовано въ русской литературной исторіографіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка прежній служилый человѣкъ превратился въ благороднаго російскаго дворянина, раскрѣпощеннаго отъ государственной обязательной службы, обезпеченнаго трудомъ крѣпостныхъ, обставленнаго сословными привилегіями и нарождающимися традиціями сословной чести и нечуждаго образованности и искусства,—съ тѣхъ поръ въ культурномъ обликѣ русскаго дворянства, точнѣе говоря—столичныхъ круговъ, стали замѣтны черты, дѣйствительно, напоминающія старую Францію, временъ регентства и Людовика XV. Со времени «Душеньки» Богдановича и анакреонтическихъ стихотвореній Державина интересы, переживанія, вкусы и идеалы барина-эпикурейца начали отражаться и въ изящной литературѣ, и на ряду съ громоздкой дожноклассической рето-

рикой встали произведенія такъ называемой «легкой поэзіи» (*poésie légère*). Французская эротическая поэзія названной выше эпохи какъ разъ отвѣчала вкусамъ верхнихъ слоевъ русскаго дворянства, распушенность и прожиганіе жизни котораго напоминаютъ нравы «старого режима». Переводы изъ французскихъ эротиковъ и самостоятельные опыты въ томъ же родѣ стали все чаще появляться въ русской литературѣ, и Батюшковъ взялся даже теоретически оправдать «такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи» (см. его «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», 1816 г.). Такого пышнаго расцвѣта, какой извѣстенъ во французской литературѣ, русская эротическая поэзія (съ ея отпрыскомъ—«гусарской поэзіей»), впрочемъ, не достигла, какъ и судьба русскаго дворянства александровскаго времени оказалась иная, чѣмъ французскаго эпохи регентства.

Типичный представитель русскаго дворянства начала XIX вѣка, Василій Львовичъ былъ и однимъ изъ видныхъ представителей русской «легкой поэзіи». Книжка его стихотвореній полна мотивами любовной лирики, правда, довольно холодной, зато неизмѣнно въ теченіе тридцати лѣтъ воспѣвавшей «утѣхи любви». Вкусы, взгляды и настроенія барина-эпикурейца живо отражаются въ этой книжкѣ. Вотъ, напр., какъ «мечталъ о счастья въ цвѣтущей молодости» Василій Львовичъ:

«Я Хлоѣ говорилъ: Послушай, для покоя
«Такое же село, какъ Суйда, я куплю,
«И буду жить съ тобой тамъ въ домикѣ
прекрасномъ.
«Нашъ милые друзья пріѣдутъ посѣщать,
«А мы, подъ небомъ яснымъ,
«Съ сердцами чистыми ихъ будемъ угощать.
«Тутъ, въ англійскомъ саду, подъ линою
густою,
«Готовъ намъ будетъ чай — и Хлоѣ разли-
вать;
«А тамъ насъ пѣснями и пляской забавлять
«Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ тол-
пою...
«Со вкусомъ будетъ все, приятно и не
пышно».
(«Суйда»).

А вотъ почерпнутыя изъ басенъ Василія Львовича правила житейской морали, которыми жилъ авторъ и его окружающіе: «тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осторожно»; «въ любви разлука намъ опаснѣе всего»; «лицыцы хитрыя опаснѣе волковъ»; «злыхъ людей въ томъ состоитъ умнѣе, чтобъ недостатки находить»; «въ несчастіи познаемъ мы истинныхъ друзей»; «всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,—скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть»; «таланты не всегда намъ счастье доставляютъ» и т. д., и т. д. Порой беззаботный и легкомысленный Пушкинъ пытался стать Ювеналомъ, и тогда его сатира грозно обличаетъ говоруна Стукодку, рѣмача Надутова, силетниду Змѣяду, кокетку Вѣтрану, Скопидомова, Нахалова, Вразева, Плутова...

Въ литературную традицію В. Л. Пушкинъ перешелъ какъ авторъ пресловутаго «Опаснаго Сосѣда». Это произведеніе долго шумѣло въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ александровскаго времени. Когда оно стало извѣстно, Батюшковъ писалъ о немъ Н. И. Гибдичу: «стихи истинно прекрасны, много силы, живости, вы-

раженія»; «какая быстрота! какое движеніе! И это написала вялая муза Василия Львовича!; «въ этой сатирѣ много поэзіи». Имя героя «сатиры» Буянова постоянно мелькало въ тогдашнихъ стихахъ и прозѣ. Самъ Василій Львовичъ передъ смертью говорилъ С. Н. Полторацкому: «потѣшь меня, пожалуйста: напечатай моего «Опаснаго Сосѣда», лучшее и удачливѣйшее изъ моихъ стихотвореній». «Опасный Сосѣдъ» ни при жизни, ни долго послѣ смерти автора не былъ напечатанъ въ Россіи; это, однако, не отнимаетъ у стихотворенія своеобразнаго культурнаго и историко-литературнаго значенія: во-первыхъ, оно было широко распространено въ спискахъ, а во-вторыхъ—оно весьма характерно для своего времени. Въ наше время, перечитывая «Опаснаго Сосѣда», трудно понять возбужденные имъ неизбѣжные восторги тогдашнихъ литераторовъ и читателей; мы отнесли бы его въ разрядъ «непечатной» казарменнѣйшей и такъ называемой «заборной» литературы. Къ слову сказать, наименованіе: «Сатира» совершенно не подходитъ къ стихотворенію; сатирическаго въ немъ всего нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу кн. Шаховскаго и шишковистовъ. Весь же дѣломъ «Опасный Сосѣдъ» посвященъ циническому описанію похжденій пьяной компаніи въ публичномъ домѣ (разсказъ ведется отъ имени автора). Откровенностью «Опасный Сосѣдъ» живо напоминаетъ французскую эротическую литературу XVIII в. и вполне гармонируетъ съ распушенностью дворянскихъ нравовъ той эпохи, когда крѣпостные гаремы были зауряднымъ явленіемъ.

*

Намъ остается разсказать объ отношеніяхъ Василия Львовича къ его знаменитому племяннику и учесть его вліяніе на Александра Сергѣевича.

Искренно любя своего брата, Сергѣя Львовича, Василій Львовичъ часто бывалъ въ его домѣ въ Москвѣ, и Александру Сергѣевичу еще въ дѣтскомъ возрастѣ приходилось постоянно сталкиваться съ дядей. Василій Львовичъ ввелъ въ домъ своего брата многихъ московскихъ литераторовъ, что не осталось безъ вліянія на Александра Сергѣевича. Очень возможно, что жадный до книгъ мальчикъ пользовался и знаменитой бібліотекой дяди. Въ 1811 году именно Василій Львовичъ отвезъ племянника въ Парскосельскій лицей. Онъ былъ очень привязанъ къ Александру Сергѣевичу и одинъ изъ первыхъ угадалъ въ немъ поэтическое дарованіе. 17-го апрѣля 1816 года онъ, напр., писалъ племяннику въ лицей: «Мы отъ тебя многого ожидаемъ... Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрить не должно. Ты—сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону». Племянникъ отвѣчалъ дядѣ такую же признательностью и восхвалялъ его въ стихахъ. Въ 1815 г. Пушкинъ-лицейскій пишетъ въ посланіи «Дельвигу».

«Поэтовъ грѣшнѣйшій ликъ
«Умножилъ я собою;
«И я главой пониже
«Предъ милой суетою.
«Мой дядюшка поэтъ
«На то мнѣ далъ совѣтъ
«И съ музами сосваталъ».

Въ 1816 г., въ стихотвореніи: «Желаніе», обращенномъ къ Василию Львовичу, поэтъ величаетъ дядю «интомцемъ Феба».

Въ 1817 г., въ письмѣ къ Василию Львовичу, Александръ Сергѣевичъ торжественно призываетъ:

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
«Въ болахъ испытанный поэтъ,
«Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
«На страшной высотѣ Парнаса,
«Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!» и т. д.

Въ томъ же году онъ пишетъ длинное «Посланіе къ В. Л. Пушкину», гдѣ именуетъ дядю: «парнасскій мой отецъ» и обращается къ нему съ вопросомъ, который тогда сильно его интриговалъ:

«Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
«Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
«И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?»

Эти и подобныя заявленія дали профессору Халанскому поводъ утверждать, что Василій Львовичъ имѣлъ сильное—и благотворное—вліяніе на Александра Сергѣевича. Проф. Халанскій видѣлъ это вліяніе и въ религиозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ великаго поэта¹⁾ и въ его симпатіяхъ къ народному языку, и въ содержаніи, и въ стилѣ его произведеній. Это въ сильной степени преувеличено. Во-первыхъ, слѣдовало бы раз навсегда отказаться отъ маперы опредѣлять взаимоотношенія литераторовъ александровскаго времени по ихъ торжественнымъ заявленіямъ въ стихахъ или письмахъ. Живя въ тѣсномъ кругу двухъ городовъ—Петербурга и Москвы, они были связаны отношеніями общественными, личными и часто—родственными; поэтому часто бывали неискренни въ своихъ критическихъ отзывахъ другъ о другѣ. Въ журнальныхъ статьяхъ и письмахъ къ П. А. Катенину А. С. Пушкинъ отзывался о его литературныхъ заслугахъ и дарованіи чрезвычайно лестно; а, напр., въ одномъ письмѣ къ Вяземскому расцѣпывалъ этого писателя зло и пренебрежительно—и болѣе правильно. То же случилось и съ Василіемъ Львовичемъ. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 года, Александръ Сергѣевичъ отзывался о дядѣ весьма откровенно: «Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать о нихъ кое-что, болѣе для того, чтобы утишить Дмитріева, нежели чтобы порадовать нашего старосту, да невозможно: онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его». И этотъ отзывъ вовсе не былъ результатомъ какого-то «случайнаго раздраженія», какъ предполагаетъ проф. Халанскій. Точно такъ же отзывался разновременно объ умѣ Василия Львовича и Батюшковъ, и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (братъ Александра), и другіе. Отзывы были преувеличенны и несправедливы; но мы, вѣдь, знаемъ, однако, что Василій Львовичъ былъ, дѣйствительно, недалеко и пустовать и, конечно, не могъ имѣть благотворнаго вліянія на общее духовное развитіе племянника. Въ чемъ могло сказаться это вліяніе? Какъ уже отмѣчено, Василій Львовичъ былъ даровитый персификаторъ. Его племянникъ-лицейскій чутко слѣдилъ за литератур-

¹⁾ Проф. Халанскій довѣрчиво цитировалъ Льва Павловича, который утверждаетъ, будто Василій Львовичъ имѣлъ на молодого Пушкина «самое благотворное вліяніе своими кроткими внушеніями, религиозными убѣжденіями и возвышенной душой». (!)

нымъ движеніемъ, хорошо зналъ поэтическіе опыты дяди и, конечно, могъ кое-чему у него поучиться. Но нельзя преувеличивать такого вліянія. Одновременно съ Василиемъ Львовичемъ писали Жуковский и Батюшковъ, и ихъ стилистическое вліяніе на Александра Сергѣевича было несравненно сильнѣе, чѣмъ перваго. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, когда ему приходится говорить о шишковистахъ, мелькаютъ мысли и выраженія, напоминающія Василю Львовича; и здѣсь могли быть заимствованія. Но опять-таки ту же аргументацію мы встрѣчаемъ у Жуковского и Д. В. Дашкова. Рѣчь о вліяніи дяди на племянника можетъ идти только относительно лицейскихъ годовъ. Художественное развитіе Александра Сергѣевича шло такъ быстро и мощно, что онъ скоро оставилъ далеко за собой не только дядю, но и болѣе его талантливыхъ поэтовъ. И любопытно отмѣтить, что въ двадцатыхъ годахъ Василий Львовичъ самъ покорно подчинился поэтическому вліянію племянника: въ его повѣсти «Капитанъ Храбровъ» (1828) чувствуется сильное воздѣйствіе «Евгенія Онегина» и «Графа Нулина».

Итакъ, «благовторное вліяніе» Василю Львовича на поэтическое развитіе племянника было невелико. Если же оцѣнивать взаимоотношенія двухъ Пушкиныхъ въ общемъ и дѣломъ, то придется, пожалуй, признать, что вліяніе Василю Львовича имѣло и дурную сторону. Правда, такое вліяніе на юношу-поэта Василю Львовичъ дѣлалъ со многими другими; вѣрнѣе сказать—это было вліяніе дѣлой среды; но въ немъ вѣчто надаетъ и на личную отвѣтственность автора «Опаснаго Сосѣда». Изучая лицейскія стихотворенія Пушкина, мы наблюдаемъ, какая мутная волна чувственности перекатывается въ нихъ и какъ извращено воображеніе юнаго автора. И характерно, что авторъ не однажды упоминаетъ «Опаснаго Сосѣда» и зачисляетъ себя въ племянники къ Буланову. Очевидно, смѣлые опыты дяди, встрѣченные кстатіи всеобщимъ сочувствіемъ, поощрили и племянника къ разработкѣ рискованныхъ эротическихъ сюжетовъ.

Изданія произведеній Василю Пушкина: 1) Стихотворенія Василю Пушкина. Спб., 1822, 195 стр. (съ портретомъ автора). 2) Записки въ стихахъ Василю Львовича Пушкина. М., 1834, II+71 стр. 3) «Опасный Сосѣдъ» В. Л. Пушкина. Лейпцигъ, 1855, у Брокгауза (другое изданіе: Берлинъ, 1859, тип. Шульте, потомъ въ 1871 и 1876 гг.). Въ Россіи перепечатанъ А. Е. Бурцевымъ въ «Обстоятельномъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ», т. IV, стр. 139—144. 4) Полное собр. сочин. русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Спб., 1855, изд. А. Смирдина (стр. 1—157). 5) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саитова. Съ биографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Спб., 1893, изд. Евг. Едлюкова, XXI+158 стр. Это собраніе—наиболѣе полное, но и въ немъ есть пробѣлы. Напр., стих. «Роза»—Литературный Вѣстникъ 1901, кн. VI, стр. 130; Стихи кн. П. А. Вяземскому—Русск. Архивъ 1907, № 10, стр. 295; статья «Мысли и характеры» (подпись N.)—Россійскій Музеумъ 1815, стр. 300—309 (ср. Рус. Ста-

рина 1904, № 1, стр. 115); некрологъ Н. М. Карамзина—Московский Телеграфъ 1826, № 17, стр. 84. См. также Современникъ 1843, т. 29, стр. 382; Рус. Филолог. Вѣстникъ 1908, № 3, стр. 171—174 и 180. Ср. 6) Кн. П. А. Вяземскій. Общ. изданіи стихотвореній В. Л. Пушкина. Сынъ Отечества 1821, XLVI, 284—286 (перепечатано въ Полномъ собраніи сочиненій В—го, I, 71—72). 7) Московскія Вѣдомости 1822, № 102, декабря 23, стр. 3197—3198 (рецензія кн. Шаликова на изданіе 1822 г.). 8) Современникъ 1855, № 11 (рецензія Н. Г. Чернышевскаго на изданіе 1855 г.; перепечатано въ Полн. собр. сочиненій Ч—го, т. I, 463—467). 9) Библіотека для Чтенія 1856, т. 135, январь, Критика, стр. 1—11 (рецензія А. В. Дружипина на изд. 1855 г.; перепечат. въ собр. сочиненій Д—на, т. VII, 97—105). 10) Некрологи: Литературная Газета 1830, № 51, стр. 122; Московскія Вѣдомости 1830, № 69, стр. 3075 (кн. Шаликовъ) № 70, стр. 3119—3121 (М. Макаровъ); Галатея 1830, № 35, стр. 198—200; Сѣверный Меркурій 1830, № 110, стр. 127, смѣсь; Дамскій Журналъ 1830, № 38. 11) М. Макаровъ. А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ. Современникъ 1843, т. XXIX, стр. 380. 12) Библіографическія Записки 1859, № 10 (Записки А. А. Кононова). 13) Мих. Лонгиновъ. Замѣтка объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину. Русскій Архивъ 1863 года (изд. 2-е, 1866), столбцы 868—871. 14) Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб., 1866, passim. 15) Сви ступова. Грибоѣдовская Москва. Вѣстникъ Европы 1874, № 10, стр. 558, 561; 1875, № 3, стр. 235, 236, 242. 16) Кн. И. М. Долгорукій. Путешествіе изъ Москвы въ Нижній, 1813. Изд. Общ. Ист. и Древн. Россійскаго, 1879, стр. 44. 17) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 309 (записка трагика Талъмы къ В. Л. Пушкину) и друг. тт., passim. 18) В. Аверіусъ. Василю Львовичъ Пушкинъ (Биографическій очеркъ). Историческій Вѣстникъ 1882, III, 606—624. 19) Сочиненія К. Н. Батюшкова т. II, стр. 512—525 (биографія В. Л. П—на, написанная В. И. Саитовымъ), и т. I и III passim. 20) Семейныя безобразія былаго времени. Сообщ. Н. П. Розанова. Русскій Архивъ 1894, XII, 554—555. 21) Къ биографіи В. Л. Пушкина. Русская Старина 1903, III, 515—517. 22) П. Смирновскій. Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. IV (1901), стр. 51—83. 23) М. Н. Лонгиновъ. Заимствованія русскихъ баснописцевъ у французскихъ писателей. Русскій Архивъ 1905, I, 174—176. 24) П. И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. I, passim. 25) Записки Ф. Ф. Вигеля, passim. 26) Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, М., 1890, passim. 27) М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Изд. 2-е, М., 1869, passim. 28) М. Халанскій. О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество Александра Пушкина. «Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина» 1900 (ср. Рус. Мысль 1900, № 8, стр. 55—56. 29) Московскій Некрополь, т. II, стр. 481. 30) Барсуковъ. Жизнь М. П. Погодина, passim. 31) Замѣтки кн. П. А. Вяземскаго на поляхъ «Опаснаго Сосѣда»—Рус. Архивъ 1902, № 11, стр. 426—428.

Н. Пиксановъ.

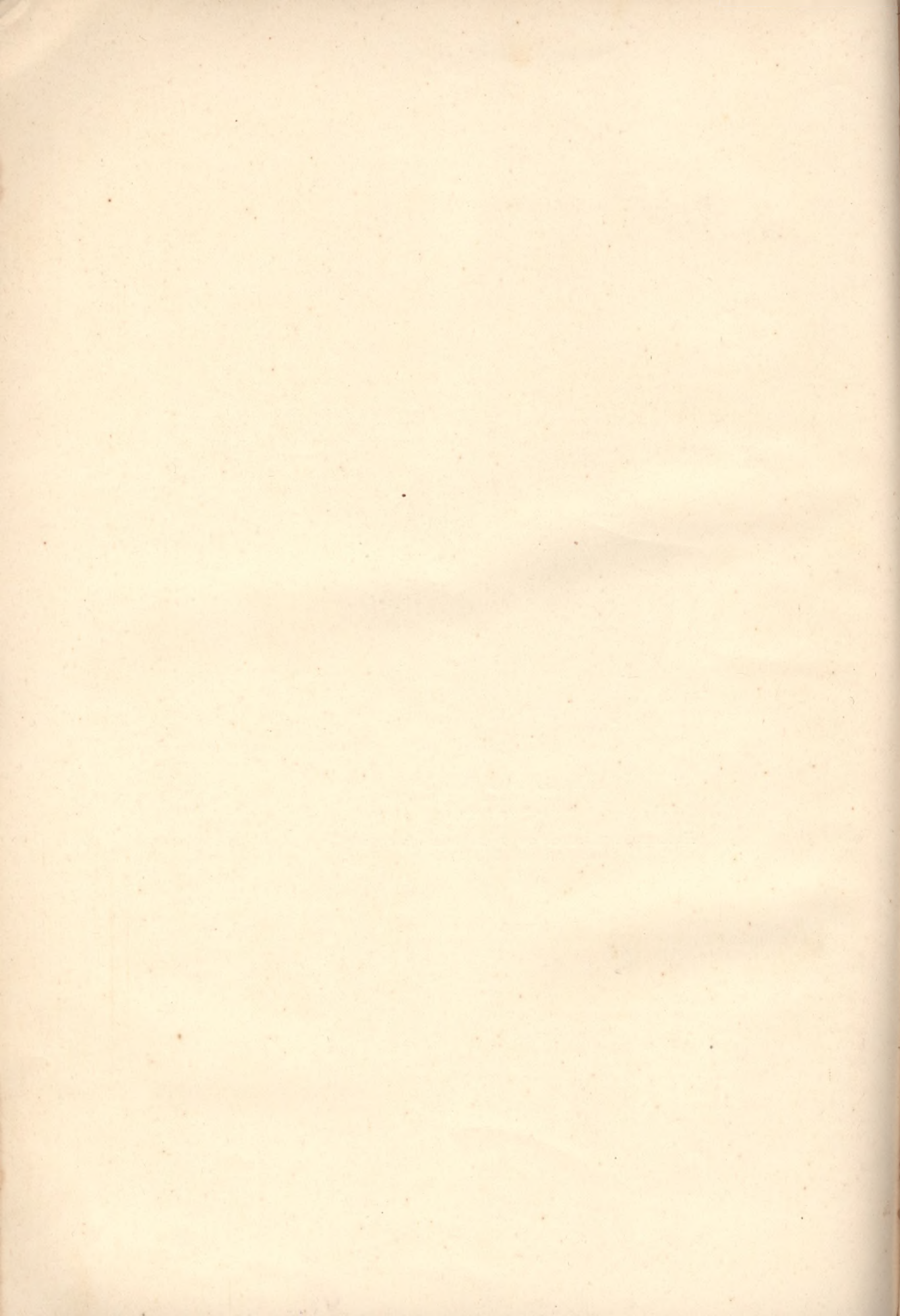

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ
ПУШКИНЪ.

*Гравюра, приложенная къ изданію его стихо-
твореній (Спб. 1822).*

Рисунокъ Вато.

Рисунки пятого тома.

I.

ФОТОТИПИИ, ХРОМОЛИТОГРАФИИ И ЛИТОГРАФИИ.

	СТР.
35. Петръ III. Портретъ Антропова .	128
36. Карта, приложенная Пушкинымъ къ изданію «Исторіи Пугачевского Бунта» (СПб. 1834) .	137
37. Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева. Гравюра 18 вѣка .	193
38. Екатерина II. Портретъ Левицкаго .	209
39. Уральцы въ походѣ Суворова. По акватинтѣ Грецихера (1800) рис. художникъ Владиміровъ. Картина принадлежит Уральской сотнѣ въ Спб. .	225
40. Софья-Правительница. Гравюра 17-го вѣка въ копіи Аванасьева (1777) .	272
41. Пушкинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и Жуковскій въ срединѣ 1840-хъ гг. Картина Чернедова .	304
42. Пушкинъ. Акварель Павла Соколова .	369

II.

АВТОТИПИИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

	СТР.
48. Дельвигъ. Портретъ, приложенный къ альманаху «Царское Село» (Спб., 1831) .	35
49. Плавучія висѣлицы съ тѣлами казаковъ-бунтовщиковъ. Гравюра 18 вѣка .	112
50. Фантастическій портретъ Пугачева. Русская копія съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Le faux Pierre III. Londres. 1775». Приложена къ русскому переводу этой книги («Ложный Петръ III». М., 1809) .	145
51. Пугачевъ по портрету Мальи. Рисованъ съ натуры въ 1775 г. Одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ .	161
52. Пугачевъ въ кѣлткѣ. Современная (1775) нѣмецкая гравюра Hillers'a, по оригиналу Петерсена. Портретъ фантастическій, но кандалы и кѣтка изображены вѣрно .	168
53. Фантастическій портретъ Пугачева. Гравюра Набгольца .	177
54. Уральскій Казакъ .	216
55. Пушкинъ. Портретъ Мазера .	257

	СТР.
56. А. Н. Радищевъ. Гравюра Вендрамини	337
57. Дѣвица-кавалеристъ Н. А. Дурова.	
1. Въ возрастѣ 13—14 лѣтъ.—2. Въ 1810 г.—	
3. Въ 1839 г.—4. Въ старости	344
58. Кюхельбекеръ. Съ гравюры Матюшкина	418
59. Державинъ. Гравюра Пожало- стина (1880) съ портрета Василевскаго (1815). Обѣ этомъ портретѣ говорить Пуш- кинъ въ статьѣ «Державина видѣлъ я только однажды»	433
60. А. О. Смирнова	449
61. Пушкинъ. Портретъ Райта. 1837	465
62. Книжная лавка Смирдина. Визетка Сапожникова (тушью) ко II тому «Ново- селя» (1834). Въ правомъ углу весьма мало похожій Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою—Ножевицковъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели—Сенков- скій. Носить книги—прикащикъ Цвѣтковъ.	481
63. Василий Львовичъ Пушкинъ. Гравюра, приложенная къ изданію его стихотво- реній (Спб., 1822)	LXXII

III.

РИСУНКИ, АВТОГРАФЫ И ФАКСИМИЛЕ ВЪ ТЕКСТѢ.

876. Павелъ Ивановичъ Свиньинъ (маленькій лжецъ)	16
877. Николай Полевой (вѣтренный мальчикъ)	17
878. Павелъ Воиновичъ Нащокинъ	21
879. Нащокинъ въ кругу своей семьи.	25
880. Баратынский.	33
881. Александръ Аниимовичъ Орловъ	41
882. Андрей Николаевичъ Муравьевъ	47
883. Факсимиле титульнаго листа изд. 1834 г. «Исторія Пугачевского Бунта».	49
884. Факсимиле обратной стороны титуль- наго листа изд. 1834 г. «Исторія Пу- гачевского Бунта».	50
885. Пугачевъ, гравюра, приложенная Пуш- кинымъ къ изд. 1834 г.	53
886. Калмыкъ, изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc, «Histoire de la Russie moderne» Paris, MDCCCLXXV.	56
887. Киргизы временъ пугачевщины, (изъ Путешествія Палласа «Reise durch ver- schiedene Provinzen des Russ. Reichs», т. I, СПб. 1788)	57
888. Подписи подъ указами Пугачева (изъ приложеній къ изданію 1834 г.)	62
889. Вырываніе ноздрей. Съ акварели XVIII вѣка, принадлежавшей П. Я. Дашкову. (Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пу- гачевскій Бунтъ»).	63
890. Александръ Ильичъ Бибииковъ. Портретъ, принадлежащій А. С. Тапѣву	66

	СТР.
891. Подпись Бибиикова. (Изъ приложеній къ изданію 1834 г.)	70
892. Гарнизонные офицеры 1770-хъ годовъ. (Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).	71
893. Печать Пугачева. Большая Государ- ственная Печать Петра Третьяго, Импе- ратора і Самодержца Всероссійскаго 1774. (Приложеніе къ изданію 1834 г.)	76
894. Державинъ. (Гравюра Гейзера, съ пор- трета Боровиковскаго; приложена къ книжкѣ: Gedichte des Herin Staatsrats von Derschawin, aus d. russ. übersetzt von A. von Kotzebue (Leipzig., 1793).	77
895. Домъ въ Уральскѣ (прежнемъ Яицкомъ городкѣ), въ которомъ жилъ Пугачевъ. Здѣсь онъ праздновалъ «свадьбу» съ Устиной Кузнецовой. Недавно домъ сломанъ.	84
896. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ	85
897. Оренбургскіе и Яицкіе Казаки въ эпоху пугачевщины. (Висковатовъ, «Вооруже- ніе русскихъ войскъ»)	87
898. Казань въ 1767 году. Лѣвая половина гравюры-панорамы изъ атласа, прило- женнаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785	90
899. Казань въ 1767 году. Правая половина гравюры-панорамы изъ атласа, прило- женнаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1795.	91
900. Подпись Михельсона. (Изъ прилож. къ изд. 1834 года).	94
901. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ	95
902. Каракули безграмотнаго Пугачева	99
903. Подписи кн. Щербатова, Бошняка, Бранта, Кара и Рейнсдорпа	99
904. Пугачева приводятъ къ Суворову. (Изъ кн. Anthing'a, Versuch einer Kriegsge- schichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski	101
905. По приказанію Суворова Пугачева въ кѣткѣ отвезать въ Москву. Рисунокъ Шевченки (Полевой, «Исторія Суво- рова»).	104
906. Военные доспѣхи 18 вѣка (Концовка)	131
907. Исторія Пугачевского Бунта. Часть вторая. С.-Петербургъ (Факсимиле)	134
908. Цензурное разрѣшеніе (Факсимиле)	134
909. Путешествіе Н. Н. въ Парижъ и въ Лондонъ. Съ рѣдчайшаго экземпляра брошюры Дмитріева, принад. Публ. библіотекѣ.	288
910. Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ.	367
911. Загряжская, Наталья Кирилловна	395
912. Ѳадѣй Венедиктовичъ Булгаринъ, портретъ, относящійся къ 1828 году.	469
913. Николай Ивановичъ Гречъ. Портретъ, относящійся къ 1815 году	477
914. Осипъ Ивановичъ Сенковский	481

Оглавленіе V тома.

I. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

1. Пушкинъ и Нащокинъ. М. О. Гершензона	18
2. О поэтическомъ языкѣ Пушкина. Проф. Евг. Будде	229
3. Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу. Прив.-доц. П. Н. Сакулина	372
4. Пушкинъ и журнальный тріумvirатъ 30-хъ годовъ. А. Г. Фомина	451
5. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1828 и 1829 гг. Н. О. Лернера	I
6. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1830 года. П. О. Морозова	L
7. Дядя и племянникъ. Н. К. Пиксанова	LXII

II.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

1830—1836.

	стр.		стр.
906. Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи	1	935. Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона	10
907. Отдавая полную справедливость	1	936. Буквы, составляющія Славянскую Азбуку. Eпо et Kael	10
908. Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе	2	937. Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ	11
909. Будучи русскимъ писателемъ	2	938. Пословицы	11
910. Будемъ справедливы	3	939. О приличіи въ литературѣ	11
911. О китайскихъ анекдотахъ	3	940. О драмѣ	12
912. У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей	3	941. Дѣтскія книжки	16
913. Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ	3	942. Записки П. В. Нащокина, имѣ диктованныя въ Москвѣ (1830)	30
914. Перечитывая самыя бранчивыя критики	4	943. Пора Баратынскому занять на Русскомъ Парнассѣ мѣсто	32
915. Къ стати, началъ я писать съ 13-лѣтняго возраста	4	944. О Дельвигѣ	35
916. Возвратясь изъ путешествія	4	945. Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева	36
917. Самъ съѣхъ	4	946. Торжество Дружбы или оправданный Александръ Аноимовичъ Орловъ	40
918. Отчего издателя «Лит. Газ.» и его сотрудниковъ называютъ аристократами	5	947. Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ	44
919—20. Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что правдѣ мой	5	948. Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-портическій	46
921. Возвратясь изъ подѣ Арзрума	6	949. О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ	46
922. Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я мѣщанинъ въ дворянствѣ	6	950. Москва была освобождена	46
923. Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ	7	951. О приказахъ	48
924. Между прочимъ литературными обвиненіями	8	952. Термины соколиной охоты	48
925. Шутки нашихъ критиковъ	8	953. Исторія Пугачевского Бунта	49
926. Молодой Кирѣевскій	8	954. О сочин. Катенина	228
927. Мелкія замѣтки грамматическаго характера	9	955. Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира	246
928. Езуитъ Поссевинъ	9	956. Моцартъ и Сальери	246
929. Форма цифръ арабскихъ	10	957. Мысли на дорогѣ	247
930. Отелло отъ природы не ревнивъ	10	958. Кирджали	263
931. Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію	10	959. Матеріалы для Исторіи Петра Великаго	266
932. Divide et impera	10	960. Камчатскія дѣла	280
932-а. Какой-то лордъ	10	961. Путешествіе В. Л. Пушкина	288
933. О дамахъ	10	962. Замѣчанія на Пѣснь о Полку Игоревѣ	289
934. Многіе негодуютъ на журн. критику	10	963. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской	292
		964. Лордъ Байронъ	296
		965. Объ исторіи Пугачевского Бунта	298

	стр.		стр.
966. Записки Бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года	306	983. Оракійскія Элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова	365
967. О «Трехъ Повѣстяхъ» Павлова .	325	984. Объ обязанностяхъ челоѣка. Сочиненія Сильвіо Пеллико . . .	369
968. Объ исторіи поэзіи Шевырева .	325	985. Словарь о Святыхъ	370
969. Выписки изъ Чети-Миней	326	986. Примѣчаніе къ повѣсти Гоголя «Носъ»	389
970. Преподобный Савва Сторожев- скій	326	987. Новый романъ	389
971. Собраніе сочиненій Георгія Ко- нискаго	327	988. Примѣчаніе къ письму А. Б. о статѣ Гоголя	389
972. Восточная или желанія	335	989. Отъ редакціи	389
973. Вечера на хуторѣ близъ Ди- канки	336	990. Объясненіе	390
974. Примѣчанія къ разсказу Султанъ Казы-Гирея «Долина Ажитугай»	336	991. Отъ редакціи	391
975. Александръ Радищевъ	336	992. Кавалеристъ-дѣвица	391
976. Россійская Академія	342	993. Ключъ изъ Ист. Гос. Росс. . .	391
977. Записки Дуровой	344	994. Анекдоты [Table Talk]	392
978. О хроникѣ Русскаго	345	995. Примѣчаніе къ «Отрывку изъ рукописи Карамзина» о древней и новой Россіи	402
979. О статьяхъ А. Б. и Косичкина .	345	996. О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ Потеряннаго Рая	402
980. Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной	345	997. Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ	406
981. Вольтеръ	349	998. Желѣзная-Маска	407
982. Джонъ Теннеръ	352		

АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ и НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЯ ПРОГРАММЫ.

999. Отрывки изъ лицейскихъ запи- сокъ	410	1016. О Бахчисарайскомъ фонтанѣ . .	420
1000. Списокъ лицейскихъ стихотво- реній	412	1017. О Братьяхъ разбойникахъ . . .	420
1001. Остатки Кишиневскаго дневника	413	1018. О Цыганахъ	420
1002. Изъ записной книжки	413	1019. О графѣ Нулинѣ	421
1003. Остатки программы поэмы изъ исторіи X-XI вѣковъ	413	1020. Объ Евгении Онѣгинѣ	423
1004. Программы поэмы изъ разбой- ничей жизни	414	1021. О Полтавѣ	425
1005. Программы «Вадима»	414	1022. Родословная Пушкиныхъ и Ган- нибаловъ	427
1006. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ	415	1022а. Программа записокъ	429
1007. Пушкинъ какъ бы посторонній о своемъ «Демонѣ»	415	1022б. Записки объ изданіи газеты . .	430
1008. Воображаемый разговоръ съ Александромъ I	415	1023. Отклики на событія 1831 года .	431
1009. О Малороссіи	416	1024. О дворянствѣ	433
1010. Остатки Автобіографіи	416	1025. О новѣйшихъ романахъ	433
1011. Программа драмы изъ эпохи Ца- ревны Софіи	417	1026. Замѣтки о холерѣ	434
1012. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ . .	418	1027. Программа и замѣтки по изд. газеты	435
1013. О Борисѣ Годуновѣ	418	1028. О Дуровѣ	435
1014. О Русланѣ и Людмилѣ	420	1029. Державина видѣлъ я только однажды	436
1015. О Кавказскомъ Плѣнникѣ . . .	420	1030. Программа записокъ о Кишинев- скомъ періодѣ	437
		1031. Программа драмы о Папессѣ Іоаннѣ	437
		1032. Дневникъ Пушкина	438

ПИСЬМА ПУШКИНА.

1815—1819	СТР.
1. И. И. Мартынову. 28-го ноября 1815 г.	493
2. Князю П. А. Вяземскому. 27-го марта 1816 г.	493
3. В. Л. Пушкину Первая половина января 1817 г.	494
4. В. А. Жуковскому. Лѣто 1817 г.	494
5. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября 1817 г.	494
6. В. А. Жуковскому. Іюль 1819 г.	494
7. А. И. Тургеневу. 9-го іюля 1819 г.	495
8. Н. П. Кривцову. Вторая половина іюля—начало августа 1819 г.	495
9. П. Б. Мансурову. 27-го октября 1819 г.	495
1820	
10. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина марта 1820 г.	495
11. П. И. Гибдичу. Конѣцъ апрѣля—начало мая	496
12. П. Я. Чаадаеву. май	496
13. П. Я. Чаадаеву	496
14. Л. С. Пушкину. 24-го сентября	496
15. Н. И. Гибдичу. 4-го декабря	497
1821	
16. А. Н. Раевскому. Мартъ 1821 г.	498
17. Барону А. А. Дельвигу. 23-го марта	499
18. П. И. Гибдичу. 24-го марта	499
19. Дегильи. 6-го іюня	500
20. Л. С. и О. С. Пушкинымъ. 27-го іюня	500
21. А. И. Тургеневу. Вторая половина іюля	501
22. С. И. Тургеневу. 21-го августа	501
23. Н. П. Гречу. 21-го сентября	501
24. В. О. Раевскому	502
25. Неизвѣстному	502
1822	
26. В. П. Горчакову. 1821—1822 г.	502
27. Князю П. А. Вяземскому. 2-го января 1822 г.	502
28. Л. С. Пушкину. 24-го января	502
29. А. И. Полторацкому. Январь	503
30—31. Н. И. Гибдичу. 29-го апрѣля	503
32. П. А. Катенину. Конѣцъ апрѣля-май	504
33. Н. И. Гибдичу. 13-го мая	504
34. А. А. Бестужеву. 21-го іюня	505
35. Н. И. Гибдичу. 27-го іюня	505
35-bis. П. А. Катенину. 19-го іюля	506
36. Л. С. Пушкину. 21-го іюля	506
37. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября	506
38. Л. С. Пушкину. 4-го сентября	507
39. Я. Н. Толстому. 26-го сентября	508
40. Н. И. Гибдичу. 27-го сентября	508
41. Л. С. Пушкину. Сентябрь-октябрь	509
42. Л. С. Пушкину. 18-го октября	509
43. П. А. Плетневу. Октябрь-ноябрь	509
44. Неизвѣстной	510

1823

СТР.

45. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ декабря 1822 г.—начало января 1823 г.	510
46. Л. С. Пушкину. Начало января 1823 г.	511
47. Графу К. В. Нессельроде. 13-го января	511
48. Л. С. Пушкину. 30-го января	512
49. В. П. Горчакову. Конецъ января	512
50. Князю П. А. Вяземскому. 6-го февраля	513
51. Князю П. А. Вяземскому. 5-го апрѣля	513
52. А. А. Бестужеву. 13-го июня	514
53. А. А. Шишкову. Июль-декабрь	514
54. Князю П. А. Вяземскому. 19-го августа	515
55. Л. С. Пушкину. 25-го августа	515
56. Князю П. А. Вяземскому. 14-го октября	516
57. А. Н. Раевскому (?) Вторая половина октября	516
58. Ф. Ф. Вигелю. Ноябрь	517
59. Князю П. А. Вяземскому. 4-го ноября	518
60. Князю П. А. Вяземскому. Между 4-мъ и 11-мъ ноября	518
61. Князю П. А. Вяземскому. 11-го ноября	518
62. Барону А. А. Дельвигу. 16 ноября	519
63. Незвѣстнымъ дамамъ. Ноябрь-декабрь	519
64. А. И. Тургеневу. 1-го декабря	520
65. И. Н. Инзову. Послѣ 8-го декабря	520
66. Князю П. А. Вяземскому 20-го декабря	520

1824

67. Л. С. Пушкину. Начало января 1824 г.	520
68. А. А. Бестужеву. 12-го января	521
69. О. В. Булгарину. 1-го февраля	522
70. А. А. Бестужеву. 8-го февраля	522
71. Князю П. А. Вяземскому. 8-го марта	523
72. Князю П. А. Вяземскому. (?) Первая половина марта	523
73. Л. С. Пушкину. 1-го апрѣля	523
74. Князю П. А. Вяземскому. Начало апрѣля	524
75. Издателью «Сына Отечества». Начало апрѣля	525
76. А. И. Казначееву. 25-го мая	526
77. А. Н. Раевскому. (?) Июнь	526
78. А. Н. Раевскому. (?) Июнь	526
79. А. И. Казначееву. Начало июня	526
80. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина июня	526
81. Л. С. Пушкину. 13-го июня	527
82. Князю П. А. Вяземскому. Середина июня	527
83. П. В. Всеволожскому. Вторая половина июня	528
84—6. А. А. Бестужеву. 29-го июня	528
85—7. Князю П. А. Вяземскому. (?) 5-го июля	529
88. А. И. Тургеневу. 14-го июля	529
89. Князю П. А. Вяземскому. 15-го июля	529
88-bis. П. С. Зеновичу. 8-го августа	530
89-bis. И. М. Рокотову. Августъ-сентябрь	530
90. А. Н. Вульфъ. 20-го сентября	530
91. П. А. Плетцеву. Сентябрь-октябрь	530
92. Н. П. Кривцову. Сентябрь-октябрь	530
93. Князю П. А. Вяземскому. 10-го октября	531
94. Княгинѣ В. О. Вяземской. Первая половина октября	531
95. Л. С. Пушкину. Конецъ октября	531
96. Б. А. Адеркасу. Конецъ октября	532
97. В. А. Жуковскому. 31-го октября	532
98. Л. С. Пушкину. Ноябрь	533
99. Л. С. Пушкину. Начало ноября	533
100. В. А. Жуковскому. Первая половина ноября	533
101. Л. С. Пушкину. Вторая половина ноября	533
102. Князю П. А. Вяземскому. 29-го ноября	534
103. В. А. Жуковскому. 29-го ноября	534
104. Д. М. Княжевичу. (?) Начало декабря	534
105. Л. С. и О. С. Пушкинымъ. 4-го декабря	535
106. А. Г. Родзянкѣ. 8-го декабря	536
107. Л. С. Пушкину. Первая половина декабря	536
108. Барону А. А. Дельвигу. Средина декабря	536
109. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря	538
110. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря	538

1825

стр.

111. К. О. Рылѣву. 25-го января 1825 г.	538
112. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	539
113. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	539
114. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января	540
115. А. А. Бестужеву. Конецъ января	540
116. Л. С. Пушкину. Первая половина февраля.	540
117. Князю П. А. Вяземскому. 19-го февраля.	541
118. Н. И. Гнѣдичу. 23-го февраля.	541
119. Л. С. Пушкину. Конецъ февраля—начало марта.	542
120. А. Н. Вульфъ. Мартъ	542
121. Л. С. Пушкину. 14-го марта	542
122. Л. С. Пушкину. 14-го марта	543
123. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу. 15-го марта	543
124. Л. С. Пушкину. Средина марта.	543
125. Барону А. А. Дельвигу. Средина марта	543
126. А. А. Бестужеву. 24-го марта	543
127. Княгинѣ В. О. Вяземской. 24-го марта.	544
128. Л. С. Пушкину. 27-го марта.	544
129. Л. С. Пушкину. Начало апрѣля	545
130. Князю П. А. Вяземскому. 7-го апрѣля	545
131. Л. С. Пушкину. 17-го апрѣля.	546
132. Князю П. А. Вяземскому. Средина апрѣля	546
133. Л. С. Пушкину. 22-го и 23-го апрѣля	546
134. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ апрѣля	547
135. Л. С. Пушкину. Конецъ апрѣля.	547
136. Князю П. А. Вяземскому. 25-мая	447
137. К. О. Рылѣву. Конецъ мая	548
138. В. А. Жуковскому. Конецъ мая—начало іюня	548
139. Императору Александру I. Конецъ мая—начало іюня.	549
140. А. А. Бестужеву. Конецъ мая—начало іюня	449
141. Барону А. А. Дельвигу. Первая половина іюня	550
142. К. О. Рылѣву. Вторая половина іюня	550
143. В. А. Жуковскому. Іюнь-іюль	551
144. Князю П. А. Вяземскому. Начало іюля	551
145. Князю П. А. Вяземскому. 13-го іюля	552
146. Аниѣ Николаевнѣ Вульфъ. 21-го іюля.	552

